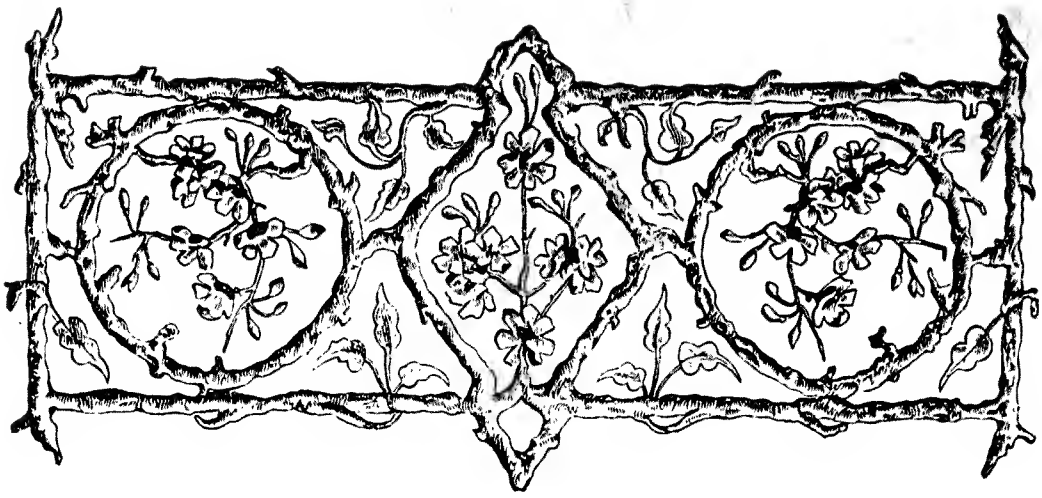
ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ

МѢСЯЦЪ ІЮЛЬ



День первый

СТРАДАНІЕ
СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ
КОСМЫ и ДАМІАНА

После плотскаго прославленія на землѣ Владыки Христа Бога нашего повсюду стали извѣстными, какъ весьма удивительное дѣло, подвиги святыхъ Христовыхъ мучениковъ, ибо въ нихъ проявилась сила Спасителева; для всѣхъ было изумительнымъ выказанное святыми мужественное сопротивленіе мучителямъ своимъ и непобѣдимое терпѣніе. Къ числу таковыхъ мучениковъ принадлежали и сіи, родившіеся въ Древнемъ Римѣ отъ одного отца и матери и воспитанные въ правилахъ христіанскаго благочестія, братья по плоти—святые страстотерпцы Косма и Даміанъ, о которыхъ предстоитъ наше слово.

Научившись врачебному искусству, сіи святые братья успѣшно исцѣляли всякія болѣзни, и имъ содѣйствовала во всемъ благодать Самого Бога. На какихъ бы больныхъ людей или скотовъ ни возлагали они свои руки, тѣ немедленно становились совершенно здоровыми. Сіи искусные цѣлители ни отъ кого не брали вознагражденія за исцѣленія, за что и были прозваны безмезд-

ными врачами. Только одной, самой драгоцѣнной награды требовали они отъ исцѣляемыхъ — вѣры во Христа. И дѣйствительно, не только въ самомъ Римѣ, но и въ окрестныхъ городахъ и селеніяхъ, которые они обходили съ цѣлію исцѣленія недужныхъ, они многихъ обращали ко Христу. Помимо благодати исцѣленія, они благодѣтельствовали людямъ и щедрымъ подаяніемъ. У нихъ было большое, собранное предками и перешедшее къ нимъ отъ родителей имущество, которое они продавали, раздавали нищимъ и нуждающимся, они питали алчущихъ, одѣвали нагихъ—однимъ словомъ, они оказывали милосердіе всѣмъ бѣднымъ и неимущимъ. Когда они исцѣляли больныхъ, то обычно они говорили имъ такъ:

— Мы только возлагаемъ на васъ руки и ничего не можемъ сдѣлать нашею собственною силою, все же совершаетъ всемогущая сила Единаго Истиннаго Бога и Господа Іисуса Христа; если вы увѣруете въ Него и не усомнитесь, то немедленно содѣлаетесь здоровыми.

И дѣйствительно, тѣ, вѣруя, получали выздоровленіе.

Такимъ образомъ ежедневно многіе, отвращаясь отъ идолопоклонническаго нечестія, присоединялись ко Христу.

Жилище сихъ святыхъ врачей находилось въ одномъ римскомъ селеніи (гдѣ было имѣніе ихъ родителей). Имѣя здѣсь свое мѣстопребываніе, они просвѣщали святою вѣрою всѣ окрестности.

Между тѣмъ діаволъ, завидуя таковой, просіявшей добродѣтелями, жизни святыхъ, возбудилъ нѣкоторыхъ своихъ прислужниковъ отправиться къ царю и оклеветать предъ нимъ неповинныхъ. Въ это время въ Римѣ царствовалъ Каринъ[1]). Сей послѣдній, послушавши клеветниковъ, немедленно послалъ воиновъ въ то селеніе, въ которомъ проживали святые, съ приказаніемъ схватить безмездныхъ врачей Косму и Даміана и привести ихъ къ нему для допроса.

Когда воины царскіе дошли до селенія, въ которомъ жили святые, и стали разспрашивать здѣсь о Космѣ и Даміанѣ, то вѣрующіе собрались къ святымъ и умоляли ихъ укрыться куда-нибудь на короткое время, пока минуетъ ихъ гнѣвъ царскій. Но святые не только не послушались этого совѣта, но наоборотъ—намѣревались самовольно выйти къ отыскивавшимъ ихъ воинамъ, желая съ радостію пострадать за Имя Христово. Когда же къ

---

[1]) *Императоръ Каринъ* царствовалъ съ 283 г. по 284 г.

нимъ собрались многіе вѣрующіе и слезными мольбами увѣщевали ихъ сохранить свою жизнь не ради себя, но ради спасенія другихъ, то святые — хотя и противъ воли — повиновались имъ. Тогда вѣрующіе, взявши святыхъ, сокрыли ихъ въ нѣкоей пещерѣ.

Ст҃іи мч҃нцы
Косма̀ и Дамі̏анъ

Между тѣмъ воины, тщательно отыскивая всюду святыхъ и не находя ихъ, отъ гнѣва и досады схватили нѣкоторыхъ благочестивыхъ мужей изъ того селенія, возложили на нихъ оковы и повели ихъ въ Римъ.

Узнавъ о семъ, святые Косма и Даміанъ немедленно вышли изъ пещеры и съ поспѣшностію побѣжали по слѣдамъ воиновъ; нагнавши послѣднихъ на дорогѣ, они сказали имъ:

— Отпустите невинныхъ, а насъ возьмите, ибо мы—тѣ самые, которыхъ вамъ приказано взять.

Такимъ образомъ воины, отпустивши тѣхъ мужей, возложили оковы на святыхъ Косму и Даміана и повели ихъ въ Римъ. Здѣсь святые были заключены въ оковахъ въ темницу, въ которой находились до утра. Съ наступленіемъ утра царь возсѣлъ предъ народомъ на обычномъ судилищѣ, которое находилось на мѣстѣ, отведенномъ для зрѣлищъ; приказавъ представить предъ собою святыхъ узниковъ Косму и Даміана, царь громко сказалъ имъ:

— Это вы противоборствуете богамъ отцовъ нашихъ и какою-то волшебною хитростію безмездно исцѣляете болѣзни у людей и скотовъ, соблазняя простыхъ людей отступать отъ отеческихъ боговъ и законовъ? Но хоть теперь оставьте свое заблужденіе и

послушайтесь моего добраго совѣта; приступите, принесите жертву богамъ, которые до сего времени долго терпѣли васъ. Боги, будучи обижены вами, не воздали вамъ зломъ за зло, хотя и могли воздать, но терпѣливо ожидали вашего обращенія къ нимъ.

Святые же угодники Христовы какъ бы едиными устами отвѣчали царю такъ:

— Мы не соблазнили ни одного человѣка; мы не знаемъ никакой волшебной хитрости, никому не причинили никакого зла, но излѣчиваемъ болѣзни силою Спасителя и Господа нашего Іисуса Христа, какъ заповѣдалъ Онъ, говоря: **болѧ́щыѧ и҆сцѣлѧ́йте, прокажє́нныѧ ѡ҆чища́йте**[1]). Дѣлаемъ же мы сіе безмездно, потому что такъ завѣщалъ Спаситель, Который сказалъ: **тꙋ́не пріѧ́сте, тꙋ́не дади́те**[2]). Вѣдь мы требуемъ не имѣній, но ищемъ спасенія душъ человѣческихъ и служимъ нищимъ и немощнымъ какъ Самому Христу, ибо Онъ присвоиваетъ Себѣ тѣ попеченія, которыя совершаются ради первыхъ, вѣщая къ благодѣтелямъ: **взалка́хсѧ и҆ да́сте мѝ ꙗ҆́сти, возжада́хсѧ и҆ напои́сте мѧ̀, на́гъ и҆ ѡ҆дѣ́ѧсте мѧ̀**[3]). Сіи заповѣди Его мы стараемся исполнять, надѣясь получить отъ Него награду въ безконечной жизни Небеснаго Царствія. Поклоняться же признаваемымъ тобою богамъ мы никогда не согласимся. Поклоняйся имъ ты и тѣ, кто согласенъ съ тобою! Мы же хорошо знаемъ, что они не боги. Если же ты, царь, желаешь, то мы предложимъ тебѣ добрый совѣтъ, дабы ты позналъ Единаго Истиннаго Бога, Творца всѣхъ, **и҆́же со́лнце своѐ сїѧ́етъ на злы̑ѧ и҆ бла́гі̑ѧ и҆ дожди́тъ на пра́ведныѧ и҆ на непра́ведныѧ**[4]),—для нашихъ потребностей во славу Своего превеликаго Имени: отступивши отъ безчувственныхъ и бездушныхъ идоловъ,—служи Ему!

Императоръ Каринъ отвѣчалъ на сіе святымъ такъ:

— Я не витійствовать призвалъ васъ, но принести жертву богамъ.

— Мы приносимъ,— отвѣчали святые,— безкровную жертву— души наши—Единому нашему Богу, избавившему насъ отъ сѣти діавола и давшему Своего Единороднаго Сына за спасеніе всего міра. Сей нашъ Богъ не созданный, но Создатель всѣхъ, а твои боги суть измышленія человѣческія и дѣла рукъ ремесленниковъ, и,

---

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 8.
2) Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 8.
3) Еванг. отъ Матѳ., гл. 25, ст. 35—36.
4) Еванг. отъ Матѳ., гл. 5, ст. 45.

если бы не существовало среди людей ремесла, производящаго вамъ боговъ, вы не имѣли бы кому поклоняться!

— Не раздражайте вѣчныхъ боговъ,—сказалъ Каринъ,—но лучше принесите жертвы и поклонитесь имъ, если не хотите подвергнуться уже приготовленнымъ для васъ мукамъ.

— Да будешь посрамленъ ты, Каринъ, съ твоими богами,—сказали, исполнившись Святаго Духа, рабы Христовы.—Такъ какъ умъ твой отвращается отъ всегда Сущаго и во вѣки Живущаго Бога и обращается къ безчувственнымъ и никогда не существовавшимъ идоламъ, то пусть для твоего посрамленія и для того, чтобы ты своимъ собственнымъ опытомъ понялъ, что Богъ нашъ всемогущъ,—пусть измѣнится лице твое на твоемъ тѣлѣ и свернется съ своего мѣста!

Въ то время, какъ святые произносили сіи слова, внезапно перемѣнилось лицо у Карина и свернулась шея его—такимъ образомъ, что лице его очутилось на его плечахъ, и онъ не могъ повернуть своей шеи, да и помочь ему никто не могъ. Такимъ образомъ, онъ сидѣлъ на тронѣ съ искривленною шеею и лицомъ. Между тѣмъ, смотрѣвшій на сіе народъ, громогласно взывалъ:

— Великъ Богъ христіанскій, и нѣтъ другого Бога, кромѣ Него!

Въ то время многіе увѣровали во Христа и умоляли святыхъ врачей исцѣлить царя. Послѣдній и самъ умолялъ ихъ о томъ же, говоря:

— Нынѣ я поистинѣ знаю, что вы—рабы Бога Истиннаго. Итакъ, я умоляю васъ,—такъ какъ вы уврачевали уже многихъ,—то исцѣлите и меня, дабы и я увѣровалъ, что нѣтъ другого Бога, кромѣ проповѣдуемаго вами, сотворившаго небо и землю.

— Если ты,—сказали ему на сіе святые,—познаешь даровавшаго тебѣ жизнь и царство Бога и увѣруешь въ Него всѣмъ сердцемъ своимъ, то Онъ исцѣлитъ тебя.

— Я вѣрую въ Тебя,—громогласно произнесъ царь,—Господи Іисусе Христе, Истинный Боже, помилуй меня и не помяни моего перваго невѣдѣнія!

Въ то время, какъ царь произносилъ сіи слова, выпрямилась шея его, лицо стало на свое мѣсто, какъ было сначала, и онъ, вставши съ своего мѣста, возвелъ очи свои на Небо и, воздѣвши руки, воздалъ вмѣстѣ со всѣмъ народомъ благодареніе Богу, сказавъ такъ:

— Благословенъ Ты, Христе, Истинный Боже, приведшій меня посредствомъ сихъ святыхъ рабовъ Твоихъ отъ тьмы къ свѣту.

Получивши такимъ образомъ исцѣленіе, царь почтилъ дарами святыхъ рабовъ Косму и Даміана и отпустилъ ихъ съ миромъ.

Выйдя изъ Рима, святые направились въ свое селеніе. Жители какъ сего селенія, такъ и окрестныхъ селеній, услыхавши обо всемъ, что сдѣлано было въ Римѣ святыми, вышли навстрѣчу угодникамъ Божіимъ и приняли ихъ съ радостію, веселясь и прославляя Владыку Христа. Святые, между тѣмъ, по своему обыкновенію снова обходили окрестные города и селенія, исцѣляя недуги и просвѣщая всѣхъ святою вѣрою, а затѣмъ снова возвращались въ свое селеніе. Ненавистникъ же рода человѣческаго—діаволъ, не успѣвъ повредить святымъ своими первыми кознями и не возмогши истребить ихъ изъ числа живыхъ людей, придумалъ другое средство. Въ той странѣ былъ одинъ весьма извѣстный врачъ, у котораго первоначально учились врачебному искусству и сіи святые Косма и Даміанъ. Его то и научилъ врагъ рода человѣческаго, не терпѣвшій славы угодниковъ Божіихъ,—позавидовать святымъ. Призвавши съ лестію къ себѣ святыхъ, онъ повлекъ ихъ, какъ бы съ цѣлію собиранія врачебныхъ растеній, на гору, затаивъ между прочимъ въ своемъ сердцѣ Каинову мысль[1]). Заведя далеко святыхъ, онъ устроилъ такъ, чтобы каждый собиралъ растенія отдѣльно. Затѣмъ, напавши сначала на одного, побилъ его камнями, а потомъ такимъ же образомъ погубилъ и другого; послѣ всего, взявъ тѣла святыхъ, онъ сокрылъ ихъ при находившемся тамъ колодцѣ[2]).

Такимъ образомъ святые страстотерпцы Христовы безмездные врачи Косма и Даміанъ воспріяли кончину жизни своей и сподобились мученическихъ вѣнцовъ отъ Христа Господа Спаса нашего. Которому возсылается честь и слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ нынѣ и въ безконечные вѣки. Аминь.

---

1) *Каинъ*—имя старшаго сына Адама и Евы. Какъ первый плодъ чадорожденія въ грѣховномъ состояніи, Каинъ былъ угрюмъ и злобенъ и изъ зависти убилъ кроткаго брата Авеля (Кн. Быт., гл. 4, ст. 1—16). Это событіе и имѣется въ виду въ житіи.

2) Кончина святыхъ безмездныхъ врачей Космы и Даміана послѣдовала въ 284 г.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ПЕТРА

Преподобный Петръ родился и былъ воспитанъ въ Константинополѣ. Онъ происходилъ отъ славныхъ и богатыхъ родителей. Отецъ его, по имени Константинъ,—былъ саномъ патрицій [1]) и занималъ должность полководца. Съ юности усердно занимаясь науками, сей Петръ въ особенности хорошо изучилъ философію, а также изучилъ и всѣ свѣтскія науки. Достигнувши затѣмъ мужескаго возраста, онъ вступилъ въ бракъ и, послѣ кончины своего отца,—унаслѣдовалъ почетный его патриціанскій санъ. Онъ былъ назначенъ патриціемъ въ царствованіе благочестивой царицы Ирины и сына ея Константина [2]). Когда же на императорскій престолъ вступилъ Никифоръ [3]) и у Грековъ началась война съ Болгарами, тогда Петръ былъ назначенъ императоромъ главнымъ начальникомъ надъ всѣми полками и отправился съ воинами противъ Болгаръ. Во время происходившей затѣмъ великой войны сначала Греки побѣдили Болгаръ, а затѣмъ — по Божественному попущенію — Болгары, оправившись отъ понесеннаго пораженія, жестоко разбили Грековъ и умертвили самого императора ихъ Никифора.

Въ это самое время былъ захваченъ Болгарами и блаженный Петръ съ пятьюдесятью греческими князьями и, приговоренный къ мученіямъ и смерти, содержался въ темницѣ. И вотъ, когда онъ усердно молился Богу о своемъ избавленіи, среди ночи явился ему святый Іоаннъ Богословъ [4]), возлежавшій на персяхъ Христовыхъ, освободилъ его изъ заключенія и привелъ его въ Римъ. Съ того времени Петръ посвятилъ всего себя на служеніе Богу; убѣдившись въ ничтожествѣ всего земного, удалился въ Олимпій-

---

[1]) *Патриціями* у Римлянъ назывались полноправные, свободнорожденные дѣти коренныхъ римскихъ гражданъ. Патриціанскихъ родовъ считалось въ Римѣ около ста. Обыкновенно патриціи занимали высшія государственныя должности.

[2]) *Константинъ VI (VII) Порфирородный* царствовалъ съ 780 г. по 797 г. Мать его *Ирина* царствовала съ 797 г. по 802 г.

[3]) *Никифоръ I* царствовалъ съ 802 г. по 811 г.

[4]) Память его совершается св. Церковію 26-го сентября и 8-го мая.

скую гору[1]); принявъ здѣсь ангельскій образъ, онъ подвизался вмѣстѣ съ Іоанникіемъ Великимъ[2]), преуспѣвая во всякой добродѣтели.

Проживши здѣсь тридцать четыре года, Петръ, послѣ того какъ уже умерли его супруга и сынъ, прибылъ въ Константинополь. Здѣсь онъ прежде всего нѣкоторое время прожилъ при устроенной имъ церкви, именовавшейся Евандрійской. Затѣмъ, удалившись въ уединенное безмолвное мѣсто, устроилъ себѣ здѣсь небольшую келлію, въ которой и прожилъ восемь лѣтъ, нося на тѣлѣ колючую власяницу и во всѣ годы постнической жизни не обувая ногъ. Онъ страшно истощилъ себя постомъ, бдѣніемъ и прочими иноческими подвигами.

Подвизаясь такъ добродѣтельно и богоугодно, преподобный Петръ почилъ[3]) о Господѣ и былъ сопричтенъ къ лику преподобныхъ, прославляющихъ Отца, и Сына, и Святаго Духа во вѣки. Аминь.

СТРАДАНІЕ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ПОТИТА

Въ царствованіе императора Антонина[4]), когда повсюду было поднято гоненіе на христіанъ, въ Сардиніи[5]) проживалъ нѣкій мужъ, придерживавшійся идолопоклонническаго нечестія, по имени Гиласъ. У него былъ единственный сынъ, тринадцатилѣтній отрокъ, по имени Потитъ. Потитъ былъ вразумленъ премудростію Бога, совершающаго Себѣ хвалу и҆з̾ ᲂу҆́стъ младе́нєцъ[6]), и просвѣщенъ благодатію Святаго Духа настолько, что позналъ Творца своего и Ему Одному приносилъ свои молитвы и поклоненія, бездушныхъ же идоловъ гнушался. Умѣя читать книги, Потитъ нашелъ христіанскія божественныя Писанія и, прочитавши ихъ,

---

1) *Олимпійская гора* находилась въ Малой Азіи, на границахъ Фригіи и Виѳиніи.

2) Память его—4-го ноября.

3) Кончина святаго Петра послѣдовала около 865 г.

4) *Императоръ Антонинъ Пій* царствовалъ съ 138 г. по 161 г.

5) *Сардинія*—одинъ изъ острововъ Средиземнаго моря; нынѣ входитъ въ составъ Итальянскаго королевства.

6) Псал. 8, ст. 3.

исполнился духовной премудрости и разума. Удалившись тайно отъ отца къ христіанамъ, онъ принялъ Святое Крещеніе и отвращался отъ мерзостныхъ идольскихъ жертвоприношеній. Гиласъ, отецъ Потита, замѣтивъ, что сынъ его не воздавалъ поклоненія идоламъ, весьма опечалился и началъ съ нѣжностію увѣщавать его вмѣстѣ съ нимъ принести жертву богамъ.

Ст҃ый мч҃нкъ
Поти́тъ

— Отче,— отвѣчалъ Гиласу на сіи увѣщанія святый отрокъ,—ты говоришь мнѣ не добрыя рѣчи, приказывая принести жертву бѣсамъ! Если ты любишь меня, твоего сына, дѣйствительно отечески, то и совѣтуй мнѣ то, что спасаетъ, а не губитъ душу. Я желаю, дабы и ты, познавши Истину, отвратился отъ сквернаго заблужденія и сталъ служить Единому на Небесахъ живущему и все содержащему Богу,—Творцу всей твари!

Отецъ, разгнѣвавшись, заключилъ его въ отдѣльную комнату и отдалъ приказаніе, дабы никто изъ домашнихъ не осмѣливался давать отроку ни хлѣба, ни воды.

— Посмотримъ,—пригрозилъ онъ,—подастъ ли тебѣ пищу и питіе Богъ твой, Котораго ты почитаешь!

Между тѣмъ святый отрокъ Потитъ, преклонивши колѣна, молился Богу, говоря такъ:

— **Сꙋди̑, гд҃и, ѡ҆би́дѧщыѧ мѧ̀, побори̑ борю́щыѧ мѧ̀**[1]). Я желаю служить Тебѣ, Господу моему Іисусу Христу, изволившему снизойти съ Небесъ на землю ради спасенія рода человѣческаго. Призри на молитву смиреннаго раба Твоего и укрѣпи меня въ алчбѣ, какъ укрѣпилъ Ты вверженнаго въ львиный ровъ пророка Твоего Даніила[2]). Ты сказалъ въ Святомъ Евангеліи Своемъ:

---

[1]) Псал. **34**, ст. 1.

[2]) *Даніилъ*—четвертый изъ, такъ называемыхъ, великихъ Пророковъ (Исаія, Іеремія, Іезекіиль, Даніилъ). Былъ отведенъ въ плѣнъ въ Вавилонъ въ 604-мъ году до Р. Хр.,

бл҃же́ни а҆лчꙋ́щїи и҆ жа́ждꙋщїи пра́вды, ꙗ҆́кѡ тѝи насы́тѧтсѧ: бл҃же́ни и҆згна́ни пра́вды ра́ди, ꙗ҆́кѡ тѣ́хъ є҆́сть ца́рствїе небе́сное[1]). Итакъ, не оставь и меня, заключеннаго здѣсь и томимаго голодомъ и жаждою за правду Твою!

Святый пробылъ въ томъ заключеніи много дней, томимый отъ отца голодомъ и жаждою, отъ Бога же укрѣпляемый духовною пищею и напояемый благодатію Святаго Духа, такъ что лице его сіяло какъ солнце. Веселясь о Господѣ, онъ говорилъ:

— Благодарю Тебя, Владыко, что Ты благоизволилъ насытить меня, недостойнаго раба Твоего, Твоими духовными благами, которыхъ желаютъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше получаютъ. Молю также Тебя, Боже благій и милосердый, Боже Ангеловъ и Архангеловъ, не желающій смерти грѣшника, но хотящій да обратится онъ и будетъ живъ,—услышь меня, вопіющаго къ Тебѣ всѣмъ сердцемъ о моемъ родителѣ: даруй ему познаніе Твоей истины и разумѣніе вѣры; отверзи ему умъ, дабы познать ему Тебя, Творца своего, и послужить Тебѣ одному, а не еллинскому многобожію. Пусть не порадуется о немъ врагъ рода христіанскаго—діаволъ, но да прославится на немъ Твоя всемогущая сила, наставляющая къ спасенію заблуждающихся.

Когда святый молился въ такихъ словахъ, ему явился Ангелъ Господень, укрѣпившій его и сказавшій:

— Ты получишь то, что просишь! Богъ, въ Котораго ты вѣруешь отъ всего сердца своего,—всегда съ тобою, и ты получишь то, чего просишь у Него. Но знай также и то, что на тебя замыслилъ козни губитель душъ человѣческихъ—діаволъ. Итакъ, тебѣ необходимо воспріять **всѧ̑ ѻ҆рꙋ́жїѧ бж҃їѧ**[2]), дабы ты возмоглъ сопротивляться кознямъ его.

Сказавши сіи слова, Ангелъ Свѣта удалился.

Между тѣмъ святый продолжалъ молиться къ Богу, говоря:

— **Ѹ҆слы́ши, гдⷭ҇и, гла́съ мо́й, и҆́мже воззва́хъ, поми́лꙋй мѧ̀ и҆ ѹ҆слы́ши мѧ̀**[3]).

по повелѣнію царя Навуходоносора. Здѣсь прославился своею мудростію и истолкованіемъ сновъ Навуходоносора.—По клеветамъ завистниковъ былъ брошенъ въ ровъ на съѣденіе львамъ, но силою Божіей остался невредимымъ (Кн. Прор. Дан., гл. 14, ст. 29—42). Это событіе и имѣется въ виду въ житіи. Память св. Прор. Даніила празднуется св. Церковію 17 декабря.

1) Еванг. отъ Мате., гл. 5, ст. 6 и 10.

2) Посл. къ Ефес., гл. 6, ст. 11.

3) Псал. 26, ст. 7.

По прошествіи же нѣкотораго времени внезапно въ сіяніи ложнаго свѣта явился Потиту ангелъ тьмы и сказалъ ему:

— Вотъ, я пришелъ къ тебѣ, о незлобивый юноша, дабы ты не изнемогалъ тѣломъ и душею твоею отъ голода и жажды, но дабы послушался своего отца и съ нимъ насытился яствами. Я — Христосъ, смилостивившійся надъ тобою; видя твои слезы, я пришелъ навѣстить тебя.

— Йдѝ за мнóю, сатанѝ[1]), врагъ Истины,—отвѣчалъ святый отрокъ Потитъ обольстителю.—Ты не обманешь раба Божія: не Христосъ ты, но антихристъ.

Сказавши сіе, святый сталъ молиться, говоря:

— Господи Іисусе Христе! Отгони отъ меня сего сквернаго врага и ввергни его въ бездну, въ которую онъ осужденъ съ своими слугами!

Тогда діаволъ, измѣнивши притворное ангельское подобіе, сдѣлался громаднѣйшимъ великаномъ, въ пятнадцать локтей ростомъ, а затѣмъ преобразился въ огромнаго вола и зарычалъ страшнымъ голосомъ. Святый же, оградивши себя знаменіемъ Креста, сказалъ ему:

— Перестань, злобный духъ, искушать Христовыхъ воиновъ! Ты не сможешь устрашить искупленнаго силою Креста!

И діаволъ исчезъ немедленно, но голосъ его слышался издалека, говорящій:

— О, какой молодой отрокъ побѣждаетъ меня! Увы, гдѣ же мнѣ почить теперь? На кого испущу я стрѣлы мои? Если я подступаю къ старику, то и тогда я не столь легко побѣждаюсь имъ, какъ симъ отрокомъ. Но отправлюсь и войду въ единственную дочь императора Антонина, и на ней покажу силу мою! Противъ тебя же, Потитъ, я возбужу царя и научу его погубить тебя въ страшныхъ мученіяхъ!

— Врагъ,—отвѣчалъ святый Потитъ,—каковымъ бы мученіямъ ни подвергали меня,—я повсюду одержу надъ тобою побѣду, одержу побѣду не я,—но Господь мой Іисусъ Христосъ!

Потомъ діаволъ убѣжалъ, взывая:

— Горе мнѣ, потому что я побѣжденъ отрокомъ!

Послѣ сего отецъ Потита Гиласъ, выведя его изъ заключенія, сказалъ ему:

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 16, ст. 23.

— Чадо, принеси жертву богамъ, ибо императоръ повелѣлъ, дабы всякій, не приносящій жертвъ богамъ, былъ предаваемъ смерти послѣ страшныхъ мученій или былъ отдаваемъ на съѣденіе звѣрямъ. Я страдаю за тебя, такъ какъ ты у меня единственный сынъ, я не хочу потерять своего наслѣдника.

— Какимъ богамъ слѣдуетъ мнѣ,—спросилъ святый,—принести жертвы, дабы мнѣ знать ихъ по именамъ?

— Да развѣ ты не знаешь,—сказалъ отецъ,—бога Зевса[1]), Арея[2]) и Минерву?[3])

— Со дня рожденія моего,—отвѣчалъ отрокъ,—я никогда не слыхивалъ, чтобы сіи были богами, но—идолами. О отче, если бы ты зналъ, сколь великъ Богъ христіанскій, Который, смиривши Себя, спасъ насъ,—то ты увѣровалъ бы въ Него, ибо Онъ есть Единый Истинный Богъ, сотворившій небо и землю, всѣ же прочіе боги суть языческіе бѣсы.

— Откуда у тебя сіи рѣчи, которыя ты произносишь? — спросилъ Гиласъ.

— Моими устами говоритъ Тотъ, Кому я служу,—отвѣчалъ святый,—ибо Онъ сказалъ въ Своемъ Евангеліи: **не пецы́тесѧ, ка́кѡ и҆лѝ что̀ возглаго́лете, да́стбосѧ ва́мъ въ то́й ча́съ, что̀ возглаго́лете**[4]).

— Развѣ ты не боишься мученій, дитя мое,—спросилъ Гиласъ?—Что ты будешь дѣлать тогда, когда будешь отведенъ къ правителю, который предастъ тебя лютымъ мученіямъ?

— О отче,—отвѣчалъ улыбнувшись святый отрокъ,—безумное слово произнесъ ты! Искупитель душъ нашихъ Господь мой Іисусъ Христосъ—Онъ укрѣпитъ меня, раба Своего. Развѣ ты, отецъ, не знаешь того, что Именемъ Господнимъ Давидъ[5]), безоружный юноша, убилъ камнемъ сильнаго Голіаѳа[6]) и, извлекши у него мечъ, обезглавилъ его?

---

[1]) *Зевсъ*—верховный богъ древнегреческой религіи, считавшійся родоначальникомъ прочихъ боговъ и людей.

[2]) *Арей*, или *Марсъ*,—богъ войны.

[3]) *Минерва*, или *Аѳина*,—богиня мудрости.

[4]) Еванг. отъ Матѳ., гл. **10**, ст. 19.

[5]) *Давидъ*—Пророкъ, Псалмопѣвецъ и знаменитый царь Израильскій, жившій за одиннадцать вѣковъ до Р. Хр.; велъ успѣшно войны съ сосѣдними народами, значительно расширилъ границы Израильскаго царства, заботился о упорядоченіи внутренней жизни Іудеевъ и благоустроеніи Богослуженія. Имъ написана книга Псалтирь, содержащая 150 (151) Псалмовъ, или краткихъ религіозно-нравственныхъ молитвословій, выражающихъ разнообразныя чувствованія вѣрующаго.

[6]) Имѣется въ виду знаменитый подвигъ Давида въ единоборствѣ его съ филистимлянскимъ исполиномъ Голіаѳомъ (подробнѣе объ этомъ см. въ 1 Кн. Цар., гл. **17**, ст. 32—51).

— Въ надеждѣ на Бога своего готовъ ли ты перенести всѣ страданія? — спросилъ Гиласъ.

Святый отвѣчалъ:

— Вѣрую, что Творецъ мой, Отецъ, и Сынъ, и Святый Духъ—Единый Богъ въ Троицѣ, дастъ мнѣ силу не только мужественно перенести всѣ мученія, но и умереть за Него безбоязненно. И ты, отецъ, увѣруй въ Бога, о Которомъ я говорю тебѣ, и тогда ты спасешься. Вѣдь тѣ боги, которымъ ты нынѣ кланяешься, суть ничтожество и никогда никого не спасли и не смогли ничего сдѣлать. Да и какая польза кланяться бездушной мѣди, камню, дереву, которые, когда упадутъ на землю, не смогутъ подняться, но разбиваются на части и, будучи разбиваемы, не издаютъ голоса, такъ какъ они нѣмы и безчувственны. Тѣми именами, которыми вы называете своихъ идоловъ, въ древности именовались сквернѣйшіе и беззаконнѣйшіе люди, занимавшіеся бѣсовскимъ волхвованіемъ и предававшіеся разнаго рода злодѣяніямъ,—достойные всякаго наказанія. Государственные законы таковыхъ осуждаютъ и предаютъ смертной казни и въ настоящее время. Окаянныя души тѣхъ вашихъ боговъ въ настоящее время непрестанно мучаются въ вѣчномъ, никогда не угасающемъ огнѣ ада. Въ томъ же самомъ огнѣ безконечно будутъ мучиться и тѣ, которые нынѣ служатъ идоламъ тѣхъ боговъ. Нашъ же во вѣки живущій Богъ все направляетъ къ благой цѣли, управляетъ всѣми видимыми и невидимыми тварями, владычествуетъ надъ небеснымъ и земнымъ. Онъ поистинѣ прославитъ въ Своемъ Небесномъ Царствіи вѣрующихъ въ Него и вѣрно служащихъ Ему. Впрочемъ, и на землѣ Онъ также дѣлаетъ славными имена ихъ, обогащая ихъ чудесною благодатію, силою которой они творятъ знаменія и чудеса. Ибо Онъ говоритъ: «**знаменія вѣровавшымъ сія послѣдуютъ: именемъ моимъ бѣсы ижденутъ, языки возглаголютъ новы, змія возмутъ: аще и что смертное испіютъ, не вредитъ ихъ, на недужныя руки возложатъ и здрави будутъ**»[1]).

Слушая такія рѣчи, Гиласъ изумился и сказалъ:

— Я позналъ теперь, что христіанскій Богъ, изрекающій устами сего отрока то, чего раньше я не слыхивалъ,—есть Истинный Богъ. Если бы въ отрокѣ не было нѣкоей божественной силы, то онъ не могъ бы отъ своего сердца произносить сихъ словъ. Но, какъ я вижу, устами моего сына говоритъ Самъ Богъ.

[1]) Еванг. отъ Марка, гл. 16, ст. 17—18.

Вздохнувъ и зарыдавъ, Гиласъ сказалъ:

— Горе мнѣ, грѣшному! Юный отрокъ, мой сынъ, гораздо разумнѣе меня, старика. Онъ еще въ дѣтскомъ возрастѣ позналъ Истиннаго Бога, а я, состарѣвшись годами, до сего времени не зналъ Его. Но теперь я вѣрую сердцемъ и исповѣдую устами, что нѣтъ другого Бога, кромѣ Бога христіанскаго, какъ нѣтъ и подобнаго Ему!

Такимъ образомъ Гиласъ, увѣровавши во Христа подъ руководствомъ своего сына, святаго отрока Потита, воспріялъ Святое Крещеніе.

Святый Потитъ, подражая трудамъ апостольскимъ, послѣ крещенія своего отца удалился изъ своего отечества—Сардиніи, пришелъ въ область, именовавшуюся Эпиръ[1]) и тамъ проповѣдовалъ Имя Христово. Отсюда затѣмъ онъ пришелъ въ городъ Валерію. Здѣсь находилась нѣкая женщина по имени Киріакія, супруга сенатора Агаѳона, тяжко страдавшая проказою, и ни одинъ врачъ не могъ вылѣчить ее отъ болѣзни. Придя къ дверямъ ея дома, святый Потитъ сѣлъ здѣсь, какъ нищій. Случайно изъ того дома вышелъ евнухъ; святый Потитъ обратился къ нему съ просьбою дать ему испить воды.

— Сюда ли пришелъ ты просить воды? — сказалъ святому евнухъ.

— Я жажду,—отвѣчалъ святый,—не столько воды изъ сего дома, сколько спасенія душъ, дабы на семъ домѣ была явлена благодать Господа моего Іисуса Христа.

Евнухъ, удивившись словамъ святаго, спросилъ его:

— Откуда ты, отрокъ, и какъ тебя зовутъ?

— Я, какъ и ты,—отвѣчалъ святый Потитъ,—рожденъ отъ земли; мое имя Потитъ; я — рабъ Владыки моего Господа Іисуса Христа, Спасителя вѣрующихъ въ Него душъ человѣческихъ и Цѣлителя тѣлесныхъ недуговъ. Онъ очищалъ прокаженныхъ, возставлялъ отъ одра разслабленныхъ, просвѣщалъ слѣпыхъ и однимъ словомъ Своимъ воскрешалъ мертвыхъ.

— Если ты рабъ Его,—спросилъ евнухъ,—то можешь ли ты исцѣлять прокаженныхъ?

---

[1]) Словомъ *Эпиръ* у древнихъ грековъ первоначально обозначался вообще материкъ, въ противоположность островамъ; впослѣдствіи именемъ Эпира греки стали обозначать область, граничившую на сѣверѣ—съ Иллиріей, на востокѣ—съ Ѳессаліей, на югѣ — съ Этоліей и Акарнаніей. Нынѣ Эпиръ принадлежитъ Туркамъ.

— Гдѣ будетъ вѣра,—отвѣчалъ святый,—тамъ будетъ и исцѣленіе, ибо Владыка мой Христосъ Господь по вѣрѣ даруетъ всякому, просящему у Него.

— Можешь ли ты исцѣлить отъ проказы нашу госпожу? — спросилъ евнухъ.

— Если она увѣруетъ во Христа, Бога моего, то будетъ здорова, — отвѣчалъ святый.

— Если ты исцѣлишь ее,—замѣтилъ евнухъ,—то будешь господиномъ всѣхъ ея имѣній.

— Я не желаю,—отвѣчалъ на сіе святый,—ни сребра, ни золота, ни имущества ея, но желаю лишь обратить душу ея ко Христу, Богу моему.

Послѣ сего евнухъ сообщилъ обо всемъ госпожѣ своей, и святый Потитъ былъ введенъ къ ней. Входя въ ея спальню, святый сказалъ:

— Да будетъ дому сему миръ Господа моего Іисуса Христа!

— Умоляю тебя, исцѣли меня,—сказала святому Киріакія,—если только можешь исцѣлить.

— Увѣруй въ проповѣдуемаго мною Бога и пріими Святое Крещеніе,—отвѣчалъ святый,—и тогда будешь здорова.

— Научи меня, какъ вѣровать,— сказала женщина.

Послѣ сего святый сталъ поучать ее о Христѣ Богѣ, указывая ей истинный путь спасенія. Выслушавъ его, женщина сказала святому:

— Я вѣрую, что нѣтъ иного Бога, кромѣ Того, о Которомъ ты говоришь мнѣ, и надѣюсь, что Онъ исцѣлитъ меня; ты же поступай такъ, какъ желаешь.

Тогда святый Потитъ, склонивъ колѣна, сталъ со слезами молиться:

— Господи Іисусе Христе, Царь Ангеловъ, Спаситель человѣческихъ душъ! Ты сказалъ ученикамъ Своимъ: **прокажéнныѧ ѡ҆чищáйте, мéртвыѧ воскрешáйте**[1]); услыши, Владыко, и меня, раба Твоего, и исцѣли сію женщину; да будетъ явлена благодать Твоя на ней, дабы язычники знали, что Ты—Богъ Истинный и нѣтъ иного Бога, кромѣ Тебя.

Помолившись такими словами, святый назначилъ день для Крещенія.

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 8.

И вотъ, когда женщина вошла въ купель и крестилась, она тотчасъ очистилась отъ проказы и вышла изъ купели совершенно здоровою, имѣя тѣло, какъ у молодого юноши[1]). Увидѣвъ сіе, мужъ Киріакіи Агаѳонъ и всѣ его домашніе увѣровали во Христа и крестились. И много гражданъ, почти до половины города, взирая на нихъ, приняли святую вѣру и благословляли Бога, говоря:

— Поистинѣ чрезъ отрока сего, выведшаго насъ изъ тьмы идолослуженія, узрѣли мы великій свѣтъ.

— Вотъ, вы узрѣли величіе Божіе,—говорилъ имъ на сіе святый Потитъ,—такъ соблюдайте теперь заповѣди Его и вы получите спасеніе вѣчное!

Потомъ, удалившись изъ города того, святый Потитъ отправился на пустынную гору, прозывавшуюся Гаргара, и тамъ жилъ со звѣрями какъ съ овцами, ибо, по Божественному повелѣнію, звѣри повиновались ему и слѣдовали за нимъ.

Въ то время вселился бѣсъ въ дочь императора Антонина Агнію и сильно мучилъ ее. Императоръ, весьма опечалившись, молился за дочь богамъ своимъ, давая имъ обѣты и говоря такъ:

— Боги: Аполлонъ[2]), Зевсъ, Арфанъ, исцѣлите дочь мою, и я приведу вамъ въ жертву воловъ съ позолоченными рогами!

Бѣсъ же устами дѣвицы взывалъ, говоря:

— Я до тѣхъ поръ не уйду отсюда, пока не придетъ сюда Потитъ, живущій на горѣ Гаргара.

Тогда императоръ немедленно послалъ одного изъ своихъ сановниковъ, по имени Геласія, съ сорока воинами на ту гору отыскать Потита.

Отправившись туда и придя въ пустыню Гаргарскую, посланные нашли раба Христова, сидѣвшаго на горѣ, и увидѣли множество звѣрей, окружавшихъ святаго. Воины пришли въ

---

[1]) Необходимо замѣтить, что проказа, отъ которой Киріакія была исцѣлена святымъ Потитомъ,—крайне злокачественная болѣзнь. Она распространена въ жаркихъ климатахъ, особенно въ Египтѣ, потомъ Палестинѣ, Сиріи, Аравіи, Индіи и др.; болѣзнь выражается въ томъ, что все тѣло больного покрывается опухолями, увеличивающимися съ каждымъ днемъ; при этомъ тѣло больного мертвѣетъ и разрушается. Проказа считается неисцѣлимою болѣзнію. Ею, по попущенію Божію, страдалъ ветхозавѣтный праведникъ Іовъ. Исторія его жизни и дѣятельности изложена въ библейской книгѣ его имени. Память его празднуется св. Церковію 6-го мая.

[2]) *Аполлонъ* считался у древнихъ грековъ прорицателемъ будущаго, богомъ судьбы, оракуловъ и поэзіи.

великій страхъ и хотѣли бѣжать, ибо звѣри повернулись къ нимъ, намѣреваясь кинуться на нихъ. Но святый запретилъ звѣрямъ, сказавъ:

— Разойдитесь по своимъ мѣстамъ и никому не причиняйте вреда.

И тотчасъ звѣри разошлись.

Тогда святый сказалъ Геласію:

— Для чего ты пришелъ на меня съ такимъ воинствомъ?

— Ты ли Потитъ? — спросилъ Геласій святаго.

— Я, грѣшный рабъ Господа моего Іисуса Христа, — отвѣчалъ святый.

— Императоръ Антонинъ требуетъ тебя,—продолжалъ Геласій,—отправляйся къ нему съ нами.

— Для чего можетъ потребоваться,—возразилъ святый,—нечестивому императору христіанинъ?

Но воины, взявъ святаго, привели его въ Римъ къ императору. Послѣдній спросилъ его:

— Какого ты рода?

— Я — христіанинъ, — отвѣчалъ святый, — и родители мои христіане.

— Развѣ ты не знаешь нашихъ императорскихъ указовъ,— спросилъ Антонинъ,—по которымъ всякій, не поклоняющійся нашимъ богамъ, предается смерти?

— Да я того и желаю, дабы умереть за Христа—Бога моего,— отвѣчалъ святый.

— До меня дошелъ о тебѣ слухъ,—продолжалъ императоръ,— будто ты можешь исцѣлить дочь мою. И если ты сдѣлаешь это, то я окажу тебѣ многія почести.

— Почему же ее не исцѣлятъ твои боги? — возразилъ святый императору.

— Какъ осмѣливаешься ты съ такою дерзостію говорить мнѣ?— спросилъ императоръ.

— Если я исцѣлю твою дочь,—отвѣчалъ Потитъ Антонину,— станешь ли ты вѣровать въ Бога, въ Котораго я вѣрую?

Царь обѣщался увѣровать.

— Я знаю,—сказалъ тогда святый,—что твое сердце закоренѣло въ нечестіи и ты не станешь вѣровать, но сдѣлаю сіе силою Бога моего для предстоящаго народа, дабы онъ видѣлъ, вѣровалъ и прославилъ Имя Господа Іисуса Христа.

Послѣ сего дочь императора была приведена и поставлена предъ святымъ.

— Что, Потитъ,—сказалъ тогда діаволъ святому устами бѣсноватой,—развѣ я не говорилъ тебѣ, что ты придешь къ императору даже и противъ желанія?

Святый, дунувъ въ лицо дѣвицы, сказалъ бѣсу:

— Господь мой Іисусъ Христосъ, Сынъ Бога Живаго, Которому повинуется всякая тварь небесная, земная и преисподняя, запрещаетъ тебѣ, духъ нечистый, и повелѣваетъ выйти изъ сего созданія Его. Нѣтъ тебѣ болѣе власти надъ нею.

Съ сими словами святый ударилъ дѣвицу правою рукою по лицу; и тотчасъ всѣ увидѣли исходившаго изъ ея устъ страшнаго змія. Выйдя изъ нея, змій исчезъ. Видя сіе, предстоящіе исполнились ужаса и говорили:

— Поистинѣ великъ Богъ сего отрока!

И многіе изъ бывшихъ тамъ увѣровали во Христа. Самъ императоръ, видя то, удивлялся и говорилъ:

— О, какую великую силу имѣетъ христіанское волшебство!

— Безумный царь,—сказалъ ему на это святый,—горе тебѣ,—потому что ты, видѣвъ величіе Божіе, не вѣруешь въ Бога!

— Я воздаю благодарность,—сказалъ императоръ,—моимъ богамъ, исцѣлившимъ дочь мою.

— Ты лжешь, императоръ,—отвѣчалъ святый,—не твои боги, но Господь мой Іисусъ Христосъ исцѣлилъ дочь твою!

— Оставь свои рѣчи,—продолжалъ императоръ,—принеси жертву моимъ богамъ, и я сдѣлаю тебя важнымъ и почтеннымъ среди слугъ моихъ. Я дамъ тебѣ золото, серебро и богатство.

Святый Потитъ отвѣчалъ на это:

— Не будетъ тебѣ благополучія, императоръ. Ты обѣщаешь мнѣ все то, что я считаю прахомъ земнымъ. Я имѣю нетлѣнное и несказанное богатство на Небесахъ, которое Господь мой Іисусъ Христосъ уготовалъ всѣмъ любящимъ Его. Твое же золото, серебро и всѣ твои богатства будутъ сожжены огнемъ!

— Ты опять начинаешь съ дерзостью говорить со мною?—возразилъ императоръ.

— Да, я не боюсь тебя,—отвѣчалъ святый,—ибо Господь мой Іисусъ Христосъ силенъ освободить меня изъ твоихъ рукъ.

— Ты оскорбляешь и позоришь меня,—продолжалъ императоръ,—но я, щадя твою юность, готовъ простить сіе и совѣтую

тебѣ принести жертву богамъ, дабы мнѣ не приступить немедленно къ мученіямъ.

— Щади себя самого,—отвѣчалъ святый,—ибо страшный адъ готовится для тебя, и ты погибнешь самъ вмѣстѣ съ твоимъ царствомъ; ты будешь горѣть въ огнѣ неугасимомъ вмѣстѣ съ твоимъ отцомъ—діаволомъ.

Послѣ сего императоръ, исполнившись гнѣва и ярости, приказалъ обнажить и жестоко бить палками святаго Потита.

Святый, претерпѣвая побои, говорилъ:

— Благодарю Тебя, Господи мой, за то, что Ты сподобилъ меня пострадать за Имя Твое!

— Чего ты желаешь, Потитъ,—спросилъ императоръ мученика,—умереть или принести жертву богамъ, дабы остаться цѣлымъ и невредимымъ?

— Какимъ богамъ прикажешь ты,—спросилъ Потитъ,—принести жертву?

Тогда императоръ, приказавъ прекратить мученія, спросилъ Потита:

— Развѣ ты не знаешь великаго бога Зевса, Арфана и Минерву?

Усмѣхнувшись, святый Потитъ сказалъ:

— Посмотримъ, какіе это боги, и тогда я сдѣлаю такъ, какъ ты прикажешь.

Тогда императоръ съ радостію повелъ святаго въ идольскій храмъ; но тотъ же часъ, какъ святый помолился здѣсь Богу Вышнему, идолы пали и разбились на мелкія части. Тогда святый сказалъ:

— Если они—истинные боги, то почему они пали, и почему не встаютъ послѣ паденія, и не оказываютъ помощи себѣ самимъ?.. Познай же, императоръ, какъ велика сила Бога моего!

Императоръ, преисполнившись стыда и гнѣва, приказалъ заковать мученика въ тяжелое желѣзо и бросить въ темницу.

Въ то время, какъ святый, заключенный въ темницу, молился Богу, къ нему явился укрѣплявшій и утѣшавшій его свѣтоносный Ангелъ. Тяжеловѣсныя желѣзныя оковы, бывшія на немъ, расплавились, какъ воскъ; въ полночь темница наполнилась свѣтомъ, и въ ней распространилось несказанное благоуханіе. Стражи, почувствовавъ благоуханіе, весьма изумлялись и разспрашивали другъ друга, откуда оно исходитъ. Посмотрѣвши затѣмъ въ темничное

окно, они замѣтили чудный свѣтъ; увидѣвъ, что святый освобожденъ отъ оковъ, радуется, восхваляетъ Бога и бесѣдуетъ съ Ангеломъ, они исполнились страха и ужаса. Съ разсвѣтомъ дня они отправились къ императору, дабы сообщить ему обо всемъ. Тогда императоръ приказалъ устроить мѣсто для зрѣлища; глашатаямъ же велѣлъ возвѣщать, чтобы къ тому мѣсту собирался народъ. Когда такимъ образомъ собралось много народа, пришелъ императоръ и, возсѣвши на обычномъ судебномъ мѣстѣ, приказалъ вывести мученика изъ темницы и представить его къ себѣ на судъ. Приведенный къ тому мѣсту мученикъ оградилъ себя крестнымъ знаменіемъ и съ свѣтлымъ взоромъ предсталъ предъ царемъ. Между тѣмъ Антонинъ, пылая гнѣвомъ и грозно взирая на святаго, спросилъ:

— Потитъ, гдѣ, по твоему предположенію, находишься ты въ настоящее время?

— Я нахожусь на землѣ Бога моего,— отвѣчалъ Потитъ.

— Нынѣ наступитъ твоя погибель,—продолжалъ императоръ,— и какой богъ избавитъ тебя отъ руки моей?

— Да исполнится стыда лице твое, императоръ, потому что песъ имѣетъ больше разума. Вѣдь песъ, получивши хлѣбъ изъ чьихъ-либо рукъ, ласкается къ тому человѣку, а ты, получивши отъ Бога моего исцѣленіе твоей дочери, произносишь хулу на Него!

Тогда императоръ приказалъ повѣсить святаго обнаженнымъ на древѣ и опалять его свѣчами, а затѣмъ строгать его тѣло желѣзными когтями. Претерпѣвая спокойно страданія, какъ будто не его тѣло подвергалось мукамъ, святый поносилъ императора, говоря:

— Гдѣ твои угрозы, императоръ? Ты похвалялся побѣдить меня мученіями, но я не ощущаю во время мученій никакихъ страданій. Итакъ, смотри и уразумѣвай, что не моему тѣлу, но сердцу твоему доставляютъ страданія сіи мученія, такъ какъ я преподобѣждаю ихъ моимъ терпѣніемъ и благодаря имъ веселюсь еще болѣе.

Пристыженный императоръ еще сильнѣе воспылалъ гнѣвомъ и приказалъ, снявши мученика съ древа, отдать его на съѣденіе звѣрямъ. Но звѣри, выпущенные на святаго, подходя къ нему, падали предъ нимъ и лизали его ноги, а святый взывалъ къ царю:

— Что теперь ты будешь говорить, скверный мучитель? Ужели доселѣ не видишь силы Христа, Бога моего?

Тогда императоръ, приказавъ вернуть назадъ звѣрей, сказалъ палачамъ:

— Разрубите сего окаяннаго на части и разбросайте ихъ на съѣденіе псамъ!

И вотъ, когда палачи, взявши въ руки топоры, стали рубить святаго, тогда — по дѣйствію чудесной силы Божіей — плоть святаго сдѣлалась столь крѣпкою, какъ твердый камень или желѣзо, такъ что топоры не могли причинить ей никакого вреда, но палачи ранили ими самихъ себя. Смотрѣвшій на сіе народъ, видя происходившее, пришелъ въ изумленіе, и многіе — приблизительно около двухъ тысячъ — увѣровали тогда во Христа Господа и взывали, говоря:

— Поистинѣ въ семъ отрокѣ дѣйствуетъ Тотъ же Богъ, Который ранѣе дѣйствовалъ въ пострадавшихъ въ семъ городѣ Петрѣ и Павлѣ![1])

Видя сіе и слушая народный голосъ, мучитель затрепеталъ и со стономъ сердечнымъ сказалъ:

— О, сколь велико волшебство этого сквернаго христіанина!

Затѣмъ онъ приказалъ приготовить желѣзную сковороду, растопить на ней масло, положить на сковороду мученика и жечь его; велѣлъ также растопить олово и поливать имъ тѣло мученика. Но святый, какъ бы находясь въ нѣкоемъ прохладномъ мѣстѣ, веселился, славилъ Бога и говорилъ императору:

— Заклинаю тебя твоею царскою честію, еще прибавь мнѣ сего растопленнаго олова, ибо я ощущаю отъ него весьма большую прохладу!

Императоръ недоумѣвалъ, какое бы еще, болѣе лютѣйшее мученіе онъ могъ причинить Потиту. И вотъ, снявши святаго со сковороды, онъ приказалъ принести длинный желѣзный гвоздь и, раскаливши, вбить его въ голову мученика. Въ то время, какъ исполнялось сіе приказаніе, по Божественной силѣ произошло то, что мученикъ, принявшій въ голову раскаленный гвоздь, оставался живымъ, здоровымъ и безболѣзненнымъ; между тѣмъ какъ тѣ страданія, которыя долженъ былъ бы ощущать мученикъ, обрушились на голову императора, и послѣдній, сильно разболѣвшись головою, взывалъ къ мученику, говоря:

— Рабъ Христовъ, помилуй меня и избавь отъ этой болѣзни. Нынѣ познаю я силу твоего Бога!

---

[1]) Память свв. Первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла совершается 29 іюня.

— Пусть исцѣлятъ тебя твои боги, — отвѣчалъ святый.

Между тѣмъ императоръ, не переставая, умолялъ мученика о своемъ исцѣленіи.

— До тѣхъ поръ,—сказалъ тогда мученикъ,—ты не получишь исцѣленія, пока не придетъ сюда твоя дочь, которую Христосъ мой содѣлалъ здравою.

Дочь императора была тотчасъ же призвана. Припавъ къ ногамъ мученика, она сказала:

— Умоляю тебя, рабъ Божій, крести меня во Имя твоего Всесильнаго Бога, Котораго ты проповѣдуешь!

Святый приказалъ немедленно приготовить купель и въ присутствіи всего народа самъ крестилъ дочь императора, такъ какъ тогда трудно было найти священника, ибо по причинѣ гоненія священники укрывались. Затѣмъ, послѣ крещенія царской дочери, мученикъ, воздѣвъ руки свои, совершилъ молитву къ Богу объ исцѣленіи императора, и послѣдній тотчасъ же сталъ здоровымъ. Но, — о слѣпота и безуміе идолопоклонническое!—вмѣсто того, чтобы познать Истиннаго Бога и Его благодарить, нечестивый императоръ сталъ воздавать благодареніе своимъ сквернымъ богамъ, говоря:

— Благодарю васъ, богъ Аполлонъ, богъ Марсъ и богиня Минерва, за то, что вы исцѣлили меня!

Тогда святый сталъ жестоко укорять императора, обличая его, всецѣло отдавшагося бѣсовскому обольщенію, въ безуміи и ожесточеніи. Императоръ же, разъярившись, какъ бѣсноватый, приказалъ вырѣзать у святаго языкъ и выколоть глаза. Но Христовъ мученикъ продолжалъ говорить и послѣ того, какъ вырѣзанъ былъ у него языкъ, и прославлялъ Бога:

— **Благословлю гда на всякое время: выну хвала его во устѣхъ моихъ**[1]), благословлю вложившаго новую пѣснь въ уста мои и **воспою гдеви благодѣявшему мнѣ**[2]) въ веселіи и радости.

Въ то же время онъ говорилъ императору:

— Чего достигъ ты, нечестивый, вырѣзавши языкъ мой? Ты надѣялся съ языкомъ отнять слова изъ устъ моихъ, но, вотъ, ты видишь и слышишь, что я говорю по благодати Христа Бога моего, Который побѣдитъ тебя, какъ въ древности фараона[3]).

---

1) Псал. **33**, ст. 7.

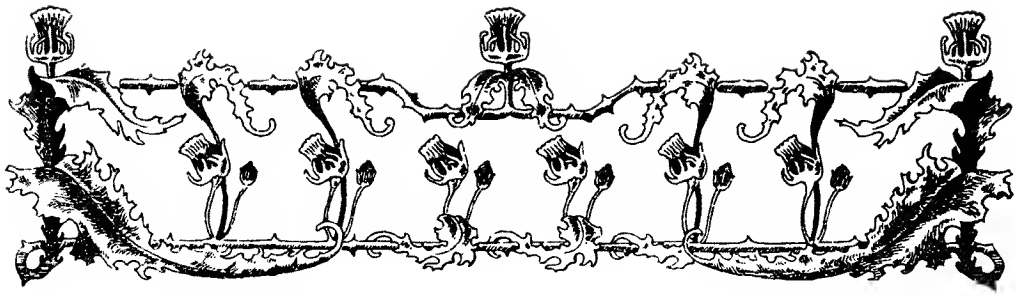
2) Псал. **12**, ст. 7.

3) Кн. Исх., гл. **14**, ст. 1—32.

Тогда императоръ, видя, что онъ побѣжденъ и посрамленъ, былъ въ недоумѣніи, что бы еще сдѣлать съ мученикомъ. Желая избавить себя отъ укоровъ со стороны народа, онъ, наконецъ, приказалъ обезглавить мученика мечомъ.

Такимъ то образомъ святый мученикъ Христовъ Потитъ положилъ душу свою за Христа въ отроческихъ лѣтахъ[1]) и нынѣ царствуетъ съ Нимъ въ безсмертной жизни на Небесахъ. Молитвами святаго мученика Потита да сподобимся и мы сей блаженной жизни по благодати Господа нашего Іисуса Христа, Которому возсылается слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ нынѣ и въ безконечные вѣки. Аминь.

[1]) Кончина св. мученика Потита послѣдовала въ половинѣ II-го вѣка.



День второй

СКАЗАНІЕ

о ПОЛОЖЕНІИ ЧЕСТНОЙ РИЗЫ

ПРЕЧИСТОЙ ДѢВЫ БОГОРОДИЦЫ

во Влахернской церкви [1])

Въ царствованіе благочестиваго Византійскаго императора Льва Великаго [2]) и супруги его Верины въ Константинополѣ проживали два благочестивыхъ мужа — саномъ сенаторы, родные братья Галвинъ и Кандидъ. Посовѣтовавшись между собою, они попросили императора отпустить ихъ въ Іерусалимъ на поклоненіе святымъ мѣстамъ и, получивъ отпускъ, отправились въ путь. Достигнувъ Палестины, они отправились въ Галилею, желая побывать въ Назаретѣ [3]), увидать святый домъ Пречистой Дѣвы Богородицы, въ которомъ Она,—по благовѣщенію архангельскому и наитію Святаго Духа,—неизреченно зачала Бога-Слово. Придя сюда и поклонившись, они остались ночевать въ одной небольшой,—находившейся тамъ поблизости,—деревнѣ, такъ какъ уже

---

[1]) *Влахерна*—мѣсто въ Константинополѣ на берегу моря у корабельной пристани. Оно получило наименованіе отъ нѣкоего извѣстнаго скиѳскаго воеводы, по прозванію Влахерна, убитаго на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи была устроена прекраснѣйшая церковь во имя Божіей Матери.

[2]) *Левъ I* (*Великій*) царствовалъ съ 457 г. по 474 г.

[3]) *Назаретъ*—небольшой городъ въ Галилеѣ, дорогой для христіанъ по священнымъ воспоминаніямъ (въ этомъ городѣ провелъ Свое дѣтство Господь нашъ Іисусъ Христосъ).

Положе́нїе чⷭ҇тны́ѧ ри́зы
пречⷭ҇тыѧ дѣ́вы бцⷣы

день склонялся къ вечеру. По божественному смотрѣнію, они остановились въ домѣ одной незамужней женщины, преклонной возрастомъ, родомъ еврейки, проводившей чистую жизнь. Въ то время какъ для нихъ приготовлялась здѣсь вечерняя трапеза, они замѣтили внутри жилища отдѣльную комнату, въ которой было зажжено множество свѣчей, кадился ѳиміамъ и исходило ароматное благоуханіе (ибо тамъ сокрыта была честна́я риза Пречистой Богоматери). Около той комнаты возлежало также немало больныхъ. Увидавъ сіе, Галвинъ и Кандидъ изумились сему странному обстоятельству, предполагая, что тамъ совершалось что-либо изъ ветхозавѣтныхъ обрядовъ. Упросивши затѣмъ ту благочестивую женщину раздѣлить съ ними вечернюю трапезу, они спросили ее о томъ, что находится въ комнатѣ, освѣщаемой свѣчами и благоухающей кадилами и зачѣмъ около нея лежатъ больные? Первоначально женщина молчала относительно самаго скрываемаго у нея предмета, но о происходящихъ отъ сего предмета чудесахъ не могла умолчать и сказала вопрошавшимъ:

— Честны́е мужи! Вотъ, всѣ сіи больные, которыхъ вы видите лежащими здѣсь,—ожидаютъ исцѣленія своихъ болѣзней; ибо на этомъ мѣстѣ слѣпые прозираютъ, хромые исправляются, бѣсы изъ людей изгоняются, глухіе получаютъ слухъ, у нѣмыхъ развязываются языки для рѣчей и здѣсь скоро исцѣляются всякія неизлѣчимыя болѣзни.

Услыхавши о семъ, Галвинъ и Кандидъ стали тщательнѣе разспрашивать женщину, по какой причинѣ была дарована сему мѣсту такая благодать и сила чудотворенія? Женщина, все еще продолжая скрывать истину, отвѣчала:

— Среди нашего еврейскаго рода хранится преданіе, будто на семъ мѣстѣ явился Богъ нѣкоему изъ древнихъ нашихъ отцовъ, и съ того-то вотъ времени сіе мѣсто исполнилось Божественной благодати и на немъ совершаются чудеса.

Внимая словамъ женщины, Галвинъ и Кандидъ еще сильнѣе воспламенялись сердечнымъ желаніемъ къ познанію истины, подобно древнимъ Лукѣ[1]) и Клеопѣ[2]), говорившимъ: **не се́рдце ли на́ше горѧ̀ бѣ̀ въ на́съ**[3]), и сказали женщинѣ:

---

[1]) *Лука*—Апостолъ и Евангелистъ, спутникъ и сотрудникъ св. Апостола Павла.—Память его празднуется св. Церковію 18 октября и 4 января.

[2]) Память св. апостола Клеопы совершается 4 января.

[3]) Еванг. отъ Луки, гл. **24**, ст. 32.

— Благочестивая жена! Заклинаемъ тебя Богомъ Живымъ открыть намъ истину! Вѣдь мы не по какой-либо другой причинѣ предприняли сюда изъ Константинополя столь далекій путь, какъ только для того, дабы видѣть всѣ, находящіяся въ Палестинѣ, святыя мѣста и вознести на нихъ наши молитвы къ Богу. А такъ какъ мы слышимъ, что и въ твоемъ домѣ находится святое и чудотворное мѣсто, то мы желаемъ относительно его узнать подробнѣе, какимъ образомъ оно освятилось и по какой причинѣ на немъ совершаются чудеса.

Тогда, заклинаемая Именемъ Божіимъ, женщина вздохнула изъ глубины души и, испустивши слезы изъ глазъ своихъ, сказала Галвину и Кандиду:

— Именитѣйшіе мужи! Та божественная тайна, о которой вы меня вынуждаете сказать сейчасъ, до настоящаго дня никому не была извѣстна. Но такъ какъ я замѣчаю, что вы, люди благочестивые и боголюбивые, то я сообщу вамъ о сокровенной тайнѣ, надѣясь, что то, о чемъ вы услышите отъ меня, вы сохраните въ самихъ себѣ, никому не разсказывая. Здѣсь мною хранится риза родившей Христа Бога Пречистой Дѣвы Маріи. Когда Она преставлялась отъ земли къ Небесамъ, при Ея погребеніи находилась одна изъ моихъ прародительницъ—вдовица; ей по завѣщанію самой Пречистой Богородицы была отдана та честна́я риза; она же, получивши ту ризу, сохраняла ее у себя съ благоговѣніемъ во всѣ дни жизни своей; умирая, она отдала ризу для храненія одной дѣвицѣ изъ своего рода, заповѣдавши ей съ клятвою сохранять въ чистотѣ ради чести самой Богородицы не только ту честну́ю ризу Пресвятой Богородицы, но и самое дѣвство свое. Сія дѣвица такъ же сохраняла въ большомъ почетѣ во всю свою жизнь ту ризу; когда же она приблизилась къ кончинѣ, то отдала ризу другой чистой и честной дѣвицѣ изъ своего рода. Такимъ образомъ въ теченіе многихъ лѣтъ та святая риза, переходя отъ одной дѣвицы къ другой, дошла и до моихъ смиренныхъ рукъ, досталась и мнѣ, состарѣвшейся чистою въ незамужней жизни. А такъ какъ въ моемъ родѣ уже не находится такой дѣвицы, которой я могла бы довѣрить ту тайну, то я разсказываю относительно ея вамъ, дабы вы знали, что ради той честно́й ризы, сохраняемой у меня во внутренней комнатѣ, совершаются здѣсь чудеса. Я умоляю васъ никому не разсказывать о сей тайнѣ въ Іерусалимѣ и гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, гдѣ бы вы ни были.

Услыхавъ о ризѣ Пречистой Богоматери, Галвинъ и Кандидъ преисполнились ужасомъ и несказанною радостію; они со слезами обѣщались хранить сказанную имъ относительно ризы тайну. Послѣ сего они упрашивали ту женщину дозволить имъ пробыть при святой ризѣ въ той комнатѣ въ молитвѣ всю ночь, и женщина не запретила имъ сего.

Тогда, войдя внутрь комнаты, они замѣтили ковчегъ, стоявшій на почетномъ мѣстѣ, въ которомъ находилась святая риза, увидали также горѣвшія кругомъ него лампадки и ощутили сильное ароматное благоуханіе. Затѣмъ они начали, усердно поклоняясь, со слезами возсылать Богу и Богородицѣ горячія молитвы. У нихъ обоихъ была одна мысль: дабы безцѣнное сокровище досталось царствующему граду. Послѣ сего, сговорившись, они вымѣряли ковчегъ въ ширину, въ длину и въ высоту и сохранили весь видъ его въ своей памяти, а равно также и то, изъ какого онъ былъ сдѣланъ дерева. Съ разсвѣтомъ дня они совершили свои молитвы и вышли изъ той святой храмины, поблагодаривъ женщину за дозволеніе имъ пробыть всю ночь при честнóй ризѣ. Они раздали находившимся тамъ нищимъ обильную милостыню и отправились, провожаемые тою женщиною, въ предпринятое ими путешествіе къ Іерусалиму. Они дали обѣщаніе женщинѣ на возвратномъ пути снова придти къ ней для поклоненія честнóй ризѣ Пресвятой Богородицы.

Побывавши затѣмъ въ Іерусалимѣ, поклонившись Животворящему Кресту и Гробу Господню и посѣтивши всѣ, находившіяся въ окрестностяхъ Іерусалима, святыя мѣста, Галвинъ и Кандидъ позвали плотника и приказали ему сдѣлать изъ стараго дерева ковчегъ въ точности такого вида и размѣра, какой они ему указали. Послѣ того, какъ ковчегъ былъ сдѣланъ, Галвинъ и Кандидъ купили для него златотканное покрывало и возвратились своей дорогой, держа путь къ той женщинѣ.

Когда они прибыли къ дому женщины, то показали ей златотканное покрывало, упрашивая женщину покрыть имъ ковчегъ честнóй ризы Пречистой Богоматери. Затѣмъ они снова начали просить женщину дозволить имъ, какъ и въ первый разъ, совершить всенощное съ молитвою стояніе при ковчегѣ. Получивши разрѣшеніе, они пали предъ ковчегомъ лицами на землю и омочили землю слезами, усердно молясь къ Пречистой Дѣвѣ Богородицѣ, дабы Она не возбранила имъ коснуться къ Своему ковчегу съ ризою

съ цѣлію взять его съ собою. Когда наступила уже полночь и всѣ спали, они со страхомъ взяли ковчегъ, вынесли его изъ дома и спрятали въ своей колесницѣ. Вмѣсто же него они внесли въ комнату тотъ ковчегъ, который наподобіе перваго сдѣлали они изъ стараго дерева въ Іерусалимѣ; поставивши его на томъ же самомъ мѣстѣ, покрыли его златотканнымъ покрываломъ и до разсвѣта оставались на молитвѣ. Съ наступленіемъ дня они возблагодарили ту благочестивую женщину, простились съ нею и, давъ милостыню нищимъ, отправились въ путь.

Возвращаясь къ себѣ, они шли поспѣшно съ несказанною радостію. Дойдя до Константинополя, они сначала никому не разсказали о принесенной ризѣ Пресвятой Богородицы, желая у себя самихъ скрыть то безцѣнное сокровище. Устроивши затѣмъ въ своемъ домѣ небольшую церковь во имя святыхъ Апостоловъ Петра [1]) и Марка [2]), поставили въ ней—не на открытомъ, но въ потаенномъ мѣстѣ—тотъ ковчегъ со святою ризою. Но когда они замѣтили, что не могутъ утаить ризы Богоматери, по причинѣ происходившихъ отъ нея чудесъ, тогда отправились къ императору Льву Великому и супругѣ его царицѣ Веринѣ и возвѣстили ему, а равно также и Святѣйшему Константинопольскому Патріарху Геннадію [3]) обо всемъ происшедшемъ.

Сіи послѣдніе, исполнившись несказанной радости, отправились въ домъ Галвина и Кандида и въ ихъ церковь. Здѣсь, открывши тотъ честный ковчегъ, увидали въ немъ святую ризу Пречистой Божіей Матери, не истлѣвшую въ теченіе столькихъ лѣтъ, и благоговѣйно со страхомъ прикоснулись къ ней, любезно лобызая ее устами и сердцемъ. Затѣмъ, взявши ее оттуда, понесли со славою при всенародномъ торжествѣ во Влахернскую церковь Пречистой Богородицы и положили тамъ въ украшенномъ золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными каменьями ковчегѣ. Послѣ этого они постановили ежегодно праздновать во второй день мѣсяца іюля положеніе ризы Пресвятой Богородицы въ честь и славу Преблагословенной Дѣвы Маріи и родившагося отъ Нея Христа Бога нашего, прославляемаго со Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки. Аминь [4]).

---

1) Память св. Первоверховнаго Апостола Петра совершается 29 іюня.

2) Память св. Апостола и Евангелиста Марка совершается 25 апрѣля и 4 января.

3) *Геннадій* патріаршествовалъ съ 458 г. по 471 г.

4) По свидѣтельству византійскаго историка Никифора (жилъ съ 1295 г. по 1360 г.), во Влахернской церкви въ златокованиомъ ковчегѣ хранилась не одна одежда Богома-

Тропа́рь, гла́съ и҃:

Ѿ̀ще приснодѣ́во, человѣ́кѡвъ покро́ве, ри́зꙋ и҆ по́ѧсъ пречⷭ҇тагѡ твоегѡ̀ тѣ́лесѐ, держа́вное гра́дꙋ твоемꙋ̀ ѡ҆бложе́нїе дарова́ла є҆сѝ, безсѣ́меннымъ рⷭ҇тво́мъ твои́мъ, нетлѣ́нна пребыва́ющи: ѡ҆ тебѣ̀ бо и҆ є҆ста́ство ѡ҆бновлѧ́ется и҆ вре́мѧ. тѣ́мже мо́лимъ тѧ̀, ми́ръ гра́дꙋ твоемꙋ̀ дарова́ти, и҆ дꙋша́мъ на́шымъ ве́лїю млⷭ҇ть.

Конда́къ, гла́съ д҃:

Ѡ҆дѣѧ́нїе всѣ́мъ вѣ́рнымъ нетлѣ́нїѧ, бг҃облагода́тнаѧ чⷭ҇таѧ, дарова́ла є҆сѝ сщ҃е́ннꙋю ри́зꙋ твою̀, є҆́юже сщ҃е́нное тѣ́ло твоѐ покрыва́ла є҆сѝ, покро́ве всѣ́хъ человѣ́кѡвъ. є҆́ѧже положе́нїе пра́здноуемъ любо́вїю, и҆ вопїе́мъ со стра́хомъ ти̑, чⷭ҇таѧ: ра́дꙋйсѧ дѣ́во, хрⷭ҇тїа́нъ похвало̀.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ЮВЕНАЛІЯ,

Патріарха Іерусалимскаго

Святый Ювеналій принялъ престолъ іерусалимскаго патріаршества въ царствованіе благочестиваго императора Ѳеодосія Младшаго [1]). Во время его патріаршества въ Палестинѣ подвиза-

тери, но вмѣстѣ съ тѣмъ омофоръ и часть Ея пояса. О томъ же свидѣтельствуютъ и русскіе паломники. Стефанъ Новгородецъ, жившій въ XIV в., говоритъ: «Идохомъ во Влахерну, идѣже лежитъ риза и поясъ и скуфья на главѣ Ея (Божіей Матери), а лежатъ въ олтарѣ на Престолѣ въ ковчегѣ запечатаны». То же подтверждаетъ діаконъ Александръ и діаконъ Игнатій, жившіе въ второй половинѣ XIV-го в.—Влахернскій храмъ сгорѣлъ 19 января 1434 г. Нынѣ виднѣются только малые остатки его. Части одеждъ Богоматери находятся нынѣ въ разныхъ мѣстахъ: такъ, есть одна часть въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ (эта часть передана сюда княземъ Василіемъ Голицынымъ), другая—въ Благовѣщенскомъ храмѣ, пріобрѣтенная въ XIV-мъ в. Діонисіемъ, архіепископомъ Суздальскимъ; кромѣ того, часть ризы Богоматери показывается въ Латеранскомъ соборѣ въ Римѣ. Празднованіе въ честь положенія ризы Пресвятой Богородицы во Влахернахъ установлено было, какъ замѣчено въ сказаніи, во времена императора Льва I, слѣдовательно въ половинѣ V-го в., но усугублено въ 860 году, при Патріархѣ Фотіи (857—867 гг.; 877—886 гг.) и императорѣ Михаилѣ III (855—867 гг.) по случаю заключенія мира съ Аскольдомъ и Диромъ и отступленія руссовъ отъ Царьграда. Они отступили отъ Царьграда 25-го іюня, а 2 іюля во вторникъ послѣ торжественной службы во Влахернахъ патріархъ съ императоромъ установили совершать въ этотъ день торжественное празднованіе въ честь положенія ризы Пресвятой Богородицы; при этомъ честная риза Богоматери была перенесена изъ храма, выстроеннаго императоромъ Маркіаномъ и возобновленнаго императоромъ Львомъ I, въ такъ называемую Великую церковь.

[1]) *Ѳеодосій II* (*Младшій*) царствовалъ съ 408 г. по 450 г.

лись великіе свѣтильники — святые отцы Евѳимій[1]), Ѳеодосій[2]), Герасимъ іорданскій[3]), которому служилъ левъ, и многіе другіе. Впрочемъ, въ то время были смуты въ Церкви, производимыя еретиками. Тогда возникла несторіанская ересь[4]), изрекавшая хулы на Пречистую Дѣву Богородицу, и въ городѣ Ефесѣ[5]) былъ созванъ Третій Вселенскій Соборъ святыхъ Отцовъ, на которомъ Ювеналій съ святымъ Кирилломъ, Патріархомъ Александрійскимъ[6]), и съ прочими святыми Отцами предалъ проклятію Несторія и его ересь. Послѣ же кончины императора Ѳеодосія, когда на престолъ вступилъ Маркіанъ съ Пульхеріею[7]), возникла новая ересь—Діоскора и Евтихія[8]), богохульно лгавшая, будто во Христѣ было одно естество. Тогда въ городѣ Халкидонѣ[9]) состоялся Четвертый Вселенскій Соборъ святыхъ Отцовъ[10]), и святый Ювеналій сіялъ на семъ Соборѣ благочестіемъ среди Отцовъ, какъ денница посреди звѣздъ, — разгоняя тьму еретическаго зловѣрія. Когда же, по окончаніи Собора, Ювеналій возвращался на свою патріаршую каѳедру, въ Палестину въ образѣ инока прибылъ нѣкій, придерживавшійся евтихіанскаго нечестія, еретикъ, по имени Ѳеодосій—человѣкъ весьма коварнаго нрава. Послѣдній порицалъ святой Халкидонскій Соборъ за то, что будто бы на немъ былъ отвергнутъ догматъ Православной вѣры и возобновлено ученіе Несторія, и лгалъ многое другое на Церковь. Этотъ еретикъ, какъ

---

1) Память его празднуется св. Церковію 20-го января.

2) Память его—11-го января.

3) Память его—4-го марта.

4) Несторіанская ересь основана Несторіемъ, епископомъ Константинопольскимъ, несправедливо учившимъ, что отъ Дѣвы Маріи родился не Богъ, но человѣкъ Іисусъ, въ Которомъ человѣчество соединилось съ Божествомъ благодатнымъ образомъ во время Его земной жизни. Поэтому Матерь Божію онъ называлъ Христородицею, а не Богородицею. Ересь Несторія была осуждена на III Вселенскомъ Соборѣ, созванномъ въ 431 г. въ Ефесѣ.

5) *Ефесъ*—малоазійскій городъ, лежавшій между Смирною и Милетомъ. Въ исторіи Христіанской Церкви Ефесъ извѣстенъ какъ мѣсто проповѣднической дѣятельности св. Апостола Павла въ его третье благовѣстническое путешествіе.

6) *Кириллъ I* патріаршествовалъ съ 412 г. по 444 г.

7) *Императоръ Маркіанъ* царствовалъ съ 450 г. по 457 г.

8) *Евтихій*—архимандритъ Константинопольскій, извѣстенъ какъ основатель ереси евтихіанской, или монофизитской. Въ противоположность несторіанскому раздѣленію въ Лицѣ Іисуса Христа Божества и человѣчества, Евтихій училъ, что человѣческое естество въ Іисусѣ Христѣ было совершенно поглощено Божествомъ, и потому въ Немъ слѣдуетъ признавать только одну природу—Божественную.

9) *Халкидонъ*, или *Калхедонъ*,—первоначально мегарская колонія на берегу Пропонтиды (Мраморнаго моря); впослѣдствіи—столица Виѳиніи, малоазійской провинціи.

10) Четвертый Вселенскій Соборъ былъ въ 451 г.

повѣствуетъ Евагрій[1]), будучи изгнанъ за свое невѣріе и злыя дѣла изъ своего монастыря въ Александріи[2]), присоединился къ нечестивому Діоскору. Но за свое коварство и злобу Ѳеодосій былъ наказанъ жестокими побоями, а потомъ какъ мятежникъ былъ посаженъ на верблюда и съ поруганіемъ проведенъ по городу. Придя послѣ сего въ Палестину, онъ сталъ возмущать Церковь, разсѣевая богохульную ересь. Тогда въ Палестинѣ находилась императрица Евдокія — супруга благочестиваго императора Ѳеодосія Младшаго, отправившаяся послѣ смерти своего мужа на поклоненіе Святымъ мѣстамъ. Сей еретикъ Ѳеодосій прежде всего склонилъ къ отрицанію Халкидонскаго Собора императрицу Евдокію, а затѣмъ своею ересью причинилъ вредъ и многимъ неопытнымъ инокамъ, содѣлавъ ихъ своими единомышленниками. Со множествомъ обольщенныхъ имъ иноковъ онъ поднялъ возмущеніе противъ Патріарха Ювеналія, требуя, чтобы онъ высказалъ порицаніе на Соборъ Халкидонскій. Но такъ какъ Ювеналій не склонялся на сіе, то его низложили съ престола, и онъ удалился въ Константинополь къ императору Маркіану. Между тѣмъ еретикъ Ѳеодосій, имѣя пособницею императрицу Евдокію и опираясь также на ослѣпленныхъ ересью иноковъ, взошелъ на патріаршій престолъ и причинялъ многія бѣдствія православнымъ[3]). Епископовъ же и клириковъ, не

Ст҃ый
Ꙗ҆ѹвенаѵ́ій

[1]) *Евагрій*—антіохійскій юристъ, авторъ «Церковной исторіи», обнимающей время съ 431 г. по 494 г. Жилъ съ 537 г. по 594 г.

[2]) *Александрія*—знаменитый въ древности городъ, основанный Александромъ Македонскимъ на берегу Средиземнаго моря, при устьѣ рѣки Нила. Александрія въ древности была первымъ городомъ въ мірѣ послѣ Рима и служила центромъ торговли, промышленности и, особенно, языческой образованности, а въ первые вѣка христіанства—разсадникомъ христіанскаго просвѣщенія.—Въ настоящее время Александрія принадлежитъ къ числу укрѣпленнѣйшихъ портовыхъ городовъ и важнѣйшихъ торговыхъ пунктовъ при Средиземномъ морѣ.

[3]) *Ѳеодосій* (незаконно) патріаршествовалъ въ теченіе 20-ти мѣсяцевъ (съ декабря 451 г. по августъ 453 г.).

желавшихъ имѣть съ нимъ общенія, онъ однихъ низвергалъ, другихъ предавалъ мученіямъ и смерти, разграбляя ихъ имущества и разоряя дома.

Такъ онъ поступилъ со Скиѳопольскимъ епископомъ Северіаномъ, не пожелавшимъ принять его еретическаго ученія. Низложивши Северіана съ престола, Ѳеодосій предалъ его смерти.

Вслѣдствіе сего вся Палестина находилась въ страшномъ смущеніи, а Святый Градъ Іерусалимъ былъ какъ бы захваченъ и опустошаемъ варварами. Тогда святые Отцы палестинскіе, скорбя о такомъ гоненіи и разореніи Церкви,—къ тому же и боясь рукъ мучителя,—скрылись въ отдаленнѣйшія пустыни, слезно молясь Богу объ искорененіи ереси и скорѣйшемъ наступленіи мира церковнаго.

Въ причтѣ іерусалимской церкви находился тогда нѣкій искуснѣйшій въ словѣ и ревнитель благочестія діаконъ по имени Аѳанасій. Видя, что въ Церкви на патріаршемъ мѣстѣ стоитъ какъ **мѣрзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ**[1]) еретикъ лжепатріархъ Ѳеодосій, Аѳанасій, прійдя къ нему, громогласно воззвалъ, говоря:

— Перестань, Ѳеодосій, переполнять столькими убійствами Святый Градъ! Перестань поднимать брань на Христа и разбойнически изгонять изъ божественной ограды стадо Его!

Лишь только Аѳанасій сказалъ эти слова, онъ немедленно былъ схваченъ Ѳеодосіевыми оруженосцами, вытащенъ изъ церкви и послѣ разнообразныхъ мученій и безчисленныхъ побоевъ окончилъ жизнь свою, будучи умерщвленъ сѣкирою. Тѣло же его было влачимо по всему городу на веревкѣ, привязанной къ ногамъ, и, наконецъ, брошено на растерзаніе псамъ.

Между тѣмъ воевода Дороѳей, поставленный императоромъ для управленія Палестиной, въ это время не былъ въ Іерусалимѣ, такъ какъ находился въ войнѣ противъ моавитянъ[2]). Узнавши же обо всемъ, что происходило во Святомъ Градѣ, Дороѳей поспѣшно вернулся съ войскомъ въ Іерусалимъ. Но оруженосцы лжепатріарха Ѳеодосія и императрицы Евдокіи по повелѣнію послѣднихъ заперли предъ воеводою городскія ворота, не дозволяя ему войти внутрь города; они пустили его не раньше, прежде чѣмъ онъ далъ имъ обѣщаніе быть съ ними единомышленникомъ въ вѣрѣ. Такимъ

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 24, ст. 15.

[2]) *Моавитяне* обитали въ Палестинѣ къ востоку отъ Мертваго моря, по обѣимъ сторонамъ рѣки Арнонъ. Названіе это было усвоено имъ по имени Моава, сына Лотова отъ его старшей дочери (Кн. Быт., гл. 19, ст. 30—37).

образомъ сей лжепатріархъ Ѳеодосій, возмущая Церковь, пробылъ на престолѣ Іерусалимскаго патріаршества двадцать мѣсяцевъ—до тѣхъ поръ, пока не пришло отъ императора къ военачальнику приказаніе схватить его и какъ мятежника и убійцу отправить на судъ въ Константинополь. Но заранѣе узнавъ о семъ приказаніи императора, Ѳеодосій тайно убѣжалъ на Синайскую гору[1]), гдѣ скрывался въ неизвѣстности.

Тогда Святѣйшій Патріархъ Ювеналій, пользовавшійся большимъ уваженіемъ въ Константинополѣ у императора Маркіана, Пульхеріи и Святѣйшаго Патріарха Константинопольскаго за свою добродѣтель, съ соизволенія императора отправился въ Іерусалимъ, снова получилъ патріаршій престолъ и началъ приводить въ порядокъ и исправлять все разстроенное. Пустынные отцы, узнавши о его возвращеніи, исполнились большой радости и возвратились каждый въ свои обители. Императрица же Евдокія, совращенная въ евтихіанскую ересь упомянутымъ Ѳеодосіемъ, колебалась умомъ, не зная, какого исповѣданія держаться ей. Тогда она послала нарочитаго въ Антіохію къ преподобному Симеону Столпнику[2]), испрашивая у него полезнаго совѣта и наставленія. Послѣдній написалъ императрицѣ письмо, приказывая ей примириться съ Святѣйшимъ православнымъ Патріархомъ Ювеналіемъ и послѣдовать его благочестивому ученію. Императрица немедленно такъ и поступила и, всенародно отрекшись ереси, содѣлалась общницею Церкви Каѳолической. Видя сіе, обратилось къ Православію, по примѣру императрицы, безчисленное множество народа—мірянъ и черноризцевъ, обольщенныхъ ранѣе еретикомъ Ѳеодосіемъ.

Послѣ сего святый Ювеналій остальное время своей жизни прожилъ въ мирѣ, украшая Святую Церковь словомъ, жизнію и пастырскою бдительностію. Въ Прологѣ записано о немъ также слѣдующее.

Когда Маркіанъ съ Пульхеріею устроили во Влахернѣ во имя Пречистыя Дѣвы Богородицы церковь, то они писали къ свя-

---

[1]) *Синайская гора* находилась въ пустыняхъ Каменистой Аравіи; сюда пришли Израильтяне въ третій мѣсяцъ по выходѣ своемъ изъ Египта. Здѣсь данъ былъ Богомъ Законъ, выраженный въ 10-ти заповѣдяхъ.—Въ христіанскую эпоху на этой горѣ подвизались многіе иноки. Въ V-мъ вѣкѣ весь пустынный Синайскій край, несмотря на бѣдность своей природы, былъ усѣянъ скитами. Гора Синай въ настоящее время называется арабами Джебель-Туръ-Сина.

[2]) Разумѣется *Антіохія Сирійская*, стоявшая при р. Оронтѣ, верстахъ въ 10-ти отъ впаденія ея въ Средиземное море. Она основана была Селевкомъ Никаторомъ за 300 лѣтъ до Р. Хр. Вблизи этого города и подвизался, на Дивной горѣ, преподобный Симеонъ Столпникъ (память его совершается Св. Церковію 24-го мая).

тому Ювеналію, спрашивая его: знаетъ ли онъ, гдѣ было положено тѣло Богоматери? Патріархъ отвѣтилъ, что не знаетъ, однако напомнилъ древнее правдивое сказаніе о томъ, какъ было похоронено тѣло Богоматери, какъ святые Апостолы слышали въ продолженіе трехъ дней Ангельское пѣніе и какъ по прошествіи трехъ дней открыли гробъ Богоматери—ради одного ученика, не бывшаго при погребеніи, причемъ не обрѣли тѣла Богоматери, но нашли только гробныя пелены.

Выслушавъ сіе, императоръ и императрица снова написали къ Патріарху, упрашивая его, дабы онъ прислалъ къ нимъ по крайней мѣрѣ запечатанную гробницу Богоматери съ пеленами,—что Патріархъ и исполнилъ.

Святый Ювеналій, потрудившись всего въ санѣ священномъ тридцать восемь лѣтъ[1]), съ миромъ почилъ и предстоитъ нынѣ съ небесными іерархами предъ Престоломъ Славы великаго Архіерея—Господа нашего Іисуса Христа, Которому возсылается слава во вѣки. Аминь.

Въ тотъ же день **преставленіе святителя Фотія, митрополита Кіевскаго**, въ 1431 году.

---

[1]) Ювеналій патріаршествовалъ съ 420 г. по 458 г.

День третій

СТРАДАНІЕ
СВЯТАГО МУЧЕНИКА
ІАКИНѲА

Въ царствованіе императора Траяна[1]) въ Римѣ происходило жестокое гоненіе на христіанъ. Въ то время былъ изданъ указъ, по которому всѣ, находившіеся подъ властію Римскаго императора, обязывались приносить жертвы богамъ, не желавшіе же сего дѣлать предавались мученіямъ.

Въ это время въ царскихъ чертогахъ проживалъ одинъ превосходнѣйшій юноша по имени Іакинѳъ, уроженецъ Кесаріи Каппадокійской[2]), имѣвшій двадцать лѣтъ отъ роду. Занимая должность царскаго постельника, Іакинѳъ всегда находился близъ императора. Будучи по вѣрѣ и по цѣломудренной жизни истиннымъ христіаниномъ, Іакинѳъ втайнѣ служилъ Христу Богу, украшаясь чистотою, воздержаніемъ, кротостію и всякими добрыми дѣлами.

Однажды случился какой-то праздникъ въ честь нечестивыхъ идоловъ; по этому случаю императоръ Траянъ всенародно приносилъ жертвы идоламъ. Прекраснѣйшій же юноша Іакинѳъ не

---

[1]) *Императоръ Траянъ* царствовалъ съ 98 г. по 117 г.

[2]) *Каппадокія*—малоазійская область.

пошелъ съ императоромъ къ идольскимъ капищамъ, но, оставшись во дворцѣ и удалившись въ отдѣльную небольшую комнату, усердно молился здѣсь Единому Истинному Богу. Это замѣтилъ сверстникъ Іакинѳа, состоявшій въ томъ же чинѣ царскаго постельничьяго, юноша по имени Урвикій. Подслушавши молитву Іакинѳа, Урвикій пошелъ и донесъ императору, что Іакинѳъ, нарушая указъ императора, молится нѣкоему Іисусу Христу и называетъ Его Богомъ.

Въ это время императоръ Траянъ вкушалъ пищу на омерзительномъ празднествѣ въ присутствіи всего народа. Онъ приказалъ привести къ себѣ Іакинѳа и далъ ему идоложертвенное мясо, приказавъ ѣсть его.

Доблестный воинъ Христовъ Іакинѳъ, оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, сказалъ императору:

— Мнѣ какъ христіанину неприлично вкушать оскверненное; я весьма желаю, чтобы и ты, оставивъ поклоненіе идоламъ, бѣсовское празднество и свои скверныя жертвы, позналъ Истиннаго Бога и Ему единому служилъ.

Всѣ, вкушавшіе яства вмѣстѣ съ императоромъ, а также и предстоявшіе ему, удивились такой дерзости юноши Іакинѳа и воспылали гнѣвомъ на него; императоръ же сказалъ ему:

— Іакинѳъ, молодость твоя дѣлаетъ изъ тебя гордеца, и ты, недостойный, осмѣливаешься учить меня не служить отеческимъ богамъ, но поклоняться какому-то Христу, Котораго ни мы не знаемъ, ни отцы наши не знали!

— Ты не знаешь Его потому, что не достоинъ познанія Его, Бога Истиннаго, сотворившаго небо, землю, море и все, что въ нихъ, даровавшаго людямъ свѣтила небесныя и создавшаго по Своему образу человѣка. Ты справедливо говоришь про себя, что не знаешь Того, Котораго и отцы твои, будучи чадами гнѣва, не знали. Я же рожденъ и воспитанъ благочестивыми и христолюбивыми родителями и наученъ покланяться и служить Богу моему.

Императоръ разгнѣвался на такой отвѣтъ святаго и приказалъ своимъ слугамъ бить его по устамъ.

Поспѣшно набросившись на Христова мученика, слуги стали жестоко бить его не только по устамъ, но и по ланитамъ; когда же онъ упалъ на землю, его сильно топтали ногами, говоря:

— Какъ смѣешь ты съ дерзостію отвѣчать императору?

Ст҃ый мч҃нкъ
Ѵакі́нѳъ

Затѣмъ императоръ приказалъ перестать бить мученика; святый, не будучи въ силахъ подняться вслѣдствіе жестокихъ побоевъ и попиранія ногами, лежалъ на землѣ. Между тѣмъ Траянъ приказалъ насильственно вкладывать въ уста святому жертвенныя яства. Но святый мученикъ Христовъ, крѣпко стиснувъ свои уста и зубы, не принималъ идоложертвенной скверны. Тогда императоръ приказалъ сковать святаго желѣзными оковами, забить его ноги въ колодки и заключить въ темницу.

На слѣдующій день утромъ императоръ, продолжая отправлять вмѣстѣ съ народомъ тотъ же скверный праздникъ, приказалъ выставить на видномъ мѣстѣ всѣ орудія мученій и привести для допроса изъ темницы мученика Іакинѳа. Когда послѣдній былъ приведенъ, Траянъ спросилъ его:

— Юноша! Подчиняешься ли ты нашему повелѣнію или все еще продолжаешь упорствовать? Я предвижу, что твой горделивый разумъ доведетъ тебя до жесточайшихъ мученій; лучше послушайся меня—принеси жертву богамъ, если не хочешь погибнуть въ жестокихъ мученіяхъ!

Но рабъ Христовъ, пребывая душею и тѣломъ твердъ, какъ адамантъ, и опираясь на помощь Божію, сказалъ Траяну:

— Я—христіанинъ, почитаю Христа, поклоняюсь Ему и приношу Ему живую жертву—себя самого. Бѣсамъ же твоимъ я не стану приносить жертву, угрозы твоей не боюсь, ибо я пренебрегаю мученіями, и ты не заставишь меня, раба Христова, принять ваше нечестіе; ты не соблазнишь меня къ тому, чтобы я изъ-за маловременной жизни сей оставилъ жизнь вѣчную! Дѣлай со мною, что хочешь!

Тогда императоръ, преисполнившись гнѣва, прежде всего приказалъ въ теченіе долгаго времени бить безъ пощады распро-

стертаго на землѣ святаго юношу, а затѣмъ, повѣсивъ его на мѣстѣ мученія, приказалъ терзать плоть его желѣзными когтями. Страдалецъ, доблестно претерпѣвая мученія, взывалъ къ императору:

— Я—христіанинъ, я—рабъ Христа и не отвергнусь отъ Него. Ты же, подвергая меня мученіямъ за Христа, оказываешь мнѣ благодѣяніе. Придумай еще болѣе жестокія мученія, ибо я желаю еще сильнѣе пострадать за Христа, Господа моего, до тѣхъ поръ, пока — при помощи Владыки моего Христа, Который помогаетъ всѣмъ, призывающимъ пресвятое Имя Его, — я не препобѣжду твоей жестокости моимъ терпѣніемъ!

Между тѣмъ наступилъ седьмой часъ. Народъ, находившійся на зрѣлищѣ, весьма изумлялся терпѣнію мученика. Тогда императоръ приказалъ снять святаго съ позорнаго столба и, связавъ, снова отвести его въ темницу, строго приказавши сторожамъ не давать ему никакой другой, кромѣ идоложертвенной, пищи и питья, дабы, вынужденный голодомъ и жаждою, онъ вкусилъ ихъ. Сторожа строго исполняли повелѣніе императора: ежедневно принося пищу и питье отъ идольскихъ жертвъ, они предлагали ихъ святому въ темницѣ. Но, приходя затѣмъ на утро слѣдующаго дня, они находили все въ цѣлости, такъ какъ святый мученикъ не хотѣлъ даже смотрѣть на тѣ идоложертвенныя яства — какъ на гнусную мерзость и въ теченіе долгихъ дней оставался безъ ѣды и питья, непрестанно молясь Богу; святый увеселялся духомъ, какъ бы пребывая на нѣкоемъ богатомъ пиршествѣ, ибо онъ былъ питаемъ благодатію Святаго Духа.

Между тѣмъ Траянъ, посылая слугъ, спрашивалъ сторожей,— вкушалъ ли Іакинѳъ пищу и питье, приносимыя ему отъ жертвъ, или нѣтъ? Сторожа отвѣчали:

— Онъ даже и перстомъ не касается того, что приносятъ ему, но, оставаясь безъ пищи и питія, радуется и возноситъ молитвы Богу своему.

Выслушавъ сіе, Траянъ разгнѣвался на сторожей, предполагая, что кто-нибудь приносилъ Іакинѳу другую пищу, и угрожалъ сторожамъ смертію. Но послѣдніе клятвенно свидѣтельствовали, что къ святому никто не входилъ посторонній; они увѣряли, что бдительно сторожили темницу, не дозволяя никому даже подходить къ ней.

Когда же наступилъ тридцать восьмой день пребыванія мученика въ темницѣ, одинъ изъ сторожей, по обыкновенію своему,

вошелъ въ темницу, неся съ собою для предложенія мученику идоложертвенное. И вотъ, онъ увидалъ въ темницѣ несказанный свѣтъ и двухъ, стоявшихъ близъ святаго мученика, Ангеловъ, изъ которыхъ одинъ покрывалъ пресвѣтлой одеждой тѣло святаго, а другой возлагалъ на его голову чудный вѣнецъ. Увидавши сіе, сторожъ весьма испугался и, бросивъ то, что онъ несъ, побѣжалъ къ императору и сообщилъ ему, что видѣлъ. Императоръ не повѣрилъ разсказанному и, предположивъ, что все это какія-нибудь обольщенія, совершаемыя волшебствомъ, рѣшилъ предать страдальца Христова еще болѣе жестокимъ мукамъ.

По прошествіи двухъ дней Траянъ, возсѣвъ на публичномъ судилищѣ, приказалъ вывести узника изъ темницы для мученія, сказавъ:

— Посмотрю, какъ поможетъ ему Христосъ, освободитъ ли Онъ его изъ моихъ рукъ?

Но когда слуги императора вошли въ темницу, то нашли юношу скончавшимся о Господѣ[1]), увидали также пресвѣтлыхъ Ангеловъ, принявшихъ видъ юношей и стоявшихъ кругомъ тѣла; они держали въ рукахъ своихъ свѣчи, въ то время какъ темница переполнилась неизъяснимымъ свѣтомъ и благоуханіемъ. Объятые страхомъ слуги выбѣжали изъ темницы и сообщили о видѣнномъ императору.

Исполнившись стыда и гнѣва, императоръ послалъ множество слугъ вынести изъ темницы тѣло умершаго. Послѣдніе, войдя въ темницу, ничего другого не увидали здѣсь, кромѣ мертваго тѣла, которое они и вынесли изъ темницы. Тогда императоръ приказалъ вынести за городъ честно̀е тѣло мученика и бросить его въ пустомъ мѣстѣ на съѣденіе звѣрямъ, псамъ и птицамъ; при семъ онъ приказалъ сторожамъ находиться неподалеку, дабы тѣло святаго не взяли отсюда тайно христіане.

Такъ лежало тѣло святаго мученика въ теченіе долгаго времени, не испытывая никакого вреда, ибо его охранялъ Ангелъ Божій.

Однажды ночью одному честно̀му пресвитеру, родственнику мученика, по имени Тимоѳею, явился Ангелъ и повелѣлъ взять тѣло мученика. Послѣдній, вмѣстѣ съ нѣкоторыми вѣрующими изъ его дома, съ наступленіемъ ночи отправился на то пустынное мѣсто. Такъ какъ никто не препятствовалъ ему, онъ взялъ святое тѣло мученика, положилъ его во внутреннемъ покоѣ своего дома,

[1]) Кончина святаго мученика Іакинѳа послѣдовала въ нач. II-го в.

обвивъ оное чистою плащаницею съ ароматами. Затѣмъ пресвитеръ ежедневно зажигалъ при ковчегѣ съ тѣломъ святаго лампадку и кадилъ ѳиміамомъ.

Послѣ сего пресвитеръ Тимоѳей, проживъ нѣсколько лѣтъ и приблизившись къ своей кончинѣ, вручилъ мощи святаго мученика нѣкоей честнóй, святой по жизни и почтенной по возрасту, вдовѣ. Послѣдняя, съ радостію принявъ то безцѣнное сокровище, хранила его у себя съ честію, точно такъ же ежедневно возжигая кадило и производя кажденіе; отъ святыхъ же мощей исходило сильное благоуханіе и переполняло собою ту храмину. Сія женщина никому ничего не разсказывала относительно мощей святаго, такъ какъ весь городъ совершалъ служеніе идоламъ; лишь сама она день и ночь со слезами молилась при мощахъ мученика Христова.

По истеченіи же многаго времени, когда вдова та приблизилась къ кончинѣ, случилось кому-то изъ знатныхъ мужей вслѣдствіе головной боли лишиться зрѣнія. Больной не видалъ свѣта въ теченіе цѣлаго года и не могъ получить никакой помощи отъ врачей. Святый мученикъ Іакинѳъ, явившись ему во снѣ, сказалъ:

— Человѣкъ! Желаешь ли ты вылѣчиться отъ болѣзни своей и исцѣлиться отъ слѣпоты?

— Кто ты, говорящій мнѣ сіе? — спросилъ больной явившагося.

— Я,—отвѣчалъ святый,—врачъ всякихъ недуговъ, рабъ Христовъ Іакинѳъ.

— Умоляю тебя,—продолжалъ больной,—возьми все мое имущество, которымъ я владѣю, только дай мнѣ видѣть свѣтъ, такъ какъ, сидя въ темнотѣ, я весьма скорблю и страдаю.

— Тебя даромъ исцѣлитъ,—отвѣчалъ ему святый Іакинѳъ,— Богъ мой, только сдѣлай то, что я прикажу тебѣ, а именно: отошли на мою родину, въ каппадокійскій городъ Кесарію, мое тѣло, положенное въ землю у той вдовы, которая проживаетъ поблизости отъ тебя; глаза же свои помажь елеемъ изъ лампады, горящей при моемъ ковчегѣ,—тогда ты прозрѣешь.

Мужъ тотъ, повѣривши видѣнному во снѣ, всталъ съ одра своего, отправился съ провожатымъ въ домъ вдовицы и сообщилъ ей о явленіи и повелѣніи мученика. Тогда вдовица, приведя сего мужа во внутренній покой, въ которомъ лежало тѣло святаго, дала ему елея изъ лампады; когда мужъ тотъ помазалъ свои слѣ-

потствующія очи тѣмъ елеемъ, онъ тотчасъ же прозрѣлъ, но замедлилъ привести въ исполненіе приказаніе святаго.

По прошествіи нѣкотораго времени мракъ снова покрылъ очи его, и онъ ослѣпъ. Тогда онъ вновь съ провожатымъ отправился къ мощамъ святаго мученика, испрашивая у него исцѣленія. При входѣ же въ храмину, гдѣ почивали мощи святаго, онъ услышалъ голосъ, говорившій ему свыше:

— Тотъ, кто надругался, нынѣ самъ поруганъ.

Тогда онъ, упавъ предъ мощами святаго, сказалъ:

— Даруй мнѣ нынѣ прозрѣніе, угодникъ Божій, и я немедленно исполню то, что ты мнѣ приказалъ!

Затѣмъ, вставъ, онъ снова помазалъ елеемъ изъ лампады очи свои и снова прозрѣлъ уже вполнѣ и совершенно, ибо отверзлись не только тѣлесныя, но и душевныя очи его: увѣровавъ во Христа, онъ былъ просвѣщенъ Святымъ Крещеніемъ.

Упомянутая вдовица къ тому времени уже скончалась; тогда новопросвѣщенный христіанинъ, взявъ ковчегъ съ мощами святаго и запечатавъ его, отослалъ его съ надежными людьми въ Кесарію Каппадокійскую; при этомъ онъ приказалъ отправленнымъ съ ковчегомъ людямъ пустить муловъ (везшихъ ковчегъ) однихъ, когда они приблизятся къ городу,—тамъ, гдѣ они остановятся, должны быть положены мощи, ибо такъ приказалъ святый.

Когда же посланные съ мощами вѣрные люди подошли къ городу Кесаріи и находились близъ воротъ, называвшихся Севастіанскими, то пустили муловъ безъ провожатыхъ. Никѣмъ не управляемые, послѣдніе подошли къ дому, въ которомъ родился мученикъ. Но къ этому времени уже скончались родители его. Тогда всѣ, находившіеся въ томъ городѣ вѣрующіе, собравшись, преисполнились великой радости по случаю прибытія къ нимъ мощей мученика; потомъ съ честію положили въ томъ домѣ святыя мощи въ мраморномъ ковчегѣ, прославляя Господа нашего Іисуса Христа. Христовъ мученикъ Іакинѳъ скончался въ Римѣ мѣсяца іюля въ третій день, томимый голодомъ и жаждою, но насыщаемый вѣрою, молитвою и благодатію Святаго Духа,—въ то время, когда нечестивыми обладалъ Траянъ, а надъ христіанами царствовалъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Которому возсылается слава съ Отцемъ и Святымъ Духомъ нынѣ и въ безконечные вѣки. Аминь.

Конда́къ, гла́съ ѕ҃:

Дре́во жи́зни посредѣ̀ дꙋши̇̀ своеѧ̀, вѣ́рꙋ твою̀, хрⷭ҇тѐ, стѧжа́вый твóй мч҃нкъ, є҆де́мскагѡ раѧ̀ чⷭ҇тнѣ́йшїй бы́сть, дре́во пре́лести ѕмі́евы погꙋби́въ дерзнове́ннѡ дꙋ́хомъ, вѣнча́сѧ сла́вою твое́ю, многомл҃тиве.

ЖИТІЕ
ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО
АЛЕКСАНДРА,
первоначальника обители Неусыпающихъ

Святый преподобный отецъ нашъ Александръ родился въ Азіи. Будучи еще въ юныхъ лѣтахъ, онъ приходилъ для образованія въ Константинополь, гдѣ, довольно поучившись, пріобрѣлъ значительныя познанія въ наукахъ. По достиженіи же зрѣлаго возраста поступилъ въ военную службу и впослѣдствіи былъ военачальникомъ. Любилъ онъ, на досугѣ отъ служебныхъ дѣлъ своихъ, читать книги Божественнаго Писанія, потому что былъ добродѣтеленъ, честенъ, постояненъ, богобоязливъ и украшенъ цѣломудріемъ и воздержаніемъ. Прочтя Ветхій и Новый Завѣтъ, онъ углубился своею мыслію въ Евангельскія словеса, реченныя пречистыми Христовыми устами: а҆́ще хо́щеши соверше́нъ бы́ти, и҆ди̇̀, прода́ждь и҆мѣ́нїе твоѐ, и҆ да́ждь ни́щымъ, и҆ и҆мѣ́ти и҆́маши сокро́вище на небеси̇̀, и҆ грѧди̇̀ въ слѣ́дъ менѐ[1]). Размышляя о семъ и твердо вѣруя въ Слово Христово, началъ онъ продавать свои имѣнія, которыхъ у него было довольно при его высокомъ служебномъ положеніи, и полученное за нихъ раздавать нищимъ и бѣднымъ, а самъ возъимѣлъ уже непремѣнное намѣреніе отречься отъ міра и отъ всего мірскаго и быть подражателемъ Христу.

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 19, ст. 21.

Прп҃бный
а҆лєза́ндръ

Слышалъ онъ, что въ Сиріи обитаютъ святые мужи, проводящіе богоугодную жизнь въ киновіяхъ, и пожелалъ идти туда. Сложивъ съ себя званіе военачальника и оставивъ друзей своихъ, домъ свой и рабовъ своихъ, и отложивъ всякое попеченіе о житейскомъ, пошелъ въ Сирію. Достигнувъ киновіи, въ которой аввою былъ преподобный Илія, онъ умолилъ сего отца принять его въ число иночествующей братіи. Будучи причтенъ къ лику иночествующихъ, четыре года прожилъ онъ въ этой киновіи, ревностно исполняя всѣ возлагаемыя на него послушанія и упражняясь, кромѣ сего, въ постѣ, денно-нощной молитвѣ и въ чтеніи книгъ. Болѣе всего желалъ онъ проникнуть въ разумѣніе Псалмовъ Давидовыхъ, желалъ уразумѣть силу каждаго стиха въ Псалмахъ. Въ случаѣ недоумѣній спрашивалъ онъ опытныхъ о непонятномъ и усердно молился Богу, да просвѣтитъ его разумъ къ пониманію Божественныхъ Писаній, что и получилъ по благодати Святаго Духа, такъ что впослѣдствіи, при чтеніи Божія Слова, онъ уже находилъ полное услажденіе и умиленіе въ своемъ сердцѣ. Видя, что во всѣхъ киновіяхъ братія имѣютъ излишнее попеченіе о пищѣ и одеждѣ, онъ вспоминалъ объ Евангельскихъ Христовыхъ словахъ, которыя возбраняютъ излишнюю заботу о пищѣ, питіи и одеждѣ и даже не велятъ заботиться и о завтрашнемъ днѣ. Онъ былъ твердо и непоколебимо увѣренъ, что благопромыслитель Господь, питающій птицъ и одѣвающій траву сельную, тѣмъ болѣе не оставитъ безъ Своего попеченія работающихъ Ему людей, что силенъ Онъ и пропитать и одѣть ихъ, искали бы они прежде Царствія Божія и правды Его. Одушевленный такими помышленіями, преподобный Александръ, взявъ имѣвшееся у него Евангеліе, пришелъ съ нимъ къ аввѣ Иліи и сказалъ ему:

— Отче, все ли истинно, что написано въ Евангеліи?

Услышавъ такой вопросъ, преподобный Илія удивился и въ смущеніи подумалъ, что вопрошавшій его прельщенъ какимъ-нибудь невѣріемъ отъ діавола. Не отвѣчая ничего на вопросъ, онъ сѣлъ и склонилъ главу свою, а въ это время пришли къ нему братія.

— Братія, — сказалъ имъ преподобный Илія, — помолимся о братѣ нашемъ Александрѣ, увязшемъ во вражескія сѣти.

И вставъ, сотворилъ молитву со слезами, а потомъ, обратившись къ Александру, сказалъ ему:

— Откуда пришелъ къ тебѣ такой сомнительный помыслъ, что ты не вѣришь написанному въ Святомъ Евангеліи?

— Не не вѣрую я, отче,—отвѣтилъ ему Александръ,—а только спрашиваю, истинно ли все, написанное въ Святомъ Евангеліи?

— Воистину, все истинно,—отвѣчали ему всѣ братія,—и никакого въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

Тогда сказалъ имъ Александръ:

— Если все истинно написанное, то почему же мы не исполняемъ онаго?

— Невозможно немощному человѣку исполнить всего, — отвѣтили ему братія.

Послѣ такого отвѣта Александръ, воспламенившись своимъ духомъ и за ничто почитая прежнее житіе свое, проведенное не въ совершенномъ исполненіи Евангельскихъ Словъ, вознамѣрился уйти въ пустыню, чтобы тамъ удобнѣе пожить по Евангельскому Слову. Испросивъ благословеніе у преподобнаго Иліи и съ любовію простившись съ братіею, пошелъ онъ съ упованіемъ на Господа, ничего не имѣя при себѣ, кромѣ Святаго Евангелія. Семь лѣтъ пробылъ онъ въ пустынѣ, не имѣя никакого попеченія ни о чемъ земномъ. Какъ онъ питаемъ былъ, по благопромышленію Божію, въ пустынѣ, откроется изъ послѣдующаго повѣствованія.

По исполненіи семилѣтняго пребыванія въ пустынѣ преподобный Александръ узналъ, что невдалекѣ отъ мѣста, гдѣ онъ находился, есть одно селеніе, въ которомъ жили служившіе бѣсамъ идолопоклонники. Возгорѣвшись по Богѣ ревностію, пошелъ въ это селеніе и зажегъ тамъ идольскій храмъ. Увидѣвши это, жители сбѣжались къ пылавшему капищу и нашли здѣсь преподобнаго Александра. Онъ не отошелъ отъ зажженнаго имъ капища, но нарочито ожидалъ, когда стекутся сюда жители-идоло-

поклонники, потому что не хотѣлъ утаить отъ нихъ сдѣланнаго имъ. Когда начали спрашивать его о зажженіи храма, то онъ признался и сказалъ, что онъ зажегъ его. Услыхавши это, бросились на него и хотѣли убить его, но Богъ хранилъ раба Своего. Нѣкоторые изъ жителей не согласны были на убіеніе Александра и посему не допускали устремившихся на него, и настаивали, чтобы виновнаго въ поджогѣ предать городскому суду. Послѣ сего, когда всѣ поуспокоились отъ своей горячности, святый возвысилъ свой голосъ и сказалъ:

— О люди! Уразумѣйте ваше заблужденіе, познайте Истину, избавьте себя отъ вѣчнаго осужденія, я возвѣщаю вамъ Царство Небесное.

И началъ имъ, какъ Апостолъ, проповѣдовать слово спасенія. Нѣкоторые слушали его ученіе, а другіе не хотѣли внимать его словамъ и отвели его въ городской судъ. Градоначальникомъ въ томъ городѣ былъ тогда Равулъ. Онъ, слушая отъ устъ преподобнаго преподаваемое Божіе ученіе, долго противорѣчилъ ему, стараясь оспорить это ученіе отъ своихъ языческихъ книгъ, и устрашалъ святаго угрозами мученій. Наконецъ, убѣдившись, что преподобный Александръ и нравомъ своимъ кротокъ, и премудръ въ своихъ отвѣтахъ, и что проповѣдуемое имъ ученіе непреодолимо, Равулъ не сдѣлалъ ему никакой непріятности. Напротивъ, Господь такъ устроилъ, что сей градоначальникъ пригласилъ къ себѣ Александра одного, чтобы вести съ нимъ наединѣ бесѣду, и прежде всего спросилъ:

— Скажи мнѣ правду, на какомъ основаніи вы, христіане, такъ презираете жизнь вашу?

На этотъ вопросъ преподобный отвѣтилъ Равулу:

— Не такъ ты говоришь: мы не презираемъ нашей жизни, но стараемся сохранить себя безсмертными во вѣки. Истинная жизнь въ томъ и заключается, чтобы жить вѣчно, а жить только временно—это не жизнь, а смерть. Эту временную, смертную жизнь мы и презираемъ ради будущей вѣчной, безсмертной жизни, потому что писано намъ: «и҆́же погꙋби́тъ дꙋ́шꙋ свою̀ мене ради въ этомъ вѣкѣ, въ жизни вѣчной ѡ҆брѧ́щетъ ю҆̀»[1]).

Сказалъ ему на это Равулъ:

— А гдѣ вы надѣетесь быть по прекращеніи сей земной жизни?

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 39.

Святый началъ проповѣдовать ему о Царствіи Небесномъ и объ уготованныхъ праведнымъ вѣчныхъ благахъ. Невѣрному язычнику сказанія святаго представлялись какъ басня, но, несмотря на это, ему еще болѣе хотѣлось слушать новое для него ученіе, и онъ спросилъ еще о началѣ святой вѣры. Тогда преподобный, поучая его Богопознанію и раскрывая о благоутробіи Божіемъ къ людямъ, началъ повѣствовать о дѣяніяхъ Господнихъ отъ самаго созданія міра до креста и вольной Христовой смерти — до воскресенія и преславнаго вознесенія на Небо. День и ночь продолжалась бесѣда. Ни пищи, ни питья собесѣдники не употребили и даже ко сну не клонило ихъ. Когда была рѣчь о святомъ Иліи Пророкѣ — какъ по его слову заключилось небо и какъ по его молитвѣ ниспалъ на жертвы огнь, какого не могли вымолить у своихъ идоловъ жрецы Вааловы, — Равулъ, слыша это, смѣялся и говорилъ:

— Всѣ эти ваши христіанскія басни — выдумки. Совѣтую тебѣ полезное: принеси вмѣстѣ съ нами жертвы нашимъ богамъ; они милостивы и простятъ тебѣ то, что ты по невѣдѣнію прогнѣвалъ и оскорбилъ ихъ, сожегши ихъ храмъ.

Святый сказалъ:

— Если дѣйствительно боги тѣ, которыхъ ты называешь богами, то почему при Пророкѣ Иліи не послушали жрецовъ своихъ, когда они цѣлый день взывали къ нимъ, и не свели съ неба огня на жертвы? А рабъ Божій Илія только одинъ и однажды помолился къ нашему Единому, на Небесахъ живущему Богу[1]), — и тотчасъ спалъ съ неба огонь и попалилъ не только дрова и жертву, но и воду, и камни, и самую землю пожегъ, а потомъ спалъ свыше огонь и на тѣхъ пятьдесятниковъ, которые хотѣли схватить Пророка, и сожегъ ихъ и съ воинами ихъ[2]).

Разсмѣялся Равулъ и сказалъ:

— Если то дѣйствительно было, то и ты, называющій себя рабомъ Бога твоего, сдѣлай то же. Вотъ предъ нами множество рогожъ и хворосту, помолись своему Богу, какъ и Илія, чтобъ сошелъ огнь съ неба и сожегъ это. Тогда и я скажу, что нѣтъ другого Бога, кромѣ Бога, въ Котораго вѣруютъ христіане.

Святый сказалъ:

— Сперва ты помолись своимъ богамъ, пусть они это сдѣлаютъ.

---

[1]) 3 Кн. Царствъ, гл. 18, ст. 23—39.

[2]) 4 Кн. Царствъ, гл. 1.

Равулъ отвѣтилъ на это:

— Я не имѣю ни силы, ни дерзновенія предъ моими богами, помолись ты своему Богу.

Тогда святый Александръ, вспомянувъ, что, по Евангельскому слову, всѧ возмѡ́жна вѣ́рꙋющемꙋ[1]), съ твердою вѣрою и упованіемъ на Бога восталъ на молитву и какъ только, воздѣвши свои руки, началъ молиться, тотчасъ ниспалъ съ Неба огнь на рогожи и хворостъ и пожегъ ихъ. Видя это, Равулъ пришелъ въ великій ужасъ и боялся, какъ бы не палъ и на него огонь и не сжегъ его, какъ пятьдесятниковъ при Иліи Пророкѣ. И воззвалъ Равулъ громкимъ голосомъ, и сказалъ:

— Воистину великъ Богъ христіанскій!

И хотѣлъ объ этомъ чудѣ разсказать народу, но святый строго запретилъ ему, чтобы никому не сказывалъ. И умолчалъ Равулъ, затаивъ это въ себѣ, пока живъ былъ преподобный Александръ. Послѣ же его кончины онъ объявилъ о семъ чудѣ предъ епископами и монахами, Именемъ Божіимъ подтверждая истину своего сказанія.

Послѣ совершеннаго преподобнымъ Александромъ чуда градоначальникъ Равулъ цѣлую седмицу былъ неразлучно съ святымъ Александромъ для наученія въ истинахъ вѣры и для наставленія на истинный путь спасенія, а затѣмъ просилъ просвѣтить его и Святымъ Крещеніемъ, такъ какъ приближался пресвѣтлый день Святой Пасхи. Но ненавистникъ человѣческаго спасенія діаволъ захотѣлъ воспрепятствовать исполненію этого святаго дѣла и вложилъ Равулу мысль, чтобы не въ городѣ принять ему Святое Крещеніе, а въ церкви, которая находилась за городомъ. Пошли туда въ сопровожденіи многихъ изъ гражданъ съ женами ихъ и дѣтьми. Когда же пришли къ сей церкви, то увидали здѣсь страшно бѣснующуюся дѣвицу. Испугался Равулъ и сказалъ:

— Не хочу быть христіаниномъ. Эту дѣвицу наказываютъ боги за то, что она приняла христіанскую вѣру. Боюсь, чтобы и со мной подобнаго не случилось.

Сказавъ это, отошелъ отъ церкви и хотѣлъ возвратиться назадъ. Святый же удержалъ его и сказалъ:

— Зачѣмъ поддаешься діавольскому искушенію? Эта дѣвица наказывается за свои грѣхи, по попущенію Божію. Она обѣщалась

---

[1]) Еванг. отъ Марка, гл. 9, ст. 23.

предъ Богомъ сохранять чистоту дѣвства, но не соблюла своего обѣщанія и за это страдаетъ отъ бѣсовъ, будучи предана сатанѣ, чтобы душа ея спаслась. А что это истинно, пойди самъ къ дѣвицѣ и спроси ее.

Равулъ подошелъ къ бѣснующейся и отъ нея самой услышалъ громогласное признаніе въ грѣхахъ, за которые Богъ попустилъ войти въ нее сатанѣ и мучить ее. Послѣ сего Равулъ оставилъ всякое сомнѣніе и просилъ у святаго Крещенія себѣ. Когда онъ крестился и вышелъ изъ святой купели, то бѣлая одежда, которая, по обыкновенію христіанскому, приготовлена была для него къ Крещенію, оказалась вся, сверху донизу, съ изображенными на ней красными въ кругахъ, какъ бы киноварью написанными, крестами. Всѣ удивились такому чуду, а пришедшіе сюда за Равуломъ мужи и жены просили и себѣ Святаго Крещенія. Святый же Александръ, желая увѣриться, что воистину они вѣруютъ во Христа, сказалъ имъ:

— Слѣдуетъ вамъ доказать вашу вѣру. Пойдемъ въ городъ и, если кто изъ васъ имѣетъ въ своемъ дому идоловъ, пусть вынесетъ ихъ на средину града и разобьетъ ихъ на части своими руками, а потомъ уже сподобится Святаго Крещенія.

Всѣ согласились исполнить это и, придя въ городъ, вынесли изъ своихъ домовъ великое множество идоловъ, и разбили ихъ на срединѣ города, послѣ чего и просвѣщенъ былъ весь городъ Святымъ Крещеніемъ. Преподобный оставался на нѣкоторое время въ городѣ и утверждалъ новокрещенныхъ въ святой вѣрѣ. Когда же увидѣлъ, что они утвердились въ благочестіи и благодарятъ за это Бога, то сказалъ Равулу:

— Доселѣ вы были питаемы млекомъ, а теперь слѣдуетъ вамъ питать себя и твердою пищею. Если кто изъ васъ хочетъ совершеннымъ быть въ жизни христіанской, пусть послушаетъ Христовыхъ словесъ. Онъ говоритъ: «продади́те и҆мѣ́нїѧ ва́ша, и҆ дади́те ми́лостыню: сотвори́те себѣ̀ сокро́вище неоскꙋдѣ́емо на нб҃сѣ́хъ: [1]) и҆щи́те цр҃твїѧ бж҃їѧ, и҆ сїѧ̀ всѧ̀ приложа́тсѧ ва́мъ» [2]).

Равулъ, услышавъ это, сказалъ:

— Я не могу быть такимъ совершеннымъ христіаниномъ. Если я все продамъ и раздамъ, то кто будетъ пропитывать мно-

---

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 12, ст. 33.

[2]) Еванг. отъ Луки, гл. 12, ст. 31.

гихъ моихъ домашнихъ, и какъ безъ заботы можно пріобрѣсти то, что нужно для жизни? Если ты хочешь увѣрить меня въ этомъ, покажи мнѣ на дѣлѣ, чтобы хоть одинъ день могъ пропитать меня и всѣхъ моихъ домашнихъ безъ нашей объ этомъ заботы. Не знаю, какъ ты сможешь это сдѣлать, когда ты самъ нищій и когда у тебя и для своего пропитанія ничего нѣтъ и на одинъ день. Если же ты въ городѣ сдѣлать этого не сможешь, то что будешь дѣлать въ пустынѣ, когда мы все оставимъ и пойдемъ за тобой?

Святый же, имѣя твердое упованіе на Бога, рѣшительно сказалъ:

— Возьми домашнихъ своихъ и, если хочешь, друзей своихъ, которыхъ знаешь, и веди ихъ на цѣлый день въ какую угодно далекую отъ людей пустыню; буду и я съ вами; хлѣба чтобы не было ни у кого изъ васъ, даже самаго малаго куска, и никакой другой пищи. Если Богъ не насытитъ васъ, какъ прежде Израильтянъ въ пустынѣ, тогда и не будете вѣрить моимъ словамъ.

Равулъ согласился. Когда настало утро, онъ взялъ съ собою домашнихъ и друзей и пошелъ въ одну непроходимую пустыню вмѣстѣ съ преподобнымъ Александромъ, желая видѣть на дѣлѣ исполненіе его словъ. Шли цѣлый день, и уже насталъ одиннадцатый часъ, когда они остановились на мѣстѣ между двухъ горъ, къ которымъ не было ниоткуда никакого слѣда. И началъ святый Александръ по обыкновенію своему совершать вечернее пѣніе, а Равулъ и его спутники, будучи уже изнуряемы голодомъ, думали, что они будутъ ѣсть. Когда же окончилъ святый молитву, то увидѣли они какого-то идущаго къ нимъ простого селянина, который велъ за собою скотъ, тяжело навьюченный большими мѣшками, висѣвшими по обѣимъ сторонамъ, въ которыхъ были чистые и теплые хлѣбы и плоды садовые и огородные. И сказалъ преподобный Равулу:

— Получите эту пищу и не будьте не вѣрны, но вѣрны.

Съ радостію приняли они привезенное, и Равулъ, удивляясь съ своими друзьями, сказалъ:

— Откуда въ этой пустынѣ появился человѣкъ съ такой пищей? Мы, шедши цѣлый день, едва могли придти сюда, сему же слѣдовало только въ полночь выйти изъ дому, чтобы въ этотъ часъ придти на это мѣсто. Если же онъ и въ полночь вышелъ,

то почему эти хлѣбы и теперь теплы, какъ будто сейчасъ вынуты изъ печи?

Такъ удивляясь, спросили они пришедшаго къ нимъ:

— Откуда и кто послалъ тебя сюда?

— Меня послалъ къ вамъ мой Господинъ, чтобы вы не были голодны, — отвѣтилъ имъ пришедшій.

Когда же они хотѣли еще что-то сказать этому человѣку, то онъ тотчасъ сдѣлался невидимъ и со всѣми пришедшими съ нимъ животными, потому что это былъ Ангелъ Божій въ образѣ простого человѣка. Ужасъ объялъ всѣхъ, и тогда всѣ повѣрили словамъ преподобнаго, а еще болѣе — словесамъ Христовымъ, чтобы ни о чемъ не заботиться работающимъ Господу, но во всемъ полагаться на Промыслъ Божій. Затѣмъ, поблагодаривъ Бога, ѣли и ночевали тутъ, а на другой день возвратились въ городъ. Послѣ этого чуда можно было понять, чѣмъ преподобный Александръ питался семь лѣтъ, во время пребыванія своего въ пустынѣ, не имѣя никакого попеченія о житейскомъ. Этимъ чудомъ градоначальникъ Равулъ сильно укрѣпился и безъ всякаго уже колебанія возжелалъ упражняться въ богомысліи. Онъ прежде всего отказался отъ своей должности, а потомъ началъ продавать свое имѣніе и, по согласію съ женою и дочерьми (а сына у него не было), раздавать нищимъ, оставивъ только имъ часть на пропитаніе. Жена его съ дочерьми устроила монастырь и, послуживши въ немъ Богу всѣмъ сердцемъ, угодила Ему, а Равулъ, все свое роздавъ и отпустивъ на свободу своихъ рабовъ, ушелъ въ пустыню, изъ которой чрезъ нѣсколько лѣтъ изведенъ былъ и поставленъ епископомъ городу Эдессѣ [1]). Довольно лѣтъ прожилъ онъ въ святительскомъ санѣ и, какъ свѣтъ, просвѣщалъ свою паству. Но мы возвратимся къ повѣствованію о преподобномъ Александрѣ.

Преподобный Александръ, видя тотъ городъ, который онъ просвѣтилъ святою вѣрою, процвѣтающимъ, по благодати Господней, и преуспѣвающимъ, веселился въ душѣ своей, но сердце влекло его опять въ пустыню. Граждане желали имѣть его у себя епископомъ и умоляли его объ этомъ. Когда же онъ не согласился и хотѣлъ тайно уйти отъ нихъ, то они и днемъ и ночью стерегли у городскихъ воротъ, чтобы не упустить своего отца и учителя. Но преподобный, какъ нѣкогда святый Апостолъ Павелъ, нѣко-

---

1) Городъ на сѣверѣ Месопотаміи, на рѣкѣ Евфратѣ.

торыми изъ учениковъ своихъ былъ спущенъ чрезъ стѣну въ корзинѣ[1]) и удалился въ пустыню для любезнаго ему безмолвія. Шелъ онъ два дня по пустынѣ, и на пути оказалось жилище разбойниковъ. Разбойники взяли его и привели къ своему начальнику. Преподобный же своими Боговдохновенными словами не только укротилъ свирѣпаго и звѣронравнаго вождя разбойнической шайки, но и довелъ до умиленія жестокое сердце его, такъ что онъ увѣровалъ во Христа и чрезъ нѣсколько дней просвѣщенъ былъ Святымъ Крещеніемъ. Совершивъ надъ нимъ Крещеніе, преподобный спросилъ его:

— Чего просилъ ты у Бога мысленно предъ Крещеніемъ?

— Просилъ я,—отвѣтилъ ему крещенный,—чтобы Господь, по очищеніи грѣховъ моихъ въ купели Крещенія, скорѣе взялъ отъ меня душу мою.

— Исполнится то, о чемъ просилъ ты,—сказалъ ему святый.

Въ восьмый день, когда новокрещенный, послѣ очищенія своего въ святой купели, омылъ грѣхи еще многими слезами истиннаго покаянія, онъ преставился къ Господу. Видѣвъ это, и прочіе разбойники присоединились къ святой вѣрѣ и, принявъ Крещеніе, начали вести свою жизнь съ сокрушеннымъ покаяніемъ; а спустя немного времени и самое жилище разбойниковъ обращено было въ монастырь, въ которомъ подвизались разбойники, отрекшись отъ міра, ставъ ревностными иноками. Преподобный нѣсколько времени жилъ съ ними и, учредивъ иноческіе уставы и поставивъ для нихъ опытнаго начальника, удалился въ глубочайшую пустыню, радуясь о спасеніи человѣческихъ душъ. Два дня шелъ онъ и достигъ Евфрата. Переправившись чрезъ рѣку, онъ нашелъ дерево съ весьма обширнымъ внутри дупломъ, и эту пустоту въ деревѣ избралъ мѣстомъ для своего пребыванія. Въ дневное время ходилъ онъ по горамъ и по пустыннымъ дебрямъ, а на ночь приходилъ къ мѣсту своего обиталища. Чѣмъ онъ питался, не нужно спрашивать, когда въ пустынѣ Равулу съ его спутниками, какъ сказано, испросилъ хлѣбъ у Бога. Обиталъ онъ на этомъ мѣстѣ долгое время. По Божію внушенію, начали приходить къ нему братія и селиться при немъ, желая подражать равноангельскому житію его. Пребываніе здѣсь преподобнаго продолжалось двадцать лѣтъ. Въ это время на мѣстѣ при Евфратѣ устроилась великая киновія, въ которую собралось множество братіи. До четырехсотъ

[1]) Сравн.: 2 Посл. къ Коринѳ., гл. 11, ст. 32.

человѣкъ было здѣсь братіи изъ разныхъ странъ — изъ Греціи, изъ Рима, изъ Сиріи и изъ Египта. Богъ собралъ такое стадо и вручилъ его доброму пастырю преподобному Александру. Но что удивительнѣе? Такое множество братіи, при маломъ попеченіи о пищѣ и одеждѣ, имѣло каждый день полное во всемъ довольство. И они ничего не оставляли на другой день, а раздавали все приходящимъ къ нимъ нищимъ и страннымъ. Промыслъ Божій посылалъ на всякій день пищу рабамъ Своимъ. Въ этой киновіи, въ первой, учрежденъ былъ новый, нигдѣ прежде не бывшій, чинъ Неусыпающихъ. Преподобный Александръ сначала установилъ, чтобы братія ходили въ церковь на славословіе Божіе по семи разъ въ сутки, по слову Пророка, который говорилъ: **седмери́цею дне́мъ хвали́хъ тѧ̀ ѿ сꙋдьба́хъ пра́вды твоеѧ**[1]). Потомъ, обративъ вниманіе на другія слова того же Пророка: **бла́женъ мꙋ́жъ и҆́же въ зако́нѣ гдⷭ҇ни поꙋчи́тсѧ де́нь и҆ но́щь**[2]), преподобный размышлялъ, возможно ли на самомъ дѣлѣ исполнить человѣку пророческое слово, чтобы и днемъ и ночью неусыпно поучаться въ Законѣ Божія славословія. Если бы, говорилъ онъ себѣ, это не было возможно, то Святый Духъ не изрекъ бы сего пророческими устами. И пожелалъ онъ учредить въ своей киновіи такой чинъ, чтобы въ церкви, и днемъ и ночью, было непрестанное и неусыпное Псалмопѣніе. Если, говорилъ онъ, невозможно это по немощи плоти въ келліи одному человѣку, то возможно совершать это въ церкви многимъ, смѣняясь по часамъ. Такъ онъ размышлялъ съ собою, но не рѣшался начать такое дѣло безъ извѣщенія отъ Бога. И вспомнивъ слово Христово: **проси́те и҆ да́стсѧ ва́мъ, толцы́те и҆ ѿве́рзетсѧ ва́мъ**[3]), началъ усердно молить Господа, да явитъ ему Свое откровеніе, угодно ли Ему его намѣреніе и будетъ ли Ему пріятенъ такой чинъ, чтобы какъ всегда Ангелы на Небесахъ, такъ и люди на землѣ, пребывающіе въ его киновіи въ иноческомъ ангельскомъ чинѣ,—въ церкви, которая есть земное небо,—днемъ и ночью Псалмопѣніемъ прославляли Бога. О семъ преподобный три года во всѣ ночи молился, удручая себя многократнымъ пощеніемъ.

Наконецъ, Господь въявѣ предсталъ ему и сказалъ:

— Начни желаемое тобою,—оно пріятно Мнѣ.

---

1) Псал. 118, ст. 164.

2) Псал. 1, ст. 1—2.

3) Еванг. отъ Матѳ., гл 7, ст. 7.

И повѣдалъ преподобный о явленіи Господа нѣкоторымъ духовнѣйшимъ изъ своей братіи, но и имъ объявилъ не отъ своего имени, уподобляясь въ этомъ случаѣ святому Апостолу Павлу, который о себѣ говорилъ: **вѣ́мъ человѣ́ка, восхище́на бы́вша до тре́тїѧгѡ небесѐ**[1]). Послѣ сего преподобный и приступилъ къ учрежденію желаемаго и благословеннаго Богомъ чина. Онъ, по числу часовъ дня и ночи, раздѣлилъ братію на двадцать четыре чреды, чтобы всякій, зная часъ своей чреды, являлся къ этому времени на мѣсто пѣнія. Для пѣнія назначены были Давидовы Псалмы; пѣть ихъ положено было по стихамъ, на два лика, безъ поспѣшности, кромѣ того времени, въ которое совершались обычныя церковныя службы. На время совершенія сихъ службъ прерываемъ былъ новоучрежденный чинъ Псалмопѣнія. Такимъ образомъ, въ церкви киновіи и днемъ и ночью непрестанно славословили Бога, отчего и самая эта киновія стала именоваться обителію Неусыпающихъ. Уставилъ преподобный при Псалмопѣніи и число поклоновъ на всякій день, по числу тѣхъ прощеній, какими Господь повелѣваетъ прощать согрѣшившаго — семьдесятъ кратъ седмерицею, что и составляло четыреста и девяносто. Кромѣ сего, онъ учредилъ, чтобы по окончаніи каждой церковной и монастырской службы и послѣ всякаго дѣла произносили: **сла́ва въ вы́шнихъ бг҃ꙋ и҆ на земли̑ ми́ръ, въ человѣ́цѣхъ благоволе́нїе.** Уставивъ такой чинъ въ своей обители, преподобный размышлялъ, что еще потребно къ Богоугожденію. И вспомнивъ псаломское слово: **наꙋчꙋ̀ беззакѡ́нныѧ пꙋте́мъ твои̑мъ и҆ нечести́вїи къ тебѣ̀ ѡ҆братѧ́тсѧ**[2]), рѣшилъ, что нужно заботиться не только о своемъ спасеніи, но и о другихъ, особенно же пребывающихъ въ нечестіи. А такъ какъ въ тѣхъ странахъ много въ то время было идолопоклонства, то и умыслилъ онъ послать нѣкоторыхъ изъ братіи съ Христовою проповѣдію. Избралъ онъ на это дѣло семьдесятъ самыхъ свѣдущихъ и особо ревнующихъ о святой вѣрѣ, по числу тѣхъ Христовыхъ учениковъ, о которыхъ святый Евангелистъ Лука пишетъ: **ꙗ҆ви̑ гдⷭ҇ь, и҆ и҆нѣ́хъ се́дмьдесѧтъ и҆ посла̀ и҆хъ по двѣма̀ предъ лице́мъ свои́мъ во всѧ́къ гра́дъ и҆ мѣ́сто**[3]). Избравъ такое число учениковъ на Христову проповѣдь и помолившись о нихъ, подражатель Христовъ Александръ послалъ ихъ по два въ окрестныя идоло-

---

1) 2 Посл. къ Коринѳ., гл. 12, ст. 2.

2) Псал. 50, ст. 15.

3) Еванг. отъ Луки, гл. 10, ст. 1.

поклонническія селенія. Благодать Божія споспѣшествовала имъ молитвами преподобнаго отца. Не напрасны были ихъ труды. Они многихъ изъ язычниковъ обратили ко Христу.

По исполненіи двадцати лѣтъ пребыванія своего при рѣкѣ Евфратѣ преподобный Александръ, видя свою киновію вполнѣ благоустроенною и чинъ Неусыпающихъ въ ней, равно какъ и всѣ уставы относительно постническаго житія, утвердившимися, возвеселился духомъ своимъ и много благодарилъ Господа. Послѣ сего, побуждаемый великою ревностію о спасеніи душъ человѣческихъ, восхотѣлъ онъ идти къ персидской землѣ, гдѣ весьма укоренено было языческое нечестіе. Избравъ съ собою въ путь изъ братіи сто пятьдесятъ человѣкъ, а прочихъ вручивъ опытному старцу Трофиму, поставивъ его игуменомъ и преподавъ братіи миръ и благословеніе, переправился съ отдѣленной себѣ братіей чрезъ рѣку Евфратъ и направился по пустынѣ къ персидскимъ предѣламъ, ничего не взявъ съ собою, кромѣ священныхъ книгъ. И въ пути, которымъ шелъ, никогда не прекращалъ съ братіею непрестанное на два лика Псалмопѣніе, какъ и въ церкви, съ перемѣнами по часамъ и днемъ и ночью. Желая испытать терпѣніе сопутствующихъ ему братій, онъ водилъ ихъ по пустынѣ, гдѣ нельзя было достать никакого пропитанія, кромѣ лѣсныхъ ягодъ, которыми и предоставилъ питаться въ дозволенное время. Нѣкоторые нетерпѣливые начали роптать, какъ прежде Израильтяне на Моисея. Они говорили преподобному:

— Ты вывелъ насъ въ эту пустыню уморить насъ голодомъ.

И задумывали уже тайно возвратиться въ обитель. Такихъ оказалось тридцать человѣкъ. Провидя помышленія ихъ, по откровенію Божію, преподобный обличилъ ихъ въ маловѣріи и велѣлъ имъ возвратиться назадъ, а прочимъ сказалъ громкимъ голосомъ:

— Вѣрьте мнѣ, братія, что нынѣшній день Господь пошлетъ намъ обильную пищу и посрамитъ невѣріе.

Наконецъ приблизились они къ границамъ персидской земли, гдѣ построены были греко-римскими царями хотя небольшіе, но укрѣпленные города, въ которыхъ было и войско для защиты отъ невѣрныхъ. Когда уже недалеко отъ этихъ городовъ преподобный съ братіею шелъ по пустынѣ, неожиданно, по повелѣнію Божію, вышли къ нему навстрѣчу военачальники изъ тѣхъ городовъ, называемые трибунами, съ достаточнымъ количествомъ хлѣ-

бовъ и другою разною пищею и молили святаго посѣтить города ихъ и просвѣтить ихъ, такъ какъ много въ нихъ обитало служителей бѣсовъ. Вкусивъ съ благодареніемъ принесенной пищи и отославъ въ киновію тѣхъ, которые оказались маловѣрными и нетерпѣливыми, святый пошелъ въ тѣ города и при помощи Божіей благодати въ короткое время всѣхъ обратилъ ко Христу Евангельскою проповѣдію. Въ одномъ изъ сихъ городовъ не хотѣли принимать его ученія, особенно когда услышали ученіе его о милостынѣ и щедромъ подаяніи. Богатые тогда сказали ему:

— Ты пришелъ бѣдняками сдѣлать насъ.

Посему преподобный и ушелъ отъ нихъ, а Богъ наказалъ ихъ бездождіемъ. Три года не было у нихъ дождя, пока не сознали они грѣха своего. Начали они искать преподобнаго; найдя его уже въ Антіохіи, умоляли его, чтобы онъ простилъ имъ грѣхъ ихъ. Послѣ сего раскаянія на четвертый годъ сильнѣйшій дождь напоилъ землю, и было великое изобиліе земныхъ плодовъ и обращеніе душъ ко Господу. Путешествуя далѣе по пустынѣ, преподобный пришелъ къ городу, называемому Пальмира, построенному въ этой пустынѣ еще Соломономъ. Въ этомъ городѣ жители хотя и назывались христіанами, но были изъ іудеевъ и придерживались еще Ветхаго Закона. Они, увидѣвши приближающагося къ нимъ Александра съ братіею, затворили отъ него городскія ворота.

— Кто, — говорили они. — можетъ прокормить такое множество иноковъ? — и не пустили ихъ къ себѣ.

Но преподобный возблагодарилъ Бога и сказалъ:

— **Бла́го є҆́сть надѣ́ѧтисѧ на гдⷭ҇а, не́жели надѣ́ѧтисѧ на человѣ́ка**[1]). Братіе, не будьте малодушны! Неожиданно для насъ посѣтилъ насъ Богъ.

И дѣйствительно: когда отошли они отъ города на нѣкоторое разстояніе, недалеко отсюда обитавшіе невѣрные, по расположенію Господомъ ихъ сердецъ, вышли къ нимъ навстрѣчу съ хлѣбомъ и всякими земными благами и угостили ихъ, и удовольствовали. Отсюда пошелъ преподобный въ Антіохію. Такъ Богъ направлялъ его путь на пользу многимъ. И когда приблизился онъ къ Антіохіи, исполняя чинъ обыкновеннаго непрестаннаго Псалмопѣнія, узналъ о прибытіи его епископъ этого города Θео-

---

[1]) Псал. 117, ст. 8.

дотъ, а имя Александрово вездѣ уже было прославляемо и чтимо. Діаволъ же возбудилъ нѣкоторыхъ злыхъ и завистливыхъ людей, которые и наклеветали епископу на преподобнаго и на братію его, будто все, что они соблюдаютъ—и посты, и молитвы, то дѣлаютъ лицемѣрно, для тщетной славы, напоказъ людямъ. Епископъ, не разсудивъ о ложной клеветѣ, послалъ многихъ изъ своихъ слугъ съ тѣми клеветниками прогнать съ безчестіемъ отъ города Александра и всѣхъ, кто съ нимъ, но, водимый преподобнымъ Александромъ, честный ликъ земныхъ Ангеловъ вошелъ уже въ городъ съ обычнымъ Псалмопѣніемъ, такъ что посланные епископомъ встрѣтили ихъ уже въ городѣ. Они, какъ разбойники, напали на нихъ и, схвативъ каждаго изъ нихъ, много и тяжко били и вытаскивали вонъ изъ города, а преподобному Александру, какъ начальнику, усугубили раны и безчестія. Преподобный же и братія его радовались, что сподобились пострадать невинно. Преподобный зналъ, что это случилось по діавольскому наущенію, чтобы воспрепятствовать благому дѣлу и пользѣ отъ него для многихъ. Онъ возгорѣлъ духомъ и опять тайно ночью вошелъ съ братіею въ городъ и, найдя здѣсь ветхія пустыя бани, въ нихъ исполнялъ свое Псалмопѣніе. На другой день епископъ узналъ объ этомъ. Хотя и не прошелъ еще гнѣвъ его, но и на милость онъ уже склонялся, боясь не только Бога, но и народа, потому что всѣ граждане антіохійскіе обрадованы были пришествіемъ къ нимъ Александра, котораго всѣ почитали за великаго пророка и весьма гнѣвались на епископа за причиненное имъ преподобному отцу и братіямъ его безчестіе и увѣчье. Самъ епископъ, наконецъ, умилился и благословилъ оставаться въ городѣ Александру и братіямъ его. И были пустыя бани обителью для нихъ. Но спустя немного времени граждане, съ благословенія и соизволенія епископа, создали церковь для преподобнаго и устроили монастырь. Послѣ этого многіе изъ народа, переставая посѣщать свои церкви, сходились на церковное пѣніе къ преподобному Александру, чтобы слышать отъ него и медоточное его назиданіе, которымъ онъ поучалъ приходившихъ къ нему. Душа каждаго горѣла любовію къ преподобному, и все, что нужно было для него и для его братіи, приносимо было каждый день. Но они вкушали пищу только однажды въ день послѣ девятаго часа, а остальное все раздавали нищимъ и ничего не оставляли на другой день. Богъ постоянно посылалъ имъ пищу и все нужное

отъ милостивыхъ нищелюбцевъ. Спустя нѣсколько времени преподобный восхотѣлъ имѣть при своей обители больницу и странноприимную и, по испрошеніи отъ епископа благословенія, устроилъ по своему желанію. Хотя самъ онъ, будучи нищимъ, ничего не имѣлъ, но богатые все предоставляли ему отъ своихъ сокровищъ: всѣ съ радостію давали ему, чего бы онъ ни потребовалъ, и всегда съ усердіемъ дѣлали все, къ чему бы онъ ни располагалъ ихъ. Преподобный самъ ухаживалъ за больными, самъ покоилъ и странниковъ, надѣляя ихъ всѣмъ нужнымъ для нихъ изъ подаяній, получаемыхъ отъ Боголюбивыхъ людей, располагаемыхъ Богомъ къ благотворительности. Больнымъ онъ подавалъ исцѣленіе чрезъ возложеніе рукъ своихъ, проявлявшихъ великую силу. И прославляли Бога, чудодѣйствующаго чрезъ него. Замѣчалъ преподобный, что епископъ въ дѣлахъ своихъ поступалъ несоотвѣтственно своему званію; видѣлъ онъ не по правдѣ поступающими и воеводу городского, и другихъ важныхъ сановниковъ и, проникшись Иліиною ревностію и вмѣстѣ съ тѣмъ будучи преисполненъ кротости, безбоязненно и смѣло обличалъ, научая ихъ правдѣ отъ Слова Божія. Всѣмъ онъ былъ учителемъ и наставникомъ. Но не всѣмъ пріятна была такая его ревность, особенно же начальствующимъ. Нѣкоторые и изъ духовенства хотя и удивлялись его добродѣтельному житію, но весьма ненавидѣли его и возбуждали противъ него епископа. Поэтому посланъ былъ отъ епископа самый злобный иподіаконъ, по имени Малхъ, со многими слугами къ преподобному, чтобы выгнать его изъ города. Малхъ, пришедши, съ яростію сильно ударилъ въ лицо святаго и сказалъ:

— Уходи изъ этого города, нечестивый!

Преподобный же, какъ незлобивый агнецъ, сказалъ ему въ отвѣтъ кротко,—только Евангельскимъ словомъ:

— **Бѣ же имѧ рабꙋ малхъ** [1]).

И когда иподіаконъ Малхъ и пришедшіе съ нимъ слуги хотѣли нанести преподобному еще большее оскорбленіе и изгнать его изъ града, сбѣжался въ это время народъ, и сдѣлалось великое смятеніе, потому что всѣ защищали святаго отца и его братію. Такъ что Малхъ и тѣ, кто былъ съ нимъ, едва могли спастись отъ волненія народнаго. Епископъ еще болѣе воспылалъ гнѣвомъ и

[1]) Еванг. отъ Іоан., гл. 18, ст. 10.

совѣтовался съ воеводою, который также былъ гнѣвенъ на святаго. Послѣ этого взяли преподобнаго изъ обители, тайно отъ народа, ночью, и прогнали его въ Халкиду; разогнали также и братію его; и разошлись всѣ, куда кто могъ. По истеченіи же нѣкотораго времени преподобный Александръ снова возвращенъ былъ въ Антіохію, потому что всѣ антіохійскіе граждане скорбѣли о немъ и роптали на епископа и на воеводу. Но преподобный, не найдя братіи своей, и самъ не пожелалъ жить здѣсь и намѣревался уйти. Узнавши о семъ, граждане стерегли его у воротъ, боясь, какъ бы онъ не вышелъ, потому что великую любовь имѣли къ нему и желали, чтобы остался жить у нихъ. Преподобный же, рѣшивши оставить Антіохію, перемѣнилъ иноческую свою одежду и, надѣвъ на себя рубище, подъ видомъ нищаго вышелъ ночью изъ города. Шелъ онъ нѣсколько дней и пришелъ въ Киринѳинійскую киновію. Въ этой киновіи онъ нашелъ весь тотъ чинъ, какой онъ установилъ въ своей киновіи при рѣкѣ Евфратѣ, удивляясь и предполагая, что этотъ чинъ перенесъ сюда кто-нибудь изъ его учениковъ; благодарилъ Бога за то, что Онъ и въ этой странѣ показалъ ему плоды трудовъ его. Когда же братія узнали, что это Александръ, весьма возрадовались о его пришествіи къ нимъ, потому что вездѣ было прославляемо его имя и давно имъ желательно было видѣть его.

Пробывъ нѣкоторое время въ этой киновіи, преподобный пошелъ отсюда въ Константинополь. Богъ призывалъ его туда для спасенія многихъ. Пошли съ нимъ изъ этой киновіи двадцать четыре брата. Пришедши въ Константинополь, поселился онъ при церкви святаго Мины, и начали собираться къ нему братія. Въ немного лѣтъ собралось до трехъсотъ братій изъ разныхъ народовъ—греческаго, римскаго и сирскаго. Такимъ образомъ устроилась здѣсь обширная обитель, и въ ней учрежденъ былъ чинъ Неусыпающихъ. Все потребное, по благопромышленію Божію, доставляемо было для обители, какъ это видно будетъ изъ нижеслѣдующаго. Нѣкоторые изъ людей знатныхъ, слыша и видя сіе нищенское и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣющее никакой заботы житіе иноковъ, упражняющихся только и днемъ и ночью въ прославленіи Бога и не заботящихся ни о чемъ земномъ, даже и о завтрашнемъ днѣ, нарочито посылали мужей въ эту обитель, чтобы пробыть тамъ нѣсколько дней и наблюсти, откуда иноки получаютъ на каждый день пищу. Преподобный Александръ, провидя такое намѣ-

реніе, сказалъ въ присутствіи подосланныхъ мужей одному изъ своихъ учениковъ:

— Иди и приведи человѣка, который стоитъ у монастырскихъ дверей.

Пошелъ братъ и увидѣлъ человѣка съ большою корзиною, наполненною чистыми и теплыми хлѣбами, и ввелъ его съ хлѣбами къ отцу. Преподобный при всѣхъ началъ спрашивать его: кто онъ такой и откуда принесъ хлѣбы? Спрашивалъ его не потому, чтобы самъ не зналъ,—для него ничего не было утаеннаго отъ Бога, но чтобы устыдить маловѣрныхъ, которые пришли изслѣдовать о житіи и пропитаніи. Спрошенный же началъ говорить:

— Я—хлѣбопродавецъ. Когда я вынималъ сегодня изъ печи хлѣбы, явился мнѣ какой-то свѣтоносный мужъ, высокій ростомъ и прекрасный на видъ, и повелительно сказалъ: неси всѣ эти хлѣбы рабамъ Вышняго. Въ ужасѣ я сказалъ ему: я не знаю мѣста, куда нести. А онъ сказалъ: иди за мною, и я пошелъ за нимъ. Доведя до вратъ этой обители, онъ сталъ невидимъ.

Преподобный воставъ воздалъ благодареніе Богу, и сдѣлалась извѣстна всѣмъ его вѣра въ Бога и великое о немъ Божіе промышленіе. Настолько былъ преподобный прозорливъ, что зналъ все, что дѣлали братія, и даже помыслы ихъ. При случаѣ наединѣ онъ обличалъ согрѣшенія и отечески исправлялъ согрѣшающихъ. Имѣлъ онъ попеченіе и о больныхъ и для служенія имъ приставилъ четверыхъ изъ братіи и велѣлъ имъ каждый день приготовлять теплый напитокъ для тѣхъ, которымъ нужно было это въ ихъ болѣзняхъ. И исполняли это служащіе. Случилось въ одинъ день, или же по волѣ Божіей, чтобы показать твердую вѣру преподобнаго въ Бога: служащіе забыли приготовить для больныхъ теплаго напитка. Прозрѣвъ о семъ и призвавъ одного изъ служащихъ, преподобный спросилъ, почему не согрѣли напитка, но тотъ, намѣреваясь утаить отъ прозорливаго отца свой поступокъ, сказалъ ему, что нѣтъ у нихъ дровъ. Преподобный же сказалъ ему:

— Почему же ты утромъ не говорилъ мнѣ о дровахъ? Неужели ты испытываешь меня? Впрочемъ, иди: согрѣлся уже напитокъ.

Придя въ больницу, братъ въ самомъ дѣлѣ нашелъ котелъ полный и безъ огня кипящій и клокочущій. И удивлялись всѣ этому чуду и вѣрѣ преподобнаго.

Въ то время Церковь Христова смущаема была Несторіевою ересью[1]), и врагъ распространилъ въ народѣ слухъ, что преподобный Александръ еретикъ, потому что тогда на благочестіе смотрѣли, какъ на ересь, а ересь считали благочестіемъ, такъ какъ еретичествовали тогда многіе и самъ патріархъ Несторій. Приведенъ былъ преподобный Александръ на судъ къ зловѣрнымъ и, будучи спрошенъ о ереси, въ которой былъ неповиненъ, отвѣтилъ имъ словами изъ Псалма:

—«Сѣдо́ша кня́зи, и҆ на мѧ̀ клевета́хꙋ, ра́бъ же тво́й поꙋча́шесѧ во ѡ҆правда́нїихъ твои́хъ: и҆́бо свидѣ́нїѧ твоѧ̑ поꙋче́нїе моѐ є҆́сть и҆ совѣ́ти мои̑ ѡ҆правда̑нїѧ твоѧ̑»[2]).

Когда онъ это говорилъ, показался бѣсъ и закричалъ: «Зачѣмъ ты прежде времени мучишь меня», и потомъ сталъ невидимъ. Святый послѣ сказанныхъ изъ Псалма словъ ничего болѣе не отвѣчалъ тѣмъ, которые испытывали его, но, склонивъ взоръ свой книзу, оставался, какъ агнецъ предъ стригущимъ, безгласенъ. Судьи разгнѣвались и выгнали его вонъ отъ себя. Когда же въ средѣ народа слуги сатаны хотѣли возложить на него свои руки и причинить ему зло, онъ, будучи защищенъ покровомъ Божіимъ, прошелъ невредимымъ посреди ихъ и достигъ своей обители, въ которой много молитвъ вознесено было о немъ отъ братіи. Потомъ опять вооружился на него врагъ и возстановилъ еретиковъ противъ него, которые не только уже его самого, но и многихъ изъ братій мучили и узами, и темницею, и побоями, но все это уготовляло преподобному преславный вѣнецъ, а врагу посрамленіе. Когда же миновала еретическая буря, преподобный остальное время своей жизни провелъ въ мирѣ и, угодивъ Богу и приведя ду́ши многихъ ко спасенію, отошелъ ко Господу[3]) въ глубокой старости, подвизаясь въ иночествѣ пятьдесятъ лѣтъ, и съ честію погребенъ былъ. При гробѣ его совершались чудеса: во всякихъ болѣзняхъ подавались людямъ исцѣленія молитвами преподобнаго

---

[1]) Ересь Несторія состояла въ утвержденіи, что Пресвятая Дѣва Марія родила не Бога, а только человѣка, съ которымъ, помимо Нея, соединилось предвѣчно рожденное отъ Отца Слово Божіе; причемъ это соединеніе было только нравственнымъ. Ересь Несторія осуждена на III Вселенскомъ Соборѣ въ Ефесѣ въ 431 году, на которомъ вопросъ о соединеніи во Христѣ Іисусѣ двухъ естествъ былъ рѣшенъ слѣдующимъ образомъ: «два естества—Божеское и человѣческое—соединены во Христѣ нераздѣльно и несліянно».

[2]) Псал. 118, ст. 23 и 24.

[3]) Около 430 года.

Александра, благодатію Господа нашего Іисуса Христа, Ему же со Отцомъ и Святымъ Духомъ честь, слава, благодареніе и поклоненіе нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СТРАДАНІЕ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

МОКІЯ и МАРКА

Сіи святые мученики были схвачены и преданы епарху[1]) Максиміану, который сперва уговаривалъ ихъ принести жертву идоламъ, а потомъ сталъ угрожать имъ смертію. Когда ихъ вели къ жертвеннику, то малое дитя шло предъ ними и препятствовало имъ идти. За это язычники взяли его на плечи и стали бить подпругою[2]), при чемъ нанесли ему сто десять жестокихъ ударовъ. Тогда дитя сказало епарху:

— Епархъ! Худому учишь ты меня.

Святые мученики отказались принести жертву идоламъ, оставшись твердыми въ вѣрѣ во Христа и исповѣданіи ея, и имъ отсѣкли мечомъ головы. Вслѣдъ за святымъ Мокіемъ шли на мѣсто казни его жена и дѣти и плакали, но онъ велѣлъ имъ не плакать, голову же святаго Марка приняла его жена, когда онъ, стоя на мѣстѣ казни, былъ усѣченъ[3]).

Въ тотъ же день память **святаго** отца нашего **Антонія**, Патріарха **Цареградскаго**, скончавшагося въ 458 году.

Въ тотъ же день память святыхъ мучениковъ **Діомида, Евлампія, Асклипіодота и Голиндухи**, пострадавшихъ при Траянѣ во II в.

Въ тотъ же день память преподобнаго **Анатолія Печерскаго**, въ XII в.

---

[1]) Названіе епарховъ носили въ Греко-Римской имперіи правители областей.

[2]) *Подпруга* — ремень или тесьма для подтягиванія сѣдла.

[3]) Время кончины святыхъ мучениковъ Мокія и Марка неизвѣстно.

Въ тотъ же день **пренесеніе мощей** святителя **Филиппа, митрополита** Московскаго, изъ Соловецкой обители въ Москву въ 1652 году.

Въ тотъ же день память **благовѣрныхъ** князей **Василія и Константина Ярославскихъ,** въ XIII в.

Въ тотъ же день преставленіе блаженнаго **Іоанна,** юродиваго **Московскаго,** въ 1589 году.

Въ тотъ же день память преподобныхъ **Іоанна и Лонгина, Яренгскихъ** чудотворцевъ, утонувшихъ въ Бѣломъ морѣ и обрѣтенныхъ у моря около 1544—1545 годовъ.

Въ тотъ же день преставленіе преподобнаго **Никодима Кожеозерскаго (Хозьюгскаго),** скончавшагося въ 1640 году.

День четвертый

ПАМЯТЬ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

АНДРЕЯ,

архіепископа Критскаго[1])

Святый Андрей родился въ городѣ Дамаскѣ[2]) и былъ нѣмымъ отъ рожденія до семи лѣтъ. Когда же онъ вмѣстѣ съ своими родителями причастился въ церкви Божественныхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовыхъ, то во время Святаго Причащенія разрѣшилась его нѣмота, и онъ сталъ говорить. Христосъ—Истинный Сынъ Божій, совершившій Себѣ хвалу устами сего нѣмотствовавшаго отрока, показалъ, сколь великая сила таится въ Пречистыхъ Таинахъ. Получивъ чрезъ Святое Причащеніе даръ рѣчи, блаженный Андрей былъ отданъ для обученія божественнымъ книгамъ, а на

---

[1]) *Критъ* (или *Кандія*)—наибольшій изъ острововъ Средиземнаго моря; находится въ восточной части этого моря, къ югу отъ Эгейскаго моря. Принадлежитъ нынѣ Турціи.

[2]) *Дамаскъ*—древнѣйшій сирійскій городъ, упоминаемый въ Библіи уже въ исторіи Авраама (Кн. Быт., гл. 14, ст. 15); былъ расположенъ къ сѣверо-востоку отъ Палестины, въ прекрасной и плодородной равнинѣ, находившейся у восточной подошвы Анти-Ливана.—Въ исторіи христіанской Церкви Дамаскъ замѣчателенъ какъ мѣсто чудеснаго обращенія ко Христу Савла (Дѣян. Ап., гл. 9, ст. 1—22).—Въ 634-мъ году покоренъ Арабами; съ 1516 г. присоединенъ къ Турецкой имперіи.

четырнадцатомъ году своей жизни былъ приведенъ во Святый Градъ Іерусалимъ для служенія Богу. Принявши его, Святѣйшій Патріархъ Іерусалимскій сопричислилъ его къ клиру и со временемъ назначилъ его, какъ человѣка разумнаго, нотаріемъ[1]). Святый Андрей проводилъ весьма добродѣтельную жизнь, подвизаясь въ цѣломудріи, воздержаніи и кротости, такъ что ему дивился даже и самъ Патріархъ, и онъ былъ угоденъ Богу и любимъ всѣми.

По прошествіи многихъ лѣтъ въ Константинополѣ былъ созванъ Шестой Вселенскій Соборъ святыхъ Отцевъ[2]), въ царствованіе императора Константина Брадатаго[3]), противъ злочестивой ереси единовольниковъ (монофелитовъ[4]),—относительно каковой ереси подробнѣе можно читать въ житіи преподобнаго Максима Исповѣдника[5]). На сей Соборъ тогдашнимъ Святѣйшимъ Патріархомъ Іерусалимскимъ Ѳеодоромъ былъ отправленъ и сей блаженный Андрей, состоявшій тогда въ архидіаконскомъ санѣ, ибо самому Патріарху нельзя было отправиться на Соборъ въ Константинополь, такъ какъ Іерусалимъ находился въ то время подъ мусульманскимъ владычествомъ. Блаженный Андрей по благодати Святаго Духа, которой онъ былъ исполненъ, въ это время сдѣлался извѣстнымъ святымъ отцамъ и самому императору. Они замѣтили въ немъ не только книжную премудрость и глубокое знаніе догматовъ Православной Церкви, но и святую богоугодную жизнь. Противъ еретиковъ же онъ выказалъ себя доблестнымъ воиномъ Христовымъ и, усердно ратуя за благочестіе, много помогалъ Собору святыхъ Отцевъ.

Послѣ окончанія Собора святый Андрей возвратился во Іерусалимъ и пребывалъ тамъ въ своихъ обычныхъ богоугодныхъ занятіяхъ, заботясь, по порученію Патріарха, о сиротахъ, питая странниковъ, служа больнымъ. Во всемъ этомъ онъ былъ столь усерденъ и старателенъ, какъ будто онъ служилъ Самому Христу. Послѣ сего въ правленіе императора Юстиніана Второго[6]) Андрей былъ назначенъ архіепископомъ въ Критъ. Здѣсь онъ былъ свѣ-

---

1) *Нотарій*—секретарь.

2) Въ 680-мъ году.

3) *Константинъ IV* (*Погонатъ*) царствовалъ съ 668 г. по 685 г.

4) Ересь *монофелитовъ* состояла въ томъ, что они, хотя и признавали въ Іисусѣ Христѣ два естества, но допускали въ Немъ лишь одну волю.

5) Память его совершается св. Церковію 21-го апрѣля.

6) *Юстиніанъ II* царствовалъ съ 685 г. по 695 г.

тильникомъ міру, осіявающимъ Христову Церковь богодухновеннымъ ученіемъ и своею добродѣтельною жизнію. Какъ непобѣдимый подвижникъ, котораго боятся бѣсы (ибо онъ ихъ изгонялъ), Андрей былъ грозою для еретиковъ. Не только невидимые, но и видимые враги отгонялись его молитвами.

Стый
Андрей

Однажды на островъ Критъ напали прибывшіе на корабляхъ Сарацины и осадили городъ, называвшійся Друмеосъ, гдѣ съ своимъ пастыремъ, святымъ Андреемъ, заперлись христіане. Но Сарацины воевали безуспѣшно и со стыдомъ отступили, будучи отгоняемы не оружіемъ, а гораздо сильнѣйшими всякаго оружія молитвами святителя, которыя онъ со слезами проливалъ къ Богу и ими, какъ стрѣлами, уязвлялъ враговъ. Его молитвы имѣли большую силу: ими онъ во время бездождія и засухи низвелъ дождь, который оросилъ критскую область и сообщилъ ей плодородіе.

Христовъ святитель Андрей написалъ много богодухновенныхъ писаній и Великій канонъ, который поется въ четвертокъ Пятой недѣли Великаго Поста, и другіе каноны. Онъ украсилъ Церковь пѣснопѣніями и почтилъ многими похвалами Пречистую Дѣву Богородицу[1]). По какимъ-то церковнымъ нуждамъ онъ отправился нѣкогда въ Константинополь и здѣсь оказался для многихъ человѣкомъ полезнымъ. Всякій услаждался его лицезрѣніемъ и медоточивыми рѣчами и совершенствовался душею. Поэтому-то и стекались къ нему всѣ, искавшіе спасенія душамъ своимъ. Намѣреваясь же вернуться изъ Константинополя обратно въ Критъ, святый провидѣлъ свою кончину и сказалъ

[1]) Св. Андрею, архіепископу Критскому, принадлежитъ до 20-ти Словъ церковно-поучительнаго характера. Изъ числа написанныхъ имъ церковныхъ пѣснопѣній самымъ важнымъ слѣдуетъ считать Великій Покаянный канонъ, который поется по частямъ на повечеріяхъ 1-й седмицы Великаго Поста и сполна на утрени въ четвергъ на 5-ой седмицѣ.

любезнымъ своимъ друзьямъ о Христѣ, что онъ болѣе не увидитъ Крита. Простившись съ ними послѣднимъ цѣлованіемъ, онъ сѣлъ на корабль и отправился въ путь. Доплывши до острова Митилены, онъ заболѣлъ и въ одномъ мѣстѣ, по имени Іерисъ, предалъ въ руцѣ Божіи свою душу[1]).

Блаженный Андрей съ честію пасъ ввѣренное ему стадо словесныхъ овецъ и сопричисленъ къ лику святыхъ іерарховъ, предстоящихъ предъ Престоломъ Отца, Сына и Святаго Духа — Единаго Бога въ Троицѣ, Ему же возсылается слава во вѣки. Аминь.

Конда́къ, гла́съ в҃.

Пострꙋби́въ ꙗ҆́снѡ бж҃е́ственнаѧ сладкопѣ́нїѧ, ꙗ҆ви́лсѧ є҆сѝ свѣти́льникъ мі́ра свѣтлѣ́йшїй, свѣ́томъ сїѧ́ѧ тр҃цы, а҆ндре́е прп҃бне. тѣ́мже всѝ вопїе́мъ тѝ: не преста́й молѧ́сѧ ѡ҆ всѣ́хъ на́съ.

ЖИТІЕ СВЯТОЙ ПРАВЕДНОЙ

МАРѲЫ[2])

Святая праведная Марѳа родилась въ городѣ Антіохіи. Родители ея были благочестивые христіане. Они убѣждали ее вступить въ бракъ, но она, желая проводить дѣвственную жизнь, не соглашалась на это; однако нѣкое божественное видѣніе въ церкви Святаго Предтечи заставило ее покориться родителямъ и выйти замужъ. По божественному дарованію, о которомъ она была предувѣдомлена (какъ о томъ подробно описывается въ житіи Симеона Дивногорца[3]) явленіемъ святаго Іоанна Предтечи, Марѳа зачала сына — святаго Симеона. Проживши немного

---

1) Кончина св. Андрея, архіепископа Критскаго, послѣдовала въ 712 г.

2) Необходимо замѣтить, что святая праведная Марѳа, мать святаго Симеона Дивногорца, преставилась въ пятый день сего мѣсяца; но такъ какъ служба ей положена въ Минеи въ сей, четвертый, день, а равно также и въ Прологѣ читается синаксарь сего дня, то по сей причинѣ и житіе ея помѣщено подъ четвертымъ числомъ мѣсяца іюля.

3) Память его — 24-го мая.

лѣтъ съ мужемъ, она овдовѣла и со всякимъ тщаніемъ воспитывала ребенка, по повелѣнію святаго Предтечи строго слѣдя за его воспитаніемъ. Марѳа всегда молилась Богу за своего сына, дабы Онъ принялъ его, какъ нѣкогда Самуила отъ пророчицы Анны[1]), Себѣ на служеніе.

Однажды, когда Марѳа размышляла объ отрокѣ, что постигнетъ его тогда, когда онъ войдетъ въ возрастъ, она видѣла во снѣ слѣдующее видѣніе. Ей показалось, будто она съ крыльями и поднимается въ высоту, держа въ рукахъ ребенка и вознося его въ даръ Господу со словами:

«Такое-то твое восхожденіе, дитя, я желала видѣть! Пусть съ миромъ отпуститъ меня Создатель мой, ибо я, сподобившись посвятить Ему плодъ чрева моего, обрѣла благодать у Него!»

Сіе видѣніе, какъ равно и ранѣе бывшія ей откровенія, блаженная Марѳа хранила въ своемъ сердцѣ и благодарила Бога. Она постоянно пребывала въ храмѣ Божіемъ, никогда не оставляя церковнаго правила—почему и жила близъ церкви. Раньше всѣхъ приходила она въ церковь для слушанія пѣнія и послѣ всѣхъ уходила. Она имѣла благочестивый обычай приходить на праздничную службу, гдѣ бы ни совершалась она, въ святые храмы; съ большимъ вниманіемъ и сокрушеніемъ сердечнымъ стояла она за всенощными молитвами, проливая слезы, и часто причащалась Божественныхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовыхъ. Сколь же достойно она причащалась, — сему свидѣтельствомъ служило то, что послѣ принятія Божественнаго Причащенія какимъ-то чуднымъ свѣтомъ осіявалось лице ея, какъ нѣкогда лице Моисея[2]). Каждую ночь въ своемъ домѣ, предупреждая часъ полночный, Марѳа вставала на молитву, которую она исполняла съ теплотою душевной, омочая слезами лице свое; весь же умъ ея былъ углубленъ въ Богѣ, Коего она любила всей силой своей души; она была несказанно милосерда къ нищимъ,

---

[1]) *Самуилъ*—знаменитый судія и пророкъ народа Израильскаго.—Память его совершается св. Церковію 20-го августа.

[2]) *Моисей*—знаменитый вождь и законодатель народа еврейскаго и первый священный писатель; жилъ за XV вѣковъ до Р. Хр., родился въ Египтѣ и происходилъ изъ колѣна Левіина. Моисей чудесно вывелъ Евреевъ изъ Египта и тѣмъ избавилъ ихъ отъ тяжкаго рабства. На горѣ Синаѣ онъ получилъ 10 Заповѣдей и сподобился видѣть Славу Божію. Всѣ, полученныя имъ отъ Бога, Заповѣди и установленія, равно какъ и первоначальную исторію народа еврейскаго, онъ изложилъ въ первыхъ пяти книгахъ Библіи (Пятокнижіе Моисеево).—Память св. Пророка Моисея празднуется 4-го сентября.

питала алчущихъ и одѣвала нагихъ. Часто посѣщая больницы, она служила больнымъ своими руками, а для умирающихъ давала отъ своихъ трудовъ необходимыя для погребенія одежды. Равно также она давала бѣлыя одежды своего рукодѣлья и крещаемымъ. Она была столь кротка, смиренна и незлобива, что никто никогда не видалъ ее гнѣвающеюся, или съ кѣмъ спорящей, или печальной. Притомъ она оберегала уста свои отъ многоглаголанія, говоря развѣ только о необходимомъ. Она весьма любила молчаніе, такъ какъ оно пріучаетъ умъ къ богомыслію; не было слышно съ ея устъ празднаго слова, или лживаго, или какого небогоугоднаго, но отъ благого сокровища сердца своего она износила благое и устами своими. Святая Марѳа была также и миротворицей среди гнѣвающихся, увѣщательницей нехорошо живущихъ и образцомъ цѣломудренной, благоговѣйной и богоугодной жизни для всѣхъ— не только женщинъ, но и мужчинъ. Она была исполнена и многихъ другихъ добродѣтелей, о которыхъ нельзя пересказать подробно. Достаточнымъ свидѣтельствомъ праведной жизни ея служитъ великая святость рожденнаго ею преподобнаго Симеона, такъ какъ такой именно женщинѣ надлежало быть матерью таковаго сына.

Когда уже преподобный Симеонъ подвизался на Дивногорскомъ столпѣ[1]), Марѳѣ, послѣ полуночной молитвы, во время легкой дремоты было слѣдующее видѣніе. Ей явился со святымъ апостоломъ Тимоѳеемъ[2]) святый Іоаннъ Креститель[3]), къ которому, послѣ Бога и Пречистой Богородицы, Марѳа имѣла особенное усердіе и ежедневно съ вѣрою молилась,—и сказалъ ей:

— Я во всякое время ходатайствую за тебя предъ Богомъ и никогда не оставлю тебя.

Тогда Марѳа, исполнившись ужасомъ и радостію, пробудилась отъ сего видѣнія, со страхомъ прославила Бога и разсказала о томъ своему сыну, преподобному Симеону, котораго она иногда приходила навѣстить. Приходя и видя при столпѣ преподобнаго множество одержимыхъ всякими недугами, собравшихся сюда въ надеждѣ на исцѣленіе, и многія чудеса, совершавшіяся по мо-

---

1) *Дивная гора*, на которой подвизался св. Симеонъ Столпникъ, находилась вблизи Антіохіи Сирійской и Селевкіи.

2) *Апостолъ Тимоѳей*—спутникъ и сотрудникъ св. Апостола Павла.—Память его празднуется Церковію 22-го января.

3) Память св. Предтечи и Крестителя Господня Іоанна совершается 23-го сентября (его зачатіе), 24-го іюня (рождество), 29-го августа (усѣкновеніе главы), 24-го февраля (первое и второе обрѣтеніе главы), 25-го мая (третіе обрѣтеніе главы) и въ др. дни.

литвамъ преподобнаго, Марѳа не возносилась своимъ умомъ, но смотрѣла на сіе съ особенною боязнію, дабы какъ-нибудь врагъ нашего спасенія не разставилъ сѣтей предъ сыномъ ея; посему она со слезами молилась Богу, дабы Онъ избавилъ сына ея отъ коварства вражія. Въ то же время она говорила преподобному:

— Чадо мое! За все сіе подобаетъ прославить Бога, дѣйствующаго чрезъ тебя. Ты же помни о своей немощи и съ великимъ вниманіемъ соблюдай сердце свое!

Преподобный съ радостію выслушивалъ увѣщанія матери своей и, веселясь душею за ея богоугодную жизнь,—возсылалъ благодареніе Богу.

Ст҃а́ѧ
Ма́рѳа

Когда блаженная Марѳа прожила во многихъ добродѣтеляхъ долгіе годы и угодила, наконецъ, Богу, то за годъ до своей кончины во время теплыхъ полунощныхъ молитвъ къ Богу она пришла въ восторженное состояніе и увидала множество ликовствующихъ Чиновъ Небесныхъ, державшихъ въ рукахъ свѣчи и говорившихъ ей:

— По прошествіи года мы возьмемъ тебя, освободившуюся отъ плоти, въ уготованное Господомъ для тебя мѣсто покоя.

То же самое было открыто и преподобному Симеону. При этомъ одному и изъ братіи его было слѣдующее видѣніе.

Онъ видѣлъ Матерь Божію Пречистую Дѣву Марію во славѣ седящую на Престолѣ, въ то время какъ блаженная Марѳа, съ воздѣтыми къ Ней крестообразно руками, обратившаяся въ золотой крестъ и сіяющая свѣтомъ наподобіе лучей солнечныхъ, предстояла предъ Нею. Она вся представлялась пресвѣтлымъ крестомъ, только лицо ея можно было распознать выше креста. Сіе видѣніе передано было преподобному Симеону. Онъ сказалъ, что сіе служитъ знаменіемъ приближающейся кончины блаженной его матери.

Когда истекалъ послѣдній годъ богоугодной жизни святой Марѳы, она пришла для посѣщенія къ своему сыну, преподобному Симеону; Симеонъ сказалъ ей:

— Благослови меня, мать моя, какъ Авраамъ благословилъ Исаака!

— Я затѣмъ и пришла сюда,—отвѣчала святая,—дабы сподобиться твоего благословенія и молитвъ. Три только мѣсяца остается моей жизни, и я отойду ко Господу Богу моему, Который извелъ тебя изъ моей утробы. Онъ да преподастъ тебѣ благословеніе и благодать Свою, дабы ты совершилъ благополучно начатый тобою доблестный подвигъ, и да удостоитъ тебя Богъ Своего Царствія.

Говоря сіе, блаженная Марѳа плакала въ умиленіи сердечномъ. Плакали также и собравшіеся тамъ братія, ибо они весьма опечалились, услыхавши, что черезъ три мѣсяца не увидятъ уже лица Марѳы. Братія говорили:

— Да будетъ жива душа твоя и да восхвалитъ Господа!

Она же подтверждала свои слова, повторяя:

— Если не будетъ такъ, какъ я сказала, то считайте меня, вашу рабу, лживой.

— Мы испрашиваемъ нынѣ твоего благословенія,—говорилъ ей преподобный Симеонъ,—сіи же рѣчи твои болѣзненны для нашего сердца.

— Благословенны вы отъ Господа,—отвѣчала святая,—благословенны и благословляющіе васъ.

При сихъ словахъ всѣ присутствовавшіе поклонились ей. Съ своей стороны и она, поклонившись имъ, возвратилась въ Антіохію, въ домъ свой.

На другой день, послѣ удаленія своей матери, преподобный Симеонъ, призвавши опытнѣйшихъ изъ братій, сказалъ имъ:

— Дѣйствительно приближается время отшествія отъ земли госпожи и матери моей. Въ минувшую ночь я видѣлъ въ видѣніи поставленный предо мною престолъ и на немъ возсѣвшую мать мою, причемъ мы всѣ стояли кругомъ нея, а она поучительно произносила къ намъ первыя слова Псалма: **блже́нъ мꙋ́жъ, и҆же не и҆де́ на совѣ́тъ нечести́выхъ**[1]) и прочее изъ того Псалма. При семъ она изрекала, какъ мать къ своимъ дѣтямъ, и многія другія

---

1) Псал. 1, ст. 1.

увѣщательныя слова. Затѣмъ она встала и впереди насъ пошла въ церковь, держа въ рукахъ пресвѣтлый крестъ, а мы, воспѣвая умилительные Псалмы,—послѣдовали за ней.

Послѣ сего, за нѣсколько лишь дней предъ своею кончиною, Мареа снова пришла къ преподобному Симеону для послѣдняго уже прощанія. При семъ она разсказала ему обо всѣхъ бывшихъ ей въ теченіе ея жизни божественныхъ откровеніяхъ; сообщила ему также о трудахъ и подвигахъ своихъ, тайно содѣланныхъ ею для прославленія Имени Божія. Эту ночь она провела тамъ. Въ сонномъ видѣніи ей казалось, будто она восхищена на высоту Небесную и видитъ дивную и пресвѣтлую палату, о красотѣ которой никто не въ состояніи вымолвить ни слова. Въ то время, какъ она ходила въ той палатѣ и удивлялась нерукотворенному зданію, она увидѣла Пречистую Дѣву Богородицу съ двумя пресвѣтлыми Ангелами, вопрошавшую ее:

— Что ты удивляешься?

Она же, благоговѣйно поклонившись со страхомъ и радостію Божіей Матери, отвѣчала:

— Я удивляюсь, Владычица, тому, что столь чудесной палаты я не видала на землѣ во всѣ дни жизни моей.

— Для кого же, думаешь ты,—спросила Пречистая,—уготована оная палата?

— Не вѣдаю, Госпожа,—отвѣчала Мареа.

Тогда Матерь Божія сказала ей:

— Развѣ ты не знаешь, что сіе мѣсто покоя, которое устроилъ твой сынъ и въ которомъ отнынѣ ты останешься вовѣки, пріуготовлено для тебя?

Сказавши сіе, Пречистая отдала повелѣніе Ангеламъ, и они поставили посреди палаты дивный престолъ; затѣмъ она сказала святой:

— Сія слава дается тебѣ, такъ какъ ты пожила богоугодно въ страхѣ Господнемъ. Желаешь ли ты видѣть еще болѣе славное?—спросила послѣ сего Богоматерь Мареу.

При сихъ словахъ Она приказала ей слѣдовать за Собою. Взойдя на высочайшія Небесныя мѣста, Богоматерь показала ей чудеснѣйшую и несравненно свѣтлѣйшую первой палату, преисполненную Небесной славы, красоты которой не можетъ постигнуть умъ человѣческій и выразить языкъ.

— И сію палату,—сказала Пречистая,—устроилъ твой сынъ, и онъ же началъ уже основаніе третьей палаты.

Съ сими словами Она повела ее къ востоку солнца и показала ей райскія селенія съ высоты и множество веселящихся въ нихъ хоровъ мужчинъ и женщинъ.

— Сія мѣста,—сказала при семъ Владычица,—Сынъ Мой даровалъ тѣмъ, которые, проживши цѣломудренно и праведно въ соблюденіи Заповѣдей Господнихъ, съ усердіемъ раздавали обильныя милостыни, почему и сами сподобились милости отъ Господа: ибо **бл҃же́ни ми́лостивїи, ꙗ҆́кѡ тїи поми́лованѝ бꙋ́дꙋтъ**[1]).

Таково было видѣніе святой Марѳѣ, о которомъ она разсказала своему сыну.

Въ то время былъ день воскресный, и Марѳа причастилась Пречистыхъ Божественныхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовой и просіяла лицемъ отъ благодати Божіей и неизреченнаго духовнаго радованія, которыми она преисполнилась, получивши извѣщеніе о своей кончинѣ и своемъ спасеніи. Весь тотъ день и наступившую затѣмъ ночь блаженная Марѳа провела частію во многихъ богодухновенныхъ любезныхъ бесѣдахъ съ преподобнымъ сыномъ своимъ, частію въ горячихъ слезныхъ молитвахъ къ Богу. Въ понедѣльникъ же, преподавши миръ, благословеніе и послѣднее прощаніе своему сыну и всѣмъ ученикамъ его, она, при горькомъ ихъ плачѣ, разсталась съ ними и отправилась въ селеніе, именовавшееся Тивиринтъ и отстоявшее на три поприща отъ Дивной горы,—въ которомъ находилась церковь святаго Іоанна Крестителя. Здѣсь она принесла обильныя молитвы, а затѣмъ стала ослабѣвать тѣломъ. Жители сего селенія весьма почитали блаженную Марѳу; посему просили ее отдохнуть у нихъ отъ трудовъ своихъ. И она дѣйствительно тотъ день и наступившую затѣмъ ночь отдыхала у нихъ, при чемъ еще болѣе ослабѣла тѣломъ. Затѣмъ во вторникъ она отвезена была уже въ повозкѣ въ Антіохію въ свой домъ, который находился въ городскомъ предмѣстьѣ Дафне. Въ среду же, горячо молясь Богу, проливая обильныя слезы и имѣя несомнѣнную надежду на свое спасеніе, она предала въ руцѣ Божіи святую душу свою въ пятый день іюля мѣсяца[2]). Умирая, она завѣщала, дабы тѣло ея было погребено

---

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. 5, ст. 7.

2) Кончина *св. Марѳы* послѣдовала въ 551-мъ году.

на томъ мѣстѣ, на которомъ хоронятъ странниковъ и нищихъ. Но преподобный сынъ ея Симеонъ, имѣя откровеніе отъ Бога о преставленіи своей матери и пославъ нѣкоторыхъ изъ своихъ учениковъ, перенесъ тѣло ея къ себѣ на Дивную гору, дабы похоронить его при своемъ столпѣ. О святой Марѳѣ повѣствуютъ также и то, что, когда святая душа ея отошла ко Господу, нѣкоторые, находясь около честнàго ея тѣла, видѣли, какъ лице ея улыбалось радостно и изъ ея устъ были слышны слова:

— Я получила великую благодать отъ Бога и пребываю въ несказанномъ свѣтѣ и радости.

Окружающіе ее, придя въ ужасъ, помышляли, что святая получила милость отъ Господа за своего сына. Но на сіи размышленія святая говорила, что она прославилась не столько за сына, сколько за свою добродѣтельную жизнь, потому что ради Господа проявила великое терпѣніе въ воздержаніи и подвигахъ поста, ревностно ходила путемъ Его заповѣдей и отъ всего сердца возлюбила Богоматерь, родившую Господа.

Честнòе тѣло святой Марѳы было несено изъ антіохійскаго предмѣстья Дафне въ Дивную гору съ великою честію въ пятницу. Множество антіохійскаго народа, священнослужителей съ кадилами, свѣчами и псалмопѣніемъ сопровождали ее какъ великую угодницу Божію. Несшіе ковчегъ съ ея тѣломъ свидѣтельствовали, что они не ощущали тяжести во время несенія. Тогда какъ тѣла мертвецовъ имѣютъ естественную тяжесть, сіе честнòе тѣло было какъ-то необычно легкò и какъ будто само шло по воздуху. Одинъ же молодой человѣкъ изъ толпы, сынъ почетнаго гражданина Антонія, по имени Сергій, видя сіи славные проводы и тѣснящійся около ковчега народъ,—однихъ съ усердіемъ преклоняющихъ подъ ковчегъ свои плечи, другихъ же желающихъ прикоснуться честнòму тѣлу,—посмѣялся въ себѣ, разсуждая:

— Что за польза отъ прикосновенія къ мертвому тѣлу?

И удалился оттуда. И вотъ онъ немедленно впалъ въ тяжкій недугъ, такъ что даже лишился языка; эта болѣзнь его продолжалась до тридцати дней, и только у гроба святой онъ получилъ исцѣленіе, о чемъ будетъ сказано ниже.

Когда же честнòе тѣло принесли въ обитель преподобнаго Симеона, находившуюся при его столпѣ, то стали совершать всенощное пѣніе. Въ ту же ночь двоимъ изъ братіи ученикамъ

Симеоновымъ Марѳа явилась въ свѣтлой одеждѣ и съ свѣтлымъ лицомъ. Ученики весьма ужаснулись, зная, что она умерла. Она же сказала имъ:

— Не бойтесь, потому что Господь не къ мертвымъ меня сопричислилъ, но къ живымъ. Я пришла помогать вамъ противъ діавола, дабы вы, побѣдивши его, получили жизнь вѣчную.

Произнесши сіе, она стала невидима. Когда наступила суббота, для погребенія святой собралось множество народа изъ окрестныхъ деревень и селеній со священнослужителями и клириками. Они замѣтили, что лицо святой во гробѣ не покрылось мертвенностью, но было какъ молодое, цвѣтущее красотою и сіяющее благодатію. Отъ ея тѣла не исходилъ также обычный для мертвецовъ трупный запахъ, хотя уже наступилъ четвертый день послѣ преставленія ея. Съ пѣніемъ положенныхъ пѣснопѣній съ честію похоронили тѣло ея предъ столпомъ святаго Симеона, по приказанію послѣдняго, дабы всегда ему можно было видѣть гробъ своей матери.

Когда же по прошествіи субботы стали совершать воскресную службу, одинъ изъ толпы, по имени Іоаннъ, по должности церковный чтецъ, задремавши, увидалъ святую Марѳу, сіявшую лицомъ и восходившую по лѣствицѣ на столпъ къ преподобному Симеону, а надъ гробомъ ея видѣлъ херувимскую колесницу, везомую шестокрылыми животными. О семъ видѣніи впослѣдствіи онъ сообщилъ преподобному съ клятвою.

— Воздай, чадо,—отвѣчалъ Іоанну преподобный,—славу Богу, сподобившему тебя видѣнія херувимской колесницы. Матерь же моя и я зачаты и рождены во грѣхахъ и требуемъ милосердія Божія.

Послѣ сего къ преподобному Симеону пришли отецъ и мать вышеупомянутаго Сергія, который смѣялся надъ проводами тѣла святой Марѳы и подвергся за это внезапной болѣзни; съ плачемъ и молитвою они просили его уврачевать ихъ сына, подобно тому какъ исцѣляетъ отъ болѣзней многихъ другихъ.

— Идите,—сказалъ имъ на сіе святый,—спросите сына о причинѣ его болѣзни: онъ уже можетъ говорить, ибо ему въ настоящее время легче.

Родители, возвратившись послѣ сего домой, спросили сына о его болѣзни.

Онъ отвѣчалъ:

— Сія тяжкая болѣзнь посѣтила меня за то, что я поглумился надъ почетными проводами тѣла святой Марѳы, отвернулъ отъ нея мой взоръ и не захотѣлъ на плечахъ моихъ понести ковчега ея.

Тогда родители, посадивъ сына въ повозку, повезли его на Дивную гору къ преподобному. Послѣдній повелѣлъ имъ искать исцѣленія при гробѣ своей матери. И вотъ, когда они со слезами помолились при честномъ гробѣ ея,—больной немедленно всталъ совершенно здоровымъ, какъ будто никогда и не болѣлъ.

Послѣ погребенія преподобной братія установили обычай возжигать надъ ея гробницею лампаду, дабы она, ради почтенія святой, горѣла день и ночь. Спустя нѣкоторое время братія перестали по нерадѣнію возжигать лампаду. Между тѣмъ, замѣчая сіе, преподобный Симеонъ молчалъ, не приказывая ничего относительно лампады, дабы не подумали о немъ ученики его, что онъ безмѣрно почитаетъ свою мать послѣ смерти.

Въ то время тяжко заболѣлъ экономъ обители, такъ что находился почти при смерти. Въ полночь больному явилась святая Марѳа, говоря:

— По какой причинѣ не возжигаете вы моего свѣтильника? Знайте, что я не нуждаюсь въ возжженіи мнѣ свѣщей, будучи сподоблена отъ Бога моего небеснаго вѣчнаго свѣта; но тѣмъ не менѣе, когда вы возжигаете при моемъ гробѣ свѣтильникъ, то сіе дѣлаете для собственнаго спасенія, ибо вы тогда возбуждаете меня къ ходатайству за васъ предъ Господомъ.

При сихъ словахъ святая держала въ правой рукѣ какъ бы пресвѣтлый бисеръ—частицу Животворящаго Тѣла Христова; прикоснувшись этой частицей къ больному, она сказала:

— Будь живъ и здоровъ отъ сего.

Произнесши сіе, она стала невидима. Больной же немедленно всталъ здоровымъ и отправился къ гробницѣ святой; припавши къ ней, орошалъ землю слезами, съ одной стороны, испрашивая прощенія за свое нерадѣніе, а съ другой,—благодаря за исцѣленіе. Послѣ сего онъ устроилъ такъ, чтобы предъ гробницею святой горѣлъ неугасимый свѣтильникъ. При гробѣ святой совершалось также много и другихъ чудесъ: прозирали слѣпые, изгонялись бѣсы изъ людей и подавались скорыя исцѣленія отъ всякихъ недуговъ по молитвамъ святой праведной Марѳы и по благодати Господа нашего Іисуса Христа, Которому возсылается слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ нынѣ и въ безконечные вѣки. Аминь.

Конда́къ, гла́съ в҃:

Въ мл҃твахъ гдⷭ҇еви предстоѧ́щи, пречⷭ҇тѣ́й дв҃ѣ бцⷣѣ пѣ́нїе и҆ хвалы̀ приносѧ́щи ма́рдо чⷭ҇тна́ѧ, породила̀ є҆сѝ сщ҃е́нное ѻ҆троча̀, сѵ̈меѡ́на преди́внаго, свѣти́льника всемі́рнаго: съ ни́мже молѝ при́снѡ ѡ҆ всѣ́хъ на́съ.

СТРАДАНІЕ СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА

ѲЕОДОРА,

епископа Киринейскаго

Святый священномученикъ Ѳеодоръ жилъ въ царствованіе императора Діоклетіана[1]) въ городѣ Киринеѣ[2]), который находился въ Ливіи[3]) и изъ котораго происходилъ Симонъ Киринейскій[4]). Онъ хорошо умѣлъ писать сочиненія и, достигши въ этомъ искусствѣ высокаго совершенства, оставилъ церквамъ много собственноручно написанныхъ книгъ. Посему родной сынъ его Лей сдѣлалъ на него доносъ игемону[5]) Дивиліану,—что онъ, имѣя книги, многихъ отвращаетъ отъ служенія богамъ къ вѣрѣ во Христа. Вслѣдствіе этого доноса святый Ѳеодоръ приведенъ былъ къ игемону, и за нимъ послѣдовало много христіанъ, въ числѣ которыхъ были святыя Лукія и Іероя. Отъ него потребовали, чтобы онъ отдалъ свои книги; но онъ не исполнилъ этого требованія и не покорился, когда велѣли ему отречься отъ Христа. За это его сильно избили оловянными палками. Послѣ сего онъ пошелъ и разрушилъ языческіе жертвенники. Тогда его повѣсили на дерево и стали строгать по всему тѣлу и при этомъ растирали раны уксусомъ, солію и острыми черепками и, наконецъ, отрѣзавъ ему бритвою языкъ, отвели въ темницу. Взявъ отъ преподобныхъ женъ[6]) свой

---

1) *Императоръ Діоклетіанъ* управлялъ Римской имперіей съ 284 г. по 305 г.

2) *Городъ Киринея*, или *Кирена*, находился въ древней римской африканской провинціи Киреннакѣ и расположенъ былъ близъ сѣверныхъ береговъ Средиземнаго моря.

3) *Ливія*—страна въ Африкѣ, лежавшая на западъ отъ Египта.

4) *Симонъ Киринейскій* извѣстенъ изъ евангельской исторіи страданій Спасителя. Когда Іисусъ Христосъ во время шествія на Голгоѳу отъ изнеможенія упалъ подъ тяжестію креста, то послѣдній былъ возложенъ на Симона, который и донесъ его къ мѣсту распятія (Еванг. отъ Матѳ., гл. **27**, ст. 32; Еванг. отъ Марк., гл. **15**, ст. 21; Еванг. отъ Луки, гл. **23**, ст. 26).

5) *Игемонъ*—правитель области.

6) Подъ преподобными женами разумѣются здѣсь святыя мученицы Лукія и Іероя.

отрѣзанный языкъ, святой Θеодоръ положилъ его себѣ на грудь, и всѣ замѣтили, какъ голубь, слетая въ окно темницы, прикасался къ святому. Видя это, нѣкій язычникъ Лукій увѣровалъ во Христа, а святый мученикъ сталъ здоровымъ, но, проживъ послѣ этого немного времени, скончался[1]), причемъ душа его вышла изъ тѣла вмѣстѣ съ голубемъ.

Между тѣмъ игемонъ, узнавъ, что Лукій увѣровалъ во Христа, повелѣлъ предать смерти святыхъ Лукію, Іерою и Киприллу, а также и всѣхъ тѣхъ, которые были крещены святымъ Θеодоромъ. Послѣ сего Лукій принялъ Крещеніе и обратилъ къ вѣрѣ во Христа самого игемона Дигніана. Тогда они оба вмѣстѣ отплыли изъ Крита на островъ Кипръ къ другому игемону, который предавалъ мученіямъ христіанъ, и Лукій тайно отъ Дигніана предалъ себя мучителямъ. Онъ пошелъ и разрушилъ языческіе жертвенники, за что ему отсѣкли мечомъ голову. Дигніанъ взялъ тѣло его и предалъ погребенію. Память сихъ святыхъ мучениковъ празднуется въ храмѣ святаго Θеодора, находящемся въ Пергіи[2]).

Святая мученица Киприлла была родомъ изъ того же города, гдѣ жилъ и святой Θеодоръ. Вышедши замужъ, она прожила съ мужемъ около двухъ лѣтъ и послѣ смерти его оставалась вдовою 28 лѣтъ. Страдая сильными головными болями и жалѣя своихъ родителей, она для исцѣленія отъ своего недуга пришла къ святому епископу Θеодору, уже заключенному за исповѣданіе вѣры во Христа въ темницу. Получивъ отъ него исцѣленіе, она вмѣстѣ съ вышеназванными женами Лукіею и Іероею служила ему до его смерти, а когда онъ скончался, то на нее сдѣланъ былъ доносъ игемону. Представъ предъ послѣднимъ, она исповѣдала Христа и не покорилась, когда ее принуждали принести жертву идоламъ, сказавъ:

— Не будетъ такая жертва жертвою, принесенною по моей волѣ.

Тогда палачи сожгли руку ея, держа ее надъ огнемъ, а потомъ повѣсили ее на дерево и стали строгать по тѣлу, причемъ изъ ранъ текла кровь, а изъ сосцевъ молоко. Среди этихъ мученій святая мученица и предала духъ свой Богу.

---

[1]) Кончина *святаго священномученика Θеодора* по Дѣяніямъ святыхъ послѣдовала въ 310 году.

[2]) По греческому Прологу, память святыхъ мучениковъ совершается въ Регіи, а не въ Пергіи. *Регія*, или *Регіумъ*, нынѣ *Родоніо*, находится въ Италіи на юго-западной оконечности Апеннинскаго полуострова у береговъ Мессинскаго пролива.

СТРАДАНІЕ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

ѲЕОДОТА И ѲЕОДОТІИ

Святые мученики Христовы Ѳеодотъ и Ѳеодотія за исповѣданіе Христа были схвачены по повелѣнію нечестиваго императора Траяна[1]). Ихъ стали принуждать отречься отъ Истиннаго Бога и принести жертву идоламъ, но они не покорились. За это ихъ предали различнымъ мученіямъ, послѣ чего заключили въ ту самую темницу, гдѣ былъ заключенъ святой мученикъ Христовъ Іакинѳъ[2]). Святой сталъ наставлять и укрѣплять ихъ въ Христовой вѣрѣ, и темничные стражи донесли объ этомъ императору Траяну. Когда святой Іакинѳъ скончался, то святыхъ Ѳеодота и Ѳеодотію вывели изъ темницы, и они предстали предъ императоромъ. Послѣдній сталъ принуждать ихъ ѣсть идоложертвенное, но они, вмѣсто того чтобы исполнить его требованіе, обличили нечестивое идольское заблужденіе. Послѣ этого ихъ повѣсили и стали жечь тѣла ихъ свѣчами, а потомъ, снявъ съ дерева, отсѣкли имъ мечомъ головы. Послѣ кончины святые мученики получили вѣчную жизнь и блаженный покой, а честныя тѣла ихъ были погребены на томъ мѣстѣ, гдѣ они приняли мученическую кончину[3]).

ОБРѢТЕНІЕ МОЩЕЙ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ЕВѲИМІЯ,

Суздальскаго чудотворца

Послѣ кончины преподобнаго архимандрита Евѳимія чудотворца и многихъ другихъ настоятелей въ обители его въ честь боголѣпнаго Преображенія Господа нашего Іисуса Христа,

---

1) *Императоръ Траянъ* царствовалъ въ Римской имперіи съ 98 по 117 годъ.

2) Память *святаго мученика Іакинѳа* празднуется 3 іюля.

3) Годъ кончины святыхъ мучениковъ Ѳеодота и Ѳеодотіи неизвѣстенъ, а мѣстомъ ихъ страданій былъ городъ Римъ.

находящейся въ городѣ Суздалѣ[1]), былъ архимандритъ изъ иноковъ этой же обители по имени Константинъ. При немъ въ 1501 году, по попущенію Божію, случился пожаръ, и обитель погорѣла. Послѣ этого Константина стала тревожить мысль, не оскорбилъ ли онъ чѣмъ-нибудь блаженнаго Евѳимія, не нарушилъ ли его заповѣдей или установленныхъ имъ въ обители обычаевъ и не отъ того ли случился въ обители пожаръ? Но блаженный Евѳимій явился во снѣ одному изъ иноковъ и сказалъ ему:

— Братъ! Скажи архимандриту Константину, что я ничего противъ него не имѣю.

Вставши отъ сна, этотъ инокъ отправился къ архимандриту Константину и разсказалъ ему то, что видѣлъ во снѣ. Выслушавъ разсказъ, Константинъ обрадовался тому, что получилъ прощеніе, и воздалъ хвалу Богу, дивныя дѣла совершающему чрезъ угодника Своего преподобнаго Евѳимія. Спустя нѣсколько времени послѣ сего нѣкоторые благочестивые люди пожертвовали въ обитель нужное для построенія сгорѣвшихъ келлій, и архимандритъ Константинъ построилъ ихъ по тому же плану, по которому они были построены и прежде.

Когда архимандритъ Константинъ скончался, то его мѣсто въ обители занялъ архимандритъ по имени Кириллъ, изъ иноковъ этой же обители, бывшій впослѣдствіи архіепископомъ города Ростова. Будучи человѣкомъ мудрымъ и въ духовныхъ, и въ мірскихъ дѣлахъ, Кириллъ всячески, насколько было возможно, заботился о томъ, чтобы не было нарушено ничего изъ правилъ общежитія и обычаевъ обители. Ему пришла на сердце благая мысль о церкви, и онъ сталъ совѣтоваться съ братіею о томъ, чтобы построить новую церковь, бо̀льшую бывшей, ибо хотя и была у нихъ въ обители каменная церковь, но она была мала и къ тому же пришла уже въ ветхость, такъ какъ ее построилъ еще самъ блаженный Евѳимій[2]). Все это было дѣломъ Промысла Всесильнаго Бога, чтобы сбылось слово Его, говорящее въ Евангеліяхъ: **не мо́жетъ гра́дъ оу҆кры́тисѧ верхꙋ̀ горы̀ стоѧ̀**[3])

---

[1]) Здѣсь разумѣется Спасо-Евѳиміева обитель, основанная преподобнымъ Евѳиміемъ по желанію и на средства Суздальскаго князя Бориса Константиновича около 1352 года по берегу рѣки Каменницы, или Каменни, близъ города Суздаля. Объ основаніи обители разсказывается въ житіи преподобнаго Евѳимія, помѣщенномъ подъ 1 числомъ мѣсяца апрѣля.

[2]) Церковь эта была освящена около 1352 года, слѣдовательно со времени ея построенія прошло болѣе 150 лѣтъ.

[3]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 5, ст. 14.

и: никто́же свѣти́льника вже́гъ, поставля́етъ є҆го̀ под̾ спꙋ́домъ и҆лѝ под̾ ѻ҆́дръ подлага́етъ[1]). Такъ и сему свѣтильнику, преподобному Евѳимію, невозможно было столько лѣтъ быть скрытымъ подъ землею. Когда уже начаты были работы по построенію большой церкви и рабочіе копали ровъ на правой ея сторонѣ, то нашли гробъ, обложенный тремя камнями[2]) и покрытый досками. Приведенные этимъ открытіемъ въ недоумѣніе, рабочіе пошли и разсказали о немъ архимандриту Кириллу. Тогда послѣдній повелѣлъ ударить въ било[3]). Тотчасъ ко гробу собрались братія, радуясь весьма великою радостію. Послѣ сего архимандритъ, взявъ съ собою нѣкоторыхъ изъ братій, отправился къ епископу Симеону и разсказалъ ему о дивномъ чудѣ. Выслушавъ разсказъ, епископъ Симеонъ прославилъ за это чудо Бога, при чемъ сказалъ слѣдующія слова.

— Го́споди! ᲂу҆таи́лъ є҆сѝ сїѧ̑ ѿ премꙋ́дрыхъ и҆ разꙋ́мныхъ, и҆ ѿкры́лъ є҆сѝ та̑ младе́нцемъ[4]).

Вскорѣ послѣ этого онъ со всѣмъ духовенствомъ пришелъ въ обитель и поклонился гробу блаженнаго Евѳимія, благодаря Бога, прославляющаго преподобныхъ Своихъ. Затѣмъ открыли гробъ и увидѣли, что лице преподобнаго свѣтло и одежды, которыя были на немъ, будто только вчера одѣты. Предивное чудо! Столько прошло лѣтъ[5]) — и не только тѣло преподобнаго не истлѣло, но даже и одеждъ его не коснулось тлѣніе! Цѣловавъ мощи преподобнаго отца, при пѣніи надгробныхъ Псалмовъ и пѣсней поставили ихъ въ стѣнѣ церкви боголѣпнаго Преображенія Господа и Спаса нашего Іисуса Христа, гдѣ они находятся и донынѣ. Это произошло въ 4 день мѣсяца іюля 1507 года. Богу нашему слава теперь, всегда и вѣчно.

Въ тотъ же день празднованіе памяти благовѣрнаго Великаго князя **Андрея Боголюбскаго,** убіеннаго въ 1174 году.

---

1) Еванг. отъ Луки, гл. **8**, ст. 16; Еванг. отъ Матѳ., гл. **5**, ст. 15.

2) Эти три камня при основаніи Преображенскаго храма преподобный Евѳимій собственноручно обтесалъ и устроилъ изъ нихъ мѣсто для своего гроба у сѣверныхъ дверей будущаго алтаря, вблизи святаго жертвенника, гдѣ впослѣдствіи и былъ погребенъ.

3) *Биломъ* называлась въ монастыряхъ доска, въ которую били для созыванія иноковъ въ церковь или въ трапезу.

4) Сравн.: Еванг. отъ Матѳ., гл. **11**, ст. 25.

5) Преподобный Евѳимій скончался 1 апрѣля въ 1405 году; слѣдовательно, со дня его кончины до открытія мощей прошло болѣе ста лѣтъ.

День пятый

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

АѲАНАСІЯ АѲОНСКАГО

Преподобнаго Аѳанасія[1]), достойнаго безсмертныхъ похвалъ, къ смертной человѣческой жизни произвелъ городъ Трапезунтъ[2]). Въ обученіи книгамъ его возрастила Византія (Константинополь[3]), а обитель Кименская[4]) и гора Аѳонская[5]) принесли его какъ плодъ, угодный Богу. Родители Аѳанасія были люди благо-

---

1) *Аѳанасій*—въ переводѣ съ греческаго (ἀθανασία) значитъ *безсмертіе*.

2) Находился въ сѣв.-восточн. области Малой Азіи Понтѣ, на морскомъ берегу, на западъ отъ рѣки Гисса.

3) *Византія*—мегарская колонія, основанная въ 658 г. до Р. Хр. на европейской сторонѣ Босфора; замѣчательная по своимъ удобствамъ бухта Золотого рога и господствующее положеніе на узкомъ проливѣ, соединяющемъ Черное море съ Мраморнымъ, обезпечивали за ней важное торговое и промышленное значеніе. Императоръ Константинъ Великій, оцѣнивъ выгоды положенія Византіи, перенесъ сюда (въ 330 г.) столицу Римской имперіи, благодаря чему Византія пріобрѣла всемірно-историческое значеніе; она порвала связь съ прошлымъ и стала называться Константинополемъ, Новымъ Римомъ.

4) См. житіе преп. Михаила Малеина, подъ 12 числомъ.

5) *Аѳонская гора* (*Аѳонъ*) по-греч. Ἅγιος Ὄρος—Святая гора,—узкій гористый полуостровъ, вдающійся въ Архипелагъ (Эгейское море), извѣстенъ какъ центръ иноческой жизни для греческаго Востока. Иночество здѣсь возникло въ древнее время, хотя нѣсколько позже, чѣмъ въ Сиріи и Палестинѣ. Для Русской Церкви почти съ самаго появленія на Руси христіанства и по XVII вѣкъ Аѳонъ имѣлъ большее значеніе: здѣсь постригся отецъ русскаго монашества преп. Антоній; здѣсь въ большихъ монастырскихъ библіотекахъ получали наиболѣе широкое по тому времени религіозное образованіе наши иноки, ходившіе на Аѳонъ (наприм. преп. Нилъ Сорскій † 1508 г.). Здѣсь находились

родные и благочестивые. Его отецъ происходилъ изъ Антіохіи[1]), а мать—изъ Колхиды[2]). Проживали же они въ Трапезунтѣ. Отецъ Аѳанасія умеръ еще до появленія послѣдняго на свѣтъ, а мать, родивши Аѳанасія и возродивши его Святымъ Крещеніемъ, отошла къ Богу вслѣдъ за мужемъ. Отроку во Святомъ Крещеніи дано было имя Аврамія. Ребенка, еще въ пеленахъ, по смерти родителей оставшагося круглымъ сиротою, взяла на воспитаніе одна благородная черноризица. Еще въ отроческомъ возрастѣ Аврамія проявлялись признаки, предуказывавшіе на образъ его жизни въ будущемъ, когда онъ станетъ совершеннолѣтнимъ. Малымъ ребенкомъ онъ велъ себя наподобіе разумнаго и добронравнаго мужа, такъ что даже когда у него происходили со сверстниками дѣтскія игры, то послѣдніе не назначали Аврамія царемъ или воеводой, но—игуменомъ. И дѣйствительно, уже съ дѣтства онъ привыкалъ къ иноческой жизни; видя воспитывавшую его черноризицу непрестанно пребывающую въ молитвахъ и постѣ, и онъ, насколько возможно для отрока, старался подражать ей, постясь и совершая молитвы. Больше своихъ сверстниковъ преуспѣвалъ онъ и проходя начальную по тому времени школу. Такъ, возрастая тѣломъ и разумомъ, Аврамій вышелъ изъ отроческаго возраста.—Въ то время скончалась черноризица, замѣнявшая ему мать. Вторично осиротѣвшій отрокъ Аврамій оплакалъ ея кончину какъ кончину дѣйствительной матери своей. Затѣмъ онъ пожелалъ побывать въ Византіи для пріобрѣтенія дальнѣйшаго образованія. Богъ, заботящійся о сиротахъ, слѣдующимъ образомъ привелъ въ исполненіе его желаніе. Въ то время въ Греціи царствовалъ благочестивый императоръ Романъ[3]). Имъ былъ посланъ

спеціальные переводчики и переписчики, снабжавшіе отсюда Православную Русь переводными рукописными произведеніями церковно-назидательнаго характера.—Какъ одно изъ наиболѣе чтимыхъ святыхъ мѣстъ Православнаго Востока, Аѳонъ ежегодно посѣщается тысячами богомольцевъ исключительно мужескаго пола (женщинамъ входъ въ монастырь возбраненъ) изъ Россіи, Балканскаго полуострова и азіатскихъ владѣній Турціи. Почти вся гора, за исключеніемъ глубокихъ ущельевъ и скалъ, покрыта богатою растительностью: здѣсь растутъ лимонныя, апельсинныя и грушевыя деревья вперемежку съ орѣховыми, масличными и каштанами; цѣлыя поля усажены многоразличными породами винограда, доставляющими аѳонской братіи удовлетворительный запасъ прекраснаго вина. На Аѳонѣ расположено до двадцати богатыхъ монастырей, нѣсколько скитовъ и множество (сотни) отдѣльныхъ келлій—греческихъ, русскихъ, молдавскихъ, болгарскихъ и др.

1) Вѣроятно, изъ Антіохіи Писидійской, названной такъ отъ области Малой Азіи Писидіи, гдѣ находился этотъ городъ.

2) *Колхида*—страна, находившаяся къ югу отъ Понта Евксинскаго (Чернаго моря) между Кавказомъ, Иберіей и Арменіей.

3) *Романъ II* царствовалъ въ 957—963 гг.

въ Трапезунтъ для собиранія торговыхъ податей одинъ изъ дворцовыхъ евнуховъ[1]). Послѣдній, познакомившись съ благовиднымъ и разумнымъ отрокомъ Авраміемъ, взялъ его съ собою въ Византію и здѣсь поручилъ одному выдающемуся учителю, по имени Аѳанасію, заботу о его философскомъ образованіи. Ученикъ въ скоромъ времени по познаніямъ сравнялся съ учителемъ. Въ тѣ годы въ Византіи проживалъ одинъ воевода по имени Зефиназеръ, который сосваталъ родственницу Аврамія своему сыну; познакомившись съ Авраміемъ, онъ взялъ его въ свой домъ. Юноша Аврамій, хотя и пребывалъ въ богатомъ домѣ, изобилующемъ изысканными яствами, тѣмъ не менѣе не оставлялъ постническаго воздержанія, къ которому привыкъ у воспитавшей его черноризицы. Избѣгая удовольствія отъ брашенъ, Аврамій не соглашался ѣсть за трапезою воеводы, но удовлетворялъ свой голодъ,—и то по необходимости,—неваренымъ зеліемъ и овощами. Онъ всегда старался быть бодрымъ; поэтому, желая побѣдить естественный сонъ и уничтожить дремоту, онъ наполнялъ лохань водою, въ которую и погружалъ свое лицо; всячески изнуряя себя, Аврамій умерщвлялъ свою плоть и порабощалъ ее духу. За такую добродѣтельную жизнь, а таже и за выдающійся разумъ, Аврамій былъ любимъ всѣми и сталъ извѣстенъ людямъ и даже самому императору. Послѣднимъ Аврамій назначенъ былъ учителемъ въ государственномъ училищѣ на одинаковыхъ правахъ съ бывшимъ наставникомъ его Аѳанасіемъ. А такъ какъ ученіе Аврамія больше нравилось, чѣмъ Аѳанасія, отчего къ нему собиралось больше учениковъ, чѣмъ

Прп҃бный
а҆ѳана́сїй

[1]) *Евнухами* назывались въ древности лица, которыя служили при царскихъ дворахъ въ качествѣ хранителей сокровищъ, царской казны и, въ особенности, въ качествѣ стражи при опочивальняхъ царя, царицъ и царевенъ. По большей части евнухи были скопцами. При византійскомъ дворѣ должность евнуховъ была весьма почетная.

къ Аѳанасію, то послѣдній, завидуя своему прежнему ученику, началъ ненавидѣть его. Узнавши о семъ, блаженный Аврамій въ скоромъ времени оставилъ учительскую должность, не желая опечаливать своего учителя; онъ проживалъ въ домѣ вышеозначеннаго воеводы, предаваясь своимъ обычнымъ подвигамъ. Послѣ сего отъ императора послѣдовалъ воеводѣ приказъ—отправиться, по требованіямъ государственной необходимости, въ Егейское[1]) море. Воевода, сильно любившій Аврамія, взялъ и его съ собою, когда удалялся въ плаваніе по приказанію царя. Они доплыли до Авида, а отсюда достигли Лименя. Здѣсь Аврамій, замѣтивши Аѳонскую гору, весьма полюбилъ ее и помышлялъ о томъ, чтобы поселиться на ней. Когда они, исполнивъ порученіе императора, вернулись домой, то, по Божественному усмотрѣнію, въ Константинополь изъ находящагося близъ Аѳона Кименскаго монастыря прибылъ преподобный Михаилъ по прозванію Малеинъ[2]). Когда Аврамій, слышавшій о богоугодной жизни преподобнаго отца, узналъ объ этомъ, то чрезвычайно обрадовался и отправился къ нему. Онъ получилъ высокое наслажденіе отъ бесѣды со старцемъ; и послѣ его боговдохновенныхъ наставленій Аврамія охватило еще болѣе горячее желаніе отвергнуться міра, чтобы служить Богу въ иноческомъ чинѣ. Онъ открылъ свое намѣреніе и желаніе преподобному Михаилу, сообщивъ при этомъ о себѣ,—откуда онъ, кто его родители, какое онъ получилъ воспитаніе и почему онъ проживаетъ въ домѣ военачальника. Прозирая, что Аврамій явится сосудомъ Святаго Духа, преподобный весьма полюбилъ его и долго поучалъ о спасеніи, сѣя въ его сердцѣ, какъ на удобренной почвѣ, сѣмена Словесъ Божіихъ, дабы онъ принесъ сторичный плодъ добродѣтелей. Въ то время, какъ они вели духовную бесѣду, пришелъ навѣстить преподобнаго Михаила его племянникъ Никифоръ, военачальникъ Востока, который впослѣдствіи былъ греческимъ императоромъ[3]). Во время бесѣды со своимъ преподобнымъ дядей онъ замѣтилъ юношу Аврамія и спросилъ о немъ старца, кто онъ такой. Святый сообщилъ ему все, касающееся Аврамія, а равно и о томъ, что послѣдній желаетъ быть инокомъ; съ этого времени Аврамій сталъ извѣстенъ Никифору. Спустя нѣсколько дней преподобный Михаилъ возвратился изъ Константинополя въ

---

[1]) Или Архипелагъ.

[2]) Память его — 12 числа настоящаго мѣсяца.

[3]) *Никифоръ II Фока*—императоръ въ 963—969 гг.

свою обитель; Аврамій же былъ не въ состояніи пребывать болѣе среди житейской суеты, но презирая все мірское, увлекаемый стремленіемъ къ иночеству и любовію къ преподобному, поспѣшно отправился къ нему. Дойдя до Кименской обители, онъ упалъ въ ноги святому старцу Михаилу, со слезами умоляя облечь его въ иноческій образъ и тѣмъ присоединить къ избранному стаду словесныхъ овецъ Христовыхъ. Преподобный Михаилъ привѣтливо встрѣтилъ Аврамія: не откладывая исполненіе его просьбы и не посылая его въ разрядъ испытуемыхъ, преподобный Михаилъ немедленно постригъ Аврамія съ именемъ Аѳанасія—какъ уже опытнаго подвижника, ибо онъ замѣчалъ въ немъ горячую любовь къ Богу. Хотя въ той обители и не существовало обычая одѣваться инокамъ послѣ постриженія во власяницу, блаженный Михаилъ облекъ, однако, ею Аѳанасія,—какъ бы вооружая доблестнаго воина Христова въ броню противъ супостатовъ; Аѳанасій умолялъ святаго старца положить на него послушаніе—во всю недѣлю вкушать пищу только однажды. Но премудрый наставникъ, отсѣкая волю своего ученика, приказалъ ему принимать пищу на третій день. Аѳанасій съ усердіемъ проходилъ всѣ назначавшіеся ему монастырскія и церковныя послушанія, пребывая неутомимымъ и въ иноческихъ подвигахъ. Свободное же отъ монастырскихъ работъ время онъ посвящалъ, по приказанію своего духовнаго отца, на переписку священныхъ книгъ. За такое трудолюбіе Аѳанасія любили вся братія; такъ въ теченіе четырехъ лѣтъ онъ показалъ себя совершеннымъ въ иноческой жизни.—Затѣмъ преподобный отецъ повелѣлъ ему проводить жизнь въ безмолвіи, въ келліи, находившейся въ пустынѣ и отстоявшей отъ обители на одно поприще[1]); при семъ старецъ далъ ему слѣдующую заповѣдь относительно поста: не на третій день вкушать пищу, какъ доселѣ онъ имѣлъ обыкновеніе,—но на второй: ѣсть сухой хлѣбъ и пить немного воды; во всѣ же Господскіе и Богородичные праздники и въ дни воскресные онъ повелѣлъ ему, начиная съ вечера и до третьяго часа дня, пребывать безъ сна въ молитвахъ и славословіи Божіемъ.

По прошествіи нѣкотораго времени вышеупомянутый военачальникъ Востока Никифоръ—племянникъ преподобнаго Михаила, исполняя царскую службу и проходя мимо обители, зашелъ къ

---

[1]) *Поприще*—мѣра разстоянія приблизительно въ 690 саженъ.

своему преподобному дядѣ Михаилу; во время бесѣды съ нимъ онъ вспомнилъ объ Авраміи и спросилъ:

— Отче, гдѣ находится отрокъ Аврамій, котораго я видѣлъ у тебя въ Царствующемъ Градѣ?

— Онъ молитъ Бога о спасеніи вашемъ,—отвѣчалъ старецъ.— Въ настоящее время онъ уже монахъ и переименованъ изъ Аврамія Аѳанасіемъ.

Случилось, что съ Никифоромъ находился братъ его—патрицій[1]) Левъ. Они оба, выслушавши о добродѣтельной жизни Аѳанасія, просили позволенія увидѣться съ нимъ, и такъ какъ старецъ не противился этому, то они отправились къ мѣсту Аѳанасіева безмолвія. Встрѣтивши ихъ, Аѳанасій велъ съ ними бесѣды, исполненныя духовной премудрости, ибо уста его были насыщены благодатію Духа Святаго. Они такъ усладились его рѣчами, что выразили желаніе навсегда остаться съ нимъ, если бы только имъ было возможно освободиться отъ своихъ должностей и мірскихъ заботъ. Возвратившись затѣмъ къ преподобному Михаилу, они сказали ему:

— Благодаримъ тебя, отче, за то, что ты показалъ намъ сокровище, которое ты имѣешь утаеннымъ на полѣ твоей паствы.

Между тѣмъ старецъ, призвавши Аѳанасія, приказалъ ему снова предложить пришедшимъ учительное слово о спасеніи души. И устами святаго дѣйствовала благодать Господня такъ, что слушающіе рѣчи его умилялись, сокрушались сердцемъ и плакали. Да и самъ старецъ изумлялся благодати поученія, исходящей изъ устъ Аѳанасіевыхъ. Съ этого времени военачальникъ Никифоръ и патрицій Левъ весьма полюбили блаженаго Аѳанасія. И, уединившись съ нимъ, Никифоръ открылъ ему свое намѣреніе, говоря:

— Отче, я желаю устраниться отъ мірской бури и, избѣгнувши житейскихъ заботъ, служить Богу въ иноческомъ безмолвіи. Это желаніе и намѣреніе окрѣпли у меня главнымъ образомъ подъ вліяніемъ твоихъ боговдохновенныхъ рѣчей, и я питаю надежду съ помощію твоихъ святыхъ молитвъ получить желаемое.

---

[1]) До времени императора Константина Великаго наименованіе *патрицій* усвоялось только лицамъ благороднаго происхожденія, главнымъ образомъ,—потомкамъ сенаторовъ; патриціи ввиду своего происхожденія пользовались различнаго рода привиллегіями въ пользованіи общественной землей и въ частно-правовыхъ отношеніяхъ; императоръ же Константинъ сдѣлалъ патриціатъ личнымъ достоинствомъ, даруемымъ высшимъ чиновникамъ и не переходившимъ по наслѣдству.

Блаженный Аѳанасій отвѣчалъ ему на это:

— Господинъ! На Бога возложи твою надежду—и Онъ устроитъ относительно тебя, какъ желаешь.

Такимъ образомъ послѣ продолжительныхъ бесѣдъ Никифоръ и Левъ съ большою пользою для своихъ душъ возвратились въ свой путь.

Преподобный Михаилъ имѣлъ намѣреніе поставить Аѳанасія послѣ себя игуменомъ, ибо самъ онъ уже состарѣлся и приближался къ кончинѣ. Узнавши объ этомъ, Аѳанасій, хотя и не желалъ разстаться съ любезнымъ отцомъ своимъ, тѣмъ не менѣе убѣжалъ оттуда, боясь бремени начальствованія и считая себя недостойнымъ пастырскаго сана; онъ странствовалъ по Аѳонской горѣ, посѣщая пустынныхъ отцовъ, и примѣромъ ихъ добродѣтельной жизни возбуждался къ высшимъ подвигамъ. Найдя въ разсѣлинахъ скалъ нѣсколько братій, проживающихъ неподалеку другъ отъ друга, онъ поселился среди нихъ и сталъ подражать ихъ суровому образу жизни. У нихъ не было никакой заботы о тѣлѣ, не было ни крова, ни пищи, ни имущества, но ради Бога они охотно и съ радостью переносили и морозъ, и жаръ, и голодъ. Послѣдній они удовлетворяли дикими овощами, произраставшими въ той пустынѣ, и то немного вкушая ихъ въ положенный часъ. Въ то время скончался преподобный Михаилъ Малеинъ. Узнавши о его кончинѣ, Аѳанасій плакалъ о немъ, какъ сынъ объ отцѣ. Онъ узналъ также и о томъ, что военачальникъ Никифоръ съ братомъ патриціемъ Львомъ снова должны будутъ проходить мимо того мѣста, и побоялся, чтобы они опять не стали разыскивать его. Поэтому онъ покинулъ пустынниковъ, ибо они были извѣстны прочей братіи и ихъ часто посѣщали; опасаясь, что его узнаютъ приходящіе къ нимъ, Аѳанасій отправился въ дальнюю обитель, прозывавшуюся по-гречески: Тузига. Найдя здѣсь нѣкоего старца, въ безмолвіи жительствующаго внѣ обители, онъ просилъ послѣдняго принять его, а дабы не быть опознаннымъ по имени, онъ переименовалъ себя вмѣсто Аѳанасія—Варнавою. Между тѣмъ старецъ разспрашивалъ его, говоря:

— Кто ты, братъ, откуда и по какой причинѣ пришелъ сюда?

— Я былъ корабельщикъ,—отвѣчалъ Аѳанасій,—и, попавши въ бѣду, далъ обѣщаніе Богу отвергнуться міра и сокрушаться о грѣхахъ моихъ. По этой причинѣ я облекся во святый иноческій

образъ и, наставляемый Богомъ, пришелъ сюда къ твоей святости, желая пребывать съ тобою и получать отъ тебя руководство на пути спасенія. Имя же мое Варнава.

Повѣривши разсказу Аѳанасія, старецъ принялъ его, и остальное время Варнава проживалъ со старцемъ, во всемъ повинуясь ему, какъ отцу. По прошествіи же нѣкотораго времени онъ сказалъ старцу:

— Отче, начни обучать меня грамотѣ, чтобы я могъ хотя немного умѣть читать Псалтирь. Когда я жилъ въ міру, я ничего другого не зналъ, кромѣ плаванія на кораблѣ.

Блаженный Аѳанасій затѣмъ притворялся неграмотнымъ, чтобы не быть узнаннымъ и опознаннымъ тѣми, кто сталъ бы искать его. Тогда старецъ написалъ для него азбуку и училъ его, какъ никогда не учившагося простеца. Варнава между тѣмъ притворялся, будто не можетъ понять и уразумѣть азбуки. Такъ онъ поступалъ въ теченіе долгаго времени, и старецъ печалился за него, а иногда, разобидѣвшись, съ гнѣвомъ прогонялъ его отъ себя. Названный же Варнава смиренно говорилъ:

— Отче, не отгоняй меня, неразумнаго и дурного, но Бога ради потерпи и помоги мнѣ твоими молитвами, да подастъ мнѣ Господь разумѣніе.

Послѣ сего ученикъ какъ бы понемногу сталъ уразумѣвать писменные слоги и вселялъ надежду въ старцѣ относительно усвоенія ученикомъ въ будущемъ книжнаго знанія. Въ то время знаменитѣйшій восточный военачальникъ Никифоръ, узнавши, что Аѳанасій убѣжалъ изъ Кименскаго монастыря, былъ весьма опечаленъ и размышлялъ, какъ бы найти его. Онъ писалъ къ судьѣ Солунскому[1]), чтобы тотъ, дойдя до Аѳонской горы, точно разузналъ объ Аѳанасіи. Прочитавши письмо, судья немедленно съ поспѣшностью отправился во Святую Гору и, призвавши прота—начальника надъ всѣми игуменами Аѳонскихъ монастырей, разспрашивалъ его объ инокѣ Аѳанасіи, описывая ему признаки его лица и возраста, и книжное искусство, какъ сообщилъ ему Никифоръ. Протъ съ увѣренностью утверждалъ:

— Такой мужъ, какого вы ищете, не приходилъ на сію гору, а впрочемъ,—добавилъ онъ,—точно сего я не знаю. Въ скоромъ времени у насъ соберется Соборъ, на которомъ должны присутствовать проживающіе на сей горѣ. И вотъ, если отыскиваемый вами

[1]) *Солунь*, или *Ѳессалоники*,—городъ Македоніи.

инокъ находится гдѣ-нибудь на этой горѣ, то онъ, конечно, явится въ числѣ другихъ на Соборъ, и въ то время мы узнаемъ его.

Судья вернулся въ Солунь.

Тогда на Аѳонѣ существовалъ обычай, чтобы братія трижды въ годъ собирались въ такъ называемой Карійской Лаврѣ въ три нарочитыхъ праздника: Рождества Христова, Пасхи и Успенія Пресвятой Богородицы. Собираясь въ сіе время, иноки праздновали вмѣстѣ, причащаясь Божественныхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовыхъ и вкушая общую трапезу. Когда наступилъ праздникъ Рождества Христова и собрались изъ монастырей и пустынножительныхъ келлій отцы и братія, то явился и тотъ старецъ—учитель назвавшагося Варнавою съ своимъ ученикомъ. Протъ пристально всматривался въ братію, отыскивая въ числѣ ея такого инока, который бы подходилъ къ признакамъ, описаннымъ Никифоромъ. Замѣтивши такого, онъ спросилъ его имя и такъ какъ услыхалъ, что его зовутъ Варнавою, то усомнился,—отыскиваемому иноку было имя Аѳанасій. Но, впрочемъ, протъ рѣшилъ опредѣлить личность инока по его книжному искусству. И вотъ, когда наступило время чтенію и была предложена книга, протъ приказалъ именовавшемуся Варнавою иноку прочесть предъ соборомъ установленное чтеніе. Но Варнава отказывался, утверждая, что онъ несвѣдующій и неграмотный. Старецъ же его, замѣчая это, улыбнулся и, тихо засмѣявшись, сказалъ приказывающему:

— Авво[1]), оставь,—братъ неумѣлый и въ настоящее время онъ учится лишь соединять буквы и слоги перваго Псалма.

Но протъ настаивалъ на своемъ, приказывая читать подъ угрозою. Тогда блаженный Аѳанасій, замѣчая, что не можетъ далѣе скрываться, къ тому же и вынуждаемый угрозою, повиновался власти, установленной Богомъ, и сталъ читать какъ умѣлъ,—обнаруживая звучный голосъ и необычную выразительность, такъ что всѣ слушавшіе удивлялись. Удивился, а вмѣстѣ ужаснулся и старецъ, замѣчая и слыша то, чего онъ не ожидалъ, и стыдился за свое учительство, но вмѣстѣ съ тѣмъ и радовался, воздавая съ слезами благодарность Богу за то, что сподобился быть учителемъ столь учительнаго мужа. Тогда Аѳанасій былъ узнанъ, и всѣ относились къ нему съ уваженіемъ, а одинъ изъ почтеннѣйшихъ отцевъ, по имени Павелъ, изъ Ксиропотамской области, пророчески говорилъ братіи объ Аѳанасіи:

[1]) *Авва*—отецъ.

— Сей, послѣ насъ пришедшій на сію гору братъ, упредилъ насъ въ добродѣтели и будетъ по славѣ первѣйшимъ изъ насъ въ Царствѣ Небесномъ. Онъ будетъ для многихъ отцемъ и наставникомъ на пути спасенія.

Протъ послѣ сего сообщилъ Аѳанасію, что его ищутъ Никифоръ съ братомъ своимъ Львомъ. Аѳанасій умолялъ прота не сообщать о немъ, дабы ему не лишиться Святой Горы. Тогда и протъ, понявши, что потерять такого мужа будетъ лишеніемъ для Аѳона, обѣщался не открывать его отыскивавшимъ. Аѳанасію же онъ приказалъ безмолвствовать въ уединеніи въ пустынной келліи, отстоящей отъ лавры[1]) на три поприща. Здѣсь, трудясь для Бога наединѣ, преподобный Аѳанасій имѣлъ пропитаніе отъ рукъ своихъ. Онъ переписывалъ книги, такъ какъ былъ каллиграфъ и скорописецъ, и въ теченіе шести дней, не оставляя притомъ обычнаго монашескаго правила, переписывалъ всю Псалтирь; за переписку книгъ отцы снабжали его хлѣбомъ.

Когда преподобный Аѳанасій проживалъ въ безмолвіи, въ то время вышеупомянутый Левъ, братъ Никифора, бывшій уже военачальникомъ на Западѣ, возвращаясь съ войны послѣ побѣды надъ дикими скиѳами, одержанной съ помощію Божіею и Пречистой Богоматери, зашелъ на Аѳонскую гору воздать благодареніе за побѣду надъ врагами Христу Богу и Его Пречистой Матери. Послѣ благодарственнаго моленія Левъ прилежно разспрашивалъ объ Аѳанасіи и, узнавши объ его мѣстопребываніи, отправился къ нему въ безмолвную келлію. Увидавши Аѳанасія, Левъ сильно обрадовался, привѣтливо обнимая его, и отъ радости даже плакалъ. Онъ день и ночь проводилъ въ бесѣдахъ съ Аѳанасіемъ, наслаждаясь его богомудрыми рѣчами. Замѣчая сильную любовь военачальника къ Аѳанасію, иноки просили послѣдняго, чтобы онъ попросилъ Льва устроить для иноковъ въ Карейской Лаврѣ новую обширную церковь, такъ какъ старая была мала и не могла вмѣстить всей братіи. Аѳанасій сообщилъ объ этомъ

---

[1]) *Лавра*—съ греч. часть города, переулокъ—собственно рядъ келлій, расположенныхъ вокругъ жилища настоятеля въ видѣ переулковъ въ городѣ, обнесенный оградою или стѣной. Иноки въ лаврахъ вели отшельническій образъ жизни и подвизались каждый въ своей келліи, собираясь вмѣстѣ для Богослуженія въ первый и послѣдній день недѣли, а въ остальные дни сохраняли строгое безмолвіе; жизнь въ лаврахъ была много труднѣе, чѣмъ въ другихъ обителяхъ. Съ глубокой древности названіе лавры примѣняется къ многолюднымъ и важнымъ по своему значенію монастырямъ. Впервые появилось оно въ Египтѣ и потомъ въ Палестинѣ. Въ настоящее время имя лавры употребляется у насъ исключительно въ смыслѣ почетнаго названія.

военачальнику. Христолюбивый воевода немедленно съ радостію далъ имъ множество серебра и золота на постройку церкви. Простившись затѣмъ съ Аѳанасіемъ и прочими отцами, Левъ пошелъ своимъ путемъ къ Константинополю, гдѣ и сообщилъ объ Аѳанасіи брату своему Никифору. Съ этого времени аѳонскіе отцы стали относиться съ особеннымъ уваженіемъ къ Аѳанасію, восхваляя его; многіе стали приходить къ нему и для душевной пользы.

Между тѣмъ преподобный, любя безмолвіе и отовсюду избѣгая человѣческой славы, удалился изъ мѣста своего поселенія и обходилъ внутреннія мѣста горной пустыни; наставляемый Богомъ, онъ пришелъ на самый край Аѳона, въ мѣстность, прозывавшуюся Мелана, имѣвшую обширнѣйшую пустыню и далеко отстоявшую отъ остальныхъ жилищъ постниковъ. Устроивши на одномъ холмѣ, съ площадкой наверху, шалашъ, Аѳанасій началъ здѣсь подвизаться, стремясь къ высшимъ подвигамъ. Первоначально коварный врагъ діаволъ, желая изгнать преподобнаго, дѣлалъ это новое мѣсто поселенія для него ненавистнымъ, возбуждая въ немъ настойчивую, съ трудомъ побораемую, мысль удалиться. Но добрый подвижникъ побѣждалъ свои сомнѣнія такимъ размышленіемъ:

«Перетерплю здѣсь весь этотъ годъ, а по окончаніи года поступлю такъ, какъ Богъ устроитъ».

Когда же прошло означенное время, то въ послѣдній день года подвижникомъ съ особенною силою овладѣли помыслы, влекущіе его оттуда, такъ что онъ самъ себѣ сказалъ:

— Утромъ уйду и возвращусь въ Карейскую Лавру.

Затѣмъ онъ всталъ на молитву, совершая пѣніе третьяго часа, и внезапно появившійся свѣтъ Небесный облисталъ его, и облако помышленій тотчасъ разсѣялось. Съ чувствомъ несказаннаго веселія и восторга святый изливалъ отъ переполненнаго божественною любовію сердца радостныя слезы. Съ того времени преподобный Аѳанасій получилъ даръ умиленія и плакалъ, когда желалъ. Мѣсто же то онъ настолько возлюбилъ, насколько раньше оно было ненавистно для него, и онъ жилъ въ немъ, прославляя Бога. Въ это время военачальникъ Никифоръ былъ отправленъ императоромъ съ войскомъ на островъ Критъ[1]), которымъ завладѣли тогда мусульмане. Не надѣясь на силу греческаго войска, но ища молитвенной помощи у святыхъ отцовъ, Никифоръ послалъ одного

[1]) *Критъ*, или *Кандія*,—наибольшій изъ греческихъ острововъ въ восточной части Средиземнаго моря, къ югу отъ Эгейскаго моря.

изъ довѣренныхъ ему лицъ на кораблѣ на Аѳонъ, написавши ко всему Собору аѳонскихъ отцовъ просьбу о молитвѣ ихъ къ Богу, чтобы подана была ему свыше помощь противъ мусульманъ. Онъ просилъ еще прислать къ нему Аѳанасія, который, какъ онъ слышалъ отъ брата своего Льва, проживаетъ на Аѳонѣ. Прочитавши письмо военачальника, аѳонскіе отцы совершали нелѣностныя молитвы о немъ, затѣмъ, отыскавши Аѳанасія въ пустынѣ и призвавши его на Соборъ, приказывали ему идти къ военачальнику. Первоначально Аѳанасій совсѣмъ было не хотѣлъ идти и едва повиновался, будучи побуждаемъ угрозами старцевъ. Вмѣстѣ съ нимъ отправили и одного изъ уважаемыхъ старцевъ, котораго Аѳанасій почиталъ своимъ учителемъ, слѣдуя за нимъ какъ ученикъ. Сѣвши на корабль, они отплыли въ Критъ. Когда они явились къ благочестивому военачальнику Никифору, то послѣдній, лишь только увидѣлъ Аѳанасія, подбѣжалъ, бросился ему на шею, облобызалъ его и плакалъ отъ радости, почитая его какъ своего духовнаго отца. Замѣтивши же, что Аѳанасій относится къ своему спутнику—старцу какъ ученикъ къ учителю, Никифоръ удивлялся его смиренію и, оставивши все управленіе внѣшними дѣлами, проводилъ время въ духовной бесѣдѣ съ преподобнымъ Аѳанасіемъ. Онъ вспоминалъ при этомъ свое давнишнее обѣщаніе отречься отъ міра и сдѣлаться инокомъ и умолялъ преподобнаго первоначально устроить въ той пустынѣ, въ которой онъ самъ проживаетъ, келліи для молчальниковъ. Никифоръ давалъ Аѳанасію серебра и золота на устройство этихъ келлій, но Аѳанасій, любя безпечальную и безмолвную жизнь, отказался отъ хлопотъ о келліяхъ, не принялъ серебра и золота, чѣмъ весьма опечалилъ военачальника. Пробывши вмѣстѣ лишь нѣсколько дней и насладившись взаимнымъ лицезрѣніемъ и дружелюбными бесѣдами, они разстались. Аѳанасій возвратился на Аѳонъ, а военачальникъ отправился на войну и, по молитвамъ святыхъ отцовъ, побѣдилъ мусульманъ и снова присоединилъ Критъ къ Греціи. Вскорѣ затѣмъ военачальникъ Никифоръ опять отправилъ на Аѳонъ одного изъ своихъ приближенныхъ по имени Меѳодія (который потомъ былъ игуменомъ Кименской обители) къ преподобному Аѳанасію съ золотомъ на устройство келлій. Золота послано было литръ[1]) шесть.

Блаженный Аѳанасій, увидавши теплую любовь къ Богу Никифора и его доброе намѣреніе и сознавши, что оно—дѣло Божія

[1]) *Литра*—мѣра вѣса, равняющаяся 72 золотникамъ.

изволенія, принялъ золото и началъ заботиться о стройкѣ. Очистивши помянутое мѣсто, онъ прежде всего поставилъ келліи для безмолвія Никифору, устроилъ храмъ во имя святаго Іоанна Предтечи, а потомъ у подножія горы воздвигъ прекраснѣйшую церковь во имя Пречистой Дѣвы Богородицы. Когда приступили къ постройкѣ церквей, то завистливый врагъ началъ ей препятствовать: у созидавшихъ церковь людей цѣпенѣли руки и дѣлались совсѣмъ неподвижными, такъ что ихъ нельзя было приблизить къ устамъ. Уразумѣвши, что это дѣло бѣсовъ, преподобный горячо помолился Богу, отогналъ козни лукаваго и тѣмъ освободилъ отъ оцѣпенѣнія руки рабочихъ. Таково было начало чудесъ великаго отца. Окончивъ церковь въ честь Пресвятой Богородицы, преподобный сталъ устраивать кругомъ нея келліи,— словомъ, созидать прекрасную обитель; онъ выстроилъ трапезу и больницу, страннопріимный домъ, затѣмъ для больныхъ и странниковъ баню, мудро устроивши и всѣ прочія необходимыя для обители зданія. Затѣмъ онъ собралъ множество братіи, давъ ей въ руководство строго общежительный уставъ, составленный по образцу древнѣйшихъ палестинскихъ обителей; для вновь собраннаго словеснаго стада преподобный Аѳанасій явился игуменомъ, который былъ угоденъ Богу и къ которому благоволила Пресвятая Богородица: ибо одинъ изъ иноковъ видѣлъ Ее посѣщающей созданную преподобнымъ обитель и церковь Свою. Сподобившійся сего видѣнія инокъ Матѳей былъ подвижникъ, безукоризненно проходившій путь иноческой жизни и потому имѣвшій чистыя и просвѣщенныя сердечныя очи. Стоя въ церковномъ собраніи съ благоговѣйнымъ вниманіемъ и страхомъ на утреннемъ пѣніи, онъ узрѣлъ Пресвѣтлѣйшую Дѣву, вошедшую въ церковь съ двумя пресвѣтлыми Ангелами. Одинъ изъ нихъ шелъ впереди Ея со свѣчою, а другой— позади; Сама же Она, обходя братію, раздавала подарки. Братіямъ, поющимъ на клиросахъ, Она давала по одной золотой монетѣ, а тѣмъ, которые стояли внутри церкви по прочимъ мѣстамъ, давала по двѣнадцати цатъ, стоявшимъ же на паперти—по шести. Видѣвшій сіе Матѳей и самъ сподобился отъ Пречистыхъ рукъ Ея принять шесть цатъ. Послѣ этого явленія Матѳей пришелъ къ преподобному отцу и упрашивалъ его дать ему мѣсто въ числѣ поющихъ, причемъ онъ разсказалъ святому, что̀ онъ видѣлъ. Уразумѣвши, что то было посѣщеніе Пречистой Дѣвы Богородицы, преподобный отецъ исполнился великой духовной радости. Отно-

сительно же раздаянія братіи золотыхъ монетъ, онъ заключилъ, что это были даруемыя Ею каждому по достоинству различныя благословенія: стоявшимъ во время пѣнія съ горячѣйшею молитвою и вниманіемъ давалось бо́льшее воздаяніе, а которые менѣе внимали—тѣ менѣе и получили. Зрѣвшій же то видѣніе потому былъ сравненъ съ ме́ньшими, чтобы, съ одной стороны, будучи опечаленъ лишеніемъ бо́льшаго, разсказалъ о видѣніи, а, съ другой,—для того, чтобы не возгордился равенствомъ своимъ съ достойнѣйшими, но въ смиренномудріи пребывалъ съ меньшими. Чрезъ это явленіе съ очевидностью обнаружилось, каково было благоволеніе Пречистой Дѣвы Богородицы къ преподобному Аѳанасію и его обители. Каково же было устройство обители преподобнаго, каковъ въ ней былъ порядокъ, уставы и законоположенія, о всемъ томъ подробно описано въ отдѣльной книгѣ его житія[1]),—желающій пусть тамъ и читаетъ. Мы же, повѣствуя сокращенно, собираемъ особенныя дѣянія (хотя они и всѣ необыкновенны).

Преподобный Аѳанасій, услышавши, что военачальникъ Никифоръ по смерти царя Романа[2]) былъ поставленъ царемъ въ Греціи за неоднократныя побѣды надъ мусульманами, весьма опечалился, потому что ввиду его обѣщанія быть инокомъ онъ принялъ на себя заботы объ обители. (Да будетъ же извѣстно, что этотъ императоръ Никифоръ прозывался также Фокою. Но это не тотъ Фока, который убилъ императора Маврикія и не тотъ Никифоръ, который воцарился послѣ императрицы Ирины и былъ убитъ въ войнѣ съ Болгарами, но иной Никифоръ Фока—позднѣйшій по годамъ). Преподобный, скорбя о неисполненіи Никифоромъ обѣта, предполагалъ оставить все и бѣжать. Приготовляясь къ побѣгу, онъ сообщилъ братіи, что желаетъ идти къ императору для устройства монастырскихъ дѣлъ. Захвативши съ собою нѣкоторыхъ изъ братіи, онъ дѣйствительно отправился въ путь и, дойдя до Авиды, оставилъ при себѣ троихъ братьевъ, а прочихъ возвратилъ въ монастырь, говоря:

— Мнѣ достаточно съ сими троими уйдти въ Константинополь.

Когда они удалились, Аѳанасій написалъ письмо къ императору, напоминая ему о его обѣщаніяхъ Богу и укоряя за сует-

---

1) На греческомъ языкѣ извѣстно пространное жизнеописаніе св. Аѳанасія; пространно излагаютъ его житіе и великія Минеи-Четьи.

2) *Романъ II* царствовалъ въ 957—963 гг.

ное измѣненіе прекраснѣйшаго намѣренія и сообщая о своей скорби,—именно, что изъ-за него онъ возложилъ на себя столько заботъ. Въ концѣ письма онъ приписалъ слѣдующее:

«Я не повиненъ предъ Христомъ Господомъ въ твоемъ обманѣ. Оставляю тебѣ новособранное Божіе стадо; его ты вручи кому желаешь. Я, съ своей стороны, думаю, что быть начальникомъ достоинъ Евѳимій,—инокъ выдающійся по жизни и учительству».

Написавши такъ, Аѳанасій не сообщилъ своимъ ученикамъ о томъ, что написалъ, но, запечатавши письмо, выбралъ одного изъ троихъ братій и, вручивъ ему письмо, отправилъ его къ императору. По прошествіи же немногаго времени онъ отослалъ отъ себя въ монастырь и другого ученика по имени Ѳеодота — подъ предлогомъ навѣстить братію и поглядѣть за порядкомъ въ монастырѣ. Самъ онъ остался съ однимъ ученикомъ по имени Антоніемъ; съ нимъ Аѳанасій отправился въ Кипръ, гдѣ, побывавши въ нѣкоторой обители, именовавшейся обителью Священныхъ, упросилъ игумена дозволить имъ жить въ ближайшей къ тому монастырю пустыни. Получивши просимое, онъ сталъ жить въ безмолвіи для Бога, пріобрѣтая себѣ пищу трудами рукъ своихъ, именно переписывая, какъ и раньше, книги. Когда же тотъ братъ, который былъ отправленъ съ письмомъ въ Константинополь, передалъ послѣднее въ руки императору, то императоръ, взявши его, обрадовался. Но распечатавши и прочитавши письмо, онъ весьма сильно опечалился: съ одной стороны, по причинѣ своей неправды предъ Богомъ, а съ другой,—потому, что преподобный Аѳанасій оставилъ обитель и неизвѣстно куда скрылся. И братъ, узнавши о содержаніи письма, сталъ плакать и рыдать, что потерялъ отца своего. Императоръ немедленно отписалъ въ обитель, дабы начальствованіе надъ нею до времени принялъ Евѳимій. Вмѣстѣ съ тѣмъ царь во всѣ страны своихъ владѣній разослалъ приказъ о розыскѣ преподобнаго Аѳанасія. Это повелѣніе императора достигло и острова Кипра и было близко къ своему исполненію. Но преподобный, прознавши о томъ, немедленно, взявши ученика, удалился на морской берегъ и, встрѣтивши здѣсь, по Божественному усмотрѣнію, корабль, сѣлъ въ него и при помощи попутнаго вѣтра скоро присталъ къ другому берегу. Преподобный старецъ недоумѣвалъ,—въ какую сторону ему обратиться. Онъ имѣлъ въ виду направиться къ Святымъ мѣстамъ въ Іерусалимъ, но путь туда былъ неудобенъ по причинѣ мусуль-

манскаго нашествія. Не желалъ онъ уклоняться и къ сторонамъ Греціи—по причинѣ поисковъ его со стороны императора. Такимъ образомъ, онъ не зналъ, куда держать ему путь. Съ наступленіемъ ночи преподобный сталъ на молитву, испрашивая у Бога совѣта и наставленія. И вотъ, ему было Божественное откровеніе и повелѣніе, чтобы онъ возвратился на Аѳонъ въ свою обитель, потому что его трудами она имѣетъ быть приведена къ окончательному внѣшнему и внутреннему завершенію, причемъ многіе чрезъ его наставленія спасутся. Получивши отъ Бога такое откровеніе, преподобный сообщилъ его Антонію, и они немедленно пустились въ путь, по сушѣ возвращаясь на прежнее мѣсто. Отъ продолжительнаго многодневнаго пути у Антонія заболѣли и отекли ноги. Онѣ сильно горѣли, и онъ совсѣмъ не могъ идти. Тогда преподобный, собравши немного растущей кругомъ травы и растерши ее въ горсти, приложилъ къ ногамъ ученика и, обложивши древесными листьями, перевязалъ своею головною повязкою, а затѣмъ взялъ больного за руку, поднялъ его, и Антоній немедленно воззвалъ:

— Слава Тебѣ, Христе Боже за то, что Ты облегчилъ мнѣ болѣзнь!

Дальше онъ шелъ какъ и раньше, имѣя ноги здоровыми. Вышеупомянутый братъ Ѳеодотъ, котораго преподобный отецъ отослалъ навѣстить братію, придя въ обитель, засталъ въ ней всѣхъ колеблющимися вслѣдствіе удаленія отца и сокрушался объ этомъ сердцемъ. Не перенося же потери своего отца, онъ отправился въ Кипръ, повсюду его отыскивая. Будучи въ Атталіи[1]), по Божественному усмотрѣнію онъ встрѣтилъ его на дорогѣ; увидавши другъ друга, они весьма обрадовались. Отецъ, услыхавши о смутахъ среди братіи въ обители, измѣнилъ радость на печаль. Ѳеодота онъ немедленно отпустилъ въ Лавру, дабы онъ сообщилъ братьямъ о его приходѣ, а самъ отправился для молитвы въ монастырь, находившійся въ Лампидіи. Здѣсь, увидавши одного брата, потерявшаго разсудокъ и неистовствовавшаго, Аѳанасій возложилъ на него руку и исцѣлилъ его. Поучивши здѣсь немногое время, онъ отправился къ Аѳону и достигъ своей обители. Братія, когда увидали его, то подумали, что видятъ солнце, и отъ радости восклицали:

---

[1]) *Атталія* — городъ Памфиліи, узкой береговой полосы Малой Азіи между Ликіей и Киликіей.

— Слава Тебѣ, Боже!

Всѣ, подходя, цѣловали кто руки, кто ноги, кто рубище его. Послѣ сего преподобный по-прежнему снова сталъ всѣмъ управлять въ обители, на ея созиданіе.

Съ теченіемъ времени явилась необходимость преподобному отцу самолично отправиться къ императору съ хлопотами по дѣламъ монастыря. И такъ онъ отправился и прибылъ въ Константинополь. Узнавъ объ этомъ, императоръ радовался и вмѣстѣ съ тѣмъ стыдился: радовался, такъ какъ желалъ видѣть преподобнаго, и стыдился, потому что долженъ былъ показаться ему въ императорскомъ санѣ. Поэтому онъ встрѣтилъ его не какъ императоръ, но какъ одинъ изъ обыкновенныхъ, простыхъ людей. Взявши его за правую руку и облобызавъ ее, онъ привелъ его во внутреннюю палату своего дворца и, сидя наединѣ, они со слезами радости любезно вели взаимную бесѣду.

— Я знаю, отче,—говорилъ императоръ,—что я виновникъ всѣхъ твоихъ трудовъ и скорбей, презрѣвъ страхъ Божій и неисполнивши моего обѣщанія. Но умоляю тебя,—потерпи на мнѣ, ожидая моего покаянія, когда Богъ даруетъ мнѣ возможность воздать ему мои обѣщанія.

Между тѣмъ преподобный увѣщавалъ его быть боголюбивымъ, благочестивымъ, негордымъ, милосердымъ, щедроподательнымъ и, напоминая будущее воздаяніе въ жизни вѣчной, поучалъ его всѣмъ хорошимъ дѣламъ, приличествующимъ императору-христіанину. Преподобный пробылъ въ Константинополѣ много дней, часто дружески бесѣдуя съ императоромъ. Отпуская его, императоръ далъ монастырю все необходимое. Затѣмъ онъ утвердилъ указомъ, чтобы обители ежегодно давалось съ острова Лимносъ двѣсти сорокъ четыре златника. Преподобный возвратился къ братіи съ щедрою царскою милостію.

Въ то время какъ преподобный успѣшно подвизался и руководилъ на пути спасенія множествомъ братій,—на него возсталъ со всею своею силою ненавистникъ добра діаволъ и вооружился на войну противъ храбраго Христова воина. О семъ открыто было одному изъ старцевъ-подвижниковъ, который, придя въ изступленіе, видѣлъ бѣсовскій полкъ, подходящій къ горѣ Аѳонской; въ полкѣ этомъ находился одинъ начальникъ, какъ бы тысящникъ—страшный и грозный, показывавшій большую власть. Онъ раздѣлилъ помянутый полкъ: сто бѣсовъ отправилъ обходить всю гору и уловлять

иноковъ, а самъ съ девятью стами отправился съ страшной ненавистью въ Аѳанасіеву лавру. Прежде чѣмъ сообщено было это видѣніе преподобному, его постигла слѣдующая болѣзнь. Когда по своему обыкновенію онъ трудился съ другими работниками на морской пристани, случайно упало ему на ноги огромное дерево и переломило суставы и голени, такъ что святый лежалъ на одрѣ болѣзни въ теченіе трехъ лѣтъ. Впрочемъ, онъ и во время болѣзни не желалъ оставаться въ бездѣйствіи, но писалъ книги, въ сорокъ дней оканчивая Патерикъ. И лежа, онъ вооружался противъ невидимаго супостата и, одерживая побѣду, отражалъ его козни. Тогда врагъ, не имѣя успѣха въ Лаврѣ, отправился и возбудилъ старыхъ простецовъ-иноковъ, проживавшихъ по прочимъ святогорскимъ монастырямъ и проводившихъ жизнь отшельническую; онъ внушалъ имъ слѣдующія неодобрительныя мысли о дѣйствіяхъ преподобнаго:

«Зачѣмъ Аѳанасій причиняетъ насиліе Святой Горѣ и разоряетъ древніе законы? Онъ воздвигнулъ многоцѣнныя зданія, устроилъ новыя пристани, выкопалъ новыя водоемы, накупилъ воловъ, засѣялъ поля, развелъ виноградники, словомъ—сдѣлалъ гору мірскимъ поселкомъ».

Посовѣтовавшись между собою, эти старцы отправились въ Константинополь къ императору Іоанну, преемнику умершаго Никифора[1]); наговаривая на Аѳанасія, они упрашивали императора прогнать его съ Аѳонской горы. Императоръ чрезъ посланнаго призвалъ къ себѣ Аѳанасія, уже выздоровѣвшаго послѣ болѣзни; увидавъ его и уразумѣвъ пребывающую на немъ благодать Божію, императоръ вмѣсто того, чтобы разгнѣваться на подвижника, почувствовалъ къ нему расположеніе; онъ весьма полюбилъ богодухновеннаго отца, оказалъ ему почетъ и осыпалъ его царскими благодѣяніями. Онъ подтвердилъ и прежній указъ, данный императоромъ Никифоромъ, чтобы въ обитель давалась дань съ острова Лимносъ въ размѣрѣ двухъ сотъ сорока четырехъ златниковъ, и съ почетомъ отпустилъ Аѳанасія обратно. Тогда тѣ древніе старцы-простецы, исполнившись стыда, раскаивались въ своихъ замыслахъ и, приходя къ преподобному, просили у него прощенія. Устыдился и супостатъ діаволъ и, сильнѣе воспылавши гнѣвомъ, снова со своимъ легіономъ напалъ на Лавру

---

[1]) *Іоаннъ Цимисхій*—царствовалъ въ 969—976 гг.

святаго отца. Это нашествіе видѣлъ честный старецъ Ѳома, имѣвшій чистыя душевныя очи. Онъ послѣ совершенія молитвословій третьяго часа пришелъ въ изступленіе и видѣлъ всѣ горы и холмы, деревья и хворостъ переполненными небольшими еѳіопами, которые, сердясь и пылая враждою, другъ друга призывали къ войнѣ и битвѣ, злобно и свирѣпо восклицая:

— До какихъ поръ мы будемъ терпѣть, друзья? Почему мы не растерзаемъ зубами здѣсь поселившихся? Почему не истребимъ ихъ немедленно отсюда? Да и до какихъ поръ будемъ терпѣть ихъ начальника—врага нашего? Развѣ вы не видите, какъ онъ выгналъ насъ отсюда и завладѣлъ нашими мѣстами?!

Когда они такъ говорили, вышелъ изъ келліи преподобный Аѳанасій. Увидавши его, еѳіопы содрогнулись и смутились. Онъ же. напавши на нихъ, билъ ихъ, ранилъ и отгонялъ; онъ не переставалъ наносить имъ побои, пока не отогналъ всѣхъ далеко отъ Лавры. Когда старецъ Ѳома сообщилъ о видѣніи преподобному, послѣдній немедленно всталъ на молитву и со слезами умолялъ Бога сохранить свое стадо отъ зубовъ вражескихъ. И поистинѣ преподобный молитвою, какъ бы желѣзнымъ жезломъ, побивалъ и прогонялъ невидимыхъ звѣрей. Послѣдніе же, хотя и убѣгали, но все же, понемногу возвращаясь снова, не переставали своими кознями возбуждать вражду. Въ одномъ инокѣ они поселили такую ненависть къ преподобному, что онъ не желалъ даже глядѣть на него, и по дѣйствію бѣсовъ въ немъ такъ возросла злоба. что онъ покушался даже на убійство. Приготовивши и отточивши мечъ, онъ изыскивалъ подходящаго случая, чтобы убить преподобнаго отца. Какъ-то разъ ночью, когда всѣ спали, а преподобный пребывалъ въ своей келліи въ бодрствованіи на молитвѣ, убійца подошелъ къ келліи святаго подъ предлогомъ, будто имѣетъ весьма нужное къ нему слово; въ то же время онъ держалъ подъ рукою обнаженный мечъ; онъ стукнулъ безстрашно въ дверь, говоря:

— Благослови, отче!

И голосъ его былъ голосомъ Іакова. а руки Исавовы[1]). Преподобный же отецъ, будучи праведенъ, какъ Авель, не зналъ, что снаружи стоитъ Каинъ и вызываетъ его для убійства[2]),—онъ спрашивалъ изъ келліи:

---

[1]) Т. е. этотъ инокъ дѣйствовалъ лицемѣрно. Сравн.: Кн. Быт., гл. 27, ст. 21—23.

[2]) Сравн.: Кн. Быт., гл. 4. ст. 8.

— Кто ты?

И немного пріотворилъ дверь.

Убійца же, испугавшись отеческаго голоса, съ трепетомъ упалъ на землю. Богъ, охраняющій вѣрнаго Своего раба, внезапнымъ ужасомъ поразилъ убійцу: его руки ослабли, мечъ упалъ на землю, и онъ самъ лежалъ предъ ногами отца распростертымъ на землѣ какъ мертвецъ. Видя это, преподобный удивился и ужаснулся, и поднималъ лежащаго съ земли. Едва придя въ себя, послѣдній растроганнымъ голосомъ сказалъ отцу:

— Помилуй меня, отче, твоего заклателя! Прости мою злобу, которую я замышлялъ противъ тебя, и прости нечестіе моего сердца!

Зажегши свѣчу и увидавши на землѣ мечъ, отточенный какъ бритва, Аѳанасій уразумѣлъ замыселъ инока:

— Чадо,—сказалъ онъ,—какъ на разбойника вышелъ ты на меня съ симъ мечомъ?! Но перестань рыдать, зажми ротъ, спрячь эту вещь, никому не говори о случившемся и подойди ко мнѣ—я облобызаю тебя; Богъ же да проститъ тебѣ твое согрѣшеніе!

Таково было незлобіе преподобнаго отца! Съ того времени онъ обнаруживалъ бо́льшую любовь къ тому брату. Послѣдній же, всегда воспоминая о своемъ грѣхѣ и наблюдая незлобіе и любовь къ себѣ отца, непрестанно рыдалъ и не могъ утаить случившагося происшествія, обличая свой грѣхъ и прославляя добродѣтель преподобнаго. Онъ умеръ съ искреннѣйшимъ раскаяніемъ, и преподобный такъ плакалъ о немъ, какъ ни о комъ другомъ. И еще одинъ братъ, подобно первому ненавидя отца, изыскивалъ случай истребить его изъ среды живущихъ на землѣ. Не зная же, какъ это устроить, онъ предался бѣсовскимъ волхвованіямъ и чарованіямъ; причинивши отцу много смертельныхъ волшебствъ и чарованій, онъ не имѣлъ, къ своему удивленію, никакого успѣха. Случайно онъ спросилъ нѣкоего брата:

— Причиняютъ ли человѣку смерть чародѣйства?

Братъ отвѣчалъ, что благочестивому и по-божески живущему человѣку не можетъ причинять вреда никакое чарованіе или волхвованіе. Выслушавши это, волшебникъ проклиналъ себя въ своей совѣсти. Узнавши же затѣмъ, какъ отецъ простилъ намѣревавшагося убить его брата, онъ изумился его незлобію, умилился, пришелъ въ страхъ Божій и, отправившись къ отцу, упалъ ему въ ноги, съ большимъ рыданіемъ исповѣдуя свой грѣхъ и испра-

шивая прощенія, которое онъ и получилъ отъ незлобиваго отца. Такимъ былъ преподобный Аѳанасій относительно согрѣшающихъ предъ нимъ. За это Богъ и прославилъ его повсюду. Въ его паству собрались множество братій изъ различныхъ странъ—не только изъ Греціи, но и изъ Италіи, изъ самаго́ древняго Рима, изъ Калабріи[1]), Амалѳіи[2]), Иверіи[3]), и—не изъ числа только простолюдиновъ, но изъ числа богатыхъ и благородныхъ. Даже игумены многихъ монастырей, бросивши свое начальствованіе, приходили подъ начальство къ преподобному. Не только игумены, но и архіереи, оставляя свои каѳедры и паствы, приходили въ паству святаго отца и желали быть его пасомыми. Изъ числа таковыхъ были—великій между патріархами Николай, онъ же и Харитонъ, Андрей Хризополитъ и Акакій, просіявшій въ теченіе многихъ лѣтъ въ постничествѣ. Точно такъ же и состарѣвшіеся въ непроходимыхъ пустыняхъ подвижники, придя, по Божественному строенію, къ отцу, водворялись въ его Лаврѣ, желая назидаться примѣромъ его добродѣтельной жизни. Изъ числа послѣднихъ былъ: преподобный Никифоръ, подвизавшійся вмѣстѣ съ святымъ Фантиномъ въ горахъ Калабріи. Имъ было Божественное видѣніе, приказывавшее Фантину идти въ Солунь, а Никифору—на Аѳонъ къ преподобному Аѳанасію, у котораго онъ, проживши долгое время, преставился и былъ похороненъ. По прошествіи же нѣкотораго времени, когда мощи его, по случаю вынутыя изъ земли, переносились въ другое мѣсто, изъ сухихъ костей проистекъ источникъ благоуханнѣйшаго, несравнимаго ни съ какими ароматами мѵра. Таковые то святые отцы посылаемы были Богомъ подъ управленіе преподобнаго отца Аѳанасія, изъ чего ясно познается богоугоднѣйшая по сравненію съ другими жизнь его. Подобно тому какъ отъ вѣтвей познается корень и отъ плодовъ дерево, такъ точно по успѣшнымъ ученикамъ познается опытный учитель и по добрымъ овцамъ ихъ добрый пастырь. Но уже пора, вкратцѣ припомнивши о чудесахъ Аѳанасія, привести рѣчь о немъ къ концу.

Богъ, прославляющій Своихъ святыхъ чудесами, не лишилъ и

---

[1]) *Калабрія*—низменный полуостровъ, простиравшійся отъ Тарента до Янгскаго мыса. Въ средніе вѣка византійскими писателями названіе Калабріи было перенесено на западный полуостровъ Нижней Италіи, прежней Бруттіи.

[2]) *Амалѳія*—приморскій городъ у Салернскаго залива въ итальянской провинціи Салерно; основанъ вѣроятно въ IV в. Константиномъ Великимъ.

[3]) *Иберія*—Испанія.

сего великаго угодника Своего дара чудотворенія. Прежде всего скажемъ объ его прозорливости.

Однажды наступилъ жестокій морозъ. Преподобный позвалъ къ себѣ одного изъ послушниковъ по имени Ѳеодора и сказалъ ему:

— Братъ, взявши пищу, поспѣши въ Кессарійское (такъ именовалась на Аѳонѣ одна мѣстность). Когда, идя по направленію къ морю, будешь напротивъ Трохаль,—встрѣтишь трехъ, изнемогающихъ отъ мороза и голода и находящихся при смерти, мужей, одинъ изъ которыхъ инокъ. Подкрѣпи ихъ хлѣбомъ, чтобы къ нимъ возвратилась сила и они согрѣлись, и приведи ихъ сюда.

Отправившись, Ѳеодоръ нашелъ все дѣйствительно такъ, какъ пророчески сказалъ отецъ, и всѣ дивились прозорливости святаго. Нѣкогда преподобному явилась необходимость по монастырскимъ дѣламъ отплыть на кораблѣ къ острову съ нѣкоторыми изъ братіи. По попущенію же Божію невидимый врагъ, желая потопить отца съ братіею, поднялъ страшный вѣтеръ, бурю и волненіе, опрокинулъ корабль среди пучины, такъ что всѣхъ немедленно затопила вода. Но десница Божія, поспѣшно избавляющая отъ бѣдъ своего угодника, въ ту же минуту привела корабль въ прежнее положеніе, укротила бурю, и святый очутился сидящимъ при кормѣ и призывающимъ къ себѣ братію. Вода подносила ихъ къ кораблю какъ бы на рукахъ. Преподобный же отецъ, вытаскивая ихъ по одному изъ воды, всѣхъ собралъ живыми. Не находился одинъ лишь Петръ Кипрянинъ; не видя его, отецъ взволновался сердцемъ и громко воззвалъ:

— Чадо Петръ! Гдѣ ты?

И вмѣстѣ съ восклицаніемъ отца Петръ поднимался изъ глубины и подносился водой къ кораблю, гдѣ и былъ принятъ руками преподобнаго. Такимъ образомъ самъ преподобный и братія его спасены были отъ потопленія; и злобный врагъ не только не порадовался, но еще болѣе былъ постыженъ. Блаженный отецъ всюду посрамлялъ врага, одерживая надъ нимъ побѣду и прогоняя его. Онъ изгналъ бѣса изъ инока Матѳея, жестоко мучимаго нечистымъ духомъ. По молитвамъ святаго прогонялись также невидимые мучители и отъ прочихъ, подвергавшихся пагубнымъ страданіямъ. Преподобный владѣлъ также и силой исцѣленій и, прислуживая больнымъ, многимъ оказывалъ чудесную помощь своими руками. Онъ исцѣлилъ прокаженнаго брата; другого, стра-

давшаго язвою, также сдѣлалъ здоровымъ. Третьяго, имѣвшаго раковую язву, уврачевалъ, сотворивши рукою на язвѣ троекратное знаменіе креста. Своею молитвою онъ отогналъ саранчу, налетѣвшую на островъ и пожиравшую всю безъ исключенія зелень. Однажды, когда онъ съ братіею плылъ на кораблѣ по морю, почувствовался недостатокъ въ питьевой водѣ, такъ что братія изнемогали отъ жажды; святый Аѳанасій приказалъ почерпнуть морской воды и, благословивши ее, превратилъ въ прѣсную, ею братія и утолили жажду. Одинъ братъ по имени Герасимъ, обрабатывая въ виноградникѣ одну крѣпкую и высокую лозу, пожелалъ, такъ какъ онъ владѣлъ большой тѣлесной силой, вытащить ее руками изъ земли. Пошатнувши лозу руками два и три раза, онъ тѣмъ не менѣе не смогъ ее вытащить, себѣ же повредилъ ужасно. У него надорвался животъ, вышли внутренности, и онъ сильно страдалъ отъ боли. По молитвѣ же и знаменіи святымъ крестомъ со стороны преподобнаго отца получилъ уврачеваніе. Тотъ же самый Герасимъ, приводя во свидѣтели Бога, повѣствовалъ и о слѣдующемъ чудѣ:

— Когда я,—говорилъ Герасимъ,—проходилъ послушаніе разрѣзыванія хлѣбовъ,—у меня явилась надобность сходить къ отцу и спросить о какомъ-то дѣлѣ. Случилось, что тогда онъ находился одинъ на молитвѣ въ храмѣ святыхъ Апостоловъ. Я пошелъ къ храму и, посмотрѣвши въ окно, увидалъ, что преподобный отецъ молился, причемъ лице его было какъ пламень огненный. Я ужаснулся и немного отступилъ. Обождавши, я снова посмотрѣлъ и замѣтилъ, что лице его, окруженное подобіемъ огня, блеститъ, какъ лице Ангела. Отъ страха я крикнулъ и произнесъ:

— О отче!

Онъ же, замѣтивши, что я испугался, и понявши отъ чего, запретилъ мнѣ кому-либо разсказывать о видѣнномъ.

О семъ Герасимъ сообщилъ братіи послѣ преставленія преподобнаго. Нѣкій братъ, будучи отправленъ отцомъ на послушаніе въ мірское селеніе, прельстился по искушенію врага плотскимъ грѣхомъ и совершилъ блудъ. Сознавши затѣмъ тяжесть грѣха, онъ отчаявался въ своихъ помыслахъ и, возвратившись въ монастырь, припалъ къ ногамъ святаго со слезами и рыданіемъ и исповѣдалъ ему свой грѣхъ и отчаяніе. Преподобный, научивъ его многими полезными наставленіями и убѣдивъ не отчаяваться въ человѣколюбіи Божіемъ, приказалъ ему оставаться среди братіи

въ своемъ первоначальномъ послушаніи. Между тѣмъ одинъ изъ старцевъ, по имени Павелъ, узнавши о паденіи брата и соболѣзновательномъ милосердіи отца, ропталъ и на перваго, и на второго: брата онъ укорялъ за то, что онъ осмѣлился совершить столь скверный поступокъ, нарушивши обѣтъ чистоты, а отцу говорилъ въ лице, что несправедливо прощать такого грѣшника, но ему необходимо понести многочисленныя и тяжелыя наказанія. Тогда кроткій отецъ, сурово посмотрѣвши на ропщущаго, сказалъ:

— Павелъ! Смотри, что ты дѣлаешь! За собой наблюдай, а не братіи грѣхи разсматривай, ибо написано: **мнѧ́йсѧ стоѧ́ти да блюде́тсѧ, да не паде́тъ**[1]).

Съ того времени, по Божію попущенію, невидимый искуситель сталъ уязвлять сердце Павла стрѣлами скверныхъ помысловъ и и разжегъ огнемъ сладострастія плоть его, и Павелъ не имѣлъ покоя въ теченіе трехъ дней и трехъ ночей, весь возгорѣвшись похотію плотскаго грѣха, такъ что даже сталъ отчаяваться въ своемъ спасеніи. А что было хуже всего, такъ это то, что онъ стыдился даже открыть отцу свою борьбу. Зная духомъ объ этомъ, преподобный, призвавши Павла къ себѣ, наединѣ бесѣдовалъ съ нимъ о нѣкоторыхъ монастырскихъ дѣлахъ. Путемъ бесѣды онъ понемногу привлекалъ Павла къ исповѣданію плотской его страсти. Тогда Павелъ, упавши въ ноги отцу, разсказалъ ему свою бѣду и просилъ у него облегченія. Преподобный, преподавъ Павлу наставленіе не осуждать согрѣшающаго брата, отослалъ его въ послушаніе его. Онъ былъ келаремъ. Самъ же, ставши на молитву, усердно со слезами помолился о немъ Богу, и въ тотъ же часъ Павелъ освободился отъ страсти. Онъ ощутилъ какой-то холодъ, излившійся на его голову и прошедшій по всему тѣлу до самыхъ ногъ, и отъ того погасло въ немъ похотливое раздраженіе плоти. Другой братъ, по имени Маркъ, урожденецъ Лампсакіи, жестоко обуревался такою же грѣховною плотскою похотію; придя къ отцу, онъ исповѣдалъ предъ нимъ свою страсть и испрашивалъ у него молитвенной помощи. По прошествіи же нѣсколькихъ дней онъ увидѣлъ отца въ сновидѣніи, спрашивавшаго его:

— Какъ ты чувствуешь себя, братъ?

— Весьма жестоко страдаю, отче,— отвѣчалъ тотъ.

— Растянись ничкомъ по землѣ,— сказалъ отецъ.

---

[1]) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 10, ст. 12.

Когда же онъ распростерся по землѣ, отецъ наступилъ своею ногою на его лядвіи. Онъ же, поднявшись отъ давленія ноги, почувствовалъ, что исцѣленъ отъ страсти, и съ того часа имѣлъ спокойствіе, не испытывая болѣе плотского волненія. Изложивши вкратцѣ сіи немногія изъ многихъ чудеса преподобнаго отца нашего, совершенныя имъ при жизни, станемъ повѣствовать о его преставленіи.

Такъ какъ,—о чемъ уже упоминалось раньше,—къ преподобному отовсюду собиралось множество братіи, то, для помѣщенія всего собора братіи, явилась нужда распространить церковь; поэтому къ церковнымъ стѣнамъ подстраивались паперти и придѣлы. Когда было неокончено строеніе одного придѣльнаго алтаря, прилучилась необходимость самому отцу взойти туда и посмотрѣть на производившуюся работу,—раньше чѣмъ отправиться въ предстоящій ему тогда путь въ Константинополь: онъ собирался идти къ императору по дѣламъ монастырскимъ. Итакъ, прежде всего призвавши братію, онъ предложилъ ей поученіе блаженнаго Ѳеодора Студита,[1]) присоединивъ полезныя увѣщанія и отъ своихъ благоглаголивыхъ устъ. Затѣмъ, затворившись въ келліи, онъ молился въ теченіе долгаго времени. Послѣ сего онъ вышелъ изъ келліи одѣтый въ мантію, имѣя на головѣ священный куколь (клобукъ) блаженнаго отца своего Михаила Малеина, который онъ имѣлъ обыкновеніе надѣвать на себя только лишь по боль-

[1]) *Преп. Ѳеодоръ Студитъ* еще въ юныхъ лѣтахъ вступилъ на путь иноческой жизни, подвизаясь вначалѣ подъ руководствомъ своего дяди, преп. Платона (память его — 5-го апрѣля), защитника иконопочитанія на VII Вселенскомъ Соборѣ. Впослѣдствіи преп. Ѳеодоръ сдѣлался настоятелемъ Студійскаго монастыря въ Константинополѣ; монастырь этотъ подъ его управленіемъ достигъ небывалой высоты. Преп. Ѳеодора дважды высылали изъ Константинополя за обличеніе императора Константина Багрянороднаго, незаконно разведшагося со своею супругою Маріею и увеличившаго тяжесть своего преступленія незаконнымъ бракомъ съ Ѳеодотою. По возвращеніи изъ ссылки въ Студійскій монастырь, когда вспыхнуло гоненіе на святыя иконы, преп. Ѳеодоръ, не обращая вниманія на угрозы иконоборцевъ, открыто совершалъ Крестные ходы. Тогда императоръ Левъ Армянинъ послалъ его въ заточеніе, гдѣ онъ содержался въ сырыхъ и душныхъ темницахъ, неоднократно подвергаясь жестокимъ побоямъ. При Михаилѣ Косноязычномъ св. Ѳеодоръ былъ возвращенъ изъ заточенія, но жилъ недолго, изнуренный заключеніемъ. Умеръ 67 лѣтъ въ 826 году 11 ноября (когда и совершается его память). Въ минуту кончины св. Ѳеодора преп. Иларіонъ Далматскій видѣлъ сонмъ Ангеловъ, нисходящихъ съ Неба, и слышалъ голосъ: «се душа Ѳеодора, игумена Студійскаго, въ торжествѣ восходитъ горѣ и ее встрѣчаютъ Небесныя Силы». —Св. Ѳеодоръ оставилъ послѣ себя многочисленныя сочиненія въ видѣ Словъ, оглашеній, писемъ, каноновъ, стихиръ, эпиграммъ и жизнеописаній. Наиболѣе полное изданіе сочиненій преп. Ѳеодора на русскомъ языкѣ предпринято редакціей журнала «Христіанское чтеніе» въ качествѣ приложенія къ этому журналу за 1907 и слѣдующіе годы.

шимъ праздникамъ и во время причащенія Божественныхъ Христовыхъ Таинъ: и въ этотъ день онъ точно совершалъ праздникъ и былъ свѣтелъ лицомъ, какъ Ангелъ Божій. Захвативши затѣмъ съ собою шестерыхъ братій, онъ отправился съ ними на работы. Когда они были уже на верху зданія, то, по недовѣдомымъ судьбамъ Божіимъ, провалился верхъ послѣдняго и всѣхъ уронилъ внизъ, засыпалъ землею и камнями. Пятеро немедленно предали Богу свои души, а отецъ и съ нимъ одинъ строитель, по имени Даніилъ, остались живыми между каменьями. Всѣ тогда слышали голосъ преподобнаго отца, взывавшаго въ теченіе трехъ часовъ или даже больше:

— Господи Іисусе Христе, помоги мнѣ! Слава Тебѣ, Боже!

Сбѣжавшіеся братія съ рыданіемъ и говоромъ разрывали каменья и землю какими случилось орудіями, а то руками и ногами. Они откопали отца уже скончавшимся о Господѣ, не поврежденнаго тѣломъ; только лишь правая нога его была поранена. Около же него откопали живымъ строителя Даніила, всего разбитаго, и вынесли ихъ оттуда. Такова была кончина преподобнаго отца нашего Аѳанасія, которая, быть можетъ, кому-либо покажется и безчестной, ибо онъ скончался не на одрѣ болѣзни, по пре́дъ гдⷭ҇емъ честна̀ сме́рть преподо́бнагѡ[1]). Для угодника Божія его кончина, о которой ему не было неизвѣстно, явилась виновницею мученическаго вѣнца. Провидя оную духомъ, онъ предсказалъ ее за нѣкоторое время своему ближайшему ученику Антонію:

— Прошу тебя,—говорилъ онъ,—совершить тотъ путь, который предстоитъ намъ по монастырскимъ надобностямъ въ Константинополь. Мнѣ, какъ то угодно Богу, болѣе не увидать царя земного.

Послѣ своей кончины[2]) преподобный лежалъ непогребеннымъ три дня, пока не собрались отцы изъ всѣхъ святогорскихъ обителей и не устроили ему почетныхъ похоронъ. Честноѐ тѣло его не измѣнилось, не отекло, не потемнѣло, и лицо его было какъ бы лицо живаго спящаго человѣка; не ощущалось и обычнаго отъ мертвеца запаха. О немъ у всѣхъ былъ большой плачъ. А когда совершали надъ нимъ похоронныя пѣснопѣнія, то изъ его раны, которая была на ногѣ, вопреки природѣ вытекала кровь. Кто когда замѣчалъ, чтобы изъ раны трехдневнаго мертвеца исте-

1) Сравн.: Пс. 115, ст. 6.

2) Послѣдовавшей въ 1000—1001 г.

кала кровь? Замѣтивши это, нѣкоторые изъ почтенныхъ старцевъ собирали сію кровь въ полотенца и помазывались ею какъ великою святынею на благословеніе. Такъ погребли честное тѣло преподобнаго отца. Тѣлеса же пяти братій, найденныя между обрушившимися каменьями, честно погребли раньше. Разбитый Даніилъ оставался живымъ въ теченіе нѣсколькихъ дней и со вздохомъ повѣдалъ о видѣніи, которое было ему въ ночь предъ кончиною преподобнаго:

— Я видѣлъ,—передавалъ Даніилъ,—будто, вотъ, отъ императора явился нѣкій свѣтлый посолъ, который звалъ къ нему отца. И, дѣйствительно, отецъ, вышедши изъ Лавры съ шестью братьями, въ числѣ которыхъ находился и я, послѣдовалъ за посломъ. И вотъ, когда мы пришли къ прекраснѣйшему царскому дворцу и приблизились къ дверямъ, то преподобный отецъ съ пятью братьями вошелъ въ царскую палату, а я оставленъ былъ снаружи и весьма плакалъ. Изнутри я услыхалъ тогда кого-то, говорящаго мнѣ:

— Ты напрасно рыдаешь, человѣкъ,—ты не можешь войти внутрь, если тебѣ не позволитъ отецъ, съ которымъ ты пришелъ.

Я же, услышавши это, началъ сильнѣе рыдать и призывалъ отца умилительнымъ голосомъ. По прошествіи немногаго времени, отецъ, выйдя, взялъ меня за правую руку и ввелъ во дворецъ, и я сподобился видѣть царя и поклонился ему.

Съ сими словами Даніилъ предалъ душу свою въ руки Божіи.

Воспомянемъ и еще о нѣкоторыхъ чудесахъ преподобнаго Аѳанасія, случившихся уже послѣ его преставленія. Вышеуказанному Антонію, постоянному ученику преподобнаго, привелось съ нѣкоторыми изъ братіи по монастырскимъ нуждамъ быть въ Гагрской области. Путешествуя здѣсь, они къ вечеру встрѣтили стерегшаго овецъ пастуха, который имѣлъ единственнаго сына, укушеннаго звѣремъ и находившагося уже при смерти. Отецъ сильно рыдалъ о сынѣ. Увидавши проходящихъ мимо странствующихъ иноковъ, онъ упрашивалъ ихъ завернуть къ нему и, оказывая имъ гостепріимство, предложилъ имъ что имѣлъ въ пищу—хлѣбъ и молоко. Иноки удивились его добродѣтели,—что онъ не оставлялъ страннолюбія даже и тогда, когда находился въ такой печали,—и соболѣзновали ему въ его горѣ. Среди иноковъ былъ одинъ братъ, по имени Симеонъ, который имѣлъ при себѣ полотенце, омоченное кровію преподобнаго отца. Этимъ полотенцемъ Симеонъ обвязалъ рану ребенка, и послѣдній немедленно заснулъ крѣпкимъ сномъ

и проспалъ до утра. Тамъ же заночевали и иноки. Поутру ребенокъ всталъ здоровый, исцѣленный отъ раны и попросилъ ѣсть. Тогда всѣ прославили Бога. Въ другой разъ, когда одинъ изъ братій былъ опять посланъ на монастырское послушаніе, ему случилось войти въ домъ нѣкоего христолюбца, гдѣ лежала на одрѣ болѣзни женщина, въ теченіе долгаго времени страдавшая кровотеченіемъ. Мужъ и всѣ домашніе скорбѣли о ней. Узнавъ о причинѣ ихъ скорби, инокъ сказалъ:

— Я имѣю на полотенцѣ кровь святаго Аѳанасія, и если желаете, то омочимъ окровавленное полотенце въ водѣ, выжмемъ его, а воду ту пусть выпьетъ больная, и она будетъ здорова.

Больная женщина, услышавши рѣчи инока, стала слезно упрашивать его, дабы онъ поскорѣе исполнилъ свое предложеніе. Тогда инокъ, приготовивши такую воду съ кровью святаго, подалъ ей. Женщина, принявши воду, сказала:

— Святый Аѳанасій, помоги мнѣ!

И выпила всю. Немедленно послѣ сего остановилось у ней кровотеченіе, и она стала здоровой. Опять, въ другой разъ, какъ-то инокъ Симеонъ и инокъ Георгій отправлены были на кораблѣ для нѣкоторыхъ монастырскихъ послушаній. Они доплыли до Певкійской пристани, гдѣ нашли нѣкоего корабельщика умирающимъ, уже не говорящаго въ теченіе восьми дней, оплаканнаго друзьями и отчаявшагося въ своемъ выздоровленіи:—они возложили на него обагренное кровію святаго полотенце. Больной корабельщикъ немедленно, какъ бы воспрянувъ отъ сна, всталъ здоровымъ. Совершались также различныя чудеса и при гробѣ святаго. А именно: изгонялись изъ людей нечистые духи, у приходящихъ съ вѣрою и помазывавшихся елеемъ изъ горящей при его гробѣ лампады исцѣлялись различные недуги. Припомнимъ также и слѣдующее, что случилось съ добродѣтельнымъ инокомъ Евстратіемъ. У послѣдняго какимъ-то образомъ повредились внутренности, такъ что естественная необходимая моча вытекала у него не въ видѣ воды, но въ видѣ крови. Этой болѣзнію онъ страдалъ въ теченіе семи лѣтъ, и несмотря на то, что прибѣгалъ ко многимъ врачамъ, послѣдніе были не въ состояніи ему помочь. Отказавшись отъ врачей, онъ положился на Бога, молясь о ходатайствѣ предъ Нимъ преподобному отцу Аѳанасію. Какъ только онъ прибѣгнулъ къ сему подающему исцѣленія врачу, то и получилъ отъ него исцѣленіе слѣдующимъ образомъ.—Въ сновидѣніи ему казалось, будто

онъ находится за трапезой и видитъ: на обычномъ игуменскомъ мѣстѣ сидитъ преподобный отецъ, а предъ нимъ—полная стклянка воды и блюдо винограда. Преподобный, взявши нѣсколько виноградинъ, положилъ ихъ въ воду, которую давалъ Евстратію выпить. Евстратій же, предполагая, что это обыкновенное врачебное средство (отъ котораго онъ отрекся), не пожелалъ принять. Тогда отецъ сказалъ ему:

— Не бойся, выпей, и тебѣ это будетъ во здравіе.

Тогда Евстратій, принявши и выпивъ, пробудился отъ сновидѣнія и съ того часа почувствовалъ себя совершенно исцѣлѣвшимъ отъ сего недуга.

Но уже благовременно закончить теперь слово о жизни, подвигахъ и чудесахъ преподобнаго, изложенное съ сокращеніями на основаніи книги, подробно повѣствующей о святомъ мужѣ.

Да будетъ дивному во святыхъ Своихъ Богу, проявившему Свою чудесную милость и силу на преподобномъ Аѳанасіи, безконечная слава и честь, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Тропа́рь, гла́съ г҃:

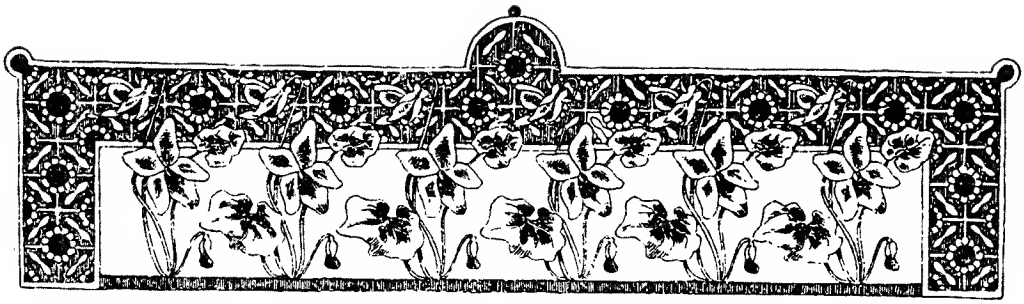
Я҆́же бо пло́ти житі́ю твоемꙋ̀ ᲂу҆диви́шасѧ а҆́гг҃льстїи чи́ни, ка́кѡ съ тѣ́ломъ къ неви́димымъ сплетє́нїемъ и҆зше́лъ є҆сѝ, присносла́вне, и҆ ᲂу҆ѧзви́лъ є҆сѝ де́мѡнскїѧ полкѝ; ѿонꙋ́дꙋже, а҆данасі́е, хр҃то́съ тебѣ̀ воздадѐ бога́тыми дарова́ньми: сегѡ̀ ра́ди, ѻ҆́тче, молѝ сп҃сти́сѧ дꙋша́мъ на́шымъ.

Конда́къ, гла́съ и҃:

Ꙗ҆́кѡ невещє́ственныхъ сꙋщє́ствъ зри́телѧ и҆зра́дна, и҆ дѣ́ѧтельна сказа́телѧ всеи́стинна, взыва́етъ тѧ̀ ста́до твоѐ бг҃оглаго́льниче: не ѡ҆скꙋдѣ́й молѧ̀ ѡ҆ рабѣ́хъ твои́хъ, и҆зба́витисѧ напа́стей и҆ ѡ҆бхожде́нїй, вопїю́щымъ тѝ: ра́дꙋйсѧ, ѻ҆́тче а҆данасі́е.

Въ тотъ же день память преподобнаго **Лампада,** чудотворца **Иринопольскаго.**

Въ тотъ же день обрѣтеніе мощей преподобнаго **Сергія,** игумена **Радонежскаго,** чудотворца, въ 1422 году.



День шестой

ПАМЯТЬ
ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО
СИСОЯ ВЕЛИКАГО

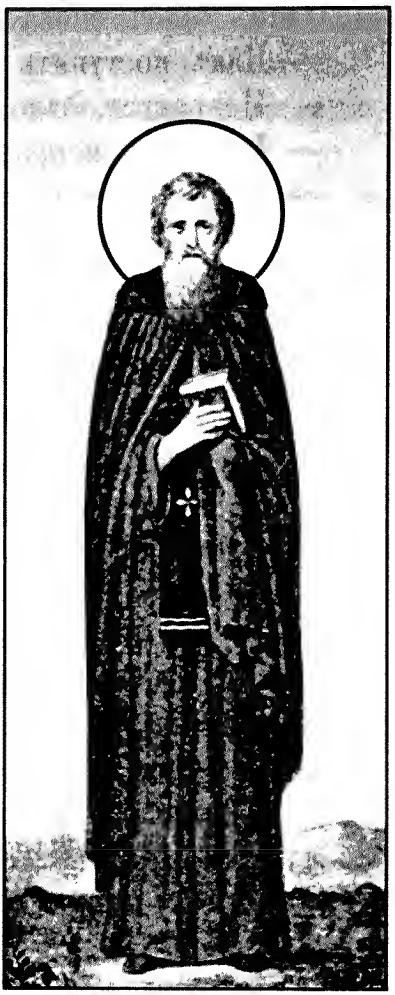
Измлада возлюбивъ Бога, преподобный Сисой взялъ на себя иго креста и съ усердіемъ послѣдовалъ за Христомъ, подвизаясь въ пустыняхъ египетскихъ подвигами поста; онъ проводилъ жизнь равноангельскую, смиреніемъ и молитвою побѣждая полчища невидимыхъ враговъ. Мѣстомъ его подвиговъ была пустынная гора, въ которой подвизался преподобный Антоній Великій[1]), и самъ блаженный Сисой былъ подражателемъ житія Антоніева. За свое смиренномудріе онъ получилъ такую благодать отъ Бога, что даже воскрешалъ мертвыхъ, какъ явствуетъ изъ Патерика[2]), гдѣ о святомъ Сисоѣ сообщается слѣдующее.

Нѣкій мірянинъ отправился къ аввѣ Сисою на Антоніеву гору за благословеніемъ, взявъ съ собою сына, малолѣтняго отрока. Случилось, что въ дорогѣ, разболѣвшись, сей отрокъ умеръ; но его отецъ не смутился и съ вѣрою понесъ мертвеца къ старцу. Войдя въ келлію преподобнаго, онъ упалъ къ ногамъ

---

[1]) Память *св. Антонія Великаго* совершается 19-го января.

[2]) *Патерикъ*, или *Отечникъ*, — книга отцовъ или объ отцахъ. Такъ называются сборники, состоящіе изъ краткихъ повѣстей о жизни подвижниковъ или изъ нравоучительныхъ словъ ихъ.



Прп҃бный сісо́й

его, положивъ у ногъ преподобнаго и своего умершаго сына, какъ будто тотъ испрашивалъ у него благословенія и молитвы. Послѣ того, какъ старецъ совершилъ молитву и преподалъ благословеніе, мірянинъ вышелъ вонъ, оставивъ ребенка лежащаго мертвымъ у ногъ старца. Старецъ не замѣтилъ, что ребенокъ мертвъ, и, предположивъ, что онъ ждетъ благословенія, сказалъ ему:

— Встань, дитя, и уходи отсюда.

И мертвецъ немедленно воскресъ и пошелъ вслѣдъ за отцомъ.

Тогда человѣкъ тотъ, увидавъ своего сына живымъ, возвратился съ нимъ къ старцу и, поклонившись, воздалъ ему благодарность. Старецъ, уразумѣвъ, что воскресилъ мертваго, весьма опечалился, ибо онъ не желалъ имѣть славы чудотворца, и запретилъ тому человѣку разсказывать о случившемся до самой его кончины.

Сего богодухновеннаго отца братія нѣкогда спросили:

— Если братъ впадетъ въ грѣхъ, довольно ли ему для покаянія одного года?

— Жестоко слово сіе,—отвѣчалъ на сей вопросъ старецъ.

Тогда братія сказали:

— Итакъ, согрѣшившему подобаетъ каяться только шесть мѣсяцевъ?

— Много,—отвѣчалъ старецъ.

— Можетъ быть,—снова спросили братія,—для его покаянія достаточно сорока дней?

— Много,—снова отвѣтилъ старецъ.

Потомъ онъ сказалъ:

— Я вѣрую въ милосердіе Человѣколюбца Бога, и если человѣкъ покается всею душею, то Богъ приметъ его покаяніе въ теченіе трехъ дней.

Одинъ братъ снова спросилъ старца, говоря:

— Какъ поступить мнѣ, отче, такъ какъ я впалъ въ грѣхъ?

— Исправься, чадо,—отвѣчалъ старецъ,—и спасешься.

— Но я, по исправленіи, снова палъ,—отвѣчалъ братъ.

— Снова исправься,—сказалъ старецъ.

— До какихъ же поръ,—спросилъ братъ,—будетъ продолжаться мое паденіе и возстаніе?

— Пока не наступитъ твой конецъ и застанетъ тебя или въ добрѣ, или во злѣ; поэтому должно всегда пребывать въ исправленіи, дабы въ немъ же и кончина застигла.

Былъ у сего преподобнаго отца ученикъ Аполлосъ. По силѣ вражьяго коварства въ числѣ прочихъ пожеланій и искушеній у него явилось желаніе священническаго сана. Въ сновидѣніяхъ ему являлись бѣсы въ образѣ святителей, хиротонисавшіе его во епископа. Пробудившись отъ сна, онъ началъ упрашивать старца, дабы тотъ приказалъ идти ему въ городъ къ архіерею принять рукоположеніе во священника. Но старецъ воспрещалъ ему сіе и, поучая его, вразумлялъ не искать сана выше своего достоинства. Огорчившись постояннымъ поученіемъ и наставленіемъ старца, Аполлосъ тайно бѣжалъ отъ него и удалился къ родственникамъ въ Александрію, дабы при содѣйствіи послѣднихъ скорѣе получить пресвитерскій санъ.

Когда Аполлосъ шелъ по дорогѣ, встрѣтился ему въ образѣ неизмѣримо высокаго человѣка бѣсъ. Онъ былъ нагъ и черенъ, съ отвратительнымъ лицомъ, съ толстыми губами и желѣзными ногтями. Имѣя звѣриное подобіе, онъ въ то же время былъ похожъ и на мужчину и на женщину. Распространяя смрадъ, бѣсъ являлъ предъ глазами Аполлоса такое безстыдство, что сего невозможно даже передать на письмѣ. Кинувшись Аполлосу на шею, бѣсъ обнималъ его руками и часто цѣловалъ. Аполлосъ ограждалъ себя крестнымъ знаменіемъ и вырывался изъ рукъ его. Но бѣсъ говорилъ ему:

— Зачѣмъ ты убѣгаешь отъ меня? Знай, что ты мой, и люблю я тебя, ибо ты исполняешь мои желанія. Я потому-то и пришелъ къ тебѣ, дабы сопровождать тебя до тѣхъ поръ, пока не доведу до конца всѣхъ твоихъ желаній.

Будучи не въ состояніи переносить его смрадъ и безстыдство, Аполлосъ возвелъ очи на Небо и громкимъ голосомъ возопилъ:

— Боже, молитвами отца моего Сисоя, помоги мнѣ и избавь меня отъ сей напасти!

И вотъ бѣсъ, отступивши отъ него на небольшое разстояніе, преобразился въ красивую нагую женщину и сказалъ ему:

— Подойди и удовлетвори твоему желанію, потому что ты много успокаивалъ меня твоими помыслами въ своемъ сердцѣ.

— Я хотѣлъ сдѣлать тебя,—сказалъ потомъ бѣсъ,—священникомъ и епископомъ, но молитвы Сисоя, сластолюбиваго старца, отгоняютъ меня отъ тебя.

Съ сими словами бѣсъ сталъ невидимъ.

Объятый сильнымъ страхомъ, Аполлосъ возвратился къ старцу и, припавши къ его ногамъ, исповѣдалъ предъ нимъ все происшедшее и просилъ прощенія. Онъ разсказалъ также и братіи, какія страданія претерпѣлъ онъ отъ обольщенія діавольскаго и какъ помогли ему молитвы преподобнаго отца Сисоя.

Поистинѣ молитва его была сильна для отгнанія бѣсовъ. Она и отъ другого ученика старца Сисоя, по имени Авраама, отогнала мучившаго его нечистаго духа. Всѣ злые духи бѣжали отъ него, не смѣя приблизиться къ храброму и непобѣдимому воину Христову.

Преподобный Сисой прожилъ въ пустынѣ шестьдесятъ лѣтъ. Когда онъ уже былъ при смерти (причемъ въ это время у него находились братія), просвѣтилось лице его, какъ свѣтъ, и онъ сказалъ братіи:

— Вотъ, пришелъ авва Антоній.

Затѣмъ, немного помолчавъ, онъ снова сказалъ:

— Вотъ, пришелъ ликъ пророковъ.

И снова онъ просіялъ еще болѣе и сказалъ:

— Вотъ, пришелъ ликъ апостоловъ.

И вдвойнѣ просіяло лице его, и онъ бесѣдовалъ съ невидимыми лицами.

Братія упрашивали его, говоря:

— Отче, скажи намъ: съ кѣмъ ты ведешь бесѣду?

И онъ сказалъ имъ:

— Это Ангелы пришли взять меня, но я молюсь имъ, дабы они оставили меня на короткое время, чтобы я могъ покаяться.

— Тебѣ нѣтъ нужды въ покаяніи, отче,—сказали ему братія.

На сіе старецъ отвѣтилъ:

— Поистинѣ я не знаю, сотворилъ ли я хоть начало покаянія моего.

Но всѣ братія знали, что онъ совершенъ въ добродѣтеляхъ.

Послѣ сего онъ снова просіялъ еще сильнѣе, и лице его стало, какъ солнце, и всѣ убоялись сего. Тогда старецъ сказалъ:

— Вотъ, приходитъ Господь, взирайте всѣ. Онъ говоритъ: принесите Мнѣ избранный сосудъ изъ пустыни!

Съ сими словами преподобный предалъ духъ свой Господу[1]). Въ сей моментъ появилась молнія, и храмина наполнилась благоуханіемъ.

Закончивъ такою блаженною кончиною временную жизнь свою, преподобный Сисой переселился въ жизнь безконечную. И нынѣ онъ водворяется со Христомъ и наслаждается Его лицезрѣніемъ вмѣстѣ съ тѣми ликами святыхъ, коихъ онъ видѣлъ при своей кончинѣ.

По молитвамъ преподобнаго отца нашего Сисоя да сподобимся и мы сей радости благодатію Господа нашего Іисуса Христа, Ему же слава во вѣки. Аминь.

Тропа́рь, гла́съ а҃:

Пусты́нный жи́тель, и҆ въ тѣлесѝ а҆́гг҃лъ, и҆ чꙋдотво́рецъ ꙗ҆ви́лсѧ є҆сѝ, бг҃оно́се ѻ҆́тче на́шъ сїсѡ́е, посто́мъ, бдѣ́нїемъ, мл҃твою нб҃наѧ дарова́нїѧ прїи́мъ, и҆сцѣлѧ́еши недꙋ́жныѧ, и҆ дꙋ́шы вѣ́рою притека́ющихъ ти̑. сла́ва да́вшемꙋ тебѣ̀ крѣ́пость: сла́ва вѣнча́вшемꙋ тѧ̀: сла́ва дѣ́йствꙋющемꙋ тобо́ю всѣ́мъ и҆сцѣле́нїѧ.

Конда́къ, гла́съ д҃.

Подвиза́всѧ, а҆́гг҃лъ на землѝ ви́дѣнъ бы́лъ є҆сѝ, ѡ҆зарѧ́ѧ, прп҃бне, помышле́нїѧ вѣ́рныхъ бг҃озна́меньми всегда̀: тѣ́мже тѧ̀ вѣ́рою, сїсѡ́е, почита́емъ.

---

[1]) Кончина *преподобнаго Сисоя Великаго* послѣдовала около 429 г.

СТРАДАНІЕ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

МАРИНА, МАРѲЫ, АВДИФАКСА, АВВАКУМА, КИРИНА,

ВАЛЕНТИНА пресвитера, АСТЕРІЯ

И МНОГИХЪ ДРУГИХЪ

Въ царствованіе Римскаго императора Клавдія[1]) пришелъ изъ Персіи въ Римъ нѣкій мужъ благороднаго происхожденія, богатый и по вѣрѣ христіанинъ, именемъ Маринъ, съ женою своею, Марѳою, и двумя сыновьями, Авдифаксомъ и Аввакумомъ, чтобы поклониться гробамъ святыхъ Апостоловъ[2]) и другихъ святыхъ. Находясь въ Римѣ, они стали посѣщать христіанъ, содержавшихся въ оковахъ, и погребать тѣла тѣхъ, которые были казнимы за вѣру во Христа. Перейдя рѣку Тибръ[3]), они нашли тамъ въ другомъ городѣ святаго мученика Кирина, который былъ заключенъ въ темницу и который перенесъ уже до этого много страданій за Христа. Прійдя къ нему, они поверглись къ ногамъ его, прося его, чтобы онъ помолился о нихъ Господу, а потомъ стали служить ему и другимъ заключеннымъ съ нимъ Христовымъ узникамъ имѣніемъ своимъ, умывали имъ ноги и кропили себя этою водою. Служа такимъ образомъ святымъ, они пробыли тамъ восемь дней.

Въ это время императоръ Клавдій повелѣлъ безъ суда предавать смерти всѣхъ тѣхъ, кто окажется принадлежащимъ къ христіанской вѣрѣ. Незадолго передъ этимъ были схвачены 260 человѣкъ христіанъ, которымъ по судебному приговору императора опредѣлено было копать землю, а мѣсто заключенія ихъ находилось за городомъ, при дорогѣ, называвшейся Саларійской[4]),

---

[1]) Здѣсь разумѣется *императоръ Клавдій II*, царствовавшій въ Римѣ съ 268 по 284 г.

[2]) Въ Римѣ мученически скончались и были погребены святые Апостолы Петръ и Павелъ.

[3]) *Тибръ* — одна изъ самыхъ значительныхъ рѣкъ Средней Италіи; на ея берегахъ недалеко отъ впаденія ея въ море расположена древняя столица Римской имперіи—городъ Римъ.

[4]) *Саларійская дорога* находилась въ сѣверо-восточной части города Рима и вела на Сѣверъ Италіи.

гдѣ производились гончарныя работы. Всѣхъ этихъ христіанъ императоръ повелѣлъ воинамъ разстрѣлять стрѣлами на мѣстѣ народныхъ зрѣлищъ, а тѣла ихъ сжечь огнемъ. Когда Маринъ и Марѳа съ сыновьями своими узнали объ этомъ, то они сильно опечалились и, отправившись вмѣстѣ съ святымъ Іоанномъ пресвитеромъ на мѣсто казни святыхъ мучениковъ, тайно вынимали изъ огня тѣла ихъ, какія только можно было вынуть, обвертывали въ чистое полотно и погребали въ пещерѣ[1]), находившейся при Саларійской дорогѣ на склонѣ горы, называемой Кукумеръ. Вмѣстѣ съ тѣлами сихъ святыхъ мучениковъ они погребли и тѣло одного убитаго за Христа императорскаго трибуна[2]), по имени Власта, и пробыли тамъ много дней, вмѣстѣ съ пресвитеромъ Іоанномъ проводя время въ постѣ и молитвахъ. Узнавъ объ этомъ, императоръ Клавдій повелѣлъ разыскать Марина и спутниковъ его, но они не были найдены, потому что скрывались.

Возвратившись затѣмъ отъ этой пещеры и придя къ темницѣ, гдѣ былъ заключенъ святый мученикъ Киринъ, они не нашли его въ ней, такъ какъ въ ночь предъ ихъ приходомъ онъ былъ убитъ мечомъ и брошенъ въ рѣку Тибръ. Узнавъ, на какомъ мѣстѣ было брошено тѣло святаго, они подождали ночи и, когда наступила темнота, стали искать его, и, нашедши, похоронили въ пещерѣ, въ гробницѣ Понтіана[3]).

---

[1]) Подъ *пещерою* здѣсь разумѣются римскія подземныя кладбища, называемыя *катакомбами*. Это были вырытые подъ землею коридоры, въ стѣнахъ которыхъ сдѣланы были выемки, куда и полагались тѣла усопшихъ безъ гроба и затѣмъ задѣлывались камнями и покрывались мраморными плитами. Для освѣщенія коридоровъ вѣшались у гробовъ лампады и продѣлывались въ потолкѣ отверстія, служившія вмѣстѣ съ тѣмъ и для освѣженія воздуха. Здѣсь во времена гоненій гонимые христіане погребали святыхъ мучениковъ и сходились сюда для празднованія дней ихъ памяти. Сюда же собирались они и для совершенія Богослуженія и особенно Таинства Евхаристіи, причемъ мраморныя плиты надъ гробами святыхъ мучениковъ служили Престолами.

[2]) *Трибунами* сперва назывались начальники трибъ, или частей римскаго населенія, а потомъ этимъ именемъ стали называть лицъ многихъ государственныхъ должностей, преимущественно же начальниковъ войсковыхъ частей, представлявшихъ собою нѣчто среднее между нашимъ полковникомъ и ротнымъ командиромъ. Упоминаемый здѣсь святый мученикъ Властъ былъ однимъ изъ такихъ начальниковъ. Императорскимъ онъ называется, вѣроятно, потому, что принадлежалъ къ такъ называемому преторіанскому войску, обязанному служить самому императору.

[3]) Подъ *гробницею* въ пещерѣ здѣсь разумѣется, вѣроятно, комната въ катакомбахъ. Обычно Римляне погребали умершихъ въ стѣнахъ вдоль подземныхъ коридоровъ, но люди богатые, какимъ былъ, надо думать, и названный здѣсь Понтіанъ, устраивали иногда въ сторонѣ отъ ходовъ цѣлыя, часто очень обширныя, комнаты, гдѣ и погребались всѣ члены фамиліи. Принявшіе христіанство богатые люди часто во время гоненій погребали въ этихъ фамильныхъ гробницахъ тѣла пострадавшихъ за Христа святыхъ мучениковъ, считая это для себя великою честію и счастіемъ.

Ст҃ı́и мч҃нцы:

Марі́нъ, А҆удифа́зъ, Ма́рѳа и҆ А҆ввакꙋ́мъ

Когда послѣ сего они проходили тою стороною Тибра, то въ неразсѣявшейся еще ночной темнотѣ изъ горницы одного дома имъ послышались голоса поющихъ. Это были христіане, которые собрались вмѣстѣ съ епископомъ Каллистомъ и совершали всенощное Богослуженіе, прославляя Бога. Услышавъ голоса поющихъ христіанъ, Маринъ и его спутники весьма обрадовались и, подошедши къ дверямъ этого дома, стали стучаться, но христіане, бывшіе въ домѣ, не хотѣли открыть имъ дверей, такъ какъ боялись язычниковъ, чтобы тѣ не напали на нихъ. Тогда святый епископъ Каллистъ, обратившись къ бывшимъ съ нимъ, сказалъ:

— Будьте мужественны, не бойтесь. Христосъ стучитъ въ наши двери. Откроемъ Ему, такъ какъ Онъ насъ къ этому призываетъ.

Сказавъ эти слова, епископъ самъ пошелъ и открылъ дверь. Когда Маринъ, Марѳа и оба сына ихъ увидѣли епископа, то повергнись къ ногамъ его, прося у него благословенія. Епископъ же и всѣ христіане обрадовались имъ и, введя ихъ въ горницу, съ любовію привѣтствовали ихъ и затѣмъ стали совершать молитву вмѣстѣ съ ними. Маринъ съ женою и сыновьями своими пробылъ въ этомъ мѣстѣ два мѣсяца, причемъ днемъ они скрывались, а ночью собирались на молитву.

Въ это время императоръ Клавдій повелѣлъ привести во дворецъ, находившійся вблизи народныхъ зрѣлищъ, на судъ къ себѣ и для допроса взятаго за исповѣданіе Христа и закованнаго въ тяжелыя оковы одного почтеннаго мужа, по сану пресвитера, именемъ Валентина, и сказалъ ему:

— Почему ты, живя среди народа нашего, не состоишь въ согласіи съ нами? Я достаточно слышу о вашемъ христіанскомъ ученіи и удивляюсь, какъ ты, будучи умнымъ человѣкомъ, прельщаешься пустыми сказками вашей вѣры?

— Если бы ты зналъ даръ Божій, заключающійся въ вѣрѣ нашей,—отвѣчалъ на это блаженный пресвитеръ Валентинъ,—то съ радостію принялъ бы нашу вѣру и ты самъ, и народъ твой, отвергъ бы ложныхъ боговъ и сдѣланныхъ руками человѣческими идоловъ и исповѣдалъ бы Единаго всемогущаго Бога Отца и Іисуса Христа, Сына Его, Творца всего существующаго, сотворившаго и небо, и землю, и море, и все, что въ нихъ.

Послѣ сего одинъ изъ находившихся при императорѣ, блюститель закона, громко сказалъ святому пресвитеру:

— А что ты думаешь о богѣ Діи[1]) и Меркуріи[2])?

— Ничего другого я не думаю,—сказалъ святый Валентинъ,— какъ только то, что они были жалкіе и нечестивые люди, которые время жизни своей провели нечестиво, въ порокахъ и удовольствіяхъ. Да если разскажешь мнѣ объ ихъ происхожденіи и ихъ дѣяніяхъ, то и самъ увидишь, до какой степени они были нечестивы.

Послѣ этихъ словъ святаго блюститель закона громко воскликнулъ:

— Этотъ человѣкъ порицаетъ боговъ правителей римскаго государства!

Императоръ Клавдій, терпѣливо выслушавъ этотъ разговоръ, сказалъ послѣ сего Валентину:

— Если Христосъ есть Богъ, то почему ты не изложишь мнѣ всей правды о Немъ?

На это святый пресвитеръ сказалъ императору:

— О царь! Послушай меня, и будетъ спасена душа твоя, расширится царство твое и исчезнутъ враги твои. Ты всѣхъ будешь побѣждать и здѣсь будешь наслаждаться временнымъ, а въ будущей жизни—вѣчнымъ царствомъ. Сдѣлай только слѣдующее: покайся въ пролитой тобою крови святыхъ, увѣруй во Христа и пріими Святое Крещеніе.

Выслушавъ эти слова, Клавдій сказалъ присутствовавшимъ:

— Слышите, римскіе граждане и всѣ люди, какое здравое ученіе возвѣщаетъ намъ этотъ человѣкъ?

---

[1]) *Дій*, или *Зевсъ*, иначе *Юпитеръ*, по сказанію греческой миѳологіи, былъ сынъ младшаго титана Сатурна, который царствовалъ сперва на островѣ Критѣ, а потомъ присвоилъ себѣ владычество надъ всѣмъ міромъ, и сестры его Реи. Сатурнъ имѣлъ отъ Реи нѣсколько сыновей и дочерей, но проглатывалъ ихъ тотчасъ же послѣ рожденія, такъ какъ его матерью Гесй было предсказано ему, что онъ будетъ свергнутъ съ трона своими дѣтьми. Изъ всѣхъ дѣтей Сатурна отъ этой участи былъ спасенъ Реей только Зевсъ, который впослѣдствіи дѣйствительно и свергъ Сатурна. Зевсъ почитался Греками и Римлянами отцомъ боговъ и людей, могущественнымъ и грознымъ властителемъ неба и всей вселенной, посылающимъ на землю громы и молніи, и былъ у нихъ главнымъ божествомъ. Греческіе миѳы приписываютъ ему плотскую связь со многими второстепенными богинями и даже съ женами человѣческими и усвояютъ ему, какъ и другимъ богамъ и богинямъ, различные человѣческіе страсти и пороки.

[2]) *Меркурій*, иначе *Ермій*, или *Гермесъ*,—сынъ Юпитера и сестры его Геры; почитался Греками и Римлянами вѣстникомъ боговъ, исполнителемъ воли Зевса, посредникомъ между богами и людьми, богомъ краснорѣчія, а также богомъ разнообразныхъ открытій, изобрѣтеній и ремеслъ, богомъ промышленности и торговли, которыя будто бы только тогда и доставляютъ богатство, когда соединяются съ хитростію, обманомъ и даже кражею,— отсюда Гермесъ былъ покровителемъ кражи и обмана, одобрявшимъ всякаго рода ложь и клятвопреступленія.

Ст҃іи мч҃нцы:

КѴРІ́НЪ, ВАЛЕНТІ́НЪ и̂ А̂СТЕ́РІЙ

Но епархъ[1]), по имени Калпурній, громко сказалъ на это:

— О царь! Ты соблазняешься пустымъ ученіемъ этого человѣка. Судите сами, справедливо ли намъ оставить тѣхъ боговъ, поклоняться которымъ мы научены съ дѣтства нашего?

Послѣ того, какъ епархъ сказалъ эти слова, измѣнилось сердце императора, и онъ передалъ Калпурнію святаго пресвитера Валентина и со скорбію сказалъ ему:

— Терпѣливо выслушай его, и если проповѣдуемое имъ ученіе окажется неосновательнымъ, то поступи съ нимъ по закону, по которому судятся похитители священныхъ предметовъ, но если найдешь, что основателенъ и правдивъ совѣтъ его, то почему намъ не послушать его?

Епархъ Калпурній, взявъ святаго Валентина, поручилъ его одному изъ бывшихъ подъ его властію главныхъ сановниковъ, по имени Астерію, человѣку извѣстному своимъ умомъ, и сказалъ ему:

— Если ты сможешь словами склонить этого человѣка къ единомыслію съ нами, то я сообщу объ умѣ твоемъ императору, и ты будешь другомъ его.

Послѣ сего Астерій взялъ пресвитера Валентина къ себѣ и привелъ его въ домъ свой. Когда святый Валентинъ вошелъ въ домъ Астерія, то преклонилъ колѣна на молитву и молился такъ:

«Боже всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ тварей, Создатель рода человѣческаго, для спасенія насъ отъ обольщенія діавольскаго и для приведенія отъ тьмы къ свѣту пославшій Сына Своего, Господа нашего Іисуса Христа, Который и призвалъ насъ къ Себѣ, сказавъ: **прїиди́те ко мнѣ̀ всѝ трꙋжда́ющїисѧ и҆ ѡ҆бремене́ннїи, и҆ а҆́зъ ᲂу҆поко́ю вы̀**[2]), Ты обрати къ Себѣ домъ сей и дай ему послѣ тьмы Свѣтъ, пусть онъ познаетъ Тебя—Бога и Христа въ единствѣ съ Духомъ Святымъ во вѣки. Аминь».

Когда святый окончилъ эту молитву, то Астерій, слышавшій слова его, сказалъ ему:

— Меня удивляетъ то, что ты называешь вашего Христа Свѣтомъ.

— Дѣйствительно,—отвѣтилъ святый Валентинъ,—Господь нашъ Іисусъ Христосъ, рожденный отъ Духа Святаго и пречи-

---

[1]) *Епархами* въ греко-римской имперіи назывались собственно правители областей, но иногда это названіе носили и начальники городовъ.

[2]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 11, ст. 28.

стой Дѣвы Маріи, есть Истинный Свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ[1]).

— Если онъ просвѣщаетъ всякаго человѣка,—сказалъ на это Астерій,—то я теперь же испытаю, истинно ли то, что ты говоришь. Я имѣю дочь, ослѣпшую ранѣе двухлѣтняго возраста, и если ты Именемъ Христа твоего возвратишь ей зрѣніе, то я сдѣлаю все, что ты повелишь.

— Приведи ее ко мнѣ,— сказалъ святый пресвитеръ.

Астерій поспѣшно пошелъ и привелъ слѣпую отроковицу. Тогда святый Валентинъ, воздѣвъ руки и возведя очи къ Небу, долго и со слезами молился, а потомъ положилъ руку свою на глаза слѣпой и сказалъ:

— Господи Іисусе Христе! Просвѣти рабу Твою, такъ какъ Ты — Свѣтъ Истинный.

Послѣ этихъ словъ отроковица немедленно прозрѣла. Увидѣвъ это, Астерій и жена его упали къ ногамъ святаго и сказали:

— Умоляемъ тебя, дѣлай съ нами, что ты желаешь, дабы стали мы рабами Христа и спаслись наши души.

— Сдѣлайте же то,—сказалъ имъ на это святый Валентинъ,— что я повелю вамъ. Если вы отъ всего сердца вѣруете во Христа, то истребите всѣхъ идоловъ, которые находятся въ домѣ вашемъ, поститесь, простите долги всѣмъ вашимъ должникамъ и пріимите Святое Крещеніе — тогда вы будете спасены.

Астерій и его жена съ радостію согласились исполнить все это, и святый Валентинъ, наложивъ на нихъ трехдневный постъ, сталъ учить ихъ истинамъ святой вѣры. А такъ какъ подъ властію Астерія было много узниковъ, то онъ всѣхъ ихъ освободилъ отъ оковъ и выпустилъ изъ темницы на свободу. Послѣ трехдневнаго поста наступилъ воскресный день, и Астерій крестился со всѣмъ домомъ своимъ, въ которомъ было 46 человѣкъ мужчинъ и женщинъ, послѣ чего пригласилъ въ домъ свой святаго епископа Каллиста и принялъ отъ него благословеніе.

Услышавъ о Крещеніи Астерія, блаженный Маринъ, жена его Мароа и сыновья ихъ Авдифаксъ и Аввакумъ съ великою радостію пришли въ домъ его, возблагодарили Бога и прожили тамъ тридцать два дня.

Между тѣмъ императоръ, узнавъ, что Астерій ученіемъ пресвитера Валентина обращенъ къ вѣрѣ во Христа и принялъ Кре-

[1]) Еванг. отъ Іоан., гл. 1, ст. 9.

щеніе со всѣмъ домомъ своимъ, немедленно же послалъ воиновъ схватить его самого и всѣхъ его домашнихъ, и воины, пришедши неожиданно, схватили всѣхъ, находившихся въ домѣ Астерія, въ числѣ которыхъ былъ святый Маринъ съ женою и сыновьями, и привели ихъ къ императору. Послѣдній повелѣлъ пресвитера Валентина, Марина, его жену и сыновей отдѣлить отъ прочихъ, а Астерія и домашнихъ его связанными послалъ въ городъ, называемый Остіей[1]), чтобы тамъ они были подвергнуты суду и наказанію.

Святый Астерій и всѣ бывшіе съ нимъ приведены были въ городъ Остію и отданы судьѣ, по имени Геласію, который, увидѣвъ ихъ, повелѣлъ всѣхъ бросить въ темницу. По прошествіи двадцати дней онъ приказалъ привести ихъ на судъ и сказалъ имъ:

— Знаете ли вы, что повелѣлъ императоръ и всѣ совѣтники[2]) его?

— Не знаемъ, — отвѣчали святые.

— Повелѣно,—сказалъ судія,—чтобы тѣ, кто поклоняется богамъ, жили и были свободны, а тѣ, которые не желаютъ имъ поклоняться, послѣ различныхъ мученій были казнены.

На это святый Астерій сказалъ судьѣ:

— Пусть поклоняются богамъ тѣ, кто имъ подобны, и пусть съ ними погибнутъ, а мы кланяемся Единому Истинному, Всемогущему Богу, живущему на Небесахъ, и Ему приносимъ себя въ жертву.

Отъ этихъ словъ судья пришелъ въ гнѣвъ и немедленно повелѣлъ повѣсить святаго Астерія и мучить его, а всѣхъ прочихъ—безъ пощады бить палками. Подвергши святыхъ мучениковъ въ этотъ день такимъ мученіямъ, судья повелѣлъ снова бросить ихъ въ темницу и при этомъ сказалъ:

— Слѣдуетъ приготовить для нихъ болѣе жестокія мученія.

Послѣ этого онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы на слѣдующій день было приготовлено зрѣлище и былъ собранъ весь народъ. Когда наступило утро, Геласій прибылъ на зрѣлище, сѣлъ на особомъ мѣстѣ для суда и, приказавъ привести святаго Астерія вмѣстѣ съ другими мучениками къ себѣ, сказалъ ему:

---

[1]) *Городъ Остія* находился къ юго-западу отъ Рима, у устьевъ рѣки Тибръ, на берегу Тирренскаго моря. Здѣсь была самая большая и самая прочная гавань, построенная императоромъ Клавдіемъ I.

[2]) Эти совѣтники императора назывались *сенаторами*, чаще *синклитиками*. Они были важнѣйшими царскими сановниками и составляли *синклитъ*, т. е. *царскій совѣтъ*.

— Оставь свое суетное безуміе и дай обѣщаніе принести жертву богамъ, чтобы не погибнуть въ мученіяхъ тебѣ и тѣмъ, которые находятся съ тобою.

— Мы всѣ желаемъ умереть за Христа,—отвѣчалъ на это святый Астерій,—какъ и Онъ умеръ за насъ, грѣшныхъ, чтобы, очистившись отъ сквернъ міра сего, удостоиться перейти къ желанному для насъ Царствію Небесному.

Отъ такого отвѣта Геласій пришелъ въ сильный гнѣвъ и повелѣлъ Астерія и всѣхъ, бывшихъ съ нимъ, отдать на растерзаніе звѣрямъ. Послѣ сего святые мученики были отведены на мѣсто, находившееся вблизи золотого капища и называвшееся звѣринымъ, такъ какъ тамъ содержались звѣри. Когда святые вошли въ яму, то открыта была перегородка, за которою находились звѣри, и послѣдніе были выпущены на нихъ. Тогда святый Астерій громко воскликнулъ, говоря:

— Господи Боже Всемогущій, спасшій раба Твоего Даніила во рву львиномъ и чрезъ пророка Аввакума посѣтившій и укрѣпившій его[1]), Ты и насъ, рабовъ Твоихъ, посѣти чрезъ святаго Ангела Твоего.

Вышедшіе изъ-за перегородки звѣри никому изъ святыхъ мучениковъ не причинили никакого вреда, напротивъ — кланялись святому Астерію и бывшимъ съ нимъ. Увидѣвъ это, Геласій обратился къ народу и сказалъ:

— Видите, какъ эти люди укротили звѣрей волшебнымъ искусствомъ своимъ?

Но многіе изъ народа говорили:

— Богъ, Которому они служатъ, сохраняетъ ихъ!

Послѣ сего судья повелѣлъ вывести изъ ямы святыхъ мучениковъ, приготовить большой костеръ и бросить ихъ въ него на сожженіе. Когда зажженъ былъ огромный костеръ, то святый Астерій сказалъ прочимъ святымъ мученикамъ:

— Будьте смѣлы, не бойтесь, ибо тотъ, кто видѣнъ былъ въ вавилонской печи съ тремя отроками, теперь стоитъ среди насъ.

И когда святые мученики были брошены въ огонь, то пламя немедленно же погасло, жаръ претворился въ прохладу, святые

---

[1]) Сказаніе о 6-дневномъ пребываніи Даніила во рву львиномъ находится въ 14 главѣ книги Пророка, ст. 28—42, а о посѣщеніи его Пророкомъ Аввакумомъ разсказывается въ житіи послѣдняго, помѣщенномъ подъ 2 числомъ мѣсяца декабря.

остались невредимыми. Тогда судья, видя себя побѣжденнымъ и посрамленнымъ, приказалъ вывести святыхъ мучениковъ за городъ и тамъ предать ихъ особой казни — однихъ обезглавить, а другихъ побить камнями. Такъ и кончился мученическій подвигъ сихъ святыхъ мучениковъ.

Оставленныхъ же въ Римѣ вмѣстѣ съ блаженнымъ пресвитеромъ Валентиномъ святыхъ мучениковъ Марина, Марѳу, Авдифакса и Аввакума императоръ Клавдій велѣлъ привести на судъ къ себѣ. Сперва онъ отдалъ приказаніе безъ пощады избить святаго Валентина палками и затѣмъ отсѣчь ему мечомъ голову, а потомъ обратился къ святому Марину и бывшимъ съ нимъ и сказалъ имъ:

— Откуда вы?

— Изъ Персіи,— отвѣчали святые.

— Для чего же вы,—спросилъ онъ ихъ,—оставили свое отечество и пришли сюда?

— Мы имѣли желаніе,—отвѣчали святые,—поклониться гробамъ святыхъ Апостоловъ и у этихъ гробовъ вознести молитвы наши Господу.

Послѣ этого императоръ сказалъ:

— Откуда вы пріобрѣли золото и серебро, такъ какъ я слышалъ о васъ, что вы богаты.

— Мы пріобрѣли ихъ,—отвѣчали святые Маринъ и Марѳа,— отъ нашего имущества, которое въ большомъ количествѣ имѣли въ Персіи и которое продали. Часть вырученнаго отъ продажи мы роздали бѣднымъ, а часть принесли съ собою сюда, да и то не для себя, а для того, чтобы послужить имъ святымъ. А до какой степени мы были богаты въ Персіи, ты можешь понять изъ того, какого мы благороднаго происхожденія. Отецъ мой Маромей былъ первымъ послѣ Персидскаго царя, эта, супруга моя,— дочь Кусинита, знаменитаго въ Персіи князя.

— Почему же вы,—спросилъ ихъ императоръ,—оставили отечественныхъ боговъ, почитаемыхъ въ Персіи, и пришли сюда искать мертвыхъ людей?

— Мы—рабы Христа,—отвѣчалъ на это Маринъ,—и пришли поклониться святымъ Апостоламъ, безсмертныя души которыхъ живутъ съ Богомъ, чтобы они были ходатаями за насъ предъ Христомъ, Богомъ нашимъ.

— А гдѣ золото и серебро, которое вы принесли изъ Персіи? — спросилъ Клавдій.

— Мы отдали его Богу,—отвѣчалъ святый Маринъ,—Который далъ намъ его на время.

Императоръ пришелъ отъ этихъ словъ въ гнѣвъ и отдалъ святыхъ мучениковъ своему намѣстнику, по имени Мускіану, и сказалъ ему:

— Если они не принесутъ жертвы богамъ, то послѣ различныхъ мученій предай ихъ смерти.

Мускіанъ, взявъ святыхъ, сѣлъ на мѣстѣ суда въ храмѣ римской богини Теллуды[1]) и, приговоривъ ихъ къ мученіямъ, велѣлъ разложить предъ ними всѣ орудія пытокъ и сталъ грозить имъ жестокими муками, стараясь этимъ принудить ихъ къ принесенію жертвы идоламъ. Но святые не подчинились его волѣ, и онъ приступилъ къ мученіямъ. Сперва онъ повелѣлъ разложить на землѣ святаго Марина и долго бить его палками. Будучи избиваемъ, святый мученикъ громко произносилъ не иное что, а только слѣдующія слова:

— Слава Тебѣ, Господи Іисусе Христе!

Затѣмъ также стали бить палками Авдифакса и Аввакума. Въ это время мать, святая Марѳа, смотря на страданія дѣтей своихъ, укрѣпляла ихъ материнскими увѣщаніями, чтобы они мужественно переносили страданія за Христа, Который претерпѣлъ за насъ бо̀льшія страданія. Послѣ сего мучитель повелѣлъ повѣсить сихъ трехъ мучениковъ, отца съ сыновьями, на орудіе мученій и желѣзными когтями содрать съ нихъ тѣло и огнемъ опалять имъ ребра. При этомъ святые мученики съ радостными лицами взывали:

— Благодаримъ Тебя, Христе Боже нашъ, что Ты удостоилъ насъ претерпѣть эти страданія за Имя Твое.

Мускіанъ приказалъ затѣмъ снять святыхъ съ орудія мученій

---

[1]) *Теллуда*, или *Теллусъ* — древнеиталійское божество матери земли, призывавшееся въ молитвахъ вмѣстѣ съ Церерой. Какъ представительница земли, Теллусъ противопоставлялась Юпитеру, божеству неба. Олицетворяя материнское лоно земли, воспринимающее сѣмена и дающее новую жизнь, Теллусъ считалась созидательницею всего сущаго и предпочтительно предъ другими богинями призывалась какъ мать. Кромѣ того, Теллуда считалась устроительницею міропорядка, подательницею благоденствія и покровительницею браковъ подобно греческой Деметрѣ. Какъ божество земли, Теллусъ призывалась также при землетрясеніяхъ. По случаю наступившаго среди битвы землетрясенія въ 268 г. во время войны съ Пицентами консулъ П. Семпроній далъ обѣтъ воздвигнуть въ честь Теллусъ храмъ, который и былъ выстроенъ на западномъ склонѣ Эсквилинской горы; но храмъ въ честь элевзинской тріады—Деметры (Теллусъ), Діониса и Коры былъ устроенъ въ Римѣ еще въ 486 году до Рождества Христова по греческому образцу и греческими художниками.

и отсѣчь имъ руки—при чемъ Марѳа собирала кровь ихъ и съ радостію помазывала себя ею,—а потомъ повѣсить имъ на шеи отсѣченныя руки ихъ и водить по всему городу Риму. Когда святыхъ мучениковъ водили по городу, то глашатай кричалъ, говоря имъ:

— Не хулите боговъ, ибо за это несете наказаніе.

Въ отвѣтъ на это святые громко говорили:

— Не боги они, а бѣсы, которые погубятъ васъ съ царемъ вашимъ.

Послѣ такихъ страданій святые мученики выведены были на тринадцать поприщъ отъ города на мѣсто, называемое Нимфа Катавасси; и святому Марину съ Авдифаксомъ и Аввакумомъ отсѣкли головы, а святая Марѳа была утоплена въ рѣкѣ[1]). Одна женщина христіанка, по имени Филикита, тайно взяла тѣла обезглавленныхъ святыхъ мучениковъ, а также нашла въ водѣ и тѣло святой Марѳы, и погребла ихъ на полѣ своемъ, прославляя Господа нашего Іисуса Христа, со Отцемъ и Святымъ Духомъ славимаго во вѣки вѣковъ. Аминь.

СТРАДАНІЕ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ

ЛУКІИ ДѢВИЦЫ

и съ нею РИКСА и другихъ

Святая мученица Лукія была родомъ изъ Сициліи[2]), изъ страны Каппадокійской[3]). Она взята была въ плѣнъ викаріемъ Риксомъ[4]), который сталъ принуждать ее принести жертву идоламъ,

---

[1]) Святые мученики Маринъ, Марѳа и сыновья ихъ скончались въ 269 году. Мощи ихъ находятся нынѣ въ церкви святаго Іоанна Кущника въ Римѣ, а мощи святаго Валентина—въ церкви Пракседы.

[2]) *Святая мученица Лукія* производится здѣсь изъ Сициліи по смѣшенію съ другою Лукіею, память которой празднуется 13 декабря. Сказаніе о первой въ мѣсяцесловѣ императора Василія начинается такъ: «Христова мученица Лукія отличалась отъ Лукіи сицилійской» и проч.

[3]) Такой страны въ Сициліи нѣтъ. Очевидно страна здѣсь названа Каппадокійской вмѣсто Кампаніи, которая находилась на Аппенинскомъ полуостровѣ къ юго-западу отъ Самніума, на берегахъ Тирренскаго моря, между Лаціумомъ и Луканіей.

[4]) По Дѣяніямъ святыхъ это былъ варварскій царь Авцей. Въ греческихъ прологахъ,

но она не согласилась на это и выразила рѣшительное желаніе остаться рабой Христа. Викарій пришелъ въ умиленіе отъ ея твердости, отпустилъ ее и ея служанокъ, далъ ей особое помѣщеніе и дозволилъ ей въ уединеніи предаваться молитвѣ. Отправляясь однажды на войну, онъ просилъ ее помолиться о немъ Богу и, по ея молитвѣ, возвратился съ войны побѣдителемъ. Спустя 20 лѣтъ послѣ сего святая Лукія стала просить викарія отпустить ее въ Кампанію, чтобы тамъ принять мученія за Христа, но онъ не пожелалъ отпустить ее одну и, оставивъ свое царство, богатство, жену и дѣтей, самъ отправился съ нею. Когда они прибыли въ Кампанію, то здѣсь схвачены были бывшимъ тогда игемономъ [1]), и, по приказанію послѣдняго, имъ отсѣкли головы. Вмѣстѣ съ ними были преданы мученіямъ и другіе святые мученики, а именно: Антоній, Лукіанъ, Исидоръ, Діонъ, Діоръ, Кутоній, Ароносъ, Капикъ и Сатуръ [2]) и среди этихъ мученій скончались [3]).

СТРАДАНІЕ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

КОИНТА

Сей святый мученикъ родился во Фригіи [4]) и здѣсь наставленъ былъ въ христіанскомъ благочестіи. Пришедши затѣмъ въ Неолиду [5]), онъ раздавалъ бѣднымъ милостыню и исцѣлялъ одержимыхъ нечистыми духами. Начальникъ области Руфъ сталъ при-

какъ и въ нашемъ славянскомъ, онъ названъ Риксомъ отъ латинскаго слова *rex*—царь. Думаютъ, что нарицательное имя *rex* перешло въ собственное Риксъ.

1) Это былъ префектъ города Рима Элій Діонисій. Мѣстомъ мученической кончины святыхъ Лукіи и Рикса былъ городъ Римъ, какъ о томъ говорится въ Дѣяніяхъ святыхъ.

2) Въ Дѣяніяхъ святыхъ поименованы слѣдующіе святые мученики, усѣченные послѣ Лукіи и Рикса: Антоній, Ириней, Ѳеодоръ, Діонисій, Аполлоній, Апамій, Проникъ, Котей, Оріонъ, Капикъ, Сатуръ, Викторъ и 9 непоименованы, такъ что всѣхъ, кромѣ Лукіи и Рикса, замучено 21, а въ синаксарѣ Никодима пострадавшихъ съ Лукіею перечислено 15 лицъ и именъ, кромѣ Рикса.

3) Сіи святые мученики пострадали въ царствованіе Діоклетіана въ 301 году.

4) *Фригіею* называлась римская провинція въ Малой Азіи. Она граничила на сѣверѣ съ Виѳиніей, на востокѣ—съ Галатіей и Ликаоніей, на югѣ—съ Писидіей и Каріей, а на западѣ—съ Лидіей и Мизіей.

5) *Неолидой*, правильнѣе *Эолидой*, называлась область въ Малой Азіи между Іоніею и Мизіею, граничившая къ востоку съ Лидіею.

нуждать его принести жертву идоламъ, но тутъ же подвергся бѣснованію, и святый исцѣлилъ его. За это Руфъ наградилъ его подарками и съ почестями отпустилъ его. Идя послѣ сего по дорогѣ къ Пергаму[1]), святый Коинтъ схваченъ былъ язычниками изъ города Кимъ[2]), которые и подвергли его мученіямъ, но въ это время внезапно произошло землетрясеніе, отъ котораго идольскія капища разрушились и идолы попадали на землю. Тогда мучители, прекративъ мученія, связали святаго и въ такомъ положеніи оставили его. Вскорѣ послѣ сего нѣкто Клеархъ, вновь назначенный правитель города, прибывъ въ Кимы, приказалъ схватить святаго Коинта и сокрушить ему голени, но святый выздоровѣлъ, прожилъ послѣ этого еще десять лѣтъ и, совершивъ множество чудесъ, отошелъ ко Господу[3]).

Въ тотъ же день **обрѣтеніе** честныхъ **мощей святыя Іуліаніи** дѣвицы, княжны **Ольшанскія.**

Въ тотъ же день **память святыхъ мучениковъ Исавра** діакона, **Иннокентія, Филикса, Ермія, Василія и Перегрина,** происходившихъ изъ города Аѳинъ и пострадавшихъ за Имя Христово отъ руки военачальника Трипонтія въ македонскомъ городѣ Аполлоніи, при императорѣ Нумеріанѣ (283—284 г.). Вмѣстѣ съ ними были усѣчены и два градоначальника—**Руфъ** и **Руфинъ.**

---

[1]) *Городъ Пергамъ* находился близъ береговъ Эгейскаго моря на рѣкѣ Каикѣ въ сѣверо-западной малоазіатской провинціи Мизіи.

[2]) *Городъ Кимы* расположенъ былъ на морскомъ берегу въ сѣверной части малоазійской провинціи Лидіи.

[3]) *Святый мученикъ Коинтъ* страдалъ въ царствованіе императора Авреліана (270—275 гг.), а мирная кончина его послѣдовала около 283 года.

День седьмой

ПАМЯТЬ
ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО
ѲОМЫ МАЛЕИНА

Преподобный Ѳома до принятія иноческаго сана состоялъ на военной службѣ и былъ извѣстенъ своимъ богатствомъ и своею храбростью. Отличаясь тѣлесною силою, онъ совершилъ немало подвиговъ въ сраженіяхъ, и много разъ благодаря ему его соплеменники одерживали побѣды надъ врагами. Но, по любви ко Христу, Ѳома покинулъ міръ и житейскую суету и принялъ на себя легкое иго Христово [1])—иноческій чинъ. Онъ стремился уподобиться Христу, Господу своему, обрекши себя на нищету и воспитывая въ себѣ смиреніе, для чего искалъ наставленій у богоугодныхъ подвижниковъ, извѣстныхъ своею постническою жизнію и жившихъ въ разныхъ монастыряхъ. Когда же, полнаго желая спокойствія для своихъ постническихъ подвиговъ, Ѳома рѣшилъ идти въ пустыню, то ночью предъ нимъ заблисталъ огненный столпъ на небѣ и самъ святый Пророкъ Илія явился ему, чтобы показать ему дорогу въ нѣдра пустыни.

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 11, ст. 30.

Подъ руководительствомъ такихъ проводниковъ Ѳома пришелъ въ гору, носившую названіе Малея [1]), которая стала для него тѣмъ же, чѣмъ гора Кармилъ [2]) для Иліи. Здѣсь онъ сталъ жить въ одиночествѣ, пребывая въ общеніи только съ Богомъ и сподобляясь божественныхъ откровеній и видѣній.

Прп҃бный
ѲѠМА

Какъ прежде, живя въ міру, онъ храбро побѣждалъ враговъ видимыхъ, такъ и теперь, по удаленіи отъ міра, обитая въ пустынѣ, онъ своею непрестанною молитвою какъ бы острымъ мечомъ поражалъ и прогонялъ невидимыя полчища злыхъ духовъ. А такъ какъ нельзя укрыться отъ человѣческихъ взоровъ городу, стоящему на горѣ, или звѣздѣ, сіяющей на тверди небесной, то и преподобный Ѳома не могъ скрыться отъ людей въ пустынной горѣ Малеѣ, на которой онъ сіялъ своею святостью, какъ блестящая звѣзда, и озарялъ землю.

Когда люди узнали о подвижникѣ, то онъ сталъ просвѣтителемъ для помраченныхъ смысломъ и помощникомъ для тѣхъ, кто нуждался въ его помощи, ибо онъ получилъ отъ Бога силу чудотвореній и благодать исцѣленій. Онъ чудесно исцѣлялъ всякія болѣзни: подавалъ слѣпымъ прозрѣніе, хромымъ возвращалъ способность правильно и легко ходить, а однажды благодаря его молитвѣ на безводномъ мѣстѣ открылся источникъ воды. Но не только во время земной своей жизни Ѳома совершалъ многочисленныя чу-

---

[1] Съ точностію неизвѣстно, гдѣ находилась *гора Малея*, на которой подвизался преподобный Ѳома и отъ которой онъ получилъ свое прозвище. Одни ищутъ ее въ Пелопоннесѣ, въ Лаконіи, гдѣ есть мысъ Малея, другіе разумѣютъ здѣсь гору Малеонъ, находившуюся на восточной сторонѣ горы Аѳона; наконецъ, нѣкоторые ищутъ эту гору на островѣ Лесбосѣ, гдѣ также есть мысъ Малея.

[2]) *Гора Кармилъ* лежала въ предѣлахъ колѣнъ Асирова и Манассіина; верхнимъ, или сѣвернымъ, концомъ своимъ она вдавалась въ Средиземное море, а южнымъ упиралась въ горы самарійскія. Эта гора служила мѣстопребываніемъ Пророковъ Иліи и Елиссея (3 Кн. Цар., гл. **18**; 4 Кн. Цар., гл. **2**, ст. 25; гл. **4**, ст. 25).

деса, а и по преставленіи его къ Богу чудеса совершались у честныхъ его мощей. Люди вѣрующіе получали необычно скорое исцѣленіе отъ всякихъ недуговъ и даже отъ неизлѣчимыхъ болѣзней, а также отъ бѣснованія—и по молитвамъ святаго, и по благодати Христа, Бога нашего[1]).

Кондáкъ, глáсъ д҃:

Вéлїю побѣ́дꙋ мꙋ́жески показáлъ є҆сѝ, ѿонꙋ́дꙋже бж҃éственною любóвїю разгорѣ́вся, царя̀ тлѣ́ннаго и҆ вся̑ кра̑сная преѡби́дѣлъ є҆сѝ, на горѣ̀ малéйстѣй вселéнїе соверши́въ: ѿ нея́же въ нб҃ная возшéлъ є҆сѝ къ цр҃ю̀ царéй, ѳѡмо̀, молѝ непрестáннѡ ѡ҆ всѣ́хъ нáсъ.

ЖИТІЕ И СТРАДАНІЕ СВЯТЫХЪ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКОВЪ

ЕПИКТЕТА пресвитера и АСТІОНА монаха

Въ царствованіе нечестиваго Римскаго императора Діоклетіана[2]), въ одной изъ восточныхъ областей Римской имперіи жилъ одинъ добродѣтельный мужъ, проводившій иноческую жизнь, по имени Епиктетъ. Это былъ пресвитеръ, съ самой юности своей начавшій служить Христу. Онъ обладалъ даромъ чудотвореній, какой преподанъ былъ ему отъ Бога за его чистую жизнь. Онъ исцѣлялъ всякія болѣзни: возвращалъ зрѣніе слѣпымъ, излѣчивалъ прокаженныхъ, возставлялъ съ одра болѣзни разслабленныхъ, изгонялъ бѣсовъ. Изъ этихъ чудесъ, удостовѣрявшихъ его святость, нижеслѣдующія заслуживаютъ особаго вниманія.

Однажды, въ то время, когда Епиктетъ пребывалъ въ своей келліи, стоявшей недалеко отъ одного селенія, и упражнялся въ молитвахъ и благоговѣйныхъ размышленіяхъ, къ нему привезъ одинъ комитъ[3]) свою дочь, пятнадцатилѣтнюю отроковицу, совер-

---

[1]) Время жизни преподобнаго *Ѳомы Малеина* неизвѣстно съ точностію. Полагаютъ, что онъ жилъ не позднѣе X-го вѣка.

[2]) *Императоръ Діоклетіанъ* управлялъ Восточною половиною Римской имперіи съ 284 г. по 305 г.

[3]) *Комитами* у древнихъ Римлянъ назывались первоначально спутники высшей чиновной особы въ провинціи, а позднѣе—спутники императоровъ, составлявшіе ихъ при-

шенно разслабленную. Желая получить исцѣленіе для своей дочери, комитъ припалъ къ ногамъ Епиктета и такъ умолялъ его:

— Человѣкъ Божій! Сжалься надо мною и не отталкивай меня. Вѣдь и Милосердый Богъ, Которому ты служишь, не отвергаетъ никого, кто приходитъ къ Нему[1]). Вотъ, моя единственная дочь больна уже три года и не можетъ пошевелить ни однимъ членомъ тѣла. Она едва жива, но я твердо вѣрую, что Тотъ, Кто исцѣлилъ жену, двѣнадцать лѣтъ страдавшую кровотеченіемъ[2]), можетъ исцѣлить и мою дочь. Только помолись за насъ, сжалься надъ нами: вѣдь мы—чада Церкви Христовой и просвѣщены Святымъ Крещеніемъ.

Тогда служитель Божій Епиктетъ, помолясь усердно Богу, помазалъ святымъ елеемъ разслабленную отроковицу. Та тотчасъ же выздоровѣла и встала на ноги свои, а всѣ окружавшіе ее возсылали благодаренія Богу. Преподобный же сказалъ комиту:

— Возлюбленный! Если ты хочешь, чтобы въ домѣ твоемъ никто не болѣлъ, причащайся со всѣми твоими домашними каждое воскресенье Божественныхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовой, надлежащимъ образомъ предварительно очистивъ сердце свое.

Послѣ этого онъ отпустилъ ихъ съ миромъ.

Другой разъ привели къ нему бѣсноватаго. Преподобный три дня держалъ его при себѣ, подвергая своими молитвами бѣса страшнымъ мученіямъ, и бѣсъ такими словами выражалъ свое состояніе:

— О горе! О мученіе! Зачѣмъ я терплю это? Не лучше ли было бы мнѣ оставаться во Фригіи[3]), въ идольскомъ капищѣ, и принимать каждодневно поклоненія и жертвы отъ множества неразумныхъ людей? Теперь же здѣсь мнѣ приходится безъ всякой вины терпѣть мученія отъ одного этого человѣка!

Святый пресвитеръ въ третій день положилъ запрещеніе на бѣса и изгналъ его изъ того человѣка.

Опять, въ другое время, привели къ святому одну благородную и богатую женщину—язычницу, которая, потерявши зрѣніе, напрасно искала исцѣленія у разныхъ врачей. Она умоляла чело-

---

ближеннѣйшую свиту. Со времени Константина Великаго (306—337 гг.) это наименованіе стало титуломъ всѣхъ придворныхъ и государственныхъ чиновъ, хотя бы они и не принадлежали къ императорской свитѣ.

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 7, ст. 7.

[2]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 9, ст. 20—22.

[3]) *Фригія*—малоазійская область.

вѣка Божія, чтобы онъ коснулся ея ослѣпшихъ очей своей десницею, такъ какъ она слышала, что его честными руками совершались многія чудеса и подавались исцѣленія больнымъ. Святый, во вниманіе къ ея усерднымъ мольбамъ, въ которыхъ проявилась ея вѣра, положилъ на ея глаза свою десницу, призывая Имя Господа Іисуса Христа, и женщина тотчасъ прозрѣла, воскликнувъ при семъ:

— Слава Тебѣ, Богъ христіанъ!

Съ этого времени она обратилась ко Христу со всѣмъ домомъ своимъ.

Но слишкомъ много пришлось бы говорить о чудесахъ сего угодника Божія, а между тѣмъ и сказаннаго достаточно, чтобы видѣть его святость; посему время перейти и къ другимъ сказаніямъ.

Изъ близлежащаго города пришелъ, по-видимому, случайно, гуляя со слугами, къ мѣсту, гдѣ обиталъ преподобный, одинъ юноша лѣтъ 18-ти, по имени Астіонъ. Онъ былъ сынъ богатаго вельможи и язычникъ. На самомъ дѣлѣ Промыслъ Божій привелъ его къ келліи преподобнаго. Онъ захотѣлъ узнать, кто живетъ здѣсь, и, войдя въ келлію, увидѣлъ почтеннаго на видъ мужа, который любезно принялъ его и, посадивъ около себя, спросилъ:

— Откуда ты, чадо? И кто твои родители?

Юноша отвѣчалъ:

— Отецъ мой—градоначальникъ, а мать—дочь сенатора Юліана. Я у нихъ одинъ, и они любуются мною, какъ драгоцѣннѣйшею жемчужиною.

Святый же сказалъ ему:

— Правильно ты выразился, чадо, что родители твои любуются тобою, какъ драгоцѣннѣйшею жемчужиною. Да, они только смотрятъ, а не имѣютъ тебя. Вѣдь блаженная душа твоя дороже всякаго жемчуга и пріятна Христу Спасителю нашему, Который, какъ я вижу, избралъ ее себѣ на служеніе. Послушайся же меня, возлюбленное чадо! Отвергни отъ себя все, что имѣетъ этотъ видимый временный суетный міръ, чтобы со всѣми святыми получить въ будущей жизни невидимыя вѣчныя блага. Вѣдь все, что мы видимъ въ мірѣ,—это все проходитъ мимо и скоро кончается, а то, что приготовилъ Богъ любящимъ Его и служащимъ Ему, пребываетъ вѣчно, какъ вѣченъ и Самъ Богъ. Золото и серебро, которое мы можемъ видѣть, не есть нѣчто истинное, а только нѣкоторое обольщеніе для людей. Я же скажу тебѣ, каково то

Прпⷣбномч҃нцы
ѐпїкте́тъ и̂ а̂стїѡ́нъ

истинное золото, которое стóитъ пріобрѣсти. Въ нашихъ христіанскихъ книгахъ есть такое обращеніе: «совѣтую тебѣ купить у Меня золото, огнемъ очищенное, чтобы тебѣ обогатиться, и бѣлую одежду, чтобы одѣться» и чтобы не явиться тебѣ обнаженнымъ [1]). Это чистое золото—Христосъ Господь нашъ, воспламеняющій божественной любовію сердца людей. Если ты, чадо, захочешь имѣть Его въ твоемъ сердцѣ, то тебѣ тотчасъ же приготовлены будутъ небесныя богатства, и ты одѣнешься въ бѣлыя одежды, а эти одежды—вѣра, надежда и любовь; облекшись въ нихъ, какъ въ броню, ты будешь выше не только этого видимаго міра, но побѣдишь и діавола, котораго вы почитаете за бога, со всѣми его служителями. Еще же, возлюбленный, ты долженъ знать и то, что родившій тебя по плоти отецъ твой не есть твой истинный отецъ, потому что онъ далъ тебѣ только плоть тлѣнную, скоро умирающую. Истинный же твой отецъ—Всесильный Богъ. Онъ, создавъ твою безсмертную душу, послалъ ее въ тѣло твое, зачатое по Его же велѣнію. Итакъ, у тебя одинъ отецъ—видимый, Другой же—невидимый. Видимый твой отецъ—смертенъ, подлежитъ условіямъ времени, бѣдствіямъ и страданіямъ и безсиленъ. Невидимый же твой Отецъ—безсмертенъ, вѣченъ, никакимъ страданіямъ не подлежитъ; Онъ всемогущъ и все держитъ въ Своихъ рукахъ. Онъ сказалъ—и ты создался во утробѣ матери. Онъ повелѣлъ—и ты вышелъ изъ утробы своей матери. По Его волѣ ты пришелъ въ юношескій возрастъ. И если дѣти должны почитать плотскаго своего родителя, то тѣмъ болѣе должны они чтить Того, Кто создалъ насъ по образу и подобію Своему, далъ намъ смыслъ и разумъ и поставилъ насъ владычествовать надъ твореніями рукъ Его. Онъ изъ рабовъ сдѣлалъ насъ, по Своей благости, Своими сынами, братіями и друзьями. Поэтому Его,—нашего истиннаго Отца, даровавшаго намъ столько благъ,—мы должны знать, любить, почитать и всегда Ему поклоняться. Точно такъ же и наша истинная мать—не та, которая рождаетъ насъ по плоти, для этого міра, но Та, Которая рождаетъ насъ въ вѣчную жизнь духовно. Она обручена нашему Спасителю, почитается Ангелами, украшается пророками, прославлена Апостолами, мучениками и возносится исповѣдниками, для коей Христосъ Господь приготовилъ чертогъ Небесный. Эта святая мать зовется людьми Церковію. Голосъ Ея—

[1]) Апок., гл. 3, ст. 18.

голосъ горлицы, заботящейся о птенцахъ своихъ; уста Ея источаютъ муро апостольскаго ученія; очи Ея—истинная вѣра и твердая надежда на Бога; съ рукъ Ея каплетъ смирна благодѣяній, творимыхъ изъ состраданія и любви; два Ея сосуда—два Завѣта: Ветхій, въ коемъ учили Пророки, и Новый, въ которомъ проповѣдовали Апостолы; а чрезъ Святое Крещеніе Она рождаетъ своихъ чадъ для безсмертной жизни. Итакъ, прииди, милое чадо! Питайся отъ сосцовъ этой истинной Матери; послушайся моего совѣта—пренебреги временными богатствами твоихъ родителей, чтобы тебѣ стать наслѣдникомъ вѣчныхъ, приготовленныхъ для сыновъ Божіихъ, сокровищъ. Послушай, какъ истинный твой Отецъ говоритъ чрезъ меня тебѣ: **ѝзыди ѿ землѝ твоеѧ̀, и ѿ ро́да твоегѡ̀, и ѿ до́мꙋ ѻ҆ц̑а̀ твоегѡ̀, и ѝди̇ въ зе́млю, ю҆́же ти̇ покажꙋ̀**[1]), **въ зе́млю кипѧ́щꙋю млеко́мъ и҆ ме́домъ**[2]),—ученіями Пророковъ, Апостоловъ и святыхъ Отцевъ. И когда ты исполнишь все, повелѣваемое тебѣ, тогда тебѣ дано будетъ райское наслѣдіе, отверзутся тебѣ небесныя сокровища, дана будетъ слава горняго Царства, увидишь ангельскіе чины и лики всѣхъ святыхъ, и будешь жить съ ними какъ любящій и любимый братъ, будучи въ то же время близокъ къ Богу какъ сынъ.

Благоразумный юноша, выслушавъ эту высокую рѣчь человѣка Божія и увѣровавъ въ ея истинность, умилялся сердцемъ, но ничего не сказалъ ему на этотъ разъ, опасаясь бывшихъ съ нимъ слугъ, которые могли передать его слова родителямъ. Поэтому онъ удалился, поклонившись оному достопочтенному мужу.

Слѣдующимъ утромъ очень рано юный Астіонъ пошелъ поспѣшно къ тому преподобному старцу одинъ, подобно мудрой пчелѣ, которая летитъ снова на то мѣсто, гдѣ она наканунѣ собирала сладкій медъ. Войдя въ келлію къ пресвитеру Господню, онъ привѣтствовалъ его такими словами:

— Здравствуй, апостолъ Христовъ, служитель Новаго Завѣта!

Святый же отвѣчалъ ему:

— Здравствуй и ты, прекрасный юноша! Я вижу тебя носящимъ мученическую одежду и въ вѣнцѣ изъ дорогихъ каменьевъ.

Когда начали они, сидя, бесѣдовать, старецъ сказалъ:

— Что, чадо, прозябло ли сѣмя, какое вчера, по благости

[1]) Кн. Быт., гл. 12, ст. 1.

[2]) Кн. Исх., гл. 3, ст. 8 и 17.

Божіей, мы посѣяли въ твоемъ сердцѣ? Произраститъ ли оно плодъ? Или же все еще сердце твое пребываетъ во тьмѣ невѣрія?

Астіонъ сказалъ:

— Вчера я сказалъ тебѣ, святый отче, что я—единственный сынъ у своихъ родителей и очень любимъ ими. Я боюсь опечалить ихъ; вѣдь если я открыто приму христіанскую вѣру, то они, отъ чрезмѣрной грусти, или бросятся въ море, или потеряютъ разсудокъ, или другимъ какимъ-нибудь образомъ лишатъ себя жизни. Но я не хочу, чтобы то, что доставитъ мнѣ спасеніе, стало для родителей моихъ причиною смерти и вѣчной погибели. Поэтому, если ты соизволишь принять мой совѣтъ, отче,—сдѣлай меня христіаниномъ втайнѣ и теперь приготовь меня къ принятію Крещенія. Когда же совершишь надо мною все, что̀ полагается по христіанскому чину, тогда окажи, прошу, мнѣ милость: возьми меня съ собою въ какую-нибудь далекую страну, куда тебѣ укажетъ путь Господь, чтобы не видѣли мои очи слезъ родительскихъ, чтобы моя совѣсть не поколебалась при видѣ ихъ печали и чтобы я изъ любви къ нимъ не повредилъ дѣлу своего спасенія.

Услышавъ такія слова юноши, святый старецъ возрадовался духомъ и повелѣлъ ему всѣ дни поститься и остерегаться оскверненія идоложертвенною пищею, и въ то же время заповѣдалъ ему возсылать моленія Христу Спасителю, Истинному Богу. Юный Астіонъ съ усердіемъ выполнялъ эти повелѣнія. Тайно отъ домашнихъ онъ каждый день ходилъ къ старцу и у него учился святой вѣрѣ. Когда же онъ хорошо узналъ Христа и твердо увѣровалъ въ Него, тогда священный старецъ окрестилъ его.

Спустя немного времени ночью оба они ушли оттуда, причемъ Астіонъ захватилъ съ собою немного денегъ въ путь. Подойдя къ пристани морской, они нашли тамъ корабль, который отправлялся къ скиѳскимъ странамъ, и, взявши себѣ мѣста на этомъ кораблѣ, они сѣли на него. Довольно долгое время проведя въ плаваніи, они сошли на берегъ и вошли въ городъ, называемый Алмирисъ [1]), стоявшій въ скиѳскихъ предѣлахъ, при рѣкѣ Дунаѣ. Они нашли около этого города удобное для жительства уединенное мѣсто и тамъ, построивши себѣ небольшой домъ, поселились.

Родители Астіона, не видя своего любезнаго сына, начали его повсюду отыскивать и, не находя, много плакали и рыдали, напрасно призывая сына по имени. Отецъ восклицалъ:

---

[1])—нынѣ Рамзинъ, на южномъ рукавѣ Дуная.

— Астіонъ, милое мое чадо, гдѣ ты теперь? Астіонъ, любезнѣйшій, единственный сынъ мой! Что сталось съ тобою? Звѣрь ли какой нежданно съѣлъ тебя или глубина водная приняла тебя? О опора моей старости и свѣтъ очей моихъ! Гдѣ теперь искать тебя, не знаю, и въ какую страну послать за тобою рабовъ моихъ—недоумѣваю!

Также и мать Астіона, разрывая на себѣ одежды и ударяя себя рукой въ грудь, рыдала и говорила:

— Кто разлучилъ меня съ тобою, милое мое чадо, Астіонъ! Думаю, не Богъ ли христіанскій, пославъ кого-нибудь, прельщеніемъ отвратилъ тебя отъ насъ. Горе мнѣ, несчастной! Горе мнѣ,— я вся полна скорбію безконечной. Пропали напрасно всѣ мои труды и болѣзни, которыя я претерпѣла при твоемъ рожденіи и воспитаніи! Погибъ плодъ чрева моего, погибла надежда и слава моя! Я сижу, какъ опустѣвшій городъ. Доселѣ я была матерью, а теперь уже не мать, потому что лишилась единственнаго своего любимаго чада!

Такъ все время неутѣшно плакали родители Астіона. Епиктетъ же и Астіонъ, рабы Христовы, проводили жизнь около города Алмириса въ постническихъ подвигахъ. Ихъ святое, добродѣтельное житіе не осталось тайною, такъ какъ святымъ пресвитеромъ Епиктетомъ творились многія исцѣленія, и къ нимъ началъ стекаться народъ, принося больныхъ.

Однажды одна знатная женщина пришла къ нимъ съ своимъ сыномъ, котораго несли ея слуги, такъ какъ онъ былъ нѣмъ, глухъ и разслабленъ. Ему было около пятнадцати лѣтъ отъ роду. Положивъ сына своего къ ногамъ святаго старца, женщина сказала сему послѣднему:

— Я не знаю, откуда ты пришелъ, но вѣрю, что если ты захочешь, то можешь исцѣлить моего сына. По-видимому, ты ученикъ Назарянина, о Коемъ мы слышали много чудеснаго и удивительнаго. Если ты дѣйствительно Его ученикъ, то помоги намъ и научи насъ познать Его, чтобы и намъ сдѣлаться Его рабами.

Святый же сказалъ ей:

— Если ты, женщина, увѣруешь отъ всего сердца, что единъ есть Богъ Истинный, Который создалъ для насъ небо и землю и все видимое, то будетъ исполнена твоя просьба.

Сказавши это, онъ повелѣлъ поднять отрока съ земли и, три раза плюнувъ въ нѣмыя уста его, спросилъ:

— Скажи намъ, чадо, въ какого бога нужно вѣровать? Въ кумиры ли, которыхъ изготовляютъ люди, или въ Іисуса Христа распятаго, Который тебя нынѣ исцѣляетъ?

Отрокъ громкимъ голосомъ воскликнулъ:

— Нужно вѣровать, честный отче, въ Іисуса Христа, являющаго всегда столь великія благодѣянія людямъ!

Видя это чудо, алмирисскіе граждане прославили Бога, и въ тотъ день болѣе тысячи душъ обоего пола увѣровало во Христа, Спасителя нашего. И благодать Божія совершала чудеса не только чрезъ святаго Епиктета, но и чрезъ святаго Астіона.

Такъ однажды, когда онъ вышелъ почерпнуть воды къ рѣкѣ Дунаю, его встрѣтилъ бѣсноватый. Астіонъ осѣнилъ бѣсноватаго крестнымъ знаменіемъ, и бѣсъ тотчасъ же бѣжалъ изъ того человѣка, взывая:

— О Астіонъ! Вѣра твоя и чистота твоего сердца возымѣли, по волѣ Божіей, великую власть надъ нами!

Въ другое время, будучи куда-то посланъ старцемъ, Астіонъ во время путешествія увидѣлъ человѣка, упавшаго съ высокаго зданія на землю и лежавшаго на землѣ какъ мертвый, тогда какъ родители его плакали по немъ. Умилосердившись надъ ними, блаженный Астіонъ помолился тайно такими словами:

«Господи Іисусе Христе! Ты нѣкогда чрезъ Апостола Твоего Павла возвратилъ отъ вратъ смертныхъ къ жизни Евтиха, упавшаго съ окна третьяго жилья[1]), и Энея отъ восьмилѣтняго разслабленія возставилъ чрезъ Апостола Твоего Петра[2]), а также чрезъ того же святаго Петра, человѣку, родившемуся хромымъ, укрѣпилъ ноги и голени и далъ ему силу ходить![3]) Такъ и теперь поставь этого человѣка живымъ и здоровымъ черезъ меня, Твоего недостойнаго раба!»

Помолившись такимъ образомъ, Астіонъ подошелъ къ лежавшему и произнесъ апостольское слово:

— **Во и҆́мѧ і҆и҃са хр҃та̀ назѡрѣ́а, воста́ни и҆ ходи̇̀!**[4])

И взявши его за правую руку, поднялъ его живымъ и здоровымъ. Исцѣленный же, вмѣстѣ съ родителями своими, тотчасъ пошелъ къ келліи святыхъ, взывая и говоря:

---

[1]) Дѣян. Ап., гл. **20**, ст. 9—12.

[2]) Дѣян. Ап., гл. **9**, ст. 33—34.

[3]) Дѣян. Ап., гл. **3**, ст. 2—8.

[4]) Дѣян. Ап., гл. **3**, ст. 6.

— Одинъ только есть Богъ—Богъ Епиктета и Астіона! Поистинѣ, одинъ есть только Богъ—Богъ христіанскій! Я не уйду отсюда,—нынѣ же сдѣлайте христіанами и меня, и моихъ родителей.

Священникъ Господень Епиктетъ, огласивъ и поучивъ ихъ, повелѣлъ имъ поститься и готовиться къ принятію того святаго дара, и чрезъ нѣсколько времени просвѣтилъ ихъ Святымъ Крещеніемъ. Діаволъ же, видя, что его посрамляетъ не только старецъ, но и юноша, и что его лишаютъ душъ человѣческихъ, которыя были прежде его добычею, терзался завистію и вооружался противъ нихъ всячески своимъ коварствомъ, хотя и безуспѣшно. Впрочемъ, онъ нашелъ случай повредить юношѣ.

Однажды, безъ благословенія старца, Астіонъ вышелъ къ рѣкѣ почерпнуть воды. Врагъ, увидя Астіона, не защищеннаго благословеніемъ старца, тотчасъ, по попущенію Божію, навелъ на него нѣкоторые грѣховные помыслы и смутилъ душу юноши. Астіонъ, воротившись въ келлію, постыдился исповѣдать предъ отцомъ своимъ духовнымъ эти помыслы и въ теченіе трехъ дней подчинялся имъ, не будучи въ силахъ побороть ихъ. Онъ постился, молился со слезами и изможда́лъ трудами плоть свою, но нечистыя мысли все-таки не отступали отъ него, какъ будто какой невидимый стрѣлокъ уязвлялъ его ими, какъ стрѣлами. Старецъ же, замѣтивъ его смущенный и грустный видъ, сказалъ ему:

— Что это значитъ, чадо, что я вижу тебя необычно смущеннымъ? Ибо та печаль, какую я вижу въ тебѣ, не есть печаль святыхъ, заботящихся о своемъ спасеніи и потому на лицѣ своемъ отражающихъ нѣкоторое внутреннее сѣтованіе. Думается мнѣ, что это—печаль смертоносная, подобная той, какая погубила совѣтника Авессаломова Ахитофела[1]) и Іуду, предателя Христова.

Тогда Астіонъ исповѣдался предъ старцемъ въ такихъ словахъ:

— Дня три тому назадъ, когда ты бесѣдовалъ съ почтенными мужами о небесныхъ тайнахъ, мнѣ нужно было сходить за водой. Мнѣ стыдно было получить отъ тебя благословеніе при тѣхъ мужахъ, и, притомъ, я не хотѣлъ прерывать вашей бесѣды. Итакъ,

---

1) *Ахитофелъ*—первоначально близкій другъ и совѣтникъ Давида; но во время возстанія Авессалома перешелъ на его сторону и совѣтовалъ ему тотчасъ преслѣдовать Давида, чтобы умертвить его; но такъ какъ послѣдствіемъ этого совѣта была гибель Авессалома, то Ахитофелъ, оставивъ войско, возвратился въ свой отечественный городъ и здѣсь удавился (2 Кн. Цар., гл. 17, ст. 1—20).—Столь же позорно окончилъ свою жизнь и Іуда Искаріотскій, предавшій Господа іудеямъ (Еванг. отъ Матѳ., гл. 27, ст. 3—5).

безъ твоего вѣдома, безъ твоего благословенія, я пошелъ за водой, и въ это время по дорогѣ меня окутало мрачное облако дурныхъ помысловъ. Вотъ, прошелъ уже третій день, какъ я борюсь съ ними, и не могу ихъ изгнать изъ себя—поэтому-то я и пребываю въ смущеніи.

Грозно посмотрѣлъ на него святый старецъ и сказалъ:

— И зачѣмъ ты, безъ моего повелѣнія, вышелъ изъ дверей келліи? Зачѣмъ безъ благословенія іерея Христова ходилъ ты? Развѣ ты не знаешь, что благословеніе начальника для юношей есть непреоборимая стѣна, крѣпкая броня и непобѣдимое оружіе противъ діавола?

Сказавши это, старецъ повелѣлъ Астіону простереться на землѣ крестообразно для совершенія молитвы, причемъ то же самое сдѣлалъ и самъ, и оба вмѣстѣ со слезами стали молиться Богу. Довольно помолившись, они встали съ земли, и Астіонъ въ это время увидѣлъ какого-то чернаго юношу съ горящею свѣчою, который бѣжалъ отъ него со словами:

— Исповѣдь твоя, Астіонъ, посрамила нынѣ мою великую силу, и молитва ваша сдѣлала меня безоружнымъ.

Такъ жили тамъ преподобные отцы и много душъ человѣческихъ обратили ко Христу Богу отъ идольскаго обольщенія.

Въ то время въ городъ Алмирисъ пришелъ правитель той страны, по имени Латроніанъ. Когда рѣшалъ онъ разныя государственныя и народныя дѣла, идолослужители донесли на этихъ двухъ святыхъ мужей, что они будто бы волшебники, прельщаютъ много народу своими чародѣяніями и отвращаютъ людей отъ принесенія жертвы богамъ. Правитель тотчасъ велѣлъ схватить ихъ и бросить въ темницу. Находясь въ узахъ, святые непрестанно молились и пѣли Псалмы Давидовы.

Однажды старецъ сказалъ своему ученику:

— Возлюбленное мое чадо! Если насъ выведутъ на допросъ и будутъ спрашивать о имени, родѣ и отечествѣ нашемъ, то ничего не станемъ отвѣчать имъ, кромѣ того, что мы—христіане, что это—наше имя, родъ и отечество и что мы—рабы Истиннаго Бога.

Наутро правитель повелѣлъ приготовить посреди города мѣсто для производства суда и собрать сюда же черезъ глашатаевъ народъ. Онъ самъ пришелъ сюда въ третьемъ часу дня, сѣлъ на сѣдалищѣ своемъ и послалъ въ темницу за святыми. Когда они явились предъ нимъ, онъ, взглянувъ на нихъ, пришелъ въ ужасъ,

такъ какъ увидѣлъ какой-то чудесный свѣтъ Божіей благодати, просвѣщавшій ихъ лица, и оба они вообще внушали почтеніе своимъ внѣшнимъ видомъ. Святому Епиктету было въ то время шестьдесятъ лѣтъ. Онъ былъ высокъ ростомъ и имѣлъ длинную бороду, украшенную сѣдинами. Точно такъ же и святый Астіонъ былъ высокаго роста и прекрасенъ лицомъ, особенно блистая красотою цѣломудрія. Лѣтъ ему отъ рожденія было тридцать пять. Взирая на нихъ, правитель почти цѣлый часъ времени молчалъ, не находя, что сказать, потомъ, наконецъ, спросилъ ихъ:

— Скажите намъ, какъ васъ зовутъ, какого вы рода и изъ какой страны пришли сюда?

Святые отвѣчали:

— Мы - христіане!

Но правитель сказалъ:

— И я знаю, что вы принадлежите къ проклятой христіанской вѣрѣ,—а вы скажите намъ о вашемъ родѣ и отечествѣ.

Святые снова отвѣтили ему:

— Христіане мы! Знаемъ единаго Бога—Господа нашего Іисуса Христа и Ему одному поклоняемся, идольскихъ же мерзостей гнушаемся и отдаляемся отъ тѣхъ, кто имъ кланяется, говоря съ Псалмопѣвцемъ: **подо́бни и҆̀мъ да бꙋ́дꙋтъ творѧ́щїи ѧ҆̀, и҆ всѝ надѣ́ющїисѧ на нѧ҆̀!**[1])

Услышавъ это, правитель сильно разгнѣвался и повелѣлъ обнажить ихъ и бить безъ пощады долгое время. Святые же, терпя побои, говорили:

— Господи Іисусе Христе, Учитель нашъ! Да совершается надъ нами воля Твоя!

Правитель, видя ихъ твердость, еще болѣе разъярился и говорилъ:

— Гдѣ вашъ Христосъ, Котораго вы непрестанно призываете? Пусть теперь Онъ придетъ помочь вамъ, пусть вырветъ васъ изъ рукъ моихъ!

Святые же повторяли:

— Христіане мы! Да будетъ надъ нами воля Бога нашего!

Тогда правитель еще сильнѣе распалился гнѣвомъ и повелѣлъ повѣсить ихъ на подмосткахъ, гдѣ ихъ мучили, приказалъ строгать тѣла ихъ желѣзными когтями, подпаляя ихъ въ то же время огнемъ. Они же восклицали только:

---

[1]) Псал. 113, ст. 16.

— Мы—христіане! Да будетъ надъ нами воля Бога нашего!

Святыхъ мучили такимъ образомъ до конца седьмого часа дня, и тогда правитель повелѣлъ снять ихъ съ пытки и увести снова въ темницу. Одинъ же изъ прислужниковъ палача, по имени Вигилянцій, слыша тѣ слова, какія постоянно повторяли святые во время мученій, и полагая, что въ этихъ словахъ заключается особая волшебная сила, уничтожающая боль въ тѣлѣ во время мученій, запомнилъ ихъ въ точности и днемъ и ночью размышлялъ о нихъ. Спустя три дня онъ началъ громко восклицать передъ всѣми:

— Я—христіанинъ, да будетъ надъ нами воля Бога нашего!

Послѣ этого онъ пошелъ въ темницу къ святымъ, научился у нихъ святой вѣрѣ и чрезъ нѣсколько дней со всѣмъ своимъ домомъ удостоился принять Святое Крещеніе. Святые же, послѣ первой пытки, провели въ темницѣ пять дней и потомъ снова были вызваны къ допросу. Правитель и теперь не смогъ никакими уговорами обратить ихъ къ своей нечестивой вѣрѣ и потому опять началъ ихъ мучить. Сначала онъ повелѣлъ натереть рубцы отъ прежнихъ ранъ уксусомъ и солью, а затѣмъ бросилъ мучениковъ въ большой котелъ, наполненный кипящею смолою. Святые же въ этомъ котлѣ съ кипящей смолою пребывали неповрежденными какъ бы въ купѣли и повторяли свои прежнія слова:

— Христіане мы! Да будетъ надъ нами воля Бога нашего!

Правитель удивлялся, видя, что они въ кипящемъ котлѣ оставались живыми и невредимыми, и говорилъ:

— О, какъ велика сила христіанскаго волшебства!

Послѣ этого онъ повелѣлъ взять ихъ изъ котла и опять бросить въ темницу, причемъ запретилъ къ нимъ всякій доступъ и подачу хлѣба и воды, чтобы они погибли отъ голода и жажды. Святые же пробыли въ темницѣ тридцать дней, питаясь только Словомъ Божіимъ и укрѣпляясь благодатію Святаго Духа.

Когда святые мученики на мѣстѣ публичной казни, въ присутствіи всего народа, были допрашиваемы и судимы, въ тотъ городъ случайно пришелъ, по устроенію Божію, одинъ человѣкъ изъ восточныхъ странъ. Онъ узналъ Астіона, такъ какъ хорошо зналъ его родителей, и вотъ, возвратясь въ свое отечество, онъ пришелъ къ родителямъ Астіона и сказалъ имъ:

— Я видѣлъ сына вашего въ скиѳскомъ городѣ Алмирисѣ съ однимъ старцемъ, Епиктетомъ, въ то время, какъ оба они подвергнуты были мученію за Христа.

Родители, услышавъ объ этомъ, со слезами стали умолять того человѣка сказать имъ правду, и тотъ уже клятвою подтвердилъ свое сообщеніе. Тогда родитель Астіона сказалъ:

— Если я сподоблюсь увидѣть возлюбленнаго сына моего, то немедленно исполню все, что онъ повелитъ мнѣ и чему научитъ меня!

Также и мать говорила:

— Если еще въ этой жизни увижу милое мое чадо, то все оставлю и послѣдую за нимъ. Если онъ повелитъ мнѣ быть христіанкою,—не откажусь, и вмѣстѣ съ нимъ не убоюсь ни мученій, ни смерти за Христа!

Послѣ этого они поручили свой домъ и имѣніе вѣрнымъ своимъ друзьямъ, сами же съ нѣсколькими рабами и рабынями отплыли въ Скиѳію. Но прежде чѣмъ прибыли они въ городъ Алмирисъ, святые мученики Епиктетъ и Астіонъ такъ закончили свой страдальческій подвигъ.

Черезъ тридцать дней, въ теченіе которыхъ они были томимы въ темницѣ голодомъ и жаждою, правитель снова призвалъ ихъ на судъ и здѣсь сказалъ имъ:

— Много разъ я спрашивалъ васъ о вашихъ именахъ, о родѣ и объ отечествѣ, и вы не сказали мнѣ правду. Думаю, что вы не иные кто, какъ воплощенные демоны—вѣдь и они не имѣютъ ни имени, ни рода. Итакъ, скажите мнѣ, воплощенные бѣсы!—такъ я могу назвать васъ—принесете ли вы жертвы богамъ нашимъ или же нѣтъ? Если—нѣтъ, то я нынче же отрублю вамъ головы.

Святые отвѣчали:

— Мы—христіане, а не бѣсы, и Именемъ Христовымъ изгоняемъ бѣсовъ изъ тѣлъ людей. О, если бы и ты пожелалъ освободиться отъ пребывающаго въ тебѣ бѣса! Мы изгнали бы его изъ тебя силой Христа, Бога нашего!

Тогда правитель разъярился и повелѣлъ бить святыхъ мучениковъ камнями по устамъ, а потомъ, подвергши ихъ наказанію палочными ударами, осудилъ ихъ на усѣченіе мечомъ.

Когда святыхъ вывели за городъ на мѣсто казни, они испросили себѣ у совершителей казни время для молитвы и, ставши къ востоку, воздѣли къ Небу свои руки, возвели очи горѣ и долго молились Богу. Послѣ этого святый Епиктетъ попросилъ, чтобы сначала казнили Астіона, но этотъ послѣдній сказалъ ему:

— Тебѣ, отче, сначала слѣдуетъ принять эту честь—увѣнчаться

вѣнцомъ мученичества, ибо ты—пресвитеръ Господень, отецъ и учитель мой, а я уже пойду за тобою!

Святый Епиктетъ отвѣчалъ:

— Семнадцать лѣтъ, чадо, по благодати Божіей, я сохранялъ тебя въ чистотѣ и непорочности. Ужели же теперь рѣшусь погубить трудъ столькихъ лѣтъ и оставить тебя одного, безъ меня? Развѣ ты не знаешь, что коварство враговъ очень хитро и незамѣтно на видъ? Я опасаюсь того, что ты, увидѣвши мою смерть, испугаешься и станешь предметомъ посмѣянія для врага. Нѣтъ, чадо! Пусть я уподоблюсь Аврааму, приносящему въ жертву Исаака. Ты иди впереди меня и первымъ прими мученическій вѣнецъ. Я вѣрую, что святый Михаилъ съ прочими Ангелами, Авель съ пророками, Петръ съ Апостолами, Даніилъ съ исповѣдниками вышли навстрѣчу тебѣ и ждутъ принять тебя и съ торжественными пѣснями вести къ Престолу Христа, Спасителя нашего.

Святый Астіонъ сказалъ:

— Да будетъ, святый отче, воля Господня и твоя!

Послѣ этого онъ оградилъ себя крестнымъ знаменіемъ и сказалъ:

— Ты, Господи, защитникъ мой! Въ руки Твои предаю духъ мой!

Съ этими словами онъ преклонилъ подъ мечъ свою голову и скончался[1]). Святый же Епиктетъ, припавши къ тѣлу ученика своего, умолялъ палачей, чтобы они убили его въ такомъ положеніи. И тогда онъ отъ удара мечомъ умеръ за Христа. Всѣ же бывшіе тамъ язычники и христіане увидѣли, что честныя тѣла ихъ стали сіять какъ бы солнечными лучами, и необычайное благоуханіе распространялось тамъ.

Позднимъ вечеромъ вышеупомянутый Вигилянцій съ своими домашними и съ прочими христіанами взялъ тайно тѣла мучениковъ и, обвивши ихъ чистыми плащаницами и намастивъ ароматами, на избранномъ мѣстѣ похоронилъ съ честію.

Въ ту же ночь въ правителя Латроніана вошелъ злой демонъ, и правитель, вставъ рано поутру и, по обычаю, явившись въ палату, гдѣ разбирались государственныя дѣла, началъ какъ безумный говорить разныя нелѣпости, а потомъ, схвативши мечъ, бросился на бывшихъ тамъ съ нимъ и началъ ихъ рубить и наносить имъ раны.

---

[1]) Кончина *святаго Астіона* (а также и *Епиктета*) послѣдовала ок. 290 г.

Они же, увидя его въ такомъ бѣшенствѣ, схватили его и, вырвавши мечъ изъ рукъ его, стали его бить, а потомъ связали ему руки и ноги и заперли въ небольшую комнату, гдѣ онъ спустя два дня скончался страшною смертію, будучи задушенъ демономъ.

По кончинѣ святыхъ мучениковъ родители Астіона воднымъ путемъ приблизились къ городу Алмирису. Въ это время святый Астіонъ явился Вигилянцію и сказалъ:

— Отецъ мой и мать моя нынѣ придутъ сюда искать меня. Окажи мнѣ любовь свою, братъ,—выйди на пристань, возьми ихъ къ себѣ въ домъ, успокой ихъ и утѣшь: они истомились изъ-за меня великою печалью. Кромѣ того, научи ихъ спасительной вѣрѣ и открой предъ ними величіе Истиннаго Бога.

Вигилянцій тотчасъ же пошелъ къ пристани и тамъ увидѣлъ приставшій къ берегу корабль, съ котораго сошли родители Астіона. Они спрашивали встрѣтившихся имъ тамъ людей, не видѣлъ ли кто молодого человѣка, по имени Астіона. Вигилянцій подошелъ къ нимъ и сказалъ:

— Я видѣлъ его и хорошо съ нимъ знакомъ. Пойдемте сначала ко мнѣ, отдохните въ моемъ домѣ, и я вамъ разскажу о немъ.

Съ великою радостію родители Астіона пошли къ пригласившему ихъ Вигилянцію, который всячески заботился объ ихъ успокоеніи. Когда же они умоляли его, чтобы онъ разсказалъ имъ объ ихъ сынѣ, то Вигилянцій сказалъ имъ, что Астіонъ недавно былъ въ этомъ городѣ и только нѣсколько дней тому назалъ ушелъ отсюда съ однимъ почтеннымъ старцемъ въ очень далекую страну, будучи позванъ съ честію славнѣйшимъ царемъ принять участіе въ его славномъ царствованіи. И такъ мало-помалу Вигилянцій раскрылъ предъ ними ученіе объ иной, вѣчной жизни, о райскихъ обителяхъ, о Царствѣ Небесномъ и о Безсмертномъ Царѣ—Христѣ Господѣ, объ Ангелахъ и ликахъ святыхъ, соцарствующихъ Христу, къ коимъ теперь причтенъ и Астіонъ, ихъ сынъ. Родители же Астіона, слушая слова, какихъ прежде никогда не слыхали, удивлялись, умилялись и ощущали въ сердцахъ своихъ нѣкоторую духовную радость и еще сильнѣе желали знать, куда ушелъ ихъ любезный сынъ. Вигилянцій тогда повелъ ихъ сначала въ келлію святыхъ мучениковъ и показалъ имъ оставшійся послѣ нихъ Святой Крестъ и Евангеліе, а потомъ началъ бесѣдовать съ ними объ ученіи евангельскомъ и обратилъ ихъ къ вѣрѣ во Христа. Послѣ этого онъ разсказалъ имъ о страданіи святыхъ мучениковъ Епиктета и

Астіона, какъ они за Христа положили жизнь свою, и сводилъ ихъ на мѣсто, гдѣ погребены были тѣла святыхъ. Когда они поплакали тамъ немалое время, онъ повелѣлъ имъ съ вечера стать на молитву и всю ночь молиться вмѣстѣ съ нимъ Христу Богу. Прошла уже полночь, начинала сіять и денница, какъ внезапно заблисталъ предъ ними яркій, какъ молнія, свѣтъ и почувствовалось въ воздухѣ чудное благоуханіе—это явились предъ ними въ красотѣ неизреченной святые мученики. Святый Астіонъ, обнявши свою мать, съ любовію облобызалъ ее, говоря:

— Хорошо, что ты пришла сюда, ученица Христова и моя мать, Маркеллина! (таково было ея имя).

Также и святый Епиктетъ, обнявши голову отца Астіонова, лобызалъ его, говоря:

— Радуйся, о Господѣ возлюбленный братъ Александръ (таково было имя ему),—ты сподобился быть причтеннымъ къ числу вѣрующихъ и оказался достойнымъ вѣчнаго блаженства.

Потомъ оба сказали Вигилянцію:

— Радуйся и ты, братъ возлюбленный, ибо исполнилось на тебѣ слово Писанія: ѡ҆брати́вый грѣ́шника ѿ заблꙋжде́нїѧ пꙋ́ти (т. е. отъ ложнаго пути) є҆гѡ̀, спасе́тъ дꙋ́шꙋ ѿ сме́рти и҆ покры́етъ мно́жество грѣхѡ́въ [1]).

Много и другого утѣшительнаго говорили они имъ, и все это было полно духовной сладости, и потомъ чрезъ нѣкоторое время стали невидимы. Родители Астіона пришли въ великую радость отъ бывшаго имъ видѣнія и отъ сладкой бесѣды со святыми и излили свои чувства въ молитвѣ и благодарили Бога за то, что сподобились видѣть въ небесной славѣ сына своего, котораго такъ долго они съ печалью въ сердцѣ искали.

Въ то время въ скиѳской странѣ былъ христіанскій епископъ Евангелъ. Во время гоненія онъ скрывался, но, узнавши о погибели правителя Латроніана, безъ страха уже пришелъ въ городъ Алмирисъ, чтобы посѣтить и утвердить въ вѣрѣ христіанъ. Къ этому святителю Вигилянцій привелъ родителей Астіона и въ подробности разсказалъ ему все о нихъ и о святыхъ мученикахъ. Епископъ же, воздавъ прославленіе святымъ мученикамъ, принялъ съ радостію обратившихся ко Христу родителей Астіоновыхъ и окрестилъ ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Александръ

---

[1]) Посл. Ап. Іакова, гл. 5, ст. 20.

и Маркеллина послѣ этого довольно долго оставались при гробницѣ мучениковъ въ постѣ и молитвахъ, а потомъ воротились домой и, продавши все свое большое имѣніе, роздали деньги нищимъ, немного оставивъ себѣ на пропитаніе. Они проводили такимъ образомъ богоугодную жизнь до самой кончины своей.

Такъ украсились на Небѣ вѣнцомъ мученическимъ святые преподобномученики Епиктетъ пресвитеръ и монахъ Астіонъ. Когда къ нимъ присоединились отшедшіе съ земли Александръ съ Маркеллиною, то и они сподобились участія въ блаженствѣ святыхъ по благодати Господа нашего Іисуса Христа, Коему подобаетъ со Отцемъ и Святымъ Духомъ честь и слава, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СТРАДАНІЕ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ

КИРІАКІИ

Въ царствованіе императора Діоклетіана[1]) нѣкій христіанинъ, по имени Дороѳей, и жена его, именемъ Евсевія, будучи бездѣтными, молились Богу о томъ, чтобы Онъ даровалъ имъ дѣтей, при чемъ обѣщали посвятить Ему свое дитя, если оно родится у нихъ. По ихъ молитвѣ въ одинъ воскресный день у нихъ родился младенецъ женскаго пола, которому они дали имя Киріакіи[2]) и крестили его Святымъ Крещеніемъ. Воспитывая дочь свою въ христіанскомъ ученіи и добрыхъ наставленіяхъ, они сохраняли ее въ непорочности, чтобы, согласно своему намѣренію, отдать ее на служеніе Богу. Въ это время воздвигнуто было на христіанъ гоненіе[3]), и благочестивые родители съ дочерью своею были преданы императору Діоклетіану, который, произведши надъ ними судъ, сперва повелѣлъ въ теченіе долгаго времени бить ихъ и

---

[1]) *Діоклетіанъ* управлялъ Римской имперіей съ 284 до 305 года.

[2]) *Киріакія* съ греческаго значитъ *Господня*, Господу принадлежащая.

[3]) Гоненіе это началось въ 303 г. Возбудилъ его соправитель Діоклетіана кесарь Галерій, убѣдившій Діоклетіана издать общій законъ противъ христіанъ. Законъ предписывалъ разрушать христіанскіе храмы, сожигать книги Св. Писанія и лишать христіанъ всѣхъ гражданскихъ правъ и должностей. Гоненіе при Діоклетіанѣ отличалось, во первыхъ, жестокостію мученій, а во вторыхъ,— обиліемъ числа мучениковъ, умерщвляемыхъ отъ 10 до 100 и болѣе заразъ въ одинъ день.

потомъ Дороѳея и Евсевію отослалъ въ Митиленскую страну[1]) къ правителю Іусту, а Киріакію—въ Никомидію[2]), къ кесарю Максиміану[3]). Послѣдній, допросивъ святую и видя, что она тверда и непоколебима въ вѣрѣ, повелѣлъ разложить ее на землѣ и долгое время безъ милосердія бить ее. Во время этого истязанія Киріакія предавалась молитвѣ, и это привело Максиміана въ страшный гнѣвъ, но святая мученица сказала ему:

— Не обольщайся, Максиміанъ! Никогда ты не заставишь меня подчиниться твоей волѣ, ибо мнѣ помогаетъ Богъ.

Послѣ сего Максиміанъ послалъ святую Киріакію къ правителю Виѳиніи[4]) Иларіону, который, допросивъ ее, велѣлъ ввести ее въ идольскій храмъ, но святая помолилась, и, по ея молитвѣ, произошло сильное землетрясеніе, причемъ всѣ идолы, бывшіе въ храмѣ, попадали на землю и разсыпались въ прахъ, въ храмъ ворвался вихрь и поднялъ этотъ прахъ на воздухъ, а затѣмъ блеснула огненная молнія и опалила правителю Иларіону лицо, послѣ чего онъ, упавши съ своего сѣдалища, тутъ же умеръ. Тогда пришелъ другой князь области, соправитель перваго и, узнавъ обо всемъ случившемся, приговорилъ Киріакію къ сожженію огнемъ. По его повелѣнію раскалена была большая сковорода, и на нее бросили святую. Тутъ она, молитвенно воздѣвши руки, долго молилась, и въ это время при чистомъ лѣтнемъ небосклонѣ сошло съ неба облако и уничтожило весь жаръ огня, такъ что Киріакія осталась совершенно невредимою. Послѣ этого правитель повелѣлъ привести святую Киріакію на мѣсто суда и выпустить на нее разныхъ звѣрей, но и тутъ она осталась невредимою, такъ какъ звѣри, вмѣсто того чтобы броситься на нее, валялись у ногъ ея. Видя это, многіе изъ бывшихъ здѣсь язычниковъ увѣровали въ Господа нашего Іисуса Христа, а святая брошена была въ тем-

---

[1]) *Митиленскою страною* называется здѣсь островъ *Лесбосъ*, находящійся на Эгейскомъ морѣ близъ западнаго Мизійскаго берега Малой Азіи и отъ главнаго города названный впослѣдствіи Митиленой.

[2]) *Никомидія*—столица Восточной Римской имперіи, резиденція императора Діоклетіана, великолѣпный городъ въ области Виѳиніи, на берегу Пропонтиды (Мраморнаго моря) въ сѣверо-восточной части Малой Азіи.

[3]) Здѣсь разумѣется зять Діоклетіана *Максиміанъ Галерій*, сперва съ титуломъ кесаря соправитель его на востокѣ Римской имперіи, а потомъ—съ 305 до 311 года и преемникъ его.

[4]) *Виѳиніей* называлась римская провинція въ Малой Азіи, находившаяся на берегу Мраморнаго и Чернаго морей и граничившая на востокѣ съ Пафлагоніей, а на югѣ—съ Галатіей, Фригіей и Мизіей.

ницу. Спустя нѣсколько времени послѣ сего правитель пришелъ на мѣсто суда и, сѣвъ на свое судейское сѣдалище, приговорилъ ее къ смерти. Святая Киріакія попросила у него разрѣшенія помолиться, долго молилась и, давши наставленія сопровождавшимъ ее христіанамъ, преклонилась къ землѣ и мирно скончалась[1]. Когда пришли воины, чтобы исполнить надъ нею судебный приговоръ, то нашли ее уже умершею и пришли отъ этого въ удивленіе. Въ это время послышался съ Неба голосъ, сказавшій имъ:

— Братія! Идите и разскажите все о великихъ дѣлахъ Божіихъ.

Воины послѣ этого возвратились, прославляя Бога.

СТРАДАНІЕ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

ПЕРЕГРИНА, ЛУКІАНА, ПОМПЕЯ, ИСИХІЯ, ПАПІЯ, САТОРНИНА и ГЕРМАНА

Сіи святые мученики были родомъ изъ Италіи и пострадали въ царствованіе императора Траяна[2]. Когда началось гоненіе на христіанъ, они сѣли на корабль и прибыли въ городъ по имени Диррахій[3]. Находясь въ этомъ городѣ и видя, какъ святый епископъ Астій[4] висѣлъ, распятый на крестѣ и обмазанный медомъ, и какъ шершни и мухи жалили его, они прославили его за исповѣданіе Христа. По этому узнали, что они—христіане, и воины тотчасъ же схватили ихъ. На допросѣ они исповѣдали свою вѣру во Христа, и, по повелѣнію анѳипата[5] Агриколая, ихъ посадили на корабль и потопили на глубокомъ мѣстѣ въ морѣ.

---

1) Временемъ кончины святой мученицы Киріакіи, какъ полагаютъ нѣкоторые, былъ 303 годъ, а по мнѣнію преосвященнаго Филарета она скончалась въ 289 году; но, принимая во вниманіе, что судьею св. Киріакіи былъ Максиміанъ Галерій и мученія ея происходили въ Никомидіи, скорѣе надо думать, что она скончалась въ 303 году, въ самомъ началѣ гоненія, воздвигнутаго Діоклетіаномъ.

2) *Траянъ* царствовалъ въ Римской имперіи съ 98 до 117 года. Въ 99 году онъ возобновилъ законъ, запрещавшій тайныя общества. А такъ какъ у язычниковъ составилось уже мнѣніе о христіанахъ какъ о людяхъ, принадлежащихъ къ тайному обществу, и такъ какъ Богослужебныя собранія христіанъ происходили по ночамъ и тайно, то онъ воздвигъ на нихъ гоненіе—какъ на нарушителей упомянутаго закона.

3) *Городъ Диррахій*, иначе *Эпидамнъ*, нынѣ *Дураццо*, находился въ нынѣшней Албаніи на берегу Адріатическаго моря.

4) Память святаго священномученика Астія празднуется 4 іюня.

5) *Анѳипатами* въ Римской имперіи назывались начальники областей.

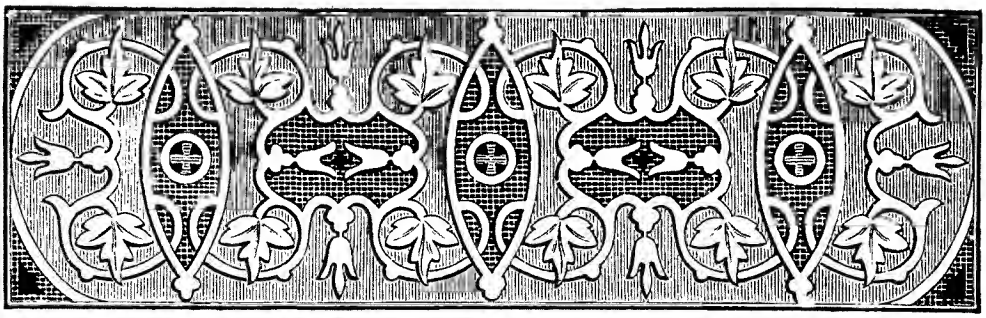
Такъ и скончались святые мученики. Тѣла ихъ выброшены были впослѣдствіи волнами на берегъ и здѣсь же въ пескѣ были погребены. Спустя 90 лѣтъ послѣ сего святые мученики явились Александрійскому епископу и сказали ему:

— Возьми наши тѣла.

Тогда епископъ съ почестями похоронилъ тѣла святыхъ и на мѣстѣ ихъ погребенія построилъ небольшую церковь[1]).

Въ тотъ же день **преставленіе преподобной Евфросиніи**, въ мірѣ Евдокіи, Великой Княгини **Московской**, въ 1407 году.

[1]) Время кончины сихъ святыхъ мучениковъ въ точности неизвѣстно.



День восьмой

СТРАДАНІЕ
СВЯТАГО ВЕЛИКОМУЧЕНИКА
ПРОКОПІЯ

Святый Градъ Іерусалимъ возрастилъ славнаго великомученика Прокопія, который своими родителями былъ названъ не Прокопіемъ, а Неаніемъ; имя же Прокопія святый получилъ послѣ, отъ Самого Христа Господа, при Крещеніи, какъ будетъ видно изъ послѣдующаго. Также и Іерусалимъ въ то время именовался нечестивыми язычниками не Іерусалимомъ, а Эліей. По разрушеніи Іерусалима Титомъ [1]), сыномъ Веспасіана [2]), когда прошло довольно много лѣтъ, Римскій императоръ Адріанъ [3]), которому при рожденіи было дано имя Элій, пожелавъ снова воздвигнуть городъ на мѣстѣ разрушеннаго Іерусалима, наименовалъ его своимъ именемъ—Элія и воспретилъ эту Элію называть Іерусалимомъ. Онъ былъ весьма враждебенъ христіанству и покушался не только истребить съ земли Пресвятое Имя Христово, но хотѣлъ, чтобы предано было совершенному забвенію и то самое мѣсто, гдѣ пострадалъ Христосъ. Поэтому онъ и назвалъ Іерусалимъ Эліей.

Въ томъ городѣ жилъ нѣкоторый славный мужъ, сенаторскаго рода, по имени Христофоръ. Онъ былъ самъ христіаниномъ, но

---

1) *Императоръ Титъ* царствовалъ съ 79 г. по 81 г.

2) *Веспасіанъ* управлялъ Римскою имперіею съ 70 г. по 79 г.

3) *Адріанъ* царствовалъ съ 117 г. по 138 г.

супруга его, Θеодосія, пребывала въ язычествѣ. Отъ нихъ-то и родился Неаній, по рожденіи коего Христофоръ въ скоромъ времени отошелъ ко Господу.

Θеодосія, оставшись вдовою, воспитала отрока въ языческой вѣрѣ и научила его служить идоламъ, такъ какъ сама была усердною служительницей демоновъ. Отрокъ отличался быстрою сообразительностью и, будучи отданъ матерью еллинскимъ учителямъ, скоро прошелъ всѣ свѣтскія науки.

Великомчнкъ Прокопій

Когда онъ достигъ юношескаго возраста и уже сталъ переходить въ возрастъ мужескій, мать захотѣла отдать его царю на военную службу. Въ это время нечестивый Римскій императоръ Діоклетіанъ [1]) прибылъ въ Антіохію Сирійскую, при рѣкѣ Оронтѣ. Θеодосія, узнавъ объ этомъ, пришла съ сыномъ своимъ въ Антіохію и отдала его на царскую службу. Императоръ, видя юношу красиваго собою и высокаго роста и, кромѣ того, узнавши о полученномъ имъ образованіи, весьма полюбилъ его и повелѣлъ ему пребывать въ своихъ царскихъ палатахъ около себя, вмѣстѣ съ другими, ему подобными. Потомъ императоръ въ скоромъ времени сдѣлалъ его воеводою и послалъ съ войскомъ въ египетскій городъ Александрію [2]), чтобы тамъ гнать, мучить и избивать христіанъ, а имѣнія ихъ отбирать въ царскую казну. Неаній же сказалъ императору:

— Слышалъ я о тѣхъ людяхъ, государь, что они чтутъ какого-то Сына Божія, по имени Христа, и что они очень тверды

---

[1]) *Діоклетіанъ* правилъ съ 284 г. по 305 г.

[2]) *Александрія*—знаменитый въ древности городъ, основанный императоромъ Александромъ Македонскимъ (336 г.—323 г. до Р. Хр.) въ Египтѣ, на берегу Средиземнаго моря; славился въ дохристіанскую эпоху какъ центръ науки и торговли; съ нач. IV-го вѣка сталъ однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ христіанской жизни и резиденціей Патріарха.

духомъ, непокорны и дерзостны, готовы до конца стоять за свою вѣру. Они скорѣе умрутъ, чѣмъ оставять своего Христа, и ни за что не станутъ приносить жертвъ нашимъ богамъ. Поэтому я думаю, что намъ не удастся обратить ихъ къ нашей вѣрѣ.

Тогда императоръ разгнѣвался до крайности и началъ такъ хулить Христа Спасителя:

— Богъ ихъ, какъ сами они утверждаютъ, не имѣлъ жены. Какимъ же образомъ Онъ могъ родить Сына? А Тотъ, въ Кого христіане вѣруютъ, рожденъ женою и еврейскимъ народомъ какъ преступникъ осужденъ на смерть, былъ битъ, увѣнчанъ терніемъ, поруганъ, распятъ на крестѣ, напоенъ оцтомъ и желчью и умеръ въ страшныхъ страданіяхъ. Если Онъ былъ Богъ, то почему Онъ не спасъ Себя отъ рукъ евреевъ? И если Себѣ Онъ не помогъ въ бѣдѣ, то можетъ ли оказать помощь кому-нибудь другому?

Таковыя и еще худшія хуленія изрекалъ сынъ погибели! **Сло́во бо кре́стное**, какъ пишетъ божественный Павелъ, **погиба́ющымъ оу҆́бѡ ю҆ро́дство є҆́сть, а҆ спаса́емымъ на́мъ си́ла бж҃їѧ є҆́сть**[1]). Неаній же, убѣжденный рѣчами императора, пошелъ съ двумя отрядами воиновъ въ путь, ему указанный. Но такъ какъ въ то время солнце пекло чрезвычайно сильно и воины, и кони ихъ изнемогали отъ зноя, то приходилось путешествовать ночью, а днемъ—отдыхать. Когда они прошли мимо сирскаго города Апамеи[2]), въ третьемъ часу ночи сдѣлалось землетрясеніе, заблистала молнія, загремѣлъ сильный громъ, такъ что всѣ воины были отъ страха какъ бы мертвыми. Воевода же услышалъ съ Неба голосъ, говорившій ему:

— Неаній! И ты идешь на меня?

Неаній же сказалъ:

— Кто Ты, Господинъ? Я не могу Тебя узнать!

Какъ только онъ это сказалъ, въ воздухѣ показался Крестъ—блестящій какъ хрусталь, и съ Креста послышался голосъ:

— Я—распятый Іисусъ, Сынъ Божій!

Въ трепетѣ Неаній сказалъ:

— Императоръ повѣдалъ мнѣ, что Тотъ Богъ, Котораго почитаютъ христіане, не имѣлъ жены, какъ же Ты—Сынъ Божій? Если же Ты дѣйствительно Сынъ Божій, то какъ осмѣлились іудеи надругаться надъ Тобою, распять Тебя и умертвить?

---

[1]) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 1, ст. 18.

[2]) *Городъ Апамея* находился въ юго-западной части Сиріи, при рѣкѣ Оронтѣ.

И голосъ съ Креста отвѣтилъ ему:

— Я претерпѣлъ это ради людей добровольно, чтобы избавить грѣшниковъ отъ власти діавола, взыскать погибшихъ и оживотворить мертвыхъ. И если бы Я не былъ Сыномъ Божіимъ, то какъ бы, по смерти, Я остался живъ и говорилъ съ тобою?

Послѣ этого Крестъ поднялся на небо и тотчасъ же съ неба послышался Голосъ:

— Этимъ знаменіемъ, какое ты увидѣлъ, побѣждай враговъ твоихъ, и миръ Мой будетъ съ тобою!

Такимъ образомъ Неаній, какъ нѣкогда Савлъ[1]), чрезъ явленіе ему Господа на пути изъ гонителя сдѣлался избраннымъ сосудомъ Господа Іисуса Христа, и отъ того чуднаго видѣнія и отъ сладкой бесѣды съ нимъ Самого Господа онъ почувствовалъ въ своемъ сердцѣ неизреченную радость и духовное веселіе.

Послѣ этого Неаній съ своимъ войскомъ пришелъ въ Скиѳополь[2]) и, призвавши къ себѣ золотыхъ дѣлъ мастера, повелѣлъ ему сдѣлать крестъ, наподобіе того, какой онъ видѣлъ ночью. Мастеръ же отказывался, говоря:

— Я не могу этого сдѣлать, ибо онъ есть знаменіе для галилеянъ, называемыхъ христіанами. Если императоръ узнаетъ объ этомъ, то я погибну страшною смертію.

Неаній требовалъ, чтобы онъ тайно сдѣлалъ крестъ, клянясь ему, что не скажетъ объ этомъ ни царю, ни кому-либо другому. Тогда золотыхъ дѣлъ мастеръ, взявши у воеводы достаточно золота и серебра для указанной цѣли, тайно сдѣлалъ крестъ такого вида и размѣра, какъ указано ему было воеводою. Какъ только крестъ былъ сдѣланъ, внезапно появились на немъ изображенія трехъ лицъ, написанныя невидимою рукою, съ еврейскою надписью: на верхней части—Эммануилъ[3]), а на двухъ сторонахъ—Михаилъ и Гавріилъ[4]). Увидѣвъ это, мастеръ недоумѣвалъ, кто написалъ это, ибо въ комнатѣ, кромѣ него, никого еще не было. Онъ хотѣлъ было особымъ орудіемъ стереть это изображеніе, но не могъ этого сдѣлать, потому что рука его не двигалась и

---

[1]) Исторію обращенія Савла (впослѣдствіи великаго Апостола Павла) можно читать въ кн. Дѣян. Апост. (гл. 9, ст. 1—20).—Память святаго Апостола Павла совершается 29 іюня.

[2]) *Городъ Скиѳополь* находился въ Малой Азіи.

[3]) *Еммануилъ* съ евр. значитъ: «съ нами Богъ». Это наименованіе усвояется св. Пророкомъ Исаіею Господу Іисусу Христу (Кн. Прор. Исаіи, гл. 7, ст. 14).

[4]) *Михаилъ* и *Гавріилъ*—Архангелы.

была какъ сухая. Воевода же, увидя крестъ, спрашивалъ мастера, чьи это лица и для чего они начертаны? Мастеръ съ клятвою увѣрялъ:

— Когда я окончилъ работу, эти лица сами собою изобразились, и я не знаю, чьи они. Я хотѣлъ было стереть ихъ, но не могъ—рука моя оцѣпенѣла.

Тогда Неаній уразумѣлъ, что въ крестѣ заключается нѣкоторая божественная сила; онъ поклонился ему, облобызалъ его и, обвивъ его пурпурною тканью, оставилъ у себя, храня его съ благоговѣніемъ. Теперь уже онъ вооружался не противъ христіанъ, но противъ варваровъ и побѣждалъ ихъ силою Христовой, покоряя ихъ страны. Даже противъ самого́ невидимаго врага—діавола онъ выступилъ на битву и побѣдилъ его своими мужественными, принятыми за Христа, страданіями.

Страданіе его началось такъ. Когда онъ былъ въ своемъ городѣ Іерусалимѣ, въ то время называвшемся Эліей, граждане просили его, чтобы онъ отомстилъ Агарянамъ[1]) за причиняемыя ими обиды. Эти Агаряне нападали на ту страну и, рыская кругомъ города, похищали тѣхъ, кто случайно находился внѣ города, а болѣе всего притѣсняли женщинъ, коихъ брали себѣ въ жены. То же самое дѣлали они и въ окрестныхъ селеніяхъ. Храбрый воинъ Христовъ, вооруженный силою Святаго Креста, смѣло выступилъ съ своимъ войскомъ и погнался за Агарянами, молясь въ сердцѣ своемъ такъ:

«Помоги мнѣ, надежда моя, Христе Боже!»

И былъ къ нему Голосъ съ Неба:

— Надѣйся, Неаній, ибо Я, Господь Богъ твой, съ тобою!

Услышавъ этотъ Голосъ, воевода сталъ еще смѣлѣе и нанесъ врагамъ жестокое пораженіе, причемъ отнялъ у нихъ всѣхъ плѣнниковъ: во время битвы той погибло шесть тысячъ Агарянъ, изъ воиновъ же Неанія не было ни одного ни раненаго, ни убитаго. И послалъ Неаній впередъ вѣстниковъ къ своей матери съ извѣстіемъ о побѣдѣ надъ врагами, что весьма обрадовало его мать. Она съ радостію встрѣтила его, когда онъ съ торжествомъ и добычею вернулся въ городъ; и когда онъ вошелъ въ домъ, сказала ему:

---

[1]) *Агаряне*—мусульмане, арабы, называвшіеся такъ по имени Агари, наложницы Авраама, матери Измаила, отъ котораго и произошло племя Арабовъ.

— О милое мое чадо! Когда ты вышелъ на битву, я, взявши въ руки кадильницу и ѳиміамъ, вошла къ богамъ и молилась имъ за тебя, чтобы они помогли тебѣ. И вотъ теперь ты, съ ихъ помощію, оказался побѣдителемъ! Поэтому войди къ нимъ и возблагодари ихъ, чтобы они помогали тебѣ и на будущее время.

Неаній отвѣчалъ ей:

— Хорошо поступила ты, мать моя, молясь за меня, но мнѣ помогъ мой Богъ.

Мать сказала тогда:

— Не говори, чадо, объ одномъ богѣ, чтобы не разгнѣвались и не отвернулись отъ тебя другіе боги.

Неаній же сказалъ ей:

— Не обольщайся, мать, идольскимъ многобожіемъ. Какъ бы они могли оказать мнѣ помощь, будучи сами бездыханны? Если же они мнѣ помогли, то спросимъ ихъ,—пусть они скажутъ намъ о томъ, и тогда мы убѣдимся въ ихъ силѣ.

Сказавши это, онъ вошелъ въ опочивальню матери, гдѣ были золотые и серебряные идолы, и сказалъ, обращаясь къ нимъ:

— Вамъ говорю я, мнимые боги, скажите намъ: кто мнѣ помогъ въ сраженіи?

Идолы же молчали, и какъ бы они могли отвѣчать, будучи нѣмыми? Тогда Неаній сказалъ матери:

— Вотъ, видишь, мать, каковы твои боги. Если и одного слова они сказать не могутъ, то какъ могутъ они оказать кому-нибудь помощь?

Мать же сказала:

— Потому не отвѣчаютъ тебѣ боги, что ты съ насмѣшкою спрашиваешь ихъ.

Но Неаній сказалъ:

— Спроси ихъ въ такомъ случаѣ ты сама: они тебѣ должны отвѣтить — какъ своей усердной служительницѣ.

Та, съ великимъ благоговѣніемъ подойдя къ нимъ и преклонивши колѣна, сказала:

— О всемогущіе боги! Великій Зевсъ[1]) и ты, царица Гера[2]), и владыка моря Посейдонъ, и солнцеобразный Аполлонъ[3]), и ты,

---

[1]) *Зевсъ* — верховный богъ древнегреческой религіи, считавшійся родоначальникомъ прочихъ боговъ и людей.

[2]) *Гера* — старшая дочь Кроноса и Реи — одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ древнегреческой миѳологіи. Она считалась супругой Зевса и царицею боговъ.

[3]) *Аполлонъ* съ греч. — *губитель*. Этотъ богъ изображался у Грековъ обыкновенно съ лукомъ, колчаномъ и стрѣлами — какъ врагъ и побѣдитель темныхъ силъ.

защитница города Паллада[1]), и прочіе боги! Молю васъ, скажите намъ, вы ли помогли рабу вашему, моему сыну, въ сраженіи?

Но отвѣта отъ нихъ не было.

Тогда блаженный Неаній, держа въ рукѣ крестъ, исполнился божественною ревностію, снявъ верхнюю одежду и отстранивъ мать отъ идоловъ, началъ ихъ разбивать, ударяя о землю и попирая ногами, а затѣмъ, раздробивъ ихъ на куски, роздалъ то золото и серебро нищимъ. Мать же, при видѣ этого, чрезвычайно разгнѣвалась и, забывши естественную любовь къ своему сыну, поспѣшила въ Антіохію къ императору Діоклетіану и въ слезахъ жаловалась ему на сына, который и боговъ ея разбилъ, и ей не оказалъ подобающей чести, отстранивъ ее отъ боговъ. Императоръ же успокаивалъ ее, внушая ей надежду на то, что или ласкою, или угрозами они смогутъ обратить сына ея къ прежней вѣрѣ въ боговъ.

— Если же,—сказалъ императоръ,—онъ не обратится, то погибнетъ за свои преступленія злой смертію, а ты, кого захочешь, выберешь въ сыновья себѣ изъ моей свиты.

И тотчасъ же императоръ написалъ правителю Палестины Іусту, который былъ родомъ изъ Италіи, человѣку жестокому, чтобы тотъ въ присутствіи знатныхъ людей изъ окрестныхъ городовъ обратился къ воеводѣ Неанію, сыну Ѳеодосіи, уклонившемуся въ христіанскую вѣру, съ увѣщаніемъ — то дружескимъ, то грознымъ—снова обратиться къ богамъ; если же онъ не послушается, то приказалъ мучить его безъ пощады. Въ этомъ письмѣ заключались хуленія на Христа.

Правитель Іустъ, получивъ царскій указъ, собралъ избранныхъ изъ городовъ Палестины мужей и самъ отправился въ Элію къ воеводѣ, которому, послѣ привѣтствія, вручилъ царское письмо. Воевода же, когда прочиталъ письмо и написанныя въ немъ хулы противъ Господа нашего, то не вытерпѣлъ и, разорвавъ письмо на мелкія части, бросилъ ихъ на воздухъ, говоря:

— Я—христіанинъ, ты же исполни, что̀ тебѣ приказано.

Правитель сказалъ тогда:

— И императора я боюсь, и тебя какъ друга совѣщусь и жалѣю тебя! Я не знаю, что мнѣ дѣлать! Но послушай меня и этихъ почтенныхъ мужей и, въ нашемъ присутствіи, принеси

[1]) *Паллада*, или *Аѳина*, считалась у древнихъ Грековъ богиней-покровительницей браковъ и семейнаго благополучія.

жертву богамъ. Если же ты этого не сдѣлаешь, то поневолѣ я долженъ буду исполнить повелѣніе.

Тогда Неаній сказалъ правителю:

— Ты къ дѣлу упомянулъ о жертвѣ: — вотъ, я приношу въ жертву себя самого Христу, моему Богу.

Съ этими словами онъ снялъ съ себя поясъ, положенный ему по его сану, и бросилъ его правителю въ лицо, отказываясь отъ царской службы для того, чтобы быть воиномъ Царя Небеснаго, и обличая языческое невѣріе. Правитель же и пришедшіе съ нимъ мужи во гнѣвѣ схватили его и увели въ Кесарію Палестинскую[1]), называвшуюся Филипповой, а также Севастіей Панеадой, въ которой нѣкогда было поставлено изваяніе, изображавшее Христа, сдѣланное по просьбѣ кровоточивой женщины, исцѣлившейся отъ прикосновенія къ одеждѣ Господней[2]). Тамъ правитель, возсѣвши на открытомъ для всего народа мѣстѣ, поставилъ Неанія на допросъ. Увидѣвъ его, граждане, умы коихъ были помрачены языческимъ нечестіемъ, какъ бы пьяные или бѣсноватые стали кричать правителю:

— Это—врагъ и истребитель нашихъ боговъ, презирающій повелѣнія императора!

Правитель же, уже и самъ будучи человѣкомъ весьма свирѣпымъ, сталъ еще жесточе отъ криковъ толпы народной. Тотчасъ онъ повелѣлъ обнажить и повѣсить Неанія на мѣстѣ пытки и потомъ строгать желѣзными когтями тѣло его. Чрезъ это у Неанія тѣло отпадало кусками, и стали видны голыя кости. Нѣкоторые изъ зрителей, при видѣ такихъ страданій, жалѣли о молодости мученика и плакали о немъ. Мученикъ же, видя ихъ слезы, сказалъ имъ:

— Плачьте не о мнѣ, а о погибели душъ вашихъ; ибо того нужно оплакивать, кому предстоитъ безконечно мучиться въ аду.

Потомъ возведя очи къ Небу, онъ такъ молился:

— Боже! Укрѣпи меня, раба Твоего, на посрамленіе врагу и во славу Пресвятаго Твоего Имени!

Когда палачи утомились, мученикъ былъ снятъ, по повелѣнію правителя, съ пытки и брошенъ былъ въ темницу. Стражъ же темничный, по имени Терентій, помня объ одномъ, оказанномъ

---

[1]) Эта Кесарія находилась у истоковъ Іордана. Ее слѣдуетъ отличать отъ другой Кесаріи, тоже палестинской, но расположенной на берегу Средиземнаго моря.

[2]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 9, ст. 20—22.

ему Неаніемъ благодѣяніи, сжалился надъ нимъ, подостлалъ ему сѣна и покрылъ полотенцемъ. И мученикъ едва живымъ лежалъ въ темницѣ.

Въ полночь въ городѣ началось землетрясеніе—это Богъ съ Ангелами Своими пришелъ посѣтить раба Своего. Въ темницѣ засіялъ необыкновенный свѣтъ, двери темничныя открылись, и со всѣхъ узниковъ, тамъ находившихся, спали оковы. Тогда явились два Ангела въ видѣ прекрасныхъ юношей и сказали мученику:

— Воззри на насъ.

Мученикъ же, обративъ къ нимъ свой взоръ, сказалъ:

— Кто вы?

Тѣ отвѣчали:

— Мы—Ангелы, посланные къ тебѣ отъ Господа.

Мученикъ же сказалъ имъ:

— Если вы—Ангелы Господни, то поклонитесь при мнѣ Господу и осените себя крестнымъ знаменіемъ, чтобы я повѣрилъ вамъ.

Ангелы тотчасъ исполнили его желаніе и сказали:

— Итакъ, вѣрь, что насъ послалъ къ тебѣ Господь.

Мученикъ сказалъ:

— Знаю, что когда три отрока были брошены въ печь Вавилонскую, то къ нимъ былъ посланъ отъ Господа Ангелъ[1]), чтобы остудить жаръ огня. Но что̀ такое сдѣлалъ я? Или развѣ я брошенъ въ огонь, что признанъ достойнымъ ангельскаго посѣщенія?

Когда мученикъ со смиреніемъ говорилъ эти слова, внезапно явился ему Самъ Господь Іисусъ Христосъ въ неизреченной славѣ и, прикоснувшись мученику, исцѣлилъ его отъ ранъ и поставилъ на ноги вполнѣ здоровымъ. Затѣмъ Онъ окрестилъ его водою и сказалъ:

— Теперь уже ты будешь называться не Неаніемъ, а Прокопіемъ[2]). Мужайся и крѣпись, ибо ты совершишь великія дѣла и приведешь къ Отцу Моему большое стадо.

Прокопій же, радуясь и ужасаясь, палъ на землю, поклонился Господу, молясь, чтобы Онъ укрѣпилъ его въ страданіяхъ, дабы ему не убояться лютыхъ мученій. Господь сказалъ ему:

— Не бойся—Я съ тобою!

Сказавъ это, Онъ восшелъ на Небеса.

---

[1]) Кн. Прор. Дан., гл. 3.

[2]) *Прокопій* съ греч. *преуспѣвающій*.

Святый же Прокопій съ того дня, какъ явился ему Господь, имѣлъ въ сердцѣ несказанную радость духовную и былъ полонъ небеснаго восторга. И тѣло его стало столь здорово, что на немъ не осталось и слѣда бывшихъ прежде ранъ. Онъ **оу҆пова҆** на Господа, **и҆ помо́же** ему **и҆ процвѣтѐ пло́ть** его[1]).

На другой день послѣ этого явленія рано утромъ правитель послалъ одного изъ воиновъ въ темницу узнать, живъ ли мученикъ. Онъ полагалъ, что тотъ уже умеръ отъ вчерашнихъ лютыхъ истязаній. Темничный стражъ Терентій сказалъ воину, что онъ не спалъ всю ночь и что въ полночь въ темницѣ происходило что-то необыкновенно страшное, а именно: произошло землетрясеніе, засіялъ чудный свѣтъ, открылись двери и съ узниковъ спали оковы, а съ Неаніемъ бесѣдовали какіе-то, сіявшіе необыкновеннымъ свѣтомъ, мужи. Воинъ, нагнувшись къ темницѣ, закричалъ мученику:

— Живъ ли ты, Неаній?

Святый отвѣчалъ:

— Живъ и здоровъ, по благодати Бога моего.

Воинъ сказалъ:

— Мнѣ тебя не видно.

Святый отвѣчалъ:

— Всякій, убѣгающій отъ Свѣта Божія и служащій демонамъ, слѣпъ и ходитъ въ темнотѣ, не зная, куда идетъ.

Воинъ же пошелъ къ правителю и сообщилъ ему о томъ, что̀ слышалъ. Правитель сѣлъ тогда на судилищномъ мѣстѣ и снова вызвалъ Христова мученика къ допросу. Всѣ глядѣли на него и видѣли его свѣтлое лицо и здоровое и бѣлое тѣло, какъ будто никогда не носившее ранъ. Многіе изъ присутствовавшихъ на судѣ въ удивленіи восклицали:

— Богъ Неанія! Помоги намъ!

Правитель же, вставши съ своего судейскаго мѣста и давши народу знакъ къ молчанію, воскликнулъ громкимъ голосомъ:

— Братья! Почему вы удивляетесь, видя Неанія здоровымъ? Боги умилосердились надъ нимъ и исцѣлили раба своего.

Святый тогда сказалъ ему:

— Хорошо ты сказалъ, что я исцѣленъ милосердіемъ Божіимъ; но если ты полагаешь, что это чудесное исцѣленіе совершено

---

[1]) Псал. **27**, ст. 7.

силою твоихъ боговъ, то пойдемъ къ нимъ въ храмъ, чтобы узнать, какой именно богъ исцѣлилъ меня.

Правитель, думая, что мученикъ хочетъ поклониться богамъ, весьма обрадовался и повелѣлъ убрать цвѣтами путь отъ суда къ капищу и поставить по дорогѣ красивыя покрывала. Глашатай же съ возвышеннаго мѣста восклицалъ:

— Неаній, сынъ благородной женщины Θеодосіи, раскаялся, обратился къ богамъ и идетъ принести имъ жертву.

Язычники, слыша это, радовались; тѣ же, кто втайнѣ исповѣдывали Христа, скорбѣли. Множество народу съ женами и дѣтьми собралось на зрѣлище.

Торжественно шелъ къ языческому храму правитель съ святымъ Прокопіемъ и со всѣми знатными мужами. Войдя туда, святый тайно помолился Христу Богу, сотворилъ предъ идолами въ воздухѣ крестное знаменіе и сказалъ:

— Вамъ говорю, нечистые идолы, убойтесь Имени Бога моего и силы Святаго Креста: падите съ мѣстъ вашихъ и сокрушитесь, разлейтесь, какъ вода!

И идолы тотчасъ пали всѣ, и отъ ихъ паденія произошелъ большой шумъ. Они раздробились на части и, что еще удивительнѣе, весь матеріалъ, изъ какого они были сдѣланы, превратился, по велѣнію Божію, въ простую воду, и все капище наполнилось водою, которая цѣлымъ потокомъ устремилась въ двери капища.

Это чудо весьма удивило всѣхъ, и многіе восклицали:

— Богъ христіанскій! Помоги намъ!

Правитель же, изумленный происшедшимъ, отъ ужаса не зналъ что̀ дѣлать, но потомъ, прійдя въ себя, повелѣлъ отвести мученика въ темницу, а самъ съ великою скорбію пошелъ домой.

Позднимъ вечеромъ къ темницѣ, гдѣ былъ заключенъ святый, пришли два отряда воиновъ съ двумя своими начальниками, Никостратомъ и Антіохомъ, и умоляли святаго, чтобы онъ причислилъ ихъ къ воинству Христа, Царя Небеснаго. Святый же Прокопій сталъ просить темничнаго стража, Терентія, чтобы онъ позволилъ ему на нѣкоторое время выйти изъ темницы; стражъ разрѣшилъ ему это, хорошо зная, что тотъ, кто самъ хочетъ пострадать за Христа, не убѣжитъ. Святый, выйдя на свободу, повелъ тѣхъ воиновъ къ епископу того города Леонтію, который, изъ страха преслѣдованій, скрывался въ одномъ мѣстѣ. Найдя его, Прокопій попросилъ его окрестить воиновъ и самъ снова вернулся въ тем-

ницу. Епископъ въ ту же ночь совершилъ оглашеніе[1]) надъ тѣми воинскими отрядами, окрестилъ ихъ и пріобщилъ ихъ Божественныхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовой. Когда они послѣ этого подошли къ темницѣ, святый мученикъ сталъ учить ихъ истинамъ святой вѣры и исповѣданію Имени Іисуса Христа и утвердилъ ихъ настолько, чтобы они могли безбоязненно и мужественно претерпѣвать страданія.

Когда наступилъ день и правитель, по обычаю, пришелъ на мѣсто, гдѣ публично производился судъ, предъ нимъ явились тѣ воины. Они громко прославляли Христа, объявляя себя христіанами и выражая готовность идти за Христа на страданія и смерть. Правитель же, видя столько воиновъ, смѣло идущихъ на смерть за Христа, былъ пораженъ удивленіемъ и ужасомъ и долго убѣждалъ ихъ отпасть отъ Христа и снова обратиться къ богамъ. Когда же онъ увидѣлъ, что тѣ остаются непреклонными, то приговорилъ ихъ къ смерти чрезъ усѣченіе мечомъ. И выведены были они изъ города на мѣсто казни, гдѣ для совершенія надъ ними приговора было собрано большое число палачей. Выведенъ былъ туда и святый Прокопій, въ оковахъ, чтобы устрашить его видомъ казни такого большого числа воиновъ. Но онъ, взирая на ихъ подвигъ, радовался духомъ и молился за нихъ Христу Богу, чтобы Онъ до конца подкрѣплялъ ихъ и чтобы души ихъ принялъ въ Свое Небесное Царство. Тогда палачи съ другими нечестивыми воинами окружили тѣ два отряда увѣровавшихъ во Христа и изрубили ихъ мечами, причемъ погибли и оба начальника тѣхъ отрядовъ, Никостратъ и Антіохъ. Такъ новые воины Царя Христа, положивъ за Него свою жизнь, перешли съ торжествомъ отъ земли на Небо. Нѣкоторый же знатный благотворитель, по имени

---

[1]) *Оглашеніе*—изустное наставленіе въ истинахъ христіанской вѣры, преподававшееся въ древней Церкви всѣмъ, желавшимъ приступить къ Таинству Св. Крещенія. Имѣя право входа въ храмъ для слушанія Священнаго Писанія и поученій и даже присутствовать при первой и второй частяхъ Литургіи («Проскомидія» и «Литургія оглашенныхъ»), оглашенные предъ наступленіемъ третьей, самой важной части Литургіи («Литургіи вѣрныхъ») должны были немедленно выходить изъ храма, о чемъ и оповѣщалось діакономъ возгласомъ, и доселѣ сохранившимся въ Православной Церкви при совершеніи Литургіи. Срокъ оглашенія былъ не одинаковъ; многіе пребывали оглашенными въ продолженіе всей жизни. Въ случаѣ необходимости срокъ оглашенія сокращался до нѣсколькихъ дней или даже нѣсколькихъ часовъ.—Церковный обрядъ оглашенія и доселѣ совершается въ Православной Церкви; онъ состоитъ въ прочтеніи извѣстныхъ молитвъ надъ приступающимъ ко Крещенію и произнесеніи заклинанія на діавола; при этомъ приступающій ко Крещенію открекается сатаны, сочетавается Христу и исповѣдуетъ свою вѣру чтеніемъ Символа Вѣры (при крещеніи младенцевъ это дѣлается ихъ воспріемниками).

Евлалій, ночью, со множествомъ вѣрующихъ, собралъ тѣла мучениковъ и предалъ ихъ погребенію; святый же Прокопій по-прежнему находился въ узахъ.

Когда мученикъ Христовъ пребывалъ въ темницѣ, къ нему пришли двѣнадцать благородныхъ женщинъ и сказали черезъ оконце святому:

— Мы—рабыни Христовы!

Донесено было объ этомъ правителю, и правитель тотчасъ же повелѣлъ посадить ихъ въ темницу, войдя въ которую онѣ радостно говорили:

— Прими насъ, Господи, въ Свой небесный чертогъ!

Войдя внутрь темницы, онѣ поклонились святому Прокопію, который сталъ учить ихъ святой вѣрѣ, божественной любви ко Христу и теплой молитвѣ къ Богу.

Спустя нѣкоторое время правитель, возсѣвши на обычномъ мѣстѣ для производства суда, повелѣлъ вывести изъ темницы тѣхъ честныхъ женъ и представить къ нему на судъ. На мѣсто допроса явилась и мать Прокопія, Ѳеодосія, желая видѣть, какъ будутъ держать себя на допросѣ тѣ женщины. Когда онѣ были представлены на судъ, правитель сказалъ имъ:

— Согласитесь ли вы принести жертвы богамъ, чтобы быть въ почетѣ у насъ, или же, оставаясь при своемъ упорствѣ, вы захотите подвергнуть себя лютой гибели?

Святыя жены отвѣчали:

— Почетъ, какой ты намъ обѣщаешь, пусть погубитъ тебя самого, а мы—рабыни Христа Распятаго, Который вывелъ насъ изъ погибели. Онъ намъ—честь и слава!

Разгнѣванный правитель повелѣлъ каждую изъ этихъ женщинъ растянуть на землѣ и бить нещадно палками. Затѣмъ онѣ были повѣшены на мѣстѣ мученія нагія, и ребра ихъ жгли огнемъ, тогда какъ онѣ молились Христу Богу, призывая Его на помощь. Потомъ правитель повелѣлъ отрѣзать имъ сосцы, говоря:

— Поможетъ ли вамъ Распятый, на Коего вы надѣетесь?

Женщины отвѣчали:

— Онъ уже помогъ намъ, какъ самъ видишь, человѣконенавистный мучитель! Вотъ мы—женщины—побѣждаемъ тебя, могущественнаго правителя, пренебрегая назначаемыми намъ тобою мученіями.

Мучитель еще сильнѣе распалился гнѣвомъ и повелѣлъ раскаленнымъ докрасна желѣзомъ обжигать имъ пахи. Онъ говорилъ:

— Чувствуете ли, какъ жжетъ огонь, или нѣтъ?

Святыя жены отвѣчали:

— Это ты почувствуешь боль отъ огня, когда будешь ввергнутъ въ неугасающій адскій огонь. Съ нами же здѣсь предстоитъ нашъ Помощникъ—Господь, Котораго ты не видишь,—какъ слѣпые, не видящіе солнца.

Когда святыя жены страдали такъ, Ѳеодосія, мать святаго Прокопія, стоя посреди народа и взирая на мужество и терпѣніе тѣхъ женъ, горько плакала. Потомъ, когда въ ея душѣ возсіялъ свѣтъ истиннаго познанія, она исполнилась ревностію о Богѣ и, подойдя къ правителю, воскликнула:

— И я—раба Распятаго Христа Бога!

Такое обращеніе случилось съ нею по молитвамъ святаго великомученика Прокопія, который все время молился о томъ Богу.

Правитель и всѣ его окружавшіе, а также и весь народъ, услышавъ, какъ благородная Ѳеодосія, мать Неанія, дерзновенно исповѣдуетъ Христа, чрезвычайно удивились происшедшей въ ней перемѣнѣ,—какъ она могла пренебречь своимъ высокимъ положеніемъ, богатствомъ и знатностью и безбоязненно идти на мученія. Правитель сказалъ ей:

— Госпожа Ѳеодосія! Кто прельстилъ тебя оставить отеческихъ боговъ и говорить такія рѣчи?

Она же отвѣчала:

— Я вовсе не чувствую себя прельщенною и обманутою. Прежде я дѣйствительно находилась въ заблужденіи, будучи прельщаема демонами, когда вмѣсто Истиннаго Бога, сотворившаго небо и землю, я кланялась мерзкимъ идоламъ—дѣлу рукъ человѣческихъ.

Правитель, указывая перстомъ на мучимыхъ женщинъ, сказалъ Ѳеодосіи:

— Эти обманщицы, какъ видно, прельстили тебя?

Она же отвѣчала:

— Онѣ не прельстили, но научили меня своими страданіями познать Истину. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, онѣ могли въ такихъ мукахъ оставаться мужественными, если бы Тотъ, Кто укрѣпляетъ ихъ, не былъ Истиннымъ Богомъ? Итакъ, не онѣ обманщицы, но ты самъ обманщикъ, ведущій во тьму и заблужденіе и влекущій людей на погибель!

Правитель сказалъ:

— Одумайся, Θеодосія, и испроси себѣ прощенія у боговъ. И мы помолимся имъ о тебѣ, чтобы они простили тебѣ этотъ твой грѣхъ.

Она же отвѣчала:

— Я прошу прощенія у Распятаго Христа за прежнее свое неразуміе и за содѣланные мною дурные поступки.

Разгнѣванный правитель повелѣлъ посадить ее въ темницу вмѣстѣ съ тѣми, подвергшимися истязаніямъ, женщинами.

Когда Θеодосія вошла въ темницу, ее увидѣлъ сынъ ея, святый Прокопій, и весьма обрадовался.—онъ уже духомъ узналъ объ ея обращеніи ко Христу,—и сказалъ ей радостно:

— Госпожа, мать моя! Зачѣмъ ты пришла сюда и изъ-за чего оставила ты боговъ своихъ?

Она же сказала ему:

— Милое мое чадо! Я теперь знаю Истину. Смотрѣла я на святыхъ женщинъ-страдалицъ и размышляла: какъ возможно было бы, чтобы слабыя женщины перенесли столь тяжкія мученія, если бы ихъ не укрѣплялъ Тотъ Христосъ, за Котораго онѣ страдаютъ? А если бы Христосъ не былъ Всемогущимъ Богомъ, то какъ бы Онъ могъ подкрѣпить страдающихъ за Него? Когда я размышляла такъ, сердце мое почувствовало глубокое умиленіе, и какой-то лучъ возсіялъ въ моемъ умѣ. Я поняла ничтожество боговъ и увѣровала, что Истинный Богъ—Единъ, Котораго исповѣдуешь ты, и святыя женщины, и прочіе мученики.

Тогда сказалъ ей святый Прокопій:

— Блаженна ты, госпожа, мать моя, такъ какъ сподобилась отъ Бога такого просвѣщенія и такъ какъ пришла за это сюда, въ эту темницу!

И пребывала святая Θеодосія въ темницѣ, прислуживая святымъ женщинамъ. Чистымъ полотномъ она отирала ихъ кровавыя раны и прикладывала врачебные пластыри къ ихъ язвамъ, такъ какъ она была обучена врачебному искусству. А святый Прокопій училъ свою мать святой вѣрѣ. Тою же ночью онъ взялъ ее и повелъ къ епископу Леонтію, который и окрестилъ ее во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, потомъ снова возвратился въ темницу, радуясь и прославляя Бога за ея просвѣщеніе.

Послѣ этого святыя жены съ Θеодосіей были выведены изъ темницы и представлены на нечестивое судилище. Правитель сказалъ Θеодосіи:

— Знай, благородная женщина, что я щажу тебя и не хочу отдать тебя на позоръ и мученія. Итакъ, одумайся и призови милосердныхъ боговъ, чтобы сподобиться отъ нихъ—прощенія, а отъ насъ—большей чести!

Святая отвѣчала:

— Безумный и несмысленный человѣкъ! Ужели тебѣ не стыдно называть богами изваянныхъ кумировъ? Если въ томъ большое достоинство, когда человѣкъ, по мѣрѣ силъ своихъ, старается добрыми дѣлами уподобиться Богу, то и вамъ также слѣдуетъ уподобляться вашимъ богамъ—идоламъ, то есть быть слѣпыми, глухими, нѣмыми, не двигающими ни руками, ни ногами, каковыми являются и боги ваши.

На эти слова ея правитель разгнѣвался и повелѣлъ ее бить по устамъ, а потомъ, растянувши по землѣ, подвергнуть палочнымъ ударамъ и затѣмъ желѣзными когтями строгать ея тѣло. Прочія же святыя женщины, взирая на ея страданія, молились за нее Богу, чтобы Онъ укрѣпилъ ее, и пѣли слѣдующіе стихи изъ Псалма, какимъ научилъ ихъ святый Прокопій:

— **Прїиди́те, возра́дꙋемсѧ гдⷭ҇еви, воскли́кнемъ бг҃ꙋ, сп҃си́телю на́шемꙋ**[1]): ибо Онъ **на́мъ прибѣ́жище и҆ си́ла, помо́щникъ въ ско́рбехъ, ѡ҆брѣ́тшихъ ны̀ ѕѣлѡ̀**[2]).

Правитель же, слыша это, повелѣлъ сокрушать святымъ женамъ челюсти оловянными прутьями, а потомъ связать тѣхъ мученицъ вмѣстѣ со святой Ѳеодосіей одною желѣзною цѣпью, вывести вонъ изъ города и предать усѣченію мечомъ.

Жены съ веселіемъ и радостью пошли на смерть, какъ на брачный пиръ, положили за Христа Бога свои головы и сподобились Небеснаго чертога.

По кончинѣ ихъ святый Прокопій снова былъ поставленъ на судъ и правитель сказалъ мученику, рыкая, какъ левъ:

— Доволенъ ли ты, нечестивецъ, погибелью столькихъ душъ?

Святый отвѣчалъ:

— Я не погубилъ ихъ, а избавилъ отъ гибели и привелъ отъ смерти къ жизни.

И повелѣлъ правитель бить его желѣзною перчаткою по устамъ и раздирать ему лицо желѣзными когтями, такъ что у него лилась кровь, обагряя землю. Потомъ мученика били свинцовыми прутьями

[1]) Псал. **94**, ст. 1.

[2]) Псал. **45**, ст. 2.

по выѣ, но онъ, несмотря на такія мученія стоялъ неподвижно, какъ столпъ.

Послѣ этого правитель, приказавъ бросить мученика въ темницу, съ огорченіемъ пошелъ домой: ему было стыдно и досадно, что онъ не въ силахъ былъ одолѣть страстотерпца Христова. Отъ печали онъ не сказалъ въ тотъ день ни съ кѣмъ ни одного слова, а потомъ заболѣлъ горячкою, слегъ въ постель и въ ту же ночь умеръ, предавъ душу свою демонамъ, которымъ онъ служилъ съ такимъ усердіемъ.

Проповѣдь же о Христѣ все болѣе и болѣе распространялась, и ежедневно множество мужей и женъ присоединялись къ Христовой вѣрѣ благодаря ученію и чудесамъ святаго Прокопія. Когда онъ находился въ темницѣ, къ нему многіе приносили больныхъ, и онъ исцѣлялъ ихъ благодатію Христовой и отгонялъ нечистыхъ духовъ отъ людей, а чрезъ это язычники обращались къ истинной, христіанской вѣрѣ.

Послѣ смерти правителя Іуста въ Палестину прибылъ отъ императора Діоклетіана другой правитель, по имени Флавіанъ, также родомъ изъ Италіи, но еще болѣе свирѣпый, чѣмъ первый. Прибывши въ Кесарію Палестинскую и узнавъ о мученикѣ Прокопіи, онъ тотчасъ потребовалъ его къ себѣ на судъ и допрашивалъ о его имени, родѣ и вѣрѣ. Произнося хуленія на Христа, Бога нашего, нечестивецъ этотъ говорилъ мученику:

— Дивлюсь я, что вы, христіане, признавая, что Богъ вашъ рожденъ отъ жены и распятъ людьми, поклоняетесь Ему. Не безуміе ли это?

Мученикъ Христовъ отвѣчалъ:

— Если хочешь терпѣливо выслушать меня, правитель, то я покажу тебѣ, что ваши же книги свидѣтельствуютъ о нашемъ Богѣ. Прежде всего скажу я, что единъ есть Богъ Истинный, неизмѣнный по природѣ, безстрастный, предвѣчный и вѣчный; а тѣ—не боги, которыхъ много, которые подлежатъ страданіямъ и измѣненіямъ, явились въ извѣстное время и, что можно сказать о нѣкоторыхъ изъ нихъ, уже покончили свое жалкое существованіе. Не знакомъ ли тебѣ вашъ Ермій[1]), прозванный Трисмегистомъ, то есть трижды великимъ, а также и Сократъ[2]), которые утверждаютъ, что Богъ одинъ, а не много боговъ? Во-первыхъ,

[1]) *Эрмій Трисмегистъ*—полумиѳическое лицо древнегреческой исторіи.

[2]) *Сократъ*—знаменитѣйшій древнегреческій философъ, жившій въ V вѣкѣ до Р. Хр.

послушай, что пишетъ Ермій къ врачу Асклепіаду[1]): «Владыка и Создатель всего — Тотъ, Кого мы называемъ Богомъ, создалъ этотъ видимый и чувственный міръ. И такъ какъ созданный Имъ первый и единственный міръ показался Ему прекраснымъ и полнымъ всякихъ благъ, то Онъ любовался имъ и возлюбилъ какъ Свое порожденіе».—Смотри же, правитель, вашъ Ермій признаетъ бытіе только Единаго Бога, а не многихъ! И если бы боговъ было много, то не существовало бы единой предвѣчной божественной природы, но много природъ, появляющихся въ извѣстные сроки. Ибо вы объ однихъ богахъ говорите, что они существовали раньше, о другихъ—что они явились позже: одинъ у васъ — богъ неба, другой—богъ моря, да и вообще всѣ видимыя вещи имѣютъ своихъ боговъ—покровителей. Не за то ли и Сократъ вашъ былъ присужденъ аѳинянами выпить ядъ, что онъ отрицалъ многихъ боговъ? А эти ваши безсмертные боги и прежде всего Зевсъ — отецъ боговъ, отцеубійца и мужъ своей единоутробной сестры, развѣ онъ жилъ не въ Критѣ?[2]) Не показываютъ ли и доселѣ тамъ его гробницу? А вашъ Посейдонъ не былъ ли начальникомъ разбойниковъ, хищникомъ и губителемъ? И гробница его развѣ не находится въ Калабріи?[3]) Какъ же вы называете своихъ боговъ безсмертными, когда они умерли какъ обыкновенные люди, когда показываютъ ихъ гробницы, и всѣ ихъ злыя дѣла римскіе и греческіе писатели хорошо знаютъ? Таковы-то боги ваши, которыхъ не только христіане, а даже ихъ почитатели обличаютъ и хулятъ! Если же ты о Христѣ Спасителѣ, Богѣ нашемъ, сказалъ, что Онъ былъ рожденъ женщиною и потомъ распятъ, то послушай о тѣхъ таинственныхъ откровеніяхъ, какія имѣются о Немъ въ вашихъ же книгахъ. Вѣдь это ваша предсказательница, называемая Сивиллою[4]) (та самая, чьи книги римскій царь

---

[1]) *Асклепіадъ*—знаменитый древнегреческій врачъ.

[2]) *Островъ Критъ* (или *Кандія*) находится въ центральной части Средиземнаго моря, къ югу отъ Эгейскаго моря.

[3]) *Калабрія*—дикая гористая страна, находившаяся въ юго-западной части Италіи.

[4]) *Сивиллами* въ Древней Греціи назывались странствующія предсказательницы, которыя предлагали каждому желающему угадывать будущее и предсказывать судьбу. Дѣятельность Сивиллъ особенно процвѣтала въ VIII и VII вв. до Р. Хр.—времени сильнаго культурнаго подъема Греціи. Греческіе историки упоминаютъ о Сивиллахъ Эрифрской, Фригійской, Геллеспонтской и др. Болѣе всего свѣдѣній имѣется о Кумской Сивиллѣ, которая, по преданію древнихъ Грековъ, жила тысячу лѣтъ и была современницей Тарквинія Гордаго (жилъ за VI в. до Р. Хр.). Эта именно Сивилла и имѣется въ виду въ житіи. Согласно древнегреческому преданію, Кумская Сивилла предложила Тарквинію купить ея книги, числомъ девять. Три изъ нихъ были куплены царемъ и помѣщены въ качествѣ священныхъ книгъ въ Капитолійскомъ храмѣ.

Тарквиній[1]) купилъ за дорогую цѣну), такъ ясно написала о воплощеніи Христовомъ во второй своей книгѣ: «Когда Дѣва родитъ Слово Божіе и среди яснаго дня явится съ востока звѣзда, вѣстница великаго чуда для смертныхъ, тогда къ нимъ придетъ Сынъ великаго Бога, облеченный въ плоть, подобную человѣческой. Ему волхвы принесутъ дары—золото, смирну и ладанъ, и это будетъ Ему пріятно». Также и о крестѣ Христовомъ та же Сивилла говоритъ: «О блаженное древо, на которомъ будетъ распростертъ Христосъ! Тебѣ достойно быть не на землѣ, а на Небѣ». Затѣмъ и о второмъ пришествіи говоритъ: «Съ Неба придетъ великій Царь, Владыка всѣхъ вѣковъ, имѣющій судить всѣхъ людей и весь міръ. Его, какъ Истиннаго Бога, вѣрующіе и невѣрующіе увидятъ возсѣдающимъ на высокомъ престолѣ и воздающимъ каждому по заслугамъ».—Если же и еще захочешь послушать предсказаній пиѳійскаго Аполлона[2]), ливійскаго Аммонія[3]), Додоны[4]) и Пергама[5]), то прочти внимательно ихъ книги и узнаешь Христа, Бога Вышняго, о Которомъ они предсказали и Который долженъ былъ придти для спасенія и обновленія человѣческаго рода. Когда Язонъ, вождь аргонавтовъ[6]), спрашивалъ дельфійскаго Аполлона о капищѣ, которое въ Аѳинахъ считалось самымъ древнимъ:—

---

[1]) См. пред. примѣч.

[2]) Житіе имѣетъ въ виду прорицалище Аполлона, находившееся въ Дельфахъ (этотъ городъ находился въ юго-западной Фокидѣ, у подошвы г. Парнасъ). По сказанію греческой миѳологіи, Аполлонъ самъ избралъ себѣ Дельфы мѣстомъ для святилища, предварительно убивъ обитавшаго здѣсь дракона Пиѳона. Прорицанія здѣсь дѣлались такъ называемыми *пиѳіями*.

[3]) *Ливія*—древнѣйшее названіе Африки. Ливія состояла собственно изъ двухъ главныхъ частей: Мармарики и Керенаики; въ первой, въ оазисѣ Сивахъ, и былъ построенъ упоминаемый въ житіи оракулъ (прорицалище) въ честь ѳивскаго божества Аммона.

[4]) *Додона*—древнѣйшее святилище Зевса, съ оракуломъ и священнымъ дубомъ. Оно находилось внутри греческой области Ѳессаліи, около города Скотуза. По сказанію древнегреческихъ писателей, здѣсь старыя женщины истолковывали какъ голосъ мнимаго бога шелестъ листьевъ дуба, журчаніе ручья, вытекавшаго изъ-подъ дуба, и звуки мѣдныхъ сосудовъ, о которые ударялась колеблемая вѣтромъ проволока. Это прорицалище существовало до III в. (до Р. Хр.), когда священный дубъ былъ срубленъ.

[5]) *Городъ Пергамъ* находился въ малоазійской области Мизіи, на рр. Селиносъ и Кетейосъ (нынѣ Бергама-Чай). Житіе имѣетъ въ виду находившійся здѣсь колоссальный жертвенникъ, сооруженный царемъ Евменомъ II-мъ (196 г.—157 г. до Р. Хр.) и посвященный Зевсу въ память побѣды, одержанной упомянутымъ императоромъ надъ Галлами. Въ концѣ 70-хъ годовъ прошлаго (XIX-го) столѣтія здѣсь были сдѣланы германскимъ правительствомъ раскопки, благодаря которымъ жертвенникъ былъ реставрированъ (возстановленъ). Судя по раскопкамъ, жертвенникъ представлялъ собою обширное квадратное сооруженіе, каждая сторона котораго имѣла до 30 саженей длины.

[6]) *Аргонавтами*, по сказанію древнегреческой миѳологіи, были мореплаватели, отправившіеся на кораблѣ Арго въ первое морское плаваніе по чужимъ государствамъ.

«Скажи намъ, пророкъ, солнцеобразный Аполлонъ, кому будетъ принадлежать этотъ храмъ въ самыя послѣднія времена?»—то Аполлонъ отвѣчалъ: «Вы можете исполнять свои обряды, какими выражаете почтеніе богамъ, а я исповѣдую Единаго Бога, царствующаго на Небесахъ, Коего вѣчное Слово зачнется чистою Дѣвою. И какъ стрѣла, пущенная изъ огненнаго лука, Оно пройдетъ по всей вселенной, всѣхъ захватывая и приводя какъ даръ къ Отцу. Матери Его будетъ принадлежать храмъ этотъ, а имя ей — Марія». И опять, когда Ваттосъ[1]) спросилъ того же Аполлона о богѣ, тотъ отвѣчалъ: «Одинъ только причинитъ мнѣ горе—это Мужъ съ Неба, Который, будучи Богомъ, все-таки будетъ страдать, хотя Божество страдать не будетъ. По Божеству и по человѣчеству Онъ будетъ имѣть отъ Отца безсмертіе и жизнь, и силы, а по Матери Онъ будетъ имѣть смерть, крестъ и гробъ. Изъ Его очей будутъ течь теплыя слезы, и Онъ пять тысячъ людей насытитъ пятью хлѣбами. О Немъ всякій скажетъ: Христосъ есть Богъ мой—распятый, умершій, воскресшій изъ гроба и восшедшій на Небо».

Когда святый приводилъ свидѣтельства о Христѣ Богѣ изъ греческихъ книгъ, правитель сидѣлъ какъ глухой аспидъ, не желая слышать и уразумѣвать правды. Онъ съ насмѣшкою сказалъ святому:

— Ты отлично разъясняешь намъ божественныя дѣла, какъ будто у тебя есть небесные ключи и печати! Однако, прежде чѣмъ я начну мучить тебя, совѣтую тебѣ прекратить свои пустыя рѣчи: и, отрекшись отъ нелѣпаго христіанства, изволь вѣровать съ нами по-старому, какъ повелѣлъ императоръ. Если же ты не хочешь этого исполнить, то въ наказаніе за свое упорство ты будешь подвергнутъ лютымъ мученіямъ. Тогда уже поневолѣ исполнишь то, что тебѣ приказываютъ!

Святый мученикъ отвѣчалъ:

— Если ты не хочешь познать Истиннаго Бога, Котораго ты можешь видѣть духовными очами, то убивай и истребляй тѣла человѣческія, рѣжь и разсѣкай насъ на части за своихъ боговъ, а я принесу моему Богу жертву хваленія. Ты называешь безумными насъ, знающихъ Единаго Бога, Живаго и Истиннаго. Не ты ли, напротивъ, самъ безумецъ, если приносишь жертвы мертвымъ

---

[1]) Вѣроятно, древнегреческій полководецъ.

и поклоняешься безчувственнымъ камнямъ? Если камень, которому ты поклоняешься какъ Богу, вещь хорошая, то для чего ты его разсѣкаешь и раздѣляешь, и потомъ, раздѣливъ на многія части, одну часть, имѣющую нѣкоторое сходство съ человѣкомъ, ты называешь богомъ, которому и жертвы приносишь? Прочія же части того же камня ты употребляешь на какое-либо низшее назначеніе или сыплешь въ болотистое мѣсто и попираешь ногами. То же ты дѣлаешь и съ деревомъ. Отрубивши отъ него одну часть и вытесавъ изъ нея идола, ты поклоняешься ему, а оставшуюся часть дерева обращаешь на какое-нибудь болѣе низкое употребленіе или же бросаешь въ огонь. Если камень или дерево есть богъ, то всякій камень или дерево нужно почитать какъ бога. Если же ни дерево, ни камень не есть Богъ, то къ чему ты просишь здоровья и спасенія у гнилого дерева и безчувственнаго камня? Если же ты и желѣзо назовешь богомъ, то и желѣзо подчинено силѣ огня и, будучи раскалено, теряетъ свою природную твердость, становится мягкимъ, такъ что его бьютъ молотами. Можно ли бога бить молотами? Не назовешь ли богомъ огонь? Но онъ лишь до тѣхъ поръ силенъ, пока ему есть что̀ сожигать; а если не будешь подкладывать дровъ, то и его сила пропадаетъ, а водой онъ и вовсе угашается. Какъ могутъ быть богами такія вещи, изъ коихъ одна уничтожаетъ другую?

Правитель же, не вынося рѣчей святаго, повелѣлъ одному изъ предстоящихъ, нѣкоему Архелаю, ударить мученика по шеѣ мечомъ, и святый тотчасъ преклонилъ шею свою подъ мечъ, будучи готовъ умереть за Господа своего. Когда же Архелай, поднявши мечъ обѣими руками вверхъ, хотѣлъ нанести сильный ударъ по выѣ святаго,—внезапно ослабѣлъ и руками, и всѣмъ тѣломъ и, упавши на землю, испустилъ духъ.

Правитель, видя это, пришелъ въ ужасъ и повелѣлъ отвести мученика въ желѣзныхъ цѣпяхъ въ темницу. На шестой день послѣ этого правитель снова вывелъ мученика на судъ и повелѣлъ его бить бычачьими жилами изо всѣхъ силъ, терзать ему тѣло раскаленными желѣзными гвоздями, подпаливать раны его и натирать ихъ уксусомъ съ солью.

Потомъ былъ принесенъ мѣдный жертвенникъ съ горячими угольями. Святому положили въ правую руку ѳиміамъ и простерли ее надъ горячими угольями, думая, что онъ отъ боли повернетъ руку и тогда ладанъ упадетъ на огонь. Въ такомъ случаѣ можно

было бы сказать, что онъ принесъ богамъ жертву, бросивъ на огонь куреніе. Въ такомъ положеніи руку святаго держали около двухъ часовъ, онъ же, углубясь мыслію въ Богѣ, не обращалъ вниманія на горѣвшую руку, и жертвенникъ съ огнемъ стоялъ напрасно. Зрители дивились этому и славили Христа, а правитель и его владыка, діаволъ, чувствовали себя посрамленными. Святый, возведя очи свои къ Небу, говорилъ:

— Оу҆держа́лъ є҆сѝ рꙋ́кꙋ деснꙋ́ю мою̀, и҆ совѣ́томъ твои́мъ наста́вилъ мѧ̀ є҆сѝ[1]). Десница Твоя, Господи, прославилась крѣпостію; десная рука Твоя, Господи, сокрушила враговъ; десница Господня явила силу; десница Господня вознесла меня!

Послѣ этого мучитель повелѣлъ связать руки у мученика и повѣсить, а къ ногамъ привязать два тяжелые камня. И въ такомъ положеніи святый висѣлъ долгое время: отъ тяжести камней выходили изъ своихъ мѣстъ суставы его тѣла. Затѣмъ мучитель повелѣлъ снять мученика съ пытки, освободить его отъ камней и бросить страстотерпца въ огненную печь, въ самое сильное пламя. Святый же, входя въ печь, оградилъ себя крестнымъ знаменіемъ и сотворилъ молитву Богу. Тотчасъ же изъ печи вышло пламя, которое попалило всѣхъ находившихся около нечестивцевъ, а святый оставался невредимъ: для него огонь измѣнился въ прохладу.

Это удивительное чудо крайне поразило всѣхъ, и правитель, испугавшись, убѣжалъ въ преторъ. Нѣкоторые изъ гражданъ тогда стали кричать правителю:

— Умертви поскорѣй этого волшебника, ибо если ты этого не сдѣлаешь, то весь городъ увлеченъ будетъ его волшебствомъ.

И издалъ правитель тогда окончательный смертный приговоръ, которымъ повелѣвалось мечомъ отсѣчь голову святому. Когда его вывели на мѣсто казни, святый испросилъ себѣ время для молитвы и, ставъ лицомъ къ востоку, воздѣвъ руки къ Небу и устремивъ очи горѣ, помолился о городѣ, о людяхъ, о находящихся въ бѣдахъ, о больныхъ, сиротахъ и вдовахъ,—чтобы всѣ были охраняемы Божественнымъ Промысломъ. Болѣе всего онъ молился о томъ, чтобы языческое нечестіе какъ можно скорѣе замѣнено было христіанскимъ благочестіемъ и чтобы святая Церковь Христова возрастала, умножалась и сіяла правою вѣрою до скончанія вѣка. Когда онъ оканчивалъ молитву, услышанъ былъ съ Неба

---

[1]) Псал. 72, ст. 23—24.

Голосъ, который обѣщалъ исполнить просимое, а самого мученика призывалъ къ наслѣдованію Царства Небеснаго. Тогда святый мученикъ Прокопій съ радостью преклонилъ подъ мечъ честну̀ю главу свою и былъ усѣченъ мечомъ, положивъ за Господа своего жизнь свою въ 8 день іюля мѣсяца[1]). Нѣкоторые же изъ христіанъ ночью взяли его честно́е тѣло и, обвивъ его чистымъ полотномъ и умастивъ ароматами, съ честію похоронили его на избранномъ мѣстѣ, славя Отца и Сына, и Святаго Духа — Единаго въ Троицѣ Бога, Которому подобаетъ всякая честь и слава нынѣ и въ безконечные вѣки. Аминь.

Конда́къ, гла́съ в҃:

Ре́вностїю ко хр҃ту̀ вж҃е́ственною распала́емь, и҆ кр҃та̀ крѣ́постїю ѡ҆гражда́емь, врагѡ́въ шата́нїе и҆ де́рзость низложи́лъ є҆сѝ, проко́пїе, и҆ ч҃тну̀ю цр҃ковь возвы́силъ є҆сѝ, вѣ́рою преꙋспѣва́ѧ, и҆ просвѣща́ѧ на́съ.

ПРАЗДНЕСТВО
ПРЕСВЯТОЙ ДѢВѢ БОГОРОДИЦѢ
въ честь явленія Ея иконы
КАЗАНСКОЙ

Въ 1579 году, въ царствованіе Іоанна Васильевича Грознаго, который, при помощи Божіей, покорилъ городъ Казань, столицу царства Татарскаго, въ этомъ городѣ отроковицѣ Матронѣ явилась во снѣ Богоматерь. Она сказала, что на томъ мѣстѣ, гдѣ находится ихъ домъ, скрыта въ землѣ Ея икона, и повелѣвала объявить о семъ духовнымъ и мірскимъ властямъ въ городѣ. Видѣніе сіе повторилось не одинъ разъ. Матрона повѣдала о семъ матери. Но та оставила безъ вниманія слова малолѣтней своей дочери. Наконецъ, отроковица увидѣла икону Богоматери въ огненныхъ лучахъ, причемъ былъ слышенъ страшный голосъ: „Если ты не

---

[1]) Кончина *святаго великомученика Прокопія* послѣдовала въ 303 г.

ΙΕΦΟΝΑ ΕΜΙΛΕΝΑ ΜΗΤΗΡ ΕΑΣΑΝΟΕΝΑΜ

[illegible]

[illegible]

повѣдаешь глаголовъ Моихъ, Я явлюсь въ другомъ мѣстѣ; но ты погибнешь!“ На этотъ разъ мать послушалась просьбы дочери, устрашенной послѣднимъ видѣніемъ, и отправилась вмѣстѣ съ нею къ архіепископу и воеводамъ. Но тѣ не хотѣли имъ вѣрить. Тогда, возвратившись домой, мать сама стала копать землю въ указанномъ мѣстѣ. Къ ней присоединились и другіе, но ничего не могли найти. Наконецъ, когда стала копать сама отроковица Матрона, образъ Пречистой Богородицы былъ найденъ и извлеченъ изъ земли. Икона была съ великою честію отнесена въ церковь и прославилась чудотвореніями.[1])

Тропа́рь, гла́съ д҃:

Застꙋ́пнице оу҆се́рднаѧ, мт҃и гд҃а вы́шнѧгѡ, за всѣ́хъ мо́лиши сн҃а твоего̀ хр҃та̀ бг҃а на́шего, и҆ всѣ́мъ твори́ши сп҃сти́сѧ, въ держа́вный тво́й покро́въ прибѣга́ющымъ. всѣ́хъ на́съ застꙋпѝ, ѿ гп҃жѐ цр҃и́це и҆ вл҃чце, и҆̀же въ напа́стехъ и҆ въ ско́рбехъ и҆ въ болѣ́знехъ, ѡ҆бремене́нныхъ грѣхѝ мно́гими, предстоѧ́щихъ и҆ молѧ́щихсѧ тебѣ̀ оу҆миле́нною дꙋше́ю, и҆ сокрꙋше́ннымъ се́рдцемъ, пред̾ пречⷭ҇тымъ твои́мъ ѡ҆́бразомъ со слеза́ми, и҆ невозвра́тнѡ наде́ждꙋ и҆мꙋ́щихъ на тѧ̀, и҆збавле́нїѧ всѣ́хъ ѕѡ́лъ, всѣ́мъ поле́знаѧ да́рꙋй, и҆ всѧ̀ сп҃сѝ, бц҃е дв҃о: ты́ бо є҆сѝ бж҃е́ственный покро́въ рабѡ́мъ твои́мъ.

Конда́къ, гла́съ и҃:

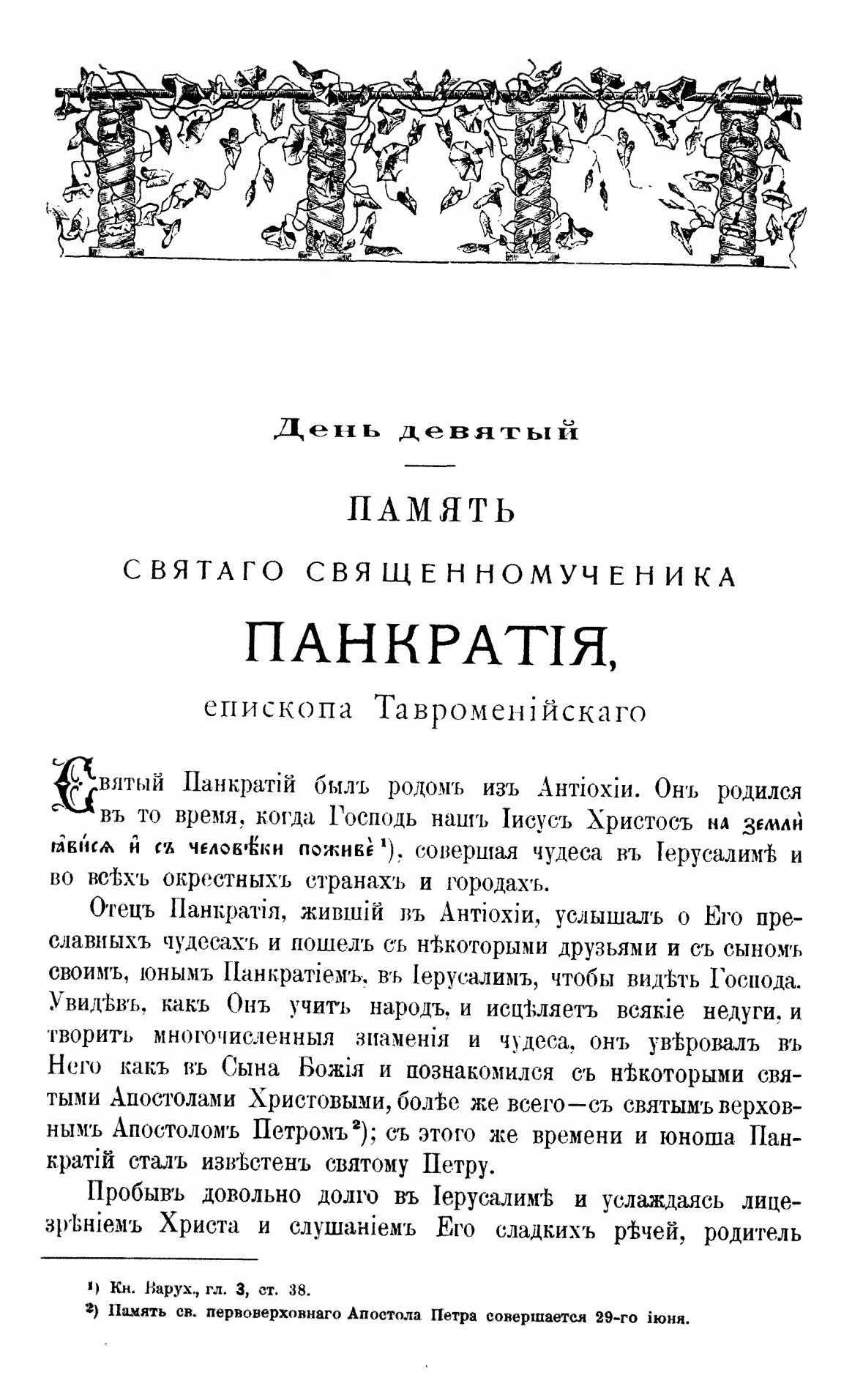
Притеце́мъ лю́дїе къ ти́хомꙋ семꙋ̀ и҆ до́бромꙋ приста́нищꙋ, ско́рой помо́щницѣ, гото́вомꙋ и҆ те́пломꙋ сп҃се́нїю, покро́вꙋ дв҃ы, оу҆скори́мъ на мл҃твꙋ, и҆ потщи́мсѧ на покаѧ́нїе: и҆сточа́етъ бо на́мъ неѡскꙋ́дныѧ мл҃ти пречⷭ҇таѧ бц҃а, предварѧ́етъ на по́мощь, и҆ и҆збавлѧ́етъ ѿ вели́кихъ бѣ́дъ и҆ ѕѡ́лъ бл҃гонра̑вныѧ и҆ бг҃обоѧ́щыѧсѧ рабы̑ своѧ̑.

Въ тотъ же день **преставленіе праведнаго Прокопія Устюжскаго,** Христа ради юродиваго, въ 1303 году.

Въ тотъ же день **память праведнаго Прокопія Устьянскаго.**

---

[1]) Подробныя свѣдѣнія о сей иконѣ см. въ книгѣ «Слава Богоматери», М. 1907 г.



День девятый

ПАМЯТЬ
СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
ПАНКРАТІЯ,
епископа Тавроменійскаго

Святый Панкратій былъ родомъ изъ Антіохіи. Онъ родился въ то время, когда Господь нашъ Іисусъ Христосъ на землѝ ꙗ҆ви́сѧ и҆ съ человѣ́ки поживѐ [1]), совершая чудеса въ Іерусалимѣ и во всѣхъ окрестныхъ странахъ и городахъ.

Отецъ Панкратія, жившій въ Антіохіи, услышалъ о Его преславныхъ чудесахъ и пошелъ съ нѣкоторыми друзьями и съ сыномъ своимъ, юнымъ Панкратіемъ, въ Іерусалимъ, чтобы видѣть Господа. Увидѣвъ, какъ Онъ учитъ народъ, и исцѣляетъ всякіе недуги, и творитъ многочисленныя знаменія и чудеса, онъ увѣровалъ въ Него какъ въ Сына Божія и познакомился съ нѣкоторыми святыми Апостолами Христовыми, болѣе же всего—съ святымъ верховнымъ Апостоломъ Петромъ [2]); съ этого же времени и юноша Панкратій сталъ извѣстенъ святому Петру.

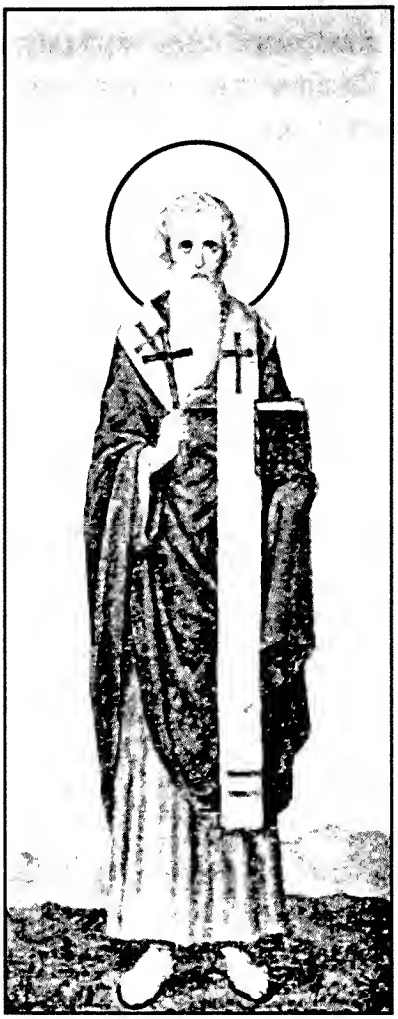
Пробывъ довольно долго въ Іерусалимѣ и услаждаясь лицезрѣніемъ Христа и слушаніемъ Его сладкихъ рѣчей, родитель

---

[1]) Кн. Варух., гл. 3, ст. 38.

[2]) Память св. первоверховнаго Апостола Петра совершается 29-го іюня.

Панкратія со своими друзьями вернулся въ Антіохію. Послѣ же добровольныхъ страданій и смерти Христа Спасителя, за коими послѣдовало Его воскресеніе и вознесеніе, въ Антіохію пришелъ одинъ изъ апостоловъ—это было раньше, чѣмъ прибылъ туда святый Петръ—и окрестилъ родителя Панкратія со всѣмъ его домомъ. Черезъ нѣкоторое время и отецъ, и мать Панкратія отошли ко Господу, Панкратій же, отказавшись отъ имѣнія, доставшагося ему по наслѣдству отъ родителей, ушелъ въ Понтійскія горы[1]).



Сщенномчнкъ
ПАГКРА́ТІЙ

Здѣсь, въ одной изъ пещеръ, Панкратій пребывалъ въ уединеніи, постѣ и молитвахъ, предавшись самопознанію и находясь въ общеніи только съ Богомъ. Когда же святый Апостолъ Петръ, вышедши изъ Іерусалима, проходилъ по тѣмъ странамъ съ проповѣдью о Христѣ, то встрѣтилъ въ Понтѣ Панкратія и, узнавши его, взялъ съ собою въ Антіохію, а потомъ пошелъ съ нимъ въ Киликію, гдѣ встрѣтился съ святымъ Апостоломъ Павломъ[2]). Здѣсь оба Апостола, Петръ и Павелъ, по взаимному соглашенію, поставили епископовъ: Крискентія—въ Галатію, Маркіана—въ Сиракузы[3]), Панкратія же—въ Тавроменію, городъ сицилійскій[4]).

Направляясь къ мѣсту своего служенія, блаженный Панкратій сѣлъ на корабль, плывшій въ Сицилію. На кораблѣ этомъ плыли

---

1) *Понтъ*—страна, занимавшая въ древности сѣверо-восточную часть Малой Азіи. Нынѣ на мѣстѣ древняго Понта находятся два турецкихъ вилайета (области): Трапезунтъ и Сивасъ.

2) Память св. Апостола Павла совершается Церковію 29-го іюня.

3) *Сиракузы*—одна изъ первыхъ древнегреческихъ колоній на восточномъ берегу острова Сициліи, основанная, по преданію, коринѳянами около 753 г. до Р. Хр.;—впослѣдствіи самый большой и богатый городъ острова.

4) *Сицилія*—одинъ изъ большихъ островов Средиземнаго моря, составляющій нынѣ часть итальянскаго королевства.

съ Панкратіемъ и два начальника корабля, Ликаонидъ и Ромилъ, которымъ онъ предложилъ Слово Божіе, проповѣдуя о Царствіи Божіемъ и о тайнахъ нашего спасенія. Онъ обратилъ ихъ къ вѣрѣ во Христа и просвѣтилъ Святымъ Крещеніемъ.

Когда они прибыли къ городу Тавроменіи, то бѣсы, пребывавшіе въ тамошнихъ идолахъ, пришли въ смятеніе и кумиры, пораженные прибытіемъ Панкратія, начали падать и разбивались вдребезги. А тамъ были очень уважаемые у еллиновъ боги: Фальконъ, Лисиппъ и Скамандронъ[1]), которымъ былъ посвященъ храмъ, стоявшій на высокомъ холмѣ на самомъ берегу моря.

Лишь только святый Панкратій подошелъ къ этому храму, какъ онъ тотчасъ же растрескался и, какъ бы отъ страшнаго сотрясенія, упалъ въ море со всѣми идолами. Среди народа произошло тогда большое смятеніе.

Прибылъ туда и правитель города Бонифатій, который, увидѣвъ святаго Панкратія и услышавъ его ученіе, увѣровалъ во Христа и крестился. Его трудами, подъятыми во славу имени Христова, въ теченіе мѣсяца была построена церковь, въ которой сталъ служить архіерей Божій, уча и просвѣщая собиравшійся къ нему народъ, приносившій съ собою и своихъ больныхъ: святый подтверждалъ свое ученіе знаменіями и чудесами, исцѣляя всякія болѣзни и изгоняя бѣсовъ.

Когда день ото дня число вѣрующихъ все болѣе и болѣе увеличивалось и уже почти весь городъ былъ просвѣщенъ святою вѣрою, такъ что слава Имени Христова стала распространяться и по всей странѣ той, діаволъ возбудилъ противъ христіанъ нѣкоего нечестиваго мучителя Аквилина. Изъ вражды ко Христу и христіанамъ онъ съ большимъ отрядомъ воиновъ пошелъ на Тавроменію, чтобы разрушить ее, а всѣхъ, жившихъ здѣсь христіанъ, предать избіенію.

Когда граждане пришли въ ужасъ при этой вѣсти, святитель Божій сталъ утѣшать ихъ, убѣждая, что они не потерпятъ отъ враговъ никакого вреда. И когда враги приблизились къ городу, противъ нихъ вышелъ, какъ духовный воинъ, святый Панкратій съ своимъ клиромъ, неся съ собою непобѣдимое оружіе—Честный Крестъ Христовъ и двѣ святыя иконы—Христа Спасителя и Его Пречистой Богоматери. Тотчасъ же сильный

---

[1])—*Фальконъ, Лисиппъ* (или *Лиссъ*) и *Скамандронъ*—второстепенныя божества древнегреческой религіи.

страхъ напалъ на враговъ: они были какъ бы окутаны тьмою; отъ силы Божіей пришли они въ смятеніе, умъ ихъ помрачился, и они начали рубить и убивать другъ друга, нѣкоторые же сами себя пронзали мечами. Потомъ, какъ только они пришли въ себя, вышли изъ окутавшей тьмы и увидѣли, что убиваютъ другъ друга, они поняли, что такъ наказываетъ ихъ Богъ за враждебныя дѣйствія противъ христіанскаго города. Оставшіеся въ живыхъ послѣ этой братоубійственной битвы побросали свое оружіе и явились къ непобѣдимому храброму воину Христову—святому Панкратію. Они припали къ честнымъ ногамъ его, прося прощенія и умоляли его о томъ, чтобы онъ сдѣлалъ ихъ христіанами. И гражданамъ города была двойная радость: во-первыхъ, они избавились отъ грознаго нашествія враговъ, а во-вторыхъ, враги ихъ стали имъ друзьями по вѣрѣ. Поэтому слова святаго стали съ этихъ поръ приниматься съ еще бо́льшимъ уваженіемъ и всѣ его повелѣнія исполнялись. И не только этотъ городъ, но и другіе окрестные города были просвѣщены святою вѣрою.

Но по истеченіи многихъ лѣтъ, которыя святитель Панкратій провелъ управляя новопросвѣщеннымъ стадомъ Христовымъ, нѣкоторые изъ оставшихся тамъ язычниковъ, особенно злобные и упорные въ своемъ заблужденіи, согласившись съ начальникомъ своимъ Артагастомъ и выбравши подходящее время, напали тайно на служителя Божія и побили его камнями. Такъ святый Панкратій, самовидецъ Христовъ и ставленникъ апостольскій, подвизался добрымъ подвигомъ, окончилъ свою жизнь мученически[1]) и со святыми Апостолами предсталъ Христу, своему Господу, чтобы созерцать Его лицомъ къ лицу въ безконечные вѣки.

Конда́къ, гла́съ д҃:

Свѣ́тлаѧ таѵроменіѡмъ, панкра́тїе, ѕвѣзда̀ показа́лсѧ є҆сѝ, и҆ сщ҃еннострада́лецъ ꙗ҆ви́лсѧ є҆сѝ за хр҃та̀: є҆мꙋ́же ны́нѣ предстоѧ̀, молѝ за чтꙋ́щыѧ тѧ̀ бл҃же́нне.

---

[1]) Кончина *св. священномученика Панкратія* послѣдовала въ концѣ I-го в. или въ началѣ II-го в. Мощи его почиваютъ нынѣ въ Римѣ, въ загородной церкви, построенной въ честь св. Панкратія (память коего празднуется въ Западной Церкви 12-го мая).

ЖИТІЕ и СТРАДАНІЕ ПРЕПОДОБНЫХЪ ОТЦЕВЪ

ПАТЕРМУѲІЯ и КОПРІЯ

и съ ними АЛЕКСАНДРА мірянина

Императоръ Юліанъ[1]), сначала вѣровавшій во Христа, а потомъ уклонившійся, по дѣйствію діавола, снова въ язычество и ставшій сыномъ сатаны, отправился на войну съ Персами. По пути въ Персію онъ пролилъ много крови святыхъ и, будучи въ Антіохіи, схватилъ двухъ антіохійскихъ пресвитеровъ, Евгенія и Макарія, которые послѣ продолжительной пытки были имъ сосланы въ заточеніе въ Мавританію. Въ то время въ египетскихъ пустыняхъ жили два преподобныхъ мужа—Патермуѳій и Копрій; они пребывали въ полномъ единомысліи и вмѣстѣ служили Богу. Патермуѳій былъ старше годами и болѣе опытенъ въ подвигахъ иноческихъ, и крѣпокъ добродѣтелью; Копрій же, младшій перваго по годамъ, былъ еще не вполнѣ утвержденъ въ иноческой жизни и имѣлъ въ Патермуѳіи своего наставника и отца духовнаго. Прежде чѣмъ они были подвергнуты мученіямъ, Копрій разсказалъ Патермуѳію слѣдующее, бывшее ему ночью во снѣ, видѣніе.

— Видѣлъ я,—говорилъ онъ,—отверзающіяся Небеса и нѣкотораго свѣтлаго мужа, который, съ жезломъ въ рукѣ, шелъ ко мнѣ. Потомъ я увидѣлъ, что навстрѣчу ему идетъ съ другой стороны кто-то черный, который зажигаетъ огонь и распространяетъ вокругъ себя дымъ. Этотъ черный простеръ руку и взялъ меня; очутившись въ дыму, я находился въ крайне бѣдственномъ состояніи, и со всѣхъ сторонъ мнѣ грозили опасности, а тотъ свѣтозарный мужъ далеко ушелъ отъ меня. Въ это время съ Неба раздался Голосъ: «Плодъ этого человѣка будетъ разорванъ, но потомъ снова будетъ употребленъ на доброе дѣло». Послѣ этого видѣнія я, въ смущеніи, проснулся.

---

[1]) *Императоръ Юліанъ Отступникъ* царствовалъ съ 361 г. по 363 г.

— Нехорошъ этотъ сонъ!—сказалъ Патермуѳій.—Боюсь, какъ бы ты не отступилъ отъ Бога Живаго. Вотъ, преступный императоръ Юліанъ отрекся отъ Христа и воздвигъ гоненіе на Церковь Божію. Думаю я, что и мы будемъ подвергнуты мученіямъ. Смотри же, чадо, не отрекайся отъ Христа изъ боязни предъ мученіями, будучи обольщенъ обѣщаніями наградъ. Бойся Бога, помни Его заповѣди и будь мужественъ.

Послѣ этого видѣнія прошло немного времени, и императоръ Юліанъ съ большимъ войскомъ прибылъ въ Египетъ. Услышавъ, что въ египетскихъ пустыняхъ живетъ много пустынниковъ, онъ послалъ туда воиновъ, чтобы они захватили всѣхъ, кого найдутъ. Тогда были взяты вышеупомянутые отцы, Патермуѳій и Копрій, и приведены на допросъ къ мучителю. И спросилъ Юліанъ преподобнаго Патермуѳія:

— Сколько тебѣ лѣтъ, старецъ?

Онъ же отвѣчалъ:

— Семьдесятъ пять лѣтъ уже моей временной жизни на землѣ.

Взглянувъ на Копрія, императоръ сказалъ:

— Скажи теперь ты, младшій, сколько тебѣ лѣтъ?

Копрій отвѣчалъ:

— Мнѣ отъ роду сорокъ пять лѣтъ.

Тогда императоръ повелѣлъ отвести въ темницу старца Патермуѳія, а Копрія оставилъ и такъ сталъ говорить съ нимъ:

— Принеси, человѣкъ, жертвы богамъ, чтобы избѣгнуть ожидающихъ тебя мукъ. Оставь обманчивую христіанскую вѣру, которая не приноситъ тебѣ никакой пользы. Вотъ, и я прежде вѣрилъ Христу, но пользы отъ этого не видѣлъ никакой. Теперь же, вѣруя въ безсмертныхъ боговъ, сподобился отъ нихъ получить много великихъ благодѣяній. Совѣтую и тебѣ отказаться отъ Христа и принести жертву богамъ; тогда я приближу тебя къ себѣ, и ты получишь отъ меня много милостей.

Копрій, затаивъ дыханіе, слушалъ императора. Онъ впалъ въ самозабвеніе и, увлекшись его пагубными обѣщаніями, сказалъ Юліану:

— Доброму ты учишь меня, государь! Хорошо, что я нашелъ въ тебѣ учителя и добраго наставника.

Потомъ онъ громко воскликнулъ:

— Отнынѣ я—Юліановъ ученикъ, а не христіанинъ, и какъ я

прежде заблуждался, пребывая въ обманчивой вѣрѣ христіанской, такъ теперь постараюсь все исправить—я поклонюсь богамъ и принесу имъ жертву.

Услышавъ эти слова, императоръ чрезвычайно обрадовался и сказалъ:

— Счастивъ человѣкъ этотъ болѣе всѣхъ другихъ тѣмъ, что онъ позналъ древнихъ отеческихъ боговъ, дающихъ вѣчную жизнь міру!

Послѣ этихъ словъ Копрій поклонился, и принесъ жертву идолу Аполлону, и, отступивъ отъ Бога, принялъ въ себя діавола.

Святые Ангелы отступили отъ него, бѣсы же окружили его и радовались.

Узнавши, что Копрій отступилъ отъ Христа, преподобный Патермуѳій чрезвычайно опечалился, плакалъ и рыдалъ о немъ, и, преклонивъ колѣна, такъ молился:

— Господи, Боже Силъ! Не погуби грѣшника, преступившаго Твою заповѣдь! Помяни о трудахъ, какіе онъ совершилъ въ юности своей по любви къ Тебѣ, не отвергай его отъ лица Твоего, такъ какъ онъ обольщенъ рѣчами законопреступника. Помилуй Твое созданіе и взыщи дѣло рукъ Твоихъ!

Наутро императоръ сѣлъ на престолъ свой, а Копрій стоялъ около него съ правой стороны. На немъ былъ пурпурный плащъ. Когда Патермуѳій, по повелѣнію императора, былъ приведенъ на допросъ, Копрій, увидавъ его, сказалъ:

— Вотъ, идетъ обманщикъ, который лишилъ меня моего счастія.

Когда же старецъ подошелъ къ судилищу, Копрій закричалъ ему:

— Что, Патермуѳій? Видишь, я радуюсь, а тебѣ приходится плакать. Я уже не христіанинъ, а послѣдователь Юліана.

Патермуѳій отвѣчалъ:

— Да, вижу, что ты радуешься, и поэтому я плачу о тебѣ.

Императоръ тогда сказалъ старцу:

— Не плачь, а принеси жертву богамъ и радуйся вмѣстѣ съ нимъ.

Патермуѳій отвѣчалъ:

— Радость его—временная. Теперь онъ радуется, а въ будущей жизни будетъ плакать, если не раскается. Я же плачу теперь, но буду радоваться въ жизни будущей. Онъ здѣсь вели-

Прпⷣбнїи мч҃нцы
ПАТЕРМУ́ѲЇЙ и КО́ПРЇЙ

прежде заблуждался, пребывая въ обманчивой вѣрѣ христіанской, [illegible] богамъ и [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

— Императоръ тогда сказалъ [illegible]

— Не [illegible], а [illegible] богамъ и радуйся вмѣстѣ съ нимъ.

Патерикій отвѣчалъ:

— Радость его — временная. Теперь онъ радуется, а въ будущей жизни будетъ плакать, если не раскается. Я не плачу теперь, но буду радоваться въ жизни будущей. Онъ здѣсь воли-

чается въ пурпуровомъ одѣяніи, а тамъ окажется нагимъ; теперь онъ насыщается, а въ будущей жизни будетъ алкать. Я же теперь алчу, а въ будущей жизни насыщусь, когда явится слава моего Бога. Нынѣ онъ тебѣ, царю земному, предстоитъ въ числѣ слугъ твоихъ со славою, а тамъ отъ лица Царя Небеснаго онъ будетъ изгнанъ и брошенъ въ геенну огненную къ бѣсамъ.

Сказавши это, старецъ взглянулъ въ лицо Копрію и прорекъ:

— Горе тебѣ, окаянный! Ты былъ раньше сосудомъ благодати, теперь же ты—гной, въ которомъ радостно ликуютъ бѣсы. Вѣдь Ангелы отступили отъ тебя. Ты удалилъ отъ себя Бога и облекся въ діавола. Жизнь истинную, вѣчную ты возненавидѣлъ, а временную, ложную, возлюбилъ. Но вспомни о дѣлахъ юности твоей, приди въ себя, покинь заблужденіе, какимъ ты, къ несчастію, увлекся, и иди ко мнѣ, чадо! Возлюби снова Бога и покайся предъ Тѣмъ, предъ Кѣмъ согрѣшилъ ты, а Онъ, по Своему милосердію, приметъ тебя и проститъ тебѣ грѣхи твои.

Когда старецъ изрекъ эти слова, Копрій умилился сердцемъ и, раскаявшись, громко воскликнулъ:

— Горе мнѣ, горе мнѣ, горе мнѣ!

Потомъ началъ колебаться то въ одну, то въ другую сторону. Затѣмъ, воспрянувъ духомъ и взглянувъ на Небо, сказалъ:

— Теперь я уже не Юліановъ, а снова Христовъ! Согрѣшилъ я, преступивъ Божію Заповѣдь, я совершилъ беззаконіе, отрекшись отъ Господа моего, но въ томъ и познается Твоя благодать, Владыка, когда Ты помилуешь меня, совершившаго столь тяжкій грѣхъ. Будь, Человѣколюбецъ, милостивъ ко мнѣ. Я похожъ теперь на сухое дерево, у котораго нѣтъ плодовъ и омертвѣли листья. Слова беззаконныхъ ввели меня въ заблужденіе, и діавольская буря потопила меня. Надо мной посмѣявается змѣй, и возрадовались обо мнѣ лики бѣсовъ. Звѣзды небесныя пришли въ смятеніе, солнце и луна сокрыли свѣтъ свой изъ-за моего великаго грѣха, какимъ я огорчилъ Бога. Но вы, Ангелы Божіи, и лики праведныхъ, и жители всего міра, соберитесь вмѣстѣ и оплачьте мое паденіе и помраченіе моего ума. Вѣдь я лишился Христа, Солнца правды, и во мнѣ погасъ свѣтъ вѣры; вся духовная красота отнята у меня.

Потомъ, обратившись къ императору, Копрій сказалъ:

— Зачѣмъ ты, діаволъ, прельстилъ меня? Зачѣмъ, законопреступникъ, ты и меня увлекъ въ свою погибель?

И снявши съ себя пурпурную одежду, онъ бросилъ ее передъ нимъ, говоря:

— Возьми себѣ ту славу, какую ты мнѣ далъ, а я опять возьму то, что потерялъ. Богъ мой благъ и сотворитъ меня хотя ꙗ҆́кѡ є҆ди́наго изъ Своихъ наѐмникъ[1]).

Императоръ, увидѣвъ, что Копрій снова обратился ко Христу, разгнѣвался и повелѣлъ тотчасъ же раскалить большую желѣзную сковороду. Копрій же, слыша это повелѣніе, сказалъ:

— Хорошо ты поступаешь, императоръ! Сожги меня, разсѣки на части, чтобы мнѣ многочисленными мученіями искупить свое паденіе. Прежде же всего казни языкъ мой, потому что онъ прежде всего согрѣшилъ, отказавшись отъ Христа.

Тогда императоръ повелѣлъ раскалить небольшую желѣзную ложку и положить ее на языкъ Копрію. Послѣдній же, увидѣвъ ложку, раскаленную какъ уголь, сказалъ святому Патермуѳію:

— Молись за меня Богу, отецъ, ибо я прихожу въ ужасъ при мысли объ ожидающемъ меня мученіи.

Старецъ сказалъ ему:

— Терпи, чадо, съ радостью, и Господь тебѣ поможетъ!

И вотъ, когда ложка дотронулась до языка Копрія, то показалась ему холодною какъ ледъ, и языкъ Копрія не получилъ никакого обжога. Императоръ сказалъ тогда:

— Эти люди—волшебники, ведите ихъ на раскаленную сковороду.

Когда ихъ повели, Копрій сказалъ старцу:

— Молись за меня, мой учитель, ибо я весьма страшусь мученія.

Старецъ сказалъ:

— Не бойся, чадо! Будъ мужественъ, вспомни о своихъ, принятыхъ тобою на себя съ самаго дѣтства твоего въ пустынѣ, постническихъ подвигахъ и трудахъ, мужественно подъятыхъ во славу Божію. Помнишь ли, какъ ты провелъ безъ пищи тридцать пять дней? Помнишь ли еще, какъ, распинаясь Христу[2]), ты стоялъ въ теченіе двѣнадцати дней неподвижно съ распростертыми крестообразно руками? Развѣ ты забылъ, какъ ты ложился на жесткіе камни и на острые черепки? Если все это въ теченіе твоей жизни ты охотно терпѣлъ ради Христа, то зачѣмъ ты боишься теперь этой муки, продолжающейся одинъ только часъ?

---

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 15, ст. 19.

[2]) Посл. къ Гал., гл. 2, ст. 19.

Копрій, утвердившись этими словами, съ просвѣтленнымъ лицомъ безъ боязни пошелъ вмѣстѣ съ старцемъ къ сковородѣ. Когда они всходили на нее, Патермуѳій сказалъ:

— Братъ Копрій, возведи очи твои горѣ!

Копрій же, взглянувъ на Небо, сказалъ:

— Вижу приближающихся Ангеловъ, главы которыхъ покрыты росою. Молю тебя, отецъ, скажи имъ, чтобы они не гнѣвались на меня за то, что я отрекся отъ Христа.

И такимъ образомъ оба они вошли на сковороду и ходили какъ на лугу, насмѣхаясь надъ мучителемъ, ибо сковорода тотчасъ же совершенно остыла. Увидѣвъ это, мучитель пришелъ еще въ большую ярость и повелѣлъ растопить какъ можно сильнѣе печь, чтобы бросить туда мучениковъ на сожженіе. Когда печь растопляли, къ Копрію подошелъ одинъ изъ царскихъ воиновъ по имени Александръ и сказалъ:

— Копрій! Ты сначала принесъ жертвы богамъ, а теперь не хочешь. Обратись же снова къ намъ, чтобы избавиться отъ гибели въ огнѣ.

Святый Копрій отвѣчалъ ему:

— О, если бы первый мой грѣхъ, какой я совершилъ предъ Христомъ, преданъ былъ забвенію предъ Лицемъ Божіимъ! Если собрать всю воду морскую и всѣ рѣки, и источники, и всѣ капли, падающія съ неба, то всего этого было бы мало для омытія скверны грѣха моего. Однако я не отчаяваюсь въ милосердіи человѣколюбиваго Владыки моего.

Александръ, пришедшій въ умиленіе отъ словъ Копрія, сказалъ:

— Хотѣлъ бы и я стать воиномъ Того Царя, Которому вы служите!

И тогда Копрій научилъ его истинной вѣрѣ и обратилъ ко Христу.

Когда же печь была растоплена до яркаго пламени и преподобные мученики пошли въ нее, Александръ послѣдовалъ за ними, говоря:

— Пойду съ вами, блаженные отцы! Возьмите меня, ради Христа, въ печь!

Они взяли его подъ руки и пошли вмѣстѣ, но потомъ Александръ вырвался изъ ихъ рукъ и пошелъ одинъ впереди. Когда они приблизились ко входу въ печь, то навстрѣчу Александру вырвался большой клубъ пламени изъ печи, но не опалилъ его, и Александръ сказалъ, обращаясь къ этому пламени:

— Если ты, по повелѣнію Божію, вышелъ для того, чтобы сжечь меня, то сожги грѣшника!

При этихъ словахъ его пламень раздѣлился на двѣ части и сталъ двумя стѣнами, какъ нѣкогда вода въ Чермномъ морѣ[1]), открывая ему путь посреди. И вошелъ Александръ внутрь печи, не тронутый пламенемъ, и, увидѣвъ тамъ Ангеловъ Божіихъ, сказалъ имъ:

— Молю васъ, господа мои, спасите меня, грѣшнаго!

Ангелы отвѣчали:

— Для того мы и посланы сюда отъ Бога, дабы спасти тебя.

И они взяли душу его ко Господу, а тѣло его мертвое осталось въ огнѣ совершенно цѣлымъ. Послѣ него вошли и преподобные отцы Патермуѳій и Копрій, также не поврежденные отъ огня, и пребывали близъ тѣла Александрова, воспѣвая хвалу Богу.

Когда печь погасла, святые были выведены къ императору живыми и невредимыми, нисколько не пострадавшими отъ огня, а тѣло святаго Александра было вынесено также не поврежденнымъ отъ огня, и отъ него шло великое благоуханіе. Императоръ съ удивленіемъ сказалъ тогда:

— Наши боги—велики, а Христосъ—ничто!

Потомъ опять сталъ принуждать святыхъ къ поклоненію идоламъ. Преподобный же Патермуѳій сказалъ ему:

— Такъ какъ ты идешь на сраженіе не для прославленія Имени Божія, то не воротишься назадъ, но будешь раненъ смертельно и умрешь страшною смертію.

Тогда императоръ сильно разгнѣвался и повелѣлъ усѣчь ихъ мечомъ.

И выведены были святые изъ города на мѣсто усѣкновенія. Тамъ они, предъ кончиною своею, обратились съ молитвою къ Богу, и вотъ, съ Неба раздался Голосъ, который восхвалялъ Патермуѳія, прощалъ Копрія и обоихъ ихъ призывалъ къ вѣчному успокоенію.

Тогда они съ радостію преклонили подъ мечъ свои головы и скончались, положивъ за Господа жизнь свою.

Нечестивый же Юліанъ, отправившійся на войну съ Персами, былъ побѣжденъ персидскими войсками и, какъ предсказалъ святый Патермуѳій, не вернулся въ свою землю.

---

[1]) Кн. Исх., гл. 14.

Кончина святыхъ преподобномучениковъ Патермуѳія и Копрія, а съ ними и святаго Александра послѣдовала въ іюнѣ мѣсяцѣ въ девятый день[1]). Въ то время надъ Римлянами царствовалъ законопреступникъ Юліанъ, а надъ христіанами—Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Емуже со Отцемъ и Святымъ Духомъ подобаетъ честь, слава и держава, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

ПАТЕРМУѲІЯ

Патермуѳій, какъ сообщаетъ о немъ Копрій[2]), былъ сначала идолопоклонникомъ. Онъ стоялъ во главѣ шайки разбойниковъ, воровалъ и даже снималъ одежды съ погребенныхъ, совершалъ и всякія другія злодѣянія и мерзости, и молва о его злодѣйствахъ распространялась по всѣмъ странамъ египетскимъ. Обращеніе его къ Богу совершилось по слѣдующей причинѣ.

Однажды ночью онъ влѣзъ на крышу дома, въ которомъ жила дѣва, посвященная Богу. Хотѣлъ онъ разобрать кровлю и, войдя черезъ нее въ домъ, совершить задуманное имъ злодѣяніе. Однако, какъ онъ ни старался, кровлю онъ разобрать не могъ и, усталый, заснулъ тамъ.

Во снѣ онъ увидѣлъ какого-то свѣтозарнаго мужа, одѣтаго въ одежду царя, который сказалъ ему:

— Перестань отнынѣ совершать свои злодѣянія, перестань проливать человѣческую кровь, красть и творить другія беззаконія! Раскайся и начни богоугодные труды, прими на себя служеніе ангельское и проведи остатокъ своей жизни въ добродѣтели, я же сдѣлаю тебя вождемъ и княземъ надъ своими войсками.

Патермуѳій обѣщалъ, что онъ сейчасъ же съ усердіемъ начнетъ исполнять эти повелѣнія. Явившійся показалъ ему тогда цѣлое ополченіе монаховъ и повелѣлъ ему принять начальство надъ ними.

---

[1]) Кончина святыхъ священномучениковъ Патермуѳія и Копрія послѣдовала во второй половинѣ IV-го вѣка.

[2]) Память его въ тотъ же день.

Пока продолжалось это сновидѣніе, прошла ночь и возсіялъ дневной свѣтъ. Дѣвица вошла на кровлю дома и, увидѣвъ тамъ спавшаго человѣка, пришла въ большой страхъ. Патермуѳій же, воспрянувъ отъ сна и увидавъ стоявшую передъ нимъ дѣвицу, былъ въ какомъ-то оцѣпененіи и въ безуміи. Когда дѣвица стала спрашивать его: кто онъ, откуда и съ какою цѣлію пришелъ сюда, то онъ ничего не отвѣчалъ на ея вопросы и только просилъ показать ему, гдѣ находится христіанская церковь. Дѣвица, видя въ совершающемся предъ нею дѣло Божіе, повела его въ церковь и представила пресвитерамъ.

Увидѣвъ пресвитеровъ, онъ палъ къ ихъ ногамъ, со слезами прося ихъ о томъ, чтобы они сдѣлали его христіаниномъ и наставили на путь покаянія. Пресвитеры же, зная его, дивились и не вѣрили его словамъ, видя въ его просьбахъ только коварство и обманъ. Но когда онъ сталъ плакать и продолжалъ неотступно свои моленія, то они сказали ему:

— Если ты окончательно отстанешь отъ своихъ злодѣяній и будешь вести хорошую жизнь и творить добро, мы примемъ тебя въ христіанское общество.

Онъ обѣщалъ исполнить все, что они ему прикажутъ, и тогда пресвитеры совершили надъ нимъ оглашеніе[1]) и черезъ нѣсколько дней крестили его. По принятіи крещенія Патермуѳій просилъ пресвитеровъ, чтобы они дали ему какую-нибудь заповѣдь, исполняя которую онъ утверждался бы на пути ко спасенію, и они научили его читать наизусть первые три стиха псалма перваго. Вникнувъ въ эти стихи, онъ сказалъ:

— Этого довольно для моего спасенія.

Спустя три дня по принятіи Крещенія, онъ отправился въ пустыню и провелъ тамъ много времени, пребывая дни и ночи въ молитвѣ и слезахъ и питаясь корнями росшихъ тамъ травъ. Затѣмъ онъ возвратился къ церкви, привыкнувъ тѣ три стиха не только читать наизусть, но и исполнять на дѣлѣ. Пресвитеры же, дивясь такой происшедшей съ нимъ перемѣнѣ къ лучшему, а также и его чрезвычайному воздержанію, хотѣли его удержать при себѣ, чтобы научить его чтенію, но онъ, проживъ съ ними одну недѣлю, снова ушелъ въ пустыню и пробылъ въ ней семь лѣтъ, питаясь уже не корнями и травами, а хлѣбомъ, который

---

[1]) Замѣчаніе объ *оглашеніи* см. выше, на стр. 173-ей, прим. 1-ое.

посылаемъ былъ ему отъ Бога однажды въ недѣлю. Каждый воскресный день онъ находилъ предъ собою чистый хлѣбъ, доставлявшійся невидимою рукою, и, вкусивъ хлѣба этого съ благодареніемъ, онъ опять до слѣдующаго воскресенья оставался безъ пищи и не чувствовалъ изнеможенія отъ голода. Богъ даровалъ ему и даръ разумѣть книги, и все божественное писаніе онъ зналъ на память.

Спустя семь лѣтъ, по повелѣнію Божію, преподобный Патермуѳій снова возвратился изъ пустыни въ населенную мѣстность на пользу многихъ и своею постническою жизнію многихъ привлекъ къ себѣ. Его ученики во всемъ подражали его добродѣтелямъ.

Пришелъ къ нему и одинъ юноша, желавшій быть его ученикомъ. Преподобный, принявши его, облекъ его въ иноческое одѣяніе, состоявшее изъ волосяного рубища, кукуля и козьей кожи, которая у иноковъ обыкновенно называется милотью или милотаремъ, и училъ его богоугодной иноческой жизни.

У преподобнаго же Патермуѳія было въ обычаѣ посѣщать больныхъ и присутствовать при ихъ кончинѣ и погребать умершихъ, причемъ самъ онъ заботился одѣть ихъ въ погребальныя одежды. Видя такое усердіе старца въ дѣлѣ погребенія умершихъ, тотъ юноша сказалъ ему:

— Отче! хотѣлось бы мнѣ, чтобы, когда я умру, ты одѣлъ меня и похоронилъ.

Отецъ отвѣчалъ:

— Я такъ и сдѣлаю, чадо, и буду одѣвать тебя до тѣхъ поръ, пока ты самъ не скажешь: довольно.

Въ скоромъ времени тотъ юный монахъ преставился, старецъ же, обвивши, по обычаю, его погребальными одеждами и покрывъ лице ему, сказалъ:

— Довольно ли тебѣ, чадо, этого для погребенія или же прибавить еще что-нибудь?

Тогда мертвый, въ слухъ всѣмъ, отвѣчалъ:

— Довольно, отче!

Всѣ присутствующіе при этомъ удивились такому чуду и стали прославлять старца какъ чудотворца. Онъ же, не вынося ихъ прославленія, тотчасъ же, послѣ погребенія мертвеца, ушелъ, тайно отъ всѣхъ, въ пустыню.

Чрезъ нѣкоторое время, однако, старецъ снова вернулся навѣстить братію, для коей онъ былъ руководителемъ въ иноческой

жизни. Ему было открыто въ это время отъ Бога, что одинъ братъ, жившій въ особой отшельнической келліи, близъ одного селенія, смертельно заболѣлъ, и преподобный поспѣшилъ навѣстить его. Такъ какъ путь туда былъ довольно далекъ, то преподобный запоздалъ въ дорогѣ. Заходило уже солнце, и святый не хотѣлъ въ это время, ночью, пройти въ то селеніе, соблюдая слово Господне: ходи́те, до́ндеже свѣ́тъ и҆́мате, да тьма̀ ва́съ не и҆́метъ[1]), и еще: а҆́ще кто̀ хо́дитъ во дни̑, не по́ткнется[2]). Тогда, движимый силою вѣры, святый обратился къ наполовину уже зашедшему солнцу съ такими словами:

— Во имя Господа нашего Іисуса Христа, стань солнце на пути твоемъ и подожди до тѣхъ поръ, пока я не войду въ селеніе.

И остановилось солнце, наполовину уже сокрывшееся, и стало свѣтить только одною половиною, ожидая, пока святый не вошелъ въ селеніе. Жители же того селенія дивились, видя, что солнце такъ долго не заходитъ, и, собравшись посреди селенія, смотрѣли на то чудо. Прошло нѣсколько времени, и они увидѣли преподобнаго Патермуѳія, идущаго въ ихъ селеніе изъ пустыни и, встрѣтивши его, спрашивали о причинѣ чудесной остановки солнца. Онъ сказалъ имъ:

— Развѣ вы не помните словъ Господнихъ, въ Евангеліи содержащихся и научающихъ имѣть вѣру? а҆́ще и҆́мате вѣ́рꙋ ꙗ҆́кѡ зе́рно горꙋ́шно, то можете и горы преставлять[3]). Кто же вѣрою можетъ преставлять горы, тотъ ею же можетъ и остановить солнце въ его теченіи.

Когда онъ сказалъ это, то всѣ поняли, что ради него остановилось солнце, которое скрылось именно тогда, когда онъ вошелъ въ селеніе. Тогда всѣ со страхомъ поклонились старцу и пошли за нимъ, когда онъ отправился къ больному брату. Войдя къ нему въ келлію, преподобный нашелъ его уже скончавшимся о Господѣ. Онъ сотворилъ молитву, подошелъ къ нему, облобызалъ его тѣло и сказалъ:

— Что тебѣ болѣе пріятно, братъ,—жить ли со Христомъ, по отшествіи отъ насъ, или же побыть еще съ нами, въ тѣлѣ?

Мертвый тотчасъ же ожилъ, открылъ очи, поднялся на одрѣ и сказалъ:

---

1) Еванг. отъ Іоанна, гл. 12, ст. 35.
2) Еванг. отъ Іоанна, гл. 11, ст. 9.
3) Еванг. отъ Матѳ., гл. 17, ст. 20.

— Зачѣмъ ты возвратилъ меня къ жизни, отче? Лучше для меня отойти ко Христу и быть съ Нимъ, а жить во плоти я болѣе не хочу!

Тогда старецъ сказалъ ему:

— Почивай же съ миромъ и помолись обо мнѣ!

И тотъ возлегъ и снова почилъ.

Всѣ присутствовавшіе при этомъ пришли въ ужасъ и говорили:

— Поистинѣ, это —Божій человѣкъ.

Преподобный же, приготовивъ тѣло умершаго къ погребенію, всю ночь провелъ въ пѣніи Псалмовъ, а утромъ, предавъ оное съ честію землѣ, ушелъ оттуда.

Въ другой разъ преподобный посѣтилъ иного брата, также заболѣвшаго смертельно. Увидавъ, что больной страшится смерти изъ-за грѣховъ своихъ, онъ сказалъ ему:

— Отчего ты, чадо, не готовъ къ отшествію? Кажется мнѣ, что совѣсть, обличительница твоя, хочетъ идти туда вмѣстѣ съ тобою.

Больной сказалъ:

— Прошу тебя, отче, помолись за меня Богу, чтобы Онъ далъ мнѣ немного времени для покаянія.

Старецъ же отвѣчалъ:

— Вотъ, теперь ты ищешь времени для покаянія, а гдѣ прошедшія времена? Что совершилъ ты во дни своего иночества? Ты не только не успѣлъ уврачевать своихъ прежнихъ язвъ, но прибавлялъ къ нимъ все новыя и новыя.

Больной, однако, не переставалъ умолять старца со слезами о томъ, чтобы онъ помолился за него Господу. И сказалъ тогда старецъ:

— Если ты отнынѣ не будешь прилагать одно зло къ другому, то мы помолимся за тебя. Человѣколюбецъ Господь благъ и долготерпѣливъ и дастъ тебѣ нѣкоторый срокъ для очищенія грѣховъ твоихъ.

Сказавши это, онъ преклонилъ колѣна для молитвы и послѣ молитвы всталъ и сказалъ больному:

— Три года даетъ тебѣ Господь прожить еще на землѣ—только принеси истинное покаяніе!

И взявъ его за руку, преподобный поднялъ его здоровымъ и увелъ его съ собою въ пустыню.

Спустя же три года онъ снова пришелъ съ нимъ къ братіи и представилъ имъ его какъ Ангела Божія. Много братіи со-

шлось слушать сладкія слова преподобнаго, и онъ сказалъ имъ здѣсь слово о плодахъ покаянія. Бесѣда продолжалась до утрени, и во время этой бесѣды братъ, окончившій трехлѣтнее покаяніе, какъ бы задремалъ и предалъ душу свою въ руки Божіи, безъ болѣзни и страха, какъ бы уснувшій сладкимъ сномъ.

Сообщается о преподобномъ Патермуѳіи еще, что онъ много разъ переходилъ рѣку Нилъ по верху воды. А однажды, когда нѣсколько человѣкъ изъ братіи собрались въ одной келліи и, при запертыхъ дверяхъ бесѣдовали о спасеніи души, святый сталъ посреди ихъ, какъ нѣкогда Христосъ Господь посреди апостоловъ. Такъ былъ великъ въ дѣлѣ чудотвореній преподобный Патермуѳій, исполненный благодати Божіей. Онъ преставился ко Господу, проведя много лѣтъ въ угожденіи Богу[1]).

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

КОПРІЯ

Святый Копрій, самовидецъ святаго Патермуѳія и повѣствователь о чудесахъ его, былъ саномъ пресвитеръ и также имѣлъ отъ Бога благодать чудотворенія. Онъ жилъ въ тѣхъ же египетскихъ странахъ, исцѣляя различныя болѣзни въ людяхъ и изгоняя злыхъ духовъ. Когда однажды онъ разсказывалъ собравшимся къ нему братьямъ на пользу душъ ихъ, о жизни преподобнаго Патермуѳія и о другихъ святыхъ, то одинъ братъ, не довѣряя его разсказамъ, не слушалъ его и задремалъ. Но вотъ во время сна своего онъ увидѣлъ въ рукахъ святаго Копрія книгу, написанную золотыми письменами, изъ которой онъ и разсказывалъ нѣчто братіи. Около него стоялъ свѣтозарный мужъ, почтеннаго вида, украшенный сѣдинами. Этотъ мужъ, грозно взглянувъ на дремавшаго, сказалъ:

— Почему ты не вѣришь тому, что говорится, и, не слушая, дремлешь?

Братъ, воспрянувъ въ ужасѣ отъ сна, тотчасъ сказалъ другимъ

[1]) Кончина *преп. Патермуѳія* послѣдовала въ IV-мъ вѣкѣ.

о томъ, что видѣлъ, и съ тѣхъ поръ сталъ съ вѣрою и вниманіемъ слушать всѣ бесѣды святаго Копрія.

Однажды у преподобнаго находились странствующіе иноки, пришедшіе къ нему послушать его бесѣдъ на спасеніе души. Въ это время къ дверямъ келліи подошелъ одинъ поселянинъ съ сосудомъ, наполненнымъ пескомъ, и сталъ дожидаться, когда старецъ окончитъ свою бесѣду. Братія же, увидѣвъ человѣка и песокъ, спросили старца:

— Для чего принесенъ этотъ песокъ?»

Старецъ отвѣтилъ:

— Не слѣдовало бы мнѣ, о чада, говорить вамъ объ этомъ, чтобы не показаться тщеславящимся дѣлами Божіими и чтобы не потерять воздаянія за труды свои. Но такъ какъ я вижу, что вы предприняли долгое и трудное путешествіе къ намъ, то не скрою отъ васъ того, а для вашей пользы повѣдаю вамъ дѣла Божіи, какія Богъ благоизволилъ совершить черезъ насъ грѣшныхъ. Земля того селенія, которое находится по близости отъ насъ, была весьма неплодородна, и отъ хлѣба, какой сѣяли на нивахъ, едва-едва получалось обратно посѣянное. Какой-то червь поядалъ прозябенія и подгрызалъ колосья, прежде чѣмъ они созрѣвали. Жители того селенія всѣ были идолопоклонниками, но съ помощію Божіей благодати, мы всѣхъ ихъ обратили въ святую вѣру и окрестили. Ставши христіанами, они явились къ намъ и стали умолять насъ, чтобы мы помолились за нихъ Христу Богу, дабы Онъ послалъ ихъ землѣ плодородіе. Мы имъ сказали:

— Мы помолимся, но вы должны имѣть непоколебимую вѣру въ Бога.

Тогда они обѣщали содержать твердую вѣру и, набравши въ пазухи песку съ той земли, по коей ходятъ наши грѣшныя ноги, стали просить меня, чтобы я Именемъ Господнимъ благословилъ имъ этотъ песокъ какъ сѣмена. Я сказалъ имъ:

— Да будетъ вамъ по вѣрѣ вашей!

Они же, придя домой, смѣшали тотъ песокъ съ хлѣбными сѣменами и посѣяли все на поляхъ. И вотъ тогда уродилось столько хлѣба, сколько не получается ни въ одной мѣстности Египта. Съ тѣхъ поръ всякій годъ земледѣльцы приходятъ къ намъ и приносятъ намъ для благословенія песокъ. Вѣра ихъ не обманываетъ и они всегда имѣютъ урожай.

Преподобный Копрій, однажды вступивъ въ пререканіе о

вѣрѣ предъ народомъ съ еретикомъ манихеемъ[1]) и видя, что онъ не можетъ смиренными и кроткими словами своими одолѣть велерѣчиваго гордеца, захотѣлъ дѣломъ показать правоту своей вѣры. Онъ велѣлъ развести большой огонь и звалъ съ собою туда еретика, чтобы выяснилось, чья вѣра правая: кто не сгоритъ, говорилъ святый, тотъ, значитъ, вѣруетъ правильно. Манихей же сказалъ ему:

— Сначала войди ты!

Святый вошелъ въ огонь, но пламя предъ нимъ разступилось на обѣ стороны, и онъ въ теченіе получаса времени стоялъ на угольяхъ, какъ на травѣ, безъ всякаго вреда для себя; онъ вышелъ изъ пламени невредимымъ - даже и одеждъ его не коснулся огонь. Увидя это, народъ весьма удивлялся и прославлялъ Христа Бога. Еретикъ же не хотѣлъ входить, но народъ бросилъ его въ пламя, и онъ тотчасъ началъ сгорать тамъ. Однако, весь обожженный, онъ успѣлъ выскочить изъ огня и побѣжалъ. Народъ, схвативъ его, кричалъ:

— Пусть еретикъ будетъ сожженъ!

Преподобный Копрій успокоилъ народное волненіе и отпустилъ еретика, обгорѣвшаго какъ головня, живымъ.

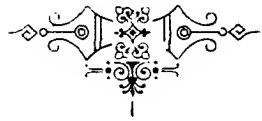
Около своей келліи старецъ имѣлъ небольшой садъ; въ этомъ саду онъ разводилъ хлѣбные злаки и плоды, которые шли на пропитаніе приходившихъ къ нему странниковъ. Одинъ же идолопоклонникъ, зайдя ночью въ этотъ садъ, укралъ плодовъ столько, сколько могъ унести, и часть ихъ, придя домой, сталъ варить въ котлѣ на огнѣ. Но прошло болѣе трехъ часовъ, много дровъ было имъ сожжено, а плоды не только не сварились, но даже и вода въ котлѣ не согрѣлась. Это необычайное обстоятельство привело въ сильное удивленіе грабителя, и онъ, сознавая свой грѣхъ и уразумѣвъ силу Христову, дѣйствующую въ христіанахъ, взялъ все украденное и даже то, что̀ уже было въ котлѣ, и снесъ къ ногамъ старца, признаваясь въ совершенной имъ кражѣ. При

---

[1]) *Манихейство*—еретическое лжеученіе, представляющее собою смѣсь христіанства съ началами персидской религіи Зороастра. Основателемъ манихейства былъ Манесъ, магъ персидскій. Манесъ училъ, что отъ вѣка существуютъ два независимыхъ царства—добра и зла, которыя находятся въ постоянной борьбѣ другъ съ другомъ. Человѣкъ также, по ученію Манеса, состоитъ изъ соединенія двухъ элементовъ—свѣта и тьмы и имѣетъ какъ бы двѣ души—добрую и злую, которыя постоянно борятся между собою.—Въ жизни манихеи были весьма воздержны: они проповѣдывали безбрачіе и постоянный постъ.—Манихейство было довольно сильно распространено въ III-мъ и IV-мъ вв.

этомъ онъ просилъ у старца прощенія и умолялъ сдѣлать его христіаниномъ. Случилось, что въ то время у старца было много странниковъ; всѣ они возрадовались о чудесномъ обращеніи того человѣка ко Христу, вкусили отъ тѣхъ плодовъ и возблагодарили Бога. Кромѣ этихъ чудесъ, преподобный Копрій, благодатію Христовою, совершилъ и много другихъ и почилъ съ миромъ[1]. Онъ удостоился одинаковой части съ преподобнымъ Патермуѳіемъ въ Царствѣ Господа нашего Іисуса Христа, Которому подобаетъ честь и слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки. Аминь.

Въ тотъ же день **память святаго священномученика Кирилла, епископа Гортинскаго.** (См. о немъ 6 сентября).



[1]) Кончина *преподобнаго Копрія* послѣдовала въ IV вѣкѣ.

ЖИТІЕ
СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО
ѲЕОДОРА,
епископа Едесскаго

Въ городѣ Едессѣ[1]) былъ мужъ, по имени Симеонъ, имѣвшій жену Марію. Оба они были благочестивы, боялись Бога и свято исполняли Его заповѣди. Такъ какъ они были богаты, то творили большую милостыню. У нихъ родилась только одна дочь, и имъ очень хотѣлось имѣть дитя мужескаго пола. Посему они путешествовали по разнымъ церквамъ Божіимъ, постились и молились, испрашивая себѣ у Бога сына.

Однажды въ Святую Четыредесятницу, именно въ субботу первой недѣли Великаго Поста, когда празднуется память святаго

---

[1]) Городъ *Едесса* (нынѣшняя Урфа) находился въ сѣверной части Месопотаміи, на рѣкѣ Евфратѣ.—Въ IV в. здѣсь была основана святымъ Ефремомъ Сириномъ богословская школа. Въ 641 г. Едесса была покорена Арабами; въ 1098 г. ею овладѣлъ графъ Балдуинъ, сдѣлавшій ее главнымъ городомъ княжества Едесскаго; въ 1144 г. она была покорена Турками и съ этого времени переходила изъ рукъ въ руки, пока въ 1637 г. окончательно не подпала подъ власть Турціи.

великомученика Θеодора Тирона, оба они пришли съ приношеніями въ церковь святыхъ Апостоловъ къ Утрени. За службой на нихъ обоихъ въ одно время нашла какая-то дремота, и они, каждый въ отдѣльности, удостоились такого видѣнія. Видѣли они стоявшаго въ церкви святаго Апостола Павла[1]) со святымъ великомученикомъ Θеодоромъ Тирономъ. Святый великомученикъ говорилъ святому Апостолу, указывая перстомъ на Симеона и Марію:

— Вотъ эти люди, ученикъ Господень, горячо просятъ Бога о дарованіи имъ дитяти мужескаго пола. Исходатайствуй же имъ у Бога, чтобы ихъ просьба была исполнена и чтобы ихъ жертвы на храмы и ихъ милостыня нашли себѣ воздаяніе.

И видѣли они, что Апостолъ кладетъ имъ на руки младенца мужескаго пола, говоря:

— Вотъ, у васъ уже есть сынъ!

Великомученикъ же сказалъ:

— Да будетъ имя ему Θеодоръ, ибо, поистинѣ, младенецъ этотъ будетъ даромъ Божіимъ[2]).

Послѣ этого видѣнія и по окончаніи Утрени они разсказали другъ другу свои видѣнія и дивились тому, что обоимъ представилось одно и то же. Они возблагодарили Бога, видя въ этомъ предвѣщаніе о зачатіи сына, и съ радостію вернулись домой. Когда же Марія зачала, то соблюдала себя въ полномъ воздержаніи, какъ носящая въ себѣ того, кто долженъ былъ сдѣлаться сосудомъ Святаго Духа.

Когда исполнилось время, у нихъ родился сынъ, которому они нарекли имя Θеодоръ, согласно съ волею великомученика, и котораго просвѣтили Святымъ Крещеніемъ. Дитя выросло, и родители отрока отдали его учиться. Но отрокъ, оказалось, былъ неспособенъ къ ученію—у него была слаба память, и онъ не скоро запоминалъ уроки. Въ этомъ, однако, оказалось особое дѣйствіе Промысла Божія, Который хотѣлъ, чтобы отроку преподана была мудрость не людьми, а благодатію Господней. Отрокъ часто получалъ выговоры и отъ родителей, и отъ учителей, а сверстники его смѣялись надъ нимъ, и онъ черезъ нѣкоторое время пришелъ къ мысли просить вразумленія у Бога. Онъ сталъ часто ходить въ церковь и усердно молиться.

Однажды, по дѣйствію божественнаго вдохновенія, въ воскрес-

---

1) Память его—29-го іюня, подъ каковымъ числомъ помѣщено и житіе его.

2) *Θеодоръ* съ греч.: «богодарованный».

ный день предъ святою Литургіею онъ пришелъ въ церковь и, войдя въ алтарь, спрятался подъ святымъ Престоломъ. Никто не замѣтилъ этого; архіерей началъ совершать святую службу, отрокъ же Θеодоръ заснулъ тамъ и проспалъ до конца Литургіи. И было ему во снѣ такое видѣніе. Онъ увидѣлъ какого-то отрока, по-видимому сверстника ему по годамъ, блиставшаго какъ солнце, который кормилъ его медовымъ сокомъ и, давая ему въ руки пастырскій жезлъ, благословлялъ его. Послѣ этого видѣнія Θеодоръ воспрянулъ отъ сна и вышелъ изъ-подъ Престола. Архіерей же и бывшіе съ нимъ въ алтарѣ, увидѣвши его, удивились и спрашивали его, какъ онъ тамъ очутился. Онъ разсказалъ имъ о себѣ все и о томъ, какое ему было видѣніе. Архіерей пришелъ въ страхъ и тотчасъ причислилъ отрока къ своему клиру, поставивъ на должность чтеца. Съ того времени Θеодоръ сталъ сообразителенъ и способенъ къ ученію, превосходя разумомъ не только сверстниковъ, но и старшихъ себя.

Онъ преуспѣвалъ и въ духовныхъ, и въ свѣтскихъ наукахъ, какимъ онъ обучался у извѣстнаго тогда въ Едессѣ учителя философіи, по имени Софронія, въ краткое время прошедшаго съ Θеодоромъ всѣ науки.

Когда Θеодору исполнилось восемнадцать лѣтъ отъ роду, отецъ его Симеонъ преставился ко Господу, а потомъ черезъ годъ отошла ко Господу и Марія, мать Θеодора. Послѣдній же роздалъ доставшееся ему отъ родителей большое имѣніе нищимъ, выдѣливъ только одну часть своей замужней сестрѣ. Сестра эта имѣла сына Василія, который сподобился сана епископа въ городѣ Емессѣ и былъ писателемъ сего житія преподобнаго Θеодора.

По смерти родителей, двадцати лѣтъ отъ роду блаженный Θеодоръ отправился въ Іерусалимъ. Поклонившись Гробу Господню и обойдя всѣ Святыя мѣста, онъ прибылъ въ лавру преподобнаго Саввы[1]), которая въ то время была управляема аввою Іоанномъ, и, принявъ тамъ ангельскій образъ, упражнялся въ постническихъ подвигахъ и проходилъ всякіе труды иноческаго послушанія, нелѣностно въ теченіе двѣнадцати лѣтъ участвуя во всякихъ монастырскихъ служеніяхъ. Потомъ онъ упросилъ настоятеля, чтобы

---

[1]) *Обитель св. Саввы* основана преподобнымъ Саввою Освященнымъ въ VI в. (память его—5-го декабря). Обитель эта замѣчательна какъ колыбель іерусалимскаго устава, принятаго потомъ всѣми палестинскими монастырями. Іерусалимскій уставъ былъ принятъ также, почти повсемѣстно, и у насъ на Руси, съ XIV в.

онъ повелѣлъ ему пребывать одному въ безмолвіи, въ отдѣльной келліи, и, получивъ такую келлію, проводилъ время въ безмолвіи, служа Богу. Пищу его составлялъ небольшой кусокъ хлѣба—по закатѣ солнца и немного воды, и то не всякій день. Иногда онъ по два и по три дня оставался безъ пищи, много разъ и на долгое время удалялся въ іорданскую пустыню, гдѣ безъ хлѣба и безъ воды проводилъ дни и ночи, только все время молясь какъ бы безплотный, и потомъ возвращался снова въ свою келлію. Двадцать четыре года онъ провелъ въ такихъ постническихъ подвигахъ, и вотъ о такой его подвижнической жизни услыхалъ одинъ родственникъ его—юноша изъ города Едессы, по имени Михаилъ, который и пришелъ къ Θеодору, желая подражать его добродѣтелямъ. Θеодоръ принялъ его, постригъ и держалъ его при себѣ какъ ученика, спостника и сподвижника. Михаилъ же научился плести корзины, блюда и другіе предметы, которые, по приказанію учителя, носилъ на продажу во святой городъ Іерусалимъ, а вырученныя за продажу деньги приносилъ своему духовному отцу, Θеодору, который отсылалъ ихъ въ лавру, чтобы не даромъ брать изъ обители пищу.

Ст҃ый
Ѳеодоръ

Въ тѣ времена Палестина и Финикія были уже подвластны не Греческимъ царямъ, а Сарацинамъ[1]); ибо, по попущенію Божію за грѣхи тамошнихъ жителей, они подчинены были царямъ сарацинскимъ. Христіане сохраняли себѣ жизнь и свободу вѣры только большими данями. Но вѣрующихъ Господь въ то же время и утѣшалъ, творя у Святаго Гроба знаменія и чудеса, которыми заграждались уста хулителей Христовыхъ, агарянъ. Многіе ста-

[1]) *Сарацины* жители Аравіи. Первоначально этимъ именемъ называлось кочующее разбойническое племя, а потомъ христіанскіе писатели перенесли это названіе и на всѣхъ мусульманъ вообще.

рѣйшины арабскіе издалека приходили въ Іерусалимъ, чтобы видѣть Гробъ Христовъ, и здѣсь воздавали почести христіанскому патріарху и прочимъ святителямъ, а жителямъ Іерусалима оказывали разныя милости. Въ то время царь Сарацинскій Адрамелехъ съ женою своею, Сеидою, отправился изъ Вавилона[1]) въ Іерусалимъ, чтобы видѣть Гробъ Христовъ и совершавшіяся при ономъ чудеса. Адрамелехъ былъ человѣкъ кроткій, не желавшій обижать христіанъ—хотя и бралъ съ нихъ дани.—Онъ любилъ побесѣдовать о вѣрѣ съ людьми учеными и говорилъ при этомъ согласно съ своими народными понятіями. Когда онъ еще оставался во Святомъ Градѣ, блаженный Михаилъ, ученикъ и родственникъ преподобнаго Ѳеодора, по повелѣнію его пришелъ во Святый Градъ продавать свое рукодѣліе и жилъ въ находившейся въ городѣ гостинницѣ монастыря преподобнаго Саввы. Сначала онъ пошелъ поклониться Гробу Христову и святой Голгоѳѣ[2]), а потомъ вышелъ на торгъ съ рукодѣліемъ. Тутъ его встрѣтилъ евнухъ царицы Сеиды. Увидѣвъ хорошія корзины и блюда, онъ удивился такой красивой работѣ и сказалъ ему:

— Ступай, юноша, за мною—ты получишь хорошую цѣну за всѣ твои вещи.

Михаилъ послѣдовалъ за нимъ какъ незлобивый агнецъ до дверей дома новой египтянки[3]). Евнухъ доложилъ царицѣ, что одинъ монахъ продаетъ очень красивыя вещи, и царица тотчасъ же велѣла ввести монаха къ себѣ. Когда блаженный Михаилъ вошелъ къ ней, дурная женщина почувствовала нечистую страсть къ юному иноку. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ красивъ лицомъ, статенъ; борода у него чуть пробивалась, онъ былъ тонокъ и блѣденъ отъ постояннаго поста, а кромѣ того въ его внѣшнемъ благообразномъ видѣ отражалась внутренняя красота его добродѣтельной души.

---

1) *Вавилонъ* —одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ міра, построенный Нимродомъ, сыномъ Куша, потомкомъ Хамовымъ (Быт. **10**, 6– 10). Вавилонъ былъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Евфрата, невдалекѣ отъ Персидскаго залива. Вавилонъ стоялъ на большомъ торговомъ пути между Индіей и Финикіей и потому производилъ самую обширную морскую и сухопутную торговлю.

2) *Голгова* —гора, находившаяся невдалекѣ отъ Іерусалима (на сѣверо-западъ отъ него). На этой горѣ былъ распятъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Голгоѳа—слово еврейское и въ переводѣ на нашъ языкъ значитъ: «черепъ», «лобное мѣсто». Такое названіе было усвоено этой горѣ или потому, что она имѣла форму черепа, или потому, что служила у евреевъ мѣстомъ казни. Нынѣ на этомъ мѣстѣ находится храмъ Гроба Господня.

3) Намекъ на подобное событіе въ библейской исторіи. (См. разсказъ объ Іосифѣ и женѣ египетскаго вельможи Пентефрія. Быт. гл. **39**).

Вперивъ въ него взоры, царица разгоралась страстію и стала спрашивать его, кто онъ и откуда? Онъ же отвѣчалъ:

— Я — убогій монахъ изъ лавры святаго Саввы.

Царица сказала ему:

— Я вижу, юноша, что ты блѣденъ и худъ; мнѣ жаль тебя, и я хотѣла бы сдѣлать для тебя добро. Если ты рабъ чей-нибудь, я освобожу тебя; если плѣнникъ, я выкуплю тебя; если боленъ, я вылѣчу тебя; если нищъ, я обогащу тебя.

Цѣломудренный Михаилъ, слыша ея льстивыя рѣчи, понялъ ея лукавыя намѣренія и, обратившись сердцемъ къ Богу и возведши духовныя очи къ Нему, молился въ умѣ такими словами:

«О Владыко Человѣколюбче, спаситель плѣненныхъ и надежда отчаявшихся! — Ты, избавившій Пророка Твоего Даніила отъ челюстей львиныхъ[1]), избавь и меня въ настоящій часъ отъ этой злой львицы, хотящей поглотить душу мою и свести ее живою во адъ!»

Потомъ онъ сказалъ царицѣ:

— Я нѣкогда плѣненъ былъ любовію къ міру, но Владыка мой Христосъ избавилъ меня отъ этого Своею благодатію. Я былъ рабомъ грѣху, но Господь мой, принявшій на Себя образъ раба, освободилъ меня. Онъ нашелъ меня больнымъ, и взялъ немощи мои и сдѣлалъ меня вполнѣ здоровымъ. Былъ я нищъ и убогъ, но Сынъ Божій, имѣющій безмѣрное богатство, ради меня сталъ нищъ и несказанно обогатилъ меня, такъ что я ни въ чемъ теперь не нуждаюсь и не требую твоего. Я имѣю самъ богатство, здоровье, свободу и, по милости Спаса моего, у меня много всякихъ благъ.

Безстыдная женщина продолжала прельщать его любодѣйными словами:

— Юноша, если ты будешь мнѣ другомъ, то многими благами насладишься, многіе будутъ тебѣ завидовать, и ты надъ многими будешь господиномъ.

Святый Михаилъ отвѣчалъ:

— Я люблю Владыку моего Христа, возлюбившаго меня и предавшаго за меня Свою жизнь, и хочу любить Его всей душою. Друзья мои—чины Небесныхъ Ангеловъ и лики всѣхъ святыхъ, проводившихъ на землѣ равноангельское житіе. Они блистаютъ несказанною красотою и благолѣпіемъ, и я не хочу имѣть общенія съ тобою.

---

[1]) Кн. Прор. Даи., гл. 14, ст. 37—52.

Тогда царица Сеида начала грозить ему:

— Если ты не исполнишь моего желанія, то я предамъ на муки твое тѣло и велю покрыть его ранами.

Инокъ отвѣчалъ:

— Я стараюсь исполнять волю моего Господа, твоей же волѣ ни въ какомъ случаѣ не стану повиноваться. Если же ты предашь мое тѣло мученіямъ и пыткѣ, то этимъ только исходатайствуешь вѣчное блаженство для души моей. Знай, что ни обѣщаніями ты не заставишь меня исполнить твое желаніе, ни мученіями не запугаешь.

Царица сказала:

— Окаянный! сколькихъ благъ ты лишаешь себя! Почему ты не исполняешь моего желанія? Развѣ я не красива? Развѣ я не мила тебѣ и не возбуждаю въ тебѣ страсти?

Преподобный отвѣчалъ:

— Ты не только не красива, но чрезвычайно противна, безобразна и гнусна. Ты достойна не любви, а ненависти!

Тогда нечестивая царица, исполнившись чрезвычайною яростью, повелѣла растянуть на землѣ цѣломудреннаго инока и бить безъ пощады палками. Долго она мучила его, а потомъ послала въ узахъ къ царю съ такимъ письмомъ:

«Этотъ мерзкій монахъ осмѣлился уничижать меня грубою бранью. Если ты оставишь его въ живыхъ, то увидишь меня мертвой».

Царь, прочитавъ ея письмо, рѣшилъ исполнить ея желаніе, чтобы не огорчить ея, но сначала самъ захотѣлъ увидѣть инока и приказалъ привести его къ себѣ.

Когда преподобнаго привели къ царю, онъ не захотѣлъ преклониться предъ нимъ, какъ было въ обычаѣ при представленіи царю и вельможамъ, но стоялъ прямо, мужественно выставляя на видъ свою внутреннюю доблесть и неповиновеніе врагамъ. Царь же, съ яростью глядя на него, сказалъ:

— Горделивый монахъ! Что ты имѣешь сказать по поводу совершенной тобою дерзости? Но я думаю, что тебѣ и сказать нечего!

Страстотерпецъ отвѣчалъ:

— Царю прежде всего нужно имѣть три добродѣтели: страхъ Божій, правосудіе и милостивое долготерпѣніе къ виновнымъ.

Услышавъ такія слова, царь успокоился и, повелѣвъ развязать Михаила, спросилъ его, откуда онъ. Онъ же сказалъ:

— Родомъ я изъ города Едессы, а теперь я инокъ лавры святаго Саввы.

Когда же царь спросилъ о преступленіи, въ какомъ его обвиняли, то святый сказалъ:

— На мнѣ исполнилась извѣстная притча: нѣкто, случайно, наткнулся на змія василиска, который однимъ взглядомъ умерщвляетъ людей. Убѣгая отъ него, онъ встрѣтился со львомъ, и ему лучше казалось остаться со львомъ, чѣмъ съ ядовитымъ зміемъ василискомъ, умерщвляющимъ одними глазами.

Царь понялъ смыслъ притчи и его невинность. Юноша понравился ему и своею красотою, и своимъ благоразуміемъ, и онъ захотѣлъ уговорить его оставить христіанскую вѣру и обратить въ свою.

У него былъ одинъ еврей, ученый и краснорѣчивый, котораго онъ позвалъ къ себѣ и при которомъ онъ началъ говорить иноку слѣдующія слова:

— Я жалѣю тебя и щажу твою юность, видя твой разумъ. Послушайся же моего совѣта или даже приказанія—отступи отъ Христова ученія, откажись отъ христіанской вѣры и присоединись къ моей. Тогда ты будешь мнѣ вмѣсто сына и я поставлю тебя выше всѣхъ князей и властителей и сдѣлаю тебя управляющимъ всѣмъ моимъ имѣніемъ.

Преподобный Михаилъ, возведя очи къ Небу и вздохнувъ изъ глубины сердца, сказалъ:

— Да не будетъ того, о Христосъ, Царь мой, чтобы я отступилъ отъ Тебя, Бога моего, хотя бы мнѣ пришлось претерпѣть многочисленныя муки.

Адрамелеху же онъ сказалъ:

— Царь! я рабъ Отца, и Сына, и Святаго Духа, единаго нераздѣльнаго Божества. Такъ я исповѣдую и отъ своего исповѣданія не отступлю, но всегда пребуду въ немъ!

Царь сказалъ ему:

— Что же? тебѣ, значитъ, нравится оставаться въ томъ ничтожномъ званіи, въ какомъ ты находишься?

Святый отвѣчалъ:

— Эта иноческая одежда украшаетъ меня гораздо больше, чѣмъ тебя твои царскія одѣянія.

Царь сказалъ:

— Я хорошо изучилъ свои книги, прочиталъ также и ваше христіанское писаніе, которое вы называете Евангеліемъ. Но ни тамъ, ни здѣсь я не нашелъ заповѣди, которыя бы повелѣвали гнушаться брака и мяса.

Святый отвѣчалъ:

— Жизнь христіанская имѣетъ два вида—жизнь иноковъ и мірянъ. Мірянамъ благословляется вступать въ бракъ и вкушать мясо: въ этомъ для нихъ нѣтъ грѣха, если только они свято будутъ соблюдать другія Христовы заповѣди. Но намъ, отрекшимся отъ міра и обѣщавшимся пребывать въ дѣвствѣ, не подобаетъ вступать въ бракъ, ибо учитель язычниковъ. Апостолъ Павелъ, сказалъ: **не ѡ҆женѝвыйсѧ пече́тсѧ ѡ҆ гдⷭ҇нихъ, ка́кѡ ᲂу҆годѝти гдⷭ҇еви: а҆ ѡ҆женѝвыйсѧ пече́тсѧ ѡ҆ мі́рскихъ, ка́кѡ ᲂу҆годѝти женѣ́**[1]): и еще: вступающій въ супружество **до́брѣ творѝтъ**, а не вступающій въ супружество **лꙋ́чше творѝтъ**[2]). Итакъ мы, желая угодить Единому Господу нашему Іисусу Христу, избрали лучшій путь жизни—безбрачіе. Мы не вкушаемъ и мяса, но не потому, что считаемъ его оскверняющимъ, а ради воздержанія. Павелъ говоритъ: **нѣ́сть бо ца́рство бж҃іе бра́шно и҆ питіѐ, но пра́вда и҆ мѝръ**[3]) и другія добрыя дѣла, какъ и постъ со святостью.

Царь сказалъ:

— Павелъ обманулъ васъ!

Но святый отвѣчалъ:

— Не обманулъ, но освободилъ отъ заблужденія и указалъ путь къ тѣмъ благамъ, **и҆́же ѻ҆́ко не ви́дѣ, и҆ ᲂу҆́хо не слы́ша, и҆ на се́рдце человѣ́кꙋ не взыдо́ша, ꙗ҆́же ᲂу҆гото́ва бг҃ъ лю́бѧщымъ є҆гѡ̀**[4]). Если же ты, царь, дѣйствительно хочешь узнать обманщика и предтечу антихриста, то такой обманщикъ Магометъ, который ввелъ въ заблужденіе все племя сарацинское и даже на Персію излилъ ядъ своего нечестія.

Еврей же, стоявшій близъ царя, сказалъ святому Михаилу:

— А вашъ Павелъ развѣ былъ не еврей?

Святый отвѣчалъ:

— Хотя онъ былъ и еврей, но, по Господню повелѣнію, онъ отмѣнилъ сѣнь Ветхаго Завѣта и благовѣстилъ истинную благодать, о которой предсказывали въ Ветхомъ Завѣтѣ Пророки.

Еврей сказалъ:

— Какъ ты могъ научиться у Павла, котораго ты и не видалъ вовсе? Научись лучше у меня; вѣдь ты меня и видишь, и слышишь.

---

1) 1 Посл. Кор., гл. 7, ст. 32—33.
2) 1 Посл. Кор., гл. 7, ст. 38.
3) Посл. Римл., гл. 14, ст. 17.
4) 1 Посл. Кор., гл. 2, ст. 9.

Михаилъ сказалъ:

— Если ты станешь учить какъ и онъ, то я послушаю тебя. Если же ты вводишь противное его ученію, то я бѣгу отъ тебя, какъ отъ змія, ибо Павелъ сказалъ: **а҆́ще кто̀ ва́мъ благовѣсти́тъ па́че, є҆́же пріѧ́сте, а҆на́ѳема да бꙋ́детъ**[1]).

Царь сказалъ:

— Почему вы не хотите признавать пророка Магомета? Развѣ онъ не о Богѣ проповѣдывалъ Сарацинамъ, Арабамъ и Персамъ? Не сокрушалъ ли онъ идоловъ и не училъ ли добродѣтельной жизни?

Святый отвѣчалъ:

— Если кто-нибудь выведетъ человѣка изъ темницы и заключитъ его въ другую мрачную темницу, то развѣ онъ этимъ сдѣлаетъ тому человѣку благодѣяніе? Не обманулъ ли онъ его, переведя изъ одной тьмы въ другую? Такъ съ вами поступилъ и вашъ Магометъ. Мы же знаемъ, что къ свѣту ведетъ только одинъ истинный, вѣрный путь—я говорю о правой вѣрѣ въ Отца, и Сына, и Святаго Духа — Бога Единаго въ Трехъ Лицахъ.

Царь сказалъ:

— Ты считаешь себя разумнымъ и краснорѣчивымъ, но вѣдь насъ двое, а ты одинъ, и побѣда, конечно, останется за нами.

Святый отвѣчалъ:

— Васъ не двое, а трое, и всѣ вы будете побѣждены однимъ, по силѣ Христовой.

Царь спросилъ:

— Мы бесѣдуемъ съ тобою двое—я и еврей. Какъ же ты двоихъ называешь тремя? Кто у насъ третій?

Святый отвѣчалъ:

— Посреди васъ невидимо находится вашъ учитель—діаволъ.

Царь разгнѣвался на такія слова, но все-таки сдерживалъ свою ярость, надѣясь словами побѣдить воина Христова, и сказалъ ему:

— Брось свое многословіе и покорись мнѣ. Исповѣдуй, что Магометъ—пророкъ и посланникъ Божій, и ты будешь мнѣ вмѣсто сына и получишь возможность наслаждаться разными удовольствіями.

Святый сказалъ:

— Признаешь ли ты, царь, Бога и Божіе Слово?

---

[1]) Посл. Гал., гл. 1, ст. 9.

Царь отвѣчалъ:

— Да, признаю!

Святый сказалъ еврею:

— Признаешь ли ты, что **словомъ гдⷭ҇нимъ небеса̀ оу҆твердѝшасѧ и҆ дꙋ́хомъ оу҆стъ є҆гѡ̀ всѧ̀ си́ла и҆́хъ?**[1])

Еврей отвѣчалъ:

— Да, это такъ!

Тогда, исполнившись духа Христова, проповѣдникъ Христовъ сказалъ имъ:

— Вотъ, вы сами свидѣтельствуете объ Истинѣ, хотя и не вѣруете, какъ слѣдовало бы. Я же ни въ какомъ случаѣ не стану слушать ложныхъ ученій, но остаюсь при томъ, что сказалъ: Магометъ не пророкъ и не посланникъ Божій, а обманщикъ, лжецъ и предтеча антихриста. Ты же, еврей, твердо знай, что Христосъ уже пришелъ въ міръ, чрезъ непорочное рожденіе отъ Пречистой Дѣвы, и потому тебѣ уже нечего ожидать рожденія Его по плоти. Тотъ же, кого ты ждешь, будетъ мерзкій антихристъ, который смутитъ всю вселенную, а Магометъ обманщикъ—предтеча этого антихриста!

Присутствовавшіе при этомъ спорѣ Персы и Сарацины приходили въ ярость отъ рѣчей святаго, а христіане радовались, говоря другъ другу:

— По благодати Христовой, инокъ побѣдилъ!

Царь же, разгнѣвавшись на еврея, сказалъ ему:

— Напрасно я взялъ тебя въ помощники себѣ—я никакой помощи отъ тебя не получилъ!

Онъ прогналъ его отъ себя, сказавши:

— Я и одинъ одолѣю монаха и обращу его на свою сторону.

А святый Михаилъ, полный радости, сказалъ:

— Вотъ, уже одинъ, силою Христа моего, побѣжденъ и бѣжалъ со стыдомъ; осталось еще двое, но скоро и они будутъ побѣждены, ибо мой Заступникъ непреоборимъ и непобѣдимъ!

Послѣ этого царь сказалъ страстотерпцу:

— Одно изъ двухъ остается тебѣ, монахъ, или подчиниться мнѣ и принять нашу вѣру, или же умереть во цвѣтѣ лѣтъ страшной смертію.

Святый сказалъ:

— Царь! прошу у тебя чего-нибудь изъ трехъ: или отпусти

[1]) Псал. 32, ст. 6.

меня къ моему старцу, или отошли меня ко Христу моему, поразивъ меня какою хочешь смертію, или стань христіаниномъ и будь въ общеніи съ нами!

Царь, не будучи въ силахъ выносить его дерзновенныхъ рѣчей, чрезвычайно разгнѣвался и повелѣлъ поставить мученика на горячіе уголья босыми ногами. Страстотерпецъ, однако, стоялъ недвижимо на горячихъ угольяхъ, никѣмъ не поддерживаемый, мужественно перенося жаръ огня, изъ-за любви ко Христу, и даже воспѣвая Псалмы Давидовы. Долго стоялъ онъ въ такомъ положеніи, и наконецъ царь приказалъ снять его съ угольевъ и подать ему чашу съ ядомъ. Мученикъ взялъ чашу, прочиталъ Сѵмволъ вѣры— вѣрꙋю во ѥдинаго бга —до конца, оградилъ себя крестнымъ знаменіемъ и выпилъ ядъ безъ всякаго для себя вреда. Царь пришелъ въ удивленіе и велѣлъ привести изъ темницы одного изъ осужденныхъ на смерть преступниковъ и дать ему такого же яду. Когда преступникъ выпилъ чашу съ ядомъ, то съ страшнымъ крикомъ тотчасъ же испустилъ духъ, и тѣло его тотчасъ же разложилось, тогда какъ святый Михаилъ оставался цѣлъ и невредимъ. Тогда всѣ бывшіе тамъ христіане исполнились великой радостью и единогласно прославляли Бога.

Сарацины же, чувствуя глубокій стыдъ и считая все происшедшее поруганіемъ надъ своею вѣрою, кричали царю, чтобы онъ или умертвилъ того монаха, или же отдалъ приказъ объ истребленіи всѣхъ христіанъ. Царь, изъ угожденія сарацинамъ, приказалъ вывести мученика за городъ и мечомъ отрубить ему голову. И выведенъ былъ мученикъ на смерть, а толпы сарацинъ и христіанъ послѣдовали за нимъ до мѣста казни. Пришедши на означенное мѣсто, мученикъ сталъ лицомъ къ востоку и, воздвигши очи и руки къ Небу, молился такъ:

— Владыка Вседержитель, Вышній, Безначальный, Присносущный, Создатель всякой твари, Царь царствующихъ и Господь господствующихъ! Благодарю тебя за то, что Ты сподобилъ меня окончить подвигъ. И нынѣ я умоляю Твою благость: пусть не прикоснется ко мнѣ рука діавола и пусть не ввергнетъ онъ меня въ глубину погибели, но чрезъ святыхъ Твоихъ Ангеловъ возьми мою душу и введи меня въ обители успокоенія. Тебя, Господи, я возлюбилъ, и Тебя пою и величаю—Отца, и Сына, и Святаго Духа, Единое Божество и Царство, ибо Тебѣ принадлежитъ слава во вѣки. Аминь.

Помолясь такъ и простившись съ вѣрующими, онъ преклонилъ подъ мечъ свою голову и скончался, будучи усѣченъ мечомъ[1]). Христіане же возсылали славу Богу, подкрѣпившему Своего мученика.

Иноки, обитавшіе въ монастырской гостинницѣ святаго Саввы, въ Іерусалимѣ, хотѣли взять тѣло мученика и отнести его въ лавру, но христіане, жившіе въ Іерусалимѣ, воспротивились этому, говоря:

— Здѣсь онъ страдалъ, здѣсь его нужно и положить, чтобы тѣло его было святыней и сообщало благословеніе вѣрующимъ.

Иноки же, наоборотъ, говорили, что онъ получилъ воспитаніе въ пустынѣ, что онъ—чадо преподобнаго отца Саввы и что его не слѣдуетъ хоронить гдѣ-нибудь, кромѣ лавры. Долго они спорили между собою, и о спорѣ ихъ вѣсть дошла до самого царя, который присудилъ, чтобы тѣло мученика было взято иноками, которые послѣ этого взяли оное и принесли въ гостинницу.

Въ тотъ же день преподобный Ѳеодоръ имѣлъ откровеніе о святомъ Михаилѣ и, пришедши въ церковь, сказалъ аввѣ и братіямъ:

— Нынѣ братъ нашъ Михаилъ совершилъ въ городѣ мученическій подвигъ.

Авва тотчасъ послалъ братію, чтобы перенести съ почестями въ лавру тѣло мученика. Они пошли и принесли его оттуда ночью, чтобы сарацины не нанесли какого оскорбленія тѣлу мученика. Господь же явилъ чудо надъ мощами Своего раба: съ неба сошелъ огненный столпъ и шествовалъ впереди несшихъ тѣло мученика, осіявая ихъ. Нѣкоторые изъ гражданъ, которые въ ту ночь не спали, также видѣли, какъ оный столпъ шелъ по направленію къ лаврѣ и освѣщалъ ту мѣстность.

Преподобный Ѳеодоръ вышелъ навстрѣчу мученику, источая обильныя слезы, которыя вызваны были частію сожалѣніемъ, частію радостію. Онъ плакалъ о святомъ Михаилѣ какъ объ ученикѣ и родственникѣ своемъ, и радовался тому, что его любезный сожитель сподобился мученическаго вѣнца. Также и авва лаврскій со всею братіей вышелъ навстрѣчу съ свѣчами и кадилами, воспѣвая пѣснопѣнія въ честь мученика. Такъ внесли они тѣло святаго Михаила въ церковь.

---

1) Кончина *святаго Михаила* послѣдовала въ нач. VIII в.

Въ то время въ лаврѣ былъ одинъ больной инокъ, по имени Георгій, который три года лежалъ въ болѣзни и котораго преподобный Михаилъ часто навѣщалъ. Этотъ разслабленный услышалъ о кончинѣ Михаила и сталъ просить братію, шедшую въ церковь, чтобы и его снесли туда же, дабы онъ могъ увидѣть мученика, бывшаго для него любимымъ братомъ. Но никто не обращалъ вниманія на него, и всѣ проходили мимо. Тогда больной отъ сильнаго огорченія прослезился и сказалъ:

— Братъ Михаилъ! если ты обрѣлъ благодать у Бога и получилъ дерзновеніе ходатайствовать передъ Христомъ, то вспомни и обо мнѣ, твоемъ другѣ, и испроси для меня, разслабленнаго, силу, дабы я могъ придти и увидѣть тебя, и воздать тебѣ цѣлованіе о Господѣ.

Только что онъ сказалъ это, какъ тотчасъ же внезапно почувствовалъ себя крѣпкимъ, и тотъ, кто не могъ повернуться лежа на одрѣ, всталъ съ одра здоровымъ. Онъ пришелъ въ церковь, припалъ къ тѣлу мученика и лобызалъ его со слезами, говоря:

— Поистинѣ, любезный братъ мой, ты имѣешь великое дерзновеніе передъ Христомъ; поистинѣ совершенную любовь явилъ ты мнѣ, страдальцу: ты и при жизни своей много послужилъ мнѣ, недостойному, и, отойдя ко Христу, вдругъ даровалъ мнѣ неожиданное здравіе.

Братія же, воспѣвши обычныя погребальныя пѣснопѣнія, положили мученика во гробницѣ святыхъ отцовъ прежде пострадавшихъ [1]).

Такъ окончилъ свою жизнь святый преподобномученикъ Михаилъ въ 9 день мѣсяца іюля. Онъ являлся потомъ часто преподобному Θеодору въ ночныхъ видѣніяхъ, украшенный мученическимъ одѣяніемъ и вѣнцомъ и озаряемый неизреченнымъ свѣтомъ. Онъ говорилъ:

— Не скорби обо мнѣ, отче, ибо я получилъ милость отъ Христа Бога моего, отъ Котораго и тебѣ приготовлено воздаяніе за преподанныя тобою мнѣ наставленія.

Здѣсь кончается рѣчь о святомъ мученикѣ Михаилѣ, и мы обращаемся снова къ житію преподобнаго Θеодора.

Устрояющій все на пользу Господь не восхотѣлъ болѣе скрывать подъ спудомъ пребыванія въ пустынѣ такого свѣтильника,

---

[1]) Память сихъ отцевъ совершается св. Церковію 20-го марта.

каковъ былъ блаженный Θеодоръ, который могъ своею добродѣтельною жизнію принести пользу многимъ и какъ свѣтъ свѣтитъ міру. Поэтому Онъ поставилъ его на высокое архіерейское служеніе.

Во Святую великую Четыредесятницу въ Іерусалимъ прибылъ Святѣйшій Патріархъ Антіохійскій для поклоненія животворящему Гробу Христову и по дѣламъ своей Церкви. Въ это время, когда въ Іерусалимѣ было два патріарха, кромѣ нихъ еще много епископовъ изъ Іерусалимской и Антіохійской епархій, изъ города Едессы пришли въ Іерусалимъ нѣкоторые уважаемые представители духовенства и міряпъ, прося епископа для города Едессы, такъ какъ тамошній епископъ скончался. Начали отыскивать человѣка, который бы былъ достоинъ того сана и престола, и Святѣйшій Патріархъ Іерусалимскій, будучи руководимъ Духомъ Божіимъ, вспомнилъ о блаженномъ Θеодорѣ и сказалъ:

— Никто, по моему мнѣнію, не ведетъ такой равноангельской жизни и въ тоже время не способенъ такъ къ управленію церковными дѣлами, какъ дивный въ молчальникахъ Θеодоръ, инокъ лавры преподобнаго Саввы.

Палестинскіе отцы вполнѣ согласились съ такимъ отзывомъ Патріарха о святомъ Θеодорѣ, ибо всѣ въ Палестинѣ хорошо знали о подвижнической жизни Θеодора. Весь Соборъ возрадовался, и тотчасъ патріархи послали за Θеодоромъ и нарекли его во епископа, хотя онъ съ плачемъ отказывался отъ этого сана. Они повелѣли ему пройти обычныя церковныя степени и принять посвященіе во іереи. Возрадовались и посланцы изъ Едессы объ избранномъ для нихъ епископѣ, такъ какъ слышали о его богоугодномъ житіи и знали, что онъ—уроженецъ ихъ города.

Когда наступилъ Великій Четвертокъ—день Тайной Вечери Христовой, оба патріарха служили со множествомъ епископовъ и при этомъ хиротонисали преподобнаго Θеодора въ епископы. Во время же посвященія совершилось великое чудо на виду у всѣхъ. Голубь, цвѣтомъ бѣлѣе снѣга, сталъ парить въ верху церкви и потомъ сошелъ на главу поставляемаго епископа. Видѣвшіе это патріархи, епископы и священники дивились и прославляли Бога и говорили:

— Поистинѣ этотъ мужъ достоинъ святительскаго сана!

По совершеніи же посвященія, преподобный Θеодоръ весь сіялъ благодатію, какъ Ангелъ Божій, и весь внѣшній видъ его

являлъ въ немъ совершеннѣйшаго Богоносца. Въ Святую же и Великую Субботу, а также и въ пресвѣтлый праздникъ Воскресенія Христова онъ служилъ вмѣстѣ съ обоими патріархами, въ понедѣльникъ же Свѣтлой Недѣли, онъ отправился въ лавру прощаться со святыми отцами. Тѣ и радовались, и плакали: радовались тому, что братъ ихъ сподобился святительскаго сана, плакали о томъ, что лишаются ближайшаго общенія съ такимъ великимъ отцомъ. Плакалъ много и святый Θеодоръ, покидая своихъ любезныхъ друзей, свою отшельническую келлію и вожделѣнное для него безмолвіе, и, простившись со всѣми, проливая слезы, возвратился во Святой Градъ. Потомъ послѣ Θоминой недѣли, по просьбѣ едессянъ, онъ отправился, не медля болѣе, въ Едессу. Съ нимъ былъ и Василій, писатель его житія, приходившійся ему племянникомъ по сестрѣ. Когда они достигли рѣки Евфрата и расположились на ночлегъ въ палаткахъ, поставленныхъ на берегу, преподобный, сожалѣя о томъ, что долженъ былъ покинуть Святый Градъ и святую лавру, произнесъ слова Псалмопѣвца:

— **На рѣка́хъ вавилѡ́нскихъ, та́мѡ сѣдо́хомъ и҆ пла́кахомъ, внегда̀ помѧну́ти на́мъ сі҆ѡ́на**[1]).

Произнесши эти слова, онъ прослезился и задумалъ бѣжать, но едессяне, понявши его намѣреніе, поставили стражей, чтобы не лишиться своего пастыря. И въ ту ночь преподобному было видѣніе. Нѣкто явился ему и сказалъ:

— Не уподобляйся лѣнивому рабу, который скрылъ въ землю данный ему отъ Господа[2]) талантъ, но уподобляйся рабу, принявшему пять талантовъ и пріобрѣтшему десять, за что онъ и получилъ власть надъ десятью городами[3]). Не отказывайся носить возложенное на тебя иго Христово!

Послѣ этого видѣнія святый Θеодоръ сказалъ:

— Да будетъ воля Господня!

И отправился съ едессянами, рѣшивъ болѣе не оставлять своего новаго служенія и уже не печалясь о выпавшемъ ему жребіи.

Когда они приближались къ Едессѣ, то весь городъ вышелъ на встрѣчу новаго архіерея, и православные съ неизреченною радостію приняли его. Возрадовался духомъ и святый Θеодоръ, увидѣвъ зданіе соборной церкви въ Едессѣ, по величинѣ и красотѣ

[1]) Псал. **136**, ст. 1.

[2]) Еванг. отъ Матѳ., гл. **25**, ст. 18.

[3]) Еванг. отъ Лук., гл. **19**, ст. 16—17.

немногимъ развѣ уступавшее Іерусалимской церкви Воскресенія Христова. Благословивъ всѣхъ, онъ припалъ къ честной ра́кѣ святыхъ мучениковъ Гурія, Самона и Авива[1]) и прослезился. Такимъ образомъ святитель Христовъ принялъ престолъ свой—(въ то время въ Греческой имперіи царствовалъ Михаилъ[2]) съ матерью своею Ѳеодорою)—и сталъ усердно пасти врученную ему Богомъ паству и словомъ, и дѣломъ, съ одной стороны, питая ее богодухновенными ученіями, съ другой,—наставляя на путь спасенія примѣромъ своей добродѣтельной жизни. А такъ какъ въ томъ городѣ было немало ересей—и несторіева[3]), и северова[4]) и евтихіева[5]), и манихейская[6]), то онъ печалился объ этомъ и немало трудовъ положилъ на борьбу съ еретиками, видя въ нихъ хищныхъ звѣрей. И въ православныхъ святитель Христовъ возбуждалъ радость, а въ еретикахъ досаду, и православные радовались тому, что у нихъ былъ такой богомудрый пастырь и учитель, а еретики горевали и замышляли противъ него зло. Но онъ былъ твердъ, какъ адамантъ, и никакія нападенія не могли лишить его мужества. Ему горько было смотрѣть на грѣшниковъ, оставлявшихъ истинную вѣру, но, съ другой стороны, онъ радовался при видѣ мужей добродѣтельныхъ и утвержденныхъ въ благочестіи и любилъ часто дружески бесѣдовать съ ними наединѣ.

---

[1]) Память ихъ празднуется св. Церковію 15-го ноября.

[2]) *Императрица Ѳеодора* управляла Греческой имперіей съ 842 г. по 855 г.; сынъ ея Михаилъ (III-й) царствовалъ съ 855 г. по 867 г.

[3]) *Несторіанство* основано Несторіемъ, епископомъ Константинопольскимъ (епископствовалъ съ 428 г. по 431 г.), учившимъ, что Іисусъ Христосъ не есть Истинный Богъ, а лишь человѣкъ, сынъ Іосифа и Маріи, удостоенный за святость жизни особенной благодати Божіей и спасающій насъ не Своими искупительными заслугами, а лишь ученіемъ и примѣромъ Своей жизни. Несторіанство было осуждено на III-мъ Вселенскомъ Соборѣ, бывшемъ въ Ефесѣ (въ 431 г.). Несмотря на соборное осужденіе несторіанская ересь существовала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ Персіи, Индіи и Китаѣ, до VIII в.

[4]) *Северъ*, Патріархъ Антіохійскій (съ 512 г. по 518 г.)—основатель ереси северіанской. *Северіанство* представляетъ собою видоизмѣненную монофизитскую ересь (см. слѣд. примѣч.). Северіане, хотя и признавали, подобно еретикамъ-монофизитамъ, только одну природу въ Іисусѣ Христѣ—Божескую, но допускали въ ней различіе свойствъ божескихъ и человѣческихъ; такъ, они утверждали, что плоть Христова до воскресенія была тлѣнною, подобно нашей.

[5]) *Евтихіанская ересь*, основанная Константинопольскимъ архимандритомъ Евтихіемъ, неправильно учила, что Іисусъ Христосъ имѣлъ лишь одно естество—Божеское, тогда какъ Православная Церковь всегда признавала и признаетъ въ Іисусѣ Христѣ два естества, несліянныя и нераздѣльныя—Божеское и человѣческое. Евтихіане назывались еще монофизитами (или «единоестественниками»,—отъ греч. μόνος одинъ и φύσις—естество). Эта ересь была осуждена на IV-мъ Вселенскомъ Соборѣ, происходившемъ въ г. Халкидонѣ въ 451 г., но существовала послѣ соборнаго осужденія въ ослабленномъ видѣ еще нѣсколько вѣковъ.

[6]) Замѣчаніе о *манихействѣ* см. выше, стр. 208-ую, прим. 1-ое.

Въ то время близъ Едессы, около монастыря святаго великомученика Георгія[1]), въ которомъ проводили постническую жизнь инокини, жилъ уважаемый всѣми столпникъ, по имени Θеодосій, мужъ высокой жизни, престарѣлый (ему было уже болѣе ста лѣтъ) и имѣвшій отъ Бога особый даръ прозорливости. Преподобный епископъ Θеодоръ часто посѣщалъ его и, бесѣдуя съ нимъ, какъ съ искреннимъ другомъ, находилъ въ немъ утѣшеніе. Столпникъ говорилъ ему:

— Не ослабѣвай, служитель Господа, въ трудахъ своихъ и пусть не кажется тебѣ тяжкимъ иго Господне. Все для тебя окончится благополучно, и если многіе изъ еретиковъ будутъ замышлять злое противъ тебя, то не будутъ имѣть успѣха въ своихъ намѣреніяхъ. Господь разстроитъ ихъ планы и они будутъ побѣждены, посрамлены и изгнаны изъ дворовъ церковныхъ.

Эти слова столпника исполнились въ свое время—объ этомъ будетъ сказано впослѣдствіи. Здѣсь же нужно сказать еще о частыхъ духовныхъ бесѣдахъ епископа со столпникомъ, въ которыхъ столпникъ сообщилъ много полезнаго епископу. Однажды онъ разсказалъ ему слѣдующее.

— Былъ,—говорилъ столпникъ,—въ этомъ городѣ много лѣтъ тому назадъ одинъ человѣкъ, по имени Адеръ, благородный и знатный и очень богатый—какъ въ древности праведный Іовъ[2]). Онъ былъ ко всѣмъ милостивъ, нескудно подавалъ милостыню нищимъ и жертвовалъ на монашескія обители, и приходилъ часто ко мнѣ побесѣдовать о предметахъ духовныхъ. Онъ имѣлъ супругу и троихъ дѣтей и былъ человѣкъ праведный, незлобивый, кроткій, смиренный, молодъ лѣтами и крѣпкаго здоровья. Одинъ разъ онъ пришелъ ко мнѣ, по своему обычаю, и я увидѣлъ, что онъ очень печаленъ. Я сказалъ ему:

— Что ты печаленъ, духовное мое чадо?

Онъ же, обливаясь слезами, отвѣчалъ:

— Нагимъ я вышелъ изъ чрева матери моей, нагимъ долженъ отойти и въ могилу. Ничего я изъ временнаго богатства и изъ суетной славы не унесу съ собою. Давидъ сказалъ: **сокро́вищствꙋетъ**,

---

1) Память его совершается св. Церковію 23-го апрѣля.

2) *Іовъ* —ветхозавѣтный праведникъ, мужественно выдержавшій посланныя ему Богомъ испытанія. Исторія его жизни и дѣятельности описывается въ библейской книгѣ его имени.—Память его празднуется св. Церковію 6-го мая, подъ каковымъ числомъ помѣщено и житіе его.

и҆ не вѣ́сть комꙋ̀ собере́тъ ѧ҆[1]), нижѐ сни́детъ съ ни́мъ сла́ва є҆гѡ̀[2]). Человѣкъ оставляетъ свое богатство чужимъ, и иначе быть не можетъ. И Апостолъ говоритъ: прехо́дитъ ѡ҆́бразъ мі́ра сегѡ̀[3]). Слышу какъ и Христосъ Спаситель нашъ восклицаетъ: и҆́же не ѿрече́тсѧ всегѡ̀ своегѡ̀ и҆мѣ́нїѧ, не мо́жетъ бы́ти мо́й ᲂу҆чени́къ[4]) и еще: и҆́же не прїи́метъ креста̀ своегѡ̀, и҆ въ слѣ́дъ менѐ грѧде́тъ, нѣ́сть менѐ досто́инъ[5]). Поэтому, отче, я хочу все оставить по любви къ Богу— и жену, и дѣтей, и имѣніе, и жить для одного Господа, приведшаго меня изъ небытія въ бытіе. Ты же дай мнѣ свое отеческое благословеніе и одинъ хлѣбъ изъ твоей келліи и помолись за меня!

Я подивился словамъ его и сказалъ ему:

— Доброе у тебя, я вижу, намѣреніе, но ты берешь на себя великій подвигъ. Спасется тотъ, кто претерпитъ до конца[6]), поэтому смотри, чадо мое, какъ бы тебѣ напослѣдокъ не раскаяться. Лучше вовсе не давать обѣта, чѣмъ, давши обѣтъ, не исполнить его. Но если ты исполнишь, то, конечно, блаженъ будешь, перемѣнивъ временное на вѣчное.

Онъ же сказалъ:

— Да будетъ воля Господня!

Послѣ этого я помолился о немъ и, давши ему одинъ хлѣбъ, отпустилъ его. А онъ, убѣжавши изъ мятежнаго міра, какъ изъ темницы, прибылъ въ Іерусалимъ и, помолившись усердно у Гроба Христова и побывавъ во всѣхъ Святыхъ мѣстахъ, ушелъ въ лавру святаго Саввы и принялъ иноческій чинъ, будучи переименованъ изъ Адера въ Аѳанасія. Онъ проводилъ жизнь истиннаго инока, угодилъ Богу и отошелъ къ Нему. Добродѣтельная же супруга его, по удаленіи его, долгое время оплакивала свое одиночество и нерѣдко при этомъ обращалась къ нему, какъ бы видя его предъ собою:

— О господинъ мой,—говорила она,—ты старался о томъ, чтобы спасти душу свою, а на меня одну возложилъ заботу о дѣтяхъ твоихъ. Да видитъ это Всевидящій Богъ и пусть разсудитъ между мною и тобою!

---

1) Псал. 38, ст. 7.
2) Псал. 48, ст. 18.
3) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 7, ст. 31.
4) Еванг. отъ Лук., гл. 14, ст. 33.
5) Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 38.
6) Еванг. отъ Матѳ., гл. 24, ст. 13.

Чрезъ нѣкоторое время однажды ночью ей предсталъ въ сновидѣніи мужъ ея, съ просвѣтленнымъ лицомъ и въ бѣлой блестящей одеждѣ, и сказалъ ей:

— Перестань плакать и жаловаться на меня. Вотъ, я беру дѣтей къ себѣ, ты же старайся спасти душу свою.

И мнѣ въ томъ же видѣ явился этотъ человѣкъ и сказалъ:

— Въ монастырѣ, находящемся близъ тебя, старѣйшая безмолвница черезъ три дня отойдетъ ко Господу; ты устрой туда вмѣсто нея мою супругу, чтобы она жила въ ея келліи, постясь и въ полномъ уединеніи. Пусть останется при ней и младшій ребенокъ, пока не возрастетъ. Онъ будетъ слѣдовать по моимъ стопамъ и войдетъ на апостольскій престолъ въ Іерусалимѣ.

Послѣ этого явленія на третій день преставилась въ томъ монастырѣ старая безмолвница, а потомъ скончалось и двое дѣтей Адеровыхъ. Остался только одинъ, самый маленькій ребенокъ, который также былъ боленъ при смерти. Мать же, огорчаясь и лишеніемъ мужа, и смертію двоихъ дѣтей, видя, что и послѣднее ея чадо находится при смерти, въ своей великой печали плакала горько, а потомъ, взявши на руки младенца, побѣжала ко мнѣ, недостойному. На половинѣ пути младенецъ на рукахъ матери умеръ, и мать не знала, что̀ дѣлать въ такомъ печальномъ положеніи. Случайно или, лучше сказать, по Божественному промышленію, ее встрѣтила одна блудница, и мать, тотчасъ положивъ къ ней на руки мертваго ребенка, сама бросилась къ ногамъ ея, умоляя ее со слезами, чтобы она помолилась за ребенка Богу. Блудница же, приведенная въ изумленіе такою просьбою, сказала, что она явная грѣшница, повинна во многихъ преступныхъ и скверныхъ дѣлахъ и потому не смѣетъ обратиться къ Богу съ ходатайствомъ, и не можетъ даже поднять глаза свои на небо, и открыть уста для молитвы. Мать же, какъ бы лишившаяся ума отъ печали, продолжала, обнимая ея ноги, просить ее. Тогда блудница, ставши лицомъ къ востоку, вздохнула изъ глубины сердца и ударивши себя въ перси и обливаясь слезами, начала молиться такъ:

— Недостойна я, Господи, по множеству грѣховъ моихъ возрѣть на высоту небесную и своими скверными устами именовать Твое Святое Имя, но, подобно древней блудницѣ, плакавшей у ногъ Твоихъ[1]), умоляю Твое человѣколюбіе—излей нынѣ на насъ

[1]) Еванг. отъ Лук., гл. 7, ст. 36—50.

отъ Твоего благоутробія Твое милосердіе! Та грѣшница просила прощенія своихъ грѣховъ, а я, не дерзая просить прощенія своимъ безчисленнымъ беззаконіямъ, молю объ этомъ непорочномъ младенцѣ, о чемъ просить меня съ настойчивостію эта цѣломудренная раба Твоя. Жизнодавецъ, Спаситель всѣхъ! даруй жизнь этому отроку. Если я, женщина съ жесткимъ и немилостивымъ сердцемъ, сожалѣю о немъ, насколько болѣе Ты, по самой природѣ Своей милостивый и человѣколюбивый, милосердствуешь о Твоемъ созданіи!

О неизреченное благоутробіе Божіе! Когда грѣшница помолилась такимъ образомъ, ребенокъ ожилъ. Явно грѣшную женщину, помолившуюся съ сердечнымъ сокрушеніемъ и смиренно исповѣдавшую грѣхи свои, Богъ услышалъ и, по ея молитвамъ, воскресилъ умершаго, предвидя ея будущее обращеніе и святую жизнь въ будущемъ. Мать, увидя ребенка живымъ, чрезвычайно обрадовалась и воздала хвалу Богу, а грѣшница, при видѣ такого чуда, пришла въ ужасъ и, не будучи въ силахъ сказать ни одного слова, упала ницъ на землю, испуская струи слезъ. Такъ дивенъ въ дѣлахъ Своихъ Богъ! Онъ воскресилъ ребенка, утѣшилъ огорченную мать, блудницу расположилъ къ искреннему раскаянію и приготовилъ Себѣ достойнаго раба для святительскаго служенія.—Этотъ воскрешенный ребенокъ сталъ потомъ Патріархомъ Іерусалимскимъ.

Когда все это совершалось на пути, я смотрѣлъ со столпа и, по божественному откровенію, увидѣлъ яркій свѣтъ, сошедшій съ неба и осіявшій молящуюся грѣшницу, умершаго ребенка и плачущую мать. Призвавъ къ себѣ ученика, я послалъ его за обѣими тѣми женщинами, и онѣ, пришедши, разсказали мнѣ на мои вопросы все въ подробностяхъ, согласно съ тѣмъ, что открыто было мнѣ Господомъ. Супруга же Адерова говорила:

— Разсуди, честный отче, между мною и супругомъ моимъ, твоимъ духовнымъ сыномъ. Я вышла за него замужъ, будучи непорочна, стала матерью троихъ дѣтей, а онъ, безъ всякой вины съ моей стороны, ушелъ неизвѣстно куда. Когда я много времени провела въ слезахъ, онъ однажды явился мнѣ во снѣ, будучи одѣтъ въ свѣтлое одѣяніе и сказалъ:

— Вотъ, я беру младенцевъ къ себѣ, а ты, если хочешь, спаси душу свою!

Послѣ этого видѣнія двое дѣтей моихъ умерли, а теперь онъ хочетъ взять и послѣдняго и оставить меня умирать отъ тоски и

сожалѣнія. Если онъ дѣлаетъ такъ по твоему повелѣнію, то пусть Богъ разсудитъ между вами и мною!

Я же сказалъ ей:

— Дочь, не печалься; твой сынъ не умретъ, но останется живъ и сподобится великой славы. Ты же, по совѣту твоего супруга, позаботься о спасеніи души твоей. Вотъ тебѣ приготовлена уединенная келлія въ монастырѣ близъ меня. Одна богоугодная раба Христова, состарѣвшаяся въ постничествѣ, скончалась,—будь ея замѣстительницей и подражай ея житію.

На мое предложеніе женщина тотчасъ же согласилась, а потомъ и грѣшница со слезами стала умолять, чтобы и ее приняли какъ кающуюся и причислили къ святымъ постницамъ.

Чрезъ нѣкоторое время обѣ тѣ женщины, раздавши нищимъ всѣ свои имѣнія, вступили въ монастырь святыхъ постницъ, стали очень усердными инокинями и своими подвигами угодили Богу. Ребенокъ же воскресшій, придя въ возрастъ, отправился въ Палестину и, бывши въ лаврѣ святаго Саввы, узналъ, что тамъ проводилъ иноческую жизнь его отецъ. Онъ самъ постригся здѣсь въ иноки и, испросивъ себѣ отцовскую келлію, долговременными постническими подвигами снискалъ себѣ уваженіе среди палестинскихъ отцовъ. По Божію изволенію, онъ возведенъ былъ на патріаршій Іерусалимскій престолъ, въ теченіи семи лѣтъ управлялъ мудро Церковью Христовою, а потомъ, совершивъ въ непорочности путь свой, переселился въ вѣчныя обители.

Этотъ разсказъ дивнаго столпника доставилъ большое утѣшеніе святителю Христову Ѳеодору, и онъ спросилъ у столпника:

— Скажи мнѣ, отецъ духовный, сколько времени ты живешь на этомъ столпѣ, и вообще, прошу тебя, скажи, ничего не скрывая, Господа ради, все о своей жизни.

Старецъ же, вздохнувъ изъ глубины сердца и прослезившись, сказалъ:

— Ради Имени Господня и по истинной любви скажу я все тебѣ, добрый пастырь словеснаго стада Христова, а ты сохрани въ тайнѣ это, доколѣ Господь не возьметъ меня изъ этой жизни. Во дни юности моей я съ своимъ старшимъ братомъ Іоанномъ отрекся отъ міра. Три года мы трудились въ монастырѣ, а потомъ въ насъ пробудилось желаніе вести уединенную жизнь въ пустынѣ. По совѣту своего духовнаго отца, мы ушли въ лежащую около Вавилона пустыню и, найдя тамъ двѣ, недалеко одна отъ другой

расположенныя пещеры, стали жить въ нихъ въ уединеніи, каждый въ своей пещерѣ. Пищу нашу составляли зелень и древесные плоды, какіе можно находить въ пустынѣ, а въ субботу и въ воскресенье мы вмѣстѣ совершали молитвы и пѣли Псалмы; вкусивши вмѣстѣ обычной пустынической пищи, мы снова расходились по своимъ пещерамъ, наединѣ молясь и размышляя о Богѣ. Ходя по пустынѣ, мы также старались не встрѣчаться другъ съ другомъ, и только Ангелъ Господень часто посѣщалъ и утѣшалъ насъ въ нашемъ уединеніи. Однажды, когда мы врозь ходили по пустынѣ, собирая растенія, я увидѣлъ вдали своего брата, который, идя, вдругъ остановился съ удивленіемъ, а потомъ, немного постоявъ на мѣстѣ, оградилъ себя крестнымъ знаменіемъ и перепрыгнулъ чрезъ находившееся передъ нимъ мѣсто какъ бы черезъ какую-нибудь сѣть и быстро убѣжалъ въ свою пещеру. Удивился и я такому поступку брата и пошелъ посмотрѣть, что заставило брата обратиться въ бѣгство. Подойдя къ тому мѣсту, я увидѣлъ большое количество просыпаннаго золота и, сотворивши молитву и снявши мантію, я собралъ въ нее просыпанное золото и едва донесъ его до пещеры, ничего не сказавши объ этомъ брату. Потомъ я отправился въ городъ и купилъ хорошій, крѣпкій домъ, съ большими комнатами и съ источникомъ чистой воды. Тамъ я устроилъ церковь и монастырь, собралъ сорокъ монаховъ, завелъ страннопріимный домъ и больницу для успокоенія странниковъ и больныхъ и купилъ для монастыря довольное количество земли. Устроивъ все, я нашелъ мудраго человѣка, котораго поставилъ игуменомъ того монастыря. За покрытіемъ всѣхъ расходовъ по устройству монастыря у меня осталось еще двѣ тысячи златницъ, изъ которыхъ тысячу я отдалъ игумену на нужды монастыря, а другую тысячу роздалъ нищимъ, себѣ не оставивши ни одной златницы. Потомъ, простясь съ игуменомъ и братіей, я вернулся опять въ пустыню отыскать брата своего. Когда я шелъ въ пустыню, то въ сердцѣ моемъ явилась горделивая мысль: вотъ братъ мой не съумѣлъ воспользоваться найденнымъ золотомъ для добраго дѣла, а я совершилъ нѣчто великое и богоугодное. Размышляя такъ, я приблизился къ тому мѣсту, гдѣ жилъ братъ, и горделивый помыслъ о моемъ превосходствѣ передъ братомъ не оставлялъ меня. И вотъ мнѣ вышелъ навстрѣчу Ангелъ Господень, посѣщавшій меня раньше, и, грозно взглянувъ на меня, сказалъ гнѣвно:

— Зачѣмъ ты тщеславишься и превозносишься передъ бра-

томъ своимъ? Скажу тебѣ по правдѣ, что весь твой долговременный трудъ, всѣ твои заботы объ устройствѣ монастыря не сравняются съ тѣмъ, что сдѣлалъ братъ твой, перепрыгнувъ черезъ найденную имъ кучу золота. Онъ не черезъ золото перескочилъ, а черезъ большую пропасть, которая образовалась между богатымъ и Лазаремъ[1]), перелетѣлъ на легкихъ крыльяхъ, и лоно Авраамово ожидаетъ его. Онъ старался угодить Богу, ты—людямъ. Поэтому несомнѣнно братъ твой выше тебя передъ Богомъ, и ты ни въ какомъ случаѣ не сравнишься съ нимъ, хотя и считаешь себя лучшимъ, чѣмъ онъ. За это тщеславіе ты не увидишь въ теченіи этой жизни ни его, ни меня, и тебѣ придется пролить немало слезъ для того, чтобы умилостивить Бога.

Сказавши это, Ангелъ скрылся изъ глазъ моихъ, а я поспѣшилъ къ пещерѣ, гдѣ жилъ братъ мой, но уже не увидѣлъ его тамъ. Я громко плакалъ, до потери силъ, и вотъ чрезъ семь дней я услышалъ издали голосъ Ангела, говорившій мнѣ:

— Тебѣ нужно идти къ городу Едессѣ и тамъ, близъ церкви святаго Георгія, войти на столпъ и пребывать въ покаяніи, пока Господь не смилостивится надъ тобою.

Итакъ, я пошелъ съ плачемъ изъ пустыни и, придя сюда, возшелъ на этотъ столпъ. Здѣсь я пробылъ сорокъ девять лѣтъ, борясь съ различными помыслами, окружавшими меня подобно мрачному облаку, и безутѣшная скорбь наполняла мое сердце. На пятидесятомъ году, въ одну изъ субботъ, позднимъ вечеромъ, я почувствовалъ въ своемъ внутреннемъ существѣ какое-то сладкое просвѣтленіе, съ которымъ вмѣстѣ разсѣялось и мрачное облако тяготившихъ меня помысловъ. Всю ту ночь я провелъ безъ сна, возсылая съ сердечнымъ умиленіемъ молитвы Богу и орошая лицо свое слезами утѣшенія. Когда настало воскресенье и я пѣлъ обычные псалмы третьяго часа, внезапно явился предо мной святый Ангелъ и сказалъ:

— Миръ тебѣ и спасеніе!

Я же, утѣшенный этимъ явленіемъ, палъ на землю и сказалъ со слезами:

— Зачѣмъ ты отвергъ меня отъ лица твоего и разлучилъ меня съ братомъ моимъ? Вотъ, я теперь подвергаюсь многимъ искушеніямъ!

---

[1]) Еванг. отъ Лук., гл. 16, ст. 26—31.

Ангелъ, взявъ меня за руку, поднялъ меня и сказалъ мнѣ:

— Изъ-за гордости твоей, съ какою ты уничижилъ въ мысляхъ своихъ своего брата, я скрылся отъ очей твоихъ, но не вовсе оставилъ тебя, а невидимо пребывалъ съ тобою, сохраняя тебя, какъ то повелѣлъ мнѣ Богъ. Теперь же за смиреніе твое Господь помянулъ тебя и послалъ меня, чтобы я, открыто для тебя, былъ съ тобою и въ этой и въ будущей жизни. Тебѣ дается теперь отъ Господа благодатный даръ прозорливства, чтобы узнавать людей праведныхъ и грѣшныхъ, чтобы о праведникахъ радоваться, а за грѣшныхъ молиться, дабы они обратились отъ грѣховной жизни къ покаянію. И братъ твой живъ и все время молится за тебя Господу, но увидишь ты его только въ будущей жизни.

— Вотъ и все, что я могъ сказать тебѣ, архіерей Божій, о своей жизни!

Святый Ѳеодоръ тогда спросилъ его, какъ онъ узнаетъ праведниковъ и грѣшниковъ. Столпникъ отвѣчалъ:

— Если мимо этого мѣста проходитъ человѣкъ праведный и богобоязненный, то я вижу сіяющую надъ нимъ благодать Божію: около него по обѣимъ сторонамъ шествуютъ святые и пресвѣтлые Ангелы, а вдали идутъ не смѣющіе приблизиться къ нему бѣсы. Если же мимо меня идетъ грѣшникъ, то вижу кругомъ него полчище ликующихъ бѣсовъ, а вдали шествуетъ Ангелъ, сѣтуя и плача о погибели грѣшника. Когда же бѣсы захотятъ окончательно погубить того человѣка, Ангелъ съ огненнымъ оружіемъ въ рукахъ прогоняетъ ихъ.

Такими душеполезными бесѣдами преподобнаго столпника святый Ѳеодоръ много утѣшался, благодаря Бога за то, что ему случилось найти среди своихъ пасомыхъ такого человѣка, богодухновеннаго угодника Господня и прозорливаго отца. Съ тѣхъ поръ онъ часто посѣщалъ его и велъ съ нимъ духовныя бесѣды.

Такъ мудро святый Ѳеодоръ пасъ Христово стадо, стараясь уничтожить умножившіяся ереси. Еретики же исполнялись яростью и начали явно покушаться на святаго пастыря. Вознамѣрились они цѣлою вооруженною толпою ворваться въ церковь во время Богослуженія, убить пастыря и разогнать овецъ, но это не удалось имъ, и на нихъ исполнилось слово Писанія: **помы́слиша совѣ́ты, и҆́же не возмо́гꙋтъ соста́вити**[1]). Всякій разъ, какъ только они при-

[1]) Псал. 20, ст. 12.

ближались къ церкви, сила Божія мѣшала имъ войти: у нихъ то оцѣпенѣвали руки, то пламень огненный, вырывавшійся вдругъ навстрѣчу имъ изъ церкви, отгонялъ ихъ. Недоумѣвали они долго, что предпринять, но потомъ рѣшили дѣйствовать иначе. Они возбудили противъ Церкви Божіей и противъ святителя правителей той области, Агарянъ (Едесса находилась подъ владычествомъ Сарацинъ), давши имъ большіе подарки, и, съ ихъ разрѣшенія и при ихъ содѣйствіи, отняли у Церкви много имѣній, селенія, нивы, сады и все прочее, откуда получали средства къ жизни домъ архіерея и церковный причтъ. Они, и главнымъ образомъ богатые манихеи, творили много обидъ и насилій и прочимъ православнымъ христіанамъ.

Приходилось святителю Θеодору идти въ Вавилонъ къ царю Сарацинскому по имени Мавій, преемнику Адрамелеха, жаловаться ему на причиняемыя Церкви обиды и просить о прекращеніи этихъ обидъ, и о справедливомъ разслѣдованіи всего дѣла. Сначала святый Θеодоръ отправился за совѣтомъ къ преподобному столпнику. Столпникъ одобрилъ его намѣреніе и предсказалъ ему все, что должно случиться съ нимъ. Онъ сказалъ, что святитель успѣшно исполнитъ поставленную имъ для себя задачу и что не только получитъ удовлетвореніе всѣхъ нуждъ церковныхъ, но что и самого царя обратитъ къ Христовой вѣрѣ. Совѣтовалъ ему столпникъ поискать и брата его, Іоанна, который долженъ былъ находиться гдѣ-нибудь повыше Вавилона, въ пустынѣ, и написалъ даже брату письмо. Святитель же, попрощавшись съ столпникомъ, возвратился въ епископію, и чрезъ нѣсколько дней приготовился къ путешествію, и, помолясь Богу о стадѣ своемъ и о себѣ, онъ пошелъ въ намѣченный имъ для себя путь.

Достигши Вавилона, святый Θеодоръ пришелъ въ христіанскую церковь и явился къ тамошнему митрополиту, который съ радостью принялъ святаго Θеодора и далъ ему у себя помѣщеніе. Когда же онъ сталъ разспрашивать Θеодора о цѣли его путешествія, то Θеодоръ съ подробностію разсказалъ ему о всѣхъ нападкахъ еретиковъ на церковь, о расхищеніи церковныхъ имуществъ и о страданіяхъ православныхъ людей. Въ то время у митрополита случайно находились двое придворныхъ, изъ коихъ одинъ былъ начальникъ надъ царскими писцами, а другой—начальникъ надъ врачами. Оба они были православные христіане. Слыша разсказъ епископа, они отъ глубины сердца соболѣзновали ему. Тогда ми-

трополитъ сказалъ тѣмъ придворнымъ, чтобы они напомнили царю о прибытіи епископа изъ Едессы, но тѣ отвѣчали:

— Теперь не время—царь тяжко боленъ, зрѣніе его отъ болѣзни притупилось, и на глазахъ у него болячки. Кромѣ того, у него воспалена печень, а это, по нашему мнѣнію, болѣзнь неизлѣчимая. Развѣ можно теперь обращаться къ нему съ какимъ-нибудь дѣломъ?

Святый же Ѳеодоръ сказалъ имъ:

— Какъ знать, господа мои,—можетъ быть, ради моего смиренія Господь и исцѣлитъ его?

Они отвѣчали ему:

— Если ты искусенъ во врачеваніи или имѣешь отъ Бога благодать исцѣленій, то это время какъ разъ подходящее для того, чтобы получить тебѣ благопріятное для тебя рѣшеніе.

Утромъ начальникъ врачей, явившись къ царю, чтобы оказать ему обычную врачебную помощь, сказалъ ему, что прибывшій изъ Едессы епископъ весьма успѣшно врачуетъ болѣзни. Царь тотчасъ же приказалъ призвать его, и епископъ пошелъ къ царю, молясь и воспѣвая въ сердцѣ своемъ Псаломъ Давидовъ: **живы́й въ по́мощи вы́шнѧгѡ**[1]). При входѣ его въ царскую спальню больной царь, едва слышнымъ голосомъ, сказалъ:

— Епископъ! если можешь, то помоги мнѣ. Я ужасно страдаю и уже приближаюсь къ смерти.

Святитель же Христовъ, возведши очи сердца своего къ Богу и съ твердою вѣрою призвавъ на помощь Владыку Христа, скораго врача, повелѣлъ принести чистый сосудъ и чистой воды. Имѣя съ собою немного земли отъ Животворящаго Гроба Христова, онъ растворилъ эту землю въ водѣ, и часть этой воды велѣлъ царю выпить, а остаткомъ помазалъ ему голову, чело, вѣки, глаза, сердце и плечи. Послѣ этого онъ попросилъ, чтобы царю дали спокойно заснуть, а самъ удалился въ гостинницу. Больной царь крѣпко заснулъ, и во время сна у него прошла всякая болѣзнь, и онъ былъ, по благодати Христовой и по молитвамъ святаго Ѳеодора епископа, возвращенъ отъ вратъ смертныхъ. Пробудившись, царь почувствовалъ себя совершенно здоровымъ, и глаза его глядѣли ясно. Онъ весьма дивился такому быстрому и неожиданному полному исцѣленію, и, въ радости, приказалъ тотчасъ позвать къ себѣ

---

[1]) Псал. 90.

этого искуснаго во врачеваніи святаго епископа, и долго его благодарилъ и восхвалялъ. Святый же повелѣлъ царю принять пищи, и царь ѣлъ и пилъ какъ совершенно здоровый человѣкъ.

На другой день утромъ царь созвалъ всѣхъ своихъ высшихъ вельможъ и, сѣвши на высокомъ престолѣ, показалъ всѣмъ ясно, что онъ выздоровѣлъ. Всѣ радовались исцѣленію царя, и царь устроилъ въ тотъ день большой пиръ всѣмъ вельможамъ, градоначальникамъ, войску и всему народу. Началось веселое пиршество, а царь святому епископу Ѳеодору воздалъ почести предъ лицомъ всего собранія, одарилъ его великими дарами и называлъ его свѣтомъ очей своихъ. На третій же день царь, призвавши его къ себѣ, причемъ святому Ѳеодору были оказаны особыя почести, сказалъ:

— Человѣкъ Божій, свѣтъ очей моихъ! скажи мнѣ, по какой причинѣ ты пришелъ сюда? Все, что̀ ты потребуешь отъ меня, я исполню.

Тогда святитель Христовъ началъ во всѣхъ подробностяхъ разсказывать царю о всѣхъ обидахъ, чинимыхъ Святой Церкви и православнымъ христіанамъ, о грабежѣ церковныхъ имѣній, о притѣсненіяхъ и нападкахъ всякаго рода. И царь послѣ этого приказалъ немедленно написать къ правителямъ Киликіи, Сиріи и Месопотаміи[1]), чтобы они поспѣшили возвратить Едесской Церкви всѣ ея владѣнія, а за обиды, причиненныя христіанамъ, привлечь виновныхъ къ суду. Далѣе царь повелѣвалъ, чтобы еретики присоединились къ Соборной Церкви; если же они не захотятъ исполнить этого предписанія, то велѣлъ манихеямъ отрѣзывать языки, а несторіанъ, северіанъ и евтихіанъ выгнать изъ города, мѣста же собраній ихъ разорить. Когда это царское повелѣніе было записано, царь сказалъ святому:

— Ты, отче, останься здѣсь на нѣкоторое время съ нами, а я пошлю воеводу съ моимъ указомъ, чтобы онъ исполнилъ его въ точности. Пошли съ нимъ кого-нибудь изъ своихъ учениковъ и больше ни о чемъ не заботься: все будетъ исполнено по твоему желанію!

Итакъ, отъ царя былъ посланъ воевода, а отъ епископа—три клирика, и вскорѣ изъ Едессы пришло извѣщеніе, что все тамъ приведено въ порядокъ. Многіе изъ еретиковъ, испугавшись цар-

[1]) *Месопотамія*—каменистая и песчаная страна, находившаяся между рѣками—Тигромъ и Евфратомъ и простиравшаяся отъ Арменіи на сѣверѣ до Персидскаго залива на югѣ.

скихъ угрозъ, присоединились къ Православной Церкви, другіе же, продолжавшіе упорствовать въ своемъ нечестіи, подверглись тѣлеснымъ наказаніямъ или же были изгнаны.

Пребывая въ Вавилонѣ, святый епископъ Θеодоръ часто былъ приглашаемъ къ царю какъ врачъ и при этомъ сѣялъ понемногу сѣмена ученія Христова. Сѣмена эти падали на добрую почву царскаго сердца, и царь отчасти уже началъ просвѣщаться свѣтомъ истиннаго познанія. Потомъ святитель испросилъ у царя позволеніе отправиться на краткое время въ пустыню, чтобы найти указаннаго ему столпникомъ пустынножителя. Когда позволеніе было дано, онъ пошелъ съ двумя своими учениками и, удалившись изъ города примѣрно на сто поприщъ, при помощи Божіей нашелъ преподобнаго Іоанна, брата столпника, въ пустынѣ, въ едва доступной, темной пещерѣ. Преподобный самъ вышелъ навстрѣчу епископу и звалъ по имени святителя и учениковъ его. Сотворивши молитву и привѣтствовавъ другъ друга, они сѣли и вступили въ духовную бесѣду. Преподобный Іоаннъ очень походилъ на своего брата, столпника Θеодосія. Онъ просилъ святителя, чтобы тотъ совершилъ въ его пещерѣ Божественную Литургію и причастилъ его Пречистыхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовой, и епископъ исполнилъ его желаніе—совершилъ Литургію и причастилъ его. По принятіи Святаго Причастія пустынникъ весь исполнился духовною радостью и предложилъ гостямъ пустынную трапезу, которая показалась имъ необычно вкусною. Вкусивши, они возблагодарили Бога и опять занялись духовною бесѣдою. Старецъ сказалъ епископу:

— Отче! гдѣ то письмо, какое написалъ мнѣ мой братъ, столпникъ?

Епископъ, удивляясь прозорливости старца, сказалъ ему:

— Кто сообщилъ тебѣ, авва, что у меня есть письмо къ тебѣ отъ твоего брата?

Преподобный старецъ отвѣчалъ:

— Въ тотъ самый часъ, когда письмо было написано, оно было прочтено мнѣ и тотчасъ же на обратной сторонѣ письма былъ данъ отъ меня брату отвѣтъ.

Епископъ вынулъ изъ сумки письмо въ запечатанномъ видѣ и хотѣлъ отдать его пустыннику, но тотъ просилъ епископа распечатать письмо и прочитать. Когда епископъ исполнилъ его желаніе, то нашелъ на обратной сторонѣ письма слѣдующія слова:

«Іоаннъ, послѣдній среди иноковъ, изъ пещеръ Вавилонскихъ, Θеодосію, столпнику Сиріи, родному брату моему, желаетъ радоваться о Господѣ! Прочиталъ я письмо твое въ то время, какъ оно было написано, и тогда же написалъ тебѣ отвѣтъ, ибо если мы далеки другъ отъ друга тѣлесно, то душа моя неотступно пребываетъ съ тобою и то, что открываетъ тебѣ Богъ, извѣстно и мнѣ. Все, написанное тобою о святомъ епископѣ, приходитъ въ исполненіе, при содѣйствіи Божественнаго Промысла. Святая Церковь укрѣпляется, еретики посрамляются и будутъ изгнаны, невѣрный царь, вмѣстѣ съ просвѣтлѣніемъ очей тѣлесныхъ, получаетъ просвѣтлѣніе и очей духовныхъ. Будь здравъ о Господѣ, братъ, и моли обо мнѣ Владыку Христа, чтобы мы въ будущей жизни увидѣли другъ друга и пребывали неразлучно вмѣстѣ».

Прочитавши съ удивленіемъ такой чудесный отвѣтъ, епископъ вспомнилъ о Пророкѣ Аввакумѣ[1]), который былъ взятъ Ангеломъ изъ Іудеи въ Вавилонъ къ Даніилу[2]) и снова въ тотъ же часъ возвращенъ былъ въ Іудею[3]), и сказалъ самъ себѣ:

---

[1]) *Аввакумъ* — одинъ изъ числа, такъ называемыхъ, «малыхъ» (двѣнадцати) пророковъ; происходилъ изъ колѣна Симеонова и пророчествовалъ во времена плѣна вавилонскаго. По выраженію церковно-богослужебныхъ пѣсней, Пророкъ Аввакумъ, стоя «на божественной стражѣ», уразумѣлъ Божіе пришествіе» и «возвѣстилъ міру» Христово воскресеніе. Онъ оставилъ послѣ себя книгу, состоящую изъ 3-хъ главъ. Въ первыхъ двухъ главахъ излагается пророчество о плѣненіи іудеевъ и разрушеніи храма Іерусалимскаго; въ 3-ей главѣ своей книги Пророкъ воспѣваетъ могущество и величіе Божіе. Эта глава очень походитъ на Псаломъ или молитву; она служитъ основаніемъ 4-ой пѣсни каноновъ нашей Православной Церкви. Скончался св. Пророкъ Аввакумъ ок. 600 г. до Р. Хр. Память его празднуется Св. Церковію 2-го декабря.

[2]) *Даніилъ* — четвертый изъ числа, такъ называемыхъ, «великихъ пророковъ» (Исаія, Іеремія, Іезекіиль и Даніилъ); происходилъ изъ царскаго рода и еще юношею былъ отведенъ въ Вавилонъ въ числѣ прочихъ плѣнныхъ іудеевъ. Одаренный прекрасными душевными и тѣлесными качествами, онъ научился здѣсь языку и мудрости халдейской и вмѣстѣ съ тремя своими товарищами—Ананіею, Азаріею и Мисаиломъ былъ взятъ на службу при царскомъ дворѣ. Даніилъ истолковывалъ царю вавилонскому Навуходоносору его замѣчательные сны и самъ удостоился отъ Бога неоднократныхъ видѣній, въ которыхъ были открыты ему важнѣйшія и замѣчательнѣйшія священныя событія. При восшествіи на престолъ Дарія онъ былъ сдѣланъ однимъ изъ трехъ правителей имперіи и былъ чудеснымъ образомъ спасенъ отъ львовъ, въ ровъ къ которымъ онъ былъ брошенъ за свою привязанность къ отеческой вѣрѣ (Дан. гл. 6, ст. 10—24). Исторія его жизни и дѣятельности описана имъ самимъ въ священной книгѣ его имени. Память его празднуется св. Церковію 17-го декабря.

[3]) Здѣсь имѣется въ виду то обстоятельство, что Пророкъ Аввакумъ чудесно былъ восхищенъ Богомъ и перенесенъ черезъ воздухъ изъ города Остракины (на границахъ Аравіи, Палестины и Египта) въ Вавилонъ, въ ровъ къ Пророку Даніилу и принесъ ему обѣдъ.—Подробнѣе объ этомъ см. въ кн. Прор. Даніила (гл. 14, ст. 36—39), и въ житіи Прор. Аввакума, подъ 2-мъ декабря.

Всемогущій Богъ, сотворившій въ древности такое чудо, могъ и теперь сотворить подобное: Онъ **дивенъ во стыхъ своихъ** [1]).

Святый епископъ пробылъ у преподобнаго пустынника день и ночь, а наутро, по совершеніи молитвы, простился съ нимъ и возвратился въ Вавилонъ, къ царю. Царь сказалъ ему:

— Хотѣлось бы мнѣ, любезнѣйшій отче, никогда не разставаться съ тобою ни въ этой жизни, ни въ будущей,—такъ тѣсно соединилась моя душа союзомъ любви съ тобою!

Епископъ отвѣчалъ:

— Я вижу, что двери между мною и тобою открыты. Мнѣ не нужно выходить вонъ, а тебѣ ко мнѣ нѣтъ надобности входить. Когда же двери затворятся, мы разлучимся другъ съ другомъ, и объ этомъ я весьма скорблю душою.

Царь же сказалъ:

— Что такое эти двери и что значитъ ихъ закрытіе? Прошу тебя, скажи мнѣ, чтобы я могъ это понять!

Тогда святитель, вынувъ изъ-за пазухи святое евангеліе, сказалъ:

— Царь! вотъ дверь, ведущая ко спасенію и къ неразлучному пребыванію съ Богомъ и святыми Его!

И началъ читать ему во внутреннихъ покояхъ Святое Евангеліе, истолковывая его на понятномъ царю нарѣчіи. Царь же, со вниманіемъ слушая, умилялся сердцемъ и возгорался любовію ко Христу.

Въ это время при немъ было только трое вѣрнѣйшихъ слугъ, родомъ изъ Аравіи, которые также съ умиленіемъ слушали Святое Евангеліе, чтеніе котораго епископъ продолжалъ до самаго вечера. Наутро же царь, освободившись отъ дѣлъ, снова призвалъ къ себѣ святителя какъ бы для того, чтобы спросить у него совѣта какъ у врача, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы воспользоваться чрезъ него врачевствомъ для души своей; и снова цѣлый день внимательно слушалъ повѣствованія Евангелія и поученія Спасителя, и увѣровалъ потомъ во Христа и самъ, и его три служителя. Святитель сказалъ имъ, чтобы они готовились къ принятію Святаго Крещенія. Онъ назначилъ имъ нѣкоторый срокъ для поста и научилъ ихъ молиться Богу, написавши имъ на ихъ языкѣ Трисвятое, Отче нашъ и другія молитвы, а также Сумволъ вѣры—

---

1) Псал. 67, ст. 36.

вѣрꙋю во ѥдинаго бга. Все это дѣлалось тайно, чтобы не узнали сарацины, которыхъ царь опасался. Епископъ каждый день посѣщалъ царя какъ врачъ и наединѣ училъ царя, а потомъ и трехъ его служителей, таинствамъ святой вѣры. Чрезъ нѣкоторое время онъ тайно окрестилъ царя и его трехъ служителей, и нарекъ царю имя Іоаннъ. Онъ совершилъ въ царской опочивальнѣ Святую Литургію, причастилъ новокрещенныхъ Божественныхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовыхъ, и всѣ они вмѣстѣ возрадовались великою радостію. Радовались объ обращеніи грѣшниковъ и святые Ангелы, и во внутреннихъ царскихъ покояхъ ликованіе совершалось при невидимомъ участіи Небесныхъ Силъ.

Новопросвѣщенный царь Іоаннъ, по любви къ Искупителю рода человѣческаго Іисусу Христу, пострадавшему на крестѣ, очень желалъ имѣть частицу Древа Честнáго и Животворящаго Креста Господня, на коемъ былъ пригвожденъ Господь нашъ. Но такъ какъ крестное древо въ то время находилось не въ Іерусалимѣ, а перенесено было греческими царями въ Царьградъ[1]), то святителю Христову Ѳеодору пришлось отправиться въ Царьградъ съ царскимъ письмомъ, которое гласило слѣдующее:

«Превысокому и благочестивому самодержцу Греческаго царства царю Михаилу съ благочестивою и богомудрою матерью, Ѳеодорою, Іоаннъ, царь Сарацинскій, желаетъ радоваться о Господѣ! Благодарю преблагого Бога, избавившаго меня отъ заблужденія и давшаго познать истину Святаго Евангелія и исповѣдывать вѣру христіанскую, и прошу Ваше Царское благочестіе даровать мнѣ часть отъ Животворящаго Честнáго Древа Крестнаго, на коемъ распялся Христосъ мой. Хочу имѣть оное при себѣ какъ защитника своего».

Съ такимъ письмомъ и большими дарами царь Сарацинскій послалъ къ царю Греческому святаго епископа Ѳеодора, который, прибывши въ Царьградъ и отдавши царю письмо съ дарами, былъ съ почестями принятъ царемъ и Святѣйшимъ Патріархомъ.

Случилось въ то время матери царя, Ѳеодорѣ, заболѣть глазами, на которыхъ стали означаться бѣльмы, помрачавшія зрѣніе,

---

1) *Честнóе Древо Креста Господня* было взято изъ Іерусалима Персидскимъ царемъ Хозроемъ II-мъ Парвезомъ (правилъ съ 590 г. по 628 г.) въ 614 г. во время войны съ Греческимъ императоромъ Фокою. Древо крестное было возвращено Грекамъ въ 628 г. преемникомъ Хозроя II-го Сироэсомъ по заключеніи мира съ Греческимъ императоромъ Иракліемъ.

и вотъ святитель Христовъ, взявши земли отъ Гроба Господня и смѣшавъ ее съ чистой водою, помазалъ ея очи и исцѣлилъ ее. Да и не одной царицѣ, а и другимъ недужнымъ онъ нерѣдко подавалъ исцѣленіе.

Царь же приказалъ сдѣлать золотой ящичекъ, украшенный драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, и вложилъ въ него частицу Честнáго Древа Животворящаго Креста Господня. При этомъ онъ написалъ царю Сарацинскому слѣдующее:

«Михаилъ, благочестно вѣрующій во Христа Бога, Самодержецъ надъ всѣми греками, Іоанну, возлюбленному нашей кротости, царю Сарацинскому, желаетъ радоваться о Господѣ! Получили мы твое письмо, исполненное всякаго благочестія, и весьма возрадовались и возблагодарили Бога, изведшаго тебя **ѝз тьмы въ чꙋдный свóй свѣтъ**[1]) и призвавшаго къ наслѣдованію вѣчной жизни и безконечнаго царства. Вотъ, ты сталъ сыномъ Авраама, а не Измаила, чадомъ Сарры, а не Агари[2]). Мы восхваляемъ твою мудрость, потому что ты позналъ Истиннаго Царя. Пребывай же до конца въ вѣрѣ Христовой и заповѣдяхъ Спасителя нашего; просьбу же твою исполняемъ съ радостью. Да будетъ тебѣ Честнóе Древо Животворящаго Креста Господня защитою отъ всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ и блаженною надеждою на будущую жизнь!»

Вручивъ это письмо къ Сарацинскому царю святому Ѳеодору, епископу Едесскому, съ частицею Животворящаго Крестнаго Древа и, кромѣ того, еще икону Спасителя и наградивъ святителя дарами, Греческій царь отпустилъ его съ миромъ. По дорогѣ въ Вавилонъ святитель зашелъ въ свой стольный городъ Едессу и даровалъ большое утѣшеніе своему духовному стаду, а также посѣтилъ и дорогого его сердцу столпника, преподобнаго Ѳеодосія. Немного времени пробывъ въ Едессѣ, онъ отправился въ Вавилонъ, исцѣляя повсюду на пути разныя болѣзни то возложеніемъ Животворящаго Крестнаго Древа и земли отъ Гроба Господня, то своими святыми молитвами. Когда же онъ пришелъ къ царю Іоанну, то царь принялъ его съ величайшею радостью, поклонился до земли Крестному Древу и иконѣ Спасителя, облобызалъ ихъ со слезами ра-

---

[1]) 1 Посл. Петр., гл. 2, ст. 9.

[2]) *Сарра* — супруга Авраама; *Агарь* — его наложница. Отъ Сарры черезъ Исаака произошелъ народъ Божій, отъ Измаила же произошли измаильтяне, называвшіеся также сарацинами и агарянами.

дости и поставилъ въ своей опочивальнѣ, устроивъ предъ этою святынею неугасимую лампаду своими собственными руками; письмо же Греческаго царя онъ прочиталъ съ великою любовію.

Святый Ѳеодоръ пребывалъ въ Вавилонѣ, творилъ много исцѣленій и прогонялъ бѣсовъ изъ людей. Этому христіане чрезвычайно радовались, сарацины же и евреи истаявали отъ великой зависти. Среди послѣднихъ былъ одинъ еврей, начальникъ надъ еврейскимъ обществомъ и законоучитель. Онъ внушилъ вельможамъ персидскимъ и сарацинскимъ, чтобы они предложили царю издать повелѣніе о назначеніи открытаго пренія о вѣрѣ между христіанами и евреями. Царь, зная, что рабы Христовы побѣждены не будутъ, согласился съ ихъ предложеніемъ. Назначенъ былъ день для пренія, и собралось великое множество персовъ, сарацинъ. евреевъ и христіанъ, а потомъ со всѣмъ своимъ совѣтомъ явился на собраніе и самъ царь. Когда царь сѣлъ на высокомъ мѣстѣ. еврейскій законоучитель выступилъ какъ представитель всѣхъ евреевъ одинъ противъ христіанскихъ учителей и святителей, митрополита Вавилонскаго и епископа Едесскаго: такъ былъ краснорѣчивъ тотъ еврей и такъ гордился онъ своими знаніями! Но когда онъ началъ говорить не отъ Писанія, а вымышлялъ разныя нелѣпости и хулы на Христа, нашего Господа, то святый Ѳеодоръ, исполнившись божественною ревностью и давъ знакъ рукою къ молчанію, сказалъ еврею:

— Если бы ты что изъ закона Моисеева или изъ другихъ святыхъ Пророковъ предложилъ нашему вниманію, то мы стали бы отвѣчать тебѣ. Но такъ какъ ты отверзъ велерѣчивыя уста свои для хуленія и лжи и говоришь не то, что возвѣщено святыми Пророками, а что внушено тебѣ отцомъ твоимъ, сатаною, о **сы́не дїа́воль, и҆спо́лненный всѧ́кїѧ льстѝ и҆ всѧ́кїѧ зло́бы**[1]), то противъ всѣхъ твоихъ хульныхъ и лживыхъ рѣчей я тебѣ скажу только одно Давидово слово: **нѣ́мы да бꙋ́дꙋтъ ᲂу҆́стны̀ льстѝвыѧ глаго́лющыѧ на пра́веднаго беззако́нїе, горды́нею и҆ ᲂу҆ничижє́нїемъ**[2]).

И тотчасъ тотъ велерѣчивый еврей замолчалъ, и его хульный языкъ онѣмѣлъ, такъ что онъ ничего не могъ сказать. Тогда іудеи были посрамлены, а христіане возрадовались, персы же и сарацины удивились, и радовался въ душѣ царь, что христіане побѣдили и сила Іисуса Христа прославлялась.

---

[1]) Дѣян. гл. **13**, ст. 10.

[2]) Псал. **30**, ст. 19.

Потомъ царь повелѣлъ того законоучителя еврейскаго, пораженнаго нѣмотою отъ Бога, бить нещадно воловьими жилами и потомъ посадить въ темницу. Также были наказаны и другіе еврейскіе начальники и съ позоромъ были прогнаны изъ собранія. Спустя же три дня тотъ еврей, который былъ брошенъ въ темницу, не въ силахъ будучи говорить, обратился съ письменною просьбою къ святому епископу Θеодору, прося у него пощады и обѣщаясь принять христіанство. Святитель, давъ знать объ этомъ царю, освободилъ еврея изъ темницы, и тотъ, припадая къ ногамъ святителя, знаками просилъ у него крещенія, такъ какъ языкъ его оставался нѣмымъ. Епископъ совершилъ тогда надъ нимъ оглашеніе[1]) и потомъ, когда ввелъ его въ купель Святаго Крещенія и призвалъ надъ нимъ Имя Пресвятой Троицы, его языкъ тотчасъ освободился отъ нѣмоты, и онъ началъ громкимъ голосомъ прославлять Отца, и Сына, и Святаго Духа и исповѣдалъ, что Іисусъ Христосъ есть поистинѣ Сынъ Бога Живаго, возвѣщенный Закономъ и Пророками.

И такъ еврей сталъ христіаниномъ, получивъ во Святомъ Крещеніи вмѣсто прежняго имени новое—Самонъ, а по его примѣру и нѣкоторые другіе евреи приняли святую вѣру и крестились. Также многіе изъ персовъ и сарацинъ увѣровали во Христа, но сохраняли свою вѣру въ тайнѣ, боясь, чтобы не подвергнуться преслѣдованіямъ и казни со стороны своихъ властей.

Послѣ сего, чрезъ нѣсколько дней, святый Θеодоръ собрался идти къ пустыннику, преподобному Іоанну, и заявилъ о томъ царю; царь сказалъ, что и ему бы хотѣлось увидать того угодника Божія и послушать его ученія. Святый на это сказалъ:

— Одобряю твое желаніе, ибо если ты его увидишь, то получишь отъ этого большую пользу. Онъ—мужъ высокой души и имѣетъ даръ прозорливости, такъ что можетъ говорить о будущемъ какъ о настоящемъ.

Такъ согласились они вмѣстѣ идти къ пустыннику. Царь при этомъ сдѣлалъ видъ, что идетъ на охоту и хочетъ нѣсколько дней провести въ пустынѣ за ловлею дикихъ звѣрей. И такъ онъ отправился со множествомъ служителей и воиновъ, имѣя при себѣ и епископа какъ постояннаго своего врача.

Они ходили по горамъ и пустыннымъ долинамъ и поймали много добычи. Когда же они приблизились къ тому мѣсту, гдѣ въ

[1]) Замѣчаніе объ оглашеніи см. выше, стр. 173-ю, прим. 1-ое.

пещерѣ пребывалъ пустынникъ, царь разослалъ своихъ слугъ и воиновъ по разнымъ сторонамъ выслѣживать дикихъ звѣрей, а самъ остался съ небольшой свитою. Потомъ, подойдя еще ближе къ пещерѣ, онъ оставилъ и эту свиту, и пошелъ впередъ, взявши съ собою только тѣхъ троихъ вѣрнѣйшихъ, обратившихся въ христіанство служителей, святитель же взялъ съ собою ученика своего Василія, который впослѣдствіи написалъ его житіе. Преподобный же Іоаннъ, духомъ провидя, что къ нему идутъ царь и епископъ, вышелъ къ нимъ навстрѣчу, неся въ рукахъ огонь и ѳиміамъ,—привѣтствовалъ ихъ поклономъ и ввелъ къ себѣ въ пещеру, гдѣ они всѣ и стали бесѣдовать о полезномъ для души. И сказалъ царю пустынникъ:

— Блаженъ ты, такъ какъ, отрекшись отъ суетнаго и ложнаго, возлюбилъ истину, вводящую тебя въ жизнь. Блаженъ ты потому, что увѣнчаешься вѣнцомъ мученичества и вмѣсто временнаго земного царства будешь вѣчно царствовать на Небѣ со Христомъ. Слава Богу, Единому въ Троицѣ, ибо Онъ вывелъ тебя изо рва страстей и изъ глубины скверны, поставилъ на камень ноги твои и вложилъ въ твои уста новую пѣснь!

Послѣ этого преподобный старецъ предложилъ пришедшимъ пищу, какую можно было найти въ пустынѣ, и воду для питья, и тѣ вкусили и возблагодарили Бога. Царь сказалъ:

— По правдѣ сказать, никогда во всѣ дни царствованія моего не принималъ я съ такимъ удовольствіемъ пищи и питья, какъ сегодня! Воистину, отецъ духовный, ты—царь, а я—нищъ и убогъ!

И старецъ говорилъ:

— Господь сподобитъ тебя скоро получить истинное царство за то, что ты пришелъ посѣтить меня, нищаго.

Царь предлагалъ старцу много золота, но тотъ не взялъ, говоря:

— Жителю пустыни золото не нужно, раздай его живущимъ въ городѣ нищимъ, и получишь награду сторицею на небесахъ!

И дивился царь равноангельскому житію преподобнаго старца, а потомъ, послѣ продолжительной бесѣды, всѣ простились со старцемъ, который провожалъ ихъ благословеніями и молитвами, и удалились, и, встрѣтившись со служителями и воинами, возвратились въ городъ. Царь сказалъ святому Ѳеодору:

— Какъ я долженъ благодарить тебя, честнѣйшій отче, за то, что далъ мнѣ возможность увидѣть поистинѣ небеснаго человѣка, который стоитъ выше всѣхъ въ мірѣ!

Между тѣмъ добрый пастырь помышлялъ о возвращеніи къ своему стаду. Онъ боялся, какъ бы безъ него еретики, эти злые волки, не напали на его стадо и не нанесли вреда его духовнымъ овцамъ. Поэтому онъ сталъ просить царя отпустить его въ Едессу. Царь же, прослезившись, сказалъ:

— Послѣ твоего отшествія, кажется мнѣ, отче, я проживу уже недолго. Я не хочу оставаться тайнымъ чтителемъ Бога и тайно носить имя христіанина. Иди же съ миромъ домой и возьми съ собою частицу Древа Честнáго и Животворящаго Креста Господня, чтобы оно не было послѣ моей кончины попрано ногами невѣрующихъ. Если же черезъ годъ ты услышишь, что я еще живъ, то приди опять навѣстить меня и принеси съ собою эту святыню, а если услышишь о моей кончинѣ, то помолись объ упокоеніи души моей.

Царь далъ святому епископу Ѳеодору множество золота и серебра и всякихъ драгоцѣнныхъ вещей какъ на украшеніе храмовъ Божіихъ, такъ и для раздачи нищимъ и убогимъ, и, простившись, они разстались со слезами. При удаленіи своемъ святитель оставилъ въ Вавилонѣ одного изъ своихъ служителей, чтобы онъ наблюдалъ за тѣмъ, что тамъ случится по его уходѣ, и, удалившись изъ Вавилона, благополучно возвратился въ Едессу къ своимъ овцамъ духовнымъ.

Чрезъ нѣкоторое время по удаленіи святаго Ѳеодора благовѣрный царь Іоаннъ, пребывавшій въ Вавилонѣ, не желая болѣе сохранять въ тайнѣ свою вѣру во Христа и любовь къ Нему, но намѣреваясь явить себя христіаниномъ на дѣлѣ предъ всѣми, призвалъ къ себѣ всѣхъ князей, воеводъ и градоначальниковъ и сказалъ имъ:

— Великую тайну я хочу открыть вамъ, и пусть никто не сомнѣвается въ моихъ словахъ! Мнѣ открыто отъ Бога, что близка моя кончина и что я чрезъ нѣсколько дней удалюсь изъ этой жизни. Посему я повелѣваю вамъ и всему народу собраться на поле (царь указалъ на какое поле) завтра утромъ. Я хочу вамъ объявить мое завѣщаніе.

Сказавши это, онъ отпустилъ ихъ, и они ушли опечаленные. Потомъ царь повелѣлъ глашатаямъ громко объявить по городу, чтобы весь народъ утромъ собрался на то поле, а самъ всю ту ночь провелъ въ молитвѣ. Рано утромъ онъ призвалъ къ себѣ митрополита, объявилъ ему о своемъ намѣреніи и просилъ его

совершить во внутренней молитвенной комнатѣ Божественную Литургію. Въ концѣ Литургіи онъ съ умиленіемъ причастился изъ рукъ святителя божественныхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовой и, вручивъ святителю драгоцѣнные дары, отпустилъ его. Потомъ онъ облачился въ свѣтлую царскую одежду, сѣлъ на коня и выѣхалъ съ большою свитою на назначенное мѣсто, гдѣ уже собрались безчисленныя толпы народа: персы, измаильтяне, евреи и христіане, и всѣ начальники и властители. Приготовленъ былъ высокій помостъ, и на немъ поставленъ былъ высокій царскій престолъ, чтобы царя могли видѣть всѣ. Всѣ удивлялись, для чего ихъ собралъ царь, и спрашивали другъ друга, о чемъ царь будетъ говорить. Царь же, прибывши на мѣсто, возсѣлъ на своемъ престолѣ и чрезъ нѣкоторое время, давши знакъ къ молчанію, всталъ съ престола и громко началъ говорить:

— Слушайте всѣ: персы, и агаряне, и евреи, и почтенные христіане! Я—христіанинъ, имя мнѣ—Іоаннъ. Я вѣрую во Отца, и Сына, и Святаго Духа, въ трехсоставное но единое существо Божества, и нѣтъ въ поднебесной другой правой вѣры, кромѣ христіанской. И такъ какъ Господь мой Іисусъ Христосъ сказалъ въ Евангеліи: **всѧ́къ ѝже ѝсповѣ́сть мѧ̀ пред̾ человѣ́ки, ѝсповѣ́мъ є҆го̀ и҆ а҆́зъ пред̾ ѻ҆ц҃е́мъ моѝмъ ѝже на небесѣ́хъ**[1]), то вотъ я исповѣдую Его предъ Небомъ и землею, предъ Ангелами и людьми!

Съ этими словами онъ вынулъ изъ-за пазухи золотой крестъ, украшенный драгоцѣнными камнями, и поднялъ его обѣими руками вверхъ, чтобы видно было всѣмъ. Потомъ, оградивши себя крестнымъ знаменіемъ и поклонившись до земли на востокъ, онъ облобызалъ честный крестъ и сказалъ:

— Кресту Твоему честному покланяюсь, Христе, и признаю Тебя Богомъ и Спасомъ моимъ, и возсылаю Тебѣ хвалу съ безначальнымъ Твоимъ Отцемъ и съ Пресвятымъ и Благимъ Животворящимъ Твоимъ Духомъ во вѣки, аминь!

Слыша это, всѣ удивлялись и стояли какъ будто онѣмѣвъ. Потомъ князья и воеводы съ другими начальниками въ ярости возопили:

— Пусть умерщвленъ будетъ ругатель нашей вѣры!

И напали они на царя, и пронзили его мечами и копьями на смерть, а съ нимъ вмѣстѣ умертвили и трехъ вѣрующихъ служителей, также исповѣдавшихъ Имя Христово[2]).

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 32.

[2]) Кончина *святаго Ѳеодора,* равно какъ и прочихъ святыхъ, упоминаемыхъ въ его житіи, послѣдовала въ IX в.

Такъ принялъ мученическую кончину въ Вавилонѣ благовѣрный царь Іоаннъ съ тремя своими слугами въ третій день мая мѣсяца. Тогда всѣ христіане, бывшіе свидѣтелями этого происшествія, пришли въ крайній страхъ предъ яростью агарянъ и, убѣжавъ съ поля того, скрылись, тѣло же царя было брошено тамъ безъ погребенія.

Ночью того же дня святый страстотерпецъ явился въ грозномъ видѣ старѣйшинамъ и властителямъ и сказалъ:

— Скорѣе отдайте тѣло мое христіанскому митрополиту, чтобы онъ предалъ его погребенію; если же вы не сдѣлаете этого, то я всѣхъ васъ тотчасъ же погублю.

Когда они пробудились отъ сна, то раннимъ утромъ собрались вмѣстѣ, разсказывая другъ другу о бывшемъ имъ всѣмъ сновидѣніи, и пришли въ ужасъ. Тотчасъ же они послали къ христіанскому митрополиту повелѣніе, чтобы онъ взялъ тѣло царя и похоронилъ его. Митрополитъ тотчасъ пошелъ, взялъ тѣло святаго мученика царя Іоанна и тѣла святыхъ трехъ слугъ его и принесъ ихъ въ церковь, гдѣ и предалъ честно́му погребенію. Отъ ихъ общей гробницы совершались разныя чудеса и часто подавалось исцѣленіе отъ всяческихъ болѣзней не только христіанамъ, но и агарянамъ, которые вслѣдствіи этого стали склоняться къ принятію христіанства.

Въ ночь послѣ своей кончины святый царь Іоаннъ явился въ сновидѣніи святому Ѳеодору, епископу Едесскому. Онъ былъ въ бѣлой, чрезвычайно блестящей одеждѣ, а на головѣ у него былъ чудный вѣнецъ, красоту котораго невозможно изобразить на словахъ. Онъ сказалъ епископу:

— Вотъ, честны́й отче, Христосъ Господь прославилъ меня великою славою и сопричислилъ меня къ мученическому лику! Вчера я исповѣдалъ предъ всѣми Его Пресвятое Имя и за то убитъ былъ персами и сарацинами, душа же моя, выйдя изъ тѣлесной темницы, получила блага, о какихъ ты говорилъ мнѣ. Да благословитъ тебя Богъ за то, что ты сдѣлался ходатаемъ моего спасенія, и я молюсь нашему общему Владыкѣ, чтобы онъ повелѣлъ скорѣе и тебѣ придти ко мнѣ, дабы вмѣстѣ наслаждаться блаженной жизнью по благодати Пресвятой Троицы.

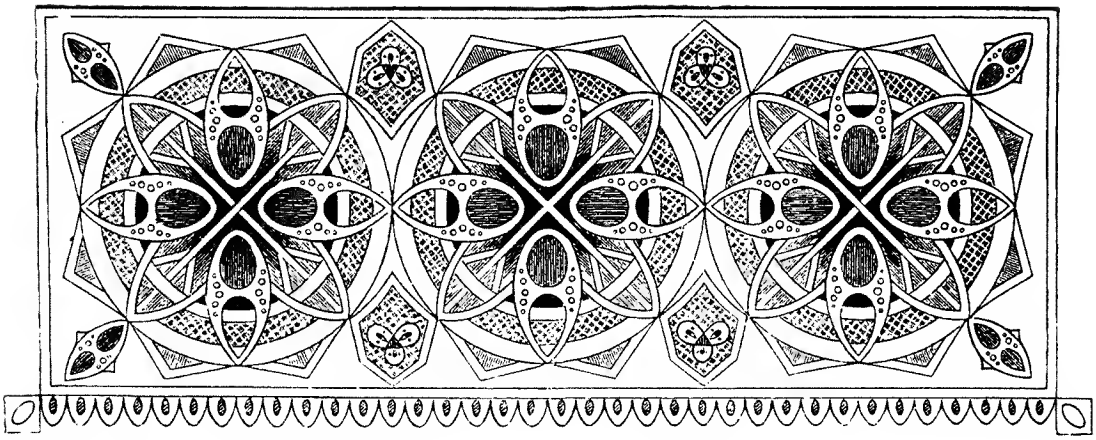
Пробудившись отъ сна, святый епископъ Ѳеодоръ пошелъ къ преподобному Ѳеодосію столпнику и разсказалъ о бывшемъ ему видѣніи. Столпникъ сказалъ ему, что это было дѣйствительное

видѣніе; потому что о томъ же самомъ и онъ получилъ откровеніе отъ Бога. Чрезъ нѣсколько дней изъ Вавилона пришелъ слуга, который былъ тамъ оставленъ, и сообщилъ во всѣхъ подробностяхъ о томъ, какъ благовѣрный царь Іоаннъ съ тремя отроками пострадалъ за Христа. И радовался святый Θеодоръ отъ всей души, благодаря Бога за то, что трудъ его былъ не напрасенъ, но принесъ столь прекрасный плодъ въ Небесное Царство.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ этого столпникъ увидѣлъ въ видѣніи, что братъ его, преподобный Іоаннъ пустынникъ, отошелъ ко Господу, а потомъ послѣ кратковременной болѣзни преставился и самъ столпникъ, преподобный Θеодосій. Святитель похоронилъ его въ церкви святаго великомученика Георгія, въ монастырѣ святыхъ постницъ. По прошествіи же трехъ лѣтъ послѣ убіенія святаго царя Іоанна этотъ страстотерпецъ снова явился святому Θеодору въ томъ же видѣ, какъ и въ первый разъ, и сказалъ:

— Шествуй, любезный отче,—тебя призываетъ Христосъ! Онъ соизволилъ, чтобы мы вмѣстѣ съ тобою жили въ Его царствѣ и радовались въ Его чудномъ свѣтѣ.

Изъ этого видѣнія святитель Христовъ Θеодоръ заключилъ, что отшествіе его къ Богу приблизилось. Поэтому онъ, сдѣлавъ нужныя распоряженія по дѣламъ церкви Едесской и преподавъ благословеніе и миръ духовнымъ овцамъ своимъ, оставилъ свою паству и удалился въ Іерусалимъ. Поклонившись святому животворящему Гробу Христову, онъ пришелъ въ лавру святаго Саввы, въ которой началась его иноческая жизнь, и поселился въ своей прежней иноческой келліи. Онъ прожилъ здѣсь три недѣли и переселился въ нерукотворенныя обители, предавши святую душу свою въ руки Богу въ 9-й день мѣсяца іюля. Патріархъ Іерусалимскій вмѣстѣ съ епископами похоронилъ съ честію въ той же лаврѣ тѣло угодника Божія, въ которой сей послѣдній совершилъ столько подвиговъ, славя Отца, и Сына, и Святаго Духа—Единаго въ Троицѣ Бога, Которому и отъ насъ, грѣшныхъ, да будетъ честь, слава, поклоненіе и благодареніе нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.



День десятый

СТРАДАНІЕ
СВЯТЫХЪ СОРОКА ПЯТИ МУЧЕНИКОВЪ,

пострадавшихъ въ Никополѣ Армянскомъ

Нечестивый царь Ликиній[1]), принятый Константиномъ Великимъ[2]) въ соправители и управлявшій восточными странами, издалъ по всей своей области повелѣніе предавать различнымъ мукамъ и смерти христіанъ, не желавшихъ поклоняться идоламъ, и имущество ихъ отнимать на постройку идольскихъ капищъ и бань и на перестройку городовъ. Когда это повелѣніе пришло въ Никополь армянскій, язычники начали готовить муки и различныя орудія мученій для христіанъ и стали многихъ вѣрныхъ брать и отводить на мученіе; тогда болѣе сорока рабовъ Христовыхъ собрались и рѣшились, не дожидаясь, пока ихъ схватятъ нечестивые, самимъ по своей волѣ пойти на судъ, исповѣдать Имя Христово и отдаться на мученіе. Изъ нихъ главнѣйшіе были Леонтій, Маврикій, Даніилъ, Антоній, Александръ—люди знаменитые и своимъ родомъ, и образованіемъ и отличавшіеся добродѣтельной жизнью; они пошли

---

1) *Императоръ Ликиній* управлялъ Восточною половиною Римской имперіи съ 307 г. по 324 г.

2) *Константинъ Великій* управлялъ Римскою имперіею съ 306 г. по 337 г.

всѣ вмѣстѣ къ игемону армянской области и объявили, что они—христіане. Игемонъ удивился единодушному согласію столькихъ людей и мужеству, съ какимъ они по собственной волѣ шли на мученія, и спросилъ ихъ:

— Откуда вы? И кто научилъ васъ не поклоняться нашимъ богамъ?

Отвѣчалъ святый Александръ:

— Мы здѣшніе, одни—изъ города, другіе—изъ селъ, эта земля—наша родина, отецъ же нашъ—Христосъ Небесный; Онъ научилъ насъ не поклоняться ложнымъ богамъ, глухимъ и слѣпымъ, дѣлу рукъ человѣческихъ.

Игемонъ сказалъ:

— А гдѣ вашъ Христосъ? Вѣдь онъ былъ распятъ и умеръ!

Святый Леонтій отвѣчалъ:

— Ты знаешь, что нашъ Христосъ умеръ? Такъ узнай же, что Онъ и воскресъ изъ мертвыхъ и вознесся на Небо; Онъ умеръ за насъ по Своей волѣ, но воскресъ снова какъ Сынъ Божій.

Игемонъ сказалъ:

— Живъ теперь Христосъ?

Леонтій отвѣчалъ:

— Игемонъ! Ваши боги не живутъ послѣ смерти, а Господь нашъ живетъ вѣчно, хотя и умеръ на нѣкоторое время ради нашего спасенія; смертью же Своей Онъ избавилъ насъ изъ вѣчной смерти, далъ намъ жизнь и научилъ насъ умирать ради Него, чтобъ жить съ Нимъ безконечной жизнью.

А игемонъ началъ хвалить своихъ боговъ—Зевса[1]), Аполлона[2]), Асклипія[3]) и другихъ. На это святый Леонтій сказалъ:

— Развѣ Зевсъ великій богъ?

— Онъ владѣетъ небомъ,—отвѣчалъ игемонъ;—онъ—отецъ всѣхъ боговъ.

Леонтій возразилъ:

— Богу подобаетъ быть праведнымъ, чистымъ, безгрѣшнымъ, а ты что скажешь о своемъ богѣ Зевсѣ?

— Я его называю праведнымъ, чистымъ и безгрѣшнымъ,—сказалъ игемонъ.

На это святый Леонтій сказалъ:

---

[1]) См. стр. 126-ую, прим. 1-ое.

[2]) См. стр. 167-ую, прим. 3-ое.

[3]) *Асклипій*—богъ врачеванія.

— Зевсъ праведенъ,—а развѣ не онъ свергъ съ престола своего отца Крона? Онъ чистъ и безгрѣшенъ,—а развѣ не онъ взялъ себѣ въ жены свою родную сестру Иру и не осквернилъ многихъ чужихъ женъ? Онъ губилъ не только женщинъ, но и мужчинъ и творилъ самыя мерзкія беззаконія[1]). Какъ же онъ, такой грѣшникъ, могъ быть богомъ? Если вашъ богъ грѣшникъ, то ему для исправленія нуженъ иной богъ, безгрѣшный.

Разгнѣвался игемонъ Лисій и яростно сказалъ:

— Кто далъ тебѣ право судить боговъ нашихъ, злой человѣкъ?! Они мнѣ боги, и не пощажу васъ, но жестоко погублю всѣхъ!

Сказалъ святый Леонтій:

— Не гнѣвайся, игемонъ, если слышишь правду; не даны ли людямъ законы не имѣть никому чужой жены, не брать въ жены себѣ сестру, не обижать, не убивать никого? И если кто осмѣлится поступить въ чемъ-либо противъ законовъ, тотъ называется преступникомъ и подлежитъ суду и смертной казни. А ваши боги—люди и преисполнены всѣхъ золъ и беззаконій: они были блудниками, прелюбодѣями, человѣкоубійцами и, какъ законопреступники, какому грозному суду и сколько разъ смертной казни они подлежали!? Поэтому вашимъ беззаконникамъ-богамъ нужно подчиниться человѣческимъ законамъ и подражать людямъ, строго соблюдающимъ законы, а вы будьте судьями вашихъ боговъ, будьте богами и палачами, пока не исправите ихъ.

Игемонъ сказалъ:

— О безумный! Не вашъ ли Богъ былъ распятъ какъ злодѣй? А кто изъ нашихъ боговъ былъ распятъ?

Отвѣчалъ святый Леонтій:

— Распялся за насъ Христосъ Богъ нашъ, и мы похваляемся Крестомъ Его, ваши же боги трепещутъ, боятся Распятаго Бога нашего и бѣгутъ далеко отъ крестной силы. Богъ нашъ по Своей волѣ пострадалъ на крестѣ, а ваши боги нехотя погибли горькой смертью. Богъ нашъ—Спаситель рода человѣческаго, а ваши боги—губители людей. Нашъ Богъ Истинный, а ваши боги ложные и не боги, а бѣсы и пагубные обольстители; сами они погибли и поклоняющихся имъ ведутъ къ вѣчной погибели.

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что древніе греки надѣляли своихъ боговъ не только положительными, но и отрицательными качествами. Древнегреческая миѳологія усвояла многимъ богамъ страсть къ преступленіямъ разнаго рода, въ особенности—противъ нравственности. Это и имѣетъ въ виду святый Леонтій, разсуждая съ игемономъ.

Взбѣшенный этими словами святаго Леонтія, игемонъ приказалъ бить по устамъ камнями всѣхъ исповѣдниковъ Христовыхъ.

— Пусть бьютъ ихъ,—говорилъ онъ,—въ уста, которыми изрекается хула на нашихъ боговъ.

Святыхъ били, а они говорили:

— Пусть бьетъ тебя Богъ, слуга сатаны! Ты услышалъ правду и несправедливо судишь, ты внѣ себя, нечестивый!

Потомъ мучитель велѣлъ всѣхъ ихъ обложить желѣзными веригами и бросить въ темницу. Святые въ темницѣ веселились, какъ въ чертогѣ, о Богѣ, Спасителѣ своемъ, и пѣли Давидовы Псалмы: нѣкоторые изъ нихъ съ дѣтства были начитаны въ книгахъ. А святый Леонтій ободрялъ всѣхъ такими словами:

— Братья честные и рабы Христовы! Перенесемъ все терпѣливо! Вы знаете изъ Священнаго Писанія, сколько вытерпѣлъ праведный Іовъ [1]), и каково было страданіе Господа нашего, и какъ скончались иные святые рабы Его. Іоаннъ Предтеча [2]) былъ обезглавленъ, Стефанъ [3]) побитъ камнями, Петръ [4]) распятъ стремглавъ, Ѳома [5]) пронзенъ копьемъ, другіе умерли за Господа своего иною мученическою смертью. Сколько святыхъ пострадало въ царствованіе Адріана [6]), Декія, Максиміана и другихъ прежнихъ нечестивыхъ царей! Не только мужчины, но и женщины, какъ, напримѣръ, мы слышимъ о святой Ѳеклѣ, Евфиміи, Капитолинѣ, Іулиттѣ [7]) и другихъ святыхъ мученицахъ, имена которыхъ записаны въ книгахъ жизни на Небѣ; какъ мужественно онѣ подвизались и побѣдили діавола! И если женщины были такъ мужественны, то намъ, мужчинамъ, нужно быть еще болѣе крѣпкими и непреодолимыми

---

[1]) *Іовъ* — ветхозавѣтный праведникъ, мужественно выдержавшій тяжелое, посланное ему Богомъ, испытаніе. Исторія его жизни изложена въ библейской книгѣ его имени. Память его празднуется св. Церковію 6-го мая.

[2]) Память *св. Пророка* и *Предтечи Господня Іоанна* празднуется 23 сентября, 24 іюня, 29 августа и въ друг. дни.

[3]) Память *св. первомученика Стефана* совершается 27-го декабря и въ др. дни.

[4]) Память *св. первоверховнаго Апостола Петра* совершается 29-го іюня.

[5]) Память *св. Апостола Ѳомы* совершается 6 октября и 30 іюня.

[6]) Упомянутые императоры царствовали: *Адріанъ* — съ 117 г. по 138 г.; *Декій* — съ 249 г. по 251 г. и *Максиміанъ* (*Галерій*) — съ 305 г. по 311 г. Всѣ эти императоры были очень жестокими гонителями христіанства. Кромѣ нихъ, еще запятнали свое имя въ исторіи особенно жестокимъ преслѣдованіемъ христіанства: *Неронъ* (54—68 гг.), *Траянъ* (98—117 гг.) и *Діоклетіанъ* (284—305 гг.).

[7]) Память упомянутыхъ святыхъ мученицъ празднуется: *Ѳеклы* (первомученицы) — 24-го сентября, *Евфиміи* (великомученицы) 16-го сентября, *Капитолины* — 27-го октября и *Іулитты* (мученицы каппадокійской) — 31-го іюля.

и свои души положить за Христа Бога нашего, Свою душу за насъ на крестѣ положившаго.

Такими словами ободрилъ Леонтій святый братію, и всѣ съ готовностью желали претерпѣть за Христа всякія мученія. Стоялъ зной, и святые мучились сильной жаждой; пришла въ темницу навѣстить ихъ одна благородная и благочестивая женщина, по имени Власіана, безпрепятственно принесла холодной воды изъ источника, бывшаго тамъ поблизости, и напоила ихъ.

Наступившую ночь святые проводили въ молитвахъ и пѣніи Псалмовъ; не спалъ въ ту ночь и игемонъ Лисій: онъ обдумывалъ, какимъ мукамъ подвергнуть содержимыхъ въ тюрьмѣ рабовъ Христовыхъ. Подъ утро онъ заснулъ, и явился ему во снѣ бѣсъ и сказалъ:

— Будь твердъ, Лисій; я — богъ Асклипій, мучь нещадно хулящихъ насъ христіанъ; много нелѣпостей наговорили они о насъ въ темницѣ; поскорѣй погуби ихъ всяческими муками.

Проснулся игемонъ, съ наступленіемъ дня началъ судъ и, поставивъ передъ собой святыхъ связанныхъ, сказалъ имъ:

— Поклонитесь богамъ и будете друзьями самодержцамъ и намъ, вамъ дадутъ каждому по двѣсти златицъ, новыя хорошія одежды, пояса, приведутъ мальчиковъ, принесемъ жертву, устроимъ пиръ и повеселимся вмѣстѣ; если же не послушаете меня, то жестоко будутъ васъ мучить. Попрошу васъ, не лишайтесь этой пріятной жизни, не разставайтесь съ вашими женами, дѣтьми и друзьями, принесите жертву хоть одному какому-нибудь изъ нашихъ боговъ.

Отвѣчали святые какъ бы въ одинъ голосъ:

— Будь проклятъ ты, мучитель, со своими богами; мы не станемъ приносить жертвъ нечистымъ бѣсамъ, намъ не нужно ни вашего золота, ни одеждъ, ни пира, ни дружбы; Христосъ намъ и Отецъ, и дражайшій Другъ, и за Него мы готовы все претерпѣть и умереть.

Тогда мучитель приказалъ ихъ всѣхъ нагихъ повѣсить и строгать тѣла ихъ желѣзными крючьями; и долго, до самаго полудня, строгали святыхъ мучениковъ, пока не стало сильно печь солнце и игемонъ ушелъ съ этого зрѣлища домой; святые же, остроганные до костей, по приказанію мучителя опять были заключены въ темницу. Вышеупомянутая благочестивая женщина Власіана опять пришла навѣстить ихъ и сквозь окно напоила водой ихъ, изне-

могшихъ отъ язвъ и отъ зноя; и прохладились святые, благословили эту женщину, помолились о ней и о дѣтяхъ ея и благодарили Бога, что сподобились страдать за Него.

Когда святые сидѣли въ темницѣ, увидѣлъ святый Леонтій, что нѣкоторые изъ братіи тяжело страдаютъ отъ ранъ, и очень безпокоился о нихъ, какъ бы въ крайнемъ изнеможеніи они не отпали отъ вѣры; поэтому онъ молилъ Бога послать имъ скорѣе окончаніе подвига.

Былъ въ городѣ извѣстный гражданинъ, по имени Иродъ,— язычникъ, пользовавшійся почетомъ у игемона какъ совѣтникъ; и у этого гражданина былъ секретарь Филинъ, любимый святымъ Леонтіемъ за добрый нравъ. За нимъ послалъ святый и, когда тотъ подошелъ къ окну темницы, сказалъ ему:

— Братъ Филинъ, скажи господину своему Ироду, чтобъ онъ, если ему случится за чѣмъ-нибудь быть у игемона, вспомнилъ о насъ и посовѣтовалъ завтра постановить намъ смертный приговоръ.

Филинъ ушелъ и передалъ это Ироду. Въ это время Ирода позвали къ игемону на ужинъ; онъ не пошелъ тотчасъ же, и игемонъ ждалъ его. Опять послали за ними, но онъ пришелъ поздно со словами:

— Я не могу ѣсть; я видѣлъ, какъ строгали осужденныхъ, какъ текло много крови, и мнѣ противно; желудокъ мой не можетъ принимать пищи; мнѣ тошно.

Игемонъ спросилъ:

— Какъ ты посовѣтуешь, что мнѣ съ ними сдѣлать?

Иродъ отвѣтилъ:

— Пусть умрутъ завтра. Вѣдь они преступники царскаго повелѣнія и достойны смерти, такъ почему же и ихъ сейчасъ же не казнить?

На это игемонъ далъ клятвенное обѣщаніе умертвить ихъ на слѣдующій день. Тотчасъ Филинъ поспѣшилъ къ темницѣ и сообщилъ о слышанномъ святому Леонтію. Узнали объ этомъ всѣ братія и обрадовались, что завтра умрутъ за Христа; они благословили Филина за его трудъ и стали молиться, приготовляясь къ смерти. Въ молитвѣ они говорили:

— Господи Боже отцовъ нашихъ, прославь Имя Твое Святое въ насъ; сокрушенной душею и духомъ смиреннымъ молимся Тебѣ; прими насъ, приносящихъ самихъ себя Тебѣ въ жертву живую,

какъ всесожженія овецъ и ягнятъ, и какъ тьмы агнцевъ тучныхъ, такъ пусть будетъ теперь наша жертва предъ Тобою и пусть она будетъ Тебѣ угодна: нѣтъ стыда надѣющимся на Тебя! Ты знаешь, Господи, что мы возлюбили Тебя и ради Тебя предались на смерть. Ты же укрѣпи насъ всѣхъ, чтобъ ни одинъ не отсталъ отъ этой дружины, чтобы не посмѣялся и не порадовался о немъ нашъ врагъ.

Такъ молились святые и ободряли другъ друга; въ полночь же запѣли Великій Псаломъ на свое погребеніе, а именно: **блже́ни непоро́чніи**[1]) и т. д. По окончаніи Псалма пришелъ Ангелъ Господень, наполнилъ свѣтомъ темницу и сказалъ имъ:

— Радуйтесь, рабы Христовы, близка кончина ваша, имена ваши записаны на Небѣ, надѣйтесь,—съ вами Богъ.

Съ этими словами Ангелъ удалился. Они же поклонившись, благодарили Бога. Въ это время два темничныхъ сторожа, Меней и Вириладъ, родомъ египтяне, не спали, видѣли свѣтъ, заблиставшій въ темницѣ, и слышали голосъ Ангела, но самого Ангела не видѣли. И сказалъ Меней Вириладу:

— Видишь, братъ, какого царя это воины? Я съ самаго начала сочувствую христіанамъ: они идутъ не беззаконнымъ путемъ, а праведнымъ, и хранятъ вѣру въ своего Бога, днемъ и ночью поклоняются Ему и въ жизни ни съ кѣмъ дурно не поступаютъ, никого не обижаютъ, не ищутъ чужого имѣнія, а даже свое раздаютъ, всѣхъ любятъ, всѣмъ благодѣтельствуютъ. Ты и самъ это знаешь. А какова жизнь тѣхъ, которые скитаются въ египетскихъ пустыняхъ? Развѣ не странна и удивительна? Они творятъ чудеса. Я думаю войти къ нимъ въ темницу и просить ихъ принять меня къ себѣ; а ты, братъ, какъ думаешь?

Вириладъ отвѣчалъ:

— Такъ же, какъ и ты. Вотъ, вѣдь и мы, недостойные, сподобились увидѣть свѣтъ, которымъ осіялъ Богъ ихъ, за Коего они умираютъ съ радостью. Если бы кто сталъ принуждать игемона умереть за Зевса, или за Аполлона, или за Асклипія, или за кого-либо изъ прочихъ боговъ, захотѣлъ ли бы онъ умереть? Ни за что: ему жизнь дорога. А они не щадятъ себя, безъ боязни идутъ на смерть за своего Бога и удостаиваются отъ Него такой славы, какой боги никому изъ поклоняющихся имъ никогда не

---

[1]) Псал. 118, ст. 1 и далее.

являли. Отчего намъ не обратиться къ этимъ праведнымъ людямъ и къ Истинному Богу?

Посовѣтовавшись такимъ образомъ, оба сторожа вошли внутрь темницы и припали къ святымъ со словами:

— Господа наши, рабы Христа—Истиннаго Бога, примите и насъ въ ваше число: и мы вѣруемъ въ Господа Іисуса Христа, возлюбившаго васъ, и просимъ васъ помолиться Ему, чтобы Онъ сподобилъ и насъ одинаковой участи съ вами.

Святые обрадовались ихъ обращенію къ Богу и привѣтствовали ихъ, говоря:

— Вы—братья наши, такъ какъ Господь нашъ призвалъ васъ къ исповѣданію Пресвятаго Имени Своего и дастъ вамъ одинаковую награду съ нами, какъ и пришедшимъ въ одиннадцатый часъ въ Его виноградникъ[1]).

На слѣдующее утро игемонъ Лисій вышелъ съ воинами за городъ на то мѣсто, гдѣ собирался умертвить святыхъ мучениковъ,—недалеко отъ рѣки, называемой Ликосъ. Тамъ устроилъ онъ судъ и приказалъ привести и поставить передъ собой святыхъ мучениковъ. Увидѣвъ, что два темничные сторожа присоединились къ святымъ узникамъ, онъ сказалъ первому совѣтнику своему Аніану:

— Вотъ, и эти безумные захотѣли умереть! Развѣ жизнь не лучше смерти?

Аніанъ сказалъ на это:

— Прикажи мучить ихъ самыми жестокими муками.

— Нѣтъ,—возразилъ игемонъ,—они испугаются мукъ и опять обратятся къ богамъ, и останутся живы; а я не хочу оставлять ихъ въ живыхъ; пусть умрутъ. Всѣмъ заодно издамъ смертный приговоръ.

И когда поставили передъ нимъ на судъ святыхъ мучениковъ, то онъ не задалъ имъ вопроса о вѣрѣ и не назначилъ никакого истязанія, но тотчасъ приговорилъ ихъ къ смерти и написалъ слѣдующій приговоръ:

«Этимъ, представленнымъ мнѣ на судъ сорока пяти человѣкамъ христіанской вѣры, ослушавшимся царскаго повелѣнія и хулившимъ боговъ своихъ предковъ, назначаю достойную по ихъ дѣламъ казнь: сначала отсѣчь имъ топоромъ руки и ноги, потомъ бросить на сожженіе въ огонь и оставшіяся послѣ сожженія ихъ кости бросить въ рѣку».

[1]) См. притчу о работникахъ въ винограднике (Еванг. отъ Матѳ., гл. 20, ст. 1—16).

Тотчасъ слуги посадили мучениковъ на землю и стали рубить имъ руки и ноги. Былъ сильный солнечный зной, и святые мученики страдали отъ жажды: одни — вслѣдствіе боли въ ранахъ, другіе—отъ солнечнаго зноя; иные умерли въ этихъ страданіяхъ, иные едва дышали, иные же мужественно терпѣли. Одинъ изъ нихъ, по имени Іаникитъ, смотря на свои отрубленныя руки и ноги, улыбнулся и сказалъ:

— Смотрите, какъ жатвенный серпъ сжалъ мои члены, словно колосья!

А святый Сисиній, лежа въ своей крови, привалился къ случившемуся тамъ поблизости камню, открылъ уста свои и такъ молился Богу:

— Господи, Подателю всѣхъ благъ, источившій нѣкогда въ пустынѣ воду изъ камня и напоившій жаждавшаго Израиля[1]), Ты теперь открой этотъ камень, испусти воду и напой немного меня: Ты видишь жажду нашу, отъ которой мы погибаемъ.

По молитвѣ его внезапно двинулся камень, раздался и испустилъ источникъ ключевой воды. Святый Сисиній испилъ воды и благословилъ Господа, говоря:

— Прославляю Тебя, Боже мой, за то, что напоилъ меня жаждавшаго, какъ мать молокомъ ребенка, хвалю Тебя, Царь мой, что не презрѣлъ меня, раба Твоего! Но молю Тебя, не презирай и любимыхъ братьевъ моихъ, Твоихъ рабовъ, и прохлади ихъ, изнывающихъ отъ жажды, изливая невидимо на нихъ росу благодати Твоей, и всѣмъ намъ дай твердость скончаться вмѣстѣ въ Твоей надеждѣ; изведенному же Твоей силой источнику этому, которымъ Ты вновь явилъ древнее чудо, повели течь до конца міра и дай водѣ этой цѣлебную благодать и силу во славу Твою, Христе, и Твоего Отца, и Святаго Духа, въ память о насъ, сорока пяти мученикахъ,—Твоихъ рабахъ, пострадавшихъ за Тебя.

Въ это время слуги разожгли приготовленный огромный костеръ и стали брать тѣла мучениковъ и класть въ огонь; одни изъ святыхъ были еще живы, другіе уже умерли; и мертвыхъ вмѣстѣ съ живыми предавали сожженію. Повергая въ огонь мучениковъ, слуги считали ихъ и не досчитывались одного; они удивлялись и стали искать. А святый Сисиній, лежа около камня, источившаго воду, отозвался:

---

[1]) Кн. Исх., гл. 17, ст. 1—7.

— Вотъ я! Возьмите меня, несите меня въ огонь!

Его взяли и снесли въ огонь. Сожгли святыхъ мучениковъ, огонь угасъ, а слуги начали искать оставшиеся въ пеплѣ мученическия кости и, сколько нашли, собрали въ тряпки, снесли и высыпали въ рѣку Ликосъ[1]). Рѣка приняла въ себя кости святыхъ какъ драгоцѣнное сокровище и сохранила ихъ на одномъ неглубокомъ мѣстѣ около берега, собравъ ихъ всѣ вмѣстѣ своими струями. Пришли потомъ искать ихъ благочестивые люди и безъ труда нашли ихъ; собрали всѣ до одной и сберегали въ почетномъ мѣстѣ, пока не погибъ нечестивый царь Ликиній, соправитель царя Константина, управлявшій восточной половиной царства, и не воцарился одинъ Константинъ. Когда дана была свобода Церкви Христовой по всей вселенной, тогда и кости этихъ святыхъ мучениковъ были показаны всѣмъ, и была построена церковь во имя ихъ. Отъ святыхъ костей ихъ подавались исцѣленія, а также и отъ того источника, который вызвалъ святый Сисиній своей молитвой. Пострадали святые сорокъ пять мучениковъ десятаго іюля въ Никополѣ Армянскомъ, при Лисіи игемонѣ, когда Ликиній царствовалъ надъ Востокомъ; надъ нами же царствуетъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Которому съ Отцомъ и Святымъ Духомъ возсылается честь и слава, нынѣ и въ безконечные вѣки, аминь.

Конда́къ, гла́съ и҃:

Хр҃та̀ ра́ди мч҃нцы мнѡ́гїѧ мꙋ́ки подѧ́сте, и҆ многобо́жїе низложи́сте всѐ і҆дѡльское, и҆ разрꙋши́сте безбо́жїе всѧ́кїѧ пре́лести, хр҃то́вою си́лою сїѧ̀ попра́вше: на́съ всѣ́хъ вѣ́рнѡ наꙋча́ете вопи́ти ꙗ҆́вѣ: а҆ллилꙋ́їа.

---

[1]) Кончина святыхъ мучениковъ послѣдовала ок. 319 г.

СКАЗАНІЕ О ПЕРЕНЕСЕНІИ ЧЕСТНОЙ РИЗЫ

ГОСПОДА НАШЕГО ІИСУСА ХРИСТА

изъ Персіи въ царствующій градъ Москву

Во дни благовѣрнаго царя и Великаго князя—самодержца всей Россіи Михаила Ѳеодоровича[1]), въ патріаршествованіе же Святѣйшаго Филарета[2]), отца царева по плоти и духу,—въ Персіи царствовалъ шахъ Аббасъ[3]). Питая любовь и расположеніе къ благовѣрному царю Михаилу, Аббасъ часто отправлялъ къ нему пословъ съ дарами[4]); подобно сему и Россійскій царь присылалъ къ нему пословъ съ дарами. Въ 7133 году отъ сотворенія міра (отъ Рождества же Христова въ 1625-мъ году), въ мартѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Москву къ благовѣрному царю Михаилу отъ шаха нѣкій славный посолъ, по имени Урусамбекъ; посолъ этотъ былъ отправленъ вышеупомянутымъ шахомъ Аббасомъ. Урусамбекъ привезъ съ собою посланіе и много цѣнныхъ подарковъ благовѣрному царю Михаилу. Кромѣ того, онъ принесъ съ собою посланіе и драгоцѣнный подарокъ Святѣйшему Патріарху Филарету,—именно: ризу Господа нашего Іисуса Христа, положенную въ золотомъ ковчегѣ, украшенномъ драгоцѣнными камнями. Въ этомъ посланіи Персидскій шахъ извѣщалъ, что риза Христова найдена во время завоеванія Иверской страны[5]) въ митрополичьей ризницѣ, гдѣ она

---

[1]) *Михаилъ Ѳеодоровичъ* царствовалъ съ 1613 г. по 1645 г.

[2]) *Святѣйшій Филаретъ* патріаршествовалъ съ 1619 г. по 1633 г.

[3]) *Шахъ Аббасъ I*, по прозванію Великій, управлялъ Персіей съ 1586 г. по 1628 г. Аббасъ I былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ государей Персіи. Онъ сдѣлалъ много полезныхъ для страны реформъ, преобразовалъ военное устройство страны, строилъ дороги и мосты, заботился о возобновленіи и украшеніи городовъ и старался оживить торговлю съ Индіей и Европой. Къ христіанамъ относился милостиво.

[4]) Шахъ Аббасъ (I) поддерживалъ дружественныя сношенія съ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ торговыхъ и политическихъ цѣляхъ. Онъ отправлялъ часто пословъ и въ другія европейскія страны: Францію, Англію, Испанію и Нидерланды.

[5]) *Иверія*—современная Грузія. Она была завоевана (не вся, а большая ея часть) шахомъ Аббасомъ въ 1613 г. Начало христіанству положено было въ Грузіи проповѣдію св. равноапостольной Нины въ нач. IV в. (память ея—14-го января). Антіохійскій Патріархъ Евстаѳій (323—340 гг.) учредилъ архіепископію въ главномъ иверскомъ городѣ

была запечатана въ одномъ изъ крестовъ; взявъ эту ризу, шахъ и отправилъ ее въ даръ Святѣйшему Патріарху Московскому. Въ томъ же посланіи Персидскій шахъ прославлялъ великое Имя Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа въ такихъ словахъ:

«Кто не будетъ чтить Его (Господа Іисуса Христа) какъ Бога, тотъ пусть будетъ сожженъ на огнѣ безъ всякаго милосердія; и да будетъ достоинъ всякой чести и прославленъ тотъ, кто разожжетъ огонь для такого богохульника».

Святѣйшій Патріархъ Филаретъ съ радостію принялъ сей великій даръ, болѣе драгоцѣнный, чѣмъ всѣ земные, самые дорогіе, подарки; потомъ Патріархъ Филаретъ призвалъ къ себѣ находившихся въ то время въ Москвѣ опытныхъ греческихъ старцевъ. Одни изъ сихъ старцевъ прибыли въ Москву изъ Іерусалима, другіе— изъ странъ греческихъ; среди нихъ былъ, между прочимъ, Нектарій, впослѣдствіи архіепископъ Вологодскій и Великопермскій, а также и Іоанникій, незадолго передъ тѣмъ прибывшій въ Москву со Святѣйшимъ Ѳеофаномъ, Патріархомъ Іерусалимскимъ. Святѣйшій Патріархъ Филаретъ спросилъ этихъ старцевъ-грековъ, знаютъ ли они что-нибудь о ризѣ Господней и что говорятъ о ней въ странахъ греческихъ? Каждый изъ старцевъ повѣдалъ то, что ему было извѣстно о ризѣ Господней. Между прочимъ архіепископъ Нектарій сказалъ:

— Когда я былъ архидіакономъ у Святѣйшаго Патріарха Константинопольскаго, случилось мнѣ быть посланнымъ отъ него ради нѣкоторыхъ церковныхъ надобностей въ страну Иверскую. Былъ я здѣсь случайно въ церкви, именуемой *Илета*; здѣсь я замѣтилъ на правомъ клиросѣ у перваго столпа много возжженныхъ свѣчъ. Я спросилъ священниковъ, бывшихъ тамъ:

— Что это?

Они отвѣчали мнѣ, что здѣсь положена риза Христова; сказали, что принесъ ее одинъ изъ воиновъ ихъ страны, бывшій въ Іерусалимѣ при распятіи Господа; повѣдали также, что много чудесъ творилось сею ризою Христовою.

Мцхетѣ, которая была подчинена сначала Антіохійскому, а потомъ Константинопольскому Патріарху. При Антіохійскомъ Патріархѣ Петрѣ (493—495 гг.) состоялось Соборное опредѣленіе о томъ, чтобы Церковь Иверская была автокефальною (самостоятельною). Въ 1783 г., когда Грузинскій царь Ираклій призналъ надъ собою верховную власть Россіи, иверскіе первосвятители Высочайше пожалованы были званіемъ Членовъ Свят. Синода, а въ 1811 году для управленія Грузинскою Церковью учрежденъ былъ Грузинскій экзархатъ.

Другіе изъ грековъ сказали Святѣйшему Патріарху, что вездѣ,—какъ въ Палестинѣ, такъ и въ странахъ греческихъ,—правовѣрные единогласно утверждаютъ, что риза Господня находится въ Иверіи, ибо при распятіи Господа былъ нѣкій воинъ изъ страны иверской; этотъ воинъ получилъ по жребію ризу Господню[1]), послѣ чего отнесъ ее въ свою родную страну—Иверію и отдалъ ее здѣсь, какъ драгоцѣнный подарокъ, своей родной сестрѣ, бывшей отроковицею; вслѣдъ затѣмъ этотъ воинъ повѣдалъ всѣмъ о томъ, что было въ Іерусалимѣ съ Господомъ Іисусомъ Христомъ. Отроковица, услыхавъ разсказъ того воина, возлюбила ризу Господню и съ благоговѣніемъ хранила ее. Спустя непродолжительное время послѣ этого отроковица та умерла. Умирая, она завѣщала погребсти ея тѣло вмѣсто обычныхъ погребальныхъ одеждъ въ ризѣ Господней. Такъ и было сдѣлано. Спустя нѣкоторое время надъ могилою той отроковицы выросло большое и очень красивое дерево. Въ царствованіе великаго Константина, императора грекоримскаго[2]) (когда Иверія была просвѣщена Святымъ Крещеніемъ), изъ этого дерева стало истекать благовонное и цѣлебное мѵро; этимъ мѵромъ помазывались всѣ, одержимые какою-либо болѣзнью или недугомъ, и получали исцѣленіе. Правовѣрные цари иверскіе, видя таковыя славныя чудеса, выстроили надъ тѣмъ древомъ красивую церковь и назначили быть при ней епископу. По прошествіи многихъ лѣтъ, когда, по попущенію Божію, Персы плѣнили въ первый разъ Иверію, тогда они разорили и ту церковь, при которой находилось то мѵроточивое древо. Впослѣдствіи Иверія освободилась отъ ига персидскаго; однако древа тамъ уже не было, и мѵро многоцѣлебное уже не истекало изъ мѣста того; только столпъ означалъ то мѣсто. Что же касается до ризы Господней, то всѣ единогласно утверждали, что она находится въ Иверіи; многіе полагали, что она взята была, по смотрѣнію Божію, во время плѣненія персидскаго вѣрующими съ того гроба для сохраненія въ неприкосновенности. Какимъ же образомъ она оказалась потомъ въ церкви митрополіи,—объ этомъ не сохранилось никакихъ извѣстій.

Святѣйшій Патріархъ Филаретъ выслушалъ всѣ сообщенія о ризѣ Господней; потомъ посовѣтовался съ преосвященными россійскими архіереями (тогда было время Святой Четыредесятницы):

---

[1]) Еванг. отъ Іоанна, гл. 19, ст. 23—24.

[2]) *Императоръ Константинъ* управлялъ Римскою имперіею съ 306 г. по 337 г.

по совѣту съ ними былъ объявленъ строгій постъ и молитва. Потомъ, совершивъ Всенощное бдѣніе въ Недѣлю Крестопоклонную, Святѣйшій Патріархъ повелѣлъ ризу Христа Спасителя и Бога нашего возлагать на недужныхъ — подобно тому, какъ въ древности благочестивая царица Елена возложила на мертвеца крестъ Христовъ для удостовѣренія всѣхъ въ его истинности[1]). И какъ тогда крестъ Христовъ былъ узнанъ по причинѣ силы, коею воскресъ мертвецъ, такъ и теперь подобнымъ же образомъ всѣ удостовѣрились въ истинности ризы Господней; ибо отъ нея получили исцѣленіе и скорое выздоровленіе всѣ болящіе, на которыхъ она возлагалась.

И благовѣрный царь, и Святѣйшій Патріархъ преисполнились великой радости о такой благодати; потомъ приказали устроить въ Великой соборной церкви Успенія Пресвятой Богородицы — на западной сторонѣ, въ правомъ углу — почетное и особо украшенное мѣсто, гдѣ было изображеніе Живоноснаго Гроба Христова. Здѣсь и была положена честная риза Господня. Сія риза и доселѣ зрится и съ благоговѣніемъ почитается всѣми; отъ нея и донынѣ подаются исцѣленія всѣмъ болящимъ, притекающимъ къ ней съ вѣрою[2]).

Установлено же было празднованіе положенія честной ризы Господней — въ 10-й день мѣсяца іюля[3]) во славу Христа, Бога нашего, прославляемаго со Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки. Аминь.

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. подъ 14-мъ числомъ сентября мѣсяца.

[2]) Нынѣ двѣ части ризы Господней находятся въ Петербургѣ: одна — въ Придворномъ соборѣ, другая — въ Петропавловскомъ.

[3]) Событіе перенесенія честной ризы Господней имѣло мѣсто въ мартѣ мѣсяцѣ, во время Великаго Поста; но ради великопостнаго времени празднованіе перенесенія честной ризы Господней перенесено на 10 іюля; этотъ день былъ кануномъ торжественнаго дня коронованія царя Михаила Ѳеодоровича. Службу на день Положенія ризы Господней составилъ Кипріанъ, митрополитъ Крутицкій. Въ этой службѣ, призывая вѣрныхъ къ поклоненію Божественной и цѣлебной ризѣ Спасителя, Церковь возглашаетъ, что эта риза есть хитонъ, драгоцѣнный и по силѣ цѣленія, и потому, что ею облекалась святая и живоносная плоть Богочеловѣка. Облеченный ризою, «совершенъ сый по существу Богъ и человѣкъ видѣнъ быть совершенъ: Богочеловѣческій образъ увѣряя, Божественной плоти Своея ризы намъ, яко стѣну и покровъ, даровалъ есть. Божественныя ризы Твоея приближеніемъ насъ освятилъ еси». Въ день праздника Ризы Господней священнослужащій выносилъ ее, по подобію креста, на головѣ на средину храма для поклоненія. Посему въ пѣснопѣніяхъ церковныхъ мы слышимъ призываніе: «Кресту Твоему честному и ризѣ святѣй покланяемся, Преблагій, и любовію облобызаемъ».

Объ установленіи этого праздника было объявлено царскими и патріаршими грамотами. Это видно изъ грамоты Тверского архіепископа къ колязинскому игумену — Евѳимію.

Тропа́рь, гла́съ д҃:

Днесь пригеце́мъ кѣ́рніи къ бж҃е́ственнѣй и҆ цѣльбоно́снѣй ри́зѣ сп҃сі́теля на́шегѡ бг҃а, бл҃гоизво́лившагѡ сі́ю пло́тію носи́ти, и҆ на кр҃тѣ̀ ст҃ую свою̀ кро́вь и҆зліѧ́ти, є҆́юже и҆скупи̑ на́съ ѿ рабо́ты вра́жіѧ. тѣ́мже бл҃годарѧ́ще вопі́емъ є҆́мꙋ: сп҃сѝ ст҃и́телей, и҆ гра́дъ, и҆ всѧ̑ лю́ди чт҃но́ю твое́ю ри́зою защити̑, и҆ сп҃сѝ дꙋ́шы на́шѧ, ꙗ҆́кѡ чл҃вѣколю́бецъ.

Конда́къ, гла́съ д҃:

Ѡ҆дѣѧ́ніе нетлѣ́ніѧ, сп҃си́тельнагѡ цѣле́ніѧ всѣ́мъ человѣ́кѡмъ вл҃ко, дарова́лъ є҆сѝ твоѐ бж҃е́ственное сокро́вище чт҃нꙋю ри́зꙋ, ꙗ҆̀же є҆́сть хі҃то́нъ, є҆́юже живоно́снꙋю и҆ ст҃ую пло́ть вочл҃вѣ́ченіѧ твоегѡ̀ ѡ҆дѣѧ́ти бл҃говоли́лъ є҆сѝ: сі́ю желаніемъ пріе́млюще свѣ́тлѡ пра́знꙋемъ, стра́хомъ же и҆ любо́вію, ꙗ҆́кѡ бл҃года́телю воспѣва́юще, зове́мъ тѝ хр҃тѐ: сохранѝ въ ми́рѣ ст҃и́телей и҆ всѧ̑ лю́ди, по вели́цѣй твое́й мл҃ти.

«Въ нынѣшнемъ 1626 году,—пишетъ архіепископъ,—въ 24 день января, присланы къ намъ отъ Государя Царя Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича и всея Россіи и отъ Великаго Государя и Отца нашего Святѣйшаго Патріарха Филарета Никитича Московскаго и всея Россіи грамоты. Въ нихъ написано: въ прошломъ 1625 году, въ 11 день марта, приходилъ къ Царю Михаилу Ѳеодоровичу и Святѣйшему Патріарху Филарету Никитичу изъ Кизылъ-Башъ отъ государя Аббасъ-Шаха посолъ, Грузинецъ Урусамбекъ, и послѣ поклона царю и Святѣйшему Патріарху поднесъ послѣднему украшенный драгоцѣнными каменьями золотой ковчегъ съ срачицею, или хитономъ, Іисуса Христа. Въ тотъ же день на своемъ дворѣ Великій Государь и отецъ нашъ, Святѣйшій Патріархъ Филаретъ, со своими сослужебниками — Кипріаномъ митрополитомъ Сарскимъ и Подонскимъ, съ Нектаріемъ архіепископомъ Грекомъ, съ архимандритами, игуменами, протоіереями и всѣмъ священнымъ Соборомъ осматривали ковчегъ и увидѣли въ немъ ризу полотняну, тканую, красноватую и давнихъ лѣтъ. Въ 18 день марта Святѣйшій Патріархъ Филаретъ говорилъ съ сыномъ своимъ, царемъ и Великимъ княземъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, что святыня, которую называютъ срачицею Христовою, прислана отъ иновѣрнаго царя Аббасъ-Шаха и что безъ истиннаго свидѣтельства принять ее нельзя: слово невѣрныхъ безъ испытанія во свидѣтельство не пріемлется. Посему Соборомъ 26 марта изъ Патріарха, архіепископа, архимандритовъ, игуменовъ и старцевъ въ монастыряхъ уложили семидневный постъ и молитву, а священнослужителямъ прочихъ храмовъ служити Литургію и молитися, чтобы Господь Богъ о той святыне проявилъ волю Свою. Благодатію и человѣколюбіемъ, и неизреченною милостію Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа до исполненія седмицы совершились отъ ризы Господней многія исцѣленія; а кому именно, въ который день и отъ какой болѣзни, о томъ подлинная роспись прислана къ намъ въ Тверь, за печатію Великаго Государя и Филарета Никитича, Святѣйшаго Патріарха Московскаго и всея Россіи. И такъ тебѣ, игумену, со іеромонахами и братіею собраться въ соборную церковь и велѣть здѣсь главному діакону прочитать во услышаніе всѣмъ людямъ сію нашу грамоту и по прочтеніи ея совершить Господу молебствіе со звономъ».

ПАМЯТЬ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

АНТОНІЯ ПЕЧЕРСКАГО

Во дни благовѣрнаго и святаго князя Владиміра[1]) Господь благоволилъ явить Церкви Своей свѣтильника и иночествующимъ наставника —приснопамятнаго мужа, преподобнаго и богоноснаго отца нашего Антонія.

Преподобный Антоній родился въ городѣ Любечѣ[2]). Съ юныхъ лѣтъ проникнутый страхомъ Божіимъ, онъ желалъ облечься въ иноческій образъ. Когда человѣколюбивый Богъ вложилъ ему въ сердце намѣреніе идти въ Греческую страну и тамъ постричься, Антоній тотчасъ же привелъ его въ исполненіе, путешествуя по

---

[1]) Разумѣется *св. Владиміръ Равноапостольный*, просвѣтитель и креститель Кіевской Руси; княжилъ въ 978—1015 гг. Память его — 15 іюля.

[2]) *Любечъ*, находившійся въ Черниговской области,—одинъ изъ доисторическихъ городовъ Древней Руси, существовавшихъ еще до прибытія варяговъ. При Олегѣ онъ былъ среди тѣхъ главныхъ городовъ, гдѣ сидѣли его «велиціи князи»; затѣмъ Любечъ утрачиваетъ свое важное политическое значеніе. Въ исторіи Любечъ извѣстенъ 1) сраженіемъ Ярослава съ Святополкомъ въ 1016 г. и 2) большимъ съѣздомъ князей въ 1097 г. «на устроенье мира» между ними. Въ настоящее время Любечъ заштатный городъ, или мѣстечко, Черниговской губерніи на московской, или лѣвой, сторонѣ Днѣпра, въ 120 верстахъ отъ Кіева.

примѣру Господа, странствовавшаго и трудившагося ради нашего спасенія. Достигнувъ Царьграда,[1]) преподобный Антоній отсюда направился во Святую Гору Аѳонскую[2]); обходя ея монастыри, онъ удивлялся жизни въ нихъ святыхъ отцевъ, которые, будучи во плоти, возвышались надъ человѣческою природою, подражая въ подвигахъ безплотнымъ Ангеламъ. И сильнѣе прежняго возгорѣлась въ сердцѣ Антонія любовь ко Христу. Желая уподобиться по жизни помянутымъ отцамъ, онъ пошелъ въ одну изъ обителей Аѳона и умолялъ игумена возложить на него ангельскій образъ иноческаго чина. Прозирая въ будущую подвижническую жизнь преподобнаго, игуменъ не отказалъ ему въ просьбѣ и постригъ его[3]), наставивъ въ завѣтахъ совершеннаго иночества. Новопостриженный инокъ во всемъ благоугождалъ Богу, подвизаясь на пути добродѣтели: но особенно преподобный Антоній преуспѣвалъ въ покорности и послушаніи, такъ что всѣ радовались, глядя на его жизнь. Преподобный Антоній пробылъ на Святой Горѣ, на мѣстѣ своего постриженія, уже немалое время, являясь наставникомъ ко спасенію для многихъ и самъ достигая бо́льшихъ степеней совершенства, когда игуменъ получилъ внушеніе отъ Бога отпустить преподобнаго въ Русскую землю. Призвавъ его къ себѣ, игуменъ сказалъ:

— Антоній! Иди обратно въ Русскую землю,—пусть и тамъ живущіе черезъ тебя преуспѣваютъ и утверждаются въ вѣрѣ христіанской; да будетъ съ тобою благословеніе Святыя Горы!

Пріявъ это благословеніе какъ за исходящее изъ устъ Божіихъ, преподобный Антоній отправился въ землю Русскую. Придя

---

[1]) См. стр. 86-ую, примѣч. 3-ье.

[2]) *Аѳонская Гора* (*Аѳонъ*)—по греч. Ἅγιος Ὄρος—Святая Гора—представляетъ собою узкій гористый полуостровъ, вдающійся въ Архипелагъ (Эгейское море). Аѳонъ извѣстенъ какъ центръ иноческой жизни для греческаго Востока. Иноческая жизнь появилась здѣсь въ древнее время, хотя нѣсколько позже, чѣмъ въ Сиріи и Палестинѣ. Для Русской Церкви Аѳонъ по XVIII в. имѣлъ большое значеніе уже помимо того, что здѣсь постригся отецъ русскаго монашества преп. Антоній: въ богатыхъ библіотекахъ Аѳона получали наиболѣе широкое по тому времени образованіе наши иноки, ходившіе на Аѳонъ (напр. преп. Нилъ Сорскій † 1508 г.).—Какъ одно изъ наиболѣе чтимыхъ мѣстъ Православнаго Востока Аѳонъ ежегодно посѣщается тысячами богомольцевъ исключительно мужескаго пола (женщинамъ входъ въ монастырь возбраненъ) изъ Россіи, съ Балканскаго полуострова и Азіатскихъ владѣній Турціи.

[3]) Съ именемъ Антонія, быть можетъ, выражая этимъ желаніе, чтобы Антоній былъ тѣмъ же для Руси, чѣмъ Антоній Великій, отецъ восточнаго монашества, для Египта. Мірское имя преподобнаго Антонія неизвѣстно. Сохранилось, впрочемъ, не совсѣмъ достовѣрное преданіе, по которому преп. Антоній носилъ въ міру имя Антипы.

въ городъ Кіевъ[1]), онъ раздумывалъ,— гдѣ бы ему поселиться, и сталъ обходить монастыри, которые начали основываться иноками-греками, пришедшими съ митрополитомъ Михаиломъ для Крещенія Руси; впрочемъ, эти обители не содержали чина и устава совершеннаго общежитія. По смотрѣнію Божію, ни одна изъ обителей не была угодна преподобному Антонію для жительства. Поэтому онъ началъ ходить по окрестностямъ Кіева,— по лѣсамъ и горамъ, и такъ достигъ даже Берестова. Найдя здѣсь пещеру, когда-то вырытую варягами[2]), преподобный Антоній, сотворивъ молитву, поселился въ ней, проводя жизнь въ великомъ воздержаніи.

Прп҃бный
а҆нтѡ́нїй

По преставленіи благовѣрнаго князя Владиміра власть захватилъ безбожный и окаянный Святополкъ[3]), сѣвшій на великокняжескомъ престолѣ въ Кіевѣ. Желая истребить съ лица земли своихъ братьевъ[4]), онъ убилъ Бориса и Глѣба, пріявшихъ, такимъ образомъ, мученическую кончину[5]). Видя такое кровопролитіе, преподобный Антоній снова удалился на Святую Гору.

Но вотъ благовѣрный князь Ярославъ, побѣдивъ Святополка, сѣлъ въ Кіевѣ[6]). Ярославъ любилъ Берестово[7]) съ его церковью

---

1) Преп. Антоній остановился въ Кіевѣ и не пошелъ на родину въ Любечъ, вѣроятно, потому, что въ Кіевѣ, «наиболѣе успѣвшемъ въ христіанствѣ и уже имѣвшемъ монаховъ», скорѣе могъ найти соревнователей въ подвигѣ отшельничества.

2) Можно думать, Великіе князья содержали въ своемъ селѣ Берестовѣ отрядъ варяговъ; послѣдніе и выкопали пещеры, чтобы хранить въ нихъ, какъ безопасномъ мѣстѣ, военную добычу.

3) Третій сынъ св. Владиміра.

4) Лѣтописецъ влагаетъ въ уста преступнаго князя такія слова: «Перебью всѣхъ братьевъ и приму одинъ всю власть на Руси».

5) Память св. мучениковъ-князей совершается Православною Русскою Церковію дважды: 2 мая и 24 іюля.

6) Великій князь съ 1019 г.

7) Трудно опредѣлить въ теперешней Печерской части Кіева, гдѣ именно находилось

во имя Святыхъ Апостоловъ; при ней былъ пресвитеръ, именемъ Иларіонъ, мужъ благочестивый, великій постникъ и свѣдущій въ Божественномъ Писаніи. Спустя много лѣтъ Ярославъ, любившій окружать себя духовнымъ чиномъ[1]), по изволенію Божію и согласію собранныхъ имъ епископовъ, избралъ Иларіона митрополитомъ, въ котораго онъ и былъ поставленъ въ Кіевскомъ храмѣ святой Софіи[2]). Пресвитеръ Иларіонъ удалялся временами изъ Берестова на Днѣпръ, на холмъ, покрытый вѣковымъ лѣсомъ, гдѣ нынѣ находятся Дальнія, или Ѳеодосіевы, пещеры монастыря; въ этомъ холмѣ Иларіонъ ископалъ себѣ пещеру сажени въ двѣ, гдѣ и молился втайнѣ Богу, воспѣвая Псалмы и творя поклоны.

Преподобный же Антоній въ это время находился на Святой Горѣ, въ монастырѣ своего постриженія, и опять игумену было откровеніе отъ Бога:

— Пошли,—сказалъ Господь,—Антонія снова въ землю Русскую, ибо онъ Мнѣ нуженъ тамъ.

Игуменъ, призвавъ преподобнаго, открылъ ему:

— Антоній! По волѣ Божіей иди опять въ землю Русскую и да будетъ съ тобою благословеніе Святой Горы!

Вмѣстѣ съ этимъ игуменъ предсказалъ преподобному, что въ землѣ русской онъ явится отцемъ многихъ черноризцевъ; благословивъ, затѣмъ, Антонія, игуменъ отпустилъ его съ напутствіемъ:

— Иди съ миромъ!

Съ этимъ благословеніемъ преподобный Антоній опять пришелъ въ Кіевъ. Взойдя на холмъ, гдѣ Иларіонъ ископалъ помя-

---

село Берестово; можно предполагать, что оно отстояло отъ Печерскаго монастыря не менѣе какъ на версту по направленію къ западу.

[1]) По свидѣтельству лѣтописи, Ярославъ любилъ церковные уставы, любилъ священниковъ и особенно монаховъ. Книги читалъ онъ днемъ и ночью; онъ собралъ много писцовъ, которые переписывали уже готовые славянскіе переводы, а также нашелъ переводчиковъ, которые переводили книги съ греческаго языка на славянскій. Объ этой церковно-просвѣтительской дѣятельности Ярослава лѣтописецъ замѣчаетъ: «Яко же бо се нѣкто землю разоретъ, другой же насѣетъ, такъ и сей (Ярославъ): отецъ бо его Володімеръ взора и умягчи, рекше Крещеніемъ просвѣтивъ, сѣй же посѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людій».

[2]) Въ 1051 г. Отъ митрополита Иларіона сохранилось одно сочиненіе, представляющее собою въ полномъ и точномъ емыслѣ слова блестящее ораторское произведеніе. Произведеніе это носитъ слѣдующее заглавіе: «О законѣ, Моисеемъ даннѣмъ, и благодати и истинѣ Іисусъ Христомъ бывшимъ, и како законъ отъиде, благодать же и истина всю землю исполни и вѣра во вся языки проетреся и до нашего языка русскаго, и похвала кагану нашему Владиміру, отъ него же крещени быхомъ, и молитва къ Богу отъ всея земли нашея».

нутую небольшую пещеру, преподобный Антоній возлюбилъ это мѣсто. Помолившись Богу со слезами, онъ сказалъ:

— Господи! Да будетъ на семъ мѣстѣ благословеніе Святой Аѳонской Горы и—молитва моего отца, меня постригшаго; утверди, Боже, мое вселеніе здѣсь!

Послѣ этого онъ избралъ пещеру мѣстомъ своего обитанія. И жилъ здѣсь преподобный въ непрестанной молитвѣ, вкушая сухой хлѣбъ и удовлетворяя жажду умѣреннымъ количествомъ воды, да и то черезъ день, иногда же черезъ два; а иногда онъ не вкушалъ ничего всю недѣлю, пребывая день и ночь въ молитвенномъ бдѣніи и усердно руками своими копая бо́льшую пещеру.

Узнавъ о поселеніи преподобнаго въ пещерѣ, нѣкоторые христолюбцы приходили къ нему сюда, принося потребное для поддержанія тѣла и испрашивая себѣ благословенія; находились и такіе пришельцы, которые выражали желаніе жить съ преподобнымъ; изъ числа послѣднихъ былъ и блаженный Никонъ [1]).

Въ это именно время пришелъ [2]) къ преподобному Антонію и преподобный Ѳеодосій, будучи двадцатилѣтнимъ юношей [3]): преподобный Антоній велѣлъ постричь Ѳеодосія блаженному Никону,—іерею и опытному черноризцу.

По прошествіи многихъ лѣтъ, когда преставился благовѣрный князь Ярославъ [4]), власть принялъ старшій сынъ его Изяславъ, сѣвшій на великокняжескомъ столѣ въ Кіевѣ [5]). Преподобный же Антоній Печерскій въ это время уже прославился во всей русской землѣ за свою многодобродѣтельную жизнь, подобно тому какъ въ древности прославился въ Египтѣ Антоній Великій. Узнавъ о подвижнической жизни преподобнаго Антонія, христолюбивый князь Изяславъ пришелъ къ нему со своею дружиною, прося молитвъ и благословенія; и еще болѣе возросла извѣстность преподобнаго, почитаемаго всѣми. И начали къ нему стекаться христолюбцы, желая постриженія: онъ же принималъ ихъ и постригалъ.

Среди этихъ христолюбцевъ пришли къ преподобному Антонію: сначала блаженный Варлаамъ, сынъ знатнаго Кіевскаго боярина

---

1) Пришедшій къ преп. Антонію уже пресвитеромъ и постригавшій остававшихся въ пещерѣ съ преподобнымъ для жительства съ нимъ. Впослѣдствіи блаженный Никонъ былъ игуменомъ Печерскаго монастыря, вторымъ по преп. Ѳеодосіи.

2) Приблизительно въ 1055—1056 гг.

3) Память преп. Ѳеодосія Печерскаго совершается 3 и 31 мая, 14 августа и 11 января.

4) Въ 1054 г.

5) Великій князь въ 1054—1068 гг.

Іоанна[1]), а потомъ—Ефремъ, княжій евнухъ[2]). Согласно выраженному ими желанію преподобный Антоній велѣлъ блаженному Никону ихъ обоихъ постричь, что доставило преподобному съ братіею много непріятностей. Не только разгнѣванный бояринъ Іоаннъ, придя въ пещеру со множествомъ челяди и разогнавъ богоизбранное стадо преподобнаго отца нашего Антонія, извлекъ изъ пещеръ сына своего, блаженнаго Варлаама и, замѣнивъ его монашескія одежды свѣтлыми боярскими, насильно повелъ къ себѣ домой; но и самъ великій князь Изяславъ, узнавъ о постриженіи сына боярскаго и своего любимаго евнуха, тоже сильно разгнѣвался на стадо, собранное во Имя Христово преподобнымъ Антоніемъ; онъ повелѣлъ схватить блаженнаго Никона, постригавшаго иноковъ, питая къ нему за это особенное нерасположеніе; онъ приказывалъ Никону убѣждать Варлаама и Ефрема снова жить въ міру, угрожая ему заточеніемъ съ его наставникомъ Антоніемъ и всѣми находившимися въ пещерѣ; самую же пещеру князь намѣревался раскопать.

Столь великій гнѣвъ князя, возбуждаемый козпями «князя тьмы», понудилъ преподобнаго Антонія съ оставшеюся братіею удалиться изъ пещеры въ другую страну. Но княгиня, узнавъ объ этомъ, усердно просила князя не изгонять своимъ гнѣвомъ рабовъ Божіихъ изъ своей области, чтобы не навлечь такого же гнѣва Божія, который постигъ, тоже по изгнаніи черноризцевъ, отечество ея — землю ляховъ. (Княгиня, дочь короля Польскаго Болеслава Храбраго, была родомъ изъ Польши; она напоминала князю слѣдующій случай изъ жизни своего отца: за постриженіе преподобнаго Моисея Угрина[3]) Болеславъ изгналъ черноризцевъ изъ Польши; Господь разгнѣвался такимъ поступкомъ короля: послѣдній умеръ скоропостижно, а въ поднявшейся, затѣмъ, междоусобицѣ было убито много епископовъ и бояръ.) Внявъ съ трудомъ мольбамъ княгини, князь, наконецъ, образумился и убоялся Бога: онъ послалъ къ старцу просьбу о возвращеніи на покинутое мѣсто; преподобнаго Антонія едва нашли послѣ трехъ дней розысковъ и умолили возвратиться.

---

[1]) Первый впослѣдствіи игуменъ Печерскаго монастыря.

[2]) *Скопецъ Ефремъ* былъ главнымъ домоправителемъ у Вел. кн. Изяслава; впослѣдствіи онъ удалялся изъ Печерскаго монастыря въ Константинополь, гдѣ жилъ въ одномъ изъ монастырей, изъ котораго и былъ возведенъ на каѳедру Переяславскую. Неизвѣстно, когда скончался; послѣднее упоминаніе объ немъ лѣтописи относится къ 1091 г. Въ санѣ епископа Ефремъ прославился строительствомъ церковнымъ.

[3]) См. житіе его подъ 26 числомъ настоящаго мѣсяца.

Такимъ образомъ преподобный отецъ нашъ Антоній снова вернулся въ свою пещеру. Онъ непрестанно умолялъ Бога,— да подастъ ему Господь силы мужественно переносить напасти, наносимыя врагомъ, ненавистникомъ добра, и—да не предастъ звѣрямъ душъ исповѣдающихъ Его, да не забудетъ убогихъ Своихъ навсегда[1]). Господь услышалъ молитву преподобнаго: не только разогнанныя овцы снова возвратились съ миромъ къ своему пастырю, но къ нему въ пещеру приходило множество и другихъ, умоляя избавить ихъ отъ тьмы пути, ведущаго къ погибели, и обратить къ свѣту пути спасительнаго. Преподобный Антоній всѣхъ принималъ съ любовію: послѣ наставленій,—какъ дòлжно слѣдовать за Христомъ, онъ повелѣвалъ блаженному Никону постригать желающихъ. И собралось около преподобнаго братіи двѣнадцать человѣкъ; общими усиліями была выкопана большая пещера, а въ ней устроены церковь и келліи, которыя существуютъ и доселѣ.

Однажды преподобный Антоній сказалъ братіи, объединенной подъ его водительствомъ:

— Богъ васъ собралъ, братіе, а я васъ постригъ по благословенію Святыя Горы, которымъ и самъ я постриженъ отъ ея игумена; да пребываетъ на васъ первѣе всего благословеніе отъ Бога и Пресвятыя Богородицы, а также—и благословеніе отъ Святой Горы.

Затѣмъ преподобный отецъ сообщилъ братіи:

— Живите одни,—я поставлю вамъ игумена; я же хочу жить одинъ, какъ привыкъ къ тому въ прежніе годы.

И поставилъ имъ игуменомъ блаженнаго Варлаама. Самъ же, избѣгая мятежа и молвы, сначала затворился въ одной келліи, здѣсь же въ пещерѣ, а потомъ переселился на другой холмъ, гдѣ началъ копать новую пещеру, которая находится подъ нынѣшнимъ великимъ Печерскимъ монастыремъ[2]).

Блаженный игуменъ Варлаамъ и братія, принявъ благословеніе преподобнаго Антонія, остались на жительство въ прежней

---

[1]) Сравн. Пс. 73, ст. 19.

[2]) Вторую пещеру преп. Антонія составляютъ нынѣшнія Ближнія, или Антоніевы, пещеры. Холмъ этой пещеры отдѣляется отъ холма первой глубокимъ оврагомъ; въ настоящее время отъ Ближнихъ до Дальнихъ пещеръ по галлереѣ, перекинутой черезъ помянутый оврагъ, 91 сажень. Преп. Антоній удалился во вторую пещеру съ небольшимъ числомъ учениковъ, желавшихъ посвятить себя строгому отшельничеству, и послѣ принималъ онъ къ себѣ хотѣвшихъ подвизаться съ нимъ.

пещерѣ. Когда же число братіи возросло настолько, что пещера не могла вмѣстить всѣхъ во время соборнаго моленія, то задумали поставить малый храмъ внѣ пещеры. Игуменъ и братія пришли къ преподобному Антонію въ его новую пещеру и сказали ему:

— Отче! Братія умножаются, и мы уже не можемъ помѣщаться во время соборной молитвы въ пещерѣ: повелѣніемъ Господнимъ и Пресвятыя Богородицы, а также твоею святою молитвой благослови поэтому поставить малую церковь внѣ пещеры.

Преподобный далъ свое благословеніе. Они же, поклонившись ему до земли, удалились и начали постройку надъ пещерою малаго храма во имя Успенія Пресвятой Богородицы.

Послѣ совершенія малой надпещерной церкви князь Изяславъ, во Святомъ Крещеніи Димитрій, создалъ каменный храмъ въ честь святаго, христіанское имя котораго носилъ, то есть въ честь великомученика Димитрія; при храмѣ онъ устроилъ монастырь. На игуменство для этого монастыря князь Изяславъ взялъ блаженнаго Варлаама—игумена братіи, живущей въ пещерѣ: надѣясь на богатство, онъ хотѣлъ свой монастырь возвысить предъ монастыремъ Печерскимъ. Но хотя и существуютъ многіе монастыри, поставленные богатствомъ царей и бояръ, однако они не могутъ сравниться съ тѣми, которые поставляются молитвами святыхъ, слезами, пощеніемъ и бдѣніемъ. Такъ и преподобный Антоній не имѣлъ золота, но своими слезами возрастилъ обитель, несравнимую съ другими. Впрочемъ, блаженный Варлаамъ былъ взятъ въ монастырь святаго великомученика Димитрія еще въ то время, когда Печерскій монастырь только что устроялся. По удаленіи игумена и послѣ общаго совѣщанія, братія, находившіеся въ пещерѣ, рѣшили идти къ преподобному Антонію.

— Отче,—сказали ему иноки,—поставь намъ игумена.

— Кого же вы хотите?—спросилъ преподобный.

— Кого хочетъ Богъ, Пресвятая Богородица и ты, честный отче,— отвѣчали пришедшіе.

— Тотъ изъ васъ,—рѣшилъ преподобный Антоній,—который отличается послушаніемъ, кротостію и смиреніемъ, пусть и будетъ вамъ игуменомъ[1]).

---

[1]) Точныя слова лѣтописца даютъ нѣсколько иной смыслъ: преп. Антоній братіи, просившей назначить игумена, далъ слѣдующій отвѣтъ, прямо указывавшій на преподобнаго Ѳеодосія: «Кто болій въ васъ, якъ же Ѳеодосій, послушливый, кроткій, смиренный, да сей будетъ вамъ игуменъ».

Тогда братія начали просить преподобнаго Антонія, чтобы онъ благословилъ на игуменство преподобнаго Ѳеодосія — какъ единонравнаго ему и во всѣхъ благихъ дѣлахъ искуснаго; и благословилъ его преподобный Антоній на игуменство. Братія же вся, въ числѣ двѣнадцати человѣкъ, поклонились преподобному Антонію до лица земли, радуясь, что получили такого наставника.

Сдѣлавшись игуменомъ, преподобный Ѳеодосій съ усиленнымъ тщаніемъ началъ заботиться объ обители, присоединяя къ этимъ заботамъ великое пощеніе и слезныя молитвы; великое содѣйствіе оказывали ему молитвы и благословеніе начальника его, преподобнаго отца нашего Антонія, наединѣ безмолвствующаго. И Господь началъ умножать черноризцевъ, такъ что вскорѣ подъ водительствомъ преподобнаго Ѳеодосія оказалось до ста человѣкъ. Преподобный Ѳеодосій, видя такое умноженіе братіи, пришелъ, послѣ совѣта съ нею, къ намѣренію поставить монастырь. И снова всѣ пошли къ преподобному Антонію и сказали ему:

— Отче! Братія все болѣе и болѣе возростаютъ въ числѣ,—мы хотимъ поставить монастырь.

Преподобный Антоній сильно обрадовался.

— Благословенъ Богъ,—воскликнулъ онъ,—за все! Молитва же Пресвятой Богородицы и отцовъ Святой Горы да будетъ съ вами и да содѣйствуетъ вамъ.

Затѣмъ онъ послалъ одного изъ братіи сказать князю Изяславу:

— Князь христолюбивый! Богъ умножаетъ братію, а мѣсто, гдѣ мы поселились, тѣсно: просимъ тебя,—благоволи отдать намъ гору, которая надъ пещерою.

Князь Изяславъ чрезвычайно обрадовался, услышавъ это; онъ послалъ боярина своего, чтобы онъ отдалъ инокамъ во владѣніе гору надъ пещерою. Преподобный Ѳеодосій и братія заложили на ней большую[1]) деревянную церковь и, отстроивъ ее, украсили иконами; они поставили также келліи, а самый монастырь оградили столбами и переселились сюда изъ пещеры. Съ этого времени монастырь, зачавшійся отъ благословенія Святой Горы, сталъ именоваться Печерскимъ, ибо черноризцы жили прежде въ пещерѣ.[2])

---

[1]) Бо́льшую сравнительно съ предшествующей церковцей; на самомъ же дѣлѣ не великихъ размѣровъ.

[2]) По свидѣтельству лѣтописца, монастырь построенъ не преп. Ѳеодосіемъ, а предшественникомъ его на игуменствѣ Варлаамомъ. Но какъ бы то ни было, можно сказать,

Послѣ этого преподобный игуменъ Ѳеодосій рѣшилъ утвердить свой монастырь и мысленнымъ огражденіемъ, то есть уставомъ, опредѣляющимъ жизнь иночествующихъ не въ затворѣ, но въ монастырѣ: онъ началъ искать подходящій для указанной цѣли монастырскій уставъ. И въ данномъ случаѣ ему поспѣшествовали молитва и благословеніе преподобнаго отца нашего Антонія: по его именно благословенію и молитвѣ Господь устроилъ такъ, что какъ разъ въ это время нашелся одинъ честный инокъ Студійскаго монастыря, по имени Михаилъ, пришедшій изъ Греціи съ митрополитомъ Георгіемъ[1]). У него былъ уставъ Студійской обители[2]). Списавъ этотъ уставъ конечно въ переводѣ съ греческаго, преподобный Ѳеодосій, рѣшивъ его ввести въ своей обители, установилъ весь «рядъ церковный» — какъ совершать богослужебное пѣніе и чтеніе, и поклоны за ними; какъ стоять въ церкви и проводить время за трапезой; что вкушать за нею и въ какіе именно дни. Отъ Печерскаго монастыря Студійскій уставъ переняли и всѣ другіе монастыри; благодаря этому, Печерская обитель имѣетъ преимущество первенства и чести предъ всѣми другими русскими монастырями.

Во дни игуменства преподобнаго Ѳеодосія, направлявшаго посредствомъ новаго устава и съ помощію молитвъ и благословенія преподобнаго отца нашего Антонія жизнь Печерской обители по пути добродѣтели, пришелъ въ обитель, будучи сем-

---

что монастырь построенъ не позднѣе 1062 г. Черезъ 11 или 12 лѣтъ послѣ построенія монастыря надъ пещерой преп. Ѳеодосій началъ постройку новаго, обширнѣйшаго монастыря на новомъ мѣстѣ черезъ оврагъ отъ перваго монастыря близъ второй пещеры преп. Антонія. Въ 1073 г. преп. Ѳеодосій заложилъ великую каменную церковь новаго монастыря, но за своею смертью (3 мая 1074 г.) преп. Ѳеодосій не успѣлъ докончить постройку новаго монастыря -это сдѣлали его преемники по игуменству: Стефанъ, Никонъ и Іоаннъ. Печерскій монастырь до сихъ поръ остается на этомъ его второмъ мѣстѣ, почему Антоніевы пещеры (вторыя) и суть ближнія къ монастырю. Старый, или ветхій, монастырь, послѣ переведенія братіи въ новый, не былъ уничтоженъ: пещера, при которой онъ находился, была обращена въ усыпальницу для братіи; для погребенія ея въ старомъ монастырѣ находилось нѣсколько человѣкъ братіи, въ числѣ ихъ пресвитеръ и діаконъ для ежедневнаго совершенія въ церкви монастыря заупокойной Литургіи «за умирающую братію».

[1]) Лѣтопись упоминаетъ объ немъ подъ 1072 и 1073 гг.

[2]) Уставъ этотъ строго общежительный, не дозволяющій монаху имѣть ничего своего, даже иголки. Преп. Несторъ въ житіи преп. Ѳеодосія указываетъ и другой источникъ полученія послѣдимъ Студійскаго устава: «Ѳеодосій,— пишетъ онъ,— послалъ единаго отъ братій въ Константинополь къ скопцу Ефрему (см. стр. 270, примѣч. 2-е), да весь уставъ Студійскаго монастыря (находившагося въ Константинополѣ) исписавъ, пришлетъ ему; онъ же немедленно исполнилъ повелѣніе преп. отца нашего и, весь уставъ монастырскій написавъ, посла блаженному отцу нашему Ѳеодосію».

надцатилѣтнимъ юношей, и преподобный отецъ нашъ Несторъ, списатель житія преподобнаго Ѳеодосія и другихъ: преподобный Ѳеодосій, принимавшій съ любовію приходящихъ къ нему, охотно принялъ и его, по совѣту и благословенію преподобнаго Антонія. Допытываясь, почему именно обитель именуется Печерскою, Несторъ вкратцѣ, ради назиданія вѣрующихъ, въ лѣтописаніи своемъ сообщилъ о подвигахъ первоначальника монастыря, преподобнаго Антонія[1]).

Но скажемъ нѣчто о чудесахъ, хотя и не всѣхъ, а также—о честнóй кончинѣ святаго Антонія, заимствовавъ свѣдѣнія у блаженнаго епископа Симона и близкаго къ нему инока печерскаго Поликарпа[2]) и оставивъ пока свидѣтельства лѣтописца о самихъ подвигахъ и напастяхъ, перенесенныхъ преподобнымъ.

Преподобный отецъ нашъ Антоній, уединившійся въ другую пещеру, видя умноженіе и благочиніе избраннаго стада, возсылалъ благодареніе Богу, преуспѣвая и самъ въ добродѣтели отъ силы въ силу. За это и Господь прославилъ его,—имя преподобнаго Антонія просіяло въ землѣ Русской различными чудесами и особенно даромъ исцѣленія и пророчества.

Даръ чудотворныхъ исцѣленій преподобный Антоній обнаруживалъ въ такомъ видѣ. Старецъ самъ служилъ болящимъ и исцѣлялъ ихъ своею молитвою; но, прикрывая смиреніемъ эти исцѣленія по его молитвѣ, онъ съ благословеніемъ давалъ больнымъ въ качествѣ лѣкарства зелень, которою питался; недужные, вкусивъ ея, дѣлались здоровыми, какою бы болѣзнію не были одержимы. Впослѣдствіи блаженный Агапитъ явился подражателемъ преподобному Антонію, врачуя болѣзни такимъ же образомъ[3]).

---

[1]) Позднѣйшія научныя изысканія заставляютъ за несомнѣнное предполагать, что авторомъ «начальной Лѣтописи» былъ не преп. Несторъ, а какой-то другой инокъ Печерскаго монастыря, вѣроятно Сильвестръ, впослѣдствіи игуменъ монастыря св. Михаила въ Кіевѣ.

[2]) *Симонъ*—постриженникъ Печерскаго монастыря; отсюда онъ былъ взятъ Вел. княземъ Всеволодомъ Юрьевичемъ въ игумены основаннаго имъ во Владимірѣ Рождественскаго монастыря; затѣмъ Симонъ былъ поставленъ первымъ епископомъ Владимірской епархіи, отдѣленной отъ Ростовской въ 1214 г. Симонъ скончался въ 1226 г. послѣ двѣнадцатилѣтняго правленія. Поликарпъ, тоже постриженникъ Печерскаго монастыря, откуда дважды былъ возводимъ на мѣсто игумена и дважды возвращался съ него въ Печерскій монастырь; впослѣдствіи онъ былъ игуменомъ Печерскаго монастыря. (См. житіе его подъ 24 числомъ настоящаго мѣсяца). Изъ посланія еп. Владимірскаго Симона къ Поликарпу и изъ посланія послѣдняго къ Акиндину, Печерскому архимандриту, содержаніемъ которыхъ служитъ рядъ сказаній о печерскихъ чудотворцахъ и о чудесахъ, бывшихъ въ самомъ монастырѣ при построеніи его великой церкви, и составился знаменитый Печерскій патерикъ (πατερικόν подр. βιβλίον--отечникъ, отеческая книга, т. е. книга отцовъ или объ отцахъ).

[3]) Память *блаженнаго Агапита* «безмезднаго врача», скончавшагося въ 1095 г., совершается 1 іюня.

О дарѣ же предвѣдѣнія святаго Антонія, кромѣ другихъ примѣровъ, свидѣтельствуютъ еще слѣдующіе.

Три князя Ярославича—Изяславъ, князь Кіевскій, Святославъ Черниговскій, Всеволодъ Переяславскій,—отправляясь на войну съ Половцами[1]), пришли къ преподобному Антонію, прося благословенія. Онъ же, провидѣвъ гнѣвъ Божій, имѣющій ихъ постигнуть, сказалъ имъ:

— За ваши грѣхи вы будете побѣждены варварами и обращены въ бѣгство, причемъ многіе изъ вашихъ воиновъ утонутъ въ рѣкѣ, другіе будутъ взяты въ плѣнъ, а остальные падутъ отъ меча.

Что̀ и сбылось послѣ битвы на рѣкѣ Альтѣ[2]), когда князья, едва сохранивъ жизнь, бѣжали: Изяславъ и Всеволодъ—въ Кіевъ, Святославъ же—въ Черниговъ; Половцы же разсѣялись по юго-восточнымъ окраинамъ Русской земли, плѣня и губя ея жителей.

Вмѣстѣ съ этимъ пророчествомъ князьямъ преподобный Антоній предсказалъ Шимону, сыну князя варяжскаго Африкана, что Шимонъ, по благодати Божіей, въ помянутой битвѣ не только избѣгнетъ смерти, находясь уже среди труповъ, но, спустя много лѣтъ, первымъ будетъ положенъ въ каменной печерской церкви, о которой преподобный также предвозвѣстилъ, что она устроится чудеснымъ образомъ. Самъ Шимонъ, возвратясь съ битвы, повѣдалъ преподобному Антонію:

— Я лежалъ,—разсказывалъ онъ,—раненный среди убитыхъ, и вотъ, какая-то божественная сила исхитила меня изъ ихъ среды и исцѣлила отъ ранъ; всѣхъ моихъ близкихъ и воиновъ я тоже нашелъ невредимыми.—Подобіе же церкви, имущей создаться, которая будетъ мѣстомъ моего упокоенія, я видѣлъ дважды въ воздухѣ: одинъ разъ при рѣкѣ Альтѣ, находясь среди убитыхъ, а другой—ранѣе на морѣ, когда бѣжалъ въ Русскую землю къ князю Ярославу отъ дяди Якуна, изгнавшаго меня изъ варяжскаго княжества.

Затѣмъ Шимонъ самымъ дѣломъ подтвердилъ свои слова о явленномъ ему благоволеніи Божіемъ къ созданію церкви, предсказанной преподобнымъ Антоніемъ. Шимонъ передалъ ему поясъ и золотой вѣнецъ съ такими словами:

---

[1]) *Половцы*, или *Куманы*,—тюркское кочевое племя, жившее въ X—XIII вв. на югѣ Россіи и отсюда дѣлавшее набѣги на пограничные города и селенія Русской земли.

[2]) Эта битва происходила въ 1066 г. на рѣкѣ Альтѣ; Альта—притокъ Трубежа, впадающаго ниже Кіева въ Днѣпръ съ лѣвой, московской стороны.

— Это я снялъ съ иконы—распятіе Христа Спасителя, когда удалялся изъ моего отечества. Ты предсказалъ, что я буду погребенъ здѣсь; мнѣ же былъ Голосъ Божій, повелѣвавшій, чтобы этимъ поясомъ было измѣрено основаніе церкви, гдѣ я буду положенъ и подобіе которой мнѣ показано въ воздухѣ; вѣнецъ же долженъ быть, по тому же повелѣнію Божію, укрѣпленъ надъ жертвенникомъ.

Такъ явно обнаружилось, что предсказаніе преподобнаго Антонія вполнѣ согласовалось съ волей Божіей; впослѣдствіи это подтвердила и сама дѣйствительность: спустя много лѣтъ послѣ сейчасъ разсказаннаго Шимонъ былъ первымъ положенъ въ богозданной каменной печерской церкви.

Теперь, снова возвратившись къ лѣтописпу, скажемъ о слѣдующей немалой напасти, перенесенной преподобнымъ Антоніемъ. Князь тьмы—діаволъ, не вынося свѣта дѣлъ добрыхъ, снова попытался чрезъ князя Изяслава лишить стольный Кіевъ великаго свѣтильника — преподобнаго отца нашего Антонія, сіяющаго въ темной пещерѣ, точно подъ спудомъ, чудесами и добродѣтелями.

Послѣ побѣды, одержанной, по предсказанію преподобнаго Антонія, Половцами въ вышеупомянутой битвѣ, кіевскіе люди понуждали князя Изяслава, чтобы онъ снова вышелъ съ ними на враговъ, разсѣявшихся по русской землѣ. Князь не соглашался на это. Поднялось[1]) возмущеніе, во время котораго изъ темницы былъ освобожденъ князь Полоцкій Всеславъ, находившійся въ плѣну въ Кіевѣ[2]). Возмутившіеся люди объявили Всеслава Кіевскимъ княземъ, а Изяславъ принужденъ былъ бѣжать въ Польшу. Черезъ семь мѣсяцевъ онъ возвратился оттуда къ Кіеву съ Болеславомъ Храбрымъ. Всеславъ, вышедшій, было, тоже съ войскомъ имъ навстрѣчу, убѣжалъ, затѣмъ, тайкомъ къ Полоцку. Тогда Изяславъ вошелъ въ Кіевъ[3]). Онъ началъ, по наущенію діавола, гнѣваться на преподобнаго Антонія, котораго кто-то оклеветалъ предъ нимъ,—что будто бы Антоній любилъ Всеслава, давалъ ему совѣты, что онъ будто бы даже главный виновникъ всей смуты, происшедшей въ Кіевѣ[4]). Преподобный же Антоній въ это время

---

[1]) Въ 1068 г.

[2]) Съ 1067 г.

[3]) Въ началѣ мая 1069 г.

[4]) *Всеславъ* былъ захваченъ въ плѣнъ путемъ нарушенія крестнаго цѣлованія. Быть можетъ, преп. Антоній открыто обличалъ за это Изяслава, а послѣдній могъ въ этихъ обличеніяхъ видѣть причину возмущенія кіевлянъ.

служилъ въ пещерѣ болящему Исаакію затворнику, котораго прельстилъ діаволъ, явившись въ образѣ Іисуса Христа, и оставилъ еле живаго, вовлекши въ пляску съ бѣсами[1]). Это служеніе преподобнаго Антонія было особенно ненавистно обольстителю, опасавшемуся, какъ бы Исаакій вскорѣ не исцѣлился душею и тѣломъ отъ сатанинскаго искушенія. Поэтому діаволъ всячески и возбуждалъ гнѣвъ въ князѣ Изяславѣ, чтобы онъ изгналъ преподобнаго Антонія изъ кіевскихъ предѣловъ. И на нѣкоторое время онъ достигъ этого. Князь Черниговскій Святославъ, узнавши, что братъ его Изяславъ сильно гнѣвается на преподобнаго Антонія, прислалъ за святымъ ночью и тайно[2]) взялъ его къ себѣ въ Черниговъ. Преподобному Антонію полюбилось одно мѣсто близъ Чернигова—въ горахъ Болдинскихъ: здѣсь онъ выкопалъ себѣ пещеру и жилъ въ ней; впослѣдствіи на этомъ мѣстѣ возникъ монастырь[3]). Вскорѣ князь Изяславъ, разсмотрѣвъ хорошенько и безпристрастно дѣло, убѣдился въ незлобіи святаго и узналъ козни искусителя. Сожалѣя о случившемся, онъ послалъ въ предѣлы Черниговскіе къ преподобному Антонію, умоляя его опять возвратиться въ кіевскую область къ своему богоизбранному стаду. Преподобный Антоній, кроткій и смиренный сердцемъ подвижникъ, склонился на эти просьбы: онъ возвратился къ печерской братіи, находившейся въ смятеніи и забвеніи—какъ овцы безъ пастыря. Богъ не хотѣлъ, чтобы такой свѣтильникъ, свѣтозарное солнце Русской земли, преподобный отецъ нашъ Антоній положилъ начало благочиннаго иноческаго житія въ иномъ городѣ, кромѣ богоспасаемаго стольнаго Кіева: но откуда чрезъ благовѣрнаго князя Владиміра возсіялъ свѣтъ православной вѣры во всю землю Русскую, оттуда же Господь благоволилъ возсіять чрезъ преподобнаго Антонія и лучу совершеннаго закона подвижническаго.

И послѣ такихъ напастей не изнемогъ преподобный отецъ нашъ Антоній, но, восходя по ступенямъ все бо́льшихъ и бо́льшихъ подвиговъ, трудился въ пещерѣ, пока не одержалъ полной побѣды надъ немощною предъ нимъ силою діавола. По слову Евангельскому онъ изгонялъ родъ обольстителей молитвою и по-

---

[1]) Память преп. Исаакія 14 февраля.

[2]) Чтобы скрыть мѣстопребываніе преп. Антонія отъ Изяслава, который могъ потребовать его выдачи.

[3]) *Успенскій* на Болдиныхъ горахъ, или *Болдинскій*,—въ настоящее время Успенскій Елецкій. Лѣтописецъ не называетъ прямо преп. Антонія основателемъ этого монастыря, и можно думать, что онъ построенъ учениками преподобнаго при его пещерѣ.

стомъ[1]), а также и другими трудолюбными подвигами: бдѣніемъ, стояніемъ и безчисленнымъ колѣнопреклоненіемъ на молитвѣ. И до смерти онъ уже не оставлялъ своей темной пещеры, хотя жизнь его въ ней была непрестанною борьбою съ міродержателями тьмы вѣка сего.

Снова поселившись въ пещерѣ, преподобный Антоній опять началъ проявлять даръ чудотвореній и даже въ болѣе сильной степени. Онъ сталъ съ великимъ тщаніемъ заботиться о каменной печерской церкви, о созданіи которой самъ предсказалъ, получивъ къ тому же свидѣтельство о благоволеніи Божіемъ къ этому дѣлу отъ Шимона. Преподобный Антоній совѣщался съ преподобнымъ игуменомъ Ѳеодосіемъ, молясь въ то же время съ усердіемъ Вышнему Тектону[2]), да благословитъ Онъ Самъ Своими пречистыми руками и да содѣйствуетъ созданію дома Пречистой Своей Матери, Владычицы нашей Богородицы, ибо, говорилъ преподобный словами Давида: **а҆́ще не гдⷭ҇ь созі́ждетъ домъ, всꙋ́е трꙋді́шасѧ зі́ждꙋщіи**[3]). Когда преподобный Антоній подвизался въ такой молитвѣ, произошло дивное чудо: не отлучаясь отъ Печерскаго монастыря, какъ нѣкогда преславный чудотворецъ святитель Николай отъ Миръ, онъ вмѣстѣ съ единонравнымъ своимъ другомъ преподобнымъ Ѳеодосіемъ явился въ Константинополь, представъ Царицѣ Небесной, Пресвятой Богородицѣ; получивъ отъ Нея съ преподобнымъ Ѳеодосіемъ золото, онъ далъ его мастерамъ-каменщикамъ, чтобы они, по повелѣнію Царицы Небесной, шли въ землю Русскую для построенія печерской церкви.

Каменоздатели пришли изъ Греціи и возвѣстили объ этомъ чудѣ. Преподобный же отецъ нашъ Антоній явилъ еще иныя дивныя чудеса, свойственныя древнимъ пророкамъ Гедеону и Иліи.

Когда каменщики-строители начали спрашивать преподобнаго Антонія о мѣстѣ, на которомъ онъ желаетъ воздвигнуть храмъ, повелѣнный Пресвятою Богородицею, то преподобный отецъ три дня молился, чтобы Господь, Троичный въ Лицахъ, Самъ указалъ знаменіемъ съ неба мѣсто, достойное для жилища Царицы Небесной. Когда собрались для избранія такого мѣста, то, по внушенію Божію, пріѣхалъ князь Святославъ и подарилъ подъ церковь принадлежавшее ему поле, примыкавшее къ пещерѣ. Но

---

1) Еванг. отъ Марка, гл. 9, ст. 29.

2) Т. е. Строителю-Богу.

3) Псал. 126, ст. 1.

этого мало. Самъ Царь Славы — Господь Іисусъ Христосъ явился преподобному Антонію, когда онъ стоялъ на помянутой молитвѣ первую ночь.

— Антоній! — сказалъ Господь, — ты обрѣлъ благодать предо Мною.

Услышавъ это, преподобный Антоній испросилъ у Господа, чтобы въ эту ночь по всей землѣ была роса, а на предполагаемомъ для церкви мѣстѣ суша; въ другую же ночь онъ испросилъ у Господа сушу, а на мѣсто, угодное Ему для храма, росу[1]). На третій день преподобный отецъ благословилъ предуказанное мѣсто и велѣлъ размѣрить его золотымъ поясомъ, взятымъ съ иконы Спасителя и полученнымъ отъ Шимона, — въ тридцать поясовъ въ длину и двадцать въ ширину, какъ повелѣно было Шимону свыше. Затѣмъ преподобный Антоній низвелъ молитвою своею огонь[2]), уничтожившій поросль того мѣста, которое, послѣ окруженія рвомъ, стало уже совершенно готовымъ; здѣсь и была поставлена чудотворная печерская церковь, «небеси подобная» по выраженію сказанія о ней[3]).

Такъ преподобный отецъ нашъ Антоній столь великими чудесами уготовилъ мѣсто для храма своей обители и благословилъ самое начало его постройки. Послѣ этого онъ началъ пріуговлять самого себя къ отшествію къ Церкви вѣчной, нерукотворенной въ обителяхъ Небесныхъ; объ этой Церкви святый Апостолъ Іоаннъ въ Откровеніи пишетъ: *храма же я не видѣлъ въ немъ*,[4]) *ибо Господь Вседержитель его храмъ*[5]). Такъ предсказала и Царица Небесная во время явленія Своего во Влахернѣ[6]), открывши строителямъ церкви:

— Сей Антоній только благословитъ васъ на дѣло, ибо онъ самъ отходитъ въ вѣчный покой; за нимъ во второе лѣто послѣдуетъ и Ѳеодосій[7]).

Но въ какомъ пріуготовленіи къ честнѣй кончинѣ нуждался преподобный Антоній, который, проводя добродѣтельную жизнь

---

[1]) Эта молитва преп. Антонія была подобна молитвѣ судіи израильскаго Гедеона. Кн. Сул., гл. 6, ст. 36—40.

[2]) Какъ нѣкогда св. Пророкъ Илія. 3 Кн. Царств., гл. 18, ст. 36—39.

[3]) Сказаніе это помѣщено въ Минеи-Четьи подъ 14 числомъ августа мѣсяца.

[4]) Т. е. святомъ Іерусалимѣ, великомъ градѣ, нисшедшемъ съ Неба (Апок., 21, 10).

[5]) Апок., гл. 21, ст. 22.

[6]) *Влахерны*—мѣстность въ Царьградѣ.

[7]) Подробнѣе объ этомъ явленіи Богородицы см. подъ 14 числомъ августа мѣсяца въ сказаніи о созданіи печерской церкви.

въ пещерѣ, могъ сказать съ Апостоломъ: *я каждый день умираю*[1]? который не ложно примѣнялъ къ себѣ во всѣ дни слова пророка: (я) *спѣшилъ и не медлилъ соблюдать заповѣди Твои*[2]? Преподобный Антоній готовъ былъ въ душѣ своей (къ переходу въ вѣчную жизнь) и смущался мыслію не о себѣ, но за свое богоизбранное стадо — какъ бы его не оставить въ смятеніи. Такъ исполнилось на преподобномъ слово апостольское: *влечетъ меня то и другое: имѣю желаніе разрѣшиться и быть со Христомъ, потому что это несравненно лучше*[3]; *а оставаться во плоти нужнѣе для васъ*[4].

Видя же, что уже приспѣло время его отшествія и отложенія отъ тѣла, преподобный Антоній утѣшалъ дѣтей своихъ обѣщаніемъ, что, и по отшествіи своемъ, онъ не оставитъ того святаго мѣста, на которомъ подвизался, но, заботясь объ обители, всегда будетъ посѣщать и назирать ее, помогать живущимъ въ ней и притекающимъ въ нее съ вѣрою. Но особенно цѣнно превосходящее всякія наслѣдія слѣдующее благостное обѣтованіе преподобнаго Антонія о мѣстѣ своихъ подвиговъ: онъ обѣщалъ молитвами своими ходатайствовать, чтобы, какъ самъ онъ отходитъ отъ тѣла съ покаяніемъ и увѣренностію въ помилованіи, такъ того же сподобились и остальные, находящіеся здѣсь и имѣющіе любовь къ нему,—чтобы они тоже умирали въ покаяніи и были помилованы.

По своемъ переходѣ во вторую пещеру преподобный Антоній пробылъ въ ней лѣтъ 14—16; въ ней онъ окончилъ свое житіе временное, перемѣнивъ его на вѣчное въ 10-ый день іюля мѣсяца, отъ сотворенія міра въ 6581 году, отъ Рождества Христова въ 1073-мъ, а отъ рожденія своего девятидесятомъ, въ княженіе Святослава Ярославича[5]) и во дни царя греческаго Романа-Діогена.[6]) Честныя мощи преподобнаго первоначальника тогда же были положены въ той пещерѣ, гдѣ онъ преставился, то есть въ пещерѣ подъ великимъ монастыремъ. Но какъ самъ преподобный отецъ во время жизни своей удалялся отъ глазъ человѣческихъ, тайно молясь въ уединеніи Богу, такъ и мощамъ своимъ онъ испросилъ тотъ же даръ,—да будутъ они удалены отъ взоровъ людскихъ:

---

1) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 15, ст. 31.

2) Псал. 118, ст. 60.

3) Для самого Апостола.

4) Посл. къ Филип., гл. 1, ст. 23—24.

5) *Святославъ* — князь Кіевскій въ 1073—1075 гг.

6) Вѣроятнѣе, при его преемникѣ Михаилѣ VII Дука, царствованіе котораго падаетъ на 1071—1078 гг.

подобало нашему россійскому законодателю сподобиться одинаковой участи съ израильскимъ. Израильтяне не могли смотрѣть на лице Моисея по причинѣ исходящаго отъ него великаго сіянія съ тѣхъ поръ, какъ онъ принесъ имъ Законъ съ горы Синая[1]); такъ не могли видѣть и преподобнаго отца нашего Антонія, въ свѣтѣ дѣлъ добрыхъ жившаго въ пещерѣ, послѣ того, какъ онъ принесъ землѣ Русской законъ съ горы Аѳона. Тѣло израильскаго законодателя—Моисея было сокрыто отъ зрѣнія[2]), и тѣло преподобнаго Антонія, законодавца русскаго, Богъ, дивный во святыхъ Своихъ, доселѣ чудотворно возбраняетъ намъ видѣть: многіе, дерзнувшіе раскопать мѣсто, гдѣ положены честные останки преподобнаго Антонія, наказаны были опаленіемъ огня: они испытывали сильныя мученія отъ обжоговъ до тѣхъ поръ, пока не раскаявались въ своемъ дерзновеніи. Но хотя мощи преподобнаго Антонія и удалены отъ нашихъ взоровъ, но помощію они всегда съ нами и близъ всѣхъ, усердно призывающихъ угодника Божія: они неоскудно творятъ чудеса, помогая всѣмъ, съ вѣрою притекающимъ къ честному гробу преподобнаго.

Какъ свѣтъ, сіяющій во мракѣ темнаго гроба, они съ особенною силою отгоняютъ отъ людей тьму бѣсовскую: эта тьма не можетъ объять сего свѣта, но обычно исчезаетъ отъ блистанія его. Избавляютъ мощи преподобнаго отца нашего Антонія и отъ различныхъ недуговъ, ополчающихся не на одно лишь тѣло, но и на душу. Это вполнѣ постигъ святый Іоаннъ Многострадальный: послѣ трехлѣтней борьбы съ нечистыми страстями, доставившей ему много мученій распаленіемъ плотской похоти, онъ пришелъ ко гробу преподобнаго Антонія и здѣсь пробылъ въ молитвѣ день и ночь. И вотъ онъ услышалъ голосъ преподобнаго, обращенный къ нему:

— Іоаннъ! Іоаннъ! Должно тебѣ затвориться въ сей пещерѣ, чтобы, съ помощію Божіею, прекратилась брань, побѣжденная уединеніемъ и молчаніемъ.

Іоаннъ такъ и сдѣлалъ. И благодатіею Божіею по молитвамъ преподобнаго отца нашего Антонія былъ спасенъ: нечистыя страсти тѣлесныя, хотя и вооружались на него вмѣстѣ съ нечистыми духами едва не тридцать лѣтъ, однако, какъ видимъ изъ житія его, не одержали надъ нимъ побѣды[3]).

---

[1]) Кн. Исх., гл. **34**, ст. 29—35.

[2]) Кн. Второзак., гл. **34**, ст. 6.

[3]) Память его совершается Церковью 18 іюля.

Преподобный Антоній не оставилъ, какъ обѣщался, и мѣста своего святаго. Заботясь о немъ, онъ, по преставленіи своемъ, подобно тому какъ и ранѣе во время жизни, явился вмѣстѣ съ преподобнымъ Ѳеодосіемъ въ Константинополѣ и здѣсь условился съ греческими иконописцами относительно изготовленія ими честныхъ иконъ для печерской церкви; при этомъ онъ вручилъ имъ довольно золота, какъ и ранѣе храмоздателямъ, съ тѣмъ же преподобнымъ Ѳеодосіемъ. Преподобный Антоній послалъ иконописцевъ въ Кіевъ въ Печерскій монастырь къ блаженному Никону, бывшему тогда игуменомъ; это сообщаетъ сказаніе объ украшеніи печерской церкви[1]).

Неложенъ явился преподобный отецъ нашъ Антоній и въ благостномъ своемъ обѣтованіи по своемъ отшествіи содѣйствовать любящимъ его, въ томъ, чтобы они оканчивали жизнь свою, проведенную на его святомъ мѣстѣ, въ покаяніи и сподобились помилованія отъ Господа. Это слово обѣтованія его чудотворно сбылось самимъ дѣломъ на блаженномъ Еразмѣ, черноризцѣ печерскомъ. Оплакивая расточеніе золота, потраченнаго имъ на украшеніе печерской церкви[2]), онъ впалъ въ лютый недугъ; семь дней лежалъ онъ безъ чувствъ и уже, по-видимому, приблизился къ кончинѣ, но никакъ не могъ преставиться; ибо не хотѣлъ Господь, чтобы онъ скончался на томъ святомъ мѣстѣ безъ покаянія. И вотъ на восьмой день блаженному Еразму явился преподобный Антоній съ преподобнымъ Ѳеодосіемъ и сказалъ:

— Мы молились Богу о тебѣ, и Онъ даровалъ тебѣ время покаянія.

Еразмъ тотчасъ выздоровѣлъ, принесъ покаяніе во грѣхахъ и, помилованный Богомъ, скончался на третій день. Онъ сподобился, какъ сообщается въ его житіи, причисленія къ лику святыхъ[3]).

Прославимъ же вседаровитаго Человѣколюбца за дарованіе столь великаго чудотворца преподобнаго Антонія, первоначальника иночествующимъ въ нашей землѣ Русской. Ни одному человѣку невозможно описать всѣхъ его дѣяній, особенно совершенныхъ до преставленія, ибо онъ проводилъ жизнь втайнѣ, въ безмолвіи

---

[1]) См. это сказаніе въ Минеи-Четьи подъ 14 числомъ августа мѣсяца.

[2]) *Блаженный Еразмъ* полагалъ, что лучше бы было это золото роздать нищимъ. Обуреваемый такими сомнѣніями онъ впалъ въ отчаяніе и сталъ жить безпечно; въ такой жизни его и настигъ лютый предсмертный недугъ.

[3]) Память блаженнаго Еразма — 24 февраля.

пещернаго уединенія; это доступно только Самому Сердцевѣдцу, знающему безвѣстная и тайная; Тотъ, Котораго языкъ есть трость книжника скорописца[1]), Тотъ Самъ начерталъ пространное житіе преподобнаго отца нашего Антонія въ книгахъ живота вѣчнаго. Намъ же, не нашедшимъ многихъ книгъ, утраченныхъ во время многихъ браней, и собравшимъ лишь нѣкоторыя свѣдѣнія, слѣдуетъ усердно молить сего чудотворнаго первоначальника, чтобы и мы, содѣлавшись участниками его благонадежнаго обѣтованія, сподобились, по его ходатайству, окончить жизнь въ покаяніи и помилованіи отъ Бога,—да обрящемъ имена наши написанными въ книгѣ живота вѣчнаго вмѣстѣ съ именемъ преподобнаго Антонія, какъ имена дѣтей и отца, по благодати и человѣколюбію Верховнаго начальника нашего спасенія Господа Іисуса Христа, Которому съ Его безначальнымъ Отцемъ и Единосущнымъ Духомъ честь, слава, хвала и царство нынѣ и присно и въ безконечные вѣки. Аминь.

Тропа́рь, гла́съ д҃:

Ѿ мі́рска́гѡ мѧте́жа и҆зше́дъ, ѿверже́ніемъ же мі́ра є҆ѵ҆ли́ски хр҇тꙋ послѣ́довалъ є҆сѝ, и҆ равноа́гг҃льное житі́е пожи́въ, въ ти́хое приста́нище ст҃ыѧ горы̀ а҆дѡ́на дости́глъ є҆сѝ: ѿонꙋдꙋ́же бл҃гослове́ніемъ ѻ҆тцє́въ въ го́рꙋ кі́ева прише́дъ и҆ та́мѡ трꙋдолю́бнѡ жи́знь соверши́въ, ѻ҆те́чество своѐ просвѣти́лъ є҆сѝ, и҆ мно́жествꙋ мона́шествꙋющихъ стезю̀ ведꙋщꙋ́ю къ нб҃номꙋ цр҇твію показа́въ, хр҇тꙋ сі́ѧ приве́лъ є҆сѝ, є҆го́же молѝ, а҆нтѡ́ніе пр҇бне, да сп҇се́тъ дꙋ́шы на́шѧ.

Конда́къ, гла́съ и҆҃:

Возложи́въ себѐ бг҃ꙋ, па́че всѣ́хъ возлю́бленномꙋ ѿ ю҆́ности пр҇бне, томꙋ ѿ всеѧ̀ дꙋши̇̀ любо́вію послѣ́довалъ є҆сѝ: мі́ра же тлѣ́ннаѧ нивочто́же вмѣни́въ, въ земли̇̀ пеще́рꙋ содѣ́лалъ є҆сѝ, и҆ въ не́й до́брѣ проти́вꙋ неви́димагѡ врага̀ ко́зней подвиза́всѧ, ꙗ҆́кѡ свѣтоза́рное со́лнце во всѧ̀ концы̀ земли̇̀ возсі́ѧлъ є҆сѝ. ѿонꙋдꙋ́же веселѧ́сѧ преше́лъ є҆сѝ къ нб҃нымъ чертогѡмъ, и҆ ны́нѣ со а҆́гг҃лы вѣ́чню пр҇то́лꙋ предстоѧ̀, помина́й на́съ чтꙋ́щихъ па́мѧть твою̀, да зове́мъ ти̇̀: ра́дꙋйсѧ, а҆нтѡ́ніе, ѻ҆́тче на́шъ.

---

[1]) Пс. 44, ст. 2.

СТРАДАНІЕ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

ВІАНОРА и СИЛУАНА

Святый мученикъ Віаноръ былъ родомъ изъ Писидійской области[1]). За исповѣданіе вѣры во Христа онъ схваченъ былъ по повелѣнію правителя города Исавріи[2]) Севиріана, который сталъ принуждать его отречься отъ Христа, но онъ не подчинился такому требованію, и за это его сперва жестоко искололи ножомъ, потомъ повѣсили и стали строгать и жечь раскаленными желѣзными молотками, затѣмъ выбили ему зубы и послѣ всего этого отрѣзали уши. При этихъ мученіяхъ присутствовалъ нѣкій Силуанъ и, видя терпѣніе святаго мученика, увѣровалъ во Христа, за что ему немедленно же отрѣзали языкъ, а потомъ отсѣкли голову. Святому же Віанору просверлили еще пяты, выкололи правый глазъ, содрали съ головы кожу и, наконецъ, отсѣкли голову. Святые мученики Віаноръ и Силуанъ скончались вмѣстѣ и предали души свои въ руки Божіи[3]).

СТРАДАНІЕ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

АПОЛЛОНІЯ

Святый мученикъ Христовъ Аполлоній былъ родомъ изъ города Сардъ[4]), находившагося въ Лидіи[5]). Когда онъ шелъ однажды

[1]) *Писидійская римская область* находилась въ Малой Азіи въ южной части ея и граничила на сѣверѣ съ Фригіею, на востокѣ—съ Ликаоніей, на югѣ—съ Памфиліей и Ликіей, а на западѣ—съ Каріей. Извѣстна тѣмъ, что въ ней проповѣдовалъ св. Апостолъ Павелъ во время перваго своего благовѣстническаго путешествія и въ нѣкоторыхъ городахъ ея основалъ первыя въ Малой Азіи христіанскія церкви.

[2]) *Городъ Исаврія* находился въ малоазійской римской провинціи Ликаоніи, близъ границы ея съ Писидіей, у верховьевъ рѣки Каликадна.

[3]) Предполагаютъ (Мюллеръ и преосвященный Сергій), что святые мученики Віаноръ и Силуанъ скончались во время гоненія на христіанъ при Діоклетіанѣ, въ началѣ IV вѣка.

[4]) *Городъ Сарды*, или *Сардисъ*, находился въ Лидіи на лѣвомъ берегу рѣки Гермоса. Онъ упоминается въ Апокалипсисѣ въ числѣ семи малоазійскихъ городовъ, о которыхъ св. Апостолъ Іоаннъ Богословъ, живя въ Ефесѣ, имѣлъ особое попеченіе.

[5]) *Лидія*, римская область въ Малой Азіи, была расположена на берегу Эгейскаго моря и граничила на востокѣ съ Фригіей, на сѣверѣ—съ Мизіей, а на югѣ—съ Каріей.

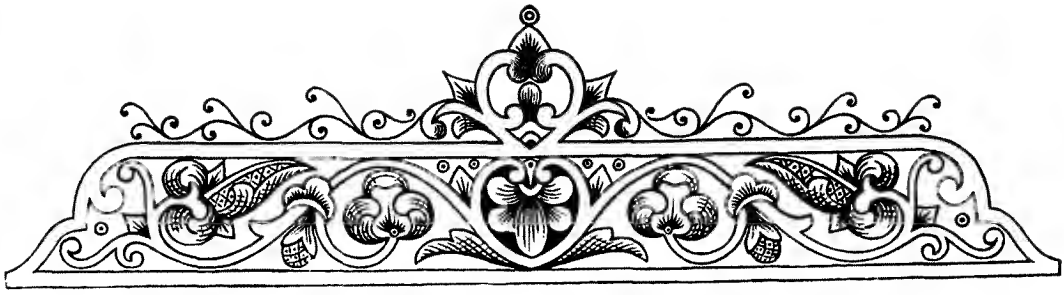
въ городъ Иконію[1]), то былъ схваченъ и приведенъ къ правителю этого города Перенію. На допросѣ онъ объявилъ себя христіаниномъ, и правитель сталъ принуждать его призвать имя императора. На это святый Аполлоній сказалъ ему:

— Не слѣдуетъ призывать имя смертнаго императора, а надлежитъ призывать только Имя Творца и Создателя всякой твари.

Посрамленный такими словами святаго, Перенній пришелъ въ гнѣвъ и повелѣлъ повѣсить его на дерево, послѣ чего его подвергли продолжительнымъ мученіямъ, среди которыхъ онъ съ усердною молитвою за вѣрующихъ и съ мольбою о спасеніи всѣхъ людей предалъ душу свою въ руки Божіи[2]).

[1]) *Городъ Иконія* находился въ малоазійской римской провинціи Ликаоніи.

[2]) Кончина *святаго мученика Аполлонія*, по Мюллеру, полагается въ царствованіе императора Валеріана, управлявшаго Римской имперіей съ 253 по 259 годъ.



День одиннадцатый

ВОСПОМИНАНІЕ о ЧУДѢ
СВЯТОЙ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ
ЕВФИМІИ ВСЕХВАЛЬНОЙ

Святая великомученица Евфимія родилась, воспитывалась и увѣнчалась мученичествомъ въ Халкидонѣ, Виѳинскомъ городѣ, который лежитъ при заливѣ Чернаго моря, противъ Царьграда, по другую сторону раздѣляющаго ихъ пролива Босфора ѳракійскаго: пострадала она въ царствованіе Діоклетіана[1]) шестнадцатаго сентября, когда и празднуется ея память. Сегодня же вспоминается то чудо, которое было отъ честныхъ ея мощей во время Четвертаго Вселенскаго Собора святыхъ Отцевъ, происходившаго въ Халкидонѣ, и которымъ было явлено и утверждено православное исповѣданіе вѣры; чудо это явилось знаменіемъ для святыхъ Отцевъ, чтобы не приступать къ общенію со зловѣрными, и произошло слѣдующимъ образомъ.

Патріархъ Александрійскій Діоскоръ и Евтихій, архимандритъ Цареградскій, еще при жизни правовѣрнаго царя Ѳеодосія[2]) воздвигли богохульную ересь на Господа нашего Іисуса Христа, сливая два Его естества, Божеское и человѣческое, въ одно естество[3]); они прельстили многихъ духовныхъ и мірянъ своимъ

---

1) *Діоклетіанъ* управлялъ восточною половиною Римской имперіи съ 284 г. по 305 г.

2) *Ѳеодосій II* правилъ съ 408 г. по 450 г.

3) Имѣется въ виду ересь *монофизитская*, или *евтихіанская*, которая, въ противоположность несторіанскому раздѣленію въ Лицѣ Іисуса Христа Божества и человѣчества,

зловѣріемъ, совратили въ свою ересь многихъ знатныхъ придворныхъ и широко пользовались ихъ вѣскою поддержкою.

Когда собрался Помѣстный Соборъ въ Ефесѣ[1]) (черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ бывшаго тамъ же Вселенскаго Третьяго[2]), или, лучше сказать, разбойническое сборище, на которомъ Святѣйшій Флавіанъ, Патріархъ Цареградскій[3]), исповѣдникъ благочестія, былъ убитъ единомышленниками Діоскора и Евтихія,—тогда еще больше укрѣпилась та ересь и стала приниматься за правовѣріе, истинная же вѣра Православная стала отвергаться, какъ какое-нибудь зловѣріе. Нужно было собрать Четвертый Вселенскій Соборъ святыхъ Отцевъ для истребленія этой ереси и для утвержденія Православной вѣры.

Въ это время благочестивый царь Ѳеодосій перешелъ изъ этой жизни къ Господу, а послѣ него принялъ царство добродѣтельный и богоугодный Маркіанъ[4]) со святою Пульхеріею. Эти ревнители правовѣрія и благочестія, видя, какъ ереси смущаютъ Церковь и какіе царятъ въ ней раздоры, повелѣли святымъ Отцамъ со всей вселенной собраться въ славный городъ Халкидонъ, дабы разсмотрѣть и обсудить здѣсь вопросы вѣры.

Собрались святые Отцы, числомъ шестьсотъ тридцать[5]), въ числѣ нихъ Святѣйшій Анатолій, Патріархъ Цареградскій, Святѣйшій Ювеналій, Патріархъ Іерусалимскій, и посланники Святѣйшаго Льва, папы Римскаго; присутствовали и зловѣрные во главѣ съ Діоскоромъ, Патріархомъ Александрійскимъ, Максимомъ—Антіохійскимъ, которому Діоскоръ доставилъ патріаршество вмѣсто отставленнаго Домна, и другіе согласные съ ними архіереи, и Евтихій со своими единомышленниками, такъ что набралось множество еретиковъ: всѣ вмѣстѣ со святыми Отцами собирались они на совѣщаніе въ церковь святой великомученицы Евфиміи, находившуюся въ пред-

учила, что человѣчество въ Іисусѣ Христѣ было совершенно поглощено Божествомъ и потому въ Лицѣ Іисуса Христа слѣдуетъ признавать только одну природу—Божественную. Ересь эта была осуждена, какъ и замѣчено далѣе въ повѣствованіи, на IV-мъ Вселенскомъ Соборѣ.

1) —въ 449 г.

2) III-ій Вселенскій Соборъ, происходившій въ Ефесѣ въ 431 г., былъ созванъ императоромъ Ѳеодосіемъ II по поводу лжеученія Несторія, Патріарха Константинопольскаго, учившаго, что воплощеніе Слова Божія было простымъ обитаніемъ Его въ человѣкѣ-Христѣ, а не соединеніемъ Божества и человѣчества въ одномъ Лицѣ.

3) *Флавіанъ I* патріаршествовалъ съ 447 г. по 449 г. Причисленъ къ лику святыхъ.—Память его—18-го февраля.

4) *Императоръ Маркіанъ* управлялъ Востокомъ съ 450 г. по 457 г.

5) —въ 451 г.—Это былъ IV-ый Вселенскій Соборъ.

мѣстьѣ города около Босфора. Это была престольная церковь Халкидонской митрополіи, весьма просторная, могущая вмѣстить въ себѣ многое множество народа; въ ней почивали и мощи этой великомученицы, отъ которыхъ творились дивныя и славныя чудеса. Изъ нихъ скажемъ хотя о нѣкоторыхъ. Въ день святой памяти ея, въ который она пострадала за Христа, каждый годъ текла изъ честныхъ мощей ея кровь, какъ будто только что вытекшая изъ ранъ; ее собирали слѣдующимъ образомъ. Гробъ былъ большой мраморный, покрытый мраморной доскою, а внутри его находился деревянный ковчегъ съ мощами святой; въ этомъ мраморномъ гробѣ въ лѣвой сторонѣ было небольшое отверстіе, въ которое проходила рука и которое закрывалось накрѣпко, а въ нужное время открывалось; черезъ него самъ епископъ по окончаніи Всенощной передъ святой Литургіей черпалъ ту кровь посредствомъ губки, привязанной къ длинной желѣзной рукояткѣ; онъ влагалъ туда сухую губку, вынималъ ее оттуда полную крови и выжималъ изъ губки кровь въ особо приготовленный для этого сосудъ. Народъ при видѣ сего возсылалъ великую славу Богу и святой Его мученицѣ и помазывался той кровью на благословеніе и исцѣленіе своихъ болѣзней. Эта кровь была весьма благоуханная, какъ будто бы смѣшана была съ драгоцѣннымъ мѵромъ, но никакое мѵро на землѣ не могло сравниться съ этимъ: эта кровь была несравненно выше всякихъ ароматовъ и исцѣляла всякія болѣзни. И не только во время ежегоднаго празднованія своего святая великомученица источала такую благоухающую мѵромъ и цѣлебную кровь изъ честныхъ своихъ мощей, но иногда и въ другое время, особенно же, если святитель той церкви бывалъ угоденъ Богу своей добродѣтельной жизнію. Бывали и многія явленія; часто святая являлась молящимся ей съ вѣрою, или лежавшимъ въ болѣзни, или приходившимъ въ церковь къ ея гробу, или же находившимся въ различныхъ бѣдахъ и призывавшимъ ее на помощь. И стекался народъ съ великою вѣрою къ ней на поклоненіе въ Халкидонъ отовсюду, изъ всѣхъ городовъ, а въ особенности — поблизости изъ Царьграда. Тамъ же, по повелѣнію царскому, долженъ былъ собраться Вселенскій Соборъ святыхъ Отцевъ.

Много было на томъ Соборѣ у правовѣрныхъ съ еретиками разсужденій, преній и несогласій, такъ какъ зловѣрные никакъ не хотѣли согласиться съ православнымъ ученіемъ. Тогда Святѣйшій

Анатолій, посовѣтовавшись съ другими святыми отцами, сказалъ еретикамъ:

— Напишите на свиткѣ исповѣданіе вашей вѣры, также и мы напишемъ свое исповѣданіе, и оба свитка, запечатанные, положимъ въ гробъ на честныя мощи святой великомученицы Евфиміи; будемъ поститься и соборнѣ молиться Богу, чтобы Онъ чрезъ эту угодницу Свою открылъ намъ, какое исповѣданіе правильное.

Послѣ этихъ словъ Святѣйшаго Анатолія всѣ одобрили его совѣтъ и написали два свитка: правовѣрные свой, а зловѣрные свой, запечатали своими печатями, открыли гробъ святой, положили оба свитка у нея на груди, закрыли опять гробъ, приложили царскую печать, приставили стражу и три дня постились и молились. Съ наступленіемъ четвертаго дня пришелъ царь и весь Соборъ къ честному гробу святой, и когда, снявъ царскую печать, открыли гробъ, то увидѣли, что свитокъ правовѣрныхъ святая великомученица держитъ въ правой рукѣ, а свитокъ зловѣрныхъ лежитъ у ней въ ногахъ. Удивительнѣе же всего было то, что она, протянувъ руку какъ живая, подала царю и патріарху свитокъ съ правымъ исповѣданіемъ. Тогда всѣ несказанно обрадовались, прославили Бога, воспѣли похвальныя пѣсни съ благодареніемъ святой великомученицѣ и поклонились съ теплою любовію ея чудотворнымъ мощамъ. И тотчасъ объявили Православную вѣру какъ утвержденную Богомъ и чудесно возвѣщенную святою великомученицей, а еретическое зловѣріе предали проклятію. Многіе изъ еретиковъ, увидѣвъ такое чудо, обратились къ Православію, а кто оставался непреклоннымъ, тѣхъ лишили сана и сослали въ заточеніе. Съ этого времени иконописцы начали изображать на иконахъ святую великомученицу Евфимію со свиткомъ въ правой рукѣ — въ незабвенную память этого славнаго чуда во время Собора. Какъ тогда, такъ и послѣ святая мученица не переставала творить чудеса и источать изъ своихъ честныхъ мощей благоухающую муромъ кровь.

Прошло много лѣтъ; престолъ принялъ Маврикій[1]), царь благочестивый, но онъ, по своему маловѣрію, дерзнулъ усомниться въ чудесахъ святой и истекающую отъ мощей ея кровь сталъ считать поддѣльною, а не истинною. Желая испытать и добиться истины, онъ сдѣлалъ такъ. Задолго до дня годовой памяти святой велико-

---

[1]) *Императоръ Маврикій* управлялъ Востокомъ съ 582 г. по 602 г.

мученицы онъ запечаталъ гробъ и отверстіе въ немъ своею царскою печатью. Когда подошелъ день ея празднества, онъ самъ прибылъ изъ Царьграда въ Халкидонъ и, снявъ печать, открылъ отверстіе; тотчасъ же распространилось прекрасное благоуханіе и наполнило всю церковь; крови, или, лучше сказать, мѵра, подобнаго крови, истекло изъ честныхъ мощей святой больше обыкновеннаго: ни въ одинъ годъ не истекало такъ много, какъ въ этомъ, чтобы пристыдить маловѣріе царя и утвердить вѣру въ силу Божію, которою можетъ совершаться все сверхъестественное. Господь, Который въ древности могъ изъ кости животнаго, изъ ослиной челюсти, вывести для Самсона[1]) источникъ ключевой воды[2]), развѣ не могъ потомъ источить кровь и мѵро изъ нетлѣнныхъ мощей Своей угодницы? Тогда царь, понявъ свое прегрѣшеніе, раскаялся и съ тѣхъ поръ крѣпко вѣрилъ въ святую.

Впослѣдствіи, въ царствованіе Ираклія[3]), попущеніемъ Божіимъ случилось нашествіе Персовъ на виѳинскую страну и на окрестности Халкидона, такъ что все предмѣстье по варварскому обычаю было опустошено. Непріятели вошли и въ церковь святой великомученицы и взяли все, что нашли; хотѣли открыть гробъ святой, но никакъ не могли этого сдѣлать и, сколько ни трудились, ничего не добились: не только верхняя мраморная доска оставалась неподвижной, но даже и малаго отверстія въ гробу нельзя было сдѣлать. Тогда Персы принесли множество дровъ и хворосту, обложили гробъ, наложили на него цѣлую гору горючаго вещества и зажгли въ надеждѣ, что мраморъ отъ сильнаго жара треснетъ. Однако и такимъ образомъ они ничего не добились. Все, что было наложено, сгорѣло до тла, а гробъ святой остался нисколько не поврежденнымъ. Такою дивною сдѣлалъ Богъ Свою угодницу! По уходѣ Персовъ царь совѣщался съ Патріархомъ о мощахъ святой великомученицы Евфиміи, и рѣшили они перенести ихъ изъ Халкидона въ Царьградъ, боясь вторичнаго нашествія варваровъ на Халкидонъ. Въ Царьградѣ, близъ ипподрома[4]), построили церковь во имя святой, наподобіе Халкидонской, большую и прекрасную, перенесли въ нее съ почестями святыя мощи съ каменнымъ гробомъ; при

---

1) *Самсонъ*—судія израильскій, надѣленный отъ Бога необыкновенною силою и бывшій орудіемъ Божіимъ противъ Филистимлянъ. Исторія его жизни и дѣятельности изложена въ книгѣ Судей (гл. 13—16).

2) Кн. Судей, гл. 15, ст. 18—19.

3) *Ираклій* царствовалъ съ 610 г. по 641 г.

4) *Ипподромъ*—мѣсто для состязаній въ бѣгахъ.

нихъ опредѣлили быть митрополиту Халкидонскому ради большей чести мощамъ. Гробъ поставили въ алтарѣ вмѣсто божественнаго жертвенника, и совершалась на гробѣ безкровная жертва; внутри же находились честныя мощи великомученицы; отъ нихъ и въ Царьградѣ совершались чудеса, какъ въ Халкидонѣ, и кровь, благоухающая муромъ и цѣлебная, источалась въ обычное время.

Прошло много лѣтъ, много царей перемѣнилось, миновали Вселенскіе Соборы святыхъ Отцевъ—Пятый и Шестой[1]), спустя еще долгое время воцарился послѣ нихъ и именемъ, и нравомъ звѣрь—царь Левъ Исаврянинъ[2]). Онъ первый началъ смущать Церковь Божію иконоборческою ересью, называя святыя иконы идолами и разсуждая со своими единомышленниками такъ:

— Вотъ тѣ, о комъ говоритъ Пророкъ: **оуста̀ и҆мѹтъ, и҆ не возглаго́лютъ, о҆́чи и҆мѹтъ, и҆ не оу҆зрѧтъ, оу҆шы и҆мѹтъ, и҆ не оу҆слы́шатъ**[3]).

Ему противодѣйствовалъ Святѣйшій Патріархъ Германъ[4]); царь съ безчестіемъ свергъ его съ престола, а на его мѣсто возвелъ еретика, своего единомышленника; такимъ же образомъ и другихъ правовѣрныхъ архіереевъ, противившихся его ереси, онъ съ безчестіемъ отправлялъ въ изгнаніе. Не только святыя иконы, но и мощи святыхъ хулилъ онъ, какъ песъ, необузданнымъ языкомъ и уничижалъ ихъ всячески. Видя и слыша о чудесахъ отъ честныхъ мощей святой великомученицы Евфиміи, онъ терзался въ душѣ отъ зависти, но не осмѣливался ничего дурного съ ними сдѣлать, боясь народнаго возстанія и мятежа. Онъ выдумалъ такую коварную вещь. Онъ пошелъ ночью съ своими единомышленниками тайно въ церковь святой Евфиміи и открылъ гробъ ея, котораго не могли открыть Персы: попустилъ Христосъ Богъ рукамъ зловѣрныхъ христіанъ коснуться честныхъ мощей невѣсты Своей, которыя сохранилъ неприкосновенными отъ невѣрныхъ язычниковъ. Персы грѣшили въ невѣдѣніи, а христіане

---

[1]) V-ый Вселенскій Соборъ происходилъ въ Константинополѣ въ 553 г. и былъ созванъ императоромъ Юстиніаномъ I (527—565 гг.) для рѣшенія вопроса о правовѣріи трехъ епископовъ: Ѳеодора Мопсуетскаго, Ѳеодорита Киррскаго и Ивы Едесскаго, которые въ своихъ писаніяхъ выражали несторіанскія мнѣнія.—VI-ой Вселенскій Соборъ происходилъ въ 680 г. въ Константинополѣ, при императорѣ Константинѣ IV Погонатѣ (668—685 гг.); ближайшею задачею его было обличеніе и осужденіе ереси монофелитской, признававшей лишь одну (Божественную) волю во Христѣ.

[2]) *Левъ III Исавръ* царствовалъ съ 716 г. по 741 г.

[3]) Псал. 113, ст. 13 и 14.

[4]) *Германъ* патріаршествовалъ съ 715 г. по 730 г.

отважились на злодѣяніе, зная, что дѣлали; попустилъ имъ Богъ, къ большему ихъ осужденію, совершить безчестіе святой. Злочестивый царь, открывъ гробъ, вынулъ оттуда съ деревяннымъ ковчегомъ чудотворныя и нетлѣнныя мощи святой Евфиміи, а вмѣсто нихъ положилъ какія-то гнилыя, вонючія кости, которыя нарочно приготовилъ для этого, и, опять накрывъ доскою, ушелъ, воровскимъ образомъ унесши съ собою тѣ честныя мощи, и положилъ ихъ въ одной изъ комнатъ царскаго дворца. Сестры же его и дочери тайно приходили къ святымъ мощамъ, кадили благовоніями, освѣщали свѣчами, почитая ихъ и съ любовію поклоняясь имъ. Но вскорѣ узналъ про то злочестивый царь и тотчасъ взялъ ковчегъ съ мощами и ночью бросилъ его въ море. Наутро, собравъ толпу зловѣрныхъ, онъ сталъ смѣяться въ лицо надъ правовѣрнымъ народомъ, глумясь и укоряя мощи святой великомученицы:

— Ступайте, глупые, посмотрите на обманъ, которымъ васъ прельщаютъ, называя нетлѣнными и чудотворными мощи славной Евфиміи, откройте гробъ и посмотрите, правда ли это.

И тотчасъ послалъ своихъ приближенныхъ съ народомъ открыть гробъ. Пошли, открыли, — и всѣ увидѣли гнилыя, вонючія кости. Еретики тогда начали смѣяться и глумиться надъ правовѣрными, называя ихъ поклонниками гнилыхъ костей; правовѣрные же удивлялись такой неожиданности, недоумѣвали, стыдились, жалѣли. Тогда многіе подумали о всѣхъ чудесахъ святой, что это былъ обманъ, плевали на тѣ гнилыя кости, выбросили ихъ вонъ, а также и тотъ мраморный гробъ вытащили изъ церкви, и храмъ Божій обратили въ мерзость запустѣнія; его подвергли большому поруганію, и церковь та стала какъ какой-нибудь пустой вертепъ, или скотское стойло, или даже хуже, потому что тамъ было мѣсто для всякой скверности и нечистоты. Потомъ внутри церкви кузнецы устроили кузнечныя печи и стали заниматься тамъ своимъ ремесломъ; и гдѣ прежде слышалось пѣніе божественныхъ славословій, оттуда стали раздаваться звуки молотовъ, ударяющихъ по желѣзу на наковальнѣ, послышались нелѣпые голоса сквернословія и безчинный говоръ людей. Эти ремесленники жили въ пустой церкви съ женами и дѣтьми, а въ святомъ алтарѣ, какъ въ закрытомъ мѣстѣ, устроили себѣ отхожее мѣсто. И долго терпѣлъ Богъ такія дѣла людей, такое оскверненіе Его святыни, пока не погубилъ злыхъ зломъ, воздвигъ опять

Православіе, очистилъ и освятилъ Свое мѣсто, сдѣлавъ его опять селеніемъ славы Своей.

Когда честныя мощи всехвальной мученицы были брошены въ пучину морскую, плылъ, по смотрѣнію Божію, корабль изъ пристани, называемой Софіина; на этомъ кораблѣ были два хозяина, братья Сергій и Сергонъ. Они, увидѣвъ близъ своего корабля несомый волнами ковчегъ, взяли его изъ воды на корабль, думая, что въ немъ какое-нибудь земное сокровище и, поставивъ паруса, поплыли дальше. Находясь въ пристани, называемой Авидова, они открыли ковчегъ и увидѣли тамъ нетлѣнныя мощи, отъ нихъ неслось великое благоуханіе. И порадовались они этому духовному сокровищу, особенно, когда въ видѣніи узнали святость тѣхъ мощей; а именно, въ наступившую ночь они увидѣли въ видѣніи надъ мощами великую славу, горящіе свѣтильники и свѣчи, и мужей свѣтлыхъ, поющихъ и восхваляющихъ Бога. Получивъ это видѣніе, они стали молить Бога открыть имъ, какого святого эти мощи; плыли они дальше и подплыли къ острову, называемому Лимносъ. На этомъ островѣ тоже находились чудотворныя и мѵроточивыя мощи, святой мученицы Гликеріи[1]); проводя ночь около этого острова, они увидѣли въ видѣніи святую мученицу Гликерію, идущую къ ихъ кораблю, а изъ корабля вышедшую ей навстрѣчу прекрасную дѣвицу; онѣ обѣ нѣжно обнялись. И сказала дѣвица, пришедшая къ дѣвицѣ, вышедшей изъ корабля:

— Будь здрава, мученица Христова, Евфимія всехвальная!

Та же сказала ей въ отвѣтъ:

— Будь здрава, мученица Христова, Гликерія блаженная!

И, привѣтствовавъ другъ друга, разошлись: святая Гликерія пошла къ себѣ, а святая Евфимія возвратилась на корабль. Это видѣніе одно и то же было обоимъ братьямъ; они очень обрадовались, что узнали, чьи это мощи, и въ теплой молитвѣ усердно припадали къ святой великомученицѣ Евфиміи, обнимали ковчегъ, цѣловали его, проливая отъ радости слезы. Они хотѣли это безцѣнное сокровище везти въ свое отечество, но Богу и Его святой угодницѣ не было это угодно. Корабельщики поставили паруса и пустились въ путь въ свою сторону; когда они были далеко уже отъ этого острова, внезапно поднялась буря и

---

[1]) —память ея 13-го мая.

сильное волненіе, и корабль прибило волнами опять къ тому же острову. Опять корабельщики, какъ утихнетъ море, пускались плыть, но опять, по Божію повелѣнію, внезапно поднимались волны и приносили корабль къ острову. И это дѣлалось не два, не три раза, но много разъ; и были всѣ на кораблѣ въ большомъ недоумѣніи.

Наступила ночь, и явилась имъ Христова мученица, и сказала:

— Зачѣмъ стараетесь вы носить меня туда и сюда? Я не уйду отсюда, не хочу идти туда, куда вы хотите меня везти.

И прибавила:

— Мало развѣ мнѣ было перенесенія изъ Халкидона въ Византію (Царьградъ), вверженія въ море, принесенія сюда? Зачѣмъ вы хотите еще везти въ далекія страны? Вамъ не по силамъ это, не трудитесь больше, но постройте мнѣ маленькій домъ на этомъ островѣ, и я почію здѣсь.

Съ этими словами она стала невидима. Честные братья Сергій и Сергонъ тотчасъ охотно повиновались повелѣнію святой, остались въ пристани, высадились съ корабля на землю, пошли и объявили епископу того острова о мощахъ Евфиміи всехвальной и ея повелѣніи. Епископъ обрадовался этому, но велѣлъ имъ втайнѣ хранить святыя мощи, такъ какъ и на томъ островѣ было получено грозное повелѣніе злочестиваго царя выбрасывать и предавать огню святыя иконы и честныя мощи святыхъ. Вслѣдствіе злочестиваго приказанія и мироточивыя мощи святой мученицы Гликеріи скрывали подъ спудомъ. Потомъ, присмотрѣвъ подходящее мѣсто, епископъ благословилъ Сергія и Сергона на постройку маленькой церкви мученицы Христовой Евфиміи неподалеку отъ берега моря. Вскорѣ постройка была завершена, прибылъ епископъ, освятилъ церковь и положилъ въ святомъ алтарѣ въ землѣ, подъ спудомъ, честныя мощи, чтобъ не узнали про нихъ иконоборцы. Послѣ всего этого оба брата возъимѣли благое намѣреніе дать слѣдующій обѣтъ святой мученицѣ:

«Не оставимъ, — сказали они, — тебя, святая великомученица Евфимія всехвальная, и не отступимъ отъ твоихъ мощей честныхъ, но здѣсь послужимъ тебѣ до конца нашей жизни».

Давъ такое обѣщаніе, они продали весь товаръ, который везли на кораблѣ, отреклись отъ міра, стали жить при той церкви въ постѣ и молитвахъ и въ скоромъ времени, угодивши Богу, преставились въ безсмертную жизнь по ходатайству святой всехвальной

мученицы Евфиміи, которой усердно послужили. Предъ кончиною своей они положили на гробѣ святой мученицы каменную доску, чтобъ не забылось вовсе мѣсто, хранящее въ себѣ это пребогатое сокровище, и на доскѣ написали такъ:

«Мы, Сергій и Сергонъ, родные братья, плывя по Геллеспонту (Царьградскому морю), взяли изъ моря носимыя волнами честныя мощи всехвальной и святой Христовой мученицы Евфиміи и, по повелѣнію ея, положили ихъ здѣсь».

Впослѣдствіи епископъ того острова построилъ прекрасную церковь и хотѣлъ перенести въ нее мощи святой Евфиміи; придя въ ту маленькую церковь, которую построили братья, онъ совершалъ всенощныя молитвы. Онъ задремалъ, и ему явилась святая со словами:

— Не начинай того, что задумалъ дѣлать, отче преподобный! Я не послушаю тебя въ этомъ, но иди къ сестрѣ моей, святой мученицѣ Гликеріи, помолись ей, и я стану просить; и она позволитъ перенести себя въ твою церковь, меня же оставь почивать на этомъ мѣстѣ, пока я не возвращусь назадъ къ себѣ.

Епископъ проснулся въ ужасѣ и не осмѣлился приступить къ выполненію своего намѣренія. Святую же мученицу Гликерію, сберегаемую въ другомъ мѣстѣ, перенесъ онъ въ свою церковь, по совершеніи къ ней молитвъ, и положилъ ее подъ спудомъ. Такъ охранялись мощи святыхъ отъ враждовавшихъ противъ нихъ злочестивыхъ иконоборцевъ. Хотя онѣ находились и подъ спудомъ, однако правовѣрные собирались къ нимъ и съ честью справляли ихъ празднества, ибо тѣми угодницами Божіими подавалось исцѣленіе всякихъ болѣзней.

Однажды, въ день памяти святой великомученицы Евфиміи, во время совершенія празднества въ ея церкви, случилось одному воеводѣ, стороннику и ревнителю иконоборческой ереси, плыть мимо того острова на корабляхъ съ войскомъ: онъ посланъ былъ куда-то по службѣ. Подъѣхавъ къ пристани, онъ высадился на берегъ и увидѣлъ большое собраніе людей около церкви, находившейся близъ пристани. Спросивъ и узнавъ причину празднованія,—а именно, что народъ совершаетъ праздникъ ради мощей почивающей тамъ святой мученицы Евфиміи,—онъ, злочестивый, вышелъ изъ себя и бросился съ войскомъ на ту церковь, и разогналъ народъ съ крикомъ:

— Развѣ это позволяютъ цари? Идолопоклонники вы, служители мертвыхъ костей!

Съ такими ругательствами надъ православными христіанами окаянный разорилъ ту церковь почти до основанія; мощи же святыя остались цѣлы подъ спудомъ. И опустѣло это мѣсто на долгое время.

По смерти злочестиваго царя Льва Исаврянина вступилъ на престолъ сынъ его Константинъ, по прозванію Копронимъ[1]), отъ злого корня еще злѣйшій отпрыскъ. Онъ не только отвергалъ почитаніе иконъ, но отвергалъ втайнѣ и Самого Христа Бога и, окаянный, хулилъ даже Пречистую Дѣву Богородицу сквернымъ своимъ языкомъ, ругался и надъ святыми угодниками Божіими. Съ юности онъ привыкъ ко всему дурному, дурной жизни, научился волшебству и чародѣйству и безпощадно проливалъ человѣческую кровь. Онъ превосходилъ жестокостью своего отца, много убилъ невинныхъ и праведныхъ людей, а иноковъ совсѣмъ изгналъ изъ Царьграда. Царствовалъ же онъ долго, попущеніемъ Божіимъ за людскіе грѣхи, и, надѣлавъ безчисленное количество зла, умеръ горькой смертью; послѣ себя онъ оставилъ царство сыну Леону, который также былъ иконоборецъ, но не проявлялъ такой жестокости, какъ его отецъ и дѣдъ. По смерти же Леона воцарился сынъ его Константинъ съ матерью Ириною[2]),—а это имя означаетъ миръ (съ греческаго), — она поистинѣ принесла миръ Церкви Христовой. Въ малолѣтство ея сына она одна управляла Греческимъ царствомъ, и правила хорошо и богоугодно; она исправляла все испорченное и разоренное царями-иконоборцами и возвращала изъ гоненія святыхъ отцовъ, изгнанныхъ за почитаніе честныхъ иконъ. Дѣйствительно, она была благочестива и Боголюбива, она созвала Седьмой Вселенскій Соборъ[3]), со Святѣйшимъ Патріархомъ Цареградскимъ Тарасіемъ[4]) во главѣ; такимъ образомъ церквамъ святымъ было возвращено благолѣпіе—иконы, а иконоборческая ересь предана проклятію святыми отцами. Тогда и та церковь святой великомученицы Евфиміи въ Царьградѣ, близъ ипподрома, о которой говорилось выше и которая была опустошена Львомъ Исаврянимомъ, была возстановлена благовѣрною царицею Ириною; она велѣла очистить церковь отъ нечистотъ и исправить все разоренное, украсила ее всячески благолѣпными

---

1) *Константинъ V Копронимъ* царствовалъ съ 741 г. по 775 г.

2) *Константинъ VI (Порфирородный)* царствовалъ съ 780 г. по 797 г., а *Ирина*— съ 797 г. по 802 г.

3) —въ 787 г.

4) *Тарасій* патріаршествовалъ съ 784 г. по 806 г.

иконами, снабдила священными одеждами и драгоцѣнными сосудами. Церковь была освящена, и стали совершаться въ ней опять, какъ прежде, Божественныя службы, и митрополитъ Халкидонскій опять сталъ жить при ней. Христолюбивая царица Ирина усердно старалась разыскать мощи всехвальной мученицы Евфиміи. Съ тѣхъ поръ, какъ Левъ Исаврянинъ тайно похитилъ святыя мощи и бросилъ ихъ въ море, пронесся среди православныхъ слухъ объ этомъ тайномъ злодѣяніи царя, и разсказывали, что святыя мощи гдѣ-то нашлись и сберегаются вѣрующими; царица и старалась узнать, гдѣ онѣ. Господь же, исполняющій желаніе боящихся Его, далъ знать царицѣ о честныхъ мощахъ святой мученицы слѣдующимъ образомъ. На томъ островѣ Лимносѣ, гдѣ мощи, какъ было сказано, хранились подъ спудомъ, жилъ одинъ извѣстный человѣкъ, по имени Анастасій, сапомъ комитъ[1]); ему досталось въ собственность по наслѣдству то мѣсто, на которомъ два упомянутыхъ выше брата, Сергій и Сергонъ, построили церковь въ честь святой великомученицы Евфиміи и скрыли въ землѣ честныя ея мощи, положивъ на гробѣ каменную доску съ надписью. Этотъ Анастасій комитъ, видя, что церковь всехвальной мученицы на его землѣ совсѣмъ разорена, вновь выстроилъ ее на прежнемъ основаніи и украсилъ съ подобающимъ благолѣпіемъ. Впослѣдствіи случилась съ нимъ напасть по несправедливой клеветѣ завистливыхъ людей, и онъ неповинно былъ лишенъ своего сана. Тогда онъ отправился въ Царьградъ, чтобъ оправдаться отъ ложной клеветы и опять получить свой санъ. Когда онъ искалъ тамъ заступника и ходатая къ царицѣ, ему кто-то сказалъ, что ему можетъ помочь Халкидонскій митрополитъ, потому что онъ болѣе другихъ имѣетъ право заступаться за обиженныхъ. Анастасій сталъ искать митрополита и нашелъ его во дворцѣ; припавъ къ нему, онъ разсказалъ цѣль своего прибытія и просилъ митрополита помочь ему и походатайствовать за него. Митрополитъ же отказывался, говоря:

— Не могу я этого сдѣлать, мнѣ не по силѣ это дѣло.

Съ этими словами митрополитъ ушелъ изъ дворца въ свой домъ, а Анастасій шелъ за нимъ до архіерейскаго дома; увидя

[1]) *Комитами* назывались первоначально спутники высшей чиновной особы въ провинціи, а позднѣе—спутники императоровъ, составлявшіе ихъ приближеннѣйшую свиту. Со временъ Константина Великаго (306—337 гг.) это наименованіе стало титуломъ всѣхъ придворныхъ и государственныхъ чиновъ, хотя бы они и не принадлежали къ императорской свитѣ.

отпертую церковь, онъ вошелъ въ нее помолиться. Послѣ долгой молитвы съ колѣнопреклоненіемъ онъ сѣлъ гдѣ-то: въ это время не было службы. Одинъ изъ церковнослужителей, очередной на той недѣлѣ, подошелъ къ нему съ вопросомъ, кто онъ и откуда. Анастасій разсказалъ ему все о себѣ и открылъ ему свое горе, а потомъ спросилъ церковнослужителя:

— Какого это святаго церковь?

Тотъ отвѣчалъ:

— Эта церковь святой великомученицы Евфиміи всехвальной.

Какъ услыхалъ это Анастасій, тотчасъ, прижимая руки къ груди, съ любовью воскликнулъ:

— О моя святая Евфимія!

— Почему ты называешь ее своею? — спросилъ церковнослужитель.

Анастасій отвѣчалъ:

— У меня въ церкви, въ моемъ домѣ, ея честныя мощи, поэтому-то я осмѣливаюсь ее назвать своей.

Церковнослужитель сказалъ:

— Какъ это можетъ быть? Правду ли ты говоришь? Смотри не лги, а то плохо тебѣ будетъ; вѣдь царица очень старается разыскать мощи святой Евфиміи и митрополиту повелѣла молиться Богу о томъ, чтобъ Онъ открылъ, гдѣ находятся честныя мощи Его мученицы.

Анастасій сказалъ:

— Повѣрь мнѣ, честный человѣкъ, у меня мощи Евфиміи всехвальной, которыя были въ Халкидонѣ.

Услышавъ это, церковнослужитель попросилъ его немного подождать тамъ, а самъ, радостный, поспѣшилъ объявить объ этомъ митрополиту, преподобному Андрею. Митрополитъ обрадовался и, тотчасъ призвавъ къ себѣ Анастасія, разспрашивалъ о мощахъ святой; тотъ разсказалъ все подробно: какъ разсказываютъ среди жителей того острова о честныхъ мощахъ Евфиміи всехвальной и какъ на каменной доскѣ написано было двумя братьями, взявшими эти мощи изъ моря. Преподобный митрополитъ отправился тотчасъ къ Святѣйшему Патріарху Тарасію и разсказалъ ему объ этомъ; а святый тотъ Патріархъ съ митрополитомъ пошелъ къ царю и его матери, взявши и Анастасія съ собою, и разсказали ей о честныхъ мощахъ мученицы Христовой. Всѣ радовались и благодарили Бога, Анастасій же щедро былъ одаренъ и получилъ

снова свой прежній санъ. Немедленно снарядили богатый корабль и отправили на немъ съ Анастасіемъ комитомъ на островъ Лимносъ почетныхъ лицъ духовнаго сана и изъ царскихъ придворныхъ, чтобъ перенести оттуда мощи святой въ Царьградъ. Послѣ благополучнаго плаванія они прибыли на тотъ островъ. Когда узнали мѣстные жители, что прибыли цареградцы и хотятъ взять мощи Евфиміи всехвальной, стеклось множество народу весьма враждебнаго: хотѣли воспротивиться царскимъ посланникамъ и не давать имъ унести съ ихъ острова то безцѣнное духовное сокровище, а болѣе всего обрушивались на Анастасія комита, называя его предателемъ. И начался уже ропотъ въ народѣ, такъ что едва епископъ Лимносскій могъ успокоить его, говоря:

— Люди, не противьтесь такой волѣ Божіей и не возбуждайте гнѣва царя: царе́во прещéнїе подо́бно рыка́нїю льво́вꙋ[1]).

Когда умолкъ народный ропотъ, открыли гробъ святой и вынули изъ-подъ земли честны̀я мощи невѣсты Христовой, какъ прекрасный цвѣтокъ, и наполнился воздухъ благоуханіемъ, и понесли мощи на корабль при пѣніи Псалмовъ, со свѣчами и кадилами. Народъ же со слезами провожалъ, плача, что лишается такого драгоцѣннаго богатства, и стоялъ на морскомъ берегу, провожая плывущій корабль глазами, пока онъ не скрылся изъ виду. Когда корабль прибылъ въ Константинополь, вышелъ весь городъ съ царемъ и его матерью, и Святѣйшимъ Патріархомъ навстрѣчу честны̀мъ мощамъ мученицы Христовой, и приняли ихъ съ радостью и торжествомъ, понесли съ честью въ церковь, откуда онѣ когда-то были тайно похищены еретиками, и положили на томъ же мѣстѣ и въ томъ же каменномъ гробѣ, гдѣ онѣ лежали прежде.

Такъ святая великомученица Евфимія всехвальная опять оказалась на своемъ честно̀мъ мѣстѣ въ Царьградѣ, и славили за ея чудеса Бога, прославляемаго во святыхъ Его, Которому и отъ насъ возсылается честь и слава нынѣ и въ безконечные вѣки. Аминь.

---

[1]) Притч., гл. 19, ст. 12.

Тропа́рь, гла́съ д҃:

Жениха̀ твоего̀ хр҃та̀ возлюби́вши, и҆ свѣщꙋ̀ твою̀ свѣ́тлѡ ᲂу҆гото́вльши, добродѣ́тельми возсїѧ́вши, всехва́льнаѧ є҆ѵфимїе, тѣ́мъ возшла̀ є҆сѝ съ ни́мъ на бра́къ, вѣне́цъ страда́нїѧ ѿ негѡ̀ прїе́мши. но ѿ бѣ́дъ и҆зба́ви на́съ, чтꙋ́щихъ вѣ́рою па́мѧть твою̀.

Конда́къ, гла́съ ѕ҃:

Подви́ги во страда́льчествѣ, по́двиги въ вѣ́рѣ положи́ла є҆сѝ те́плѣ за хр҃та̀ жениха̀ твоегѡ̀: но и҆ ны́нѣ ꙗ҆́коже є҆́реси и҆ врагѡ́въ шата́нїе, под̾ но́ги правосла́вныхъ царе́й покори́ти молѝ вцѣ̑ю, ꙗ҆̀же ѿ шестисо́тъ три́десѧти бг҃оно́сныхъ ѻ҆те́цъ предѣ́лъ прїе́мшаѧ, и҆ хранѧ́щаѧ, всехва́льнаѧ.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

КИНДЕЯ

Святый Киндей былъ пресвитеромъ Памфилійскаго селенія Сиды. Въ царствованіе Діоклетіана онъ былъ схваченъ, по приказу игемона Стратоника, и осужденъ на сожженіе. Его повели на мѣсто мученія въ желѣзной съ гвоздями обуви. Воины, ведшіе его, на пути встрѣтили дровосѣка и насильно отняли у него дрова для костра, но святый Киндей заплатилъ дровосѣку деньги, самъ возложилъ на себя дрова и несъ ихъ до мѣста мученія. Поставленный среди огня, мученикъ оставался невредимъ и призывалъ народъ познать силу Христову. Вдругъ началась гроза, и сильный дождь залилъ костеръ. Когда гроза прекратилась, святый помолился Господу и испустилъ духъ.

ПРЕСТАВЛЕНІЕ
БЛАЖЕННОЙ КНЯГИНИ
ОЛЬГИ,
во святомъ крещеніи ЕЛЕНЫ

На концѣ темной ночи идолослуженія, облегавшей Русскую землю, блаженная Ольга явилась какъ заря предъ наступленіемъ свѣтлаго дня святой вѣры во Христа—«Солнце правды».

Блаженная Ольга происходила изъ знаменитаго рода: она была правнучка Гостомысла, того славнаго мужа, который начальствовалъ въ Великомъ Новгородѣ до тѣхъ поръ, пока, по его же совѣту, не былъ призванъ отъ варяговъ на княженіе русское Рюрикъ съ братьями[1]). Родиной Ольги была весь Выбутская, находящаяся

[1]) На основаніи: 1) имени блаженной Ольги, которое есть варяжское имя отъ мужскаго Олегъ, 2) прямыхъ свидѣтельствъ нѣкоторыхъ житій и 3) того факта, что Ольга была женою князя Игоря, которому, какъ варягу, всего естественнѣе было взять жену изъ своего же племени, должно за болѣе достовѣрное полагать, что блаженная Ольга была варяжка.—Варяги, или норманны, населяли Скандинавскій полуостровъ, и ихъ отъ новгородскихъ славянъ отдѣляли только финны. Призваніе варяговъ лѣтопись относитъ къ 862 г., но вѣрнѣе относить его къ 852 г.

нынѣ близъ города Пскова, тогда еще не существовавшаго[1]). Родители блаженной Ольги сумѣли внушить своей дочери тѣ правила честной и разумной жизни, которыхъ сами держались, несмотря на свое идолопоклонство. Ольга отличалась цѣломудріемъ и свѣтлымъ умомъ, какъ это сейчасъ же будетъ видно.

Рюрикъ, умирая[2]), оставилъ послѣ себя сына своего Игоря еще малолѣтнимъ отрокомъ, поэтому какъ Игоря, такъ и самое княженіе, до дней совершеннолѣтія сына, Рюрикъ поручилъ попеченію родственника своего—Олега. Послѣдній, собравъ значительное войско и имѣя при себѣ малолѣтняго наслѣдника княженія Игоря, отправился къ Кіеву. Убивъ здѣсь Аскольда и Дира, Олегъ подчинилъ себѣ Кіевъ, и сталъ онъ единовластителемъ варяго-русскихъ владѣній, сохраняя княженіе для племянника своего Игоря; по дѣламъ правленія Олегу приходилось бывать то въ Кіевѣ, то въ Великомъ Новгородѣ. Князь же Игорь, достигнувъ юношескаго возраста, занимался охотой. Случилось ему во время охоты по окрестностямъ Новгорода зайти въ предѣлы Пскова: выслѣживая звѣря около помянутой веси Выбутской, онъ увидѣлъ на другой сторонѣ рѣки мѣсто, удобное для лова, но не могъ туда попасть за неимѣніемъ лодки. Спустя немного времени Игорь замѣтилъ какого-то юношу, плывшаго въ лодкѣ; призвавъ его къ берегу, онъ велѣлъ себя перевезти на ту сторону рѣки. Когда они плыли, Игорь, внимательнѣе всматриваясь въ лицо гребца, увидѣлъ, что послѣдній не юноша, а дѣвица; то и была блаженная Ольга, выдѣлявшаяся своею красотою. Красота Ольги уязвила сердце Игоря: въ немъ разгорѣлась похоть; и онъ началъ прельщать ее словами, склоняя къ нечистому плотскому смѣшенію. Блаженная же Ольга, уразумѣвъ помыслы Игоря, разжигаемаго похотью, пресѣкла бесѣду его, обратившись къ нему, точно мудрый старецъ, съ такимъ увѣщаніемъ:

— Зачѣмъ смущаешься, князь, замышляя дѣло неисполнимое? Слова твои обнаруживаютъ твое безстыдное желаніе надругаться надо мною, чего да не будетъ!—я объ этомъ и слышать не хочу. Прошу тебя,—послушайся меня и подави въ себѣ эти нелѣпыя и

---

[1]) Такъ говоритъ позднѣйшее преданіе. Весь Выбутская,—въ настоящее время село Выбутино, или Лабутино,—въ двѣнадцати верстахъ отъ Пскова вверхъ по рѣкѣ Великой. Изъ начальной же Лѣтописи (подъ 903 г.) видно, что родиной блаженной Ольги былъ Псковъ, откуда и привелъ ее Олегъ Игорю и гдѣ она была, вѣроятно, дочерью одного изъ намѣстниковъ или бояръ.

[2]) Умеръ въ 879 г.

позорныя помышленія, которыхъ нужно стыдиться: вспомни и подумай, что ты—князь, а князю дòлжно быть для людей, какъ правителю и судіи, свѣтлымъ примѣромъ добрыхъ дѣлъ. Ты же теперь близокъ къ какому беззаконію?! Если самъ ты, побѣжденный нечистою похотью, будешь совершать злодѣянія, то какъ же ты будешь удерживать отъ нихъ другихъ и судить справедливо своихъ подданныхъ? Оставь такое безстыдное вожделѣніе, котораго гнушаются честные люди. И тебя, хотя ты и князь, послѣдніе могутъ возненавидѣть за это и предать позорному осмѣянію. Да и то знай, что, хотя я и одна здѣсь и безсильна по сравненію съ тобой, ты все-таки не одолѣешь меня. Но если бы даже ты могъ и одолѣть меня, то глубина этой рѣки мнѣ тотчасъ же будетъ защитой: лучше мнѣ умереть въ чистотѣ, похоронивъ себя въ сихъ водахъ, чѣмъ быть поруганнымъ моему дѣвству.

Такія увѣщанія къ цѣломудрію, обращенныя блаженною Ольгою къ Игорю, образумили послѣдняго, пробудивъ въ немъ чувство стыда. Онъ молчалъ, не находя словъ для отвѣта; такъ они переплыли рѣку, а потомъ разстались. И удивился князь столь выдающемуся разуму и цѣломудрію юной дѣвицы. Дѣйствительно,—подобный поступокъ блаженной Ольги достоинъ удивленія: не зная Истиннаго Бога и Его заповѣдей, она обнаружила такой подвигъ въ защитѣ цѣломудрія; тщательно охраняя чистоту своего дѣвства, она образумила юнаго князя, укротивъ его похоть словами мудрости, достойными ума мужа.

Спустя немногое время послѣ сейчасъ описаннаго, князь Игорь вмѣстѣ съ родственникомъ своимъ Олегомъ отправился въ Кіевъ съ намѣреніемъ тамъ утвердить престолъ княженія, что̀ и было исполнено: они сѣли на княженіе въ Кіевѣ и въ Великомъ Новгородѣ, какъ и въ прочихъ подчинившихся имъ городахъ Русской земли, посадили своихъ намѣстниковъ. Когда наступило время бракосочетанія князя Игоря, то выбрали многихъ красивыхъ дѣвицъ, чтобы среди нихъ найти достойную княжескаго чертога; но ни одна изъ нихъ не полюбилась князю. Вспомнивъ цѣломудренную и прекрасную Ольгу, Игорь тотчасъ послалъ за нею родственника своего Олега. Олегъ съ великою честью привезъ Ольгу въ Кіевъ[1]), и Игорь вступилъ въ бракъ съ нею. Затѣмъ умеръ

[1]) См. примѣч. 1-ое на предыд. стр. То, что Олегъ привелъ Игорю Ольгу изъ Пскова, подтверждаетъ преданіе о ея красотѣ и большомъ умѣ: Олегъ не могъ найти равной Ольге по качествамъ среди дочерей бояръ кіевскихъ.

Олегъ[1]), родственникъ и опекунъ Игоря, и Игорь сталъ править безраздѣльно. Въ началѣ своего самостоятельнаго княженія Игорь велъ упорныя войны съ окрестными народами. Онъ ходилъ даже на Царьградъ: захвативъ многія страны Греческой земли, онъ возвратился изъ этого похода съ добычею и славою[2]). Остальные годы своей жизни онъ проводилъ въ тишинѣ, имѣя миръ съ пограничными землями. Въ это время у Игоря родился отъ блаженной Ольги сынъ Святославъ, впослѣдствіи отецъ святаго и равноапостольнаго князя Владиміра. И правилъ Игорь на престолѣ великаго княженія въ Кіевѣ съ благополучіемъ; богатство стекалось къ нему въ изобиліи изъ многихъ мѣстъ, ибо и дальнія страны присылали ему многіе дары и дани.

Бл҃же́нная кн҃ги́ня Ѻ҃льга

Смерть постигла Игоря такимъ образомъ. Пользуясь наступившимъ послѣ многихъ войнъ миромъ, Игорь началъ обходить города и области для взиманія обычной дани. Придя къ Древлянамъ[3]), онъ вспомнилъ, что они въ началѣ его княженія отступили отъ него и только послѣ войны покорились ему снова; за это Игорь удвоилъ на Древлянахъ дань, чѣмъ очень отяготилъ ихъ. Они же, опечалившись, начали совѣтоваться съ княземъ своимъ Маломъ:

— Когда волкъ повадится къ овцамъ, то по одной можетъ растащить все стадо, если не убьютъ его; такъ и мы,—если не убьемъ Игоря, то онъ всѣхъ насъ погубитъ.

---

[1]) Въ 912 г.

[2]) Извѣстны два похода Игоря на Грековъ—въ 941 г. и 944 г.; изъ нихъ первый былъ неудаченъ. Въ данномъ мѣстѣ житія разумѣется второй походъ, когда императоръ Греческій, прославъ Игорю большую дань, просилъ его не идти войною на Грецію; получивъ большую дань, Игорь съ береговъ Дуная возвратился обратно въ Кіевъ.

[3]) Во время разселенія Восточныхъ Славянъ Древляне заняли *лѣсистую* часть по среднему теченію Днѣпра, сѣвши на его притокѣ Припяти; отсюда и самое наименованіе древлянъ.

Послѣ этого совѣщанія они начали выискивать удобнаго времени. И вотъ, когда Игорь полученную съ Древлянъ дань отослалъ въ Кіевъ, а самъ остался у нихъ съ небольшимъ числомъ дружины, то Древляне сочли этотъ случай подходящимъ для себя: они неожиданно напали на Игоря подъ городомъ своимъ Коростенемъ, убили дружину князя и его самого, и похоронили ихъ тамъ.— Такова была кончина князя Игоря—добраго властителя областей земли Русской, внушавшаго страхъ окрестнымъ народамъ. По смерти опекуна своего Олега Игорь прожилъ тридцать два года[1]).

Вѣсть объ убійствѣ Игоря, достигнувъ Кіева, вызвала сильныя слезы у Ольги, оплакивавшей вмѣстѣ съ сыномъ Святославомъ своего мужа; плакали также и всѣ жители Кіева. Древляне же, по убійствѣ Игоря, составили слѣдующій дерзкій замыселъ: они хотѣли Ольгу взять въ жены своему князю Малу, а наслѣдника Игоря, малолѣтняго Святослава, тайно умертвить. Такимъ образомъ Древляне думали увеличить власть своего князя. Они немедленно на ладьяхъ отправили къ Ольгѣ двадцать нарочитыхъ мужей, чтобы они просили Ольгу сдѣлаться женою ихъ князя; а въ случаѣ отказа съ ея стороны имъ было велѣно угрозами понуждать ее— пусть, хотя и насильно, станетъ женою ихъ господина. Посланные мужи воднымъ путемъ достигли Кіева и пристали къ берегу. Услыхавъ о прибытіи посольства, княгиня Ольга позвала мужей—Древлянъ къ себѣ и спросила ихъ:

— Съ добрымъ ли намѣреніемъ прибыли вы, честные гости?

— Съ добрымъ,—отвѣчали послѣдніе.

— Скажите же,—предложила Ольга,—зачѣмъ именно вы прибыли къ намъ?

Мужи отвѣчали:

— Насъ послала къ тебѣ древлянская земля съ такими словами: «Не гнѣвайся, что мы убили твоего мужа, ибо онъ, какъ волкъ, расхищалъ и грабилъ. А наши князья—добрые правители, распространившіе древлянскую землю. Нынѣшній же князь нашъ безъ сравненія лучше Игоря: молодой и красивый, онъ къ тому же кротокъ, любвеобиленъ и милостивъ ко всѣмъ. Пойди же за нашего князя,—ты будешь намъ госпожою и обладательницею древлянской земли».

Княгиня Ольга, скрывая свою печаль и болѣзнь сердечную по мужѣ, сказала посольству съ притворною радостью:

---

[1]) Убитъ въ 945 г.

— Мнѣ угодны слова ваши,—вѣдь мужа мнѣ уже не воскресить, а оставаться вдовою для меня не безпечально: будучи женщиной, я не въ состояніи, какъ слѣдуетъ, управлять такимъ княжествомъ; сынъ же мой—еще малый отрокъ. Итакъ, я съ охотою пойду за вашего молодого князя; къ тому же я еще и сама не стара. Теперь идите, отдохните въ ладьяхъ вашихъ; утромъ же я позову васъ на почетный пиръ, который устрою для васъ, чтобы всѣмъ стала извѣстна причина прибытія вашего и мое согласіе на ваше предложеніе. А затѣмъ я пойду къ князю вашему. Вы же, когда посланные утромъ придутъ звать васъ на пиръ, знайте, какъ вамъ дòлжно соблюдать при этомъ честь пославшаго васъ князя и вашу собственную: вы прибудете на пиръ такимъ же образомъ, какъ прибыли къ Кіеву, т. е. въ ладьяхъ, которыя понесутъ кіевляне на головахъ,—пусть всѣ увидятъ вашу знатность и мою любовь къ вашему князю, ради которой я почитаю васъ такою великою честью предъ моими людьми.

Съ радостью Древляне удалились въ свои ладьи. Княгиня же Ольга, мстя за убійство своего мужа, раздумывала,—какою бы смертью погубить ихъ. Она приказала тою же ночью выкопать глубокую яму во дворѣ при загородномъ дворцѣ княжескомъ, въ которомъ находилась и прекрасная палата, приготовляемая для пира. Наутро княгиня послала честныхъ мужей звать сватовъ на пиръ; они же, какъ безумные, сидя въ ладьяхъ, говорили:

— Мы не пойдемъ пѣшими, ни поѣдемъ на коняхъ, ни въ колесницахъ, но какъ присланы отъ князя нашего въ ладьяхъ, такъ насъ и несите на головахъ вашихъ къ вашей княгинѣ.

Кіевляне же, смѣясь надъ ихъ безуміемъ, отвѣчали:

— Нашъ князь убитъ, а княгиня наша идетъ за вашего князя; и мы нынѣ, точно невольники, дѣлаемъ приказанное намъ.

И, посадивъ ихъ въ маленькія лодочки по одному, кіевляне понесли ихъ, надутыхъ пустою гордостью. Когда принесли Древлянъ на помянутый дворъ княжій, Ольга, смотрѣвшая изъ палаты, приказала бросить ихъ въ глубокую яму, приготовленную для этого. Затѣмъ, подошедши сама къ ямѣ и нагнувшись надъ нею, она спросила:

— Угодна ли вамъ такая честь?

Они же кричали:

— О горе намъ! Мы убили Игоря и не только не пріобрѣли черезъ это ничего хорошаго, но получили еще болѣе злую смерть.

И приказала Ольга засыпать ихъ живыми въ той ямѣ.

Сдѣлавъ это, княгиня Ольга немедленно послала своего гонца къ Древлянамъ со словами:

— Если вы дѣйствительно хотите, чтобы я пошла за вашего князя, то присылайте за мной посольство и болѣе многочисленное и болѣе знатное, чѣмъ первое; пусть оно съ честью ведетъ меня къ князю вашему; присылайте же мужей—пословъ какъ можно скорѣе, пока меня не удержали кіевляне.

Древляне съ великою радостью и поспѣшностью послали къ Ольгѣ пятьдесятъ знатнѣйшихъ мужей, начальнѣйшихъ старѣйшинъ земли древлянской послѣ князя. Когда они пришли въ Кіевъ, Ольга велѣла приготовить для нихъ баню и послала къ нимъ съ просьбой: пусть послы послѣ утомительнаго пути вымоются въ банѣ, отдохнутъ, а потомъ уже придутъ къ ней; они съ радостью отправились въ баню. Когда Древляне начали мыться, то сейчасъ же нарочно приставленные слуги крѣпко снаружи заложили затворенныя двери, обложили баню соломою съ хворостомъ и подожгли; такъ съ банею сгорѣли старѣйшины древлянскіе вмѣстѣ со слугами. И снова Ольга отправила къ Древлянамъ гонца, извѣщая о скоромъ своемъ прибытіи для бракосочетанія съ ихъ княземъ и приказывая приготовить меда и всякаго питья и пищи на томъ мѣстѣ, гдѣ убитъ былъ ея мужъ, чтобы, придя къ нимъ, сотворить прежде второго своего брака по первомъ своемъ мужѣ тризну, т. е. поминальный пиръ по обычаю языческому; и потомъ уже пусть будетъ бракъ. Древляне на радости все приготовили въ изобиліи. Княгиня же Ольга по обѣщанію своему отправилась къ Древлянамъ со многимъ войскомъ, точно приготовлялась къ войнѣ, а не для бракосочетанія. Когда Ольга приблизилась къ стольному городу Древлянъ Коростеню, послѣдніе выступили ей навстрѣчу въ праздничныхъ одеждахъ: одни—пѣшими, другіе—на коняхъ, и приняли ее съ ликованіемъ и радостію. Ольга же прежде всего пошла на могилу своего мужа и здѣсь сильно плакала о немъ; совершивъ затѣмъ, по обычаю языческому, поминовенную тризну, она повелѣла насыпать надъ могилой большой курганъ. И сказали ей Древляне:

— Госпожа-княгиня! Мы убили твоего мужа за то, что онъ былъ немилостивъ къ намъ, какъ волкъ хищный. Ты же милостива, какъ и нашъ князь,—теперь мы заживемъ благополучно!

Ольга отвѣчала:

— Я уже не скорблю о первомъ своемъ мужѣ, совершивъ надъ могилою его то, что дòлжно было совершить; наступило время съ веселіемъ готовиться ко второму браку съ княземъ вашимъ.

Древляне же спрашивали Ольгу о первыхъ и вторыхъ послахъ своихъ.

— Они идутъ вслѣдъ за нами по другому пути со всѣмъ моимъ богатствомъ, —отвѣчала княгиня.

Послѣ этого Ольга, снявши печальныя одежды, облеклась въ брачныя свѣтлыя, свойственныя княгинѣ, показывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, радостный видъ. Она повелѣла Древлянамъ ѣсть, пить и веселиться, а своимъ людямъ приказала, чтобы они прислуживали Древлянамъ, ѣли съ ними, но не упивались. Когда же Древляне напились, княгиня велѣла своимъ людямъ заранѣе приготовленнымъ оружіемъ — мечами, ножами и копьями — избивать Древлянъ; убитыхъ пало до пяти тысячъ и болѣе. Такъ Ольга, смѣшавъ веселье Древлянъ съ кровью и отомстивши этимъ за убійство своего мужа, возвратилась въ Кіевъ.

На другой годъ Ольга, собравши войско, пошла на Древлянъ съ сыномъ своимъ Святославомъ Игоревичемъ, и его привлекая къ отмщенію за смерть отца. Древляне вышли имъ навстрѣчу съ немалою воинскою силою: сойдясь вмѣстѣ [1]), обѣ стороны ожесточенно бились, пока кіевляне не одолѣли Древлянъ; и гнали первые послѣднихъ до стольнаго города Коростеня, предавая смерти. Древляне затворились въ городѣ, Ольга цѣлый годъ неотступно осаждала его. Видя же, что трудно взять городъ приступомъ, мудрая княгиня придумала такую хитрость. Она послала сказать Древлянамъ, затворившимся въ городѣ:

— Зачѣмъ, безумные, хотите уморить себя голодомъ, не желая мнѣ покориться? Вѣдь всѣ остальные города ваши мнѣ выразили покорность; жители ихъ уплачиваютъ дань и живутъ покойно въ городахъ и селахъ, обрабатывая свои нивы.

— Мы хотѣли бы тоже,—отвѣчали затворившіеся,—покориться тебѣ, да боимся, какъ бы ты не стала снова мстить за князя своего.

Ольга же отправила къ нимъ второго посла со словами:

---

[1]) Когда оба войска сошлись, то малолѣтній Святославъ бросилъ копье по направленію къ Древлянамъ; копье, брошенное дѣтскою рукою, пролетѣло между ушей коня и ударило ему въ ноги; тогда вожди Кіевской дружины сказали: «Князь уже началъ— потянемъ дружина за княземъ», и загорѣлась битва.

— Я уже неоднократно мстила—и на старѣйшинахъ, и на прочихъ людяхъ вашихъ; и теперь желаю не мести, но требую отъ васъ дани и покорности.

Древляне согласились уплачивать ей дань, какую она захочетъ. Ольга предложила имъ:

— Я знаю, что вы сейчасъ обнищали отъ войны и не можете уплатить мнѣ дани ни медомъ, ни воскомъ, ни кожами, ни другими годными для торговли вещами; да я и сама не хочу отягощать васъ большою данью: дайте мнѣ какую-нибудь малую дань въ знакъ вашей покорности, хотя бы по три голубя и по три воробья отъ каждаго дома. Мнѣ совершенно этого достаточно, чтобы убѣдиться въ вашей покорности.

Древлянамъ дань эта показалась настолько ничтожной, что они даже насмѣхались надъ женскимъ разумомъ Ольги; они тотчасъ поспѣшили собрать отъ каждаго дома по три голубя и воробья и послали ей съ поклономъ. Ольга сказала пришедшимъ къ ней изъ города мужамъ:

— Вотъ, теперь вы покорились мнѣ и сыну моему,—живите же въ мирѣ, завтра я отступлю отъ города вашего и отправлюсь домой.

Съ этими словами она отпустила помянутыхъ мужей; всѣ жители города сильно обрадовались, услыхавъ о словахъ княгини. Ольга же роздала птицъ своимъ воинамъ съ приказаніемъ, чтобы позднимъ вечеромъ къ каждому голубю и каждому воробью привязанъ былъ лоскутъ пропитанный сѣрою, который слѣдовало зажечь и пустить всѣхъ птицъ на воздухъ вмѣстѣ. Воины исполнили это приказаніе: птицы полетѣли въ городъ, изъ котораго были взяты; каждый голубь влеталъ въ свое гнѣздо и каждый воробей въ свое мѣсто, и тотчасъ городъ загорѣлся во многихъ мѣстахъ, а Ольга въ это время отдала своему войску приказъ окружить городъ со всѣхъ сторонъ и начать приступъ. Населеніе города, спасаясь отъ огня, выбѣгало изъ-за стѣнъ и попадало въ руки непріятеля. Такъ взятъ былъ Коростень; много людей изъ Древлянъ погибло отъ меча, другіе съ женами и дѣтьми сгорѣли въ огнѣ, а иные утонули въ рѣкѣ, протекавшей подъ городомъ; въ это же время погибъ и князь древлянскій. Изъ оставшихся же въ живыхъ многіе отведены были въ плѣнъ, а другіе оставлены княгинею на мѣстахъ ихъ жительства, причемъ она наложила на нихъ тяжкую дань[1]). Такъ княгиня Ольга отомстила Древлянамъ

[1]) Двѣ трети этой дани шли въ Кіевъ, и треть—въ принадлежавшій Ольгѣ Вышгородъ.

за убійство своего мужа, подчинила себѣ всю древлянскую землю и со славою и торжествомъ возвратилась къ Кіеву.

И управляла княгиня Ольга подвластными ей областями Русской земли не какъ женщина, но какъ сильный и разумный мужъ, твердо держа въ своихъ рукахъ власть и мужественно обороняясь отъ враговъ. И была она для послѣднихъ страшна, своими же людьми любима—какъ правительница милостивая и благочестивая, какъ судія праведный и никого не обидящій, налагающій наказаніе съ милосердіемъ, и награждающій добрыхъ; она внушала злымъ страхъ, воздавая каждому соразмѣрно достоинству его поступковъ; во всѣхъ дѣлахъ управленія она обнаруживала дальновидность и мудрость. При этомъ Ольга, милосердая по душѣ, была щедродательна къ нищимъ, убогимъ и малоимущимъ; до ея сердца скоро доходили справедливыя просьбы, и она быстро ихъ исполняла. Всѣ дѣла ея, несмотря на ея пребываніе въ язычествѣ, были угодны Богу какъ достойныя благодати христіанской. Со всѣмъ этимъ Ольга соединяла воздержную и цѣломудренную жизнь: она не хотѣла выходить вторично замужъ, но пребывала въ чистомъ вдовствѣ, соблюдая сыну своему до дней возраста его княжескую власть. Когда же послѣдній возмужалъ, она передала ему всѣ дѣла правленія, а сама, устранившись отъ молвы и попеченій, жила внѣ заботъ управленія, предаваясь дѣламъ благотворенія.

Наступило время благопріятное, въ которое Господь восхотѣлъ Славянъ, ослѣпленныхъ невѣріемъ, просвѣтить Свѣтомъ святой вѣры, и привести въ познаніе Истины, и наставить на путь спасенія. Начатки этого просвѣщенія Господь благоизволилъ въ посрамленіе жестокосердыхъ мужей явить въ немощномъ женскомъ сосудѣ, т. е. чрезъ блаженную Ольгу. Ибо какъ прежде проповѣдниками Своего воскресенія Онъ содѣлалъ женъ-мvроносицъ[1]), и Свой крестъ честный, на которомъ распялся, явилъ міру изъ нѣдръ земныхъ женою-царицею Еленою[2]), такъ и потомъ, въ землѣ Русской, изволилъ насадить вѣру святую дивною женою, новою Еленою—княгинею Ольгою. Господь избралъ ее какъ честный сосудъ для пресвятаго Имени Своего,—да пронесетъ она его въ землѣ Русской. Онъ возжегъ въ сердцѣ ея зарю невидимой благодати Своей, отверзъ ея умныя очи къ познанію Истиннаго Бога, Котораго она еще не знала. Она уже уразумѣла обольщеніе и заблужденіе языче-

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 28, ст. 9—10.

[2]) Память ея совершается Церковію 21 мая.

скаго нечестія, убѣдившись, какъ въ истинѣ самоочевидной, въ томъ, что чтимые безумными людьми идолы—не боги, но бездушное произведеніе рукъ человѣческихъ; поэтому она не только не почитала ихъ, но и гнушалась ими. Какъ купецъ ищетъ многоцѣнный жемчугъ, такъ Ольга отъ всей души искала праваго Богопочитанія и нашла его слѣдующимъ образомъ. По смотрѣнію Божію, она услышала отъ нѣкоторыхъ людей, что одинъ есть Богъ Истинный—Творецъ неба, земли и всего созданія, въ Котораго и вѣруютъ Греки; кромѣ же Его, нѣтъ иного Бога[1]). Стремясь къ истинному Богопознанію и отъ природы не будучи лѣнивой, Ольга захотѣла сама сходить къ Грекамъ, чтобъ своими глазами посмотрѣть на службу христіанскую и вполнѣ убѣдиться въ ихъ ученіи объ Истинномъ Богѣ. Взявъ съ собою особо знатныхъ мужей, она отправилась съ большимъ имѣніемъ къ Царьграду воднымъ путемъ, здѣсь ее приняли съ великою честью царь и Патріархъ, которымъ Ольга вручила многіе дары, достойные такихъ лицъ. Въ Константинополѣ Ольга поучалась вѣрѣ христіанской, ежедневно съ усердіемъ внимая словамъ божіимъ и присматриваясь къ великолѣпію Богослужебнаго чина и къ другимъ сторонамъ христіанской жизни. Сердце ея разгорѣлось любовію къ Богу, въ Котораго она увѣровала безъ сомнѣнія: поэтому Ольга выразила желаніе пріять Святое Крещеніе. Царь же Греческій, бывшій въ то время вдовымъ, хотѣлъ Ольгу сдѣлать своею супругою: его привлекала въ ней красота ея лица, ея благоразуміе, храбрость, слава, а также обширность русскихъ предѣловъ. Императоръ сказалъ Ольгѣ:

— О княгиня Ольга! Ты достойна того, чтобы быть христіанскою царицею и жить вмѣстѣ съ нами въ этомъ, стольномъ городѣ нашего царства.

---

[1]) Такими людьми должны быть Варяги—христіане, которыхъ много находилось среди дружины князя Игоря. «Какъ женщина весьма умная,—говоритъ извѣстный историкъ Е. Е. Голубинскій,—Ольга должна была обратить вниманіе на этихъ Варяговъ новой вѣры; съ своей стороны и сами Варяги, разсчитывая на тотъ же умъ Ольги, естественно должны были мечтать сдѣлать ее своею прозелиткою. Проповѣдничество Варяговъ-христіанъ и имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что Ольга рѣшилась стать христіанкою. Мы знаемъ, что она была женщина не просто съ большимъ умомъ, но съ умомъ именно гоеударственнымъ. Это обстоятельство должно было послужить къ тому, чтобы для лицъ, принявшихъ на себя заботу убѣждать ее въ истинности христіанства, наполовину облегчить ихъ трудъ. Указаніе на то, что христіанство стало вѣрою почти всѣхъ народовъ Европы и, во всякомъ случаѣ, есть вѣра народовъ между ними лучшихъ,—указаніе на то, что и между собственными ея сородичами (Варягами) началось сильное движеніе къ нему, по примѣру другихъ народовъ, не могли не подѣйствовать на умъ Ольги, дѣлая для нея необходимымъ заключеніе, что у людей лучшихъ и вѣра должна быть лучшей (Исторія Русской Церкви, т. 1-ый, 1-ая полов., изд. 2-ое, стр. 75).

И началъ императоръ говорить Ольгѣ о супружествѣ съ нимъ. Она же показывала видъ, что не отвергаетъ предложенія царя, но сначала просила о Крещеніи, говоря:

— Я пришла сюда ради Святаго Крещенія, а не ради брака; когда же я буду крещена, тогда возможна рѣчь и о супружествѣ, ибо не велѣно нечестивой и некрещеной женѣ сочетаться съ христіанскимъ мужемъ.

Царь началъ торопить съ Крещеніемъ: Патріархъ, наставивъ достаточно Ольгу въ истинахъ святой вѣры, огласилъ ее такимъ образомъ ко Крещенію. И когда была уже приготовлена купель для Крещенія, Ольга начала просить, чтобы самъ царь былъ воспріемникомъ ея отъ купели: «Я, — говорила она, — не буду креститься, если самъ царь не будетъ мнѣ крестнымъ отцомъ; я уйду отсюда безъ крещенія, — вы же воздадите Богу отвѣтъ о моей душѣ».

Царь согласился на ея желаніе, и крещена была Ольга Патріархомъ, царь же сталъ отцемъ ея, воспріявъ ее отъ Святой купели. Ольга наречена была Еленою, какъ и первая христіанская царица, мать Константина Великаго, наименована была Еленою. По Крещеніи Патріархъ за Литургіею причастилъ Ольгу Божественныхъ Таинъ Пречистаго Тѣла и Крови Христовыхъ и благословилъ ее со словами:

— Благословенна ты среди женъ Русскихъ, ибо ты, оставивъ тьму, взыскала истиннаго Свѣта; возненавидѣвъ идольское многобожіе, ты возлюбила единаго Истиннаго Бога; ты избѣжала вѣчной смерти, обручившись жизни безсмертной. Отселѣ тебя будутъ ублажать сыны Русской земли!

Такъ благословилъ ее патріархъ. Изъ лицъ, пришедшихъ съ Ольгою, многіе, мужчины и женщины, также крестились, и была радость въ Царьградѣ по случаю Крещенія княгини Ольги; царь же устроилъ въ тотъ день великій пиръ, и всѣ веселились, славя Христа Бога. Затѣмъ царь снова началъ рѣчь о бракѣ съ Ольгою, нареченною во Святомъ Крещеніи Еленою. Но блаженная Елена отвѣчала ему на это:

— Какъ можешь ты меня, свою крестную дочь, взять себѣ женою? Вѣдь не только по закону христіанскому, но и по языческому почитается гнуснымъ и недопустимымъ, чтобы отецъ имѣлъ женою дочь.

— Перехитрила ты меня, Ольга! — воскликнулъ царь.

— Я и прежде говорила тебѣ, — возразила блаженная Ольга, — что пришла сюда не съ тою цѣлію, чтобы царствовать съ тобою, —

мнѣ съ моимъ сыномъ довольно власти и въ Русской землѣ,—но чтобы уневѣститься безсмертному Царю, Христу Богу, Котораго я возлюбила всею душею, желая сподобиться Его вѣчнаго Царства.

Тогда царь, оставивъ свое невыполнимое намѣреніе и плотскую любовь, возлюбилъ блаженную Ольгу духовною любовію какъ свою дочь, щедро одарилъ ее и отпустилъ съ миромъ. Оставляя Царьградъ, блаженная Ольга пошла къ Патріарху и, прося напутственнаго благословенія, сказала ему:

— Помолись, святый отецъ, Богу за меня, возвращающуюся въ свою страну, гдѣ сынъ мой пребываетъ въ языческомъ заблужденіи и всѣ люди тверды, какъ камень, въ древнемъ своемъ нечестіи,—да избавитъ меня тамъ Господь, по твоимъ святымъ молитвамъ, отъ всякаго зла.

Патріархъ отвѣтилъ ей:

— Вѣрная и благословенная дочь моя о Святомъ Духѣ. Христосъ, въ Котораго ты облеклась во Святомъ Крещеніи, Самъ да соблюдетъ тебя отъ всякаго зла, какъ соблюлъ онъ Ноя отъ потопа, Лота отъ Содома, Моисея съ Израилемъ отъ фараона, Давида отъ Саула, Даніила отъ устъ львовыхъ и трехъ отроковъ отъ печи. Такъ и тебя да избавитъ Господь отъ напасти, благословенна ты въ народѣ твоемъ, и тебя будутъ ублажать внуки и правнуки до послѣднихъ лѣтъ.

Это благословеніе Патріарха блаженная Ольга приняла какъ сокровище, цѣннѣйшее самыхъ дорогихъ даровъ; вмѣстѣ съ этимъ она пріяла и наставленія о чистотѣ и молитвѣ, постѣ и воздержаніи и о всѣхъ добрыхъ дѣлахъ, свойственныхъ богоугодному христіанскому житію. Затѣмъ блаженная Ольга приняла отъ Патріарха честный крестъ, святыя иконы, книги и прочія потребныя для Богослуженія вещи; она приняла отъ Патріарха также пресвитеровъ и клириковъ. И удалилась блаженная Ольга изъ Константинополя къ себѣ домой съ великою радостію[1]).

---

[1]) Обыкновенно полагаютъ, что блаженная Ольга крестилась въ Константинополѣ въ 957 г. при императорѣ Константинѣ Багрянородномъ. Но принять это предположеніе трудно. Дѣло въ томъ, что императоръ Константинъ Багрянородный оставилъ сочиненіе «Объ обрядахъ, или церемоніяхъ, Византійскаго двора»—"Ἐκθεσις τῆς βασιλείου τάξεως". Въ этомъ сочиненіи онъ подробно описываетъ, какъ блаженная Ольга была принимаема при дворѣ во время посѣщенія ею Константинополя въ 957 г., при этомъ императоръ не дѣлаетъ даже и намека на то, что Ольга пріѣзжала въ Константинополь для Крещенія и была дѣйствительно крещена. Наоборотъ,—онъ ясно даетъ знать, что Ольга прибыла въ Константинополь уже крещеною: при *первомъ* пріемѣ Ольги во дворцѣ уже присутствовалъ ея священникъ. Когда же она крестилась? «Представляется вѣроятнымъ думать, что Ольга

Повѣствуется, что честный крестъ, полученный ею изъ руки Патріарха, имѣлъ слѣдующую надпись: «Русская земля обновилась для жизни въ Богѣ Святымъ Крещеніемъ, принятымъ блаженною Ольгою». По кончинѣ блаженной Ольги вѣрные хранили этотъ крестъ до дней великаго князя Ярослава Владиміровича; послѣдній, создавъ въ Кіевѣ великую и прекрасную церковь святой Софіи, поставилъ въ алтарѣ ея, на правой сторонѣ, помянутый крестъ. Нынѣ крестъ сей уже не существуетъ: ибо во время многократныхъ разореній Кіева святыя церкви его предавались опустошенію. Но обратимся къ повѣствованію о блаженной Ольгѣ.

Возвратясь въ Кіевъ, новая Елена—княгиня Ольга какъ солнце начала прогонять тьму идольскаго нечестія, просвѣщая омраченныхъ сердцемъ. Она создала первую церковь во имя святителя Николая на Аскольдовой могилѣ и многихъ отъ кіевлянъ обратила ко Христу Спасителю. Но сына своего Святослава она никакъ не могла привести въ истинный разумъ — къ познанію Бога: всецѣло отдавшійся военнымъ предпріятіямъ, онъ не обращалъ вниманія на слова матери. Онъ былъ мужъ храбрый, любившій войны, такъ что жизнь свою проводилъ больше среди полковъ и ратей, нежели дома. Матери его, обращавшейся къ нему съ увѣщаніями, Святославъ говорилъ:

— Если я приму христіанскую вѣру и крещусь, то отъ меня отступятъ бояре, воеводы и вся дружина, и мнѣ не съ кѣмъ будетъ воевать съ врагами и защищать наше отечество.

послѣ смерти Игоря оставалась некрещеною до тѣхъ поръ, пока была за малолѣтняго Святослава правительницей государства и продолжала оставаться въ государствѣ лицомъ офиціальнымъ и что она крестилась послѣ того, какъ, нашедъ возможность сложить съ себя офиціальное регентство, отошла, по крайней мѣрѣ формальнымъ образомъ, въ частную жизнь, послѣ чего народъ уже не имѣлъ права спрашивать съ нея за ея поступки» (Е. Е. Голубинскій. Исторія Русской Церкви т. 1-ый, 1-ая полов., изд. 2-ое, стр. 78). Послѣднее могло случиться только по достиженіи Святославомъ гражданскаго совершеннолѣтія, которое въ то время начиналось во всякомъ случаѣ не ранѣе 10 года. Святославъ родился въ 942 г., а въ 957 г. Ольга была уже крещена. Считая гражданское совершеннолѣтіе Святослава съ 10 года, почитаемъ, что блаженная Ольга крестилась въ промежутокъ времени между 952 (когда Святославу исполнилось десять лѣтъ) и 957 гг. И имѣется опредѣленное свидѣтельство, относящее Крещеніе блаженной Ольги къ одному изъ годовъ отмѣченнаго промежутка времени. Монахъ Іаковъ, основатель и начинатель у насъ частной исторіографіи, писавшій въ концѣ правленія Ярослава и началѣ княженія Изяслава,— писатель заслуживающій довѣрія, говоритъ въ сказаніи о Крещеніи Ольги и Владиміра, что Ольга прожила въ Крещеніи 15 лѣтъ. Слѣдовательно по Іакову, полагающему смерть Ольги, какъ и лѣтописецъ, въ 969 г., Ольга крестилась въ 954 г. (969—15=954), когда въ Греціи императоромъ былъ Константинъ Богрянородный (912—957 гг.), а патріархомъ— Ѳеофилактъ (933—956 гг.).—При путешествіи святой Ольги въ Царьградъ въ 957 г. патріархомъ былъ уже святый Полиевктъ.

Такъ отвѣтилъ князь Святославъ; впрочемъ, онъ не возбранялъ креститься хотѣвшимъ; но не много было вельможъ, принимавшихъ Святое Крещеніе, наоборотъ,—вельможи поносили такихъ людей, ибо для невѣрныхъ христіанство есть безуміе[1]); отъ простого же народа много прилагалось ко святой Церкви. Святая Ольга посѣтила Великій Новгородъ и другіе города,—всюду, гдѣ только было можно, приводя людей ко Христовой вѣрѣ; она при этомъ сокрушала идоловъ, поставляя на ихъ мѣстѣ честные кресты, отъ которыхъ для увѣренія язычниковъ содѣлывались многія знаменія и чудеса. Придя на родину, въ Выбутскую весь, блаженная Ольга простерла и здѣсь слово проповѣди христіанской къ близкимъ ей людямъ. Во время пребыванія въ этой странѣ она достигла берега рѣки Великой, текущей съ юга на сѣверъ, и остановилась противъ того мѣста, гдѣ въ рѣку Великую впадаетъ рѣка Пскова, текущая съ востока (въ описываемое время на этихъ мѣстахъ росъ большой дремучій лѣсъ); и вотъ, святая Ольга съ того берега рѣки увидѣла, что съ востока на сейчасъ помянутыя мѣста, озаряя ихъ, сходятъ съ неба три пресвѣтлыхъ луча; чудный свѣтъ отъ этихъ лучей видѣла не только сама святая Ольга, но и спутники ея. И сильно обрадовалась блаженная и возблагодарила Бога за видѣніе, которое предуказывало на просвѣщеніе благодатію Божіею той страны. Обратившись къ сопровождавшимъ ее лицамъ, блаженная Ольга сказала пророчески:

— Да будетъ вамъ вѣдомо, что изволеніемъ Божіимъ на этомъ мѣстѣ, озаряемомъ трисіятельными лучами, возникнетъ церковь во имя Пресвятой и Живоначальной Троицы и создастся великій и славный городъ, изобилующій всѣмъ.

Послѣ этихъ словъ и довольно продолжительной молитвы блаженная Ольга поставила крестъ: и донынѣ храмъ молитвенный стоитъ на мѣстѣ, гдѣ блаженная Ольга его водрузила. Обойдя многіе города земли Русской, проповѣдница Христова возвратилась въ Кіевъ и здѣсь для Бога явила благія дѣла: если во дни язычества она творила дѣла добрыя, то тѣмъ болѣе теперь, просвѣтившись святою вѣрою, блаженная Ольга украшалась всякими добродѣтелями, стремясь благоугождать новопознанному Богу, своему Создателю и Просвѣтителю. Вспомнивъ о видѣніи на рѣкѣ Псковѣ, она послала много золота и серебра на созданіе

---

[1]) Сравн. 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 1, ст. 18.

церкви во имя Святой Троицы; при этомъ она повелѣла населять то мѣсто людьми: и въ короткое время разросся городъ Псковъ, такъ названный отъ рѣки Псковы, въ великій городъ, и прославлялось въ немъ имя Пресвятыя Троицы.

Въ это время князь Святославъ, оставивъ въ Кіевѣ свою матерь и дѣтей своихъ Ярополка, Олега и Владиміра, пошелъ на Болгаръ[1]): во время войны съ ними онъ захватилъ до восьмидесяти городовъ, и ему особенно понравился ихъ столичный городъ Переяславецъ[2]), гдѣ онъ и началъ жить. Блаженная же Ольга, пребывая въ Кіевѣ, учила своихъ внуковъ, дѣтей Святослава, христіанской вѣрѣ, насколько послѣдняя была доступна ихъ дѣтскому пониманію; но она не рѣшалась крестить ихъ, опасаясь какой-либо непріятности со стороны сына, и положилась на волю Господню. Въ то время какъ Святославъ замедлилъ въ землѣ Болгаръ, Печенѣги[3]) неожиданно вторглись въ предѣлы Кіевскіе, обступили Кіевъ и начали осаду: святая Ольга съ внуками затворилась въ городѣ, котораго печенѣги не могли взять. Господь, хранившій вѣрную рабу Свою, защитилъ и городъ по ея молитвамъ. Вѣсть о нашествіи Печенѣговъ на Кіевъ достигла Святослава; онъ поспѣшилъ со своимъ войскомъ изъ земли болгарской, неожиданно напалъ на Печенѣговъ и обратилъ ихъ въ бѣгство. Войдя въ Кіевъ, онъ привѣтствовалъ свою мать, уже больную, и снова хотѣлъ оставить ее, чтобы идти въ землю Болгаръ. Блаженная же Ольга со слезами говорила ему:

— Зачѣмъ оставляешь меня, сынъ мой, и куда ты идешь? Ища чужого, кому поручаешь свое? Вѣдь дѣти твои еще малы, а я уже стара, да и больна,—я ожидаю скорой кончины—отшествія къ возлюбленному Христу, въ Котораго вѣрую; я теперь ни о чемъ не безпокоюсь, какъ только о тебѣ: сожалѣю о томъ, что хотя я и

---

[1]) Въ 967 г.

[2]) На Дунаѣ.

[3]) *Печенѣги*—русское названіе народа тюркскаго происхожденія. Нѣкогда Печенѣги кочевали въ степяхъ Средней Азіи и неизвѣстно въ точности, когда переселились отсюда въ Европу. Въ IX вѣкѣ они уже обитали между Волгой и Яикомъ (Ураломъ); до 60-хъ годовъ X вѣка Печенѣги не тревожили Руси. Упоминаемое житіемъ нападеніе Печенѣговъ на Кіевъ и есть первое упоминаніе Лѣтописи (подъ 968 г.) о набѣгахъ Печенѣговъ. Съ этого времени въ продолженіе съ лишкомъ полувѣка борьба Руси съ Печенѣгами была безпрестанная. Русь старалась оградить себя отъ нихъ укрѣпленіями и городами; таково происхожденіе Зміева вала въ нынѣшней Кіевской губ. Св. Владиміръ строилъ укрѣпленія по рѣкѣ Стугнѣ, Ярославъ Мудрый—по рѣкѣ Роси (южнѣе). Послѣднее нападеніе Печенѣговъ на Русь (осада Кіева) относится къ 1034 г., когда они были совершенно разбиты.

много тебя учила и убѣждала оставить идольское нечестіе, увѣровать въ Истиннаго Бога, познаннаго мною, ты пренебрегъ этимъ; и знаю я, что за твое непослушаніе ко мнѣ тебя ждетъ на землѣ худой конецъ и по смерти—вѣчная мука, уготованная язычникамъ. Исполни же теперь хоть эту мою послѣднюю просьбу: не уходи никуда, пока я не преставлюсь и не буду погребена; тогда иди куда хочешь. По моей кончинѣ не дѣлай ничего, что требуетъ въ такихъ случаяхъ языческій обычай. Но пусть мой пресвитеръ съ клириками погребутъ по обычаю христіанскому мое грѣшное тѣло: не смѣйте насыпать надо мною могильнаго холма и дѣлать тризны: но пошли въ Царьградъ золото къ Святѣйшему Патріарху, чтобы онъ совершилъ молитву и приношеніе Богу за мою душу и роздалъ нищимъ милостыню.

Слыша это, Святославъ горько плакалъ и обѣщалъ исполнить все, завѣщанное ею, отказываясь только отъ принятія святой вѣры. По истеченіи трехъ дней блаженная Ольга впала въ крайнее изнеможеніе; она причастилась Божественныхъ Таинъ Пречистаго Тѣла и Животворящей Крови Христа Спаса нашего; все время она пребывала въ усердной молитвѣ къ Богу и къ Пречистой Богородицѣ, Которую всегда по Богѣ имѣла себѣ помощницею; она призывала и всѣхъ святыхъ; съ особеннымъ усердіемъ молилась блаженная Ольга о просвѣщеніи по ея смерти земли Русской; прозирая будущее, она неоднократно во дни жизни своей пророчески предсказывала, что Богъ просвѣтитъ людей земли Русской и многіе изъ нихъ будутъ великіе святые; о скорѣйшемъ исполненіи этого пророчества и молилась блаженная Ольга при своей кончинѣ. И еще молитва была на устахъ ея, когда честная душа ея разрѣшилась отъ тѣла и, какъ праведная, была пріята руками Божіими. Такъ она преселилась отъ земныхъ къ небеснымъ и сподобилась войти въ чертогъ безсмертнаго Царя—Христа Бога и какъ первая святая изъ земли Русской была причтена къ лику святыхъ. Преставилась блаженная Ольга, во Святомъ Крещеніи Елена, въ 11-ый день іюля мѣсяца[1]). Она прожила въ супружествѣ сорокъ два года, а во время вступленія въ супружество она была дѣвицею совершеннаго возраста и силы,—ей было около двадцати лѣтъ. На десятый годъ по смерти мужа она сподобилась Святаго Крещенія, по Крещеніи же пожила богоугодно пятнадцать лѣтъ.

---

[1]) Въ 969 г.

Такимъ образомъ, всѣхъ лѣтъ ея жизни было около девятидесяти. И оплакивали блаженную Ольгу сынъ ея князь Святославъ, бояре, сановники и всѣ люди; блаженная Ольга погребена была съ честью по христіанскому обряду.

По преставленіи святой Ольги сбылось ея пророчество о злой кончинѣ сына и о добромъ просвѣщеніи земли Русской. Сынъ ея Святославъ (какъ сообщаетъ объ этомъ лѣтописецъ) былъ убитъ, по истеченіи немногихъ лѣтъ, въ битвѣ княземъ печенѣжскимъ Курей[1]). Куря отсѣкъ голову Святослава и изъ черепа сдѣлалъ себѣ чашу, оковавъ ее золотомъ и написавъ слѣдующее: «Ищущій чужого, губитъ свое». Во время пира съ вельможами своими князь печенѣжскій пилъ изъ этой чаши. Такъ великаго князя Святослава Игоревича, храбраго и доселѣ непобѣдимаго въ битвахъ, по предреченію матери постигла злая кончина за то, что онъ не слушалъ ея. Исполнилось пророчество блаженной Ольги и о землѣ Русской. Спустя двадцать лѣтъ по ея кончинѣ внукъ ея Владиміръ принялъ Святое Крещеніе и просвѣтилъ святою вѣрою землю Русскую[2]). Создавъ каменную церковь во имя Пресвятой Богородицы (называемую Десятинною, потому что на содержаніе ея Владиміръ давалъ десятую часть отъ своихъ имѣній) и посовѣтовавшись съ Леонтіемъ, митрополитомъ Кіевскимъ, святый Владиміръ изъялъ изъ земли честныя мощи бабки своей нерушимы, нетлѣнны и исполненны благоуханія; онъ съ великою честью перенесъ ихъ въ помянутую церковь Пресвятой Богородицы и не подъ спудомъ, но открыто положилъ ихъ ради притекающихъ къ ней съ вѣрою и получающихъ исполненіе своихъ молитвъ: многія исцѣленія различныхъ недуговъ подавались отъ честныхъ мощей.[3])

Не должно предавать умолчанію и слѣдующее: надъ гробницей блаженной Ольги въ церковной стѣнѣ было оконце; и если кто съ твердою вѣрою приходилъ къ честнымъ мощамъ, оконце само собою открывалось, и стоящій наружи ясно видѣлъ чрезъ оконце лежавшія внутри честныя чудотворныя мощи, причемъ особенно достойные видѣли и исходящее отъ нихъ нѣкое чудесное сіяніе;

---

1) Въ 972 г.

2) Память его—15 іюля.

3) Въ нашествіе монголовъ мощи были сокрыты подъ спудомъ въ церкви; въ XVII в., по преданію, онѣ были открыты Петромъ Могилою, а въ XVIII в. снова сокрыты въ неизвѣстномъ мѣстѣ не по совсѣмъ ясной причинѣ.

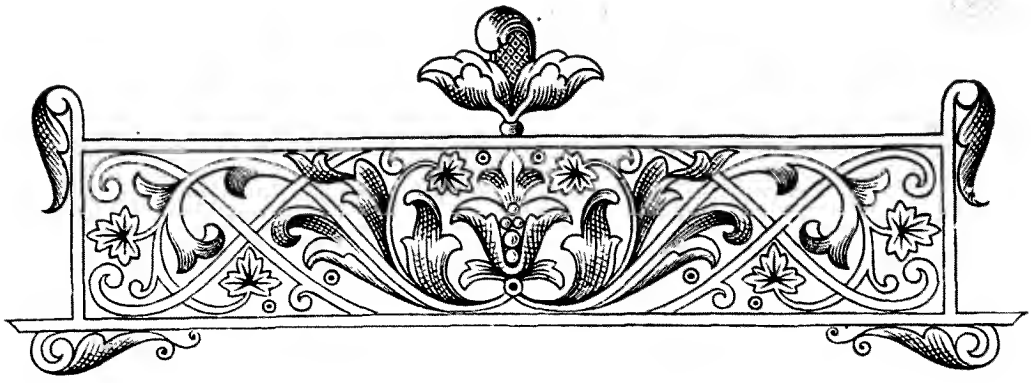
и изъ имѣющихъ вѣру кто бы ни былъ одержимъ какимъ-либо недугомъ, тотчасъ получалъ исцѣленіе. Приходившему же съ маловѣріемъ оконце не открывалось, и онъ не могъ видѣть честныхъ мощей, даже если бы вошелъ въ самую церковь: онъ видѣлъ только гробъ и не могъ получить исцѣленія. Вѣрующіе же получали все на пользу тѣла и души по молитвамъ святой Ольги, нареченной во Святомъ Крещеніи Еленою, и по благодати Господа нашего Іисуса Христа, Ему же со Отцемъ и Святымъ Духомъ слава нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Тропа́рь, гла́съ а҃:

Крила́ми бг҃оразꙋ́мїѧ впери́вши тво́й ᲂу҆́мъ, возлетѣ́ла є҆сѝ превы́ше ви́димыѧ тва́ри: взыска́вши бг҃а и҆ творца̀ всѧ́ческихъ, и҆ того̀ ѡ҆брѣ́тши, пакирожде́нїе кр҃ще́нїемъ прїѧ́ла є҆сѝ. дре́ва живо́тнагѡ наслажда́ющисѧ, нетлѣ́нна во вѣ́ки пребыва́еши, ѻ҆́льго присносла́внаѧ.

Конда́къ, гла́съ д҃:

Восное́мъ дне́сь бл҃годѣ́телѧ всѣ́хъ бг҃а, просла́влышаго въ рѡссі́и ѻ҆́льгꙋ бг҃омꙋ́дрꙋю: да мл҃твами є҆ѧ̀ пода́стъ дꙋша́мъ на́шымъ грѣхѡ́въ ѡ҆ставле́нїе.



День двѣнадцатый

СТРАДАНІЕ
СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ
ПРОКЛА и ИЛАРІЯ

Святые мученики Проклъ и Иларій были родомъ изъ предѣловъ города[1]) Калипта, что близъ Анкиры[2]); пострадали они отъ игемона Максима въ царствованіе Траяна[3]). Первымъ былъ взятъ святый Проклъ и приведенъ къ самому царю, находившемуся тогда въ предѣлахъ той страны; затѣмъ онъ былъ закованъ въ желѣзо и ввергнутъ въ темницу. Царь, разсмотрѣвъ дѣло Прокла и найдя, что послѣдній не повинуется нечестивымъ повелѣніямъ[4]), предалъ его на мученія игемону Максиму. Максимъ, сѣвши на судилищѣ, потребовалъ къ отвѣту узника Христова и спросилъ его:

— Какого ты рода?

— Родъ мой Христовъ,— отвѣтилъ святый Проклъ,— и моя надежда—Богъ мой.

— Клянусь богами, не пощажу тебя!—Сказалъ игемонъ и снова спросилъ:

---

1) Точнѣе — села.

2) Были два города *Анкиры*: одинъ — въ Галатіи, другой—во Фригіи. Неизвѣстно точнымъ образомъ, около котораго изъ нихъ было село Калипты.

3) *Траянъ*—Римскій императоръ съ 98 г. по 117 г.

4) Касательно поклоненія идоламъ.

— Знаешь ли ты царскія приказанія, оглашенныя вездѣ,—чтобъ всѣ христіане приносили жертвы богамъ?

— Я слышалъ,—отвѣчалъ святый,—о сихъ приказаніяхъ беззаконниковъ; эти повелѣнія они дали въ соблазнъ многимъ, а себѣ на погибель.

— Ты смѣешь,—негодуя и удивляясь сказалъ игемонъ,—укорять царя и законы его хулить?! Не видишь развѣ, какія за это муки предстоятъ тебѣ, окаянный?

— Дѣлай, что хочешь,—возразилъ мученикъ,—я не принесу жертвы богамъ твоимъ и не боюсь мукъ, убивающихъ тѣло, а не душу; лучше бояться Бога, чѣмъ людей.

— Избирай себѣ,—предложилъ игемонъ,—или жизнь, или смерть: вотъ, видишь мучилищное дерево, для тебя приготовленное, и орудія для пытокъ,—ждемъ твоего отвѣта: чего хочешь?

Святый Проклъ отвѣчалъ:

— Если вы боитесь нарушить царское приказаніе, чтобъ не получить кратковременныхъ мученій, то тѣмъ болѣе мы, христіане, боимся нарушить Заповѣдь Божію, чтобы не впасть въ вѣчныя мученія, уготованныя Богомъ для тѣхъ, которые отступаютъ отъ Него и кланяются вашимъ ложнымъ богамъ, кои и сами на грядущемъ судѣ будутъ преданы вмѣстѣ съ приносящими имъ жертвы на безконечную погибель.

— Ужели,—удивился игемонъ,—ты дерзаешь укорять и боговъ нашихъ? Говорю тебѣ, что противъ твоего желанія я заставлю тебя признать могущество боговъ нашихъ.

— А я надѣюсь,—возразилъ мученикъ,—на Бога моего, что, прежде чѣмъ ты убѣдишь меня исповѣдать боговъ твоихъ, я сдѣлаю такъ, что ты предъ всѣми воинами и слугами, вопреки желанію, признаешь Владыку моего и напишешь собственной рукой: «Истиненъ Богъ грѣшнаго Прокла и нѣтъ иного, кромѣ Него».

Разгнѣванный игемонъ приказалъ повѣсить мученика нагимъ на деревѣ, привязать къ ногамъ тяжелый камень и желѣзными крючьями строгать его тѣло. И долго такъ мучили святаго Прокла; онъ же все переносилъ мужественно, ничего не говоря, только смотря на небо; потомъ его сняли и заключили въ оковы.

Послѣ этого игемонъ отправился въ городъ Калиптъ и повелѣлъ вести за собой мученика, который принужденъ былъ пѣшимъ не отставать отъ быстрыхъ лошадей. Когда было пройдено почти полдороги, мученикъ сталъ молиться, громко взывая къ Богу:

— Боже мой Іисусе Христе, ради Котораго страдаю я, ведомый съ поруганіемъ воинами! Внемли сегодня рабу Твоему, да прославится Имя Твое во вѣки: простри Свою всесильную руку, удержи беззаконнаго игемона сего и не допусти его продолжать путешествіе, пока онъ предъ всѣми людьми не исповѣдуетъ, что нѣтъ иного Бога, кромѣ Тебя!

Ст҃іи мч҃нцы
ПРО́КЛЪ и І҆ЛА́РІЙ

Когда святый помолился такимъ образомъ, вдругъ игемонъ неожиданно остановился въ пути, точно связанный: не могли двинуться ни кони, ни онъ самъ, удерживаемый невидимой силой Божіей. Остановились и всѣ воины, дивясь такому чудесному дѣлу. Долго старались двинуть колесницу, погоняли коней, впрягали въ подмогу еще другихъ, пытались вести сами и ничего не могли сдѣлать, даже не были въ состояніи снять съ колесницы самого игемона: колесница стояла, какъ гора неподвижная, а игемонъ на ней— какъ пригвожденный. Тогда игемонъ сказалъ своимъ спутникамъ:

— Видите удивительную волшебную силу этого хитраго христіанина, что онъ съ нами сдѣлалъ,—съ мѣста не можемъ двинуться и назадъ идемъ?!

Тогда игемонъ послалъ одного изъ слугъ своихъ, по имени Ермія, сказать мученику, который былъ далеко позади:

— Что это ты сдѣлалъ, остановивши насъ своимъ волшебствомъ среди пути? Очевидно, боясь ожидающихъ тебя въ городѣ мученій, ты прибѣгъ къ такой хитрости, чтобъ только не вели тебя туда.

Но святый Проклъ сказалъ слугѣ игемона:

— Клянусь Господомъ Богомъ, что вы не двинетесь съ мѣста

до тѣхъ поръ, пока игемонъ не исповѣдуетъ Имя Господа моего Іисуса Христа, какъ я ему сказалъ еще прежде.

— Если,—спросилъ Ермій,—игемонъ и исповѣдаетъ Имя Бога твоего, стоя среди пути, то какъ же ты услышишь или узнáешь объ этомъ, находясь далеко отъ него?

Мученикъ сказалъ:

— Пусть онъ напишетъ это исповѣданіе на хартіи и пришлетъ мнѣ, и сейчасъ же вы двинетесь вашимъ путемъ въ городъ Калиптъ.

Возвратившись, Ермій передалъ слова мученика игемону, который, хотя и не желалъ, но вынужденъ былъ постигшимъ несчастьемъ взять хартію и написать:

«Единъ есть Истинный Богъ, — Тотъ, Котораго почитаетъ Проклъ, и нѣтъ иного Бога, кромѣ Него».

Написавши такъ, онъ послалъ хартію мученику, и тотчасъ кони и воины двинулись и отправились въ путь.

Достигши города Калипта, игемонъ сѣлъ на судилищѣ и, призвавши святаго Прокла, сказалъ ему:

— Ты на насъ показалъ въ пути всю силу своего волшебства, я же здѣсь покажу тебѣ силу своей власти, и какъ ты принудилъ меня признать твоего Бога, такъ и я заставлю тебя признать нашихъ боговъ и имъ принести жертву.

Сказавши это, онъ приказалъ принести горящія свѣчи и опалять ими животъ и ребра святаго Прокла: жгли мученика такъ, что все тѣло его обгорѣло, но онъ, не обнаруживая никакого нетерпѣнія, молчалъ, какъ будто носилъ чужое, а не свое тѣло. И сказалъ ему игемонъ:

— Ты пренебрегаешь муками?

Святый отвѣчалъ:

— Я пренебрегаю этими, но боюсь вѣчныхъ.

Снова сказалъ игемонъ:

— Покоришься ли ты богамъ нашимъ?

— Я покоряюсь,—услышалъ онъ отвѣтъ,—Христу, во вѣки пребывающему: Онъ моя Надежда!

Спросилъ игемонъ:

— Хочешь ли въ мукахъ умереть?

— Если и умру,—возразилъ святый Проклъ,—то снова буду жить!

Тогда игемонъ приказалъ воинамъ вывести святаго Прокла изъ

города и, распявши на деревѣ, стрѣлять въ него изъ луковъ. Взяли воины мученика и сказали ему:

— Послушай насъ и принеси жертву богамъ,—тотчасъ тебя исцѣлятъ искусные врачи отъ ранъ, и ты будешь почтенъ важнымъ саномъ.

— Я,—отвѣчалъ страстотерпецъ,—имѣю санъ на Небѣ, которымъ меня почтитъ Христосъ Богъ мой, перестаньте же прельщать меня и дѣлайте, что приказано вамъ.

Когда они шли и говорили объ этомъ, имъ встрѣтился на пути одинъ, только что вышедшій изъ юности мужъ, по имени Иларій, племянникъ святаго Прокла, сынъ его родного брата. Онъ приблизился, поклонился своему дядѣ и, цѣлуя его, воскликнулъ:

— И я христіанинъ!

Воины взяли Иларія и заключили въ темницу, а святаго Прокла привели на мѣсто казни, распяли на деревѣ и, натянувши свои луки, начали стрѣлять въ него. Мученикъ, пронзаемый по всему тѣлу стрѣлами, молился Богу, говоря:

— Въ руки Твои, Господи, предаю духъ мой, спаси меня, Боже Истинный!

И съ этими словами преклонивши голову, испустилъ духъ. Скончался святый мученикъ Проклъ въ 12-й день мѣсяца іюля. Вѣрующіе тайно взяли мощи его и погребли.

Иларій же сидѣлъ въ темницѣ и воспѣвалъ: «Возлюблю́ тѧ̀, гдⷭ҇и, крѣ́посте моѧ̀: гдⷭ҇ь ᲂу҆твержде́ніе моѐ, и҆ прибѣ́жище моѐ», и прочее изъ 17-го Псалма.

Когда онъ уснулъ, явился ему въ видѣніи Ангелъ Господень и сказалъ:

— Мужайся и крѣпись, я съ тобой,—я посланъ отъ Бога, чтобъ укрѣпить тебя.

На третій день послѣ кончины Прокла святый Иларій былъ приведенъ на пытки. И спросилъ его игемонъ:

— Ты христіанинъ?

Отвѣтилъ мученикъ:

— Да, христіанинъ,—весь мой родъ былъ въ христіанствѣ, и всѣ умерли, почитая Христа.

Тогда игемонъ въ ярости приказалъ долго и жестоко бить мученика, повѣсивши нагимъ на деревѣ. Потомъ осудилъ его на смерть, повелѣвши вывести его за три поприща отъ города и

тамъ отсѣчь ему голову. Воины связали мученику руки, повергли его на землю и, зацѣпивши за ноги, повлекли его, а мученикъ въ это время пѣлъ: «**Ѡ҆снова̑нїѧ є҆гѡ̀ на гора́хъ свѧты́хъ: лю́битъ гдⷭ҇ь врата̀ сїѡ́нѧ, па́че всѣ́хъ селе́нїй і҆а́кѡвлихъ**»[1]).

Тѣло мученика, влачимое по землѣ, разрывалось, земля обагрялась кровью; когда же они отошли на три поприща отъ города, палачъ обнажилъ мечъ, а святый молился Богу:

— Господи Іисусе Христе, пріими духъ мой!

И была отсѣчена глава мученика. Скончался святый Иларій въ 15 день мѣсяца іюля, на третій день по кончинѣ святаго Прокла. Тѣло святаго Иларія было брошено на томъ же мѣстѣ, гдѣ было обезглавлено. Вѣрующіе ночью пришли, взяли его и вмѣстѣ съ останками святаго Прокла положили въ землю, прославляя Христа Бога, со Отцемъ и Святымъ Духомъ славимаго во вѣки. Аминь.

Конда́къ, гла́съ д҃:

Ꙗ҆́кѡ денни́ца ѕвѣзда̀ возсїѧ̀ мч҃нкѡвъ про́кла и҆ і҆ла́рїа чⷭ҇тно́е страда́нїе, предъ҆ѡзарѧ́ющи на́съ чꙋде́съ свѣтлостьмѝ: тѣ́мже пра́зднꙋемъ па́мѧть ва́шꙋ, хрⷭ҇та̀ бг҃а моли́те, да сп҃се́тъ дꙋ́шы на́шѧ.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

МИХАИЛА МАЛЕИНА

Преподобный Михаилъ происходилъ изъ Харсіанской области въ Каппадокіи отъ знатнаго рода, въ мірѣ назывался Мануиломъ. Родственный ему императоръ Левъ Мудрый (ум. въ 912 году) удостоилъ его званія кандидата, и онъ служилъ въ Константинополѣ; по смерти этого императора Мануилъ ушелъ въ предѣлы Виѳинскіе[2]); имѣя 18 лѣтъ, онъ отдался подъ руководство старца

---

[1]) Псал. **86**, ст. 2.

[2]) *Виѳинія*—сѣверо-западная область Малой Азіи, лежащая по берегамъ Чернаго моря, Босфора и Константинопольскаго пролива. Страна эта извѣстна съ глубокой древности и свое названіе получила отъ Виѳиновъ, переселившихся въ нее изъ Ѳракіи. Виѳинія была живописна, плодородна и обильна скотомъ. Въ 546 г. до Р. Х. Виѳины подпали подъ власть Персовъ, но съ 327 г. Виѳинія опять стала самостоятельнымъ

Іоанна Еладита на горѣ Киминской, гдѣ и постриженъ съ именемъ Михаила. Послѣ великихъ подвиговъ иноческой жизни Михаилъ основалъ лавру на горѣ Киминской близъ рѣки Галла на юго-западѣ Виѳиніи. Около 953 года подъ его руководство поступилъ Авраамій, наименованный въ монашествѣ Аѳанасіемъ, впослѣдствіи основавшій знаменитую лавру на Аѳонѣ[1]). Онъ здѣсь провелъ около 6 лѣтъ. Преподобный Михаилъ скончался въ своей обители послѣ 50-тилѣтнихъ подвиговъ иноческой жизни въ 962 году. Господь еще при жизни прославилъ его многими знаменіями и чудесами. Онъ прозывается Малеиномъ по родовой фамиліи. Сестра его была матерію двухъ знаменитыхъ полководцевъ — Никифора и Льва. Никифоръ Фока сдѣлался царемъ вскорѣ послѣ кончины преподобнаго (въ 963 году). На средства сего царя преподобный Аѳанасій создалъ знаменитую лавру на Аѳонѣ. По имени преподобнаго Михаила (Малеина) названъ первый царь, родоначальникъ царствующаго нынѣ въ Россіи дома, Михаилъ Ѳеодоровичъ[2]).

Прп҃бный
Михаилъ

государствомъ; въ 75 г. до Р. Х. Виѳинія, по завѣщанію царя Никомида III, перешла къ Римлянамъ на правахъ самостоятельной провинціи, управляемой особымъ проконсуломъ. Христіанство въ Виѳиніи появилось во времена апостольскія (1-е Посланіе Ап. Петра, гл. 1, ст. 1). Во время Плинія Младшаго, правившаго Виѳиніею, и императора Траяна (98—117 гг.) здѣсь было очень много христіанъ не только въ городахъ, но и въ селахъ и деревняхъ. При Діоклетіанѣ (284—305 гг.) въ Виѳиніи было страшное гоненіе на христіанъ. Въ IV и V вѣкахъ Виѳинія была особенно замѣчательна въ церковномъ отношеніи: здѣсь было много церковныхъ Соборовъ по поводу различныхъ ересей.

1) См. житіе его подъ 5 числомъ настоящаго мѣсяца.

2) Въ *Ипатьевскомъ Костромскомъ монастырѣ* въ Троицкомъ соборѣ есть придѣлъ въ честь преп. Михаила Малеина, ради тезоименитства царя Михаила Ѳеодоровича, который и взятъ (въ 1613 г.) на царство изъ Ипатьевскаго монастыря. Икона преп. Михаила, находящаяся въ придѣлѣ его имени, прославилась чудотвореніями въ началѣ XIX столѣтія.

Конда́къ, гла́съ в҃:

Плотскꙋ́ю тѧготꙋ̀ оу҆тончи́лъ є҆сѝ дѣ́лы, дꙋше́внꙋю же бы́строcть впери́лъ є҆сѝ просвѣще́нїемъ, мїха́иле, и҆ ꙗ҆ви́лсѧ є҆сѝ тр҃цѣ жили́ще: ю҆́же зрѧ̀ бл҃же́нне ꙗ҆́снѡ, молѝ непреста́ннѡ ѡ҆ всѣ́хъ на́съ.

СТРАДАНІЕ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ

ГОЛИНДУХИ

Въ землѣ Персидской [1]) въ царствованіе Хозроя Старшаго [2]) жила нѣкая женщина, молодая и красивая, называемая персидскимъ именемъ Голиндуха; была она изъ знатнаго рода великихъ вельможъ, въ замужествѣ тоже—за извѣстнымъ начальникомъ волхвовъ [3]). Послѣ трехъ лѣтъ замужества она вразумлена была Божественнымъ просвѣщеніемъ и, начиная понимать заблужденіе персидскаго нечестія, искала,—какая вѣра есть истинная. Слыша о христіанской—чистой и нескверной вѣрѣ, она размышляла въ себѣ: эта ли вѣра есть истинная, или существуетъ еще иная какая? И желала Голиндуха быть наставленной въ ней и прійти къ познанію Истины. Она находилась въ такомъ размышленіи довольно продолжительное время, и вотъ, во снѣ въ одну ночь ей было такое видѣніе: она

---

1) Персія занимаетъ западную часть Иранской возвышенности. Современными границами ея являются: съ запада—Турція, съ востока—Афганистанъ и Белуджистанъ, съ юга—Индійскій океанъ и съ сѣвера—Закаспійская область. Основателемъ Персидской монархіи былъ *Киръ*, царствовавшій съ 558 по 529 г. до Р. Хр., извѣстный своими завоеваніями (онъ покорилъ почти всю западную Азію).

2) *Хозрой* (или точнѣе *Хосровъ*) съ персидскаго значитъ вообще царь. Это наименованіе обыкновенно прибавлялось къ собственному имени того или другого царя. Въ данномъ случаѣ разумѣется *Хозрой I Ануширванъ*, правившій съ 531 г. по 579 г.

3) Подъ именемъ *волхвовъ* въ древности разумѣлись люди мудрые, обладавшіе обширными знаніями о тайныхъ силахъ природы, свѣтилахъ небесныхъ. Они наблюдали явленія природы, толковали сны, предсказывали будущее; большею частью они были вмѣстѣ съ тѣмъ и жрецами и пользовались большимъ уваженіемъ при дворахъ царскихъ и въ народѣ. Волхвы перешли къ Персамъ отъ ассиро-вавилонянъ; у Персовъ сначала они встрѣтили сильный отпоръ со стороны туземныхъ жрецовъ. Но затѣмъ магизмъ привился у Персовъ, слившись съ мѣстнымъ жречествомъ; такъ что и самое слово *магъ*, или *волхвъ*, у Персовъ получило значеніе жреца или священника. Основатель религіи древнихъ жителей Ирана Зороастръ во многихъ древнихъ памятникахъ выставляется какъ глава и преобразователь класса маговъ, или волхвовъ.

увидѣла свѣтлаго Ангела Божія, который, взявши ее, повелъ къ какому-то темному и огненному мѣсту, полному великаго страха и ужаса, гдѣ было множество людей, которые подвергались мученію. Голиндуха спросила Ангела, ведшаго ее:

— Что это за ужасное мѣсто и кто это здѣсь мучится?

Ангелъ сказалъ ей:

— Это мѣсто казни грѣшныхъ и невѣрующихъ. Мучаются въ немъ и твои прародители, которые поклонялись идоламъ и ложнымъ персидскимъ богамъ.

Скорбѣла Голиндуха о гибели своихъ прародителей и тяжко вздыхала. Потомъ Ангелъ повелъ ее въ другое мѣсто, гдѣ былъ рай Божій и жилище праведныхъ, и показалъ ей чрезъ малую дверцу бывшій тамъ великій свѣтъ и въ немъ многихъ мужей и женъ, веселящихся въ неописанной радости; показавши это, Ангелъ вошелъ въ тѣ дверцы; захотѣла и она тоже пойти за Ангеломъ, но онъ не пустилъ ее, сказавши:

Ст҃аѧ мч҃нца Голиндуха

— Ты не можешь войти сюда, не будучи христіанкой: сюда никто не входитъ изъ не принявшихъ Святаго Крещенія Христова.

Тотчасъ со страхомъ проснулась Голиндуха, удивляясь видѣнному, и очень желала сдѣлаться христіанкой, возмущаясь персидскимъ нечестіемъ и волхвованіемъ своего мужа. Озабоченная мыслію, какъ бы сподобиться Святаго Крещенія, она стала со слезами молиться объ этомъ Истинному христіанскому Богу и скоро получила просимое; наставляемая и руководимая Ангеломъ Господнимъ, она тайно вышла изъ дома, пришла къ одному священнослужителю, находившемуся въ скрытомъ мѣстѣ; такъ Голиндуха была приведена безплотнымъ Ангеломъ къ ангелу во плоти, которымъ она была наставлена въ вѣрѣ и крещена; при Крещеніи дано было ей имя Марія.

По принятіи Крещенія она снова возвратилась въ домъ, но уже не повиновалась естественному супружескому закону, не желая быть оскверненной нечестивымъ мужемъ, такъ какъ была обручена невѣстой Христу; по наставленію духовнаго отца, крестившаго ее, Голиндуха пребывала въ постѣ и молитвѣ, посвящая ей цѣлыя ночи; она день проводила въ молчаніи, не желая бесѣдовать съ невѣрными, а мужу своему не позволяла и прикоснуться къ себѣ. Удивлялся мужъ происшедшей съ ней неожиданной перемѣнѣ и ея необычному поведенію, недоумѣвалъ, что это съ ней случилось, и безпокоился о ней. Но особенно жалѣлъ онъ о лишеніи плотскаго соединенія съ ней, ибо она совсѣмъ не желала общенія съ нимъ; и долго онъ старался сломить ея упорство то лаской и просьбой, то насиліемъ и побоями, но не могъ достигнуть цѣли, такъ какъ невѣста Христова была укрѣпляема невидимою силою Божіею, и мужъ былъ не въ состояніи одолѣть ея. Узнавши, наконецъ, что супруга его стала христіанкой, мужъ сталъ плакать о ней, какъ о погибшей, и всячески увѣщавалъ ее со слезами, чтобъ она отказалась отъ Христа и была бы съ нимъ по-прежнему въ супружескомъ общеніи; но не могъ поколебать ея, утвержденную, какъ столпъ непоколебимый, въ вѣрѣ и любви Христовой. Еще производилъ онъ надъ ней свои волхвованія, призывая на помощь бѣсовскую силу, но тоже ничуть не успѣлъ, ибо бѣсы не смѣли даже издали приблизиться къ ней, видя, что она осіявается благодатію Христовою. Тогда пошелъ онъ къ царю Хозрою и съ большимъ сожалѣніемъ повѣдалъ ему, что жена его сдѣлалась христіанкой и гнушается союза съ нимъ. Царь послалъ одного изъ своихъ приближенныхъ увѣщавать ее, но вельможа возвратился тоже ни съ чѣмъ. И не разъ, а много разъ было это: то знатныхъ мужей, то благородныхъ женъ посылалъ къ ней царь съ лаской и лестью, чтобъ она обратилась къ прежней вѣрѣ и вступила въ сожительство съ мужемъ, но весь трудъ ихъ былъ напраснымъ. Однажды царь послалъ сказать Голиндухѣ, что, если она откажется отъ христіанской вѣры и снова обратится къ персидской, то онъ возьметъ ее себѣ въ жены, и она будетъ царицей; но святая сказала пришедшимъ къ ней:

—Я спрошу васъ объ одной вещи, скажите мнѣ: вотъ, царь возьметъ меня себѣ въ жены; но не умретъ ли онъ,—останется ли живъ во вѣки? Если будетъ безсмертенъ, то я послушаюсь его.

— Невозможно человѣку быть безсмертнымъ,—отвѣчали пришедшіе: — царь—человѣкъ и безъ сомнѣнія умретъ.

Тогда святая сказала:

— Я не хочу соединиться со смертнымъ и недолговѣчнымъ царемъ, такъ какъ соединена съ Царемъ безсмертнымъ, во вѣки живущимъ, Христомъ Богомъ моимъ, за Котораго готова и страдать, и умереть.

Посланные, возвратившись, передали слова ея царю; онъ разгнѣвался, приказалъ заковать ее всю въ желѣзныя оковы и бросить въ темницу, чтобъ ее всѣ забыли такъ, какъ мертвую. И оставалась мученица въ темницѣ 18 лѣтъ. Между тѣмъ умеръ Хозрой, царь Персидскій, послѣ него сталъ царемъ сынъ его Ормисдасъ, а въ Греціи перемѣнились цари: Іустинъ Младшій[1]), Тиверій вторый[2]), а послѣ нихъ—святый Маврикій[3]). Въ это время пришелъ въ Персію отъ Грековъ посолъ, по имени Аристовулъ, мужъ честный, боголюбивый и богоугодный; онъ, услышавши о томъ, что въ темницѣ сидитъ Марія—Голиндуха, пожелалъ ее видѣть и получить отъ нея благословеніе. Онъ попросилъ царя Персидскаго нарочито, чтобы онъ позволилъ ему безпрепятственно приходить въ темницу; получивши разрѣшеніе, онъ пришелъ къ святой, облобызалъ ея узы, которыми она была окована за Христа, и даже нѣкоторую часть ихъ взялъ себѣ—какъ благословеніе. Проживая въ Персіи, мужъ этотъ часто приходилъ къ святой и научилъ ее Псалмамъ Давидовымъ, такъ что невѣста Христова, сидя въ темницѣ, какъ въ чертогѣ, воспѣвала ихъ и благодарила Бога.

По уходѣ Аристовула Ормисдасъ отдалъ святую Голиндуху волхвамъ на мученіе по ихъ желанію; они каждый день выводили ее изъ темницы, наносили ей множество ранъ и немилосердно мучили, но утромъ находили ее невредимой и здоровой. Однажды сосцы ея отъ ранъ совершенно распались, ибо ее сильно били и по животу и по груди; когда же утромъ ее вывели снова на мученіе, то сосцы и все тѣло оказались невредимыми; видя это, персы удивлялись и прославляли силу Христову, а многіе изъ нихъ даже перешли въ христіанскую вѣру. Волхвы же ярились, какъ звѣри, на агницу Христову и изобрѣтали все новыя муки: обожгли голову ея огнемъ; потомъ вложили Голиндуху въ мѣхъ, завязавши и запечатавши, и бросили въ глубокій ровъ, чтобъ она тамъ умерла. Но всесильной рукой Божіей, сохраняющей жизнь ея, она осталась живой, хотя

---

[1]) *Іустинъ II*—императоръ, правилъ въ 565—578 гг.

[2]) *Тиверій II*—императоръ, правилъ въ 578—582 гг.

[3]) *Маврикій*—императоръ, правилъ въ 582—602 гг.

многіе дни пребывала безъ пищи и питья, а можетъ быть, кормилась невидимой пищей и невидимымъ питіемъ. Богъ, гдѣ хочетъ, побѣждаетъ естественный порядокъ. Когда дѣйствіемъ сверхестественной силы мученица много дней оставалась живою, приказано было осквернить ее безстыднымъ людямъ. Для этого она введена была въ особую комнату; но когда они входили къ ней, то не находили ея, ибо Богъ содѣлалъ ее невидимой: не могли ихъ скверныя очи увидѣть чистую невѣсту Христову; когда же они ушли, снова она стала видима для слугъ мучителя и снова взяли ее на мученія,—на различныя страданія. Потомъ она брошена была на съѣденіе громадному и страшному змѣю, который содержался и кормился въ одной глубокой пропасти. Но Заградившій нѣкогда уста львамъ, чтобъ они не съѣли брошеннаго въ ровъ Даніила[1]), послалъ Ангела Своего, и онъ заградилъ уста змѣя, чтобъ тотъ не повредилъ и не прикоснулся къ многострадальному тѣлу святой мученицы; обуздалась лютость змѣя, и сталъ онъ кроткимъ предъ ней, какъ ягненокъ, лежалъ и отдыхалъ у ногъ ея, и оставалась святая въ пропасти со змѣемъ четыре мѣсяца: змѣю всѣ дни бросалась положенная пища, а мученица безъ пищи и питія оставалась живой, какъ и прежде, благодаря силѣ Божіей, чудесно сохраняющей ея жизнь. Потомъ, спустя много дней, она захотѣла ѣсть, и явился ей Ангелъ Божій и, творя крестное знаменіе, прикоснулся къ ея устамъ со словами:

— Отнынѣ ты не будешь чувствовать ни голода, ни жажды, а если что пожелаешь вкусить, какъ еще не безплотная, то это будетъ въ твоей волѣ.

Сказавши это, онъ вывелъ ее изъ той пещеры. Увидѣвши ее, нечестивые снова ее взяли, чрезвычайно удивляясь, какъ она была не съѣдена змѣемъ и какъ вышла изъ пещеры, и говорили, что она христіанскимъ волхвованіемъ околдовала змѣя, чтобъ онъ не съѣлъ ея, и что волхвованіемъ же вышла изъ рва. И снова утверждали:

— Какъ сильно христіанское волхвованіе,—оно превосходитъ даже персидское!

Царь же, узнавши о ней, что она жива, приказалъ мечомъ отсѣчь ей голову, но когда она была ведена на усѣченіе, Ангелъ Господень похитилъ ее изъ рукъ ведущихъ воиновъ и сохранилъ

---

[1]) Кн. Прор. Дан., гл. 6.

живой. Ушедшая мученица, оставаясь неизвѣстной для мучителей, пребывала между христіанами, которыхъ тогда было немного въ Персіи: они жили на малозамѣтныхъ мѣстахъ, какъ бы скрываясь, хотя о нихъ и знали невѣрные. По слову ангельскому, святая не испытывала ни голода, ни жажды, развѣ иногда только, желая показать, что она не призракъ, но имѣетъ тѣло, брала малый кусокъ хлѣба и, омочивши его въ водѣ, съѣдала; дѣлала же это не часто, а рѣдко—иногда чрезъ 10 дней, а то и больше. Спустя немного времени послѣ того, какъ мученица была сохранена отъ смерти, погибъ съ шумомъ нечестивый царь Персидскій Ормисдасъ, убитый своими приближенными, сдѣлался царемъ сынъ его Хозрой [1]), внукъ старшаго Хозроя, но противъ него возстали вельможи, и онъ убѣжалъ изъ Персіи. Размышлялъ онъ, куда ему направиться: въ Аравію ли, гдѣ уже были Сарацины, или въ греческія страны къ христіанамъ; недоумѣвая, куда держать путь, наконецъ рѣшилъ онъ пустить вожжи коня своего: въ какую сторону пойдетъ онъ, туда и направиться. Когда онъ достигъ того мѣста, гдѣ одинъ путь ведетъ въ Аравію, а другой—въ греческія страны, конь пошелъ путемъ греческимъ, и направился Хозрой со всѣми своими приближенными въ Греческую область, гдѣ и былъ съ честью и любезностью принятъ царемъ Греческимъ Маврикіемъ. Маврикій далъ Хозрою большую силу своего войска; съ нимъ Хозрой пошелъ въ Персію, побѣдилъ враговъ и снова взялъ престолъ свой. Наступили отрадные, свободные дни для христіанъ, жившихъ въ Персіи, ибо Хозрой считалъ Маврикія своимъ отцомъ и потому до его смерти не дѣлалъ зла христіанамъ. Съ Хозроемъ пришелъ въ Персію святый Дометіанъ, епископъ Мелитійскій, посланный Маврикіемъ. Онъ, какъ прежде Аристовулъ, собственными очами видѣлъ святую мученицу Марію, называемую по-персидски Голиндухой, но уже не въ оковахъ, а на свободѣ, проповѣдующей персамъ о Христѣ; онъ бесѣдовалъ съ ней, слышалъ о ея страданіяхъ—или изъ ея устъ непосредственно, или отъ другихъ—и, возвратившись въ Грецію, повѣдалъ о ней многимъ. По проповѣди Маріи, въ Персіи приняли святую вѣру ея родственники, и другіе знаменитые люди, и немало народа, ибо видѣли многія творимыя ею чудеса, въ томъ числѣ немало предсказаній о будущемъ и исполненіе ихъ, ибо она имѣла

[1]) *Хозрой II Парвезъ* правилъ съ 590 г. по 628 г.; онъ взялъ въ Іерусалимѣ Животворящее Древо Креста Господня въ 614 г., во время войны съ Греческимъ императоромъ Фокою. Древо Крестное было возвращено въ 628 г. преемникомъ Хозроя II-го Сироэсомъ, по заключеніи мира съ Греческимъ императоромъ Иракліемъ.

даръ прозорливости, проницая въ тайное и сокровенное; благодаря всему этому въ тѣхъ странахъ умножалась слава Христова. Послѣ этого святая отправилась въ предѣлы Греческой области, въ Киркисію и Дарію, посѣтила Іерусалимъ и здѣсь поклонилась Животворящему Древу Честнаго Креста, Гробу Господню и прочимъ святынямъ. Пришла она, между прочимъ, въ одинъ монастырь, гдѣ господствовала ересь злочестиваго Севира, утверждавшаго страданіе Божества и присоединявшаго поэтому къ «Трисвятому» такія слова: «Распныйся за насъ, помилуй насъ, Отецъ и Духъ Святый, вмѣстѣ съ Сыномъ страдавшіе на Крестѣ». Помолилась святая Богу, чтобъ Онъ открылъ ей объ этихъ севиріанахъ, слѣдуетъ ли принимать ихъ причащеніе или нѣтъ, и увидѣла Ангела, держащаго два потира[1]): одинъ—полный тьмы, а другой—исполненный свѣта, и открывающаго ей, что потиръ съ тьмой есть еретическое причащеніе, а со свѣтомъ—причащеніе Святой Соборной Каѳолической[2]) церкви. Поэтому святая пренебрегла общеніемъ съ еретиками и поспѣшила уйти оттуда. Руководимая Ангеломъ Божіимъ, проходила она и другія страны и города, посѣтила Іераполь Сирскій и въ немъ епископа Стефана, который впослѣдствіи написалъ ея житіе. Когда приблизилась блаженная кончина ея, она немного заболѣла въ церкви святаго мученика Сергія, которая находилась между Низивіей и городомъ, называемымъ Дарой, помолилась о спасеніи всего міра, возблагодарила Бога за великую Его милость, на ней явленную, и радостно предала свою святую душу въ руки Господа, Котораго такъ возлюбила и ради Котораго такъ много пострадала; она причтена была къ лику святыхъ мученицъ въ Царствѣ Небесномъ. Такъ святая мученица Марія, она же и Голиндуха, окончила свою земную жизнь о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки, аминь[3]).

Въ тотъ же день **память святыхъ** мучениковъ **Ѳеодора** варяга **и** сына его **Іоанна,** въ Кіевѣ убіенныхъ въ 983 г.

Въ тотъ же день **преставленіе преподобныхъ: Арсенія Новгородскаго** (въ 1570 г.) **и Симона Воломскаго** (въ 1641 г.).

---

1) *Потиръ*—чаша.

2) Т. е. Вселенской.

3) Св. мученица Голиндуха скончалась въ 591 г. По Константинопольскому типикону IX—X вв. житіе ея написалъ Евстратій, пресвитеръ великой Константинопольской Церкви—современникъ св. Патріарха Евтихія.

День тринадцатый

СОБОРЪ
СВЯТАГО АРХАНГЕЛА
ГАВРІИЛА

Благовѣстника нашего спасенія, великаго слугу Божіяго и радостнаго посланника къ Пречистой Дѣвѣ Маріи [1]), Архангела Гавріила мы восхваляемъ въ пѣснопѣніяхъ, составляя ему второй разъ праздничный Соборъ. Первый его Соборъ празднуется на другой день послѣ Благовѣщенія Пресвятой Богородицѣ, 26 марта, теперь же снова этотъ Соборъ празднуется въ Святой Церкви и снова его чудесныя, по Божіему повелѣнію, явленія воспоминаются и прославляются. Онъ Моисея, избѣжавшаго руки фараона, научилъ въ пустынѣ книжному писанію, сообщилъ ему о началѣ міра, созданіи перваго человѣка Адама, о жизни его и по немъ бывшихъ патріарховъ, о послѣдующихъ временахъ — о потопѣ и раздѣленіи языковъ; объяснилъ ему расположеніе небесныхъ планетъ и стихій, научилъ его ариѳметикѣ, геометріи и всякой премудрости. Онъ Пророку Даніилу объяснилъ чудесныя видѣнія о царяхъ и царствахъ, имѣющихъ быть впослѣдствіи и изображенныхъ ему въ видѣ раз-

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 1, ст. 26.

ныхъ звѣрей; сообщилъ ему о времени освобожденія людей Божіихъ изъ плѣна Вавилонскаго, а также и о времени перваго Пришествія въ міръ Христа чрезъ воплощеніе отъ Пресвятой Дѣвы[1]). Онъ явился святой праведной Аннѣ, которая въ своемъ саду скорбѣла о своемъ неплодіи и со слезами молилась Богу, и сказалъ ей:

— Анна, Анна! Твоя молитва услышана, воздыханія твои прошли облака, а слезы твои дошли до Бога: ты зачнешь и родишь благословенную Дочь, о Которой благословятся всѣ племена земныя, Ею дастся спасеніе міру, а получитъ Она имя Маріи.

Также святый Гавріилъ явился и праведному Іоакиму, постившемуся въ пустынѣ, и возвѣстилъ ему то же, что и святой Аннѣ: что они будутъ имѣть дочь, отъ вѣка избранную Матерію Мессіи, грядущаго для спасенія рода человѣческаго. Сей великій Архангелъ былъ приставленъ отъ Бога хранителемъ рожденной отъ неплодныхъ богоотроковицы Маріи и, когда Она была введена въ храмъ, питалъ Ее, ежедневно принося Ей пищу. Онъ же явился святому священнику Захаріи, стоящему на правой сторонѣ алтаря кадильнаго, возвѣстилъ ему разрѣшеніе отъ неплодства престарѣлой жены его Елисаветы и рожденіе святаго Іоанна Предтечи Господня, и, когда онъ не повѣрилъ, связалъ языкъ его нѣмотой до дня исполненія словъ его[2]). Этотъ же предстатель Божій, будучи посланъ Богомъ въ Назаретъ, явился Пресвятой Дѣвѣ, обрученной праведному Іосифу, и возвѣстилъ Ей зачатіе Сына Божія осѣненіемъ и дѣйствіемъ въ Ней Духа Святаго. Также явился онъ во снѣ и Іосифу, объяснивши ему, что отроковица осталась невинной, ибо Зачатое въ ней—отъ Духа Святаго[3]). А когда Господь нашъ родился въ Виѳлеемѣ, сей Ангелъ Господень Гавріилъ явился пастырямъ, стерегущимъ ночью стада свои, и сказалъ:

— Возвѣщаю вамъ великую радость, которая будетъ всѣмъ людямъ: ибо нынѣ родился вамъ въ городѣ Давидовомъ Спаситель, Который есть Христосъ Господь.

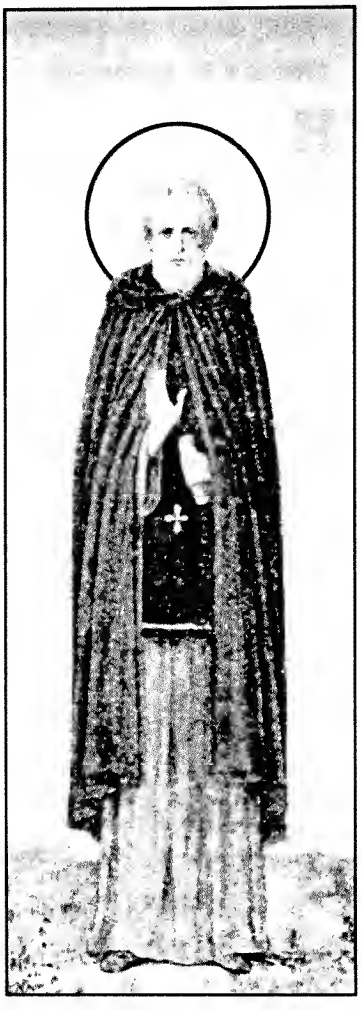
А затѣмъ тотчасъ со множествомъ Небесныхъ Воиновъ воспѣлъ: **сла́ва въ вы́шнихъ бг҃у, и҆ на землѝ ми́ръ въ человѣ́цѣхъ благоволе́нїе**[4]).

Полагаютъ, что этотъ Ангелъ явился съ Неба Христу Спасителю

---

1) Кн. Прор. Дан., гл. 8 и 9.
2) Еванг. отъ Луки, гл. 1, ст. 5—25.
3) Еванг. отъ Матѳ., гл. 1, ст. 18—21.
4) Еванг. отъ Луки, гл. 2, ст. 10—14.

передъ Его страданіями, когда Онъ молился въ саду, ибо имя Гавріилъ значитъ крѣпость Божія. Явившійся Гавріилъ укрѣплялъ Его, такъ какъ между другими служеніями имѣлъ и это—укрѣпленіе въ подвигахъ, а Господь нашъ тогда подвизался въ усердной молитвѣ[1]). Сей же Ангелъ явился мvроносицамъ сидящимъ на камнѣ у гроба, возвѣщая имъ о воскресеніи Господнемъ[2]): такимъ образомъ, будучи благовѣстникомъ зачатія и рождества Господа, онъ явился и благовѣстникомъ Его воскресенія. Онъ же явился и Пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ, горячо молившейся на горѣ Елеонской, возвѣстилъ Ей приближеніе Ея честна́го успенія и отъ земли на Небо переселенія, и далъ Ей свѣтлую райскую вѣтвь. Святая Церковь, воспоминая его многократныя явленія въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ и зная его постоянное ходатайство предъ Богомъ о родѣ христіанскомъ, нынѣ совершаетъ ему соборное празднованіе, чтобъ люди Божіи съ усердіемъ всегда и горячо прибѣгали къ заступничеству и помощи этого ходатая и благодѣтеля рода человѣческаго, и его молитвами получали оставленіе грѣховъ отъ Христа Господа Снасителя нашего[3]).



Прпⷣбный
стефа́нъ

Тропа́рь, гла́съ д҃:

Нб҃ныхъ во́инствъ а҆рхїстрати́же, мо́лимъ тѧ̀ при́снѡ мы̀, недосто́йнїи, да твои́ми мл҃твами ѡ҆гради́ши насъ кро́вомъ крилꙋ̀ невеще́ственныѧ твоеѧ̀ сла́вы, сохраня́ѧ на́съ, припа́дающихъ прилѣ́жнѡ и҆ вопїю́щихъ: ѿ бѣ́дъ и҆зба́ви на́съ, ꙗ҆́кѡ чинонача́льникъ вы́шнихъ си́лъ.

---

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 22, ст. 43; Посл. къ. Евр., гл. 5, ст. 7.

[2]) Еванг.: отъ Матѳ., гл. 28, отъ Марка, гл. 16, отъ Луки, гл. 24, отъ Іоан., гл. 20.

[3]) Настоящій праздникъ появился не позднѣе IX вѣка; поводомъ къ его установленію послужило, вѣроятно, освященіе храма въ Царьградѣ, созданнаго въ честь Архангела Гавріила.

Конда́къ, гла́съ в҃:

На нб҃есѣ́хъ зрѧ̀ бж҃їю сла́вꙋ, и҆ на земли̇̀ съ высоты̀ подаѧ̀ бл҃года́ть, нача́льниче а҆́гг҃лѡвъ мꙋ́дре гаврїи́ле, бж҃їѧ сла́вы слꙋжи́телю, и҆ мі́ра бж҃е́ственный побо́рниче, сп҃са́й, соблюда́й вопїю́щыѧ ти̇̀: са́мъ бꙋ́ди помо́щникъ, и҆ никто́же на ны̀.

И҆́нъ конда́къ, гла́съ в҃:

А҆рхїстрати́же бж҃їй, слꙋжи́телю бж҃е́ственнаѧ сла́вы, а҆́гг҃лѡвъ нача́льниче и҆ человѣ́кѡвъ наста́вниче, поле́зное на́мъ проси̇̀, и҆ ве́лїю мл҃ть, ꙗ҆́кѡ безпло́тныхъ а҆рхїстрати́гъ.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

СТЕФАНА САВВАИТА

Преподобный отецъ нашъ Стефанъ родился въ 725 году. Десятилѣтнимъ отрокомъ вступилъ онъ въ лавру святаго Саввы и до самой кончины, послѣдовавшей въ 794 году, святый Стефанъ проводилъ жизнь или въ этой обители, или въ ближней пустынѣ, почему онъ и названъ Савваитомъ. Святый Стефанъ совершилъ много знаменій и чудесъ, предузнавъ, между прочимъ, и свою кончину. Онъ не одно лице со Стефаномъ Савваитомъ, память котораго чтится 28 октября.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО

СЕРАПІОНА

Святый Серапіонъ жилъ во времена царя Севера[1]) и былъ мужъ благочестивый и добродѣтельный. Взятый княземъ Акилой и спрошенный о вѣрѣ, Серапіонъ исповѣдалъ себя христіани-

[1]) *Северъ*—императоръ, правилъ въ 193—211 гг.

номъ и смѣло прославлялъ Бога Истиннаго: поэтому и былъ подвергнутъ разнымъ мученіямъ, а затѣмъ брошенъ въ огонь и такимъ образомъ окончилъ жизнь[1]).

ЖИТІЕ СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ІУЛІАНА

Святый Іуліанъ (признаваемый нѣкоторыми за Симона прокаженнаго, упоминаемаго въ Евангеліи[2]) и перемѣнившаго въ Крещеніи имя Симона на Іуліана) былъ поставленъ во епископа верховнымъ Апостоломъ Петромъ и посланъ имъ въ Галлію на проповѣдь Слова Божія. Пришедши въ Кеноманійскій городъ[3]), онъ сталъ для него первымъ апостоломъ, какъ святый Діонисій Ареопагитъ для парисіанъ[4]): ибо въ одинъ годъ оба они полагали въ тѣхъ странахъ основаніе святой вѣрѣ и устрояли Церковь Христову, трудясь апостольски въ проповѣди и заботясь о спасеніи душъ человѣческихъ. Сначала невѣрнымъ кеноманянамъ новое ученіе, проповѣдуемое устами святаго Іуліана, служило для однихъ предметомъ соблазна, а для другихъ—посмѣянія и издѣвательствъ; но когда кеноманяне увидѣли чудеса, совершаемыя всесильнымъ Именемъ Христовымъ, то начали понемногу вѣрить ученію. Ибо руками проповѣдника объ Истинномъ Богѣ совершались многія чудеса: изгонялись бѣсы, очищались прокаженные, отверзались очи слѣпымъ и всякія болѣзни исцѣлялись,—свое ученіе о Богѣ святый Іуліанъ удостовѣрялъ чудесными дѣлами, призывая на болящихъ Имя Хри-

---

1) Въ мѣсяцесловѣ Василія говорится, что св. Серапіонъ послѣ исповѣданія Имени Христова былъ жестоко сѣченъ, строганъ по всему тѣлу и потомъ томимъ въ темницѣ голодомъ; исцѣленный Христомъ въ темницѣ и потомъ выведенный изъ нея совершенно здоровымъ, онъ привелъ этимъ всѣхъ въ удивленіе. Кончину его относятъ къ 205 г., мѣсто ея неизвѣстно.

2) Еванг. отъ Матѳ., гл. **26**, ст. 6.

3) *Кеноманія*—нынѣ Ле-Манъ во Франціи.

4) *Св. Діонисій Ареопагитъ*, членъ Аѳинскаго Ареопага, обращенный ко Христу проповѣдію Ап. Павла, которымъ и рукоположенъ во епископа Аѳинскаго; потомъ онъ былъ посланъ на проповѣдь въ 90 г. въ Галлію вмѣстѣ съ пресвитеромъ Рустикомъ и діакономъ Елевѳеріемъ и пострадалъ вмѣстѣ съ ними въ 96 г. при императорѣ Домиціанѣ. Память св. Діонисія Ареопагита—3 октября.

стово и осѣняя ихъ крестнымъ знаменіемъ. Врачуя такимъ образомъ тѣла ихъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, исцѣлялъ и души ихъ, проповѣдуя о Христѣ Іисусѣ и просвѣщая Святымъ Крещеніемъ. Сначала святый жилъ въ предмѣстьи города въ одномъ маленькомъ домѣ, и начали къ нему сюда приходить многіе: новообращенные—для наставленія, а невѣрующіе—за исцѣленіемъ отъ болѣзни, и здѣсь послѣдніе получали двойное исцѣленіе, становясь вѣрующими. Мѣсто, гдѣ жилъ святый, было безводно, такъ что приходящіе къ нему и остававшіеся у него терпѣли большую нужду въ водѣ, которую приносили издалека; поэтому человѣкъ Божій съ находившимися у него мужами вышелъ однажды въ одну близлежащую рощицу, водрузилъ здѣсь въ землю свой жезлъ и во всеуслышаніе помолился Богу:

— Господи Боже нашъ, источивый нѣкогда изъ твердаго камня воду жаждущимъ людямъ Твоимъ въ пустынѣ[1]), призри и на насъ, рабовъ Твоихъ, открой намъ сокровище Твоего благоутробія и повели изъ этой сухой земли истечь источнику живой (родниковой) воды, чтобъ всѣ предстоящіе познали, что Ты—Истинный Богъ, въ концѣ вѣковъ пославшій въ міръ Сына Твоего, чтобы ввести вѣрующихъ въ Тебя въ истинную обѣтованную землю.

Когда святый окончилъ молитву и вѣрующіе произнесли «аминь», тотчасъ изъ земли, гдѣ былъ воткнутъ жезлъ, истекъ источникъ воды, являя людямъ всемогущество силы Божіей и великую вѣру и дерзновеніе къ Богу святаго угодника. Тогда вѣрующіе укрѣпились въ вѣрѣ, а невѣрные припали къ ногамъ человѣка Божія и просили Крещенія. Водой этого источника и крестилъ ихъ святый угодникъ Божій; такъ день ото дня росла и множилась Церковь Христова. Когда святый епископъ Іуліанъ прославился своими чудесами, князь города того, по имени Дефенсоръ, пожелалъ видѣть его и послалъ пригласить его къ себѣ съ честью. Святый отправился къ князю; когда онъ приближался къ дому его, то замѣтилъ у воротъ слѣпаго, просящаго милостыню; почувствовавши къ нему жалость, онъ призвалъ Имя Іисуса Христа и, осѣнивши глаза его крестнымъ знаменіемъ, возвратилъ ему зрѣніе. Велика была радость прозрѣвшаго и велико удивленіе присутствующихъ при совершеніи чуда, о которомъ тотчасъ было сообщено князю. Князь же поторопился выйти навстрѣчу святому, желая посмотрѣть и на

[1]) Кн. Числ., гл. 20.

прозрѣвшаго; увидѣвши обоихъ—и слѣпца, и святаго, онъ поклонился Божіему проповѣднику, ввелъ его въ домъ и, упавъ ему въ ноги, смиренно сталъ просить, чтобъ онъ научилъ его—какъ получить жизнь вѣчную. Святитель Божій достаточно наставилъ апостольскою проповѣдью князя и его домашнихъ святой вѣрѣ, т. е. познанію Истиннаго Бога, и, назначивши постъ, приготовилъ ихъ къ Крещенію. А чрезъ нѣсколько дней князь со всѣмъ своимъ родомъ крестился и отдалъ святому свой домъ среди города для устройства въ немъ церкви, обезпечивъ самую церковь пожертвованіемъ соотвѣтствующихъ средствъ. По примѣру князя многіе изъ видныхъ гражданъ приняли святую вѣру и крестились, также сдѣлавъ значительныя пожертвованія святителю Божію. Онъ же устроилъ благолѣпную церковь, щедро украсилъ ее, и сюда сталъ собираться народъ, научаемый имъ вѣрѣ, просвѣщаемый Святымъ Крещеніемъ и утверждаемый чудесами, ибо святый Іуліанъ имѣлъ отъ Бога такую силу чудотворенія, что даже и мертвыхъ воскрешалъ.

Ст҃ый
Іꙋліа́нъ

Былъ въ городѣ одинъ знатный мужъ, по имени Анастасій, еще не принявшій святой вѣры и державшійся идолопоклонства: онъ имѣлъ любимаго сына, который тяжко заболѣлъ и умеръ. Отецъ, полный великой жалости и скорби по утраченномъ сынѣ, пришелъ къ святителю и, рыдая, взывалъ къ нему:

— Служитель Божій Іуліанъ, учащій о Христѣ какъ Богѣ Истинномъ, заклинаю тебя Христомъ-Богомъ, Котораго ты проповѣдуешь, возврати мнѣ сына моего!

Святый сказалъ:

— Анастасій, если ты увѣруешь въ Проповѣдуемаго мной, то получишь и сына живаго, и самъ наслѣдуешь жизнь вѣчную.

Анастасій далъ клятвенное обѣщаніе, говоря:

— Если получу живаго сына, то увѣрую во Христа Бога Истиннаго и отъ идоловъ совершенно откажусь.

Послѣ этого святитель, сопровождаемый своимъ клиромъ, пошелъ съ Анастасіемъ въ домъ его, гдѣ лежало мертвое тѣло отрока, и, увидѣвши многихъ плачущихъ и съ криками рыдающихъ, приказалъ имъ замолчать; всѣ стали смотрѣть на него, думая про себя, что̀ онъ хочетъ дѣлать съ мертвымъ тѣломъ? Чудотворецъ же, подошедши къ одру, взялъ руку мертваго и, поднявши глаза къ Небу, со слезами помолился, говоря:

— Господи Іисусе Христе, воскресившій сына вдовы, выносимаго для погребенія изъ города Наина[1]), и четырехдневнаго, уже разлагающагося, Лазаря словомъ силы Твоей воззвавшій[2]), повели, чтобъ и этотъ отрокъ воскресъ изъ мертвыхъ, ибо когда онъ воскреснетъ тѣломъ, многіе воскреснутъ душой, увѣровавши въ Тебя. Пусть познаютъ предстоящіе, что Ты—Христосъ, Сынъ Бога Живаго, совершившій спасеніе міра повелѣніемъ Отца, Которому чрезъ Тебя достойно воздаемъ благодареніе въ безконечные вѣки!

Клиръ произнесъ: «аминь», и тотчасъ отрокъ, какъ бы проснувшись отъ сна, всталъ живымъ и здоровымъ. Всѣ, увидѣвши это, ужаснулись и удивились чрезвычайно; неописанная радость была въ домѣ Анастасія, и всеобщими устами прославлялся Единый Истинный Богъ Іисусъ Христосъ. И крестились, увѣровавъ въ Него, Анастасій со всѣмъ домомъ своимъ, а также и всѣ видѣвшіе и слышавшіе это; спустя нѣкоторое время и другое такое же чудо совершилъ Христосъ Господь чрезъ Своего угодника Іуліана, во славу Своего пресвятаго Имени: однажды вышедши съ клиромъ изъ города, чтобъ, обойдя Кеноманійскую страну, привести къ спасенію погибающія человѣческія души, онъ увидѣлъ, какъ несли для погребенія на языческомъ кладбищѣ одного умершаго юношу, единственнаго сына нѣкоего вельможи, по имени Іовиніана, и много народа слѣдовало за мертвецомъ. Подошедши къ нимъ, святый епископъ приказалъ несущимъ остановиться и, давъ народу рукой знакъ замолчать, сказалъ громко отцу умершаго:

— Іовиніанъ, Христосъ, Котораго я проповѣдую, сдѣлавшійся человѣкомъ ради человѣковъ, воскрешалъ мертвыхъ, изгонялъ словомъ бѣсовъ и все, что желалъ, дѣлалъ, живя съ людьми, чтобъ показать силу Своего Божества. Если ты въ сего Бога, оставивши

---

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 7, ст. 11—16.

[2]) Еванг. отъ Іоан., гл. 11, ст. 43—44.

идоловъ, увѣруешь всѣмъ сердцемъ и обѣщаешь очиститься Святымъ Крещеніемъ, то возрадуешься и о своемъ спасеніи, и о воскресеніи сына!

Тогда Іовиніанъ и весь народъ, припавши къ ногамъ святаго, стали просить милости — воскресить умершаго. Со слезами говорилъ Іовиніанъ святому:

— Великій слуга Божій Іуліанъ, если единственнаго моего сына, который былъ утѣшеніемъ и радостью моей жизни, сдѣлаешь живымъ, то не только я увѣрую во Христа Истиннаго Бога, но и весь народъ сей, оставивши боговъ своихъ, приметъ съ усердіемъ вѣру, тобой проповѣдуемую!

Исполненный чудотворной благодати, святитель Божій преклонилъ колѣна, возвелъ очи къ Небу, поднялъ руки и во всеуслышаніе обратился къ Богу съ такой молитвой:

— Владыко всемогущій Іисусе Христе, Вездѣсущій, изволившій стать человѣкомъ ради нашего спасенія, съ людьми жившій и знаменіемъ креста Твоего изъ рода человѣческаго изгнавшій смерть, повели — да воскреснетъ этотъ юноша, чтобъ проявленіемъ столь великой Твоей силы утвердилась вѣра вѣрующихъ въ Тебя, сердца же невѣрующихъ покорились Тебѣ, Единородному Сыну Бога Живаго, Котораго мы исповѣдуемъ со Отцемъ и Святымъ Духомъ царствующимъ во вѣки вѣковъ!

Предстоящіе произнесли «аминь», и тотчасъ возсталъ мертвый съ одра, на коемъ несли его, и съ ужасомъ всѣ удивились новому чуду. Юноша же воскресшій началъ громко взывать:

— Воистину великъ Богъ христіанскій, Котораго проповѣдуетъ рабъ Его Іуліанъ!

А отцу своему сказалъ:

— Дѣйствительно, мы доселѣ заблуждались, не вѣдая Истиннаго Бога, ибо почитаемые нами боги суть бѣсы: я видѣлъ ихъ въ аду и смотрѣлъ, какъ они не имѣли покоя и непрестанно мучились въ лютыхъ мукахъ.

Тогда всѣ громкимъ голосомъ начали славить Христа Истиннаго Бога, увѣровали въ Него и, наученные святымъ епископомъ, приняли Крещеніе вмѣстѣ съ Іовиніаномъ и его сыномъ. Такъ добрый пастырь обрѣлъ заблудшихъ овецъ и пошелъ въ назначенный путь, сопровождаемый множествомъ народа, желавшаго наслаждаться его богодухновенными словами и видѣть его чудеса.

Когда святый Іуліанъ приблизился къ одному селенію, называемому Проиліакъ, день уже склонился, и позднимъ вечеромъ вошли они въ селеніе, желая тутъ отдохнуть. Въ этотъ часъ у господина селенія того умеръ маленькій сынъ; святый, услышавши въ домѣ томъ рыданіе, вошелъ сюда, вспомнивши слова Екклизіаста: «Лучше ходить въ домъ плача объ умершемъ, нежели ходить въ домъ пира»[1]). Ему дана была особая комната для сна, но онъ приказалъ принести ему мертваго отрока и, затворившись съ нимъ, пробылъ въ молитвѣ до восхожденія солнца. Молитвой его отрокъ воскресъ, возвращенъ былъ родителямъ живымъ и здоровымъ, и плачъ послѣднихъ обратился въ радость. Когда наступилъ день, прошелъ слухъ объ этомъ чудѣ по всему селенію, и всѣ сошлись сюда посмотрѣть воскресителя и воскресшаго. Увидѣвши чудотворца, многіе принесли къ нему своихъ больныхъ, а онъ, о всѣхъ молясь и всѣхъ благословляя, исцѣлялъ ихъ. Все село со своимъ господиномъ приняло святую вѣру во Христа и просвѣтилось Крещеніемъ. Родители же обѣщались Богу посвятить воскресшаго отрока и пожертвовать Церкви все селеніе, коего онъ былъ наслѣдникомъ, такъ чтобъ отрокъ, пришедши въ возрастъ, сдѣлался церковнослужителемъ, а селеніе пріобщено къ церковному имуществу. Когда святый шелъ отсюда и приблизился къ другому селенію, называемому Руиліакъ, что надъ рѣкой по имени Лида, его встрѣтили посланные отъ господина того селенія съ просьбой, чтобъ онъ поскорѣй пришелъ къ нимъ, такъ какъ единственная дочь господина, будучи бѣсноватой, сильно мучится отъ нечистаго духа, причиняя большую печаль и родителямъ, и родственникамъ. Святитель Христовъ пошелъ туда ускореннымъ шагомъ и, изгнавши изъ отроковицы бѣса, привелъ къ вѣрѣ Христовой родителей ея, находящихся же тамъ идоловъ уничтожилъ и создалъ церковь, и пробылъ здѣсь до тѣхъ поръ, пока все селеніе и его окрестности не были приведены къ Богу Святымъ Крещеніемъ. Потомъ онъ пошелъ оттуда въ селеніе, называемое Артинъ, въ которомъ было большое идольское капище, гдѣ находился знаменитый идолъ сквернаго языческаго бога, называемаго Юпитеромъ: въ идолѣ жилъ бѣсъ и прельщалъ заблуждающихся людей разными навожденіями. Жители сего селенія и его окрестностей, усердные служители бѣсовъ, услышавши, что христіанскій епископъ идетъ къ нимъ, собрались во множествѣ и не

[1]) Кн. Екклез., гл. 7, ст. 3.

хотѣли его пускать къ себѣ, такъ какъ боялись, чтобы онъ не сдѣлалъ съ ихъ идоломъ того, что дѣлалъ въ другихъ селеніяхъ, повергая ихъ въ прахъ. Когда же пришелъ къ нимъ святитель Божій, то они съ яростью начали кричать: одни говорили, что его нужно убить какъ разрушителя древнихъ отеческихъ обычаевъ, а другіе вопили, что его слѣдуетъ сжечь какъ волхва, обманщика и врага боговъ ихъ. Хотя сильно злобились на него, но никакого зла они не могли сдѣлать ему, такъ какъ десница Вышняго защищала его. Вооруженный броней и оружіемъ невидимой Божественной силы, онъ, какъ храбрый воинъ, смѣло прошелъ среди народнаго возмущенія, вошелъ въ идольское капище и, призвавши всесильное Имя Христово, повелѣлъ идолу пасть, а бѣсу выйти оттуда; и тотчасъ идолъ, павъ на землю, сокрушился въ прахъ, и бѣсъ явно вышелъ изъ него въ видѣ громаднаго и страшнаго змѣя, извергающаго пастью огонь, и устремился онъ на своихъ служителей, ибо много невѣрующаго народа вошло въ капище; змѣй началъ съ лютостью пожирать и уничтожать людей. Народъ, не имѣя возможности убѣжать отъ ярости и яда змѣя, сталъ взывать къ святому Іуліану о помощи, прося его избавить отъ такой бѣды. Служитель Божій простеръ свою руку къ змѣю и крестнымъ знаменіемъ, какъ бы желѣзною палицею, началъ бить и прогонять его и повелѣлъ видимому бѣсу перестать вредить людямъ и уйти въ бездну гибели; змѣй, выбѣжавши изъ капища, сталъ невидимъ. Послѣ этого народъ, познавши свое заблужденіе, воззвалъ къ святому:

— Рабъ Истиннаго Бога, спаси насъ, погибшихъ!

Святитель, довольно наставивши ихъ, всѣхъ пріобрѣлъ Христу, ибо тѣ люди съ усердіемъ приняли вѣру, крестились, капище то разорили, а вмѣсто него, по повелѣнію святителя, соорудили церковь во славу Христа Бога, и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ были идолы, уничтожили ихъ, и наступила великая радость въ странѣ той по случаю избавленія отъ идольскаго прельщенія. Такъ усердный пастырь обошелъ предѣлы своей паствы и привелъ словесныхъ овецъ на духовную ниву, исхитивши ихъ изъ пасти волчьей; развѣ что кое-гдѣ оставалась небольшая часть погибшихъ, не отвергшихся прежней прелести. Выше упомянутый князь Дефенсоръ, услышавши, какъ святитель Божій просвѣтилъ Кеноманійскую страну, творя благодатію Христовой многія чудеса, очень радовался и славилъ Бога. Потомъ онъ самъ пошелъ къ святителю и послѣ любезнаго при-

вѣтствія началъ его просить придти къ нему въ селеніе: у князя былъ прекрасный домъ и большое имѣніе. Послѣдній хотѣлъ, чтобы святитель здѣсь совершилъ духовное торжество по случаю побѣды надъ искорененнымъ идолослуженіемъ и присутствовалъ на праздничной трапезѣ—пусть во славу Божію всѣ возвеселятся, благодаря человѣколюбивую благостыню Господа. Угодникъ, ищущій вездѣ спасенія душъ человѣческихъ, не отказался исполнить просьбу князя и пошелъ въ селеніе его. На пути нашли они одного отрока, валявшагося на землѣ; громадный ужъ обвилъ его, связавши ноги, какъ веревкой, и все тѣло опоясавши кругомъ; увидя это, всѣ испугались. Человѣкъ же Божій Іуліанъ, подошедши ближе, помолился Богу, говоря:

— Господи Іисусе Христе, родъ человѣческій, лишившійся рая лестію змѣя, избавившій Твоимъ крестомъ, избави и это созданіе Твое отъ связавшаго его ужа, да уразумѣютъ предстоящіе, что Ты—Спаситель всѣхъ уповающихъ на Тебя!

И тотчасъ ужъ разорвался пополамъ и сталъ мертвымъ, отрокъ же освободился отъ него невредимымъ, и всѣ славили Бога. Когда приблизились къ селенію, въ которое шли, то много народу вышло имъ навстрѣчу; среди встрѣчавшихъ два бѣсноватыхъ возопили ко святому о помощи. Призвавши Имя Христово, святитель тотчасъ изгналъ нечистаго духа. Получившіе исцѣленіе и всѣ находившіеся тамъ увѣровали во Христа, святитель же Божій съ большой честью и любовію былъ принятъ въ селеніи, въ домѣ князя, и было великое торжество, не для тѣла только, но и для духа: ибо всѣ разсужденія присутствовавшихъ были о славѣ и силѣ Христовой и о погибели бѣсовъ, побѣжденныхъ и посрамленныхъ въ идолахъ. По окончаніи праздника, бывшаго во славу Божію, князь показалъ епископу всѣ свои сокровища, прося его взять что ему угодно, но святый не пожелалъ ничего взять, ибо не золото и серебро, но спасеніе душъ человѣческихъ служили для него самымъ цѣннымъ сокровищемъ. Святитель Божій достаточное время поучивши своими богодухновенными словами князя, весь домъ его и все селеніе, крестивши тѣхъ, которые оказались не крещенными, и утвердивши ихъ въ вѣрѣ, отошелъ въ свой городъ. Когда онъ входилъ въ городъ, узники, находившіеся въ темницѣ близъ воротъ города, увидѣвши въ оконце святаго, возопили къ нему громкимъ голосомъ, прося избавить отъ оковъ. Будучи милосерднымъ, чадолюбивый отецъ пожалѣлъ ихъ и, прежде чѣмъ идти домой, пошелъ къ судьямъ,

которымъ ввѣрено было управленіе городомъ, и сталъ просить ихъ, чтобы они ради его возвращенія отпустили узниковъ на свободу; но они по жестокосердію не уважили просьбы епископа, и онъ опечаленнымъ ушелъ отъ нихъ. Прежде всего святый пришелъ въ церковь и совершилъ здѣсь благодарственное моленіе Богу, помогшему ему души столь многихъ привести ко спасенію, потомъ вошелъ въ домъ, гдѣ ему предложена была трапеза, но онъ ничего не пожелалъ ѣсть, опечаленный участью узниковъ. Но Господь, творящій волю боящихся Его, послалъ Ангела Своего, который открылъ двери темницы, сокрушилъ всѣ оковы и отпустилъ на свободу узниковъ. Они, вышедши изъ темницы, черезъ весь городъ направились къ архіерейскому дому, и никто не препятствовалъ и ничего не говорилъ имъ, такъ какъ всѣ видѣли, что не человѣческой рукой, а Божіей силой они освобождены отъ оковъ и выпущены изъ темницы. Святитель Божій, увидѣвши ихъ, идущихъ къ нему, исполнился радости, пригласилъ ихъ раздѣлить его трапезу и, достаточно усладивъ ихъ тѣлеснымъ и духовнымъ празднованіемъ, отпустилъ каждаго идти по домамъ своимъ.

Святый епископъ Іуліанъ, управляя новопросвѣщенной церковью и духовной пищей питая новособранное стадо словесныхъ овецъ, пробылъ на своемъ престолѣ довольно времени и, апостольски трудясь въ благовѣстіи Христовомъ, будучи уже маститымъ старцемъ, приблизился къ честнóй своей кончинѣ, совершенно истребивши идолослуженіе и бѣсовское почитаніе въ странѣ Кеноманійской. За нѣсколько дней до кончины святитель ушелъ изъ города въ одно селеніе, принадлежащее Церкви, и здѣсь заболѣлъ. Въ городѣ узнали о его болѣзни, и собрались къ святителю клирики, благочестивые граждане и всѣ горѣвшіе къ нему любовью; святитель, поучивши ихъ нѣкоторое время, повелѣлъ по смерти его избрать ему преемникомъ пресвитера Туривія, трудившагося вмѣстѣ съ нимъ для спасенія душъ человѣческихъ. Послѣ этого, совершивши послѣднее цѣлованіе и преподавъ благословеніе мира, отдалъ въ руки Божіи свою святую душу. Не случилось при кончинѣ святаго быть князю,— въ это время онъ не былъ въ городѣ, но замедлилъ въ своемъ отдаленномъ селеніи, однако ему она стала извѣстной такимъ образомъ: въ тотъ день, когда преставился святый, князь обѣдалъ въ домѣ своемъ со своими друзьями, вдругъ открылись его духовныя очи, и онъ увидѣлъ, что святый Іуліанъ, облаченный въ святительскія одежды, съ тремя діаконами,

несущими свѣтильники, вошелъ къ нему и преподалъ благословеніе, а діаконы поставили свѣтильники на столѣ, и всѣ сейчасъ же исчезли. Увидавши это, князь обратился къ сидящимъ съ нимъ:

— Видите вы ту славу, какую я вижу?

Но тѣ сказали, что они ничего не видѣли; тогда князь пояснилъ:

— Не видѣли ли вы отца нашего Іуліана, явившаго намъ столько добраго и творившаго столько чудесъ? Вотъ, онъ сейчасъ съ тремя діаконами и тремя свѣтильниками вошелъ сюда, со свѣтлымъ и радостнымъ лицемъ благословилъ насъ и, оставивши у насъ свѣтильники, ушелъ: я думаю, что онъ преставился уже, ибо мы слышали, что онъ заболѣлъ.

Сказавши это, князь тотчасъ же всталъ и поспѣшно отправился въ городъ и въ то селеніе, гдѣ преставился святый; нашедши его умершимъ въ Господѣ, горько плакалъ. Такъ же и весь народъ проливалъ слезы о своемъ отцѣ и пастырѣ; положивши на колесницу его честныя мощи, повезли въ городъ. Когда подошли къ рѣкѣ, называемой Сартой, бывшей возлѣ города, весьма глубокой, которую нужно было переѣзжать на паромѣ, кони, везшіе колесницу съ тѣломъ святаго, вмѣсто того чтобъ взойти на паромъ, устремились прямо въ рѣку и, управляемые невидимой рукой, пошли по глубокой рѣкѣ какъ по мосту, не омочивши ногъ даже до колѣнъ. Такимъ образомъ они перешли на другой берегъ, и всѣ удивлялись и ужасались славному тому чуду: дивный чудотворецъ святый Іуліанъ не только при жизни, но и по смерти творилъ чудеса. Когда тѣло его несли торжественно въ городъ и всѣ устремлялись навстрѣчу, одна женщина мыла своего младенца въ мѣдномъ тазу, подъ который подложила небольшой огонь, чтобъ согрѣть воду: увидѣвши тѣло святаго и множество народа со свѣчами, кадилами и слыша пѣснопѣніе, забыла о своемъ младенцѣ и, оставивши его, вышла посмотрѣть торжественное провожденіе честнаго тѣла угодника Божія; она стояла и глядѣла, пока не миновали дома. Потомъ, вспомнивши о дитяти, поспѣшила возвратиться и увидѣла огонь сильно разгорѣвшимся, а вода въ тазу обратилась въ кипятокъ; отъ ужаса закричала она, быстро сняла съ огня тазъ и вылила горячую воду, но дитя она нашла живымъ, здоровымъ и нисколько не поврежденнымъ отъ кипятка. Это чудо увидали многіе тамъ случившіеся и поняли, что младенецъ былъ сохраненъ по молитвамъ святаго угодника. Погребенъ былъ святитель Христовъ Іуліанъ въ построенной имъ церкви на мѣстѣ,

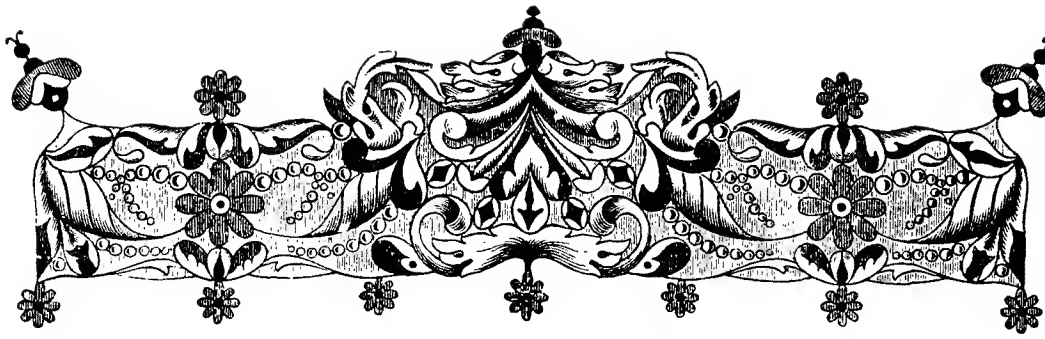
гдѣ прежде былъ княжескій домъ, подаренный святому, и при гробѣ его совершалось много чудесъ: во всякихъ болѣзняхъ подавались исцѣленія молитвами сего святаго, благодатію Господа нашего Іисуса Христа, Которому со Отцемъ и Духомъ Святымъ честь и слава во вѣки вѣковъ, аминь.

СТРАДАНІЕ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

МАРКІАНА

Святый мученикъ Маркіанъ еще въ юношескомъ возрастѣ былъ схваченъ и подвергнутъ мученіямъ въ городѣ Иконіи, а потомъ привели его (въ Каппадокію) къ правителю Перенію. Онъ мужественно обличилъ послѣдняго въ языческомъ нечестіи, а Христа исповѣдалъ Богомъ и Владыкою. За это его стали строгать по костямъ и щекамъ; затѣмъ мучитель, раздраженный обличительными словами страдальца, не удовольствовался этими мученіями, а повелѣлъ еще положить его на раскаленную сковороду и послѣ сего—изрѣзать ему языкъ. Когда все это было исполнено и святой мученикъ остался твердымъ въ вѣрѣ и продолжалъ исповѣдовать Христа, то правитель приговорилъ его къ усѣченію мечомъ. Послѣ сего воины взяли святаго Маркіана и въ то время, когда онъ молился и благодарилъ Бога, отсѣкли ему голову[1]).

[1]) Кончина *святаго мученика Маркіана* послѣдовала въ Каппадокіи около 258 года.



День четырнадцатый

ПАМЯТЬ
СВЯТАГО АПОСТОЛА
АКИЛЫ

Святый апостолъ Акила, одинъ изъ семидесяти, былъ ученикомъ святаго Апостола Павла[1]) и имъ былъ поставленъ во епископа. Родомъ онъ былъ еврей изъ Понтійской страны[2]); до обращенія въ христіанство жилъ вмѣстѣ съ женой своей Прискиллой въ Италіи; когда же кесарь Клавдій[3]) повелѣлъ Евреямъ выселиться изъ Рима[4]), Акила съ супругой ушелъ въ Коринѳъ[5]). Причина же выселенія Евреевъ изъ Рима была слѣдующая: когда въ Римѣ началось благовѣстіе Христово и сюда прибылъ святый верховный Апостолъ Петръ[6]), многіе изъ жившихъ въ Римѣ іудеевъ приняли святую вѣру во Христа, но многіе оставались въ невѣріи; поэтому

---

[1]) Память его — 29 іюня.

[2]) *Понтійская страна*, или *Понтъ*, — сѣверо-восточная область Малой Азіи при Черномъ морѣ.

[3]) *Клавдій* — Римскій императоръ, правилъ въ 41—54 гг.

[4]) *Римъ* — главный городъ Италіи, лежитъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Тибра, при впаденіи ея въ море.

[5]) *Коринѳъ* — древнѣйшій, знаменитый и торговый городъ Ахаіи, области Греціи; начало христіанства въ немъ положено св. Ап. Павломъ во время его 2-го апостольскаго путешествія. (Дѣян., гл. 18). Существуютъ два Посланія, написанныя св. Ап. Павломъ къ Коринѳянамъ.

[6]) Память его — 29 іюня.

возникъ между іудеями большой споръ: одни признавали Христа истиннымъ Мессіей, другіе отвергали Его и хулили. Невѣрующіе іудеи, какъ въ Іерусалимѣ и другихъ странахъ, такъ и въ Римѣ, со злобой возстали на вѣрующихъ: не вынося даже имени Іисуса Христа, они вооружали противъ вѣрующихъ въ Него еллиновъ и вездѣ возбуждали на нихъ гоненіе. Тѣ изъ еллиновъ, которые обратились ко Христу, защищали вѣрующихъ евреевъ отъ невѣрующихъ и возникали между ними большія споры и вражда, о чемъ и довели до свѣдѣнія кесаря Клавдія. Такъ какъ вѣрующими Господь Христосъ назывался Сыномъ Божіимъ и Царемъ Израильскимъ, то кесарь опасался, чтобъ не возникло какого-нибудь смущенія въ народѣ и не появился какой-нибудь новый царь, желающій отнять отъ него власть. Поэтому и приказано было всѣхъ евреевъ, и вѣрующихъ во Христа и невѣрующихъ, изгнать изъ Рима и всей Италіи. Была еще и другая причина этого изгнанія, именно: невѣрующіе іудеи совратили въ іудейство царицу Агриппину, жену Клавдія. Вмѣстѣ съ изгоняемыми іудеями былъ изгнанъ и Акила — какъ еврей; поселился онъ въ Коринѳѣ и питался здѣсь трудами рукъ своихъ, владѣя мастерствомъ скинотворца, или дѣлателя палатокъ. Въ это время святый Апостолъ Павелъ, проповѣдуя Христа между язычниками, пришелъ изъ Аѳинъ въ Коринѳъ, главный городъ Ахаіи, и, нашедши здѣсь Акилу съ Прискиллой, остановился у нихъ; такъ какъ они знали одно мастерство, то вмѣстѣ и занимались имъ. Научивши Акилу и Прискиллу вѣрѣ во Христа, Павелъ крестилъ ихъ [1]). Пробывши въ Коринѳѣ годъ и шесть мѣсяцевъ, уча слову Божію и побѣждая при содѣйствіи Христовомъ іудеевъ и язычниковъ, Павелъ отплылъ въ Сирію; за нимъ, какъ за сво-

Ст҃ый а҆плъ
а҆кѵ́ла

[1]) Дѣян. Ап., гл. 18, ст. 1—3.

имъ учителемъ и виновникомъ спасенія, послѣдовали Акила и Прискилла, сильно привязавшись къ нему духовной любовью. Съ ними и другими своими послѣдователями Павелъ присталъ въ Ефесѣ[1]). Затѣмъ, желая на приближающійся праздникъ Пасхи быть въ Іерусалимѣ, онъ Акилу съ Прискиллой оставилъ въ Ефесѣ для наставленія ефесянъ въ святой вѣрѣ Христовой, а самъ отправился въ Іерусалимъ[2]), обѣщаясь опять возвратиться въ Ефесъ. Послѣ отшествія Павла прибылъ въ Ефесъ еврей Аполлосъ, родомъ изъ Александріи, мужъ краснорѣчивый и сильный въ книжномъ ученіи; онъ былъ оглашенъ въ пути Господнемъ, горячо проповѣдовалъ и училъ о Господѣ, но крещенія во святую Троицу еще не принималъ, зная только крещеніе Іоанново. Акила и Прискилла, услышавши въ собраніи смѣлую проповѣдь Аполлоса, пригласили его къ себѣ и болѣе опредѣленно разъяснили ему путь Господень[3]). Послѣ этого святый Павелъ возвратился изъ Іерусалима въ Ефесъ и отсюда написалъ первое свое Посланіе вѣровавшимъ во Христа Коринѳянамъ, оканчивая его такими словами:

«Привѣтствуютъ васъ усердно Акила и Прискилла съ домашней ихъ церковью»[4]),—то есть со слугами своими.

Послѣ этого умеръ царь Клавдій, и Евреямъ снова возвращена была свобода жить въ Римѣ. Каждый изъ нихъ возвращался въ Италію на прежнее свое мѣсто, къ своему имѣнію, тогда и Акила съ Прискиллой возвратились въ Римъ. Когда святый Павелъ пришелъ снова въ Коринѳъ и писалъ оттуда Посланіе къ Римлянамъ, то не забылъ въ немъ послать привѣтствіе своимъ любезнымъ ученикамъ, говоря въ послѣдней главѣ такъ:

«Привѣтствуйте Прискиллу и Акилу, сотрудниковъ моихъ во Христѣ Іисусѣ, которые голову свою положили за мою душу, которыхъ не я одинъ благодарю, но и всѣ церкви изъ язычниковъ»[5]).

---

1) *Ефесъ*—приморскій торговый и главный городъ малоазійской провинціи Іонін. Ефесъ потомъ былъ центромъ дѣятельности св. Іоанна Богослова; здѣсь въ 431 году былъ III Вселенскій Соборъ; нынѣ Ефесъ — бѣдная турецкая деревня Аясалукъ.—Дѣян., гл. 18, ст. 18—21.

2) *Іерусалимъ* — главный городъ Палестины, нынѣ областной городъ Дамасскаго вилайета (генералъ-губернаторства) въ Сиріи (въ Турецкой имперіи) у ручья Кедрона на склонахъ трехъ отроговъ іудейскихъ горъ Акра, Сіонъ и Моріа. Іерусалимъ дорогъ каждому христіанину какъ центръ великихъ событій Ветхозавѣтной и Новозавѣтной исторіи,—какъ матерь Церквей христіанскихъ, откуда слово благовѣстія пронеслось по всей Вселенной.

3) Дѣян., гл. 18, ст. 24—28.

4) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 15, ст. 19.

5) Посл. къ Римлян., гл. 16, ст. 3—4.

Въ Римѣ святый Акила былъ недолгое время и съ женою своею пошелъ снова въ Асію[1]), будучи назначенъ епископомъ и посланъ туда своимъ учителемъ Апостоломъ Павломъ на проповѣдь Слова Божія. Пришедши въ Ефесъ, онъ помогалъ въ трудахъ святому апостолу Тимоѳею, ученику Апостола Павла[2]), поставившаго его епископомъ для ефесянъ и оставившаго его здѣсь, какъ онъ говоритъ въ первомъ своемъ Посланіи къ нему, писанномъ изъ Лаодикіи: «Отходя въ Македонію, я просилъ тебя пребыть въ Ефесѣ»[3]).

Впослѣдствіи, когда святый Апостолъ Павелъ, будучи гонимъ іерусалимскими іудеями, былъ приведенъ связанный въ оковахъ въ Римъ и писалъ отсюда второе Посланіе къ Тимоѳею въ Ефесъ, то снова вспомнилъ объ этихъ возлюбленныхъ своихъ ученикахъ, говоря: «Привѣтствуй Прискиллу и Акилу[4])».

Святый Акила, проповѣдуя Христа въ Асіи, Ахеи и Иракліи, привелъ ко спасенію великое множество душъ человѣческихъ, обративши язычниковъ отъ идольскаго служенія и крестивши. Проходилъ онъ и по другимъ странамъ, проповѣдуя вездѣ Царство Божіе, просвѣщая святой вѣрой, сокрушая идоловъ, воздвигая церкви и поставляя священниковъ. Претерпѣвши немало напастей, онъ былъ убитъ невѣрными[5]) и обрѣлъ покой на Небѣ съ прочими святыми Апостолами по благодати Господа нашего Іисуса Христа, Которому возсылается слава во вѣки. Аминь.

Кондакъ, гласъ д҃:

Акѡ ве́лїе со́лнце, цр҃ковь тѧ̀ стѧжа́вши, сла́вне а҆ку́ло, свѣтлостьмѝ оу҆че́нїѧ твоегѡ̀ просвѣща́етъ вѣ́рнѡ чтꙋ́щыѧ тѧ̀, гдⷭ҇ень а҆пⷭ҇ле.

---

[1]) Т. е. западную часть Малой Азіи.

[2]) *Св. Тимоѳей* былъ сыномъ іудеянки (принявшей христіанство) и язычника и самъ искренній христіанинъ, одобряемый братіями; съ его согласія св. Ап. Павелъ обрѣзалъ его «*ради іудеевъ*», такъ какъ они ни за что не рѣшились бы слушать Слово Божіе отъ необрѣзаннаго, отецъ котораго притомъ былъ язычникомъ (Дѣян., гл. 16. стр. 1—3).

[3]) 1 Посл. къ Тим., гл. 1, ст. 3.

[4]) 2 Посл. къ Тим., гл. 4. ст. 19.

[5]) По преданію, вмѣстѣ съ женою своею, раздѣлявшею съ нимъ труды апостольскаго служенія въ проповѣданіи Слова Божія. Большая часть мощей святыхъ Акилы и Прискиллы находится въ Римѣ въ церкви св. мученицы Прнски. Память св. Прискиллы — 13 февраля.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

ЕЛЛІЯ

Преподобный Еллій въ египетскихъ пустыняхъ прославился среди монаховъ постническими подвигами и угодилъ Богу добродѣтельною жизнью. Съ дѣтства онъ отданъ былъ въ монастырь на служеніе Господу, воспитанъ въ воздержаніи и цѣломудріи, наученъ кротости и смиренію и сподобился благодати Божіей, получивши съ юности даръ чудотворенія. Такъ, когда его, еще отрока, посылали принести огня, онъ бралъ горящій уголь въ одежду и приносилъ его старцу, не опаливши послѣдней. Братія, видѣвши это, удивлялись чуду и желали подражать дивной жизни отрока, превосходившаго по святости старшихъ. Однажды блаженный Еллій, ходя одинъ въ пустынѣ, пожелалъ съѣсть меду и увидѣлъ сотъ, наполненный медомъ и лежавшій на камнѣ; догадавшись, что то было вражеское коварство, онъ сталъ себя укорять, говоря:

— Отойди отъ меня искусительное вожделѣніе, ибо написано: «**дꙋ́хомъ ходи́те и҆ по́хоти плотскі́ѧ не соверша́йте**»[1]).

Сейчасъ же онъ ушелъ съ того мѣста и, удалившись въ глухую пустыню, пребывалъ въ постѣ, изнуряя и какъ бы казня за невоздержаніе свое тѣло лишеніемъ пищи. Въ третью недѣлю своего пощенія увидѣлъ онъ на землѣ въ пустынѣ красивыя яблоки и другіе садовые плоды и, опять догадавшись, что это вражеское искушеніе, сказалъ:

— Не вкушу и даже не прикоснусь ни къ чему изъ этого, чтобы не соблазнить брата моего, то есть душу мою, ибо написано: «**не ѡ҆ хлѣ́бѣ є҆ди́номъ жи́въ бꙋ́детъ человѣ́къ, но ѡ҆ всѧ́комъ глаго́лѣ и҆сходѧ́щемъ и҆з̾ꙋ́стъ бж҃їихъ**»[2]).

Пропостившись четвертую недѣлю, онъ немного заснулъ и увидалъ представшаго ему въ видѣніи Ангела Божія, сказавшаго:

— Встань и, что найдешь изъ предложеннаго тебѣ, вкуси безъ всякаго сомнѣнія, и подкрѣпись!

---

1) Посл. къ Галат., гл. 5, ст. 16.

2) Кн. Второзак., гл. 8, ст. 3 и Еванг. отъ Матѳ., гл. 4, ст. 4.

Прп҃бный
е҃ллїй

Проснувшись, онъ увидѣлъ источникъ родниковой воды и кругомъ какую-то зелень съ хорошимъ запахомъ и весьма вкусную для ѣды; онъ съѣлъ той зелени, выпилъ изъ источника и подкрѣпился тѣломъ. Впослѣдствіи онъ говорилъ братіи, что онъ никогда во всю жизнь не вкушалъ съ такою сладостію пищи. Прошедши немного отъ того мѣста, онъ нашелъ пещеру и поселился здѣсь, пробывши въ ней нѣкоторое время. Когда же его тѣлесная природа требовала пищи, онъ на камняхъ молился Богу, и тотчасъ невидимой рукой ему приносились чистый свѣжій хлѣбъ, масличныя ягоды и разная овощь.

Въ одно время преподобный отправился посѣтить въ пустыни братію, имѣвшую нужду въ необходимомъ, и понесъ имъ пищу изъ того, что ему посылалось Богомъ. Будучи въ пути и чувствуя утомленіе отъ тяжести ноши, онъ увидѣлъ ословъ, ходившихъ и пасшихся въ пустынѣ, и обратился къ нимъ, говоря:

— Во Имя Господа нашего Іисуса Христа пусть одинъ придетъ сюда и понесетъ мою ношу!

Тотчасъ одинъ оселъ, сильнѣйшій изъ стада, кротко подошелъ къ нему, святый же положилъ на него свою ношу, самъ сѣлъ и скоро достигъ жилища находившихся въ пустынѣ братій, обрадовавши ихъ принесенной пищей, а осла отпустилъ въ пустыню. Въ другой разъ онъ тоже пришелъ въ одинъ пустынный монастырь рано въ воскресенье и, узнавши, что тамъ въ церкви не совершается службы, спросилъ, по какой причинѣ день Господень остается безъ Богослуженія? Братія отвѣтили, что священникъ, живущій на другомъ берегу рѣки, не пришелъ, боясь крокодила, появившагося въ рѣкѣ и уже пожравшаго многихъ людей. Святый сказалъ имъ:

— Если хотите, то я пойду и призову священника.

Но братія отвѣтили:

— Нѣтъ! Да и кто тебя перевезетъ на ту сторону: всѣ боятся изъ-за крокодила и приближаться къ перевозу!

Но святый Еллій, уповая на Бога, пошелъ и, когда былъ на берегу рѣки, призвалъ Имя Господне, и тотчасъ появился крокодилъ. Тотъ, который привыкъ губить людей, по Божьему повелѣнію сдѣлался перевозчикомъ праведному: съ кротостью и страхомъ онъ взялъ святаго себѣ на хребетъ, перевезъ черезъ рѣку и поставилъ на другомъ берегу. Преподобный, дошедши до жилища священника, сталъ просить его придти къ братіямъ, но пресвитеръ, не зная его, спросилъ:

— Кто ты и откуда?

Онъ отвѣтилъ, что только недавно пришелъ въ монастырь. Пресвитеръ, хотя видѣлъ ветхую и заплатанную одежду блаженнаго, но по словамъ и благонравію узналъ въ немъ Божьяго человѣка и сказалъ:

— Братъ, ты имѣешь плохую тѣлесную одежду, зато добрую душевную!

Затѣмъ онъ всталъ и пошелъ къ обители. Когда они пришли къ рѣкѣ и не нашли, на чемъ можно было переѣхать рѣку, преподобный сказалъ пресвитеру:

— Не безпокойся, отче! Богъ намъ приготовитъ ладью!

И громкимъ голосомъ призвалъ къ себѣ крокодила; послѣдній, услышавши голосъ святаго, тотчасъ явился къ нимъ и кротко подставилъ свой хребетъ, чтобъ они взошли на него. Сначала преподобный взошелъ на спину крокодила, потомъ пригласилъ пресвитера, сказавъ:

— Взойди, отецъ, не бойся!

Но пресвитеръ, увидавши крокодила, испугался и побѣжалъ назадъ. Братія же стояли на другомъ берегу и смотрѣли на то чудо, какъ человѣкъ Божій переправлялся черезъ рѣку на крокодилѣ, и со страхомъ удивлялись этому. Преподобный, переплывши рѣку, вышедши на берегъ и извлекши за собой крокодила, сказалъ ему:

— Тебѣ лучше умереть самому, чѣмъ уничтожать людей и съѣдать ихъ!

И тотчасъ крокодилъ палъ и издохъ.

Еллій святый пробылъ въ монастырѣ три дня, поучая братію богодухновенными словами; будучи самъ прозорливымъ, онъ зналъ помышленія всякаго и совѣсть каждаго брата и каждому особо говорилъ, кто чѣмъ искушается. Одному говорилъ, что онъ раз-

жигается духомъ нечистоты, другому, что онъ разжигается гнѣвомъ, иному, что онъ плѣняется лакомствами, иному, что другой какой-либо страстію обуревается. Также на пользу всѣхъ обнаруживалъ добродѣтели другихъ иноковъ, одного называя кроткимъ, другого праведнымъ, иного терпѣливымъ, иного послушнымъ, иного имѣющимъ какую-либо другую добродѣтель; жизнь всѣхъ и всѣ тайныя дѣла, добрыя и злыя, ему были открыты Богомъ. Всякій изъ одолѣваемыхъ страстями говорилъ о себѣ, что вѣрно то, что объявлялъ Еллій, и всѣ умилялись сердцемъ, исправляя жизнь свою. Однажды во время духовной бесѣды преподобный отецъ сказалъ:

— Приготовьте трапезу, ибо странствующія братія сейчасъ придутъ сюда!

И дѣйствительно, когда была приготовлена трапеза, какъ сказалъ святый, пришли въ монастырь издалека путешествующіе братія; съ честью принявши ихъ, святый Еллій ушелъ въ пустыню. Одинъ изъ юныхъ братій сталъ просить его, чтобъ онъ позволилъ ему съ нимъ идти въ пустыню, и сказалъ ему святый:

— Тяжелое это дѣло, братъ, и требуетъ большаго труда, ибо нужно крѣпко стоять противъ діавольскихъ искушеній и многое терпѣть.

Но братъ обѣщалъ все перенесть, и святый, принявши его, повелѣлъ жить въ другой пещерѣ. И въ наступившую ночь напали на него бѣсы сначала невидимо, смущая умъ его скверными помыслами, а затѣмъ видимо — какъ страшныя видѣнія устремились на него и давили, желая умертвить. Онъ, выбѣжавши изъ пещеры, поспѣшилъ къ святому и разсказалъ ему о своемъ несчастьи. Старецъ, утѣшивши брата немногими словами и утвердивши его въ терпѣніи и вѣрѣ, снова отвелъ его въ ту же пещеру, очертилъ пальцемъ мѣсто поселенія и, оградивъ его крестнымъ знаменіемъ, повелѣлъ вооружиться Именемъ Господнимъ и не бояться. И жилъ братъ въ пустынѣ той уже не вредимый бѣсовскими нашествіями и сподобился пищи, невидимой рукой приносимой, какъ его преподобный наставникъ, котораго питалъ Самъ Богъ. Святый Еллій достигъ глубокой старости, совершилъ многія чудеса и преставился Богу, Которому угодилъ и былъ причтенъ къ лику преподобныхъ, предстоящихъ на Небѣ Престолу Отца, Сына и Святаго Духа — Единаго въ Троицѣ Бога, Ему же слава нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ [1]). Аминь.

---

[1]) *Преп. Еллій* скончался въ IV вѣкѣ.

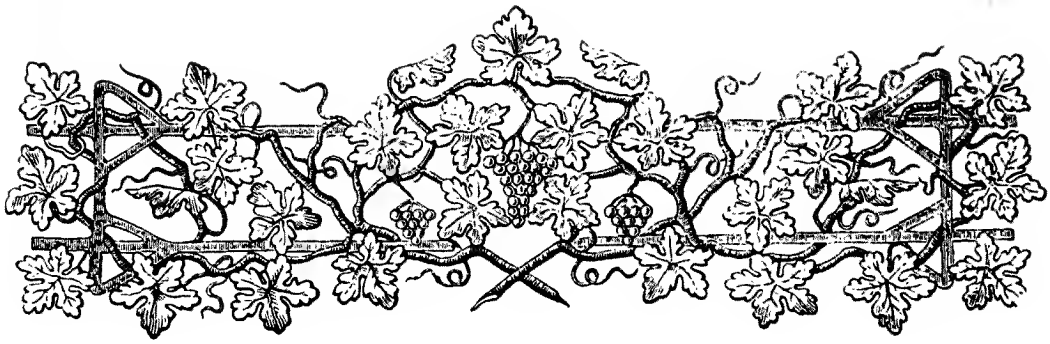
ПАМЯТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ІУСТА

Святый Іустъ, родомъ римлянинъ, былъ воинъ. Ему было чудесное видѣніе: на воздухѣ явился кристалловидный крестъ. Іустъ увѣровалъ во Христа и раздалъ все свое имѣніе нищимъ. По приказу игемона Магненція онъ былъ схваченъ, претерпѣлъ многія мученія, послѣ которыхъ преданъ былъ огню и скончался даже безъ поврежденія волосъ.

Въ тотъ же день **память преподобномученика Онисима** чудотворца, страдавшаго при Діоклетіанѣ и скончавшагося въ Малой Азіи, въ Магнезіи.

Въ тотъ же день **преставленіе преподобнаго Стефана Махрищскаго** (1406 г.), основавшаго монастырь на мѣстѣ Махрищѣ въ 12 верстахъ отъ города Александрова Владимірской губерніи.



День пятнадцатый

СТРАДАНІЕ
СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ
КИРИКА и ІУЛИТТЫ

Въ городѣ Иконіи страны Ликаонской жила одна молодая женщина, благороднаго происхожденія, изъ рода бывшихъ ранѣе римскихъ царей, по имени Іулитта, вѣрой христіанка; недолгое время поживши въ законномъ супружествѣ[1]), она овдовѣла, родивши мальчика. Она крестила младенца и дала ему имя Кирика. Въ это время нечестивый Діоклетіанъ,[2]) держа скипетръ

---

[1]) *Иконія*—городъ на высокой плодоносной равнинѣ внутри Малой Азіи, при подошвѣ горы Тавра, недалеко отъ Листры и Дервіи; нѣкогда Иконія была главою городовъ Ликаонскихъ. Въ исторіи христіанской Церкви Иконія замѣчательна посѣщеніями ея св. Ап. Павла во время его миссіонерскихъ путешествій (Дѣян., **13**, 51; **14**, 1—3; 2 Посл. къ Тим., **3**, 11). Впослѣдствіи здѣсь была епископія, и съ 451 г. епископы Иконійскіе именовались митрополитами Ликаонской провинціи.

[2]) Въ царствованіе Діоклетіана (284—305 гг.) было издано *четыре* указа противъ христіанъ. Первый былъ объявленъ въ февралѣ 303 г. Этимъ указомъ предписывалось разрушеніе церквей и сожженіе св. книгъ, вмѣстѣ съ тѣмъ христіане лишались гражданскихъ правъ, покровительства законовъ и своихъ должностей; рабы христіане утрачивали право на свободу, если, получивъ ее по какому-либо случаю, оставались въ христіанствѣ. Вскорѣ былъ изданъ *второй* указъ, которымъ повелѣвалось всѣхъ предстоятелей церквей и другихъ духовныхъ лицъ заключать въ темницы; такимъ образомъ, указъ касался однихъ только духовныхъ лицъ; послѣднихъ обвинили предъ императоромъ какъ зачинщиковъ возстанія въ Сиріи и Арменіи, къ несчастію для христіанъ начавшагося вслѣдъ за появленіемъ перваго указа. Въ томъ же 303 г. послѣдовалъ *третій* указъ: всѣхъ за-

Римскаго царства, воздвигъ сильное гоненіе на христіанъ во всѣхъ подвластныхъ ему странахъ; комитъ Дометіанъ былъ поставленъ Діоклетіаномъ начальникомъ Ликаонской страны; онъ былъ мужъ суровый и безчеловѣчный, звѣронравный, радующійся пролитію христіанской крови. Пришедши въ Иконію, Дометіанъ началъ яростно мучить вѣрующихъ во Христа и усердно отыскивать тайно держащихся христіанства. Вѣрная раба Христова Іулитта, увидѣвши это и зная, что ей со своимъ благочестіемъ скрыться отъ мучителей невозможно, рѣшилась бѣжать, ибо боялась, что она не перенесетъ жестокихъ пытокъ и отвергнется отъ Христа. Поэтому оставила она всѣ свои имѣнія, которыхъ у нея было много, домъ свой, родственниковъ, рабовъ, всякую прелесть міра сего, славу и наслажденіе, ради любви Христовой, и, взявши сына своего Кирика, которому было три года, и двухъ вѣрныхъ рабынь, ночью ушла изъ города Иконіи и отправилась въ странствованіе, помня сказанное въ писаніи:

— **Не и҆́мамы здѣ̀ пребыва́ющагѡ гра́ды, но грѧдꙋ́щаго взыскꙋ́емъ** [1]).

Пришла она въ Селевкію [2]) какъ странница и нищая, скрывая свое благородное званіе, но и здѣсь она нашла такое же гоненіе на христіанъ, ибо нѣкій Александръ, принявшій отъ царя начальство, пришелъ въ Селевкію и безъ жалости убивалъ всѣхъ, исповѣдующихъ Имя Іисуса Христа. Блаженная Іулитта, помня также писанное: **дади́те мѣ́сто гнѣ́вꙋ**, то есть, бѣгите отъ гнѣва [3]), и еще: **є҆гда̀ го́нѧтъ вы̀ во гра́дѣ се́мъ, бѣ́гайте въ дрꙋ́гі́й** [4]),—ушла изъ Селевкіи и отправилась въ Тарсъ, городъ Киликійскій, и жила

ключенныхъ на основаніи новаго указа велѣно было принуждать къ принесенію жертвъ подъ опасеніемъ пытокъ за сопротивленіе. Наконецъ, въ 304 г. былъ обнародованъ послѣдній, *четвертый* указъ, которымъ объявлялось повсемѣстное гоненіе на христіанъ. Изъ-за этого указа пролилось болѣе всего христіанской крови: онъ дѣйствовалъ цѣлыхъ восемь лѣтъ, до 311 г., когда императоръ Галерій особымъ указомъ объявилъ христіанство дозволенной религіей. Гоненіе Діоклетіана было послѣднимъ; въ немъ христіанство почти послѣ трехвѣковой борьбы одержало побѣду надъ язычествомъ.

[1]) Посл. къ Евр., гл. 13, ст. 14.

[2]) *Селевкія*—городъ Сиріи, на берегу Средиземнаго моря; по всей вѣроятности, его основалъ царь сирійскій Селевкъ Никаторъ около 300 г. до Рождества Христова; здѣсь Ап. Павелъ во время перваго своего путешествія остановился для проповѣди и отсюда отплылъ въ Кипръ (Дѣян., 13, 4); въ VI в. по Рождествѣ Христовѣ городъ былъ разрушенъ.

[3]) Собственно этотъ текстъ изъ Посланій къ Римлянамъ (гл. 12, ст. 19) имѣетъ иное значеніе: «Не мстите за себя, возлюбленные,—говоритъ Апостолъ,—но дайте мѣсто гнѣву Божію».

[4]) Еванг. отъ Мате., гл. 10, ст. 23.

здѣсь между бѣдняками. Спустя нѣкоторое время тотъ же начальникъ Александръ пришелъ и въ Тарсъ[1]) мучить христіанъ: святая Іулитта нѣкоторыми была узнана, и о ней доложили начальнику. Послѣдній тотчасъ приказалъ ее привести, а самъ возсѣлъ на открытомъ для народа судилищѣ. Когда воины взяли ее вмѣстѣ съ сыномъ, обѣ рабыни ея убѣжали; онѣ издали стали слѣдить за ней, чтобъ видѣть ея страданіе и кончину. И приведена была мученица предъ начальникомъ, имѣя на рукахъ трехлѣтняго младенца святаго Кирика. Спрошенная начальникомъ объ имени, родѣ и отечествѣ, она смѣло исповѣдала Имя Господа нашего Іисуса Христа и назвала себя христіанкой:

Ст҃іи мч҃нцы
Кирꙋкъ и Іꙋлітта

— Мое имя, — говорила она, — происхожденіе и отечество — это Небесное Царство Христа моего!

Начальникъ, разгнѣвавшись, повелѣлъ взять у нея младенца, обнажить и бить безпощадно жесткими жилами. Когда били мученицу, дитя, смотря на это, плакало и вырывалось изъ рукъ держащихъ его, чтобъ пойти къ матери. Начальникъ, видя красоту дитяти, приказалъ принести его къ себѣ, затѣмъ, взявши его, посадилъ на своихъ колѣнахъ и сталъ утѣшать, чтобы оно не плакало, гладилъ его по головѣ, цѣловалъ его и говорилъ ему всякія ласковыя слова, но дитя упиралось, вырывалось изъ рукъ, отворачивало голову отъ начальника, не даваясь ни гладить, ни цѣловать себя скверными устами; ребенокъ все смотрѣлъ на мать, которую били, плакалъ и кричалъ:

— Я — христіанинъ! Пусти меня къ матери!

---

[1]) *Тарсъ*, городъ малоазійской области Киликіи, замѣчателенъ тѣмъ, что здѣсь родился св. Апостолъ Павелъ (Дѣян. Ап., **22**, 3); здѣсь же онъ готовился къ благовѣстію Христову и отсюда былъ вызванъ Ап. Варнавою для проповѣди Евангельской (Дѣян. Ап., **9**, 11, 30, **11**, 25). Поэтому въ Тарсѣ рано возникло христіанство (Дѣян. Ап., **15**, 23, 41).

Отрываясь руками отъ начальника, онъ ногтями царапалъ лицо его. Тогда начальникъ пришелъ въ ярость, бросилъ дитя на полъ и ногой толкнулъ его въ бокъ, сбросивши внизъ съ высокаго сѣдалища; дитя, ниспадая по каменнымъ ступенямъ и ударяясь головой объ острые углы, все то мѣсто покрыло своей кровью и отдало свою святую и непорочную душу въ руки Божіи. Такъ увѣнчался мученичествомъ святый младенецъ Кирикъ.

Мать же его, блаженная Іулитта, жестоко и долго мучимая, страдая какъ бы въ чужомъ тѣлѣ и какъ столпъ бездушный ничего не чувствуя, ничего другого не говорила, кромѣ сихъ словъ:

— Я—христіанка и не принесу жертвы бѣсамъ!

Когда перестали бить ее и подняли съ земли, она увидѣла предъ судилищемъ свое любимое дитя окровавленное и мертвое; исполнившись радости, Іулитта сказала:

— Благодарю Тебя, Господи, что ты сподобилъ сына моего такой благодати, что онъ прежде меня мученически скончался за Имя Твое святое и принялъ неувядаемый вѣнецъ въ славѣ Твоей.

Послѣ этого начальникъ повелѣлъ ее повѣсить и желѣзными зубьями строгать тѣло ея, а потомъ, взявъ кипящую въ котлѣ смолу, приказалъ поливать ее на раны. Когда такимъ образомъ мучили святую Іулитту, глашатай взывалъ:

— Пощади себя, Іулитта, пощади свою юность и поклонись богамъ, чтобъ тебѣ избавиться отъ мукъ и не погибнуть лютой смертью, какъ сынъ твой.

Мученица отвѣчала:

— Не поклонюсь бѣсамъ и ихъ глухимъ и нѣмымъ идоламъ,—я поклоняюсь Господу моему Іисусу Христу, Единородному Сыну Божію, Которымъ Отецъ небесный все сотворилъ,[1]) и стараюсь придти къ сыну моему, чтобъ съ нимъ сподобиться Царства Небеснаго.

Увидѣвши непреодолимое терпѣніе и великое мужество мученицы, начальникъ осудилъ ее на усѣченіе мечомъ. Взяли ее слуги и повели изъ города на то мѣсто, гдѣ убивали осужденныхъ на смерть. Святая шла, какъ бы къ вѣнцу брачному; придя къ тому мѣсту, она попросила немного времени для молитвы, а затѣмъ, преклонивши колѣна, молилась:

— Благодарю Тебя, Господи Боже мой Іисусе Христе, что Ты призвалъ сына моего прежде меня, сподобивши его пострадать

[1]) Посл. къ Колос., гл. 1, ст. 12—16.

за Имя Твое святое, и ему, оставившему суетную жизнь со святыми; пріими и меня, недостойную рабу Твою, и сподоби получить благодать предъ Тобой—быть причтенной къ мудрымъ дѣвамъ[1]), вшедши въ Твой нетлѣнный чертогъ, чтобъ духъ мой благословилъ Тебя, Создателя моего, Твоего безначальнаго Отца и соприсносущнаго Духа во вѣки, аминь.

Послѣ такой молитвы святой Іулитты палачъ, поостривши мечь, ударилъ имъ въ выю и отсѣкъ честну̀ю голову, оставивши тѣло на томъ мѣстѣ безъ погребенія на съѣденіе псамъ и звѣрямъ; также и тѣло святаго Кирика, вытащивши изъ города, бросилъ у тѣла матери и ушелъ. Когда настала ночь, вышеупомянутыя двѣ рабыни пришли сюда, взяли тѣло госпожи своей и ея сына и, отнесши далеко, погребли въ землѣ. Одна изъ этихъ рабынь прожила до дней Константина Великаго[2]), перваго христіанскаго царя, во время котораго возсіяла Истина и Церковь Божія, по благодати Христовой, стала господствующей; тогда-то рабыня показала вѣрнымъ христіанамъ то мѣсто, гдѣ погребены были честны̀я мощи святыхъ мучениковъ Кирика и Іулитты, и разсказала о ихъ страданіяхъ. Святыя мощи ихъ были вынуты изъ нѣдра земли нетлѣнными, исполненными благоуханія и подающими больнымъ исцѣленія. Страданія ихъ были описаны въ память и честь святыхъ мучениковъ, на пользу вѣрнымъ и во славу Христа Бога нашего, со Отцемъ и Святымъ Духомъ славимаго во вѣки[3]). Аминь.

Конда́къ, гла́съ д҃:

Во ѡ҆бѧ́тїѧхъ носѧ́щи хр҃томч҃нца і҆ꙋлі́тта ки́рꙋка, на по́двизѣ мꙋ́жески веселѧ́щисѧ взыва́ше: хр҃то́съ є҆́сть мч҃нкѡвъ похвала̀.

Въ тотъ же день **преставленіе** святаго **равноапостольнаго** Великаго **Князя** Кіевскаго **Владиміра** (1015 г.), во Святомъ Крещеніи **Василія.**

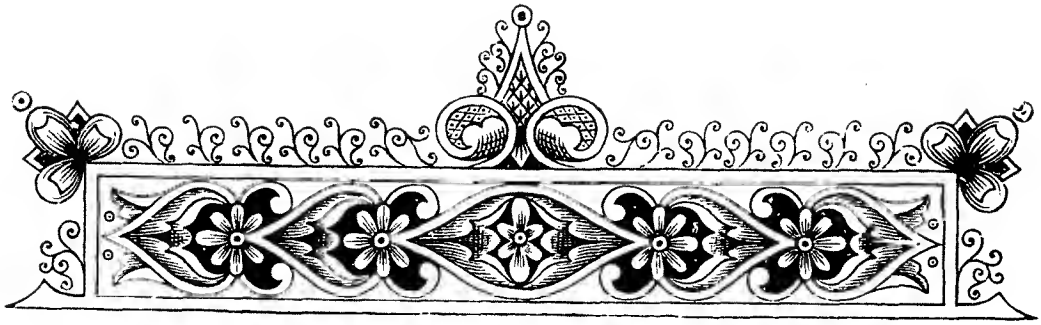
Въ тотъ же день **память святаго мученика Авудима,** пострадавшаго при Діоклетіанѣ.

---

1) Сравн. Еванг. отъ Матѳ., гл. 25, ст. 1—13.

2) *Константинъ Великій*—императоръ съ 324 г. по 337 гг.

3) Страданіе свв. мучч. Кирика и Іулитты относится ко времени около 305 г.—Въ Константинополѣ былъ монастырь Кирика и недалеко отъ Іерихона въ Іудеѣ храмъ, какъ свидѣтельствуетъ Іоаннъ Мосхъ. По свидѣтельству русскихъ паломниковъ XII—XV вв., мощи Кирика были въ Софіи Константинопольской. *Аматоръ*, епископъ Оксерскій (388—418 гг.) принесъ часть ихъ въ Оксеръ, гдѣ Антіохія.



День шестнадцатый

СТРАДАНІЕ
СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
АѲИНОГЕНА
И ДЕСЯТИ УЧЕНИКОВЪ ЕГО

Во времена нечестиваго Римскаго царя Діоклетіана[1]) было жестокое гоненіе на христіанъ, и всѣ, жившіе богоугодно, находились въ бѣдѣ, повсюду было неспокойно, многіе предавали другъ друга на смерть: отецъ сына, братъ брата, родственникъ родственника — изъ страха предъ царемъ. Прибылъ въ армянскій городъ Севастію одинъ игемонъ, по имени Филомархъ; собравъ множество идольскихъ жрецовъ, онъ повелѣлъ имъ съ вѣнками на головахъ приносить скверным богамъ своимъ жертвы съ веселіемъ и торжествомъ, при звукахъ трубъ и кимваловъ, при игрѣ на гусляхъ и свирѣляхъ. Самъ же, сѣвши на виду у народа на судѣ, приказалъ проповѣднику громко кричать слѣдующее:

— Послушайтесь, граждане и всѣ знаменитые люди, царскаго повелѣнія, пойдите и принесите богамъ жертвы!

И сколько ни было народу, закричали всѣ:

— Мы — христіане и не поклонимся идоламъ!

---

1) *Діоклетіанъ* — управлялъ Восточною половиною Римской имперіи съ 284 г. по 305 г.

Тогда мучитель приказалъ воинамъ избивать народъ, и многіе умерли за Христа и приняли вѣнцы небесные. Послѣ этого подошелъ къ мучителю начальникъ отряда воиновъ, Николай, и сказалъ:

— Господинъ игемонъ! Здѣсь есть одинъ человѣкъ, по имени Аѳиногенъ, епископъ христіанскій, который всѣхъ совращаетъ въ свою вѣру; живетъ онъ въ селѣ Пидахѳонѣ.

Игемонъ тотчасъ послалъ воиновъ взять его. У святаго Аѳиногена близъ того села въ особомъ уединенномъ мѣстѣ былъ маленькій монастырь, гдѣ онъ жилъ съ десятью учениками своими въ постѣ и молитвахъ. Пришли воины къ монастырю его и не нашли самого святаго епископа: онъ отлучился куда-то; тогда они связали его учениковъ и отвели ихъ въ Севастію. Увидѣлъ ихъ игемонъ и приказалъ отвести въ темницу, заковать въ оковы и строго слѣдить за ними; а воинамъ сказалъ:

— Найдите мнѣ учителя ихъ.

Сщенномчнкъ Аѳиногенъ

Воины пошли повсюду розыскивать Аѳиногена. Мужъ же Божій Аѳиногенъ, придя въ монастырь и не найдя своей братіи, вошелъ въ молитвенный храмъ и, смотря со слезами на стоявшій тамъ честный крестъ, сказалъ:

— Гдѣ братія моя, которыхъ я Тебѣ поручилъ? Кто будетъ совершать со мною обычныя молитвы къ Богу? Гдѣ прекрасныя вѣтви масличныя? Что съ ними? Не знаю!

И тяжко горевалъ святый. Выйдя изъ монастыря, онъ ходилъ вокругъ него, удивляясь и недоумѣвая, куда ушли братія; и вотъ, прибѣжалъ къ нему олень, котораго недавно онъ вскормилъ своими руками, началъ ласкаться къ нему и лизать его руки. Потомъ онъ встрѣтилъ одного знакомаго человѣка, который спросилъ его:

— Гдѣ былъ ты, святый владыка, когда взяли твоихъ учени-

ковъ? Вѣдь игемонъ присылалъ за ними воиновъ, приказалъ связать ихъ и вести въ городъ, чтобъ замучить.

Услышавъ это, святый обрадовался и, посмотрѣвъ на Небо, сказалъ:

— Благодарю Тебя, Господи Іисусе Христе, что достойныхъ рабовъ Своихъ призвалъ Ты въ Царство Небесное!

Отославъ оленя въ пустыню, самъ онъ поспѣшилъ въ городъ Севастію къ своимъ ученикамъ. Придя къ городскому судьѣ, онъ началъ громко кричать:

— Зачѣмъ ты обокралъ меня, мучитель, расхитивъ церковь мою? Пусть видитъ Богъ злое дѣло, совершенное тобой, и пусть обрушится Своимъ гнѣвомъ на тебя!

Тотчасъ воины схватили святаго и привели къ игемону, говоря:

— Вотъ Аѳиногенъ, котораго ты велѣлъ искать, онъ очень оскорбляетъ твою свѣтлость!

Игемонъ тотчасъ велѣлъ бросить его въ темницу, гдѣ были заключены его братія за Христа. Увидѣвъ своихъ братій, святый очень обрадовался и сказалъ имъ:

— Миръ вамъ! Благодать Христова да будетъ съ вами, дѣти мои: вы оказались угодны Богу, потому Онъ и позвалъ васъ на обѣдъ небесный! Будьте тверды, не бойтесь соблазновъ мучителя: вамъ Богъ поможетъ завтра совершить вашъ подвигъ, и будете вмѣстѣ съ Ангелами и ликами святыхъ вступать въ райскія радости и въ веселіи славить небеснаго Владыку во вѣки!

На слѣдующій день мучитель сѣлъ на судъ и приказалъ привести къ себѣ Аѳиногена съ десятью его учениками. Онъ сказалъ имъ:

— Принесите жертву богамъ, по царскому повелѣнію; если же не послушаетесь, то я буду мучить васъ лютыми муками и лишу васъ жизни, какъ погубилъ упорствовавшихъ прежде васъ: зломъ погибли злые.

Святый же Аѳиногенъ отвѣтилъ ему:

— Тѣ, которыхъ ты, мучитель, называешь погибшими, не погибли, но ликуютъ на Небесахъ вмѣстѣ съ Ангелами.

Игемонъ сказалъ:

— Не задерживай меня, Аѳиногенъ, а послушайся поскорѣе меня и вмѣстѣ съ товарищами своими принеси жертву богамъ, чтобы не погибнуть вамъ злой смертью.

На это святый сказалъ игемону:

— Мучитель беззаконный, песъ прескверный и безстыдный! Не испугаешь насъ своими угрозами, дѣлай, что хочешь: мы готовы терпѣть все за нашего Бога.

Тогда мучитель разгнѣвался и велѣлъ десять учениковъ Аѳиногена обнаженныхъ повѣсить на дубѣ, жестоко бить и желѣзными гребнями строгать ихъ тѣло. Они же, страдая, говорили:

— Мы готовы на раны ради Христа Безсмертнаго; не отречемся отъ Тебя, Владыко Боже нашъ!

Мучитель, увидѣвъ ихъ мужество и терпѣніе, не преодолимое никакими муками, велѣлъ усѣчь ихъ мечомъ. И скончались святые въ добромъ исповѣданіи и со славою перешли въ райскія селенія. По убіеніи святыхъ десяти мучениковъ игемонъ обратился къ святому епископу Аѳиногену со словами:

— Гдѣ же твой Христосъ, Котораго ты называешь Богомъ? Почему Онъ не пришелъ сюда и не избавилъ твоихъ учениковъ отъ моихъ рукъ?

Съ этими словами игемонъ велѣлъ и его также повѣсить нагого на деревѣ и бить. Святый же, когда его били, говорилъ:

— Слава Тебѣ, Боже, что сподобилъ меня страдать за Имя Твое!

Сказалъ ему игемонъ:

— Что же и тебя не избавляетъ твой Богъ отъ моихъ рукъ?

Мученикъ отвѣчалъ:

— Избавилъ и избавитъ отъ злой хитрости твоей, беззаконный!

Тогда игемонъ велѣлъ снять его съ дерева и опять жестоко бить по ребрамъ, а святый воскликнулъ, обращаясь къ Богу:

— На тебя, Господи, уповаю, спаси меня Твоей милостью!

И былъ ему Божественный голосъ свыше:

— Дерзай, избранникъ Мой! Я съ тобой — Богъ твой, сохраняющій тебя!

Этотъ голосъ слышалъ не только святый, но и слуги, мучившіе его; ихъ объялъ страхъ, и они не могли больше мучить человѣка Божія, такъ какъ руки ихъ оцѣпенѣли. Одинъ изъ друзей игемона, по имени Филиппъ, сидѣвшій съ нимъ вмѣстѣ, сказалъ ему:

— Не говорилъ ли я тебѣ раньше, что христіане—волшебники? Погуби и этого поскорѣе, чтобъ не соблазнились тѣ, кто на него смотритъ.

Игемонъ тотчасъ отдалъ приказъ умертвить мученика мечомъ, а святый сказалъ мучителю:

— Прошу тебя, игемонъ, прикажи отвести меня въ мой монастырь и тамъ умертвить.

И игемонъ исполнилъ его просьбу.

Когда святаго вели въ его монастырь, онъ пѣлъ нѣкоторые стихи изъ Псалмовъ Давидовыхъ и радовался тому, что скоро разлучится съ тѣломъ и отойдетъ къ Господу. Когда онъ былъ близко отъ монастыря, вышеупомянутый олень вышелъ изъ пустыни навстрѣчу святому и поклонился ему въ ноги. И сказалъ ему святый:

— Ты лишился братіи, вотъ, лишаешься и того, кто вскормилъ тебя! Богъ же Вѣчный пусть не дастъ тебя и твоего потомства въ руки охотниковъ, но пусть потомство твое будетъ прибѣгать сюда въ память нашу на закланіе и въ пищу во славу Божію тѣмъ, кто будетъ приходить праздновать нашу память.

Олень, проливая слезы, припалъ къ ногамъ святаго, а онъ, осѣнивъ его крестнымъ знаменіемъ, сказалъ:

— Иди съ миромъ въ пустыню!

Войдя въ свой монастырь, святый Аѳиногенъ помолился Богу такъ:

— Господи Боже мой! Прими душу мою съ миромъ и сподоби меня быть вмѣстѣ съ моей братіей, чтобъ намъ вмѣстѣ славить Пресвятое Имя Твое вѣчно! Подай, Господи, вѣчное Твое благословеніе всѣмъ, чтущимъ съ любовью память мою, всѣмъ, молящимся Тебѣ съ упоминаніемъ моего имени; яви Свою благодать и подай имъ скорую помощь во всякой ихъ нуждѣ.

Во время его молитвы послышался Голосъ съ Неба:

— Сегодня со Мною и учениками своими будешь въ раю, и всѣ просьбы твои исполнятся!

Мученикъ, услышавъ этотъ голосъ, весьма обрадовался и съ веселіемъ подставилъ подъ мечъ свою голову; ему усѣкли голову: такъ скончался онъ о Господѣ. Честное тѣло его погребли вѣрующіе на томъ же мѣстѣ и собирались каждый годъ въ день кончины его для торжественнаго празднованія его памяти[1]). И случалось дивное чудо: тотъ олень, котораго святый вскормилъ и съ благословеніемъ отпустилъ въ пустыню, приходилъ по заповѣди его на праздникъ и приводилъ съ собою дѣтей. Оставивъ ихъ, онъ уходилъ въ пустыню, и никто ему не мѣшалъ. Это дѣлалъ олень каждый годъ: приходилъ на праздникъ и приводилъ своего

---

[1]) Кончина св. священномученика Аѳиногена послѣдовала ок 311 г.

дѣтеныша, котораго закалывали и съѣдали въ память и честь святаго мученика Аѳиногена епископа и десяти учениковъ его, во славу Христа Бога нашего, со Отцомъ и Святымъ Духомъ славимаго, нынѣ и въ безконечные вѣки. Аминь.

Кондáкъ, глáсъ д҃:

Вл҃чню речéнїю послѣ́довавъ, ꙗ҆́кѡ пáстырь и҆зрѧ́дный дꙋ́шꙋ твою̀ положи́лъ є҆сѝ за хр҃тѡ́вы ѻ҆́вцы, сщ҃енномч҃нче а҆ѳиногéне: сегѡ̀ рáди восхвалѧ́емъ тѧ̀, и҆ съ тобóю десѧти́цꙋ ѹ҆чени́къ твои́хъ, и҆̀же пострадáша, стрáхомъ бж҃їимъ и҆ твои́мъ ѹ҆чéнїемъ наставлѧ́еми. тѣ́мъ ѹ҆годи́вшихъ вл҃ка вѣнча̀ вáсъ живоначáльною десни́цею, є҆гóже ѡ҆ всѣ́хъ нáсъ моли́те.

СТРАДАНІЕ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ

ІУЛІИ

Когда Персы взяли знаменитый въ Африкѣ городъ Карѳагенъ [1]) и множество жителей отвели въ плѣнъ, въ это время вмѣстѣ съ другими плѣнниками изъ этого города была взята и та маленькая дѣвочка, о которой будемъ говорить,—блаженная Іулія, дочь одного знаменитаго человѣка, Аналсона: она была отвезена въ палестинскую Сирію и продана въ рабство одному купцу, нечестивому язычнику. Дѣвочка, хотя была и у невѣрнаго господина, однако крѣпко держалась святой вѣры во Христа, въ которой родилась, и христіанскихъ добрыхъ обычаевъ, которые усвоила съ младенчества,—часто молилась и постилась. Ставши дѣвицей, она тщательно соблюдала себя въ чистотѣ, жила цѣломудренно и въ строгомъ воздержаніи и вѣрно служила своему господину, по слову Апостола: **къ простотѣ̀ сéрдца, не пред̾ ѻ҆чи́ма тóчїю рабóтающе, ꙗ҆́кѡ человѣкоꙋгѡ́дницы**, но какъ бы предъ очами Божіими, исполняя съ благоразуміемъ всѣ, порученныя ей, дѣла [2]), которыя не были противны Богу и ея цѣломудренной жизни, а что было противно, къ

---

[1]) —около 625 г.

[2]) Посл. къ Ефес., гл. 6, ст. 5 и 6.

тому никто не могъ ее принудить. Господинъ ея усиленно принуждалъ ее отречься отъ Христа и склонялъ нечестиво жить по ихъ языческимъ обычаямъ; но никакими угрозами нельзя было склонить ее къ тому, потому что она готова была скорѣе умереть, чѣмъ отступить отъ Христа или лишиться своего цѣломудрія. И уже хотѣлъ погубить ее хозяинъ ея, но видя, что она вѣрно служитъ и усердно работаетъ, пощадилъ ее и удивлялся ея доброму нраву, кротости, смиренію и строгому постничеству. Онъ видѣлъ, что она постилась каждый день, кромѣ субботы и воскресенья, свободное же отъ работы время проводила не въ праздности и покоѣ, а или въ теплыхъ молитвахъ къ Богу, или же въ чтеніи книгъ, чему она научилась въ дѣтствѣ; рѣдко когда и ночью она ложилась спать. На видъ она всегда была блѣдная, сухая, изможденная отъ трудовъ и воздержанія. Удивлялся весьма этому ея хозяинъ и, видя, что она поступаетъ все такъ же, началъ жалѣть ее, любить и уважать: это Богъ, отечески оберегая угодницу Свою, святую Іулію, преклонялъ на милость къ ней жестокое сердце невѣрнаго человѣка. Ей было уже болѣе двадцати лѣтъ, когда хозяинъ ея—онъ былъ купецъ—задумалъ плыть со многими товарами въ Галлію. Онъ взялъ съ собою и вѣрную рабыню свою Іулію, такъ какъ видѣлъ, что его имущество увеличивается подъ ея присмотромъ: Богъ благословилъ за нее домъ того купца (какъ нѣкогда въ Египтѣ домъ Пентефрія ради Іосифа[1]). Поэтому-то вмѣстѣ со своими богатыми товарами онъ взялъ и рабу свою, а скорѣе Христову, которая была дороже всякаго товара, и отправился въ плаваніе. Онъ присталъ къ острову Корсикѣ[2]), мимо котораго плылъ. Хотя на этомъ островѣ были и христіанскіе города, но немало было и язычниковъ, и когда купецъ этотъ присталъ къ тому острову, то увидѣлъ близъ пристани сборище своихъ единовѣрцевъ язычниковъ, совершавшихъ празднество и приносившихъ жертвы бѣсамъ. Онъ вышелъ къ нимъ со всѣми слугами, купилъ жирнаго быка, принесъ вмѣстѣ съ язычниками скверную жертву, и начали всѣ ѣсть, пить и веселиться. Святая же Іулія осталась на кораблѣ и въ глубинѣ сердца вздыхала и плакала, скорбя о заблужденіи и погибели этихъ людей.

Одинъ изъ сборища того пришелъ на корабль, увидѣлъ Іулію, дѣвицу плачущую и вздыхающую, узналъ, что она христіанка, по-

[1]) Кн. Быт., гл. 39, ст. 5.

[2]) *Островъ Корсика* находится въ Средиземномъ морѣ.

шелъ и сказалъ тайно начальнику того сборища, завѣдывавшему жертвоприношеніями:

— На приставшемъ кораблѣ есть дѣвушка, которая хулитъ нашихъ боговъ и осуждаетъ насъ за то, что мы приносимъ имъ жертвы.

Тотчасъ начальникъ этого нечестиваго сборища спросилъ палестинскаго купца:

— Почему не всѣ твои люди пришли съ корабля на нашъ праздникъ и жертвоприношеніе?

На отвѣтъ купца, что пришли всѣ, начальникъ возразилъ:

— Я слышу, что на твоемъ кораблѣ есть какая-то дѣвушка, которая бранитъ и хулитъ боговъ нашихъ.

Купецъ отвѣчалъ:

— Ты говоришь о моей рабынѣ? Да, никоимъ образомъ я не могъ ее отвратить отъ христіанскаго заблужденія и склонить къ нашей вѣрѣ — ни ласками, ни угрозами; и если бъ она не была вѣрна мнѣ и такъ усердна въ работѣ, давно бы я погубилъ ее разными муками.

Ст҃аѧ мч҃нца Іꙋліа

Начальникъ сказалъ ему:

— Заставь ее теперь поклониться вмѣстѣ съ нами богамъ и принять участіе въ жертвоприношеніи; или я дамъ тебѣ вмѣсто нея четырехъ своихъ рабынь, или возьми ея стоимость деньгами,— только дай мнѣ ее, и я заставлю ее поклониться нашимъ богамъ.

Купецъ отвѣтилъ:

— Я тебѣ сказалъ, что невозможно ее принудить къ этому, потому что она скорѣе предпочтетъ умереть, чѣмъ отречься отъ своей вѣры. И продать ее тебѣ нельзя: если бъ ты давалъ мнѣ за нее все свое имущество, то и это не сравнилось бы съ ея службой; дѣйствительно, она очень вѣрна, и имѣніе мое увеличивается въ ея рукахъ; я поэтому все поручилъ ей.

Начальникъ же сборища, посовѣтовавшись тайно со своими

людьми, устроилъ ради гостей еще большое пиршество и сильно напоилъ виномъ купца, хозяина Іуліи. Напившись, онъ крѣпко заснулъ, заснули также отъ вина и всѣ, кто были съ нимъ. Тогда нечестивые язычники съ того острова поспѣшили на корабль, вывели святую Іулію на землю и привели къ начальнику своему. И сказалъ ей начальникъ:

— Дѣвушка, принеси жертву богамъ, я дамъ за тебя твоему господину выкупъ, какой онъ попроситъ, и отпущу тебя на свободу.

Святая отвѣчала:

— Моя свобода въ томъ, чтобъ служить Христу, Которому я и служу каждый день чистой своей совѣстью; а вашего заблужденія я гнушаюсь!

Тогда начальникъ велѣлъ бить ее по ланитамъ. И сказала мученица:

— Если Господь мой Іисусъ Христосъ претерпѣлъ за меня ударъ по щекѣ и плеваніе въ лицо, то развѣ я не претерплю того же за Него! Пусть бьютъ за Него меня по щекамъ, вмѣсто же плевковъ пусть текутъ по моему лицу слезы!

Мучитель велѣлъ терзать ее за волосы, раздѣть донага и бить жестоко по всему тѣлу. А мученица, пока ее били, громко говорила:

— Я исповѣдую Того, Котораго били ради меня! Владыка мой претерпѣлъ терновый вѣнецъ и распятіе на крестѣ. Пусть же и я, раба Его, буду участницею и подражательницею Его страданіямъ, чтобъ прославиться мнѣ съ Нимъ во Царствіи Его!

Потомъ мучитель велѣлъ отрѣзать ей дѣвическія груди; она же мужественно переносила всѣ эти лютыя муки ради любви ко Христу. Мучитель, желая поскорѣй погубить ее, пока не проснется ея господинъ, велѣлъ наскоро сдѣлать крестъ и распять на немъ мученицу, какъ нѣкогда іудеи распяли Христа. И уподобилась святая Іулія въ страданіи своемъ за Христа Самому Распятому Христу Господу, сподобившись быть распятой за Него на крестѣ.

Когда она висѣла на крестѣ и была уже близка къ смерти, проснулся ея господинъ и, лишь увидѣлъ ее распятою,—какая великая жалость наполнила сердце его! Но ничѣмъ помочь было нельзя: невѣста Христова была уже при послѣднемъ издыханіи. Когда же святая душа ея освободилась отъ тѣлесныхъ узъ, то всѣ видѣли, какъ изъ устъ ея вылетѣла голубка, бѣлѣе снѣга, и улетѣла вверхъ, къ небу; кромѣ того, мучившіе ее видѣли Ангеловъ;

и напалъ на всѣхъ великій страхъ. Всѣ бѣжали оттуда, и только бездыханное тѣло святой осталось висѣть на крестѣ[1]). Но не оставилъ его Христосъ Господь: онъ заповѣдалъ Своимъ Ангеламъ хранить его, пока не устроилъ ей честнаго погребенія, слѣдующимъ образомъ.

Неподалеку отъ острова Корсики есть маленькій островокъ, прежде называвшійся Маргаритой, а теперь Горгоной; на немъ былъ мужской монастырь; тамъ Ангелъ Господень явился инокамъ, возвѣстилъ имъ все, что случилось со святой мученицей Іуліей, и повелѣлъ имъ скорѣе плыть на кораблѣ къ тому острову, снять съ креста многострадальное тѣло святой мученицы и принести въ свой монастырь для погребенія. Монахи сѣли на корабль, поставили паруса и поплыли; достигнувъ пристани, они нашли все такъ, какъ сказалъ имъ Ангелъ Господень. Снявъ съ креста святое тѣло, они обвили его чистой пеленой. Они нашли и отрѣзанныя груди ея, брошенныя неподалеку и лежавшія около камня, взяли ихъ и приставили къ тѣлу на свое мѣсто; потомъ отнесли тѣло на корабль и благополучно возвратились въ свой монастырь; тамъ тѣло предали погребенію съ честію въ церкви, прославляя Христа Бога, укрѣпившаго рабу Свою на такой мученическій подвигъ. При гробѣ ея стали совершаться чудеса и подавалось исцѣленіе всякихъ болѣзней; чудеса совершались также и на томъ мѣстѣ, гдѣ она пострадала. Узнали и христіане—жители того острова о страданіи святой и построили во имя ея на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она была распята, церковь маленькую, потому что тамъ было тѣсно: это мѣсто представляло изъ себя крутой холмъ. А тамъ, куда были брошены ея отрѣзанныя груди, вытекъ изъ-подъ камня источникъ ключевой воды, которая была цѣлебна: всѣ больные, которые пили ту воду или омывались ею, получали выздоровленіе. Совершилось и еще чудо: тотъ камень, котораго коснулись груди святой (и изъ-подъ котораго вытекъ источникъ), въ тѣ времена каждый годъ въ день ея памяти испускалъ изъ себя какъ будто потъ, капли молочныя и вмѣстѣ кровяныя,—въ обозначеніе дѣвства и мученичества святой Іуліи, которая, какъ молокомъ, убѣлилась дѣвственною чистотою и обагрилась кровью, пролитою за Христа. И капали такія капли цѣлый тотъ день, съ утра до вечера; ими помазывались, и получали исцѣленіе.

По прошествіи же многихъ лѣтъ церковь та во имя святой мученицы, построенная на мѣстѣ ея страданія, обветшала и частію

[1]) Кончина св. мученицы Іуліи послѣдовала около 640 г.

разрушилась. Тогда хотѣли на другомъ мѣстѣ, болѣе просторномъ,— такъ какъ это было очень тѣсно,—но неподалеку построить новую церковь во имя святой, побольше. Когда приготовили камень, кирпичъ, известь и все необходимое для постройки и уже хотѣли на слѣдующій день закладывать фундаментъ, нашли наутро весь этотъ матеріалъ—камни, кирпичи и все прочее—на прежнемъ мѣстѣ, гдѣ лежала старая церковь; строители пришли въ недоумѣніе. Однако, немного спустя, они опять перенесли все на то новое мѣсто, намѣреваясь строить тамъ новую церковь; но все снова ночью перенеслось на прежнее мѣсто. Въ ту ночь сторожа видѣли свѣтлую дѣвицу, клавшую на возъ, запряженный парой свѣтлыхъ воловъ, весь матеріалъ, заготовленный для стройки, и перевозящую его на прежнее мѣсто. Они поняли, что святая желаетъ, чтобы возобновили храмъ на прежнемъ его мѣстѣ, и сдѣлали по ея желанію. Было много и другихъ чудесъ на обоихъ островахъ тѣхъ, Корсикѣ и Горгонѣ, пока не были взяты оттуда честныя мощи святой и перенесены въ Бресчію[1]). И послѣ перенесенія мощей жители Корсики приходятъ съ вѣрою въ храмъ святой, не лишаются ея помощи и сохраняются отъ нападеній враговъ ея святыми и несокрушимыми молитвами и милосердіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому со Отцомъ и Святымъ Духомъ возсылается честь и слава, нынѣ и въ безконечныя вѣки. Аминь.

СТРАДАНІЕ СВЯТАГО МУЧЕНИКА АНТІОХА

Святый мученикъ Христовъ Антіохъ былъ родомъ изъ города Севастіи[2]). Будучи по профессіи врачомъ, онъ ходилъ по всѣмъ городамъ своей страны и своимъ искусствомъ исцѣлялъ одержимыхъ различными недугами. По повелѣнію правителя области Адріана онъ былъ схваченъ и, претерпѣвъ многоразличныя мученія, брошенъ былъ, наконецъ, въ котелъ, но остался невредимымъ. Затѣмъ его приговорили къ борьбѣ съ дикими звѣрями, но звѣри при видѣ его приходили въ радость, ложились у ногъ его

[1]) —около 763 г.

[2]) *Городъ Севастія*, нынѣ *Сивасъ*, находился въ малоазійской римской провинціи Понтѣ у подошвы одного изъ западныхъ отроговъ антитаврской горной цѣпи на правомъ борегу рѣки Галиса, нынѣ Кизилъ Ирмака, близъ ея верховьевъ.

и лизали ихъ, а одинъ звѣрь проговорилъ человѣческимъ голосомъ, обличая мучителя. Послѣ этого святый мученикъ помолился Богу, и по его молитвѣ всѣ идолы разсыпались, какъ песокъ. Тогда ему отсѣкли голову, при чемъ изъ раны потекла кровь съ молокомъ. Воинъ, отсѣкшій святому Антіоху голову, по имени Киріакъ, тотчасъ же послѣ казни святаго смѣло объявилъ себя христіаниномъ и произнесъ проклятіе на идоловъ. За это, по повелѣнію Адріана, ему отсѣкли голову, и онъ погребенъ былъ вмѣстѣ съ святымъ мученикомъ Антіохомъ[1]).

СТРАДАНІЕ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ПАВЛА

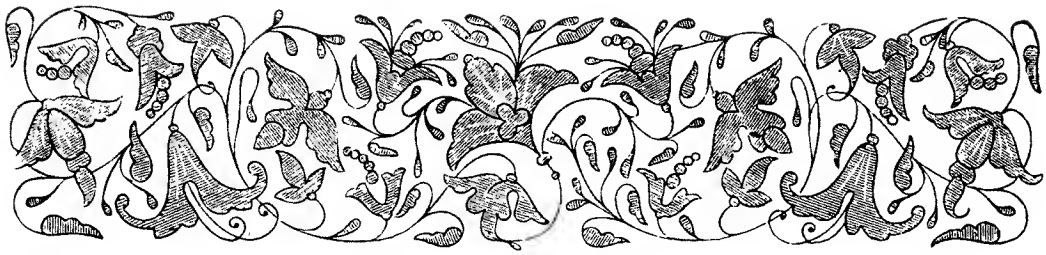
И СЪ НИМЪ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИЦЪ

АЛЕВТИНЫ и ХІОНІИ

Сіи святые мученики были родомъ изъ Египта. Схваченные, они были приведены въ городъ Кесарію и, представъ предъ правителемъ на допросѣ, исповѣдали Христа Истиннымъ Богомъ. За это имъ сожгли сперва лѣвыя ноги, затѣмъ выкололи ножами правые глаза и, наконецъ, вмѣстѣ съ другими мужами и женами, также вѣровавшими во Христа, ихъ предали сожженію, отъ чего они и скончались. Предъ этимъ святая Хіонія была повѣшена на деревѣ и строгана по тѣлу, сестра ея Алевтина, угрожая судьѣ, разрушила ногами жертвенникъ, за что и подвергнута была безпощаднымъ мученіямъ, а святый мученикъ Павелъ сталъ на молитву и помолился сперва о христіанахъ, а послѣ и о всѣхъ язычникахъ, чтобы они пришли къ познанію Бога Истиннаго и перестали преслѣдовать вѣрующихъ во Христа. Этою молитвою онъ вызвалъ слезы у присутствовавшихъ, послѣ чего ему отсѣкли голову.

---

[1]) *Святый мученикъ Антіохъ* скончался въ царствованіе Діоклетіана. Годъ его кончины неизвѣстенъ. Память его праздновалась 16 іюля еще въ VI вѣкѣ, какъ видно изъ житія преподобнаго Ѳеодора Сикеота, воспоминаемаго Церковію 22 апрѣля.—Подъ этимъ числомъ помѣщено и житіе его.



День семнадцатый

СТРАДАНІЕ
СВЯТОЙ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ
МАРИНЫ

Святая Марина родилась въ Антіохіи Писидійской[1]) отъ благородныхъ родителей, но не благовѣрныхъ, а омраченныхъ языческимъ нечестіемъ. Отецъ ея Эдесій былъ идольскимъ жрецомъ; онъ отдалъ свою дочь Марину, лишившуюся матери еще въ пеленкахъ, кормилицѣ, жившей въ одномъ селѣ за пятнадцать верстъ отъ города. Когда дѣвочка, бывшая на воспитаніи, приходила уже въ возрастъ, оказалось, что она была прекрасна тѣломъ и еще прекраснѣе душой: и благоразуміемъ, и добронравіемъ отличалась она. Такъ какъ въ тѣ времена было поднято гоненіе на христіанъ, то іереи и клирики, учители Слова Божія, скрывались кто въ пустыняхъ, горныхъ пещерахъ, изъ боязни мучителей, кто въ селахъ между простыми людьми,—скрывались подъ видомъ нищихъ, однако, гдѣ только могли, поучали, хотя и тайно, святой вѣрѣ и многихъ обращали отъ языческаго заблужденія ко Христу.

Случилось и Маринѣ, двѣнадцатилѣтней дѣвочкѣ, услышать отъ одного человѣка Божія слово о Христѣ Іисусѣ, Истинномъ Богѣ, какъ Онъ воплотился отъ Святаго Духа въ утробѣ Пречистой Дѣвы и родился отъ Нея, сохранивъ Ея дѣвство ненарушеннымъ, какъ много сотворилъ чудесъ, изволилъ добровольно пострадать ради спасенія людей, умеръ, воскресъ, вознесся на Небо и уготовалъ

---

[1]) *Писидія*—малоазійская область.

безконечную жизнь и славу, и Царство вѣчное вѣрующимъ въ Него и любящимъ Его. Услышавъ это, благоразумная дѣвочка Марина увѣровала во Христа, и распалилось сердце ея божественной любовью, такъ что она ни о чемъ другомъ не говорила и не думала, какъ только о Христѣ Іисусѣ; или гдѣ слышала она рѣчи объ Истинномъ Богѣ, все вниманіе ея было тамъ. А какъ увѣровала она въ Него сердцемъ, то не стыдилась и устами исповѣдовать Его, хотя и не была еще крещена за неимѣніемъ христіанскаго священника, который бы могъ ее окрестить. И желала Марина пролить кровь свою за Христа и креститься ею, какъ купелью Крещенія, какъ она слышала о многихъ святыхъ мученикахъ обоего пола, что крестились своей кровью тѣ, которые положили свои души за Господа; она хотѣла подражать имъ.

Ст҃а́ѧ мч҃нца
Марі́на

Эдесій, узнавъ, что дочь его Марина увѣровала во Христа, возненавидѣлъ ее и пересталъ считать дочерью, и относился къ ней, какъ къ чужой; а дѣвица возложила всю надежду свою на Отца Небеснаго. Ставши взрослой, лѣтъ пятнадцати, она вышла разъ въ поле посмотрѣть на овецъ своего отца, которыя тамъ паслись. Въ это время случилось встрѣтить ее на пути епарху восточныхъ странъ, по имени Олимврію, лютому мучителю христіанъ, который ѣхалъ въ Антіохію Писидійскую; увидѣвъ красавицу дѣвушку, епархъ поразился ея необычайной красотой, тотчасъ увлекся ею и задумалъ взять ее себѣ въ жены. Онъ остановился и сталъ разспрашивать дѣвицу:

— Какого ты рода, дѣвушка, чья дочь и какъ тебя зовутъ? Скажи мнѣ правду о себѣ. Я вижу, что ты очень хороша собой; если ты свободныхъ родителей, то я вступлю съ тобой въ законный бракъ, если же ты чья-нибудь рабыня, то я выкуплю тебя и возьму къ себѣ.

Дѣвица же, отличаясь цѣломудріемъ больше, чѣмъ красотой своей, кротко отвѣтила, чья она дочь и какъ ее зовутъ; не утаила и того, что она—Христова раба, вѣруетъ во Единаго Бога, Создавшаго небо и землю, соединена съ Нимъ сердечною любовью и иного жениха не желаетъ. Услышавъ, что она христіанка, епархъ, которому дано было разрѣшеніе мучить христіанъ, велѣлъ своимъ воинамъ взять ее и вести за собой въ городъ, однако почтительно: отъ ея дѣвичьихъ благоразумныхъ словъ онъ еще больше полюбилъ ее и понадѣялся скоро угрозами мукъ отвратить ее отъ Христа и уговорить вступить съ нимъ въ бракъ. Дѣвица же, будучи ведена воинами, молилась во всеуслышаніе Богу, говоря:

— Господи Іисусе Христе, Боже мой! Не оставь меня и не отдай души моей въ погибель! Пусть не одолѣютъ меня враги мои, пусть не осквернится слухъ мой ихъ лукавыми рѣчами, пусть не уступитъ умъ мой ихъ сквернымъ соблазнамъ, пусть не устрашится сердце мое ихъ страшныхъ угрозъ! Не попусти вѣрѣ моей быть вверженной въ грязь и тину, чтобъ не порадовался мнѣ діаволъ, ненавидящій добро, но пошли мнѣ помощь съ высоты Своего Престола, дай премудрость, открой уста мои, чтобы, подкрѣпленная Твоей силой и умудренная Твоей благодатью, я безъ страха отвѣчала на вопросы мучителя! Ей, Господи мой, призри милостію въ этотъ часъ на меня; вотъ, я теперь какъ овца среди волковъ, какъ птица среди ловцовъ и какъ рыба въ сѣтяхъ; приди же и избавь меня отъ козней вражіихъ!

Такъ молилась святая по пути, пока не дошли до города Антіохіи Писидійской.

Прибывъ въ городъ, епархъ, по своему нечестивому обычаю, сначала принесъ жертвы сквернымъ своимъ богамъ, принесъ торжественную похвалу своимъ царямъ, взялъ, какихъ нашелъ, христіанъ и ввергъ въ темницу, чтобъ стерегли ихъ до мученій; а дѣвицу Марину поручилъ беречь нѣкоторымъ знатнымъ женщинамъ. На слѣдующій день, устроивъ торжественный судъ, приказалъ сначала привести на допросъ святую Марину: онъ все думалъ о ней. Дѣвушку привели, а онъ съ сладострастіемъ смотрѣлъ на необыкновенную красоту ея и все болѣе и болѣе разгорался къ ней плотскою любовью. Потомъ онъ началъ съ коварствомъ говорить ей:

— Знаютъ всѣ боги, прекрасная дѣвица, какъ я жалѣю твою юность и щажу молодое тѣло твое, цвѣтущее красотою. Поэтому прошу тебя, послушайся меня,—принеси жертву богамъ, и тебѣ

будетъ хорошо: ты тотчасъ получишь много имущества, будешь богата, станешь счастливѣе всѣхъ своихъ сверстницъ и будешь пользоваться почетомъ больше всѣхъ женщинъ въ этомъ городѣ.

Святая же Марина отвѣчала:

— Я научилась исповѣдовать Небеснаго Отца, и Его Единороднаго Сына, и Пресвятаго Духа—Единаго въ Троицѣ Бога Истиннаго и Живаго и привыкла Ему поклоняться и Ему приносить всегда жертву хваленія, и я не поклонюсь богамъ, которыхъ не знаю, и не принесу имъ жертвы: они бездушны, безчувственны и не знаютъ сами себя: они не знаютъ, почитаютъ ли ихъ или безчестятъ. Я не воздамъ имъ той почести, какая подобаетъ моему Создателю!

Епархъ сказалъ:

— Прошу тебя опять, Марина, послушайся меня, почти непобѣдимыхъ боговъ; они хорошо знаютъ, что если ты послушаешься моего совѣта, то тотчасъ на глазахъ у всѣхъ гражданъ удостоишься великой чести: я возьму тебя въ жены себѣ, всѣ тебя будутъ уважать какъ мою возлюбленную супругу, и дамъ я тебѣ почетъ и славу, а ты мнѣ принесешь радость и усладишь мою жизнь! Если же ты не послушаешь меня и отвергнешь любовь мою къ тебѣ, то знай—ты испытаешь много зла: ты заставишь меня, хоть я и не хочу этого, мучить тебя и погубить такую красоту твою, здоровье и сладостную жизнь; ты подвергнешься жестокимъ, нестерпимымъ мукамъ и погибнешь отъ огня и желѣза!

Отвѣчала святая:

— Не надѣйся, епархъ, перемѣнить мою вѣру во Христа на ваше безвѣріе —ни ласками, ни угрозами: я—вѣрная раба моего Владыки, пострадавшаго добровольно за меня. Если Онъ за меня претерпѣлъ распятіе на крестѣ и смерть, не щадя Своего пресвятаго тѣла, принятаго отъ Пречистой Дѣвы Маріи, то и я должна за Него всячески страдать и умереть, нимало не щадя своего грѣшнаго тѣла и здоровья. Не думай испугать меня своими угрозами: я готова на всякія муки и на смерть. Укрѣпитъ меня Тотъ, на Кого надѣюсь! А что ты мнѣ говоришь о супружествѣ, почетѣ, славѣ и богатствѣ, то все это для меня противно и мерзко. Неужели я оставлю Безсмертнаго Жениха моего Христа, Царя Небеснаго, и вступлю въ бракъ съ псомъ смердящимъ, мертвымъ душою? Никогда!

Услышавъ такія смѣлыя слова святой Марины, епархъ раздосадовался, оскорбился, сильно разгнѣвался и тотчасъ, перемѣнивъ

любовь на вражду и ненависть, велѣлъ снять одежды съ невѣсты Христовой, приказалъ положить ее на землѣ и бить прутьями безъ пощады. Долго били святую безъ милости; ея дѣвическое тѣло разрывалось отъ ранъ, и кровь текла изъ ранъ ручьями, обагряя землю. Смотря на это, народъ проникался къ ней жалостью, что такъ жестоко мучатъ такую красивую дѣвушку, и многіе плакали. Глашатай же кричалъ:

— Марина, принеси жертву богамъ, не губи понапрасну красоты своей и не лишай себя преждевременно этой сладкой жизни!

Но мученица, возведя къ Богу свои духовныя очи, молилась, прося помощи свыше и укрѣпленія въ страдальческомъ подвигѣ; она не чувствовала боли въ мученіи, подкрѣпляемая благодатіею Христовой: словно раны налагались не на нее, а на чужое тѣло. Говорили ей нѣкоторые изъ народа:

— Дѣвушка, для чего ты сама губишь свою красоту? Отчего ты не покоряешься? Смотри, какъ жестокъ судья, онъ погубитъ тебя, и память о тебѣ исчезнетъ съ земли; мы жалѣемъ тебя!

А святая громко отвѣчала имъ съ укоромъ:

— Лукавые совѣтники, злые помощники, вы стараетесь соблазнить меня! Какъ древній змѣй подалъ Евѣ лукавый совѣтъ въ раю, такъ вы теперь совѣтуете мнѣ отступить отъ Бога моего; прочь отъ меня, беззаконные: не соблазнить вамъ меня, ибо я всей душой предана Христу!

Потомъ, когда палачи перестали ее бить, сказалъ мучитель страдалицѣ:

— Это—начало твоихъ мукъ, Марина, и если ты будешь упорствовать въ непокорствѣ, то испытаешь еще бо́льшія муки.

Святая отвѣчала:

— Дѣлай все, что угодно тебѣ и отцу твоему діаволу; я не обращаю вниманія на муки, ибо мнѣ помогаетъ Христосъ, Который скоро посрамитъ всѣ ваши хитрости.

Епархъ еще больше разгнѣвался и приказалъ прибить ее гвоздями къ доскѣ и желѣзными трезубцами строгать ея тѣло. Она же, поднявъ глаза къ Небу, говорила:

— Окружили меня враги мои, замышляя зло противъ меня, но Ты, Господи мой, призри на меня и помилуй меня, пошли мнѣ помощь Животворящаго Твоего Духа. Пусть Онъ умудритъ меня исповѣдовать Пресвятое Имя Твое до послѣдняго издыханія, пусть дастъ мнѣ крѣпость мужественно противиться діаволу и

слугамъ его, чтобъ я одолѣла и посрамила ихъ; удостой меня быть образцомъ для любящихъ Тебя и хранящихъ свое дѣвство ради Тебя, чтобъ стать мнѣ вмѣстѣ съ ними по правую сторону во время праведнаго Суда Твоего!

Такъ молилась святая, и жестокіе слуги жестокаго мучителя, словно людоѣды, все сильнѣе терзали трезубцами тѣло святой, и отваливалось тѣло кусками съ кровью на землю, такъ что были видны голыя кости. Епархъ не могъ смотрѣть на такое мученіе; онъ закрылъ свое лицо и отвернулся, а всѣ присутствующіе изумлялись такому терпѣнію святой. Потомъ снова заговорилъ съ ней мучитель:

— До какихъ же поръ ты будешь упорствовать, Марина? вотъ, уже и тѣло твое растерзано; хоть теперь согласись принести богамъ жертву, чтобъ тебѣ не погибнуть совсѣмъ.

Мученица отвѣчала:

— Мерзкій песъ! Свинья! Ты пожираешь человѣческое мясо и притворяешься милосерднымъ, будто жалѣешь меня! Я сама себя не жалѣю ради Христа, не пощадившаго Себя, но отдавшагося за меня на бо́льшія муки. Если я послушаю твоего безумнаго совѣта и пощажу свое тѣло, то какъ же увѣнчается моя душа въ Царствѣ Небесномъ?

Послѣ того епархъ велѣлъ снять мученицу съ гвоздей и запереть въ особую темницу, глубокую и мрачную, полную всякихъ бѣсовскихъ страшилищъ, куда бывали заключаемы осужденные на смерть.

Сидя въ этой темницѣ одна (другихъ осужденныхъ тогда не было тамъ), святая мученица молилась Богу въ теплотѣ души своей, взывая изъ глубины сердца:

«Боже Вышній, Тебѣ предстоятъ со страхомъ всѣ Небесныя Силы, и всѣ Начала и Власти трепещутъ предъ Лицемъ Твоимъ, и всякое созданіе Твоею всемогущей силой сохраняется, измѣняется и обновляется! Ты, Владыка, призри съ небесной высоты, съ Престола славы Своей на меня—смиренную, непотребную и недостойную рабу Твою: на Тебя надѣюсь, къ Тебѣ прибѣгла я и страдаю Твоего ради Имени. Призри, Благоутробный, и исцѣли мое тѣло, израненное, какъ разорванное одѣяніе, обнови мою душу и сохрани ее для Твоего Царства. Дай мнѣ одолѣть и попрать моего врага, какъ попирается ногами песокъ, чтобъ мнѣ стереть его силу Твоею непобѣдимою помощью и чтобъ прославилось во мнѣ Пресвятое Имя Твое во вѣки».

Наступила ночь, а святая все не переставала молиться Богу; тогда діаволъ осмѣлился испугать мученицу мечтательнымъ страшилищемъ: такъ попустилъ Богъ для бо́льшаго прославленія Своей угодницы. Внезапно потряслась темница, и показался какой-то мрачный свѣтъ, какъ будто отъ огня въ дыму; затѣмъ явился діаволъ въ видѣ пестраго, громаднаго, страшнаго змѣя, а тѣло его, насколько было видно, окружало и опоясывало множество меньшихъ змѣй и ехиднъ. Змѣй ужасно свистѣлъ и, зіяя огромной и жадной пастью, испускалъ нестерпимый смрадъ; онъ обошелъ вокругъ мученицы, наводя на нее страхъ и ужасъ; потомъ раскрылъ свою мерзкую пасть, напалъ на святую и схватилъ ея голову, стараясь проглотить. Казалось, мученица проглочена змѣемъ, какъ нѣкогда Пророкъ Іона китомъ[1]). Однако, она не отчаялась и не усумнилась, но, вперивши весь свой умъ въ Бога, осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ и тотчасъ увидѣла, что утроба змѣя разсѣлась, а она сама избавилась отъ него и была цѣла и невредима; и въ то же время погибло все то бѣсовское страшное привидѣніе: земля разверзлась, поглотила змѣя и всѣхъ змѣй съ нимъ и бросила ихъ въ адъ; святую же мученицу осіялъ Небесный свѣтъ. Посмотрѣвъ вверхъ, она увидѣла, что открылась кровля темницы и на нее сходятъ сверху какъ бы лучи солнечные; увидѣла она также большой крестъ, сіяющій несказаннымъ свѣтомъ, а надъ крестомъ—голубку, бѣлую какъ снѣгъ, которая говорила ей человѣческимъ голосомъ:

— Радуйся, Марина, разумная голубица Христова, что побѣдила злого врага! Радуйся и веселись, дочь горняго Сіона, что пришелъ день веселія твоего, когда выйдешь ты съ мудрыми дѣвами въ чертогъ нетлѣнный безсмертнаго Жениха, Царя Небеснаго!

При этихъ словахъ голубки Марину охватила несказанная радость и сладость, растерзанное ея тѣло начало заживать, и она сама чувствовала, какъ раны ея заростали, язвы покрывались кожею, исчезала боль и немощь, и стала она опять, какъ прежде здорова и прекрасна всѣмъ тѣломъ. Она радостно благодарила Бога:

— Благословляю Тебя, Владыка, и прославляю Тебя, Господи Боже мой; восхваляю Имя Твое, что Ты сжалился надо мной,

---

[1]) Кн. Прор. Іон., гл. 2, ст. 1.

посѣтилъ меня, исцѣлилъ мое тѣло, укрѣпилъ мою душу и не предалъ меня въ руки враговъ моихъ, но, показавъ мнѣ ихъ ужасный видъ, бросилъ ихъ въ глубочайшую бездну и отогналъ отъ меня ихъ ужасъ; теперь же, радуясь и веселясь о Тебѣ, Богѣ Спасителѣ моемъ, молю Тебя, Благаго Человѣколюбца, сподобь меня бани Святаго Крещенія, чтобъ я, омытая кровью и водой, стала достойной войти въ Твой Небесный чертогъ со святыми дѣвами, невѣстами Твоими, такъ какъ Ты благословенъ во вѣки!

Въ такихъ видѣніяхъ и откровеніяхъ и въ такомъ торжествѣ и радости провела святая Марина всю ту ночь, пока не начался день и не настало время ея послѣдняго подвига.

Съ наступленіемъ утра епархъ Олимврій опять сѣлъ на неправедный и нечестивый судъ свой; весь народъ собрался на зрѣлище. Приказано было привести изъ темницы мученицу на допросъ. Увидѣвъ ее съ свѣтлымъ лицомъ, совсѣмъ здоровою и невредимою, даже безъ слѣда вчерашнихъ ранъ, епархъ очень удивился и молчалъ въ изумленіи, недоумѣвая, какъ это мученица, израненная вчера, за одну ночь совершенно выздоровѣла. Удивлялся и народъ этому чудесному исцѣленію: одни превозносили силу Христову, другіе же относили это къ волшебству. Потомъ епархъ, съ трудомъ открывъ свои уста, сталъ говорить святой:

— Видишь, Марина, какъ наши боги заботятся о тебѣ! Они сжалились надъ твоей юностью и красотой и исцѣлили тебя отъ твоихъ ранъ. Нужно и тебѣ въ благодарность за полученное отъ нихъ благодѣяніе принести имъ жертвы; а еще больше, тебѣ нужно быть подражательницей и преемницей своего отца: онъ служитъ богамъ въ санѣ жреца, и тебѣ нужно стать жрицею и служить имъ всю жизнь.

Святая отвѣчала:

— Не подобаетъ мнѣ оставить Бога моего Истиннаго и Живаго и служить ложнымъ и мертвымъ богамъ вашимъ; наоборотъ, тебѣ необходимо познать Единаго Бога Небеснаго и увѣровать въ Него, видя на мнѣ такую силу Его: ты вчера растерзалъ меня на части, а Онъ нынѣ сразу сдѣлалъ меня здоровой и невредимой! Онъ—Всемогущій врачъ душъ и тѣлъ человѣческихъ!

Ожесточенный епархъ опять велѣлъ мучить святую. Опять ее повѣсили на дерево, принесли зажженныя свѣчи и стали опалять ей грудь и бока; она же, углубившись внутрь себя, молилась въ глубинѣ сердца Богу и молча терпѣла; она была обожжена,

какъ уголь, и истерзана, будто мясо въ пищу. И когда ее, еле живую, сняли съ дерева, она громко сказала:

— Господи! Ты сподобилъ меня за Имя Твое пройти черезъ огонь, сподобь пройти и черезъ воду Святаго Крещенія и, омытую отъ грѣховъ, введи меня въ покой Твой.

А мучитель, услышавъ, что мученица упомянула о водѣ, сказалъ:

— Хочетъ пить, окаянная; надо напоить ее!

И онъ велѣлъ принести огромную бочку съ водой и бросить въ нее связанную мученицу, чтобы погрузить ее туда и утопить. Когда слуги взяли ее, чтобъ бросить въ воду, она громко сказала:

— Господи Іисусе Христе, выводящій изъ оковъ, разрѣшающій узы смерти и ада и поднимающій изъ гробовъ маніемъ Божественной силы Твоей! Призри на рабу Свою и расторгни узы мои! И пусть эта вода будетъ мнѣ желаемымъ Святымъ Крещеніемъ на рожденіе въ жизнь вѣчную, чтобъ, совлекшись ветхаго человѣка, я облеклась въ новаго и явилась къ Тебѣ въ одеждѣ брачной въ Твой чертогъ!

Пока мученица такъ молилась, слуги бросили ее въ бочку съ водой, стали погружать ее въ воду и топить. Но вдругъ затряслась земля, и веревки, которыми была связана мученица, развязались, слуги же, объятые ужасомъ, разбѣжались отъ бочки; сверху надъ головой мученицы засіяли лучи несказаннаго свѣта, и снова явилась та, видѣнная ею прежде, бѣлая голубка, сходящая сверху, подобно солнцу, съ вѣнцомъ золотымъ въ устахъ; она парила надъ головою мученицы, касалась ея ногами и опять летѣла ввысь. Видѣніе это было видимо не только святою, но и нѣкоторыми изъ присутствовавшихъ, которые были достойны такого видѣнія: многіе изъ народа были тайными христіанами и сподобились видѣть это. Святая же стояла въ водѣ, не погружаясь, пѣла, славя и благословляя великое Имя Пресвятой Троицы—Отца, и Сына, и Святаго Духа. Потомъ показался огненный столпъ надъ святою, достигавшій неба, а на столпѣ — крестъ, какъ бы хрустальный, испускавшій свѣтлые лучи; голубка взлетѣла и сѣла на верху креста. И послышался свыше голосъ, и всѣ слышали его:

— Миръ тебѣ, невѣста Христова Марина! Нынѣ ты примешь неувядающій вѣнецъ добродѣтели отъ руки Господней и почіешь въ Царствѣ Небесномъ вмѣстѣ со святыми.

Услышавъ этотъ голосъ и увидѣвъ, что мученица вышла изъ воды здоровою, безъ всякаго слѣда обжоговъ, невредимою тѣ-

ломъ и прекрасною, тотчасъ великое множество мужчинъ и женщинъ увѣровали въ Христа, открыто признали себя христіанами и, казалось, были готовы на смерть за Христа. Игемонъ ужаснулся, увидѣвъ, что такое множество народа обратилось ко Христу, и недоумѣвалъ, что ему дѣлать; потомъ, разъяренный, онъ вывелъ на народъ вооруженное мечами войско, которое было при немъ, и велѣлъ рубить всѣхъ, кто только славилъ Имя Христово. Тогда и всѣ невѣрные или трусливые изъ народа убѣжали, а тѣ, кто истинно вѣровалъ, сами шли подъ мечъ. И пало убитыхъ обоего пола до пятнадцати тысячъ человѣкъ, которые, крестившись своей кровью и очистившись отъ всѣхъ грѣховъ, вошли въ радость Господа своего, увѣнчанные мученическимъ вѣнцомъ. Затѣмъ епархъ велѣлъ и мученицу усѣчь мечомъ. Когда святую вывели на мѣсто казни, она попросила тѣхъ, кто велъ ее, немного подождать и, обратившись къ слѣдовавшему за ней народу, увѣщевала всѣхъ познать Единаго Истиннаго Бога, Творца всего, и уклониться отъ бѣсовскаго обмана и погибели идолопоклонства. Потомъ она стала молиться и долго молилась за всѣхъ; вдругъ сотряслась земля, страхъ напалъ на всѣхъ, и многіе упали отъ страха на землю; упалъ и палачъ. Это Господь нашъ Іисусъ Христосъ явился съ Неба со святыми Ангелами Своей невѣстѣ, призывая ее въ Свой покой и простирая руки, чтобъ принять ея душу. Она же, несказанно обрадовавшись, побудила палача, чтобъ онъ поскорѣе исполнялъ, что ему приказано. Она подставила подъ мечъ честну́ю свою голову и была обезглавлена[1]); а душа ея была взята руками Господними и унесена въ Небесныя селенія. Такъ окончила свой мученическій подвигъ святая великомученица Марина семнадцатаго іюля. Страданіе же ея описалъ очевидецъ рабъ Божій Ѳеотимъ, видѣвшій все мученіе и сподобившійся быть зрителемъ тѣхъ видѣній, которыя были явлены святой; онъ передалъ это вѣрнымъ на пользу, въ честь и память возлюбленной невѣсты Христовой Марины и во славу Человѣколюбца Христа Спасителя нашего, Которому со Отцомъ и Святымъ Духомъ и отъ насъ пусть будетъ честь и слава, нынѣ и вѣчно. Аминь.

---

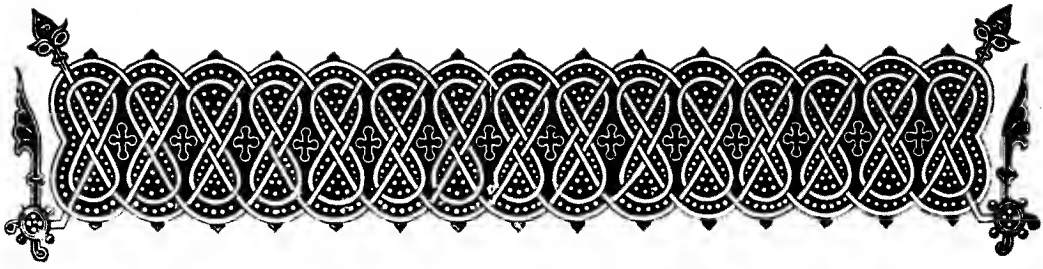
[1]) Кончина *св. мученицы Марины* послѣдовала въ концѣ III-го в. или въ нач. IV-го в. Честныя мощи ея находились въ Константинополѣ въ монастырѣ Пантепонта (Всевидца-Христа) до взятія Константинополя крестоносцами въ 1204 г. По другимъ извѣстіямъ, мощи ея въ 908 г. изъ Антіохіи были перенесены на Западъ и положены въ Монтѣ-Фіасконѣ, въ Тоскаинѣ; въ настоящее время часть мощей ея (рука) находится въ Ватопедскомъ монастырѣ, на Аѳонѣ.

Тропа́рь, гла́съ г҃:

Дѣ́вства добро́тами преиспещре́нна дв҃о, нетлѣ́нными вѣ́нцы вѣнча́лася є҆сѝ марі́но: кровьмѝ же мꙋ́ченичества ѡ҆багре́на, чꙋ́десы просвѣти́вшися и҆сцѣле́нїй, бл҃гоче́стнѡ мч҃нце прїѧ́ла є҆сѝ по́честь побѣ́ды твоегѡ̀ страда́нїѧ.

Въ тотъ же день **пренесеніе честныхъ мощей преподобнаго Лазаря,** въ Галисійской горѣ постившагося (память его празднуется 7-го ноября).

Въ тотъ же день **преставленіе преподобнаго Иринарха,** игумена **Соловецкаго,** въ 1628 году.



День восемнадцатый

СТРАДАНІЕ

СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ЕМИЛІАНА

Въ царствованіе нечестиваго Юліана Богоотступника[1]) было поднято жестокое гоненіе на христіанъ, которое, подобно вихрю или буре, смутило всю Вселенную. По всему царству Римскому, по всѣмъ областямъ и городамъ было разослано приказаніе, чтобъ христіане, къ какому бы племени и народу ни принадлежали, обоего пола и всякаго возраста, безъ милосердія отдавались на разныя муки и жестокую смерть. Такимъ неправеднымъ приказаніемъ богоненавистный царь этотъ нарушилъ правые законы и обагрилъ весь Востокъ и Западъ проливаемой нещадно христіанской кровью, пылая гнѣвомъ и враждой противъ Христа и Его рабовъ. Между другими жестокими игемонами, которыхъ онъ разсылалъ въ разныя области и города мучить христіанъ, онъ назначилъ въ городъ Доростолъ, въ области Мизіи, немилостиваго мучителя, по имени Капитолина, губителя людей и служителя идоловъ; прибывъ въ названный городъ, онъ прежде всего явился въ идольское капище, принесъ жертву бѣсамъ и поклонился бездушнымъ идоламъ. Потомъ на другой день онъ вышелъ на судилище, бывшее на площади, сѣлъ на высокомъ тронѣ, гордо и грозно на страхъ христіанамъ, и, объявивъ царское повелѣніе,

---

1) *Юліанъ Отступникъ* царствовалъ съ 361 г. по 363 г.

сталъ старательно разспрашивать, нѣтъ ли въ городѣ противниковъ богамъ, не называетъ ли тамъ кто себя христіаниномъ? Граждане съ клятвою утверждали, что у нихъ въ городѣ нѣтъ ни одного такого, но что всѣ поклоняются богамъ и приносятъ имъ ежедневно жертвы. Услышавъ это, игемонъ Капитолинъ весьма обрадовался и пригласилъ всѣхъ именитыхъ гражданъ къ себѣ на обѣдъ, сказавъ:

— Такъ какъ я вижу, что вы усердно почитаете отеческихъ боговъ, то намъ надо сегодня вмѣстѣ поѣсть, попить и повеселиться.

Былъ въ томъ городѣ одинъ тайный христіанинъ, по имени Емиліанъ, рабъ одного уважаемаго начальствующаго лица, язычника. Онъ во время пира игемона съ начальниками, улучивъ удобное время, вошелъ одинъ (никто его не видѣлъ) въ идольское капище, захвативъ съ собой желѣзный молотокъ, и началъ бить идоловъ; онъ разбилъ ихъ на куски, опрокинулъ ихъ алтари, разметалъ жертвы, сломалъ и раздробилъ огромныя свѣтильники, которыя стояли предъ идолами и, разоривъ все, какъ храбрый воинъ, ушелъ, радуясь и торжествуя въ душѣ. Послѣ него въ капище вошелъ кто-то изъ язычниковъ; увидѣвъ, что все разорено, онъ пришелъ въ ужасъ и поспѣшилъ сказать о томъ игемону и обѣдавшимъ вмѣстѣ съ нимъ гражданамъ. Тотчасъ всѣ встревожились, игемонъ пришелъ въ ярость и приказалъ разузнать, кто сдѣлалъ это; посланные поспѣшили и вскорѣ увидѣли какого-то поселянина, шедшаго мимо капища съ поля; они схватили его и потащили къ игемону, причемъ били его какъ злодѣя; и много народа съ жрецами шло за ними, причемъ всѣ говорили о поруганіи своихъ боговъ и приходили въ ярость. Блаженный же Емиліанъ, видя это, помыслилъ въ себѣ:

«Если я скрою свое дѣло, то какая мнѣ будетъ отъ этого польза? Я только больше отягощу свою совѣсть, или изъ-за меня убьютъ неповиннаго человѣка, и я буду убійцей предъ Богомъ».

Подумавъ такъ, онъ обратился къ тѣмъ, кто велъ и билъ поселянина, и старался остановить ихъ, громко крича:

— Пустите этого неповиннаго человѣка, возьмите меня: это я сокрушилъ и попралъ вашихъ бездушныхъ боговъ!

Тѣ, оставивъ поселянина, схватили съ яростью святаго Емиліана и повели его къ игемону съ побоями и оскорбленіями.

Игемонъ, сѣвъ на обычномъ мѣстѣ суда передъ всѣмъ народомъ и увидѣвъ приведеннаго къ нему Емиліана, спросилъ гражданъ:

— Кто это?

Граждане отвѣчали:

— Это злодѣй, сокрушившій боговъ и поправшій жертвы.

Игемонъ, преисполнившись гнѣва, обратился къ гражданамъ съ укоромъ:

— А вы раньше сказали, что въ вашемъ городѣ нѣтъ ни одного противника боговъ; вотъ, нашелся такой благодаря вашему нерадѣнію; за эту вину вы внесете въ царскую казну литру золота[1]).

Сказавъ это гражданамъ, онъ обратился къ Емиліану и гнѣвно началъ спрашивать его:

— Скажи намъ, нечестивецъ, какъ зовутъ тебя!

Доблестный воинъ Христовъ отвѣчалъ:

— Я — христіанинъ.

Игемонъ, еще больше разгнѣвавшись, сказалъ:

— Имя твое скажи намъ, мерзкій человѣкъ!

Ст҃ы́й мч҃нкъ
Е҆мі҆лі҆а́нъ

Мученикъ отвѣчалъ:

— Родители мои называли меня Емиліаномъ, Христосъ же, Истинный Богъ, сподобилъ меня быть и называться христіаниномъ.

Игемонъ спросилъ:

— Скажи, нечестивый человѣкъ, кто тебя научилъ нанести такое оскорбленіе безсмертнымъ богамъ?

Рабъ же Христовъ отвѣчалъ:

— Богъ и душа моя повелѣли мнѣ сокрушить бездушные истуканы, называющіеся у васъ богами, чтобъ всѣ видѣли, что они—

[1]) *Литра* — мѣра вѣса, равная 72 золотникамъ; въ серебрѣ стоила около 40 р., въ золотѣ — до 500 р.

бездушные, глухіе и нѣмые, что у нихъ нѣтъ разума, но что они камень и дерево, которое не чувствуетъ; знай же, что истинному Богу, сотворившему все, я не нанесъ оскорбленія, но оскорбилъ вашихъ ложныхъ боговъ, которые ничего не сотворили, но сами сдѣланы вами, и я бросилъ ихъ на землю, чтобъ они погибли навсегда!

Игемонъ сказалъ на это:

— Одинъ ты разбилъ боговъ или еще кто былъ съ тобою?

Отвѣчалъ святый:

— Одинъ я съ помощью Христа моего стеръ въ прахъ вашихъ идоловъ и попралъ ногами жертвы и свѣтильники ихъ; и ни одинъ не могъ отмстить мнѣ за обиду, даже не могъ уклониться отъ моихъ рукъ, такъ какъ они безсильны, безчувственны. Будьте же такими и вы, дѣлающіе ихъ, и всѣ, надѣющіеся на нихъ.

Игемонъ въ ярости приказалъ раздѣть раба Христова, чтобъ бить его. Когда сняли одежды съ мученика, игемонъ сказалъ ему:

— Скажи намъ, окаянный, кто тебя научилъ разбить боговъ?

Отвѣчалъ святый:

— Я уже тебѣ сказалъ раньше и еще скажу, что никто другой, какъ только Богъ и душа моя повелѣли мнѣ сдѣлать это.

Тогда игемонъ приказалъ слугамъ:

— Обнажите его и бейте сильнѣе, чтобъ онъ зналъ, что дерзость его не поможетъ ему и не избавитъ его никто отъ моихъ рукъ!

И начали съ жестокостью бить его.

Когда настолько уже побили мученика, что земля обагрилась кровью его, игемонъ спросилъ святаго:

— Скажи, окаянный, кто тебя научилъ сдѣлать это злодѣйство?

Мученикъ же среди побоевъ отвѣчалъ:

— Я сказалъ тебѣ, что мнѣ повелѣли сдѣлать это Богъ и душа моя, и ты все не вѣришь мнѣ; да я и не зло сдѣлалъ, а добро, потому что я посрамилъ бѣса и прославилъ Бога.

Игемонъ сказалъ слугамъ:

— Переверните его и бейте по животу и груди: гордъ онъ, ослушникъ царскихъ законовъ!

И долго нещадно били мученика; потомъ игемонъ велѣлъ перестать бить святаго и спросилъ его:

— Ты рабъ или свободный?

— Я — рабъ градоначальника,—отвѣчалъ святый.

Тогда игемонъ прогнѣвался на градоначальника, хозяина Емиліана, за то, что держитъ у себя такого раба, противника боговъ и непокорнаго царскому повелѣнію, приговорилъ его къ уплатѣ въ царскую казну штрафа въ литру серебра, а мученика осудилъ на сожженіе. Тотчасъ же слуги и множество народа схватили святаго и повели вонъ изъ города; затѣмъ на берегу рѣки Дуная, разведя огромный костеръ, бросили въ него мученика. Пламя огненное окружало святаго, но не касалось его; потомъ разлилось вокругъ на далекое разстояніе и пожгло всѣхъ невѣрныхъ, до кого только достигало, иныхъ сильно опалило, а прочіе едва убѣжали. Бывшіе же среди народа тайные христіане не получили никакого вреда отъ огня, хотя пламя и доходило до нихъ. Святый стоялъ въ огнѣ, лицомъ на востокъ, ограждая себя крестнымъ знаменіемъ и благословляя Бога. Помолившись же, сколько захотѣлъ, онъ сказалъ:

— Господи Іисусе Христе, пріими духъ мой![1])

Съ этими словами онъ возлегъ и почилъ о Господѣ, когда огонь уже угасалъ. Тѣло его нисколько не было повреждено огнемъ, даже волосы не опалились. И тѣ изъ гражданъ, которые были тайными христіанами, пошли къ женѣ игемона, исповѣдывавшей также втайнѣ христіанскую вѣру, разсказали ей все о святомъ и убѣдили ее выпросить у мужа для погребенія тѣло мученика, чудесно не тронутаго огнемъ. Она упросила мужа, и тотъ позволилъ безпрепятственно взять тѣло святаго. И взяли его вѣрные, обвили пеленой съ ароматами и похоронили съ честію на мѣстѣ, называемомъ Гизидина, отстоявшемъ за три поприща отъ города[2]). Пострадалъ за Христа святый мученикъ Емиліанъ восемнадцатаго іюля, въ пятницу, отъ Капитолина игемона, въ царствованіе надъ Римлянами и Греками Юліана Отступника, а надъ нами—Владыки нашего Іисуса Христа, съ нимъ же Отцу и Святому Духу возсылается честь и слава, нынѣ и въ безконечные вѣки. Аминь.

---

[1]) Кончина *святаго мученика Емиліана* послѣдовала въ 363 г.

[2]) Впослѣдствіи въ Константинополѣ была выстроена церковь въ честь святаго мученика Емиліана, въ которую и были перенесены честныя мощи мученика. Мѣстность въ Константинополѣ, гдѣ былъ выстроенъ этотъ храмъ, называлась Равдой (отъ греч. слова ῥάβδος—жезлъ,—т. е. Моисеевъ, принесенный при имп. Константинѣ Великомъ въ Константинополь и положенный въ церкви Богоматери, близъ коей былъ храмъ Емиліана).

Конда́къ, гла́съ г҃:

Бж҃е́ственною ре́вностїю распала́емь, ѻ҆гнѧ̀ сослꙋжа́щагѡ не ᲂу҆страши́лсѧ є҆сѝ, но возше́дъ небоѧ́зненнѡ во́лею, возгнѣща́емымъ ѻ҆гне́мъ всесожже́гсѧ, и҆ вл҃цѣ ꙗ҆́кѡ же́ртва прине́слсѧ є҆сѝ мч҃нче, сла́вне є҆мїлїа́не. хр҃та̀ бг҃а молѝ, дарова́ти на́мъ ве́лїю мл҃ть.

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ПАМВЫ

Преподобный Памва прожилъ до старости постникомъ въ пустынѣ у горы Нитрійской, въ Египтѣ[1]). Объ его добродѣтельной, богоугодной и святой жизни разсказываютъ многіе великіе отцы, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго повѣствованія, собраннаго изъ различныхъ источниковъ. Прежде всего, преподобный Антоній Великій[2]) сказалъ о немъ, что страхомъ Божіимъ (котораго былъ преисполненъ Памва) онъ вселилъ въ себя Духа Божія. Преподобный Пименъ[3]) сказалъ:

— Три дѣла мы видѣли у отца Памвы: голодъ всякій день, молчаніе и рукодѣліе.

Преподобный Ѳеодоръ Студитъ[4]) о томъ же блаженномъ отцѣ даетъ такое свидѣтельство: **па́мва и҆ дѣѧ́нїемъ и҆ сло́вомъ да ᲂу҆блажи́тсѧ досто́йнѡ, ꙗ҆́кѡ высо́кїй**[5]). Сократъ же Схоластикъ[6]) пишетъ

---

[1]) *Египетъ* былъ обычнымъ мѣстомъ обитанія многихъ подвижниковъ. Обители иноковъ находились какъ въ Среднемъ, такъ и Нижнемъ Египтѣ. Особенно славилась въ Египтѣ пустыня Нитрійская, находившаяся въ Нижнемъ Египтѣ и лежавшая вглубь страны, за рѣкою Ниломъ.

[2]) Память его празднуется Св. Церковію 17-го января.

[3]) Память его—27-го августа.

[4]) Память его—11 ноября и 26 января.

[5]) Канонъ въ Субботу Сырную, пѣснь 5-я (этотъ канонъ написанъ преп. Ѳеодоромъ Студитомъ).

[6]) *Сократъ Схоластикъ*—греческій церковный историкъ, жившій въ V в. Онъ написалъ «Церковную исторію», доведенную до царствованія императора Ѳеодосія II.— Указываемое ниже мѣсто изъ сочиненія Сократа Схоластика находится въ 4-ой книгѣ его «Церковной исторіи» (глава 18-я).

Прп҃бный
на́мва

о немъ, что въ началѣ своего иночества онъ, будучи неграмотнымъ, пришелъ къ одному изъ братій, чтобъ научиться у него Псалмамъ Давидовымъ. Услышавъ въ самомъ началѣ первый стихъ тридцать восьмого Псалма, а именно: **сохраню̀ пꙋ-тѝ моѧ̑, є҆́же не согрѣша́ти мн ꙗ҆зы́комъ мои́мъ**, онъ не захотѣлъ слушать другихъ стиховъ, но ушелъ со словами:

— Довольно мнѣ этого одного стиха, если я научусь исполнять его на дѣлѣ.

И послѣ уже не приходилъ къ учителю.

Спустя шесть мѣсяцевъ его увидалъ гдѣ-то учитель и спросилъ его:

— Почему ты до сихъ поръ не приходилъ ко мнѣ?

Памва отвѣтилъ:

— Не научился еще исполнять на дѣлѣ того стиха.

Потомъ, по прошествіи многихъ лѣтъ, одинъ изъ знакомыхъ отцовъ спросилъ его:

— Научился ли ты уже, братъ, тому стиху?

Памва отвѣтилъ:

— Девятнадцать лѣтъ не переставая учился и едва привыкъ на дѣлѣ исполнять то, чему онъ учитъ.

Хотя сначала святый Памва былъ неграмотенъ, но впослѣдствіи онъ былъ умудренъ Богомъ и хорошо зналъ Священное Писаніе, даже для другихъ онъ былъ умѣлымъ учителемъ (какъ пишетъ о немъ Палладій[1]); слѣдующіе четыре брата, славные въ Египтѣ, были его учениками: Діоскоръ, Аммоній, Евсевій и Евѳимій, называемые великими и упоминаемые въ житіи святаго Іоанна Златоустаго[2]). Первый изъ нихъ, Діоскоръ, былъ потомъ епископомъ Ермопольскимъ; это не тотъ Діоскоръ, который былъ еретикомъ и

---

[1]) Память его празднуется Св. Церковію въ Сырную Субботу.

[2]) Память его — 13 ноября.

проклятъ на Четвертомъ Вселенскомъ Соборѣ святыхъ Отцовъ[1]), но другой того же имени, жившій раньше. Кромѣ того, и Драконтій честнòй, упоминаемый въ житіи преподобнаго Иларіона Великаго[2]), епископъ и исповѣдникъ Христовъ, претерпѣвшій изгнаніе отъ аріанъ, былъ также ученикомъ блаженнаго Памвы въ юности своей. Учителемъ сихъ-то учениковъ былъ Памва.

Этотъ преподобный между многими иными великими добродѣтелями отличался еще совершеннымъ презрѣніемъ къ золоту и серебру. Когда святая Меланія Римлянка[3]), повсюду раздавая все свое богатое имущество нуждающимся Христа ради, прибыла въ Александрію, то, услышавъ о святомъ Памвѣ, пришла къ нему вмѣстѣ со страннопріимцемъ пресвитеромъ Исидоромъ александрійскимъ; она принесла съ собою триста литръ серебра и просила Памву взять себѣ сколько хочетъ изъ принесеннаго ею серебра. Но онъ даже не взглянулъ на него и не пересталъ рукодѣльничать,—онъ плелъ рогожку,—а только отвѣтилъ ей:

— Да вознаградитъ тебя Господь за твое усердіе, которое ты имѣешь къ Нему.

Когда же она продолжала настойчиво просить его взять сколько-нибудь, преподобный сказалъ служащему ему брату:

— Возьми, что даютъ, съ осторожностію и снеси и раздай братьямъ въ Ливіи[4]) и на островахъ: они очень бѣдствуютъ, такъ какъ земля у нихъ безплодна, а братьямъ египетскихъ монастырей ничего не давай, потому что ихъ земля плодородна, и они могутъ имѣть достатокъ отъ своего труда.

Тогда блаженная Меланія отдала все принесенное серебро тому брату для раздачи бѣднымъ и сказала преподобному Памвѣ:

— Отче, замѣть, сколько я даю серебра: триста литръ.

Онъ же отвѣтилъ ей:

— Богъ, Которому ты принесла серебро, дочь моя, не спрашиваетъ тебя, сколько ты принесла: неужели измѣряй землю

---

[1]) *Четвертый Вселенскій Соборъ* происходилъ въ 451 г. въ Халкидонѣ и былъ созванъ императоромъ Ѳеодосіемъ II для осужденія ереси евтихіанской. Основателемъ этой ереси былъ константинопольскій архимандритъ Евтихій, который утверждалъ, что въ Іисусѣ Христѣ человѣческое естество при ѵпостасиомъ соединеніи было совершенно поглощено божескимъ. Соборъ осудилъ лжеучителя. На этомъ же Соборѣ былъ осужденъ и Діоскоръ, Патріархъ Александрійскій, раздѣлявшій лжеученіе Евтихія.

[2]) Память его празднуется Св. Церковію 21-го октября.

[3]) Память ея—31-го декабря.

[4]) *Ливія* находилась въ Сѣверной Африкѣ.

горстію и поставляяй горы въ мѣрилѣ[1]) не знаетъ о количествѣ твоего серебра? Если бъ ты мнѣ давала серебро, то, разумѣется, ты сказала бы мнѣ, сколько даешь, а ты даешь его Богу, Который не презрѣлъ и двухъ лептъ вдовицы, но принялъ ихъ охотнѣе многихъ богатствъ[2]); такъ молчи, **не вострубѝ** передъ собой![3])

Къ преподобному Памвѣ пришелъ однажды отецъ Піоръ и принесъ съ собою небольшой кусокъ черстваго хлѣба. На вопросъ Памвы:

— Зачѣмъ, отецъ, ты принесъ съ собой хлѣба?

Піоръ отвѣчалъ:

— Чтобъ не стѣснить тебя (то есть чтобъ не обидѣть тебя хлѣбомъ, а ѣсть свой).

Черезъ нѣсколько дней преподобный Памва отправился къ отцу Піору, захвативъ съ собою кусокъ своего черстваго хлѣба, обмакнувъ его въ водѣ. Увидѣвъ это, Піоръ спросилъ:

— Зачѣмъ ты, отецъ, принесъ намоченный хлѣбъ?

Онъ отвѣчалъ:

— Чтобъ не только въ хлѣбѣ, но и въ водѣ не стѣснить тебя.

Однажды святый Аѳанасій Александрійскій[4]) попросилъ отца Памву прійти къ нему въ Александрію. На пути старецъ съ нѣсколькими братьями увидѣлъ сидящихъ мірянъ, которые не обращали вниманія на проходившихъ иноковъ; Памва сказалъ этимъ мірянамъ:

— Встаньте и привѣтствуйте монаховъ съ почтеніемъ, чтобъ получить отъ нихъ благословеніе: они часто бесѣдуютъ съ Богомъ, и уста ихъ священны.

Потомъ, пришедши въ городъ, онъ увидѣлъ публичную женщину, разодѣтую на соблазнъ людской; и заплакалъ старецъ. Тогда братія спросили его:

— Что ты плачешь, отецъ?

Онъ отвѣчалъ:

— Я плачу по двумъ причинамъ: о погибели души этой женщины и о томъ, что у меня нѣтъ такого усердія къ своей душѣ,

---

1) Кн. Прор. Исаіи, гл. 40, ст. 12. **Поставляяй горы въ мѣрилѣ**—взвѣшивающій на вѣсахъ горы (выраженіе образное).

2) Еванг. отъ Марка, гл. 12, ст. 42.

3) Еванг. отъ Матѳея, гл. 6, ст. 2.

4) Память его 2-го мая и 18-го января.

какое она имѣетъ къ своему тѣлу. Она разукрасилась такъ, чтобъ угодить людямъ, а я не забочусь украсить свою душу, чтобъ она угодна была Богу.

Будучи всегда преисполненъ умиленія, преподобный Памва никогда не смѣялся, никогда на лицѣ его не было даже улыбки. Однажды бѣсы захотѣли заставить его засмѣяться; они привязали веревку къ перу и потащили у него передъ глазами, словно какую тяжелую кладь, говоря и крича другъ другу:

— Помогите! помогите!

Увидѣвъ это, отецъ Памва разсмѣялся. Тогда бѣсы, обрадовавшись, закричали:

— Вотъ, наконецъ, Памва засмѣялся!

А онъ возразилъ имъ:

— Я не смѣялся, а посмѣялся надъ вашей немощью: одного пера поднять не можете!

Бѣсы убѣжали пристыженные.

Ученики его разсказываютъ о немъ еще, что онъ былъ очень остороженъ въ разговорѣ и разсудителенъ въ отвѣтахъ. Когда его спрашивали о чемъ-нибудь изъ Божественнаго Писанія или о какомъ-либо дѣлѣ, онъ не тотчасъ отвѣчалъ, но сначала долго молчалъ и раздумывалъ самъ съ собой, а потомъ часто говаривалъ:

— Я не знаю, что отвѣтить на этотъ вопросъ.

И только черезъ три дня или три недѣли, а иногда и черезъ три мѣсяца онъ давалъ отвѣтъ на вопросъ. Отвѣты его бывали справедливы и весьма полезны, такъ какъ влагались въ его разумъ Божіей благодатью. Поэтому всѣ принимали слова изъ его устъ со страхомъ, какъ изъ устъ Божіихъ: Богъ говорилъ его устами.

Во времена этого преподобнаго были въ тѣхъ же египетскихъ странахъ два родные брата, Паисій и Исаія, дѣти богатыхъ родителей; отецъ ихъ былъ извѣстный купецъ, который ѣздилъ съ дорогими товарами до самой Испаніи. Раздѣливши между собою большое богатство, доставшееся имъ послѣ смерти ихъ родителей, они сказали другъ другу:

— Какую мы выберемъ себѣ жизнь? Если будемъ заниматься торговлей, какъ нашъ отецъ, то кто знаетъ, кому достанутся послѣ насъ плоды нашихъ трудовъ? Да еще придется постоянно бояться, чтобъ не попасть въ какую бѣду: разбои, кораблекрушенія. Вы-

беремъ лучше жизнь монашескую, вложимъ отцовское имѣніе въ небесную сокровищницу; поступивъ такъ, мы и души свои спасемъ.

Посовѣтовавшись такъ, оба они отказались отъ міра. Одинъ тотчасъ же свою часть наслѣдства роздалъ нищимъ, церквамъ и монастырямъ, ничего не оставивъ себѣ, ушелъ въ пустыню и научился тамъ какому-то небольшему ремеслу, съ помощью котораго и кормился трудами своихъ рукъ; и жилъ онъ одинъ богоугодно, прилежно постясь и трудясь. Другой же построилъ себѣ маленькій монастырь неподалеку отъ мірскихъ жилищъ и, принявъ къ себѣ немногихъ братьевъ, давалъ пріютъ странникамъ и кормилъ нищихъ. Построивъ страннопріимный домъ и больницу, онъ давалъ пріютъ всѣмъ приходившимъ и служилъ весьма усердно больнымъ, а въ субботу и воскресенье онъ устраивалъ по два, по три и по четыре обѣда для нищихъ. Поживъ такимъ образомъ нѣсколько лѣтъ, оба брата преставились къ Господу. По ихъ кончинѣ многіе братія стали бесѣдовать о тѣхъ братьяхъ: одни больше хвалили того, кто роздалъ сразу свое имѣніе и ушелъ на безмолвіе въ пустыню, другіе же отдавали предпочтеніе другому, который своимъ имуществомъ долгое время служилъ странникамъ, нищимъ и больнымъ. Не уступая долгое время другъ другу въ этомъ спорѣ, братія пошли спросить объ этомъ преподобнаго отца Памву, желая узнать, котораго брата жизнь угоднѣе Богу и кто изъ нихъ получитъ бо́льшую награду. Преподобный же Памва на ихъ вопросъ отвѣчалъ такъ:

— Оба совершенны предъ Богомъ: страннопріимецъ уподобился праведному Аврааму[1]), а пустынникъ — святому Пророку Иліи[2]), и оба одинаково угодили Богу.

Братія все-таки не соглашались и противорѣчили другъ другу; одни, прославляя болѣе пустынника, говорили:

— Онъ исполнилъ Евангельскую заповѣдь: продай имѣніе твое и раздай нищимъ; и, взявъ крестъ, послѣдовалъ Христу, терпя жажду и голодъ каждый день. А страннопріимецъ, хотя и служилъ нищимъ, однако и самъ пользовался своимъ имѣніемъ: ѣлъ и пилъ со странниками, обѣдалъ съ больными.

Противники же возражали, говоря, что и страннолюбецъ исполнилъ Христово слово, сказанное въ Евангеліи: **не пріиде, да по-**

---

[1]) Память его—9-го октября.

[2]) См. житіе его подъ 20-го іюля.

слѹжатъ ему, но послѹжи́ти для другихъ[1]). Вѣдь онъ столькимъ послужилъ, каждый день выходя на людную дорогу, ища странника, нищаго, больного, бѣднаго и приводя такихъ въ свой домъ, гдѣ давалъ всѣмъ покой; и если за одну чашу холодной воды, поданную жаждущему, обѣщана отъ Бога награда, то какую же награду получитъ братъ, принимавшій странниковъ, удовлетворившій безчисленное количество жаждущихъ и голодныхъ и служившій всякому больному, какъ Христу.

Видя такое разногласіе между братьями, преподобный Памва сказалъ имъ:

— Погодите немного, братія, пока я не получу извѣщеніе отъ Бога; тогда я скажу вамъ.

Черезъ нѣсколько дней опять пришли къ нему братія за отвѣтомъ на свой вопросъ; тогда старецъ сказалъ имъ:

— Передъ Богомъ говорю вамъ, что обоихъ тѣхъ братьевъ (Паисія и Илію) я видѣлъ стоящихъ вмѣстѣ въ раю.

Услышавъ это, всѣ братія успокоились и прославили Бога.

Послѣ этого откровенія, бывшаго преподобному о двухъ братьяхъ, всѣмъ стало ясно, какую великую благодать имѣетъ онъ у Бога, если удостоился до смерти увидѣть райское блаженство: и онъ самъ былъ подобенъ райскимъ жителямъ вслѣдствіе того, что видѣлъ ихъ, а еще больше вслѣдствіе изобильной благодати Божіей, обитавшей въ немъ. Еще въ тлѣнномъ тѣлѣ живя среди людей, онъ носилъ уже на лицѣ своемъ печать райскаго нетлѣнія, былъ свѣтелъ не только душою, но и тѣломъ, и сіяло лице его славой, какъ нѣкогда лицо святаго Пророка Моисея. Объ этомъ въ житіяхъ святыхъ отцовъ разсказывается такъ. Три года преподобный молился Богу: «Господи, молю Тебя, не прославляй меня на землѣ!»

Богъ же, прославляющій угодниковъ Своихъ, такъ прославилъ его, что братія не смѣли смотрѣть на его лицо отъ той славы, которую имѣлъ онъ: такъ святый былъ прославленъ на землѣ въ своемъ тѣлѣ прежде прославленія своего на Небѣ. Когда же наступило время его блаженной кончины, послѣ семидесяти лѣтъ его жизни, онъ сказалъ стоявшимъ около него братьямъ:

— Съ тѣхъ поръ какъ я поселился въ этой пустынѣ, построилъ келью и обитаю въ ней, не проходило ни одного дня, чтобъ я не работалъ чего-нибудь своими руками до утомленія; я не

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 20, ст. 28.

помню также, чтобъ я ѣлъ когда-либо хлѣбъ, данный мнѣ кѣмъ-нибудь, но всегда — заработанный трудами моихъ рукъ; и изъ устъ моихъ не выходило такого слова, въ которомъ бы мнѣ приходилось теперь со стыдомъ раскаиваться; однако я отхожу къ Господу такъ, какъ будто и не начиналъ богоугодно и по-иночески жить.

Съ этими словами онъ предалъ честну̀ю и святую свою душу въ руки Божіи[1]), не пострадавъ никакой тѣлесной болѣзнью. Такова была жизнь и кончина этого угодника Божія, святыя молитвы котораго да помогутъ и намъ научиться богоугодной жизни и кончину добрую получить по милосердію Господа нашего Іисуса Христа, Ему же съ Отцомъ и Святымъ Духомъ возсылается честь и слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА МНОГОСТРАДАЛЬНАГО

Мно́гими скорбьми̑ подоба́етъ на́мъ вни́ти въ цр҃твїе бж҃їе[2]),— сказалъ Апостолъ Павелъ.

Согласно съ нимъ и возлюбленный ученикъ Іисусовъ, Іоаннъ дѣвственникъ, сказалъ:

—**А҆́зъ, і҆ѡа́ннъ, и҆́же и҆ бра́тъ ва́шъ и҆ ѡ҆́бщникъ въ печа́ли**[3]).

Съ ними согласенъ и возлюбленный ученикъ Пресвятой Богородицы изъ Кіево-Печерской обители, нашъ русскій дѣвственникъ Іоаннъ, который прозванъ Многострадальнымъ; дѣйствительно, много скорбей перенесъ онъ ради обѣщанія дѣвства, даннаго Небесному Жениху. Такъ онъ самъ разсказывалъ про свою жизнь, незадолго уже до смерти, по слѣдующему поводу. Къ этому преподобному, затворившемуся на одномъ тѣсномъ мѣстѣ, въ пещерѣ преподобнаго Антонія, и проведшему тамъ всю свою жизнь, приходилъ часто одинъ изъ братьевъ, котораго обуревалъ діаволъ плотскимъ вожделѣніемъ; онъ просилъ святаго помолиться Господу объ ослабленіи его страсти. Преподобный же Іоаннъ говорилъ ему:

---

[1]) Кончина *преподобнаго Памвы* послѣдовала въ кон. IV-го вѣка.

[2]) Дѣян., гл. 14, ст. 22.

[3]) Апокал., гл. 1, ст. 9.

— Братъ, мужайся, пусть окрѣпнетъ твое сердце, терпи во Имя Господне и сохрани пути Его, и Онъ не оставитъ тебя въ рукахъ нашихъ враговъ и не дастъ имъ уловить тебя.

Отвѣчалъ ему обуреваемый страстью:

— Повѣрь мнѣ, отецъ, если не дашь мнѣ ослабленія, то я не буду знать покоя, но буду ходить съ мѣста на мѣсто.

Преподобный же Іоаннъ сказалъ ему:

— Зачѣмъ ты хочешь отдать себя на растерзаніе врагу? Ты будешь похожъ на человѣка, стоящаго на краю пропасти; придетъ къ нему врагъ и внезапно столкнетъ его внизъ, и такое паденіе будетъ ужасно, такъ что потомъ ему уже не подняться. Если же ты останешься здѣсь, въ святомъ монастырѣ, ты будешь похожъ на человѣка, стоящаго далеко отъ пропасти, котораго врагъ, какъ бы ни трудился тащить, не можетъ сбросить; такъ Господь за твое терпѣніе избавитъ тебя отъ пропасти страстей и отъ бренной нечистоты; послушай, братъ, я разскажу тебѣ, что случилось со мной въ юности.

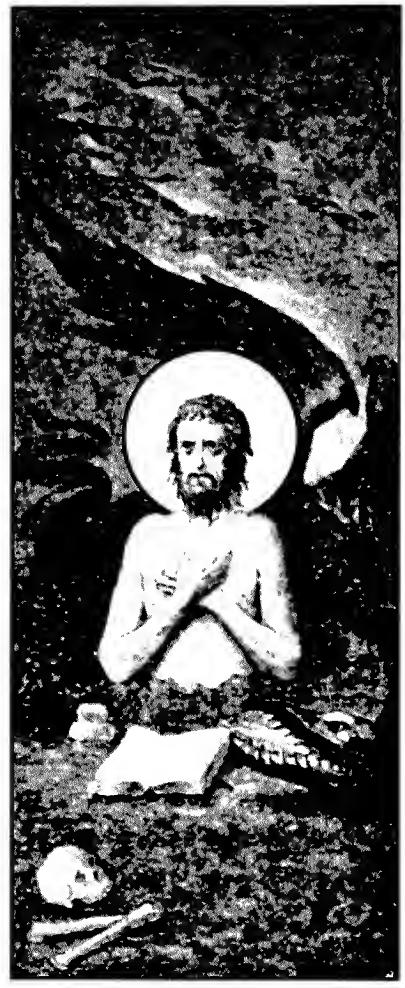
И онъ началъ разсказывать всю свою жизнь подробно.

Когда я пришелъ (говорилъ онъ) въ этотъ святой монастырь Печерскій и сталъ трудиться по чину святаго ангельскаго иноческаго образа,—я, сильно разжигаемый похотью, весьма много претерпѣлъ ради своего спасенія! По два, иногда и по три дня я не ѣлъ, часто и цѣлую недѣлю я совершенно не принималъ никакой пищи и жаждою умерщвлялъ себя: цѣлыми ночами я не спалъ; въ такомъ страданіи я провелъ около трехъ лѣтъ, но и такимъ образомъ не нашелъ я покоя. Тогда я пошелъ въ пещеру, гдѣ положенъ былъ преподобный отецъ нашъ Антоній, и пробылъ день и ночь въ молитвѣ у его гроба: и вотъ, я услыхалъ голосъ преподобнаго ко мнѣ:

— Іоаннъ, Іоаннъ, тебѣ нужно здѣсь затвориться въ пещерѣ, чтобъ, не видя ничего и пребывая въ молчаніи, побороть страсть. Господь поможетъ тебѣ молитвами Своихъ преподобныхъ.

Потому (продолжалъ онъ) я съ тѣхъ поръ затворился здѣсь въ тѣсномъ и печальномъ мѣстѣ, гдѣ живу вотъ уже тринадцатый годъ; и не скоро я достигъ покоя. Цѣлые года боролся я со страстями и тѣлесными помыслами, ведя жизнь строгую, немало лѣтъ удручая свое тѣло сначала только постомъ и бодрствованіемъ; потомъ, не зная, что дѣлать, и не будучи въ состояніи побороть плотской страсти, я рѣшилъ жить нагимъ; я повѣсилъ на свое тѣло

тяжелыя вериги и такъ съ тѣхъ поръ и понынѣ я изнуряю себя холодомъ и тяжестью желѣза. Однако, когда и этого всего бывало недостаточно, я придумалъ иное: выкопалъ глубокую яму, по самыя плечи мнѣ. Когда настали дни святаго Великаго Поста, я влѣзъ въ яму и засыпалъ всего себя землей, такъ что у меня остались свободными только руки и голова, и такъ я пробылъ подъ тяжестью земли весь Постъ, не будучи въ состояніи двинуть ни однимъ суставомъ: но и отъ этого не прекратилась жгучая плотская страсть моя. Кромѣ того, меня пугалъ врагъ діаволъ, желая выгнать меня оттуда, и я ощутилъ такое его коварство: на днѣ ямы загорѣлись мои ноги, жилы въ нихъ стянуло, кости трепетали, пламя достигло уже живота, и члены мои начали горѣть. Я же не обращалъ вниманія на жестокую боль, но радовался душою, радовался, что душа моя сохранилась чистою отъ скверны: я предпочелъ сгорѣть въ томъ огнѣ ради Господа, нежели выйти изъ ямы поруганнымъ отъ бѣса, и въ то же самое время я увидѣлъ страшнаго и лютаго змѣя, который дышалъ пламенемъ, обжигалъ меня искрами и хотѣлъ пожрать. Такъ онъ дѣлалъ нѣсколько дней, желая прогнать меня. Съ наступленія Свѣтлой ночи Воскресенія Христова напалъ на меня внезапно тотъ лютый змѣй, захватилъ въ пасть мою голову и руки, на головѣ и на бородѣ у меня опалились волосы, какъ ты теперь видишь, и я, уже находясь въ пасти у того змѣя, вскричалъ изъ глубины моего сердца:



Прп҃бный
Іоа́ннъ

— Господи Боже, Спаситель мой, зачѣмъ ты оставилъ меня? Будь щедръ ко мнѣ, Владыка, потому что Ты одинъ Человѣколюбецъ! Спаси меня грѣшнаго, ибо Ты одинъ—безгрѣшный! Избавь меня отъ сквернаго беззаконія моего, чтобъ я не погибъ въ сѣтяхъ лукаваго навѣки, спаси меня отъ этого врага: вотъ, онъ

рычитъ, какъ левъ, желая меня поглотить. Покажи силу Твою и пріиди спасти меня! Блесни Своей молніей и прогони его, чтобъ онъ исчезъ отъ лица Твоего!

Когда я кончилъ молитву, тотчасъ свѣтъ божественный блеснулъ какъ молнія, и лютый змѣй тотъ исчезъ; и я его до сихъ поръ не видалъ, по милости Божіей. Я услышалъ тогда и голосъ Господа ко мнѣ:

— Іоаннъ, Іоаннъ! Вотъ тебѣ была помощь, теперь смотри самъ, чтобъ бо́льше не пострадать въ будущемъ вѣкѣ.

Я же (сказалъ онъ), поклонившись, сказалъ:

— Господи, зачѣмъ ты оставилъ меня на жестокое мученіе?

Отвѣчалъ мнѣ голосъ:

— По мѣрѣ твоего терпѣнія было это послано тебѣ, чтобъ ты, испытанный огнемъ, сталъ чистъ, какъ золото; выше силы не допуститъ Богъ искушенія человѣку, чтобъ не изнемогъ онъ и не былъ поруганъ лукавымъ змѣемъ. Но какъ разумный хозяинъ поручаетъ крѣпкимъ и сильнымъ рабамъ большую и тяжелую работу, а слабосильнымъ и слабымъ—плохую и легкую, такъ понимай ты и о борьбѣ съ тѣлесною похотью, изъ-за которой ты молишься о себѣ. Но помолись тому мертвецу, который находится близъ тебя, чтобъ онъ излѣчилъ тебя отъ блудной страсти: онъ сдѣлалъ больше Іосифа[1]) и можетъ помогать страдающимъ отъ этой страсти.

А я (продолжалъ онъ), не зная имени этого мертвеца, сталъ восклицать:

— Господи, помилуй меня молитвами этого преподобнаго!

Потомъ я узналъ, что это былъ Моисей[2]), родомъ угринъ (венгерецъ). Тогда меня осіялъ несказанный свѣтъ, въ которомъ я и теперь нахожусь, не нуждаясь въ свѣтѣ ни ночью, ни днемъ; и всѣ достойные, которые приходятъ ко мнѣ, довольствуются этимъ свѣтомъ и видятъ воочію мое утѣшеніе, которое освѣтило меня въ ту ночь Воскресенія, давая надежду на будущій свѣтъ.

Окончивъ этотъ разсказъ о многострадальной жизни своей, пре-

---

[1]) *Іосифъ*—одинъ изъ двѣнадцати сыновей патріарха Іакова. Отличался невинностію и простосердечіемъ. Будучи проданъ братьями въ Египетъ, не поддался соблазну жены Потифара, въ домѣ коего находился (Кн. Быт., гл. 39).—Потому-то въ повѣствованіи о житіи Іоанна Многострадальнаго и напоминается объ особомъ заступничествѣ Іосифа за тѣхъ, кон, будучи обуреваемы блудною страстію, обращались къ нему за помощью.

[2]) См. житіе его подъ 26-мъ іюля.

подобный отецъ нашъ Іоаннъ обратился къ одержимому страстью плотскою и сказалъ:

— Мы вѣдь сами, братъ, помышляемъ своимъ умомъ о плотскомъ, за это и попускаетъ на насъ Богъ страданія Своимъ праведнымъ судомъ, потому что мы не приносимъ достойныхъ плодовъ покаянія. Но, братъ, я скажу тебѣ: помолимся этому преподобному Моисею, и онъ поможетъ тебѣ.

Послѣ этого онъ помолился вмѣстѣ съ одержимымъ страстью; потомъ взялъ одну кость отъ мощей преподобнаго Моисея и далъ ему, говоря:

— Приложи ее къ своему тѣлу.

Сдѣлавъ это, братъ тотчасъ почувствовалъ, какъ угасъ жаръ въ тѣлѣ его; блудная страсть перестала безпокоить и замерла въ тѣлѣ его; съ тѣхъ поръ не было ему болѣе мученій отъ нея. Тогда святый и братъ, одержимый страстью, вмѣстѣ воздали хвалу Богу за то, что тѣхъ, которые прославили Его чистотою въ своей жизни, прославляетъ Онъ и по смерти чудесами, очищащими людей отъ грѣха.

Вскорѣ послѣ разсказа о своихъ великихъ страданіяхъ многострадальный затворникъ, преподобный отецъ нашъ Іоаннъ 18-го іюля предалъ духъ свой въ руки Господу [1]), чтобъ воцариться съ Тѣмъ же, съ Кѣмъ вмѣстѣ пострадалъ. Мощи же его святыя, подающія неоскудѣвающее исцѣленіе, какъ столпъ защиты отъ лица вражьяго, стоятъ и теперь непоколебимо тамъ, гдѣ онъ сначала самъ себя закопалъ по плечи, когда подвизался, и послѣ, когда узналъ время своего преставленія. Молитвами многострадальнаго сего затворника, преподобнаго отца нашего Іоанна (честное тѣло котораго, какъ побѣдившаго тѣлесную страсть многимъ страданіемъ, стало столпомъ въ домѣ Божіемъ), да будемъ и мы направлены, какъ свѣтомъ съ столпомъ, явившимся предъ Моисеемъ,—въ ту обѣтованную небесную землю, текущую молокомъ и медомъ, чего удостаиваются кормящіеся грудью младенцы, а также и этотъ дѣвственникъ Іоаннъ, подобно Іоанну—наперснику Христа, благодатію и славою въ Троицѣ славимаго Бога, Которому возсылается слава нынѣ и вѣчно. Аминь.

---

[1]) Кончина *св. Іоанна* послѣдовала въ серед. XII в.

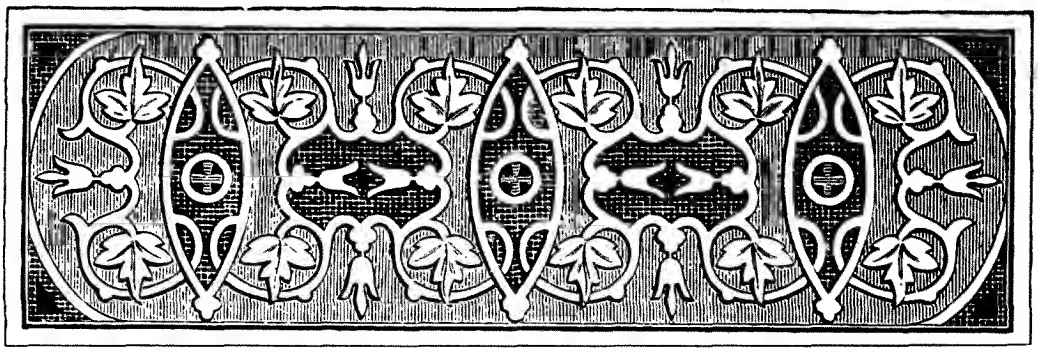
СТРАДАНІЕ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ІАКИНѲА

Сей святый мученикъ происходилъ отъ благочестивыхъ родителей Ѳеоклита и Ѳеопилы. Онъ родился въ то время, когда церковью въ городѣ Амастридѣ[1]) управлялъ епископъ Ираклій, и получилъ имя отъ явившагося Ангела. Будучи трехъ лѣтъ отъ роду, онъ, призвавъ Имя Христа, воскресилъ умершаго мальчика, который послѣ того подвизался вмѣстѣ съ нимъ и усовершенствовался въ добродѣтели. Достигши старости и совершивши множество чудесъ, онъ увидѣлъ однажды, какъ неразумные идолослужители поклоняются пустому внутри дереву вязу. Онъ пошелъ и срубилъ это дерево. За это его схватили и привели въ городъ Амастриду къ правителю области Кавстрисію, по повелѣнію котораго его сперва жестоко избили, причемъ выбили ему зубы, потомъ, привязавъ къ нему веревки, влачили по землѣ и, наконецъ, заключили въ темницу, гдѣ онъ и предалъ духъ свой Богу[2]).

[1]) *Городъ Амастрида*, нынѣ *Амастра*, находился въ сѣверной части римско-малоазійской провинціи Пафлагоніи на самомъ берегу Евксинскаго, нынѣ Чернаго, моря.

[2]) Время кончины *святаго мученика Іакинѳа* неизвѣстно.



День девятнадцатый

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНОЙ МАТЕРИ НАШЕЙ

МАКРИНЫ

Святая Макрина родилась въ Каппадокіи въ царствованіе Константина Великаго[1]). Родители ея были Василій и Эмилія; она была у нихъ первымъ ребенкомъ и была старшей сестрой Василія Великаго[2]), Григорія Нисскаго[3]) и другихъ братьевъ и сестеръ. У честныхъ родителей всего было десять человѣкъ дѣтей: четыре сына и шесть дочерей. Этой первой дочери до рожденія ея по Божію откровенію, бывшему матери во снѣ, было дано имя Ѳекла. А именно: передъ самымъ временемъ рожденія мать уснула и увидала во снѣ, что она носитъ на рукахъ еще не рожденное дитя. И подошелъ будто бы какой-то свѣтлый и честный мужъ, посмотрѣлъ ласково на дитя и три раза назвалъ его Ѳеклой, давая знать, что это дитя будетъ подражательницей цѣломудренной жизни святой первомученицы Ѳеклы[4]) и вольной мученицей безъ крови.

Проснувшись послѣ этого видѣнія, Эмилія родила это дитя

---

[1]) *Константинъ Великій* царствовалъ съ 306 г. по 337 г.

[2]) Память его празднуется 1-го и 30-го января.

[3]) Память его—10-го января.

[4]) Память ея—24-го сентября.

и назвала его Ѳеклою; но домашніе и родственники захотѣли лучше назвать ее Макриною—по имени ея бабки съ отцовской стороны, святой Макрины, которая въ царствованіе Максиміана Галерія[1]) подверглась вмѣстѣ со своимъ мужемъ гоненію за Христа и семь лѣтъ скиталась въ пустыняхъ, терпя крайнюю нужду, пока не прекратилось гоненіе. И такъ двойное имя было у новорожденной: Ѳекла—по откровенію, Макрина—по прозванію; и не напрасно: она унаслѣдовала богоугодную жизнь отъ обѣихъ тѣхъ угодницъ Божіихъ, такъ же, какъ и онѣ, пылая въ сердцѣ пламенной любовью къ Богу. Привычка называть ее Макриною настолько укрѣпилась среди людей, что нѣкоторые и не знали ея перваго имени, и всѣ звали ее другимъ: вѣримъ, что подъ обоими тѣми именами записана на Небѣ въ книгѣ жизни эта невѣста Христова.

Дѣвочку вскормили, и, когда ребенокъ сталъ приходить въ возрастъ, мать начала ее воспитывать и учить грамотѣ, начиная не съ языческихъ басенъ (какъ это дѣлали обыкновенно другія матери) и не съ сочиненій поэтовъ, въ которыхъ много такого, что недостойно чистаго дѣвическаго слуха; она выбирала изъ книги премудрости Соломона[2]) и изъ Псалмовъ Давида или изъ другихъ книгъ Божественнаго Писанія подходящіе стихи, и именно такіе, которые заключали въ себѣ или молитвы и славословія Божія, или же добрыя нравоученія. Дѣвочка училась успѣшно, она была способная; и были постоянно у ней на устахъ слова книжныя и молитвенное пѣніе на всякое время дня: вставала ли она съ постели или принималась за какое-либо дѣло, садилась обѣдать или вставала изъ-за стола, полдень и вечеръ она не пропускала безъ пѣнія Псалмовъ, и, отправляясь спать, она совершала установленную молитву. Она была научена матерью и рукодѣлію, свойственному дѣвицѣ, и ей не позволяли проводить время въ праздности и дѣтскихъ играхъ, но постоянно занималась она или чтеніемъ книгъ, или рукодѣльемъ.

Когда отроковицѣ исполнилось двѣнадцать лѣтъ, она оказалась настолько красивой, что не было подобной дѣвушки во всей той странѣ; даже живописцы не могли изобразить красоту ея

---

1) *Максимъ Галерій* управлялъ Восточной половиной Римской имперіи съ 305 г. по 311 г.

2) *Книга премудрости Соломона*—библейская книга Ветхаго Завѣта; принадлежитъ къ числу неканоническихъ. Содержаніемъ ея служитъ восхваленіе Премудрости Божіей.

лица; поэтому много богачей и знатныхъ людей обезпокоивали просьбами ея отца, каждый желая женить на ней своего сына.

Прп҃бная
Макрі́на

Отецъ же Макрины, какъ благоразумный человѣкъ, выбралъ изъ всѣхъ одного юношу, отличавшагося среди другихъ не только знатнымъ происхожденіемъ, но и разумомъ и добронравіемъ, и обручилъ съ нимъ свою прекрасную дочь Макрину; но свадьбу отложилъ, пока дѣвушка подрастетъ и достигнетъ брачнаго возраста. Юноша же дожидался и успѣшно занимался науками; но Богъ, устраивающій все премудро, по Своему смотрѣнію пресѣкъ временную жизнь его и перенесъ его въ жизнь вѣчную. Тогда блаженная дѣвица, въ юныхъ лѣтахъ отличавшаяся разумомъ старицы, твердо рѣшила ни за кого не выходить замужъ, но сберечь въ чистотѣ дѣвство свое до конца жизни. Много юношей упрашивали Макрину выйти замужъ, и сами родители и родственники уговаривали ее вступить въ бракъ; но она, не по лѣтамъ разсудительная, словно не юная, а скорѣе старица по своимъ благоразумію и разсудительности отвѣчала:

— Нехорошо дѣвушкѣ, обрученной одному жениху, выходить за другого, незаконно преступить однажды совершенное обрученіе; вѣдь по естественному закону супружество должно быть одно, какъ одно рожденіе и одна смерть, а тотъ, кому я обручена и кого называютъ умершимъ, не умеръ,—вѣрю я въ надеждѣ воскресенія,—а живъ и только ушелъ далеко въ другую страну до времени общаго воскресенія; не малъ грѣхъ и позоръ супругѣ, если она, по уходѣ куда-нибудь своего супруга, не сохранитъ супружеской вѣрности, а соединится съ другимъ.

Такъ отвѣчала благоразумная дѣвица Макрина всякому, кто говорилъ ей о бракѣ и совѣтовалъ выйти замужъ, и сохраняла себя въ непорочномъ дѣвствѣ; она была постоянно при своей

матери, какъ при бдительномъ сторожѣ ея жизни, и служила ей усердно, со смиреніемъ, не стыдясь и тѣхъ работъ, которыя исполняли рабыни, но работала все съ ними вмѣстѣ, какъ бы одна изъ рабынь. Особенно, когда отецъ ея отошелъ къ Господу, она стала для овдовѣвшей матери неотступной служанкой и утѣшительницей во всѣхъ ея печаляхъ и скорбяхъ; она усердно смотрѣла за всѣмъ домомъ, а всѣмъ остальнымъ своимъ братьямъ и сестрамъ, какъ старшая, была учительницей и наставницей—какъ вторая мать, въ особенности же послѣднему брату Петру, который родился во время кончины отца: когда онъ явился въ міръ изъ утробы матери, отецъ ушелъ изъ міра. Этого послѣдняго брата сама святая Макрина научила грамотѣ, воспитала его благоразумію и добронравію, научила его цѣломудренной жизни, и онъ былъ потомъ святителемъ, не послѣднимъ среди угодниковъ Божіихъ.

Когда братъ ея Василій, который родился послѣ нея, возвратился домой послѣ многихъ лѣтъ ученія въ различныхъ странахъ и сталъ, по своей юности, гордиться своей ученостью, святая Макрина кроткими и боговдохновенными рѣчами своими вскорѣ привела его къ такому смиренію, что онъ вскорѣ презрѣлъ все житейское и избралъ себѣ монашескую жизнь. Эта истинная раба Христова и другого брата, по имени Невкратія, еще юнаго, своими душеполезными бесѣдами обратила къ любви Божіей и къ чистой жизни: оставивъ все, Невкратій ушелъ въ пустыню, гдѣ, служа престарѣлымъ пустынникамъ, окончилъ свою жизнь въ молодыхъ еще лѣтахъ.

По увѣщанію этой благоразумной дѣвицы и мать ея, блаженная Эмилія, устроивъ остальныхъ дочерей замужъ и отпустивъ на волю рабовъ и рабынь, оставила заботы и попеченіе этого суетнаго міра и пошла въ дѣвичій монастырь, такъ что обѣ—и мать, и дочь—стали Христовыми невѣстами, принявъ на себя иноческій образъ. Нѣкоторыя и изъ рабынь захотѣли вмѣстѣ съ ними отречься отъ міра и пойти въ монастырь, и все у нихъ было общее—одна келья, одинъ столъ, однѣ одежды; все, нужное для жизни, у нихъ было поровну; онѣ служили Господу единодушно, въ смиреніи, кротости и любви, и не было у нихъ ни гнѣва, ни зависти, ни ненависти, ни презрѣнія—ничего такого, что не было бы угодно Богу: они совсѣмъ были чужды суетныхъ желаній и тщеславія. Ихъ слава была въ томъ, что никто ихъ не зналъ, богатство въ нищетѣ, пища

въ воздержаніи; отрясши отъ тѣла все земное, какъ пыль, они устремили весь свой умъ къ одному Богу и усердно молились, пѣли Псалмы и читали книги день и ночь. Одно постоянное было у нихъ дѣло и отдыхъ отъ труда—богомысліе и молитва, а попеченіе и труды для нуждъ тѣла они считали неважными подѣлками, а не самымъ дѣломъ.

Какой языкъ можетъ разсказать богоугодную жизнь ихъ, протекавшую въ постническихъ подвигахъ, коими онѣ уподоблялись Ангеламъ? Онѣ были какъ бы средостѣніемъ между Ангелами и людьми, превосходя тѣлесныхъ людей и равняясь съ Ангелами чистотой и воздержаніемъ; онѣ не сравнялись съ Ангелами только тѣмъ, что тѣ были безтѣлесны, а онѣ имѣли тѣло. Если бъ кто и сравнилъ ихъ съ Ангелами, не ошибся бы; дѣйствительно, одѣтыя тѣломъ, онѣ подражали безтѣлеснымъ, предстоя съ ними на Небѣ предъ Богомъ боголюбивымъ сердцемъ. Такое житіе проводили онѣ немалое время, но до самой старости и смерти.

Когда преподобная Эмилія уже въ преклонныхъ лѣтахъ приближалась къ блаженной кончинѣ своей и ослабла тѣломъ, пришелъ къ ней послѣдній сынъ ея Петръ, проводившій богоугодную жизнь, и вмѣстѣ со святой Макриной ухаживалъ за матерью во время ея болѣзни. При самомъ же разлученіи ея съ тѣломъ у постели умирающей съ обѣихъ сторонъ сидѣли ея дѣти, Макрина и Петръ, и называли по именамъ остальныхъ братьевъ и сестеръ, а она всѣмъ, какъ сокровище, оставляла свое материнское благословеніе. Потомъ, положивъ одну руку на Макрину, а другую на Петра, она сказала, обратившись къ Господу:

— Тебѣ, Господи, отдаю начатокъ и десятину отъ плодовъ моего чрева: начатокъ—эта перворожденная дочь, десятина—этотъ послѣдній сынъ! Ты въ Ветхомъ Завѣтѣ повелѣлъ приносить Тебѣ начатокъ[1]) и десятину плодовъ[2]): пусть Тебѣ будутъ они благопріятной жертвой и пусть снизойдетъ на нихъ Твоя святыня!

---

[1]) *Начатокъ*—первые плоды жатвы, первый испеченный хлѣбъ изъ новой пшеницы, шерсть съ первыхъ овецъ и т. п.; все это приносилось въ Ветхомъ Завѣтѣ въ скинію для содержанія ея служителей—священниковъ и левитовъ (Кн. Исх., гл. 23, ст. 19; Кн. Числ. гл. 15, ст. 19—21). Количество первыхъ плодовъ не указано въ законѣ Моисеевомъ, но полагаютъ, что это была, по крайней мѣрѣ, шестнадцатая часть всѣхъ произведеній земли.

[2]) *Десятина*,—т. е. десятая часть. Этимъ именемъ въ Ветхомъ Завѣтѣ (Кн. Быт., гл. 14, ст. 20) обозначалось приношеніе въ даръ Богу десятой части произведеній земли, стадъ и т. п. Десятина шла въ пользу *левитовъ*, не имѣвшихъ земельныхъ надѣловъ и потому нуждавшихся въ средствахъ существованія. Одну десятую часть своей десятины левиты въ свою очередь вносили на содержаніе первосвященника (Кн. Числ., гл. 18, ст. 21—32).

Съ этими словами она предала свою святую душу въ руки Божіи. И похоронили съ честію дѣти свою мать, положивши тѣло ея въ гробъ своего отца, при мощахъ ея мужа: такъ она распорядилась передъ смертью. Спустя нѣсколько времени послѣ этого святый Василій Великій поставленъ былъ архіепископомъ Кесаріи Каппадокійской и посвятилъ въ пресвитеры своего брата Григорія (называемаго Нисскимъ), а также пригласилъ къ себѣ и другого брата, Петра, и причислилъ его къ церковному причту. Узнавъ объ этомъ, святая Макрина порадовалась въ душѣ. Черезъ девять лѣтъ она опять услышала о святомъ Василіи, что онъ преставился къ Господу, и горько опечалилась, скорбя не столько о смерти родного брата, сколько о томъ, что угасло такое свѣтило Церкви и палъ такой столпъ благочестія. Потомъ приблизилось время отхода къ Богу и самой святой Макринѣ; объ ея честнòмъ преставленіи святый Григорій, епископъ Нисскій, ея братъ, пишетъ слѣдующее.

Черезъ девять мѣсяцевъ[1]) по кончинѣ Василія былъ созванъ Соборъ епископовъ въ Антіохіи, на которомъ былъ и я (говоритъ Григорій); послѣ Собора я собрался посѣтить и повидать нашу сестру Макрину; давно мы съ ней не видались,—мѣшали многія бѣды и непріятности, которымъ я подвергался, гонимый всюду аріанами. Итакъ, я отправился къ ней: когда я проѣхалъ уже очень много и уже приближался къ мѣсту назначенія, за день до моего прибытія къ сестрѣ ночью во снѣ было мнѣ слѣдующее видѣніе. Мнѣ казалось, что я ношу на рукахъ мученическія мощи, отъ которыхъ исходятъ свѣтлые лучи, какъ отъ свѣтлаго зеркала, положеннаго противъ солнца, такъ что глаза мои не могли смотрѣть на этотъ яркій блескъ. Это видѣніе повторялось три раза въ одну ночь, и я не могъ его понять; а въ душѣ у меня была какая-то печаль, и я отправился въ путь, ожидая, какъ то сбудется этотъ сонъ. Когда я былъ близко отъ того мѣста, гдѣ блаженная Макрина проводила ангельскую и небесную жизнь, и когда многіе вышли мнѣ навстрѣчу на пути и привѣтствовали почтительно меня, я спросилъ одного изъ знакомыхъ о моей сестрѣ Макринѣ; мнѣ сказали, что она тяжело больна. Я поспѣшилъ, скорбя

---

[1]) Соборъ происходилъ въ 341 г. и былъ созванъ по случаю освященія храма, заложеннаго императоромъ Константиномъ (306—337 гг.), но доконченнаго уже при сынѣ его, Констанціи. На Соборѣ было составлено 25 правилъ по вопросамъ церковнаго управленія.

въ душѣ; прибывъ въ обитель, я пошелъ сначала въ церковь, гдѣ всѣ монахини ожидали насъ. Послѣ молитвы и благословенія я увидѣлъ, что среди монахинь нѣтъ ихъ игуменьи, моей сестры Макрины, и тяжело мнѣ стало на сердцѣ. Я пошелъ въ ея келью и нашелъ ее тяжело больной, лежавшей не на постели, а на землѣ, на доскѣ, покрытой рубищемъ; деревянное изголовье было также прикрыто рубищемъ. Увидѣвъ меня, входящаго въ дверь, она поклонилась и упала на руки: встать она не могла, но, насколько можно было ей поклониться съ постели, она отдала мнѣ поклонъ, я же поскорѣе поднялъ ее, положилъ на томъ же мѣстѣ и со слезами цѣловалъ ее. А она протянула руки къ Богу и сказала:

— Благодарю Тебя, Владыко Боже мой, за то, что ты и это благодѣяніе оказалъ мнѣ, исполнилъ мое желаніе, послалъ Своего слугу посѣтить рабу Твою.

Потомъ она начала разговаривать со мной, скрывая свою болѣзнь: она не хотѣла опечалить моей души, поэтому изрѣдка слабо стонала, стараясь какъ-нибудь удержать частые вздохи, и смотрѣла на насъ со спокойнымъ лицомъ. Ведя серьезныя рѣчи, она вспоминала Василія Великаго; грустно мнѣ стало при этомъ на душѣ, и я не могъ удержаться отъ слезъ. Она, увидавъ мои горькія слезы, тотчасъ перестала говорить о Василіи и начала о другомъ; стала говорить о дивномъ Промыслѣ Божіемъ и Его заботахъ, о будущемъ вѣкѣ, о томъ, зачѣмъ человѣкъ былъ созданъ и какъ онъ сталъ смертнымъ, какъ черезъ временную смерть переходитъ въ вѣчную жизнь,—и другія боговдохновенныя рѣчи вела она, давая намъ великую пользу и своей душѣ радость: она полна была Духа Святаго; какъ бы изъ источника какого истекала благодать изъ устъ ея, и весь умъ ея былъ занятъ небеснымъ. Окончивъ разговоръ, она сказала мнѣ:

— Пора тебѣ, отецъ, отдохнуть немного отъ долгаго пути и подкрѣпить тѣло пищей.

Хотя мнѣ и не хотѣлось уходить отъ нея и прекращать пріятный разговоръ, въ которомъ я поистинѣ находилъ покой душѣ своей, однако я не осмѣлился ослушаться ея, разъ ей такъ захотѣлось; и я ушелъ отъ нея. Намъ было приготовлено мѣсто для отдыха въ ближнемъ саду, очень красивомъ, подъ сѣнью деревьевъ, но ничто меня не радовало; сердце мое болѣло; я видѣлъ, что сестра моя близка къ смерти, и ждалъ, какъ сбудется мое сновидѣніе, которое,—я уже понималъ,—начинало исполняться

и которое я толковалъ себѣ такъ: мощи мученическія—это сестра Макрина, которая, дѣйствительно истощая себя въ теченіе столькихъ лѣтъ постническими подвигами ради любви къ Богу, умертвила свое тѣло, какъ мученица, и совсѣмъ умерла для грѣха; лучи свѣтлые, исходившіе отъ мощей, означали благодать Духа Святаго, обитавшую въ ней.

Среди такихъ моихъ печальныхъ размышленій блаженная, узнавъ это духомъ, прислала мнѣ сказать, что болѣзнь ея уменьшается и ей стало легче. Это она сдѣлала, чтобъ я не печалился и не терялъ надежды на ея выздоровленіе; однако этимъ она утѣшала меня, говоря иносказательно не о тѣлесномъ, а о душевномъ своемъ здоровьѣ: тогда я, обрадовавшись этой доброй вѣсти, принялъ пищи и немного уснулъ. Послѣ я опять пришелъ къ ней, и она снова начала душеполезную бесѣду, вспоминая всѣ благодѣянія, оказанныя ей и всей нашей семьѣ, и приносила за это глубокую благодарность Богу. Я же слушалъ и наслаждался ея словами, думая про себя: если бъ этотъ день былъ подлиннѣй, чтобъ побольше насладиться ея рѣчами! День уже склонялся къ вечеру, и насъ призывало время къ вечерней службѣ въ церковь. Больная отпустила насъ, а сама стала усердно молиться Богу.

На слѣдующій день, когда я пришелъ къ ней (говоритъ святый Григорій), я уже видѣлъ, что она скончается: я видѣлъ, что всѣ тѣлесныя силы оставили ее, и я очень опечалился. Она поняла мою печаль и стала утѣшать меня различными боговдохновенными словами и душеполезными разсказами, а сама была полна духовной радости: въ ней не было ни страха смерти, ни даже какого-либо смущенія, но одна только надежда на Бога. Къ полудню она еще болѣе обезсилѣла, перестала разговаривать съ нами, а стала бесѣдовать въ молитвѣ съ Богомъ, воздѣвая къ Нему руки. Молилась она такимъ тихимъ голосомъ, что мы едва слышали. Въ молитвѣ ея были слѣдующія слова:

«Ты, Владыка, удалилъ отъ насъ страхъ смерти, ты устроилъ такъ, что конецъ этой временной жизни будетъ для насъ началомъ вѣчной, лучшей жизни. Ты успокоиваешь наши тѣла сномъ смерти ненадолго и опять разбудишь ихъ послѣдней трубой. Ты наше бренное тѣло, созданное Твоими руками, ввѣряешь землѣ какъ сокровище; и то, что даешь ей, опять взыщешь съ нея, преобразивъ смертное и неблаголѣпное въ безсмертное и благо-

лѣпное. Ты избавилъ насъ отъ проклятія и грѣха, Ты стеръ голову змѣя[1]) и вырвалъ изъ его пасти поглощеннаго человѣка. Ты сокрушилъ врата ада и, покоривъ силу того, кто властвовалъ надъ смертью, открылъ намъ путь къ воскресенію; Ты далъ боящимся Тебя знаменіе—Крестъ Твой святый для утвержденія и сохраненія нашей жизни. Боже Вѣчный, Которому я предалась отъ утробы матери моей, Котораго со всей силой души я полюбила и Которому съ юности я отдала свою душу и тѣло! приставь ко мнѣ свѣтлаго Ангела, дабы онъ отвелъ меня въ мѣсто свѣтлое и прохладное, гдѣ есть вода покоя[2]) и лоно[3]) святыхъ отцовъ! Ты, удалившій огненное оружіе, заграждающее входъ въ рай разбойнику, распятому вмѣстѣ съ Тобою и ввѣрившему себя Твоему милосердію, помяни и меня, рабу Твою, во Царствіи Твоемъ: вѣдь и я распяла себя вмѣстѣ съ Тобою, пригвождая страхомъ Твоимъ свое тѣло и всегда исполняя Твои повелѣнія. Пусть не отдѣлитъ меня та страшная пропасть отъ Твоихъ избранниковъ, а завистникъ пусть не остановитъ меня на пути, пусть не будетъ передъ глазами Твоими моихъ грѣховъ, которые по естественной слабости нашей я совершила предъ Тобою или словомъ, или дѣломъ, или помышленіемъ! Прости меня, ибо Ты имѣешь власть отпускать грѣхи! Устрой съ моей душой такъ, чтобы она, освободившись отъ тѣла, явилась къ Тебѣ непорочной безъ грѣха и скверны; пусть будетъ она какъ кадило предъ Тобою».

Съ этими словами блаженная перекрестила себѣ глаза, уста, сердце и съ молитвою предала душу свою въ руки Божіи[4]). Казалось, она уснула обыкновеннымъ сномъ: закрыты глаза, закрытъ ротъ, руки какъ слѣдуетъ лежатъ на груди, все тѣло такъ хорошо одѣто, что не требовало отъ рукъ человѣческихъ никакого одѣянія. Я же смотрѣлъ на нее и горько плакалъ; также и монахини, которыя до тѣхъ поръ сдерживали слезы, боясь обезпокоить плачемъ свою духовную мать, и таили внутри свою сердечную боль,—когда увидѣли, что она уже была безъ дыханія, тотчасъ громко заплакали и горько зарыдали. Съ трудомъ можно было уговорить ихъ перестать плакать и начать обычное пѣніе и молитву.

---

1) —т.е. діавола (Кн. Быт., гл. 3, ст. 15).

2) —выраженіе образное. Какъ для путника, идущаго по песчаной знойной пустынѣ, вода является драгоцѣннымъ напиткомъ, возстановляющимъ его силы, такъ и для путника къ Царству Небесному въ обителяхъ небесныхъ уготованы неизъяснимыя блага.

3) *Лоно*—грудь. Выраженіе образное (ср. Еванг. отъ Луки, гл. 16, ст. 23).

4) Кончина преп. Макрины послѣдовала ок. 380 г.

Послѣ этого я попросилъ ихъ выйти ненадолго изъ той комнаты и остался при умершей съ немногими людьми, которые были ближе къ ней при жизни и служили ей; среди нихъ была одна, по имени Вестіана. Она происходила изъ сенаторскаго рода, вышла замужъ, но недолго пожила съ мужемъ, такъ какъ онъ скоро переселился изъ этой жизни, а она, овдовѣвъ, не пожелала вступить въ другой бракъ но, презрѣвъ славу, богатство, красоту и наслажденія этого міра, перешла къ блаженной Макринѣ, нашла въ ней нѣжную хранительницу своего вдовства и пробыла при ней много лѣтъ, успѣшно подвизаясь въ иноческой жизни. Я сказалъ этой Вестіанѣ:

— Нужно теперь одѣть это мертвое дѣвическое тѣло въ чистыя одежды.

Вестіана же обратилась съ вопросомъ къ другой монахинѣ, Лампадіи:

— Какъ распорядилась наша духовная мать о своихъ похоронахъ?

Лампадія же, прослезившись, сказала мнѣ:

— Кончина этой преподобной матери нашей украсилась чистою жизнью, а тѣлеснаго украшенія, какъ въ жизни своей временной никогда не требовала она, такъ и для погребенія своего не приготовила. Вотъ колкая власяница, вотъ простая ряса, вотъ ветхая мантія и головной покровъ, вотъ плохія сандаліи,—это все ея богатство, и ничего нигдѣ не спрятано—ни въ сундукѣ, ни въ ризницѣ: одна у ней была ризница и сокровище—небесная обитель, туда положила она все свое, а на землѣ ничего не оставила.

Тогда я (говоритъ святый Григорій) сказалъ тѣмъ монахинямъ:

— У меня есть со мной мое новое одѣяніе, которое я приготовилъ себѣ для погребенія; угодно ли ей будетъ, если мы ее одѣнемъ въ это мое одѣяніе?

Монахини отвѣчали мнѣ:

— Если бы и жива была она,—не отвергла бы твоего подарка. потому что она почитала и любила тебя: почитала какъ святителя, любила какъ родственника, да и вообще братнее сестрѣ не чужое.

Тогда я послалъ за моимъ погребальнымъ одѣяніемъ и велѣлъ Вестіанѣ и Лампадіи одѣть въ него покойницу.

Вестіана, одѣвая честно́е тѣло святой Макрины, сняла съ ея

выи желѣзный крестъ и перстень, тоже желѣзный, на которомъ былъ изображенъ крестъ, и сказала мнѣ:

— Вотъ какое украшеніе носила на шеѣ невѣста Христова!

Тогда я взялъ себѣ перстень, а Вестіанѣ далъ крестъ. При этомъ она мнѣ сказала:

— Добрую часть ты выбралъ себѣ, отецъ; въ этомъ перстнѣ есть частица Животворящаго Древа Честнáго Креста Господня.

Потомъ она сказала мнѣ еще:

— Вотъ, посмотри еще, отецъ, чудесную вещь!

И, открывъ немного грудь умершей, она показала мнѣ знакъ на тѣлѣ отъ бывшей когда-то раны и разсказала мнѣ то, что сама слышала отъ нея лично:

— Когда еще блаженная жила при матери, сдѣлался у ней на этомъ мѣстѣ мучительный и неисцѣлимый вередъ; нужно было его разрѣзать, для чего необходимо было прибѣгнуть къ помощи искусныхъ врачей: иначе онъ долженъ былъ разойтись по всему тѣлу, коснуться сердца и повлечь за собой смерть. Мать убѣждала ее показать этотъ вередъ врачамъ и полѣчиться у нихъ, говоря, что врачебное искусство дано Богомъ на исцѣленіе людямъ. Ей же было очень тяжело дать мужчинѣ смотрѣть на свою обнаженную грудь и позволить прикоснуться къ себѣ и она рѣшила лучше переносить тяжелую боль и даже умереть, чѣмъ показаться врачамъ.

Однажды вечеромъ, послуживши, по обыкновенію, матери своими руками, она пошла въ молитвенную комнату и, затворившись, пробыла тамъ всю ночь на молитвѣ, творя земные поклоны и орошая слезами землю, прося исцѣленія у Самого Бога—истиннаго Врача души и тѣла. Потомъ, взявъ горсть земли, смоченной ея слезами, она приложила ее къ больному мѣсту. На слѣдующій день мать, печалясь о ней, опять убѣдительно просила ее позволить врачамъ полѣчить свой вередъ. Она же возразила:

— Мнѣ довольно будетъ, мать, если ты положишь мнѣ на вередъ руку и перекрестишь ею.

И когда мать, просунувъ руку подъ ея платье и крестя, ощупала больное мѣсто, она не нашла вереда: Божіею силой выздоровѣла она, и рана и боль исчезли, остался только маленькій знакъ на мѣстѣ этого вереда въ память чуда Божія.

Такъ разсказывала Вестіана, а святый Григорій записалъ это. Онъ подробно описалъ также и погребеніе ея, мы же для крат-

кости скажемъ только слѣдующее. Мертвенный ликъ святой Макрины былъ такъ красивъ, что онъ сіялъ какими-то чудными лучами. На погребеніе ея стеклось множество народа, никѣмъ не званнаго, но собраннаго Богомъ. Всѣ собравшіеся громко плакали; народъ очень тѣснился, стараясь прикоснуться къ ракѣ съ мощами святой, и вслѣдствіе тѣсноты съ трудомъ могли донести ихъ до могилы. Положили ее въ гробѣ ея родителей, рядомъ съ мощами ея матери: такъ велѣла она, чтобъ вмѣстѣ почивали тѣла тѣхъ, чья жизнь протекла вмѣстѣ. Изъ чудесъ ея святый Григорій, братъ ея и написатель ея житія, упоминаетъ только одно то, какъ преподобная при жизни своей подала исцѣленіе одной дѣвочкѣ, слѣпой на одинъ глазъ (у ней было бѣльмо), цѣлуя дѣвочку въ больной глазъ: отъ поцѣлуевъ ея святыхъ устъ исчезло бѣльмо, и глазъ сталъ хорошо видѣть. О другихъ чудесахъ ея тотъ же святый Григорій говоритъ такъ:

«Многое другое, что я слышалъ отъ жившихъ съ ней монахинь и знавшихъ хорошо объ ея дѣлахъ, я не записалъ въ этой повѣсти, потому что многіе, когда имъ разсказываютъ, вѣрятъ лишь тѣмъ дѣламъ, которыя сами могутъ сдѣлать, а тому, что свыше ихъ силъ, не вѣрятъ и считаютъ ложью. Поэтому я не стану разсказывать и о томъ, какъ во время голода не истощалась пшеница, подаваемая ея руками нуждавшимся, и хлѣбъ, раздаваемый голоднымъ,—и о другихъ немалыхъ чудесахъ ея: о скоромъ исцѣленіи болѣзней, о изгнаніи бѣсовъ, о пророческомъ предвѣдѣніи, объ предсказаніяхъ будущаго. Хотя это все дѣйствительно было, все это справедливо, однако я пройду это молчаніемъ, чтобъ не быть мнѣ виноватымъ въ грѣхѣ невѣрія людей слабыхъ, которые, будучи преданы своей плоти, не знаютъ, какъ Богъ по мѣрѣ вѣры раздаетъ Свои дары: имѣющимъ малую вѣру даетъ меньше даровъ, болѣе вѣрующимъ даетъ болѣе».

Мы же, вѣруя во Всемогущую Силу Божію, славимъ Отца, и Сына, и Святаго Духа нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.

Конда́къ, гла́съ д҃:

Бг҃а бл҃га́го всѣ́мъ се́рдцемъ возлюби́ла є҆сѝ макрі́но прп҃бнаѧ: и҆ сегѡ̀ кр҃тъ ч҃тный на ра́мо прїе́мши оу҆се́рднѡ послѣ́довала є҆сѝ є҆мꙋ̀: ѿонꙋ́дꙋже согрѣше́нїй ѡ҆брѣла̀ є҆сѝ проще́нїе.

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ДІЯ

Родиной преподобнаго Дія была Антіохія Сирійская; онъ происходилъ отъ христіанскихъ родителей, былъ воспитанъ въ благочестіи, съ юности сталъ совершать постническій подвигъ, наставленный боговдохновенными мужами на добродѣтельную иноческую жизнь. много боролся съ невидимымъ врагомъ—діаволомъ и съ болѣе близкимъ врагомъ—съ собственною плотью, вводящею душу въ соблазнъ. Діавола онъ побѣждалъ постоянною молитвою, а плоть свою одолѣвалъ постомъ и бодрствованіемъ, и многими другими трудами всячески умерщвлялъ тѣло свое земное, порабощая плоть духу. Ѣлъ онъ очень мало, и то не каждый день, но черезъ день или два, а часто и цѣлыя недѣли проводилъ безъ пищи и безъ сна. Покоривъ себя такимъ воздержаніемъ, побѣдивъ врага духовнаго, онъ достигъ высокой степени безстрастной жизни и сдѣлался чистымъ жилищемъ Святаго Духа: вселилась въ него благодать Божія, и сталъ онъ человѣкомъ сильнымъ и въ дѣлѣ, и въ словѣ: творилъ чудеса, многихъ наставлялъ на спасеніе, и славился черезъ него Отецъ Небесный. Онъ прожилъ довольно долго въ Антіохіи, потомъ Богъ повелѣлъ ему въ видѣніи итти въ Константинополь, чтобы принести людямъ еще больше пользы. Сначала онъ не повѣрилъ видѣнію и боялся, нѣтъ ли тутъ какой-нибудь козни отъ діавола, ибо зналъ, что и діаволъ можетъ преобразить себя **во ѧ҆́нгела свѣ́тла**[1]). Но когда во второй разъ было ему это же Господне явленіе и повелѣніе, а кромѣ того, ему былъ показанъ и самый городъ тотъ, въ которомъ онъ никогда не былъ, а именно: въ видѣніи онъ увидѣлъ весь Царьградъ, какъ онъ есть,—тогда онъ повиновался волѣ дѣлающаго все на пользу Бога и, оставивъ Антіохію, прибылъ въ Царьградъ. Войдя въ городъ и увидѣвъ святыя Божіи церкви, дворцы и прекрасныя городскія строенія, онъ удивлялся: все это онъ видѣлъ въ откровеніи, показанномъ

[1]) 2 Посл. къ Коринѳ., гл. 11, ст. 14.

ему Богомъ. И тутъ онъ убѣдился, что видѣніе, которое онъ имѣлъ, когда былъ въ Антіохіи, было истинно. Ходя не только по городу, но и по окрестностямъ, онъ нашелъ одно пустынное мѣсто за городомъ, на которомъ находились древнія языческія могилы и жило много бѣсовъ; прохожіе очень боялись этого мѣста изъ-за бѣсовскихъ привидѣній и ужасовъ; но ему понравилось это мѣсто, и, вооружившись силою крестною и молитвою, словно оружіемъ, противъ бѣсовъ, онъ поселился тамъ, построивъ себѣ маленькую хижинку. Нельзя пересказать всѣхъ безпокойствъ, которыя ему причиняли бѣсы и днемъ и ночью. Они безпрестанно нападали на него въ разныхъ странныхъ привидѣніяхъ, желая его испугать и прогнать съ того мѣста, но онъ, какъ храбрый воинъ Царя Небеснаго, призывая страшное для бѣсовъ Имя Христово, мужественно сопротивлялся имъ, не чувствуя боязни, и побѣждалъ ихъ. Желая узнать, благословляетъ ли Господь его жить на этомъ мѣстѣ, онъ помолился объ этомъ три раза Единому въ Троицѣ Богу и, взявъ свой сухой посохъ, воткнулъ его въ землю со словами:

— Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа! Если этотъ посохъ произрастетъ здѣсь и пуститъ корни, то и я останусь здѣсь.

Богъ же, исполняющій желаніе боящихся Его и принимающій ихъ молитвы, услышалъ молитву угодника Своего и исполнилъ его просьбу: сухой посохъ Онъ оживилъ влагой; и принялся посохъ, пустилъ корни, выросли у него вѣтви, и началъ онъ понемногу расти, пока въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не выросъ въ большой дубъ, который и впослѣдствіи, послѣ смерти преподобнаго, стоялъ не одну сотню лѣтъ, но много, пока процвѣтало правовѣріе въ христіанствѣ. Преподобный Дій, увидѣвъ, что сухой посохъ принялся, понялъ изъ этого, что воля его Господа—жить ему на этомъ мѣстѣ. Онъ еще крѣпче вооружился противъ бѣсовъ, очищая это мѣсто отъ ихъ скверныхъ привидѣній и ужасовъ. Долго боролись съ нимъ бѣсы, но не могли одолѣть его и прогнать съ того мѣста, и бѣжали сами оттуда, какъ побѣжденные и обращенные въ бѣгство. Очистивъ, такимъ образомъ, своими молитвами это мѣсто отъ бѣсовъ, святый жилъ въ немъ по-ангельски, славословя Бога день и ночь, получая пищу Промысломъ Божіимъ. Потомъ стали про него узнавать люди. Окрестные жители, увидѣвъ, что старецъ поселился на такомъ страшномъ мѣстѣ, мимо котораго и проходить опасно, сначала удивлялись,

а потомъ начали приходить къ нему. Увидѣвъ, что у него нѣтъ ничего въ кельѣ, стали приносить ему необходимое, а онъ поучалъ приходившихъ къ нему пути спасенія и пользовалъ ихъ боговдохновенными словами, а тѣмъ, что ему приносили, угощалъ приносящихъ, а также кормилъ нищихъ и проходящихъ странниковъ. Особенно пронеслась о немъ слава, когда по благодати Божіей, жившей въ немъ, онъ началъ исцѣлять людскія болѣзни. И стало стекаться къ нему множество больныхъ, и онъ скоро давалъ имъ не только тѣлесное, но и душевное здоровье: къ тѣлеснымъ болѣзнямъ, какъ лѣчебный пластырь, онъ прикладывалъ молитву, а душевныя раны перевязывалъ полезнымъ ученіемъ, приводя въ умиленіе и убѣждая каяться.

Въ то время царствовалъ благочестивый и христолюбивый царь Θеодосій Младшій[1]), внукъ Θеодосія Великаго. Услыхавъ о преподобномъ Діи, онъ самъ пришелъ посѣтить его; онъ удивился его образу жизни и его нестяжанію и умилился благодатію душеполезнаго ученія, исходившаго изъ его устъ. Еще подивился онъ и сухому посоху, который принялся и изъ котораго выросло дерево; онъ приказалъ на свои царскія средства поставить тамъ церковь и построить монастырь, чтобъ преподобный отецъ начальствовалъ тамъ надъ многими и руководилъ ими на пути къ спасенію, а Святѣйшій Патріархъ Аттикъ уговорилъ преподобнаго принять священническій санъ. Такимъ образомъ, угодникъ Божій Дій сталъ игуменомъ собравшейся къ нему братіи, славнымъ учителемъ всѣхъ, кто приходилъ къ нему, чудеснымъ врачомъ души и тѣла и былъ полезенъ всей столицѣ. А обитель его сдѣлалась покойнымъ пристанищемъ для тѣхъ, кому некуда было приклонить голову. Въ обители нехватало воды, такъ какъ мѣсто то было безводное, и воду носили издалека. Поэтому братія просили преподобнаго позволить выкопать колодезь въ монастырѣ—не только для монастырскихъ нуждъ, но и для пользы приходящихъ туда. Святый согласился на ихъ просьбу; долго копали колодезь, и выкопали уже глубоко, но воды все не было: мѣсто было холмистое и каменистое. Братія были въ отчаяніи, рабочіе хотѣли перестать работать, такъ какъ воды уже перестали ждать; тогда пришелъ преподобный къ мѣсту работы и, взявъ заступъ, велѣлъ опустить себя въ колодезь; когда его опустили до половины ко-

[1]) *Θеодосій II* (*Младшій*) управлялъ Восточною половиною Римской имперіи съ 408 г. по 450 г.

лодезя, онъ велѣлъ остановить корзинку, въ которой его спускали, и ударилъ заступомъ три раза въ земляную стѣну, произнося Имя Пресвятой Троицы. И тотчасъ оттуда вышелъ обильный источникъ воды; едва успѣли вытащить вонъ рабочихъ, работавшихъ на днѣ колодезя: такъ быстро стала прибывать вода и наполнять колодезь; всѣ удивлялись этому чуду и славили Бога. Одинъ изъ рабочихъ, стоя наверху и видя, что вода течетъ изъ земляной стѣны, не повѣрилъ и сказалъ другому тайно, что старецъ волшебствомъ какимъ-нибудь сдѣлалъ такъ, что потекла вода: ибо онъ помышлялъ про себя,—какъ это можно, чтобъ на самомъ днѣ не нашлось воды и вдругъ вверху изъ стѣнъ она потекла такъ обильно? При этихъ словахъ его внезапно постигъ судъ Божій: онъ поскользнулся, упалъ въ воду и утонулъ. Узнавъ объ этомъ, его жена прибѣжала быстро, громко рыдая, и начала кричать на преподобнаго и упрекать его слѣдующими бранными словами:

— Не приходилъ бы ты лучше сюда, старикъ, волшебникъ, соблазнитель, губитель! Погубилъ ты моего мужа, вотъ, я сама убью себя, чтобъ грѣхи насъ обоихъ были на твоей душѣ!

Много еще оскорбительнаго сказала она среди вопля и крика. Преподобный же сталъ утѣшать ее кроткимъ голосомъ и говорилъ:

— Подожди немного, женщина, надѣйся и возьмешь отсюда своего мужа!

Женщина еще больше разсердилась и кричала:

— Лживый монахъ! Откуда ты мнѣ достанешь мужа? Неужели ты воскресишь мертваго?

И, бросившись на преподобнаго, она схватила его за одежду, желая разорвать ее на немъ. Тогда братія вступились, схватили ее и выгнали за монастырскія ворота. А святый сказалъ братіи:

— Оставьте ее, это не она оскорбляетъ насъ, а бѣсъ, который ее научаетъ и который скоро будетъ посрамленъ помогающей намъ благодатію Божіей.

Сказавъ это, онъ велѣлъ искать въ водѣ утонувшаго человѣка; его нашли и вытащили вонъ. Онъ лежалъ мертвымъ; чудотворецъ, угодникъ Божій, Дій подошелъ къ нему, прилежно помолился Богу, взялъ за руку мертвеца и поднялъ его съ земли живого; призвавъ жену, онъ отдалъ ей мужа. Ужаснулась жена, увидѣвъ мужа живымъ, и всѣхъ объялъ страхъ отъ этого чуда. Жена же вмѣстѣ съ мужемъ ушла домой. На дорогѣ, не дошедши до дому, внезапно у ея только что воскрешеннаго мужа подкосились колѣни,

онъ упалъ на землю и снова умеръ. Увидѣвъ это, жена затрепетала отъ ужаса: она боялась, какъ бы и ее Богъ не наказалъ Своимъ гнѣвомъ, какъ бы и она не упала и не умерла. Она возвратилась въ монастырь съ плачемъ и рыданіемъ, бросилась въ ноги преподобному и просила прощенія:

— Честный отецъ! Моего мужа,—сказала она,—котораго Богъ воскресилъ по твоимъ молитвамъ, Онъ опять умертвилъ за грѣхи мои!

И всѣхъ объялъ еще большій страхъ отъ дивныхъ и невѣдомыхъ судебъ Божіихъ. А преподобный уговорилъ женщину остальную жизнь проводить въ покаяніи, оплакивать свои грѣхи, а братію послалъ съ приказаніемъ предать ея мужа обычнымъ образомъ погребенію.

Прп҃бный
Дій

Преподобный сотворилъ много и другихъ чудесъ силою и содѣйствіемъ Всесильнаго Бога (но они остались намъ неизвѣстны, потому что, за древностью времени и вслѣдствіе различныхъ, часто случавшихся гоненій на Церковь и разореній Царьграда, много книгъ погибло, и до насъ дошло то немногое, что мы разсказываемъ о преподобномъ Діи). Чудотворецъ жилъ долго; уже въ глубокой старости онъ заболѣлъ и былъ при смерти; созвавъ братію, поучалъ ее и, причастившись Божественныхъ Таинъ, сдѣлался словно мертвый, безъ движенія, не дыша. Всѣ, думая, что онъ умеръ, стали оплакивать его и готовиться къ погребенію. Прибылъ и Святѣйшій Патріархъ Константинопольскій Аттикъ и случайно бывшій тогда въ городѣ Патріархъ Антіохійскій Александръ, собралось много и другихъ именитыхъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, желавшихъ похоронить святаго съ честью. Онъ же, словно проснувшись и вставъ съ постели, сказалъ:

— Богъ мнѣ далъ еще пятнадцать лѣтъ жизни.

И всталъ онъ здоровый, и всѣ радовались возвращенію его

изъ вратъ смертныхъ, потому что всѣмъ онъ былъ полезенъ: со святителями велъ духовную и богомудрую бесѣду, царямъ былъ молитвенникомъ и ходатаемъ къ Богу, ищущимъ спасенія былъ образцомъ добродѣтельной жизни, грѣшниковъ приводилъ къ раскаянію, больныхъ исцѣлялъ, странникамъ давалъ пріютъ, нищихъ кормилъ и каждому помогалъ во всякой нуждѣ; преподобный Дій былъ всѣмъ для всѣхъ, каждому помогая и словомъ и дѣломъ, для всякаго онъ былъ какъ бы роднымъ отцомъ.

Проживъ данные ему Богомъ пятнадцать лѣтъ въ обычныхъ постническихъ трудахъ, пользуя души многихъ и являясь свѣтомъ міру, онъ приблизился къ концу своей земной жизни. Однажды онъ вошелъ въ церковь помолиться въ святом алтарѣ и видитъ: явился ему какой-то свѣтлый мужъ, одѣтый въ священническія ризы, и сказалъ ему:

— Исполнилось время твоей жизни, и настало время перехода тебѣ въ жизнь нескончаемую; приготовься разстаться съ тѣломъ и отойти къ Господу.

Преподобный поклонился явившемуся ему мужу и горячо поблагодарилъ Бога за такое извѣщеніе о смертномъ часѣ, потомъ созвалъ братію, обратился къ ней съ послѣднимъ поучительнымъ словомъ и относительно своего погребенія завѣщалъ не позволять, если кто захочетъ, брать его тѣло въ городъ, но похоронить въ своемъ монастырѣ. Потомъ, приготовивъ все нужное къ своей доброй христіанской кончинѣ, помолившись довольно о всѣхъ и о себѣ самомъ и простившись со всѣми въ послѣдній разъ, онъ увидѣлъ передъ собою Ангела Божія и отдалъ ему съ радостью свою честную душу[1]). Такъ преставился къ Господу преподобный отецъ нашъ Дій. Царь и патріархъ хотѣли перенести его честное тѣло въ городъ, на защиту городу, но монахи передали его завѣтъ—не полагать нигдѣ его тѣла, кромѣ монастырской гробницы. Не смѣя нарушить завѣтъ старца, они исполнили его волю и предали его честно погребенію въ его обители, славя дивнаго во святыхъ Бога, Единаго въ Троицѣ, Отца, и Сына, и Святаго Духа, Ему же и отъ насъ пусть будетъ честь и слава, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

[1]) Кончина *преп. Дія* послѣдовала ок. 430 г.

Тропа́рь, гла́съ а҃:

Пусты́нный жи́тель, и҆ въ тѣлесѝ а҃гг҃лъ, и҆ чꙋдотво́рецъ ꙗ҆ви́лсѧ є҆сѝ бг҃оно́се О҆́тче на́шъ ді́е, посто́мъ, бдѣ́ніемъ, мл҃твою нб҃наѧ дарова́ніѧ пріи́мъ, и҆сцѣлѧ́еши недꙋ́жныѧ, и҆ дꙋ́шы вѣ́рою прибега́ющихъ ти̑. сла́ва да́вшемꙋ ти̑ крѣ́пость, сла́ва вѣнча́вшемꙋ тѧ̀, сла́ва дѣ́йствꙋющемꙋ тобо́ю всѣ́мъ и҆сцѣле́ніѧ.

Конда́къ, гла́съ в҃:

Чистото́ю дꙋши̑ бж҃е́ственнѣ вооружи́всѧ, непреста́ннꙋю мл҃твꙋ ꙗ҆́кѡ копіѐ пріи́мъ держа́внѡ, разсѣ́клъ є҆сѝ де́мѡнѡвъ полки̑, чꙋдотво́рче О҆́тче на́шъ ді́е. моли̑ непреста́ннѡ ѿ всѣ́хъ на́съ.

Въ тотъ же день **преставленіе святаго Романа** Олеговича, **князя Рязанскаго**, замученнаго въ Ордѣ въ 1270 году.

День двадцатый

ЖИТІЕ и ЧУДЕСА СВЯТАГО ПРОРОКА ИЛІИ

Приступая къ изложенію житія святаго Иліи — Боговидца и славнаго ревнителя по Богѣ, беззаконныхъ царей обличителя, отступившихъ отъ Бога людей наказателя, ложныхъ пророковъ казнителя, дивнаго чудотворца, которому повиновались стихіи, котораго слушало Небо, великаго угодника Божія, до сихъ поръ пребывающаго во плоти и имѣющаго придти на землю предъ Вторымъ Пришествіемъ Христовымъ,—для болѣе яснаго и сильнаго доказательства ревности его, которою онъ поревновалъ по Господѣ Богѣ, въ краткихъ словахъ предложимъ тѣ событія, которыя случились прежде него.

Издревле избранные люди Божіи, отъ двѣнадцати сыновей Израиля размножившіеся въ двѣнадцать племенъ, называемыхъ колѣнами, составляли одно царство, управляемое нераздѣльно и единовластно однимъ вождемъ, начиная отъ Моисея и Іисуса Навина и прочихъ судей Израильскихъ до царей Давида и Соломона [1]).

---

[1]) Господь избралъ и отдѣлилъ Авраама и его потомковъ отъ прочихъ народовъ для сохраненія и распространенія между людьми истинной вѣры въ Бога. Палестина, которую Богъ отдалъ Аврааму и его потомству, наилучшимъ образомъ соотвѣтствовала назначенію народа Божія. Она ограждена съ сѣвера Ливанскими горами, съ востока—Сирійско-Аравійскою пустынею, съ юга—каменистою Аравійскою пустынею, съ запада—Средиземнымъ моремъ. Такою крѣпкою оградою народъ Божій былъ отдѣленъ и защищенъ отъ вліянія язычниковъ и могъ служить Богу, безпрепятственно и свободно вы-

Когда же, по смерти Соломона, на царство вступилъ сынъ его Ровоамъ и когда онъ въ управленіи царствомъ, не слѣдуя, по молодости своей, совѣтамъ опытныхъ старцевъ, а слушая подобныхъ себѣ юношей, оказался тяжелымъ для подданныхъ своихъ, ибо отягощалъ ихъ чрезмѣрными налогами и работами, жестоко наказывалъ ихъ, даже нерѣдко отправлялъ въ ссылки,—тогда десять колѣнъ отложились отъ него и избрали себѣ въ цари другаго, по имени Іеровоама. Іеровоамъ прежде былъ рабомъ Соломона. Однажды Соломонъ хотѣлъ предать его смерти за нѣкоторую со стороны его вину; но Іеровоамъ убѣжалъ въ Египетъ, гдѣ и пробылъ до смерти Соломона[1]). По смерти же Соломона онъ возвратился въ землю Израильскую и былъ избранъ царемъ колѣнами израильскими, отложившимися отъ Ровоама. Ровоамъ, сынъ Соломоновъ, царствовалъ въ Іерусалимѣ надъ двумя только колѣнами—Іудинымъ и Веніаминовымъ; Іеровоамъ же, рабъ Соломоновъ, царствовалъ надъ десятью колѣнами Израильскими, проживая въ городѣ Сикимѣ[2]), который имъ былъ возстановленъ и возобновленъ, такъ какъ до этого времени былъ въ разрушеніи. Оставшіяся вѣрными сыну Соломонову два колѣна были названы царствомъ Іудейскимъ; а десять колѣнъ, перешедшія къ рабу Соломонову, составили царство Израильское.

Но такъ какъ колѣна Израилевы, хотя и раздѣлились на два царства, однако всѣ вмѣстѣ служили одному Богу, сотворившему небо и землю,—ибо не могли имѣть ни другого храма, кромѣ Іерусалимскаго, построеннаго Соломономъ, ни другихъ священниковъ, кромѣ поставленныхъ Богомъ,—поэтому во всякое время изъ царства Израильскаго люди во множествѣ ходили въ Іерусалимъ для поклоненія и жертвоприношенія Господу Богу своему. Видя это, Іеровоамъ, царь Израильскій, началъ безпокоиться, говоря:

полнять свое назначеніе. Не менѣе соотвѣтствовала назначенію народа Божія Палестина своимъ положеніемъ на границѣ Азіи, Африки и Европы, въ срединѣ между древними народами (Кн. Прор. Іезек., гл. 5, ст. 5). Народъ Божій могъ быть въ общеніи со всѣми могущественными, образованными народами древности и сообщать имъ откровенія Божіи. Когда настало время просвѣщенія народовъ свѣтомъ Божественнаго ученія, проповѣдникамъ его изъ Палестины открыты и близки были пути ко всѣмъ народамъ міра.

[1]) *Іеровоамъ* происходилъ изъ колѣна Ефремова, былъ однимъ изъ надзирателей надъ рабочими при построеніи храма въ Іерусалимѣ и былъ очень любимъ Соломономъ. Когда въ землѣ Израильской явилось много недовольныхъ, которые возстали противъ Соломона за увеличеніе имъ налоговъ, предводителемъ ихъ явился Іеровоамъ. Узнавъ объ этомъ, Соломонъ велѣлъ казнить Іеровоама, но тотъ скрылся въ Египетъ.

[2]) *Сикимъ*, или *Сихемъ*, находился въ срединѣ западной части Палестины, впослѣдствіи образовавшей Самарію.

— Если эти люди всегда такъ будутъ ходить въ Іерусалимъ для поклоненія Богу, то захотятъ опять перейти къ первому своему царю, сыну Соломонову, а меня убьютъ.

Размышляя объ этомъ, онъ началъ отыскивать средства, какъ бы отвратить Израильтянъ отъ Іерусалима, чтобы они не ходили въ Іерусалимъ. И надумалъ онъ прежде всего отвратить ихъ отъ Бога.

— Не возможно,—сказалъ онъ,—оставить имъ Іерусалимъ, если сначала они не оставятъ Бога.

Зная же, что народъ тотъ, Израильтяне, легко склоненъ къ идолопоклонству и ко всякому нечистому беззаконію, Іеровоамъ придумалъ для ихъ богоотступленія такую коварную хитрость. Онъ вылилъ изъ золота двухъ молодыхъ телицъ, подобно тому, какъ древніе Израильтяне, по выходѣ своемъ изъ Египта, изваяли себѣ въ пустынѣ золотаго тельца, которому и поклонялись вмѣсто Истиннаго Бога[1]). Созвавъ къ себѣ весь народъ Израильскій и указывая собравшимся на тѣхъ двухъ телицъ, Іеровоамъ сказалъ:

— Израиль! Это — боги твои, которые вывели тебя изъ земли Египетской. Не ходите болѣе въ Іерусалимъ, а симъ богамъ поклоняйтесь.

И поставилъ онъ тѣхъ телицъ въ различныхъ мѣстахъ: одну— въ Веѳилѣ, а другую — въ Данѣ[2]), построивъ для нихъ прекрасныя храмы, установивъ въ честь ихъ празднества и многія жертвоприношенія и назначивъ для нихъ жрецовъ: и даже самъ исполнялъ обязанности жреца. Для бо́льшаго соблазна грѣхолюбивыхъ людей Іеровоамъ приказалъ, чтобы при тѣхъ вылитыхъ изъ золота телицеобразныхъ идолахъ въ дни установленныхъ въ честь ихъ праздниковъ совершались всякія беззаконія.

Такъ, нечестивый царь, ради временнаго царствованія, и самъ отпалъ отъ Бога, и всѣ десять колѣнъ Израилевыхъ отвратилъ отъ Него. Послѣ этого царя и другіе цари Израильскіе со всѣми подданными своими держались того же нечестиваго идолопоклонства, какъ тому научились и привыкли при Іеровоамѣ.

Премилосердый же Господь, не оставляющій и оставившихъ Его людей, но, по Своей благости, ищущій ихъ обращенія, посылалъ къ Израильтянамъ Своихъ святыхъ пророковъ, чтобы они

---

1) Кн. Исх., гл. 32.

2) *Городъ Веѳиль* находился въ южной части Самаріи, на сѣверъ отъ Іерусалима, а *городъ Данъ* — на сѣверѣ Галилеи.

обличали заблужденія ихъ и увѣщевали ихъ, избавившись отъ діавольскихъ сѣтей, возвратиться опять къ благочестивому почитанію Истиннаго Бога. Между пророками, въ разныя времена посылаемыми Богомъ къ Израилю, былъ посланъ и великій изъ пророковъ, святый Илія, о жизни котораго и предстоитъ намъ слово.

Стый пророкъ Илія

По достовѣрнымъ сказаніямъ, родиной святаго Пророка Божія Иліи была страна Галаадская, по ту сторону Іордана[1]), пограничная Аравіи; городъ же, въ которомъ родился онъ, назывался Ѳесвитъ, отчего Илія и прозванъ Ѳесвитяниномъ[2]). Происходилъ Илія изъ рода Ааронова, отъ отца, по имени Саваха. Рожденіе Иліи было ознаменовано видѣніемъ его отцу. Въ то самое время, когда мать Иліи рождала его, Савахъ увидѣлъ бѣлообразныхъ мужей, которые разговаривали съ младенцемъ, пеленали его огнемъ и кормили его, влагая въ уста его пламень огненный. Устрашенный такимъ видѣніемъ, Савахъ пошелъ въ Іерусалимъ и разсказалъ о видѣніи священникамъ. Тогда одинъ изъ нихъ, мужъ прозорливый, сказалъ Саваху:

— Не бойся видѣнія относительно твоего сына, но знай, что младенецъ тотъ будетъ сосудомъ благодати Божіей; слово его будетъ, какъ огонь, сильно и дѣйственно, будетъ велика и ревность его по Господѣ, и жизнь его будетъ благоугодна Богу, и будетъ судить онъ Израиля оружіемъ и огнемъ.

Таково было при рожденіи Иліи знаменіе и предсказаніе о немъ, указывающее на то, какимъ онъ будетъ, когда возмужаетъ.

---

[1]) Въ странѣ Заіорданской, въ восточной половинѣ Палестины.

[2]) *Городъ Ѳесвитъ*, или *Ѳесва*, находился въ восточной части Галаадской страны, простиравшейся отъ горы Ермона до рѣки Ариона,—на востокъ отъ Іордана, близъ Галаадскихъ горъ.

Воспитаніе и обученіе свое Илія, какъ происходящій изъ священническаго рода, получилъ между священниками; съ самыхъ юныхъ лѣтъ предавши себя Богу, возлюбилъ онъ дѣвственную чистоту, въ которой пребывалъ, какъ Ангелъ Божій, непорочный предъ Богомъ, чистый душой и тѣломъ. Любя же размышлять о Богѣ, онъ часто удалялся для безмолвія въ пустынныя мѣста, гдѣ подолгу бесѣдовалъ наединѣ съ Богомъ въ теплой къ Нему молитвѣ, пылая къ Нему, какъ Серафимъ[1]), пламенною любовію. И самъ Илія былъ любимъ Богомъ, такъ какъ Богъ любитъ любящихъ Его. Илія сподоблялся милостивой бесѣды съ Богомъ и, вслѣдствіе своей равноангельской жизни, пріобрѣлъ къ Нему великое дерзновеніе: все, что просилъ Илія у Бога, онъ получалъ—какъ обрѣтшій предъ Нимъ благоволеніе. Слыша же и видя, съ одной стороны, совершающіяся въ развращенномъ Израилѣ беззаконія: царей—пребывающими въ богопротивномъ нечестіи, судей и старѣйшинъ—поступающими не по правдѣ, народъ—служащимъ мерзостямъ идольскимъ и коснѣющимъ во всякихъ духовныхъ и тѣлесныхъ порокахъ безъ страха и боязни Бога, приносящимъ сыновей и дочерей своихъ въ жертву бѣсамъ; а съ другой,—ревностныхъ чтителей Истиннаго Бога претерпѣвающими всяческія притѣсненія и гоненія, даже до смерти—о всемъ этомъ Пророкъ Божій сильно болѣлъ сердцемъ: онъ то оплакивалъ погибель столь безчисленнаго множества душъ человѣческихъ, то сѣтовалъ на жестокое гоненіе праведныхъ; особенно же онъ скорбѣлъ и страдалъ душою о безчестіи, наносимомъ Истинному Богу со стороны нечестивыхъ людей, и все болѣе и болѣе исполнялся ревностію о славѣ Божіей. Прежде всего Илія молилъ Бога, дабы обратилъ Онъ грѣшниковъ къ покаянію. Но такъ какъ Богъ требуетъ отъ грѣшныхъ людей добровольнаго обращенія, а въ ожесточенныхъ сердцемъ Израильтянахъ не было такого стремленія къ добру, то Пророкъ Илія, сильно возревновавъ о славѣ Божіей и о спасеніи людей, просилъ Бога наказать Израильтянъ временно, чтобы хотя такимъ средствомъ отвратить ихъ отъ нечестія. Но зная въ то же время, что Господь, по Своему человѣколюбію и долготерпѣнію, не скоръ къ наказанію, Илія, по великой своей ревности о

---

[1]) *Серафимы* (съ еврейск.—пламенныя, огненныя существа)—ближайшія къ Богу, самыя высшія духовныя существа, которыя, окружая Престолъ Господа славы, неумолкаемо взываютъ: «Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ (т. е. Господь воинствъ), вся земля полна славы Его» (Кн. Прор. Ис., гл. 6).

Немъ, осмѣлился просить Бога повелѣть ему, Иліи, наказать законопреступниковъ, въ той мысли, что не обратятся ли они къ покаянію, когда будутъ наказаны человѣкомъ. И неотступно просилъ о семъ Илія Бога, пока не получилъ просимое отъ Всещедраго Господа: премилостивый Господь, какъ чадолюбивый отецъ, не хотѣлъ опечалить любимаго слугу Своего, сыновне Ему служащаго и даже самой малой Его заповѣди не нарушившаго; но такъ какъ Илія во всемъ былъ послушенъ Ему и никогда ничѣмъ не прогнѣвалъ Его, то Онъ и внималъ прошеніямъ и молитвамъ вѣрнаго раба Своего, не опечаливая его неисполненіемъ ихъ.

Въ то время въ Израилѣ царствовалъ беззаконный царь Ахавъ, имѣя стольнымъ городомъ своимъ Самарію (этотъ городъ былъ уже третьей столицей царства Израильскаго: первою столицей былъ Сихемъ, въ колѣнѣ Ефремовомъ, второй—Ѳерсъ, въ колѣнѣ Манассіиномъ, третьей—Самарія, опять въ Ефремовомъ колѣнѣ). Ахавъ женился на Іезавели, дочери царя Сидонскаго Еѳваала. Іезавель, какъ язычница, принесла съ собой въ новое отечество свое идола Сидонскаго бога Ваала[1]). Ахавъ же построилъ для него въ Самаріи капище и поставилъ тамъ жертвенникъ ему, самъ поклонялся Ваалу какъ богу и всѣхъ Израильтянъ принуждалъ кланяться сему идолу. Чрезъ это онъ вскорѣ до крайности развилъ въ своемъ царствѣ идолопоклонство, чѣмъ болѣе всѣхъ царей, царствовавшихъ до него надъ Израилемъ, прогнѣвалъ Господа Бога Вышняго. И вотъ къ этому-то царю и пришелъ Пророкъ Божій Илія, исполненный ревности по Богѣ, и обличалъ его въ заблужденіи,—что онъ, оставивши Бога Израилева, самъ кланяется бѣсамъ и вмѣстѣ съ собой весь народъ свой влечетъ къ погибели. Видя же, что царь не слушаетъ его увѣщаній, святый Пророкъ къ словамъ приложилъ дѣло, предавъ наказанію царя-богопротивника и подданныхъ его. Онъ сказалъ:

— Живъ Господь Богъ Всемогущій, Богъ Израилевъ, предъ Которымъ я стою[2]),—если въ эти годы будетъ на землю роса или дождь, то не иначе, какъ только по моему слову.

Сказавши это, Илія ушелъ отъ Ахава, и, по слову Пророка, небо заключилось, и настала засуха: ни одна капля дождя или

---

[1]) *Ваалъ* считался у хананейскихъ народовъ главнымъ богомъ. Подъ именемъ Ваала они обоготворяли Солнце какъ источникъ плодотворной силы въ природѣ.

[2]) Слова: «Живъ Господь Богъ твой, жива душа твоя»—равносильны нашей клятвѣ: «клянусь Богомъ». Древніе евреи, желая завѣрить въ истинности своихъ словъ, употребляли обыкновенно именно эти слова въ качествѣ клятвы.

росы не упала на землю. Вслѣдствіе засухи былъ полный неурожай хлѣбовъ, и наступилъ голодъ. Ибо, когда согрѣшаетъ одинъ царь, и на всѣхъ подданныхъ гнѣвъ Божій приходитъ (какъ и прежде вслѣдствіе грѣхопаденія одного Давида страдало все царство[1]). Пророкъ же Божій Илія ожидалъ, что Ахавъ, царь Израильскій, будучи наказанъ, осознаетъ свое заблужденіе, обратится къ Богу съ покаяніемъ, а вмѣстѣ съ собой обратитъ на путь истинный и развращенный имъ народъ. Но когда святый Илія увидалъ, что Ахавъ, подобно Фараону, остается ожесточеннымъ, не только не думаетъ оставить нечестіе, но, наоборотъ, болѣе и болѣе погружается въ бездну зла, преслѣдуетъ и даже убиваетъ людей, благоугождающихъ Богу своею жизнію, то продолжилъ наказаніе на другой и на третій годъ. Въ это время исполнилось слово перваго Боговидца—святаго Пророка Моисея, сказанное Израилю: «Будетъ небо надъ тобою мѣдью, а земля подъ тобою желѣзомъ»[2]), потому что, при заключившемся небѣ, земля не имѣла влаги[3]) и не давала никакого плода.

Такъ какъ воздухъ былъ всегда зноенъ, и всякій день отъ палящаго солнца стояла сильная жара, то всѣ деревья, цвѣты и трава завяли,—плоды погибли, сады, нивы, поля сдѣлались совершенно пусты, и не было на нихъ ни пахаря, ни сѣятеля. Вода въ источникахъ изсякла, малыя рѣки и потоки совсѣмъ высохли, а въ большихъ рѣкахъ количество воды уменьшилось, вся земля сдѣлалась безводной и сухой, и умирали отъ голода люди, скотъ и птицы. Такое наказаніе постигло не только израильское царство, но и окрестныя страны. Ибо когда въ городѣ загорится одинъ домъ, пожаръ распространяется и на сосѣдніе дома. Такъ случилось и въ поднебесной: одинъ народъ Израильскій навлекъ на себя гнѣвъ Божій, а страдала вся вселенная. Но все сіе произошло не столько отъ гнѣва Божія, сколько по ревности о славѣ Божіей Пророка Иліи. Ибо премилосердый и человѣколюбивый Господь, по безмѣрной благости Своей, видя бѣдствіе людей и

---

1) Побуждаемый гордостью Давидъ хотѣлъ сосчитать свой народъ. За такой грѣхъ Господь послалъ на его царство моровую язву, отъ которой въ три дня умерло 70 000 человѣкъ.

2) Кн. Второз., гл. 28, ст. 23.

3) Въ Палестинѣ, какъ и въ другихъ жаркихъ странахъ, дождь бываетъ только осенью и весною, за то росы очень обильно напояютъ землю. Онѣ бываютъ такъ велики, особенно лѣтомъ, что земля увлажается ими, какъ послѣ сильнаго дождя.

гибель всякихъ животныхъ, уже готовъ былъ послать дождь на землю, но Онъ удержался отъ сего, чтобы исполнить рѣшеніе Иліи и чтобы не оказались ложными слова пророка: «Живъ Господь,—отъ сего времени не упадетъ на землю дождь или роса, развѣ только по моему слову».

Сказавшій же это настолько былъ объятъ ревностію по Богѣ, что и себя не щадилъ, ибо зналъ, что, когда истощится на землѣ запасъ пищи, и ему, какъ и всѣмъ людямъ, предстоитъ терпѣть голодъ. Но онъ пренебрегалъ этимъ, ибо предпочиталъ лучше умереть отъ голода, нежели помиловать нераскаянныхъ грѣшниковъ, враждующихъ противъ Бога.

Что же творитъ всеблагій Богъ? Онъ посылаетъ Пророка Илію въ нѣкоторое уединенное мѣсто, далекое отъ жилищъ человѣческихъ, говоря:

— Иди на востокъ и скройся у потока Хораѳа[1]), что противъ Іордана. Изъ этого потока ты будешь пить, а вóронамъ Я повелѣлъ кормить тебя тамъ[2]).

Сдѣлалъ же сіе Господь для того, чтобы избавить Илію отъ убіенія его Іезавелью, чтобы Илія не погибъ отъ голода и чтобы посредствомъ вороновъ и Хораѳскаго потока возбудить въ Иліи состраданіе къ людямъ, страдающимъ и погибающимъ отъ голода и жажды. Вороны въ сравненіи съ другими птицами обладаютъ особеннымъ свойствомъ[3]): они очень прожорливы и не имѣютъ никакого чувства жалости даже къ птенцамъ своимъ, ибо вóронъ, лишь только выведетъ птенцовъ своихъ, покидаетъ ихъ въ гнѣздѣ, улетая въ другое мѣсто и обрекая птенцовъ на смерть отъ голода. Только Промыслъ Божій, пекущійся о каждой твари, спасаетъ ихъ отъ смерти: въ ротъ къ нимъ сами собой прилетаютъ мухи, которыхъ птенцы и проглатываютъ. И всякій разъ, когда вóроны, по повелѣнію Божію, прилетая каждый день къ Пророку, приносили ему пищу — утромъ хлѣбъ, а вечеромъ мясо, совѣсть въ Иліи,—этотъ внутренній въ человѣкѣ голосъ Божій,—взывала къ его сердцу: «Смотри, вóроны, будучи по природѣ дикими, лакомыми, прожорливыми, не любящими своихъ птенцовъ, какъ заботятся о твоемъ пропитаніи: сами голодны, а тебѣ приносятъ пищу. Ты же, самъ человѣкъ, не имѣешь состраданія къ

[1]) Въ Сиріи, близъ Дамаска.
[2]) 3 Кн. Цар., гл. 17, ст. 3—4.
[3]) Псал. 146, ст. 9.

людямъ, и не только людей, но и скотъ и птицъ хочешь уморить голодомъ».

Также, когда чрезъ нѣкоторое время увидалъ Пророкъ потокъ высохшимъ, Богъ сказалъ ему:

— Время уже помиловать мучимую тварь и послать ей дождь, чтобы и тебѣ самому не умереть отъ жажды.

Но ревнитель Божій крѣпился,—напротивъ, онъ молилъ Бога, чтобы не было дождя до тѣхъ поръ, пока будутъ наказаны еще не наказанные и пока погибнутъ на землѣ всѣ враги Божіи. Тогда опять Господь, премудро склоняя Своего раба къ милосердію, послалъ его въ Сарепту Сидонскую[1]), находившуюся не подъ властію царя Израильскаго, къ бѣдной вдовѣ, чтобы онъ размыслилъ въ себѣ, какое бѣдствіе нанесъ онъ не только людямъ богатымъ и состоящимъ въ супружествѣ, но и бѣднымъ вдовамъ, которыя не только во время голода, но и въ годы урожаевъ хлѣба и всякаго земного обилія часто не имѣютъ дневнаго пропитанія. Пророкъ, пришедши къ воротамъ этого города, увидалъ вдову, несущую дрова, не болѣе двухъ полѣньевъ; ибо у ней въ кадкѣ была одна только горсть муки и немного масла въ кувшинѣ. Такъ какъ Илія былъ мучимъ голодомъ, то онъ попросилъ у вдовы кусокъ хлѣба. Вдовица же, повѣдавши ему о своей крайней бѣдности въ послѣднее время, сказала, что она хочетъ для себя и для своего сына изъ оставшейся у нея муки приготовить въ послѣдній разъ обѣдъ, а потомъ имъ предстоитъ умереть отъ голода. Человѣкъ Божій могъ бы этимъ умилиться и сжалиться надъ всѣми бѣдными вдовами, страдающими отъ голода; но великая ревность по Богѣ побѣждала все, и онъ не оказывалъ никакого милосердія къ погибающей твари, желая прославить Творца и показать всей Вселенной Его всемогущую силу. Имѣя же отъ Бога, по вѣрѣ своей, даръ чудотворенія, Илія сотворилъ такъ, что мука и масло въ домѣ вдовицы оставались неистощимы; и онъ былъ питаемъ вдовицей до тѣхъ поръ, пока прекратился голодъ. Пророкъ и умершаго сына вдовицы воскресилъ молитвою, соединенною съ троекратнымъ дуновеніемъ на умершаго, какъ о томъ написано въ Словѣ Божіемъ. Существуетъ сказаніе объ этомъ воскрешенномъ сынѣ вдовицы, что имя ему было Іона, что именно онъ, придя въ возрастъ, сподобился пророческаго дара, былъ по-

[1]) *Городъ Сарепта* находился на западѣ Финикіи, на берегу Средиземнаго моря, близъ Сидона.

сланъ въ Ниневію проповѣдовать покаяніе; будучи же поглощенъ въ морѣ китомъ и чрезъ три дня выброшенъ имъ, прообразовалъ собою тридневное Христово воскресеніе, какъ въ пророческой книгѣ и въ житіи его[1]) подробно повѣствуется.

По прошествіи трехъ бездождливыхъ и голодныхъ лѣтъ всеблагій Богъ, видя созданіе Свое совершенно уничтожающимся на землѣ отъ голода, умилосердился и сказалъ рабу Своему Иліи:

— Пойди явись Ахаву; я хочу помиловать твореніе Свое и по твоему слову послать дождь на высохшую землю, напоить ее и сдѣлать плодоносною. Ахавъ уже склоняется къ покаянію, ищетъ тебя и готовъ послушаться тебя во всемъ, что ты прикажешь ему.

Пророкъ тотчасъ же изъ Сарепты Сидонской отправился въ Самарію, стольный городъ Израильскаго царства. У царя Ахава былъ въ то время домоправителемъ нѣкто Авдій, вѣрный слуга ему и человѣкъ богобоязненный. Онъ скрылъ отъ убіенія Іезавелью сто пророковъ Господнихъ, помѣстивъ ихъ въ двухъ пещерахъ, по пятидесяти въ каждой, и питалъ ихъ хлѣбомъ и водой. Призвавъ къ себѣ этого домоправителя, царь Ахавъ (еще до прихода къ нему Иліи) послалъ его поискать при высохшихъ потокахъ травы, чтобы было чѣмъ прокормить уже немногихъ оставшихся въ живыхъ коней и другой скотъ. Лишь только Авдій вышелъ изъ города, то встрѣтилъ святаго Пророка Илію, поклонился ему до земли и сказалъ, что Ахавъ тщательно искалъ его во всемъ царствѣ своемъ. Святый Илія отвѣчалъ Авдію:

— Пойди скажи господину своему: вотъ, я, Илія, иду къ нему.

Авдій отказывался, говоря:

— Боюсь, какъ бы, когда я пойду отъ тебя, Духъ Господень не перенесъ тебя въ другую страну, и я окажусь тогда лжецомъ предъ господиномъ своимъ, и онъ, разгнѣвавшись на меня, убьетъ меня.

Илія отвѣчалъ:

— Живъ Господь силъ, предъ Которымъ я предстою! Сегодня же я покажусь Ахаву!

Авдій воротился и сказалъ царю. Ахавъ поспѣшилъ выйти навстрѣчу человѣку Божію. Когда же онъ увидалъ Илію, то, отъ

---

[1]) Сентября 22.

затаенной въ немъ злобы къ Пророку, не могъ удержаться отъ жестокаго слова и сказалъ Иліи:

— Ты ли это, развращающій Израиля?

Пророкъ же Божій безбоязненно отвѣчалъ Ахаву:

— Не я развращаю Израиля, а ты и домъ отца твоего, оставившіе Господа Бога своего и почитающіе сквернаго Ваала.

Послѣ сего Пророкъ Божій, какъ имѣющій въ себѣ силу помощи Божественной, началъ со властію приказывать царю, говоря:

— Немедленно пошли и собери ко мнѣ на гору Кармилъ[1]) всѣ десять колѣнъ Израилевыхъ, приведи четыреста пятьдесятъ безстыдныхъ пророковъ Вааловыхъ и четыреста пятьдесятъ нечестивыхъ пророковъ, служащихъ другимъ идоламъ на горахъ высокихъ и въ рощахъ[2]), питающихся отъ стола Іезавели; пусть они вступятъ въ споръ со мною о Богѣ, и увидимъ, который есть Богъ истинный.

Тотчасъ же царь, разославъ гонцовъ по всей землѣ Израильской, собралъ безчисленное множество народа, и всѣхъ нечестивыхъ пророковъ и жрецовъ созвалъ на гору Кармилъ, и самъ туда пришелъ.

Тогда ревнитель Божій Илія, ставши предъ собравшимися, обратился къ царю и ко всему Израильскому народу съ такими словами:

— Долго ли вы будете хромать на оба колѣна ваши? Если Господь Богъ, выведшій васъ рукою крѣпкою изъ Египта, есть Богъ, то почему не слѣдуете Ему? Если же Ваалъ есть богъ вашъ, то идите за нимъ.

---

1) *Гора Кармилъ* находится на сѣверо-западѣ Самаріи, близъ Средиземнаго моря. Илія избралъ эту гору для собранія потому, что она была главнымъ мѣстомъ служенія Ваалу въ Израильскомъ царствѣ.

2) Наравнѣ съ *Вааломъ* почиталась *Астарта*, или *Ашера*. Она была богинею неба (Іерем., гл. 7, ст. 18), Луны и богинею счастья, любви, плодородія, войны и охоты. Изображалась съ женскою головою, украшенною луннымъ серпомъ или двумя рогами. Служеніе Ваалу совершалось на высотахъ, а Астартѣ — въ долинахъ, въ зеленыхъ дубравахъ (рощахъ). Дубравами въ честь Астарты всегда были окружены капища Ваала, построенныя на холмахъ и горахъ, и въ нихъ, у подножія холмовъ, ставились жертвенники Астарты. Жрецы Астарты имѣли названіе «дубравные». Ваалъ, кромѣ своего значенія какъ богъ Солнца, въ разныхъ мѣстахъ назывался различными именами. Такъ, у филистимлянъ онъ назывался *Ваалъ-Зевулъ*, богъ мухъ, потому что Филистимляне, жившіе на низкомъ берегу моря и страдавшіе отъ множества мухъ и другихъ насѣкомыхъ, молились ему объ избавленіи отъ мухъ. Онъ считался также цѣлителемъ недуговъ и прорицателемъ. *Ваалъ-Веривъ*, богъ клятвъ, договоровъ, союзовъ. *Ваалъ-Ѳегоръ*, богъ войны. Израильтяне легко увлекались служеніемъ идоламъ, потому что служеніе Истинному Богу требуетъ добродѣтелей, молитвы, сокрушенія о грѣхахъ, постовъ, а служеніе идоламъ сопровождалось плясками, пиршествами, пьянствомъ и другими чувственными наслажденіями.

Народъ молчалъ, да и не могъ что-нибудь отвѣтить, ибо всякій Израильтянинъ своею совѣстію былъ обличаемъ въ заблужденіи. Тогда Илія продолжалъ:

— Вотъ что: чтобы вамъ нынѣ познать Истиннаго Бога, дѣлайте то, что я буду приказывать вамъ. Вы видите, что я только одинъ во всемъ Израилѣ остался пророкомъ Господнимъ; всѣхъ же другихъ пророковъ вы убили; видите также, сколь много здѣсь пророковъ Вааловыхъ. Итакъ, дайте намъ двухъ тельцовъ для жертвоприношенія: одного—мнѣ, а другого—жрецамъ Вааловымъ; но огня не надо намъ. На чью жертву съ неба спадетъ огонь и попалитъ ее, богъ того и есть истинный Богъ, и всѣ должны поклониться Ему, а не признающіе Его пусть будутъ преданы смерти.

Выслушавъ эти слова, весь народъ одобрилъ рѣшеніе Пророка Божія и сказалъ:

— Пусть будетъ такъ; слово твое хорошо.

Когда же въ средину собранія были приведены тельцы, святый Илія сказалъ нечестивымъ пророкамъ Вааловымъ:

— Выберите себѣ одного тельца, и вы первые приготовьте жертву, ибо васъ много, а я одинъ, и приготовлю послѣ. Положивъ же на дрова тельца, огня не возжигайте, но молитесь вашему богу Ваалу, чтобы онъ съ неба послалъ огонь и сжегъ вашу жертву.

Безстыдные пророки такъ и поступили. Бросивъ жребій, они взяли тельца, построили жертвенникъ, положили на него достаточное количество дровъ, закололи тельца, раздѣлили его на части, положили ихъ на жертвенникъ поверхъ дровъ, и начали молиться Ваалу своему, чтобы онъ послалъ огонь на жертву ихъ. Они призывали имя его съ утра до полудня, крича:

— Послушай насъ, Ваалъ, послушай!

Но не было ни голоса, ни отвѣта. Принялись они скакать вокругъ жертвенника, но все напрасно. Въ полдень Пророкъ Божій посмѣялся надъ ними:

— Кричите громче,—говорилъ онъ,—чтобы богъ вашъ услыхалъ васъ; должно быть, онъ сейчасъ несвободенъ: или занятъ чѣмъ-нибудь, или съ кѣмъ бесѣдуетъ, или пируетъ, или уснулъ[1]); кричите какъ можно громче, чтобы разбудить его.

[1]) У Евреевъ былъ обычай спать въ самую жаркую пору дня, съ 10 или 11 часовъ дня до 3-хъ пополудни.

Лжепророки громкимъ голосомъ звали Ваала и, по обычаю своему, кололи себя ножами, а другіе били себя бичами до крови. Предъ наступленіемъ вечера святый Илія Ѳесвитянинъ сказалъ имъ:

— Замолчите и перестаньте; уже время быть моей жертвѣ.

Почитатели Ваала перестали. Тогда Илія, обратясь къ народу, сказалъ:

— Подойдите ко мнѣ!

Всѣ подошли къ нему. Пророкъ взялъ двѣнадцать камней по числу колѣнъ Израилевыхъ, построилъ изъ нихъ жертвенникъ Господу, затѣмъ, положивъ на жертвенникъ дрова, раздѣлилъ тельца на части, положилъ ихъ на дрова, вокругъ жертвенника выкопалъ ровъ и приказалъ людямъ, чтобы они, взявъ четыре ведра, лили воду на жертву и на дрова; такъ и сдѣлали. Илія приказалъ повторить; повторили. Приказалъ въ третій разъ сдѣлать то же, и сдѣлали. Вода полилась вокругъ жертвенника, и ровъ наполнился водой. И возопилъ Илія къ Богу, обратя взоръ свой къ Небу, говоря:

— Господи Боже Авраамовъ, Исааковъ и Іаковлевъ! Услыши нынѣ меня, раба Твоего, и пошли съ неба огонь на жертву, чтобы всѣ сіи люди нынѣ познали, что Ты—Единъ Богъ Израилевъ, а я—рабъ Твой, и Тебѣ принесъ жертву сію! Услышь меня, Господи, отвѣть мнѣ огнемъ, чтобы сердца людей сихъ обратились къ Тебѣ!

И упалъ отъ Господа съ неба огонь [1]), и уничтожилъ все сожигаемое —и дрова, и камни, и золу, и даже воду, которая была во рву,—все истребилъ огонь. При видѣ этого весь народъ палъ лицомъ на землю [2]), взывая:

— Воистину Господь есть Богъ единъ, и нѣтъ другого Бога, кромѣ Него!

Илія сказалъ народу:

— Задержите пророковъ Вааловыхъ, чтобы ни одинъ изъ нихъ не убѣжалъ.

Народъ исполнилъ его приказаніе, и Илія отвелъ ихъ къ

---

[1]) Ниспаденіе огня съ неба выражало, что Богъ милостиво принимаетъ приносимую Ему жертву.

[2]) Евреи во время молитвы падали лицомъ ницъ на землю. Этимъ они выражали сознаніе своего паденія предъ Богомъ и ничтожества своего предъ величіемъ Божіимъ, а также свое сокрушеніе о грѣхахъ.

потоку Киссону, впадающему своими водами въ Великое море[1]). Тамъ онъ своими руками закололъ ихъ[2]) и нечестивые трупы ихъ бросилъ въ воду, чтобы земля не осквернилась ими и чтобы воздухъ не заражался смрадомъ отъ нихъ. Послѣ этого святый Илія велѣлъ царю Ахаву скорѣе пить, и ѣсть, и запрягать коней въ колесницу, чтобы отправиться въ путь, потому что скоро пойдетъ большой дождь, который омочитъ все. Когда Ахавъ сѣлъ ѣсть и пить, Илія взошелъ на гору Кармилъ. Наклонившись къ землѣ, онъ положилъ лицо свое между колѣнами своими и молился Богу о ниспосланіи дождя на землю. Тотчасъ же по молитвѣ его, какъ бы ключомъ, отверзлись небеса, и выпалъ большой дождь, который омочилъ всѣхъ и жаждущую землю обильно напоилъ. Тогда Ахавъ, осознавъ свое заблужденіе, на пути въ Самарію оплакивалъ грѣхи свои. Святый же Илія, опоясавъ чресла свои, пѣшій шелъ впереди его, радуясь о славѣ Господа Бога своего.

Нечестивая царица, жена Ахава, Іезавель, узнавши о всемъ происшедшемъ, страшно разгнѣвалась на Илію за погубленіе ея безстыдныхъ пророковъ и, клянясь своими богами, послала сказать ему, что на завтрашній день, въ тотъ самый часъ, въ который Илія убилъ пророковъ Ваала, она убьетъ его. Святый Илія устрашился смерти, ибо былъ человѣкъ со всѣми свойственными людямъ немощами, какъ и сказано о немъ: «Илія былъ человѣкъ подобный намъ»[3]). Изъ-за угрозъ Іезавели онъ бѣжалъ въ Вирсавію[4]), въ царство Іудейское, и пошелъ въ пустыню одинъ. Прошедши пустынею одинъ день, онъ сѣлъ подъ можжевеловымъ кустомъ отдохнуть. Терзаемый печалью, онъ сталъ просить у Бога смерти себѣ, говоря:

— Господи! Довольно для меня, что я до сихъ поръ жилъ на землѣ; возьми теперь душу мою; ужели я лучше отцовъ моихъ?!

Пророкъ сказалъ такъ не вслѣдствіе скорби отъ гоненія на него, но какъ ревнитель Божій, не терпящій злобы человѣческой,

---

1) *Потокъ Киссонъ* протекалъ близъ горы Кармилъ, на сѣверъ отъ нея; впадалъ въ Средиземное море, которое называлось *Великимъ* моремъ.

2) По Закону Моисееву, должно было подвергать смертной казни явныхъ идолопоклонниковъ, особенно тѣхъ, которые увлекали другихъ къ идолопоклонству (Кн. Второз., 13 гл.).

3) Кн. Іак., гл. 5, ст. 17.

4) *Городъ Вирсавія* находился на югѣ Іудеи.

безчестія Божія и поношенія Пресвятаго Имени Господня: для него легче было умереть, чѣмъ слышать и видѣть беззаконныхъ, презирающихъ и отвергающихъ Бога своего. Съ такою молитвою на устахъ Илія легъ и уснулъ подъ деревомъ. И вотъ касается его Ангелъ Господень, говоря:

— Встань, ѣшь и пей.

Поднявшись, Илія увидалъ у своего изголовья теплый опрѣснокъ и кувшинъ воды, всталъ, поѣлъ, напился воды и опять уснулъ. Ангелъ Господень вторично коснулся его, говоря:

— Встань, ѣшь и пей, ибо тебѣ предстоитъ далекій путь.

Илія, вставши, еще поѣлъ, напился воды и, подкрѣпившись этою пищею, шелъ сорокъ дней и сорокъ ночей до горы Божіей Хорива[1]), гдѣ поселился въ пещерѣ. Здѣсь собесѣдникомъ ему былъ Самъ Господь Богъ, Который явился ему въ легкомъ вѣтрѣ, тихо дующемъ въ чистомъ воздухѣ. Когда приближался къ нему Господь, предшествовали страшныя знаменія Его явленія: сначала была сильная буря, разрушающая горы и разбивающая скалы, потомъ шелъ огонь, но въ огнѣ не было Господа; послѣ огня вѣяніе легкаго вѣтра; тутъ и былъ Господь[2]). Когда Илія услышалъ прохожденіе Господа, онъ закрылъ лицо свое плащомъ и, выйдши изъ пещеры, всталъ около нея. Онъ услыхалъ Господа, говорящаго ему:

— Что ты здѣсь дѣлаешь, Илія?

Илія отвѣтилъ:

— Ревнуя возревновалъ я о Тебѣ, Господѣ Вседержителѣ, ибо сыны Израилевы оставили завѣтъ Твой, жертвенники Твои разрушили и пророковъ Твоихъ убили мечомъ; остался я одинъ, но и моей души ищутъ, чтобы отнять ее.

Господь же, утѣшая Илію въ печали его, открылъ ему, что не весь Израильскій народъ отступилъ отъ Него, но Онъ имѣетъ семь тысячъ тайныхъ рабовъ Своихъ, которые не преклоняли колѣнъ своихъ предъ Вааломъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Господь возвѣстилъ Иліи о предстоящей въ скоромъ времени погибели Ахава и Іезавели

---

[1]) *Гора Хоривъ* находится въ юго-западной части Аравійскаго полуострова, на сѣверъ отъ Чермнаго (Краснаго) моря, близъ горы Синая, нѣсколько на сѣверо-западъ отъ нея.

[2]) Илія находилъ необходимымъ, чтобы погибли всѣ нечестивые люди. Господь не явился Иліи ни въ бурѣ, ни въ землетрясеніи, ни въ огнѣ, но явился въ тихомъ вѣтрѣ, чтобъ показать, что Онъ, хотя и могъ бы погубить нечестивыхъ грозными явленіями природы, но за лучшее признаетъ управлять людьми съ кротостію и долготерпѣніемъ.

и всего дома ихъ, и повелѣлъ Иліи предназначить на Израильское царство нѣкотораго достойнаго мужа, по имени Іиуя, который и имѣлъ истребить весь родъ Ахавовъ, а Елиссея—помазать во пророка[1]). Такъ, утѣшивъ раба Своего, Господь отошелъ отъ него. Угодникъ же Божій, по повелѣнію Господню, ушелъ отъ Хорива, по пути встрѣтилъ Елиссея, сына Сафатова, пашущимъ землю двѣнадцатью парами воловъ; возложивъ на него свой плащъ, святый Илія объявилъ ему волю Господню, нарекъ его Пророкомъ и приказалъ ему идти за собою. Елиссей же сказалъ Иліи:

— Умоляю тебя, отпусти меня на короткое время проститься съ отцомъ и матерью моими, и тогда я пойду за тобою.

Святый Илія не воспрепятствовалъ этому. Елиссей же, пришедши домой, закололъ пару воловъ, на которыхъ самъ пахалъ, устроилъ угощеніе сосѣдямъ и родственникамъ, а затѣмъ, простившись съ родителями, ушелъ къ Иліи и всюду слѣдовалъ за нимъ, будучи для него слугой и его ученикомъ.

Въ это время царь Ахавъ подъ вліяніемъ своей нечестивой жены Іезавели къ прежнимъ беззаконіямъ прибавилъ новое, слѣдующее.

У одного израильтянина, по имени Навуѳея, былъ виноградникъ близъ владѣнія царя Ахава въ Самаріи. Ахавъ предложилъ Навуѳею:

— Уступи мнѣ твой виноградникъ, чтобы онъ служилъ для меня садомъ, ибо онъ находится близъ моего дворца. Тебѣ же я дамъ другой, много лучше этого; а если тебѣ это не угодно будетъ, то деньгами заплачу тебѣ за твой виноградникъ.

Навуѳей отвѣчалъ:

— Сохрани меня Господь, чтобы я отдалъ тебѣ наслѣдіе моихъ предковъ[2]).

Ахавъ возвратился въ домъ свой смущенный и оскорбленный отвѣтомъ Навуѳея, и отъ досады не могъ ѣсть хлѣба. Іезавель же, узнавъ причину печали его, посмѣялась надъ нимъ, говоря:

— Ужели такова твоя, царь Израилевъ, власть, что даже на одномъ человѣкѣ ты не силенъ проявить свою волю? Но пере-

---

[1]) Изъ этого видно, что чрезъ помазаніе царей и пророковъ сообщается имъ Духъ Святый, Который недосягаемо возвышаетъ ихъ предъ прочими людьми и дѣлаетъ ихъ представителями и орудіями власти Божіей надъ людьми.

[2]) Законъ Моисеевъ запрещалъ продавать наслѣдственныя владѣнія (Кн. Числъ, гл. 36, ст. 7).

стань печалиться, ѣшь хлѣбъ и подожди немного времени: я сама отдамъ тебѣ въ руки виноградникъ Навуѳея.

Сказавши это, она написала отъ имени царя приказаніе старѣйшимъ гражданамъ израильскимъ и приложила къ нему царскую печать. Написано же было, чтобы они возвели на Навуѳея ложное обвиненіе, будто онъ злословилъ Бога и царя, и, представивши лжесвидѣтелей, побили бы его за городомъ камнями. И совершилось то несправедливое убійство по беззаконному приказанію. Послѣ казни ни въ чемъ не повиннаго Навуѳея Іезавель сказала Ахаву:

— Теперь наслѣдуй виноградникъ безъ денегъ, ибо Навуѳея уже нѣтъ въ живыхъ.

Ахавъ, услыхавъ объ убійствѣ Навуѳея, немного опечалился, а потомъ пошелъ въ виноградникъ, чтобы принять его въ свое владѣніе [1]). На пути встрѣтилъ его, по повелѣнію Божію, святый Пророкъ Илія и сказалъ ему:

— Такъ какъ ты несправедливо убилъ невиннаго Навуѳея и незаконно завладѣлъ его виноградникомъ, то посему говоритъ Господь: на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ псы лизали кровь Навуѳея, псы полижутъ и твою кровь; также и жену твою Іезавель съѣдятъ псы, и весь домъ твой будетъ истребленъ.

Ахавъ, услыхавъ эти слова, заплакалъ, снялъ съ себя царскія одежды, одѣлся во вретище и наложилъ на себя постъ [2]). И столь малое покаяніе Ахава предъ Господомъ возъимѣло такую силу, что исполненіе назначеннаго наказанія всему дому его было отложено на время послѣ смерти Ахава. Ибо Господь сказалъ Своему Пророку Иліи:

— Поелику Ахавъ смирился, то не наведу Я бѣдъ на домъ его при его жизни, но при сынѣ его.

Послѣ сего Ахавъ прожилъ три года и былъ убитъ въ сраженіи [3]). Съ мѣста битвы онъ былъ отвезенъ на колесницѣ въ

---

1) Имѣніе казненныхъ за преступленія противъ царя поступало въ пользу царя.

2) Древніе для выраженія скорби раздирали на себѣ одежды свои, то есть, надрывали ихъ спереди на груди; посыпали голову пепломъ или землею; надѣвали на себя вретище, то есть, жесткую, изъ войлочной матеріи, узкую, безъ рукавовъ, одежду, которая походила на мѣшокъ; постились; не мыли своего тѣла; не чистили и не мѣняли одеждъ; снимали съ себя всякія украшенія, даже башмаки и сандаліи (дощечки, прикрѣпляемыя къ подошвамъ ремнями) и ходили босые; стригли волосы на головѣ и бороду. Въ глубокой горести садились или ложились на землю въ пыль и пепелъ, закутывали подбородокъ, т. е., лицо ниже носа, въ знакъ того, что не хотятъ говорить, и даже закрывали все лицо и голову.

3) Во время войны съ царемъ Сирійскимъ Венададомъ.

Самарію, и его кровь, текущую съ колесницы, лизали псы, какъ и предсказалъ Пророкъ Божій. Также и все, что предсказано было объ Іезавели и всемъ Ахавовомъ домѣ, исполнилось потомъ въ свое время, уже по взятіи святаго Иліи на Небо[1]).

По смерти Ахава вмѣсто него воцарился сынъ его Охозія, который оказался наслѣдникомъ какъ престола, такъ и нечестія отцовскаго, ибо, слушая свою нечестивую мать Іезавель, онъ поклонялся и приносилъ жертвы Ваалу, чѣмъ очень прогнѣвалъ Бога Израилева. Однажды, вслѣдствіе неосторожности, Охозія упалъ изъ окна своего дома и очень сильно заболѣлъ. Онъ отправилъ пословъ къ ложному богу Ваалу, собственно же къ бѣсу, который жилъ въ идолѣ Вааловомъ и давалъ ложные отвѣты обращавшимся къ нему съ вопросами. Къ тому бѣсу онъ и послалъ спросить о своемъ здоровьѣ, выздоровѣетъ ли онъ отъ болѣзни. Когда послы Охозіи шли къ Ваалу, на пути, по повелѣнію Божію, предсталъ имъ Пророкъ Илія и сказалъ:

— Развѣ нѣтъ Бога въ Израилѣ, что вы идете спрашивать у Ваала? Возвратитесь и скажите пославшему васъ царю,—такъ говоритъ Господь: съ постели, на которую ты слегъ, не встанешь, но умрешь на ней.

Возвратившись, посланные передали эти слова больному царю. Царь спросилъ ихъ:

— Каковъ видомъ человѣкъ, сказавшій вамъ эти слова?

Они отвѣчали:

— Человѣкъ тотъ весь въ волосахъ и по чресламъ своимъ подпоясанъ кожаннымъ поясомъ.

Царь сказалъ:

— Это Илія Ѳесвитянинъ.

И послалъ онъ старѣйшаго пятидесятоначальника и съ нимъ пятьдесятъ человѣкъ, чтобы они взяли Илію и привели къ нему. Тѣ пошли и увидали Илію на горѣ Кармилѣ, ибо онъ привыкъ пребывать преимущественно на этой горѣ. Увидавъ Илію сидящимъ на верху горы, пятидесятоначальникъ сказалъ ему:

— Человѣкъ Божій! Сойди сюда; царь приказываетъ тебѣ идти къ нему.

Святый Илія отвѣчалъ пятидесятоначальнику:

— Если я человѣкъ Божій, то пусть сойдетъ огонь съ неба и попалитъ тебя и пятьдесятъ мужей твоихъ.

[1]) 4 Кн. Царст., гл. 9.

И тотчасъ упалъ съ неба огонь и пожегъ ихъ. Царь послалъ другаго пятидесятоначальника съ такимъ же числомъ людей, но и съ ними случилось то же: упавшій съ неба огонь попалилъ и ихъ. Царь послалъ третьяго пятидесятоначальника съ пятьюдесятью мужами. Этотъ пятидесятоначальникъ, узнавъ, что̀ случилось съ прежде него посланными, пришелъ къ святому Иліи со страхомъ и смиреніемъ и, павши на колѣна предъ нимъ, умолялъ его, говоря:

— Человѣкъ Божій! Вотъ, я и сіи рабы твои, пришедшіе со мною, стоимъ предъ тобою; помилуй насъ: мы не по своей волѣ пришли, а посланы къ тебѣ; не погуби насъ огнемъ, какъ погубилъ ты посланныхъ прежде насъ.

И пощадилъ Пророкъ пришедшихъ со смиреніемъ; прежде же приходившихъ онъ не пощадилъ потому, что они приходили съ гордостію и властію, хотѣли взять его какъ плѣнника и вести его съ безчестіемъ. Господь повелѣлъ святому Иліи идти съ этими третьими безбоязненно и сказать царю то же, что прежде говорилъ. Посему человѣкъ Божій, сошедши съ горы, пошелъ съ пятидесятоначальникомъ и съ его людьми. Пришедши же къ царю, Илія сказалъ ему:

— Такъ говоритъ Господь: такъ какъ ты посылалъ спрашивать Ваала о жизни твоей, какъ будто во Израилѣ нѣтъ Бога, Котораго ты могъ бы спросить, то за это ты не встанешь съ одра, на которомъ лежишь, но умрешь.

И умеръ Охозія, по слову Божію, изреченному устами пророческими. Послѣ Охозіи вступилъ на царство братъ его Іорамъ, потому что Охозія не имѣлъ сыновей. На семъ Іорамѣ прекратился родъ Ахавовъ, будучи истребленъ гнѣвомъ Божіимъ во дни святаго Пророка Елиссея, какъ о томъ пишется въ житіи его[1]).

Когда же приблизилось время, въ которое Господь опредѣлилъ взять къ Себѣ Илію живымъ, во плоти, Илія и Елиссей шли изъ города Галгала въ городъ Веѳиль. Зная, по откровенію Божію, о приблизившемся взятіи своемъ на Небо, Илія хотѣлъ оставить Елиссея въ Галгалѣ, смиренно скрывая отъ него предстоящее свое отъ Бога прославленіе. Онъ сказалъ Елиссею: «Оставайся ты здѣсь, ибо Господь послалъ меня въ Веѳиль». Елисей же святый, также, по откровенію Божію, знавшій о предстоящемъ совершиться, отвѣчалъ:

---

[1]) Іюня 14.

— Живъ Господь и жива душа твоя, что не оставлю я тебя,— и оба пошли въ Веѳиль.

Сыны пророческіе[1]), жившіе въ Веѳилѣ, подошедши къ Елиссею наединѣ, сказали ему:

— Знаешь ли ты, что Господь возьметъ отъ тебя господина твоего надъ главою твоею?

Елиссей отвѣчалъ:

— Знаю и я, но молчите.

Послѣ этого Илія сказалъ Елисею:

— Оставайся здѣсь, меня же Господь послалъ въ Іерихонъ.

Елиссей отвѣтилъ ему:

— Живъ Господь и жива душа твоя, что не оставлю я тебя,— и пришли оба въ Іерихонъ. Сыны пророческіе, которые были въ Іерихонѣ, подошедши къ Елиссею, сказали ему:

— Знаешь ли ты, что сегодня Господь возьметъ отъ тебя господина твоего надъ главою твоею?

Елиссей отвѣчалъ:

— Я узналъ уже, молчите.

Святый Илія опять сказалъ Елиссею:

— Оставайся здѣсь, потому что Господь послалъ меня къ Іордану.

Елиссей же сказалъ:

— Живъ Господь и жива душа твоя, что я не отстану отъ тебя,—и пошли вмѣстѣ.

Вслѣдъ за ними, въ отдаленіи отъ нихъ, пошли пятьдесятъ человѣкъ изъ сыновъ пророческихъ; когда оба святые пророки дошли до Іордана, Илія взялъ свой плащъ, свернулъ его и ударилъ имъ по водѣ; вода разступилась на обѣ стороны, и они прошли оба чрезъ Іорданъ посуху. Перешедши Іорданъ, Илія сказалъ Елиссею:

— Проси у меня, что бы мнѣ для тебя сдѣлать, прежде нежели я буду взятъ отъ тебя.

Елиссей отвѣчалъ:

---

[1]) *Сынами пророческими* у Израильтянъ назывались ученики пророковъ. Они составляли изъ себя школы, или общества,—воспитывавшіяся подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ пророковъ. Ученики пророческіе занимались молитвою, назидательными бесѣдами, благочестивыми пѣснопѣніями и музыкою и возвышались иногда до божественнаго вдохновенія. *Пророчествовать*, по Священному Писанію, не всегда значитъ *предсказывать будущее* по откровенію Божію; но это слово иногда означаетъ «вести подъ вліяніемъ Духа Божія вдохновенныя рѣчи, говорить назидательныя, помазанныя проповѣди, толковать слово Божіе (1 Кор. 14, 3—6), слагать молитвы и пѣснопѣнія Богу, произносить и пѣть ихъ подъ звуки музыки». Все это и было цѣлью и задачею пророческихъ школъ. Такія школы были въ Рамѣ, Веѳилѣ, Іерихонѣ, Галгалѣ и въ другихъ мѣстахъ.

— Прошу, чтобы духа, который въ тебѣ, было во мнѣ вдвое больше, чѣмъ въ тебѣ[1]).

Илія сказалъ:

— Труднаго ты рѣшился просить; но, впрочемъ, если увидишь, какъ я буду отъ тебя взятъ, то будетъ по-твоему; если же не увидишь, то не получишь.

Когда они шли и разговаривали такъ, вдругъ внезапно явилась колесница и кони огненные[2]) и разлучили ихъ другъ отъ друга, причемъ Илія въ вихрѣ былъ взятъ на Небо. Елиссей же смотрѣлъ и восклицалъ:

— Отче, отче! Колесница Израилева и конница его! (Этими словами онъ какъ бы говорилъ: ты, отче, былъ всею силою для Израиля: твоею молитвою и ревностію ты помогалъ Израильскому царству гораздо болѣе, чѣмъ помогали ему великое множество военныхъ колесницъ и всадниковъ вооруженныхъ).

Елиссей уже болѣе не видѣлъ Иліи[3]). Тогда онъ взялся за одежды свои и въ скорби разодралъ ихъ. Вскорѣ упалъ къ ногамъ его брошенный свыше плащъ Иліи. Поднявъ его, Елиссей остановился на берегу Іордана и, раздѣливъ имъ, подобно Иліи, воду на обѣ стороны, перешелъ посуху и сталъ наслѣдникомъ благодати, дѣйствовавшей въ его учителѣ. Святый же Пророкъ Божій Илія, на огненной колесницѣ взятый вмѣстѣ съ плотію на Небо, до сихъ поръ живъ во плоти, хранимый Богомъ въ селеніяхъ райскихъ. Его видѣли три святые Апостолы во время преображенія Господня на Ѳаворѣ[4]), и опять увидятъ его обыкновенные смертные люди предъ Вторымъ Пришествіемъ Господа на землю. Избѣжавшій смерти отъ меча Іезавели, онъ пострадаетъ тогда отъ меча антихристова[5]), и уже

---

[1]) Пророкъ Елиссей видѣлъ, что даже Пророкъ Илія, обладавшій великимъ нравственнымъ духомъ и пророческимъ даромъ, не могъ обратить къ Истинному Богу закоснѣлыхъ нечестивцевъ между Израильтянами; потому, ревнуя о славѣ Божіей и сознавая свою немощь, онъ и просилъ себѣ вдвойнѣ пророческаго и чудодѣйственнаго духа, который былъ у Иліи.

[2]) Сила Божія, взявшая Илію на Небо, явилась въ видѣ огненной колесницы и огненныхъ коней для того, чтобы засвидѣтельствовать о пламенномъ духѣ и словѣ Иліи, чтобы прославить его какъ побѣдоноснаго ревнителя славы Божіей и охранителя Израильтянъ и чтобы показать, что онъ восхищенъ туда, гдѣ обитаютъ духи, горящіе любовію къ Богу, какъ пламень огненный.

[3]) Въ 21-ой главѣ 2 кн. Паралипоменонъ объ царѣ Іорамѣ, управлявшемъ Іудеею уже по взятіи св. Иліи, сообщается, что «пришло къ нему письмо отъ Иліи Пророка», въ которомъ Пророкъ обличилъ его беззаконія, предсказывалъ ему злую кончину.

[4]) Еванг. отъ Луки, гл. 9, ст. 30.

[5]) Апок., гл. 11, ст. 3—12.

не только какъ Пророкъ, но и какъ мученикъ удостоится въ ликѣ святыхъ бо́льшей, чѣмъ теперь, чести и славы отъ праведнаго мздовоздаятеля Бога, въ трехъ Лицахъ Единаго, — Отца, и Сына, и Святаго Духа, Которому честь и слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь[1]).

Тропа́рь, гла́съ д҃:

Во пло́ти а҆́гг҃лъ, проро́кѡвъ ѡ҆снова́нїе, вторы́й предте́ча прише́ствїѧ хр҃то́ва, и҆лїа̀ сла́вный, свы́ше посла́вый є҆лїссе́еви бл҃года́ть недꙋ́ги ѿгонѧ́ти и҆ прокажє́нныѧ ѡ҆чища́ти. тѣ́мже и҆ почита́ющымъ є҆го̀ то́читъ и҆сцѣлє́нїѧ.

Конда́къ, гла́съ в҃:

Пра́ро́че и҆ прови́дче вели́кихъ дѣ́лъ бг҃а на́шегѡ, и҆лїѐ великоимени́те, вѣща́нїемъ твои́мъ ᲂу҆ста́вивый водотѡ́чныѧ ѻ҆́блаки, молѝ ѡ҆ на́съ є҆ди́наго чл҃вѣколю́бца.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

АВРАМІЯ ЧУХЛОМСКАГО,

Галичскаго чудотворца

Сей преподобный отецъ нашъ, съ юныхъ лѣтъ воспылавъ любовію къ Богу, пришелъ къ великому Сергію чудотворцу[2]) и принялъ отъ него иноческое постриженіе. За свою добродѣтельную жизнь онъ удостоенъ былъ священническаго сана, послѣ чего еще съ большимъ усердіемъ сталъ предаваться иноческимъ подвигамъ. Отличаясь величайшимъ смиреніемъ, онъ оставилъ обитель преподобнаго Сергія и, удалившись въ пустынныя мѣста

---

[1]) Свѣдѣнія о жизни св. Пророка Иліи изложены въ 3 кн. Царствъ (главы 17, 18, 19, 21) и въ четвертой (главы 1, 2, 3).

[2]) Это былъ преподобный Сергій, знаменитый основатель Троице-Сергіевой Лавры близъ г. Москвы. Память его празднуется 25 сентября.

Галичской страны[1]), основалъ тамъ много обителей[2]). Онъ пришелъ на одно мѣсто близъ горы и, проливая обильныя слезы, предался молитвѣ. Въ это время онъ услышалъ съ горы Голосъ, сказавшій ему:

— Аврамій! Взойди на гору. Здѣсъ стоитъ икона Матери Моей.

Преподобный взошелъ на гору и увидѣлъ икону Пречистой Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, стоящую на одномъ изъ росшихъ здѣсь деревьевъ. Павъ ницъ, онъ сталъ со слезами молиться и снова услышалъ голосъ, сказавшій ему:

— Встань, Аврамій!

Онъ всталъ, и икона сама, никѣмъ не поддерживаемая, сошла къ нему на руки. На этомъ мѣстѣ онъ построилъ себѣ сперва келлію и долгое время пребывалъ здѣсь въ уединеніи, а спустя много лѣтъ устроилъ въ этомъ пустынномъ мѣстѣ монастырь, собралъ множество учениковъ и съ неослабнымъ усердіемъ подвизался въ постѣ и воздержаніи. Узнавъ заранѣе время своего отшествія къ Богу, преподобный созвалъ братію своей обители, преподалъ имъ на ихъ душевную пользу наставленія, причастился Тѣла и Крови Христовыхъ и въ 1375 году въ 20 день мѣсяца іюля преставился въ вѣчныя обители[3]). Богу нашему слава теперь, всегда и вѣчно.

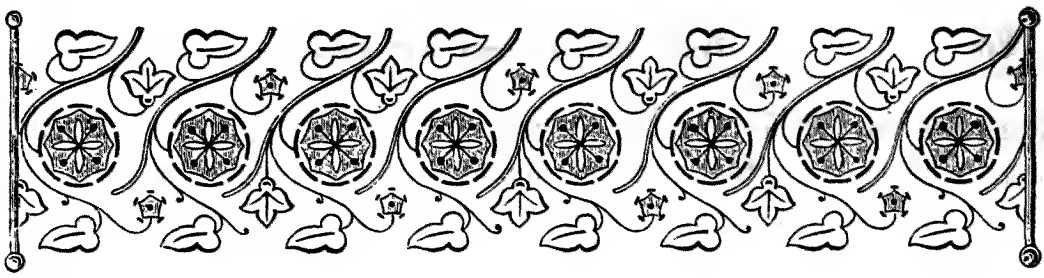
Въ тотъ же день **обрѣтеніе честныхъ мощей святаго мученика Аѳанасія Брестскаго.** (Житіе см. въ приложеніяхъ къ этой книгѣ.)

---

1) Здѣсь разумѣются населенныя чудскими племенами окрестности городовъ Галича и Чухломы, находящихся въ нынѣшней Костромской губерніи. Отъ послѣдняго преподобный Авраамій и получилъ названіе Чухломскаго.

2) Преподобнымъ Авраамiемъ основаны слѣдующія обители: Успенская близъ Галича на берегу Чухломскаго или Чудскаго озера, Великая пустыня Авраамiева въ 30 верстахъ отъ Успенской обители на берегу небольшого озера, Вочская на берегу рѣки Вочи и Покровская, въ 13 верстахъ отъ послѣдней. Эти обители оказывали самое благотворное вліяніе на окрестныхъ жителей, которые хотя и были христіанами по Крещенію, но мало были знакомы съ основными истинами христіанской вѣры и, имѣя крайне грубые нравы и обычаи, хранили множество древнихъ чудскихъ суевѣрій.

3) Преподобный Авраамій скончался въ основанномъ имъ Покровскомъ монастырѣ. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ придѣлѣ храма, посвященнаго его имени.



День двадцать первый

ЖИТІЕ
СВЯТАГО ПРОРОКА
ІЕЗЕКІИЛЯ

Святый Пророкъ Іезекіиль происходилъ изъ еврейскаго города по имени Сарира. Онъ былъ сыномъ Вузія, отъ племени Левіина, и священникомъ Бога Вышняго. Во время второго Іерусалимскаго плѣненія онъ былъ отведенъ Навуходоносоромъ[1]) въ плѣнъ въ Вавилонъ[2]) вмѣстѣ съ Іоакимомъ, царемъ Іудейскимъ, названнымъ Іехоніею Вторымъ[3]). Трижды взятъ былъ Іерусалимъ Вавилонскимъ царемъ Навуходоносоромъ: въ первый разъ—во дни Іудейскаго царя Іоакима (который въ Священномъ Писаніи на-

---

1) *Навуходоносоръ* — имя нѣсколькихъ вавилонскихъ царей. Въ данномъ случаѣ разумѣется Навуходоносоръ II, сынъ Набопаласcара,—великій восточный завоеватель, покорившій Сирію, Персію и Египетъ и отведшій въ плѣнъ Іудеевъ; царствовалъ съ 605 г. по 562 г. до Р. Хр.

2) *Вавилонъ* —столица Халдеи, одинъ изъ древнѣйшихъ и богатѣйшихъ городовъ въ мірѣ; построенъ Нимвродомъ, сыномъ Хуша, или Куша, потомкомъ Хамовымъ. Расположенный по обѣимъ сторонамъ рѣки Евфрата, Вавилонъ своею формою напоминалъ четыреугольникъ, построенный на огромной равнинѣ. Окружность города равнялась 400 верстамъ; стѣны были толщиною въ 30 аршинъ, такъ что по поверхности ихъ могли ѣхать 6 колесницъ рядомъ. На стѣнахъ высились 250 башенъ, съ сотнею воротъ, изваянныхъ изъ мѣди. Среди города, пересѣкая рѣку, тянулся громадный мостъ, по восточную сторону котораго возвышался царскій дворецъ и языческій храмъ Бела. Впослѣдствіи Вавилонъ былъ завоеванъ персидскими царями Киромъ, Даріемъ, Ксерксомъ и Александромъ Македонскимъ и былъ совершенно разоренъ.

3) 4 Кн. Цар., гл. 24, ст. 1.

зывается также Еліакимомъ[1]), сына Іосіи, брата Іоахаза и Седекіи, отца другого Іехоніи; онъ первый былъ отведенъ Навуходоносоромъ въ узахъ въ Вавилонъ; тогда же былъ отведенъ въ плѣнъ и святый Пророкъ Даніилъ[2]) съ тремя отроками—Ананіей, Азаріей и Мисаиломъ. Но въ скоромъ времени Навуходоносоръ отпустилъ Іоакима вновь царствовать въ Іерусалимъ, сдѣлавъ его своимъ данникомъ. Процарствовавъ въ Іерусалимѣ три года подъ властію Навуходоносора, Іоакимъ, по истеченіи этихъ трехъ лѣтъ, отложился отъ него, не пожелавъ платить ему дани. Поэтому снова пришло на Іерусалимъ вавилонское войско, святой городъ былъ взятъ, царь Іоакимъ убитъ и брошенъ за городомъ на съѣденіе псамъ, а на его мѣсто по повелѣнію Навуходоносора поставленъ былъ царемъ сынъ его, тоже Іоакимъ, котораго назвали и другимъ отцовскимъ именемъ—Іехоніею и сдѣлали его вторымъ Іехоніей, такимъ же данникомъ вавилонскаго царя, какимъ былъ прежде его отецъ. Но такъ какъ и этотъ другой Іехонія въ очахъ Господа Бога дѣлалъ зло, то, по попущенію Божію, въ непродолжительномъ времени Навуходоносоръ снова пришелъ на Іерусалимъ и взялъ въ плѣнъ Іехонію со всѣмъ домомъ его, увелъ множество знатныхъ людей, храбрыхъ мужей, всѣхъ, кто былъ способенъ носить оружіе, различныхъ художниковъ, взялъ также золотые церковные сосуды: это было второе Іерусалимское плѣненіе. Въ это плѣненіе взяты были: святый Пророкъ Іезекіиль, Мардохей и Іоседекъ, отецъ Іисуса, обновившаго потомъ съ Зоровавелемъ разоренный Іерусалимскій храмъ. Третье же и послѣднее разореніе и опустошеніе Іерусалима Навуходоносоромъ было во дни царя Седекіи[3]), котораго Навуходоносоръ поставилъ царемъ вмѣсто Іехоніи, наложивъ на него дань.

---

[1]) 4 Кн. Цар., гл. 23, ст. 34.

[2]) *Даніилъ*—четвертый изъ числа *великихъ* Пророковъ (Исаія, Іеремія, Іезекіиль, Даніилъ); происходилъ изъ царскаго рода и еще юношею былъ отведенъ въ Вавилонъ вмѣстѣ съ прочими плѣнными іудеями. Одаренный прекрасными душевными и тѣлесными качествами, онъ научился здѣсь языку и мудрости халдейской и вмѣстѣ съ тремя своими товарищами—Ананіею, Азаріею и Мисаиломъ былъ взятъ на службу при царскомъ дворѣ. Даніилъ истолковалъ Навуходоносору его замѣчательные сны; Даніилъ удостоился отъ Бога неоднократныхъ видѣній, въ которыхъ ему были открыты важнѣйшія и замѣчательнѣйшія священныя событія. При восшествіи на престолъ Дарія онъ былъ сдѣланъ однимъ изъ трехъ правителей имперіи и былъ чудеснымъ образомъ спасенъ отъ львовъ, въ ровъ къ которымъ онъ былъ брошенъ за свою привязанность къ отеческой вѣрѣ (Кн. Прор. Дан., гл. 6, ст. 10—24). Исторія его жизни и дѣятельности описана имъ самимъ въ священной книгѣ его имени. Память его празднуется св. Церковію 17-го декабря.

[3]) *Седекія* царствовалъ съ 599 г. по 588 г. до Р. Хр.

Стый пророкъ Іезекіиль

Но когда и Седекія сверіъ съ себя иго Навуходоносора, тогда тотъ же Навуходоносоръ, придя со всѣмъ халдейскимъ войскомъ, окончательно разорилъ Іерусалимъ, истребивъ его огнемъ и мечомъ, а оставшійся народъ увелъ въ плѣнъ. Съ того времени перестало существовать какъ царство Іудейское, такъ и все царство Израильское. Это третье разореніе Іерусалима Навуходоносоромъ подробно описано въ житіи святаго Пророка Іереміи[1]).

Находясь въ плѣну Вавилонскомъ, іерей Божій Іезекіиль жилъ близъ рѣки, называемой Ховаръ; и явилось ему дивное видѣніе на тридцатомъ году его жизни, въ пятый годъ по взятіи въ плѣнъ Іехоніи, въ четвертый мѣсяцъ[2]), въ пятый день этого мѣсяца: онъ видѣлъ отверзшіяся Небеса; съ сѣвера дулъ сильный вѣтеръ, и шло оттуда великое и пресвѣтлое облако; посреди его двигалось пламя, а кругомъ было блестящее сіяніе; изъ этого облака явилось подобіе четырехъ животныхъ, съ виду похожихъ на чистую, раскаленную въ огнѣ мѣдь. Каждое животное имѣло по четыре лица: лицо человѣка, льва, тельца и орла. Кромѣ того, у нихъ было по четыре крыла, а подъ крыльями—человѣческія руки; два крыла были простерты для полета, двумя другими они покрывали свои тѣла; огонь клубился между животными, и молнія исходила изъ огня. Видны были также четыре большихъ колеса, по одному при каждомъ животномъ; колеса эти съ виду были какъ камень ѳарсисъ — цвѣта лазурнаго, какъ море, съ золотымъ отблескомъ, производимымъ солнечными лучами. Въ этихъ колесахъ виднѣлись еще какъ бы другія колеса; всѣ эти колеса, какъ бы одушевленныя, имѣли въ себѣ силу жизни и отовсюду полны были глазъ,

1) Память его—1-го мая.

2)—т. е. въ іюнь, считая отъ марта (перваго еврейскаго мѣсяца).

а четыре животныя, казалось, были впряжены въ эти колеса, какъ въ колесницу; и когда двигались животныя, двигались вмѣстѣ съ ними и колеса; когда же животныя стояли, стояли и колеса. Во время шествія отъ крыльевъ ихъ слышался шумъ и звукъ, какъ бы звукъ многихъ водъ, какъ бы шумъ многолюднаго стана. Когда же они стояли, безмолвствовали и крылья ихъ. Такъ стояли они и безмолвствовали, когда съ высоты доносился Гласъ Божій. Ибо надъ этими четырьмя животными и колесами виднѣлся небесный сводъ, подобный кристаллу, и на сводѣ—Престолъ, какъ бы изъ сапфира, а на Престолѣ—пресвѣтлый образъ Человѣка и кругомъ него сіяніе наподобіе радуги, которая свѣтится въ облакахъ въ дождливый день.

Такое видѣніе славы Господней имѣлъ святый Пророкъ Іезекіиль. Въ немъ, по толкованію мужей богомудрыхъ и боговдохновенныхъ, пресвѣтлый образъ человѣческій на сапфировидномъ Престолѣ прообразовалъ воплощеніе Сына Божія въ утробѣ Пречистой Дѣвы, Которая была одушевленнымъ Престоломъ для вочеловѣчившагося отъ Нея Бога и была прообразована этимъ сапфировиднымъ Престоломъ; потому что драгоцѣнный камень сапфиръ, похожій своимъ свѣтлымъ цвѣтомъ на небо и заключающій въ себѣ, какъ небо, звѣзды, золотистыя частицы, служитъ образомъ Пресвятой Дѣвы Маріи, въ Которой, какъ и въ небесномъ естествѣ, нѣтъ ни единаго порока;—чрево Которой явилось пространнѣе небесъ, вмѣстивши въ себѣ Невмѣстимаго, и Которая, какъ звѣздами, украшена многочисленными дарами Божіей благодати; четыре животныя съ четырьмя лицами прообразовали четырехъ святыхъ Евангелистовъ, изъ коихъ каждый, описывая жизнь Христову съ людьми на землѣ, изобразилъ—Его человѣчество, прообразуемое въ этихъ животныхъ лицомъ человѣческимъ; Божество Христово, обнаруживаемое лицомъ льва; страданіе Христово, указуемое лицомъ тельца; воскресеніе и вознесеніе Христово, изображаемое лицомъ орла[1]). Четыре колеса со множествомъ глазъ, въ которыхъ виднѣлись и другія колеса, были образомъ четырехъ частей вселенной, заключающей въ себѣ различные народы; проникнувъ туда, проповѣдь апостольская отверзла многимъ народамъ духовныя очи къ познанію и созерцанію Бога; огонь же, двигавшійся

[1]) Соотвѣтственно этому въ живописи святые Евангелисты символически изображаются: Матѳей—подъ образомъ человѣка, Маркъ—подъ образомъ льва, Лука—подъ образомъ тельца и Іоаннъ—подъ образомъ орла.

посреди видѣннаго откровенія, и великое сіяніе вокругъ него являли величество неприступной славы Божіей. Также и другія духовныя тайны были прообразованы въ томъ дивномъ и страшномъ видѣніи, при созерцаніи котораго святый Іезекіиль отъ ужаса палъ ницъ на землю и слышалъ свыше отъ Седящаго на Престолѣ, въ подобіи человѣческомъ, голосъ, говорящій ему:

— Сынъ человѣческій, встань на ноги твои, и я буду говорить съ тобою.

И вошла въ него какая-то невидимая сила, которая подняла его съ земли и поставила на ноги.

Когда Пророкъ съ трепетомъ сталъ передъ славою явившагося ему Господа, Господь сказалъ ему:

— Сынъ человѣческій! Я пошлю тебя къ дому Израилеву, къ людямъ, огорчающимъ Меня, которые оскорбили Меня; они и отцы ихъ отреклись отъ Меня до самаго нынѣшняго дня. Это люди съ огрубѣлою душою и жестокимъ сердцемъ: къ нимъ Я пошлю тебя, и ты скажешь имъ слова Мои; не устрашись лица ихъ, если они и разсвирѣпѣютъ и окружатъ тебя, какъ скорпіоны[1]).

Когда Господь это говорилъ, Іезекіиль увидалъ простертую къ себѣ руку и въ ней книжный свитокъ; рука та развернула передъ нимъ этотъ свитокъ, и было въ немъ написано внутри и снаружи:

— Плачъ, и стонъ, и горе.

И сказалъ ему Господь:

— Сынъ человѣческій! Съѣшь этотъ свитокъ и иди скажи сынамъ Израилевымъ то, что Я прикажу тебѣ[2]).

Іезекіиль, открывъ уста свои, съѣлъ этотъ свитокъ, и онъ былъ въ устахъ его сладокъ, какъ медъ. Съ того времени Іезекіиль исполнился пророческаго духа и благодати, и все, что потомъ говорилъ ему Богъ, онъ принималъ въ сердце свое. Когда же стало удаляться отъ очей его это чудесное видѣніе, онъ услышалъ голосъ, какъ бы голосъ многочисленной толпы, говорящій:

— Благословенна слава Господня отъ мѣста Его!

При этомъ и шумъ крыльевъ парящихъ животныхъ и двигающихся колесъ былъ похожъ на шумъ великаго землетрясенія. Такъ эта страшная колесница славы Божіей ушла вверхъ съ глазъ его, и видѣніе окончилось. Послѣ этого видѣнія Пророкъ семь

---

1) Кн. Прор. Іезек., гл. 2, ст. 3 и 4.

2) Кн. Прор. Іезек., гл. 3, ст. 1.

дней провелъ въ молчаніи, размышляя о видѣнномъ и слышанномъ. И снова было къ нему слово Господне, говорившее:

— Сынъ человѣческій! Я поставилъ тебя стражемъ дому Израилеву, и ты будешь слушать слово изъ устъ Моихъ и будешь вразумлять ихъ отъ Меня. Когда я скажу беззаконнику: «смертію умрешь!», а ты не будешь вразумлять его и говорить, чтобы остеречь беззаконника отъ беззаконнаго пути его, чтобы онъ живъ былъ, то беззаконникъ тотъ умретъ въ беззаконіи своемъ, и Я взыщу кровь его отъ рукъ твоихъ. Но если ты вразумлялъ беззаконника, а онъ не обратился отъ беззаконія своего и отъ беззаконнаго пути своего[1]), то онъ умретъ въ беззаконіи своемъ, а ты спасъ душу твою.

Затѣмъ, будучи выведенъ духомъ въ поле, Іезекіиль снова увидалъ славу Господню, какъ и прежде, и приказано ему было запереться въ дому своемъ и пребывать въ молчаніи до тѣхъ поръ, пока Господь не прикажетъ ему открыть уста, чтобы говорить и проповѣдовать Слова Божіи. Въ это время молчанія ему открыта была предстоявшая черезъ нѣсколько лѣтъ послѣдняя осада и разореніе Іерусалима Халдеями и гибель народа для того, чтобы онъ не только словомъ возвѣстилъ объ этомъ людямъ, но чтобы изобразилъ это и дѣломъ: ему приказано было Господомъ обрить голову свою и бороду и раздѣлить волосы свои, размѣривъ ихъ вѣсами на три части; одну часть—сжечь огнемъ передъ глазами тѣхъ людей, которые были вмѣстѣ съ нимъ въ плѣну, другую часть волосъ изрубить мечомъ, а третью—развѣять по вѣтру, указывая (этимъ) на то, что гнѣвъ Божій, намѣреваясь покарать въ Іерусалимѣ и во всей Палестинѣ людей Израильскихъ, не желающихъ обратиться къ истинному покаянію и не оставляющихъ мерзостей идолослуженія, раздѣлилъ ихъ своимъ праведнымъ судомъ на три части, чтобы каждая часть понесла свое наказаніе: такъ, часть людей во время осады Іерусалима умретъ отъ голода и моровой язвы, другая часть падетъ отъ меча Халдеевъ, а третья—

[1]) Достойно вниманія,—замѣчаетъ св. Димитрій Ростовскій,—и то, что было возвѣщено Пророку Іезекіилю отъ Бога, а именно: если праведникъ, надѣясь на свою праведную жизнь, дерзнетъ сдѣлать какой-нибудь грѣхъ, и въ этомъ грѣхѣ постигнетъ его смерть, и онъ умретъ безъ покаянія, то не воспомянутся уже передъ Богомъ всѣ его прежнія праведныя богоугодныя дѣла, но онъ будетъ осужденъ за тотъ грѣхъ, въ которомъ онъ умретъ. Также если и беззаконникъ, проведшій всю свою жизнь въ беззаконіяхъ, передъ смертію покается, и въ покаяніи постигнетъ его смерть, то не воспомянутся уже передъ Богомъ всѣ его прежнія беззаконія, но онъ будетъ сопричтенъ къ праведнымъ (Кн. Прор. Іезек., гл. 18, ст. 21—24).

разсѣется по вселенной. Все это потомъ и сбылось, такъ какъ народъ еврейскій сильно разгнѣвалъ Бога,—ибо, хотя въ тѣ времена Евреи и служили Богу Небесному, выведшему праотцевъ ихъ изъ Египта рукою крѣпкою и мышцею высокою, но, привыкши со временъ Соломона кланяться идоламъ, они и ихъ не оставляли, прельщаясь ихъ богомерзкими праздниками, во время которыхъ никѣмъ не возбранялось имъ устраивать скверныя пиршества и совершать постыдныя и беззаконныя дѣла, такъ какъ и сами цари, и князья, и судьи, и старцы были зачинщиками въ этомъ нечестіи. Посему Евреи поклонялись и Богу Небесному, держались и идолопоклонническаго нечестія и ставили идоловъ въ храмѣ Божіемъ, и тамъ, гдѣ прежде приносилась жертва самому Единому Вышнему Богу, тамъ потомъ одновременно совершались скверныя жертвоприношенія и бѣсамъ, что̀ было очень неугодно Господу, ибо уподобляло народъ этотъ прелюбодѣйкѣ, которая не сохраняетъ вѣрности своему истинному мужу, но прелюбодѣйствуетъ и съ другими. Поэтому-то и въ Евангеліи Господь сказалъ потомъ объ этомъ народѣ: ро́дъ лука́вый и̑ прелюбодѣ́йный[1]); и прежде въ пророчествѣ Іереміи[2]) уподобилъ Богъ этотъ родъ женѣ-прелюбодѣйкѣ и долгое время черезъ святыхъ Пророковъ увѣщевалъ его покаяться. Но когда они не покаялись, Онъ отдалъ ихъ на окончательное разореніе Халдеямъ и землю ихъ предалъ запустѣнію на семьдесятъ лѣтъ. Однако, хотя по истеченіи семидесяти лѣтъ Іерусалимъ и храмъ были обновлены Зоровавелемъ, но они уже не имѣли прежней красоты, богатства и славы; и хотя освобожденные изъ плѣна вавилонскаго Евреи и переселились снова въ свою землю, однако они управлялись уже не своими царями, но находились подъ чужимъ и тяжелымъ игомъ, служа чужеземнымъ царямъ—сначала Вавилонскимъ, затѣмъ Египетскимъ, потомъ Римскимъ, отъ которыхъ и погибли окончательно. Объ этомъ конечномъ разореніи Іерусалима предсказалъ Самъ Господь, говоря: не и̑мать ѡ̑ста́ти здѣ̀ ка́мень на ка́мени, и̑же не разори́тся.[3]) А о прежнемъ опустошеніи отъ Халдеевъ предвозвѣщалъ святый Пророкъ Іезекіиль (наряду съ прочими святыми Пророками).

Во времена святаго Пророка Іезекіиля, находившагося въ плѣну въ Вавилоніи, въ землѣ Халдейской, жилъ въ Іерусалимѣ святый

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 12, ст. 39.
[2]) Кн. Прор. Іерем., гл. 3, ст. 1.
[3]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 24, ст. 2.

Іеремія. Хотя оба эти Пророка и находились на далекомъ разстояніи другъ отъ друга, тѣмъ не менѣе они единодушно предсказывали запустѣніе Іерусалима и многое другое, что̀ раскрывается въ ихъ книгахъ: ибо въ обоихъ Пророкахъ дѣйствовалъ Духъ Божій. И посылались нѣкоторыми іерусалимлянами пророческія слова Іереміи въ Вавилонъ къ плѣннымъ братьямъ, а изъ Вавилона Іезекіилевы слова посылались въ Іерусалимъ; и свидѣтельствовалъ Іезекіиль въ Вавилонѣ передъ народомъ своимъ, что истинно пророчество Іереміино, а въ Іерусалимѣ Іеремія свидѣтельствовалъ истину Іезекіилева пророчества, но ни тому, ни другому не оказывалось довѣрія со стороны развращенныхъ и маловѣрныхъ Іудеевъ, которые, прельстившись идолопоклонствомъ, всецѣло довѣрились лжепророкамъ, а тѣхъ святыхъ Пророковъ, которые поистинѣ Духомъ Божіимъ пророчествовали, они считали лживыми. Поэтому Іеремію преслѣдовали іерусалимляне, а Іезекіиля содержали въ мучительныхъ оковахъ тѣ, кто находились въ плѣну Вавилонскомъ, какъ и Господь предрекъ ему, говоря: вотъ, возложатъ на тебя узы **и҆ свѧ́жꙋтъ тѧ̀ и҆́ми**[1]). Святый Іезекіиль былъ такъ прозорливъ, что видѣлъ происходившее далеко отъ него такъ, какъ будто бы оно совершалось на его глазахъ: находясь въ Вавилонѣ, онъ видѣлъ то, что происходило въ Іерусалимѣ[2]), и говорилъ объ этомъ народу, бывшему вмѣстѣ съ нимъ въ плѣну. Однажды онъ былъ перенесенъ Ангеломъ изъ Вавилона въ Іерусалимъ и поставленъ въ храмѣ Соломоновомъ,—видѣлъ тамъ идоловъ, стоящихъ снаружи и внутри, какъ мерзость запустѣнія на мѣстѣ святомъ, и совершаемыя въ честь ихъ скверныя богослуженія: видѣлъ, какъ старѣйшины Израильскіе совершаютъ кажденія передъ кумирами, какъ священники отвратили лица свои отъ Престола Божія и поклоняются солнцу, а женщины сидятъ и плачутъ по Ѳаммузѣ, измышленномъ греками Адонисѣ[3]), который прелюбодѣйствовалъ со скверной Венерой[4]), былъ сраженъ дикимъ вепремъ, язычниками же былъ причисленъ къ лику боговъ, а развращенными Евреями принятъ какъ богъ. Видѣлъ онъ также славу Божію наподобіе той, какую онъ прежде видѣлъ на рѣкѣ Ховарѣ: она, раз-

---

1) Кн. Прор. Іезек., гл. 3, ст. 25.

2) Кн. Прор. Іезек., гл. 8, ст. 11 и 16.

3) *Адонисъ*—считался у древнихъ грековъ богомъ посѣвовъ и вообще природы.

4) *Венера*—богиня любви и красоты.

гнѣванная, собиралась выходить изъ храма, оставляя его пустымъ. И слышалъ онъ, какъ Господь говорилъ ему:

— Сынъ человѣческій! Ужели не велико то беззаконіе, которое, какъ ты видишь, творятъ эти люди? Они землю наполнили нечестіемъ и сугубо прогнѣвляютъ Меня (и какъ бы сговорились прогнѣвить и раздражить Меня); зато и Я отомщу имъ въ ярости Моей, не пощадитъ ихъ око Мое и не помилуетъ, и хотя бы они взывали въ уши Мои громкимъ голосовъ,—не услышу ихъ.

Затѣмъ послышался еще сильнѣйшій голосъ Божій, взывающій грозно и страшно и такъ говорящій Пророку:

— Приблизилось отмщеніе и гибель городу, и пусть каждый имѣетъ губительныя орудія въ рукахъ своихъ.

Когда Господь сказалъ это, вышли шесть страшныхъ вооруженныхъ мужей съ обнаженными мечами; между ними былъ мужъ, одѣтый въ бѣлыя священническія одежды, имѣвшій при себѣ чернильницу и трость писца, и сказалъ ему Господь:

— Пройди посреди города Іерусалима и сдѣлай знакъ на челѣ (мужей) рабовъ моихъ, которые скорбятъ въ сердцахъ своихъ, воздыхаютъ и плачутъ о беззаконіяхъ, совершаемыхъ въ этомъ городѣ: этихъ избранниковъ моихъ я избавлю отъ наказанія.

И пошелъ этотъ благообразный мужъ въ священнической одеждѣ и ставилъ знакъ на челѣ тѣхъ людей, которые вѣрно служили Истинному Богу. Знакъ этотъ былъ греческая буква, называемая Тау и похожая на честный крестъ, подобно тому какъ въ нашей азбукѣ пишется заглавное Твердо. Между тѣмъ какъ этотъ мужъ въ благолѣпномъ іерейскомъ одѣяніи проходилъ по городу и отмѣчалъ знакомъ рабовъ Божіихъ, вслѣдъ за нимъ посланы были тѣ страшные шесть мужей, прообразовавшіе собою шесть военачальниковъ халдейскихъ войскъ, которыя должны были прійти съ Навуходоносоромъ для истребленія Іерусалима; этимъ шести мужамъ сказалъ прогнѣванный Господь:

— Идите, поражайте, не щадите, не милуйте ни старца, ни юноши, ни жены, ни дѣвицы, ни младенца, но всѣхъ избейте до смерти, начиная съ освященныхъ іереевъ и старѣйшинъ; а на комъ есть знакъ Мой, къ тѣмъ не прикасайтесь.

И видѣлъ святый Пророкъ въ этомъ видѣніи, что избивалось всякое сословіе и возрастъ народа іерусалимскаго обоего пола, какъ потомъ и на самомъ дѣлѣ должно было совершиться. И палъ Пророкъ ницъ предъ Господомъ, взывая:

— Горе, горе! о тяжело мнѣ, Адонаи Господи, ибо Ты истребляешь остатокъ Израиля, изливая на Іерусалимъ ярость Твою!

Послѣ этого онъ снова увидалъ того благообразнаго мужа въ священнической одеждѣ, который, возвратясь ко Господу, сказалъ:

— Я сдѣлалъ, какъ Ты повелѣлъ мнѣ, Господи.

И снова приказано ему было Господомъ, чтобы онъ, взявъ въ пригоршни горящіе уголья между колесами Херувимовъ, посыпалъ ихъ на весь Іерусалимъ въ знакъ того, что онъ будетъ истребленъ Халдеями не только мечомъ, но и огнемъ. Послѣ этого восхищенія и видѣнія Пророкъ снова очутился въ Халдеѣ на своемъ мѣстѣ, а видѣнное имъ скоро сбылось.

Пророчествовалъ также святый Іезекіиль и о сосѣднихъ язычникахъ, посмѣявшихся надъ наказываемымъ отъ Бога Іерусалимомъ, объ Аммонитянахъ, Моавитянахъ, Едомлянахъ, Филистимлянахъ, объ Идумеѣ, Тирѣ и Египтѣ, возвѣщая имъ такое же наказаніе Божіе, которое должно было постигнуть ихъ черезъ Халдеевъ за то, что они порадовались разоренію и опустошенію Іерусалима. Послѣ того какъ все это сбылось, онъ пророчествовалъ затѣмъ о прекращеніи гнѣва Божія на Евреевъ, о возвращеніи ихъ изъ Вавилона въ свое отечество и о возстановленіи и обновленіи города и храма; ибо онъ во второй разъ былъ восхищенъ рукою Господней въ землю Іудейскую [1]) уже послѣ того, какъ Іерусалимъ былъ разоренъ и опустошенъ, и видѣлъ во время бывшаго ему тамъ откровенія, что мѣсто, на которомъ стоялъ Іерусалимъ, по повелѣнію Божію размѣряется, городъ и храмъ Господень созидаются и слава Божія наполняетъ храмъ свой, какъ о томъ подробно написано въ его пророческой книгѣ.

Все это видѣніе было таинственнымъ прообразомъ нашего освобожденія отъ работы вражіей и устроенія Церкви Христовой: оно должно было совершиться черезъ явленіе во плоти Бога, рожденнаго отъ Пречистой Дѣвы, Которую сей Пророкъ назвалъ «вратами заключенными» и непроходимыми ни для кого, кромѣ Самого Бога [2]). Ему же дано было отъ Бога откровеніе и относительно воскресенія мертвыхъ [3]). Онъ видѣлъ, будто рукою Божіей онъ былъ восхищенъ и поставленъ посреди поля, которое было

---

[1]) Кн. Прор. Іезек., гл. 40, ст. 5 и слѣд.

[2]) Кн. Прор. Іезек., гл. 44, ст. 2.

[3]) Кн. Прор. Іезек., гл. 37, ст. 1 и слѣд.

наполнено множествомъ человѣческихъ костей, весьма сухихъ, и всѣ онѣ, по слову Божію, облеклись плотію, и когда вошелъ въ нихъ духъ, ожили и стали на ноги свои, и было ихъ весьма великое множество. И сказалъ Господь:

— Я открою гробы ваши и выведу васъ изъ гробовъ вашихъ.

Кромѣ того, и относительно многихъ другихъ тайнъ Божіихъ, которыя должны были съ полною ясностью исполниться въ послѣднія времена, даны были откровенія Пророку Божію; онъ всѣ ихъ предвозвѣстилъ и записалъ въ своей книгѣ: кто желаетъ, пусть прочтетъ тамъ. А мы, сокращая свое повѣствованіе, упомянемъ только, основываясь на свидѣтельствѣ достовѣрныхъ о немъ повѣствователей, что онъ былъ также и великимъ чудотворцемъ; подобно Моисею онъ былъ раздѣлителемъ водъ. А именно, однажды, когда при рѣкѣ Ховарѣ собралось къ нему множество Евреевъ, напали на нихъ разбойническимъ образомъ Халдеи; но онъ своею молитвой сдѣлалъ то, что вода рѣчная раздѣлилась и открыла сухой путь преслѣдуемымъ людямъ, чтобы они могли перебѣжать на другую сторону. И прошелъ народъ еврейскій посуху, Халдеи же, дерзнувшіе идти за ними тѣмъ же путемъ, были покрыты водами и погибли. Будучи въ Вавилоніи судьей надъ колѣномъ Дановымъ и Гадовымъ и видя, что они не чтутъ Господа и преслѣдуютъ соблюдающихъ Законъ Господень, онъ наслалъ на ихъ селенія змѣй и гадовъ, которые поѣдали ихъ младенцевъ и скотъ. Затѣмъ, сжалившись надъ ними, онъ удалилъ отъ нихъ этихъ змѣй и гадовъ молитвою. Во время голода онъ своими молитвами къ Богу умножилъ людямъ пищу въ изобиліи и смертельно изнемогшихъ отъ голода отъ вратъ смерти возвратилъ къ жизни, самъ же потомъ умеръ мученическою смертью[1]). Видя, что его Еврейскій народъ, бывшій вмѣстѣ съ нимъ въ плѣну, сообщается съ Халдеями въ идолослуженіи и навыкаетъ всѣмъ нечестивымъ дѣламъ ихъ, онъ

---

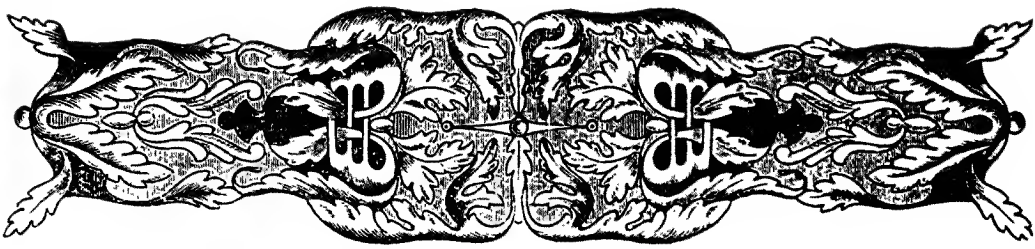
[1]) Относительно другихъ подробностей изъ жизни Пророка Іезекіиля извѣстно, что онъ жилъ въ своемъ собственномъ домѣ въ Тель-Абибѣ (гл. 3, ст. 24; гл. 8, ст. 1), что онъ былъ женатъ и нѣжно любилъ свою жену, что она скончалась внезапно (гл. 24, ст. 16—18); его пророческое служеніе продолжалось 22 года. Гробница его, по сосѣдству съ древнимъ Вавилономъ, до сего времени продолжаетъ привлекать вниманіе паломниковъ. Сооруженіе гробницы приписываютъ царю Іехонін.—Пророческая книга Іезекіиля состоитъ изъ 48 главъ; содержаніе ея очень богато по разнообразію матеріала: въ ней есть видѣнія, подобія, притчи, аллегоріи, пророчества и символическія дѣйствія. Благодаря символически-таинственному характеру нѣкоторыхъ мѣстъ книги Пророка Іезекіиля Евреи причисляли ее къ сокровеннымъ и не дозволяли читать лицамъ, не достигшимъ 30-лѣтняго возраста.

обличалъ его, увѣщевалъ оставить эти беззаконія и грозилъ ему гнѣвомъ Божіимъ. Вслѣдствіе этого еврейскій старѣйшина, предавшійся халдейскому нечестію, исполнившись гнѣва, умертвилъ его, растерзавъ конями. Народъ, собравъ его растерзанное тѣло, похоронилъ его на полѣ Мауръ, въ усыпальницѣ Сима и Арфаксада, прародителей Авраама. И собиралось къ могилѣ его множество евреевъ, и возносили они тамъ свои молитвы Богу Саваоѳу, Которому возсылается слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Конда́къ, гла́съ д҃:

Бж҃їй ꙗ҆ви́лсѧ є҆сѝ прⷪ҇ро́къ, і҆езекі́иле чꙋ́дне, гдⷭ҇не воплоще́нїе всѣ́мъ провозвѣсти́лъ є҆сѝ, сего̀ а҆́гнца и҆ зижди́телѧ сн҃а бж҃їѧ ꙗ҆́вльшасѧ во вѣ́ки.

Въ тотъ же день **память преподобнаго Онуфрія** Молчаливаго **Печерскаго**, подвизавшагося въ XII в.



ЖИТІЕ
ПРЕПОДОБНЫХЪ ОТЕЦЪ НАШИХЪ
СИМЕОНА,
Христа ради юродиваго,
и ІОАННА, спостника его

Во дни благочестиваго царя Іустиніана[1]), когда христолюбивые люди стекались въ Святый Городъ Іерусалимъ[2]) на праздникъ Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня[3]), по Божіему промышленію пришли изъ Сиріи[4]) въ Іерусалимъ на поклоненіе Честному Древу Креста двое юношей. Имя одного—Іоаннъ, а другого—Симеонъ; оба знатные и богатые.

---

1) *Св. Іустиніанъ I*—императоръ въ 527—565 гг.

2) *Іерусалимъ*—древнѣйшій и знаменитѣйшій городъ Земли Обѣтованной—лежитъ почти въ серединѣ послѣдней, по западной сторонѣ Іордана, въ 12 часахъ пути отъ Средиземнаго моря и 8 отъ Іордана, на отрогахъ трехъ іудейскихъ горъ—Акра, Сіонъ и Моріа. Іерусалимъ дорогъ каждому христіанину какъ центръ историческихъ событій Ветхозавѣтной и Новозавѣтной Церкви, какъ колыбель христіанства, откуда слово благовѣстія разнеслось по всей Вселенной.

3) 14 сентября.

4) *Сирія* (высокая) въ еврейскомъ текстѣ означается словомъ Аратъ, подъ которымъ разумѣется Сирія и Месопотамія вмѣстѣ,—все пространство отъ рѣки Евфрата до Средиземнаго моря и отъ Таврскихъ горъ до Аравіи. Долины Сиріи очень плодоносны, изобилуютъ пшеницею, виноградомъ, табакомъ, оливками, апельсинами, финиками и проч. Климатъ очень здоровъ и пріятенъ. Ни одна страна не была столь извѣстна въ древности, какъ Сирія. Въ предѣлахъ Сиріи находятся девять десятыхъ мѣстностей различныхъ событій изъ Священной исторіи. Сирія была мѣстомъ сохраненія Церквей Божіихъ и была свѣтильникомъ, свѣтъ котораго сіялъ оттуда во мракѣ міра въ продолженіе 12 вѣковъ; Сирія освящена стопами Христа Спасителя, Его Апостоловъ и исповѣдниковъ.

Іоанну въ это время было отъ роду 24 года; онъ имѣлъ молодую жену и жилъ при старикѣ отцѣ, а мать у него уже умерла; а Симеонъ былъ еще холостъ[1]) и имѣлъ только вдовую старуху мать, 80 лѣтъ. Оба эти юноши, происходившіе изъ одной страны и сдружившіеся между собою въ Христовой любви, пробыли вмѣстѣ въ Іерусалимѣ довольно времени, обходя и поклоняясь Святымъ мѣстамъ.—Когда они, возвращаясь къ себѣ, спустились въ долину Іерихунтинскую и, проѣзжая подошвой горы, миновали городъ, то увидѣли по берегамъ священной рѣки Іордана[2]) монастыри. Тогда Іоаннъ, обратясь къ Симеону, спросилъ:

— Знаешь ли, кто живетъ въ тѣхъ обителяхъ?

— А кто въ нихъ обитаетъ? — пожелалъ узнать Симеонъ.

— Ангелы Божіи живутъ въ нихъ,—отвѣчалъ Іоаннъ.

Симеонъ же, подивившись и вздохнувъ, спросилъ:

— А можемъ мы ихъ видѣть?

— Если захотимъ начать такую же, какъ они жизнь,—отвѣчалъ Іоаннъ,—то, безъ сомнѣнія, усладимся лицезрѣніемъ и бесѣдою ихъ.

Оба они ѣхали верхомъ; теперь же сошли съ коней, отдали ихъ своимъ слугамъ, приказавъ:

— Ступайте, не спѣша, впереди насъ.

И такъ слуги вели коней впереди, а они, слѣдуя издали, разсуждали, какъ бы спасти свои души. Идя понемногу, они подошли къ перекрестку: одинъ путь, многолюдный, велъ въ Сирію, куда и имъ надлежало идти, а другой путь велъ къ Іордану, гдѣ

---

[1]) Во время этого путешествія Симеона съ Іоанномъ по Святымъ мѣстамъ Симеону шелъ 31-ый годъ.

[2]) *Іорданъ*—единственная полноводная, не высыхающая рѣка Палестины. Протекая съ сѣвера къ югу посрединѣ Палестины, Іорданъ раздѣляетъ ее на двѣ части—Западную и Восточную. Іорданъ сбѣгаетъ съ южнаго склона Ливана и съ южной подошвы Ермона двумя истоками—Баніасъ и Хасбани. Эти истоки своимъ соединеніемъ образуютъ Малый Іорданъ, текущій въ озеро Меромъ. Отсюда потокъ идетъ медленнымъ и мутнымъ, но скоро становится прозрачнымъ и, чрезъ 15 верстъ, впадаетъ въ озеро Геннисаретское; чрезъ южную конечность озера онъ вытекаетъ въ долину Іорданскую. Самая южная часть теченія проходитъ уже пустынную равнину, на западѣ которой находится Іерихонъ. Эта именно равнина и разумѣется здѣсь въ житіи. Пройдя около 100 верстъ отъ Геннисаретскаго озера, Іорданъ впадаетъ въ Мертвое море, въ которомъ и теряется. Іорданъ не разъ упоминается въ Священной исторіи. Воды его чудесно раздѣлились, чтобы дать проходъ Евреямъ (Кн. Іис. Нав., 3, 14 и дал.); то же самое случилось, когда Пророки Илія и Елиссей проходили чрезъ нее (4 Кн. Цар., 2, 8—14); омывшись, по слову Елиссея, въ Іорданѣ, Нееманъ очистился отъ проказы (4 Кн. Цар., 5, 10—14); на берегахъ Іордана проповѣдовалъ Іоаннъ Креститель и въ водахъ Іорданскихъ крестился Господь нашъ Іисусъ Христосъ (Еванг. отъ Матѳ., 3, 13—17).

Прп҃бнїи
сѵ҃меѡнъ и і҆ѡа́ннъ

виднѣлись монастыри. Указывая Симеону пальцемъ на дорогу, ведущую къ Іордану, Іоаннъ сказалъ:

— Вотъ путь, ведущій къ жизни.

А показывая на дорогу, лежащую по направленію къ Сиріи, прибавилъ:

— Этотъ же путь приводитъ къ гибели. Итакъ, братъ, станемъ здѣсь на распутіи, помолимся Богу, чтобы Онъ научилъ насъ, какимъ путемъ слѣдуетъ идти.

И, преклонивъ колѣна. они начали горячо молиться:

— Боже! Боже! Боже! желающій спасенія всему міру! Яви волю Свою твоимъ рабамъ и укажи намъ путь, которымъ мы должны идти!

Помолившись довольно времени. Іоаннъ и Симеонъ бросили жребій, и жребій выпалъ идти по дорогѣ, ведущей къ Іордану. Тогда преисполнились они великой духовной радости и со смиреніемъ благодарили Бога. И тотчасъ забыли о своихъ родныхъ: одинъ — отца и жену, а другой—мать, презрѣли свои богатства и какъ бы за сонъ сочли все привлекательное и услаждающее въ этомъ мірѣ. И обнявъ другъ друга, облобызались святымъ лобызаніемъ и пошли по пути къ Іордану, которымъ, дѣйствительно, достигли вѣчной жизни. И устремились съ радостію, какъ Петръ и Іоаннъ къ Живоносному Гробу Христову[1]), укрѣпляя и увѣщевая другъ друга: Іоаннъ боялся, чтобы какъ-нибудь сожалѣніе о состарѣвшейся матери не отклонило Симеона отъ добраго намѣренія, а Симеонъ точно такъ же боялся за

[1]) Еванг. отъ Іоан., гл. 20, ст. 1—10.

Іоанна, чтобы любовь къ молодой женѣ, подобно тому, какъ магнитъ желѣзо, не отвлекла его отъ предпринятаго пути.— Поэтому они обращались другъ къ другу со словами духовнаго наставленія и утѣшенія. Іоаннъ говорилъ Симеону:

— Не унывай и не ослабѣвай, возлюбленный братъ! Ибо я надѣюсь на Господа, Который возродилъ насъ въ нынѣшній день. Да и какая польза для насъ отъ мірской суеты? Или какую найдемъ помощь въ богатствахъ въ день Страшнаго Суда? Не скорѣй ли они повредятъ намъ? Точно такъ же наша юность и тѣлесная красота—развѣ онѣ всегда съ нами? Не измѣнятся ли отъ старости и не погибнутъ ли отъ смерти? Да мы и сами не знаемъ, дождемся ли старости, ибо и юноши, не ожидающіе смерти, умираютъ.

А Симеонъ съ своей стороны убѣждалъ Іоанна:

— У меня, братъ, нѣтъ ни отца, ни братьевъ, ни сестеръ;— есть одна только родительница моя, уже престарѣлая, и не столько о ней соболѣзную, сколько боюсь въ своей душѣ за тебя, чтобы не отвела тебя съ этаго благого пути мысль о прекрасной и любезной женѣ твоей, съ которой такъ недавно сочетался ты бракомъ.

Такъ, бесѣдуя между собою, шли они впередъ. И о томъ молили они Бога, да покажетъ имъ Свою волю, въ какомъ бы монастырѣ имъ постричься. И выбрали для себя такое знаменіе: въ какомъ монастырѣ найдутъ они отворенныя ворота, въ тотъ, значитъ, Богъ и повелѣваетъ имъ войти. Случилось имъ придти въ монастырь преподобнаго Герасима, въ которомъ игуменомъ былъ мужъ боговдохновенный, по имени Никонъ; ему было возвѣщено Богомъ о пришествіи этихъ двухъ юношей, возгорѣвшихся Божественною любовію. Ибо Никонъ видѣлъ въ тотъ день во снѣ Господа, говорящаго ему:

— Встань, отвори двери ограды, да войдутъ сюда Мои овцы.

Игуменъ, поднявшись, пошелъ и отворилъ монастырскія ворота и сѣлъ около нихъ, ожидая прихода овецъ Христовыхъ. Іоаннъ же и Симеонъ, приближаясь къ монастырю, когда увидѣли отворенныя ворота и у воротъ сидящаго старца, возрадовались великою радостію. И обратился Іоаннъ къ Симеону:

— Доброе это знаменіе, братъ,—вотъ, монастырь отворенъ и привратникъ сидитъ, какъ будто нарочно, ожидая нашего прихода.

Когда они приблизились къ воротамъ, игуменъ всталъ и сказалъ:

— Хорошо сдѣлали, что пришли вы, агнцы Христовы.

И, принявъ ихъ ласково, ввелъ въ монастырь, и угостилъ ихъ пищей тѣлесной и духовной; какъ странниковъ онъ успокоилъ въ ту ночь Симеона и Іоанна. Наутро игуменъ обратился къ нимъ съ такимъ словомъ:

— Прекрасна и угодна Богу любовь ваша, которую вы къ Нему единодушно питаете, о дѣти! Но вамъ надо тщательно блюстись, чтобы не угасилъ ее въ васъ врагъ нашего спасенія. Путь вашъ хорошъ, но не надо ослабѣвать на немъ, пока не будете увѣнчаны. Похвально намѣреніе ваше, но не нерадите, чтобы не охладѣла въ сердцахъ вашихъ теплота духовная. Хорошо, что вы поставили вѣчное выше временнаго. Конечно, доброе дѣло служить родителямъ по плоти, но безъ сравненія выше служить Отцу Небесному. Милы братья по плоти, но гораздо спасительнѣе духовные. Полезны друзья, которыхъ вы имѣете въ міру, но много лучше пріобрѣсти друзей среди святыхъ угодниковъ Божіихъ. Сильны ходатаи и заступники ваши предъ князьями, но все же не таковы, какъ Ангелы, ходатайствующіе за насъ предъ Богомъ. Хорошо и милостыню давать нищимъ Бога ради; но никакое приношеніе не благопріятно столь Богу, какъ душу и волю свою предать Ему всецѣло. Пріятно наслажденіе сей жизнью, но ничтожно по сравненію съ наслажденіями райскими. Прекрасно и всѣми любимо богатство, но никакъ не сравнится съ тѣми сокровищами, ꙗ҆́же ѻ҆́ко не ви́дѣ, и҆ ᲂу҆́хо не слы́ша, и҆ на се́рдце человѣ́кꙋ не взыдо́ша[1]). Пріятна и красота юности, но ничто въ сравненіи съ достоинствами Прекраснѣйшаго всѣхъ сыновъ человѣческихъ[2]). Прекрасно стать воиномъ царя земного, но непродолжительно и опасно это служеніе. А быть воиномъ Царя Небеснаго — значитъ торжествовать надъ всею вражьею силою.

Съ таковыми и подобными этимъ наставленіями обратился къ нимъ преподобный игуменъ и, видя обильныя слезы, текущія изъ глазъ ихъ, сказалъ Симеону:

— Не жалѣй, не плачь о сѣдинахъ госпожи твоей матери, ибо за твои труды Богъ лучше ее утѣшитъ, нежели самъ ты, находясь при ней. Если бы даже ты неотступно былъ при ней,

1) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 2, ст. 9.

2) Т. е. Вочеловѣчившагося Сына Божія, Христа Спасителя. Ср. Пс. 44-ый.

и то не зналъ бы навѣрно,—ты бы ее раньше похоронилъ или она тебя. И умеръ бы ты безъ угожденія Богу, не имѣя ничего, что могло бы избавить тебя отъ будущихъ золъ послѣ смерти: ибо ни материнскія слезы, ни отцовская любовь, ни богатство и слава, ни брачный союзъ, ни любовь къ дѣтямъ не могутъ умолить страшнаго Судію, а только—добродѣтельная жизнь, подвиги и труды, подъятые ради Бога!

Потомъ, обратившись къ Іоанну, сказалъ:

— И тебѣ, о чадо! да не влагаетъ врагъ таковыхъ мыслей, чтобы ты сталъ разсуждать въ умѣ своемъ: кто безъ меня поддержитъ престарѣлаго отца и прокормитъ? Кто утѣшитъ рыданіе супруги моей? Въ самомъ дѣлѣ, если бы вы предоставили ихъ одному Богу, а сами пошли работать другому, то вы по справедливости сокрушались бы о нихъ. А такъ какъ Единый есть Богъ, Которому вы поручили родителей своихъ, и изъ любви къ Которому оставили ихъ, то должны знать, что Онъ Самъ промыслитъ о нихъ. Подумайте также и о томъ, что когда были вы въ міру и трудились для жизни временной, благость Господня заботилась о васъ и щедро наполняла домъ вашъ; тѣмъ болѣе Господь позаботится о домахъ вашихъ нынѣ, когда вы пришли трудиться Ему всѣмъ сердцемъ, желая совершеннѣе благоугодить Ему. Вспомните, о дѣти! отвѣтъ Господа желавшему слѣдовать за Нимъ и сказавшему: **гдⷭ҇и, повели́ ми пре́жде и҆ти̑, и҆ погребсти̑ ѻ҆тца̀ моего̀.** Господь сказалъ: **грѧди̑ по мнѣ̀, и҆ ѡ҆ста́ви ме́ртвыхъ погребсти̑ свои̑ мертвецы̀**[1]). Такъ и вы съ непреклонною волею и твердымъ сердцемъ идите во слѣдъ Христа. Ибо, если бы земной и смертный царь призвалъ васъ къ себѣ, желая сдѣлать васъ постельничими или совѣтниками, развѣ вы не пренебрегли бы вашими домашними и не пошли бы со скоростію къ царю, чтобы служить ему въ славѣ и чести и услаждаться лицезрѣніемъ и милостію его? И это бы вы сдѣлали изъ-за краткаго времени, пока онъ захотѣлъ бы почтить васъ передъ своими вельможами.

Іоаннъ же и Симеонъ отвѣчали:

— Истинно такъ, отче!

И продолжалъ игуменъ:

— Тѣмъ съ большею, о дѣти! должны мы поспѣшностію и усердіемъ идти на зовъ Царя Небеснаго, призывающаго насъ

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 8, ст. 21—22.

къ чести, которой уподобиться и съ которой сравниться не можетъ никакая самая высокая мірская почесть. Мы должны послушать Бога, призывающаго насъ къ Себѣ, помня любовь Его къ намъ, ради которой Онъ не пощадилъ Своего Единороднаго Сына, но предалъ Его за насъ на кровавую смерть, чтобы сдѣлать насъ сынами Своими; и если бы за это мы пролили всю нашу кровь, то и тогда не воздали бы нисколько по достоинству въ сравненіи съ явленной Имъ благостію и любовію: потому что нельзя приравнять кровь царскую крови рабовъ.

Сказавъ все это имъ и догадываясь, что Симеонъ и Іоаннъ, одѣтые богато, выросли, не зная нужды, боговдохновенный игуменъ, хотя и видѣлъ ихъ горячее усердіе къ Богу, все-таки совѣтовалъ имъ не тотчасъ возлагать на себя иноческій образъ, но подождать нѣкоторое время: пусть сами себя испытаютъ,—смогутъ ли вынести тягость подвижнической жизни. А они, упавши къ ногамъ его, молили его со слезами, чтобы онъ безотлагательно постригъ ихъ и облекъ въ святой чинъ.

Послѣ того старецъ, желая ихъ испытать, взялъ отдѣльно Іоанна и говоритъ ему:

— Я уже убѣдилъ твоего друга, чтобы онъ еще на годъ остался въ міру.

— Если ему угодно,—возразилъ Іоаннъ,—пусть остается, я же не въ состояніи такъ долго ожидать постриженія, но умоляю тебя, отче, тотчасъ совершить надо мной то, чего жаждетъ душа моя.

Симеонъ же, видя ихъ отдѣльно бесѣдующихъ, сказалъ старцу:

— Не медли, отче, слушая доводы Іоанна; трепещетъ за него у меня сердце, что затужитъ онъ о супругѣ своей, съ которою въ нынѣшнемъ году сочетался бракомъ, богатой и прекрасной, и ради нея да не уклонится отъ любви къ Богу.

Іоаннъ также обратился къ старцу со слезами (очень онъ былъ склоненъ къ слезамъ):

— Молю тебя, отче, немедленно постриги насъ, чтобы не погубить дорогого мнѣ брата. У него мать, которая такъ сильно любитъ его, что не можетъ жить, не видя его, и боюсь за него, чтобы, вспомнивъ о любви къ нему матери, не отшатнулся отъ любви къ Богу; итакъ, не перестану печаловаться, пока не увижу его постриженнымъ.

Старецъ же, видя ихъ взаимную заботу другъ о другѣ и по опыту зная, что Богъ не постыждаетъ, не отвергаетъ при-

бѣгающихъ къ Нему всею душою и твердою вѣрою, не медля болѣе, ввелъ ихъ въ церковь и постригъ въ начальный иноческій образъ. Когда же совершалось ихъ постриженіе, Іоаннъ сильно плакалъ, а Симеонъ тайно толкалъ его, давая знать, чтобы онъ молчалъ,—онъ думалъ, что тотъ плачетъ объ отцѣ и женѣ своей. Но тотъ изливалъ слезы отъ горячей сердечной любви къ Богу.

Послѣ постриженія и по совершеніи Святой Литургіи игуменъ опять простеръ къ нимъ продолжительное поучительное слово, вѣдая своимъ прозорливымъ духомъ, что недолго пробудутъ они въ его монастырѣ, такъ какъ Богъ призоветъ ихъ на еще болѣе совершенное житіе.

Тотъ день пришелся въ субботу, и хотѣлъ игуменъ наутро, въ воскресенье, возложить на нихъ совершенный чинъ ангельскаго образа.

И стали говорить нѣкоторые изъ братій Іоанну и Симеону:

— Блаженны вы, потому что наутро возродитесь и будете чисты, какъ бы только что родились; вы очиститесь отъ вашихъ грѣховъ, какъ будто только въ этотъ день получили Крещеніе.

А тѣ, не понимая того, что говорили имъ, изумились, и ужаснулись, и, придя къ святому игумену въ субботу вечеромъ, молили его такими словами:

— Не крести насъ, отче, потому что мы христіане и дѣти христіанскихъ родителей, вновь рожденные погруженіемъ Святаго Крещенія.

Игуменъ же, не понимая словъ ихъ, спросилъ:

— Кто васъ хочетъ крестить, о дѣти?

Они отвѣчали:

— Слышали отъ братій, что наутро будемъ крещены.

Тогда игуменъ, понявъ, что братія говорили имъ о святомъ ангельскомъ образѣ, сказалъ:

— Хорошо объяснили вамъ отцы: потому что наутро хотимъ облечь васъ въ совершенный чинъ ангельскаго образа, который освободитъ васъ отъ всѣхъ сдѣланныхъ вами въ мірѣ прегрѣшеній, подобно второму Крещенію.

Іоаннъ же и Симеонъ не знали, что такое совершенный чинъ ангельскаго образа. И приказалъ игуменъ позвать брата, котораго въ прошлую недѣлю посвятилъ въ тотъ совершенный чинъ, чему еще не исполнилось 7 дней, такъ что братъ носилъ постоянно, по уставу монастырскому, всѣ одѣянія святаго чина. Когда этотъ братъ пришелъ, Іоаннъ и Симеонъ, увидѣвъ

его, припали къ ногамъ игумена и молили, чтобы онъ тотчасъ же, еще вечеромъ, облекъ ихъ въ этотъ чинъ.

—Мы—люди,—говорили они,—не знаемъ, проживемъ ли эту ночь и увидимъ ли утро, и, вдругъ, отойдемъ отъ этой жизни, не получивъ такого вѣнца, радости и славы, въ какой видимъ этого брата.

Уразумѣлъ игуменъ, что они созерцаютъ какое-то видѣніе, и отпустилъ призваннаго брата обратно въ келью. Когда тотъ ушелъ, опять Іоаннъ и Симеонъ усиленно стали просить игумена:

— Отче, Бога ради, тотчасъ облеки насъ въ одежды, которыя мы видѣли на томъ братѣ: поистинѣ въ монастырѣ твоемъ не видѣли ни одного въ такой славѣ, какъ братъ тотъ.

— Что видѣли вы, дѣти, на томъ братѣ? — спросилъ ихъ игуменъ.

Они отвѣчали:

— Видѣли на головѣ его пресвѣтлый вѣнецъ и вокругъ сіяніе, и какіе-то лики свѣтолѣпные, со свѣчами въ рукахъ, окружали его съ удивительнымъ пѣніемъ.

И подивился игуменъ такой душевной ихъ чистотѣ и сказалъ имъ:

— Наутро и вы, по благодати Святаго Духа, получите такой же вѣнецъ и славу вмѣстѣ со святымъ ангельскимъ чиномъ.

Когда наступилъ воскресный день, игуменъ совершилъ надъ ними тотъ святый чинъ, и оба видѣли другъ на другѣ вѣнцы, сіяющіе на ихъ головахъ, и ночью видѣли лице другъ друга ясно, какъ днемъ: и такой радостію исполнилась душа ихъ, что они не желали вкусить ни пищи, ни питія.

По прошествіи 2 дней, послѣ принятія совершеннѣйшаго чина, случилось имъ встрѣтить того прежде названнаго, видѣннаго во славѣ, брата, облеченнымъ во вретище и выполняющимъ монастырское послушаніе,—они не видѣли надъ нимъ прежней славы и вѣнца и удивлялись. Симеонъ же сказалъ Іоанну:

— Повѣрь мнѣ, братъ, что, по истеченіи 7 дней, и мы не будемъ видѣть другъ надъ другомъ блестящаго вѣнца и сіянія, какъ теперь.

Іоаннъ спросилъ:

— Итакъ, чего ты хочешь для себя еще, братъ?

— Послушай меня,—отвѣчалъ Симеонъ,—я хочу, чтобы мы, какъ вышли изъ міра, такъ и отсюда уйдемъ на еще болѣе без-

молвное пустынное житіе; ибо съ тѣхъ поръ какъ облекъ насъ честнóй игуменъ во святой сей образъ, разгорѣлось мое сердце отъ нѣкотораго чудеснаго желанія, и душа моя никого не хочетъ видѣть, ни говорить, ни слышать чей-нибудь голосъ, но желаетъ оставаться въ полнѣйшемъ отъ всѣхъ удаленіи и въ глубокомъ молчаніи.

— Что будемъ ѣсть, живя въ пустынѣ?— возразилъ Іоаннъ.

Симеонъ отвѣчалъ:

— А что ѣдятъ другіе пустынножители, о которыхъ слышали изъ устъ поучающаго насъ игумена? Питающій тѣхъ пропитаетъ и насъ, и, думаю, игуменъ такъ много говорилъ намъ о пустынножителяхъ изъ желанія, чтобы и мы избрали пустынножительство.

Іоаннъ опять возразилъ:

— Но мы еще не научились пѣть Псалмы по уставу монастырскому!

— Спасшій угодившаго Ему ранѣе Давида,—успокоилъ его Симеонъ,—спасетъ и насъ, и какъ научилъ Онъ слагать Псалмы Давида, пасшаго овецъ въ пустынѣ, такъ и насъ научитъ. Не ослушайся меня, братъ, но какъ вмѣстѣ посвятили мы себя Богу, такъ и потрудимся для Него вмѣстѣ.

Іоаннъ согласился, говоря:

— Какъ ты хочешь, такъ и сдѣлаемъ; но какъ мы выйдемъ изъ монастыря, двери котораго на ночь запираютъ?

Іоаннъ отвѣчалъ:

— Отверзшій намъ днемъ, откроетъ и ночью.

Когда они такимъ образомъ согласились и порѣшили и когда наступила ночь, игуменъ увидѣлъ во снѣ нѣкоего почтеннаго мужа, святаго по виду, открывающаго монастырскія ворота со словами:

— Выходите, овцы Христовы, на свое пастбище.

Тотчасъ, поднявшись, онъ поспѣшилъ къ воротамъ и нашелъ ихъ открытыми и, думая, что Іоаннъ съ Симеономъ уже вышли, сѣлъ печальный, вздыхалъ и думалъ: «Не достоинъ былъ я принять молитвы отцевъ моихъ, ибо не я, а они были отцами и учителями. О, какіе драгоцѣнные камни (какъ сказано въ Писаніи) неузнанные лежатъ на землѣ, многими видимые, но немногими цѣнимые!»

Когда игуменъ такъ размышлялъ въ себѣ и сокрушался, вотъ, вышли изъ своей кельи къ воротамъ рабы Христовы, чтобы по-

кинуть монастырь. И увидѣлъ игуменъ идущихъ впереди нихъ прекрасныхъ юношей съ ярко горѣвшими свѣчами. Іоаннъ же и Симеонъ юношей тѣхъ не видѣли, но, замѣтивъ открытыя врата, сильно обрадовались, что не лишились своей надежды. Когда же увидѣли у воротъ старца, испугались и хотѣли вернуться, не догадываясь, что это игуменъ. Игуменъ же подозвалъ ихъ словами:

— Не бойтесь, чада, идите во Имя Господне!

Они же, узнавъ, что это игуменъ, еще болѣе обрадовались и поняли, что Богъ, открывъ ему ранѣе объ ихъ приходѣ, указалъ и отшествіе ихъ, и поклонились старцу со словами:

— Благодаримъ тебя, отче, но какъ достойно возблагодаримъ Бога и честну́ю твою главу, не знаемъ. И кто изъ насъ могъ надѣяться сподобиться таковыхъ даровъ? Какой царь могъ бы почтить насъ такимъ саномъ? Какія сокровища обогатили бы насъ столь скоро? Воды какихъ бань такъ очистили бы наши души? Какіе бы родители могли насъ такъ любить и спасти, какъ ты, честны́й отче?! О Христѣ ты намъ отецъ и мать, владыка, пастырь и наставникъ, и руководитель! Черезъ тебя получили непохищаемое сокровище и нашли безцѣнную жемчужину спасенія; узнали, поистинѣ, силу второго Крещенія, какъ повѣдали намъ отцы. Просимъ же твое блаженство, отче, чтобы, помолившись о насъ, отпустилъ насъ рабовъ твоихъ идти, куда намъ укажетъ Богъ: ибо отъ всей души мы пожелали послужить Ему, и поминай, отче, своихъ овецъ, коихъ принесъ Богу въ жертву.

Все это произнесли они съ великими слезами. Плакалъ и игуменъ отъ душевной радости, видя столь великое желаніе ихъ служить Богу. Наконецъ, поставивъ Симеона направо, а Іоанна налѣво и воздѣвъ руки къ Небу, произнесъ молитву:

— Боже праведный и славный! Боже великій и крѣпкій! Боже Предвѣчный и Вѣчный! приклони ко мнѣ, грѣшному, слухъ въ часъ сей! Услышь меня, Господи, обѣщавшій послушать всѣхъ, истинно служащихъ Тебѣ! Направь стопы рабовъ Твоихъ сихъ и ноги ихъ поставь на путь мира. Будь Помощникомъ симъ незлобивымъ отрокамъ и сохрани ихъ цѣлыми, какъ голубей; запрети всѣмъ нечистымъ духамъ, да не приближаются къ нимъ, но да бѣгутъ далеко отъ лица ихъ. **Пріими̑ ѻ҆рꙋ́жіе и҆ щи́тъ, и҆ воста́ни въ по́мощь и҆̀мъ: и҆зꙋ́ни ме́чь, и҆ заключи̑ сопроти́въ гоня́щихъ ѧ҆̀: рцы̑ коегѡ́ждо дꙋ́шѣ: спасе́ніе твое̑ є҆́смь а҆́зъ**[1]). Содѣлай,

[1]) Сравн.: Пс. 34, ст. 2—4.

да удалится отъ ихъ мысли всякое малодушіе и ужасъ, и да сгинетъ всякая гордыня и самомнѣніе и всякая злоба; да утихнетъ всякое разжженіе плоти, случающееся отъ природы и отъ бѣсовскаго искушенія; да освятится ихъ тѣло и душа, и духъ ихъ да просвѣтится свѣтомъ благодати Твоея, да возрастая духовно, переидутъ въ возрастъ мужа совершенна и сподобятся получить часть среди угодниковъ Твоихъ, восхваляя Тебя со святыми Ангелами и всегда поклоняясь Тебѣ—Отцу, Сыну и Святому Духу, Богу Единому въ Троицѣ во вѣки, аминь!

Потомъ, обратившись къ рабамъ Христовымъ, со слезами произнесъ:

— Богъ, Котораго вы избрали, о добрыя дѣти! и къ Которому вы прибѣгли, да пошлетъ Онъ Ангела предъ лицемъ вашимъ, который приготовитъ вамъ безбоязненный путь и пойдетъ впереди васъ, избавляя васъ отъ вражескихъ силъ, какъ Іакова отъ Лавана и отъ Исава[1]) и Даніила—отъ пасти льва![2])

И, обнявъ ихъ обоихъ, опять обратился съ молитвою къ Богу:

— Спаси, Боже, спаси возлюбившихъ Тебя всѣмъ сердцемъ: ибо Ты праведенъ, Господи. Не оставь тѣхъ, которые оставили ради Тебя все суетное!

Затѣмъ опять обратился къ нимъ:

— Берегитесь, чада! Потому что выходите на страшную брань, но не бойтесь! Силенъ Богъ и не пошлетъ вамъ искушеній выше мѣры. Подвизайтесь, дѣти, и да не будете побѣждены врагомъ; стойте мужественно, имѣя броней святый иноческій чинъ ангельскаго образа. Но помните Сказавшаго: **никто́же возло́жь ру́ку свою̀ на ра́ло, и҆ зрѧ̀ вспѧ́ть, оу҆пра́вленъ є҆́сть въ ца́рствіи бж҃іи**[3]). Не будьте лѣнивы и унылы, начиная сей путь Господень, чтобы и на васъ не исполнилась притча о начавшемъ ставить столпъ: **нача́тъ зда́ти, и҆ не мо́же соверши́ти**[4]). Мужайтесь, дѣти, зная, какъ ничтожна борьба и какъ великъ вѣнецъ, какъ непродолжителенъ трудъ и вѣчно отдохновеніе.

Пока они упражнялись въ такихъ бесѣдахъ, подошло время звонить къ Утренѣ, и имъ нужно было выходить изъ монастырскихъ воротъ; Симеонъ, отведши игумена отдѣльно, сказалъ ему:

---

1) Кн. Быт., гл. 31—33.
2) Кн. Прор. Дан., гл. 6.
3) Еванг. отъ Луки, гл. 9, ст. 62.
4) Еванг. отъ Луки, гл. 14, ст. 30.

— Молю тебя, отче, ради Господа, помолись усердно за брата моего Іоанна, да изгладится изъ ума его память о женѣ, чтобы вслѣдствіе вражескаго искушенія не оставилъ меня, и я истаю отъ сожалѣнія о разлукѣ съ нимъ; помолись и объ отцѣ, рождшемъ его, да утѣшитъ его Господь, чтобы онъ не печалился объ оставившемъ его сынѣ.

Также и Іоаннъ, отведши старца въ сторону, умолялъ:

— Бога ради, отче, не забудь въ святыхъ твоихъ молитвахъ брата моего Симеона, да не удалится отъ меня къ матери, увлекаемый любовью къ ней; иначе пристань послужитъ намъ мѣстомъ потопленія.

Удивился старецъ таковой между ними любви и, обѣщавъ молиться за нихъ, благословилъ ихъ, ограждая крестнымъ знаменіемъ, и отпустилъ съ миромъ.

Отошедши отъ преподобнаго игумена, рабы Христовы, Симеонъ и Іоаннъ, молились:

— Боже! По молитвамъ раба Твоего, отца нашего Никона, Самъ веди насъ куда Тебѣ угодно; ибо мы—странники и не знаемъ ни мѣста, ни страны, куда бы обратились, но стремимся къ Тебѣ, хотя, быть можетъ, въ глубинѣ пустыни ждетъ насъ смерть.

Потомъ обратился Іоаннъ къ Симеону:

— Что теперь будемъ дѣлать, братъ? Куда пойдемъ?

Симеонъ отвѣчалъ:

— Пойдемъ направо, потому что все, что правое, то хорошо.

И пошли на правую сторону; было же то промышленіемъ Божіимъ: Господь не оставляетъ рабовъ Своихъ. Пройдя порядочно, они подошли къ Мертвому морю[1]) и нашли близъ моря и Іордана, впадающаго въ то море, мѣсто удобное и келію, гдѣ пребывалъ одинъ пустынножитель, за нѣсколько дней передъ тѣмъ преставившійся ко Господу; были здѣсь и сосуды небольшіе, и огородъ съ насажденнымъ овощемъ, которымъ питался преставившійся старецъ. Увидѣвъ это, рабы Христовы обрадовались

---

[1]) *Мертвое море*—внутренее соленое озеро въ юго-восточной части Палестины; длина его съ С. на Ю. 76 *км*, ширина—около $3^1/_2$—16 *км*; полуостровомъ Лисанъ дѣлится на два бассейна; сѣверный бассейнъ болѣе глубокъ, чѣмъ южный. Вода Мертваго моря насыщена солями (около 25%) до такой степени, что рыбы не могутъ жить въ ней. Удѣльный вѣсъ воды настолько высокъ (1, 66), что попадающія въ воду органическія тѣла не тонутъ въ ней. На значительное пространство кругомъ моря земля покрыта солью. На мѣстѣ Мертваго моря находилась плодородная долина Сиддимъ съ городами Содомомъ и Гоморрой.

такъ же сильно, какъ радуется нашедшій значительное сокровище, и благодарили Бога, и, поселившись тамъ, начали жить. Немного времени спустя врагъ нашихъ душъ, діаволъ, не стерпѣвъ богоугоднаго житія рабовъ Христовыхъ, началъ войну противъ нихъ, Іоанну влагая воспоминаніе о женѣ и отцѣ, Симеону—любовь къ матери. Они же, когда видѣли другъ друга печальными, тотчасъ говорили другъ другу:

— Стань, братъ, помолимся вмѣстѣ Владыкѣ нашему Іисусу Христу, да сохранитъ насъ отъ вражескихъ козней молитвами святаго старца нашего Никона.

И когда молились они, скоро приходила къ нимъ помощь Божія, отражающая отъ нихъ вражескіе навѣты. Иногда искуситель влагалъ имъ желаніе отвѣдать мяса и выпить вина; иногда показывалъ во снѣ родителей и сродниковъ: или сокрушающихся о нихъ, или же пирующихъ; то повергалъ ихъ въ уныніе и лѣность, то, думая ужаснуть ихъ привидѣніями, опять внушалъ имъ мысль вернуться въ монастырь, какъ будто имъ было невыносимо пустынножительство. И разнообразными способами пестрый змѣй тотъ старался прервать праведное житіе тѣхъ похвальныхъ подвижниковъ. Они же, помня свои обѣты и свѣтлые вѣнцы, которые сначала видѣли другъ надъ другомъ, а также помня наставленія и слезы своего старца, превозмогали въ служеніи Господу и утѣшались, часто ощущая въ сердцахъ своихъ нѣкоторую духовную сладость. Послѣ мужественнаго сопротивленія вражескимъ искушеніямъ являлся имъ во снѣ преподобный Никонъ, то увѣщевая ихъ, то молитву совершая за нихъ Богу, то научая ихъ Псалмамъ и молитвамъ. И, пробудившись, они помнили наяву то, чему научились отъ него во снѣ, и имѣли отъ того великую радость. Такъ же точно и печаль, происходившую отъ воспоминанія о домашнихъ, облегчилъ имъ Господь черезъ два года такими откровеніями. Представилось Симеону въ ночномъ сонномъ видѣніи, что онъ посѣщаетъ матерь свою въ ея домѣ и говоритъ ей на сирскомъ нарѣчіи:

— Ладохрелихемъ, то есть, не заботься, мать; ибо хорошо намъ: я и господинъ Іоаннъ здоровы и водворены въ царской палатѣ и, вотъ, носимъ вѣнцы, которыми увѣнчалъ насъ царь, украсивъ насъ свѣтлыми одеждами; скажи также и родителю Іоанна, чтобы не тужилъ о своемъ сынѣ, и, вообще, не заботьтесь о насъ.

Много разъ повторялось Симеону это видѣніе, и изъ этого онъ понялъ, что его мать уже не печалится о немъ, будучи утѣшена Богомъ. Точно такъ же и Іоанну въ сонномъ видѣніи являлось какое-то пресвѣтлое лицо со слѣдующими словами:

— Вотъ, я сдѣлалъ отца твоего безпечальнымъ, вселивъ въ него покой и радованіе, и жену твою на этихъ дняхъ возьму въ мое царство.

Разсказывая другъ другу о таковыхъ видѣніяхъ, Іоаннъ и Симеонъ радовались въ своихъ душахъ и веселились о Богѣ Спасителѣ своемъ. И съ тѣхъ поръ не знали никакой печали: первый—объ отцѣ и женѣ, а второй—о матери; но одна у нихъ была забота—днемъ и ночью славословить Бога. То для нихъ былъ трудъ неутомительный и забота безъ печали—постоянно творить молитвы, и въ непродолжительное время они сдѣлались достойными сосудами Святаго Духа и сподобились созерцанія божественныхъ откровеній. Иногда они жили и отдѣльно другъ отъ друга, но недалеко, не больше, какъ на разстояніе брошеннаго камня. И если одному изъ нихъ приходила мысль вражеская, тотчасъ смущаемый прибѣгалъ къ другому: ибо они открывали другъ другу свои мысли и, молясь вмѣстѣ, прогоняли навѣты вражескія.

По прошествіи нѣкотораго времени блаженный Симеонъ, сидя на отдѣльномъ мѣстѣ, пришелъ въ восторгъ и видитъ себя въ своемъ отечествѣ, въ городѣ Эдессѣ[1]), навѣщающимъ больную мать со словами:

— Какъ живешь, мать?

А она отвѣчаетъ:

— Хорошо мнѣ, сынъ мой!

Онъ же снова сказалъ ей:

— Иди, ничего не боясь, къ Царю, ибо я умолилъ Его за тебя и приготовилъ тебѣ мѣсто хорошее, и когда Онъ захочетъ, то и я приду къ тебѣ.

---

[1]) *Эдесса*—нынѣшняя *Урфа*, городъ на сѣверѣ Месопотаміи на рѣкѣ Евфратѣ, съ 137 г. до Рождества Христова главный городъ вновь образовавшагося Озроенскаго, или Эдесскаго государства; въ 217 г. по Р. Хр. Эдесса превращена Римлянами въ Восточную колонію; въ Эдессѣ рано появилось христіанство; въ IV в. св. Ефремомъ Сиринымъ здѣсь была основана богословская школа, въ V в. склонившаяся къ несторіанству, въ пользу котораго много дѣйствовалъ учитель эдесской школы пресвитеръ Ива. Въ 641 г. Эдесса была покорена арабскими калифами; въ 1098 г. ею овладѣлъ графъ Балдуинъ, сдѣлавшій ее главнымъ городомъ княжества Эдесскаго; въ 1144 г. Эдесса была покорена Турками и съ этого времени переходила изъ рукъ въ руки, пока въ 1637 г. окончательно не подпала подъ власть Турціи.

Пришедъ въ себя послѣ этого видѣнія, Симеонъ понялъ, что въ ту минуту умерла его мать, и поспѣшилъ къ Іоанну, прося его, да помолится онъ о душѣ его матери, а самъ, преклонивъ колѣна, такъ молился со слезами:

— Боже, жертву Авраама благосклонно принявшій[1]) и не отвергшій жертвы Іефѳая[2]), и дары Авеля не презрѣвшій[3]), ради отрока своего Самуила явившій матерь его, Анну, пророчицей[4]), Ты, Господи мой, Господи! Меня ради, раба Твоего, прими душу доброй моей матери; помяни ея болѣзни и труды, принятые ради меня; помяни ея сокрушеніе и слезы, которыя она пролила, когда я укрылся отъ нея къ Тебѣ. Помяни грудь ея, которой она меня вскормила, надѣясь имѣть отъ меня помощь и утѣшеніе и не получивъ того, на что надѣялась. Не забудь, Владыко, ея сердечныя рыданія, причиненыя мною, когда я оставилъ ее Тебя ради. Вспомяни, сколько ночей не приходилъ сонъ на ея глаза отъ постоянной мысли о своемъ сиротствѣ и моей юности. О, какъ сокрушалась она сердцемъ, глядя на мои одежды, въ которыя уже не облекалось ея драгоцѣнное сокровище! Помяни, сколькихъ радостей и веселія лишилъ я ее моимъ отъ нея удаленіемъ, чтобы служить Тебѣ, моему и ея Владыкѣ и Богу! Дай ей Ангела Твоего хранителя сильнаго, который избавитъ душу ея отъ хитрыхъ и немилостивыхъ воздушныхъ духовъ, желающихъ всѣхъ погубить[5]). Повели, Боже мой, разлучиться душѣ ея отъ тѣла безъ

---

[1]) Кн. Быт., гл. 22.

[2]) Кн. Суд., гл. 11.

[3]) Кн. Быт., гл. 4.

[4]) 1 Кн. Царств., гл. 1—2.

[5]) Т. е. проведетъ душу его матери невредимою среди *мытарствъ*. *Мытарства*— нѣчто въ родѣ заставъ или таможенъ, которыя встрѣчаютъ на своемъ пути души умершихъ людей, возносясь къ Престолу Небеснаго Судіи. При нихъ стоятъ духи злобы и взимаютъ со всякой души, повинной въ извѣстномъ грѣхѣ, своего рода пошлину или выкупъ, состоящій въ поставленіи имъ на видъ противоположнаго этому грѣху добраго дѣла. Названіе *мытарства* и *мытари* заимствованы изъ исторіи еврейской. *Мытарями* у Евреевъ назывались лица, назначаемыя Римлянами для сбора податей. Они, обыкновенно, брали на откупъ собираніе этихъ пошлинъ и употребляли всевозможныя мѣры, не пренебрегая даже истязаніями, чтобы извлечь для себя наибольшія выгоды. Мытари стояли при особыхъ таможняхъ или заставахъ, собирая съ провозимыхъ товаровъ пошлины. Заставы эти назывались мытницами, мытарствами. Христіанскіе писатели это названіе перенесли и на мѣста воздушныхъ истязаній, при которыхъ восходящіе къ Престолу Небеснаго Судіи души задерживались злыми духами, старающимися уличить ихъ во всевозможныхъ грѣхахъ и черезъ это низвести во адъ. Сущность ученія о мытарствахъ заключена въ словѣ св. Кирилла Александрійскаго († 444 г.) о *исходѣ души*, помѣщаемомъ обыкновенно въ Слѣдованной Псалтири.— «При разлученіи души съ тѣломъ,— говорится здѣсь,— предстаютъ предъ нами, съ одной стороны, Воинства и Силы Небесныя,

болѣзни и страха и, какъ Благій, прости ей всѣ согрѣшенія, которыя она содѣлала въ сей жизни. Ей, Боже правосудный! не переведи ее изъ печали въ печаль, изъ бѣды въ бѣду и отъ сокрушеній къ сокрушеніямъ, но вмѣсто печали, какою она скорбѣла обо мнѣ, единственномъ сынѣ своемъ, подай ей радость и вмѣсто горя веселіе, приготовленное, Боже мой, для святыхъ Твоихъ.

Молился съ нимъ вмѣстѣ и Іоаннъ о душѣ преставившейся. И, поднявшись съ молитвы, утѣшалъ Іоаннъ Симеона:

— Вотъ, братъ, Богъ услышалъ твои молитвы и взялъ къ Себѣ матерь твою; потрудись же еще со мной, и оба помолимъ Господа, да покажетъ Свою милость и бывшей моей женѣ, да или приведетъ ее къ иночеству, или возьметъ къ Себѣ отъ этого міра.

И оба о томъ молились.

Прошло немного времени, и Іоаннъ, находясь въ восторгѣ, увидѣлъ свою жену, сидящей въ своемъ домѣ: пришла къ ней Симеонова мать, взяла ее за руки и говоритъ:

— Встань, сестра моя, и пойдемъ ко мнѣ, ибо украшенный домъ далъ мнѣ Царь, Который сдѣлалъ сына моего вмѣстѣ съ твоимъ мужемъ Своими воинами; перемѣни свои одежды и облекись въ чистыя.

И тотчасъ она, вставъ, перемѣнила одежды и пошла вслѣдъ

съ другой,—власти тьмы, воздушные мытареначальники, обличители нашихъ дѣлъ. Узрѣвъ ихъ, душа содрогнется, вострепещетъ и, въ смятеніи и ужасѣ, будетъ искать себѣ защиты у Ангеловъ Божіихъ; но и будучи припята Ангелами и подъ кровомъ ихъ протекая воздушное пространство и возносясь на высоту, она встрѣтитъ различныя мытарства, кои будутъ преграждать ей путь въ Царствіе Небесное, будутъ останавливать и удерживать ея стремленіе къ нему. На каждомъ изъ этихъ мытарствъ потребуется отчетъ въ особенныхъ грѣхахъ... Каждая страсть, всякій грѣхъ будутъ имѣть своихъ мытарей и истязателей. При томъ будутъ присутствовать и божественныя силы, и сонмъ нечистыхъ духовъ; и какъ первыя будутъ указывать на добродѣтели души, такъ вторые—обличать ея грѣхи... И если за благочестивую и богоугодную жизнь свою она окажется достойною (награды), то ее воспріимутъ Ангелы, и тогда она уже небоязненно потечетъ къ Царствію. Напротивъ, если окажется, что она проводила жизнь въ нерадѣніи и невоздержаніи, то услышитъ оный страшный гласъ: *да возмется нечестивый, да не видитъ славы Господней* (Ис. **26**. 10); тогда оставятъ ее Ангелы Божіи и возьмутъ страшные демоны, и душа, связанная неразрѣшимыми узами, низвергнется въ темницы адскія». Такимъ образомъ, мытарства суть не что иное, какъ *частный судъ*, который совершаетъ надъ человѣческими душами невидимо Самъ Господь при посредствѣ Ангеловъ, допуская къ тому и *клеветниковъ братіи нашея* (Апок. **12**, 10), злыхъ духовъ,—судъ, на которомъ припоминаются душѣ и безпристрастно оцѣниваются всѣ ея дѣла и послѣ котораго опредѣляется извѣстная участь. Судъ этотъ называется *частнымъ* въ отличіе отъ всеобщаго, который будетъ совершенъ надъ всѣми людьми, при кончинѣ міра, когда Сынъ Божій снова пріидетъ на землю, но уже въ Славѣ Своей.

за ней. Изъ этого видѣнія понялъ Іоаннъ, что умерла жена его и вмѣстѣ съ матерію Симеона поселилась въ мѣстѣ праведныхъ, и сильно возрадовался. Съ этого времени оба стали безпечальны и пробыли въ пустынѣ, живя вмѣстѣ, претерпѣвая всякое злостраданіе, 29 лѣтъ, мужественно борясь съ невидимыми врагами и, по Божіей благодати, побѣждая ихъ и прогоняя. А особенно Симеонъ въ столь великое пришелъ безстрастіе, что тѣло его стало какъ будто безчувственное дерево, не ощущающее никакого сильнаго желанія, такъ какъ всѣ члены его были умерщвлены.

Однажды Симеонъ сказалъ Іоанну:

— Нѣтъ больше намъ, братъ, нужды оставаться въ пустынѣ, но, послушай меня, пойдемъ, послужимъ спасенію другихъ: здѣсь мы только себѣ помогаемъ, а награды за помощь другимъ не имѣемъ. Не Апостолъ ли говоритъ: «никто́же своегѡ̀ сѝ да и҆́щетъ, но є҆́же бли́жнѧгѡ кі́йждо, еще: всѣ́мъ ᲂу҆гожда́ю, не и҆скі́й своеѧ̀ по́льзы, но мно́гихъ, да сп҃сꙋ́тсѧ[1]). И еще: бы́хъ всѣ́мъ всѧ̑, да всѧ́кѡ нѣ́кі́ѧ сп҃сꙋ» [2]).

Сказалъ ему на это Іоаннъ:

— Думаю, братъ, что сатана, возненавидѣвъ наше уединеніе, внушилъ тебѣ такую мысль, но воспротивься ему и останься здѣсь, дабы подвигъ нашъ, который мы здѣсь начали и на который мы призваны Богомъ, мы и окончили въ этой пустынѣ.

Симеонъ возразилъ ему на это:

— Повѣрь мнѣ, братъ, что я здѣсь болѣе не останусь, но по силѣ Христовой иду и поглумлюся надъ міромъ.

Іоаннъ сталъ говорить ему:

— Я еще не достигъ такого совершенства, чтобы могъ глумиться надъ міромъ; боюсь, чтобы какъ-нибудь онъ не посрамилъ меня и не лишилъ меня благодати Божіей. Умоляю тебя, добрый мой братъ, ради Господа, соединившаго насъ, не оставь меня, смиреннаго, не отлучайся отъ своего брата; ты знаешь, что послѣ Бога я не имѣю никого, кромѣ тебя одного, братъ мой; отъ всѣхъ отказался и привязался къ тебѣ одному. А ты хочешь теперь, какъ въ морѣ, оставить меня въ этой пустынѣ одного. Вспомни день, когда мы бросили жребій и пошли вмѣстѣ служить Господу и обѣщали не разлучаться другъ съ другомъ. Вспомни тотъ часъ, когда преподобный отецъ нашъ Никонъ облекъ насъ въ святой

1) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 10, ст. 24 и 33.
2) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 9, ст. 22.

великій ангельскій образъ, и были мы оба какъ одна душа, и всѣ дивились любви нашей. Не забудь словъ великаго старца, которыми онъ насъ утѣшалъ и увѣщевалъ ночью, когда мы выходили изъ монастыря; не оставляй меня, братъ, молю тебя, чтобы какъ-нибудь не погибъ одинъ безъ тебя, и Богъ взыщетъ съ тебя за мою душу.

Симеонъ вразумлялъ его:

— Считай меня, что я умеръ;—въ самомъ дѣлѣ, если бы я умеръ, не оставался ли бы ты одинъ? Повѣрь же, что если пойдешь со мною, поступишь хорошо; если не пойдешь, — твоя воля; я же все равно здѣсь не останусь, но иду, куда велитъ мнѣ Богъ.

Іоаннъ понялъ, что это отъ Бога внушеніе его брату, чтобы шелъ изъ пустыни въ міръ, и не сталъ больше ему прекословить. Сокрушаясь же о разлученіи своемъ съ братомъ, такъ сказалъ ему:

— Смотри, возлюбленный Симеонъ, чтобы собранное въ пустынѣ не разсыпалъ міръ, и что преуспѣлъ, благодаря молчанію, то пусть не повредится отъ мірской молвы; да не погубитъ сонъ твоихъ всенощныхъ бодрствованій и мірскія утѣхи да не разсѣютъ иноческаго созерцанія. Берегись, чтобы видъ женщинъ, отъ коихъ Богъ сохранилъ тебя до нынѣшняго дня, не погубилъ твоего цѣломудрія и страсть къ собиранію имущества не похитила твоей пустынной нестяжательности,—чтобы посты твои не порушились вкушеніемъ многоразличныхъ снѣдей и чтобы не уничтожились плачъ твой отъ смѣха, а молитва—отъ лѣности. Если ты и получилъ, возлюбленный, отъ Бога такую силу, что можешь невредимо для спасенія твоего пребывать въ мірѣ, среди людей, все-таки храни бережно сердце твое отъ того, что будешь дѣлать передъ людьми тѣломъ; въ томъ пусть не принимаетъ участія воля, пусть не прикоснется душа твоя къ тому, къ чему прикоснется рука, и сердце не будетъ имѣть удовольствія отъ того, что будутъ вкушать уста, и вмѣстѣ съ выступающими ногами да не возмутится внутренній покой, и все творимое внѣ да не ощутится внутри, и твой умъ пусть сохранится безмятежнымъ. Я радуюсь о твоемъ спасеніи, только ты молись обо мнѣ Богу, чтобы не разлучилъ Онъ насъ въ будущемъ вѣкѣ другъ отъ друга.

— Не бойся, любезный братъ мой Іоаннъ,—отвѣчалъ ему на это Симеонъ,—что я хочу дѣлать, то не по моей волѣ, а по Божіему

хотѣнію, и ты узнаешь, что мое дѣло угодно Богу, изъ того, что приду къ тебѣ до своей смерти и привѣтствую тебя, и позову тебя съ собою, и черезъ немного дней пойдешь за мною.

Побесѣдовавъ такъ, оба стали на молитву и долго молились со многими слезами. Потомъ, нѣсколько разъ обнявъ другъ друга и облобызавъ уста и грудь, отпустилъ Іоаннъ Симеона, далеко проводивъ его: не хотѣлось ему разлучаться съ нимъ. И каждый разъ, какъ говорилъ ему Симеонъ:

— Возвратись ужъ, братъ Іоаннъ,—

слова эти были для него какъ острый мечъ, отдѣляющій душу отъ тѣла. Въ концѣ концовъ, облобызавъ другъ друга, они разстались: Симеонъ пошелъ въ міръ, а Іоаннъ возвратился въ пустыню, проливая слезы.

Вышедъ изъ пустыни, блаженный Симеонъ пошелъ въ Святой Градъ Іерусалимъ: ибо сильно желалъ видѣть Святыя мѣста, которыхъ не видалъ столько лѣтъ, и, дойдя до святой Голгоѳы[1]), оставался тамъ 3 дня, приходя и поклоняясь Честному и Животворящему Кресту и Святому Гробу Господню[2]). Прилежно онъ молился Богу, чтобы Господь скрылъ дѣла его передъ людьми, пока не преставится изъ здѣшняго міра, чтобы тѣмъ избѣжать пустой славы и гордости, которая погубила и низвергла даже Ангеловъ съ Неба, но пусть всѣ принимаютъ его за безумнаго и несмысленнаго и да получитъ просимое. Господь слушаетъ молитвы истинныхъ рабовъ Своихъ и внимаетъ прошенію ихъ.

И сколько, послѣ того, творилъ чудесъ угодникъ Божій: бѣсовъ изгонялъ, будущее предсказывалъ, болѣзни всякія исцѣлялъ, отъ скоропостижной смерти избавлялъ, невѣрныхъ приводилъ къ вѣрѣ, грѣшныхъ убѣждалъ къ покаянію; тѣмъ не менѣе люди не

---

[1]) *Голгоѳа*—лобное мѣсто, или холмъ, на которомъ былъ распятъ Господь Іисусъ Христосъ. Еврейское *гулголетъ*,—откуда наше Голгоѳа,—означаетъ лобъ, черепъ; вѣроятно, холмъ такъ назывался за свою лобообразную форму. Древнее глубокознаменательное преданіе объясняетъ это названіе тѣмъ, что здѣсь былъ погребенъ Адамъ, такъ что крестъ Христовъ былъ воздвигнутъ надъ головой покоющагося праотца рода человѣческаго. Во время смерти Господа Іисуса холмъ находился еще внѣ Іерусалима (Еванг. отъ Матѳ., 27, 33; 28, 11; Посл. къ Евр., 13, 12 и дал.). Возстановленный послѣ своего разрушенія Іерусалимъ распространился главнымъ образомъ на сѣверъ и сѣверо-западъ, такъ что Голгоѳа оказалась почти въ серединѣ западной части новаго Іерусалима. И теперь показываютъ разсѣлину въ скалѣ т. н. Голгоѳской горы, произведенную землетрясеніемъ въ моментъ смерти Христа Спасителя (Еванг. отъ Мѳ., 27, 51). Св. Кириллъ Іерусалимскій говорилъ (около 350 года): «Эта св. Голгоѳа, видимо и доселѣ возвышающаяся, служитъ до настоящаго времени свидѣтельствомъ того, что въ моментъ, когда умеръ Господь, разсѣлась скала.

[2]) См. стр. 516 примѣч. 2-ое.

могли узнать всей его святости, такъ какъ Богъ скрывалъ ее отъ нихъ, но даже до самой смерти считали его юродивымъ и бѣсноватымъ. Онъ и самъ умѣлъ свои чудесныя дѣла, совершаемыя по Божіей благодати, скрывать извнѣ являемымъ юродствомъ, какъ покажетъ это послѣдующій разсказъ. Пусть не соблазнится кто-либо, читая про нѣкоторыя странныя и вызывающія смѣхъ дѣйствія, которыя святый Симеонъ творилъ въ притворномъ юродствѣ, глумясь надъ пустымъ и горделивымъ міромъ, но обсудитъ каждый слова апостольскія: хотѧ́й мꙋ́дръ бы́ти въ вѣ́цѣ се́мъ, бꙋ́й да бы-ва́етъ[1]). И еще: мы̀ бꙋ́и хр҃та̀ ра́ди: занѐ бꙋ́ее бж҃їе, премꙋ́дрѣе человѣ́къ є҆́сть[2]). Изъ Іерусалима пошелъ преподобный Симеонъ въ городъ Эмессу и тамъ началъ свое Христа ради юродствованіе: подходя къ городу, увидѣлъ на сорной кучѣ дохлаго пса; снявъ свой поясъ, онъ привязалъ пса за ногу и повлекъ его въ городъ, быстро прошелъ черезъ ворота и тащилъ по улицамъ. Собралось множество дѣтей, которые бѣжали за нимъ съ крикомъ:

— Монахъ юродивый, монахъ юродивый!

И бросали въ него камнями, и били палками. А утромъ въ воскресенье онъ вошелъ въ церковь при началѣ Литургіи, имѣя за пазухой орѣхи. Прежде всего Симеонъ началъ гасить свѣчи, а когда хотѣли его выгнать, онъ, вскочивъ на амвонъ, бросалъ орѣхи въ женщинъ, и едва съ большимъ трудомъ могли изгнать его изъ храма. Онъ же, убѣгая, опрокинулъ продаваемые хлѣбы, и такъ сильно былъ избитъ хлѣботорговцами, что едва остался живъ. Послѣ того одинъ харчевникъ, продавецъ съѣстныхъ предметовъ и сочива, нечестивецъ, державшійся Севировой ереси[3]), увидавъ блаженнаго старца и не подозрѣвая его юродства, обратился къ нему со словами:

---

[1]) «Никто,—говоритъ св. Ап. Павелъ въ 1 Посланіи къ Коринѳянамъ,—не обольщай самого себя. Если кто изъ васъ думаетъ быть мудрымъ въ вѣкѣ семъ, тотъ будь безумнымъ, чтобы быть мудрымъ. Ибо мудрость міра сего есть безуміе предъ Богомъ» (гл. 3. ст. 18—19). *Юродство* и есть такой подвигъ, въ которомъ человѣкъ, исполненный истинной христіанской мудрости, показываетъ себя по своему глубокому смиренію по наружнымъ поступкамъ безумнымъ.

[2]) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 4, ст. 10 и гл. 1, ст. 25.

[3]) *Северъ*—Патріархъ Антіохійскій (512—518 гг.), видный и горячій приверженецъ монофизитской ереси, состоящей въ утвержденіи, что Господь Іисусъ Христосъ, хотя рожденъ изъ *двухъ природъ*, или естествъ, но *не въ двухъ* пребываетъ, такъ какъ при воплощеніи Сына Божія человѣческая природа, воспринятая Богомъ Словомъ, стала только принадлежностью Его Божества, утратила свою дѣйствительность и лишь мысленно можетъ отдѣляться отъ нея.

— Что бродишь, старецъ? Поди ко мнѣ и продавай сочиво, бобы, крупу и прочую снѣдь.

Онъ тотчасъ согласился и, сѣвши въ каморкѣ того человѣка, началъ даромъ раздавать припасы приходящимъ нищимъ, и самъ ихъ ѣлъ, потому что не вкушалъ пищи цѣлую недѣлю. И когда все роздалъ и ничего не собралъ денегъ, то человѣкъ тотъ началъ сильно бить его, и вырвалъ у него бороду, и выгналъ изъ своего дома; но старецъ, не уходя, сѣлъ у воротъ. Черезъ часъ, услышавъ, что жена харчевника потребовала горячихъ углей, чтобы возжечь ѳиміамъ, побѣжалъ къ печи, и, не найдя совка, взялъ горстями горячія уголья, и принесъ къ госпожѣ, чтобы положила ладанъ для кажденія. Увидавъ это, она ужаснулась и закричала на него:

— Что ты дѣлаешь? Зачѣмъ ты сжигаешь руки свои?

А онъ, переложивъ огонь въ свою одежду, сказалъ:

— Если не угодно тебѣ, чтобы я кадилъ руками, то буду кадить одеждою.

И, положивъ ладанъ, кадилъ, пока не угасли угли. Видя руки и одежду его невредимыми отъ огня, мужъ и жена сильно изумились и присоединились потомъ къ Каѳолической Церкви, а старца стали почитать святымъ: но онъ бѣжалъ изъ того дома и не вернулся, пока то чудо не пришло въ забвеніе.

Когда онъ юродствовалъ въ городѣ, одинъ содержатель корчмы взялъ его къ себѣ и держалъ его, какъ раба. Былъ же онъ нрава жестокаго и немилосердаго и рѣдко когда давалъ старцу пищи, хотя ради него и получалъ много прибыли, такъ какъ горожане говорили, глумясь:

— Пойдемъ пить въ корчму, гдѣ юродивый.

Старецъ своимъ юродствомъ веселилъ пившихъ. Однажды приползъ змѣй, пилъ вино изъ сосуда и, выпустивъ въ него ядъ, уползъ. Никого не было тогда въ комнатѣ, и юродивый былъ внѣ дома, кривляясь среди народа и пляша подъ игру бубна. Спустя нѣсколько времени, онъ вошелъ въ домъ и увидѣлъ надъ сосудомъ никому не видимое написанное слово: «Смерть».

Понявъ случившееся, старецъ взялъ палку и разбилъ сосудъ, полный виномъ, и вино пролилось. Въ ту минуту пришелъ корчемникъ и, увидѣвъ, что старецъ разбилъ сосудъ, схватилъ ту же палку и билъ его безъ милосердія, пока не усталъ самъ,

и выгналъ его изъ дома. Наутро старецъ опять пришелъ въ корчму и какъ бы прятался отъ своего господина. И опять приползъ змѣй, сталъ пить вино изъ другого сосуда; увидавъ это, корчемникъ схватилъ палку и, думая убить змѣя, ударилъ по сосуду; змѣй уползъ, а сосудъ разбился, и вино пролилось; не только сосудъ тотъ, но и стаканы, стоявшіе поблизости отъ него, разбились. Старецъ же, стоя позади, вскричалъ:

– Видишь, что не я одинъ, безумный, разбиваю сосуды, но и ты то же дѣлаешь.

Тогда корчемникъ, понявъ, почему Симеонъ разбилъ вчера сосудъ съ виномъ, раскаялся, что безвинно билъ жестоко Симеона, и сталъ почитать его какъ святаго. Старецъ же, не желая себѣ почитанія, а желая безчестія и поруганія и мудро прикрывая видомъ юродства свое ангельское во плоти житіе, сдѣлалъ слѣдующую вещь: въ одинъ день, когда жена корчемника одна почивала въ своей комнатѣ, а мужъ ея продавалъ вино, пришелъ къ ней старецъ и началъ снимать съ себя одежды, дѣлая видъ, что хочетъ лечь съ ней. Она, видя то, закричала, и прибѣжалъ корчемникъ, которому жена сказала:

— Выгоните этого проклятаго юрода, потому что онъ хочетъ меня насиловать.

Мужъ подвергъ старца заушенію и выгналъ его вонъ на стужу: былъ сильный холодъ и дождь, и сѣлъ старецъ внѣ дома, терпя холодъ въ одной ветхой и разорванной одеждѣ. Съ тѣхъ поръ не только самъ корчемникъ не считалъ его за святаго, но и другимъ, если кто говорилъ, что Симеонъ юродствуетъ Христа ради, съ клятвою утверждалъ:

— Поистинѣ, бѣсноватый и помѣшанный онъ, къ тому же и блудникъ: хотѣлъ жену мою насиловать, и мясо ѣстъ и другія неподобныя дѣла творитъ, какъ не знающій Бога.

Ибо преподобный много разъ, послѣ 7-дневнаго голоданія, при всѣхъ ѣлъ мясо—нарочно для того, чтобы не только юродивымъ, но и грѣшникомъ всѣ считали его. Для большаго же обнаруженія своего мнимаго безумія, отлагая человѣческій стыдъ, много разъ ходилъ онъ по базару нагой, какъ бы безплотный, истинный подражатель безплотнымъ. Діаконъ, служившій при церкви въ томъ городѣ, по имени Іоаннъ, мужъ добродѣтельный и богоугодный, хорошо зная притворное, ради Христа, юродствованіе Симеона, увидавъ однажды старца не то отъ голоданія, не

то отъ тягостей, подъемлемыхъ при юродствованіи, сильно ослабѣвшаго тѣломъ, и, желая его, какъ бы шуткой, вымыть, спросилъ:

— Пойдешь въ баню вымыться, юродивый?

А тотъ, засмѣявшись, сказалъ:

— Пойду, пойду.

И тотчасъ снявъ съ себя рубище и свивъ его, положилъ себѣ на голову. И сказалъ ему діаконъ:

— Одѣнься, братъ, ибо если идешь нагой, я не иду съ тобой.

Старецъ отвѣчалъ ему:

— Я дѣло прежде самого дѣла сдѣлалъ, и если не хочешь со мной идти, то предупрежу тебя.

Съ этими словами побѣжалъ впередъ. Было же 2 бани: одна—мужская, другая—женская; онъ, оставляя въ сторонѣ мужскую, пошелъ къ женской. Діаконъ же, настигнувъ его, закричалъ:

— Постой, юродивый, не ходи туда; ибо то женская баня.

Обратившись къ нему, Симеонъ сказалъ:

— Все равно—тамъ горячая и холодная вода, и тутъ горячая и холодная, другого особеннаго ничего нѣтъ ни тамъ, ни здѣсь.

Съ этими словами устремился впередъ и, голый, вошелъ въ баню, и сѣлъ среди женщинъ. Тѣ тотчасъ всѣ на него бросились, били его и выгнали отъ себя. Послѣ того діаконъ, особенно наединѣ, спросилъ святаго:

— Отче, какъ чувствовала себя твоя плоть, когда ты, голый, вошелъ къ нагимъ женщинамъ?

Старецъ отвѣчалъ:

— Повѣрь мнѣ, братъ, что все равно, какъ дерево среди деревъ, такъ и я былъ среди нихъ, не ощущая, что имѣю тѣло, не думая, что среди тѣлесныхъ существъ нахожусь, но вся моя мысль была устремлена на Божіе дѣло.

Такое безстрастіе своего умерщвленнаго тѣла открылъ блаженный тому діакону, отъ котораго не таилъ и всего житія своего, видя въ немъ истиннаго раба Божія. И стала между ними обоими дружественная любовь о Христѣ, и знали они богоугодныя дѣла другъ друга.

Юродствуя, преподобный Симеонъ не себя одного, но и другихъ спасалъ: многихъ грѣшниковъ приводилъ къ покаянію, наставляя словами и дѣломъ. Одинъ юноша впалъ въ грѣхъ прелюбодѣянія и тотчасъ, по Божію наказанію, преданъ былъ въ

изможденіе плоти сатанѣ[1]) и мучимъ былъ отъ нечистаго духа. Увидавъ это, старецъ ударилъ его по щекѣ и сказалъ на ухо:

— Не прелюбодѣйствуй.

И тотчасъ вышелъ изъ него бѣсъ, и сталъ здоровъ юноша. Спрашивающимъ, какъ онъ исцѣлился, разсказывалъ:

— Я видѣлъ старца съ деревяннымъ крестомъ въ рукѣ, который прогналъ отъ меня чернаго страшнаго пса ударами креста, и я сталъ здоровъ.

Не могъ онъ открыть, что Симеонъ юродивый исцѣлилъ его, потому что Богъ удерживалъ языкъ его даже до самой смерти Симеоновой. Былъ одинъ комедіантъ, по площадямъ разыгрывавшій смѣшныя дѣйства, по имени Псифасъ. Когда онъ выполнялъ передъ народомъ обычное свое дѣло, пришелъ туда Симеонъ и, видя комедіанта, прозрѣлъ нѣкоторую добродѣтель въ его жизни и, желая отвлечь его отъ явно совершаемаго неблагоугоднаго дѣла, взялъ очень маленькій камень, и, сдѣлавъ крестное знаменіе, бросилъ въ него и попалъ ему въ правую руку, и тотчасъ засохла рука у того—и никакъ не могли узнать, кто бросилъ камень. И ушелъ комедіантъ боленъ и унылъ. Во снѣ явился ему преподобный со словами:

— Вотъ, я бросилъ въ тебя камнемъ, и если не покаешься и не поклянешься мнѣ, что не будешь больше заниматься тѣмъ смѣхотворнымъ искусствомъ, не исцѣлѣешь.

Тотъ поклялся ему Пречистою Дѣвою Богородицею, что не будетъ больше показывать тѣхъ игръ, и, вставъ, почувствовалъ себя здоровымъ, и рука его выздоровѣла, но не могъ назвать своего исцѣлителя, а только твердилъ, что какой-то монахъ съ вѣнцомъ изъ финиковыхъ вѣтвей на головѣ исцѣлилъ его.

Провидѣлъ же и будущее преподобный и прикровенно для другихъ предсказывалъ его. За нѣсколько дней предъ великимъ землетрясеніемъ въ царство Маврикія[2]), отъ котораго (землетрясенія) пала Антіохія[3]) и разрушились многія каменныя зданія въ Эмессѣ,

---

[1]) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 5, ст. 5.

[2]) *Св. Маврикій*—императоръ въ 582—602 гг.

[3]) *Городъ Антіохія* для Христіанской Церкви имѣетъ особенно важное значеніе какъ второе послѣ Іерусалима великое средоточіе Христіанства и какъ первая Христіанская Церковь изъ язычниковъ. Антіохія основана была за 300 лѣтъ до Рождества Христова Сирійскимъ царемъ Селевкомъ Никаторомъ, который основалъ и еще болѣе десяти городовъ съ именемъ Антіохіи, чѣмъ онъ желалъ увѣковѣчить имя отца своего Антіоха. А эта столичная Антіохія, для отличія ея отъ прочихъ, называлась Антіохія Епидафна, т. е. близъ храма и рощи Дафны; она также отличалась названіемъ Антіохія

старецъ, юродствуя, похитилъ изъ училища плетеный ременный бичъ и, бѣгая по городу, ударялъ по каменнымъ столбамъ, которыми поддерживались зданія, и передъ нѣкоторыми столбами приговаривалъ:

— Господь повелѣваетъ тебѣ стоять крѣпко.

А передъ однимъ:

— Ты ни стой, ни падай.

И, когда было землетрясеніе, всѣ столбы, которымъ святый, ударяя, приказывалъ стоять, остались цѣлы и невредимы; другіе упали и съ домами, державшимися за нихъ, и въ прахъ разбились. А тотъ столбъ, которому святый сказалъ «не стой, не падай» разсѣлся пополамъ, сверху донизу, и стоялъ, нѣсколько наклонившись. Когда святый, ударяя по столбамъ, приказывалъ имъ стоять, многіе думали, что это онъ дѣлаетъ въ неистовствѣ, а когда увидѣли, что они цѣлы и невредимы стоятъ послѣ землетрясенія, многіе тутъ поняли, что то было пророческое предзнаменованіе юродиваго о землетрясеніи. Также, когда долженъ былъ случиться моръ, приходилъ святый въ училища, цѣловалъ дѣтей, какъ бы смѣясь, говоря каждому:

— Иди, о добрый мой! иди, о прекрасный мой!

Не всѣхъ же дѣтей цѣловалъ, но тѣхъ, на которыхъ указывала благодать Божія. А учителю сказалъ:

на Оронтѣ, по имени рѣки, на берегу которой она находилась верстахъ въ 10 отъ впаденія въ Средиземное море. Цари Сирійскіе и императоры Римскіе очень заботились объ украшеніи этой Антіохіи, такъ что она поражала великолѣпіемъ и роскошнымъ блескомъ своихъ построекъ, которыя отъ востока къ западу, на протяженіи 15 верстъ, пересѣкала аллея, украшенная двумя рядами колоннъ, представлявшихъ крытый ходъ по обѣимъ сторонамъ открытой вымощенной дороги... Населеніе было смѣшанное; были и іудеи; жизнь велась веселая, оживленная; поэты, риторы, философы, ученые, гадатели щедро предлагали тамъ свои умственые труды,—вообще культура языческая процвѣтала, но извращенная. Въ самомъ началѣ своего появленія христіанство озарило Антіохію божественнымъ свѣтомъ своего ученія,—тамъ нашли убѣжище тѣ первые христіане, которые, послѣ убіенія архидіакона Стефана, избѣгая его участи, должны были скрыться изъ Іерусалима, и начатая ими проповѣдь въ Антіохіи признана была столь потребною, что Іерусалимскою Церковью поручено было Апостоламъ Варнавѣ съ Павломъ утвердить тамъ вѣру; они «научили немалое число людей, и ученики въ Антіохіи стали называться *христіанами*» (Дѣян., 11, 20—26). Въ Антіохіи же возникла первая христіанская миссія; Ап. Павелъ отсюда совершалъ свои миссіонерскія путешествія; Церковью управлялъ въ Антіохіи еще и Ап. Петръ. А послѣ паденія Іерусалима Антіохія заняла первое мѣсто въ Азійской Церкви, и значеніе ея равнялось съ Римомъ, Константинополемъ и Александріею. Въ Антіохіи процвѣтала знаменитая богословская школа, давшая многихъ выдающихся учителей Церкви; тамъ же происходило много Соборовъ пастырей Церкви во времена еретическихъ распрей. Въ XIII в. Антіохія была совсѣмъ разрушена египетскимъ султаномъ, и теперь на ея мѣстѣ находится жалкій греческій городокъ Антакія. Но и въ настоящее время Антіохійскій Патріархъ занимаетъ важное, третье мѣсто среди патріарховъ Восточной Церкви и носитъ титулъ «Патріарха *всего* Востока».

— Такъ, братъ, ради Бога, не бей тѣхъ дѣтей, которыхъ я цѣлую, потому что имъ нужно идти въ далекій путь.

Учитель же надругался надъ нимъ: то самъ билъ его, то дѣтямъ приказывалъ бить его, и привязывали старца къ столбу, и били. А когда, по Божію попущенію, пришелъ на городъ моръ, въ живыхъ не остался ни одинъ изъ тѣхъ дѣтей, которыхъ лобызалъ святый, но всѣ перемерли. И тогда поняли его пророчество.

Старецъ имѣлъ обычай входить въ дома богатыхъ и играть юродствуя, причемъ онъ неоднократно лобызалъ ихъ рабынь передъ всѣми. Случилось одной рабынѣ знаменитаго гражданина согрѣшить съ однимъ юношей и зачать отъ него; когда же дознано было, что она беременна, и госпожа спрашивала ее, съ кѣмъ она согрѣшила, не хотѣла рабыня объявить своего соблазнителя, но сказала, что чернецъ юродивый изнасиловалъ ее. Когда старецъ, по обычаю, пришелъ въ тотъ домъ, госпожа сказала ему:

— Хорошо ли ты поступилъ, Симеонъ, что изнасиловалъ мою рабыню, которая даже беременна отъ тебя?!

Старецъ же посмѣялся ей:

— Не заботься теперь, не заботься, пока она не родитъ, и будешь имѣть маленькаго Симеона.

Съ того дня началъ старецъ звать ту рабыню своею женой и постоянно приходилъ къ ней, принося ей чистаго хлѣба, мяса и рыбы, приговаривая:

— Ѣшь, жена моя, ѣшь.

Когда же пришло время родовъ, разболѣлась та женщина и 3 дня не могла родить, и приблизилась къ смерти. Госпожа ея обратилась къ святому, прося его:

— Помолись, старецъ, Богу, потому что жена твоя не можетъ родить.

А онъ, играя и ударяя въ ладоши, прибавилъ:

— Клянусь Іисусомъ, клянусь Іисусомъ, не родится у нея ребенокъ, пока не признается, кто его отецъ.

Слыша это, мучащаяся родами открыла правду, что оболгала неповиннаго инока, и назвала своего соблазнителя, съ которымъ согрѣшила. Тогда родила ребенка, и начали старца считать святымъ; а другіе говорили, что онъ волхвуетъ дѣйствіемъ сатаны: ибо юродивъ и бѣсноватый.

Также святый прозрѣвалъ и тайныя помышленія человѣческихъ сердецъ, что ясно изъ слѣдующаго: близъ города былъ монастырь,

гдѣ два отца въ бесѣдахъ производили изслѣдованіе объ Оригенѣ, почему такой мудрецъ уклонился въ ересь[1]). Одинъ утверждалъ, что Оригенова мудрость не отъ Бога, а отъ ученія и чтенія многихъ книгъ, а другой,—что невозможно человѣку, безъ благодати Божіей, говорить и писать такъ, что иное и до сего времени принимается православными. Такъ, послѣ долгихъ словопреній и несогласій, порѣшили они другъ съ другомъ:

— Слышно, что пустыня Іорданская имѣетъ великихъ святыхъ отцевъ, умудренныхъ Богомъ; итакъ, пойдемъ туда, не найдемъ ли тамъ, кто бы разрѣшилъ наше сомнѣніе.

Такъ порѣшивъ, пошли сначала въ Святой Градъ Іерусалимъ и, поклонившись Святымъ мѣстамъ, отправились въ пустыню Мертваго моря и, по устроенію Бога, не презрѣвшаго ихъ трудовъ, обрѣли преподобнаго Іоанна, который былъ другомъ и сопостникомъ Симеона. Пришелъ въ то время уже и Іоаннъ въ совер-

---

[1]) *Оригенъ*—знаменитый учитель Александрійской Церкви, чудо своего вѣка по уму и глубинѣ учености. Многіе замѣчательнѣйшіе изъ Отцевъ Церкви съ глубокимъ уваженіемъ относились къ богословскимъ трудамъ и заслугамъ Оригена; но впослѣдствіи онъ, еще при жизни, былъ осужденъ какъ еретикъ на двухъ мѣстныхъ Александрійскихъ Соборахъ и по кончинѣ—на Константинопольскомъ Соборѣ 543 г. Не высказывая своихъ неправославныхъ мнѣній въ качествѣ непреложныхъ истинъ, Оригенъ, тѣмъ не менѣе, неправо мыслилъ о многихъ истинахъ вѣроученія Христіанской Церкви, почему нѣкоторые считали сомнительною твердость его въ главнѣйшихъ христіанскихъ догматахъ. Развивая неправославное ученіе о предсуществованіи душъ, онъ неправо мыслилъ о Христѣ, полагая, что Богъ создалъ опредѣленное число духовныхъ существъ равнаго достоинства, способныхъ уразумѣвать Божество и уподобляться Ему; одинъ изъ этихъ сотворенныхъ духовъ съ такою пламенною любовью устремился къ Божеству, что неразрывно соединился съ Божественнымъ Словомъ или сталъ Его тварнымъ носителемъ; это, по мнѣнію Оригена, и есть та человѣческая душа, посредствомъ которой Богъ-Слово могъ воплотиться на землѣ, такъ какъ непосредственное воплощеніе Божества, по его *ошибочному* мнѣнію, немыслимо. Держась подобнаго еретическаго воззрѣнія на воплощеніе Бога-Слова и сотвореніе міра и человѣка, Оригенъ въ неправославномъ смыслѣ понималъ и смерть Христову, представляя ее чѣмъ-то повторяемымъ духовно въ духовномъ мірѣ и имѣющимъ тамъ дѣйствіе на освобожденіе Ангеловъ и приписывая въ дѣлѣ спасенія слишкомъ много дѣйствію обыкновенныхъ силъ, коими одарена наша природа. Неправо мыслилъ Оригенъ и въ нѣкоторыхъ пунктахъ своего ученія о воскресеніи и будущей жизни: напримѣръ, о томъ, что діаволъ можетъ спастись, и въ толкованіи Св. Писанія слишкомъ многое преувеличенно понималъ въ таинственномъ смыслѣ въ ущербъ историческому смыслу Писанія. Но, во всякомъ случаѣ, заслуги Оригена передъ Церковію болѣе значительны и покрываютъ его заблужденія. Въ своихъ школахъ онъ воспиталъ много замѣчательныхъ отцовъ и учителей Церкви, изъ коихъ нѣкоторые ему обязаны своимъ обращеніемъ изъ язычества въ Христіанскую вѣру, съ которой онъ хотѣлъ согласовать знаніе и философію. Особенно замѣчательны его труды по изученію Св. Писанія,—истолкованію, а главное,—по возстановленію и очищенію подлиннаго текста; замѣчательны и сочиненія Оригена, направленныя къ защитѣ христіанства противъ его враговъ и еретиковъ. Въ гоненіе Декія Оригенъ удостоился славы мужественнаго исповѣдника Христова, скончался семидесятилѣтнимъ старцемъ въ Тирѣ въ 254 году.

шенную мѣру святости и имѣлъ даръ провидѣнія. Онъ, какъ только увидѣлъ шедшихъ къ нему отцевъ, сказалъ имъ:

— Хорошо поступили вы, оставившіе море съ тѣмъ, чтобы почерпнуть изъ сухаго озера.

Послѣ продолжительной между ними духовной бесѣды, когда вспомнился и споръ объ Оригенѣ, преподобный Іоаннъ изрекъ къ пришедшимъ:

— Я, отцы, не получилъ отъ Бога дарованія, чтобы могъ разсуждать о недовѣдомомъ, а идите къ юродивому Симеону, что въ городѣ вашемъ, тотъ на все, о чемъ ни спросите, отвѣтитъ вамъ.

Они же, возвратившись къ себѣ, пришли въ городъ Эмессу и спрашивали:

— Гдѣ юродствующій старецъ Симеонъ?

Нѣкоторые, смѣясь, говорили имъ:

— Что хотите услышать отъ безумнаго, соблазняющаго всѣхъ, надъ всѣмъ глумящагося, а больше всего—досаждающаго инокамъ?

Они же, пренебрегши такими рѣчами, искали старца и въ домѣ одного овощника нашли его, лежащаго надъ бобомъ и ѣвшаго бобъ, подобно медвѣдю. И тотчасъ одинъ изъ нихъ, соблазнившись, подумалъ, разсмѣявшись про себя:

— Поистинѣ на великаго мудреца пришли взглянуть! Многому можемъ научиться у него!

Приблизившись же къ нему, сказали:

— Благослови, отче!

Онъ же, взглянувъ на нихъ, сказалъ съ гнѣвомъ:

— Напрасно пришли, и безумецъ тотъ, кто послалъ васъ ко мнѣ.

Потомъ, вставъ, сильно ударилъ въ щеку соблазнившагося, закричавъ:

— За что бранишь бобъ, 40 дней моченъ онъ; Оригенъ такого не ѣлъ; но зашелъ въ море, не могъ изъ него выйти и потонулъ въ глубинѣ. Уходите отсюда, уходите, а то биты будете!

Они же ушли, дивясь прозорливости старца, потому что, не спрашивая ихъ, сказалъ имъ объ Оригенѣ и вспомнилъ пославшаго ихъ и обличилъ сердечный помыслъ, но не могли никому о немъ разсказать. А что сказалъ о бобѣ, что моченъ былъ 40 дней, означало, что столько дней пробылъ онъ безъ пищи, какъ о томъ послѣ самъ сказалъ другу своему діакону Іоанну.

Однажды, взявъ изъ овощницы свирѣль, вышелъ на улицу къ близлежащему мѣсту, на которомъ, въ пустомъ домѣ, поселился нечистый духъ, пугая многихъ поздно проходящихъ, а инымъ и вредя. Сѣдши тамъ, святый игралъ на свирѣли молитву преподобнаго отца своего Никона, которой у того научился, и выгналъ ею оттуда бѣса. Бѣсъ же, принявъ образъ малаго страшнаго еѳіопа, побѣжалъ въ овощницу и всѣхъ тамъ перепугалъ, и всю посуду перебилъ. Когда Симеонъ возвратился, то увидѣлъ жену овощника напуганную и унывшую; она разсказала ему:

— Какой-то муринъ страшный и яростный, низкаго роста, быстро вошедъ всѣхъ насъ перепугалъ и всю посуду перебилъ.

А святый и сказалъ ей:

— Это я послалъ его на васъ — за то, что вы не присоединяетесь къ Святой Церкви (а они держались ереси Севира).

Женщина хотѣла, было, схватить юродиваго и бить, но онъ, нагнувшись, захватилъ горсть земли и бросилъ ей въ лицо, и залѣпилъ землей глаза, крикнувъ ей:

— Воистину, не схватишь меня, пока не присоединишься къ моей Церкви, а если не захочешь присоединиться, опять придетъ къ вамъ муринъ.

Съ этими словами убѣжалъ изъ того дома. На другой день опять въ тотъ же часъ бѣсъ, какъ и наканунѣ въ образѣ еѳіопа, вошелъ въ то же овощное хранилище и сдѣлалъ то же, что и въ первый разъ. Тогда всѣ живущіе въ томъ домѣ, не медля, присоединились къ Православной Церкви. Также и еврей одинъ, хулитель Имени Іисуса Христа обращенъ былъ ко Христу преподобнымъ Симеономъ. Тотъ еврей (такъ какъ Богъ указывалъ ему путь ко спасенію) увидѣлъ разъ моющагося старца и двухъ Ангеловъ, съ нимъ бесѣдующихъ и, понявъ, что онъ—угодникъ Божій, хотѣлъ объявить о немъ (то, что видѣлъ) въ народѣ. Святый же, явившись ему во снѣ, запретилъ кому бы то ни было разсказывать видѣнное. Еврей же, наутро вышедъ на площадь, не былъ въ состояніи сохранить тайну; но когда онъ хотѣлъ обратиться къ народу съ разсказомъ о Симеонѣ, тотчасъ явился ему святый и коснулся его устъ, изображая на нихъ крестъ, и сдѣлалъ его нѣмымъ, а самъ бѣжалъ отъ него, скача и играя среди народа, а жидовинъ оставался нѣмымъ. Тогда онъ пришелъ къ святому, кланяясь, и поматываніемъ головы показалъ ему, что онъ долженъ креститься. Послѣ во снѣ старецъ явился ему, говоря:

— Или крестись, или оставайся нѣмъ.

И такъ крестился еврей и, когда вышелъ изъ святой купели, тотчасъ сталъ владѣть языкомъ, и началъ прославлять Бога. Тогда привелъ онъ ко Святому Крещенію и всѣхъ своихъ домашнихъ.

Такой чистоты и безстрастія достигъ святой, что и, играя, среди женщинъ пребывалъ, какъ чистое золото среди огня, и много разъ безстыдныя женщины срамно щекотали его, влагая руки въ его нѣдра, но онъ оставался какъ будто мертвый, подобный безчувственному дереву, освобожденный, по благодати Божіей, отъ всякаго естественнаго вожделѣнія. Разсказывалъ онъ о себѣ ранѣе названному діакону Іоанну:

— Когда я былъ въ пустынѣ, и сначала имѣлъ много безпокойства отъ плотскихъ страстей, и молилъ Бога объ облегченіи брани, явился мнѣ святый Никонъ съ вопросомъ:

— Какъ живешь, братъ?

А я отвѣчалъ:

— Жестоко страдаю, отче, и если ты мнѣ не поможешь, не знаю, что и дѣлать, потому что плоть сильно возстаетъ на меня.

Старецъ съ улыбкою зачерпнулъ воды изъ святаго Іордана и, выливъ мнѣ на животъ съ крестнымъ знаменіемъ, сказалъ:

— Вотъ, и здоровъ ты.

И съ тѣхъ поръ пересталъ я ощущать плотское вожделѣніе и во снѣ, и наяву.

Вотъ какъ разсказывалъ о себѣ блаженный тому діакону. Будучи безстрастенъ, онъ безбоязненно подходилъ къ женщинамъ, и какъ въ древности купина въ Синаѣ оставалась среди огня неопалимой [1]), такъ онъ—отъ женскаго прикосновенія; святый Симеонъ приходилъ въ ихъ среду, желая имъ спасенія. Иногда онъ говорилъ какой-либо блудницѣ:

— Хочешь ли—я буду имѣть тебя подругою: я дамъ тебѣ 100 златицъ, только не твори ни съ кѣмъ грѣха.

Съ этими словами показывалъ блудницѣ золото, которое Богъ давалъ ему невидимо, сколько онъ хотѣлъ. Блудницы же, издѣваясь надъ нимъ, обѣщали не грѣшить ни съ кѣмъ. Но онъ требовалъ отъ нихъ клятвы. И если которая клялась остальное время сохранять себя чистой, давалъ ей золото; но потомъ, если, не сохранивъ клятвы, она грѣшила, тотчасъ узнавалъ то святый, обли-

---

[1]) Кн. Исх., гл. 3.

чалъ ее и посылалъ на нее или какую-нибудь лютую болѣзнь, или бѣса, чтобъ мучилъ ее, пока не дастъ истинныхъ доказательствъ, что дѣйствительно покаялась. Но какъ только люди начинали считать его святымъ, онъ тотчасъ совершалъ нѣчто такое, что было явнымъ доказательствомъ не святости, а безумія; иногда онъ ходилъ хромая, а иногда прискакивая; иногда ползалъ по землѣ, задѣвая ноги проходящихъ; иногда же лежалъ на землѣ, колотя ногами. Въ новомѣсячіе же притворялся бѣсноватымъ и падалъ, какъ одержимый бѣсомъ. И много иного непріятнаго человѣческимъ глазамъ и нелѣпаго творилъ онъ, являя себя для всѣхъ безумнымъ, чтобы никто не считалъ его святымъ. Однажды онъ Святую Четыредесятницу оставался безъ пищи, а въ Великій Четвергъ, съ утра, сидя на торговой площади, ѣлъ; видя это, проходящіе говорили:

— Смотрите на этого безумца; онъ и Великаго Четверга не почитаетъ, а ѣстъ спозаранку.

Увидавъ его, діаконъ Іоаннъ спросилъ:

— На сколько ты купилъ того, что ѣшь?

Онъ отвѣчалъ:

— На 40 мѣдныхъ.

Указывая прикровенно, что 40 дней не ѣлъ.

Слыша о такомъ житіи Симеона, одинъ проживающій близъ Эмессы вельможа подумалъ про себя:

«Пойду, взгляну на него и узнаю, юродствуетъ ли онъ ради Христа, или же на самомъ дѣлѣ безуменъ».

Когда онъ пришелъ въ городъ и былъ около жилища блудницъ, увидѣлъ, что одна блудница носила старца на плечахъ, а другая била ремнемъ, и соблазнился онъ въ своей мысли:

«Кто повѣритъ, что этотъ лживый чернецъ не творитъ блуда съ этими нечистыми женами?»

Когда онъ такъ про себя думалъ, то былъ отъ юродиваго еще на разстояніи брошеннаго камня; старецъ, оставивъ тѣхъ женщинъ, побѣжалъ къ вельможѣ и, ударивъ его по лицу, открылъ свою одежду и показалъ, не стыдясь, свою умерщвленную плоть; скача передъ нимъ, онъ спрашивалъ:

— Думаешь ли, окаянный, что тутъ можетъ возникнуть похотѣніе?

Тотъ удивился, что еще издали старецъ узналъ его помыслы, и убѣдился, что онъ рабъ Божій, по своей волѣ юродствующій

Христа ради, но не могъ никому о томъ разсказать, хотя и хотѣлъ: ибо какою-то силою (какъ и у другихъ) удерживался языкъ его до кончины святаго.

Бѣсъ опять вселился на одной улицѣ въ городѣ, въ другомъ пустомъ домѣ; приблизившись къ послѣднему, преподобный Симеонъ увидѣлъ бѣса, который, ожидая, готовился ударить мимоходящаго; тогда старецъ набралъ небольшихъ камней за пазуху, сталъ на противоположную сторону и во всѣхъ, желавшихъ идти этимъ путемъ, бросалъ камнемъ, не давая никому прохода: одинъ же песъ проскочилъ тамъ и тотчасъ, пораженный бѣсомъ, началъ источать пѣну.

Тогда святый говорилъ людямъ:

— Теперь проходите: ибо, вмѣсто человѣка, пораженъ песъ.

Послѣ того пришлось старцу идти мимо одного мѣста, гдѣ веселилось множество дѣвицъ. Увидавъ его, дѣвицы тѣ начали издѣваться надъ нимъ, крича:

— Монахъ! монахъ!

И зазывали его въ свое собраніе. Онъ же, желая наказать ихъ безчинство и сдѣлать цѣломудреннѣе, помолился тайно въ сердцѣ своемъ Богу и скривилъ всѣмъ имъ глаза, такъ что каждая стала косой, а старецъ пошелъ дальше. Дѣвицы же, почувствовавъ кривизну глазъ своихъ, поняли, что это сдѣлалъ юродивый, и бѣжали вслѣдъ за нимъ, съ плачемъ взывая:

— Поправь, юродивый, поправь глаза намъ!

Онѣ думали, что волшебствомъ онъ сдѣлалъ то. Настигнувъ старца, онѣ схватили его и насильно заставляли:

— Развяжи, — говорили, — что связалъ.

А онъ, шутя, говорилъ:

— Если которая изъ васъ хочетъ исцѣлиться, пусть дастъ поцѣловать косые глаза и исцѣлѣетъ.

Нѣкоторыя изъ нихъ, которыхъ Богъ хотѣлъ исцѣлить, соглашались, чтобы старецъ поцѣловалъ ихъ въ очи, и отъ поцѣлуя онѣ тотчасъ исцѣлялись, — глаза ихъ становились такими же, какъ прежде. А тѣ, которыя погнушались старцемъ и не согласились, чтобы онъ ихъ поцѣловалъ, тѣ остались неисцѣленными и плакали. Когда старецъ ушелъ отъ нихъ не очень далеко, тѣ побѣжали за нимъ съ крикомъ:

— Подожди, юродивый, подожди, ради Бога, подожди! Цѣлуй насъ!

Но старецъ не слушалъ ихъ. Такъ старецъ бѣжалъ, а дѣвицы гнались за нимъ. Изъ видѣвшихъ это одни говорили:

— Играютъ съ нимъ дѣвицы.

А другіе сочли ихъ объюродѣвшими; святый говорилъ инымъ изъ зрителей:

— Если бы Богъ не искривилъ имъ глазъ, то онѣ превзошли бы блудодѣяніемъ всѣхъ сирійскихъ женщинъ; а теперь онѣ не будутъ такими.

Однажды нѣсколько эмесійскихъ горожанъ пошли въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи. Когда они по окончаніи праздника возвращались по домамъ, одинъ изъ нихъ отдѣлился и направился въ пустыню посѣтить святыхъ Отцевъ, чтобы сподобиться ихъ молитвъ и благословенія. Онъ обходилъ отеческія келліи съ дарами, подавая милостыню изъ своего имущества. По Божію устроенію, случилось ему встрѣтить преподобнаго Іоанна, жившаго близъ Мертваго моря и Іордана и бывшаго спостникомъ святаго Симеона; горожанинъ поклонился ему, прося его благословенія и молитвъ. И сказалъ ему преподобный Іоаннъ:

— Имѣя въ городѣ угодника Божія Симеона, именуемаго юродивымъ, зачѣмъ ты у меня, убогаго, просишь молитвъ; въ его молитвахъ не только я, весь міръ нуждается.

И, взявъ того человѣка, онъ ввелъ его въ свою келлію—и вотъ, нашлась въ его келліи предложенная невидимою рукой, посланная отъ Бога, трапеза, необычная для пустыни: были тутъ и хлѣбы чистые, горячіе, рыбы хорошіе, вино и сосуды. И, сѣвши, ѣли и, насытившись, благодарили Бога. Послѣ трапезы преподобный Іоаннъ, взявъ 3 просфоры, тоже посланныя Богомъ, далъ тому человѣку со словами:

— Передай это брату моему, Симеону юродивому, и скажи ему: «Молись за брата своего Іоанна».

Когда же, возвратившись, человѣкъ тотъ входилъ въ Эмесъ, встрѣтилъ его въ воротахъ преподобный Симеонъ со словами:

— Здоровъ ли братъ мой Іоаннъ? Не съѣлъ ли ты трехъ просфоръ, которыя онъ послалъ мнѣ въ благословеніе?

И дивился возвращавшійся такой прозорливости. Старецъ же, взявъ его въ свое убогое жилище, предложилъ ему такую же, посланную Богомъ, трапезу, какую преподобный Іоаннъ предоставилъ ему въ пустынѣ, при этомъ Симеонъ разсказалъ ему все, о чемъ они бесѣдовали съ Іоанномъ въ той пустынѣ, что пили

и ѣли. Вышедъ отъ старца, мужъ тотъ, съ ужасомъ много дивясь прозорливости старца, никому не смѣлъ разсказать о томъ—частію возбраняемый Богомъ, частію стыдясь людей, такъ какъ зналъ, что не повѣрятъ ему: ибо всѣ считали Симеона безумнымъ — его, кто былъ мудрѣе всѣхъ людей.

На вышеназваннаго діакона Іоанна однажды, по Божію попущенію, пришла такая напасть: злодѣи ночью совершили въ городѣ убійство и, взявъ трупъ убитаго, бросили во дворъ діакона. Когда наступилъ день и нашли мертвеца въ домѣ діакона, прошелъ немалый говоръ: судья, схвативъ діакона, судилъ его какъ убійцу, и не нашлось свидѣтелей о его невиновности, и онъ не могъ оправдаться. Осужденъ былъ невинный діаконъ на смерть—быть повѣшеннымъ на деревѣ. Когда же вели его на мѣсто казни, онъ ничего другого не говорилъ, какъ только:

— Богъ юродиваго, помоги мнѣ! Богъ Симеона, предстань въ часъ этотъ!

А Симеонъ въ то время гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ совершалъ свое юродство. Господь восхотѣлъ избавить невиннаго діакона отъ такой напрасной и позорной смерти,—и вотъ, одинъ человѣкъ пришелъ къ старцу и сказалъ:

— Юродивый! Другъ и благодѣтель твой діаконъ Іоаннъ осужденъ на смерть, и если онъ умретъ, погибнешь съ голоду: ибо никто больше не заботится о тебѣ.

И съ этими словами разсказалъ, за что осудили его на смерть. Святый же тотчасъ пошелъ въ тайное мѣсто, гдѣ привыкъ въ уединеніи молиться и котораго никто не зналъ, кромѣ этого діакона; тамъ, преклонивъ колѣна, онъ началъ усердно просить Бога объ избавленіи діакона отъ смерти. И тотчасъ нашлись самые убійцы, и поспѣшно были посланы отъ судьи конные вслѣдъ за поведшими діакона на смерть, чтобы освободить невиннаго. И нашли ихъ ужъ на мѣстѣ, на которомъ должны были повѣсить діакона. Отпущенный діаконъ пошелъ не въ свой домъ, но прямо къ тому мѣсту, гдѣ молился святый Симеонъ, и засталъ его еще не кончившимъ молитвы и стоявшимъ съ поднятыми кверху руками; діаконъ въ ужасѣ остановился неподалеку сзади святаго Симеона: ибо видѣлъ (что послѣ подтверждалъ съ клятвою) пламя, подобно мечамъ, выходившее изъ устъ святаго и сіяніе огненное вокругъ него, и не смѣлъ діаконъ приблизиться къ нему, пока онъ не кончилъ молитвы и огненное сіяніе не вознеслось къ Небу. Оглянувшись, святый сказалъ діакону:

— Что, братъ Іоаннъ, чуть не испилъ ты смертной чаши? Иди молись, благодари Бога Избавителя: это искушеніе случилось съ тобой ради того, что два нищихъ приходили къ тебѣ, а ты имѣлъ, что дать, и не далъ, но отвернулся отъ нихъ и отпустилъ ни съ чѣмъ. Развѣ это твое, что подаешь? Или не вѣришь Сказавшему, что дающій нищему Бога ради сторицею приметъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ, а въ будущемъ получитъ жизнь вѣчную; если вѣруешь, дай; если не даешь, ясно, не вѣруешь Господу.

Таковы были слова юродиваго, или лучше, святаго и преподобнаго мужа: ибо, когда онъ бывалъ съ тѣмъ діакономъ наединѣ, то ничего юродскаго не дѣлалъ, но съ кротостію и сердечнымъ сокрушеніемъ бесѣдовалъ о полезномъ, и много разъ діаконъ тотъ, слушая душеполезныя слова святаго, чувствовалъ великое благоуханіе, выходящее изъ его устъ.

Въ одно воскресенье, съ утра, послѣ 7-дневнаго поста, святый Симеонъ, юродствуя, взялъ въ правую руку сверченное мясо, по-гречески называемое элладой, по-латыни люканикой, иначе колбасой, положилъ ее на плечѣ, какъ діаконскій орарь, а въ лѣвой рукѣ держалъ горчицу и, обмакивая элладу въ горчицу, ѣлъ; приходившимъ къ нему забавляться онъ мазалъ губы горчицею. И приблизился къ нему одинъ грубый крестьянинъ съ больными глазами и съ бѣльмомъ на одномъ изъ нихъ. Святый Симеонъ вдругъ помазалъ горчицею по его глазамъ. Закричалъ тотъ отъ сильной боли въ глазахъ, произведенной крѣпкою горчицею. А юродивый сказалъ ему:

— Иди, безумецъ, умойся уксусомъ съ чеснокомъ и тотчасъ исцѣлѣешь.

Но тотъ, не послушавъ святаго, пошелъ ко врачамъ, еще больше ослѣпъ и сильнѣе заболѣлъ. Послѣ, раскаявшись, далъ себѣ зарокъ: если бы даже выскочили глаза, выполнить, что прикажетъ старецъ. И когда онъ умылъ глаза свои уксусомъ съ чеснокомъ, то въ ту же минуту совершенно сталъ здоровъ глазами. Послѣ встрѣтилъ его святой гдѣ-то на пути и сказалъ:

— Вотъ, теперь здоровъ, не воруй же козъ у сосѣда.

Такъ наказалъ святый крадущаго, зная тайныя дѣла человѣческія.

Украдено было у одного горожанина 500 златицъ, и печалился тотъ человѣкъ о погибшемъ своемъ золотѣ и старательно разузнавалъ о немъ; былъ онъ жестокъ со своими рабами и билъ

ихъ немилосердно. Однажды юродствующій старецъ встрѣтилъ его на улицѣ словами:

— Хочешь ли, чтобъ нашлись твои златицы?

— Ей, ей! Хочу,—отвѣчалъ тотъ.

— А что заплатишь мнѣ,—спросилъ юродивый,—если тотчасъ найдешь золото?

Тотъ обѣщалъ 10 златицъ.

— Не надо мнѣ золота, но поклянись, что не будешь бить укравшаго,—потребовалъ святый,—а и также никого другого.

И клялся ему горожанинъ. Тогда святый открылъ ему:

— Пекарь твой укралъ златицы, но, берегись, не бей его и никого другого.

И вернулся человѣкъ тотъ въ свой домъ, нашелъ все, какъ сказалъ ему святый, и взялъ у раба своего пекаря золото цѣлымъ и не билъ его. Послѣ, когда хотѣлъ прибить кого-либо изъ рабовъ за какую-нибудь вину, болѣзненно одеревенѣвала у него рука, и не могъ бить. Вспомнивъ свою клятву, пошелъ къ юродивому, прося:

— Разрѣши клятву, юродивый, пусть свободно дѣйствуетъ моя рука.

А тотъ, какъ бы не понимая, юродствовалъ. И много разъ приходилъ къ нему, докучая, чтобы разрѣшилъ отъ клятвы. Тогда явился ему святый въ сонномъ видѣніи со словами:

— Освобожу тебя отъ клятвы, но лишу и твоего золота, и все твое имѣніе уничтожу. За что ты хочешь бить своихъ слугъ, которые въ будущемъ вѣкѣ пойдутъ впереди тебя?

Послѣ того видѣнія мужъ тотъ, пришедши въ страхъ Божій, со всѣми былъ кротокъ.

Чтобы люди не узнавали о таковыхъ чудесахъ святаго, онъ притворился бѣсноватымъ и какъ будто вслѣдствіе бѣсовскаго дѣйствія знающимъ, что творится втайнѣ въ людяхъ; для этого ходилъ съ бѣсноватыми какъ одинъ изъ нихъ и, соболѣзнуя о нихъ, своею молитвою изъ многихъ прогналъ бѣсовъ; другіе же бѣсноватые, или вѣрнѣе всего бѣсы, поселившіеся въ людяхъ, роптали на него:

— О юродивый! пренебрегающій всѣмъ міромъ, зачѣмъ пришелъ обижать насъ? Уйди отсюда; не нашъ ты; затѣмъ всю ночь мучишь и жжешь насъ?

Святый же въ притворномъ бѣснованіи (ибо отъ Святаго Духа все зналъ) весьма многихъ людей обличалъ въ ихъ тайныхъ грѣ-

хахъ: иныхъ—въ нечистотѣ, другихъ—въ кражѣ, третьихъ—въ клятвопреступленіи: каждаго во всякомъ его грѣхѣ. Обличалъ же иныхъ отдѣльно, иныхъ передъ другими; третьимъ въ притчахъ указывалъ ихъ злыя дѣла, да заглянутъ въ свою совѣсть, а иныхъ явно поносилъ за творимыя ими беззаконія. И такъ весь городъ удерживалъ отъ смертныхъ грѣховъ, приводя людей къ сознанію и къ покаянію. Многіе же думали, что не отъ Бога, а чрезъ бѣса онъ знаетъ ихъ тайны, такъ что и самого считали за бѣсноватаго. Отъ этого иные изъ нераскаянныхъ грѣшниковъ боялись придти къ нему или встрѣтиться съ нимъ, но бѣгали отъ него, чтобы не быть изобличенными.

Въ то время въ городѣ жила одна волшебница, чародѣйка, бывшая виновницей многихъ несчастій между людьми. Желая разрушить ея волшебства, преподобный сталъ часто приходить къ ней, какъ будто дружась съ ней, и приносилъ ей подаваемое ему съѣстное, и мѣдницы, и одежды. Разъ онъ сказалъ ей:

— Хочешь,—я сдѣлаю тебѣ такую вещь, что, если будешь носить ее, никто не сможетъ упрекнуть тебя и никакое зло не приблизится къ тебѣ?

Она же, полагая, что юродивый знаетъ нѣчто такое при содѣйствіи бѣса, говоритъ:

— Хочу,— сдѣлай.

Онъ взялъ маленькую дощечку, написалъ на ней по-сирски слѣдующее:

— Да запретитъ тебѣ Богъ отвращать болѣе отъ Него людей.

Написавъ это, отдалъ дощечку женѣ, чтобы повѣсила ее на шею, а когда она сдѣлала это, тотчасъ уничтожилась бывшая въ ней волшебная сила, и волшебница перестала вредить и помогать кому бы то ни было.

Старецъ же, идя со своею нищею братіею, приблизился къ печи, въ которой приготовляютъ стекло. Работалъ здѣсь еврей. Сѣвъ около печи, святый грѣлся, а еврей изготовлялъ склянки. Святый сказалъ друзьямъ своимъ нищимъ:

— Хотите,—я разсмѣшу васъ?

Они, обративъ къ нему свои глаза, хотѣли видѣть, что онъ будетъ дѣлать. И когда еврей изготовилъ одну склянку, онъ издали осѣнилъ ее правой рукой, и тотчасъ склянка та разсѣлась. Когда еврей приготовилъ другую склянку, разсѣлась и та отъ крестнаго Симеонова знаменія; такъ распались третья, четвертая

и до седьмой,—и стали нищіе хохотать, и разсказали еврею, въ чемъ дѣло. Еврей же, разсердившись, схватилъ головню и прогналъ юродиваго, ударяя его и опаляя. Юродивый же, удаляясь, кричалъ ему:

— О, нечистый! перебьются всѣ твои склянки, пока не сотворишь креста на своемъ челѣ.

Когда еврей снова началъ дѣлать склянки, разбилось еще тринадцать, одна за другой. Онъ же, видя напрасными свои усилія, хоть и не желалъ, перекрестилъ лобъ свой—и перестали разбиваться склянки. Познавъ силу святаго креста, еврей пришелъ тогда въ Святую Церковь и сталъ христіаниномъ, принявъ Святое Крещеніе.

Въ то время заболѣлъ одинъ изъ главнѣйшихъ гражданъ, въ домъ котораго преподобный юродивый привыкъ приходить и играть. Этому гражданину, когда болѣзнь его очень усилилась, было такое видѣніе: будто съ какимъ-то муриномъ страшнымъ онъ бросаетъ игральныя кости и что между ними закладъ: если у больнаго не выпадетъ три раза шестеричное число, то побѣда принадлежитъ мурину. И былъ больной въ большомъ сомнѣніи и страхѣ. Явился же больному Симеонъ юродивый, говоря:

— Истинно, на этотъ разъ одолѣетъ тебя этотъ черный, но дай мнѣ слово, что отселѣ не станешь осквернять ложа жены своей прелюбодѣяніемъ, и я кину за тебя, и не одолѣетъ тебя онъ.

И поклялся, въ видѣніи, больной святому, что не будетъ прелюбодѣйствовать. Святый взялъ, кинулъ кости, и три раза выпало по шесть, и удалился муринъ отъ больного: послѣдній, проснувшись, почувствовалъ облегченіе отъ болѣзни. Юродивый, по обычаю, придя къ нему въ домъ, пригрозилъ:

— Счастливо ты кинулъ три раза кости, но, повѣрь мнѣ, если нарушишь клятву, муринъ тотъ удавитъ тебя.

Съ этими словами и всѣхъ укоривъ юродствуя, быстро ушелъ оттуда.

Имѣлъ у себя преподобный каморку ради покоя, а особенно ради ночныхъ молитвъ, и не было въ ней ничего, кромѣ охапки хвороста. Тамъ каждую ночь оставался на молитвѣ до Утрени, обливая слезами землю, а съ наступленіемъ дня сплеталъ себѣ вѣнокъ изъ маслины или травъ и, возложивъ себѣ на голову, а въ рукѣ держа вѣтвь, ходилъ по городу, крича:

— Торжество царю побѣдителю и его городу!

Въ этихъ словахъ городомъ святый называлъ душу, а царемъ— умъ, господствующій надъ страстями, какъ онъ объяснилъ то другу своему, діакону Іоанну, къ которому часто заходилъ тайно, подробно объясняя свои слова и поступки, клятвенно требуя, чтобы онъ никому ничего не говорилъ до самой его смерти. За два дня до смерти пришелъ онъ къ этому Іоанну съ такими словами:

— Нынче я ходилъ къ возлюбленному моему брату Іоанну пустынножителю, съ которымъ съ самаго начала отказался отъ міра и постригся, и нашелъ его сильно преуспѣвшимъ въ добродѣтели и въ совершенствѣ угодившимъ Богу, и порадовался о немъ, ибо видѣлъ его носящимъ на головѣ вѣнецъ съ надписью: «вѣнецъ пустынническаго терпѣнія».

Послѣ того преподобный Симеонъ прибавилъ:

— Видѣлъ нѣкоего Славнаго, сказавшаго мнѣ: иди, юроде, иди ко Мнѣ и примешь не одинъ, а много вѣнцовъ за спасеніе многихъ душъ человѣческихъ.

Сказавъ это, святый вздохнулъ и заговорилъ опять:

— Не знаю за собой ничего такого, что было бы достойно небеснаго воздаянія; ибо юродивый и лишенный разума какую можетъ получить награду, развѣ задаромъ, по Своей благодати, помилуетъ меня мой Владыка? Но молю тебя, братъ, никого изъ нищихъ, особенно изъ иноковъ, не презирай и не укоряй; да знаетъ любовь твоя, что многіе изъ нихъ очищены злостраданіемъ и, какъ солнце, сіяютъ передъ Богомъ. Такъ и между простыми людьми, живущими въ деревняхъ и воздѣлывающими землю, ведущими жизнь въ незлобіи и правотѣ сердечной, которые никого не бранятъ, не обижаютъ, но отъ труда рукъ своихъ въ потѣ лица ѣдятъ хлѣбъ свой. Много, между такими, великихъ святыхъ: ибо видѣлъ ихъ, приходившихъ въ городъ и причащающихся Тѣла и Крови Христовыхъ и сіяющихъ, подобно чистому золоту. Все, что говорю тебѣ, господинъ мой, не подумай, что говорю изъ какого-нибудь тщеславія, но твоя любовь принудила не скрыть отъ тебя лѣности моего окаяннаго житія. Знай же, что и тебя Господь скоро возьметъ отсюда: итакъ, позаботься, сколько есть силъ, о душѣ своей, чтобы имѣть возможность безъ задержки перейти область воздушныхъ духовъ и избѣгнуть лютой руки князя тьмы. Знаетъ Господь Богъ мой, что и я много печалюсь

и имѣю великій страхъ, пока не перейду эти страшныя мѣста, гдѣ всѣ человѣческія дѣла и слова разбираются подробно. Потому-то и молю тебя, чадо и братъ мой Іоаннъ, всячески старайся быть милосердъ: ибо въ тотъ грозный часъ милосердіе можетъ помочь намъ больше всѣхъ другихъ добродѣтелей, какъ написано: **бл҃же́нъ разꙋ́мѣва́й на ни́ща и҆ ᲂу҆бо́га, въ де́нь лю́тъ и҆зба́витъ є҆го̀ гдⷭ҇ь**[1]). Соблюдай же и сіе: не приступай къ Божественной службѣ, имѣя противъ кого-либо гнѣвъ, да не оскорбятъ твои грѣхи пришествіе Святаго Духа.

Объ этомъ и о многомъ другомъ побесѣдовавъ съ честнымъ діакономъ, преподобный Симеонъ молилъ его зайти черезъ 2 дня въ его убѣжище. И, ушедши отъ него, больше не показывался въ городѣ, но безъисходно пребывалъ до послѣдней минуты своей кончины. Какова была его кончина,—не знаетъ никто, только Богъ и Ангелы Его: ибо тѣ обычно присутствуютъ при кончинѣ нищихъ, совершенно оставленныхъ людьми, какъ присутствовали на гноищѣ, когда умиралъ Лазарь, какъ сказано въ Евангеліи: **бы́сть ᲂу҆мре́ти ни́щемꙋ, и҆ несе́нꙋ бы́ти а҆́гглы на ло́но а҆враа́мле**[2]). Итакъ, несомнѣнно, что тѣ же святые Ангелы предстали въ часъ блаженной кончины и сему Симеону, нищему духомъ и преподобному въ дѣйствительности, и, тихо освободивъ праведную душу отъ чистаго тѣла, понесли съ пѣснями радости въ Небесныя Обители.

По прошествіи двухъ дней нѣкоторые изъ тѣхъ нищихъ, что вели со святымъ Симеономъ дружбу, не видя его за это время, подумали: не боленъ ли юродивый? И пришли въ убѣжище его, и нашли его подъ хворостомъ, лежащимъ мертвымъ, и сказали:

— Вотъ, юродствовалъ при жизни, и по смерти остался такимъ: ибо не легъ на хворостъ, но подъ хворостомъ скончался.

И двое какихъ-то взяли тѣло его безъ омовенія, безъ обычнаго пѣнія, безъ свѣчъ и ладана, и понесли похоронить его на томъ мѣстѣ, гдѣ хоронятъ странныхъ. Былъ же несенъ святый на погребеніе мимо дома того новокрещенаго христіанина, что прежде былъ еврей, дѣлавшій склянки, и онъ, слыша множество поющихъ пріятнѣйшими голосами невыразимыя пѣсни, прислонился къ окошечку и никого не видѣлъ, кромѣ двухъ человѣкъ, несущихъ тѣло юродиваго на погребеніе, а голоса не переставали пѣть невидимо. Это Ангелы Божіи пѣли, и христіа-

[1]) Псал. 40, ст. 2.

[2]) Еванг. отъ Луки, гл. 16, ст. 22.

нинъ тотъ ощущалъ необыкновенное благоуханіе, наполняющее воздухъ:

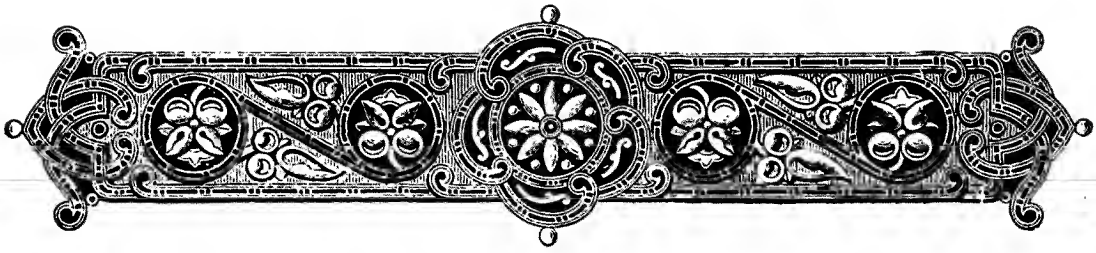
— Блаженъ ты, юродивый,—сказалъ онъ,—потому что, не имѣя людей, совершающихъ надъ тобой надгробное пѣніе, имѣешь Небесныя Силы, почтившія тебя пѣснями и райскими благовоніями окадившими тебя.

И тотчасъ пошелъ съ тѣми двумя человѣками, и понесъ честно́е тѣло, и своими руками похоронилъ его между гробами странниковъ и нищихъ, и разсказалъ всѣмъ, какъ слышалъ ангельское пѣніе надъ умершимъ вмѣстѣ съ неизглаголаннымъ благоуханіемъ. Діаконъ же Іоаннъ, пришедши въ то помѣщеніе и не найдя святаго, всюду старательно искалъ его и горько плакалъ, узнавъ, что святый Симеонъ умеръ и погребенъ. И пошелъ ко гробу его, желая взять оттуда тѣло его и съ почестію въ почетномъ мѣстѣ похоронить его. И, когда открыли гробъ, не нашли тѣла святаго: ибо Господь со святыми Своими Ангелами переложилъ его на невѣдомое людямъ мѣсто. Тогда всѣ жители Емесійскаго города, какъ бы проснувшись, начали вспоминать и другъ другу разсказывать чудесныя дѣла Божія угодника, и пророчества, и многострадальное житіе его. Тогда поняли, что юродивый не былъ безумнымъ, но былъ мудрѣе всѣхъ мудрецомъ нашего времени и, считаемый грѣшникомъ, былъ праведенъ и преподобенъ, путемъ юродства и грѣховности прикрывая передъ людьми свое богомудрое и богоугодное житіе. Таково было житіе и таковы подвиги сего чудеснаго Симеона, юродствовавшаго Христа ради, который, какъ древле Лотъ, живя среди содомлянъ, не загрязнился ихъ грѣхами[1]); такъ и этотъ новый Лотъ, живя среди міра, не заразился мірскими страстями. Скончался преподобный Симеонъ мѣсяца іюля въ 21 день, а послѣ него и преподобный Іоаннъ, сопостникъ его въ Іорданской пустынѣ, почилъ блаженною кончиною[2]). И какъ вмѣстѣ начали служить Господу, такъ и на Небѣ вмѣстѣ предстали предъ Престоломъ Божіимъ. Житіе же обоихъ было разсказано праведными устами Симеона діакону Емесійской церкви Іоанну; а этимъ діакономъ вѣрно и справедливо передано великому между отцами святому Леонтію, епископу Кипрскаго Неаполя; а онъ предалъ письму на пользу читающихъ и слушающихъ, во славу Христа Бога нашего, прославляемаго со Отцемъ и Святымъ Духомъ нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

[1]) Кн. Быт., гл. 19.

[2]) Кончину святыхъ мужей относятъ приблизительно къ 590 году.



День двадцать второй

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ

РАВНОАПОСТОЛЬНОЙ СВЯТОЙ МУРОНОСИЦЫ

МАРІИ МАГДАЛИНЫ

«Поминайте наставниковъ вашихъ, которые проповѣдывали вамъ слово Божіе; и, взирая на кончину ихъ, подражайте вѣрѣ ихъ».

(Посл. Ап. Павла Евр., гл. **13**, ст. 7.)

Великая равноапостольная[1]) святая[2]) мѵроносица[3]) Марія Магдалина[4]), особенно прославившаяся въ Церкви христіанской

---

[1]) Въ Православной христіанской Церкви *равноапостольными* называются сотрудники и сотрудницы апостоловъ Христовыхъ и еще тѣ праведные христіане, которые подобно Апостоламъ особенно ревностно проповѣдывали и утверждали вѣру христіанскую. За такія особыя заслуги они и сравнены почитаніемъ съ Апостолами. Слово же *апостолъ* значитъ *посланникъ*, которому дано исполнить извѣстное порученіе. Избравъ изъ учениковъ Своихъ двѣнадцать, Іисусъ Христосъ назвалъ ихъ *апостолами* (Еванг. отъ Луки, гл. **6**, ст. 13), чтобы посылать ихъ на проповѣдь (Еванг. отъ Марка, гл. **3**, ст. 14) и чтобы врачевать всякую болѣзнь и всякую немощь.... (Еванг. отъ Матѳ., гл. **10**, ст. 1—42).

[2]) *Святыми* въ Церкви христіанской первоначально называли всѣхъ христіанъ, всѣхъ вѣрующихъ во Христа, какъ, напримѣръ, въ посланіяхъ Апостола Павла. А при личномъ упоминаніи праведника древніе христіане избѣгали ставить именованіе «святый» (ἅγιος, sanctus), потому что слово это часто употреблялось въ надписяхъ языческихъ, чему подражать не хотѣли христіане. И въ календаряхъ древнихъ слово «святый» при имени праведника, чтимаго Церковью, начали употреблять только съ третьяго и слѣдующихъ вѣковъ. А въ Евангеліяхъ святость представляется какъ свойство христіанина во всѣхъ его проявленіяхъ: «да святится Имя Твое»... «Отче Святый»... «Святи ихъ во истинѣ Твоей»...

[3]) *Мѵроносицею* Марія Магдалина названа потому, что Евангелисты именуютъ ее первою изъ благочестивыхъ женъ, кои приходили ко Гробу Христову для помазыванія Его тѣла благоуханными составами по благочестивому обычаю Іудеевъ того времени. Эти составы были изъ смолистыхъ веществъ мирра нардоваго, или смирны, ладона, алоя и прочихъ благоуханныхъ растеній въ смѣси также и съ чистымъ оливковымъ масломъ. Умащеніемъ или же осыпаніемъ тѣла умершаго такими ароматными составами выражали любовь и почесть къ лицу умершаго.

[4]) Имя *Марія* отъ еврейскаго Маріамъ означаетъ: *высокая, возвышенная, стойкая, превосходная, превознесенная*; а *Магдалиною* называютъ эту Марію по происхожденію

своею пламенною, непоколебимо самоотверженною любовью къ Господу Іисусу Христу, была родомъ изъ богатаго въ то время города Магдалы[1]), который находился въ Галилейской[2]) области Палестины, на берегу озера Геннисаретскаго, или иначе — моря

ея изъ города Магдалы, подобно какъ благочестиваго члена синедріона Іосифа называютъ Аримаѳейскимъ, по его происхожденію изъ палестинскаго города Аримаѳеи. И прозваніе Магдалины присоединяютъ къ имени этой Маріи для отличія ея отъ другихъ благочестивыхъ женъ, также какъ она, служившихъ Іисусу Христу (Еванг. отъ Луки, гл. 8, ст. 3) и имѣвшихъ то же имя Маріи, какъ, напримѣръ, Марія, сестра Лазаря, и Марія, жена Клеопы.

[1]) *Магдала* — отъ еврейскаго слова *магделайя*, означающаго башню, — была городомъ на западномъ берегу Геннисаретскаго озера, недалеко отъ городовъ Капернаума и Тиверіады. Магдала славилась красильнымъ производствомъ и издѣліями тонкихъ шерстяныхъ матерій; кромѣ того, въ ней велась обширная торговля горлицами и голубями для жертвъ очищеній; преданіе приписываетъ Магдалѣ триста голубиныхъ лавокъ и вблизи цѣлую долину «голубей». Богатство Магдалы было въ то время столь значительно, что о подати, вносимой отъ города, упоминается, что она была столь велика, что отсылалась въ Іерусалимъ цѣлою повозкою. Нравственная испорченность жителей была также велика. Изъ множества городовъ и деревень, коими усѣяны были берега Геннисаретскаго озера, всѣ исчезли, кромѣ одной Магдалы, которая теперь называется Медждель и представляетъ группу грязныхъ лачугъ, сложенныхъ изъ береговыхъ камней, а на плоскихъ крышахъ домовъ сдѣланы верхніе этажи въ видѣ шалашей изъ тростника и хвороста. Но остатки древней сторожевой башни и теперь существуютъ и мѣстоположеніе донынѣ прекрасно: красоты природы такъ же торжественны и пробуждаютъ святые восторги чудесъ и проповѣди Христовой на дивномъ озерѣ Геннисаретскомъ, или Галилейскомъ.

[2]) *Галилейская область* на сѣверѣ Палестины, или *Галилея* (отъ еврейскаго слова *галилъ*, означающаго *область*, *округъ*), во времена жизни Маріи Магдалины составляла третью область Палестины, и сама Галилея дѣлилась на сѣверную, верхнюю, «языческую», и на южную, нижнюю. Галилея занимаетъ видное мѣсто въ міровой исторіи — какъ родина и мѣсто проповѣди Христа Спасителя. Галилея имѣла около 120 верстъ отъ востока къ западу и 40 верстъ отъ сѣвера къ югу. На сѣверѣ она соприкасалась съ Сиріею и горами Ливанскими, на западѣ — съ Финикіею, на югѣ — съ Самаріею, а на востокѣ границею ея была рѣка Іорданъ. Городовъ и большихъ селеній въ Галилеѣ насчитывалось болѣе 200 и народонаселенія до четырехъ милліоновъ, состоявшаго не только изъ іудеевъ, а также изъ смѣшенія израильтянъ съ сирійцами, финикійцами, арабами и прочими инородцами, изъ коихъ многіе приняли іудейскую вѣру. По чудному климату, плодородію и богатству Галилея была самою лучшею областію Палестины. Мягкій, живительный климатъ, самая разнообразная дивная красота природы, неистощимое обиліе плодородія почвы, — все было въ Галилеѣ. И географическое положеніе, и масса путей сообщенія также благопріятствовали Галилеѣ: ее пересѣкали нѣсколько торговыхъ римскихъ дорогъ съ востока на западъ въ Дамаскъ, къ финикійскимъ берегамъ, Средиземному морю, въ Египетъ и Ассирію; другіе пути перерѣзывали ее съ юга на сѣверъ. Промышленность и жизнь кипѣли въ Галилеѣ.... Весьма много страницъ Евангелія отражаютъ природу и жизнь Галилеи. По родинѣ Христа Спасителя городу Назарету, дѣтству, юности и преимущественно тамъ проповѣди Его, Галилея была колыбелью христіанской вѣры. А притчи, чудеса, событія повседневной земной жизни Іисуса Христа — все это образы, воспроизводящіе богатства и красоты природы и нравы жизни Галилейской. Небо, земля, море, хлѣбныя поля, сады, цвѣты, виноградники, трава луговъ, рыбы и птицы — все служило тамъ Спасителю основой и образомъ дивныхъ поученій Его Божественной проповѣди.... А въ наше время Галилея представляетъ только развалины городовъ и селъ и совершенное запустѣніе....

Галилейскаго[1]), между городами Капернаумомъ[2]) и Тиверіадою[3]). По происхожденію изъ города Магдалы святую равноапостольную

---

[1]) *Галилейское море, озеро Геннисаретское* и *Тиверіадское море* суть названія одного и того же обширнаго озера въ Галилеѣ Палестинской. Въ книгахъ Числъ (гл. 34, ст. 11) и Навина (гл. 12, ст. 3) оно называется Киннерефскимъ по внѣшней формѣ овальной. *Тиверіадскимъ* оно называется отъ имени находящагося у его берега *города Тиверіады*; а *Геннисаретскимъ*—отъ имени прибрежнаго же города *Гениссаръ*, или *Геннисарета*, по красотѣ окружающей его природы. Простиралось это озеро въ длину на 30, а въ ширину на 8 верстъ. На сѣверномъ концѣ его входитъ рѣка Іорданъ, а на южномъ она вытекаетъ. Кругомъ озера этого сосредоточенъ былъ богатый промышленный центръ Палестины; по берегамъ озера почти непрерывной линіею тянулись города и деревни съ очень многочисленнымъ населеніемъ. Вода въ озерѣ прозрачна, пріятна на вкусъ и прохладна; ее разсѣкали до четырехъ тысячъ судовъ разнаго вида: военныхъ кораблей Римлянъ, грубыхъ лодокъ рыбаковъ Виѳсаиды и позолоченныхъ шлюпокъ Ирода. Обыкновенно тихое и спокойное озеро Геннисаретское иногда отъ вѣтровъ съ горъ дѣлалось бурнымъ и опаснымъ. Оно славилось чрезвычайнымъ обиліемъ всякой рыбы, такъ что ловить ее было дозволено всѣмъ, и рыба была любимымъ тамъ кушаньемъ до того, что на обѣдѣ для одного великаго раввина было подано триста разныхъ сортовъ рыбъ. Рыбу ѣли свѣжую, соленую, сушеную; изъ нея приготовляли лакомства; совѣтами ея приготовленія и какую ѣсть въ какое время занимались даже раввины, наставляющіе мыть рыбу лучше пивомъ и виномъ. Ловлею и продажею рыбы занимались очень многіе; одни изъ іерусалимскихъ воротъ назывались Рыбными, потому что туда доставлялась масса рыбы изъ Галилеи, и рыбною торговлею занимались даже члены Синедріона, нагружая рыбою цѣлые корабли. Занятіе рыбнымъ промысломъ было не только очень выгоднымъ, но и почетнымъ.... У западнаго берега озера находилась *земля Геннисаретская* (Еваиг. отъ Матѳ., гл. 14, ст. 34 и Марка, гл. 6, ст. 53), которая была первымъ и главнымъ мѣстомъ проповѣди Христа Спасителя. Самое слово Геннисаретъ означаетъ: *сады изобилія*, и нигдѣ не было такихъ красотъ природы и обилія всякихъ растеній и плодовъ самыхъ разныхъ климатовъ, какъ въ *землѣ Геннисаретской*. Плоды на деревьяхъ были въ продолженіе десяти мѣсяцевъ. Еврейскій историкъ того времени Іосифъ Флавій, съ восторгомъ описывая красоты озера Геннисаретскаго, дивный климатъ, пальмы, виноградники, фиги, померанцы, миндальныя деревья, гранаты,—говоритъ, что времена года по-видимому тамъ спорятъ за честь владѣнія этою райскою мѣстностію.... А еврейскій Талмудъ учитъ, что ожидаемый Мессія явится нѣкогда изъ этого озера Тиверіадскаго, или Геннисаретскаго....

[2]) *Капернаумъ* съ еврейскаго значитъ: *селеніе Наума*—городъ, находившійся на западномъ берегу озера Геннисаретскаго. Въ Ветхомъ Завѣтѣ о немъ не упоминается потому, что онъ сравнительно позднѣйшаго происхожденія и выросъ въ городъ изъ рыбачьяго селенія, благодаря подъему торгово-промышленной дѣятельности. Онъ имѣлъ очень красивое мѣстоположеніе. Ироды имѣли въ немъ дворецъ; Римляне имѣли военный постой и таможню. Въ Евангеліяхъ говорится о Капернаумѣ какъ о главномъ мѣстопребываніи Христа Спасителя послѣ того, какъ Онъ оставилъ Назаретъ, такъ что Капернаумъ сталъ называться *Его городомъ* (Еванг. отъ Матѳ., гл. 9, ст. 7). Въ Капернаумѣ и его окрестностяхъ Христосъ совершилъ множество чудесъ, произнесъ много притчей и поученій, но, несмотря на всѣ Его вразумленія, жители остались глухи къ новому благовѣстію, не соотвѣтствовавшему ихъ торгово-промышленной суетѣ, не увѣровали, и Христосъ произнесъ надъ Капернаумомъ грозный судъ: «И ты Капернаумъ, до неба вознесшійся, до ада низвергнешься» (Еванг. отъ Матѳ., гл. 11, ст. 23). И нынѣ отъ Капернаума не осталось никакихъ слѣдовъ....

[3]) *Тиверіада*—городъ на томъ же западномъ берегу Геннисаретскаго озера, нѣсколько южнѣе Капернаума; построенъ былъ въ 17 году по Рождествѣ Христовомъ правителемъ Галилеи Иродомъ Антипою и названъ въ честь тогдашняго Римскаго импе-

Марію и называютъ Магдалиною, для отличія ея отъ прочихъ благочестивыхъ женъ, упоминаемыхъ въ Евангеліи съ именемъ Маріи.

Равноапостольная святая Марія Магдалина была истою галилеянкою. А галилеянинъ, галилеянка въ проповѣди и утвержденіи христіанства означаетъ очень много особеннаго. Галилеяниномъ звали Самого Христа Спасителя[1]), такъ какъ Онъ съ младенчества росъ и жилъ и потомъ много проповѣдовалъ въ Галилеѣ, и даже въ четвертомъ вѣкѣ греко-римскій императоръ Юліанъ Отступникъ умеръ (въ 363 г.) со словами, обращенными ко Христу:

— Ты побѣдилъ (меня), Галилеянинъ!...

Первозванные Апостолы Христовы, которые навсегда оставались самыми близкими къ Спасителю, всѣ были галилеянами, исключая одного только Іуду Искаріота-предателя не галилеянина. При явленіи, послѣ Воскресенія, Христа Спасителя на горѣ въ Галилеѣ многочисленному сонму (болѣе 500) вѣрующихъ, большинство ихъ состояло изъ галилеянъ, ходившихъ за Господомъ во время Его проповѣди по Галилеѣ, слушавшихъ Его ученіе, бывшихъ свидѣтелями Его чудесъ и на себѣ испытавшихъ благость милосердаго Цѣлителя-Іисуса[2]). И какъ вообще галилеяне воспринимали и распространяли ученіе Христово ревностнѣе Іудеевъ прочихъ областей Палестины, поэтому въ началѣ всѣхъ послѣдователей Христа Спасителя называли *галилеянами*. Такъ даже Ангелы Божіи, при вознесеніи Христа Спасителя, назвали всѣхъ вѣрующихъ, бывшихъ на горѣ Елеонской съ Апостолами, *галилеянами*[3]). Галилеяне же также много и рѣзко отличались отъ

ратора Тиверія. Иродъ сдѣлалъ Тиверіаду своею столицею, построилъ великолѣпный дворецъ, храмъ, синагогу, амфитеатръ и окружилъ городъ стѣною. Близъ города былъ цѣлебный теплый горный ручей. Такъ какъ при постройкѣ Тиверіады были срыты древнія гробницы, то Евреи считали городъ нечистымъ, боялись селиться въ немъ, и въ первое время онъ имѣлъ вполнѣ языческій характеръ. Въ окрестностяхъ Тиверіады Христосъ Спаситель проповѣдывалъ и насытилъ пять тысячъ слушателей пятью хлѣбами (Еванг. отъ Іоан., гл. 6). Послѣ разрушенія Римлянами Іерусалима въ 70 году Іудеи устроили въ Тиверіадѣ 13 синагогъ и высшую школу, а тиверіадскій Синедріонъ сталъ высшею религіозною инстанціею. Греческая императрица Елена воздвигла въ Тиверіадѣ храмъ съ 12 Престолами; а съ половины V до половины VI вѣка здѣсь было епископство, возстановленное потомъ во время перваго Крестоваго похода. На развалинахъ Тиверіады былъ построенъ городокъ Табарійе, а въ 1837 году онъ былъ разрушенъ землетрясеніемъ, и нынѣ видны только бѣдныя хижины, но Евреи питаютъ къ этой мѣстности одинаково глубокое уваженіе, какъ къ Іерусалиму.

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 26, ст. 69.

[2]) Явленія Господа Іисуса Христа по Его Воскресеніи. Въ Житіяхъ святыхъ на рус. яз. книга восьмая (м. Апрѣль), стр. 514.

[3]) Дѣян. Апост., гл. 1, ст. 11.

іудеевъ прочихъ областей Палестины, какъ контрастно отличалась природа Галилеи отъ южной Палестины. Въ Галилеѣ природа была жизнерадостна и населеніе живое, простое; въ Палестинѣ южной—безплодная пустыня и народъ, не желающій признавать ничего, кромѣ буквы и формы правилъ. Жители Галилеи охотно воспринимали идеи духа Закона; у іудеевъ же іерусалимскихъ господствовала одна рутинная внѣшность. Галилея стала родиною и колыбелью христіанства; Іудея была изсушена узкимъ фарисействомъ и близорукимъ саддукействомъ. Галилеяне были пылки, отзывчивы, стремительны, благодарны, честны, храбры,—были восторженно религіозны, любили слушать поученія о вѣрѣ и о Богѣ,—были откровенны, трудолюбивы, поэтичны и любили греческое мудрое образованіе[1].... И Марія Магдалина, исцѣленная Христомъ Спасителемъ, проявила въ своей жизни много прекрасныхъ отличительныхъ свойствъ своихъ родичей галилеянъ, первыхъ и ревностнѣйшихъ христіанъ.

Ст҃а́ѧ мѵроно́сица
Марі́ѧ Магдали́на

Относительно первой части жизни святой равноапостольной Маріи Магдалины извѣстно только то, что она была подвержена тяжкому, неизлѣчимому недугу, была одержима, по евангельскимъ словамъ, семью бѣсами[2]). Причина и

[1]) Даже Іерусалимскій Талмудъ свидѣтельствуетъ, что галилеяне заботились болѣе о славѣ, а жители Іудеи—о деньгахъ. У галилеянъ вдова оставлялась въ домѣ покойнаго ея мужа, а у іудеевъ наслѣдники удаляли ее. Отзывчивость галилеянъ къ чужой нуждѣ простиралась до того, что, напримѣръ, обѣднѣвшаго старика односельчане заботливо снабжали ежедневно той живностью, которую онъ имѣлъ обыкновеніе употреблять во время своего благосостоянія. Но ученыхъ школъ галилеяне не заводили, и потому гордые книжники и фарисеи іудеи называли галилеянъ невѣжами и глупцами; за неясное, неотчетливое различеніе и произношеніе галилеянами нѣкоторыхъ еврейскихъ гортанныхъ буквъ раввины іудейскіе не допускали ихъ читать вслухъ молитвы отъ лица собранія и осмѣивали ихъ....

[2]) Еванг. отъ Луки, гл. 8, ст. 2. Слово *бѣсъ* есть переводъ греческаго слова *демонъ — діаволъ*. Въ Священномъ Писаніи Новаго Завѣта *бѣсъ* обычно означаетъ злаго

обстоятельства возникновенія этого ея несчастія неизвѣстны. Но Святое Евангеліе и отцы Церкви Христовой поучаютъ, что такія особенныя тяжкія страданія Провидѣніе Божіе допускаетъ для того, чтобы «явились дѣла Божіи», то есть, чтобы явились особенныя дѣйствія Божіи въ отношеніи къ людямъ и особенныя дѣйствія, совершаемыя Богомъ чрезъ Мессію Христа, каково въ

духа или діавола. Бѣсы хотя вѣруютъ и трепещутъ, и признаютъ Іисуса Христа Сыномъ Божіимъ, но суть слуги сатаны. Среди чудесъ Христа Спасителя особенно поразительны были исцѣленія одержимыхъ бѣсами. Люди, подпавшіе подъ власть бѣсовъ, называются бѣсноватыми, страждущими отъ нечистыхъ духовъ (Еванг. отъ Матѳ., гл. 4, ст. 24; Еванг. отъ Луки, гл. 6, ст. 18). Исцѣленіе бѣсноватыхъ, по отношенію къ бѣсамъ, называется *изгнаніемъ* (Еванг. отъ Матѳ., гл. 8, ст. 16), а по отношенію къ самимъ страдающимъ—называется *исцѣленіемъ*. Вліяніе бѣсовъ на одержимыхъ ими людей обнаруживается всегда чрезъ вліяніе ихъ на тѣло; душа человѣка теряетъ при этомъ свою власть надъ тѣломъ, между тѣломъ и душею вторгается какая-то чуждая сила, которая пагубно дѣйствуетъ на тѣлесные органы души. Бѣсъ сначала поражаетъ нервную систему тѣла и дѣйствуетъ чрезъ нее, производя тѣ же самые симптомы, какіе производятся и другими вліяніями, нарушающими правильную жизнь тѣла. Бѣсовская сила дѣйствуетъ не черезъ духовную и нравственную природу, а чрезъ физическую и умственную природу. Въ Іуду Искаріота-предателя вошелъ діаволъ, то есть подвигъ на предательство, но Іуда не былъ одержимъ бѣсомъ. Бѣсноватость обнаруживается въ ясновидѣніи, когда одержимые бѣсами признавали Христа Сыномъ Божіимъ (Еванг. отъ Луки, гл. 4, ст. 34), также въ безуметвѣ, въ эпилепсіи, нѣмотѣ, скорченности, въ слѣпотѣ (Еванг. отъ Марка, гл. 5. ст. 3; отъ Луки, гл. 8, ст. 27; отъ Матѳ., гл. 9, ст. 32 и мног. др.). Это дало поводъ раціоналистамъ (людямъ, отрицающимъ чудеса) утверждать, что бѣснованіе есть только тѣлесная болѣзнь. Но то, что бѣснованіе сопровождается болѣзнями, нисколько не уясняетъ страшныхъ неестественныхъ, не физическихъ особенностей бѣснованія, въ которомъ слабый физически человѣкъ, напримѣръ, разрываетъ желѣзныя цѣпи или прорицаетъ (Еванг. отъ Марка, гл. 5. ст. 4). Сходство нѣкоторыхъ признаковъ бѣснованія съ естественными болѣзнями тѣла только внѣшнее, обусловливаемое лишь общими законами жизни, нарушенія которыхъ всегда могутъ обнаруживаться одинаково, отъ какихъ бы разныхъ причинъ они ни происходили. И такое ученіе Евангелія о бѣснованіи нисколько не противорѣчитъ даннымъ физіологіи и психологіи. Такъ какъ душа человѣка можетъ подлежать вліянію даже вещественныхъ силъ чрезъ посредство тѣла, то тѣмъ сильнѣе она можетъ подпасть подъ вліяніе силъ духовныхъ, при неспособности души противодѣйствовать такимъ вліяніямъ; это ясно подтверждается многочисленными фактами гипнотизма. И какъ въ гипнотизмѣ одинъ человѣкъ, съ болѣе сильною волею, чрезъ внушеніе можетъ вліять на другого до степени полнаго обладанія имъ и лишенія его способности самоопредѣленія, такъ въ силу того же психологическаго закона и злой духъ, бѣсъ, можетъ всецѣло овладѣть душой слабаго человѣка, который по своей личной грѣховности, или иной причинѣ, дѣлается жертвою страшнаго бѣсовскаго вліянія. И замѣчательно, что бѣсноватыхъ было особенно много именно предъ пришествіемъ Христа Спасителя. Это была особенность того вѣка, и она отчасти объясняется именно тѣмъ, что къ тому времени достигло высшей степени напряженія то душевное безпокойство и слабость, которыя были результатомъ духовной неудовлетворенности и нетерпѣливо тревожнаго ожиданія перемѣны въ этомъ невыносимо тяжкомъ состояніи. Такое душевное состояніе охватило въ то время какъ еврейское, такъ и языческое населеніе Востока. И темныя силы злыхъ духовъ спѣшили раскинуть сѣти своего злобнаго разрушительнаго владычества, предвидя, предчувствуя скорое свое пораженіе Христомъ Спасителемъ. (Подробн. въ правосл. Библейск. Энциклопед. изд. проф. Лопухина 1901 г., том. 2. Толков. Евангеліе арх. Михаила и проч.).

настоящемъ случаѣ исцѣленіе отъ бѣсовъ, для славы Бога и Христа и для духовнаго просвѣщенія, для спасенія Маріи Магдалины. По ученію Христа Спасителя о подобныхъ обстоятельствахъ, слѣдуетъ полагать, что Марія Магдалина была одержима бѣсами не по причинѣ грѣховъ ея или родителей ея, а Провидѣніе Божіе допустило это для того, чтобы Господь Іисусъ Христосъ явилъ дѣло Славы Божіей[1]), явилъ великое чудо исцѣленія Маріи Магдалины, просвѣтлѣнія ея ума, привлеченія ея къ вѣрѣ въ Христа Спасителя и къ вѣчному спасенію. Причина же тяжкаго страданія Маріи Магдалины отъ бѣсовъ, какъ причины и другихъ невѣдомыхъ, непостижимыхъ для человѣка дѣйствій и попущеній Божіихъ въ отношеніи людей, заключается въ міровыхъ тайнахъ премудрости Божіей, которыхъ люди не могутъ постигнуть. Не страдая столь тяжко и неизлѣчимо, Марія Магдалина могла бы или вовсе оставаться въ сторонѣ отъ дѣла Христа Спасителя или же относиться къ чудесамъ Христа Богочеловѣка съ любопытствомъ и удивленіемъ, но безъ живой и спасительной вѣры, и она не возвысилась бы до той высшей, ничѣмъ непоколебимой любви къ Господу, за которую она была утѣшена явленіемъ воскресшаго Христа Спасителя прежде даже всѣхъ ближайшихъ Его Апостоловъ[2]). Но, безпомощная въ страданіяхъ, не могла галилеянка Марія Магдалина быть равнодушна къ слуху о Чудотворцѣ, «исцѣляющемъ всякую болѣзнь и всякую немощь въ людяхъ»[3]). И вотъ, она спѣшитъ найти этого Чудотворца, дѣлается самовидицею, какъ «многихъ исцѣлилъ Онъ отъ болѣзней и недуговъ, и отъ злыхъ духовъ, и глухихъ, и слѣпыхъ, и хромыхъ, и прокаженныхъ, и мертвыхъ воскресилъ»[4]),— и Марія пламенно вѣритъ въ Его всемогущество, прибѣгаетъ къ Его Божественной силѣ, проситъ себѣ исцѣленія и, по вѣрѣ, получаетъ просимое: мучительная сила злыхъ духовъ оставляетъ ее, она освобождается отъ порабощенія бѣсамъ[5]), и жизнь ея освя-

---

[1]) Еванг. отъ Іоан., гл. 9, ст. 3 и объяснен. въ толк. Еванг. арх. Михаила.

[2]) Еванг. отъ Марка, гл. 16, ст. 9; отъ Іоан., гл. 20. ст. 16.

[3]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 9, ст. 35.

[4]) Еванг. отъ Луки, гл. 7, ст. 21, 22; отъ Матѳ., гл. 11, ст. 5 и проч.

[5]) Нѣкоторые толковники Св. Писанія и составители житій и даже Отцы Западной Церкви, объединяющіе Марію Магдалину съ извѣстною грѣшницею, которая въ домѣ Симона фарисея покаялась и получила прощеніе грѣховъ,—полагаютъ, что Евангелисты Лука и Маркъ не точно выразили положеніе Маріи Магдалины, говоря, что Христосъ *бѣсовъ изгналъ* изъ Маріи Магдалины; такіе писатели полагаютъ, что Марія Магдалина не была одержима бѣсами, а лишь была только грѣшницею и будто слова Евангелистовъ «семь бѣсовъ» означаютъ много грѣховъ и пороковъ (такъ полагаетъ, наприм., блаж. Іеро-

щается Божественнымъ сіяніемъ ея Исцѣлителя, Которому Марія Магдалина вполнѣ себя и посвящаетъ—какъ пылкая благодарная галилеянка.

Съ тѣхъ поръ душа Маріи Магдалины воспылала самою чистою и возвышенною, самою благодарною и преданною любовью къ ея Спасителю Христу, и она уже навсегда присоединилась къ Избавителю Своему, всюду слѣдовала за Нимъ, чтобы воспринимать Его спасительныя наставленія и пользоваться каждымъ случаемъ служить Божественному Исцѣлителю своему. А по тогдашнимъ земнымъ обстоятельствамъ, въ которыя поставилъ Себя Христосъ какъ Сынъ Человѣческій, Онъ нуждался въ служеніи и матеріальномъ Ему и дѣлу Его. Вѣдь Христосъ родился въ бѣдности въ пещерѣ, въ которую въ Виѳлеемѣ загоняли домашній скотъ, и колыбелью Его тамъ были простыя ясли[1]). Мать Его по семейной бѣдности[2]) въ жертву, полагавшуюся за новорожденнаго, могла принести въ храмъ Божій только двухъ молодыхъ голубей. Въ маленькомъ Галилейскомъ городкѣ Назаретѣ[3]) Хри-

нимъ, Августинъ, Григорій Велик. и проч.). Но такъ перетолковывать прямыя слова двухъ Евангелистовъ можно на основаніи только еврейской демонологіи, по которой всѣ самыя обыкновенныя страсти человѣческія и всѣ болѣзни раввины приписываютъ злымъ духамъ. И Талмудъ еврейскій много приписываетъ безстыдныхъ пороковъ, толкуетъ о необыкновенной красотѣ и плетеніи волосъ Маріи Магдалины и о ея богатствѣ.... Но Православная Восточная Церковь не смѣшиваетъ грѣшницу неизвѣстнаго имени, прощенную въ домѣ Симона фарисея, съ Маріею Магдалиною и не перетолковываетъ прямыхъ словъ двухъ Евангелистовъ объ изгнаніи именно бѣсовъ изъ Маріи Магдалины. А св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій, основательно пишетъ: «Аще бы Магдалина оною была блудницею, то вслѣдъ Христа и Его учениковъ явно грѣшницѣ, долгое время ходящей, что бы рекли ненавистницы Христовы жидове, ищуще на Него каковыя-либо вины, да Его охулятъ и осудятъ. Аще ученицы Христовы единожды узрѣвшіе Господа съ самарянынею бесѣдующа, чудяхуся, яко съ женою глаголаше, кольми паче враждебницы не умолчали бы, егда бы видѣли явно грѣшницу по вся дни Ему послѣдующую и служащую»....

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 2, ст. 7, 12, 16.

[2]) Еванг. отъ Луки, гл. 2, ст. 24.

[3]) *Назаретъ* (слово означаетъ *отпрыскъ*, по другимъ—*стражъ*, *охранитель*) былъ городкомъ въ Галилеѣ, находился на юго-западѣ отъ Капернаума и горы Ѳаворъ. Расположенъ былъ на горѣ, возвышавшейся на 600 футовъ надъ уровнемъ моря. Видъ съ вершины горы по красотѣ и разнообразію былъ прекрасенъ на долины, горы и Средиземное море. Населеніе было бѣдно, невелико и не пользовалось уваженіемъ у Іудеевъ (Еванг. отъ Іоан., гл. 1, ст. 46). Назаретъ получилъ всемірную извѣстность какъ мѣсто Благовѣщенія Пресвятой Дѣвѣ о рожденіи Сына Божія Спасителя міра. Въ Назаретѣ протекли дѣтство, юность и жизнь Іисуса Христа до самаго Его выступленія въ открытое служеніе спасенію человѣковъ (Еванг. отъ Луки, гл. 2, ст. 39—51). Отъ этого Его называли Назаряниномъ, Назареемъ (Еванг. отъ Іоан., гл. 19, ст. 19) и даже долго христіанъ называли на Востокѣ *назарянами*. Назаретъ, разрушенный въ XIII вѣкѣ Турками, потомъ былъ построенъ вновь и нынѣ имѣетъ нѣсколько тысячъ жителей изъ грековъ, мусульманъ, римскихъ католиковъ и другихъ; состоя подъ покровительствомъ христіанскихъ консуловъ, служитъ мѣстомъ паломничества со всѣхъ странъ христіанскаго міра.

стосъ какъ усыновленный членъ семьи простого плотника до 29 лѣтъ жилъ также въ бѣдности. И во время проповѣди Евангелія Царствія Божія Христосъ оставилъ совсѣмъ въ сторонѣ отношенія къ семьѣ Своего усыновителя Іосифа[1]), въ которой воспитывался, и всякія попеченія о Своемъ матеріальномъ благополучіи и личной собственности для того, чтобы въ дѣлѣ исполненія великой миссіи Богочеловѣка было возможно меньше препятствій. Поэтому Христосъ не имѣлъ никакого имущества, кромѣ носильной одежды странствующаго галилейскаго учителя вѣры, такъ что, послѣ трехъ лѣтъ Его общественнаго служенія, Христосъ оцѣненъ былъ только въ тридцать сребренниковъ, то есть около 30 рублей, что составляло тогда въ Палестинѣ цѣну за самаго бѣднаго неимущаго изъ рабовъ[2]). На землѣ, которую Онъ пришелъ спасти, Христосъ не владѣлъ никакимъ клочкомъ земли, никакимъ домомъ.

— Лисицы имѣютъ норы и птицы гнѣзда, а Сынъ Человѣческій не имѣетъ, гдѣ преклонить голову[3]),—сказалъ Самъ Христосъ.

Безъ жилища и имущества и обыкновенная пища Спасителя состояла, какъ пища самаго простаго бѣднаго галилеянина, изъ ячменнаго хлѣба[4]) да изловленной въ Галилейскомъ озерѣ и сваренной въ кипяткѣ тамъ же на берегу рыбы, а по временамъ— изъ куска дикаго меда, который жители свободно собирали. Укоръ же лукавыхъ фарисеевъ, что Сынъ Человѣческій «любитъ ѣсть и пить вино»[5]), относился къ тому, что Христосъ не отказывался раздѣлять трапезу приглашавшихъ Его какъ общественнаго учителя, такъ какъ учители тамъ пользовались гостепріимствомъ[6]). И хотя Апостолы и нѣкоторые послѣдователи Христа владѣли небольшимъ имуществомъ, — у Апостола Петра былъ домъ въ Капернаумѣ, у Іоанна—въ Іерусалимѣ, а другіе почитатели Христа занимались нѣкоторыми промыслами, и имѣлся у нихъ общій денежный ящикъ[7]) для оплаты расходовъ на насущныя потребности,

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 12, ст. 46—50; отъ Марка, гл. 3, ст. 31—35; отъ Луки, гл. 8, ст. 19—21.

[2]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 26, ст. 15. Жизнь Іисуса Христа профес. Фаррара, изд. 1887 г. ч. I, стр. 165.

[3]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 8, ст. 20.

[4]) Еванг. отъ Іоан., гл. 6, ст. 9. *Ячменный хлѣбъ* былъ хлѣбомъ бѣдняковъ и римскимъ солдатамъ давался только въ видѣ наказанія, напримѣръ, за утрату знаменъ. Евреи считали ячмень пищею лошадей и ословъ.

[5]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 11, ст. 19.

[6]) Еванг. отъ Луки, гл. 5, 7 и 10.

[7]) Еванг. отъ Іоан., гл. 12, ст. 6; гл. 13, ст. 29.

на вспомоществованіе другимъ бѣднымъ и на милостыню нищимъ. Но даже небольшія суммы на крайнія необходимости не всегда бывали тамъ у нихъ въ наличности. Такъ что когда іудейскіе сборщики ничтожной подати на храмъ пришли къ Апостолу Петру и сказали:

— Учитель вашъ не дасть ли дидрахмы (только около 40 копѣекъ),—то ни у Христа-Учителя, ни у учениковъ Его не оказалось подобной ничтожной суммы[1])!..

А между тѣмъ о Христѣ и чудесахъ Его «шелъ слухъ по всей Сиріи[2]); и приводили къ Нему всѣхъ немощныхъ, одержимыхъ различными болѣзнями, и припадками, и бѣсноватыхъ, и лунатиковъ, и разслабленныхъ, и Онъ исцѣлялъ ихъ. И слѣдовало за Нимъ множество народа изъ Галилеи и десятиградія, и Іерусалима, и Іудеи, и изъ-за Іордана»[3]). И среди этого множества всякаго народа изъ разныхъ отдаленныхъ мѣстностей находилось много бѣдныхъ, нуждающихся не только въ пищѣ, а даже и въ одеждѣ...

Такъ вотъ по всему этому-то многія благочестивыя жены, которыя исцѣлены были Христомъ отъ тяжкихъ болѣзней и имѣли достатки отъ своихъ имущественныхъ средствъ, сопутствуя своему Благодѣтелю въ хожденіи Его съ проповѣдью Евангелія, «служили Ему имѣніемъ своимъ»[4]), то есть, въ случаяхъ нужды уплачивая расходы по насущнымъ потребностямъ бѣдныхъ, сопутствовавшихъ

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 17, ст. 24—27. «Да,—сказалъ Іисусъ Петру,—хотя Я свободенъ отъ уплаты дидрахмы, ибо Я—Сынъ Божій, а дидрахмы берутся для храма Отца Моего.—Но чтобы намъ не соблазнить ихъ, пойди на море (озеро Геннисаретское), брось уду и первую рыбу, которая попадется, возьми и, открывъ у нея ротъ, найдешь статиръ (монета серебряная цѣнностію въ 4 драхмы)—возьми его и отдай имъ за Меня и за себя»...

[2]) Слово *Сирія* (высокая) въ еврейскомъ текстѣ означается словомъ Арамъ, подъ которымъ разумѣется Сирія и Месопотамія вмѣстѣ. Все пространство отъ рѣки Евфрата до Средиземнаго моря и отъ Таврскихъ горъ до Аравіи составляло Сирію. Долины Сиріи очень плодоносны, изобилуютъ пшеницею, виноградомъ, табакомъ, оливками, апельсинами, финиками и проч. Климатъ очень здоровъ и пріятенъ. Ни одна страна не была столь извѣстна въ древности, какъ Сирія, даже своей цивилизаціею. Изъ Галилеи распространилась слава объ Іисусѣ Христѣ по всей Сиріи какъ о великомъ чудотворцѣ... Въ предѣлахъ Сиріи находятся девять десятыхъ мѣстностей различныхъ событій изъ Священной Исторіи. Сирія была мѣстомъ сохраненія Церквей Божіихъ и была свѣтильникомъ, свѣтъ котораго сіялъ оттуда во мракѣ міра въ продолженіе двѣнадцати вѣковъ. Всѣ части Сиріи были освящены стопами Христа Спасителя, Его Апостоловъ и исповѣдниковъ. Вся эта страна составляетъ огромный живой комментарій Слова Божія, раскрытый для нравственнаго чтенія во всѣ времена и для посрамленія невѣрующихъ Свящ. Писанію....

[3]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 4, ст. 25; отъ Луки, гл. 6, ст. 17; отъ Марк., гл. 3, ст. 7 и 8.

[4]) Еванг. отъ Луки, гл. 8, ст. 3.

ихъ Спасителю и, по указанію Его, оказывали необходимыя пособія нуждающимся въ матеріальной помощи. Изъ такихъ благодарныхъ женъ Евангелистъ Лука называетъ Марію Магдалину первою[1]), потому что она первая подала другимъ примѣръ такого признательнаго служенія дѣлу Богочеловѣка или же она преимуществовала предъ всѣми прочими усердіемъ въ этомъ святомъ дѣлѣ. А безкорыстное, ревностное ихъ служеніе Христу Спасителю въ то время, когда «Онъ не имѣлъ, гдѣ головы преклонить», и отъ большинства людей видѣлъ холодность, удивленіе или вражду,—было отрадно Господу Іисусу, много утѣшало Его среди постоянныхъ трудовъ и частыхъ оскорбленій.

Особенно замѣчательна при этомъ была чрезвычайная стойкость и необыкновенное мужество, съ которыми относилась святая Марія Магдалина къ своему Избавителю. И не смотря на всякія препятствія и страшныя опасности, даже въ тяжкіе дни и часы жестокихъ страданій Христа, Марія Магдалина явила себя мужественнѣе и преданнѣе Апостоловъ до того, что, когда почти всѣ и Апостолы, несмотря на обѣщанія свои умереть съ Господомъ, побѣждены были страхомъ отъ враговъ Господнихъ, «бѣжали»[2]) и скрылись,—Марія Магдалина любовью побѣдила страхъ и непоколебимостью своего участія къ Страдавшему старалась смягчить тернистый путь, какимъ Онъ шелъ для спасенія міра. Жестокія страданія Спасителя, распятаго на крестѣ[3]), усугубляли вызываю-

---

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 8, ст. 2.

[2]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 26, ст. 56.

[3]) Распятіе на крестѣ, то есть крестная казнь, отъ древнихъ временъ и у Римлянъ служила рабскою, самою позорною, самою жестокою казнью, которою предавались смерти только измѣнники, убійцы и величайшіе злодѣи. У Іудеевъ эта казнь признавалась «проклятою» (Второзакон., гл. 21, ст. 22 и 23 и 1 посл. Ап. Павла Коринѳ., гл. 1, ст. 23 и проч.). По римскому обычаю, преступленіе распятаго писалось кратко на дощечкѣ, прикрѣпленной сверху ко кресту. Смерть на крестѣ заключала въ себѣ все, что только есть самаго ужаснаго и самаго мучительнаго въ пыткахъ и въ смерти безъ лишенія сознанія и чувствъ: противоестественность висѣнія тѣла на гвоздяхъ дѣлала мучительнымъ всякое малѣйшее движеніе; воспаленныя и постоянно все болѣе разрываемыя раны близъ гвоздей разъѣдала гангрена; артеріи, особенно на головѣ и животѣ, распухали и наливались кровью, производя страшный жаръ и невыносимую жажду. Страданія распятыхъ были столь велики и ужасны, продолжаясь иногда по нѣскольку дней, что у Римлянъ обычно ускоряли приближеніе смерти ударами и пронзеніемъ копьемъ. Іудеямъ же, въ силу Закона Моисея (Второзакон., гл. 21), дозволено было оканчивать страданія распятыхъ прежде солнечнаго заката и было въ обычаѣ давать пить распятому вино, смѣшанное со смирною (Еванг. отъ Марка, гл. 15, ст. 23) или съ желчью (Еванг. отъ Матѳ., гл. 27, ст. 34), которое отуманивало сознаніе, чтобы нѣсколько облегчить страданія; но Іисусъ Христосъ не принялъ, не пилъ такого напитка, облегчающаго страданія. Богатыя іерусалимскія женщины доставляли такое одур-

щія наглыя глумленія іудейскихъ первосвященниковъ, книжниковъ и старѣйшинъ, которые, не довольствуясь исполненіемъ ихъ гнуснаго мщенія, находясь близъ креста Распятаго Христа, насмѣшливо высказывали безсовѣстные и дерзкіе упреки Невинному Страдальцу, говоря:

— Другихъ спасалъ (отъ смерти), а Себя Самого не можетъ спасти. Пусть спасетъ Себя, если Онъ Христосъ, Царь Израильскій, пусть теперь сойдетъ со креста, чтобы мы видѣли,—и увѣруемъ въ Него[1])...

Также и воины римскіе ругались надъ нимъ и, подходя, говорили:

— Если Ты Царь Іудейскій, спаси Себя[2])...

И разбойники, распятые съ Нимъ, ругались надъ Нимъ и, злословя Его, одинъ сказалъ:

— Если Ты Христосъ, спаси Себя и насъ[3])...

И проходящіе изъ толпы злословили Его, кивая головами своими и говоря:

— Э, разрушающій храмъ и въ три дня созидающій, если Ты—Сынъ Божій, сойди со креста[4])...

И вотъ, когда такимъ образомъ глупость и дикость толпы съ низкой злобой іудейскихъ старѣйшинъ окружали Распятаго Христа,—мученическій взоръ Его съ утѣшеніемъ замѣчалъ слезы благочестивыхъ женщинъ, между которыми Марія Магдалина была «изъ первыхъ же»[5]). Въ этихъ сострадательныхъ слезахъ какъ бы блеснулъ для Сына Человѣческаго лучъ свѣта среди мрачнаго царства грѣха, и этотъ лучъ отъ благодарныхъ женщинъ утѣшилъ Невиннаго Страдальца свидѣтельствомъ еще не въ конецъ испорченной природы человѣческой.

День великаго искупленія Богочеловѣкомъ падшаго человѣчества былъ ясный. Время было уже около полудня, а по еврейскому названію временъ дня, былъ часъ шестой[6]). Но вотъ въ этотъ

маниваюшее питье на свой счетъ, не обращая вниманія на личности распинаемыхъ. Возмутительную казнь распятіемъ на крестѣ уничтожилъ въ Римской имперіи только императоръ Константинъ Великій, а въ Римской республикѣ распинали даже и дѣтей...

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 27, ст. 41—43; отъ Марка, гл. 15, ст. 31—32; отъ Луки, гл. 23, ст. 35.

[2]) Еванг. отъ Луки, гл. 23, ст. 36—37.

[3]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 27, ст. 44; отъ Луки, гл. 23, ст. 39.

[4]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 27, ст. 39—40; отъ Марка, гл. 15, ст. 29—30.

[5]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 27, ст. 55 и 56; отъ Марка, гл. 15, ст. 40; отъ Луки, гл. 23, ст. 27.

[6]) Еванг. отъ Луки, гл. 23, ст. 44; отъ Матѳ., гл. 27, ст. 45; отъ Марка, гл. 15, ст. 33.

ясный полдень «меркнетъ солнце и дѣлается тьма[1]) до часа девятаго», то есть, по современному названію часовъ дня, до третьяго часа пополудни[2]). Страшное, величественное, внушительное небесное знаменіе—угасаніе солнца, тьма, объявшая все земное среди полуденнаго яркаго свѣта, тяжело сдавила хулителей Невиннаго Христа, привела ихъ въ ужасъ и молчаніе. Знакомые же почитатели Распятаго, сначала стоявшіе вдали и смотрѣвшіе[3]), приблизились къ Страдальцу, окружили крестъ Его и изъ нихъ Евангелистъ называетъ Марію Магдалину опять первою[4]). Такимъ образомъ, Марія Магдалина у ногъ Христа Спасителя не только чудотворца, прославляемаго и воспѣтаго младенцами, но и у ногъ Іисуса Назарянина[5]) — униженнаго, обезчещеннаго, позорно распятаго, оставленнаго даже Его Апостолами!..

И послѣ смерти Исцѣлителя Своего Марія Магдалина не покидаетъ Его: она сопровождала перенесеніе тѣла Его Іосифомъ[6])

---

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 23, ст. 45. Тьма эта не была обыкновеннымъ солнечнымъ затмѣніемъ—по извѣстнымъ естественнымъ законамъ движенія Солнца и Луны. Это было явленіе сверхъестественное, которое, вмѣстѣ съ послѣдующими особыми знаменіями въ природѣ, свидѣтельствовало объ исключительномъ величайшемъ значеніи событія Искупленія. Необычайность и достовѣрность этой тьмы засвидѣтельствована была тремя языческими писателями того времени: римскимъ историкомъ и астрономомъ Флегонтомъ, Юліемъ Африканомъ, историкомъ Ѳалломъ и еще непоименованнымъ у историка Евсевія четвертымъ языческимъ историкомъ. Въ ихъ записяхъ вполнѣ совпадаютъ и часы этой тьмы съ апостольскими указаніями, что были видны звѣзды на небѣ. Св. Іоаннъ Златоустъ, Ѳеофилактъ и Евѳимій полагаютъ, что тьма эта произведена была массовымъ сгущеніемъ облаковъ между Землею и Солнцемъ—дѣйствіемъ силы сверхъестественной, какъ знаменіе гнѣва Божія на нечестіе людей (подробн. у проф. Буткевича «Жизнь Господа нашего Іисуса Христа». Историко-критическ. изд. 1887 г., стр. 746—748). Суточный день считался съ шести часовъ вечера до 6 вечера другого дня. Собственно же свѣтъ дня считался съ шести часовъ утра. Отъ 6 часовъ утра до 9 считалась первая часть дня, которую называли третьимъ часомъ дня; отъ 9 до 12 часовъ была вторая часть дня, называвшаяся шестымъ часомъ; отъ полудня до 3 часовъ была третья часть дня, называвшаяся девятымъ часомъ; отъ 3 до 6 часовъ вечера считалась четвертая часть, которая называлась двѣнадцатымъ часомъ дня. Ночь также раздѣлялась на четыре стражи, каждая по три часа.

[2]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 27, ст. 45; отъ Марка, гл. 15, ст. 33; отъ Луки, гл. 23, ст. 44.

[3]) Еванг. отъ Луки, гл. 23, ст. 49; отъ Матѳ., гл. 27, ст. 55; отъ Марка, гл. 15, ст. 40.

[4]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 27, ст. 56; отъ Марка, гл. 15, ст. 40.

[5]) Надпись надъ крестомъ вины Христовой была: «Іисусъ Назорей Царь Іудейскій»,—Назарей значило Назарянинъ—мѣстность, откуда былъ распятый Іисусъ; такъ называли Іисуса Христа по Его происхожденію изъ Назарета.

[6]) *Іосифъ изъ города Аримаѳеи*, или *Рамаѳаима*, человѣкъ богатый, твердаго характера, безукоризненной жизни, былъ почетнымъ членомъ іерусалимскаго Синедріона; по робости нрава ранѣе не рѣшался объявить себя почитателемъ Христа, но и не принималъ участія въ приговорѣ противъ Іисуса. Въ негодованіи за распятіе Его хотѣлъ почетнымъ погребеніемъ Христа выразить свою преданность—какъ къ мученику и жертвѣ злоумышленій.

Аримаѳейскимъ и Никодимомъ[1]) отъ креста ко гробу[2]), была при погребеніи Его, смотрѣла, гдѣ полагали Христа[3]) и когда, чтобы отдать честь по Закону Божію наступающему уже великому празднику Пасхи, оставила погребенное Его тѣло, то пламенная благодарная любовь Маріи Магдалины въ глубокой скорби открыла ей источникъ утѣшенія. Любовь внушила ей желаніе оказать и съ ея стороны возможную послѣднюю честь уничиженному Іудеями ея Спасителю. Она покупаетъ мѵро и ароматы[4]), чтобы помазаніемъ тѣла погребеннаго Христа воздать Ему, по еврейскому обычаю, возможную почесть.

Предпріятіе это, давшее Маріи Магдалинѣ наименованіе еще и мѵроносицы, принадлежало ей, такъ какъ два Евангелиста поставляютъ ее опять первою между нѣкоторыми другими женами, ей послѣдовавшими въ немъ, а третій—только одну ее[5]) и именуетъ въ этомъ благородномъ дѣлѣ.

И вотъ среди ночного еще сумрака[6]) перваго дня недѣли, послѣ скорбной Субботы, среди опасности отъ озлобленныхъ Іудеевъ, уже покушавшихся наложить руки на учениковъ Христовыхъ, и въ то время, когда Апостолы Распятаго съ разбитою душею заперлись въ своемъ помѣщеніи,—Марія Магдалина съ нѣкоторыми благочестивыми женами, презирая угрожающую опасность, безстрашно идетъ ко Гробу Спасителя, неся ароматы и мѵро[7]), приготовленныя для помазанія тѣла Христова, чтобы ока-

---

[1]) *Никодимъ* былъ знаменитымъ фарисеемъ и членомъ Синедріона. Онъ посѣтилъ Христа Спасителя въ Іерусалимѣ ночью съ цѣлію подробнѣе и свободнѣе узнать ученіе Христово, и Господь открылъ ему главныя основы ученія Евангельскаго (Еванг. отъ Іоанна, гл. 3). Онъ былъ очень богатъ, почтилъ Христа погребеніемъ, принеся 100 фунтовъ состава изъ смирны и алоя для помазанія Тѣла Христова. Впослѣдствіи принялъ Крещеніе отъ Апостоловъ.

[2]) *Гробомъ* называли тогда гробницы іудейскія, или пещеры, вырытыя, высѣченныя въ скалистыхъ холмахъ, внутри которыхъ устраивали ложе для погребаемаго. Близъ мѣста распятія Христа Спасителя былъ садъ Іосифа Аримаѳейскаго и въ скалѣ—новая гробница, которую приготовилъ онъ для себя. Іудеи благоговѣли предъ своими гробницами, но Іосифъ безъ колебанія отдалъ ее Невинному Страдальцу, торопясь окончить погребеніе, такъ какъ наступала пасхальная Суббота.

[3]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 27, ст. 61; отъ Марка, гл. 15, ст. 47.

[4]) Еванг. отъ Луки, гл. 23, ст. 56.

[5]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 28, ст. 1; отъ Марка, гл. 16, ст. 1; отъ Іоан., гл. 20, 1.

[6]) Еванг. отъ Іоан., гл. 20, ст. 1.

[7]) Еванг. отъ Луки, гл. 23, ст. 56; отъ Марка, гл. 16, ст. 1.—*Мѵрра, смирна* есть благоуханная смола изъ бальзамнаго дерева, растущаго въ Аравіи, Египтѣ и Абиссиніи. Смола эта отчасти сама собою истекала изъ дерева, отчасти добывалась посредствомъ надрѣзыванія коры дерева. Она маслянисто, сгущаясь, получала цвѣтъ бѣло-желтый; отвердѣвъ же, становилась красноватою; вкусъ этой смолы острогорькій, запахъ особенно

зать Почившему послѣднюю дань любви и почитанія. О стражѣ, приставленной іудеями къ пещерѣ Гроба Христова, и о запечатаніи первосвященниками входа въ нее Марія Магдалина не знала, такъ какъ все это произошло уже послѣ удаленія всѣхъ почитателей Іисуса изъ сада[1]) Іосифа Аримаѳейскаго. Но теперь, на пути изъ Іерусалима къ пещерѣ Гроба Христова, Марія Магдалина вспомнила, что входъ въ ту пещеру былъ закрытъ Іосифомъ и Никодимомъ такимъ большимъ, тяжелымъ камнемъ, котораго не въ силахъ отвалить отъ входа ни она, ни спутницы ея. И вотъ, въ смущеніи объ этомъ препятствіи, мѵроносицы говорятъ между собою:

— Кто отвалитъ намъ камень отъ дверей гроба?[2])...

Размышляя объ этомъ, Марія Магдалина, опередя прочихъ мѵроносицъ и подойдя ближе къ пещерѣ Гроба, взглянувъ, вдругъ видитъ, что смущавшій ее камень уже отваленъ отъ входа въ пещеру[3])...

У іудеевъ того времени камень, закрывавшій доступъ ко гробу умершаго, считался неприкосновеннымъ, какъ бы священнымъ. И отваленіе камня отъ входа въ пещеру Гроба Христова показывало, что съ тѣломъ Погребеннаго тамъ произошло что-то особенное. Что же именно?—Проще и прежде всего была мысль, что тѣло Іисуса взято кѣмъ-либо изъ этой пещеры Іосифа Аримаѳейскаго и могло быть положено въ другомъ мѣстѣ. И эта мысль—лишиться возможности воздать Ему послѣднюю честь—столь по-

ароматичный до того, что производилъ круженіе въ головѣ и потерю сознанія. Мѵрра, или смола эта, по способности ея противостоять всякому гніенію, у іудеевъ и египтянъ употреблялась на мазаніе и бальзамированіе тѣлъ умершихъ (Еванг. отъ Іоан., гл. **19**, ст. 39). Въ Ветхомъ Завѣтѣ мѵро для священнаго помазанія составлялось изъ смирны, то есть смолы самотечной, корицы и тростника пахучихъ, изъ кассіи и оливковаго масла (Исход., гл. **30**, ст. **23**—25). Этимъ мѵромъ, по повелѣнію Божію, были помазаны Скинія Завѣта, потомъ Ааронъ и сыновья его для священнаго служенія Богу, а послѣ помазывались мѵромъ и цари и пророки. Помазаніе мѵромъ есть внѣшній, видимый знакъ освященія предмета и сообщенія помазуемому человѣку даровъ и силъ Духа Божія. И въ Православной христіанской Церкви отъ временъ Апостоловъ существуетъ Таинство Мѵропомазанія, чрезъ которое вѣрующему при помазаніи освященнымъ мѵромъ его головы, персей, глазъ, ушей, губъ, рукъ и ногъ во имя Св. Духа подаются дары Св. Духа, возращающіе и укрѣпляющіе въ жизни духовной. Священнымъ мѵромъ помазуются христіанскіе храмы и цари при коронованіи на великое царственное ихъ служеніе...—Кромѣ мѵрры, евреи при погребеніи умершихъ употребляли еще ароматическіе порошки, которыми осыпали пелены и самое ложе, на которое полагалось тѣло. Такіе ароматы въ порошкѣ, кромѣ мѵра, были приготовлены для гроба Христова и мѵроносицами.

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. **27**, ст. 62—66.

[2]) Еванг. отъ Марка, гл. **16**, ст. 3.

[3]) Еванг.: отъ Іоан., гл. **20**, ст. 1; отъ Марка, гл. **16**, ст. 4.

разила Марію Магдалину, что она, не медля же, не входя въ пещеру, побѣжала назадъ въ Іерусалимъ, чтобы извѣстить Апостоловъ Петра и Іоанна о случившемся при Гробѣ Христовомъ. Она была увѣрена, что, извѣщенные ею, Апостолы примутъ самое дѣятельное участіе въ разъисканіи тѣла Іисуса:

— Унесли Господа изъ Гроба, и не знаемъ, гдѣ положили Его,—говоритъ она Апостоламъ[1]).

И дѣйствительно, ревностнѣйшіе Апостолы Петръ и Іоаннъ тотчасъ пошли ко Гробу[2]). Они побѣжали оба вмѣстѣ; но Іоаннъ бѣжалъ скорѣе Петра и пришелъ ко Гробу первымъ; наклонившись, онъ увидѣлъ лежащія пелены, но не вошелъ въ пещеру Гроба. Вслѣдъ за нимъ приходитъ Симонъ Петръ, входитъ во Гробъ и

---

[1]) Еванг. отъ Іоан., гл. **20**, ст. 2.

[2]) Въ описаніи осады Іерусалима въ 70 году Титомъ Флавіемъ Веспасіаномъ, провозглашеннымъ тогда же Римскимъ императоромъ, гробница Іосифа Аримаѳейскаго была упомянута устроенной по типу обыкновенныхъ одиночныхъ пещерныхъ еврейскихъ гробницъ. Это и со стороны подтверждаетъ, что гробъ, гдѣ погребенъ былъ Христосъ, былъ высѣченъ въ природной скалѣ, внутри невысокаго холма въ видѣ двухъ камеръ или частей: входной и еще собственно погребальной. Входъ въ пещеру устроенъ былъ по обыкновенію на востокъ и задвигался, закрывался большимъ камнемъ. Мѣсто погребенія во второй части пещеры высѣчено было въ видѣ ложа, или прилавка къ стѣнѣ, или лежанки, по правую сторону отъ входа. Высота усыпальницы была нѣсколько выше роста человѣческаго, а высота входа — около трети роста человѣка. Разстояніе гробницы Іосифа отъ Голгоѳы было около 17 саженей (или 120 фут.)... Около половины втораго вѣка Римскій императоръ Адріанъ, рѣшивъ эллинизировать іудеевъ, приказалъ засыпать всѣ неровности мѣстности и холмы іерусалимскіе; и потомъ на мѣстѣ христіанскихъ святынь воздвигнуты были языческія капища для Юпитера и Венеры. Но въ 333 году, по повелѣнію императора Константина Великаго, капища эти были срыты, насыпи свезены, и тогда пещера съ Гробомъ Христовымъ была открыта въ неприкосновенности. Великолѣпный богатѣйшій храмъ окружилъ эту христіанскую святыню, но внѣшность пещеры Св. Гроба была измѣнена: чтобы удобнѣе помѣстить ее въ храмъ, самую гробницу отдѣлили отъ скалы и входной (вестибюльной) части такъ что сохранена была только погребальная часть пещеры.... Затѣмъ съ седьмаго столѣтія Персы, Евреи, Арабы и Турки, побѣждая Грековъ, употребляли всѣ средства, дабы стереть съ лица земли погребальное ложе Богочеловѣка. И хотя большая часть стѣнъ и верхъ пещеры были уничтожены, но самое ложе и нижняя часть стѣнъ пещеры несокрушимо устояли до настоящихъ дней, какъ подлинные и несомнѣнные памятники, освященные пребываніемъ въ нихъ Христа Спасителя. И до конца дней многогрѣшной земли это освященное каменное ложе будетъ привлекать къ себѣ вѣрующихъ, давать имъ отраду, успокоеніе и отпускать съ умиленной душой припадающихъ къ нему... —Точныя измѣренія Правосл. Палестинск. Рус. Общества въ 1886 году даютъ слѣдующее о мѣстѣ сооруженій при Св. Гробѣ Христовомъ: толщина двери пещеры Св. Гроба—1 арш. и 1 верш., высота двери—1 арш. и 14 верш., такъ какъ послѣ пожара 1808 года она была увеличена въ высоту, но на старинныхъ рисункахъ, какъ и первоначально, она имѣла квадратную форму и входить можно было только на колѣнахъ и наклоняться, чтобы заглянуть внутрь пещеры, а ширина этой двери и теперь только 13 вершковъ; длина пещеры Св. Гроба—2 аршина и 14 вершк., ширина вмѣстѣ съ ложемъ—2 аршина; ширина святаго ложа 1 арш. и 5 вершк., высота ложа отъ пола 13 вершковъ, толщина мраморной на немъ доски—1 верш., высота пещеры внутри около 4 аршинъ.

видитъ пелены лежащія и платъ, который былъ на главѣ Іисуса, не съ пеленами лежащій, но особо, въ другомъ мѣстѣ,—и все сложенное въ порядкѣ. Тогда вошелъ и Іоаннъ, увидѣлъ и, молча, увѣровалъ, что Христосъ воскресъ; такъ какъ если бы кто перенесъ тѣло Іисуса въ другое мѣсто, то сдѣлалъ бы это, не обнажая его, равно какъ если бы кто похитилъ его, то не сталъ бы заботиться о томъ, чтобы снять платъ, свить его и положить на другомъ мѣстѣ, но взялъ бы тѣло въ томъ видѣ, въ какомъ оно лежало; да и смирна съ алоемъ, употребленные Никодимомъ при погребеніи Христа, очень крѣпко приклеиваютъ пелены къ тѣлу,—поясняетъ святый Іоаннъ Златоустъ[1])...—Но не съ одинаковымъ чувствомъ отошли Апостолы отъ опустѣвшаго Гроба своего Учителя: Петръ, вмѣсто вѣры, только съ удивленіемъ «пошелъ назадъ, самъ въ себѣ дивясь произшедшему»[2])...

Когда въ такомъ, еще смутномъ и слабомъ настроеніи Апостолы ушли отъ опустѣлаго Гроба Христова, къ нему возвратилась опять Марія Магдалина. Дойдя до пещеры Гроба, она стала плакать и, безутѣшно скорбя, наклонилась[3]) въ низкій входъ пещеры, чтобы еще взглянуть туда, гдѣ былъ погребенъ ея Спаситель. И тамъ видитъ, въ бѣломъ одѣяніи сидящихъ, двухъ Ангеловъ[4])—одного

---

[1]) Еванг. отъ Іоан. гл. **20**, ст. 3—9. Жнтія свят. на русск. яз. кн. 8, м. апр., стр. 490.—Бесѣды св. Іоанна Златоуста на Еванг. Іоанна Богосл., т. 8, изд. 1902 г., стр. 580.

[2]) Еванг. отъ Луки, гл. **24**, ст. 12.

[3]) Еванг. отъ Іоан., гл. **20**, ст. 11.

[4]) Еванг. отъ Іоан. гл. **20**, ст. 12 и слѣд. Слово *Ангелъ* означаетъ: *вѣстникъ*, *посланникъ* и употребляется въ Свящ. Писаніи въ многоразличныхъ значеніяхъ. Но въ собственномъ тѣсномъ смыслѣ слово *Ангелы* въ Библіи означаетъ личныя, духовныя существа, совершеннѣйшія человѣка и сотворенныя Богомъ, которыя возвѣщаютъ людямъ волю Божію и исполняютъ на землѣ Его велѣнія. Ангелы сотворены Богомъ прежде творенія видимаго міра, они духовны и если не безтѣлесны, то имѣютъ нѣкое особенно легкое эфирное тѣло. Для Ангеловъ не существуютъ человѣческія пространственныя условія, но они не вездѣсущи. Въ совершенствѣ они ограничены и, несмотря на быстроту и глубину разумѣнія, они невсевѣдущи; несмотря на чистоту и святость, Ангелы могутъ подвергаться искушеніямъ, потому что сотворены свободными, почему могли свободно устоять въ добрѣ, какъ свѣтлые Ангелы, и пасть, какъ ангелы—злые духи. Ангелы предстоятъ предъ Лицемъ Божіимъ, непрестанно славятъ Его, исполняютъ Его волю и наслаждаются блаженствомъ. Ангеловъ неисчислимое множество, и между ними имѣются разныя достоинства и степени совершенства... Вся исторія человѣчества и народа Божія совершается при служеніи Ангеловъ, и они являются въ важные моменты въ исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта Божія, служа Іисусу Христу и Его Церкви, для чего Ангелы принимаютъ видимый, доступный для человѣковъ образъ. Поэтому Евангелисты Маркъ и Лука, повѣствуя о явленіи мvроносицамъ Ангеловъ, называютъ ихъ «мужами» (Еванг. отъ Луки, гл. **24**, ст. 4) и «юношей» (Еванг. отъ Марка, гл. **16**, ст. 5) по формѣ, по образу явленія, въ которой созерцали этихъ Ангеловъ мvроносицы. Церковью Православною Ангелы почитаются какъ приближенные къ Богу слуги и исполнители Его воли.

у главы и другого у ногъ, гдѣ лежало тѣло Іисуса. И они говорятъ ей:

— Жена, что ты плачешь?..

Марія отвѣчаетъ имъ:

— Унесли Господа моего и не знаю, гдѣ положили Его!

Горе Маріи было столь велико, что она не сообразила, что съ ней говорятъ не люди, а Ангелы, принявшіе видъ людей для облегченія ея горя свѣтлымъ торжественнымъ праздничнымъ своимъ видомъ на мѣстѣ печальнаго погребенія Христа, и она отвѣчаетъ имъ все тѣми же словами, какими говорила Апостоламъ объ исчезновеніи изъ Гроба тѣла Христова. А Ангелы, торжественнымъ свѣтлымъ явленіемъ своимъ подготовляя Марію Магдалину къ возвѣщенію дивнаго воскресенія Христова, однако не говорятъ ей, какъ прочимъ мѵроносицамъ, что Тотъ, Кого она съ такою ревностію разыскиваетъ, славно воскресъ, потому что Господу угодно было причислить саму Марію Магдалину къ непосредственнымъ вѣстникамъ Воскресенія Христова.

И вотъ, въ то время, когда Марія Магдалина въ отвѣтѣ своемъ Ангеламъ повѣдала имъ причину своего плача, Христосъ Спаситель внезапно появился позади Маріи, отчего Ангелы приняли особо почтительное къ Нему положеніе; Марія же Магалина, замѣтя въ нихъ перемѣну, обратилась назадъ и увидѣла «Іисуса стоящаго, но не узнала, что это Іисусъ»[1].—Тягота горестныхъ мыслей, обильныя слезы мѣшали ей хорошо разсмотрѣть Стоявшаго позади нея, да, очевидно, и Самому Христу Спасителю не угодно было, чтобы она сразу узнала Его, какъ не вдругъ открылъ Онъ Себя Эммаусскимъ путникамъ[2], и теперь Марія Магдалина приняла Его за садовника[3] сада Іосифа Аримаѳейскаго, въ которомъ помѣщалась эта пещера Святаго Гроба.

Неузнанный же Маріею Магдалиною, Христосъ говоритъ ей:

— Жена, что плачешь? Кого ищешь?

Слыша въ этихъ словахъ сострадательное участіе къ ея скорби, Марія отвѣчаетъ довѣрчивою просьбою:

— Господинъ, если ты вынесъ Его, скажи мнѣ, гдѣ ты положилъ Его, и я возьму Его[4].

---

[1]) Еванг. отъ Іоан., гл. 20, ст. 14.

[2]) Еванг. отъ Луки, гл. 24, ст. 13—32.

[3]) Еванг. отъ Іоан., гл. 20, ст. 15.

[4]) Еванг. отъ Іоан., гл. 20, ст. 15.

Какъ много самоотверженной любви и глубочайшей преданности выразила Марія Магдалина въ этихъ краткихъ и простыхъ словахъ! Она не называетъ предполагаемому садовнику Іисуса Христа Его Именемъ, а только говоритъ «Его»... Она столь высоко чтила своего Учителя сама, что, полагаетъ, и другіе должны знать Его и Имъ интересоваться. Она умоляетъ мнимаго садовника открыть ей, куда унесено тѣло Іисуса, такъ какъ садовникъ этого сада долженъ былъ знать тайну исчезновенія этого тѣла изъ гробницы Іосифа. Похищеніе не могло произойти безъ его вѣдома, потому что ему былъ порученъ этотъ садъ. А если бы самъ Іосифъ, владѣлецъ сада, переложилъ бы тѣло въ другое мѣсто, то это также не могло бы совершиться безъ вѣдома садовника. И Марія Магдалина проситъ у этого садовника указанія мѣста нахожденія тѣла Христова, чтобы ей взять Его:

— Я возьму Его,—говоритъ она.

При безмѣрной любви къ Господу Марія совсѣмъ забываетъ о своихъ слабыхъ силахъ и надѣется взять и унести сама тѣло своего Спасителя. Усердіе и любовь ея такъ велики и пламенны, что она считаетъ себя чрезмѣрно сильною. И не получая быстраго отвѣта на свой живой вопросъ, Марія Магдалина, какъ свойственно очень обезпокоенному человѣку, опять обратилась въ сторону Ангеловъ, желая, можетъ быть, отъ нихъ слышать что-нибудь объ Іисусѣ или чтобы узнать причину, побудившую ихъ принять особенно благоговѣйное положеніе. Господь же, тронутый высотою и силой ея любви, уже знакомымъ Маріи благодатнымъ голосомъ называетъ ее по имени:

— Марія! [1])

Теперь Марія Магдалина услышала тотъ памятный на всю жизнь голосъ ея Спасителя, силою котораго Онъ изгналъ изъ нея толпу бѣсовъ,—тотъ небесный голосъ, который проникалъ и оживлялъ всякую душу,—тотъ дивный голосъ, который услаждалъ души слушателей Его небеснымъ блаженствомъ. И Марія почувствовала теперь близкое присутствіе Божественнаго Учителя, въ Которомъ заключались всѣ блага ея, все ея счастіе, и несказанная радость наполнила всю душу Маріи. Отъ полноты счастія она не могла говорить и, опять обратясь къ Господу, просвѣтленнымъ взоромъ узнала Его и, съ восторгомъ воскликнувъ только одно слово:—«Учитель!» [2])—бросилась къ ногамъ Христа Спасителя...

[1]) Еванг. отъ Іоан., гл. 20, ст. 16.

[2]) Еванг. отъ Іоан., гл. 20, ст. 16.

Въ радостномъ восхищеніи Марія Магдалина еще не могла себѣ представить и осознать всего величія Христа Воскресшаго. И потому Господь, чтобы просвѣтлить ея помышленія и научить объ измѣненіи чрезъ воскресеніе уже и плоти Его, кротко сказалъ ей:

— Не прикасайся ко Мнѣ[1]), ибо Я еще не возшелъ къ Отцу Моему.

Марія Магдалина восторженно выразила поклоненіе человѣчеству своего и Спасителя, и Учителя, а Христосъ, запрещеніемъ ей прикасаться, возвышаетъ, освящаетъ ея помышленія, научаетъ болѣе благоговѣйному обращенію и даетъ разумѣть Маріи Магдалинѣ, что время для тѣснѣйшаго духовнаго общенія съ нимъ настанетъ тогда, когда Онъ совсѣмъ скроется отъ чувственныхъ очей Своихъ учениковъ и взойдетъ на Небо—къ Богу Отцу Своему. А такъ какъ и прочіе ученики Христовы, при вѣсти о воскресеніи Его, могли подумать, что теперь Онъ уже навсегда съ ними на землѣ и, быть можетъ, осуществитъ народныя мечты о великомъ іудейскомъ земномъ царствѣ, то Христосъ Спаситель посылаетъ Марію Магдалину предостеречь ихъ отъ такихъ мыслей и мечтаній. Удостовѣряя теперь Апостоламъ Воскресеніе Христово яснымъ созерцаніемъ ею Воскресшаго и Его рѣчью, она посылается Господомъ возвѣстить имъ, что Христосъ уже недолго будетъ на землѣ, что Ему съ самимъ прославленнымъ тѣломъ надлежитъ вскорѣ взойти къ Богу Отцу. Но чтобы вѣсть объ этомъ удаленіи не привела ихъ въ смущеніе и скорбь, Господь повелѣваетъ Маріи

---

[1]) Еванг. отъ Іоан., гл. 20, ст. 17. Въ тотъ же день, только нѣсколько времени послѣ перваго явленія Маріи Магдалинѣ, Христосъ Спаситель не воспретилъ ей же, Маріи Магдалинѣ, съ прочими мироносицами ухватиться за ноги Его, Христа Спасителя (Еванг. отъ Матѳ., гл. 28, ст. 9 и проч.; отъ Луки, гл. 24, ст. 10 и проч.); также вечеромъ того же дня Христосъ предлагалъ ученикамъ осязать Себя, показалъ имъ раны на рукахъ и ногахъ Своихъ (Еванг. отъ Луки, гл. 24, ст. 39 и проч.). Изъ этихъ обстоятельствъ слѣдуетъ заключить,—полагаютъ отцы Церкви и толковники,—что запрещеніе прикосновенія при первомъ явленіи Маріи имѣло основаніемъ простоту тогдашнихъ ея мыслей, съ коими она устремлялась къ Господу. Подобно прочимъ ученикамъ, она не ожидала и не понимала воскресенія Христа Спасителя—и вдругъ видитъ Его предъ Собою живымъ. Какое смятеніе мыслей и возбужденіе душевное должно было произойти въ ней при этомъ явленіи умершаго живымъ,—и она устремляется ко Христу, чтобы осязаніемъ увѣриться въ томъ, что видятъ ея глаза, чтобы удержать Его, столь пламенно искомаго... Христосъ же, зная, что происходило тогда въ мысляхъ и душѣ Маріи Магдалины, кротко устраняетъ искреннѣйшее, но неумѣстное въ ея мысляхъ, а законному желанію ея удостовѣриться,—Онъ ли предъ нею,—удовлетворяетъ удостовѣреніемъ слова и порученіемъ возвѣстить о воскресеніи Его Апостоламъ... (Толковое Евангеліе, издан. списк. Михаила, кн. 3, съ подроб. объясн., изд. 1887 г., стр. 536—537).

Магдалинѣ сказать ученикамъ Его, что Отецъ Его, къ Которому Онъ восходитъ, есть вмѣстѣ и ихъ Отецъ, милостиво называя ихъ при этомъ Своими братіями:

— Иди къ братіямъ Моимъ и скажи имъ: восхожу къ Отцу Моему и Отцу вашему и къ Богу Моему и Богу вашему[1])...

Сказавъ такъ, Христосъ сталъ невидимъ. А обрадованная, осчастливленная Марія Магдалина идетъ и возвѣщаетъ все[2]), случившееся съ нею, Апостоламъ Христовымъ и съ восторгомъ утѣшаетъ ихъ скорбь дивными словами:

— Христосъ воскресъ!

Вотъ поэтому-то, какъ первая, посланная отъ Самого Господа благовѣстница совершившагося Христова Воскресенія, Марія Магдалина Церковью христіанскою признана —***Равноапостольною.***

Здѣсь свѣтлѣйшая черта всего дивнаго служенія Маріи Магдалины Церкви Христовой. Въ утро Воскресенія Христова она удостоена была видѣть Господа воскресшаго первая изъ всѣхъ учениковъ и ученицъ Его[3]) и первая же по непосредственному повелѣнію Господа сдѣлана вѣстницею. проповѣдницею для нихъ Воскресенія Его. Апостолы проповѣдывали Воскресеніе Христово всему міру:—Марія Магдалина проповѣдывала Воскресеніе Христово самимъ Апостоламъ:—она была апостоломъ для Апостоловъ!.. Святые отцы Церкви провидятъ въ этомъ обстоятельствѣ особенную тайну и премудрость провидѣнія Божія.

— Жена,—учитъ святый Григорій Богословъ,—изъ устъ змія приняла первую ложь, и жена же изъ устъ Самого Воскресшаго Господа первая услышала радостную истину, дабы чья рука растворила смертное питье, та же самая подала и чашу жизни...

---

[1]) Еванг. отъ Іоан., гл. **20**, ст. 17.—Изъ такихъ словъ Воскресшаго ученики должны были понять, что Царство Іисуса Христа не земнаго міра, что его должно отличать отъ земныхъ царствъ и въ Христѣ воскресшемъ видѣть не земного Царя, а Небеснаго; но Апостолы даже и послѣ разъясненія этого и предупрежденія Господа все-таки еще не оставляли своихъ народныхъ несбыточныхъ надеждъ и спрашивали Его даже предъ вознесеніемъ: «не въ сіе ли время, Господи, возстановляешь Ты царство Израилю?» (Дѣян. свят. Апостол., гл. 1, ст. 6. Толков. Апостол., кн. 1; Дѣян. Апост., изд. еп. Михаила, 1886 г., стр. 21—22).

[2]) Еванг. отъ Іоан., гл. **20**, ст. 18.

[3]) Еванг. отъ Марка, гл. **16**, ст. 9; отъ Іоан., гл. **20**, ст. 14—17.—Св. Евангелисты умалчиваютъ о явленіи Воскресшаго Матери Божіей, но Церковь содержитъ въ своемъ преданіи то вѣрованіе, что Божіей Матери прежде женъ мироносицъ сообщено было Ангеломъ о воскресеніи Христовомъ и что Ей, возставъ изъ гроба, Христосъ явился прежде всѣхъ людей. Выраженіе этого вѣрованія Церкви находится въ пасхальныхъ богослужебныхъ пѣснопѣніяхъ.

Освященная созерцаніемъ Воскресшаго, восторжествовавшаго надъ смертію побѣдоноснаго Христа, пламенная Марія Магдалина и безъ словъ была полнымъ, рѣшительнымъ свидѣтелемъ Воскресенія Христова. Но благодатной ея вѣсти о Воскресеніи Іисуса Учителя Апостолы и всѣ, бывшіе съ ними въ домѣ Іоанна Богослова[1]), не повѣрили. Они «печалились, плакали и, услышавъ, что Христосъ живъ и что она видѣла Его, не повѣрили»[2]).—Почему же?..

Марія Магдалина пользовалась полнымъ несомнѣннымъ довѣріемъ Апостоловъ. Кромѣ того, и между прочими мvроносицами, которыя также извѣстили учениковъ Христовыхъ о сообщенномъ имъ при Гробѣ Господнемъ Ангелами возстаніи изъ мертвыхъ ихъ Учителя[3]),—были мать Апостола Іоанна Богослова, и мать Апостола Іакова, и Мареа и Марія—сестры Лазаря съ прочими благочестивыми женами, которыя всѣ пользовались также полнымъ довѣріемъ Апостоловъ; но они «не повѣрили имъ, почтя разсказъ ихъ за мечтаніе»[4])...—Столь велико было тогда уныніе небольшого общества учениковъ Христовыхъ...—Послѣ того какъ первосвященники іудейскіе взяли и распяли ихъ Учителя-Іисуса, а Апостолы разбѣжались и скрылись, они внезапно лишились всего, всѣхъ своихъ личныхъ и народныхъ надеждъ; въ нихъ затмилась вѣра въ Іисуса-Мессію, въ Его силу и славу; съ потерею вѣры потерялось и мужество духа; угнетало ихъ и сознаніе не исполненнаго долга предъ Христомъ-Учителемъ, Котораго они малодушно оставили одного въ рукахъ враговъ и разбѣжались[5]), и, не имѣя никакой поддержки ни въ себѣ, ни внѣ себя, они думали больше уже о сохраненіи своей собственной безопасности «страха ради отъ іудеевъ»[6])... До смерти Христовой они все «надѣялись, что Онъ,—Учитель ихъ,—есть Мессія, Который из-

---

1) Въ Іерусалимѣ у Апостола Іоанна Богослова былъ собственный домъ на горѣ Сіонѣ. Тамъ находились и всѣ прочіе Апостолы. И по вознесеніи Спасителя тамъ было средоточіе новой христіанской жизни. Въ этотъ новый Сіонъ обращались всѣ христіане за разрѣшеніемъ своихъ недоумѣній... (Св. Апост. Іоаннъ Богословъ, его жизнь и труды. Іеромон. Евдокима, издан. 1898 г., стр. 195).

2) Еванг.: отъ Марка, гл. 16, ст. 10 и 11; отъ Іоан., гл. 20, ст. 18.

3) Еванг.: отъ Луки, гл. 24, ст. 9—11 и 4—8; отъ Матѳ., гл. 28, ст. 5—7; отъ Марка, гл. 16.

4) Еванг.: отъ Луки, гл. 24, ст. 9—11; отъ Марка, гл. 16, ст. 1; отъ Матѳ., гл. 28, ст. 1.

5) Еванг.: отъ Матѳ., гл. 28, ст. 56; отъ Марка, гл. 14, ст. 50.

6) Еванг. отъ Іоан., гл. 20, ст. 19.—Исторія Еванг. А. В. Горскаго, изд. 1883 г. стр. 338—359.

бавить Израиля»[1]), откроетъ славное земное царство Израильское, но позорная Его смерть на крестѣ совсѣмъ разрушила эти ихъ надежды и мечты. Въ глазахъ всѣхъ людей того времени распятіе было самою ужасною и позорною смертію, оно было знакомъ страшнаго *проклятія* по Закону Моисея[2]), и въ душахъ учениковъ Іисуса послѣ распятія Его осталась вѣра въ Него только какъ въ Пророка, «Который былъ сильный въ дѣлѣ и словѣ предъ Богомъ и всѣмъ народомъ»[3])...—Въ тяжко угнетенномъ сознаніи учениковъ Христовыхъ не укладывалась мысль о томъ, что истинный Мессія, Христосъ, Сынъ Божій можетъ умереть какъ человѣкъ и такъ, какъ Іисусъ дѣйствительно умеръ на крестѣ. И хотя они видѣли чудотворное воскрешеніе Іисусомъ дочери Іаира[4]), сына вдовы Наинской[5]) и Лазаря[6]),—но вотъ Самъ Іисусъ умеръ, какъ и прочіе пророки, то и воскреснуть можетъ Онъ только со всѣми людьми въ послѣдній день; а чтобы ранѣе этого чудотворцы пророки сами воскресали, не было примѣра никогда... —Петръ же и Іоаннъ, видѣвшіе гробъ Христовъ, ничего не могли сообщить, какъ только то, что онъ былъ пустъ. Объ видѣніи Ангеловъ и Воскресшаго сообщали только все женщины... Томительное, глубоко тяжкое положеніе... И вотъ болѣе пылкій Апостолъ Петръ опять идетъ къ святому Гробу, не давая себѣ отчета, не зная,—зачѣмъ пошелъ, такъ какъ самъ уже видѣлъ пустое мѣсто, гдѣ былъ погребенъ Христосъ. Но теперь онъ скоро возвратился и съ восторгомъ возвѣстилъ ученикамъ:

—Воистину воскресъ Христосъ!.. Я самъ видѣлъ Его: Онъ и мнѣ явился на пути[7]).

Теперь, казалось, довольно было свидѣтелей очевидцевъ Воскресшаго для увѣренія истины Воскресенія Христова, и многіе ученики радостно повѣрили, но все-таки еще не всѣ[8]). А Марія

---

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 24, ст. 21.—Толк. Апостол. кн. 1, Дѣян. Ап., изд. еп. Михаила, 1886 г., стр. 21—22.

[2]) Кн. Второзакон., гл. 21, ст. 23 и 1 Посл. Апост. Павла къ Коринѳ., гл. 1, ст. 23.

[3]) Еванг. отъ Луки, гл. 24, ст. 19.

[4]) Еванг. отъ Марка, гл. 5, ст. 41.

[5]) Еванг. отъ Луки, гл. 5, ст. 11—17.

[6]) Еванг. отъ Іоан., гл. 11, ст. 44 и проч.

[7]) Еванг. отъ Луки, гл. 24, ст. 33. Перв. Послан. Ап. Павла Коринѳ., гл. 15, ст. 5.

[8]) Даже послѣ явленія Воскресшаго Христа въ Эммаусѣ, засвидѣтельствованнаго еще двумя учениками, многіе «не повѣрили» и имъ, пока въ тотъ же вечеръ въ самомъ домѣ Апостола Іоанна, гдѣ собрались ученики, и несмотря на затворенныя двери, явился Христосъ и упрекалъ ихъ за невѣріе и жестокосердіе, что видѣвшимъ Его воскресшаго

Магдалина съ прочими мvроносицами, сіяющія счастіемъ и презирая всѣ опасности отъ неистовыхъ враговъ Іисуса Христа, не могли оставаться спокойными на одномъ мѣстѣ и, переходя изъ дома въ домъ, отъ однихъ учениковъ Христовыхъ къ другимъ[1]), въ чистотѣ, простотѣ, глубинѣ и крѣпости любви къ Своему Исцѣлителю и Учителю, восторженно повторяли несчетное число разъ отрадное благовѣстіе:

— Христосъ воскресъ! Воистину воскресъ!..

И благодатно, быстро стало расти изъ сѣмени самаго меньшаго изъ всѣхъ зерновыхъ сѣмянъ огромнѣйшее дерево Церкви Христовой[2]). Малая горсть искренно преданныхъ Христу Спасителю учениковъ и ученицъ, изъ коихъ самою ревностнѣйшею была святая равноапостольная мvроносица Марія Магдалина, восторже-

---

не повѣрили (Еванг. отъ Марка, гл. 16, ст. 13 и 14). Это обстоятельство имѣетъ величайшую важность въ повѣствованіяхъ о воскресеніи Господа, именно какъ неопровержимое доказательство истинности Его воскресенія. Видно, что Апостолы не ошиблись въ этой истинѣ, не могли обмануться и что это не мечта ихъ, не плодъ восторженности или разстроеннаго воображенія. Апостолы не вѣрили, и нужны были упреки имъ Самого Воскресшаго и дозволеніе осязать себя, ѣсть съ ними, чтобы побѣдить это невѣріе. И если потомъ Апостолы повѣрили и проповѣдовали о дѣйствительномъ воскресеніи ихъ Учителя и Господа, то это воскресеніе—истина несомнѣнная и никто уже не можетъ упрекнуть учениковъ въ легковѣріи»... (Толковое Евангеліе, изд. арх. Михаила, 1871 г. кн. 2-я, стр. 199—200).

[1]) Священ. Истор. Новаго Завѣта сост. докт. Богосл. и профес. М. И. Богословскимъ, изд. 1859 г., стр. 236.—Свѣтл. Христово Воскресеніе. Профес. Царевскаго, изд. 1897 г., стр. 19.

[2]) Христосъ Спаситель сказалъ: «Царство Небесное, Божіе подобно зерну горчичному, которое посѣяно, и хотя меньшее изъ всѣхъ сѣмянъ, но, когда вырастаетъ, становится деревомъ, такъ что прилетаютъ птицы и укрываются въ тѣни вѣтвей его»... (Еванг. отъ Матѳ., гл. 13, ст. 31—32;—отъ Марка, гл. 4, ст. 31;—отъ Луки, гл. 13, ст. 19). Здѣсь Христосъ говорилъ о зернѣ горчицы не обыкновенной, не травяной, не нашей однолѣтней (синаписъ), но объ особой восточной многолѣтней, изобильно растущей въ Палестинѣ и называемой въ ботаникѣ—«фитолакка додекандра», сѣмя которой малѣйшее, а химическіе элементы тѣ же, что и однолѣтней горчицы и употребляются на тѣ же потребности, какъ обыкновенная травяная горчица; въ сѣверной Америкѣ древесная многолѣтняя горчица фитолакка называется лѣсною горчицею... Евреи, когда хотѣли обозначить какую-либо самую малую вещь, говорили, что она, какъ горчичное зернышко величиною. Вышеупомянутою краткою притчею Господь показалъ образъ распространенія Евангельской проповѣди. Хотя ученики и ученицы Его были всѣхъ безсильнѣе, всѣхъ уничиженнѣе, но какъ сила въ нихъ сокровенная была велика, то проповѣдь ихъ распространилась во всю вселенную. И Церковь Христова, вначалѣ малая, для міра не примѣтная, распространилась на землѣ такъ, что множество народовъ, какъ птицы въ вѣтвяхъ дерева горчичнаго, укрываются подъ сѣнію ея. То же бываетъ съ Царствомъ Божіимъ и въ душѣ человѣка: вѣяніе благодати Божіей, вначалѣ едва примѣтное, при рачительности человѣка болѣе и болѣе охватываетъ его душу, которая и дѣлается потомъ храмомъ Божіимъ, вмѣстилищемъ разнообразныхъ добродѣтелей... (Толковое Евангеліе, издан. арх. Михаила 1870 г., книга 1-я, стр. 245—246 подъ строк. текста.—Библейск. естествен. исторія ботан. и зоолог. М. Сибирцева, изд. 1867 г., стр. 133—137).

ствовали надъ надменнымъ суемудріемъ язычества, овладѣли цѣлыми царствами съ ихъ царями и Божественное ученіе Христово пронесли изъ края въ край—во всю вселенную земли[1]), повторяя торжественныя слова перваго благовѣстія святой Маріи Магдалины:

—Христосъ воскресъ! Воистину воскресъ!..

Вотъ, христіане, важнѣйшія черты жизни святой равноапостольной мироносицы Маріи Магдалины, не подлежащія никакому сомнѣнію, такъ какъ онѣ засвидѣтельствованы самимъ словомъ Божіимъ въ святомъ Евангеліи.—Для чего же онѣ сохранены и предлагаются Церковью, для чего читаютъ ихъ?—Не для прославленія ли святой Маріи Магдалины?—О нѣтъ! Святые, живущіе во славѣ небесной, въ высокой и вѣчной славѣ Божіей не имѣютъ нужды въ славѣ земной, въ ничтожной славѣ отъ человѣковъ. Но такимъ воспоминаніемъ ихъ земнаго житія, подвиговъ и добродѣтелей дается намъ самимъ наставленіе и побужденіе къ богоугодной жизни и къ душеспасительнымъ подвигамъ. Чрезъ святаго Апостола Христова Павла Господь повелѣваетъ намъ:

—Поминайте наставниковъ вашихъ, которые проповѣдовали вамъ Слово Божіе; и, взирая на кончину ихъ жизни, подражайте вѣрѣ ихъ[2]).

И вотъ, святая Церковь Христова сохраняетъ намъ и предлагаетъ нашему вниманію очерки жизни святыхъ людей для нашего самоиспытанія, самоусовершенствованія и спасенія чрезъ подражаніе вѣрѣ и духу этихъ Божіихъ святыхъ, дабы мы не облѣнились, но подражали тѣмъ, которые вѣрою и долготерпѣніемъ наслѣдуютъ обѣтованія Божіи[3])... —Святая равноапостольная мироносица Марія Магдалина самоотверженно исполнила первую и главную Заповѣдь Христа Спасителя: «возлюбила Господа всѣмъ сердцемъ своимъ, всею душею своею, всѣмъ разумѣніемъ своимъ и всею крѣпостію своею»[4]). Осуществленіе святою Маріею Магдалиною при всякихъ обстоятельствахъ такой истинной всецѣлой любви къ Господу служитъ жизненнымъ образцомъ для любви каждаго христіанина къ Богу Спасителю нашему. И по примѣру святой Маріи Магдалины всѣ мы, христіане, должны

[1]) Дѣян. Апостоловъ, гл. 1, ст. 8 и Объясн. въ Толков. Апостолѣ арх. Михаила, изд. 1886 г.

[2]) Послан. Ап. Павла къ Евреямъ, гл. 13, ст. 7.

[3]) Послан. Ап. Павла къ Евреямъ, гл. 6, ст. 12.

[4]) Еванг. отъ Марка, гл. 12, ст. 30--33; отъ Матѳ., гл. 22, ст. 37—40.

имѣть и проявлять самоотверженную любовь къ Богу, всѣмъ сердцемъ своимъ, всѣми желаніями, стремленіями и силами души своей и всѣмъ разумѣніемъ, всѣми познавательными способностями своими должны мы всецѣло прилѣпляться къ Господу Спасителю нашему. Сила любви нашей къ Богу должна быть такова, чтобы никто и ничто не могло отлучить насъ отъ этой любви: «ни жизнь, ни смерть, ни высота, ни глубина, ни какая тварь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее»[1]).

Со времени описанныхъ святыми Евангелистами явленій Воскреснаго Христа Спасителя и вызванной этими явленіями пламенной проповѣди святой Маріи Магдалины о Воскресеніи, сохранившіяся новозавѣтныя книги не сообщаютъ болѣе подробностей о дѣятельности равноапостольной святой Маріи Магдалины, и свѣдѣнія о дальнѣйшей жизни ея составляютъ теперь предметъ преданія[2]). Преданія же о послѣдующей ея жизни нѣсколькихъ мѣстныхъ христіанскихъ церквей много разнятся по мѣстности, откуда исходятъ; по существу, однако, вездѣ преданія эти сообщаютъ о ревностной равноапостольной дѣятельности святой Маріи Магдалины. И разность этихъ преданій зависитъ отъ того, кого или какихъ именно изъ святыхъ евангельскихъ женъ разумѣютъ эти церкви подъ именемъ святой равноапостольной Маріи Магдалины. Нѣкоторыя христіанскія Церкви Запада и также Отцы Церкви съ учеными богословами объединяютъ въ одну или въ двѣ личности трехъ евангельскихъ женъ: грѣшницу, которая въ домѣ

---

[1]) Послан. Ап. Павла къ Римлянамъ, гл. 8, ст. 38 и 39.

[2]) Слово *преданіе* означаетъ разсказъ, повѣствованіе, память о событіи, перешедшія устно отъ предковъ къ потомкамъ; также поученія, наставленія, правила житейскія, переданныя однимъ поколѣніемъ другому,—голосъ древности, преданья старины.—Книжники и фарисеи говорятъ Іисусу: «зачѣмъ ученики Твои преступаютъ преданіе старцевъ?» (Еванг. отъ Матѳ., гл. 15, ст. 2).—«Хвалю васъ, братія, что вы все мое помните, и держите преданія такъ, какъ передалъ вамъ»,—пишетъ св. Апостолъ Павелъ (1 Коринѳ., гл. 11, ст. 2). «Итакъ, братія, стойте и держите преданія, которымъ вы научены или словомъ или посланіемъ нашимъ»,—поучаетъ онъ же (Ѳессал. гл. 2, ст. 15). И преданіемъ, поучаетъ святитель Филаретъ Московскій, — можно бы было пользоваться наравнѣ съ Священ. Писаніемъ только въ томъ случаѣ, если бы, подобно непосредственнымъ ученикамъ Апостоловъ, мы имѣли бы предъ глазами непосредственное апостольское истинное преданіе... Но и христіанскія преданія уже прошли чрезъ многія страны, народы, языки и чрезъ многіе вѣка. Къ первоначальнымъ преданіямъ апостольскимъ присоединились преданія отеческія разныхъ степеней древности и оказалось разнообразіе до противорѣчія. Поэтому, чтобы пользоваться преданіемъ какъ источникомъ, нужно изслѣдованіе подлинности и достоинства преданій, чтобы устранить изъ нихъ неправыя измѣненія и чуждыя примѣшенія... И Церковь Православная признаетъ преданіе не самостоятельнымъ, а вспомогательнымъ источникомъ ученія христіанскаго. (Догматическое Богословіе по Филарету митроп. Московск. изд. Городкова 1887 г. стр. 19 и проч.)

Симона фарисея покаялась, обливала ноги Христа Спасителя своими слезами, отирала своими волосами и помазала драгоцѣннымъ мѵромъ[1]),—потомъ еще Марію изъ Виѳаніи, сестру Лазаря[2]),—и еще Марію Магдалину, которая была освобождена Христомъ Спасителемъ отъ семи бѣсовъ[3]). Но Восточная Греко-Россійская Православная Церковь нынѣ, какъ и прежде, признаетъ всѣ эти, упоминаемыя Евангеліями съ разными признаками, три личности за различныя, особыя, не желая основывать историческія свѣдѣнія на произвольныхъ, только вѣроятныхъ толкованіяхъ. Вслѣдствіе

[1]) Еванг.: отъ Луки, гл. 7, ст. 37, 38 и проч.; отъ Марка, гл. 14 и отъ Матѳ., гл. 26.

[2]) Еванг.: отъ Луки, гл. 10, ст. 39;—отъ Іоан., гл. 11, ст. 28 и проч.

[3]) Еванг.: отъ Іоан., главы 11, 12, 19 и 20;—отъ Марка, гл. 16, ст. 3;—отъ Матѳ., гл. 27, ст. 7.—Нѣкоторые отцы Церкви и ученые полагаютъ и учатъ, что св. Евангелисты во всѣхъ повѣствованіяхъ о вышеупомянутыхъ трехъ женахъ разумѣютъ все только одну личность, которая въ молодости, вѣроятно, была предана разврату и за ея порочный образъ жизни была одержима семью бѣсами. Услыхавъ о чудесахъ Христа, она идетъ къ Нему въ домъ Симона фарисея: за живость ея сокрушенія о своихъ грѣхахъ она заслужила и получила отъ Спасителя прощеніе и вслѣдствіе этого освободилась отъ семи, мучившихъ ее, злыхъ духовъ; тогда она могла оставить, съ родными своими, Лазаремъ и Марѳою, Галилею и избрать своимъ жилищемъ Виѳанію, гдѣ Іисусъ часто удостаивалъ посѣщеніями ихъ домъ. Такого мнѣнія были, напримѣръ, Климентъ Александрійскій, св. Августинъ, св. Григорій Великій и другіе. Таково было до настоящаго времени мнѣніе и Западной Римско-Католической Церкви. Но большая часть новѣйшихъ и западныхъ ученыхъ писателей отличаютъ уже Марію Магдалину отъ Маріи—сестры Лазаря. Они говорятъ, что Магдалина не оставляла Спасителя въ послѣдніе годы Его жизни и слѣдовала за Нимъ изъ Галилеи въ Іерусалимъ, когда Онъ пришелъ туда къ послѣднему празднику Пасхи іудейской, тогда какъ сестра Лазаря, Марія, оставалась въ это время съ братомъ и Марѳою въ Виѳаніи, потому что ни одинъ изъ Евангелистовъ не упоминаетъ ея имени, перечисляя женъ, послѣдовавшихъ тогда за Іисусомъ, прибывшихъ съ нимъ въ Іерусалимъ. И въ самомъ дѣлѣ, эти двѣ благочестивыя жены являются въ Св. Писаніи носящими совершенно различные признаки: одна всегда именуется Магдалиною и исчисляется между женами, которыя слѣдовали за Христомъ изъ Галилеи;—другая, напротивъ, именемъ сестры Лазаря изъ Виѳаніи. Такое постоянное различіе ихъ въ отличительномъ прозваніи не могло быть безъ значенія у св. Евангелистовъ и необходимо ведетъ къ мысли, что ихъ не должно смѣшивать. Святый Ириней, знаменитый Оригенъ, св. Іоаннъ Златоустъ и многіе другіе Отцы Церкви и ученые отличаютъ св. Марію Магдалину отъ св. Маріи, сестры Лазаря, но признаютъ кающуюся грѣшницу, упоминаемую св. Лукою въ концѣ седьмой главы, за одно лице съ св. Магдалиной. Но и это мнѣніе положительно ничѣмъ не доказывается... Святый же Григорій Великій и нѣкоторые другіе толкователи св. Писанія, которые признаютъ св. Марію Магдалину за одно лице съ кающейся грѣшницей въ домѣ фарисея Симона (въ Наинѣ), понимаютъ подъ семью бѣсами, изгнанными Христомъ изъ Магдалины, разные грѣхи, которые она прижила себѣ худою жизнію и которые послѣ ея покаянія предъ Спасителемъ будто оставили ее. Но такое толкованіе словъ св. Евангелія совершенно произвольно и противорѣчитъ общему значенію, въ которомъ употребляются эти выраженія въ Евангеліи, гдѣ подъ ними вездѣ прямо и опредѣленно разумѣется вселеніе въ человѣка нечистыхъ духовъ, которые, по допущенію Божію, вторгались въ тѣла несчастныхъ не только въ числѣ одного, но даже и цѣлаго легіона. Многіе и позднѣйшіе западные толкователи св. Писанія принимаютъ согласно съ Восточной Православной Церковью слова Евангелистовъ Луки и Марка о изгнаніи семи бѣсовъ буквально.

этого преданіе Восточной Греко-Русской Православной Церкви сообщаетъ, что, послѣ Евангельскихъ явленій Воскресшаго Христа до Вознесенія Его и послѣ, святая равноапостольная Марія Магдалина пребывала съ Пресвятою Богородицею и Апостолами и была дѣятельною споспѣшницею первыхъ успѣховъ распространенія христіанской вѣры сначала въ Іерусалимѣ. Но, полная усердія, пылкой вѣры и ревностной любви къ благовѣстію Божію, она затѣмъ проповѣдовала и по другимъ странамъ, всюду возвѣщая небесную благодать, радость и спасеніе всѣмъ, увѣровавшимъ въ Спасителя міра Христа Воскресшаго.

Посѣтивъ, между прочимъ, Италію [1]), святая равноапостольная Марія Магдалина изыскала случай явиться къ царствовавшему въ то время императору Тиверію I [2]) и поднесла ему, по общепринятому восточному обычаю, яйцо, окрашенное въ красный цвѣтъ, сказавъ при этомъ:

— Христосъ воскресъ!

Не удивила императора бѣдность подношенія святой Маріи

---

[1]) *Италія* (Дѣян. Апост., главы **18** и **27**, 28; Посл. Евр., гл. **13**)—общеизвѣстная европейская страна съ городомъ Римомъ столицею государства. Въ Новомъ Завѣтѣ Италіею означается полуостровъ Италійскій отъ Альпійскихъ горъ съ сѣвера до острова Сицилія на югѣ. Уже съ глубокой древности Италія славилась своею просвѣщенностью, художествами, искусствами. Италія была одною изъ первыхъ европейскихъ странъ, въ которыхъ благовѣствовалась Евангельская проповѣдь. Во времена Спасителя и Апостоловъ въ Италіи находилось множество іудеевъ, хотя незадолго предъ тѣмъ изданъ былъ императорскій указъ Клавдія объ изгнаніи ихъ изъ Рима. И еще до посѣщенія Италіи Апостоломъ Павломъ ученіе Христа Спасителя уже было тамъ проповѣдано учениками Христовыми.

[2]) *Тиверій кесарь* (Еванг. отъ Луки, гл. **3**, ст. 1) былъ Римскимъ императоромъ, преемникомъ Октавія Августа, который усыновилъ его, женясь на матери его Ливіи Друзилы; царствовалъ съ 14 до 37 года по Рожд. Христовомъ. Былъ хитеръ, дѣйствія свои маскировалъ (прикрывалъ) рѣшеніями Сената, былъ притворенъ, жестокъ и деспотиченъ; задушенъ былъ въ постели по повелѣнію начальника его тѣлохранителей. Въ царствованіе Тиверія съ 14 лѣтъ протекала вся послѣдующая земная жизнь Христа Спасителя. Съ 15 года царствованія Тиверія, по Крещеніи отъ Іоанна, Христосъ началъ открытое служеніе Свое спасенію человѣчества и умеръ и воскресъ изъ мертвыхъ. Римскимъ правителемъ Іудеи при Тиверіи былъ (съ 26 до 36 г. по Р. Хр.) Понтій Пилатъ. Замѣчательны, такъ называемые, Акты Пилата, или донесеніе этого Пилата императору Тиверію о жизни, осужденіи на смерть и воскресеніи Христа Спасителя и о чудесахъ Его. Іустинъ, Тертулліанъ, Евсевій и другіе древніе историки пишутъ, что Тиверій, прочитавъ донесеніе Пилата о чудесахъ Христовыхъ, предложилъ Римскому Сенату включить Іисуса Христа въ число боговъ римскихъ, но Сенатъ не согласился на это только потому, что самъ не изслѣдовалъ этого дѣла и не самъ одобрилъ Христа. Акты Пилата составляютъ первую часть, такъ называемаго, Евангелія Никодима. На русскомъ яз. напечатаны въ Памятникахъ Старин. русск. литературы, изд. гр. Кушелева-Безбородко, въ вып. трет. 1862 г. стр. 96—106 и тамъ же еще «Посланіе Пилата къ Тиверію кесарю» стр. 106—109. Еще въ Апокриф. Новозавѣтн. проф. Порфирьева, изд. 1890 г. стр. 21—30 и 164—197.

Магдалины, впервые явившейся къ нему, потому что онъ зналъ древнее обыкновеніе: вообще на Востокѣ и также у іудеевъ, являясь въ первый разъ къ высшимъ или въ торжественномъ случаѣ къ знакомымъ или покровителямъ, подносить въ знакъ почтенія даръ съ какимъ-либо извѣстнымъ или съ особымъ, спеціальнымъ, символическимъ значеніемъ. Примѣры этого находятся въ іудейской ветхозавѣтной исторіи[1]) и также представляютъ дары, поднесенные богатыми волхвами[2]) родившемуся Іисусу Христу въ Виѳлеемѣ Іудейскомъ[3]). А люди бѣдные въ подобныхъ обстоятельствахъ приносили въ даръ разные плоды своей мѣстности или яйца птицъ. Такъ, слѣдуя отчасти этому древнему обычаю и съ цѣлію краснымъ цвѣтомъ поднесеннаго яйца и неслыханными до того словами «Христосъ воскресъ!» — возбудить любопытство подозрительнаго императора Тиверія, святая равноапостольная Марія Магдалина съ разъясненія значенія такого ея поднесенія начала свою горячую проповѣдь о Воскресеніи и ученіи Христа Спасителя. Она съ большимъ вдохновеніемъ и убѣжденіемъ разсказала императору о жизни, чудесахъ, распятіи и воскресеніи Іисуса Христа и прямымъ, простодуш-

---

[1]) Кн. Бытія, гл. **43**, ст. 11.—3 Кн. Царствъ, гл. **10**, ст. 2. Въ древнемъ и даже современномъ Востокѣ явленіе подчиненныхъ къ властителю и вообще низшихъ къ высшему безъ подарка признается выраженіемъ невѣжливости и даже непочтительности. Такъ, напримѣръ, сказано, что при избраніи Саула только «негодные люди презрѣли его и не поднесли ему даровъ»... 1 Кн. Царствъ, гл. **10**, ст. 27.

[2]) *Волхвъ*—слово персидскаго происхожденія, и волхвами назывались люди мудрые, обладавшіе высокими, обширными и даже тайными знаніями, въ особенности астрономическими и медицинскими. Они пользовались великимъ уваженіемъ и были большею частію служителями религіи, жрецами.

[3]) *Виѳлеемъ Іудейскій* былъ небольшимъ городкомъ къ югу около 10 верстъ отъ Іерусалима. Слово Виѳлеемъ значитъ «Домъ хлѣба» — названіе, данное этому мѣсту по необыкновенному плодородію окружающей почвы. Онъ назывался въ древности Виѳлеемомъ Евфрафа, а въ отличіе отъ Виѳлеема въ Галилее его называли іудейскимъ; по рожденію же въ немъ царя-Пророка Давида именовался и «градомъ Давидовымъ» (Еванг. отъ Луки, гл. **2**, ст. 4). Виѳлеемъ расположенъ былъ на возвышенной горѣ въ видѣ амфитеатра и окруженъ плодородными полями и холмами, представляя очень живописную мѣстность. Шагахъ въ двухстахъ отъ города на одномъ изъ холмовъ указываютъ, по преданію, пещеру, въ которой родился Христосъ Спаситель. Въ IV-мъ вѣкѣ императрица Греческая Елена надъ пещерою Рождества Христова воздвигла храмъ, средній алтарь котораго находится надъ этою пещерою Рождества. Изъ него, по 15 мраморнымъ ступенямъ, входъ въ подземную церковь, которая и есть самая Пещера-Вертепъ Рождества Христова... Въ настоящее время Виѳлеемъ, извѣстный и подъ именемъ Бетламъ, походитъ болѣе на деревню съ домами въ развалинахъ, съ тремя тысячами жителей арабовъ, занимающихся земледѣліемъ, садоводствомъ или изготовленіемъ мелкихъ священныхъ вещей — четокъ, распятій, образковъ и проч. Во всѣ времена христіанскія Виѳлеемъ посѣщался и донынѣ посѣщается множествомъ богомольцевъ.

нымъ изложеніемъ чрезвычайно несправедливаго, пристрастнаго суда надъ Іисусомъ Христомъ озлобленныхъ членовъ Іерусалимскаго Синедріона[1]) и попустительства при этомъ малодушнаго римскаго правителя Іудеи Пилата Понтійскаго[2]) къ осужденію на распятіе Іисуса Христа навлекла на нихъ гнѣвъ императора. Тиверій предалъ ихъ суду, которымъ Пилатъ лишенъ былъ власти и сосланъ въ Галлію, въ городъ Віенну[3]), гдѣ, по одному преданію, удрученный угрызеніями совѣсти и отчаяніемъ, самъ лишилъ себя жизни. По другому же преданію, приговоренный судомъ къ смертной казни Пилатъ раскаялся, обратился съ молитвою ко Христу, и былъ Спасителемъ прощенъ, въ знакъ чего, по отсѣченіи головы его, она была принята Ангеломъ[4]).

Вмѣстѣ съ святою равноапостольною Маріею Магдалиною отправились, по преданію, въ Италію сестры Лазаря Марѳа и Марія[5]); а Пилатъ, узнавъ объ этомъ и боясь разоблаченій хри-

---

1) *Синедріонъ Іерусалимскій* былъ верховнымъ судилищемъ іудеевъ, состоялъ изъ 72 членовъ, преимущественно фарисеевъ и саддуксевъ, избираемыхъ подачею голосовъ и отчасти жребіемъ. Собирался Синедріонъ при Іерусалимскомъ храмѣ, но въ особенныхъ случаяхъ и въ домѣ первосвященника, его предсѣдателя (Еванг. отъ Матѳ., гл. **26**, ст. 3; отъ Іоан., гл. **13**, ст. 24). Рѣшенію Синедріона обязаны были повиноваться безусловно всѣ. По покореніи Іудеи Римлянами власть Синедріона была ограничена, и на исполненіе произнесенныхъ имъ смертныхъ приговоровъ требовалось согласіе Римскаго правителя. По разрушеніи Іерусалима Синедріонъ былъ уже не судилищемъ, а только училищемъ Закона іудейскаго.

2) *Пилатъ* названъ *Понтійскимъ* отъ болотистой италіанской Понтійской провинціи, въ которой онъ былъ ранѣе правителемъ. Съ 27 года по Рожд. Христовомъ Пилатъ былъ правителемъ Іудеи, но ненавидѣлъ свободу, обычаи и религію іудеевъ; онъ не колебался продавать правосудіе и предавалъ мученіямъ и смерти невинныхъ безъ судебнаго разбирательства, почему десятилѣтнее его правленіе было крайне непріязненно іудеямъ и вызывало народныя возмущенія; разъ онъ не стѣснился предать смерти цѣлую толпу галилеянъ въ самомъ храмѣ іерусалимскомъ даже во время жертвоприношенія, такъ что кровь ихъ смѣшалась съ жертвами ихъ (Еванг. отъ Луки, гл. **13**, ст. 1).

3) *Галлія* была страною Галловъ, или Франковъ, покоренною Римлянами; это современная Франція. Городъ Віенна на рѣкѣ Ронѣ, при дорогѣ въ городъ Марсель, окружный городъ Изерскаго департамента нынѣшней Франціи. На Соборѣ въ Віеннѣ въ 1312 г. папа Климентъ V объявилъ духовный орденъ тампліеровъ еретическимъ. По преданію, Лазарь и сестры его Марѳа и Марія посажены были іудеями въ лодку и пущены въ море на волю волнъ и вѣтра. Эту лодку выбросило на берегъ въ южной Галліи, и прибывшіе на ней обратили въ христіанскую вѣру жителей городовъ Марселя, Экса и другихъ.

4) Такъ значится по одной изъ редакцій «Посланія Пилата къ Тиверію Кесарю», составляющаго часть апокрифическаго, такъ называемаго, Евангелія Никодима, съ добавленіемъ, что по отсѣченіи головы Пилату осудившихъ Іисуса Христа первосвященниковъ Анну зашили въ воловью кожу и повѣсили, а Каіафу убили стрѣлою въ сердце... (Подроб. текстъ въ Апокриф. Новозавѣт. Порфирьева, изд. 1890 г. стр. 30 и проч.—Пасха Господня, Лаврентьева, изд. 1869 г. стр. 102 и проч.).

5) *Марѳа* и *Марія* — двѣ сестры, жившія съ братомъ своимъ безбрачнымъ Лазаремъ

стіанами его противозаконныхъ дѣйствій, самъ отправилъ императору Тиверію донесеніе объ Іисусѣ Христѣ[1]), въ которомъ онъ свидѣтельствовалъ о благодѣтельной жизни Христа, объ исцѣленіи Имъ всякихъ болѣзней, увѣчій, даже воскрешеніи умершихъ и о прочихъ великихъ чудесахъ Его. Пилатъ утверждалъ, что, провѣряя обвиненія іудеевъ, онъ не нашелъ въ Іисусѣ Христѣ никакой вины; много подвизался избавить Его отъ рукъ крамольныхъ іудеевъ, но не могъ достигнуть Его избавленія и отдалъ Іисуса на ихъ волю, ради народнаго крика и крамольнаго обвиненія іудеями самого Пилата... А по распятіи іудеями Іисуса совершились страшныя знаменія въ природѣ, и много людей умершихъ воскресло, когда на третій день воскресъ Іисусъ, и Пилатъ, какъ свидѣтель, одержимый великимъ страхомъ, доносилъ державному

при подошвѣ горы Елеонской въ Виѳаніи. Это было благочестивое семейство, съ которымъ былъ въ дружбѣ Христосъ Спаситель, заходя отдыхать въ ихъ домъ при посѣщеніи Іерусалима (Еванг.: отъ Луки, гл. **10**; отъ Іоан., гл. **11** и **12**; отъ Матѳея, гл. **26**; отъ Марка, гл. **14**). Когда Лазарь умеръ, Христосъ Спаситель воскресилъ его на четвертый день, проявивъ полное могущество Свое надъ смертію, послѣ чего члены Синедріона положили убить и Лазаря. Но, по преданію, онъ прожилъ еще 30 лѣтъ и былъ епископомъ на островѣ Кипрѣ, гдѣ и скончался. Память его совершается Церковью 17 октября.

[1]) Подъ заглавіемъ: «Возношеніе», или «Посланіе Пилата къ Тиверію кесарю» это донесеніе помѣщено въ славянскихъ редакціяхъ такъ называемаго Евангелія Никодима непосредственно послѣ первой части этого Евангелія и составляетъ заключеніе ея; но кромѣ того, оно въ видѣ отдѣльной и болѣе подробной статьи встрѣчается еще чаще, чѣмъ Евангеліе Никодима, въ рукописяхъ; также донесеніе это вставляется вполнѣ въ книгу, называемую «Страсти Христовы», или «Страсти Господни», распространенную во множествѣ списковъ и съ раскрашенными изображеніями. Нѣсколько разъ книга эта была и напечатана въ Супраслѣ, во Львовѣ и въ Почаевѣ; она описываетъ страданія, смерть, погребеніе и воскресеніе Спасителя съ большими заимствованіями изъ Евангелія Никодима. Первая же часть Евангелія Никодима въ древнихъ спискахъ называлась «Актами Пилата, или записками о Господѣ Іисусѣ Христѣ», въ коихъ описано осужденіе Пилатомъ Спасителя, Его смерть и воскресеніе. Въ главныхъ чертахъ эта часть согласна съ каноническими 4 Евангеліями, только съ украшеніемъ Евангельскаго разсказа разными подробностями, коихъ нѣтъ въ 4 каноническихъ Евангеліяхъ. Вторая часть Евангелія Никодима содержитъ разсказъ двухъ воскресшихъ при Воскресеніи Христовомъ сыновей Симеона Богопріимца о сошествіи Спасителя въ адъ, основываясь на словахъ 1 Посланія Ап. Петра (гл. **3**, ст. 18—19). Въ извѣстномъ Словѣ, приписываемомъ епископу Евсевію Александрійскому, это Сошествіе изображено уже ораторскимъ слогомъ и въ широкой драматической формѣ. Евангеліе Никодима самаго древняго происхожденія, на него указываютъ писатели II вѣка; оно пользовалось большимъ уваженіемъ и сохранилось въ греческихъ и латинскихъ спискахъ; вліяніе его отразилось во многихъ произведеніяхъ византійской и западной литературъ и въ церковныхъ проповѣдяхъ и пѣснопѣніяхъ. На русскомъ языкѣ напечатана вполнѣ только вторая часть въ приложеніи къ Мартовск. кн. Православнаго Обозрѣнія 1860 года. Въ старомъ же славянскомъ переводѣ находится только первая часть и напечатана въ «Памятникахъ старинной Русской литературы», изд. Кушелевымъ-Безбородко, вып. 3, стр. 91—109—и въ Апокриф. Новозавѣтн. Порфирьева, изд. 1890 г., стр. 164 и проч.

кесарю о всемъ содѣянномъ съ Іисусомъ Христомъ, Который сталъ предметомъ вѣры какъ Богъ[1])...

Послѣ такихъ свидѣтельствъ со стороны римскаго правителя Іудеи и со стороны почитателей Христа Спасителя императоръ Тиверій, по преданію, самъ увѣровавъ во Христа Спасителя, предложилъ причислить Іисуса Христа къ лику боговъ римскихъ и даже тогда, когда Римскій Сенатъ[2]) отвергъ такое его предложеніе, Тиверій царскимъ указомъ грозилъ наказывать всякаго, кто осмѣлился бы оскорблять вѣрующихъ во Іисуса Христа.

Такимъ образомъ ревностною безстрашною проповѣдью о Христѣ Спасителѣ святая равноапостольная Марія Магдалина съ прочими благочестивыми христіанами побудила и языческаго правителя Іудеи письменно засвидѣтельствовать всемірное событіе Воскресенія Христова предъ міромъ языческимъ и самого языческаго импера-

[1]) Писаніе Пилата императору Тиверію о чудесахъ, смерти и воскресеніи Христа Спасителя неоспоримо и свидѣтельствуется такими древнѣйшими писателями, какъ долго бывшимъ язычникомъ Іустиномъ Философомъ, начала II вѣка, Тертулліаномъ, юрисконсультомъ римскимъ, во II вѣкѣ, и историкомъ Евсевіемъ Памфиломъ; имъ доступны были архивы дѣлъ государственныхъ.— Св. Іустинъ, отецъ и учитель Церкви начала II-го вѣка, называемый философомъ, не занималъ въ Церкви іерархическаго положенія, а простымъ міранином былъ ревностнымъ проповѣдникомъ истины Христовой въ Азіи и Европѣ; въ Римѣ онъ основалъ школу христіанскаго вѣроученія; двумя особыми апологіями защищалъ христіанство предъ судомъ римскаго правительства, съ изяществомъ рѣчи и глубиною философскаго анализа. Былъ казненъ за распространеніе христіанства въ 166 г. Память его — 1 іюня...—Тертулліанъ Флоренсъ, знаменитый богословъ и отличный юристъ, былъ пресвитеромъ; сочиненія его очень важны для исторіи Церкви, имѣютъ практическое бытовое значеніе, дѣлясь на историческія, апологетическія и догматическія.—Епископъ Евсевій Памфилъ былъ ученѣйшимъ епископомъ III-го и IV-го вѣковъ. Вліяніе Оригена очень отразилось въ его догматическихъ воззрѣніяхъ, такъ что его проектъ Символа Вѣры Первымъ Вселенскимъ Соборомъ въ 325 году былъ отвергнутъ. Пристрастіе его къ аріанамъ несомнѣнно, а вліяніе на императора Константина было очень большое. Зато какъ историкъ онъ имѣлъ огромную эрудицію, массу матеріаловъ и пользовался такими писателями, которыхъ сочиненія сохранились только въ Евсевіевыхъ сочиненіяхъ, такъ какъ онъ ихъ выписывалъ почти буквально цѣлыми отдѣлами. По близости къ императору Евсевій пользовался и государственными архивами. Его называютъ отцомъ церковной исторіи.

[2]) *Сенатъ Римскій* признавался учрежденнымъ самимъ основателемъ Римскаго государства Ромуломъ. Сенатъ считался носителемъ народнаго разума и хранителемъ государственныхъ традицій, былъ зависимъ отъ царя назначеніемъ сенаторовъ царемъ. Всякое рѣшеніе народа въ республиканскій и царскій періоды римской исторіи нуждалось въ авторитетномъ подтвержденіи его Сенатомъ (auctoritas patrum), свидѣтельствующемъ о соотвѣтствіи рѣшенія основнымъ религіознымъ и политическимъ устоямъ государства. Вліяніе народа на Сенатъ прекратилось, особенно при императорѣ Тиверіи, и Сенату предоставлена была даже судебная и законодательная власть наряду съ императорскою; теоретически оказалась «діархія», но фактически вся власть находилась въ рукахъ императора, издававшаго эдикты, указы, конституціи, такъ что за Сенатомъ вскорѣ оставалась только роль узаконенія совершившихся фактовъ, и онъ оказался только мѣстомъ публикаціи императорскихъ узаконеній...

тора всемірной тогда имперіи Римской побудила признать величіе и Божественное могущество Христа Спасителя, облегчивъ всѣмъ этимъ распространеніе христіанства.

Христіане же того времени, узнавъ о значеніи и силѣ впечатлѣнія, произведеннаго подношеніемъ святою Маріею Магдалиною императору Тиверію краснаго яйца со словами: «Христосъ воскресъ!»—начали подражать ей въ этомъ и, при воспоминаніи Воскресенія Христова, стали дарить красныя яйца и говорить:

— Христосъ воскресъ!... Воистину воскресъ!...

Такъ мало-помалу обычай этотъ распространился повсюду, сдѣлался всеобщимъ между христіанами всего міра[1]). И яйцо при этомъ служитъ символомъ, или видимымъ знакомъ, воскресенія Христова, и воскресенія мертвыхъ, и нашего возрожденія въ жизнь будущую, котораго залогъ имѣемъ мы въ Христовомъ Воскресеніи. Какъ изъ яйца рождается птенецъ и начинаетъ жить полною жизнію, по освобожденіи отъ скорлупы, и ему открывается обширнѣйшій кругъ жизни,—такъ и мы, при Второмъ Пришествіи Христа на землю, сбросивъ съ себя съ тѣломъ земнымъ все тлѣнное на землѣ, силою Христова Воскресенія воскреснемъ и возродимся для другой, высшей, вѣчной, безсмертной жизни. Красный же цвѣтъ пасхальнаго яйца напоминаетъ намъ то, что искупленіе человѣчества и наша будущая новая жизнь пріобрѣтены изліяніемъ на крестѣ пречистой крови Христа Спасителя. Такимъ образомъ, красное яйцо служитъ напоминаніемъ намъ собою одного изъ важнѣйшихъ догматовъ нашей Божественной вѣры.

Святая равноапостольная Марія Магдалина долго продолжала проповѣдовать благовѣстіе Христа Воскреснаго въ Италіи и въ городѣ Римѣ[2]), и при первомъ посѣщеніи Рима Апостоломъ Пав-

---

[1]) Что обычай этотъ принятъ отъ подношенія Тиверію св. равноапостольной Маріи Магдалины, подтвержденіемъ того служитъ, кромѣ одинаковости преданія, во всѣхъ христіанскихъ Церквахъ еще и то, напримѣръ, что въ древнемъ рукописномъ на пергаментѣ греческомъ уставѣ, хранящемся въ библіотекѣ монастыря святой Анастасіи близъ Ѳессалоники (Солуня), послѣ молитвъ на день св. Пасхи написано слѣдующее: «читается также молитва на благословеніе яицъ и сыра, и игуменъ, цѣлуя братію, раздаетъ имъ яйца и говоритъ: «Христосъ воскресе»... Такъ мы приняли отъ святыхъ Отцевъ, которые сохранили сіе обыкновеніе отъ самыхъ временъ апостольскихъ, ибо святая равноапостольная Марія Магдалина первая показала вѣрующимъ примѣръ сего радостнаго даноприношенія»...

[2]) *Римъ* (Дѣян. Апост., гл. **28**, ст. 16—31)—столица бывшей тогда Великой Римской имперіи; городъ, расположенный на берегу рѣки Тибра. По преданію, былъ основанъ Ромуломъ и Ремомъ въ 750 году до Рожд. Христова. Занималъ сначала только одинъ холмъ, потомъ семь и затѣмъ 15 холмовъ. Народонаселеніе имѣлъ до полтора милліона, половину кото-

ломъ, и послѣ отбытія его чрезъ два года оттуда. Кромѣ преданія, свидѣтельство объ этомъ можно видѣть въ характерномъ привѣтѣ святой Маріи Апостоломъ Павломъ въ посланіи его изъ торговаго греческаго города Коринѳа къ христіанамъ, находившимся тогда въ Римѣ[1]). Святый Іоаннъ Златоустый поучаетъ объ этомъ, что, воздавая каждому вѣрующему соотвѣтствующую ему похвалу, Апостолъ Павелъ привѣтствуетъ святую равноапостольную Марію какъ уже много потрудившуюся и посвятившую себя апостольскимъ подвигамъ. Труды ея, упоминаемые здѣсь Апостоломъ, были подвигами Апостоловъ и Евангелистовъ,—слѣдовательно равноапостольными; она служила,—добавляетъ святый Златоустъ,—и деньгами, и неустрашимо подвергалась опасностямъ, и совершала тяжкія путешествія, раздѣляя съ Апостолами всякіе труды проповѣдничества[2]).

Изъ Рима, по преданію Церкви, святая равноапостольная Марія Магдалина прибыла въ городъ Ефесъ[3]), тогда особенно

раго составляли невольники. Языческихъ храмовъ было 420, жители были очень суевѣрны и самыми грубыми идолопоклонниками, а въ искусствахъ и войнахъ они рѣшительно владычествовали надъ всѣмъ міромъ. Имперія Римская заключала въ себѣ весь тогдашній извѣстный міръ, насчитывая до ста милліоновъ жителей. Іудеи уже составляли тогда часть Римской имперіи, почему въ Римѣ жили многіе іудеи, и христіанство возникло между ними вскорѣ послѣ Вознесенія Христова. Жестокіе императоры Неронъ (отъ 54 г. до 68 г.), Домиціанъ (съ 81 до 96 г.) и Траянъ (отъ 97 до 117 г.) и другіе воздвигали яростныя гоненія на римскихъ христіанъ...—Новѣйшій Римъ знаменитъ не только своимъ настоящимъ великолѣпіемъ, но и многочисленными остатками своего древняго величія. Римъ служитъ школою всѣхъ живописцевъ, ваятелей, архитекторовъ и любителей всѣхъ изящныхъ искусствъ. Величественныя развалины и безчисленныя сокровища древности, пышность его храмовъ и дворцовъ, религіозные обряды и обычаи, представляя славныя судьбы Рима, несомнѣнно производятъ глубокое и обаятельное впечатлѣніе на любознательныхъ людей... Въ 67 году 29 іюня умерщвлены были въ Римѣ св. Апостолы Петръ и Павелъ.

[1]) Послан. Ап. Павла къ Римлян., гл. **28**, ст. 6.

[2]) Творенія св. Іоанна Златоуста въ русск. переводѣ изд. Акад. 1897 г. томъ 3, кн. 1, стр. 186, 181 и проч. Еще Толков. на посл. къ Римлян. изд. 1855 г. стр. 690—691, 689 и проч.

[3]) *Ефесъ* (Дѣян. Апостол., гл. **19**) былъ извѣстнѣйшимъ городомъ въ Малой Азіи на рѣкѣ Канстрѣ (нынѣ Кучукъ-Мендерецъ), служилъ средоточіемъ торговли и особенно славился знаменитымъ храмомъ Артемиды-Діаны, языческой богини, служеніе которой евнухами отправлялось съ особеннымъ блескомъ и великолѣпіемъ. Храмъ этотъ былъ столь красивъ и обширенъ (около ста саженей длины и 50 ширины), что признавался въ числѣ семи чудесъ древняго міра. Надъ построеніемъ его трудились болѣе 200 лѣтъ лучшіе художники, и хотя въ 356 году по Рожд. Христовѣ злой безумецъ Герострат, чтобы сдѣлаться извѣстнымъ, сжегъ этотъ храмъ, его вновь построили греки еще съ большимъ великолѣпіемъ. Маленькія серебрянныя модели этого храма продавались въ такомъ громадномъ количествѣ, что составляли очень выгодное ремесло многихъ ефесянъ; и потому проповѣдь Апостола Павла въ Ефесѣ противъ языческихъ боговъ вызывала упадокъ этой торговли и возмущеніе черни, усмиренное блюстителемъ порядка (Дѣян.

знаменитый въ Малой Азіи. Въ Ефесѣ, по преданію и свидѣтельству многихъ святыхъ Отцовъ и церковныхъ писателей, святая равноапостольная Марія Магдалина помогала святому Апостолу и Евангелисту Іоанну Богослову въ благовѣстническихъ трудахъ, оставаясь тамъ до мирной своей кончины, и въ Ефесѣ же она была похоронена.

Нетлѣнныя прославленныя мощи святой равноапостольной Маріи Магдалины въ девятомъ вѣкѣ при императорѣ Львѣ VI, Философѣ[1]), торжественно перенесены были изъ Ефеса въ Константинополь[2]) и помѣщены были въ храмѣ монастыря святаго Лазаря. Таково преданіе Православной Восточной христіанской Церкви.

Апост., гл. 19). Апостолъ Павелъ проповѣдывалъ съ большимъ успѣхомъ въ Ефесѣ нѣсколько лѣтъ съ проявленіемъ многихъ чудесъ. Апостолъ и Евангелистъ Іоаннъ Богословъ также подвизался много лѣтъ въ Ефесѣ до и послѣ ссылки его на островъ Патмосъ, и въ Ефесѣ же онъ скончался. Близъ города была пещера, въ коей, по преданію, спокойно проспали семь святыхъ отроковъ Ефесскихъ 187 лѣтъ—отъ жестокаго гоненія христіанъ при Декіѣ до благочестиваго императора Ѳеодосія. Въ 431 году въ Ефесѣ былъ собранъ Третій Вселенскій Соборъ противъ ученія Патріарха Константинопольскаго Несторія. Въ Ефесѣ были и Помѣстные Соборы. Въ откровеніяхъ Апостола Іоанна Богослова находится грозное предсказаніе Церкви Ефесской за ея холодность, и нынѣ отъ прежняго величія Ефеса не осталось никакихъ слѣдовъ—бѣдная турецкая деревушка Айя-Солукъ (Святый Богословъ) занимаетъ теперь мѣсто древняго славнаго Ефеса...

[1]) *Левъ VI*—Греческій императоръ (съ 886 до 912 г.), прозванный Философомъ, или Мудрымъ, за любовь его къ наукамъ и познанію въ астрологіи; былъ ученикомъ Патріарха Фотія; но, вопреки церковнымъ правиламъ, четыре раза вступалъ въ бракъ; вслѣдствіе неудачную политику и войны. Особенно извѣстенъ изданіемъ «Базиликъ», то есть всѣхъ греко-римскихъ законовъ, въ 60 книгахъ, изъ коихъ къ Церкви относятся I, III, IV и V книги.

[2]) *Константинополь*, древняя Византія, по-народнорусски и славянски *Цареградъ*,—былъ подъ именемъ Византіи основанъ въ 658 году до Рожд. Христова на европейскомъ берегу пролива греками торговаго города Мегары средней Греціи. Византія имѣла большое торгово-промышленное значеніе въ силу своего положенія на узкомъ проливѣ между Чернымъ и Мраморнымъ морями, близъ всемірно извѣстной бухты Золотаго Рога. Въ первые вѣка христіанства, хотя и считалась второстепеннымъ городомъ, но по-прежнему имѣла большія выгоды и преимущества своего положенія. Это мудро оцѣнилъ императоръ Константинъ Великій, который въ 330 году по Р. Хр. перенесъ въ Византію столицу Римской имперіи, переименовавъ Византію въ Константинополь и Новый Римъ, украсивъ ее храмами, дворцами, произведеніями искусства; онъ привлекъ въ новую столицу многочисленное населеніе и вообще сдѣлалъ ее сильнымъ центромъ гражданской и церковной жизни греко-римскаго міра... Въ тѣсной связи съ состояніемъ государства находилась тогда и судьба Христіанской Церкви: процвѣтаніе или упадокъ имперіи вызывали аналогичныя (соотвѣтственныя) явленія и въ жизни Церкви, отражаясь въ ней. Нѣсколько вѣковъ вся жизнь обновленной христіанствомъ имперіи носила церковно-религіозный характеръ, и тогда процвѣтало богословіе, церковное искусство, пышно расцвѣло и Богослуженіе, обогатившись дивными дополненіями прежнихъ формъ, какъ и церковная проповѣдь, а церковная поэзія достигла совершенства въ силѣ, живости и высотѣ творчества. Появились великіе богословы, какъ Аѳанасій Александрійскій, Евстафій Антіохійскій, Григорій Богословъ, Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ и множество прочихъ, также

Но нельзя рѣшительно утверждать, что мощи святой равноапостольной Маріи Магдалины навсегда всецѣло остались въ Константинополѣ. Онѣ могли быть перенесены самими вѣрующими въ другое мѣсто изъ опасенія отъ побѣдоносныхъ нападеній Турокъ; онѣ легко могли быть взяты и на Западъ въ Римъ изъ Константинополя, когда имъ овладѣли въ началѣ XIII вѣка италіанцы съ крестоносцами Четвертаго похода[1]), такъ какъ тогда мощи святыхъ многихъ юго-восточныхъ областей были уносимы и раздѣляемы по разнымъ городамъ западныхъ странъ Европы.

Римско-католическая Церковь утверждаетъ, что мощи святой равноапостольной Маріи Магдалины, за исключеніемъ ея главы[2]),

---

составители пѣснопѣній, какъ Іоаннъ Дамаскинъ, Андрей Критскій, Романъ Сладкопѣвецъ, Косьма Майюмскій и прочіе съ массою высокоталантливыхъ дѣятелей по всѣмъ отраслямъ жизни Церкви христіанской....

[1]) *Крестовые походы*—это военныя экспедиціи, предпринимавшіяся христіанскими народами Западной Европы съ конца XI до конца XIII вѣка для отвоеванія у магометанъ Гроба Христова и Палестины; участники въ Крестовыхъ походахъ носили нашитый на правой сторонѣ одежды красный крестъ и принимались Церковью подъ особое покровительство; кредиторы не могли требовать за нихъ долговъ во все время Крестоваго похода и Церковью имъ прощались грѣхи. Во главѣ этого движенія стояли Римскіе папы со всею Церковью. Крестовые походы были не случайностью, а проявились неизбѣжно—какъ столкновеніе двухъ крайнихъ міровъ: христіанскаго и мусульманскаго, изъ коихъ каждый одинаково считалъ себя призваннымъ господствовать надъ всѣмъ міромъ. Бѣдственное положеніе Греческой имперіи, у которой Турки уже завоевали всю Малую Азію и грозили Константинополю, а также внутреннее религіозное и гражданское состояніе Западной Европы способствовали возникновенію борьбы, а толчокъ былъ данъ просьбою о помощи Греческимъ императоромъ Алексѣемъ Комненомъ и проповѣдью папы Урбана II на Клермонскомъ Соборѣ 1095 г. объ освобожденіи отъ невѣрныхъ Святой земли и Гроба Христова. Всѣхъ настоящихъ Крестовыхъ походовъ было семь. Первый походъ окончился завоеваніемъ Іерусалима въ 1099 г. и учрежденіемъ Іерусалимскаго королевства, но почти чрезъ столѣтіе Турки снова завоевали Іерусалимъ, и всѣ Крестовые походы не достигли цѣли освобожденія Святой земли.—Четвертый же Крестовый походъ, вмѣсто Палестины, ограничился отнятіемъ Константинополя у Грековъ въ 1204 г. и образованіемъ смѣшанной Латинской имперіи, просуществовавшей лишь 56 лѣтъ. Въ это время разрушено было много прекрасныхъ зданій, погибло множество памятниковъ искусства, древнегреческія знаменитыя изваянія бронзовыхъ коней вмѣстѣ съ другими драгоцѣнностями были увезены въ Италію, въ Венеціи имъ былъ украшенъ соборъ св. Марка. Добыча, расхищенная этими крестоносцами въ Константинополѣ, была во всѣхъ видахъ громадная, тогда и могли быть унесены въ Римъ мощи св. равноапостольной Маріи Магдалины.

[2]) Подъ именемъ *мощей* въ св. Церкви въ обширномъ смыслѣ разумѣется тѣло каждаго умершаго христіанина. Такъ, въ чинѣ погребенія усопшихъ говорится: «Взявше мощи усопшаго, отходитъ (съ ними) во храмъ». Но собственно подъ св. мощами разумѣются «честные останки святыхъ угодниковъ Божіихъ». Однако и здѣсь слово *мощи* имѣетъ разное значеніе. Мощами называются прежде всего *кости* свв. угодниковъ. Такъ, древніе христіане почитали *кости* свв. мучениковъ Игнатія Богоносца и Поликарпа Смирнскаго. Церковный историкъ Евсевій, говоря о перенесеніи въ IV вѣкѣ мощей св. Ап. Луки и Тимоѳея, добавляетъ, что Патріархъ держалъ ихъ у себя на колѣнахъ въ небольшихъ ковчежцахъ, или ящикахъ». Очевидно, въ этихъ ковчежцахъ могли умѣститься только *кости* свв. Апостоловъ. Слово *мощи* и у нашихъ предковъ означало главнымъ

покоятся въ Римѣ, около Латеранскаго дворца римскихъ папъ въ главномъ храмѣ святаго Іоанна Латеранскаго[1]), подъ алтаремъ, который папа[2]) Гонорій III[3]), самъ тамъ похоронившій ея мощи, освятилъ въ честь святой равноапостольной Маріи Магдалины. И кромѣ того, открытыми мощами этой святой Римско-Католическая Церковь почитаетъ съ 1280 года мощи, раздѣленныя на части, во Франціи въ Проважѣ близъ города Марселя[4]), гдѣ

образомъ *кости* ... Нѣкоторыя же мощи святыхъ представляютъ цѣлыя тѣла усопшихъ и сохраняютъ настолько натуральный видъ, что отличаются даже мягкостью и гибкостью членовъ, напримѣръ на о. Корфу мощи св. Спиридона Тримифунтскаго свыше 1-ой тысячи лѣтъ лежатъ въ сыромъ и жаркомъ климатѣ, сохраняя гибкость членовъ.... (Миссіон. щитъ Вѣры. Сост. І. Смолинымъ. СПБ. изд. 1904 г., стр. 64 и проч.).

[1]) Древній храмъ имени св. Іоанна въ Латеранѣ «san Giovanni in Laterani» близъ Латеранскаго дворца папъ въ Римѣ существуетъ со временъ императора Константина Великаго и называютъ его «матерью и главою всѣхъ церквей», разумѣется римскихъ. Внутри его много драгоцѣнныхъ древностей изъ мрамора и мозаики работы извѣстнѣйшихъ художниковъ... *Латеранъ*—дворецъ папъ въ Римѣ, закономъ 1871 года объявленъ экстерриторіальнымъ, какъ и Ватиканъ. Онъ принадлежалъ римскому роду Латерани, а съ III-го вѣка, сдѣлавшись императорскою собственностію, былъ подаренъ женою императора Константина Великаго Римскому епископу и служилъ резиденціею папъ до переселенія ихъ въ принадлежащій папамъ во Франціи городъ Авиньонъ. Въ Латеранскомъ дворцѣ до XVIII вѣка происходило одиннадцать Соборовъ Западной Церкви, изъ коихъ нѣсколько считаются Вселенскими въ Римско-Католической Церкви. Въ 1843 году въ Латеранѣ устроенъ богатый музей языческихъ и христіанскихъ древностей.

[2]) *Папа* (отъ греческ. слова «πάππας»—отецъ)—титулъ, который до конца V вѣка употреблялся какъ почетное наименованіе епископовъ, затѣмъ относился преимущественно къ Римскому архіепископу, а съ 1075 года—исключительно къ Римскому какъ верховному главѣ всей Западной Церкви, хотя Церковь Вселенская не давала папѣ особыхъ преимуществъ, всѣ духовныя лица католическаго міра обязывались безусловно подчиняться волѣ Римскаго папы. Верховенство папъ опиралось на политическое обаяніе *вѣчнаго* Рима, столицы міра, и на преемство отъ Апостола Петра. Особенно съ распаденія Западной Римской имперіи весь авторитетъ, который имѣлъ Римъ въ теченіе вѣковъ, сосредоточился на Римскомъ папѣ, оставшемся первымъ лицомъ въ Римѣ, а съ другой стороны, какъ преемникѣ Апостола Петра, проповѣдуемаго на Западѣ какъ глава всего христіанскаго міра.—Римскіе папы приписали себѣ и руководительство всѣмъ міромъ, и безусловное подчиненіе всѣхъ христіанъ, всѣхъ Церквей... Но это противно и Священному Писанію, и священному преданію, и ученію и исторіи Церкви Христовой.

[3]) *Іонорій III папа Римскій* съ 1216 года проповѣдовалъ, но безъ успѣха, Крестовый походъ послѣ неудачнаго Четвертаго; короновалъ Фридриха II въ императора Рима, а въ императора Латинской Константинопольской имперіи—Петра Куртенэ, внука Людовика Толстаго Французскаго. Гонорій III былъ миролюбиваго характера, очень покровительствовалъ нищенскимъ монашескимъ общинамъ и утвердилъ Доминиканскую и потомъ Францисканскую монашескія общины.

[4]) *Марсель*—приморскій городъ въ древней обширной Прованской области юго-западной Франціи въ департаментѣ Устьевъ-Роны. Во всей Европѣ важнѣе его только три: Лондонъ, Гамбургъ и Ливерпуль. Расположенъ при восточной бухтѣ Ліонскаго залива у подножія скалистыхъ горъ. Около полмилліона жителей, преимущественно рабочихъ. Морскія купанья и много достопримѣчательностей. Гавань изъ пяти бассейновъ. Укрѣпленные форты и цитадель. Въ древности Марсель назывался Массиліей и былъ греческою республиканскою колоніею, покоренною Римлянами. Отсюда христіанство распространилось по всей Южной Галліи, нынѣ Франціи.

надъ тѣми мощами въ уединенной долинѣ, у подошвы крутыхъ горъ, воздвигнутъ величественный храмъ во имя святой Маріи Магдалины[1]).

Православная Греко-Россійская Восточная христіанская Церковь и Западная Римско-Католическая, равно какъ и Англиканская, Церкви празднуютъ память святой равноапостольной Маріи Магдалины 22 іюля; въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ церквахъ это самый заповѣдный праздникъ.

Вотъ все, что извѣстно до сихъ поръ о святой равноапостольной мvроносицѣ Маріи Магдалинѣ несомнѣнно истиннаго, преданнаго намъ святымъ Евангеліемъ, и вѣроятнаго по преданіямъ мѣстныхъ церквей христіанскихъ, для которыхъ, равно какъ и для всѣхъ, святая равноапостольная Марія Магдалина была, по непосредственному отъ Христа Спасителя повелѣнію, первою изъ людей проповѣдницею спасительнаго Христова Воскресенія.

«Воскресеніе же Христово есть для всѣхъ насъ,—поучаетъ великій святитель Церкви[2]),—источникъ размышленія, созерцанія, удивленія, радости, благодарности, надежды, всегда полный, всегда новый, сколь ни давно, сколь ни часто изъ него почерпаемъ; оно есть вѣчная новость!.. И надобно ли основать вѣру, возбудить надежду, воспламенить любовь, просвѣтить мудрость, воскрылить молитву, низвести благодать, уничтожить бѣдствіе, смерть, зло, дать жизненность жизни, сдѣлать, чтобы блаженство было не мечта, но существенность, слава—не призракъ, но вѣчная молнія вѣчнаго свѣта, все озаряющая и никого не поражающая?.. —На все сіе найдется довольно силы въ одномъ чудодѣйственномъ словѣ: «Христосъ воскресе!»

Откликнемся же и мы, христіане, на такое чудодѣйственное

---

[1]) Утверждали еще западные христіане, что св. мощи Маріи Магдалины покоятся въ Бургундіи, въ аббатствѣ Вёзле, и совершали имъ тамъ поклоненіе, пока перемѣнили они это мнѣніе на открытыя въ южной Франціи, въ Провансѣ, мощи нѣкоторой святой, выдаваемыя прованскимъ преданіемъ и нѣкоторыми церковными писателями, сливающими Марію изъ Виѳаніи, сестру Лазаря, и Наинскую грѣшницу въ домѣ фарисея съ св. Маріею Магдалиной, за св. мощи Маріи Магдалины. Но эти и подобныя свѣдѣнія Западной Римско-Католической Церкви о жизни и почиваніи мощей св. Маріи Магдалины и все истинное и подлинное въ этихъ преданіяхъ Западныхъ Церквей вѣроятнѣе всего относится собственно къ одной изъ прочихъ святыхъ Марій, упоминаемыхъ во св. Евангеліи, о послѣдующей за Вознесеніемъ Христовымъ дѣятельности которыхъ Восточная Церковь не имѣетъ никакихъ несомнѣнныхъ свѣдѣній.

[2]) Слова и Рѣчи Филарета, митрополита Московскаго, издан. 1848 г. часть 1, стран. 35, 36 и 44.

благовѣстіе великой посланницы Самого Спасителя нашего святой равноапостольной Маріи Магдалины восторженнымъ: воистину, воистину Христосъ воскресъ!

Тропа́рь, гла́съ а҃:

Хр҃тꙋ̀ на́съ ра́ди ѿ дв҃ы ро́ждшемꙋсѧ чⷭ҇тна́ѧ магдали́на марі́а послѣ́довала є҆сѝ, тогѡ̀ ѡ҆правда̑нїѧ и҆ зако́ны хранѧ́щи: тѣ́мже дне́сь всест҃ꙋю твою̀ па́мѧть пра́зднꙋюще, грѣхѡ́въ разрѣше́нїе мл҃твами твои́ми прїе́млемъ.

Конда́къ, гла́съ г҃:

Предстоѧ́щи пресла́внаѧ оу҆ кр҃та̀ сп҃сова со и҆ны́ми мно́гими, и҆ мт҃ри гд҃ни состра́ждꙋщи, и҆ сле́зы точа́щи, сїѐ въ похвалꙋ̀ приноша́ше глаго́лющи: что̀ сїе́ є҆сть стра́нное чꙋ́до; содержа́й всю̀ тва́рь пострада́ти и҆зво́ли: сла́ва держа́вѣ твое́й.

Въ тотъ же день **пренесеніе мощей святаго священномученика Фоки** въ 404 году въ Царьградъ изъ Понта. (Память его празднуется 22-го сентября.)

День двадцать третій

СТРАДАНІЕ
СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
АПОЛЛИНАРІЯ

Во дни кесаря Клавдія[1]) святый Петръ, Апостолъ Іисуса Христа[2]), со многими сопутствующими ему христіанами пришелъ изъ Антіохіи въ Римъ[3]); здѣсь вначалѣ, вшедши въ іудейское собраніе, онъ назвался іудеяниномъ. И сталъ возвѣщать ученіе объ Іисусѣ Христѣ, доказывая свидѣтельствомъ пророческихъ книгъ, что Христосъ есть истинно Сынъ Божій, пришедшій для спасенія рода человѣческаго; онъ повѣдалъ и о всѣхъ чудесахъ Господа Іисуса, которыя Онъ сотворилъ среди Израиля. Когда святый Апостолъ Петръ ежедневно проповѣдовалъ такимъ образомъ въ сонмищѣ іудейскомъ, многіе изъ Іудеевъ увѣровали во Христа, и не только изъ Іудеевъ, но многіе и изъ Римлянъ, слыша проповѣдь Апостола, съ радостію принимали его слово, говоря:

— Богъ взыскалъ родъ человѣческій, пославши Сына Своего для обновленія міра.

---

1) *Клавдій*—Римскій императоръ въ 41—54 гг.

2) Память св. Ап. Петра 29 іюня.

3) *Римъ* — главный городъ Римской имперіи, лежитъ въ средней Италіи по обѣимъ сторонамъ рѣки Тибра, при впаденіи ея въ море.

И, увѣровавъ во Христа, крестились. Немало времени спустя святый Апостолъ Петръ обратился къ ученику своему Аполлинарію, пришедшему съ нимъ изъ Антіохіи, съ такими словами:

— Вотъ, ты хорошо наставленъ въ познаніи Христа, Сына Божія, и вполнѣ увѣдалъ всѣ Его божественныя дѣянія. Итакъ, пріими освященіе Святаго Духа и иди въ многолюдный городъ Равенну[1]), и, ничего не боясь, проповѣдуй тамъ Имя Іисуса Христа!

Произнесши это, Апостолъ Петръ сотворилъ молитву и, возложивъ руки на главу Аполлинарія, поставилъ его епископомъ города Равенны.

— Да пошлетъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ Ангела Своего, который сохранитъ тебя въ пути и исполнитъ, что ты просишь.

Съ такими прощальными словами Апостолъ отпустилъ Аполлинарія, облобызавъ его. Приблизившись къ вышеназванному городу, Аполлинарій вошелъ въ домъ одного воина, по имени Иринея, желая, какъ странникъ, отдохнуть. Во время бесѣды съ нимъ святый епископъ объявилъ этому Иринею о себѣ: кто онъ, откуда и ради чего идетъ въ ихъ городъ, и говорилъ о Христѣ Іисусѣ и Его Божественной силѣ. Ириней сказалъ ему:

— Отче странникъ! У меня сынъ слѣпой, и если проповѣдь твоя имѣетъ силу, исцѣли его, чтобы онъ прозрѣлъ, тогда я, увѣровавъ въ Бога твоего, пойду вослѣдъ Его.

И повелѣлъ святый привести къ себѣ слѣпаго; когда же того привели, собрались всѣ домашніе, желая видѣть, что сдѣлаетъ со

---

[1]) *Равенна*—городъ итальянской провинціи того же имени. Равенна основана была Ѳессалійцами; дома ея были построены на сваяхъ, каналы частью замѣняли собою улицы. Потомъ Равенна по очереди переходила въ руки Этрусковъ, Сабинянъ, Галловъ, пока въ 254 г. до Рождества Христова не подчинена была Римлянами; послѣдніе дали Равеннѣ самоуправленіе и различныя привиллегіи и льготы. Въ дни Римской имперіи Равенна была одною изъ важныхъ стоянокъ римскаго флота: здѣсь былъ устроенъ Августомъ портъ. Съ 44 г. Равенна становится мѣстопребываніемъ епископа, а съ 432 г.—архіепископа; императоръ Гонорій, спасаясь отъ Алариха, въ 402 г. избралъ Равенну своей столицей. По паденіи Западной Римской имперіи Равенна была взята Одоакромъ, королемъ Геруловъ; въ 493 г. послѣ долговременной осады Равенной овладѣлъ Теодорихъ Великій. Съ 555 г. въ Равеннѣ начинается господство Византіи, продолжавшееся здѣсь около двухъ вѣковъ. Въ 752 г. она становится достояніемъ Лангобардовъ; въ 754 г. Пипинъ Короткій подноситъ ее въ даръ папѣ. Съ 1275 г. Равенна становится собственностью знатной фамиліи Полента, находившейся ранѣе въ зависимости вассальной отъ папы. Въ 1441 г. Равенной овладѣваютъ венеціанцы, изъ рукъ послѣднихъ въ 1509 г. она снова переходитъ въ руки папы. Въ 1860 г. Равенна включена въ составъ Итальянскаго королевства.—Наравнѣ съ Римомъ, Константинополемъ и Солунью Равенна замѣчательна памятниками древнехристіанскаго искусства отъ времени перехода его въ искусство византійское.

слѣпцомъ странникъ. А онъ, осѣнивъ крестнымъ знаменіемъ очи слѣпаго, изрекъ:

— Боже Вездѣсущій! Внеси познаніе Сына Твоего въ этотъ городъ, да не только тѣлесныя, но и духовныя очи людей этихъ просвѣтятся, чтобы познали они Тебя, Единаго Истиннаго Бога и Господа нашего Іисуса Христа, Котораго Ты послалъ для спасенія міра[1]).

Какъ только святый изрекъ это, тотчасъ отверзлись очи слѣпаго, и онъ прозрѣлъ и припалъ къ ногамъ человѣка Божія съ родителями своими. И такъ вся та семья увѣровала во Христа и крестилась въ рѣкѣ, которая протекала недалеко отъ Равенны, и сталъ святый жить въ томъ Иринеевомъ домѣ.

А въ городѣ была больная женщина, супруга трибуна,[2]) по имени Ѳекла, много лѣтъ лежавшая въ болѣзни; и хотя ее пользовали различные искусные врачи, она не могла излѣчиться. Случилось, что новокрещенный воинъ Ириней пришелъ къ трибуну и, видя, что тотъ сильно огорченъ неизлѣчимою болѣзнью жены своей, обратился къ нему съ такой рѣчью:

— Живетъ у меня странникъ, который моего слѣпаго сына излѣчилъ безъ всякаго лѣкарства; если прикажешь, чтобы тотъ пришелъ къ тебѣ, онъ тотчасъ исцѣлитъ и твою супругу.

Трибунъ спросилъ:

— Откуда этотъ человѣкъ пришелъ сюда?

— Изъ Рима, — отвѣчалъ Ириней.

— Что же онъ—римлянинъ?—переспросилъ трибунъ.

— Не знаю; однако сдается мнѣ, что онъ родомъ не римлянинъ, а грекъ.

— Приведи его тайно въ домъ мой!—заключилъ трибунъ бесѣду.

Когда святый Аполлинарій входилъ съ Иринеемъ въ городъ Равенну, то, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, молился:

— Боже, поспѣшествующій учителю моему Петру, споспѣшествуй и мнѣ, да прославится Имя Твое Святое въ этомъ градѣ и да исполняется здѣсь воля Твоя!

Когда святый вступилъ въ домъ трибуна, трибунъ привѣтствовалъ его:

— Хорошо, что пришелъ, о врачъ! Что можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, пріятнѣе студеной воды для жаждущаго?

---

1) Сравн.: Еванг. отъ Іоан., гл. 17, ст. 3.

2) *Трибунъ* — военный начальникъ.

— Да почіетъ, — сказалъ святый Аполлинарій, — на васъ благословеніе Господа нашего Іисуса Христа.

— Кто Тотъ, Кого ты назвалъ?—спросилъ трибунъ.

— Онъ—Сынъ Бога Живаго[1]), обновившій весь погибшій міръ,—отвѣтствовалъ Аполлинарій.

— Вижу, что ты — галилеянинъ[2]),— сказалъ трибунъ.

— Истинно такъ,—подтвердилъ святый.

— Умѣешь ты врачевать?—спросилъ трибунъ.

— Нѣтъ,— отвѣчалъ святый,—я ничего не знаю, кромѣ Имени Іисуса.

— А какая сила въ Имени Іисуса?— спросилъ трибунъ.

— А вотъ,—отвѣчалъ святый,—призови сюда воиновъ, которые подъ твоею властію, и на глазахъ всѣхъ познаешь силу Господа моего Іисуса Христа!

Сщенномчнкъ Аполлинарій

Трибунъ тотчасъ же черезъ посланнаго созвалъ всѣхъ своихъ воиновъ и затѣмъ обратился къ святому:

— Вотъ, моя жена много лѣтъ лежитъ на одрѣ болѣзни, и лѣкарство не только не помогаетъ ей, но еще болѣе вредитъ. Итакъ, если въ тебѣ заключена какая-либо врачующая сила, яви ее надъ болящей!

— Да откроетъ Богъ,—молитвенно пожелалъ святый,—очи вашихъ сердецъ, чтобы, видя чудеса Его, всѣ увѣровали въ Него!

И, подойдя къ постели, взявъ за руку больную, произнесъ:

— Во Имя Господа нашего Іисуса Христа встань и вѣруй въ Него, и не помысли, что кто-либо подобенъ Ему.

---

[1]) Сравн. Еванг. отъ Іоан., гл. 6, ст. 69.

[2]) *Галилея*—область на сѣверѣ Палестины; здѣсь Господь Іисусъ Христосъ провелъ свое дѣтство и юность; Галилея же была по преимуществу и мѣстомъ Его проповѣди; посему-то Господа Іисуса и называли Галилеяниномъ (Еванг. отъ Матѳ., 26, 69). Въ IV вѣкѣ Греко-римскій императоръ Юліанъ Отступникъ умеръ (въ 363 г.) съ такими словами, обращенными ко Христу: «Ты побѣдилъ меня, Галилеянинъ!»—отсюда и послѣдователи Господа Іисуса носили имя галилеянъ.

И тотчасъ жена почувствовала себя здоровою, встала съ постели и громко свидѣтельствовала:

— Нѣтъ инаго Бога, кромѣ Іисуса Христа, Котораго ты проповѣдуешь.

Видя это, трибунъ и всѣ его воины, удивляясь, восклицали:

— Воистину, только этотъ Богъ, Который творитъ таковое! Онъ можетъ вспомоществовать намъ и на войнѣ, если мы Его возлюбимъ!

И увѣровали во Христа трибунъ съ женою своей и съ дѣтьми и со всѣми домашними, и многіе изъ бывшихъ тамъ язычниковъ вѣровали и крестились. Съ этого времени святый Аполлинарій сталъ имѣть пребываніе въ городѣ въ домѣ трибуна, и повседневно приходило къ нему множество людей, и онъ тайно училъ ихъ вѣровать во Христа и крестилъ; увѣровавшіе же отдавали своихъ дѣтей святому для книжнаго ученія. И святитель Божій устроилъ въ домѣ трибуна изъ одной комнаты церковь, и совершалъ въ ней Литургію, и причащалъ вѣрующихъ Божественныхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовыхъ. Оставаясь тамъ 12 лѣтъ, рукоположилъ двухъ пресвитеровъ, Адерета и Калокира, а Маркіана, человѣка благороднѣйшаго происхожденія, и философа Левкадія поставилъ діаконами и шесть человѣкъ клириками и совершалъ съ ними дневныя и ночныя моленія, славословя Бога. Когда же число христіанъ умножилось и слухъ объ Имени и силѣ Іисуса Христа и Его проповѣдникѣ прошелъ въ народѣ, то не могъ остаться въ неизвѣстности человѣкъ Божій. И было о немъ сообщено правителю города Сатурнину.

Когда за нимъ было послано и онъ былъ приведенъ, то правитель представилъ его главнѣйшимъ жрецамъ Равеннскаго Капитолія и въ присутствіи ихъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— Кто ты таковъ?

— Я—христіанинъ,—

громкимъ голосомъ исповѣдалъ святый въ отвѣтъ.

— А кто Христосъ?—

спросилъ князь.

— Христосъ есть Сынъ Бога Живаго, Которымъ движется все существующее на небѣ, и на землѣ, и въ морѣ,—отвѣчалъ святый.

— Это Онъ послалъ тебя,—допытывался судья,—къ намъ ниспровергнуть служеніе нашимъ богамъ? Развѣ ты не знаешь,

великаго бога Зевса, обитающаго въ городскомъ Капитоліи, которому и ты долженъ поклониться?

— Кто онъ—не знаю и о храмѣ его мнѣ неизвѣстно,—отвѣтствовалъ святый.

Тогда жрецы идоловъ предложили святому:

— Такъ иди и посмотри на великій храмъ его, дивно украшенный, и въ немъ увидишь изображеніе непобѣдимаго Зевса, и поклонишься ему.

И привели святаго Аполлинарія къ тому храму; когда онъ вошелъ въ него и увидѣлъ богатыя украшенія, то посмѣялся и обратился къ жрецамъ съ такою рѣчью:

— Вотъ сколько золота и серебра попустому здѣсь собрано: не лучше ли было роздать его нищимъ, чѣмъ понапрасну повѣсить предъ демонами?

Тогда нечестивые преисполнились гнѣва и ярости, сильно избили святаго, а затѣмъ, привязавъ веревкой за ноги, вытащили его за городъ и бросили на морскомъ берегу, какъ мертваго. Святаго Аполлинарія, едва живаго, взяли его ученики и укрыли въ домѣ одной вдовы, вѣрующей во Христа, и заботились о немъ.

Спустя шесть мѣсяцевъ одинъ знатный человѣкъ, по имени Вонифатій, внезапно сталъ нѣмъ; къ нему призывали многихъ врачей, но послѣдніе ничѣмъ не могли помочь ему. Въ то время стало извѣстно въ его домѣ, что рабъ Божій Аполлинарій живъ и укрывается у одной вдовы. Жена нѣмаго поспѣшила къ человѣку Божію и, припадая къ ногамъ его, молила, чтобы онъ пришелъ въ домъ къ ней и исцѣлилъ ея мужа. Святитель Христовъ, вставъ, пошелъ туда и, когда входилъ въ домъ Вонифатія, одна изъ рабынь, отроковица, одержимая нечистымъ духомъ, схваченная имъ, воскликнула:

— Уйди отсюда, рабъ Бога Живаго! Если же не уйдешь, то я добьюсь, что тебя, со связанными ногами, опять выволокутъ изъ города!

Святый, запретивъ нечистому духу, изгналъ его изъ рабыни; войдя къ больному и нѣмому Вонифатію, онъ такъ помолился о немъ Богу:

— Господи Іисусе Христе, затворившій уста этому человѣку, чтобы не призывалъ онъ къ себѣ бѣсовъ на помощь, открой ихъ ему нынѣ, да призоветъ онъ Твое Преблагословенное Имя и увѣруетъ, что Ты—Богъ, живущій во вѣки.

Когда святый такъ помолился, а предстоявшіе христіане произнесли «аминь», въ ту же минуту разрѣшился языкъ нѣмаго, и уста его открылись для славословія Единаго Бога, и онъ громогласно воскликнулъ:

— Нѣтъ другаго Бога, кромѣ проповѣдуемаго Аполлинаріемъ!

Въ тотъ день увѣровали во Христа болѣе 500 сотъ мужей и приняли Святое Крещеніе. Немного дней спустя нечестивые, возбужденные бѣсами ко гнѣву, снова схватили святаго Аполлинарія и сильно били палками, запрещая ему,—да не смѣетъ онъ проповѣдовать объ Іисусѣ, ни даже упоминать Имя Его. Святый же, лежа на землѣ, восклицалъ:

— Воистину Богъ есть Іисусъ Христосъ, волею пострадавшій за людей.

Язычники, не вынося его свидѣтельства о Христѣ, поставили его босыми ногами на горячіе уголья и, мучая его, жгли на огнѣ. А онъ еще съ бо́льшею силою громко проповѣдовалъ Христа. Потомъ, привязавъ святаго Аполлинарія за ноги, мучители вытащили его изъ города съ крикомъ:

— Хотя ты и творишь исцѣленія, но, если хочешь быть живымъ, не осмѣливайся входить въ городъ.

И святый лежалъ близъ города и непрестанно училъ о Имени Іисуса Христа. Приходили къ нему многіе богобоязненные люди и прислуживали ему. Умножавшіеся въ числѣ отъ проповѣди святаго вѣрующіе создали небольшую церковь недалеко отъ города на морскомъ берегу, и совершалъ въ ней архіерей Божій Святую Литургію и обращающихся ко Христу Богу крестилъ въ морѣ.

Спустя нѣсколько лѣтъ святый былъ прогнанъ невѣрными и отправился въ италійскую страну Емилію и здѣсь проповѣдію, кого только могъ, приводилъ къ святой вѣрѣ. Въ это время, по его повелѣнію, управлялъ церковію пресвитеръ Калокиръ; являлъ и тотъ великія знаменія силою Имени Іисуса Христа. Пробывъ достаточно времени въ Емиліи и обративъ многихъ ко Христу, святый Аполлинарій опять вернулся въ Равенну, гдѣ вѣрующіе приняли его съ радостію. Въ то время Равенна имѣла уже другого правителя, по имени Руфина, у котораго была только одна дочь, и она такъ тяжко болѣла, что уже ожидали ея смерти. Услышавъ о святомъ Аполлинаріи, правитель приказалъ съ честію привести его въ свой домъ, чтобы онъ помогъ его дочери. Когда святый епископъ съ клириками вступалъ въ домъ князя, умерла больная.

И начали плакать и громко рыдать какъ родители ея, такъ и всѣ домашніе. Увидавъ святаго, Руфинъ такъ сказалъ ему:

— Лучше бы ты не приходилъ въ домъ мой, потому что за тебя разгнѣвались на меня великіе боги и не захотѣли, чтобы моя дочь избавилась отъ смерти.

— Клянись мнѣ здравіемъ твоего цезаря,— возразилъ святый,— что не помѣшаешь дочери твоей идти вослѣдъ Спасителя своего, и ты увидишь силу проповѣдуемаго мною Господа нашего Іисуса Христа.

— Я знаю,— отвѣчалъ Руфинъ, — что дочь моя умерла, но если я увижу ее воскресшею и говорящею, восхвалю силу Бога твоего и не воспрещу ей послѣдовать за своимъ Спасителемъ.

Тогда святый, приблизившись къ покойницѣ, молился:

— Господи Іисусе Христе Боже мой, исполняющій всѣ прошенія Апостола Твоего Петра, моего наставника, исполни и мою просьбу,—воскреси эту отроковицу, такъ какъ она Твое созданіе. И да видятъ предстоящіе Твою силу и разумѣютъ, что нѣтъ иного Бога, кромѣ Тебя!

Потомъ, прикоснувшись къ мертвой, воскликнулъ:

— Возстань и исповѣдуй Создателя твоего!

И тотчасъ дѣвица воскресла, стала на ноги и, громко взывая, восклицала:

— Великъ Богъ, Котораго проповѣдуетъ Аполлинарій, и нѣтъ, кромѣ Него, другаго Бога!

Обрадовались родители отроковицы, обрадовались и всѣ христіане, что такъ прославилось Имя Господа Іисуса. Крестилась дѣвица съ матерью и всѣ домашніе, и всѣхъ принявшихъ Крещеніе душъ обоего пола было триста двадцать четыре, и многіе другіе изъ язычниковъ увѣровали во Христа и крестились. Правитель же Руфинъ, хотя и увѣровалъ во Христа, но, страха ради передъ цезаремъ, не принялъ Крещенія, но втайнѣ любилъ святителя Божія и служилъ ему. Дочь же его посвятила себя Іисусу Христу, обручивъ себя Ему, какъ невѣста, и пребыла дѣвою въ теченіе всей своей жизни.

Сообщено же было цезарю язычниками, что какой-то человѣкъ, пришедшій изъ Антіохіи, своимъ волшебствомъ и чарами внесъ Имя Іисуса Жидовина въ городъ Равенну и многіе изъ народа слушаютъ его, причемъ онъ даже семью и домашнихъ Руфина совратилъ въ свою вѣру. Цезарь же немедленно послалъ намѣст-

ника своего, именемъ Мессалина, въ Равенну лишить власти Руфина, а Аполлинарія приказалъ или принудить къ поклоненію языческимъ богамъ, или изгнать въ самыя отдаленныя страны. Мессалинъ, исполняя волю цезаря, позвалъ Аполлинарія въ преторію и при капитолійскихъ жрецахъ разспрашивалъ его,—кто онъ, откуда и чѣмъ занимается. Святый же сказалъ о себѣ, что онъ—христіанинъ, родомъ изъ Антіохіи, ученикъ апостольскій; дѣло же его исключительно состоитъ въ проповѣдованіи Іисуса Христа, Сына Бога Живаго, сотворившаго небо и землю, и море и все, что на нихъ и въ нихъ.

— Не Того ли проповѣдуешь Христа, Который, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, назвался Сыномъ Божіимъ и былъ убитъ жидами?—спросилъ Мессалинъ.—Если бы Онъ былъ Богъ, то не умеръ бы и не принялъ бы поруганія, но такъ какъ Онъ былъ гордъ, то преданъ былъ на мученіе и погибъ отъ смертной казни,—ради чего ты причисляешь Его къ богамъ, не знаю.

— Сей Іисусъ Христосъ,—сказалъ ему святый Аполлинарій,—о Которомъ ты говоришь, Богъ былъ, есть и будетъ во вѣки. Желая освободить родъ человѣческій отъ порабощенія врагу, Онъ смирилъ Себя и воплотился отъ Святаго Духа въ утробѣ чистой, не познавшей мужа, Дѣвы и родился отъ Нея несказанно.

— Все это и мы слышали, — возразилъ Мессалинъ,—но это маловѣроятно.

— Послушай меня, о судья! и внемли,—воззвалъ святый.—Богъ былъ въ чистой плоти и творилъ удивительныя чудеса и знаменія, а когда былъ взятъ іудеями и распятъ, то пострадала принятая отъ Пресвятой Дѣвы плоть Его, а Божество осталось чуждымъ страданія и безсмертнымъ; этимъ Божествомъ и плоть воскресла изъ мертвыхъ въ третій день, и Онъ, явившись многимъ, вознесся на небо, откуда и сошелъ. Столь великую силу и власть Онъ далъ вѣрующимъ въ Него, что послѣднія Именемъ Его могутъ изгонять бѣсовъ, исцѣлять всякія неизлѣчимыя болѣзни и воскрешать мертвыхъ[1]).

— Не можешь меня переубѣдить,—возразилъ Мессалинъ,—чтобы я сталъ послѣдователемъ неизвѣстнаго Бога, Котораго не признаютъ цезарь и сенаторы; но войди въ городской Капитолій и вознеси своими руками куреніе великому и страшно гремящему

[1]) Еванг. отъ Марка, гл. 16, ст. 17—18.

богу Зевсу; если же не захочешь этого сдѣлать, то предамъ тебя различнымъ мукамъ и сошлю въ изгнаніе.

— Если и въ Капитолій войду, все же не принесу куренія бѣсамъ, но принесу жертву хвалы Господу моему Іисусу Христу,— отвѣчалъ святый.

Жрецы же идольскіе закричали:

— Да будетъ Аполлинарій мучимъ!

И повелѣлъ Мессалинъ обнажить мученика и бить палками безъ пощады со словами:

— Принеси жертву богамъ!

А святый во время этой пытки восклицалъ:

— Я—христіанинъ!

— Протяните его на мѣстѣ мученія, — яростно воскликнулъ одинъ изъ жрецовъ, — и истязайте еще жесточе, пока не воздастъ хвалы безсмертнымъ богамъ.

Но и среди этихъ, болѣе жестокихъ, мученій святый Аполлинарій взывалъ:

— Исповѣдую Богомъ Живымъ Господа Іисуса Христа и никого иного!

Спустя часъ Мессалинъ, повелѣвъ ослабить муки, обратился къ страстотерпцу:

— Скажи мнѣ, окаянный, какого воздаянія ожидаешь ты за принятыя муки?

— Въ нашихъ книгахъ,—отвѣчалъ мученикъ, — написано: «претерпѣвшій до конца спасется»[1]), и если кто умретъ за Христа, тотъ живъ будетъ: таково воздаяніе для христіанина.

Смотрѣло же на страданіе святаго много народа, вѣрующихъ и язычниковъ. И вѣрующіе, видя его мужество и терпѣніе, прославляли Бога Небеснаго. Мессалинъ тогда снова приказалъ слугамъ мучить раба Христова и лить кипящую воду на его раны. А тѣмъ временемъ приказалъ готовить корабль, намѣреваясь закованнаго въ желѣзо мученика сослать въ заточеніе въ Иллирикъ[3]). Одинъ изъ истязавшихъ святаго слугъ, болѣе всѣхъ ярившійся на страсто-

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 24, ст. 13.

[2]) *Иллирикъ*, или *Иллирія*,—римская провинція, о которой св. Ап. Павелъ въ Посланіи къ Римлянамъ упоминаетъ какъ о границѣ его апостольской дѣятельности (15, 19). Иллиріей Греки называли всю страну, лежавшую къ западу отъ Македоніи между Дунаемъ и Адріатическимъ моремъ. Римляне различали: illyria barbara—сѣверная горная страна и illyria graeca—приморская страна, заселенная греческими колонистами. Въ Иллиріи проповѣдовали нѣкоторые изъ 70 апостоловъ.

терпца, внезапно былъ охваченъ лютымъ бѣсомъ, упалъ на землю и умеръ, такъ какъ бѣсъ исторгнулъ изъ него окаянную его душу. А святый Аполлинарій, будучи снятъ съ мучилища, обратился къ Мессалину:

— Нечестивый, почему ты не вѣруешь въ Сына Божія? Тогда бы ты могъ избѣгнуть вѣчной муки въ геоннѣ[1]).

Разъярился мучитель и приказалъ бить святаго по устамъ камнемъ. Христіане, видя такую жестокость мучителя, не могли болѣе терпѣть (было ихъ великое множество), но, подвигнувшись на гнѣвъ, произвели народный мятежъ: бросились они на язычниковъ и нѣсколько человѣкъ убили. Хотѣли убить и Мессалина, но онъ, когда замѣтилъ начавшійся шумъ и народный мятежъ, испугался и тотчасъ, схватившись съ мѣста, бѣжалъ и скрылся гдѣ-то въ укрѣпленномъ зданіи. Воинамъ онъ приказалъ схватить Аполлинарія, заключить въ темницу, забить его ноги въ колодки и не давать ему ни пищи, ни питья, чтобы онъ умеръ, изнемогая отъ голода и жажды. Но Богъ, насыщающій всѣхъ, не покинулъ Своего раба, а послалъ Ангела подкрѣпить святаго, когда онъ взалкалъ, и Ангелъ Божій пришелъ въ темницу видимо, такъ что темничные стражи смотрѣли на него, и принесъ узнику Христову пищу и питіе, которыя тотъ взялъ и, вкусивъ, подкрѣпился, и благодарилъ Бога. Спустя четыре дня Мессалинъ, услышавъ что учитель христіанскій Аполлинарій еще живъ въ темницѣ, приказалъ заковать его въ тяжелыя желѣзныя оковы, тайно посадить на корабль и отправить въ заточеніе. Съ нимъ пошли и три клирика, не желая разстаться со своимъ отцемъ и учителемъ, и пустились въ плаваніе.

Черезъ нѣсколько дней неожиданно поднялась сильная буря, и море жестоко взволновалось, корабль разбился отъ напора волнъ, и всѣ утонули; уцѣлѣлъ только святый Аполлинарій съ тремя клириками и два воина съ ними; хранимые Богомъ, они приплыли невредимыми къ берегу; желѣзныя же оковы, въ которыя святый

---

[1]) *Геенна*—грсч. γέεννα—мѣсто вѣчныхъ мученій (Еванг. отъ Матѳ., **10**, 28). Это названіе произошло отъ еврейскихъ словъ, которыя означаютъ долину Енномъ близъ Іерусалима, гдѣ въ честь Молоха сожигались дѣти (3 Кн. Цар., 11, 7; 4 Кн. Цар., 16, 3—4). Царь Іосія отмѣнилъ ужасный и богопреступный обычай такого жертвоприношенія; послѣ этого въ долину Енномъ стали сваливаться трупы казненныхъ злодѣевъ, падаль и всякая нечистота; для уничтоженія смрада и заразы все это предавалось огню. Отсюда и выраженіе *геенна огненная* (Еванг. отъ: Матѳ., **5**, 22, 29; **18**, 9; Марка, **9**, 47), геенна огнь неугасающій (Еванг. отъ Марка, **9**, 43, 45).

былъ заключенъ, спали съ него, разбитые невидимой рукой въ то время, когда разрушившійся корабль сталъ погружаться. Спасенные отъ гибели вышли на берегъ. И два помянутые воина спросили святаго:

— Господинъ! Отче! Куда мы пойдемъ? Что будемъ дѣлать?

— Вѣруйте,—отвѣчалъ святый,—въ Господа нашего Іисуса Христа, примите Святое Крещеніе—и будете живы.

Они тотчасъ же, проклявъ идоловъ, крестились во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. И ходилъ святый съ тремя клириками и двумя новопросвѣщенными воинами съ одного мѣста на другое, пришли даже въ Мизію[1]), гдѣ никто не принималъ ихъ. Святый же, увидѣвъ одного знатнаго человѣка, имѣвшаго проказу на своемъ лбу, спросилъ:

— Хочешь ли быть здоровымъ?

— Хочу,—отвѣчалъ тотъ.

— Вѣруй въ Господа нашего Іисуса Христа,—сказалъ святый.

— Кто меня исцѣлитъ,—отвѣчалъ больной,—тотъ будетъ моимъ Богомъ.

Святый Аполлинарій, призвавъ Имя Господа Іисуса, прикоснулся къ проказѣ того человѣка—и тотъ тотчасъ же сталъ здоровъ, отрекся отъ идоловъ, увѣровалъ во Христа и крестился. Жилъ у него святый много дней, уча невѣрныхъ познанію Истиннаго Бога и просвѣщая ихъ Святымъ Крещеніемъ. Такъ же точно онъ многихъ изъ невѣрныхъ привелъ къ Христу проповѣдію слова, когда шелъ оттуда по берегу рѣки Дуная. Послѣ того пришелъ во Ѳракію и пребывалъ тамъ близъ одного языческаго капища, гдѣ стоялъ идолъ нечистаго языческаго бога Серапида, который бесѣдовалъ съ своими поклонниками: потому что бѣсъ, сидѣвшій въ идолѣ, давалъ отвѣты приносящимъ жертвы и спрашивающимъ о всякомъ дѣлѣ. Когда святый пришелъ туда, идолъ замолкъ. И были сильно опечалены нечестивые жрецы и всѣ язычники той страны, что богъ ихъ онѣмѣлъ. Послѣ того, какъ они долго умилостивляли его жертвами, чтобы онъ снова заговорилъ съ ними, едва кое-какъ онъ проговорилъ:

— Развѣ не знаете вы, что изъ Рима пришелъ сюда ученикъ Апостола Петра и связалъ меня Именемъ Іисуса, которое онъ про-

---

[1]) *Мизія*—страна къ сѣверу отъ Македоніи, смежная съ Ѳракіею.

повѣдуетъ? Пока онъ отсюда не будетъ изгнанъ, я не могу отвѣчать на ваши вопрошенія!

Тотчасъ язычники старательно стали разыскивать Христова проповѣдника и, нашедши, били немилосердно; затѣмъ, приведя его къ морю, отыскали тамъ корабль, отплывавшій въ Италію; и, умоливъ правителя своей страны, отправлявшаго корабль тотъ, посадили на него святителя Божія, говоря:

— Откуда ты пришелъ, туда и возвратись!

И при попутномъ вѣтрѣ достигли Италіи. Вышедъ на сушу съ учениками, человѣкъ Божій пошелъ въ городъ Равенну къ своей паствѣ и, явившись въ Равеннѣ послѣ трехлѣтняго изнанія, принятъ былъ вѣрующими съ великою радостію. Язычники же сильно гнѣвались, узнавъ, что христіанскій епископъ возвратился изъ изгнанія, и замышляли злое, подъискивая удобное время для выполненія своего умысла.

Достаточно времени спустя, когда святитель Божій совершалъ Святую Литургію въ церкви, находившейся въ селеніи одного извѣстнаго мужа, по имени Киринея, напали на нее язычники въ огромномъ числѣ и, разогнавши словесную паству Христову, схватили самого пастыря святаго Аполлинарія и съ побоями привели его связаннаго въ городъ и предоставили самымъ главнымъ капитолійскимъ жрецамъ храма Зевса. Тѣ, увидѣвъ его, съ гнѣвомъ закричали:

— Недостоинъ онъ предстать предъ великаго бога Зевса, надъ которымъ не разъ надругался, но пусть ведутъ его къ Аполлону!

Когда святый былъ приведенъ въ храмъ Аполлона, онъ вознесъ молитву Господу своему, и идолъ тотъ тотчасъ, упавши наземь, разсыпался въ прахъ, а немного времени спустя и храмъ тотъ непотребный разрушился. Видя то, христіане прославляли Всемогущаго Бога своего, а язычники, схвативъ святаго Аполлинарія, привели его къ князю, по имени Таврусу, и предали тому мученика для осужденія на смерть. Правитель же, созвавши въ преторію всѣхъ совѣтниковъ—гражданъ, спрашивалъ узника Христова въ ихъ присутствіи, чьею силою творитъ онъ такія чудеса, исцѣляя больныхъ?

Святый повѣдалъ, что все исполняетъ силою Христовою, ибо одинъ Христосъ есть Истинный и Всесильный Богъ.

— У меня,—сказалъ судья,—сынъ слѣпой отъ рожденія; если ты силою Христа твоего сдѣлаешь, что онъ прозрѣетъ, то и мы

будемъ вѣровать, что Христосъ есть Богъ Истинный; если же ты этого не сдѣлаешь, то предадимъ тебя огню, да погибнешь по заслугамъ.

Святитель Христовъ приказалъ привести слѣпорожденнаго и, когда тотъ былъ приведенъ, человѣкъ Божій осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ слѣпыя очи и произнесъ:

— Во Имя Іисуса Христа Распятаго открой глаза твои и прозри.

И тотчасъ слѣпой отъ рожденія, открывъ глаза, прозрѣлъ. И всѣ дивились, восклицая:

— Дѣйствительно совершающій таковыя чудеса есть Богъ Истинный.

И многіе увѣровали во Христа. Правитель же, освободивъ святаго изъ рукъ невѣрующихъ, отправилъ его ночью въ свое имѣніе, въ шести милліаріяхъ[1]) отъ города, подъ предлогомъ, что тамъ будетъ держать его въ оковахъ. Но святитель оставался въ томъ селеніи всѣ четыре года не въ оковахъ, а на свободѣ, и сходились къ нему всѣ вѣрующіе, и изъ язычниковъ многіе приходили къ нему; онъ обращалъ и ихъ проповѣдію Евангельскою къ святой вѣрѣ и крестилъ; всѣхъ больныхъ, которыхъ приносили къ нему, онъ исцѣлялъ.

Въ тѣ дни избранъ былъ въ Римѣ кесаремъ Веспасіанъ[2]), и начальствующіе въ Равеннѣ жрецы писали кесарю посланіе въ слѣдующихъ словахъ:

«Если ты не погубишь волхва Аполлинарія, вреднаго для твоего царства, то погибнетъ почитаніе боговъ и умалится слава Рима; потому что повседневно соблазняя своимъ волшебствомъ множество народа, онъ поноситъ безсмертныхъ боговъ и разрушаетъ ихъ храмы; если же одинъ онъ изъ живущихъ будетъ уничтоженъ, слава Рима во вѣки сохранится».

Кесарь Веспасіанъ, разсмотрѣвъ то, отписалъ въ Равенну слѣдующее:

«Если кто нанесетъ безчестіе и поношеніе богамъ, тотъ долженъ вознаградить ихъ принесеніемъ даровъ или да будетъ изгнанъ изъ города, потому что неприлично мстить кому-нибудь за боговъ, ибо они сами могутъ отмстить врагамъ своимъ, если прогнѣваются».

---

[1]) *Милліарій*, или *миля* (римская), равнялась восьми стадіямъ; *стадій* же—приблизительно 88 нашимъ саженямъ.

[2]) *Веспасіанъ*—императоръ въ 70—79 гг.

Когда такой отвѣтъ цезаря пришелъ въ Равенну, патрицій[1]) Демосфенъ, принявшій тогда правленіе надъ городомъ, схватилъ святителя Божія Аполлинарія, уже престарѣлаго отъ лѣтъ и изнемогшаго физически отъ многихъ мученій. Толпа язычниковъ требовала отъ Демосфена, чтобы онъ или подвергъ Аполлинарія мученію, или отправилъ куда-нибудь далеко въ опасныя для здоровья мѣстности, гдѣ бы онъ безъ вѣсти и погибъ. Демосфенъ же отдалъ святаго одному сотнику подъ стражу, пока тотъ не измыслитъ мукъ, какимъ бы его подвергнуть и въ какія зловредныя мѣста изгнать. Сотникъ же тотъ, будучи тайнымъ христіаниномъ, принявъ человѣка Божія, отвелъ его не въ темницу, но въ домъ свой и покоилъ его. Спустя нѣсколько дней онъ обратился къ святому Аполлинарію съ такою рѣчью:

— О господинъ и отче, не спѣши умирать, ибо жизнь твоя очень нужна намъ для нашего блага; но выйди ночью въ селеніе, гдѣ находятся больные, и оставайся тамъ до того времени, пока не уляжется народное волненіе.

Съ этими словами сотникъ отпустилъ святаго въ полночь тайно изъ города. Когда же святый вышелъ, нѣкоторые изъ почитателей идоловъ, узнавъ о томъ, поспѣшили вслѣдъ за нимъ и, настигши его на пути, били его и рубили мечами, пока не показалось имъ, что онъ умеръ; тогда, оставивъ его, удалились.

Когда наступилъ день, пришли ученики и нашли святаго едва дышавшимъ, и, взявъ его, принесли въ селеніе къ больнымъ, гдѣ онъ прожилъ семь дней. Передъ кончиною собралась къ нему вся паства, и долго онъ училъ ее не отступать отъ святой вѣры Христовой, гнушаться языческихъ непотребствъ, и пророчески предсказалъ имѣвшія наступить многочисленныя гоненія противъ Церкви Христовой, также предсказалъ, что послѣ всѣхъ тяжкихъ бѣдствій будетъ повсемѣстное истребленіе идоловъ и возсіяетъ свѣтъ благочестія по вселенной, явятся христіанскіе цари, и христіане безпрепятственно будутъ приносить жертвы Живому Богу. Прибавилъ къ сказанному и слѣдующее:

— Если кто непоколебимо пребудетъ въ вѣрѣ Господа нашего Іисуса Христа, тотъ не умретъ, но живъ будетъ вѣчно.

Высказавъ это и многое другое, почилъ о Господѣ святитель и мученикъ Христовъ. И оплакивали его всѣ вѣрующіе, и поло-

---

[1]) Человѣкъ знатный въ силу своего происхожденія.

Ст҃іи мч҃нки
ТРОФІ́МЪ и ѦСО́ФІНЪ

жили его честно́е тѣло въ каменномъ гробѣ, и погребли его глубоко въ землѣ изъ страха предъ нечестивыми, чтобы не надругались надъ тѣломъ его, вырывши изъ земли. Пасъ святитель Божій Аполлинарій Церковь Христову двадцать восемь лѣтъ съ мѣсяцемъ и четырьмя днями. Пострадалъ святый въ десятыя календы августа (то есть іюля 23-го) въ царствованіе у Римлянъ Веспасіана, а у насъ (христіанъ) Господа нашего Іисуса Христа со Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки вѣковъ. Аминь [1]).

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

ТРОФИМА и ѲЕОФИЛА

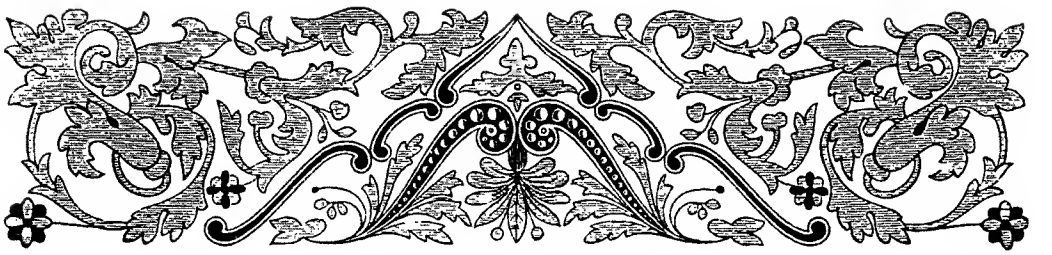
Святые мученики Трофимъ и Ѳеофилъ пострадали въ царствованіе Діоклетіана [2]). Вмѣстѣ съ ними пострадали еще вѣрные слуги и истинные рабы Христовы — числомъ всего тринадцать. Послѣ того какъ они отказались повиноваться приказанію нечестиваго мучителя — не принесли мерзкихъ жертвъ бездушнымъ идоламъ — и не пожелали отречься отъ Христа, они были повѣшены на мучилищномъ древѣ; затѣмъ язычники начали терзать тѣла ихъ острымъ желѣзомъ, а также бросали въ страстотерпцевъ камнями; наконецъ, перебивъ у нихъ голени, бросили ихъ на костеръ. Но всемогущею силою Божіею святые были сохранены цѣлыми и невредимыми посреди пламени и вышли изъ огня безъ вреда. Тогда мучитель, разгорѣвшись лютою яростію, какъ огнемъ геенскимъ, приказалъ умертвить мечомъ всѣхъ ихъ. И отсѣчены были у святыхъ честныя главы въ честь и славу Главы всей Церкви — Господа нашего Іисуса Христа [3]).

---

[1]) *Св. Аполлинарій* скончался около 75 г. по Рождествѣ Христовѣ; тѣло его покоится въ Равеннѣ, въ церкви его имени, а честная рука находится въ Римѣ, въ храмѣ, ему посвященномъ.

[2]) —царствовалъ съ 284 г. по 305 г.

[3]) Мѣсто подвиговъ и страданія *святыхъ мучениковъ Трофима и Ѳеофила,* а также и прочихъ съ ними мучениковъ, числомъ тринадцать,—неизвѣстно съ точностію. Одни указываютъ его въ малоазійской провинціи Ликіи; но съ большею вѣроятностію слѣдуетъ считать отечествомъ святыхъ мучениковъ островъ Критъ на томъ основаніи, что канонъ въ честь ихъ составленъ св. Андреемъ Критскимъ (память его — 4-го іюля, подъ каковымъ числомъ см. и житіе его).—Время мученической кончины святыхъ падаетъ на эпоху Діоклетіановыхъ гоненій (нач. IV-го в.).



День двадцать четвертый

СТРАДАНІЕ
СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ
ХРИСТИНЫ

Въ городѣ Тирѣ [1]) одинъ мужъ высокаго рода, по имени Урванъ, которому принадлежала власть игемона, имѣлъ дочь, молодую отроковицу, увѣдѣвшую еще въ раннихъ годахъ своей юности Бога Создателя своего; претерпѣвъ мужественно множество лютыхъ мукъ, она положила за Него и свою душу.

Когда она родилась, отецъ и мать дали ей имя Христины, что̀ было не по ихъ языческому мудрствованію, но по Божію предусмотрѣнію: это самое имя, какъ бы нѣкоторое пророчество, предзнаменовывало, что отроковица, пришедши въ возрастъ, сдѣлается христіанкой, Христовой рабой и невѣстой, и мученицей. Когда ей минуло одиннадцать лѣтъ, сказалась необыкновенная красота ея, и не было среди отроковицъ подобныхъ ей по красотѣ. Тогда отецъ, желая охранить ее отъ человѣческаго взгляда, устроилъ ей помѣщеніе въ чрезвычайно высокой палатѣ, приставилъ къ ней лучшихъ рабынь и, помѣстивъ тамъ изображенія своихъ боговъ изъ золота и серебра, приказалъ ей повседневно возносить имъ ѳиміамъ и поклоняться. Многіе изъ знатныхъ и богатыхъ людей,

---

1) *Тиръ* на о. Волсены (въ нынѣшнемъ Тосканскомъ герцогствѣ), впослѣдствіи, по преданію, будто бы поглощенный водою; другіе разумѣютъ извѣстный городъ Тиръ на Востокѣ, и нужно замѣтить, что память св. Христины издревле особенно чтилась на Востокѣ.

слыша о красотѣ дѣвицы, желали каждый имѣть ее за своимъ сыномъ въ супружествѣ. Когда же они умоляли о томъ отца Христины, то Урванъ всегда отвѣчалъ:

— Ни за кого не отдамъ моей дочери, но посвящаю ее моимъ богамъ: чрезвычайно возлюбили ее милостивые боги, и пусть для нихъ пребудетъ она дѣвственницею, служа имъ всегда!

Отроковица Христина, возрастая годами и разумомъ, такъ какъ Богъ просвѣщалъ и вразумлялъ ее Своею благодатію, начала приходить къ познанію Истины. Такъ, взирая въ окошечко на небо и на небесныя свѣтила, изъ созданій познавала Создателя и, убѣдившись въ безчувственности и пустотѣ бездушныхъ идоловъ, не захотѣла приносить имъ куренія и поклоняться, но, смотря на востокъ, на небо, въ вышину, вздыхала и плакала, говоря сама въ себѣ:

— Доколѣ пребудутъ сердца людей потемненными, доколѣ останется омраченнымъ ихъ неразумный смыслъ, который не обращается къ Господу Богу, сотворившему небо и землю и украсившему ихъ такою замѣтною для глазъ красотою?

Разсуждая такъ сама въ себѣ, она начала поклоняться Единому, Живущему на Небесахъ, Истинному Богу и со слезами молилась Ему, да откроетъ Онъ ей Себя, дабы она точно узнала Того, къ Кому зажглось любовію ея сердце. Когда же она пробыла достаточно дней въ молитвѣ и постѣ, то сподобилась посѣщенія отъ милости Божіей: ибо явился ей Ангелъ Господень, осѣнилъ ее крестнымъ знаменіемъ, нарекъ невѣстою Христа, совершенно наставилъ ее въ Богопознаніи и возвѣстилъ ей о подвигахъ страданія, именно,—что за Единаго въ Троицѣ Бога она будетъ истязуема отъ трехъ мучителей. Укрѣпивъ ее на подвигъ, онъ далъ ей, такъ какъ она взалкала отъ пощенія, вкусить чистый хлѣбъ. Послѣ этого ангельскаго явленія отроковица утѣшалась духомъ и радовалась о Богѣ Спасѣ своемъ, благодаря Его, что Онъ посѣтилъ рабу Свою посланіемъ къ ней святаго Ангела; съ тѣхъ поръ она начала еще съ бо́льшею теплотою молиться Господу и утѣшаться любовію къ Нему. Исполнившись ревностію къ Богу, она начала по одному брать и сокрушать золотыхъ и серебряныхъ идоловъ и, раздробивъ ихъ на части, поздно вечеромъ выбросила изъ окошка внизъ на улицу; утромъ же проходившіе мимо собрали то раздробленное золото и серебро.

Однажды игемонъ Урванъ, желая посѣтить свою дочь и по-

клониться своимъ богамъ, вошелъ въ ту высокую палату и, не увидавъ идоловъ, спросилъ Христину:

— Гдѣ боги?

Она же молчала. Тогда, призвавъ рабынь, онъ спрашивалъ и ихъ о богахъ, а тѣ разсказали ему о томъ, что сдѣлала съ идолами его дочь. Разгнѣвавшись, онъ началъ бить дочь по щекамъ, прибавляя:

— Куда дѣла боговъ?

Но она не хотѣла ему отвѣчать. Потомъ, не сразу открывши честныя уста свои, исповѣдовала Единаго Истиннаго Бога, Живущаго на Небесахъ, Создателя всего. Такъ называемыхъ боговъ, золотыхъ и серебряныхъ, назвала бѣсами—идолами и разсказала, какъ она сокрушила ихъ своими руками. Тогда, исполнившись величайшей ярости, Урванъ изрубилъ мечомъ всѣхъ рабынь, а дочь подвергъ различнымъ мукамъ: сначала сѣкли ее безъ пощады прутьями и бичами, а потомъ связанную бросили въ темницу. Узнавъ объ этомъ, мать, съ плачемъ и рыданіями, поспѣшила къ ней и увѣщевала отвратиться отъ Христа и вернуться къ отеческимъ богамъ. Но Христова мученица не только не хотѣла слушать словъ матери, но въ такихъ словахъ отреклась отъ нея самой:

— Не называй меня твоею дочерью. Развѣ не знаешь ты, что я ношу имя Христово, какого имени не сподобился никто изъ нашего рода? По имени и по дѣламъ я ужъ не вашего рода, а Христова; я стала родственницею Христа—Царя Небеснаго; я Его раба и дочь; Онъ мнѣ отецъ, мать и Господь!

Долго, такимъ образомъ, мать плакала и, не успѣвъ ничего, ушла въ горести. Когда прошла ночь и насталъ день, Урванъ, подвигнутый бѣсомъ злобы на лютость, забывъ о естественномъ чувствѣ любви къ дочери, возсѣлъ въ судилищѣ, желая мучить святую Христину не какъ свою кровную дочь, но какъ чужую и великую злодѣйку. Когда вели святую изъ темницы на мѣсто суда, многія женщины, видя ее, говорили:

— Богъ рабы Твоей Христины! Помоги ей, потому что она прибѣгнула къ Тебѣ!

Вотъ, Христова агница стала передъ Урваномъ—не какъ передъ отцемъ, но какъ передъ мучителемъ и плотояднымъ звѣремъ, и сталъ родитель соблазнять ее хитростію:

— Жалѣю о тебѣ, дитя мое, и умоляю тебя: приступи къ великимъ нашимъ богамъ и принеси имъ вмѣстѣ со мною жертву,

чтобы они помиловали тебя и простили тебѣ грѣхъ твой, въ коемъ ты виновна передъ ними. Если же ты не сдѣлаешь этого, то ты не дочь мнѣ, и я тебя не помилую.

— Великую радость доставишь ты мнѣ,—отвѣчала святая,—если не будешь называть меня твоею дочерью: потому что ты—слуга сатаны, а я—раба Христова и ужъ не твоя дочь, потому что Отцемъ мнѣ—Создатель мой.

Воспламенившись великою яростію, Урванъ приказалъ отроковицу повѣсить на мучилищѣ обнаженною, строгать и дробить острымъ желѣзомъ ея чистое дѣвическое тѣло. И до такой степени было остругано тѣло, что показались голыя кости. Когда она была отвязана отъ висѣлицы и увидѣла лежавшія на землѣ части своего тѣла, отпавшія во время пытки, то, собравши ихъ, бросила въ лицо отцу со словами:

— Ѣшь мясо твоей дочери.

Ст҃аѧ мч҃нца Хрїстїна

Онъ, еще сильнѣе разъярившись, распростеръ святую Христину на желѣзномъ колесѣ мучилища, приказалъ зажечь подъ нею огонь и горячимъ масломъ поливать ея тѣло. Тѣло святой Христины, повертываемое колесомъ на огнѣ, пеклось, какъ рыба или мясо для снѣди. Для человѣка, особенно женщины, невозможно было остаться живою отъ такого мучительства, но Богъ хранилъ жизнь рабы Своей и укрѣплялъ ее для прославленія Святаго Своего Имени и на униженіе язычниковъ. Святая Христина, мучимая такимъ образомъ, славила Бога и молилась Ему. Святые же Ангелы невидимо предстояли ей, облегчая ея мученія. Въ то же время по Божію повелѣнію неожиданно отъ огня отдѣлился огромный пламень и устремился на стоявшихъ вокругъ нечестивыхъ, и спалило ихъ до тысячи человѣкъ. Урванъ же, не зная, что болѣе сдѣлать съ мученицею, приказалъ бросить ее въ темницу; здѣсь Ангелъ Го-

сподень явился ей во время молитвы и исцѣлилъ ее отъ язвъ, и сдѣлалъ ее совершенно здоровою; онъ далъ ей и пищу, которую принесъ; мученица подкрѣпилась и славословила Бога. Послѣ того отецъ приказалъ бросить ее въ море; слуги, взявъ рабу Христову, посадили ее въ лодку, отвезли далеко отъ берега и, навязавъ большой камень на шею, бросили въ пучину. Ангелъ Божій принялъ ее и отвязалъ камень отъ шеи; камень погрузился, а святая, поддерживаемая руками безплотнаго, ходила по водамъ, какъ посуху; и такъ море было для нея купелью Святаго Крещенія, котораго она такъ жаждала. Свѣтлый облакъ осѣнилъ ее и былъ свыше Голосъ, провѣщавшій надъ нею Имя Святыя Троицы, какъ требуетъ того чинъ Святаго Крещенія, и увидѣла святая Христина Господа, явившагося ей и изрекшаго ей наполняющія радостію слова. Вышедши на сушу, она явилась предъ лицемъ своего родителя и ужаснула его. Въ самомъ дѣлѣ удивлялся и ужасался нечестивецъ, видя святую отроковицу, вышедшею изъ моря живою. Но и въ такомъ чудѣ онъ не усмотрѣлъ Божіей силы, а счелъ его за дѣйствіе волшебства. Онъ повелѣлъ снова бросить мученицу въ темницу, намѣреваясь наутро казнить ее мечомъ. Но въ ту ночь самъ, неожиданно посѣченный косою смерти, погибъ на вѣки, а святая осталась жива, прославляя и благодаря Бога.

Послѣ неожиданной погибели Урвана присланъ былъ отъ царя, на его мѣсто, другой (игемонъ) по имени Діонъ, и ему было сообщено о заключенной въ темницѣ Христинѣ. Онъ, выведши ее изъ темницы и представивъ ее на свой судъ, сначала пытался ласкательствомъ увлечь мученицу къ богоотступничеству; когда же нашелъ ее непоколебимой въ святой вѣрѣ, долго мучилъ ее, подвергнувъ бичамъ, строгая желѣзными когтями и паля огнемъ. Онъ приказалъ сильно разжечь желѣзную сковороду, протянуть на ней обнаженную святую и вертѣть, поливая кипящимъ масломъ и смолою, принуждая ее поклониться идолу Аполлона, стоявшаго тамъ поблизости. Но мученица, какъ адамантъ,[1]) пребывала тверда въ постоянствѣ исповѣданія Пресвятаго Имени Іисуса Христа. Идола же Аполлона своею молитвою она разрушила, и когда идолъ упалъ и обратился въ прахъ, тогда и правитель Діонъ упалъ на землю и умеръ. Бѣсъ, обитавшій въ кумирѣ, когда разрушилось его обиталище, унесъ душу своего ревностнаго служителя и водворилъ

[1]) Т. е. алмазъ.

ее съ собою въ аду, а святую мученицу приняли опять оковы и темница. И не безслѣдно было страданіе дѣвы Христовой, потому что многіе изъ народа, видя такія чудеса, славили Единаго Бога Іисуса Христа, и увѣровало въ Него до трехъ тысячъ душъ, и приходили обращавшіеся къ святой, содержавшейся немалое время въ темницѣ, и она учила ихъ, пока не прибылъ въ городъ Тиръ иной правитель, по имени Юліанъ.

Онъ, призвавъ святую къ суду, также подвергъ ее различнымъ мукамъ: сначала разожгли огромную печь, и три дня раскаляли ее; потомъ бросили туда мученицу и закрыли, и пять дней пробыла тамъ, въ печи, святая отроковица Христина, не тронутая огнемъ, какъ въ древности вавилонскіе отроки[1]); какъ будто сидя въ чертогѣ, пѣла она, славя Бога. Ибо съ нею были Ангелы Господни, орошая и прохлаждая печь, и съ ея пѣніемъ соединяли свое, такъ что воины, стоявшіе на стражѣ у печи, слышали голоса поющихъ. Когда, спустя пять дней, открыли печь, святая оказалась цѣла и невредима, ничуть не тронутая огнемъ, и прославлялся Богъ христіанскій, а языческое нечестіе посрамлялось. Игемонъ же, ослѣпленный сатанинскою злобою, не позналъ въ этомъ Божіей силы, но называлъ такое удивительное чудо волшебствомъ. Желая во что бы то ни стало преодолѣть непреодолимую, онъ призвалъ волхвовъ и кудесниковъ, умѣющихъ заговаривать всякихъ гадовъ, и приказалъ имъ своими чарами собрать множество змѣй, ехиднъ и скорпіоновъ и всѣхъ ихъ пустить на мученицу, чтобы они причинили ей смерть своими ядовитыми укусами. Когда же пустили гадовъ на святую, ни одинъ изъ нихъ не причинилъ ей вреда, хотя и ползали они вокругъ и даже обвивались по ея тѣлу. Около стоялъ главнѣйшій изъ кудесниковъ, который своимъ нашептываніемъ и хитростями поощрялъ гадовъ, чтобы они поражали укусами отроковицу. Но тѣ, по Божію повелѣнію, съ силою устремились на своего чарователя и тотчасъ причинили ему смерть своими укусами. А святая сказала гадамъ:

— Именемъ Іисуса Христа повелѣваю вамъ, ползающимъ змѣямъ, ехиднамъ и скорпіонамъ: идите каждый на свое мѣсто, никому не вредя!

И гады тотчасъ расползлись въ разныя стороны. Спустя нѣкоторое время, смилосердившись надъ умершимъ отъ гадовъ,

---

[2]) Кн. Пророк. Дан., гл. 3-я.

она воскресила его, помолившись Господу, и сдѣлала то, что онъ сталъ христіаниномъ. И не только онъ, но и многіе, видя такія дивныя чудеса, увѣровали въ Господа. Князь же, разъярившись, приказалъ отрѣзать ей дѣвственные сосцы, и потекло изъ ранъ молоко вмѣсто крови. Тогда отрѣзали ей языкъ, прославлявшій Христа Бога. Мученица же и послѣ того, какъ отрѣзали ей языкъ, говорила ясно и, схвативъ отрѣзанный языкъ, бросила въ лицо князю и попала ему въ глаза:

— Ѣшь,—сказала,—нечестивецъ, мои члены!

И ослѣпъ князь отъ этого прикосновенія языка къ глазамъ, а святая еще съ бо́льшею силою благословляла Бога, а идоловъ и идолослужителей поносила. Игемонъ же, не снося болѣе обидныхъ словъ святой Христины и гнѣваясь за свое ослѣпленіе, приказалъ предать ее смерти. Тогда святая была проколота желѣзными копьями отъ воиновъ, и предала непорочная дѣва и великая мученица Христова святая Христина свою честну̀ю и святую душу въ руки Господа своего. Столь великую силу явилъ въ лицѣ ея Господь, что три лютыхъ мучителя не возмогли одолѣть одной отроковицы. Одинъ изъ рода святой Христины, вѣровавшій во Христа, взялъ многострадальное тѣло ея и похоронилъ съ честію. Все это происходило въ царствованіе у Римлянъ и Грековъ нечестиваго Севера, въ великое царствованіе у христіанъ Господа Іисуса Христа, Которому честь и слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ, аминь[1]).

Конда́къ, гла́съ д҃:

Свѣтови́днаѧ голꙋби́ца позна́ласѧ є҆сѝ, крилѣ̀ и҆мꙋ́щи зла́тѣ, и҆ къ высотѣ̀ нб҃нѣй возлетѣ́ла є҆сѝ, хрїстíно ч҃тна́ѧ: тѣ́мже твóй сла́вный пра́здникъ соверша́емъ, вѣ́рою покланѧ́ющесѧ твои́хъ мощéй ра́цѣ, и҆з̾ неѧ́же и҆стека́етъ всѣ́мъ ѻ҆би́льнѡ и҆сцѣле́нїе бж҃е́ственное, дꙋша́мъ же и҆ тѣ́лѡмъ.

Въ тотъ же день **память святыхъ** страстотерпцевъ **князей** русскихъ **Бориса** (Романа) **и Глѣба** (Давида). (См. 2-го мая).

---

[1]) По другимъ, болѣе вѣроятнымъ, извѣстіямъ *св. Христина* пострадала около 300 года въ царствованіе Діоклетіана.

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ПОЛИКАРПА,

архимандрита Печерскаго

Блаженный и достохвальный Поликарпъ—многоплодный по имени[1])—былъ многоплоденъ и въ своихъ добрыхъ дѣлахъ; онъ принесъ тотъ обильный плодъ, о которомъ сказалъ Небесный Дѣлатель: **а҆́ще зе́рно пшени́чно, па́дъ на землѝ, не ᲂу҆́мретъ, то є҆ди́но пребыва́етъ: а҆́ще же ᲂу҆́мретъ, мно́гъ пло́дъ сотвори́тъ**[2]), и еще: **и҆́же бꙋ́детъ во мнѣ̀, и҆ а҆́зъ въ не́мъ, то́й сотвори́тъ пло́дъ мно́гъ**[3]). Этотъ блаженный скоропреходящую славу и образъ міра сего вмѣнилъ въ прахъ и, принявъ святый ангельскій иноческій образъ въ монастырѣ, прославившемся пещерами, словно зерно на вспаханной землѣ, умерщвлялъ всячески постническими подвигами свое тѣло, духомъ всегда пребывая въ Богѣ. Такимъ образомъ онъ сотворилъ много плодовъ, достойныхъ покаянія, и проявилъ на себѣ всѣ плоды духа: *любовь* нелицемѣрную къ Богу и къ братіи, *радость* непорочной совѣсти, *миръ* побѣды надъ всякими страстями, *долготерпѣніе* въ несчастіяхъ и печаляхъ, *благость* въ повиновеніи всѣмъ, *милосердіе* въ сердечныхъ заботахъ о бѣдныхъ, *вѣру* непоколебимую въ исполненіи заповѣдей, истинную въ исполненіи обѣтовъ, *кротость* въ незнаніи гнѣва, *воздержаніе* отъ пищи и питья, обильнаго и вкуснаго, и вообще отъ всѣхъ страстей тѣлесныхъ.[4]) Всѣ эти плоды возрастилъ въ блаженномъ Поликарпѣ Богъ, а насадилъ святый Симонъ, епископъ Владимірскій и Суздальскій.[5]) Послѣдній былъ ему родственникъ по крови и не хотѣлъ, чтобъ и духомъ Поликарпъ удалялся отъ него, но, какъ добрый корень, старался вырастить и добрую вѣтвь. Поэтому, когда Симонъ самъ былъ назначенъ изъ Кіево-Печерскаго святаго монастыря

---

[1]) *Поликарпъ* — πολύκαρπος, въ переводѣ съ греческаго значитъ *многоплодный*.

[2]) Еванг. отъ Іоанна, гл. 12, ст. 24.

[3]) Еванг. отъ Іоанна, гл. 15, ст. 5.

[4]) Сравн.: Посл. къ Гал., гл. 5, ст. 22—23.

[5]) См. стр. 275, примѣч. 2-ое.

на престолъ Владимірской и Суздальской епископіи, то взялъ туда же съ собой и блаженнаго Поликарпа; тамъ онъ поощрялъ Поликарпа къ добродѣтельной жизни и для этого велъ съ нимъ душеполезныя бесѣды о томъ, что самъ читалъ или слышалъ въ разговорахъ очевидцевъ о прежнихъ святыхъ инокахъ печерскихъ, о томъ, какіе тяжелые труды несли они, и о томъ, какъ они настолько угодили Богу, что даже и здѣсь просіяли чудотворнымъ нетлѣніемъ своихъ мощей—въ знакъ полученія ими нетлѣннаго вѣнца на Небѣ. А блаженный Поликарпъ, вспахавъ землю сердца своего послушаніемъ и посѣявъ тамъ сѣмена отеческаго поученія, принесъ плодъ сторицею. Онъ не только самъ былъ многоплоденъ въ добродѣтели, но и во всѣхъ православныхъ желалъ вкоренить такую же плодоносность. Поэтому, что слышалъ отъ блаженнаго епископа Симона о богоугодныхъ подвигахъ преподобныхъ Отцовъ Печерскихъ, все это онъ потрудился написать на пользу и другимъ спасающимся; такимъ образомъ, живя при томъ блаженномъ епископѣ, онъ изложилъ дивныя житія многихъ святыхъ въ своемъ посланіи къ блаженному Акиндину, архимандриту печерскому; эти житія помѣщаются во второй части Кіево-Печерскаго Патерика. Впослѣдствіи блаженный Поликарпъ, хотя и разстался тѣлесно съ отцомъ и наставникомъ своимъ Симономъ, возвратившись изъ его епископіи опять въ Кіево-Печерскій монастырь, однако своей добродѣтелью онъ не удалился отъ того святаго мужа: онъ хорошо укоренилъ въ своемъ сердцѣ его прежнія поученія и старался хранить и возращать ихъ. И святый Симонъ съ своей стороны не переставалъ и здѣсь поучать его своимъ письменнымъ посланіемъ, полнымъ боговдохновенныхъ наставленій и описаній добродѣтельной жизни печерскихъ святыхъ. Имѣя всегда передъ глазами это посланіе, блаженный Поликарпъ записывалъ всѣ слова отеческія на скрижали своего сердца, читалъ ихъ умомъ и исполнялъ на дѣлѣ. Такъ, строго подвизаясь, онъ достигъ высокой степени добродѣтели.

Когда блаженный Акиндинъ, архимандритъ печерскій, заботливо и богоугодно пасшій Христово стадо, достигъ глубокой старости и послѣ долговременныхъ трудовъ переселился къ Господу на вѣчный покой, тогда не было въ богоизбранномъ числѣ святыхъ братій другого старѣйшаго и болѣе опытнаго въ иноческихъ подвигахъ, кромѣ Поликарпа. Поэтому весь полкъ добрыхъ

воиновъ Христовыхъ единогласно и единодушно избралъ себѣ въ вожди и наставники этого блаженнаго какъ достойнаго и могущаго управлять кормиломъ святой Великой Кіево-Печерской Лавры Пресвятой Богородицы и преподобныхъ отцовъ нашихъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ; это было при Великомъ Князѣ Кіевскомъ Ростиславѣ Мстиславичѣ[1]), при митрополитѣ Іоаннѣ, четвертомъ митрополитѣ этого имени[2]) и третьемъ послѣ митрополита Клима, освященнаго главою святаго Климента.[3]) Принявъ начальство надъ святой Великой Лаврой Кіево-Печерской[4]), блаженный Поликарпъ усердно старался сохранить всѣ монастырскіе уставы, положенные преподобнымъ Ѳеодосіемъ[5]), ничего къ нимъ не прибавляя (посторонняго). Онъ оказался искуснымъ руководителемъ въ дѣлѣ спасенія; такого дѣйствительно и требовала чудотворная Лавра и славилась имъ. Повсюду шла слава о ея благочиніи подъ начальствомъ блаженнаго Поликарпа. Многіе изъ благородныхъ и владѣтельныхъ князей пользовались его наставленіями и стремились къ добродѣтельной

Прпⷣбный
ПОЛЮ̈КА́РПЪ

1) *Ростиславъ Мстиславичъ*—Великій Князь въ 1154 г. (одну недѣлю); во второй разъ Великій Князь—въ 1158—1167 гг.

2) *Іоаннъ IV митрополитъ Кіевскій* въ 1164—1166 г.

3) Обычно въ періодъ домонгольскій Кіевскій митрополитъ избирался и посвящался въ Константинополѣ, и извѣстно лишь два случая, когда митрополиты были не греки, а природные русскіе, избранные и посвященные въ самой Руси. Въ 1051 г. такъ поставленъ былъ митрополитъ Иларіонъ; въ 1147 г.— митрополитъ Климъ, или Климентъ. На Соборѣ (1147 г.) епископовъ, созванномъ для избранія и посвященія митрополита, между прочимъ епископъ Черниговскій, оправдывая поставленіе русскаго митрополита помимо Патріарха Константинопольскаго, говорилъ: «Я знаю, что епископы, составляя изъ себя Соборъ, имѣютъ право поставить митрополита,—къ тому же у насъ есть глава (мощи) святаго Климента; какъ греки ставятъ (патріарховъ) рукой святаго Іоанна, (такъ и мы поставимъ митрополита)».

4) *Блаженный Поликарпъ* былъ избранъ и посвященъ въ архимандрита Кіево-Печерскаго монастыря въ 1164 году.

5) См. житіе преп. Антонія Печерскаго подъ 10-мъ числомъ.

жизни, такъ что оставляли свои славные престолы изъ желанія жить вмѣстѣ съ нимъ, яркимъ примѣромъ чего является присно-памятный Кіевскій князь Ростиславъ Мстиславичъ. Этотъ христолюбецъ, ставя себѣ всегда образомъ жизни блаженнаго Поликарпа, завелъ у себя такой добрый обычай: Великимъ Постомъ, каждую субботу и каждое воскресенье, онъ приглашалъ къ себѣ на обѣдъ двѣнадцать печерскихъ монаховъ и тринадцатаго—блаженнаго архимандрита Поликарпа и, накормивъ ихъ, не отпускалъ съ пустыми руками. А самъ каждое воскресенье причащался Божественныхъ Таинъ, молясь со слезами, воздыханіемъ сердечнымъ и стонами, такъ что никто, кто видѣлъ его въ такомъ умиленіи, не могъ удержаться отъ слезъ. Когда же кончался святой Великій Постъ, то въ Лазареву субботу христолюбивый князь созывалъ всѣхъ печерскихъ блаженныхъ старцевъ, просіявшихъ постническимъ подвигомъ, угощалъ ихъ всѣхъ радушно, одарялъ милостынею и отпускалъ съ честію. Такимъ же образомъ созывалъ и угощалъ онъ братію и другихъ монастырей, но въ особенности—братію Кіево-Печерскую, потому что очень любилъ добродѣтельную жизнь всѣхъ ихъ и по преимуществу блаженнаго ихъ наставника Поликарпа, подражавшаго всячески первоначальнымъ наставникамъ печерскимъ Антонію и Ѳеодосію. Князь, поэтому, часто говаривалъ блаженному, чтобы принялъ его въ число иноковъ Кіево-Печерской обители. Но блаженный Поликарпъ отвѣчалъ ему:

— Благочестивый князь! вамъ Богъ велѣлъ вести другую жизнь—управлять, творить праведный судъ и строго соблюдать крестное цѣлованіе.

А князь Ростиславъ возражалъ ему:

— Отецъ святый! Княженіе міра сего не можетъ быть безъ грѣха, и мнѣ оно уже надоѣло и утомило меня своими вседневными заботами, поэтому хотѣлось бы мнѣ хоть немного въ старости послужить Богу и подражать тѣмъ князьямъ и царямъ, которые узкимъ и труднымъ путемъ шли и достигли Небеснаго Царства.

На эти слова блаженный Поликарпъ сказалъ:

— Христолюбивый князь! Если ты хочешь этого отъ всего сердца, то да будетъ воля Божія.

Хотя князь и не успѣлъ привести въ исполненіе этого намѣренія, однако изъ слѣдующаго ясно видно, что оно было у него дѣйствительно горячимъ сердечнымъ желаніемъ, а родилось подъ вліяніемъ добраго примѣра святаго Поликарпа.

Когда князь сильно заболѣлъ въ Смоленскѣ и велѣлъ везти себя въ Кіевъ, то сестра его Рогнѣда, видя, что братъ такъ слабъ, просила его:

— Останься здѣсь, въ Смоленскѣ, и здѣсь положимъ тебя въ своей церкви.

Онъ же отвѣчалъ ей:

— Пожалуйста, не дѣлайте такъ, но даже если я и очень слабъ, все-таки пусть меня везутъ въ Кіевъ; если Богъ меня возьметъ въ пути, то пусть положатъ мое тѣло въ монастырѣ святаго Ѳеодора, построенномъ моимъ отцомъ; если же Богъ избавитъ меня отъ этой болѣзни, то обѣщаюсь постричься въ монахи въ святомъ Кіево-Печерскомъ монастырѣ при блаженномъ Поликарпѣ.

Потомъ, когда усилилась его болѣзнь и онъ уже былъ при смерти, онъ сказалъ своему духовному отцу, священнику Симеону:

— Ты отвѣтишь Богу за то, что не позволилъ мнѣ постричься у того святаго мужа въ Печерскомъ монастырѣ: я горячо желалъ этого, и да проститъ мнѣ Господь грѣхъ, что я не исполнилъ обѣта!

Такъ принялъ онъ блаженную кончину. Началомъ и причиной такой добродѣтельной жизни приснопамятнаго князя было не что иное, какъ примѣръ подвижнической жизни и боговдохновенная бесѣда преподобнаго отца нашего Поликарпа, бывшаго въ его княженіе достойнымъ начальникомъ святой чудотворной Кіево-Печерской Лавры; увлекая не только братію, но и благочестивыхъ мірянъ своимъ добродѣтельнымъ примѣромъ, онъ поставлялъ ихъ на путь покаянія и спасенія. Такъ заботливо пасъ онъ врученную ему Богомъ паству. Онъ долго жилъ и въ глубокой старости преставился къ Господу въ 6690-мъ году отъ сотворенія міра, а отъ Рождества Христова въ 1182-мъ, 24-го іюля, въ праздникъ святыхъ страстотерпцевъ — князей русскихъ Бориса и Глѣба[1]). Облачили его тѣло и погребли съ честію вмѣстѣ со святыми отцами.

Послѣ его смерти возникло большое затрудненіе въ монастырѣ: братія не могли себѣ избрать новаго игумена. Хотя многіе изъ блаженныхъ старцевъ были достойны такого сана, но ни одинъ не хотѣлъ его принять по своему смиренію и обѣту безмолвія: имъ казалось лучше быть въ повиновеніи и находиться въ уединеніи, чтобъ своего сокровища добродѣтели, собраннаго упор-

[1]) Память ихъ совершаетъ Церковь еще 2-го мая.

нымъ трудомъ, не расточить въ заботахъ и печаляхъ, которыя обыкновенно неразлучны съ начальствованіемъ. Горько тужили и скорбѣли братія: нельзя было такому большому стаду ни одного часа быть безъ пастыря. Во вторникъ ударили въ било; собрались вся братія въ церковь и начали молиться о своей нуждѣ Пресвятой Богородицѣ и преподобнымъ Отцамъ Антонію и Ѳеодосію, призывая на помощь подвижника—новопреставленнаго блаженнаго Поликарпа и прося его, чтобъ умолилъ Бога указать имъ вмѣсто себя игумена, и черезъ то показалъ бы, угодилъ ли онъ Господу, или нѣтъ. Совершилось чудо: словно одними устами многіе сразу сказали:

— Пойдемъ къ благочестивому священнику Василію на Щекавицу [1]), пусть онъ будетъ нашимъ игуменомъ и управляетъ иноками Кіево-Печерскаго монастыря.

Пришли всѣ съ поклономъ къ священнику Василію и сказали:

— Мы всѣ, братія Печерскаго монастыря, кланяемся тебѣ и хотимъ тебя себѣ въ отцы и игумены!

Священникъ Василій былъ весьма изумленъ, поклонился имъ въ свою очередь земнымъ поклономъ и сказалъ:

— Отцы святые! Я думалъ только о монашествѣ; куда мнѣ, недостойному, быть игуменомъ.

И долго отказывался онъ, пока, наконецъ, не уступилъ ихъ настойчивымъ просьбамъ. Тогда братія взяла его съ собой въ монастырь.

Въ пятницу на постриженіе этого Богомъ избраннаго Василія прибыли преосвященный митрополитъ Кіевскій Никифоръ [2]) и боголюбивые епископы: Лаврентій Туровскій и Николай Полоцкій и всѣ пречестные игумены; преосвященный митрополитъ Никифоръ постригъ его собственноручно. Такъ сталъ онъ начальникомъ и пастыремъ добрымъ иноковъ святаго Кіево-Печерскаго монастыря послѣ блаженнаго Поликарпа. Подражая его жизни и вспомоществуемый его молитвами, онъ былъ для всѣхъ образцомъ добродѣтелей, во славу и честь небесному Наставнику и Начальнику пастырей Господу Богу и Спасу нашему Іисусу Христу, Ему же со безначальнымъ Отцомъ и съ Пресвятымъ, Благимъ и Животворящимъ Духомъ подобаетъ отъ всего созданія непрестанное славословіе и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

1) Урочище въ Кіевѣ.

2) Никифоръ II, упоминаемый Лѣтописью съ 1182 по 1197 гг.

День двадцать пятый

ЖИТІЕ
ПРЕПОДОБНЫЯ ДѢВЫ
ЕВПРАКСІИ

Во дни благочестиваго царя Θеодосія Великаго[1]) былъ въ Константинополѣ[2]) одинъ знатный сановникъ Антигонъ, родственникъ царю, человѣкъ разумный и въ словахъ, и въ поступкахъ, мудрый въ совѣтахъ; онъ давалъ всегда добрые и полезные указанія въ дѣлахъ государственныхъ, кромѣ того, онъ былъ добръ, сострадателенъ къ людямъ, милостивъ къ нищимъ и охотно помогалъ всѣмъ, кто просилъ его. Царь любилъ его не только какъ родственника, но и какъ благочестиваго христолюбца и хорошаго совѣтника. Антигонъ былъ также и очень богатъ—настолько, что послѣ царя не было никого богаче его. Онъ взялъ себѣ въ супруги красивую дѣвицу также изъ царскаго рода, по имени Евпраксію; она была благочестива и богобоязненна, любила посѣщать святыя церкви, молилась Богу со слезами и щедро одаряла храмы Божіи на украшеніе святынь Господнихъ. У Антигона и Евпраксіи, этой знатной, богоугодной четы, соединенной тѣломъ и душой, любимой царемъ и царицей, родился ребенокъ—дѣвочка, и назвали ее по имени матери Евпраксіей. Однажды, послѣ ея рожденія, Антигонъ сказалъ своей женѣ Евпраксіи:

---

[1]) *Θеодосій Великій*—императоръ въ 379—395 гг.

[2]) См. стр. 87, примѣч. 3-е.

— Ты знаешь, жена, что эта жизнь коротка и что богатства этого суетнаго міра—ничто: жизнь человѣческая едва продолжается до восьмидесяти лѣтъ, богатства же, приготовленныя на Небесахъ боящимся Бога, пребываютъ безконечные вѣка. А мы, связанные мірскими заботами и прельщаемые временными богатствами, проводимъ наши дни въ суетѣ, не пріобрѣтая никакой пользы своей душѣ.

Услышавъ это, Евпраксія спросила Антигона:

— Что же намъ надо дѣлать, господинъ мой?

Антигонъ отвѣчалъ:

— Мы родили о Богѣ одну дочь, и довольно намъ одной, прекратимъ плотской супружеской союзъ — будемъ жить дальше безъ этого.

Тогда Евпраксія подняла руки кверху, возвела очи на Небо и со вздохомъ сказала мужу:

— Благословенъ Господь Богъ, приведшій тебя въ страхъ Его и наставившій тебя на разумъ истинный. Не скрою, господинъ мой, я много разъ молила Бога, чтобъ просвѣтилъ Онъ сердце твое и вложилъ тебѣ въ умъ такую благую мысль, но никогда я не рѣшалась высказать тебѣ свое желаніе; разъ ты самъ заговорилъ объ этомъ, то позволь и мнѣ кое-что сказать.

— Скажи, госпожа моя, что ты хочешь,—согласился Антигонъ.

— Ты знаешь, господинъ мой,—продолжала Евпраксія,—что говоритъ Апостолъ: **вре́мѧ прекраще́но є҆́сть про́чее, да и҆ и҆мꙋ́щїи жены̀, ꙗ҆́коже не и҆мꙋ́щїи бꙋ́дꙋтъ, и҆ ра́дꙋющїисѧ ѡ҆ и҆мѣ́нїѧхъ, ꙗ҆́коже не ра́дꙋющесѧ, и҆ кꙋпꙋ́ющїи, ꙗ҆́кѡ не содержа́ще: прехо́дитъ бо ѡ҆́бразъ мі́ра сегѡ̀**[1]). Итакъ, давай проводить эту кратковременную жизнь, какъ ты хочешь, безъ плотскаго сношенія, чтобы вмѣстѣ улучить во вѣки нетлѣнную жизнь. А столько богатства, какъ у насъ теперь, и столько имѣнія—на что намъ? Развѣ возьмемъ что-нибудь изъ нихъ съ собою въ гробъ? Поэтому съ добрымъ намѣреніемъ твоимъ раздай и это нищимъ, чтобъ не безплодно было рѣшеніе, принятое нами.

Услышавъ эти слова супруги своей, Антигонъ прославилъ Бога и началъ щедро раздавать свое имѣніе нищимъ; съ супругою же своею онъ жилъ, какъ братъ съ сестрой, безъ плотскаго сношенія, во взаимной духовной любви, единодушно и единомысленно

---

[1]) Сравн.: 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 7, ст. 29—31.

угождая Богу. Поставивъ себѣ такія добродѣтельныя правила въ жизни, Антигонъ преставился къ Господу, проживъ только одинъ годъ безъ соитія съ женою. И оплакивали его царь и царица какъ родственника и какъ праведнаго и благочестиваго человѣка. Соболѣзновали они и о овдовѣвшей Евпраксіи, еще очень молодой: она жила только два года и три мѣсяца въ супружескихъ сношеніяхъ съ мужемъ и одинъ годъ безъ нихъ. Послѣ погребенія Антигона царь и царица старательно утѣшали Евпраксію. Она же, взявъ свою дочь, дала ее имъ на руки и, упавъ имъ въ ноги, сказала съ плачемъ и рыданіемъ:

— Въ руки Божіи и ваши отдаю эту сироту; примите ее въ память родственника вашего Антигона и будьте ей вмѣсто отца и матери.

Прп҃бнаѧ
єѵпразїа

Многіе изъ присутствовавшихъ при этомъ прослезились, и самъ царь съ царицей плакали. Черезъ четыре года послѣ этого, когда отроковицѣ Евпраксіи было пять лѣтъ, царь, посовѣтовавшись съ матерью ея, обручилъ ребенка съ однимъ изъ сенаторскихъ сыновей, благороднымъ юношей, который обѣщался ждать, пока подрастетъ отроковица; утвердивъ это, царь велѣлъ Евпраксіи взять у него залогъ и обязательство. Спустя нѣсколько времени одинъ сенаторъ захотѣлъ жениться на Евпраксіи, вдовѣ Антигона, и просилъ царицу черезъ нѣкоторыхъ знатныхъ женщинъ тайно отъ царя уговорить Евпраксію согласиться на бракъ съ нимъ. Царица послала отъ себя придворныхъ женщинъ ко вдовѣ Евпраксіи, совѣтуя ей выйти замужъ за помянутаго сенатора. Услышавъ это, Евпраксія заплакала и сказала пришедшимъ къ ней женщинамъ:

— Горе вамъ будетъ въ будущей жизни за то, что вы подаете такой совѣтъ мнѣ, обѣщавшей Богу жить въ чистотѣ вдовства; уйдите отъ меня: вашъ совѣтъ противенъ моему желанію!

Получивъ такой укоръ, онѣ со стыдомъ ушли и разсказали объ этомъ царицѣ. Когда узналъ объ этомъ царь, онъ сильно разгнѣвался на царицу и стыдилъ ее:

— Ты сдѣлала,—говорилъ онъ,—совсѣмъ неприличное тебѣ дѣло! Развѣ достойно оно христіанской царицы? Такъ ли ты обѣщалась Богу царствовать благочестиво? Такъ ли ты помнишь Антигона, близкаго намъ родственника и полезнаго совѣтника? Жену его, мало пожившую съ нимъ и при немъ еще, согласно съ его желаніемъ, избравшую чистую жизнь для Бога, ты убѣждаешь опять возвратиться къ мірской жизни! Бога ты не боишься! Надъ тобой, неразумной, всякій смѣяться будетъ!

Отъ этихъ словъ царицѣ стало такъ стыдно, что она, какъ камень, молчала часа два. И немалая ссора была у царя съ царицей изъ-за Евпраксіи. Услышавъ о томъ, Евпраксія очень опечалилась, скорбя смертельно; лицо у ней похудѣло. Она рѣшила тайно удалиться изъ Царьграда и съ горькими слезами сказала своей дочери Евпраксіи:

— Дитя мое, у насъ въ Египтѣ большое имѣніе, пойдемъ туда, ты посмотришь имущество твоего отца и мое: вѣдь это все твое.

Вмѣстѣ съ дочерью и немногими рабами и рабынями она тайно отъ царя ушла изъ города и, прибывъ въ Египетъ, стала наблюдать за своими имѣніями. Она отправлялась иногда во внутреннюю Ѳиваиду со своими слугами и экономами и, обходя церкви и монастыри, мужскіе и женскіе, дѣлала много пожертвованій, щедро раздавая золото и серебро.

Былъ тамъ близъ города одинъ дѣвическій монастырь Тавенскій со ста тридцатью монахинями, о богоугодныхъ дѣлахъ которыхъ много хорошаго разсказывали въ народѣ: ни одна изъ нихъ не пила вина, не вкушала масла, винограда и какихъ-либо плодовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, которыя поступили въ монастырь съ дѣтства, никогда и не видѣли послѣднихъ. Пища ихъ была хлѣбъ съ водой, сочиво и зелень, и то безъ масла. Онѣ ѣли одинъ разъ въ день, вечеромъ; нѣкоторыя же—черезъ день, а иныя черезъ два дня принимали немного пищи. Онѣ никогда не отдыхали и не мылись. О банѣ нечего и говорить: онѣ и слышать не могли объ обнаженіи тѣла, и самое слово баня употреблялась у нихъ въ упрекъ, въ стыдъ и насмѣшку. Каждой постелью служило волосяное рубище на землѣ, трехъ локтей въ длину и одинъ локоть въ ширину: на этомъ онѣ спали и то немного. Одеждой ихъ были власяницы, длинныя до

земли, покрывавшія ихъ ноги. И каждая трудилась по силѣ, сколько могла. Когда какой-либо изъ нихъ случалось заболѣть, то она не принимала никакого лѣкарства, но съ благодарностью переносила болѣзнь, какъ бы принимая великое благословеніе отъ Бога, и отъ Него одного ждала помощи. Никто изъ нихъ не выходилъ за монастырскія стѣны и не разговаривалъ съ приходившими, а всѣ переговоры велись черезъ одну привратницу: все усердіе ихъ было направлено на собесѣдованіе съ Богомъ въ молитвѣ и на угожденіе Ему. Потому и Богъ принималъ ихъ молитвы и творилъ много ради нихъ знаменій, подавая исцѣленіе всякимъ больнымъ, которые стекались туда. Блаженной вдовѣ Евпраксіи очень понравился этотъ монастырь достойною удивленія жизнью этихъ монахинь; она часто приходила туда съ дочерью и приносила въ церковь свѣчи и ладанъ. Однажды она сказала игуменіи и другимъ старшимъ сестрамъ:

— Я хочу вашему монастырю принести небольшой даръ въ двадцать или тридцать литръ[1]) золота, чтобъ вы помолились Богу обо мнѣ, о дочери моей и объ умершемъ ея отцѣ Антигонѣ.

Игуменія же—она была діаконисса[2]), и звали ее Θеодулой—такъ отвѣчала ей:

— Госпожа моя, этимъ рабынямъ твоимъ вовсе не нужно ни золота, ни имущества: онѣ все отвергли въ этомъ мірѣ, чтобы сподобиться наслажденія вѣчными благами, поэтому мы ничего не хотимъ имѣть на землѣ, чтобъ не лишиться небесныхъ богатствъ. Впрочемъ, чтобъ не опечалить тебя,—принеси немножко масла въ церковныя лампады, свѣчей и ладану, и получишь за это награду отъ Господа.

Евпраксія такъ и сдѣлала, и просила игуменью и всѣхъ сестеръ помолиться объ ея мужѣ Антигонѣ и о дочери.

Однажды, когда Евпраксія пришла, какъ обыкновенно, въ этотъ монастырь, то игуменія, словно по внушенію отъ Духа Божія, сказала маленькой дѣвочкѣ Евпраксіи:

— Госпожа моя Евпраксія, любишь ли ты этотъ монастырь и этихъ сестеръ?

— Да, госпожа,—отвѣчала та,—я люблю васъ.

— Если ты любишь насъ,—продолжала игуменія,—то останься съ нами въ иноческомъ образѣ.

---

1) *Литра*—мѣра вѣса около фунта.

2) См. стр. 600, примѣч. 3-е.

Дѣвочка отвѣчала:

— Въ самомъ дѣлѣ, если не будетъ огорчена моя мать, я не уйду отсюда.

Тогда игуменія спросила ее:

— Скажи мнѣ правду, кого ты больше любишь: насъ или своего обрученнаго?

— Я его не знаю,— отвѣчала дѣвочка,—а васъ знаю и люблю. Скажите же и вы мнѣ, кого вы больше любите: меня или Того, какъ вы называете, Обручника?

Игуменья отвѣчала:

— Мы любимъ тебя и Христа нашего.

Дѣвочка на то призналась:

— И я люблю васъ и Христа вашего.

А мать ея Евпраксія сидѣла, слушала благоразумныя рѣчи своей дочери, и обильныя слезы текли изъ глазъ ея. Слушала и игуменья съ умиленіемъ слова маленькой дѣвочки и удивлялась, какъ она, еще ребенокъ—ей не было еще полныхъ семи лѣтъ—такъ умно отвѣчала. Наконецъ, мать, которой жалко стало дочери, сказала ей:

— Пойдемъ, дитя мое, домой, ужъ вечеръ.

Но дѣвочка отвѣчала на это:

— Я останусь здѣсь съ госпожой игуменьей.

На это игуменья замѣтила ей:

— Ступай съ матерью домой, тебѣ нельзя здѣсь остаться: здѣсь можетъ жить только такая дѣвушка, которая посвятила себя Христу.

— А гдѣ Христосъ?—спросила дѣвочка.

Игуменья обрадовалась и показала ей пальцемъ на образъ Христа. Дѣвочка побѣжала, поцѣловала икону Спасителя и, обратившись къ игуменьѣ, сказала:

— Воистину и я обѣщаюсь Христу и не уйду отсюда съ матерью, но останусь съ вами.

— Дитя,—возразила игуменья,—тебѣ не на чемъ спать, тебѣ нельзя остаться здѣсь.

— На чемъ вы спите,—отвѣчала дѣвочка,—на томъ и я буду.

Уже вечеръ склонялся къ ночи, а мать съ игуменьей все уговаривали всячески дѣвочку уйти изъ монастыря и пойти домой, но ничего не могли сдѣлать, такъ какъ она вовсе не хотѣла уходить оттуда. Наконецъ, игуменья сказала ей:

— Дитя, если ты хочешь здѣсь жить, то вѣдь надо будетъ учиться грамотѣ, Псалтири и—поститься до вечера, какъ и другія сестры.

— И поститься буду,—согласилась дѣвочка,—и учиться всему буду, только оставьте меня здѣсь.

Тогда игуменья сказала матери:

— Госпожа моя, оставь ее здѣсь: вижу, что возсіяла въ ней благодать Божія, что праведныя дѣла отца ея и твоя чистая жизнь, и обоихъ васъ родительскія молитвы и благословеніе ведутъ ее въ жизнь вѣчную.

Тогда встала благородная Евпраксія, подвела къ иконѣ Спасителя свою дочь, подняла руки вверхъ и сказала со слезами:

— Господи Іисусе Христе, Ты позаботься объ этомъ ребенкѣ: Тебя желала она и Тебѣ отдала себя!

Потомъ обратилась къ дѣвочкѣ:

— Евпраксія, дочь моя! Богъ, утвердившій неподвижно горы, да утвердитъ тебя въ страхѣ Своемъ.

Съ этими словами отдала она дѣвочку въ руки игуменьи, а сама плакала и била себя въ грудь, и всѣ монахини плакали съ ней вмѣстѣ. И такъ она вышла изъ монастыря, отдавъ дочь свою Богу.

Наутро рано пришла она опять въ монастырь. Игуменья взяла дѣвочку Евпраксію, привела ее въ церковь и, совершивъ молитву, облекла ее въ ангельскій иноческій образъ при матери ея. Мать, увидѣвъ ее въ ангельскомъ чинѣ, воздѣла руки къ Небу и такъ начала молиться о ней Богу:

— Царь вѣчный, начавшій въ ней благое дѣло, Ты и доверши его,—дай ей исполнять волю Твою святую; пусть получитъ милость у Тебя, Творца, эта сирота, отдавшаяся Тебѣ съ дѣтства.

Потомъ она спросила дочь:

— Дитя мое, нравится ли тебѣ эта иноческая одежда.

— Да, я люблю ее,—отвѣчала дѣвочка,—потому что я слышала отъ госпожи игуменіи и отъ другихъ монахинь, что эту одежду даетъ Христосъ въ залогъ обрученія любящимъ Его.

Мать сказала на это:

— Христосъ, Которому ты обручена, дитя, Онъ да удостоитъ тебя Своего чертога.

Съ этими словами она поцѣловала свою дочь, потомъ, простившись съ игуменьей и всѣми сестрами, вышла изъ монастыря.

По своему обыкновенію, она стала посѣщать и другіе монастыри въ Египтѣ, и пустынные и городскіе, а также жилища нищихъ, помогая своимъ имуществомъ всѣмъ бѣднымъ и нуждающимся. Повсюду разносилась слава о блаженной вдовѣ Евпраксіи, о ея добрыхъ дѣлахъ и многочисленныхъ милостяхъ; дошли слухи объ этомъ и до самого царя Ѳеодосія Великаго и до его вельможъ; всѣ дивились такой жизни ея и славили Бога, Который укрѣплялъ ее. Слышно было о ней, что она ни рыбы не ѣстъ, ни вина не пьетъ, постится каждый день до вечера, и поздно вечеромъ принимаетъ очень немного постной пищи, кутьи или овощей; всѣхъ удивляло такое воздержаніе ея при громадныхъ средствахъ. Спустя нѣсколько лѣтъ игуменья названнаго выше монастыря пригласила къ себѣ добродѣтельную вдову Евпраксію и сказала ей тайно:

— Госпожа моя, я тебѣ хочу сообщить важное дѣло, но не пугайся.

— Говори, госпожа моя, что ты хочешь,—отвѣчала она.

Игуменья сказала слѣдующее:

— Если ты хочешь распорядиться относительно своей дочери, то дѣлай это поскорѣе. Я видѣла въ сновидѣніи твоего мужа Антигона, въ великой славѣ стоящаго передъ Владыкой Христомъ и молящаго Его, чтобъ Онъ велѣлъ тебѣ оставить тѣло свое и пребывать съ нимъ вмѣстѣ, наслаждаясь такою же славой, какой онъ сподобился за свою добродѣтельную жизнь.

Услышавъ это, благочестивая женщина не только не смутилась, но даже очень обрадовалась: она желала разстаться съ тѣломъ и отойти ко Христу. Она тотчасъ позвала свою дочь, которой было уже около двѣнадцати лѣтъ, и сказала ей:

— Дитя мое, Евпраксія! Вотъ, меня уже зоветъ Христосъ, какъ сообщила мнѣ мать игуменья, и близокъ день моей кончины; поэтому все имущество твоего отца и мое я отдаю въ твои руки, распорядись имъ честно, чтобъ унаслѣдовать тебѣ Царство Небесное.

Дѣвица Евпраксія заплакала и сказала:

— Горе мнѣ! Осталась я одна сиротой!

— Дитя,—сказала ей мать,—у тебя есть отецъ Христосъ, Которому ты обручилась; ты не остаешься одинокой сиротой: вмѣсто матери у тебя будетъ госпожа игуменья, только старайся исполнить то, что обѣщала Христу. Бойся Бога, уважай сестеръ, по-

винуясь имъ со смиреніемъ; никогда не думай въ душѣ о томъ, что ты царскаго рода, и не говори: имъ слѣдуетъ работать на меня, а не мнѣ на нихъ, но будь смиренна, и будетъ тебя любить Господь; будь нищей на землѣ — и будешь богата на Небѣ. Вотъ, все въ твоихъ рукахъ: если монастырь будетъ нуждаться въ деньгахъ, дай, сколько будетъ нужно, и молись за меня и отца твоего, чтобъ намъ получить милость отъ Бога и избавиться отъ вѣчной муки.

Такой завѣтъ дала своей дочери блаженная Евпраксія; черезъ три дня она преставилась ко Господу и была погребена въ томъ монастырѣ.

Услышалъ царь, что умерла Евпраксія, жена Антигона, призвалъ того сенатора, съ сыномъ котораго была обручена дѣвочка Евпраксія, и сказалъ ему, что она отрѣшилась отъ міра и ушла въ монастырь. Онъ же убѣдительно просилъ царя послать за ней поскорѣе, чтобъ она немедленно явилась въ Царьградъ къ своему жениху и чтобъ состоялся бракъ ихъ. Царь поспѣшилъ это исполнить. Но невѣста Христова Евпраксія, получивъ и прочитавъ письмо царя, разсмѣялась, сѣла и написала ему лично слѣдующее:

«Владыко царь! Неужели ты прикажешь мнѣ, рабѣ твоей, оставить Христа и соединиться съ человѣкомъ тлѣннымъ и смертнымъ, который сегодня живъ, а завтра его будутъ ѣсть черви? Не заставляй меня этого дѣлать, и пусть тотъ человѣкъ не безпокоитъ изъ-за меня твое величество: вѣдь я уже невѣста Христова, и мнѣ нельзя обмануть Его. Но я прошу ваше величество въ память моихъ родителей взять все ихъ имущество и раздать святымъ церквамъ и монастырямъ, нищимъ, вдовамъ и сиротамъ; затѣмъ, отпусти на волю рабовъ и рабынь и прикажи управителямъ родительскихъ имѣній простить всѣ долги должникамъ: исполни все, какъ слѣдуетъ, владыка мой, чтобъ мнѣ безъ заботы и препятствія служить Христу моему, Которому я ввѣрилась всей душой. Владыко царь и царица, помолитесь и вы Господу обо мнѣ, рабѣ вашей, чтобъ онъ удостоилъ меня послужить Ему».

Написавши собственноручно такой отвѣтъ, Евпраксія запечатала его и отдала посланному; тотъ возвратился въ Царьградъ. Получивъ письмо Евпраксіи, царь прочелъ его вмѣстѣ съ царицею наединѣ, и много слезъ пролили они отъ умиленія и молились Богу объ Евпраксіи. На другой день царь созвалъ всѣхъ вельможъ и въ числѣ ихъ отца того юноши, съ которымъ была обру-

чена Евпраксія, и велѣлъ при всѣхъ прочесть ея письмо; всѣ слышавшіе въ слезахъ говорили:

— Царь, поистинѣ эта дѣвица изъ твоего рода—прекрасное дитя прекрасныхъ родителей Антигона и Евпраксіи, святой отпрыскъ отъ святого корня!

И всѣ, какъ одинъ человѣкъ, славили за нее Бога. Отецъ жениха тоже не посмѣлъ ничего сказать царю объ Евпраксіи. Царь же распорядился, какъ слѣдовало, всѣмъ имуществомъ ея, оставшимся ей послѣ родителей, раздавъ его церквамъ и нищимъ и такимъ образомъ исполнивъ ея желаніе; проживъ немного послѣ этого, царь отошелъ къ Господу. А Евпраксія начала еще усерднѣе подвизаться, угождая Богу, и постилась сверхъ силъ; ей было тогда двѣнадцать лѣтъ, когда она избрала себѣ самый суровый образъ жизни. Сначала она ѣла одинъ разъ въ день, и то вечеромъ, а потомъ она стала поститься до слѣдующаго и наконецъ до третьяго дня. Она трудилась, служа сестрамъ со всевозможнымъ усердіемъ и исполняя со смиреніемъ самую черную работу: мела трапезную комнату и другія кельи, стлала сестрамъ постели, носила на кухню воду и дрова, варила пищу, мыла посуду, и во всѣхъ монастырскихъ службахъ не было усерднѣе ея. Въ томъ монастырѣ существовалъ обычай: если какая-либо сестра подверглась искушенію во снѣ отъ діавола, то должна была тотчасъ сказать объ этомъ игуменіи; а та со слезами молилась Богу, чтобъ Онъ отогналъ отъ той сестры діавола, и приказывала ей набрать каменьевъ, насыпать ихъ подъ волосяную постель и спать на ней, а сверху на постель насыпать пеплу и спать такъ десять дней. Однажды и Евпраксія подверглась во снѣ нѣкоторымъ соблазнамъ отъ искусителя; тогда она набрала каменьевъ подъ свою волосяную постель и посыпала ее сверху пепломъ. Увидѣвъ это, игуменія улыбнулась и сказала одной изъ старшихъ сестеръ:

— Вотъ, и эта дѣвушка начала страдать отъ діавола!

И стала молиться о ней:

— Боже, сотворившій ее по образу Твоему,—говорила она,— и повелѣвшій ей избрать этотъ иноческій чинъ, Ты утверди ее въ страхѣ Твоемъ и отъ бѣсовскихъ навѣтовъ сохрани ее!

Потомъ она призвала къ себѣ Евпраксію и спросила:

— Почему ты мнѣ не сказала, что тебѣ было искушеніе отъ діавола, а скрыла это отъ меня?

А та упала игуменіи въ ноги со словами:

— Прости меня, госпожа моя, что постыдилась сказать тебѣ.

— Дочь моя,—внушала ей игуменія,—это начало твоей борьбы со врагомъ; крѣпись, чтобъ одолѣть его и получить вѣнецъ!

Спустя нѣсколько времени Евпраксія опять подверглась искушенію діавола и разсказала одной сестрѣ Юліи, которая очень ее любила и наставляла въ подвигахъ. А Юлія сказала ей:

— Госпожа моя Евпраксія, не скрывай этого отъ игуменіи, но разскажи ей, какъ слѣдуетъ, чтобъ она помолилась о тебѣ; говорятъ, она сама въ юности много претерпѣла искушеній отъ діавола. Разсказываютъ, что она однажды ночью послѣ сильнаго искушенія вышла изъ кельи, стала подъ открытымъ небомъ, подняла руки къ Небу и пробыла такъ сорокъ дней и ночей безъ ѣды, безъ питья, безъ сна, стоя и молясь Богу, пока не побѣдила діавола. И мы всѣ бываемъ искушаемы врагомъ, но надѣемся, что съ помощью Христовой одолѣемъ нашего искусителя. Поэтому, сестра, не удивляйся этому, не смущайся, но разскажи поскорѣе игуменіи о случившемся съ тобою, не стыдись!

Услышавъ это, Евпраксія поблагодарила Юлію:

— Помоги тебѣ Богъ, сестра, за то, что ты наставила меня и укрѣпила мнѣ душу: я пойду и разскажу госпожѣ великой о томъ, что случилось со мной.

— И не только разскажи,—прибавила Юлія,—но и попроси ее помолиться о тебѣ и прибавить тебѣ подвига.

Евпраксія пошла и разсказала игуменіи объ искушеніи діавольскомъ. Игуменія сказала ей:

— Не удивляйся этому, дочь моя; со всякимъ оружіемъ нападаетъ на насъ діаволъ, но не бойся, стань мужественно и непоколебимо, чтобъ онъ не одолѣлъ тебя. Много еще тебѣ предстоитъ искушеній отъ него; а ты подвизайся, чтобъ побѣдить его и получить отъ Христа, Жениха твоего, побѣдные вѣнцы. Усиль свой постъ, сколько можешь: за подвиги получаютъ честь. Скажи мнѣ, дитя, какъ ты постишься?

— Я принимаю пищу черезъ два дня,—отвѣчала Евпраксія.

— Прибавь еще одинъ день къ своему посту,—сказала игуменья,—и ѣшь на четвертый день послѣ захода солнца.

Евпраксія приняла этотъ наказъ съ радостію.

Евпраксіи исполнилось двадцать лѣтъ отъ роду; она возмужала тѣломъ и была красива,—обнаруживая знатность своего рода.

Подвергшись опять искушенію, она сообщила о томъ игуменіи, а игуменія сказала ей:

— Не бойся, дитя мое, вѣдь Богъ съ тобой!

На одномъ мѣстѣ въ монастырѣ лежала куча камней; желая испытать послушаніе и смиреніе Евпраксіи и побудить ее къ бо́льшему труду, игуменія сказала ей:

— Пойди, дитя, и перенеси эти каменья сюда и сложи ихъ около печи.

Евпраксія тотчасъ начала носить эти каменья. Среди нихъ попадались и большіе, которые съ трудомъ можно было бы поднять двумъ сильнымъ сестрамъ. Она же ихъ одна поднимала, клала на плечо и несла: она была сильна тѣломъ, а еще сильнѣе послушаніемъ и ни къ кому не обращалась съ просьбой помочь ей, потому что тяжелы камни, или потому что она голодна, или выбилась изъ силъ, —но съ усердіемъ исполняла приказаніе. Когда же она перенесла всѣ каменья, то игуменья черезъ нѣсколько дней опять сказала ей:

— Нѣтъ, нехорошо, что эти каменья лежатъ около печи, отнеси ихъ опять на прежнее мѣсто.

Она ничуть не ослушалась, а снова принялась за дѣло и тщательно выполняла то, что ей было приказано. Удивлялись сестры такому послушанію ея, терпѣнію и трудолюбію, а нѣкоторыя изъ молодыхъ смѣялись, другія же говорили:

— Крѣпись, сестра Евпраксія, будь тверда!

А она же была весела и пѣла за работой. Трудъ ея продолжался тридцать дней, когда игуменія приказала ей оставить это дѣло и послала ее на послушаніе въ пекарню. Она исполняла съ великой радостью всякія приказанія; иногда сѣяла въ пекарнѣ муку, мѣсила тѣсто и пекла хлѣбы, иногда въ кухнѣ варила пищу и колола дрова, иногда въ столовой прислуживала сестрамъ: и ни въ какомъ дѣлѣ она никогда не залѣнилась, не ослушалась, не отнеслась небрежно, не роптала, но во всякой службѣ была добра, послушна, тщательна и терпѣлива. При всемъ томъ она никогда не пропускала обычнаго молитвеннаго правила въ полночь, ни утренняго пѣнія, ни перваго, третьяго, шестого и девятаго часовъ; послѣ же вечерняго пѣнія она подавала кушанье постницамъ.

Діаволъ попытался еще разъ потревожить ее ночнымъ искушеніемъ. Однажды ночью онъ явился ей во снѣ въ видѣ того юноши, съ которымъ она была обручена: будто бы съ множествомъ воиновъ

онъ пришелъ похитить ее и насильно тащилъ изъ монастыря. Она лежала на своей постели и во снѣ начала кричать и звать сестеръ, чтобъ помогли ей избавиться изъ рукъ похитителя. Отъ ея крика проснулись сестры, сбѣжались къ ней, разбудили ее и стали спрашивать, почему она кричала. Она разсказала про видѣнное во снѣ искушеніе діавольское, и всѣ начали о ней молиться. Такъ какъ и снова ее тревожилъ искуситель, то игуменія сказала ей:

— Смотри, дитя мое Евпраксія, какъ бы діаволъ не подѣйствовалъ на твой разумъ, какъ бы не пропалъ трудъ твой: потерпи еще немного, борись съ нимъ мужественно, и онъ убѣжитъ отъ тебя.

И Юлія также говорила Евпраксіи:

— Сестра, если мы теперь, пока юны и сильны, не станемъ бороться съ нашимъ врагомъ и не побѣдимъ его, то какъ намъ побѣдить его въ старости?

Евпраксія отвѣчала ей:

— Живъ Господь, сестра моя Юлія, если прикажетъ мнѣ игуменія, то я не стану принимать пищи цѣлую недѣлю, пока съ помощью Господа не одержу побѣды надъ врагомъ, искушающимъ меня.

— Право, сестра моя,—возразила Юлія,—я не могу столько поститься, а ты, если можешь, то хорошо сдѣлаешь; во всемъ монастырѣ нѣтъ никого, кто бы могъ не принимать пищи цѣлую недѣлю, кромѣ матери нашей игуменіи.

Тогда Евпраксія отправилась къ игуменіи и попросила у нея разрѣшенія назначить себѣ такой постъ, чтобъ не ѣсть цѣлую недѣлю. Игуменія сказала ей на это:

— Дѣлай все, что можешь, дитя мое; да укрѣпитъ тебя Творецъ твой Богъ и дастъ тебѣ одолѣть діавола!

И начала Евпраксія поститься по цѣлой недѣлѣ, принимая пищу только по воскресеньямъ и не оставляя въ то же время ни монастырскихъ работъ, ни услугъ сестрамъ, такъ что всѣ дивились столь великимъ подвигамъ ея. «Вотъ, цѣлый годъ слѣдимъ мы за Евпраксіей, — говорили нѣкоторыя изъ сестеръ, — ну, видали ли мы, чтобъ она сидѣла, хоть бы когда ѣстъ? Нѣтъ, и не могли видѣть,—только развѣ когда ночью ляжетъ отдохнуть на постель,— а то и пищу вкушаетъ стоя».

И всѣ сестры любили ее за то, что она такъ трудилась и была такъ скромна, хоть и царскаго была рода, и молились о ней Богу, чтобъ Онъ даровалъ ей крѣпость и спасеніе.

Въ числѣ сестеръ была одна, по имени Германа, которая, какъ говорили, происходила отъ простой и бѣдной рабыни; она одна не любила всѣми любимой Евпраксіи: діаволъ разжигалъ въ ней зависть. Однажды Германа нашла въ кухнѣ Евпраксію одну за работой и начала браниться:

— Евпраксія постится всю недѣлю, а мы не можемъ; что мы станемъ дѣлать, если игуменія велитъ намъ такъ поститься?

Евпраксія возразила ей:

— Извини, сестра, великая госпожа наша велѣла каждой подвизаться по своимъ силамъ, и на меня не насильно возложила этотъ трудъ.

Германа, разгнѣвавшись, сказала:

— Обманщица, много въ тебѣ разныхъ хитростей! Кто не знаетъ, что ты нарочно это дѣлаешь изъ стремленія къ суетной славѣ, чтобъ всѣ видѣли и хвалили тебя: ты хочешь, чтобъ по смерти игуменіи къ тебѣ перешелъ ея санъ; но я увѣрена, ей Богу, что тебѣ никогда не начальствовать надъ нами!

Евпраксія со смиреніемъ упала ей въ ноги.

— Прости меня, госпожа моя,—сказала она,—согрѣшила я передъ Богомъ и тобой!

Когда узнала объ этомъ игуменія, она позвала Герману и стала ей выговаривать при всѣхъ сестрахъ:

— Раба лукавая и безбожная! Какое зло сдѣлала тебѣ Евпраксія, что ты ей мѣшаешь въ ея богоугодномъ дѣлѣ? Ты будешь отлучена отъ церковныхъ службъ и трапезы съ сестрами какъ недостойная!

Евпраксія со слезами долго упрашивала игуменію простить Герману и въ теченіе тридцати дней не могла упросить; на тридцатый день Евпраксія взяла съ собой Юлію и просила старшихъ сестеръ похлопотать у игуменіи о прощеніи Германы. Игуменія позвала Герману и сказала ей:

— Развѣ ты не поняла, окаянная, какое великое зло мѣшать кому-либо въ добромъ дѣлѣ? Ты не подумала и о томъ, что она—дочь сенатора, изъ царскаго рода—и такъ смиренна, такъ отдалась Богу и служитъ тебѣ, недостойной.

Тогда всѣ сестры стали просить игуменію за Герману; насилу умолили ее, и Герману простили. Такимъ образомъ, видимый врагъ на время оставилъ свою злобу; а врагъ невидимый, діаволъ, не переставалъ бороться съ Евпраксіей, злобствуя на нее за то, что

былъ побѣждаемъ ея смиреніемъ. Такъ, однажды ночью онъ навелъ на нее скверныя мірскія мечты, чѣмъ глубоко смутилъ ее. Она, какъ почуяла лютое нападеніе вооружившагося на нее врага, вскочила съ постели, осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ и вышла изъ своей кельи; на дворѣ, на особомъ мѣстѣ стала она, простерла руки свои къ Небу, вперивши въ Небо очи и умъ, и стояла такъ, молясь день и ночь, ничуть не двигаясь съ мѣста, какъ врытая въ землю, сорокъ дней; въ это время она не пила, не ѣла, не говорила ни съ кѣмъ, не спала и не опускала рукъ. Въ началѣ ея стоянія игуменія, узнавъ объ этомъ, пришла къ ней и сказала:

— Да утвердитъ тебя Богъ, дитя, и подастъ тебѣ терпѣніе!

Евпраксіи было тогда двадцать пять лѣтъ отъ роду. Когда она простояла двѣ недѣли, игуменія и сестры съ улыбкой смотрѣли на такое терпѣніе ея и радовались за нее. Прошло тридцать дней, и стали удивляться сестры и говорили игуменіи:

— Матушка, какъ видно, Евпраксія хочетъ совершить твой сорокадневный трудъ, какъ ты бывало стояла такъ же.

— Да утвердитъ ее Богъ, — отвѣчала игуменія, — будемъ всѣ молиться о ней!

По прошествіи сорока дней она простояла еще пять дней, и потомъ въ изнеможеніи упала на землю, и лежала какъ мертвая. Собрались сестры, внесли ее въ комнату и не могли пригнуть ея рукъ: она вся была, какъ деревянная, и не могла произнести ни одного слова. Игуменія принесла ей пищи, поднесла къ ея устамъ и сказала:

— Дитя мое Евпраксія! Во имя Господа нашего Іисуса Христа, съѣшь!

И тотчасъ она, взявъ пищу, съѣла и заговорила, немного укрѣпилась и встала; ее повели въ церковь, благодаря Христа Бога, укрѣпившаго рабу Свою на такой подвигъ. Послѣ этого Евпраксія стала понемногу принимать пищи и поправляться.

Съ этого времени діаволъ уже не могъ болѣе смущать Евпраксію скверными мечтаніями и разжженіемъ плотскихъ страстей: невѣста Христова одержала окончательную побѣду надъ его искушеніями. Тогда онъ началъ изобрѣтать противъ нея иныя козни, какъ человѣкоубійца искони[1]): онъ захотѣлъ совсѣмъ лишить ее жизни слѣдующимъ образомъ. Однажды блаженная Евпраксія при-

[1]) Еванг. отъ Іоан., гл. 8, ст. 44.

шла съ водоносомъ къ колодцу почерпнуть воды; а діаволъ, по попущенію Божію, схватилъ ее и бросилъ въ колодецъ; она, какъ потомъ сама разсказывала, дошла головой до дна колодца, но, всплывши наверхъ, ухватилась за веревку, свѣсившуюся съ ведра въ колодецъ, и воскликнула:

— Господи Іисусе Христе, помоги мнѣ!

Раздались крики, что Евпраксія упала въ колодецъ, собрались сестры съ игуменіей и вытащили ее. Она же перекрестилась и сказала съ улыбкой:

— Живъ Христосъ мой! Не побѣдишь меня, діаволъ, не уступлю тебѣ: до сегодняшняго дня носила воду въ одномъ сосудѣ, теперь стану носить двумя.

И стала такъ дѣлать. Послѣ этого случилось ей колоть дрова для кухни; когда она взмахнула топоромъ, чтобъ ударить по полѣну, діаволъ свелъ ея руки; она ударила топоромъ себѣ по ногѣ и разсѣкла голень; рана была очень глубока, и текло много крови. Она въ изнеможеніи упала на землю и лежала словно мертвая. Это видѣла Юлія; она испугалась, закричала и, прибѣжавъ къ сестрамъ, разсказала, что Евпраксія поранила себя въ ногу топоромъ и умерла. Сошлись сестры и обступили ее съ плачемъ; игуменія пришла, полила холодной воды ей на лицо и сказала ей, осѣнивъ ее крестнымъ знаменіемъ:

— Дитя мое Евпраксія! Что ты помертвѣла? Взгляни и скажи что-нибудь сестрамъ: онѣ скорбятъ о тебѣ.

Она открыла глаза и сказала игуменіи:

— Не плачь, госпожа моя матушка, душа во мнѣ.

Игуменія тогда обратилась съ молитвой къ Господу:

— Господи Іисусе Христе! Исцѣли рабу Твою, за Тебя она такъ много страдаетъ.

Потомъ, обвязавъ ей ногу волосянымъ платкомъ, игуменія подняла Евпраксію и хотѣла вести въ келью. Она же, посмотрѣвъ и увидѣвъ лежащія дрова, сказала:

— Живъ Господь мой! Не пойду отсюда, пока не соберу дрова и не отнесу ихъ на кухню.

— Я соберу,— сказала Юлія,— а ты ступай, лягъ.

Но Евпраксія не дала Юліи собрать дрова, а сама набрала полную охапку полѣньевъ и понесла. Въ кухню надо было взбираться по лѣстницѣ; когда Евпраксія взошла на верхнюю ступеньку, діаволъ заплелъ ей ноги и помѣшалъ ей: она наступила ногой на

край своей одежды и упала лицомъ на полѣнья, которыя несла въ рукахъ; лучина вонзилась ей въ лицо около глаза; Юлія закричала, подбѣжала къ ней и стала говорить:

— Не говорила ли я тебѣ, что ты не можешь нести дровъ, лягъ, а ты не послушала меня.

— Не печалься, сестра,—возразила Евпраксія,—вытащи осторожно занозу изъ моего лица, а глазъ мой невредимъ, по милости Божіей.

Занозу вынули; много крови текло изъ раны. Игуменія взяла масла и соли и, помолившись, помазала рану, а Юлія стала уговаривать Евпраксію:

— Пойди, госпожа моя, лягъ на постель и отдохни, а я послужу госпожамъ сестрамъ.

Но Евпраксія отвѣчала:

— Живъ Господь мой, не буду отдыхать, пока не окончу послушаніе мое сестрамъ.

Всѣ сестры много упрашивали ее отдохнуть, такъ какъ рана ея болитъ, но она не захотѣла отдыхать; она стояла и варила пищу, а изъ обѣихъ ранъ струилась кровь; она не легла, пока не кончила прислуживать сестрамъ и въ трапезѣ; только, окончивъ совсѣмъ свою службу, поздно вечеромъ пришла она къ своей постели. Богъ, видя такое терпѣніе ея, скоро исцѣлилъ ея раны, и она выздоровѣла. А діаволъ разрывался отъ зависти и еще разъ попробовалъ погубить ее. Однажды она вошла зачѣмъ-то на высокое зданіе вмѣстѣ съ сестрами; діаволъ сбросилъ ее сверху внизъ. Сестры, бывшія съ ней, поспѣшили спуститься внизъ по лѣстницѣ: онѣ думали, что Евпраксія разбилась до смерти, упавши съ такой высоты. А она поднялась съ земли невредимая и шла имъ навстрѣчу; на ихъ вопросъ, не разбилась ли она, она отвѣчала:

— Не знаю, какъ я упала и какъ встала.

И всѣ славили Бога, сохранившаго рабу Свою отъ смерти.— Въ другой разъ, когда она варила для сестеръ зелень въ котлѣ и хотѣла отставить кипящій котелъ отъ огня, діаволъ подкосилъ ей ноги; она упала назадъ, а котелъ съ кипящимъ кушаньемъ опрокинулся ей на лицо. Помощница ея Юлія закричала, что Евпраксія обварилась, и сбѣжались всѣ бывшія поблизости сестры; а Евпраксія быстро поднялась съ земли и сказала улыбаясь Юліи:

— Что ты надѣлала, сестра? Понапрасну ты встревожила сестеръ и игуменію!

И всѣ видѣли, что лицо ея невредимо, ничуть не обожжено. Игуменія заглянула въ котелъ и увидѣла, что остатки кипятка на днѣ еще клокочутъ; тогда она спросила Евпраксію:

— Развѣ на тебя не попалъ кипятокъ?

— Живъ Господь,—отвѣчала она,—я почувствовала словно холодную воду, а не кипятокъ на своемъ лицѣ.

Удивилась игуменія и сказала:

— Да сохранитъ тебя Богъ до конца, дитя мое!

Потомъ старшимъ сестрамъ она сказала наединѣ:

— Видите, Евпраксія сподобилась благодати Божіей: упала съ крыши и не разбилась, облила себѣ лицо кипяткомъ и осталась невредима.

— Видимъ,—отвѣчали сестры,—что Евпраксія—истинная раба Божія и что хранитъ ее Господь: отъ столькихъ искушеній спасъ Онъ ее.

Въ этотъ монастырь приходили изъ ближняго города и окрестныхъ селеній женщины—мірянки, приносили своихъ больныхъ дѣтей, а также приводили и бѣсноватыхъ: Господь, какъ сказано было выше, подавалъ исцѣленіе больнымъ и изгонялъ бѣсовъ по молитвѣ богоугодной игуменіи и сестеръ, жившихъ по-Божьи. Онѣ собирались въ церковь и устраивали совмѣстныя моленія о разныхъ больныхъ, и тѣ получали исцѣленіе и возвращались домой здоровыми. Была въ томъ монастырѣ одна бѣсноватая, которую съ юныхъ лѣтъ ея мучилъ жившій въ ней лютый демонъ, князь другихъ нечистыхъ духовъ. Эта женщина была связана цѣпями по рукамъ и ногамъ; она скрежетала зубами, свистѣла, испускала пѣну и громко кричала, такъ что всѣ пугались ея крика. Много разъ игуменія со старицами молилась въ церкви Богу, чтобъ отогналъ Онъ бѣса отъ этой страдающей женщины, но молитвы ихъ не были услышаны: по Божьей волѣ это оставалось для бо́льшаго чуда и для показанія святости невѣсты Христовой Евпраксіи, какъ объ этомъ будетъ сказано ниже. Въ этой женщинѣ былъ такой лютый бѣсъ, что никто не могъ къ ней близко подойти; она была привязана въ одной подвальной комнатѣ къ столбу, и пищу и питье ей подавали издали: привязывали посуду къ длинной палкѣ, клали туда хлѣбъ, бобы и какую-либо зелень и протягивали къ ней; а она часто, схвативъ посуду съ палкой, бросала ихъ въ лицо подававшихъ. Такъ держали ее долгое время въ монастырѣ. Однажды привратница пришла къ игуменіи сказать, что явилась

въ монастырь какая-то женщина и плачетъ, а съ ней восьмилѣтній ребенокъ, разслабленный и глухонѣмой, и проситъ она помолиться объ исцѣленіи своего ребенка. Игуменія, зная по откровенію отъ Бога, что Евпраксіи уже дана благодать исцѣленій и власть надъ нечистыми духами, призвала ее къ себѣ и сказала:

— Пойди, возьми ребенка у матери, которая стоитъ у воротъ, и принеси сюда.

Она пошла и, увидѣвъ совсѣмъ разслабленнаго ребенка, глухонѣмого, сжалилась надъ нимъ, вздохнула и, перекрестивъ его, сказала:

— Богъ, сотворившій тебя, да и исцѣлитъ тебя, дитя!

Съ этими словами она взяла его на руки и пошла съ нимъ къ игуменіи. Ребенокъ, пока она несла его на рукахъ, тотчасъ исцѣлился, началъ говорить и звать свою мать. Евпраксія, услышавъ, что ребенокъ заговорилъ, пришла въ ужасъ и положила его на землю; а ребенокъ всталъ и побѣжалъ къ воротамъ, зовя мать. Привратница пошла и разсказала объ этомъ игуменіи. Игуменія тогда позвала къ себѣ мать этого ребенка и сказала ей:

— Что же это, сестра, ты искушать насъ пришла со здоровымъ ребенкомъ?

— Владыка Христосъ свидѣтель мнѣ, госпожа моя,—отвѣчала мать,— что до настоящаго часа ребенокъ мой не говорилъ, не слышалъ, не дѣйствовалъ руками, ногами ступить не могъ, а когда эта честна́я дѣвица взяла его на руки, тотчасъ заговорилъ, выздоровѣлъ и началъ ходить.

Тогда игуменія сказала этой женщинѣ:

— Милостью Христовой выздоровѣлъ у тебя ребенокъ, иди съ миромъ и благодари Бога.

Когда женщина съ исцѣленнымъ ребенкомъ ушла, игуменія сказала Евпраксіи:

—Я хочу, дочь моя, чтобъ ты кормила изъ своихъ рукъ ту страдающую бѣснованіемъ сестру въ нашемъ монастырѣ, если ты не боишься ея.

— Не боюсь, госпожа моя, — отвѣчала Евпраксія, — и если прикажешь, буду это дѣлать.

Послѣ того Евпраксія взяла хлѣба и вареной пищи въ посудѣ и принесла къ бѣсноватой; та тотчасъ заскрежетала зубами, бросилась на нее и, схвативъ посуду, хотѣла разбить. Евпраксія же, взявъ ее за руку, сказала ей:

— Живъ Господь, я повалю тебя на землю, возьму посохъ нашей госпожи игуменіи и буду жестоко тебя бить, чтобъ ты больше не безчинствовала!

Бѣсноватая увидѣла, что Евпраксія гораздо сильнѣе ея,—Господь укрѣпилъ рабу Свою,—испугалась и замолчала. А святая начала ласково увѣщевать ее:

— Сядь, сестра моя,—говорила она,—ѣшь, пей и не смущайся.

Та сѣла, ѣла и пила и заснула. Съ этого времени перестали подавать ей пищу издали на палкѣ, она брала ее изъ рукъ Евпраксіи, и дивились всѣ сестры. Если же когда бѣсноватая начинала смущаться, рваться и кричать, то сестры говорили ей:

— Замолчи, вотъ Евпраксія придетъ къ тебѣ съ посохомъ и прибьетъ тебя!

И тотчасъ бѣсноватая усмирялась и умолкала. Вышеупомянутую Герману опять стала грызть въ сердцѣ зависть; она говорила другимъ сестрамъ:

— Развѣ никого нѣтъ еще изъ сестеръ, кромѣ Евпраксіи, которая бы носила бѣсноватой пищу; дайте мнѣ хлѣбъ, и я такъ же буду служить бѣсноватой, какъ и Евпраксія.

Она взяла хлѣбъ и кутью, подошла къ бѣсноватой и сказала:

— Возьми, сестра, поѣшь!

Бѣсноватая же крѣпко схватила ее, разорвала на ней одежду донага, заскрежетала на нее зубами, повалила ее на землю, сѣла на нее и, навалившись, начала кусать и ѣсть ея тѣло на плечахъ и шеѣ. Раздался ужасный вопль, но никто не рѣшался подойти къ ней; тогда Юлія поспѣшила въ кухню и сказала Евпраксіи:

— Германа совсѣмъ погибаетъ отъ бѣсноватой!

Прибѣжала Евпраксія, схватила бѣсноватую за руки и за шею и такъ избавила Герману, всю израненную и окровавленную.

— Развѣ хорошо ты сдѣлала,—обратилась Евпраксія къ бѣсноватой:—такъ изранила сестру?

А она стояла, скрежеща зубами и испуская пѣну.

— Живъ Господь,—прибавила Евпраксія,—съ этого времени, если ты причинишь зло какой-либо сестрѣ, я не пощажу тебя, а возьму у игуменіи посохъ и безъ жалости буду бить тебя.

Тогда та легла и замолчала.

На слѣдующее утро рано пришла Евпраксія навѣстить больную. Оказалось, что она разодрала на себѣ всѣ одежды и, сидя нагая на землѣ, собирала свой гной и ѣла. Сжалилась надъ ней блажен-

ная Евпраксія и прослезилась; потомъ одѣла ее въ другую одежду, принесла ей хлѣба, воды, накормила и напоила ее. Возвратившись въ свою келью, она весь день плакала тайно отъ сестеръ и молилась, чтобы Господь исцѣлилъ страдающую; такъ и всю ночь пробыла она въ молитвѣ, а Богъ открылъ ея молитву игуменіи; наутро игуменія позвала ее къ себѣ и спросила:

— Дитя мое Евпраксія, почему ты скрыла отъ меня свою молитву о страдалицѣ; если бъ ты мнѣ сказала, и я бы потрудилась вмѣстѣ съ тобой.

— Прости меня, госпожа моя,—отвѣчала Евпраксія,—я видѣла ее въ такихъ мерзостяхъ и сжалилась надъ ней.

— Дочь моя,—сказала ей игуменія,—мнѣ нужно тебѣ кое-что сказать; но смотри, не возгордись. Вотъ, Христосъ далъ тебѣ власть изгнать того бѣса, и на всѣхъ другихъ бѣсовъ дана тебѣ сила.

Услышавъ это, Евпраксія упала на землю, посыпала себѣ голову землей и восклицала, говоря:

— Какъ мнѣ, окаянной и такой скверной, изгнать бѣса, если вы столько лѣтъ молились и не могли до сихъ поръ этого сдѣлать?

Игуменія сказала:

— Дитя мое, это дѣло дожидалось тебя, чтобъ узнали, какая великая награда приготовлена тебѣ на Небѣ; не прекословь, исполни, что тебѣ приказываютъ.

Евпраксія пошла сначала въ церковь, бросилась на землю передъ образомъ Господа нашего Іисуса Христа, омочила землю слезами, прося помощи свыше. Потомъ, помня приказаніе игуменіи, она отправилась къ бѣсноватой; за ней шли всѣ сестры, чтобы посмотрѣть, что будетъ. Подошедши къ больной, Евпраксія сказала:

— Исцѣляетъ тебя Господь нашъ Іисусъ Христосъ, создавшій тебя.

И осѣнила ее крестнымъ знаменіемъ. Бѣсъ закричалъ страшнымъ голосомъ: «Что это за лживая и скверная монахиня! Сколько лѣтъ уже я живу въ этой женщинѣ, и никто меня не изгналъ, а эта нечистая хочетъ изгнать!»

— Не я тебя изгоняю,—сказала Евпраксія,—но Христосъ Богъ мой, Женихъ мой!

А бѣсъ кричалъ:

— Не выйду, нечистая, у тебя нѣтъ силы меня выгнать!

— Я нечистая,—отвѣчала святая,—много во мнѣ всякой сквер-

ны, какъ ты говоришь, но выйди изъ нея, тебѣ повелѣваетъ Христосъ Богъ мой! А если не хочешь выйти, то я возьму посохъ у госпожи нашей игуменіи и буду бить тебя.

Бѣсъ долго возражалъ и все не хотѣлъ выходить. Тогда Евпраксія взяла у игуменіи жезлъ и пригрозила ему, говоря:

— Выходи, а то буду бить тебя.

— Какъ же я выйду изъ нея, — возражалъ бѣсъ, — когда я заключилъ съ ней условіе и не могу его нарушить?

Святая ударила три раза жезломъ со словами:

— Выйди изъ созданія Божія, духъ нечистый,—Христосъ Господь повелѣваетъ тебѣ.

Зарыдалъ бѣсъ:

— Куда мнѣ итти? — говорилъ онъ.

— Иди въ тьму кромѣшную,—отвѣчала святая,—и въ вѣчный огонь, на безконечную муку, приготовленную тебѣ и отцу твоему сатанѣ, и всѣмъ, исполняющимъ вашу волю.

Всѣ сестры стояли и смотрѣли издали, не смѣя подойти. Такъ какъ бѣсъ не хотѣлъ выходить и все спорилъ, то святая Евпраксія подняла глаза къ Небу и воскликнула:

— Господи Іисусе Христе! Не постыди меня въ этотъ часъ, чтобъ не порадовался изъ-за меня нечистый бѣсъ!

И тотчасъ бѣсъ закричалъ громкимъ голосомъ и вышелъ, а женщина стала съ тѣхъ поръ совсѣмъ здоровая. Евпраксія взяла ее съ собой, обмыла, одѣла въ чистую одежду и повела въ церковь; тамъ всѣ вмѣстѣ прославляли и благодарили Христа Бога. А Евпраксія съ того дня стала отличаться еще бо́льшимъ смиреніемъ и служила всѣмъ сестрамъ, какъ рабыня. Когда матери приносили въ монастырь больныхъ дѣтей, игуменія отсылала ихъ къ святой Евпраксіи, а она, хотя и не хотѣла, но, повинуясь приказанію начальствующей, исцѣляла ихъ благодатію Христовой.

Когда приближалось время блаженной кончины святой Евпраксіи, игуменіи было откровеніе отъ Бога во снѣ, что невѣста Христова уже призывается въ Небесный чертогъ; очень встревожилась игуменія этимъ видѣніемъ,—ей жалко было разставаться съ любимой Евпраксіей; она стала плакать и никому не хотѣла говорить о своемъ видѣніи. Старицы, увидѣвъ, что она тужитъ и плачетъ каждый день, сначала не смѣли спросить ее, почему она такъ тужитъ; потомъ сами такъ опечалились ея печалью, что обратились къ ней съ вопросомъ:

— Скажи намъ, госпожа наша, матушка, почему ты такъ печальна? У насъ сердце разрывается, глядя на твою печаль и слезы.

— Не заставляйте меня открыть вамъ до завтра,— отвѣчала игуменія.

— Живъ Господь,—сказали старицы,—если ты не откроешь намъ, матушка, то очень опечалишь насъ.

Тогда игуменія сказала:

— Я не хотѣла вамъ говорить до утра, но, если ужъ вы такъ просите меня, то слушайте: насъ покидаетъ Евпраксія,—завтра уходитъ она изъ этой жизни. Но пусть никто изъ васъ сегодня объ этомъ не говоритъ ей, чтобъ не смущать ея,—пусть она не знаетъ этой тайны, пока не наступитъ ея время.

Услышавъ эти слова игуменіи, сестры горько расплакались: всѣ очень любили Евпраксію и чтили, зная ее за великую угодницу Божію и истинную рабу и невѣсту Христову; лишиться ея для нихъ была большая потеря. Одна изъ сестеръ услышала, что старицы плачутъ, провѣдала причину, побѣжала тотчасъ въ пекарню и застала тамъ Евпраксію вмѣстѣ съ Юліей за печеніемъ хлѣбовъ.

— Знаешь, госпожа,—сказала она,—игуменія со старицами о тебѣ плачутъ.

Евпраксія и Юлія удивились этимъ словамъ и молча стояли. Потомъ Юлія сказала Евпраксіи:

— Ужъ не упросилъ ли царя тотъ, твой бывшій женихъ, взять тебя изъ монастыря силой,—не объ этомъ ли скорбятъ игуменія со старицами?

— Живъ Господь мой Іисусъ Христосъ,—отвѣчала святая,—хоть всѣ царства земныя соберутся, не смогутъ принудить меня оставить Христа моего; однако, госпожа моя Юлія, поди, узнай повѣрнѣе, о чемъ это плачутъ; очень мнѣ неспокойно на душѣ.

Юлія пошла, стала у дверей и слушала, что говорятъ, а игуменія въ это время разсказывала старицамъ свое видѣніе.

— Видѣла я,—говорила она,—двухъ честныхъ мужей въ свѣтлой одеждѣ; вошли они въ монастырь и говорятъ мнѣ: пусти Евпраксію, Царь ее требуетъ; потомъ пришли другіе два, еще свѣтлѣе, и сказали: возьми Евпраксію и веди ее къ Царю. Я тотчасъ взяла ее и повела; когда мы пришли къ какимъ-то чуднымъ воротамъ,—я ихъ красоту и описать не могу,—они отворились сами собой, и мы вошли внутрь; тамъ увидѣли нерукотворную палату, полную несказаннаго блеска, и высокій тронъ; на немъ

сидѣлъ сіяющій Царь. Я не могла войти внутрь, а Евпраксію взяли и повели къ Царю; она поклонилась Ему въ ноги и поцѣловала его пречистыя стопы. Я увидѣла тамъ безконечное множество Ангеловъ и святыхъ, и всѣ стояли и смотрѣли на Евпраксію. Потомъ я увидѣла Матерь Божію—Пречистую Дѣву Марію, Владычицу нашу; Она взяла Евпраксію и показала ей прекрасный чертогъ и приготовленный вѣнецъ, сіяющій славою и честію. И слышала голосъ, который говорилъ ей:

— Евпраксія! Вотъ, награда тебѣ и покой; но теперь иди, а черезъ десять дней приходи и будешь наслаждаться этимъ всѣмъ безконечные вѣка.

Такъ разсказывала игуменія старицамъ о своемъ видѣніи, а сама плакала и, наконецъ, сказала:

— Вотъ, нынче десятый день съ тѣхъ поръ, какъ я видѣла, и завтра Евпраксія преставится.

Услышавъ это, Юлія стала бить себя въ грудь и пошла въ пекарню съ плачемъ и рыданіемъ. Увидала ее плачущую Евпраксія и сказала:

— Заклинаю тебя Сыномъ Божіимъ, скажи мнѣ, что ты слышала, что такъ плачешь?

— Я плачу,—отвѣчала она,—потому, что сегодня мы разстаемся съ тобой: я слышала отъ великой госпожи нашей, что завтра ты скончаешься.

Евпраксія, какъ услышала это, тотчасъ лишилась силъ и упала на землю, словно мертвая. Юлія сидѣла надъ нею и плакала. Потомъ Евпраксія сказала Юліи:

— Дай мнѣ руку, сестра моя, подними меня и отведи меня въ дровяной сарай; тамъ положи меня.

Юлія такъ и сдѣлала. Евпраксія лежала на землѣ, плакала и говорила Господу:

— За что, Владыка, ты погнушался мною, странницей, сиротой? За что презираешь меня? Теперь бы мнѣ время трудиться и бороться съ діаволомъ, а Ты теперь берешь у меня душу! Смилуйся надо мной, рабой Твоей, Господи, и оставь меня, по крайней мѣрѣ, на одинъ этотъ годъ, чтобъ мнѣ покаяться въ грѣхахъ моихъ, потому что не покаялась я, нѣтъ у меня добрыхъ дѣлъ и нѣтъ у меня надежды на спасеніе. Умершимъ нѣтъ покаянія, ни слезъ, и не мертвые хвалятъ Тебя, Господи, и не сходящіе въ адъ, но живые благословляютъ Имя Твое святое; дай мнѣ одинъ годъ, какъ безплодной смоковницѣ.

Когда она такъ рыдала, одна изъ сестеръ услыхала, пошла и сказала игуменіи со старицами.

— Кто разсказалъ ей,—спросила игуменія,—о нашемъ разговорѣ и смутилъ ея душу? Не запретила ли я вамъ сообщать ей эту тайну, пока не придетъ ея часъ? Что вы надѣлали! Прежде времени смутили ее! Пойдите, приведите ее сюда!

Когда привели святую, она упала въ ноги игуменіи, говоря:

— Отчего не сказала ты мнѣ, матушка, что близка моя кончина; я бы поплакала о моихъ грѣхахъ! И вотъ, теперь я отхожу безъ надежды на спасеніе: нѣтъ у меня благихъ дѣлъ. Пожалѣй меня, владычица моя, помолись обо мнѣ Богу, чтобъ Онъ далъ мнѣ пожить одинъ годъ, дабы мнѣ покаяться въ грѣхахъ. Я отхожу безъ покаянія и не знаю, какая тьма обыметъ меня и какая мука ожидаетъ меня.

Игуменія на это сказала ей:

— Живъ Господь, дочь моя Евпраксія, нетлѣнный Женихъ твой Христосъ удостоилъ тебя Небеснаго Царствія и приготовилъ тебѣ прекрасный чертогъ и вѣнецъ вѣчной славы.

И начала игуменія разсказывать ей все свое видѣніе о ней и такъ утѣшала ее, вселяя въ ея душу надежду; кромѣ того, она просила Евпраксію помолиться о ней Богу, чтобъ Онъ и ее сподобилъ такой же участи. Евпраксія, лежа у ногъ игуменіи, занемогла: сначала у ней сдѣлался ознобъ, а потомъ жаръ объялъ ее.

— Возьмите ее,—сказала тогда игуменія сестрамъ,—и внесите въ молельню, приходитъ ея часъ.

Ее взяли, положили въ молельню и сидѣли возлѣ нея, скорбя и плача до вечера; вечеромъ игуменія приказала сестрамъ принять пищи, а при Евпраксіи остаться одной Юліи, такъ какъ та никогда не оставляла ея. Юлія затворилась съ нею и пробыла до Утрени. Она просила Евпраксію:

— Сестра, не забудь меня передъ Господомъ! Вспомни, что я не разставалась съ тобою; вспомни, что и грамотѣ я научила тебя; вспомни, что и къ подвигу я побуждала тебя: умоли Христа, чтобы Онъ и меня взялъ съ тобою!

Съ наступленіемъ утра увидѣла игуменія, что Евпраксія уже при послѣднемъ издыханіи, и послала Юлію къ сестрамъ сказать:

— Идите проститесь въ послѣдній разъ съ Евпраксіей: она кончается.

Собрались сестры, стали прощаться съ ней, плача и говоря:

— Помяни насъ, сестра, во Царствіи Христовомъ!

Она же не могла говорить и молчала. Послѣ всѣхъ пришла и та, которую Евпраксія избавила отъ мучившаго ее бѣса; она цѣловала руки ея со слезами и говорила:

— Эти святыя руки много послужили мнѣ, недостойной, ради Бога, ими отогнанъ былъ отъ меня мучившій меня діаволъ.

Евпраксія же ничего ей не отвѣчала, и сказала игуменья:

— Развѣ не жаль тебѣ этой сестры, Евпраксія, она такъ плачетъ, а ты ничего не скажешь ей?

Евпраксія взглянула на эту сестру и сказала:

— Что ты безпокоишь меня, сестра, оставь меня въ покоѣ, я при кончинѣ уже: но бойся Бога, и Онъ сохранитъ тебя!

Потомъ, посмотрѣвъ на игуменію, она сказала:

— Молись за меня, матушка, такъ какъ трудно душѣ моей въ эту минуту.

И всѣ сестры съ игуменіею стали молиться о ней и, когда, кончивъ молитву, сказали аминь, предала честную и святую свою душу въ руки Божіи святая и преподобная невѣста Христова Евпраксія. Прожила она тридцать лѣтъ[1]). Много плакали надъ ней сестры, погребли ее подлѣ матери ея и прославляли Бога за то, что сподобилъ ихъ имѣть въ своей средѣ такую богоугодную сестру и проводить ее къ Богу. Юлія же не покидала ея гроба въ теченіе трехъ дней, плача и рыдая, а на четвертый день пришла къ игуменіи веселая и радостная и сказала:

— Помолись обо мнѣ, матушка: меня уже зоветъ Христосъ, Котораго умолила за меня госпожа Евпраксія быть вмѣстѣ съ нею.

Сказавъ это, она простилась со всѣми сестрами и скончалась на пятый день. Ее похоронили возлѣ гроба святой Евпраксіи. Черезъ тридцать же дней преподобная игуменія діаконисса Ѳеодула созвала сестеръ и сказала имъ:

— Выберите себѣ мать вмѣсто меня, которая бы могла управлять вами: меня зоветъ Господь; много молила Его обо мнѣ госпожа Евпраксія, чтобъ Онъ учинилъ меня вмѣстѣ съ нею и Юліей: Юлія вмѣстѣ съ Евпраксіей также сподобилась Чертога Небеснаго; къ нимъ отхожу уже и я.

---

[1]) *Св. Евпраксия* скончалась около 413 г.: когда Евпраксія, написавъ царю письмо съ отреченіемъ отъ брачнаго союза, избрала еще строжайшіе прежнихъ подвиги, ей было 12 лѣтъ, царь около того времени умеръ въ 395 г.; Евпраксія же скончалась 30 лѣтъ, подвизаясь еще 18 лѣтъ отсюда 18+395 даютъ 413 г.

Сестры всѣ радовались за Евпраксію и Юлію, что они вошли въ радость Господа своего, и молились, чтобъ Онъ и ихъ сподобилъ той же участи. О матери же, оставляющей ихъ, плакали онѣ и выбрали себѣ начальницей одну изъ сестеръ, по имени Ѳеогнію. Ее позвала къ себѣ передъ кончиной игуменія и сказала ей:

— Ты знаешь хорошо весь порядокъ и уставъ монастырской жизни, заклинаю тебя Пресвятою Единосущною Троицей, не пріобрѣтай для монастыря никакихъ имѣній, ни богатствъ, чтобъ не занимать умъ сестеръ земными заботами, чтобъ изъ-за земныхъ онѣ не лишились благъ Небесныхъ, но пусть онѣ, оставивъ безъ вниманія все временное, получатъ вѣчное.

А сестрамъ она сказала:

— Вы знаете жизнь святой Евпраксіи. Подражайте ей, чтобъ вмѣстѣ съ нею сподобиться Чертога Небеснаго.

Потомъ она, простившись со всѣми въ послѣдній разъ, велѣла ввести себя въ молельню, затворить двери и никому не входить къ ней до завтра. Наутро рано вошли къ ней сестры, и нашли ее скончавшейся о Господѣ, и съ плачемъ погребли ее подлѣ святой Евпраксіи. Съ того времени никого болѣе не хоронили на томъ мѣстѣ; а отъ честныхъ мощей этихъ угодницъ Божіихъ бывало много чудесъ: подавалось исцѣленіе всякихъ болѣзней, изгонялись бѣсы, которые громко кричали:

— О Евпраксія! Ты и по смерти побѣждаешь и изгоняешь насъ!

Таковы были жизнь и подвиги преподобной Евпраксіи, которая сподобилась Небесной славы. Постараемся и мы подражать ей: будемъ пріобрѣтать смиреніе, послушаніе, кротость, трудолюбіе, терпѣніе, чистоту ея и цѣломудріе, чтобъ и намъ ея молитвами оказаться достойными вѣчныхъ благъ, радости и пребыванія съ ангельскими ликами,—чтобъ сподобиться намъ наслажденія славой Господа нашего Іисуса Христа въ Царствіи Его Небесномъ со всѣми святыми въ безконечные вѣки, аминь.

ЖИТІЕ СВЯТЫЯ

ОЛИМПІАДЫ ДІАКОНИССЫ

Родиной святой Олимпіады, названной такъ въ честь своей матери, былъ Царьградъ, гдѣ жили ея извѣстные и знатные родители. Отецъ ея, Анисій Секундъ, былъ одинъ изъ самыхъ почтенныхъ сенаторовъ, а мать ея была дочерью того знаменитаго епарха Евлавія, который упоминается въ разсказѣ о чудесахъ святителя Христова Николая и который въ царствованіе Константина Великаго былъ первымъ лицомъ послѣ царя. Олимпіада, дочь Евлавія, сначала была обручена съ младшимъ сыномъ Константина Констою, который послѣ отца царствовалъ въ древнемъ Римѣ; но онъ былъ убитъ до брака, а она была выдана за Арсака, царя арменскаго, съ которымъ недолго пожила, и овдовѣла. Тогда Олимпіада вышла замужъ за вышеназваннаго сенатора Анисія Секунда и родила святую Олимпіаду, которая еще не достигла совершеннолѣтія, какъ родители уже обручили ее съ благороднымъ юношей, сыномъ епарха Невридія; самый же бракъ былъ отложенъ. Но прошло двадцать мѣсяцевъ, женихъ умеръ, и осталась Олимпіада дѣвицей и въ то же время вдовою; она не захотѣла уже, хотя и достигла совершеннолѣтія, выходить замужъ за другого, но пожелала пребывать въ дѣвствѣ и цѣломудріи всю свою жизнь.

По смерти своихъ родителей Олимпіада осталась наслѣдницей великихъ богатствъ и безчисленнаго имѣнія; все это она посвятила Богу и стала раздавать щедрою рукою нуждающимся: церквамъ, монастырямъ, пустынножителямъ, больницамъ, пріютамъ для убогихъ и странниковъ, сиротамъ и вдовамъ, и впавшимъ въ нищету; посылала она щедрую милостыню также и заключеннымъ въ тюрьмахъ, и сосланнымъ въ заточеніе; такъ по многимъ мѣстамъ распространялась ея щедрость. Сама же она постоянно молилась и постилась, всячески умерщвляя свое тѣло и порабощая его духу.

Ст҃а́ѧ
Ѻ҆лѵ҃мпі́а́да

Въ то время царствовалъ Ѳеодосій Великій,[1]) отецъ Аркадія и Гонорія; у него былъ одинъ родственникъ, по имени Елпидій, за котораго онъ желалъ выдать блаженную Олимпіаду, молодую и красивую, но она не хотѣла. Царь обращался къ ней съ просьбами, всячески стараясь уговорить ее выйти замужъ за его родственника Елпидія, но она никакъ не соглашалась, несмотря на то, что ей грозили, и она знала, что царь разгнѣвался. Она послала царю такой отвѣтъ:

«Государь! Если бъ Богъ хотѣлъ, чтобъ я была замужемъ, то не взялъ бы у меня моего перваго мужа; но, такъ какъ Онъ зналъ, что не на пользу мнѣ въ этой жизни быть замужемъ, то освободилъ мужа отъ совмѣстной жизни со мною, а меня избавилъ отъ тяжелаго ига мужней власти и Свое благое иго[2]) положилъ на мои помыслы».

Царь разгнѣвался и приказалъ начальнику города отнять у нея все ея имѣніе и хранить его, пока Олимпіадѣ не минетъ тридцать лѣтъ отъ роду. Начальникъ не столько по царскому приказанію, сколько по наговору Елпидія, такъ обижалъ и стѣснялъ ее, что она не только въ имуществѣ своемъ, а даже и въ себѣ самой не была властна: онъ не позволялъ ей ни бесѣдовать съ богоугодными святителями, ни посѣщать церковь, добиваясь чтобъ съ тоски она пошла замужъ, но Олимпіада радовалась и благодарила Бога. Черезъ нѣсколько времени она написала царю слѣдующее:

«Ты оказалъ мнѣ, владыка, царскую милость и поступилъ истинно по-епископски,[3]) приказавъ другому заботиться и беречь

---

[1]) —императоръ въ 379—395 гг.

[2]) Сравн. Еванг. отъ Матѳ., гл. II, ст. 30

[3]) Византійскій императоръ, между прочимъ, носилъ титулъ «епископа внѣшнихъ

мое бремя, о которомъ я заботилась сама; еще бо́льшее благодѣяніе сдѣлаешь ты мнѣ, если прикажешь твоему чиновнику раздать все мое имѣніе церквамъ, нищимъ и недостаточнымъ людямъ, чтобы я избѣгла суетной славы, раздавая то сама, и тогда не буду пренебрегать настоящимъ своимъ богатствомъ,[1]) свободная отъ заботъ о богатствахъ земныхъ и скоро погибающихъ».

Царь прочелъ ея письмо и, размысливъ самъ съ собою, позволилъ ей опять владѣть своимъ имѣніемъ: онъ наслышался о ея добродѣтельной и богоугодной жизни, о великомъ ея воздержаніи и жестокомъ умерщвленіи тѣла. Дѣйствительно, она совсѣмъ не ѣла мяса, не ходила въ баню; если же нужда ее заставляла, по нездоровью, вымыться, то она въ одной рубашкѣ садилась въ ванну съ теплой водой и мылась не раздѣваясь, такъ какъ она стыдилась не только служанокъ, но и самой себя и не хотѣла видѣть своего нагого тѣла.

По такой цѣломудренной и честно́й жизни святая Олимпіада, добродѣтелямъ которой удивлялись и святители, была взята на служеніе Церкви — Святѣйшимъ Патріархомъ Нектаріемъ[2]) она назначена была діакониссою[3]). И служила она Господу честно и праведно вмѣстѣ съ другими діакониссами, подобно евангельской вдовѣ святой Аннѣ, **ꙗ҆́же не ѿхожда́ше ѿ це́рквѣ, посто́мъ и҆ моли́твами слꙋжа́щи де́нь и҆ но́щь**[4]). Жизнь блаженной Олимпіады была настолько безпорочна, что даже и враги ея не могли найти въ ней чего-либо заслуживающаго порицанія. Враждовавшіе со

дѣлъ Церкви»; слово *епископъ* въ переводѣ съ греческаго значитъ *надсмотрщикъ, наблюдатель, надзиратель*.

[1]) Т. е. заботами о спасеніи души.

[2]) —патріархъ Константинопольскій въ 381—397 гг.

[3]) *Діакониссы* были уже во времена Апостоловъ. Ап. Павелъ въ посланіи къ Рим. (16, 1) упоминаетъ о Фивѣ, бывшей «служительницею Церкви Кенхрейской»; въ послѣапостольское время о діакониссахъ упоминаютъ часто Соборы (1 Всел. Соб., пр. 19; IV Всел. Соб., пр. 15; VI Всел. Соб., пр. 14), а также Отцы и учители Церкви и императоры въ своихъ законахъ (Юстініан. новелл. 3, 6 и 123). Въ діакониссы сначала избирались преимущественно дѣвы, а изъ вдовъ лишь «вѣрныя и благоговѣйныя, бывшія замужемъ только одинъ разъ». (Постанов. Апостольск., кн. VI, 18); но при императорѣ Юстиніанѣ дозволено было избирать изъ тѣхъ и другихъ и притомъ ранѣе 40 лѣтъ, хотя дѣйствительное служеніе поручалось имъ по достиженіи этого возраста (IV Всел. Соб., пр. 15. Юстініан. нов. 123); лишь женщины, отличавшіяся благочестивою жизнью, сразу назначались въ діакониссы безъ всякаго испытанія. Обязанности діакониссъ заключались въ слѣдующемъ: 1) они приготовляли женщинъ къ Крещенію, 2) помогали служителямъ Церкви при самомъ Крещеніи женщинъ, 3) исполняли разныя порученія епископа касательно женщинъ — посѣщали больныхъ и впавшихъ въ несчастія, 4) наблюдали за благочиніемъ въ храмѣ среди женщинъ и дѣтей.

[4]) Еваиг. отъ Луки, гл. 2, ст. 37.

святымъ Іоанномъ Златоустомъ,[1]) патріаршествовавшимъ послѣ Нектарія, враждебно относились и къ этой неповинной рабѣ

[1]) Великій Отецъ Церкви *св. Іоаннъ Златоустъ* родился въ 347 г. въ Антіохіи. Получивъ лучшее, по тому времени, научное образованіе подъ руководствомъ своей матери, выдающейся по уму и добродѣтельной жизни женщины, св. Іоаннъ закончилъ его въ школѣ извѣстнаго ритора Ливанія; пробывъ потомъ недолгое время адвокатомъ, Іоаннъ занялся изученіемъ христіанскаго богословія подъ руководствомъ Антіохійскаго епископа св. Мелетія. Послѣдній и крестилъ Іоанна; въ 380 г. онъ возвелъ его въ должность чтеца. Свое богословское образованіе Іоаннъ Златоустъ завершилъ у Картерія, лучшаго христіанскаго ученаго времени, и у Діодоръ, впослѣдствіи епископа Тарсійскаго. Послѣ этого Іоаннъ удалился въ пустыню и здѣсь провелъ сначала четыре года въ сообществѣ монаховъ, а потомъ два года въ совершенномъ уединеніи. Въ пустынѣ Іоанномъ Златоустомъ написано «Слово о священствѣ», вызванное укорами его товарища—епископа Василія за бѣгство Златоуста отъ епископства. Это Слово, лучшее произведеніе среди святоотеческихъ писаній, изображаетъ, каковъ долженъ быть христіанскій пастырь и каковы его обязанности. Разстроенное подвигами здоровье заставило Іоанна покинуть пустыню и возвратиться въ Антіохію. Въ 381 г. онъ былъ посвященъ въ діакона и черезъ пять лѣтъ — во пресвитера. Побуждаемый милосердіемъ Іоаннъ Златоустъ часто посѣщалъ богатыхъ, испрашивая подаянія для бѣдныхъ, которымъ онъ, обходя домы, раздавалъ милостыню. При этомъ онъ самъ наблюдалъ картины нищеты и голода въ богатомъ городѣ, что, поражая любящую душу Златоуста, находило откликъ въ его проповѣдяхъ, дышащихъ любовью, особенно къ обиженнымъ и угнетеннымъ. Свои проповѣди, собиравшіе огромное число слушателей, св. Іоаннъ произносилъ не менѣе раза въ недѣлю, а иногда и каждый день; большею частью онъ говорилъ ихъ безъ предварительной подготовки, и настолько велика была сила его проповѣдническаго дара, что слушатели нерѣдко, по обычаю времени, прерывали поученіе рукоплесканіями. Но часто увѣщанія и обличенія проповѣдника вызывали въ нихъ слезы и стоны раскаянія. Лучшія проповѣди, сказанныя Златоустомъ въ Антіохіи, были тѣ 19, которыя онъ произнесъ послѣ низверженія недовольными новымъ налогомъ антіохійцами находившихся на улицѣ статуй императрицы Плациллы. Такое оскорбленіе величества угрожало городу полнымъ истребленіемъ; еп. Флавіанъ отправился къ императору ходатайствовать за городъ, и въ его отсутствіе смятенную паству утѣшалъ Златоустый проповѣдникъ. Въ 397 г. Іоаннъ, смиренный пресвитеръ Антіохійскій, былъ избранъ архіепископомъ Константинополя, по указанію приближеннаго къ императору вельможи Евтропія. Изъ боязни, что антіохійцы не отпустятъ любимаго священника, Іоанна Златоуста увезли изъ города обманомъ. Тяжелое бремя наложилъ на себя Іоаннъ съ саномъ архіепископа Константинопольскаго. Чуждый и незнакомый двору и вельможамъ епископъ, не устраивавшій, какъ дѣлали это его предшественники, у себя пировъ и самъ не ходившій на нихъ, возбуждалъ противъ себя недовольство многихъ. Недовольно было и духовенство столичнаго города, распущенное и непривыкшее къ должной дисциплинѣ, которой подчинилъ его Златоустъ. Большую часть денегъ, отпускаемыхъ на его содержаніе, св. Іоаннъ издерживалъ на бѣдныхъ, причемъ выстроилъ въ Константинополѣ нѣсколько больницъ и богадѣленъ. Любовь къ бѣднымъ св. Златоуста, побуждавшая его увѣщавать богатыхъ къ милостыни и ходатвйствовать за неимущихъ, возбудила въ состоятельныхъ слояхъ населенія недовольство,— св. архіепископа стали обвинять въ возбужденіи вражды въ бѣдныхъ противъ богатыхъ. Вооружилъ св. Златоустъ противъ себя и императрицу Евдоксію, которая въ обличеніи Златоустомъ роскоши и суетности константинопольскихъ женщинъ увидѣла намекъ на себя. Все это повело къ тому, что въ 403 г. составленъ былъ изъ личныхъ враговъ св. Златоуста Соборъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ «Собора подъ дубомъ», который несправедливо осудилъ Златоуста (между прочимъ и за то, что онъ «не знаетъ гостепріимства»), послѣ чего онъ былъ отправленъ въ ссылку. Но послѣдовавшее за этимъ народное возмущеніе и страшное землетрясеніе, въ которомъ Евдоксія увидѣла выраженіе гнѣва Божія за гоненіе невиннаго архіепископа, заставили императрицу вернуть

Христовой, и изъ нихъ болѣе всего Ѳеофилъ, Патріархъ Александрійскій: онъ гнѣвался на нее за то, что изгнанныхъ имъ изъ египетской пустыни честныхъ иноковъ (о нихъ подробно разсказывается въ житіи Златоуста)[1]) она приняла, когда они яви-

Златоуста. Но такъ какъ и по возвращеніи Іоаннъ не измѣнялъ своего образа жизни, обличая пороки двора и защищая бѣдныхъ, то въ 404 г. его постигла 2-я ссылка. Сначала онъ пробылъ 2 года въ Кукузѣ въ Арменіи, отсюда его отправили, было, въ новое мѣсто ссылки, но по дорогѣ онъ скончался (14 сент. 407 г.) со словами «слава Богу за все!»

Творенія св. Іоанна Златоуста еще въ IV и V вѣкахъ пріобрѣли большую извѣстность во всемъ христіанскомъ мірѣ: они хранились какъ драгоцѣнность въ царскихъ чертогахъ и писались золотыми буквами. До нашего времени многія изъ его твореній не дошли, тѣмъ не менѣе отъ него сохранилось столько твореній, сколько не осталось ни отъ одного Отца и учителя Церкви. По греческому часослову всѣхъ твореній Іоанна Златоуста, дошедшихъ до нашего времени, насчитывается до 1447 и писемъ до 244. Больше всего сохранилось отъ Іоанна Златоуста проповѣдей и церковныхъ бесѣдъ. Проповѣди св. Іоанна поражаютъ своею стройностью, глубиною мысли и разнообразіемъ содержанія. «Не говорю о другихъ,—писалъ св. Исидоръ о Златоустомъ,— самъ Ливаній, столь извѣстный по краснорѣчію, изумлялся языку знаменитаго Іоанна, изяществу его мыслей и силѣ доказательствъ». Лучшими изъ проповѣдей св. Іоанна Златоустаго справедливо считаются Бесѣды антіохійскому народу о статуяхъ, Слово о Евтропіи, Слово «за нищихъ», Слово по удаленіи изъ столицы и по возвращеніи въ столицу, похвальныя слова Апостолу Павлу. Въ своихъ проповѣдяхъ Златоустый учитель предлагалъ наставленія почти о всѣхъ частныхъ предметахъ дѣятельности христіанской. Сверхъ того, во все продолженіе своего общественнаго служенія онъ объяснялъ въ бесѣдахъ Священное Писаніе, преимущественно Новаго Завѣта. Каждая изъ объяснительной бесѣды Златоуста состоитъ изъ двухъ частей: въ одной онъ занимается объясненіемъ текстовъ Слова Божія, въ другой — предлагаетъ нравственныя наставленія. Собственно догматическихъ сочиненій у святаго Іоанна Златоустаго немного, и всѣ они дышатъ заботливостью его о нравственномъ исправленіи вѣрующихъ. Среди послѣдняго рода сочиненій должно отмѣтить книгу къ Стагирію, гдѣ рѣшается вопросъ, почему страданіе постигаетъ и праведниковъ, несмотря на существованіе Промысла Божія? Заслуживаютъ также вниманія 5 словъ о непостижимомъ, сказанныя въ обличеніе еретиковъ аномеевъ, которые стремились на основаніи собственныхъ умствованій уяснить отношеніе Бога-Отца къ Богу-Сыну и учили, что Сынъ Божій есть тварное существо и сотворенъ Отцемъ изъ ничего. Кромѣ того, замѣчательна еще книга Іоанна Златоуста о Св. Духѣ по ученію объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца. Въ сочиненіи противъ іудеевъ и язычниковъ доказывается Божественность ученія христіанскаго исполненіемъ пророчествъ и дѣйствіями христіанскаго благовѣстія на сердца людей, а въ 8 Словахъ противъ іудеевъ показывается, что обряды іудейскіе отмѣнены и потому совершать ихъ теперь значитъ поступать вопреки волѣ Божіей. Св. Іоаннъ Златоустъ славенъ еще тѣмъ, что учредилъ особый чинъ Литургіи, которая и теперь носитъ его имя. Св. Проклъ, ученикъ Златоустаго и впослѣдствіи одинъ изъ его преемниковъ по Константинопольской каѳедрѣ, такъ пишетъ объ этомъ установленіи святаго: «св. Василій (Великій), поступая съ людьми какъ съ больными, представилъ Литургію въ сокращенномъ видѣ. Спустя немного времени отецъ нашъ, златый по языку Іоаннъ, съ одной стороны, — какъ добрый пастырь ревностно заботясь о спасеніи овецъ, съ другой, — взирая на слабость человѣческой природы, рѣшился исторгнуть съ корнемъ всякій предлогъ сатанинскій. Потому онъ, опустивъ многое, учредилъ совершеніе Литургіи сокращеннѣйшее». Сокращенная Іоанномъ Литургія первоначально не имѣла всѣхъ пѣснопѣній, какія она имѣетъ теперь, но они не измѣнили существеннаго порядка Литургіи.

1) См. Житія Святыхъ, изд. Московск. Синодальн. Типограф., кн. III (мѣсяцъ Ноябрь), день тринадцатый, стр. 341—342.

лись въ Царьградъ, и кормила Христа ради. Она вообще весьма радушно давала пріютъ и покой приходившимъ въ городъ странникамъ, монахамъ и епископамъ, удѣляя имъ отъ своего имущества, и самъ Ѳеофилъ прежде часто пользовался ея гостепріимствомъ и щедростью. Впослѣдствіи же онъ враждебно относился къ ней и за вышесказанныхъ иноковъ, и за святаго Іоанна Златоустаго и старался обезславить ее несправедливыми обвиненіями, но никто не вѣрилъ его злобной лжи и клеветамъ—всѣ знали ея чистую и святую жизнь. Слава объ этой истинной рабѣ Христовой распространялась по всѣмъ церквамъ; она поступала подобно тому упоминаемому въ Евангеліи самарянину, который человѣка, израненнаго разбойниками и оставленнаго всѣми прохожими безъ вниманія, посадилъ на своего осла, привезъ въ гостинницу и приложилъ заботы къ его выздоровленію,[1]) — дѣйствительно, она давала пристанище всѣмъ, не имѣвшимъ гдѣ главу преклонить; о нищихъ и больныхъ, пораженныхъ язвами, брошенныхъ на улицахъ и всѣми оставленныхъ, она усердно заботилась и вообще непритворно и всецѣло была предана дѣлу милосердія. Сколько она истратила на добрыя дѣла—золотомъ и серебромъ, одеждой и ежедневной раздачей пищи нищимъ — и сказать невозможно. Она много помогала и великимъ святителямъ, которые пріѣзжали въ Царьградъ по своимъ дѣламъ, и всячески удовлетворяла ихъ нужды. Такъ, она пришла на помощь своимъ имуществомъ, пожертвовавъ много золота, серебра и церковныхъ украшеній святому Амфилохію, епископу Иконійскому, и Онисиму Понтійскому (а раньше и Григорію Богослову, святительствовавшему въ Царьградѣ передъ Нектаріемъ), и Петру Севастійскому, брату Василія Великаго, и Епифанію Кипрскому. Оптиму—онъ умеръ въ Царьградѣ—она закрыла глаза своими руками. Не только святымъ и добродѣтельнымъ людямъ дѣлала она добро, но и крамольникамъ и врагамъ, какъ Антіоху, епископу Птолемаидскому, Акакію Веррійскому, Северіану Гавалійскому и имъ подобнымъ. Она была незлобива и всю себя отдала Богу, потому и имѣніе свое она считала не своимъ, а Божіимъ. Ее уважалъ святый Іоаннъ Златоустъ какъ великую рабу Божію и любилъ ее духовною любовью, какъ нѣкогда святый Апостолъ Павелъ Персиду, о которой пишетъ: «цѣлꙋйте персідꙋ возлю́бленнꙋю, ꙗ҆́же

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 10, ст. 30—37.

мно́гѡ трꙋди́сѧ ѿ гдⷭ҇ѣ[1]). И Олимпіада святая сдѣлала не менѣе Персиды, много трудясь ради Господа и служа святымъ съ великою и теплою любовью.

Когда ни въ чемъ неповиннаго святаго Іоанна Златоуста несправедливо свергли съ престола, блаженная Олимпіада горько плакала объ этомъ вмѣстѣ съ другими діакониссами. Выходя въ послѣдній разъ изъ церкви, Іоаннъ Златоустъ вошелъ въ крестильню, позвалъ блаженную Олимпіаду съ діакониссами Пентадіею, Прокліею и Сальвиною, добродѣтельною вдовою, и сказалъ имъ:

— Подите сюда, дѣти мои, и послушайте меня. Что противъ меня ведется, вижу я, подходитъ къ концу. Я свое дѣло сдѣлалъ и думаю, едва ли вы еще увидите меня. Поэтому прошу васъ, не оставляйте церкви изъ-за епископа, котораго поставятъ на мое мѣсто — по принужденію ли, или общимъ совѣтомъ, но повинуйтесь ему, какъ повиновались Іоанну: церковь не можетъ быть безъ епископа. Итакъ, да будетъ съ вами милость Божія, поминайте меня вь своихъ молитвахъ!

Онѣ же, обливаясь слезами, упали ницъ передъ нимъ; и отправился святый въ путь къ мѣсту своего заточенія.

Послѣ его изгнанія загорѣлась соборная церковь; и немалая часть города выгорѣла. Поэтому всѣ сторонники святаго Іоанна, неповинные, допрашивались начальникомъ города объ этомъ пожарѣ: предполагалось, что они подожгли церковь. Тогда пострадала и святая Олимпіада, какъ будто бы и она была виновна въ томъ поджогѣ; ее приводили на судъ и сурово допрашивали (начальникъ былъ жестокъ и безсердеченъ). Хотя и не нашлось за ней никакой вины, однако онъ несправедливо присудилъ Олимпіаду уплатить большое количество золота за поджогъ, въ которомъ она не была виновна.

Послѣ этого святая покинула Царьградъ и отправилась въ Кизикъ[2]); однако враги не оставили ея въ покоѣ и тамъ; ее осудили на изгнаніе и заточили въ Никомидію[3]); узнавъ объ этомъ, святый Іоаннъ Златоустъ написалъ ей изъ своего заточенія посланіе, утѣшая ее въ ея скорби.[4]) Пробывъ долгое время въ за-

---

1) Посл. къ Рим., гл. 16, ст. 12.

2) *Кизикъ* находился на полуостровѣ Пропонтиды (Мраморнаго моря) Арктониссѣ.

3) *Никомидія* — городъ въ области Виѳиніи на берегу Мраморнаго моря, въ сѣверо-западной части Малой Азіи. Св. Олимпіада была заточена въ Никомидіи въ 405 г.

4) Отъ ев. Іоанна Златоуста дошли 17 пнеемъ къ Олимпіадѣ.

точеніи и претерпѣвъ много горя, блаженная преставилась[1]) ко Господу. Послѣ кончины, когда ея честное тѣло не было еще погребено, святая явилась во снѣ епископу Никомидійскому и сказала:

— Положи мое тѣло въ деревянный ковчегъ и брось въ море; куда выброситъ его на берегъ волнами, тамъ пусть и будетъ оно погребено.

Епископъ такъ и сдѣлалъ. Ковчегъ выбросило волнами на сушу въ мѣстности близь Царьграда, называемой Врохти, гдѣ была церковь святаго Апостола Ѳомы. Мѣстнымъ жителямъ было извѣщеніе отъ Бога о тѣлѣ святой Олимпіады; они вышли на берегъ, нашли ковчегъ и положили его въ церкви Апостола. И стали подаваться исцѣленія отъ всякихъ болѣзней. Спустя много лѣтъ напали на это мѣсто варвары, сожгли церковь, а святыя мощи, оставшіяся невредимыми отъ огня, хотя ковчегъ и сгорѣлъ, бросили въ море. И сдѣлалась вода кровавою въ томъ мѣстѣ, куда были брошены мощи: такъ Богъ возвѣщалъ о страданіи рабы Своей. Но чудотворныя мощи опять были взяты вѣрными изъ моря. Узнавъ объ этомъ, Патріархъ Цареградскій Сергій[2]) послалъ пресвитера Іоанна, приказавъ принести ихъ съ честію въ Царьградъ. Когда пресвитеръ прибылъ на то мѣсто и поднялъ святыя мощи, множество крови вытекло изъ нихъ: и весьма дивились всѣ, какъ черезъ двѣсти лѣтъ течетъ кровь изъ сухихъ костей, словно изъ живого тѣла. Такъ перенесены были эти святыя и чудотворныя мощи въ царствующій городъ и положены въ дѣвичьемъ монастырѣ, который основала святая Олимпіада. И много было чудесъ отъ святыхъ ея мощей: исцѣлялись всякія болѣзни и изгонялись бѣсы молитвами святой Олимпіады и благодатіею Господа нашего Іисуса Христа, Ему же со Отцемъ и Святымъ Духомъ честь и слава, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

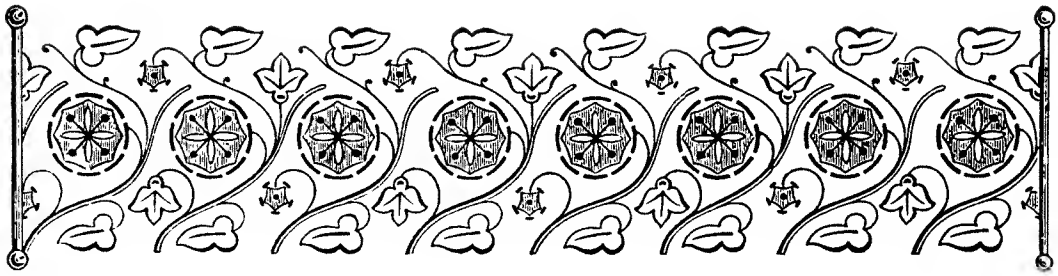
Въ тотъ же день **успеніе праведной Анны**, матери **Пресвятой Богородицы.** (Житіе ея, вмѣстѣ съ прав. Іоакимомъ, см. 9-го сентября).

Въ тотъ же день **преставленіе преподобнаго Макарія Желтоводскаго** въ 1444 г.

---

[1]) Около 409 г. 25 Іюля.

[2]) *Сергій*—первый патріархъ этого имени въ Константинополѣ, въ 610—638 гг.



День двадцать шестой

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

МОИСЕЯ УГРИНА

Болѣе всего обыкъ нечестивый врагъ воздвигать брань на людей нечистою блудною страстію, потому человѣкъ, омраченный этою нечистою скверною, перестаетъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ взирать на Бога, такъ какъ только чистіи сердцемъ бга оузрѧтъ[1]). Блаженный отецъ нашъ Моисей, совершая подвиги въ этой брани больше иныхъ, злопострадалъ, какъ настоящій воинъ Христовъ, пока до конца не побѣдилъ силу нечистаго врага и не оставилъ намъ примѣра для подражанія. О немъ сообщается слѣдующее.

Извѣстно о блаженномъ Моисеѣ, что онъ былъ родомъ угринъ[2]), любимецъ благовѣрнаго, святаго князя и русскаго страстотерпца Бориса[3]). Онъ служилъ князю вмѣстѣ съ братомъ своимъ Георгіемъ, котораго, когда онъ, защищая своимъ тѣломъ своего господина, упалъ на него, убили при рѣкѣ Альтѣ[4]) вмѣстѣ съ святымъ Борисомъ[5]) воины безбожнаго Святополка; они отрѣзали ему и

---

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. 5, ст. 8.

2) Т. е. изъ Венгріи. Названіе угры-венгры могло явиться въ русскомъ языкѣ приблизительно, въ началѣ IX в., когда русскіе Славяне впервые встрѣтились съ Мадьярами; очевидно, тогда въ русскомъ языкѣ еще существовалъ носовой звукъ и слово произносилось ѫгре; отсюда объясняется и нынѣшнее венгръ.

3) Память его 2-го мая и 24-го іюля.

4) *Альта*—притокъ Трубежа, впадающаго въ Днѣпръ ниже Кіева съ лѣвой, московской стороны.

5) Въ 1015 году.

голову изъ-за золотой гривны[1]), которую возложилъ на него святый Борисъ.

Блаженный Моисей одинъ избавился отъ смерти и пришелъ къ Предиславѣ, сестрѣ Ярослава, въ Кіевъ и пребывалъ тамъ, укрываясь отъ Святополка, и усердно молился Богу, пока не прибылъ благочестивый князь Ярославъ, побуждаемый жалостію къ убіеннымъ братьямъ, и побѣдилъ безбожнаго Святополка[2]). Когда же Святополкъ, убѣжавъ къ ляхамъ[3]), вернулся съ Болеславомъ и изгналъ Ярослава, а самъ сталъ княжить въ Кіевѣ[4]), тогда Болеславъ, возвращаясь въ свое княжество, взялъ съ собою въ плѣнъ двухъ сестеръ Ярослава и многихъ его бояръ, а въ числѣ послѣднихъ и блаженнаго Моисея, котораго заковали по рукамъ и по ногамъ въ тяжелыя желѣзныя оковы и крѣпко стерегли, ибо онъ выдѣлялся сильнымъ сложеніемъ и красивымъ лицомъ.

Въ Ляшской землѣ увидала его одна женщина, благородная, красивая и молодая, имѣвшая большое богатство и великую власть; мужъ ея, пошедши съ Болеславомъ, не вернулся, потому что былъ убитъ въ сраженіи. Эта женщина, замѣтивъ красоту преподобнаго, возгорѣлась къ нему плотской похотью и начала обольщать его, убѣждая такими словами:

— О человѣкъ! Зачѣмъ ты переносишь такія мученія, имѣя выходъ, благодаря которому могъ бы ты избавиться оковъ и страданія?!

— Богу такъ угодно,—отвѣтствовалъ ей Моисей.

— Если ты мнѣ покоришься,—продолжала женщина,—я избавлю тебя и сдѣлаю извѣстнымъ во всей землѣ Ляховъ, и будешь обладать мною и всѣми моими владѣніями.

Блаженный же, понимая ея нечистое вожделѣніе, возразилъ ей:

— Кто изъ мужей, послушавшись жены, измѣнилъ къ лучшему когда-нибудь свое положеніе? Первозданный Адамъ, послушавшись жены, былъ изгнанъ изъ рая. Самсонъ, превосходившій всѣхъ силою и побѣдившій цѣлое войско, женщиною былъ преданъ иноплеменникамъ. Соломонъ, постигшій глубину премудрости, по-

---

[1]) *Гривна* (отъ санскритск. griva—шея), собственно ожерелье, цѣпочка, обыкновенно золотая, носившаяся на шеѣ въ качествѣ украшенія. Впослѣдствіи наименованіе гривны стало усвояться слитку золота опредѣленной величины (отъ 72 до 96 золотниковъ), обращавшемуся въ качествѣ монеты.

[2]) Въ 1017 году.

[3]) Т. е. въ Польшу.

[4]) Съ 1018 года.

винуясь женщинѣ, поклонился идоламъ. Иродъ, одержавшій много побѣдъ, угождая женѣ, отсѣкъ голову Іоанну Предтечѣ. Итакъ, какимъ образомъ я стану свободнымъ, сдѣлавшись рабомъ женщины, которую я не позналъ со дня рожденія?[1])

— Я тебя выкуплю, — говорила она,—сдѣлаю знаменитымъ, поставлю господиномъ надъ всѣмъ моимъ домомъ и желаю имѣть тебя своимъ мужемъ, только ты исполни мою волю; ибо нѣтъ силъ видѣть твою красоту, безсмысленно погибающею.

— Будь увѣрена,—обратился къ ней блаженный Моисей,— что я не исполню твоей воли и не желаю ни господства надъ тобою, ни богатства; выше всего этого для меня душевная и тѣлесная чистота. Да не погублю пятилѣтняго подвига, то есть мучительныхъ узъ, которыя Господь опредѣлилъ мнѣ незаслуженно терпѣть, за что надѣюсь избавиться мукъ вѣчныхъ.

Тогда женщина та, видя, что можетъ лишиться такой красоты, перешла къ другому діавольскому рѣшенію, размысливъ, что, если выкупитъ его, то онъ всячески, хотя бы насильно, покорится ей. И такъ она послала къ тому владѣльцу, у коего святый былъ въ плѣну, чтобы онъ взялъ съ нея, сколько хочетъ, только пусть продастъ ей Моисея. А тотъ, видя удобный случай пріобрѣсти богатство, взялъ съ нея почти 1000 золотыхъ, а Моисея передалъ ей. Жена та, получивъ власть надъ нимъ, безъ взякаго стыда влекла его на неподобное дѣло. Освободивъ отъ оковъ, она одѣла его въ дорогое платье, кормила изысканными кушаньями, и, похотливо обнимая его, понуждала къ соитію. Блаженный же Моисей, видя неистовство женщины, еще болѣе прилежалъ молитвѣ и посту, предпочитая изъ угожденія Богу сухой хлѣбъ и воду, но съ чистотою, дорогимъ яствамъ и вину, но со скверною. И тотчасъ же, совлекши съ себя красивыя одежды, онъ, подобно Іосифу, избѣжалъ грѣха[2]), ни во что поставивъ удовольствія міра сего. Посрамленная женщина пришла въ такую ярость, что замыслила уморить блаженнаго голодомъ, ввергнувъ его въ темницу. Богъ же, дающій пищу всякому созданію, Который нѣкогда питалъ Илію въ пустынѣ[3]), также Павла Ѳивейскаго[4]) и многихъ иныхъ рабовъ Своихъ, уповающихъ на Него, не оставилъ и сего бла-

---

[1]) Т. е. со дня рожденія соблюлъ нерушимымъ свое дѣвство.

[2]) Кн. Быт., гл. 39.

[3]) 3 Кн. Царств., гл. 17.

[4]) Память его — 15 января.

женнаго; въ самомъ дѣлѣ, одинъ изъ рабовъ той же женщины, склоненный Богомъ къ милости, тайно приносилъ Моисею пищу. А другіе уговаривали его:

— Братъ Моисей, что мѣшаетъ тебѣ жениться? Ты еще молодъ, а эта вдова жила съ мужемъ всего одинъ годъ и красивѣе другихъ женщинъ; богатству ея нѣтъ числа. Значеніе ея въ этой землѣ Ляховъ очень велико, такъ что если бы она захотѣла, то и князь бы не погнушался ею, а ты, плѣнникъ и рабъ, не хочешь сдѣлаться ея господиномъ?! Если ты скажешь, что не хочешь нарушить заповѣди Христовой, то не говоритъ ли Христосъ въ Евангеліи: **сегѡ̀ ра́ди ѡ҆ста́витъ человѣ́къ ѻ҆тца̀ своего̀ и҆ ма́терь: и҆ прилѣпи́тсѧ къ женѣ̀ свое́й и҆ бꙋ́дета ѻ҆́ба въ пло́ть є҆ди́нꙋ**[1]). Также и Апостолъ: **лꙋ́чше є҆́сть жени́тисѧ, не́жели разжиза́тисѧ**[2]). Онъ же говоритъ и о вдовицахъ: **хощꙋ̀ ю҆́нымъ вдови́цамъ посѧга́ти**[3]). Ты же не давалъ монашескаго обѣта, но свободенъ отъ него. Зачѣмъ же предаешься мученіямъ злымъ и тяжелымъ и такъ страдаешь? Если тебѣ приключится и смерть въ такомъ бѣдственномъ состояніи, какую получишь похвалу? Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ первыхъ праведниковъ, какъ Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, гнушался женъ? Никто, кромѣ теперешнихъ черноризцевъ. Іосифъ рабъ убѣжалъ отъ жены, но послѣ и онъ взялъ себѣ жену[4]). Да и ты, если живой уйдешь отъ сей жены, послѣ (какъ думаемъ) также самъ себѣ отыщешь жену. И кто не посмѣется надъ твоимъ неразуміемъ? Лучше тебѣ покориться женѣ этой, сдѣлаться свободнымъ и господиномъ надъ всѣмъ домомъ ея.

Прп҃бный
Моѵсе́й

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. **19**, ст. 5.

[2]) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. **7**, ст. 9.

[3]) 1 Посл. къ Тимоѳ., гл. **5**, ст. 14.

[4]) Кн. Быт., гл. **41**, ст. 45.

Блаженный же Моисей отвѣчалъ имъ:

— Истинно, братіе и добрые друзья мои, вы хорошо мнѣ совѣтуете. Понимаю такъ, что предлагаете мнѣ слова, злѣйшія изъ нашептанныхъ зміемъ Евѣ въ раю: вы понуждаете меня покориться этой женѣ, но ни въ какомъ случаѣ я не приму вашего совѣта. Если мнѣ случится и умереть въ этихъ оковахъ и тяжкихъ мукахъ, то я ожидаю за это отъ Бога многообразной милости, и если много праведниковъ спаслось съ женами, я, грѣшный, одинъ не могу спастись съ женою. Да, если бы и Іосифъ повиновался вначалѣ женѣ Потифара, то послѣ, когда взялъ себѣ жену, не царствовалъ бы въ Египтѣ. Видѣвъ же его прежнее терпѣніе, Богъ даровалъ ему Египетское царство; поэтому онъ былъ прославляемъ въ роды родовъ какъ цѣломудренный, хотя и прижилъ дѣтей. А я не желаю Египетскаго царства и еще менѣе господствовать и быть высокостоящимъ въ землѣ Ляховъ и пользоваться честію далеко во всей Русской землѣ, но все это презрѣлъ ради Небеснаго Царства. Поэтому-то, если я выйду живымъ изъ рукъ этой женщины, то никакой другой жены искать не буду, но (если Богу угодно будетъ) сдѣлаюсь черноризцемъ. Что сказалъ Христосъ въ Евангеліи: **всѧ́къ, и҆́же ѡ҆ста́витъ до́мъ, и҆ли̑ бра́тїю, и҆ли̑ сестры̑, и҆ли̑ ѻ҆тца̑, и҆ли̑ ма́терь, и҆ли̑ жену̑, и҆ли̑ ча̑да, и҆ли̑ се́ла, и҆́мене моегѡ̀ ра́ди, сторѝцею прїи́метъ и҆ живо́тъ вѣ́чный наслѣ́дитъ**[1]. Христа ли больше послушать, или васъ? Апостолъ еще говоритъ: **не ѡ҆жени́выйсѧ пече́тсѧ ѡ҆ гдⷭ҇нихъ, ка́кѡ ᲂу҆годи́ти гдⷭ҇ви, а҆ ѡ҆жени́выйсѧ пече́тсѧ ѡ҆ мі́рски́хъ, ка́кѡ ᲂу҆годи́ти женѣ̀**[2]. Итакъ, спрашиваю васъ: для кого надобно больше работать — для Господа или для жены? Знаю также, что Апостолъ пишетъ и слѣдующее: **раби̑, послꙋ́шайте госпо́дїй свои́хъ**[3], но во благо, а не на зло. Итакъ, вамъ, держащимъ меня, пусть будетъ извѣстно, что никогда не прельститъ меня женская красота, ни тѣмъ болѣе удалитъ меня отъ любви ко Христу.

Услыхавъ это, жена та приняла другое хитрое намѣреніе въ своемъ сердцѣ. Она приказала посадить блаженнаго на лошадь и въ сопровожденіи многихъ слугъ водить по своимъ городамъ и селамъ, прибавляя:

— Все это — твое, если тебѣ нравится; поступай со всѣмъ, какъ хочешь.

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. **19**, ст. 29.

[2]) 1 Посл. къ Кор., гл. **7**, ст. 32 и 33.

[3]) Посл. къ Ефес., гл. **6**, ст. 5.

Говорила же она и сама людямъ:

— Это вашъ господинъ, а мой мужъ; всякій, кто встрѣтится ему, пусть кланяется.

Онъ посмѣялся надъ несмысліемъ жены той и сказалъ ей:

— Напрасно трудишься! Вѣдь ты не можешь ни прельстить меня тлѣнными предметами сего міра, ни лишить меня моего нетлѣннаго богатства; пойми это и не трудись напрасно.

Тогда женщина въ ярости отвѣтила ему:

— Не знаешь развѣ, что ты проданъ мнѣ, и кто можетъ освободить тебя изъ моихъ рукъ? Ни за что не выпущу тебя живымъ, но послѣ многихъ мученій предамъ тебя смерти.

Блаженный же смѣло сказалъ ей:

— Не побоюсь никакой муки, потому что Господь со мною; Ему съ этой минуты (по Его изволенію) желаю служить въ иноческой жизни.

И въ то время, руководимый Богомъ, пришелъ къ блаженному Моисею одинъ черноризецъ изъ Святой Горы, по сану іерей, и постригъ его во святый ангельскій иноческій образъ. Онъ много училъ его (Моисея) чистотѣ духовной, чтобы не предавать своихъ плечъ врагу и не бояться той нечистой жены, и съ тѣмъ ушелъ. Искали этого черноризца повсюду и не нашли. Тогда госпожа, отчаявшись въ своихъ упованіяхъ, подвергла тяжкимъ побоямъ преподобнаго инока Моисея: приказала, распростерши, бить его палками, такъ что земля пропиталась кровью. Подвергавшіе Моисея побоямъ убѣждали его:

— Покорись своей госпожѣ, исполни ея волю; если ослушаешься, то на части раздробимъ твое тѣло; не думай, что избѣгнешь этихъ мукъ, но, послѣ многихъ истязаній, еще въ горшихъ предашь духъ свой; сжалься надъ самимъ собою; отбрось эти монашескія рубища и облекись въ дорогія боярскія одежды — и избавишься угрожающихъ тебѣ пытокъ.

Мужественный Моисей отвѣчалъ на это:

— Братья! Дѣлайте, что вамъ приказано, безъ всякаго замедленія: я же ни въ какомъ случаѣ не могу отречься отъ монашества и любви къ Богу, и никакое истязаніе ни огнемъ, ни мечомъ, ни нанесеніемъ ранъ не можетъ заставить меня отказаться отъ Бога и отъ великаго ангельскаго образа. А этой, потерявшей стыдъ и съ помраченнымъ разумомъ, женщинѣ, всячески презрѣвшей не только страхъ передъ Богомъ, но и стыдъ передъ

людьми, безстыдно принуждающей меня къ оскверненію тѣла и прелюбодѣянію,—никогда не покорюсь и не исполню ея окаяннаго приказанія.

Много сокрушалась эта женщина о томъ, какъ бы отомстить за свое посрамленіе, наконецъ написала Болеславу слѣдующее посланіе:

«Самъ знаешь, что мужъ мой былъ убитъ на войнѣ, веденной тобою, а ты разрѣшилъ мнѣ взять себѣ въ мужья, кого только захочу. Я полюбила одного изъ твоихъ плѣнниковъ, юношу красиваго, и, выкупивъ, привела его въ свой домъ, заплативъ за него много золота, и все золото и серебро въ моемъ домѣ и всю власть отдала ему, только бы онъ захотѣлъ стать моимъ мужемъ. Онъ же все это поставилъ ни во что. Много разъ голодомъ и побоями истязала я его, но совершенно ничего не достигла. Мало ему того, что пять лѣтъ былъ въ оковахъ у прежняго владѣльца, теперь вотъ шестой годъ пробылъ у меня и много былъ мученъ мною за его непослушаніе: все это онъ самъ навлекъ на себя своимъ жестокосердіемъ; теперь же онъ и постриженъ нѣкимъ черноризцемъ: итакъ, что ты прикажешь сдѣлать мнѣ съ нимъ?»

Болеславъ приказалъ женщинѣ той пріѣхать къ себѣ и привести Моисея. Это было исполнено согласно его повелѣнію. Увидѣвъ преподобнаго, онъ долго принуждалъ его взять ее въ жены, но не убѣдилъ. Напослѣдокъ же сказалъ ему:

— Найдется ли другой, столь безчувственный человѣкъ, какъ ты,—ты лишаешься многихъ благъ и чести и предаешься тяжелымъ мукамъ?! Отъ сего дня знай, что жизнь и смерть твоя въ твоихъ рукахъ: или, исполнивъ волю твоей госпожи, будешь почтенъ отъ насъ и будешь имѣть великую власть, или, въ случаѣ ослушанія, примешь лютую смерть послѣ многихъ мукъ.

Князь обратился также и къ женѣ съ такими словами:

— Пусть не будетъ купленный тобою плѣнникъ свободенъ ни въ какомъ случаѣ, но, какъ госпожа, поступи съ твоимъ рабомъ по своему желанію; чтобы и другіе не осмѣливались ослушаться своихъ господъ.

Преподобный же отецъ нашъ Моисей отвѣчалъ ему на это:

— **Ка́ѧ по́льза человѣ́кꙋ**, (говоритъ Господь), **а҆́ще мі́ръ ве́сь прїобрѧ́щетъ, дꙋ́шꙋ же свою̀ ѿщети́тъ; и҆лѝ что̀ да́стъ человѣ́къ и҆змѣ́нꙋ за дꙋ́шꙋ свою̀**[1])? А ты—какъ обѣщаешь мнѣ почетъ и

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 16, ст. 26.

славу, которыхъ скоро и самъ лишишься, и гробъ тебя приметъ уже ничего не имѣющаго? Точно такъ же и эта нечистая жена жестоко будетъ убита.

Сщ҃енномч҃нкъ
Єрмолай

Все это и сбылось по предсказанію преподобнаго. Но прежде этого жена та, получивъ надъ нимъ окончательную власть, еще болѣе безстыднымъ образомъ привлекала его ко грѣху: такъ, она приказала насильно положить Моисея на свою постель, гдѣ лобызала и обнимала его; но не могла и этимъ привлечь его къ тому, чтобы онъ исполнилъ ея желаніе. Ибо преподобный говорилъ ей:

— Напрасенъ трудъ твой, женщина: не думай, что я не творю этого грѣха, какъ нѣкій безумецъ, или потому, что не могу, я только ради страха Божія гнушаюсь тебя, нечистой.

Услышавъ это, женщина приказала давать ему ежедневно по сту ранъ; напослѣдокъ она приказала оскопить его. Преподобный Моисей лежалъ, какъ мертвый, отъ потери крови едва сохраняя слабые признаки жизни. Болеславъ, не препятствуя этому, поднялъ къ тому же великое гоненіе на монаховъ и всѣхъ ихъ изгналъ изъ своей области, желая угодить госпожѣ Моисея—какъ женщинѣ знатной и любимой имъ. Богъ же вскорѣ послалъ отмщеніе за Своихъ рабовъ. Ибо въ одну ночь Болеславъ внезапно скончался[1]), и поднялся великій мятежъ во всей Ляшской землѣ. Потому что, возставши, люди избили епископовъ и бояръ своихъ, въ числѣ которыхъ убита была и та, потерявшая стыдъ, женщина.

Объ этомъ гнѣвѣ Божіемъ, случившемся по изгнаніи за постриженіе преподобнаго Моисея монаховъ, напоминала, много лѣтъ спустя, Великому Князю кіевскому Изяславу княгиня его, по про-

---

[1]) 3 апрѣля 1025 года.

исхожденію ляхиня, дочь Болеслава, съ увѣщаніемъ прося его, чтобы не удалялъ изъ области своей преподобнаго Антонія и его братію за постриженіе блаженнаго Варлаама и евнуха Ефрема[1]). Но будемъ говорить о настоящемъ. Преподобный отецъ нашъ Моисей, получивъ малое облегченіе, пришелъ въ пещеру къ преподобному Антонію, имѣя на себѣ знаки мученичества, какъ храбрый воинъ Христовъ: и жилъ богоугодно, подвизаясь въ молитвѣ, постѣ, бодрствованіи и во всѣхъ иноческихъ добродѣтеляхъ, коими и побѣдилъ всѣ козни нечистаго врага до конца.

За премногія побѣды надъ нечистыми блудными страстями, возстававшими на сего преподобнаго, Господь даровалъ ему силу побѣждать тѣ же страсти, возстающія и на другихъ.—Такъ, одинъ изъ братіи, будучи побораемъ страстію блудною, придя, молилъ сего преподобнаго, чтобы онъ помогъ ему:

— А я,—сказалъ,—если что мнѣ повелишь, обѣщаюсь хранить до самой смерти.

Преподобный повелѣлъ ему:

— Никогда во всю твою жизнь не говори ни одного слова женщинѣ.

Тотъ далъ обѣщаніе отъ всего сердца. Тогда святый, подражая первому Моисею, творившему жезломъ чудеса, прикоснулся жезломъ своимъ къ лону братняго тѣла, такъ какъ безъ жезла, вслѣдствіе болей отъ прежде принятыхъ ранъ, не могъ ходить самъ по себѣ; и тотчасъ умерли (потеряли силу) всѣ нечистыя страсти того брата, и съ той поры не было больше ему соблазна.

Такъ живя, провелъ сей добрый воинъ Христовъ, въ страданіи и своемъ богоугодномъ подвигѣ, шестнадцать лѣтъ: неповинно былъ мучимъ пять лѣтъ въ оковахъ у взявшаго его въ плѣнъ, показывая, какъ Іовъ, благодарственное къ Богу терпѣніе; шестой годъ мужественно пострадалъ болѣе, чѣмъ Іосифъ, за цѣломудріе; потомъ десятилѣтнимъ равноангельскимъ, переданнымъ отъ Святой Аѳонской Горы, безмолвіемъ въ пещерѣ просіялъ прежде другихъ, какъ тотъ первый Моисей «десяточисленнымъ» Закономъ, по ангельскому устроенію, переданнымъ ему отъ святой Синайской горы. Затѣмъ и нашъ преподобный Моисей сподобился поистинѣ быть Боговидцемъ: онъ оказался достойнымъ блаженства чистыхъ сердцемъ, и чтобы видѣть Бога лицемъ къ лицу, переселился мѣсяца

---

[1]) См. житіе преп. Антонія Печерскаго подъ 10 числомъ настоящаго мѣсяца.

іюля, двадцать шестаго дня[1]), когда еще былъ живъ преподобный Антоній, въ пещерѣ котораго и донынѣ почиваютъ нетлѣнно чудотворныя мощи сего святаго мужа, не растлившаго чистоты.

Своими мощами святый Моисей побѣждаетъ и по смерти нечистыя страсти, какъ увѣдалъ святый Многострадальный Іоаннъ[2]). Ибо онъ, укрывшись въ пещерѣ и врывъ себя до раменъ противъ мощей преподобнаго Моисея, долго страдалъ, побѣждая въ себѣ тѣлесную страсть, и напослѣдокъ услышалъ гласъ Господень:

— Да помолится мощам, находящимся противъ него, сему преподобному Моисею Угрину!

Когда Многострадальный исполнилъ это, немедленно былъ избавленъ отъ нечистыя брани. Также и другого брата, страдавшаго отъ той же мерзости, избавилъ тотъ же святый Іоаннъ, когда одну кость отъ мощей преподобнаго Моисея далъ одержимому страстью, чтобы онъ приложилъ къ своему тѣлу, какъ о томъ разсказано въ житіи преподобнаго Іоанна Многострадальнаго. И намъ, избавившимся отъ всякой нечистоты, да будетъ преподобный Моисей вождемъ, направляющимъ по пути спасенія молитвами своими; да поклонимся съ нимъ въ Троицѣ поклоняемому Богу, Ему же слава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА

ЕРМОЛАЯ

Честный пресвитеръ Ермолай и его сострадальцы—священномученики Ерминпъ и Ермократъ были іереями святой Никомидійской Церкви; они являли собою остатокъ отъ тѣхъ 20 000 мучениковъ, сожженныхъ Максиміаномъ въ церкви, память которыхъ совершается 28 декабря. Эти три служителя Господни скрывались изъ боязни язычниковъ въ различныхъ мѣстахъ, но при этомъ, гдѣ только представлялся удобный случай, они поучали язычниковъ святой вѣрѣ и обращали ко Христу. Такъ святый Ермолай, увидѣвъ Пантелеимона врача, послѣ богодухновенной бе-

---

[1]) Въ 1043 году.

[2]) Память его — 18 іюля.

сѣды обратилъ его въ христіанство. Когда же Пантелеимонъ взятъ былъ на мученія нечестивымъ царемъ Максиміаномъ и былъ спрошенъ, отъ кого научился христіанской вѣрѣ, то святый, не будучи въ состояніи солгать, открылъ имъ святаго христіанскаго пресвитера Ермолая. И тотчасъ взяты были святый Ермолай и сослужители его рабы Христовы Ермиппъ и Ермократъ и приведены на нечестивое судилище. На допросѣ они мужественно исповѣдали Христа Бога Истиннаго, похулили скверныхъ идоловъ и ихъ поклонниковъ; за это, приговоренные мучителями къ смертной казни, они скончали жизнь мечнымъ посѣченіемъ. Болѣе подробно о ихъ страданіяхъ сообщается въ житіи святаго великомученика Пантелеимона подъ 27 числомъ.

Конда́къ, гла́съ д҃:

Ꙗ҆́кѡ ст҃и́тель бл҃гоче́стнѡ пожи́въ, и҆ сщ҃енномꙋче́нїѧ вѣне́цъ прїѧ́лъ є҆сѝ: і҆дѡльскїѧ же́ртвы погаси́въ, до́брый па́стырь хрⷭ҇то́ва ста́да бы́лъ є҆сѝ, премꙋ́дре, и҆ пантелеи́монꙋ и҆́стинный оу҆чи́тель. сегѡ̀ ра́ди почита́емъ тѧ̀ пѣ́сньми вопїю́ще: ѿ бѣ́дъ и҆зба́ви на́съ при́снѡ мл҃твами твои́ми, є҆рмола́е ѻ҆́тче на́шъ.

СТРАДАНІЕ СВЯТОЙ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦЫ

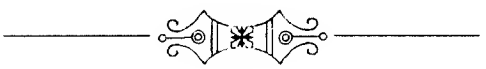
ПАРАСКЕВЫ

Святая преподобномученица Параскева жила въ царствованіе императора Антонина[1]) въ окрестностяхъ древняго города Рима. Она была единственною дочерью у родителей и упражнялась въ изученіи Священныхъ Писаній. Когда родители ея скончались, она раздала имущество свое бѣднымъ, приняла иночество и, подражая святымъ Апостоламъ, стала ходить, проповѣдуя о Христѣ, при чемъ многихъ язычниковъ обратила къ истинной вѣрѣ. Посему іудеи оклеветали ее предъ императоромъ, который повелѣлъ привести ее къ себѣ и, послѣ того, какъ она, несмотря ни на убѣжденія, ни на угрозы, не пожелала отречься отъ

---

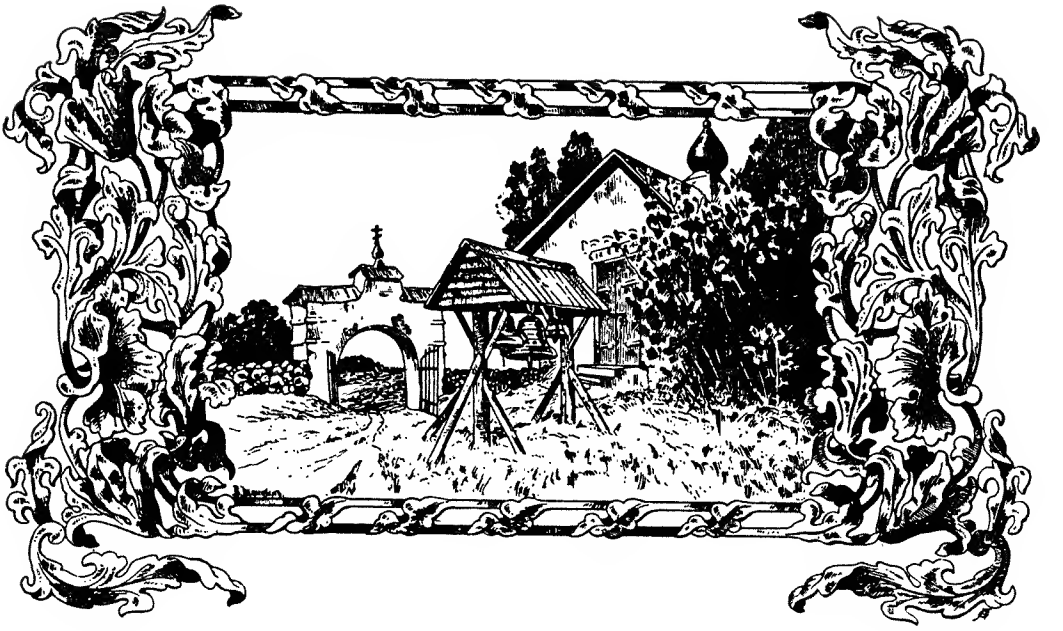
[1]) Римскій императоръ *Антонинъ Пій* царствовалъ съ 138 до 161 года.

Христа, приказалъ сперва одѣть ей на голову раскаленный шлемъ, а затѣмъ бросить ее въ мѣдный котелъ, наполненный сильно вскипятившимся масломъ и смолою, но святая чудеснымъ образомъ осталась отъ всего этого невредимою и, сотворивши чудо[1]), обратила къ вѣрѣ во Христа императора Антонина и бывшихъ при немъ. Отпущенная послѣ сего изъ Рима на свободу, святая Параскева отправилась въ другіе города и вездѣ проповѣдовала о Христѣ. Пришедши въ одинъ городъ, въ которомъ царствовалъ нѣкто Асклипій, она приведена была къ нему. Убѣдившись въ томъ, что она не измѣнитъ своихъ мыслей, царь приказалъ отвести ее за городъ къ обитавшему въ пещерѣ и наводившему на всѣхъ ужасъ змѣю, чтобы онъ растерзалъ ее, но она сотворила надъ змѣемъ крестное знаменіе, и онъ отъ этого распался надвое. Послѣ этого Асклипій и бывшіе при немъ увѣровали во Христа. Отпущенная снова, святая стала ходить по всѣмъ городамъ и странамъ и проповѣдовать Христову вѣру. Пришедши въ городъ, въ которомъ царствовалъ другой царь, по имени Тарасій, она приведена была на судъ къ нему и стала проповѣдовать о Христѣ. Тогда онъ подвергъ ее многочисленнымъ и жестокимъ мученіямъ, но такъ какъ не могъ этимъ заставить ее отречься отъ Христа, то повелѣлъ отсѣчь ей мечомъ честную главу[2]).



[1]) Въ синаксарѣ Никодима, гдѣ сказаніе о преподобномученицѣ Параскевѣ изложено подробно, объ этомъ чудѣ говорится такъ. Ввергенная въ котелъ съ кипящимъ масломъ и смолою и оставаясь невредимою, святая бросила раскаленной жидкости въ глаза любопытствовавшему императору Антонину и ослѣпила его, а потомъ, по просьбѣ его, возвратила ему потерянное зрѣніе.

[2]) Годъ кончины святой мученицы Параскевы неизвѣстенъ. Мощи ея паломникъ Антоній въ 1200 году видѣлъ въ Константинополѣ, а церковь ея существуетъ тамъ и донынѣ. Она находится на лѣвой сторонѣ Золотого Рога въ мѣстности Хасъ-Кіой.



День двадцать седьмой

СТРАДАНІЕ
СВЯТАГО ВЕЛИКОМУЧЕНИКА
ПАНТЕЛЕИМОНА

Когда царствовалъ нечестивый Максиміанъ[1]), жестокій мучитель христіанъ, и когда почти вся вселенная была покрыта тьмою идолопоклонническаго нечестія и повсюду на вѣрующихъ во Христа воздвигнуто было великое гоненіе и мученически скончалось много исповѣдниковъ Пресвятаго Имени Іисуса Христа, тогда пострадалъ за Христа въ Виѳинской странѣ[2]) въ городѣ Никомидіи[3]) и святый великомученикъ Пантелеимонъ.

Этотъ преславный среди мучениковъ страстотерпецъ Христовъ родился въ томъ же городѣ Никомидіи отъ знатнаго и богатаго отца, по имени Евсторгія и отъ матери Еввулы. Отецъ его

---

1) 305—311 гг.

2) См. стр. 326, примѣч. 2-ое.

3) *Никомидія*—великолѣпный въ древности городъ на берегу Пропонтиды, или Мраморнаго моря.

по своей вѣрѣ былъ язычникъ, горячо прилежавшій къ идолопоклонству; мать—христіанка, отъ прародителей своихъ наученная святой вѣрѣ и усердно служившая Христу. Итакъ, соединенные тѣлесно были раздѣлены духовно: онъ приносилъ жертвы лживымъ богамъ, она приносила «жертву хвалы» Истинному Богу. Родившагося же у нихъ отрока, о которомъ наше слово, назвали Пантолеономъ, что значитъ: во всемъ левъ, ибо предполагалось, что мужествомъ онъ будетъ подобенъ льву. Но, впослѣдствіи, отрокъ былъ переименованъ Пантелеимономъ, то есть всемилостивымъ, потому что всѣмъ оказывалъ милосердіе, когда безъ платы лѣчилъ больныхъ или подавалъ милостыню нищимъ, щедрою рукою раздавая нуждающимся отцовское богатство.

Съ ранняго дѣтства мать воспитывала отрока въ христіанскомъ благочестіи, научая познанію единаго Истиннаго Бога, живущаго на Небесахъ, Господа нашего Іисуса Христа, чтобы онъ вѣровалъ въ Него и угождалъ Ему добрыми дѣлами, отвращаясь языческаго многобожія. Отрокъ внималъ наставленіямъ матери и усваивалъ ихъ, насколько возможно было по его отроческимъ лѣтамъ. Но, какая утрата и лишеніе! Добрая его мать и руководительница въ молодыхъ лѣтахъ отошла ко Господу, оставивъ отрока еще не пришедшимъ въ совершенный разумъ и возрастъ. Послѣ ея смерти отрокъ легко пошелъ по слѣдамъ отцовскаго заблужденія; отецъ часто приводилъ его на поклоненіе къ идоламъ, утверждая въ языческомъ нечестіи.

Затѣмъ отрокъ былъ отданъ въ грамматическую школу, а когда онъ съ успѣхомъ прошелъ курсъ всего внѣшняго языческаго любомудрія, отецъ отдалъ его одному славному врачу Евфросину въ медицинскую школу, дабы онъ получилъ навыкъ въ врачебномъ искусствѣ. Отрокъ, будучи воспріимчиваго ума, легко усваивалъ то, чему его учили, и вскорѣ, превзошедши своихъ сверстниковъ, мало чѣмъ не сравнялся и съ самимъ учителемъ: къ тому же онъ отличался поведеніемъ, краснорѣчіемъ, красотою и на всѣхъ производилъ пріятное впечатлѣніе. Былъ онъ извѣстенъ и самому царю Максиміану, ибо Максиміанъ жилъ въ то время въ Никомидіи; предавая христіанъ мученію, онъ сжегъ ихъ 20 000 въ церкви[1]), въ день Рождества Христова умертвилъ епископа Анѳима[2]) и многихъ, послѣ различныхъ мученій, предалъ различнаго рода

[1]) Память ихъ — 28 декабря.

[2]) Память его — 3 сентября.

смерти. Врачъ Евфросинъ часто приходилъ съ лѣкарствами въ царскія палаты мучителя или къ нему самому, или къ его придворнымъ, потому что врачъ этотъ давалъ средства отъ болѣзней всему царскому двору. Когда Евфросинъ приходилъ къ царю во дворецъ, его сопровождалъ и отрокъ Пантолеонъ, слѣдовавшій за своимъ учителемъ, и всѣ удивлялись красотѣ и доброму разуму отрока. И царь, увидѣвъ его, спросилъ:

— Откуда онъ и чей сынъ?

Получивъ отвѣтъ, царь приказалъ учителю скорѣе и какъ можно лучше научить отрока всему врачебному искусству, выразивъ желаніе имѣть его при себѣ всегда — какъ достойнаго предстоять предъ царемъ и служить ему. Въ то время юноша приходилъ уже въ совершенный возрастъ.

Въ тѣ дни былъ въ Никомидіи старецъ пресвитеръ, именемъ Ермолай[1]), изъ страха предъ нечестивыми укрывавшійся съ немногими христіанами въ маленькомъ и незначительномъ домѣ. Путь Пантолеона, когда онъ шелъ изъ своего дома къ учителю и обратно, лежалъ мимо жилища, въ которомъ укрывался Ермолай. Видя въ окошечко юношу, часто проходящаго мимо, Ермолай изъ лица и взгляда его позналъ его добрый нравъ; уразумѣвъ духомъ, что юноша будетъ избраннымъ сосудомъ Божіимъ, Ермолай вышелъ однажды навстрѣчу юношѣ и упросилъ его на самое малое время зайти къ нему въ домъ. Кроткій и послушный юноша вошелъ въ домъ старца. Посадивъ его около себя, старецъ спрашивалъ его о происхожденіи и родителяхъ, о вѣрѣ и о всемъ образѣ его жизни. Юноша все разсказалъ подробно и сообщилъ, что его мать была христіанка и умерла, а отецъ живъ и, согласно языческимъ законамъ, почитаетъ многихъ бѣсовъ. И спросилъ его святый Ермолай такъ:

— Ну, а ты, доброе чадо! къ какой сторонѣ и вѣрѣ хотѣлъ бы принадлежать — отцовской или матерней?

Юноша отвѣтилъ:

— Моя мать, пока была жива, учила меня своей вѣрѣ, и я возлюбилъ ея вѣру. Но отецъ, какъ болѣе сильный, принуждаетъ меня исполнять языческіе законы и желаетъ водворить меня въ царской палатѣ въ чинѣ близкихъ и сановныхъ воиновъ и слугъ царя.

---

[1]) См. житіе его подъ 26 числомъ настоящаго мѣсяца.

Святый Ермолай спросилъ опять:

— А въ какомъ ученіи наставляетъ тебя твой учитель?

Юноша передалъ такъ:

— Ученію Асклепіада, Иппократа и Галена[1]); такъ именно хотѣлъ отецъ мой, да и учитель говоритъ, что если я усвою ученіе этихъ, то легко могу лѣчить всякія болѣзни у людей.

Въ послѣднихъ словахъ святый Ермолай нашелъ поводъ къ полезной бесѣдѣ и началъ въ сердцѣ юноши, какъ на доброй землѣ, сѣять доброе сѣмя Божіихъ словесъ:

— Вѣрь мнѣ, — обратился онъ, — о добрый юноша! — я говорю тебѣ одну истину: ученіе и искусство Асклепіада, Иппократа и Галена ничтожны и мало могутъ помогать прибѣгающимъ къ нимъ. Да и боги, которыхъ царь Максиміанъ и твой отецъ и прочіе язычники почитаютъ, суетны и не что иное, какъ баснословіе и обманъ для слабоумныхъ. Истинный же и Всемогущій Богъ есть единъ—Іисусъ Христосъ, въ Котораго если ты будешь вѣровать, то будешь исцѣлять всякія болѣзни однимъ призываніемъ Его Пречистаго Имени. Ибо Онъ слѣпымъ давалъ зрѣніе, прокаженныхъ очищалъ, мертвыхъ воскрешалъ; бѣсовъ, которымъ язычники поклоняются, изгонялъ изъ людей однимъ словомъ; не только Самъ Онъ, но и одежды Его подавали исцѣленіе: ибо жена, двѣнадцать лѣтъ одержимая кровотеченіемъ, едва только прикоснулась къ краю одежды Его, тотчасъ исцѣлилась. Но кто можетъ подробно разсказать о всѣхъ чудесныхъ дѣйствіяхъ Его? Какъ невозможно исчислить песокъ морской, небесныхъ звѣздъ и капель воды, такъ нельзя исчислить чудесъ и измѣрить величія Божія. И теперь Онъ—Помощникъ

Великомучникъ Пантелеимонъ

[1]) Знаменитые врачи древности.

крѣпкій Своимъ рабамъ, утѣшаетъ печальныхъ, исцѣляетъ больныхъ, избавляетъ отъ бѣдствій и освобождаетъ отъ всѣхъ вражескихъ золъ, не ожидая, что будетъ умоленъ тѣмъ или другимъ, но предупреждая молитвы и даже сердечное движеніе. Силу совершать все это даетъ и тѣмъ, которые любятъ Его, и посылаетъ имъ даръ еще бо́льшихъ чудотвореній; наконецъ, даетъ безконечную жизнь въ вѣчной славѣ Небеснаго Царствія.

Пантолеонъ вѣровалъ этимъ наставленіямъ святаго Ермолая, какъ истиннымъ, принимая въ свое сердце; съ радостью онъ углублялся въ нихъ умомъ и сказалъ святому старцу:

— Я много разъ слышалъ это отъ матери моей и часто видѣлъ, какъ она молилась и призывала того Бога, о Которомъ ты мнѣ разсказываешь.

Съ этого дня Пантолеонъ каждый день приходилъ къ старцу и наслаждался его богодухновенными бесѣдами, укрѣпляясь въ познаніи Истиннаго Бога. И когда онъ возвращался отъ своего учителя Евфросина, то не раньше приходилъ домой, какъ посѣтивъ старца и принявъ отъ него душеполезныя наставленія.

Однажды случилось ему, когда на обратномъ пути отъ учителя онъ свернулъ нѣсколько въ сторону, найти мертваго ребенка, укушеннаго огромною ехидною, и самую ехидну, лежавшую тутъ же, близъ ужаленнаго. Видя это, Пантолеонъ сначала испугался и немного отступилъ, а потомъ подумалъ самъ въ себѣ такъ:

«Теперь пришло время испытать мнѣ и убѣдиться, истинно ли все, что говорилъ старецъ Ермолай».

Взглянувъ на небо, онъ произнесъ:

— Господи Іисусе Христе, хотя я и недостоинъ призывать Тебя, но если Ты хочешь, дабы я сдѣлался рабомъ Твоимъ, яви силу Твою и сдѣлай такъ, чтобы во Имя Твое отрокъ этотъ ожилъ, а ехидна издохла.

И тотчасъ отрокъ, какъ будто отъ сна, всталъ живымъ, ехидна же разсѣлась пополамъ. Тогда Пантолеонъ, совершенно увѣровавъ во Христа, обратилъ свои тѣлесныя и духовныя очи къ Небу и благословилъ Бога съ радостію и слезами за то, что Онъ вывелъ его изъ тьмы къ свѣту познанія Своего. Быстро пошелъ онъ къ святому Ермолаю пресвитеру, припалъ къ его честны́мъ стопамъ, прося Крещенія. Онъ разсказалъ ему о случившемся — какъ мертвый отрокъ ожилъ силою Имени Іисуса Христа и какъ погибла ехидна, причинившая смерть. Святый Ермолай, оставивъ домъ, пошелъ съ

нимъ взглянуть на издохшую ехидну и, увидѣвъ, благодарилъ Бога за совершенное чудо, черезъ которое Онъ привелъ Пантолеона къ Своему познанію. Возвратясь домой, онъ крестилъ юношу во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа и, совершивъ Литургію во внутренней своей комнатѣ, причастилъ его Божественныхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовыхъ.

По Крещеніи Пантолеонъ оставался при старцѣ Ермолаѣ семь дней, поучаясь отъ божественныхъ словъ, сообщаемыхъ ему устами старца и благодатію Христовой: какъ изъ источника живой воды утучнялъ онъ свою душу къ изобилію духовныхъ плодовъ. На осьмой день онъ пошелъ къ себѣ домой, и отецъ его спросилъ у него:

— Сынъ мой, гдѣ ты пробылъ столько дней? Я безпокоился о тебѣ.

Святый отвѣтилъ:

— Былъ съ учителемъ у царя во дворцѣ,—лѣчили больнаго, котораго Царь очень любитъ, и не отходили отъ него семь дней, пока не возвратили ему здоровье.

Такъ говорилъ святый и говорилъ не ложь, но подъ видомъ притчи сообщая истину таинственно и иносказательно: въ умѣ своемъ учителемъ называлъ онъ святаго Ермолая пресвитера, подъ царской палатой разумѣлъ онъ тотъ внутренній покой, въ которомъ совершалось божественное таинство, а больнымъ называлъ свою душу, которую возлюбилъ Небесный Царь и которая была пользуема семь дней духовнымъ врачеваніемъ.

Когда слѣдующимъ утромъ онъ пришелъ къ учителю Евфросину, тотъ спросилъ у него:

— Гдѣ ты пропадалъ столько дней?

— Отецъ мой, купивъ имѣніе, послалъ меня принять его, и я замедлилъ, внимательно осматривая все, что тамъ есть: потому что оно куплено за дорогую цѣну.

И это онъ говорилъ иносказательно о Святомъ Крещеніи, которое онъ принялъ, и о прочихъ таинствахъ христіанской вѣры, которыя онъ узналъ и которыя всѣ необычайной цѣны, превосходящей всякія богатства, ибо они пріобрѣтены Кровію Христовою. Услышавъ это, Евфросинъ прекратилъ свои разспросы. Пантолеонъ же блаженный преисполненъ былъ благодати Божіей, нося внутри сокровище святой вѣры. Онъ сильно заботился объ отцѣ своемъ, какъ бы извести его изъ тьмы идолобѣсія и при-

вести къ свѣту познанія Христа и каждый день, бесѣдуя съ нимъ съ мудростію притчами и вопросами, говорилъ ему:

— Отецъ! Почему боги, сдѣланные стоящими, какъ сначала поставлены, такъ и до нынѣшняго дня стоятъ, никогда не садятся; сдѣланные же сидящими до нынѣшняго дня сидятъ и никогда не встаютъ.

— Не совсѣмъ ясенъ и мнѣ вопросъ твой,—отвѣчалъ отецъ,—и самъ не знаю, что на это отвѣчать.

Святый же, постоянно предлагая и другіе, подобные этому, вопросы отцу, заставилъ того сомнѣваться въ своихъ богахъ и понемногу понимать ложь и заблужденіе идолопоклонства; отецъ ужъ пересталъ такъ почитать идоловъ, какъ почиталъ ихъ прежде, принося имъ каждодневно многочисленныя жертвы и поклоненіе, а началъ презирать ихъ и не поклоняться имъ. Видя это, Пантолеонъ радовался, что хотя возбудилъ въ отцѣ сомнѣніе относительно идоловъ, если не успѣлъ совершенно отвратить его отъ нихъ. Не разъ хотѣлъ Пантолеонъ разбить идоловъ отца своего, коихъ много было въ его дому, но удерживался, частію чтобы не прогнѣвать отца своего, котораго, согласно заповѣдямъ Божіимъ, дòлжно почитать, отчасти ожидалъ, когда отецъ, познавши самъ Истиннаго Бога, захочетъ своею рукою сокрушить ихъ.

Въ то время привели къ Пантолеону слѣпаго, просившаго объ исцѣленіи такимъ образомъ:

— Умоляю тебя, пощади меня, ослѣпленнаго и лишеннаго драгоцѣннаго свѣта; всѣ врачи, какіе только есть въ этомъ городѣ, лѣчили меня, и не получилъ я отъ нихъ никакой пользы, но и послѣднихъ проблесковъ свѣта, какіе я могъ видѣть, лишился я вмѣстѣ со всѣмъ моимъ имуществомъ: ибо много потратилъ я, награждая ихъ, и вмѣсто исцѣленія получилъ отъ нихъ только вредъ и потерю времени.

Святый возразилъ ему:

— Если ты все имущество раздалъ тѣмъ врачамъ, отъ которыхъ не получилъ пользы, то чѣмъ вознаградишь меня, если получишь исцѣленіе и прозрѣешь?

— Все послѣднее немногое,—воскликнулъ слѣпецъ,—что у меня осталось, съ готовностію отдамъ тебѣ.

Святый произнесъ:

— Даръ прозрѣнія, открывающій для тебя свѣтъ, дастъ тебѣ Отецъ свѣтовъ, Истинный Богъ черезъ меня, недостойнаго раба Своего, а ты обѣщанное не мнѣ отдай, а раздай нищимъ.

Услышавъ это, Евсторгій, отецъ Пантолеона, сказалъ ему:

— Сынъ мой! Не рѣшайся касаться такой вещи, которой ты не можешь сдѣлать, иначе ты будешь осмѣянъ: что, въ самомъ дѣлѣ, можешь ты сдѣлать больше лучшихъ тебя врачей, которые лѣчили его и не могли вылѣчить?

— Никто,—возразилъ святый,—изъ врачей тѣхъ не знаетъ, какое средство примѣняемо въ данномъ случаѣ, какъ знаю я, ибо огромное различіе между ними и между учителемъ моимъ, который открылъ мнѣ это средство.

Отецъ его, думая, что онъ говоритъ объ учителѣ Евфросинѣ, замѣтилъ:

— Я слышалъ, что и учитель твой пользовалъ этого слѣпца и ничего не могъ сдѣлать.

— Подожди немного, отецъ мой!—отвѣтилъ Пантолеонъ,—и увидишь силу моего врачеванія.

Съ этими словами онъ коснулся пальцами глазъ слѣпаго, сказавъ:

— Во Имя Господа моего Іисуса Христа, просвѣщающаго слѣпыхъ, прозри.

Тотчасъ открылись очи слѣпаго—и онъ сталъ видѣть. И въ ту минуту отецъ Пантолеона Евсторгій вмѣстѣ съ прозрѣвшимъ человѣкомъ увѣровали во Христа и были крещены святымъ пресвитеромъ Ермолаемъ, и преисполнились они великой духовной радости о благодати и силѣ Христовой.

Тогда Евсторгій началъ сокрушать въ своемъ домѣ всѣхъ идоловъ, въ чемъ помогалъ ему и сынъ его святый Пантолеонъ; раздробивъ идоловъ на части, они бросили послѣднія въ одинъ глубокій ровъ и засыпали землею. Проживъ послѣ этого недолгое время, Евсторгій преставился ко Господу. Пантолеонъ же, сдѣлавшись наслѣдникомъ весьма богатаго отцовскаго имѣнія, тотчасъ даровалъ свободу рабамъ и рабынямъ, щедро наградивъ ихъ; имущество же сталъ раздавать нуждающимся: убогимъ, нищимъ, вдовамъ и сиротамъ. Онъ обходилъ темницы и, посѣщая всѣхъ тѣхъ, которые страдали въ оковахъ, утѣшалъ ихъ врачеваніемъ и подаяніемъ того, въ чемъ они нуждались; такимъ образомъ, онъ былъ врачомъ не только ранъ, но и бѣдноты человѣческой; ибо всѣ принимали отъ него неоскудную милостыню: нищіе обогащались отъ его щедроть; а въ лѣченіи помогала ему благодать Божія. Ибо ему данъ былъ свыше даръ исцѣленія, и онъ безмездно

исцѣлялъ всякія болѣзни не столько аптекарскими средствами, сколько призываніемъ Имени Іисуса Христа. Тогда-то Пантолеонъ явился, въ дѣйствительности, Пантелеимономъ, то есть всемилостивымъ, и по имени, и на дѣлѣ оказывая всѣмъ милость и не отпуская отъ себя никого безъ подаянія или неутѣшеннымъ, ибо недостаточнымъ вручалъ вспоможенія, а больныхъ безмездно лѣчилъ. Обратился къ нему весь городъ съ своими больными, оставивъ всѣхъ прочихъ врачей, ибо ни отъ кого не получалось столь скорыхъ и совершенныхъ исцѣленій, какъ отъ Пантелеимона, успѣшно лѣчившаго и ни отъ кого не принимавшаго платы. И стало извѣстно имя всемилостиваго и безмезднаго врача во всемъ народѣ, а прочіе врачи осуждались и осмѣивались. Вслѣдствіе этого возникла со стороны врачей по отношенію къ святому немалая зависть и вражда; началась она еще съ того времени, когда прозрѣлъ вышеназванный слѣпецъ. Дѣло возникло слѣдующимъ образомъ.

Однажды, когда этотъ слѣпецъ, прозрѣвшій благодаря святому Пантелеимону, шелъ по городу, увидѣли его врачи и говорили про себя:

— Не тотъ ли это, что былъ слѣпъ и искалъ у насъ исцѣленія, и мы не могли вылѣчить его? Какъ же онъ теперь видитъ? Кто и какими средствами исцѣлилъ его и открылъ ему глаза?

И спросили его самого, какъ онъ прозрѣлъ? И тотъ человѣкъ не скрылъ, что врачомъ его былъ Пантелеимонъ. Тѣ, зная, что онъ былъ ученикомъ Евфросина, сказали:

— Великаго учителя великій ученикъ.

Не знали, что черезъ Пантелеимона дѣйствовала сила Христова и, не догадываясь, исповѣдали истину, что Пантелеимонъ— великій ученикъ великаго Учителя — Іисуса Христа. Но хотя устами они лицемѣрно и похваляли святаго, а между тѣмъ въ сердцахъ своихъ отъ зависти задумывали злое и наблюдали за святымъ, отыскивая противъ него какое-нибудь обвиненіе, чтобы его погубить. И замѣтивъ, что онъ ходитъ въ темницы и здѣсь исцѣляетъ язвы учениковъ, страдающихъ за Христа, заявили Максиміану мучителю:

— Царь! Юноша, котораго ты повелѣлъ научить врачебному искусству, желая имѣть его при себѣ въ твоей палатѣ, презрѣвъ твою столь очевидную къ нему милость, обходитъ темницы, врачуя узниковъ, хулящихъ боговъ нашихъ, одинаково съ ними мудрствуя

о нашихъ богахъ и другихъ склоняя къ тому же зломудрствованію. Если ты не погубишь его въ скоромъ времени, то немало причинишь себѣ безпокойства, потому что увидишь, какъ многіе, благодаря его прельщающему ученію, отвратятся отъ боговъ. Въ самомъ дѣлѣ, врачебное искусство, которымъ Пантолеонъ исцѣляетъ, онъ приписываетъ не Эскулапу[1]) или другому изъ боговъ, а какому-то Христу, и всѣ, кого онъ лѣчитъ, вѣруютъ въ Него.

Такъ говорили клеветники, умоляя царя, чтобы онъ приказалъ призвать исцѣленнаго Пантолеономъ слѣпца въ удостовѣреніе и точное свидѣтельство справедливости ихъ словъ. И царь тотчасъ приказалъ отыскать того прозрѣвшаго слѣпца и, когда тотъ былъ приведенъ, спросилъ его:

— Скажи, человѣкъ, какъ Пантолеонъ исцѣлилъ твои глаза?

Тотъ отвѣчалъ:

— Призвалъ Имя Христово, коснулся глазъ моихъ, и я тотчасъ прозрѣлъ.

— А ты какъ думаешь,—обратился къ нему царь,—Христосъ тебя исцѣлилъ или боги?

— Царь! — отвѣчалъ онъ,—врачи эти, которыхъ ты видишь вокругъ себя, прилагали много заботъ и въ теченіе долгаго времени къ моему излѣченію; они взяли все мое имущество и не только не принесли мнѣ никакой пользы, но лишили меня и того малаго зрѣнія, которое я имѣлъ, и вконецъ ослѣпили меня. Пантелеимонъ же однимъ призваніемъ Имени Христова сдѣлалъ меня зрячимъ. Теперь ты ужъ самъ, о царь! разсуди и рѣши, кто лучшій и настоящій врачъ: Эскулапъ ли и прочіе боги, въ теченіе долгаго времени призываемые и нисколько не помогшіе, или Христосъ, только одинъ разъ однимъ Пантелеимономъ призванный и тотчасъ давшій мнѣ исцѣленіе.

Не зная, что на это отвѣчать, царь, по обычаю всѣхъ мучителей, сталъ принуждать его къ нечестію:

— Не безумствуй, человѣкъ, и не вспоминай Христа, ибо очевидно, что боги дали тебѣ возможность видѣть свѣтъ.

Исцѣленный же, не обращая вниманія на власть царя и не боясь угрозъ мучителя, отвѣтствовалъ Максиміану дерзновеннѣе, чѣмъ евангельскій слѣпецъ[2]), нѣкогда представленный на допросъ къ фарисеямъ:

---

[1]) Богъ врачебнаго искусства.

[2]) Еванг. отъ Іоан., гл. 9, ст. 27.

— Ты самъ безумствуешь, о царь! *слѣпыхъ* твоихъ боговъ называя подателями зрѣнія, и самъ ты подобенъ имъ, не желая видѣть истины.

Исполнившись гнѣва, царь приказалъ тотчасъ лишить его жизни мечомъ, и была усѣчена глава добраго исповѣдника Имени Іисуса Христа, и онъ отошелъ, чтобы лицомъ къ лицу въ немерцающемъ небесномъ свѣтѣ видѣть Того, Котораго исповѣдалъ на землѣ, получивъ тѣлесное зрѣніе. Тѣло его святый Пантелеимонъ купилъ у убійцъ и похоронилъ близъ тѣла отца своего.

Послѣ того царь велѣлъ призвать къ себѣ Пантолеона. Пока воины вели святаго къ царю онъ пѣлъ слова Псалма Давидова: **бж҃е, хвалы̀ моеѧ̀ не премолчѝ: ꙗ҆́кѡ ᲂу҆ста̀ грѣ́шнича и҆ ᲂу҆ста̀ льсти́вагѡ на мѧ̀ ѿверзо́шасѧ** и далѣе изъ Псалма того (108-го). Такъ онъ тѣломъ предсталъ предъ земнымъ царемъ, духомъ—предъ Небеснымъ.

Царь Максиміанъ, глядя на него безъ всякаго гнѣва, кротко началъ такъ убѣждать его:

— Нехорошія вещи слышалъ я о тебѣ, Пантолеонъ; говорятъ мнѣ, что ты всячески порицаешь и унижаешь Эскулапа и прочихъ боговъ, Христа же, погибшаго злою смертію, прославляешь и на Него надѣешься и Его одного называешь Богомъ. Тебѣ, кажется, не безызвѣстно, сколь великое я обратилъ на тебя вниманіе и сколь великую явилъ къ тебѣ милость, что и въ моемъ дворцѣ ты принятъ, и учителю твоему, Евфросину, приказалъ въ скорости научить тебя врачебному искусству, чтобы ты неотступно всегда находился при мнѣ; ты же, презрѣвъ все это, уклонился къ врагамъ моимъ. Но, впрочемъ, не хочу вѣрить тому, что говорятъ о тебѣ; потому что привыкли люди говорить много неправды. Вотъ почему я призвалъ тебя, чтобы ты самъ разсказалъ о себѣ правду и обличилъ лживую на тебя клевету завистниковъ, въ присутствіи всѣхъ принесши, какъ подобаетъ, жертву великимъ богамъ.

Святый отвѣчалъ:

— Дѣламъ больше, нежели словамъ, нужно давать вѣру, о царь! потому что истина гораздо болѣе познается изъ дѣлъ, чѣмъ изъ словъ. Итакъ, повѣрь разсказамъ обо мнѣ, что я отрекаюсь отъ Эскулапа и прочихъ вашихъ боговъ, а прославляю Христа, потому что изъ дѣлъ Его я позналъ, что онъ Единый Истинный Богъ. Вотъ, выслушай хотя вкратцѣ дѣла Христовы: Онъ сотворилъ небо, утвердилъ землю, воскрешалъ мертвыхъ, возвращалъ

зрѣніе слѣпымъ, очищалъ прокаженныхъ, однимъ словомъ поднималъ съ одра разслабленныхъ. Что подобнаго сотворили почитаемые вами боги,—не знаю—и могутъ ли сотворить? Если же теперь хочешь узнать всемогущую силу Христову, увидишь ея дѣйствіе тотчасъ на самомъ дѣлѣ. Прикажи принести сюда какого-нибудь человѣка, лежащаго на одрѣ смертной болѣзни, относительно котораго врачи потеряли надежду, и пусть придутъ ваши жрецы и призовутъ своихъ боговъ и я призову Бога моего—и который изъ боговъ исцѣлитъ больнаго, тотъ пусть будетъ признанъ единымъ Истиннымъ Богомъ, прочіе да будутъ отвергнуты.

Царю понравился этотъ совѣтъ святаго, и онъ приказалъ тотчасъ поискать такого больного.

И вотъ, принесенъ былъ на постели человѣкъ, разслабленный въ теченіе многихъ лѣтъ, который не могъ дѣйствовать ни однимъ членомъ и былъ какъ будто какое-нибудь безчувственное дерево. Пришли же и жрецы,—служившіе идоламъ и опытные во врачебномъ искусствѣ и предложили святому, чтобы онъ сначала призвалъ своего Христа.

Святый возразилъ имъ:

— Если я призову моего Бога и Богъ мой исцѣлитъ сего разслабленнаго, то кого же будутъ исцѣлять ваши боги? Но пусть вы первые призовете вашихъ боговъ—и если они исцѣлятъ больнаго, то не для чего будетъ и призывать моего Бога.

И такъ жрецы начали призывать своихъ боговъ: одинъ—Эскулапа, другой—Зевса, тотъ—Діану, другіе—иныхъ бѣсовъ, и не было замѣтно ни голоса, ни вниманія. И долго они упражнялись въ своихъ богопротивныхъ молитвахъ безъ всякаго успѣха. Святый же, видя ихъ напрасное стараніе, посмѣялся. Увидѣвъ его смѣющимся, царь обратился къ Пантолеону:

— Сдѣлай ты, Пантолеонъ, если можешь, здоровымъ этого человѣка призываніемъ своего Бога.

— Пусть отойдутъ жрецы,—сказалъ святый, и они отошли.

Тогда святый, подойдя къ постели, возвелъ очи свои на Небо и произнесъ слѣдующую молитву:

«Гдⷭ҇и, ᲂу҆слы́ши моли́твꙋ мою̀, и҆ во́пль мо́й къ тебѣ̀ да прїи́детъ. Не ѿврати̑ лица̀ твоегѡ̀ ѿ мене̑: во́ньже а҆́ще де́нь скорблю̀, приклони̑ ко мнѣ̀ ᲂу҆́хо твоѐ: во́ньже а҆́ще де́нь призовꙋ̀ тѧ̀, ско́рѡ ᲂу҆слы́ши мѧ̀[1]),

[1]) Пс. 101, ст. 2—3.

и яви всемогущую Твою силу передъ не знающими Тебя, ибо все возможно для Тебя, о Царю силъ!»

Произнесши эту молитву, святый взялъ разслабленнаго за руку со словами:

— Во имя Господа Іисуса Христа, встань и будь здоровъ!

И тотчасъ разслабленный всталъ, почувствовалъ крѣпость во всемъ тѣлѣ и радовался, ходя, и, взявъ свою постель, понесъ ее въ свой домъ.

Видя такое чудо, многіе изъ предстоявшихъ увѣровали во Христа; жрецы же, служившіе идоламъ, скрежетали зубами на раба Христова и обратились къ царю съ такими словами:

— Если онъ останется въ живыхъ, то уничтожатся жертвоприношенія богамъ, и мы будемъ осмѣяны христіанами; погуби его, о царь! какъ можно скорѣе.

Тогда царь сказалъ Пантолеону:

— Принеси, Пантолеонъ, жертву богамъ, чтобы не погибнуть понапрасну; ты знаешь, вѣдь, сколько людей погибло потому, что отреклись отъ нашихъ боговъ и вслѣдствіе ослушанія нашимъ приказаніямъ. Развѣ ты не знаешь, какъ жестоко былъ мучимъ старецъ Анѳимъ?

— Всѣ умершіе за Христа,—отвѣтствовалъ святый,—не погибли, а нашли себѣ вѣчную жизнь. И если Анѳимъ, будучи старъ и немощенъ тѣломъ, могъ вынести жестокія мученія за Господа нашего, тѣмъ болѣе мнѣ, юному и сильному тѣломъ, дòлжно безбоязненно претерпѣть всѣ муки, на которыя ты меня обречешь, ибо я буду считать жизнь пустою, если не умру за Христа, а если умру, сочту это пріобрѣтеніемъ.

Царь приказалъ повѣсить обнаженнаго мученика на мучилищномъ деревѣ и желѣзными когтями строгать его тѣло, опаляя ребра горячими свѣчами. Онъ же, перенося эти страданія, воззрѣлъ на небо и сказалъ:

— Господи Іисусе Христе! Предстани мнѣ въ эту минуту, дай мнѣ терпѣніе, дабы я до конца могъ вынести мученія.

И явился ему Господь въ образѣ пресвитера Ермолая, изрекши:

— Не бойся, Я съ тобою.

И тотчасъ руки мучителей ослабѣли и какъ бы омертвѣли, такъ что изъ нихъ выпали орудія пытки и свѣчи погасли. Увидѣвъ это, царь приказалъ снять мученика съ мѣста мукъ и сказалъ ему:

— Въ чемъ сила твоего волшебства, что и слуги изнемогли, и свѣчи погасли?

Мученикъ отвѣчалъ такъ:

— Волшебство мое—Христосъ, всемогущая сила Котораго все содѣлываетъ.

Царь возразилъ:

— А что ты сдѣлаешь, если я назначу еще сильнѣйшія муки?!

— Въ бо́льшихъ мукахъ,—отвѣчалъ мученикъ,—бо́льшую силу явитъ Христосъ мой, посылая мнѣ бо́льшее терпѣніе на то, чтобы посрамить тебя. А я, понесши за Него болѣе тяжкія муки, получу отъ него бо́льшія воздаянія.

Тогда мучитель повелѣлъ растопить олово въ большомъ котлѣ и бросить туда мученика. Когда олово кипѣло, мученика подвели къ котлу, онъ же возвелъ очи свои къ Небу и такъ молился:

«Оу҆слы́ши бже̑ гла́съ мо́й, внегда̀ моли́ти ми сѧ къ тебѣ̀: ѿ стра́ха бра́жїѧ и҆змѝ дꙋ́шꙋ мою̀. Покры́й мѧ̀ ѿ со́нма лꙋка́вꙋющихъ, и҆ ѿ мно́жества де́лающихъ непра́вдꙋ»[1]).

Когда онъ такъ молился, опять явился ему Господь въ образѣ Ермолая и, взявъ его за руку, вошелъ съ нимъ въ котелъ, и тотчасъ огонь угасъ и олово остыло, а мученикъ пѣлъ слова Псалма: а҆́зъ къ бг҃ꙋ воззва́хъ и҆ гдⷭ҇ь оу҆слы́ша мѧ̀. Ве́черъ и҆ за́ꙋтра и҆ полꙋ́дне повѣ́мъ и҆ возвѣщꙋ́ и҆ оу҆слы́шитъ гла́съ мо́й[2]). Предстоявшіе дивились чуду, а царь воскликнулъ:

— Что же, наконецъ, будетъ,—если и огонь погасъ, и олово охладѣло? Какой же мукѣ предамъ этого волшебника?

Предстоявшіе посовѣтовали:

— Пусть онъ будетъ вверженъ въ морскую глубину, потому что не можетъ же онъ все море околдовать,—и тотчасъ погибнетъ.

Мучитель повелѣлъ, чтобы такъ и было сдѣлано.

Слуги, схвативши мученика, повели его къ морю, посадили его въ лодку, навязавъ на шею большой камень; отплывъ далеко отъ берега, они бросили его въ море, а сами вернулись на берегъ. Когда святый былъ брошенъ въ море, снова явился ему Христосъ, какъ и въ первый разъ, въ образѣ Ермолая,—и сталъ камень, привязанный къ шеѣ мученика, легокъ, какъ листъ, такъ

---

[1]) Пс. **63**, ст. 2—3.

[2]) Пс. **54**, ст. 17—18.

что Пантелеимонъ держался съ нимъ на поверхности моря, не погружаясь, но, точно посуху, ходилъ по водамъ, руководимый, какъ нѣкогда Апостолъ Петръ, десницею Христовой; онъ вышелъ на берегъ, воспѣвая и прославляя Бога, и предсталъ царю. Царь несказанно изумился такому чуду, воскликнувъ:

— Какова же сила волшебства твоего, Пантолеонъ, что и море ты подчинилъ ему?

— И море,—объяснилъ святый,—повинуется своему Владыкѣ и исполняетъ волю Его.

— Такъ ты и моремъ владѣешь?—спросилъ царь.

— Не я,—отвѣтилъ мученикъ,—но Христосъ мой, Создатель и Владыка всей видимой и невидимой твари. Онъ обладаетъ какъ небомъ и землею, такъ равно и моремъ: **въ мо́ри бо пꙋтїѐ ѥ҆гѡ̀ и҆ стезѝ ѥ҆гѡ̀ въ вода́хъ мно́гихъ**[1]).

Послѣ того мучитель повелѣлъ приготовить внѣ города звѣриный циркъ, чтобы отдать мученика на съѣденіе звѣрямъ. Весь городъ собрался на это зрѣлище, желая видѣть, какъ прекраснаго и безвинно страдающаго юношу будутъ терзать звѣри. Явился сюда и царь; приведя мученика, онъ показывалъ ему пальцемъ на звѣрей съ такими словами:

— Они приготовлены для тебя; итакъ, послушай меня, побереги твою юность, пощади красоту твоего тѣла, принеси жертву богамъ, иначе умрешь жестокою смертью, терзаемый зубами звѣрей.

Святый же изъявилъ желаніе лучше быть растерзаннымъ звѣрями, нежели повиноваться такому лукавому совѣту и повелѣнію. И его бросили звѣрямъ. Господь же и тутъ, явившись святому въ образѣ пресвитера Ермолая, заградилъ пасти звѣрей и сдѣлалъ ихъ кроткими, подобно овцамъ, такъ что, подползая къ святому, они лизали ноги его. Онъ гладилъ ихъ рукою, и каждый изъ звѣрей старался, чтобы рука святаго коснулась его, оттѣсняя одинъ другого. Народъ же, видя это, изумился и громогласно восклицалъ:

— Великъ Богъ христіанскій! Да будетъ отпущенъ неповинный и праведный юноша!

Тогда царь, преисполнившись гнѣва, вывелъ солдатъ съ обнаженными мечами на тѣхъ, которые славили Христа Бога, и мно-

---

[1]) Сравн.: Пс. 76, ст. 20.

гіе изъ народа, увѣровавшіе во Христа, были убиты; приказалъ же царь и звѣрей всѣхъ убить. Видя это, мученикъ возгласилъ такъ:

— Слава Тебѣ, Христе Боже, что не только люди, но и звѣри умираютъ за Тебя!

И удалился царь съ мѣста зрѣлища, скорбя и гнѣваясь, а мученика бросилъ въ темницу. Убитые люди, взятые своими, преданы были погребенію, а звѣри были оставлены на съѣденіе псамъ и плотояднымъ птицамъ. Но и тутъ совершилось великое чудо: звѣри эти много дней лежали безъ всякаго прикосновенія не только со стороны псовъ, но и птицъ, и мало того,—трупы ихъ не издавали запаха. Узнавъ это, царь приказалъ бросить ихъ въ глубокій ровъ и засыпать землею. Для мученика же приказалъ устроить страшное колесо, усѣянное острыми спицами. Когда же къ нему привязали святаго и стали то колесо вертѣть, тотчасъ колесо дѣйствіемъ невидимой силы разлетѣлось на части и многихъ, стоявшихъ поблизости, ранило насмерть, а мученикъ сошелъ съ колеса цѣлъ и невредимъ. И напалъ на всѣхъ страхъ—ввиду такихъ чудесъ, какими Богъ прославлялся въ лицѣ Своего святаго. А царь сильно изумился и спрашивалъ мученика:

— Кто научилъ тебя совершать столь великія волшебныя дѣйствія?

— Не волшебству, но истинному христіанскому благочестію я наученъ,—сказалъ мученикъ,—святымъ мужемъ пресвитеромъ Ермолаемъ.

— А гдѣ тотъ учитель твой Ермолай?—спросилъ царь.—Хотимъ видѣть его!

Мученикъ же, разумѣя духомъ, что для Ермолая приблизилось время вѣнца мученическаго, отвѣтилъ царю:

— Если прикажешь, я призову его къ тебѣ.

И отпущенъ былъ святый въ сопровожденіи 3-хъ стерегущихъ его воиновъ призвать пресвитера Ермолая.

Когда же мученикъ пришелъ къ тому дому, въ которомъ жилъ пресвитеръ, старецъ, увидѣвъ его, спросилъ:

— Чего ради пришелъ ты, сынъ мой?

— Господинъ и отецъ, царь зоветъ тебя.

— Вовремя ты пришелъ звать меня,—сказалъ старецъ,—потому что наступилъ часъ моего страданія и смерти; ибо въ эту ночь явился мнѣ Господь и возвѣстилъ: «Ермолай! надлежитъ тебѣ много пострадать за Меня, подобно рабу Моему Пантелеимону».

Съ этими словами старецъ радостно пошелъ съ мученикомъ и предсталъ передъ царемъ. Царь, увидя пресвитера, спросилъ его объ имени. Святый же, называя свое имя, не скрылъ и своей вѣры, громогласно называя себя христіаниномъ. Царь снова спросилъ его такъ:

— Есть ли еще кто-нибудь съ тобой той же вѣры?

Старецъ отвѣтствовалъ:

— Имѣю двухъ сослужителей, истинныхъ рабовъ Христовыхъ—Ермиппа и Ермократа.

Тогда царь приказалъ и тѣхъ привести передъ себя и сказалъ тремъ тѣмъ служителямъ Христовымъ:

— Это вы отвратили Пантолеона отъ нашихъ боговъ?

— Самъ Христосъ,—возразили они,—Богъ нашъ тѣхъ, кого считаетъ достойными, призываетъ къ Себѣ, выводя ихъ изъ тьмы идолобѣсія къ свѣту Своего познанія.

— Оставьте теперь,—предложилъ царь,—ваши лживыя слова и обратите снова Пантолеона къ богамъ, тогда и первая вина вамъ простится и заслужите отъ меня почести въ такой степени, что сдѣлаетесь ближайшими друзьями мнѣ въ моемъ дворцѣ.

— Какъ можемъ мы это сдѣлать,—съ твердостію спросили святые,—если мы и сами готовимся умереть съ нимъ за Христа Бога нашего?! Ни мы, ни онъ не отречемся отъ Христа, ни тѣмъ болѣе не принесемъ жертвы глухимъ и бездушнымъ идоламъ.

Сказавъ это, они обратили всѣ свои мысли къ Богу и стали молиться, возведши глаза свои къ Небу. И свыше явился имъ Спаситель, и тотчасъ произошло землетрясеніе и поколебалась мѣстность та.

— Видите, какъ боги прогнѣвались на васъ,—провозгласилъ царь,—они колеблютъ землю!

— Ты правду сказалъ,—согласились святые,—что изъ-за вашихъ боговъ поколебалась земля, ибо они упали съ своихъ мѣстъ наземь и разбились, низверженные силою Бога нашего, прогнѣвавшагося на васъ!

Когда они такъ говорили, прибѣжалъ къ царю вѣстникъ изъ капища съ извѣстіемъ, что всѣ ихъ идолы пали на землю и разсыпались въ прахъ. Безумный же правитель, видя во всемъ этомъ не силу Божію, но волшебство христіанъ, воскликнулъ:

— Поистинѣ, если этихъ волхвовъ не погубимъ въ самой скорости, то весь городъ погибнетъ изъ-за нихъ.

Онъ приказалъ Пантелеимона отвести въ темницу, старца же Ермолая и съ нимъ его двухъ друзей, подвергнувъ многимъ истязаніямъ, осудилъ на усѣкновеніе мечомъ. И такъ три святыхъ мученика: пресвитеръ Ермолай и сослужившіе съ нимъ Ермиппъ и Ермократъ, совершивъ свой мученическій подвигъ, вмѣстѣ предстали Святой Троицѣ въ славѣ Небесной.

Послѣ убіенія трехъ святыхъ мучениковъ царь, приказавъ представить передъ себя святаго Пантелеимона, обратился къ нему съ такими словами:

— Многихъ я обратилъ отъ Христа къ нашимъ богамъ, ты одинъ не хочешь послушать меня. Ужъ и учитель твой Ермолай съ обоими своими друзьями поклонился богамъ и жертву принесъ имъ, и я почтилъ ихъ почетнымъ саномъ въ моемъ дворцѣ. Поступи и ты такъ же, чтобы получить съ ними одинаковую честь.

Мученикъ же, зная своимъ духомъ, что святые скончались, попросилъ царя:

— Прикажи имъ придти сюда, чтобы я видѣлъ ихъ предъ тобою.

— Нѣтъ ихъ теперь здѣсь,—солгалъ царь,—потому что я отослалъ ихъ въ другой городъ, гдѣ они получатъ великое богатство.

— Вотъ, ты, противъ желанія, изрекъ истину,—разъяснилъ ему святый,—ты отослалъ ихъ отсюда, предавъ смерти, и они дѣйствительно отошли въ Градъ Небесный Христа получить богатства, которыхъ невозможно видѣть глазу.

Царь, видя, что мученика никоимъ образомъ нельзя преклонить къ нечестію, приказалъ жестоко бить его и, подвергши жестокимъ ранамъ, осудилъ его на смерть, чтобы отсѣкли ему главу мечомъ, а тѣло его повелѣлъ предать огню. И воины, взявши, повели его на усѣкновеніе внѣ города.

Святый, идя на смерть, пѣлъ Псаломъ Давида: **мно́жицею бра́шасѧ со мно́ю ѿ ю҆́ности моеѧ̀ и҆ не премого́ша мѧ̀. На хребтѣ̀ моемъ дѣ́лаша грѣ́шницы**[1]). И такъ до конца слова Псалма того.

Когда воины вывели мученика отъ города на разстояніе больше, чѣмъ одно поприще, тогда пришли на мѣсто, на которомъ Господу угодно было, чтобы скончался рабъ Его; они привязали Пантелеимона къ маслинѣ, и, приблизившись, палачъ ударилъ мечомъ святаго по выѣ, но желѣзо перегнулось, какъ воскъ, а

---

[1]) Сравн. Пс. 128, ст. 2 и 3.

тѣло святаго не приняло удара, потому что онъ еще не окончилъ своей молитвы.

Воины въ ужасѣ воскликнули:

— Великъ Богъ христіанскій!

И, упавши къ ногамъ святаго, просили:

— Молимъ тебя, рабъ Божій! Помолись за насъ, да отпустятся грѣхи наши, что мы сдѣлали тебѣ по повелѣнію царя.

Когда святый молился, послышался съ Неба Голосъ, обращенный къ нему и утверждающій переименованіе его; потому что Господь вмѣсто Пантолеона назвалъ его Пантелеимономъ, явно сообщая ему благодать, чтобы миловать всѣхъ прибѣгающихъ къ нему во всякихъ бѣдахъ и горестяхъ,—и призывалъ его Господь на Небо. Святый, исполненный радости, повелѣлъ воинамъ, чтобы усѣкли его мечомъ; но тѣ не хотѣли, потому что боялись и трепетъ напалъ на нихъ. Тогда святый обратился къ нимъ съ такими словами:

— Если вы не исполните порученнаго вамъ, не получите милости отъ Христа моего.

Воины приступили и сначала облобызали все тѣло его; потомъ поручили одному—и онъ отсѣкъ мученику голову, и вмѣсто крови потекло молоко. Маслина же та съ той минуты покрылась плодами съ корня до вершины. Видя это, многіе изъ народа, бывшаго при усѣченіи, увѣровали во Христа.

О чудесахъ, явленныхъ тутъ, сообщено было царю, и онъ повелѣлъ немедленно маслину ту изрубить на куски и сжечь вмѣстѣ съ тѣломъ мученика.

Когда огонь погасъ, вѣрующіе взяли тѣло святаго изъ пепла не поврежденное огнемъ и похоронили съ честію на близлежавшей землѣ схоластика Адамантія.

Лаврентій, Вассой и Провіанъ, служившіе при домѣ мученика, слѣдовавшіе за нимъ издали, видѣвшіе всѣ его мученія и слышавшіе Голосъ съ Неба, бывшій къ нему, написали повѣствованіе о жизни и мученіяхъ его и передали святымъ церквамъ въ память мученика, на пользу читающимъ и слушающимъ во славу Христа Бога нашего со Отцемъ и Святымъ Духомъ славимаго, нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь[1]).

---

[1]) *Св. Пантелеимонъ* былъ усѣченъ 27 іюля 305 года. Въ мѣсяцесловѣ Василія говорится, что истекшія при усѣченіи святаго кровь и молоко хранились до X в. и подавали вѣрующимъ исцѣленія; объ этомъ говорится и въ греческомъ стишномъ прологѣ XII в.

Тропа́рь, гла́съ г҃:

Стр҃тотéрпче ст҃ы́й и҆ цѣлéбниче пантелеи́моне, молѝ мл҃тиваго бг҃а, да прегрѣшéнїй ѡ҆ставлéнїе подáстъ дꙋшáмъ нáшымъ.

Кондáкъ, гла́съ є҃:

Подражáтель сы́й мл҃тивагѡ, и҆ и҆сцѣлéнїй бл҃годáть ѿ негѡ̀ прїéмъ, стр҃тотéрпче и҆ мч҃нче хр҃тà бг҃а, мл҃твами твои́ми дꙋшéвныѧ нáшѧ недꙋ́ги и҆сцѣлѝ, ѿгонѧ̀ при́снѡ борцà соблáзны ѿ вопїю́щихъ вѣ́рнѡ: сп҃си́ ны гд҃и.

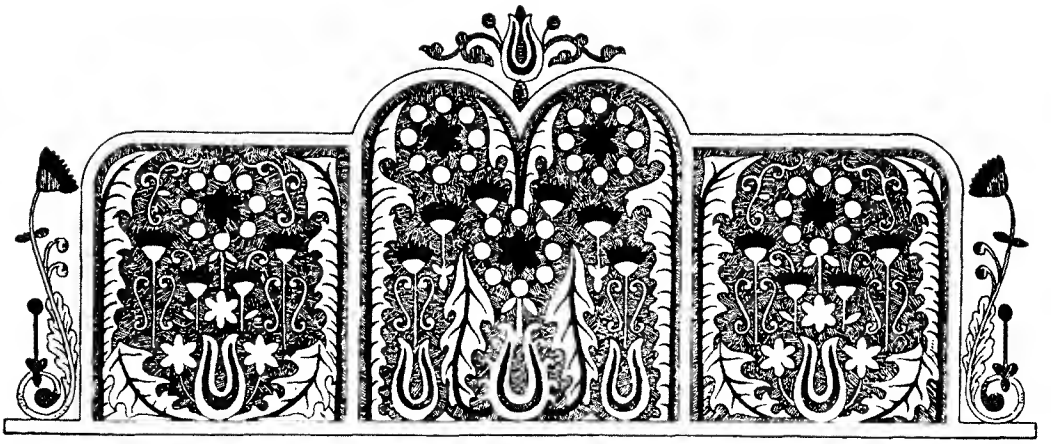
ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОЙ ИГУМЕНІИ

АНѲИСЫ

Святая Анѳиса (вѣрнѣе—Анѳуса) подвизалась въ VIII вѣкѣ, въ странахъ мантинейскихъ, въ Азіи. Оставивъ родительскій домъ, она подвизалась сперва уединенно, въ пещерахъ. Встрѣтивъ старца Сисинія, она продолжала подвиги по его наставленіямъ и настолько преуспѣла въ духовной жизни, что 90 дѣвицъ ввѣрили себя ея руководительству. Преподобная Анѳиса пострадала за почитаніе святыхъ иконъ. Супругѣ гонителя Константина Копронима она предсказала рожденіе мальчика и дѣвочки. Послѣдняя, подъ именемъ Анѳусы, также прославилась своею святостью и воспоминается Церковію 12-го апрѣля.

Въ тотъ же день **преставленіе блаженнаго Николая**, Христа ради юродиваго, **Кочанова** въ Великомъ Новгородѣ въ 1392 году.

Память св. Пантелеимона издревле особенно чтилась на Востокѣ; церкви, во имя его построенныя въ Севастіи Армянской и въ Константинополѣ, относятся къ IV в. Мощи его перенесены были въ Царьградъ; оттуда большая часть ихъ перенесена въ Парижъ въ С. Дени, а глава якобы въ Ліонъ въ 802 г., но русскій паломникъ Антоній въ 1200 г. видѣлъ главу его въ Софіи въ Царьградѣ, а по свидѣтельству Стефана Новгородца (1350 г.), въ XIV в. мощи св. Пантелеимона почивали во Влахернской церкви въ Царьградѣ. Часть мощей находится нынѣ въ Аѳонскомъ Пантелеимоновомъ монастырѣ.



День двадцать восьмой

ПАМЯТЬ

СВЯТЫХЪ АПОСТОЛОВЪ (ИЗЪ СЕМИДЕСЯТИ):

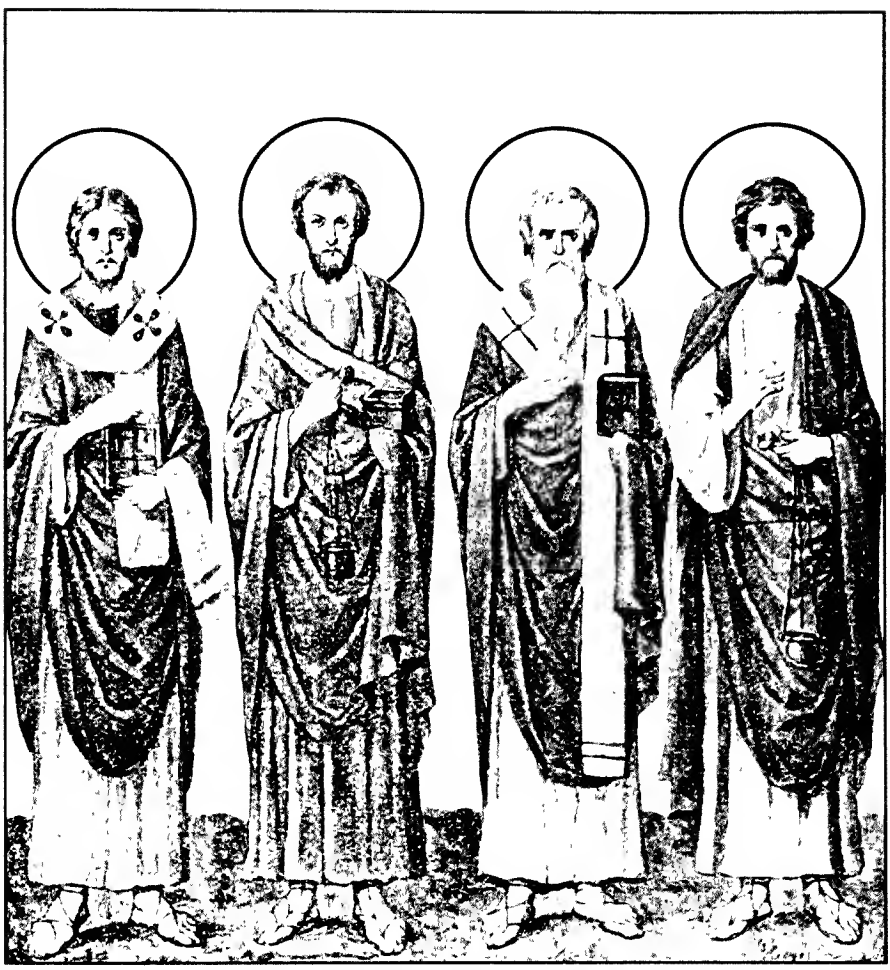
ПРОХОРА, НИКАНОРА, ТИМОНА и ПАРМЕНА

После Вознесенія Господня и по ниспосланіи Святаго Духа на Апостоловъ число вѣрующихъ въ Іерусалимѣ значительно увеличилось; посему, по совѣту Апостоловъ, пребывавшихъ въ то время въ Іерусалимѣ, избраны были семь мужей, исполненныхъ дх҃а ст҃а и премꙋдрости[1]), на служеніе діаконское. Имена сихъ мужей были слѣдующія: Стефанъ, Филиппъ, Прохоръ, Никаноръ, Тимонъ, Парменъ и Николай антіохіянинъ. О самомъ избраніи ихъ книга Дѣяній апостольскихъ повѣствуетъ такъ:

«Въ тѣ дни, когда умножились ученики, произошелъ у еллинистовъ ропотъ на евреевъ за то, что вдовицы ихъ пренебрегаемы были въ ежедневномъ раздаяніи потребностей. Тогда двѣнадцать Апостоловъ, созвавъ множество учениковъ, сказали: «нехорошо намъ, оставивъ слово Божіе, пещись о столахъ. Итакъ, братія, выбирайте изъ среды себя семь человѣкъ извѣданныхъ, исполненныхъ Святаго Духа и мудрости; ихъ поставимъ на эту службу;

---

[1]) Дѣян., гл. 6, ст. 5.



Ст҃іи а҆п҃лы:

Про́хѡръ, Нїкано́ръ, Ті́мѡнъ и҆ Парме́нъ

а мы постоянно пребудемъ въ молитвѣ и служеніи слова». И угодно было это предложеніе всему собранію; и избрали Стефана, мужа исполненнаго вѣры и Духа Святаго, и Филиппа, и Прохора, и Никанора, и Тимона, и Пармена, и Николая антіохійца, обращеннаго изъ язычниковъ. Ихъ поставили предъ Апостолами; и сіи, помолившись, возложили на нихъ руки. И Слово Божіе росло, и число учениковъ весьма умножилось въ Іерусалимѣ»[1]).

Изъ числа всѣхъ сихъ избранныхъ память святаго первомученика Стефана почитается въ двадцать седьмой день декабря мѣсяца; память святаго Филиппа чтится въ одиннадцатый день мѣсяца октября; память же прочихъ діаконовъ, за исключеніемъ Николая, не причтеннаго къ лику святыхъ[2]), святая Церковь почитаетъ одновременно въ нынѣшній день, несмотря на то, что они скончались въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ, проповѣдуя Имя Христово и запечатлѣвъ свою проповѣдь мученическою смертію.

Святый Прохоръ первоначально сопутствовалъ святому верховному Апостолу Петру[3]) (еще до Успенія Матери Божіей) вмѣстѣ съ прочими учениками; симъ же Апостоломъ Петромъ святый Прохоръ былъ поставленъ въ епископы виѳинскаго города Никомидіи, какъ объ этомъ повѣствуетъ блаженный Симеонъ Метафрастъ[4]) въ сказаніи о житіи и подвигахъ святаго Апостола Петра (подъ

---

1) Дѣян., гл. 6, ст. 1—7.

2) Нѣкоторые изъ церковныхъ писателей (св. Ириней Ліонскій, Епифаній Кипрскій, блаж. Іеронимъ и др.) считаютъ діакона Николая основателемъ и начальникомъ секты николаитовъ, коихъ обличаетъ св. Апостолъ и Евангелистъ Іоаннъ Богословъ въ Апокалипсисѣ (гл. 2, ст. 6 и 15). Предполагаютъ, что діаконъ Николай неправильно понялъ ученіе І. Христа о любви и свободѣ христіанской и былъ проповѣдникомъ несдержанной плотской любви. Впрочемъ, Климентъ Александрійскій свидѣтельствуетъ, что діаконъ Николай проводилъ строгую и благочестивую жизнь, имѣлъ жену и дѣтей, и его дочери состарѣлись въ дѣвствѣ. Его слова: «надобно плоть употреблять на зло», т. е. пренебрегать плотію, не дорожить ею,—обуздывать ее,—были ложно поняты сектантами; самъ же Николай былъ какъ строгій аскетъ чуждъ такихъ заблужденій.

3) См. житіе его подъ 29-мъ іюня.

4) *Симеонъ Метафрастъ*—знаменитѣйшій церковный писатель X в., родился въ Константинополѣ; состоялъ секретаремъ при императорѣ Львѣ Философѣ и Константинѣ VII; исполнялъ важныя дипломатическія порученія; спасъ г. Солунь отъ истребленія, которымъ угрожали этому городу Арабы въ 904 г., убѣдивъ предводителя ихъ взять за городъ денежный выкупъ; къ концу жизни былъ патриціемъ и магистромъ. За свою благочестивую жизнь причтенъ св. Церковію къ лику святыхъ (память его празднуется св. Церковію 27-го ноября). Симеонъ Метафрастъ весьма прославился своими церковно-историческими трудами; онъ составилъ (или, правильнѣе, собралъ) «*Житія святыхъ*»; но при этомъ св. Симеонъ не ограничивался однимъ собраніемъ древнихъ сказаній о житіяхъ, подвигахъ и страданіяхъ святыхъ, а пересказалъ, или *переложилъ*, ихъ; отсюда и его прозвище «Метафрастъ» (отъ греч. μεταφράζειν—пересказывать, перелагать).

двадцать девятымъ числомъ мѣсяца іюня). Послѣ же Успенія Матери Божіей Прохоръ былъ спутникомъ и сотрудникомъ святаго апостола Іоанна Богослова[1]); вмѣстѣ съ нимъ Прохоръ прошелъ по многимъ странамъ, принимая вездѣ страданія отъ язычниковъ за благовѣствованіе Имени Христова; вмѣстѣ съ Іоанномъ Богословомъ Прохоръ былъ заточенъ на островъ Патмосъ; здѣсь онъ записывалъ все, что слышалъ отъ святаго Іоанна Богослова, изрекавшаго по откровенію Божію[2]); послѣ сего святый Прохоръ опять потрудился въ Никомидіи, гдѣ онъ былъ первымъ епископомъ: здѣсь онъ обращалъ ко Христу язычниковъ, умножая новособранную церковь. Скончался святый Прохоръ мученически, будучи убитъ язычниками за благовѣствованіе Имени Христова въ городѣ Антіохіи[3]).

Святый Никаноръ пострадалъ въ тотъ же день, когда былъ побитъ камнями святый первомученикъ Стефанъ; въ это время было поднято жестокое гоненіе на Церковь Іерусалимскую; святый Никаноръ, какъ и первомученикъ Стефанъ, былъ умерщвленъ вмѣстѣ съ двумя тысячами людей, увѣровавшихъ во Христа. Объ образѣ убіенія его упоминается въ канонѣ, что онъ былъ какъ ягненокъ, принесенъ въ жертву Богу[4]).

Святый Тимонъ былъ поставленъ святыми Апостолами епископомъ города Бостоpіи, находившагося въ Аравіи; за проповѣдь Имени Христова онъ много пострадалъ какъ отъ іудеевъ, такъ и отъ язычниковъ; наконецъ былъ брошенъ въ сильно разожженную пещь, но нисколько не пострадалъ отъ огня и вышелъ изъ пещи невредимымъ. Преданіе Римской Церкви прибавляетъ, что святый Тимонъ, выйдя изъ пещи невредимымъ, былъ преданъ крестной смерти[5]).

---

[1]) Память его празднуется св. Церковію 26-го сентября и 8-го мая.

[2]) По преданію, св. Прохоръ записалъ, со словъ св. Іоанна Богослова, Евангеліе.

[3]) По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, слѣдуетъ различать двухъ лицъ съ именемъ Прохора: 1) *Прохоръ діаконъ* — спутникъ св. Апостола Петра и впослѣдствіи епископъ Никомидіи. Этотъ Прохоръ пострадалъ за исповѣданіе Имени Христова въ Антіохіи 9-го августа. 2) *Прохоръ* — позднѣе жившій, ученикъ и спутникъ св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова. Этотъ Прохоръ считается составителемъ сказанія о жизни и чудесахъ св. Ап. и Евангелиста Іоанна Богослова, отъ Успенія Матери Божіей и до кончины его. Полагаютъ, что именно этотъ Прохоръ изображенъ на древнихъ иконахъ писцомъ (переписчикомъ Евангелія). Однако съ достовѣрностію мы не можемъ утверждать, что слѣдуетъ различать два лица съ именемъ Прохора; быть можетъ, Прохоръ діаконъ и Прохоръ спутникъ св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова—одно лице, какъ это принимаетъ св. Димитрій Ростовскій.

[4]) Пѣснь 4, 6 и 7.

[5]) Память св. апостола Тимона совершается еще св. Церковію 30 декабря и 4 января (вмѣстѣ съ соборомъ 70-ти апостоловъ).

Святый Парменъ со усердіемъ совершалъ служеніе, порученное ему святыми Апостолами; на ихъ глазахъ онъ умеръ и ихъ руками былъ похороненъ и ими же оплаканъ. Однако, нѣкоторые утверждаютъ, что онъ пострадалъ предъ смертію и былъ украшенъ вѣнцомъ мученическимъ[1]).

Кондакъ, гласъ а҃:

Діакони чтніи и самовидцы слова, и сосуди избранніи навистеся вѣры, ніканоръ, прохоръ, пармѣнъ и тімѡнъ, славніи: тѣмже днесь сщѣнную память вашу празднуемъ, въ веселіи сердца васъ оублажающе.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ЕВСТАѲІЯ

Святый мученикъ Христовъ Евстаѳій служилъ въ войскѣ. Такъ какъ онъ былъ христіаниномъ, то былъ схваченъ и приведенъ къ правителю города Анкиры[2]) Корнилію. На допросѣ онъ смѣло исповѣдалъ Христа, и за это его сперва безъ пощады избили, потомъ просверлили ему пяты, затѣмъ, привязавъ къ нему веревку, влачили отъ города Анкиры до рѣки Сакги[3]), причемъ правитель шелъ вслѣдъ за нимъ и смотрѣлъ, и, наконецъ, положили его въ ящикъ и бросили въ рѣку. Но въ это время, по изволенію Божію, явился Ангелъ Господень и вынесъ ящикъ изъ рѣки на сухое мѣсто. Святый оказался живымъ и, находясь въ ящикѣ, пѣлъ: **живый въ помощи вышнѧгѡ** и прочее[4]). Увидѣвъ это, правитель почувствовалъ себя посрамленнымъ и, вынувъ мечъ свой, самъ убилъ себя. Между тѣмъ святый мученикъ помолился Богу, изъ рукъ явившагося Ангела причастился Божественныхъ

---

[1]) По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, св. апостолъ Парменъ проповѣдовалъ Евангеліе въ Македоніи. Мученическую кончину св. апостола Пармена относятъ ко времени царствованія императора Траяна (98—117 гг.) и именно къ послѣднимъ годамъ его царствованія.

[2]) *Городъ Анкира* находится въ малоазійской римской провинціи Галатіи.

[3]) Подъ названіемъ *Сакги* здѣсь разумѣется *рѣка Сангари*. Она беретъ свое начало въ сопредѣльной съ Галатіей провинціи Фригіи, протекаетъ чрезъ Галатію и Виѳинію и впадаетъ въ Евксинскій понтъ, нынѣ Черное море.

[4]) Псаломъ **90**, 1 и др.

Таинъ, принесенныхъ ему съ Неба голубемъ, и послѣ этого предалъ духъ свой въ руки Господа[1]). Честныя мощи его были погребены въ городѣ Анкирѣ.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

АКАКІЯ

Святый Христовъ мученикъ Акакій пострадалъ въ царствованіе Ликинія[2]), которому и преданъ былъ для суда. За исповѣданіе Христа Ликиній повелѣлъ повѣсить его и строгать по тѣлу, а потомъ отослалъ къ епарху[3]) Терентію. Послѣдній приказалъ бросить его въ котелъ, наполненный смолою и саломъ, но онъ остался совершенно невредимымъ. Когда епарху надо было отправиться въ Апамею и Аполлонію[4]), то онъ велѣлъ святому Акакію слѣдовать за собою. Въ одномъ изъ этихъ городовъ его ввели въ языческій храмъ, и онъ силою молитвы ниспровергъ всѣхъ, бывшихъ въ этомъ храмѣ, идоловъ. Послѣ сего епархъ отдалъ его для суда трибуну[5]), по повелѣнію котораго онъ былъ сперва сильно избитъ, потомъ боролся со звѣрями и, наконецъ, былъ брошенъ въ печь, но остался невредимымъ. Трибунъ, думая, что печь холодна, подошелъ къ ней, желая удостовѣриться въ этомъ, но самъ сгорѣлъ, и тѣло его обратилось въ прахъ. Послѣ смерти трибуна святый отданъ былъ на судъ Посидонію, который повелѣлъ наложить на него тяжелыя оковы и отвести въ Ми-

---

1) Святый мученикъ Евстаѳій скончался около 316 года.

2) *Ликиній*, управлявшій съ 311 года Восточною частію Римской имперіи, былъ преемникомъ жестокаго гонителя христіанъ Максиміана Галерія. Въ 311 году онъ вмѣстѣ съ Константиномъ Великимъ издалъ законъ въ пользу христіанъ, но впослѣдствіи, когда между нимъ и Константиномъ возникли непріятныя отношенія, въ основѣ которыхъ лежалъ вопросъ двумъ или одному государю быть въ имперіи, онъ, подозрѣвая христіанъ въ сочувствіи къ Константину, сталъ сперва притѣснять, а потомъ и преслѣдовать ихъ. Это продолжалось до 323 года; на войнѣ съ Константиномъ Ликиній былъ убитъ.

3) *Епархами* въ греко-римской области назывались правители областей.

4) *Города Апамея* и *Апполонія* находились въ малоазійской римской провинціи Фригіи близъ юго-восточной границы ея съ Писидіею.

5) *Трибунами* назывались въ Римской имперіи разныя должностныя лица, въ особенности же—военные начальники надъ тысячею солдатъ.

летъ[1]), гдѣ онъ снова ниспроверіъ идоловъ. За это ему отсѣкли голову[2]), при чемъ изъ раны истекли кровь и молоко. Нѣкій пресвитеръ Леонтій похоронилъ тѣло его въ городѣ Синнадѣ[3]).

СТРАДАНІЕ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ІУЛІАНА

Въ царствованіе императора Антонина[4]) язычники принуждали христіанъ приносить жертвы богамъ; въ противномъ случаѣ язычники угрожали христіанамъ лютыми муками и самою смертію. Въ провинціи Кампаніи[5]) тогда игемономъ былъ нѣкто Флавіанъ, человѣкъ весьма жестокій; сей игемонъ ненавидѣлъ Имя Христово.

Игемонъ Флавіанъ послалъ по всей провинціи Кампаніи своихъ нечестивыхъ слугъ, приказавъ имъ забирать всѣхъ христіанъ, какихъ они встрѣтятъ, и привести ихъ въ городъ Атину, въ коемъ онъ самъ находился въ то время.

Въ это время въ Кампанію прибылъ изъ Далмаціи[6]) нѣкоторый

---

1) *Милетъ*—приморскій городъ въ малоазійской римской провинціи Каріи.

2) *Святый мученикъ Акакій* скончался около 321 года.

3) *Городъ Синнада* находился въ Малой Азіи, въ римской провинціи Фригіи.

4) *Антонинъ Пій* управлялъ Римскою имперіею съ 138 г. по 161 г.

5) *Кампанія*—провинція въ древней Италіи, ограниченная на западѣ Лаціумомъ, на сѣверѣ—Самніумомъ, на востокѣ—Луканіею, на югѣ и юго-западѣ—Тирренскимъ моремъ. Древніе авторы хвалятъ какъ ея благодатный климатъ, такъ и плодородіе почвы, дозволявшее трижды въ годъ сѣять и собирать жатву. Здѣсь было много виноградниковъ, маслинъ и строевого лѣсу. Жители Кампаніи (язычники) были извѣстны своею изнѣженностью и любовью къ роскоши.—Въ исторіи христіанскаго Богослуженія Кампанія замѣчательна, между прочимъ, тѣмъ, что здѣсь впервые (въ VIII вѣкѣ) христіане начали отливать изъ мѣди колокола, послужившіе орудіемъ созыва христіанъ къ Богослуженію и замѣнившіе бывшія до того времени въ употребленіи «била» или желѣзныя доски, въ которыя ударяли какимъ-либо орудіемъ, дабы извлечь звукъ и оповѣстить христіанъ о началѣ Богослуженія. Отъ имени самой провинціи Кампаніи и колокола на языкѣ церковно-богослужебнаго устава называются *кампанами*. По примѣру этой провинціи, колокола были приняты въ употребленіе во всей Христіанской Церкви.

6) *Далмація*—въ древности римская провинція, нынѣ область, входящая въ составъ Австро-Венгерской имперіи. Далмація расположена узкой полосой по берегу Средиземнаго моря; граничитъ на сѣверѣ съ Хорватіей, на востокѣ—съ Босніей и Герцеговиной, на югѣ—съ Черногоріей. Далмація подчинена была римскому владычеству въ 6 г. по Р. Х.; съ этихъ поръ она, вмѣстѣ съ Иллирикомъ, стала императорской провинціей. Жители Далмаціи принадлежали къ иллирійскому племени и занимались охотою, земледѣліемъ и скотоводствомъ.

мужъ, юный лѣтами, но старый по поведенію и мудрости христіанской; прекрасный и самымъ тѣломъ, но еще болѣе прекраснѣйшій благодатію и святостію; честный по происхожденію, но еще болѣе честнѣйшій по вѣрѣ. Имя мужу тому было Іуліанъ. Въ то время какъ Іуліанъ проходилъ около города Анагнія, случайно натолкнулся онъ на воиновъ игемоновыхъ. Іуліанъ воздалъ имъ христіанское привѣтствіе, сказавъ:

— Миръ вамъ, братія!

Воины же, догадавшись по этимъ словамъ и по всему кроткому поведенію святаго, что это былъ христіанинъ, начали спрашивать его,—кто онъ и откуда? Каково его имя и какую вѣру онъ исповѣдовалъ?

Рабъ же Божій Іуліанъ, желая пострадать и умереть за Имя Христово, безстрашно отвѣчалъ:

—Я—христіанинъ; имя мое—Іуліанъ; происхожу я изъ Далмаціи; направляюсь же въ эти страны, всюду увѣщевая людей отвергнуть поклоненіе идоламъ и увѣровать въ единаго Истиннаго Бога и Сына Его Господа Іисуса Христа; я увѣщеваю людей почтить Того, о Которомъ я проповѣдую и ради Котораго я готовъ положить жизнь свою.

Воины весьма удивились столь мужественному отвѣту святаго, однако взяли его, крѣпко связали и повели, ударяя палками и оружіемъ и говоря:

— Посмотримъ, насколько справедливы будутъ слова твои о томъ, что ты желаешь умереть за Распятаго!

Перенося побои, святый молился Богу, прося дать ему силу до конца претерпѣть страданія за святое Имя Его. И молитва святаго Іуліана была услышана Богомъ, ибо нисшелъ Голосъ, укрѣпившій святаго и говорившій:

— Не бойся, Іуліанъ! Я буду съ тобою и дамъ тебѣ силы и мужество.

Тогда святый юноша принесъ благодареніе милосердому Богу, послѣ чего былъ отведенъ къ игемону и по повелѣнію его былъ заключенъ въ страшной темницѣ, называвшейся «Холоднымъ рвомъ». Въ этой темницѣ святаго содержали семь дней безъ пищи и питія, думая погубить его голодомъ и жаждою.

Но Богъ не оставилъ раба Своего, ибо послалъ къ нему святаго Ангела. Узникъ Христовъ наслаждался лицезрѣніемъ и бесѣдою съ симъ Ангеломъ, принимая небесную пищу изъ рукъ его.

Спустя семь дней игемонъ вышелъ на публичное судилище (здѣсь потомъ была построена церковь во имя Пречистыя Богородицы) и возсѣлъ на судилищномъ мѣстѣ въ присутствіи множества собравшагося народа; потомъ приказалъ представить себѣ мученика для допроса. Когда святый былъ приведенъ къ игемону, то сей послѣдній спросилъ его:

— Не стыдно ли тебѣ, столь красивому и честному юношѣ, поклоняться малоизвѣстному назарянину, распятому на крестѣ? Развѣ не лучше было бы, если бы ты отрекся отъ этой дурной вѣры? Поклонись богамъ нашимъ, тогда царь будетъ милостивъ къ тебѣ.

Мученикъ отвѣчалъ:

— Моя слава и похвала—распятый Христосъ, Богъ мой; и я не желаю самъ ничѣмъ инымъ хвалиться, кромѣ Креста Господа моего; а за святую вѣру, которую ты называешь дурною, я готовъ умереть. Но твои боги поистинѣ мерзки, ибо они бѣсы; пусть стыдятся ихъ всѣ тѣ, кто поклоняется имъ.

Ст҃ый мч҃нкъ Іꙋліа́нъ

Послѣ этихъ словъ святаго игемонъ пришелъ въ ярость и повелѣлъ бить святаго по устамъ, а также мучить его, растянувъ на мучилищномъ деревѣ.

Святый же, принимая побои, молился Богу, говоря такъ:

— На Тебя я, Господи, уповаю; силою Твоею спаси меня. Ты—мой Богъ, помощникъ мой, прибѣжище и избавитель мой; пусть устыдятся всѣ, поклоняющіеся идоламъ и замыслившіе сдѣлать мнѣ зло. Къ Тебѣ, Господи, взываю я: не отдай меня во власть враговъ моихъ.

И снова посланъ былъ святому Голосъ съ Неба, укрѣпившій святаго и говорившій:

— Не бойся! Подвизайся мужественно!

Тогда мученикъ Христовъ, обратившись къ народу, сказалъ:

— Внимайте, окаянные! Не надѣйтесь на боговъ, коихъ вы сдѣлали сами себѣ своими руками; познайте Того Бога, Который создалъ изъ ничего небо и землю.

Увѣщевая народъ въ таковыхъ словахъ, святый Іуліанъ обратилъ ко Христу болѣе тридцати мужей; потомъ снова былъ отведенъ въ темницу.

Утромъ слѣдующаго дня святый снова былъ выведенъ на судилище. Игеменъ сказалъ ему такія слова:

— Я хотѣлъ бы пощадить тебя, не щадящаго самого себя и не хотящаго поклониться богамъ непобѣдимымъ.

На эти слова святый мученикъ отвѣчалъ:

— Напрасно ты говоришь мнѣ это; ты уже не измѣнишь моихъ мыслей. Я поклоняюсь Тому Богу, Которому должны всѣ поклоняться. Этотъ Богъ сотворилъ небо и землю.

Игемонъ Флавіанъ пришелъ въ гнѣвъ отъ этихъ словъ святаго и приказалъ повѣсить Іуліана на мучилищномъ деревѣ и терзать святаго побоями и строганіемъ желѣзомъ. Но по силѣ Бога, дивнаго во святыхъ Своихъ, руки мучителей ослабѣли и разболѣлись, такъ что они не только не могли коснуться святаго, но даже не могли держать въ рукахъ орудій мученія и вообще не могли ничего дѣлать.

Въ то время какъ игемонъ весьма удивлялся этому, прибылъ вѣстникъ, возвѣстившій, что храмъ бога ихъ, называемаго Серапи-сомъ[1]), упалъ и идолъ того бога вмѣстѣ съ прочими идолами превратился въ прахъ.

Игемонъ и его бѣсовскіе слуги пришли въ великое изумленіе отъ сего извѣстія и преисполнились стыдомъ; христіане же, находившіеся среди народа и исповѣдывавшіе втайнѣ святую вѣру, возрадовались душею и прославили Христа Бога.

Потомъ язычники, стоявшіе близъ мѣста того, воскликнули во всеуслышаніе:

— Да будетъ погубленъ сей волхвъ какъ можно скорѣе!

Игемонъ, преисполненный гнѣва и злобы, тотчасъ же изъ-

---

[1]) *Серапись*—собственно божество Египтянъ. Серапись считался у Египтянъ верховнымъ богомъ подобно тому, какъ Зевсъ считался главнымъ богомъ у Грековъ и Римлянъ. Поклоненіе Серапису не ограничивалось Египтомъ; во II в. до Р. Хр. культъ (поклоненіе) Сераписа проникъ въ Грецію и Римъ. Культу Сераписа особенно покровительствовалъ императоръ Неронъ и Антонинъ Пій, упоминаемый въ житіи. Въ Римѣ существовало нѣсколько храмовъ, посвященныхъ Серапису, было также много надписей и памятниковъ съ именемъ этого бога.

явилъ согласіе на требованіе народа и предалъ мученика на смерть, высказавъ свое рѣшеніе въ такихъ словахъ:

— Повелѣваемъ усѣчь мечомъ во главу Іуліана, наученнаго христіанами волшебной хитрости, хулителя боговъ, ослушника царскаго приказанія; усѣчь же повелѣваемъ на томъ мѣстѣ, гдѣ разрушился храмъ, дабы отомстить за безчестіе, нанесенное богамъ нашимъ.

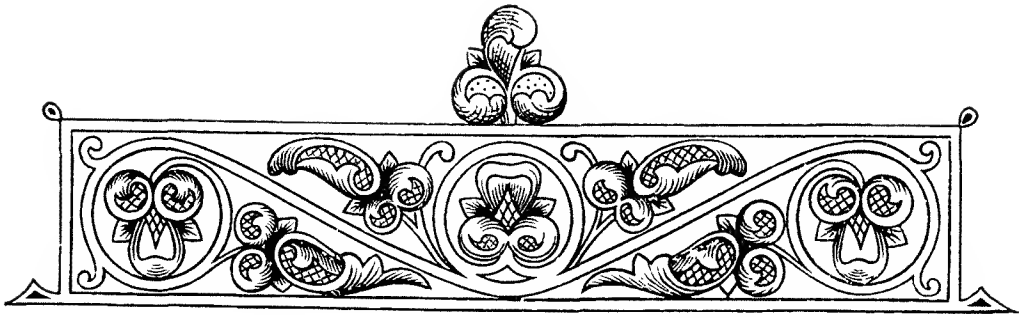
И поведенъ былъ святой къ тому мѣсту.

Придя туда, святый преклонилъ колѣна и помолился Богу въ такихъ словахъ:

«О безконечная благость Божія! Благодарю Тебя, Боже, за то, что Ты сподобилъ меня, недостойнаго, такой честнòй смерти, какъ смерть за святое Имя Твое. Молю же Тебя, омой меня симъ самымъ пролитіемъ крови моей, очисти меня отъ грѣховъ моихъ и введи меня въ благословенное Царство Твое. Пріими духъ мой въ мирѣ. Не забудь милосердіемъ Своимъ и всѣхъ тѣхъ, кто пожелаетъ во славу Пресвятаго Имени Твоего почтить память моего страданія».

Послѣ того какъ святый помолился въ такихъ словахъ, съ Неба послышался Голосъ, удостовѣрявшій, что молитва его была услышана, и призывавшій святаго въ мѣста горнія. И усѣченъ былъ во главу святый мученикъ Іуліанъ[1]). Святая душа его, отрѣшившись отъ плоти, взошла на Небеса, ко Христу Богу нашему, царствующему со Отцомъ и Святымъ Духомъ, Коему возсылается слава, нынѣ, всегда и въ безконечные вѣки. Аминь.

[1]) Съ точностію годъ кончины Іуліана неизвѣстенъ. Время кончины святаго слѣдуетъ относить къ серединѣ II в.



День двадцать девятый

СТРАДАНІЕ
СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ ДѢВИЦЫ
СЕРАФИМЫ

Во дни страшныхъ гоненій, воздвигнутыхъ нечестивыми римскими царями, много вѣрующихъ пострадали за Христа въ различныхъ мученіяхъ. Въ это время въ селеніи Винденѣ въ домѣ одной женщины—Савины, которая происходила изъ знатнаго рода, проживала дѣвица Серафима, антіохійская гражданка. Своими поученіями она привела и Савину къ вѣрѣ Христовой.

Игемонъ Бериллъ послалъ своихъ слугъ въ домъ Савины съ приказаніемъ взять святую дѣвицу Серафиму и представить къ нему на судъ. Блаженная Савина воспротивилась этому и всѣми силами старалась не допустить, чтобы посланные взяли дѣвицу. Но святая Серафима сказала ей:

— Госпожа моя и мать! Отпусти меня съ ними. Ты только усердно молись за меня Богу. Я уповаю на Господа моего Іисуса Христа и вѣрую, что Онъ придетъ ко мнѣ и дастъ мнѣ силы вѣрно послужить Ему, хотя я и недостойна сего по грѣхамъ моимъ.

Блаженная Савина не рѣшилась, однако, отпустить святую дѣву съ нечестивыми слугами игемона и вмѣстѣ съ нею пошла сама къ игемону. Такъ какъ она по своему происхожденію принадле-

жала къ знаменитой сенаторской фамиліи, то игемонъ, увидѣвъ ее предъ собой, пришелъ въ смущеніе и поспѣшилъ отпустить ее домой вмѣстѣ со святою Серафимой.

Прошло три дня. Игемонъ распорядился устроить судилище на томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно происходилъ судъ, и приказалъ градоправителямъ привести Серафиму. Нечестивые властители схватили святую дѣвицу и повели на судъ. Блаженная Савина снова послѣдовала за нею. Увидѣвъ, что нѣтъ возможности освободить Серафиму изъ рукъ ея враговъ, она закричала игемону:

— Свирѣпый азіатскій песъ! Не смѣй дѣлать зла святой дѣвицѣ Божіей. Ты самъ погибнешь, ибо съ нами Христосъ Богъ нашъ, и Онъ казнитъ и тебя, и нечестивыхъ царей твоихъ вѣчными муками за тѣ многочисленныя страданія, кои вы изобрѣли для слугъ Бога Живаго.

Сказавъ это, Савина съ рыданіемъ возвратилась въ домъ свой.

Ст҃аѧ мч҃нца Серафіма

Тогда игемонъ обратился къ Серафимѣ съ такими словами:

— Принеси жертву безсмертнымъ богамъ, коимъ поклоняются и цари наши.

Серафима отвѣчала:

— Я благоговѣю и служу Всемогущему Богу, сотворившему небо и землю и все, что на нихъ находится. Тѣ же, кому ты повелѣваешь поклониться, не боги, а бѣсы; почитать ихъ мнѣ не подобаетъ, ибо я—христіанка.

Игемонъ сказалъ ей:

— Тогда подойди и принеси Христу твоему ту самую жертву, которая уготована нашимъ богамъ.

Серафима отвѣчала:

— Я каждый день приношу Ему жертву, поклоняюсь Ему и молюсь Ему и днемъ и ночью.

Тогда игемонъ спросилъ:

— Гдѣ храмъ Христа твоего? Какую жертву ты Ему приносишь?

Серафима отвѣчала:

— Жертва, угодная Христу, состоитъ въ томъ, чтобы я непорочно сохранила въ чистотѣ свое дѣвство и съ Его всесильной помощью привела и другихъ къ этому подвигу.

Игемонъ сказалъ:

— Это ли церковь ваша и жертва?

Серафима отвѣчала:

— Нѣтъ ничего выше познанія Истиннаго Бога и служенія только Ему Единому благочестивой жизнію.

Игемонъ сказалъ:

— Ужъ не ты ли сама, какъ говоришь, церковь для Бога твоего?

Серафима отвѣчала:

— Такъ какъ я соблюдаю себя непорочной всесильной помощью Бога моего, то я поистинѣ Его церковь. Въ нашемъ священномъ Писаніи сказано: «**вы̀ є҆стѐ це́ркви бг҃а жи́ва, и҆ дх҃ъ бж҃і́й живе́тъ въ ва́съ**»[1]).

Игемонъ спросилъ:

— Но если тебя изнасилуютъ и растлятъ твое дѣвство, останешься ли ты тогда церковью для Бога твоего.

Серафима на это отвѣтила словами Священнаго Писанія:

— «**А҆́ще кто̀ хра́мъ бж҃і́й растли́тъ, растли́тъ сего̀ бг҃ъ**»[2]).

Но игемонъ не понялъ этихъ словъ и приказалъ отдать Серафиму въ руки двухъ безстыдныхъ юношей, родомъ изъ Египта, чтобы они всю ночь пробыли съ ней. Эти нечестивые юноши взяли ее и отвели въ темную храмину. Святая дѣва съ умиленіемъ молилась Господу:

— Господи Іисусе Христе, истинный хранитель и блюститель дѣвства моего, призываю Тебя на помощь! Къ Тебѣ взываю, свѣтъ и веселіе вѣчное! Ты, посѣтившій и укрѣпившій заключеннаго въ темницѣ Апостола Твоего Павла, призри и на меня и помилуй смиренную рабу Твою. Избавь меня отъ нечестивой похоти юношей сихъ. Молю Тебя, пусть потемнѣютъ очи ихъ и

---

1) 2 Посл. къ Коринѳ., гл. 6, ст. 16.

2) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 3, ст. 16—17.

не прикоснутся они къ рабѣ Твоей, на Тебя уповающей! Да не осквернятъ они моего тѣла, Твоею святыней запечатлѣннаго. Посрами ихъ безстыдство и не попусти моего растлѣнія, повели скорѣе, да преставлюсь къ Тебѣ. Призри и на рабу Твою Савину, благій Іисусе, и укрѣпи ее силою Твоею, да не восторжествуетъ лютый врагъ діаволъ: ибо и она много претерпѣла въ дѣлѣ моемъ. Услыши меня, Господи Іисусе Христе, благословенный и преславный и превозносимый со Отцомъ и Святымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

И вотъ, въ первомъ часу ночи, когда нечестивые юноши хотѣли совершить свое постыдное дѣло, вдругъ поднялся великій шумъ и началось страшное землетрясеніе, которое слышали и всѣ окрестные жители. Юноши какъ бездыханные пали на землю, и всѣ члены ихъ пришли въ разслабленіе. Видя такую скорую помощь Божію, непорочная дѣвица, воздѣвши руки къ Небу, со слезами благодарила Господа и всю ночь провела въ молитвѣ. Раннимъ утромъ явились посланные отъ игемона спросить юношей, исполнили ли свое хотѣніе. Войдя въ храмину, они увидѣли, что святая дѣва молится, а юноши лежатъ какъ мертвые, не имѣя силы ни встать, ни сказать что-либо; и только открытыя очи свидѣтельствовали, что они еще живы. Собралось множество народа посмотрѣть на это чудо. Услыхавъ о происшедшемъ, игемонъ снова повелѣлъ представить къ нему на судъ рабу Божію Серафиму и сказалъ ей:

— Удовлетворено ли, Серафима, твое плотское желаніе, или ты все еще распаляешься похотью?

Святая Серафима отвѣчала:

— Ты, какъ я вижу, имѣешь развращенное сердце, и діаволъ въ немъ обитаетъ; потому ты такъ и кощунствуешь. Но я не познала тѣхъ юношей, о которыхъ ты говоришь, и даже не чувствовала, были ли они со мною.

Игемонъ сказалъ:

— Такъ ты утверждаешь, что они не провели съ тобою всю ночь?

Серафима отвѣчала:

— Со мной былъ Тотъ, Кому я служу какъ раба и Кто стяжалъ меня Своею кровію.

Игемонъ спросилъ:

— Кто же это?

Серафима отвѣчала:

— Хранитель и блюститель мой, Господь Іисусъ Христосъ.

Игемонъ сказалъ:

— Для чего такъ много непотребнаго говоришь ты? Скажи лучше, какимъ волхвованіемъ ты привела тѣхъ юношей въ разслабленіе?

Святая Серафима отвѣчала:

— Намъ, христіанамъ, не подобаетъ учиться волшебству, а кого убиваете вы своимъ злодѣйскимъ волшебствомъ, тѣхъ оживляетъ нашъ Господь и всѣхъ Владыка Іисусъ Христосъ, когда призываютъ Его помощь.

Игемонъ сказалъ:

— Если твой Христосъ можетъ преодолѣть всю волшебную хитрость, то призови Его, чтобы Онъ возвратилъ этимъ юношамъ былую ихъ тѣлесную силу. Тогда мы можемъ узнать отъ нихъ самихъ, что они дѣлали у тебя всю ночь. Самъ я почти увѣренъ, что ты какимъ-нибудь злымъ волхвованіемъ лишила ихъ разсудка, чтобы они не могли возвѣстить о твоей нечистотѣ.

Серафима отвѣчала:

— Богъ, Коему я служу, всемогущъ, и нѣтъ для Него ничего невозможнаго.

Игемонъ сказалъ:

— Такъ сдѣлай же, чтобы юноши пришли въ себя, чтобы возвратилось ихъ здоровье и они могли говорить.

Серафима отвѣчала:

— Ты все еще думаешь, что я волшебница. Но я совсѣмъ не вѣдаю волшебной хитрости. Я приношу Богу моему свои молитвы, по которымъ Онъ подаетъ просимое не одной только мнѣ, но и каждому, кто призываетъ Его всѣмъ своимъ сердцемъ.

Игемонъ сказалъ:

— Дѣлай, что хочешь, только пусть юноши получатъ способность говорить, и мы увѣдаемъ, сохранила ли ты свое дѣвство.

Серафима отвѣчала:

— Я уже сказала тебѣ, что не знаю волхвованія: я только могу молить Бога, чтобы Онъ явилъ Свою милость.

Игемонъ сказалъ:

— Иди же къ тому мѣсту, гдѣ находятся юноши, и помолись о нихъ Богу твоему.

Серафима отвѣчала:

— Мнѣ идти туда неприлично, ибо тогда другіе лишены будутъ возможности видѣть это чудо и по своему невѣрію такъ же подумаютъ о мнѣ, какъ думаешь и ты, что я волшебница. Лучше прикажи принести омертвѣвшихъ юношей сюда.

Игемонъ далъ повелѣніе принести юношей на мѣсто суда. Когда ихъ принесли, всѣ изумились, глядя на нихъ. Они были въ такомъ великомъ разслабленіи, что, казалось, не имѣли ни языка, ни рукъ, ни ногъ.

Игемонъ сказалъ:

— Серафима! Помолись теперь своему Богу, чтобы юноши выздоровѣли.

Тогда святая Серафима, воздѣвъ руки къ Небу, стала молиться съ умиленіемъ:

— Всесильный Господи Боже! Ты сотворилъ небо, землю и море, и все, что на нихъ. Ты, чрезъ Своихъ учениковъ и Апостоловъ, воскрешалъ мертвыхъ, исцѣлялъ прокаженныхъ, подавалъ нѣмымъ рѣчь и глухимъ слухъ. Услыши нынѣ меня, рабу Твою, на Тебя уповающую. Не презри моленія моего и не отвратися отъ меня изъ-за невѣрія несчастнаго правителя сего, но даруй исцѣленіе юношамъ симъ предъ лицомъ всѣхъ ожидающихъ сего чуда. Пусть посрамится безумецъ, который неистовствомъ возбужденный воздвигъ гоненіе на вѣрующихъ въ Тебя. Поспѣши, Господи, явить силу Твою, да познаютъ, что Ты — единъ Богъ, творящій чудеса, и нѣтъ иного, кромѣ Тебя.

Помолившись такъ, святая Серафима подошла къ юношамъ и, прикоснувшись къ нимъ, возгласила:

— Именемъ Господа нашего Іисуса Христа повелѣваю: встаньте на ноги!

Юноши тотчасъ же встали и начали говорить. Увидѣвъ это, всѣ пришли въ ужасъ и удивлялись.

Но игемонъ сказалъ:

— Развѣ вы не замѣтили, что она не могла исполнить свою волшебную хитрость до тѣхъ поръ, пока не прикоснулась къ юношамъ руками?

Послѣ сего онъ обратился къ юношамъ и спросилъ:

— Какъ могла эта женщина лишить васъ и ума, и тѣлесной силы?

Юноши отвѣчали:

— Господинъ игемонъ! Когда мы по твоему повелѣнію вошли

къ ней, то вдругъ явился какой-то юноша, прекрасный и весь блистающій, какъ солнце. Онъ сталъ посрединѣ между нами и дѣвицей. Отъ необычайнаго его сіянія напалъ на насъ страхъ, трепетъ и тьма, и полное разслабленіе. Съ того часа и до сего времени мы пребывали въ такомъ состояніи. Разсуди теперь самъ, волшебница ли она, или воистину великъ ея Богъ.

Игемонъ обратился къ Серафимѣ и сказалъ:

— Объясни мнѣ, Серафима, какою хитростію ты это сдѣлала, и я тотчасъ тебя отпущу.

Серафима отвѣчала:

— Я возненавидѣла ученіе злое, да и всѣ христіане могутъ отогнать всякое волшебство и чародѣйство, и никакого отъ нихъ вреда не испытаютъ, если только призовутъ Имя Господа своего.

Игемонъ сказалъ ей:

— Вижу я, какъ много можешь ты сдѣлать своимъ волхвованіемъ; однако, вотъ что скажу тебѣ: если ты не принесешь жертвы моимъ богамъ, то прикажу отсѣчь твою голову.

Серафима отвѣтила:

— Дѣлай, что тебѣ угодно, но я бѣсамъ твоимъ жертвы не принесу и не исполню воли сатаны, отца твоего, ибо я христіанка.

Тогда игемонъ приказалъ опалять ея тѣло двумя свѣчами. Но свѣчи вдругъ погасли, а тѣ, кто опалялъ, упали на землю. Святая Серафима, возведя очи къ небу, говорила:

— Господи Іисусе Христе, пусть устыдятся и посрамятся всѣ мои враги.

Игемонъ сказалъ ей:

— Принеси жертву богамъ, чтобы не умереть тебѣ въ мученіяхъ.

Серафима отвѣчала:

— Я для того и не приношу жертвы вашимъ бѣсамъ, чтобы не умереть вѣчною смертью.

Игемонъ сказалъ ей:

— Безумная и бѣснующаяся! Послушайся царскихъ повелѣній, поклонись безсмертнымъ богамъ и освободишь себя отъ мученій и гибели.

Серафима отвѣчала:

— Сами вы одержимы бѣсами и безумны, ибо отрекаетесь отъ Бога Живаго и Истиннаго и поклоняетесь бѣсамъ, съ коими

вмѣстѣ и погибнете. Я же приношу себя въ жертву безсмертному Богу, только бы Онъ благоизволилъ принять меня, хотя и грѣшную, но истинную христіанку.

Тогда игемонъ повелѣлъ бить ее палками. Когда это было исполнено, внезапно поднялось великое землетрясеніе. Отъ одной изъ палокъ, которыми били святую, отскочилъ обломокъ и попалъ въ правый глазъ игемону, и черезъ три дня онъ ослѣпъ.

Тогда игемонъ пришелъ въ великую ярость и издалъ такой приказъ:

«Серафиму, не только презирающую царскія заповѣди, но и повинную въ великихъ злодѣяніяхъ, повелѣваемъ убить мечомъ».

И святая дѣва Серафима была обезглавлена.

Благородная Савина, съ великимъ благоговѣніемъ взявши ея святое тѣло, совершила погребеніе его съ почестями, подобающими такой дѣвѣ и мученицѣ Христовой, и какъ великое сокровище и драгоцѣннѣйшую жемчужину положила въ своемъ новомъ гробѣ, возсылая хвалу Христу, Истинному Богу, со Отцемъ и Святымъ Духомъ славимому во вѣки. Аминь.

СТРАДАНІЕ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

КАЛЛИНИКА

Святый мученикъ Каллиникъ родился въ Киликіи и былъ воспитанъ въ христіанскомъ благочестіи. Достигши зрѣлаго возраста, Каллиникъ увидѣлъ, какъ много людей держится языческаго нечестія: помраченные бѣсовскою прелестію, они далеки отъ Владыки Христа, вѣруютъ въ камни бездушные и приносятъ жертвы идоламъ. Горько плакалъ Каллиникъ о погибели этихъ людей и рѣшилъ начать открыто ихъ учить познанію истины, чтобы обратились они отъ своего заблужденія и увѣровали во Христа Бога. Проповѣдуя, подобно Апостоламъ, Слово Божіе, прошелъ Каллиникъ многіе города и селенія и прибылъ, наконецъ, въ галатійскій городъ Анкиру. Въ этомъ городѣ онъ оставался довольно долгое время. Заботясь о спасеніи душъ человѣческихъ и трудясь во благовѣстіи Христовомъ, онъ многихъ обратилъ ко Христу. За это онъ былъ схваченъ невѣрными и представленъ

на судъ князю Сакердону. Сакердонъ былъ усерднѣйшій служитель идоловъ, врагъ Христовъ и лютый гонитель христіанъ. Приведя къ нему Каллиника, нечестивые возопили:

— Вотъ, чужестранецъ Каллиникъ, который научаетъ людей, чтобы они не приносили жертвъ богамъ и не поклонялись имъ, и многихъ онъ уже прельстилъ.

Съ яростію взглянувъ на святаго, князь грозно сталъ его допрашивать:

— Какъ ты осмѣлился, безумецъ, будучи здѣсь пришлецомъ, развращать народъ, научая его оставить боговъ, которые міръ сотворили и которыхъ почитаетъ царь, и всѣ власти, и вся вселенная? Развѣ не вѣдаешь ты ихъ могущества?

Святый кротко отвѣчалъ ему:

— Рабъ я Христовъ. Видя, какъ люди идутъ къ погибели, я болѣю за нихъ сердцемъ и сколько могу, стараюсь добрымъ ученіемъ обратить ихъ отъ тьмы къ свѣту и отъ погибели ко спасенію. Ибо въ нашихъ книгахъ написано: ѡ҆братѝвый грѣ́шника ѿ заблꙋжде́нїѧ пꙋтѝ є҆гѡ̀, спасе́тъ дꙋ́шꙋ ѿ смє́рти и҆ покры́етъ мно́жество грѣхѡ́въ[1]). Хотѣлъ бы я и тебя привести къ свѣту отъ обдержащаго тебя бѣсовскаго помраченія и наставить на истинный путь.

Князь, исполненный гнѣва, сказалъ:

— Ужели ты хочешь и думаешь, чтобы я отвергъ боговъ и, послушавъ твоихъ безумныхъ словъ, предпочелъ блаженной жизни горькую смерть. Нѣтъ, никогда! Наоборотъ, я убѣжду тебя, даже противъ твоей воли, поклониться нашимъ богамъ. Ибо я предамъ тебя лютымъ мученіямъ и тогда посмотрю, придетъ ли твой Богъ, чтобы избавить тебя отъ моей власти. Не пощажу твоего тѣла до тѣхъ поръ, пока ты не познаешь силы и власти боговъ и не принесешь имъ жертвы.

Святый мужественно отвѣчалъ Сакердону:

— Всякое мученіе ради Господа моего для меня такъ же желанно, какъ голодному пища. Не медли поэтому и не трать времени на угрозы, а начни на дѣлѣ свое мучительство. Вотъ тѣло мое—оно готово на муки. Въ душѣ же моей Самъ Богъ, Который уготовитъ мнѣ спасеніе, а тебѣ погибель.

Еще болѣе разгнѣванный, князь сказалъ:

---

[1]) Посл. Ап. Іакова, гл. 5, ст. 20.

— Несчастный! Какъ ты смѣешь досаждать мнѣ такими рѣчами? Клянусь богами, что не помилую я тебя, но сдеру тѣло твое съ костей, всякое мученіе измыслю для тебя до тѣхъ поръ, пока не погибнешь ты лютой смертью.

Святый отвѣчалъ:

— Сквернѣйшій изъ всѣхъ нечестивцевъ! Доколѣ ты будешь напрасно терять время въ своей ярости, а къ дѣлу не приступать? Предавай мученію меня, и увѣдай мужество и великодушіе подвижника Христова, ожидающаго принять отъ своего Спасителя побѣдный вѣнецъ.

Тогда мучитель повелѣлъ обнажить мученика и бить его безъ пощады воловьими жилами. Долго били святаго, а глашатай восклицалъ:

— Каллиникъ, познай боговъ и призови ихъ, и они избавятъ тебя отъ мукъ!

Но святый мученикъ смѣялся надъ мучителемъ и муками и громко говорилъ:

Ст҃ый мч҃нкъ Каллі́никъ

— Ты грозилъ мнѣ великими мученіями, а налагаешь самыя слабыя муки. Нанеси мнѣ большія раны, предай лютѣйшему мученію: ибо я ни огня не боюсь, ни меча не ужасаюсь, смѣюсь надъ смертью, такъ какъ жду отъ Бога моего вѣчной жизни.

Тогда князь повелѣлъ повѣсить страстотерпца на деревѣ и строгать его тѣло желѣзными гвоздями. Такъ острогали его плоть до костей.

Но святый продолжалъ смѣяться надъ этимъ мучительствомъ, какъ будто мукамъ подвергалось не его, а чужое тѣло, и говорилъ князю:

— Прикажи еще сильнѣе строгать меня, ибо чѣмъ больше строгаешь мое тѣло, тѣмъ больше насыщаешь душу мою: мнѣ помогаетъ Христосъ; укрѣпляемый Его благодатью, я не ощущаю боли отъ мученій.

Послѣ того мучитель велѣлъ снять съ древа страдальца Христова, обуть его въ желѣзные сапоги, съ острыми гвоздями внутри, вести въ городъ Гангры, отстоящій отъ Анкиры въ восьмидесяти поприщахъ, и тамъ сжечь его. Такъ онъ рѣшилъ сдѣлать потому, что въ этомъ городѣ Каллиникъ обратилъ весьма многихъ ко Христу. Онъ думалъ, что, увидѣвъ мученическую кончину Каллиника, эти новообращенные ужаснутся и возвратятся къ прежней вѣрѣ. И такъ лютый князь предалъ воина Христова въ руки своихъ жестокихъ солдатъ и отдалъ имъ приказъ—самимъ ѣхать на борзыхъ коняхъ, а мученика гнать предъ собою впереди, понуждая его побоями идти скорѣе. Обутый въ желѣзные сапоги съ гвоздями, мученикъ ходилъ, какъ бы не ощущая боли отъ гвоздей, и воспѣвалъ Псаломъ Давидовъ: «Терпѧ̀ потерпѣ́хъ гдⷭ҇а, и҆ внѧ́тъ мѝ, и҆ ᲂу҆слы́ша мл҃твꙋ̀ мою̀: и҆ возведе́ мѧ ѿ ро́ва страсте́й, и҆ ѿ бре́нїѧ ти́ны, и҆ поста́ви на ка́мени но́зѣ мои̇̀, и҆ и҆спра́ви стѡпы̀ моѧ̑»[1]).

Такъ отправился онъ въ назначенный путь и шелъ скоро, безъ всякаго принужденія, впереди всадниковъ.

Когда они прошли шестьдесятъ поприщъ и пришли на мѣсто, называемое Матрика, воины отъ сильнаго солнечнаго зноя,—ибо былъ іюль мѣсяцъ,—стали мучиться жаждой. Воды на пути нигдѣ не было, и воины изнемогали сами, и кони ихъ едва дышали. Тогда они возопили къ святому со слезами:

— Рабъ Истиннаго Бога, помилуй насъ, отчаявшихся въ самой жизни нашей. Умоли Бога твоего, чтобы Онъ далъ намъ воду и мы не умерли. Слышали мы, что Богъ твой всемогущъ. Забудь же, что мы тебѣ причинили страданія: не по нашей волѣ, а по повелѣнію князя мучили мы тебя.

Видя, что они умираютъ отъ жажды, святый Каллиникъ пожалѣлъ ихъ и, желая сдѣлать добро врагамъ своимъ, сталъ около случившагося на дорогѣ камня и, возведя очи на Небо, сталъ молиться:

— Владыка неба и земли, и моря, и всей твари! Ты въ древности напоилъ водою изъ камня странствующихъ въ пустынѣ Моисея и бывшій съ нимъ народъ. Покажи и нынѣ чудеса Твои: пусть, по Твоему повелѣнію, изъ камня сего потечетъ вода и напоитъ сихъ жаждущихъ, чтобы и тѣмъ, кто не вѣдаетъ Тебя,

1) Псаломъ 39, ст. 2—3.

были явны преславныя дѣла Твои и прославилось Твое святое Имя.

Какъ только онъ окончилъ молитву, тотчасъ изъ камня забилъ источникъ живой воды. Всѣ пили, утоляли жажду и громко взывали:

— Великъ Богъ христіанскій и славенъ болѣе всѣхъ!

Съ того часа сей источникъ не переставалъ давать воду въ незабвенную память чуда Божія, совершившагося по молитвамъ мученика.

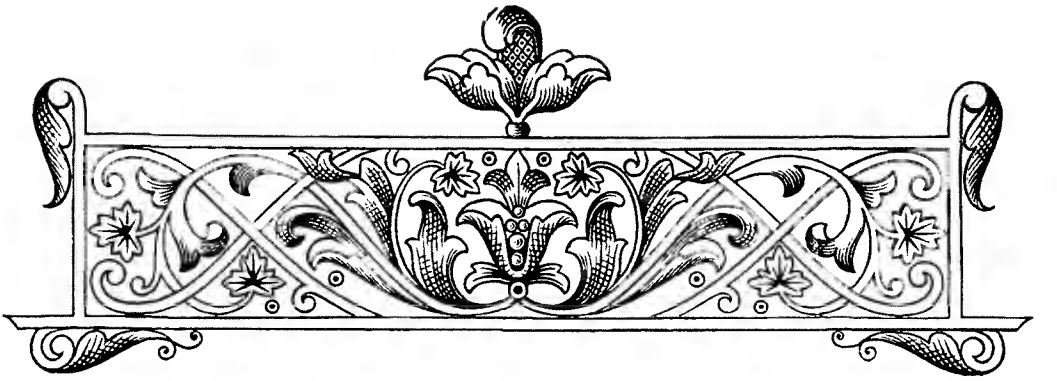
Достаточно прохладившись, воины и кони ихъ остальной путь совершили уже безъ труда и прибыли въ Гангры. Не хотѣлось имъ предавать на смерть своего благодѣтеля Каллиника, избавившаго ихъ въ пути отъ гибели. Но боясь, что князь, разгнѣвавшись, ихъ самихъ предастъ смерти, они исполнили повелѣніе княжеское. Разжегши печь, они поставили мученика близъ самаго пламени. Онъ же, радуясь и веселясь, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и сталъ молиться:

— Отче Небесный! Благодарю Тебя, что Ты удостоилъ меня умереть за Имя Твое святое. Прими въ мирѣ духъ мой и посрами Твоихъ враговъ, Всесильный Боже!

Съ такими словами вошелъ онъ въ самую средину пылавшей огнемъ печи и, возлегши, предалъ святую свою душу въ руцѣ Божіи. Когда печь погасла, честно́е тѣло его найдено было невредимымъ. Вѣрующіе взяли его и погребли съ подобающею честію, прославляя Отца, и Сына, и Святаго Духа—Единаго въ Троицѣ Бога. Да будетъ Ему и отъ насъ честь и слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Конда́къ, гла́съ в҃:

Бѡ́рнѧѧ кра̑снаѧ досто́йнѡ ны́нѣ наслѣ́довалъ є҆сѝ: хрⷭ҇то́вою бо ѕѣлѡ̀ любо́вїю разже́гсѧ, на ѻ҆́гнь каллїні́че тѣ́мъ мꙋ́жественнѡ дерзнꙋ́лъ є҆сѝ. є҆мꙋ́же и҆ ны́нѣ предстоѧ̀, не преста́й молѧ̀ ѡ҆ всѣ́хъ на́съ.



День тридцатый

ПАМЯТЬ

СВЯТЫХЪ АПОСТОЛОВЪ (ИЗЪ СЕМИДЕСЯТИ):

СИЛЫ, СИЛУАНА, КРИСКЕНТА

и другихъ съ ними

Святый апостолъ Сила, котораго старшіе Апостолы избрали на служеніе дѣлу проповѣданія Слова Божія, несъ большіе труды во благовѣстіи ученія Христова, сначала вмѣстѣ со святымъ верховнымъ Апостоломъ Павломъ, а потомъ и одинъ, безъ него. Когда отъ Іерусалимскаго Собора было составлено къ Антіохійской Церкви посланіе о томъ, чтобы не обрѣзывать язычниковъ, принимающихъ святую вѣру Христову, святый Сила былъ посланъ сюда вмѣстѣ съ другими заслуженными мужами, какъ объ этомъ пишетъ святый Лука въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ:

«Тогда Апостолы и пресвитеры со всею церковью разсудили, избравши изъ среды себя мужей, послать ихъ въ Антіохію съ Павломъ и Варнавою, именно: Іуду, прозываемаго Варсавою, и Силу—мужей, начальствующихъ между братіями»[1]).

Пришедши въ Антіохію, они собрали народъ и отдали посланіе. Прочитавши его, всѣ очень обрадовались полученному наставленію. Іуда же и Сила, обладая даромъ пророчества, усердно

---

[1]) Дѣян., гл. 15, ст. 22.

Ст҃і и а҆п҃лы:

сі́ла, сїаѹа́нъ, крискéнтъ, е҆пенéтъ и҆ а҆ндроні́къ

наставляли вѣрующихъ, утѣшая и утверждая ихъ въ вѣрѣ. Сила пожелалъ остаться въ Антіохіи, а Іуда возвратился въ Іерусалимъ. Послѣ этого Апостолъ Павелъ возъимѣлъ намѣреніе для проповѣди пойти въ другія страны и въ спутники себѣ избралъ святаго Силу. Порученные братіей благодати Божіей, они отправились и побывали въ Сиріи и Киликіи, утверждая здѣсь Церкви. Проходя чрезъ Дервію и Листру, они встрѣтили тамъ Тимоѳея и вмѣстѣ съ нимъ пошли въ Македонію. Когда они были въ Филиппахъ, то изгнали пытливаго духа изъ одной служанки, которая чрезъ прорицанія доставляла большой доходъ своимъ господамъ. Когда послѣдніе увидали, что пропала надежда дохода ихъ, то схватили Павла и Силу и повлекли на площадь къ начальникамъ, обвиняя ихъ въ томъ, что они возмущаютъ жителей города. Собралось много народа, а начальники, сорвавши одежды съ Павла и Силы, повелѣли бить ихъ палками. Послѣ многихъ ударовъ они заключили святыхъ апостоловъ въ темницу, заковавъ ноги въ колодки. Въ полночь, когда Павелъ и Сила, воспѣвая, молились Богу, вдругъ произошло такое великое землетрясеніе, что темница заколебалась, двери сами собой открылись и оковы ослабѣли. Темничный сторожъ пробудился и, увидѣвши, что двери темницы открыты, выхватилъ ножъ и хотѣлъ себя убить, думая, что узники убѣжали, но Апостолъ Павелъ, отозвавшись къ нему, удержалъ его отъ самоубійства. Съ трепетомъ сторожъ припалъ къ Павлу и Силѣ, а затѣмъ вывелъ ихъ изъ темницы и привелъ въ свой домъ, гдѣ омылъ ихъ раны и крестился самъ и всѣ домашніе его. Отсюда святые Апостолы Павелъ и Сила пошли въ Амфиполь, Аполлонію и Солунь. Многіе изъ Грековъ и немало благородныхъ женщинъ присоединились къ нимъ. Евреи же, изъ зависти и непокорства, пригласивши нѣкоторыхъ негодныхъ людей, возмутили противъ апостоловъ народъ и стремились погубить ихъ. Братья ночью отослали Павла и Силу въ Берію, но и здѣсь пришедшіе изъ Солуни евреи возбудили народъ противъ проповѣдниковъ Слова Божія. Поэтому Павелъ ушелъ въ приморскія страны, а Сила и Тимоѳей остались здѣсь. Ушедши чрезъ нѣсколько дней, они нашли святаго Павла въ Коринѳѣ[1]). Здѣсь святый Сила сталъ епископомъ. Потрудившись довольно времени въ проповѣдываніи Слова Божія и совершивши въ теченіе жизни нѣкоторыя знаменія и чудеса, онъ отошелъ ко Господу.

---

[1]) Дѣян., гл. 16—18.

Святый апостолъ Силуанъ трудился въ проповѣдываніи слова Божія вмѣстѣ съ верховными Апостолами Петромъ и Павломъ; они оба въ своихъ писаніяхъ упоминаютъ о немъ. Святый Петръ въ первомъ своемъ Соборномъ посланіи пишетъ такъ:

«Сіе кратко написалъ я вамъ черезъ Силуана, вѣрнаго, какъ думаю, вашего брата»[1]).

Святый Апостолъ Павелъ во второмъ Посланіи къ Коринѳянамъ тоже говоритъ:

«Сынъ Божій Іисусъ Христосъ, проповѣданный у васъ нами, мною и Силуаномъ»[2]).

Отсюда ясно, что святый Силуанъ съ каждымъ изъ верховныхъ Апостоловъ трудился въ проповѣдованіи ученія Христова, будучи участникомъ въ ихъ трудахъ и болѣзняхъ. Въ Солунѣ же онъ былъ епископомъ и, подъявши много скорбей ради вѣры, отошелъ здѣсь ко Христу, вѣнчающему всѣ подвиги.

О святомъ апостолѣ Крискентѣ вспоминаетъ святый Апостолъ Павелъ во второмъ Посланіи къ Тимоѳею, говоря: «Крискентъ въ Галатію»[3]), т. е., былъ посланъ на проповѣдь. Въ Галатіи же онъ былъ епископомъ: затѣмъ проповѣдовалъ о Христѣ въ Галліи и въ городѣ Віеннѣ поставилъ епископомъ своего ученика Захарію, возвратился снова въ Галатію и здѣсь мученически скончался въ царствованіе Траяна[4]).

О святомъ апостолѣ Епенетѣ также вспоминаетъ Апостолъ Павелъ въ Посланіи къ Римлянамъ: «Привѣтствуйте возлюбленнаго моего Епенета, который есть начатокъ Ахаіи для Христа»[5]). Епенетъ былъ епископомъ въ Карѳагенѣ.

Въ томъ же Посланіи къ Римлянамъ Апостолъ Павелъ вспоминаетъ и апостола Андроника: «Привѣтствуйте Андроника и Юнію, сродниковъ моихъ и узниковъ со мною, прославившихся между апостолами и прежде меня еще увѣровавшихъ во Христа»[6]).

---

1) 1 Посл. Петра, гл. 5, ст. 12.

2) 2 Посл. къ Коринѳ., гл. 1, ст. 19.

3) 2 Посл. къ Тимоѳ., гл. 4, ст. 10.

4) —Императоръ въ 98—117 гг.

5) Посл. къ Римл., гл. 16, ст. 5.

6) Посл. къ Римл., гл. 16, ст. 7.—Блаженный Ѳеодоритъ въ толкованіи на Посланія св. Ап. Павла (2 Посл. къ Коринѳ., 1, 19 и Солун. 1, 1) полагаетъ, что упоминаемый здѣсь апостолъ Силуанъ есть одно лице съ апостоломъ Силою. За это говоритъ и то, что Сила совсѣмъ не упоминается въ Посланіяхъ, тогда какъ онъ былъ одиимъ изъ ревностнѣйшихъ сотрудниковъ святыхъ Апостоловъ, Силуанъ же упоминается у Апостоловъ въ такихъ случаяхъ, которые приличны Силѣ. Западные толковники (Визелеръ, Мейеръ и другіе) и Силуана, о которомъ говоритъ

Кондакъ, гласъ д:

Лозіе избистеся Христова виноградa, гроздіе приносяще мудрїи въ добродѣтелехъ, вино намъ спасенія источающе: еже пріемлюще веселїя исполняемся, празднующе всечестную вашу память, въ нюже молитеся о оставленіи грѣховъ нашихъ, Господи Аплн.

СТРАДАНІЕ СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА

ВАЛЕНТИНА

Въ Омвріи, итальянской области, въ городѣ, называемомъ Интерамна, былъ епископомъ святый Валентинъ, получившій отъ Бога даръ врачеванія. Онъ, исцѣляя въ людяхъ всякія болѣзни и недуги молитвой и призываніемъ Пресвятаго Имени Іисуса Христа, обращалъ невѣрныхъ отъ идольскаго служенія къ Богу (въ то время языческое многобожіе еще господствовало въ мірѣ, и нечестивые цари, владѣвшіе Западомъ и Востокомъ, преслѣдовали христіанъ). Въ эти дни три схоластика[1]), родомъ изъ Аѳинъ[2]), вѣры языческой и по имени: Прокулъ, Ефивъ и Аполлоній, пришли для ученія въ Римъ, желая получше ознакомиться съ языкомъ и римской наукой. Они нашли одного ученаго наставника, опытнаго въ обоихъ языкахъ: латинскомъ и греческомъ, по имени Кратона, поступили къ нему въ ученіе и жили въ его домѣ. Случилось одному изъ сыновей Кратона, именемъ Херимону, сильно заболѣть; болѣзнь состояла въ томъ, что хребетъ его согнулся, голова очутилась между колѣнъ, и онъ никакъ не могъ выпрямиться. Многихъ врачей призывали, но они никакой пользы не могли принести больному. Страдалъ онъ такимъ образомъ около трехъ

Апостолъ Петръ въ первомъ Посланіи (5, 12), считаютъ за Силу. Крискентъ, по 6-ой пѣсни канона въ греческой минеѣ, проповѣдовавшій въ Галліи и бывшій архипастыремъ Кархидона, по замѣткѣ въ греческихъ минеяхъ, былъ епископомъ Новаго Кархидона въ Испаніи, сосѣдней съ Галліею. Въ славянской минеѣ вмѣсто Кархидона стоитъ Халкидонъ, а слова «въ Галліи тя» замѣнены: «помазаніемъ радованія».

[1]) *Схоластикъ*—ученикъ.

[2]) Въ Греціи.

лѣтъ и потерялъ всякую надежду на исцѣленіе. Пришелъ какъ-то въ домъ Кратона трибунъ[1]), по имени Фронтонъ; увидѣвши больного, онъ сказалъ:

— Такая болѣзнь была у моего родного брата, и онъ получилъ исцѣленіе отъ нѣкоего христіанскаго епископа, называемаго Валентиномъ, который живетъ въ городѣ Интерамнѣ.

Сообщивши объ этомъ, трибунъ совѣтовалъ Кратону послать къ сему епископу своего больного сына; сказалъ онъ о своемъ братѣ еще и то, что онъ, получивши исцѣленіе, не пожелалъ оставить епископа и, привлекаемый его добротой, привязался къ нему любовью. Услышавши все это, Кратонъ послалъ къ епископу нѣкоторыхъ почетныхъ, вѣрныхъ и преданныхъ ему мужей съ просьбой, чтобы онъ пришелъ къ нему, такъ какъ невозможно было въ такой путь отправлять больного отрока. Человѣкъ Божій для славы Господней не полѣнился притти изъ своего города въ Римъ къ пригласившему его мужу, и принятъ былъ имъ съ большой честью. Показавши святителю больного Херимона, Кратонъ сталъ просить, чтобы онъ исцѣлилъ сына, какъ исцѣлилъ брата трибуна. Святый Валентинъ сказалъ:

— Если ты хочешь, будетъ исцѣленъ сынъ твой.

— Половину своего имѣнія не пожалѣю отдать тебѣ, если ты только можешь исцѣлить сына моего.

Отвѣтилъ Кратонъ:

— Удивляюсь, — возразилъ святый, — тебѣ, что ты, будучи мудрымъ учителемъ, не понимаешь сказанныхъ мною словъ. Опять говорю тебѣ: если пожелаешь, выздоровѣетъ больной, ибо если увѣруешь во Христа моего, все будетъ возможно для вѣрующаго. Вѣрующій несравненно болѣе пріятенъ Богу, чѣмъ невѣрующій, который полагаетъ свою надежду въ мірскихъ и ничтожныхъ вещахъ и почитаетъ за боговъ изображенія нѣкогда жившихъ злыхъ людей, сдѣланныя изъ дерева, камня или какого-либо вещества. Какъ возможно допустить, чтобы богами были тѣ, которые, будучи погружены въ дурныя дѣла и упражняясь въ жестокихъ мученіяхъ, ни одного часу не имѣютъ свободнаго отъ мерзостныхъ беззаконій? Если вѣру, предлагаемую тебѣ мною, ты примешь, отказавшись отъ языческаго нечестія, и—возложишь свою надежду на Единаго Бога, невидимаго и всемогущаго, то будетъ дано здо-

---

[1]) Военный чинъ.

ровье твоему сыну, какъ ты желаешь. Ту же половину имѣнія, которую ты предлагаешь мнѣ, раздай нищимъ, пусть они молятъ Бога о тебѣ и твоемъ сынѣ. Меня же ты никакимъ образомъ не убѣдишь, чтобы я что-либо взялъ отъ тебя за исцѣленіе твоего сына; прошу только одной вѣры. Итакъ, вѣруй въ Сына Божія Іисуса Христа, что Онъ есть Истинный Богъ, откажись отъ всѣхъ своихъ идоловъ — и ты увидишь своего сына здоровымъ.

Кратонъ сказалъ на это:

— Хотя я не знаю, въ чемъ собственно состоитъ ваша вѣра, но слышалъ, что всякій спасается по своей вѣрѣ; вѣра одного не можетъ помочь другому и наоборотъ, чье-либо невѣріе не можетъ повредить другому.

Святый епископъ отвѣчалъ:

— Въ жизни человѣческой есть такое, что не можетъ другимъ ни помочь, ни повредить; и отеческое невѣріе не можетъ вредить вѣрѣ сыновней, но въ нуждѣ и при исцѣленіи больныхъ вѣра одного можетъ способствовать другому, напримѣръ, вѣрой отецъ въ состояніи помочь сыну, сестра брату и господинъ рабу. Въ Писаніи мы читаемъ, что сотникъ по вѣрѣ получилъ выздоровленіе своего умирающаго раба[1]); начальникъ синагоги свою умирающую дочь увидалъ возвращенной къ жизни[2]), а сестры, плачущія о своемъ умершемъ и погребенномъ братѣ Лазарѣ, увидали его на четвертый день воскресшимъ по слову Господа и возрадовались[3]). Есть и другіе многочисленные примѣры въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ, ясно показывающіе, что вѣра одного можетъ помочь другому. Бываетъ и такъ, что невѣріе одного приноситъ вредъ другимъ, напримѣръ, невѣріе одного человѣка — Фараона причинило различные казни всему Египту и даже погубило его со всѣмъ его воинствомъ.

Слушая эти и подобныя имъ рѣчи епископа, учитель Кратонъ палъ къ ногамъ его и сказалъ:

— Вѣрую въ Проповѣдуемаго тобой, что Онъ есть Истинный Богъ и нѣтъ другого, кромѣ Того, Кто повелѣваетъ болѣзнямъ и смерти уйти, и они уходятъ; повелѣваетъ жизни — и возвращается.

---

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. 8, ст. 5—13.
2) Еванг. отъ Матѳ., гл. 9, ст. 23—25.
3) Еванг. отъ Іоан., гл. 11, ст. 1—44.

Святый епископъ Валентинъ на это сказалъ ему:

— Вѣру христіанскую слѣдуетъ обнаруживать не только словами, но и дѣломъ.

— Каковы же,—спросилъ учитель,—тѣ дѣла, которыми можетъ обнаружиться вѣра?

— Откажись,—поучалъ епископъ,—отъ идоловъ, сдѣланныхъ руками человѣческими, и прими святое омовеніе, чтобы причислиться къ сынамъ Божіимъ.

— Какимъ же образомъ,—спросилъ Кратонъ,—вода, омывающая только тѣлесную скверну, можетъ очистить отъ грѣховъ?

—Вода,—разрѣшилъ его недоумѣніе святый,—когда надъ ней будетъ призвано Имя Пресвятой Троицы, получаетъ таинственно Духа Святаго, Который и очищаетъ всѣ грѣхи крещающагося въ сей водѣ человѣка.

— Наша бесѣда все растягивается,—сказалъ Кратонъ,—а жизнь сына моего Херимона сокращается.

Сщ҃енномч҃никъ
оу҆валентінъ

Святый Валентинъ на это сказалъ:

— Если ты не будешь вѣровать тому, чего никогда не могъ ни слышать, ни видѣть, сынъ твой не можетъ быть здоровъ.

— Что же это такое,—недоумѣвалъ Кратонъ,—чего я не могъ ни видѣть, ни слышать?

— Слышалъ ли ты,—пояснялъ святитель,—когда-либо про Дѣву, непорочно зачавшую, и родившую, и по рожденіи оставшуюся Дѣвой? Видѣлъ ли ты кого-либо, ходящаго по морю, какъ по сушѣ? Слышалъ ли ты, чтобы кто однимъ словомъ укрощалъ бурю морскую, чтобы Онъ въ концѣ концовъ былъ распятъ, умеръ, погребенъ, въ третій день воскресъ изъ мертвыхъ, на глазахъ многихъ вознесся на Небо, причемъ Ангелы, ясно явившіеся людямъ, засвидѣтельствовали, что Онъ снова придетъ съ Неба судить живыхъ и мертвыхъ? Если ты вѣруешь сему, что все такъ произошло, то

приступи и прими Крещеніе, чтобы и сынъ твой получилъ здоровье, и ты самъ сподобился жизни вѣчной?

— Все, что ты говоришь, сдѣлаю,—согласился учитель,—только пусть сынъ мой будетъ здоровъ.

На это сказалъ святый епископъ:

— Такъ какъ вся премудрость мірская, которой ты учителемъ считаешься, предъ Богомъ ничтожество и ты не можешь такъ совершенно вѣровать, какъ требуетъ самая вѣра, то дай мнѣ слово, что ты со всѣмъ своимъ домомъ обратишься ко Христу и крестишься послѣ того, какъ сынъ твой по моей вѣрѣ получитъ здоровье!

Тогда учитель Кратонъ, призвавши жену свою и всѣхъ домашнихъ, палъ къ ногамъ святителя, и всѣ обѣщались сдѣлаться христіанами, если исцѣлѣетъ Херимонъ. Были здѣсь и вышеупомянутые юноши: Прокулъ, Ефивъ и Аполлоній, они также, желая выздоровленія сыну своего учителя, обѣщались сдѣлаться христіанами. Послѣ этого святый епископъ повелѣлъ приготовить отдѣльную комнату и пребывать въ молчаніи день и ближайшую ночь; самъ же, взявши въ эту комнату больного, затворился съ нимъ въ одиночествѣ. Больной былъ согнутъ тѣломъ какъ бы въ круглый клубокъ: голова была между колѣнами, ноги на плечахъ и спинѣ, ни одна часть тѣла не была свободна, не въ состояніи онъ былъ даже языкомъ говорить и только стоналъ; никто изъ врачей не могъ ни понять, ни излѣчить этой болѣзни. Святый епископъ Валентинъ, взявши свою власяницу, на которой онъ обыкновенно молился, постлалъ ее на землю и положилъ на нее больного полумертваго отрока, а самъ всю ночь молился и славословилъ Бога. Въ полночь въ той комнатѣ возсіялъ небесный свѣтъ, такъ что находящимся внѣ казалось, какъ будто внутри загорѣлся огонь, а послѣ полуночи отрокъ всталъ здоровымъ и началъ громкимъ голосомъ хвалить Бога. Родители и всѣ бывшіе въ домѣ, услышавши голосъ Херимона и произносимыя имъ слова, очень обрадовались, такъ какъ въ теченіе трехъ лѣтъ они слышали только его стоны. Подошедши къ дверямъ, они начали стучать и просить святаго, чтобы онъ открылъ имъ и они увидѣли бы Херимона. Но святый отвѣтилъ, что онъ не откроетъ имъ до тѣхъ поръ, пока не совершитъ своихъ обычныхъ молитвъ; и ждали они до утра, радуясь случившемуся. Когда начался день, святый епископъ открылъ дверь и, выведши отрока совершенно здоровымъ, какъ будто онъ никогда и не болѣлъ, передалъ его родителямъ. Тогда учитель Кратонъ со всѣмъ своимъ домомъ

увѣровалъ во Христа и крестился; всѣ радовались духомъ о Богѣ, Спасителѣ своемъ.

Исцѣлившійся отрокъ Херимонъ по принятіи Крещенія не пожелалъ оставить своего врача святаго Валентина; точно также и вышеуказанные три юноши, оставивши послѣ Крещенія мірскую мудрость, привязались со всѣмъ усердіемъ къ духовному учителю Божіему архіерею и стали его учениками, подражателями его святой жизни и искателями своего спасенія. И другіе схоластики—однихъ съ ними лѣтъ юноши и отроки, побуждаемые ихъ увѣщаніями и примѣромъ честной и цѣломудренной жизни, обращались къ вѣрѣ Христовой и Святому Крещенію, такъ что стало стекаться къ нимъ множество схоластиковъ, которые, послушавши ихъ богодухновеннаго ученія, научались небесной мудрости и вступали на путь истинный. Когда же сынъ начальника города, именемъ Авундій, увѣровавши во Христа и крестившись, возгорѣлся божественной ревностію и явно предъ всѣми исповѣдалъ себя рабомъ Христовымъ, то отецъ его и другіе начальники сильно разгнѣвались, схватили первоучителя христіанской вѣры святаго епископа Валентина и безпощадно били его; они склоняли его къ идолопоклонству, но онъ не пожелалъ исполнить воли ихъ; поэтому его снова мучили еще болѣе люто и затѣмъ заключили въ темничныя оковы. Святый же радовался, что сподобился пострадать за Христа, Господа своего, и украшенный подобно апостоламъ принятыми ранами, какъ дорогими украшеніями, хвалился ими и говорилъ:

— Я ношу язвы Господа Іисуса на тѣлѣ моемъ[1]) и восполняю недостатокъ въ плоти моей скорбей Христовыхъ[2]).

При этомъ своихъ учениковъ, приходившихъ къ нему въ темницу, онъ укрѣплялъ въ святой вѣрѣ. Узнавши объ этомъ, начальникъ сильно разъярился и, пославши за нимъ ночью, вывелъ его изъ темницы и отсѣкъ ему голову. Такъ окончилъ свой страдальческій подвигъ святый епископъ Валентинъ. Ученики святителя Прокулъ, Ефивъ и Аполлоній, взявши честное тѣло его, отнесли въ городъ Интерамна, купили въ предмѣстьи небольшую часть земли и погребли съ честью, пребывая при гробѣ нѣсколько дней и ночей въ постѣ, молитвахъ и славословіи Господа. Къ нимъ собирались бывшіе въ городѣ вѣрующіе и множество невѣрныхъ; послѣдніе, послушавши ихъ душеспасительныхъ рѣчей и

[1]) Посл. къ Галат., гл. 6, ст. 17.
[2]) Посл. къ Колос., гл. 1, ст. 24.

Христовой проповѣди, просвѣщались вѣрой. Спустя нѣкоторое время, объ этомъ стало извѣстно градоначальнику Леонтію, и онъ, схвативши сихъ трехъ отроковъ, посадилъ ихъ въ темницу. Когда же увидѣлъ, что народъ волнуется и жалѣетъ ихъ, такъ какъ всѣ любили ихъ, то приказалъ ночью убить ихъ: днемъ осудить ихъ на смерть онъ боялся, чтобы волнующійся народъ не отнялъ ихъ. Такъ святыя мученики ночью были усѣчены мечомъ и отошли къ немерцающему свѣту Небеснаго Царствія. Выше помянутый святый Авундій, сынъ римскаго начальника, когда пришелъ къ своимъ возлюбленнымъ друзьямъ и узналъ объ убіеніи ихъ, очень опечалился; взявши честныя тѣла, онъ съ честью похоронилъ ихъ при гробѣ своего учителя святаго Валентина, прославляя Господа Іисуса Христа, Который живетъ и царствуетъ со Отцемъ и Святымъ Духомъ въ безконечные вѣки вѣковъ. Аминь.

СТРАДАНІЕ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ПОЛИХРОНІЯ

Нечестивый Римскій царь Декій [1]), замучивъ многихъ христіанъ, отправился со всѣмъ своимъ войскомъ въ Персію; побѣдивши персидское воинство и взявши въ плѣнъ страну, онъ овладѣлъ областями: Вавилоніей, Вактриною, Ирканіей, Ассиріею; нашедши въ этихъ земляхъ многихъ христіанъ, царь сталъ ихъ преслѣдовать и всячески мучить. Былъ тогда въ Вавилонѣ епископъ Полихроній, а съ нимъ три пресвитера: Парменій, Елима и Хрисотель и два діакона: Лука и Муко; схвативши ихъ, Декій приказалъ тотчасъ вести ихъ для принесенія идольской жертвы. Но святый Полихроній смѣло сказалъ:

— Мы самихъ себя приносимъ въ жертву Господу нашему Іисусу Христу; бѣсамъ же и ничтожнымъ идоламъ, сдѣланнымъ руками человѣческими, никогда мы не поклонимся.

Декій приказалъ епископа съ пресвитерами и діаконами заключить въ темницу, а самъ началъ строить въ городѣ Вавилонѣ храмъ своему мерзкому богу Сатурну, которому сдѣлалъ и позоло-

---

[1]) *Декій*—императоръ въ 249—251 гг.

ченнаго идола. Въ Римъ къ начальнику Валеріану онъ написалъ о своей благополучной побѣдѣ надъ Персами, которая, по его мнѣнію, дана была ему отъ боговъ, и приказалъ устроить въ Римѣ большой праздникъ въ честь боговъ, христіанъ же мучить и убивать.

Валеріанъ поступалъ въ Римѣ согласно этому приказанію царя. Когда мерзкій храмъ Сатурну былъ оконченъ въ Вавилонѣ, нечестивый Декій призвалъ на свой судъ епископа Полихронія съ пресвитерами и діаконами и сказалъ:

— Ты тотъ богохульникъ, который ни боговъ не почитаетъ, ни царскихъ повелѣній не исполняетъ?

Святый епископъ, не отвѣчая ни однимъ словомъ, стоялъ молча. Тогда царь обратился къ пресвитерамъ и діаконамъ:

— Начальникъ вашъ онѣмѣлъ?

Но пресвитеръ Парменій сказалъ:

— Не онѣмѣлъ отецъ нашъ, но не желаетъ осквернять своихъ чистыхъ и святыхъ устъ, исполняя повелѣніе Господа нашего Іисуса Христа, сказавшаго: «не пометайте бисеръ вашихъ предъ свиніями: да не попрутъ ихъ ногами своими и вращшеся расторгнутъ вы»[1]). Хорошо ли чистыя уста осквернять гноемъ?

Разгнѣванный Декій сказалъ:

— Такъ мы гной?

И тотчасъ приказалъ пресвитеру отрѣзать языкъ. Когда святому Парменію отрѣзали языкъ, онъ, несмотря на это, ясно произнесъ, обращаясь къ святому Полихронію:

— Святый отче, молись за меня, ибо я вижу на тебѣ Царя— Духа Святаго, Который твои уста закрываетъ, а въ мои влагаетъ медяной сотъ.

Такъ дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ: имѣющему языкъ повелѣваетъ молчать, а тому, у кого языкъ отрѣзанъ, даетъ даръ слова, чтобы показать Свою всемогущую силу. И сказалъ Декій епископу:

— Полихроній, принеси жертву богамъ и будешь мнѣ другомъ, и новый храмъ Сатурна я поручу тебѣ.

Епископъ ничего не отвѣтилъ ему. Декій, пришедши въ ярость, приказалъ камнемъ бить его по устамъ, святый же, когда его били, воздѣвши руки къ Небу и поднявъ глаза, испустилъ духъ. Декій

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 7, ст. 6.

оставилъ тѣло мученика поверженнымъ предъ храмомъ Сатурна. Въ ближайшую ночь два благородные мужа, изъ персидскихъ князей, по имени Авдонъ и Сеннисъ, тайные христіане, взяли сокровенно тѣло святаго епископа Полихронія и погребли его близъ городской стѣны. Декій же отправился въ городъ Кордуву, находившійся въ странѣ Персидской, и приказалъ узниковъ — пресвитеровъ и діаконовъ, вести за собой закованными въ желѣзо.

Когда святыхъ вели, то желѣзныя оковы спадали съ ихъ шеи и рукъ. Пришедши въ городъ Кордуву, Декій приказалъ представить на судъ приведенныхъ узниковъ и сказалъ имъ:

— О безумные, и вы желаете погибнуть? Вотъ, предлагаю вамъ принести жертву безсмертнымъ богамъ!

Но пресвитеръ Парменій, которому былъ отрѣзанъ языкъ, громко отвѣтилъ:

— О окаянный, убѣждающій насъ поклониться идоламъ, сдѣланнымъ руками человѣческими! Лучше ты поклонись Господу нашему Іисусу Христу: если не поклонишься Ему, то погибнешь вмѣстѣ съ богами твоими.

Декій приказалъ всѣхъ ихъ повѣсить для мученій. Но святые и въ такомъ положеніи благодарили Бога, говоря пресвитеру Парменію:

— Молись о насъ, отче!

Онъ же сказалъ:

— Богъ, Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, пусть дастъ намъ въ утѣшеніе Духа Святаго, Который царствуетъ во вѣки вѣковъ.

И всѣ отвѣтили:

— Аминь!

Декій же въ ярости вскричалъ:

— Вотъ волшебство! Человѣкъ безъ языка говоритъ: не есть ли это явное доказательство волшебства?

На это пресвитеръ Парменій отвѣтилъ:

— Господь нашъ Іисусъ Христосъ, давшій нѣкогда нѣмому языкъ, и мнѣ, грѣшному, при отрѣзанномъ языкѣ далъ способность говорить; ты же и имѣя языкъ и говоря,—нѣмъ, такъ какъ не славишь Истиннаго Бога!

Декій приказалъ жечь ихъ огнемъ, прикладывать раскаленныя желѣзныя доски къ бокамъ и желѣзными крючьями терзать тѣла

ихъ. Когда такъ мучились святые, послышался Голосъ съ Неба, сказавшій:

— Пріидите ко Мнѣ, смиренные сердцемъ!

Декій, услышавши этотъ Голосъ, объяснилъ и его волшебствомъ, и приказалъ снять мучениковъ и отсѣчь имъ головы, а тѣла ихъ бросить за городомъ на дорогѣ и приставить сторожей, чтобы кто-либо не взялъ ихъ и не предалъ погребенію. Такъ окончили свое мученіе за Христа святыя страстотерпцы три пресвитера: Парменій, Елима и Хрисотель и два діакона: Лука и Муко. Брошенныя тѣла ихъ вышеназванные два князя, которые вмѣстѣ съ царемъ пришли сюда, ночью похитили и погребли въ своемъ селѣ близъ Кордувы. Въ это же время царь Декій послалъ по всей Персіи искать христіанъ и мучить ихъ; нѣкоторые изъ слугъ его сказали ему:

Ст҃ый мч҃нкъ Полихро́ній

— Царь, тѣ плѣнники, которыхъ ты помиловалъ и которымъ далъ жизнь и свободу, христіане; они убираютъ тѣла христіанскія, погребаютъ ихъ на своемъ селѣ и богамъ не кланяются, даже приказаній твоихъ не исполняютъ.

— Кто эти нечестивцы?—съ гнѣвомъ спросилъ царь.

Слуги назвали Авдона и Сенниса. Немедленно царь приказалъ позвать ихъ къ себѣ и, когда они явились, сказалъ:

— Неужели вы настолько безумны, что не понимаете, что не по иному чему васъ побѣдили и покорили подъ власть Римскую, какъ за непочтеніе къ богамъ?

На это они отвѣтили:

— Потому Христосъ и сдѣлалъ насъ побѣдителями надъ діаволомъ, что мы презираемъ боговъ вашихъ.

Съ гнѣвомъ Декій сказалъ имъ:

— Вы не знаете развѣ, что жизнь ваша въ моихъ рукахъ?

— Жизнь наша,— отвѣтили святые,—въ рукахъ Бога нашего, и мы кланяемся Тому, Кто сошелъ съ Неба на землю для нашего спасенія.

Декій приказалъ заковать ихъ желѣзными веригами и заключить въ тѣсную темницу. Святые, когда ихъ заковали въ цѣпи, сказали:

— Вотъ слава наша, которую мы всегда надѣялись получить отъ Господа нашего!

Въ тотъ же день два другіе благородные мужа, Олимпій и Максимъ, были обвинены предъ царемъ, что они христіане, и царь, тотчасъ взявши ихъ, приказалъ бить ихъ палками безъ допроса, говоря:

— Не достойны они того, чтобы слушать слова ихъ, такъ какъ они не почитаютъ боговъ и заслуживаютъ смерти, считая своимъ Богомъ умершаго человѣка.

Святый Максимъ возразилъ на это:

— Хорошо ты сказалъ «умершаго», но почему не сказалъ также и «воскресшаго»?

— Назовите намъ сокровища ваши,— сказалъ Декій.

Отвѣчалъ святый Олимпій:

— Сокровище наше—золото, серебро и всякое богатство—есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ, ради Котораго мы не щадимъ здоровья нашего и презираемъ всѣ богатства земныя!

Когда святыхъ жестоко били, они говорили:

— Слава Тебѣ, Господи Іисусе Христе, что Ты благоизволилъ сопричислить насъ къ рабамъ Твоимъ!

Декій все больше приходилъ въ ярость и приказалъ бить мучениковъ оловянными прутьями; потомъ передалъ ихъ своему намѣстнику, нѣкоему Анисію, который продолжалъ мучить ихъ и, наконецъ, отсѣкъ имъ головы сѣкирой, а тѣла ихъ бросилъ на съѣденіе псамъ. Пять дней лежали тѣла не погребенными и ничто не коснулось ихъ; на шестой день христіане, взявши ночью честныя останки, погребли ихъ съ честью.

Послѣ этого нечестивый Декій пошелъ въ Римъ, и съ нимъ были ведены закованные въ цѣпи святые мученики изъ Персіи Авдонъ и Сеннисъ, которыхъ Декій велъ при себѣ для своей славы, чтобы устроить зрѣлище римлянамъ. Въ это время начальникъ Валеріанъ въ Римѣ взялъ святаго папу Сикста, его клиръ

и многихъ христіанъ и заключилъ ихъ въ темницу. Много дней папа находился въ темницѣ; сюда приходили къ нему тайные христіане, приносили своихъ дѣтей, приводили также родственниковъ и знакомыхъ, которые отъ идольскаго нечестія обращались ко Христу; они были въ темницѣ крещены папой. Въ эти дни Декій со славой и великимъ торжествомъ вступилъ въ Римъ, ведя за собою двухъ персидскихъ князей—Авдона и Сенниса какъ плѣнниковъ. Затѣмъ, послѣ этого, Декій созвалъ весь Римскій Сенатъ вмѣстѣ съ начальникомъ Валеріаномъ и представилъ имъ приведенныхъ изъ Персіи князей, связанныхъ цѣпями, но одѣтыхъ по-княжески; хотя они были измождены разными мученіями въ пути, но для славы Декія украшены были золотомъ, серебромъ и дорогими уборами съ драгоцѣнными камнями. Указывая на нихъ пальцемъ, Декій сказалъ:

— Посмотрите на враговъ, которыхъ боги и богини предали въ наши руки. Это—враги Римскому царству!

Посмотрѣвши на нихъ, весь Римскій Сенатъ удивился ихъ благородному виду и, объятый жалостію къ нимъ, пришелъ въ умиленіе. Такую благодать Господь далъ рабамъ Своимъ, что взирающіе на нихъ скорѣе приходили въ умиленіе, чѣмъ въ ярость. Декій приказалъ позвать главнаго Капитолійскаго жреца, по имени Клавдія, который и явился, принеся съ собою идола и треножникъ. И сказалъ Декій святымъ:

— Принесите жертву богамъ, и вы станете свободными римскими князьями, будете владѣть всѣми вашими имѣніями, обогатитесь еще другими богатствами и получите отъ насъ большія почести!

Но святые отвѣтили:

— Мы только себя приносимъ въ жертву Богу нашему Господу Іисусу Христу; твоимъ богамъ ты самъ приноси жертву!

Послѣ этого царь повелѣлъ къ утру приготовить зрѣлище, чтобы на немъ персидскихъ князей Авдона и Сенниса отдать на съѣденіе звѣрямъ. Когда настало утро и все было приготовлено къ зрѣлищу, царь Декій не явился и вмѣсто себя прислалъ начальника Валеріана. Послѣдній, пришедши и выведши мучениковъ, прежде всего сталъ склонять ихъ къ идолослуженію, говоря:

— Пощадите вы свое благородство и возложите ѳиміамъ на алтарь боговъ; если не сдѣлаете этого, то погибнете отъ зубовъ звѣрей.

— Мы уже говорили,—сказали святые,—что только Господу нашему Іисусу Христу приносимъ жертву хвалы и кадило молитвы, и Ему одному кланяемся, идоловъ же рукотворенныхъ никогда не будемъ почитать.

Стоялъ тутъ идолъ Солнца, и приказалъ Валеріанъ воинамъ, чтобы они вели мучениковъ къ сему идолу и принудили поклониться ему, но святые, подошедши къ идолу, плюнули на него. Тогда Валеріанъ пришелъ въ ярость и приказалъ святыхъ мучениковъ бить оловянными прутьями, а потомъ вести нагими на то особо устроенное мѣсто, гдѣ ихъ должны были съѣсть звѣри на глазахъ народа, смотрящаго съ возвышающихся ступеней. И стали святые нагіе тѣломъ, но во Христа облаченные духомъ, и осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ. Выпущены были на нихъ сначала два льва, а потомъ четыре медвѣдя, но звѣри не вредили имъ и лежали у ихъ ногъ, какъ стражи. Тогда Валеріанъ сказалъ:

— Это, очевидно, волшебство христіанское!

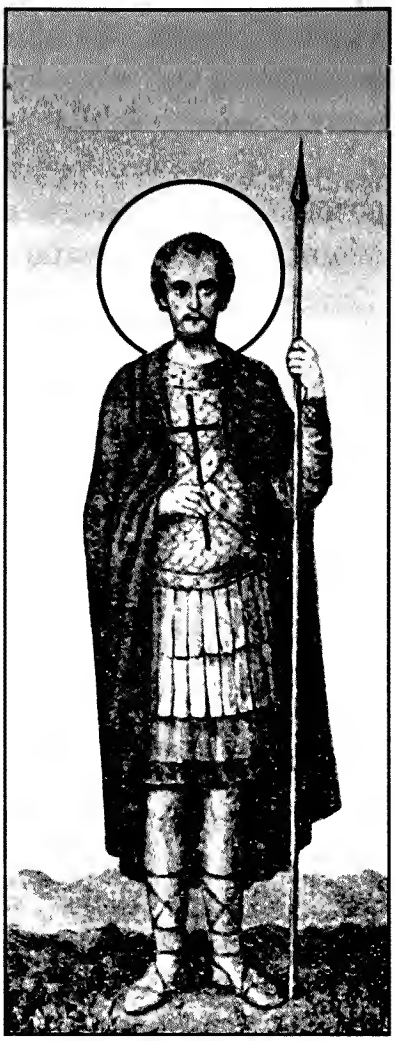
И повелѣлъ звѣрей отвести, а оруженосцамъ войти и убить мучениковъ. Святые были заколоты мечами; зацѣпивши за ноги, тѣла ихъ извлекли и бросили предъ идоломъ Солнца для устрашенія христіанъ, какъ повелѣлъ мучитель; лежали они здѣсь три дня. Одинъ тайный христіанинъ, по имени Киринъ, саномъ иподіаконъ, живя близъ того мѣста, похитилъ ночью тѣла мучениковъ и похоронилъ ихъ въ своемъ домѣ въ оловянной ракѣ. Такъ закончили жизнь святые мученики Авдонъ и Сеннисъ, князья персидскіе. Святый папа Сикстъ съ клиромъ былъ замученъ послѣ нихъ; страданіе его вмѣстѣ съ архидіакономъ Лаврентіемъ воспоминается въ десятый день августа. Честныя мощи двухъ святыхъ мучениковъ Авдона и Сенниса находились въ землѣ до воцаренія Константина Великаго; въ дни же его царствованія, по Божьему откровенію, они были обрѣтены вѣрующими и перенесены въ Понтіанову гробницу въ честь и славу Христа Бога нашего со Отцемъ и Святымъ Духомъ славимаго во вѣки. Аминь[1]).

---

[1]) Въ римскомъ мартирологѣ памяти святыхъ мучениковъ указаны въ разные дни; св. Димитрій Ростовскій всѣхъ ихъ соединилъ въ одну дружину, какъ пострадавшихъ отъ одного и того же Декія и какъ происходящихъ изъ однихъ и тѣхъ же странъ. Мощи Авдона и Сенниса съ IX вѣка находятся въ церкви св. Марка въ Римѣ; здѣсь (въ Римѣ) они были отъ самой кончины святыхъ.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО

ІОАННА ВОИНА



Сѵ҃тый мч҃никъ
Іѡа́ннъ во́инъ

Сей святый Іоаннъ служилъ въ войскѣ[1]) въ царствованіе императора Юліана Отступника[2]) и вмѣстѣ съ другими воинами посланъ былъ убивать христіанъ. Тѣмъ, кто видѣлъ его при исполненіи этого дѣла, онъ казался гонителемъ христіанъ, но тайно онъ оказывалъ имъ немалую помощь. Такъ, однихъ прежде, чѣмъ они были схвачены, онъ извѣщалъ, чтобы они могли убѣжать, а другихъ уже послѣ того, какъ они были схвачены, освобождалъ. Онъ оказывалъ милосердіе не только гонимымъ христіанамъ, но и тѣмъ, которые просили у него помощи, давая имъ все то, въ чемъ они нуждались. Упражняясь въ молитвахъ и постѣ, святый Іоаннъ посѣщеніемъ больныхъ и утѣшеніемъ скорбящихъ украшалъ жизнь свою и совершенствовалъ себя въ добродѣтели. Проведши жизнь свою такъ богоугодно, онъ отошелъ къ Господу и былъ погребенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ погребали странниковъ[3]). Впослѣдствіи же

---

[1]) Въ прологѣ Амвросіанской библіотеки и у Никодима говорится, что святый Іоаннъ былъ воиномъ въ полку, составленномъ изъ солдатъ скиѳскаго племени Танфаловъ. Преосвященный Сергій въ «полномъ мѣсяцесловѣ Востока»(т. II. стр. 220) высказываетъ предположеніе объ его славянскомъ происхожденіи.

[2]) *Юліанъ*—родной племянникъ императора Константина Великаго, царствовалъ съ 361 до 363 года. Отступникомъ онъ называется потому, что, будучи съ дѣтства христіаниномъ, по вступленіи на престолъ отрекся отъ христіанской вѣры и сталъ ревностнымъ язычникомъ. Желая ослабить христіанство и возстановить въ Римской имперіи падавшее язычество, онъ употреблялъ противъ христіанъ сперва хитрыя мѣры, а потомъ перешелъ и къ мѣрамъ насилія, но общаго гоненія на христіанъ онъ не воздвигалъ,—были только частные случаи преслѣдованія ихъ.

[3]) Годъ кончины святаго Іоанна неизвѣстенъ. Извѣстно только, что онъ умеръ и погребенъ въ Константинополѣ.

времени онъ въ откровеніи разсказалъ одной женщинѣ о всѣхъ дѣяніяхъ своихъ, которыя совершилъ въ жизни своей, а также назвалъ ей и имя, которое носилъ. Говорятъ, что, кромѣ сего, святый Іоаннъ совершилъ и другія чудеса. Особенно же онъ извѣстенъ тѣмъ, что удерживаетъ отъ бѣгства рабовъ, обличаетъ воровство и открываетъ похищенное. Такими дѣлами чудотворенія обогатилъ Богъ святаго Іоанна за его добродѣтельную жизнь.

День тридцать первый

ПАМЯТЬ

СВЯТАГО ПРАВЕДНАГО

ЕВДОКИМА

Святый праведный Евдокимъ былъ родомъ изъ Каппадокіи[1]), сынъ благочестивыхъ родителей Василія и Евдокіи. Въ царствованіе Ѳеофила[2]) онъ служилъ въ войскѣ и отличался добродѣтельной жизнію, усердно соблюдая всѣ Заповѣди Божіи и пребывая въ постѣ и воздержаніи, а также въ молитвѣ и сокрушеніи о грѣхахъ. Прилежно занимаясь чтеніемъ и изученіемъ божественныхъ книгъ, онъ оказывалъ щедрую милостыню нищимъ, убогимъ, сиротамъ и вдовицамъ, благодѣтельствовалъ церквамъ и монастырямъ и, являя всѣмъ обильную милость, соблюлъ свою дѣвственную чистоту безпорочно. Онъ настолько былъ цѣломудренъ, что никогда не позволялъ себѣ ни бесѣдовать съ женщинами, ни смотрѣть на нихъ; даже не допускалъ къ себѣ женщинъ, кромѣ своей матери, которую одну сыновне почиталъ и съ которой бесѣдовалъ. Во всякихъ разговорахъ соблюдалъ себя отъ празднословія и пустословія, предпочитая молчаніе многословію; устранялся отъ тѣхъ, кто любитъ говорить безъ дѣла и глупости; лжи, клеветы и всякаго осужденія не то, что говорить, но даже не желалъ и слышать, украшая свою душу всякими добродѣтелями. Среди тол-

---

[1]) *Каппадокія*—область Малой Азіи.

[2]) *Ѳеофилъ*—Византійскій императоръ въ 829—842 гг.

ковъ, смятенія и суеты мірской на него можно было смотрѣть какъ на лилію среди терновника или золото въ огнѣ, нисколько не поврежденнаго мірскими соблазнами и страстными влеченіями. За свои добродѣтели онъ былъ любимъ и уважаемъ всѣми, извѣстенъ и царю, который поставилъ его начальникомъ Каппадокійскаго полка и послалъ въ страну Харсіанскую[1]) для управленія народомъ. Пользуясь властью, онъ велъ управленіе съ добротой и полной справедливостью, такъ что въ своей жизни былъ праведенъ и предъ Богомъ и предъ людьми. О тайныхъ же его добродѣтельныхъ подвигахъ никто не можетъ ни знать, ни сказать, кромѣ всевѣдущаго Бога, испытывающаго сердца и помышленія наши, Которому сей блаженный и праведный мужъ поработалъ всѣмъ своимъ сердцемъ и душой и, вполнѣ угодивши Ему, съ миромъ преставился въ молодыхъ лѣтахъ: онъ имѣлъ только 33 года отъ рожденія. На немъ исполнилось писаніе: **скончáвсѧ вмáлѣ и҆спóлни лѣ́та дѡ́лга: ᲂу҆гóдна бо бѣ̀ гдⷭ҇еви дꙋшà є҆гѡ̀**[2]). Хотя онъ не дождался старческихъ сѣдинъ, но совершенствомъ добродѣтельной жизни превзошелъ многихъ старцевъ, ибо богоугодная старость не числомъ лѣтъ измѣряется: богоугодной сѣдиной служитъ мудрость и старымъ возрастомъ—чистая жизнь добродѣтельнаго мужа; если кто достигнетъ такого возраста, тому нѣтъ необходимости долгія лѣта пребывать въ суетномъ и ничтожномъ мірѣ, и онъ желаетъ **разрѣши́тисѧ и҆ со хрⷭ҇тóмъ бы́ти**[3]). Достигнувъ такого возраста, святый Евдокимъ скончался, хотя и былъ молодъ лѣтами. Онъ угодилъ Богу, и Богъ возлюбилъ его, поэтому онъ взятъ былъ изъ среды грѣшниковъ и восхищенъ, чтобы злоба не извратила его разума и лесть не соблазнила души его[4]). Какъ произошла его кончина, объ этомъ сообщили присутствующіе при ней. Когда онъ, лежа на одрѣ болѣзни, приблизился къ смертному часу, то созвалъ своихъ домашнихъ и завѣщалъ имъ съ клятвой, чтобы они, по отшествіи души его, не осматривали, не омывали его тѣла и похоронили въ той же одеждѣ и тѣхъ сапогахъ, какія были на немъ, и такъ положили бы его во гробъ. Потомъ, приказавши всѣмъ выйти и затворить двери, онъ совершилъ молитву, которую слышали нѣкоторые чрезъ дверь. Въ молитвѣ онъ просилъ, чтобы кончина его никому не была видима, какъ и

---

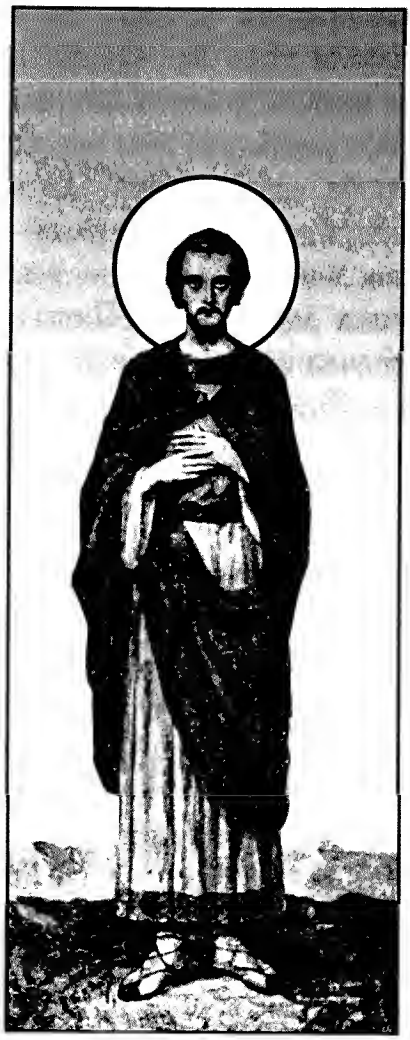
1) Харсіанская область въ Малой Азіи въ западной части Каппадокіи.

2) Прем. Соломон., гл. 4, ст. 13 и 14.

3) Посл. къ Филипп., гл. 1, ст. 23.

4) Сравн. Прем. Соломон., гл. 4.

жизнь его, заключавшая въ себѣ тайные подвиги, не была кому-либо извѣстна. Возблагодаривъ Бога за все, онъ, наконецъ, произнесъ: **въ рꙋцѣ твоѝ, гд҃и, предаю̀ дꙋхъ мо́й**, и вышелъ изъ тѣла и отошелъ ко Господу. Домашніе погребли его такъ, какъ онъ завѣщалъ имъ.



Прв҃ный
ЄѴДОКІ́МЪ

Господь, желая прославить Своего угодника и показать по его кончинѣ, какой святости была жизнь его, далъ его прославленнымъ мощамъ чудесную благодать, по которой отъ нихъ получались исцѣленія всякихъ болѣзней. Прежде всего, нѣкій мужъ, по имени Илія, имѣющій въ себѣ нечистаго духа и сильно отъ него страдающій, немного времени спустя послѣ преставленія и погребенія святаго Евдокима, гонимый и мучимый бѣсомъ, пришелъ ко гробу праведника. Какъ только ноги его коснулись гроба, тотчасъ, какъ будто опаленный огнемъ, нечистый духъ громко вскрикнулъ и, бросивши человѣка на гробъ, вышелъ изъ него и бѣжалъ, гонимый молитвами праведника. Люди, увидѣвши это, начали приводить и приносить своихъ больныхъ и класть ихъ на гробъ тотъ; и всѣ получали скорое исцѣленіе. За это святаго Евдокима почтили тѣмъ, что сдѣлали надгробную сѣнь и зажгли лампаду. Слава о чудесахъ его распространилась повсюду, и многіе стали стекаться къ нему; одержимые разными болѣзнями получали исцѣленіе то чрезъ помазаніе елеемъ изъ лампады, то чрезъ приложеніе къ больнымъ мѣстамъ земли, взятой отъ гроба. Одна женщина принесла свое дитя, имѣвшее разслабленныя руки, неподвижныя, какъ будто мертвыя; какъ только она помазала елеемъ изъ лампады святаго руки своему дитяти, сейчасъ же оно исцѣлилось и начало исправно дѣйствовать руками своими. Подобно этому былъ принесенъ другой отрокъ, разслабленный ногами, такъ что онъ не былъ въ со-

стояніи ни ходить, ни стоять; когда омертвѣвшія ноги его помазали тѣмъ же елеемъ изъ лампады, тотчасъ отрокъ выздоровѣлъ и началъ ходить и скакать, хваля Бога. Одна женщина, имѣвшая на своемъ тѣлѣ мучительный вередъ, пришла и, взявши земли отъ гроба святаго, смѣшала ее съ водой, а лучше сказать—со слезами, и приложила къ вереду—какъ цѣлительный пластырь, и въ тотъ же день совершенно исцѣлилась. Слава о чудесахъ святаго Евдокима дошла и до Царьграда, гдѣ еще жили его родители, переселившіеся сюда изъ Каппадокіи. Мать его изъ Византіи пришла въ Харсіанскую страну и, увидѣвши гробъ сына и большое при немъ собраніе народа, стекающагося для полученія исцѣленія, припала ко гробу и, обнимая его, со слезами говорила:

— О мое дорогое чадо! Свѣтъ очей моихъ! Откуда тебѣ эта великая чудодѣйственная сила? Откуда такая цѣлительная благодать? Воистину это тебѣ дано отъ Бога за твои тайныя добродѣтельные труды, которыми ты угодилъ своему Владыкѣ! Блаженна я среди матерей, сподобившись быть родительницей такого сына, и уже не рыданія совершаю по тебѣ, какъ по умершемъ сынѣ, а приношу духовныя пѣснопѣнія—какъ другу Божію, живущему съ Богомъ.

Произнесши и другія слова съ радостными слезами, мать приказала снять камень, откопать землю и открыть раку; когда было это сдѣлано, то увидѣли тѣло святаго—ничуть не истлѣвшее, лицо свѣтлое, какъ живое, и уста въ своей естественной красотѣ; хотя святый былъ въ землѣ уже 18 мѣсяцевъ, однако нисколько не измѣнился—былъ, какъ живой, только уснувшій; великое благоуханіе исходило отъ него. И вынесли раку съ мощами изъ земли на верхъ. Когда мать пожелала облечь сына въ новыя одежды, случилось тутъ быть одному пришельцу монаху, по имени Іосифу, мужу добродѣтельному, въ санѣ пресвитера; онъ поднялъ изъ раки тѣло святаго, какъ живое,—его руки и ноги свободно сгибались; инокъ снялъ съ тѣла святаго прежнія одежды и съ ногъ сапоги безъ всякаго труда, ибо сами руки поддавались раздѣванію и ноги раззутію; облекши тѣло въ новую одежду, опять благочинно положили его въ раку.

Мать пожелала взять и отнести съ собой въ Византію чудотворное тѣло своего возлюбленнаго сына:

— Звѣзда сія,—говорила она,—возсіяла изъ моей утробы, пусть же и возвратится ко мнѣ, въ домъ мой!

Но жители той страны собрались и не дали ей тѣла, говоря такъ:

— Хотя звѣзда сія взошла изъ твоей утробы, но у насъ совершился заходъ ея, и снова яснѣй она возсіяла чудесами. Хотя отъ тебя возросла сія добрая лоза, но у насъ принесла сладкіе плоды цѣлебной благодати. Если бы Богъ желалъ чудеснымъ мощамъ угодника быть въ другомъ мѣстѣ, то онъ развѣ не могъ бы живымъ возвратиться туда, откуда онъ пришелъ къ намъ?! О добрая мать! Не противься судьбамъ Божіимъ и не завидуй намъ въ нашемъ дарѣ; достаточно тебѣ той славы, что ты родила такого святаго!

На такія слова мать замолчала и, пробывши нѣсколько дней при гробѣ сына, попрощалась со всѣми и возвратилась домой. Вышепомянутый іеромонахъ Іосифъ сдѣлался блюстителемъ мощей святаго угодника и нѣкоторое время пребылъ при немъ, но потомъ, нашедши удобное время, тайно ночью взялъ мощи праведника и ушелъ съ нимъ въ Царьградъ. И во время пути совершались чудеса: какъ украденное муро, хотя и скрываемое, не можетъ быть утаено по причинѣ сильнаго благоуханія, такъ и мощи святаго Евдокима, тайно взятыя, не могли быть скрыты по причинѣ исходящей отъ нихъ благодати исцѣленія: если въ пути гдѣ встрѣчался больной, онъ получалъ исцѣленіе. Одна бѣсноватая женщина приблизилась къ прославленной ракѣ, и возопилъ въ ней бѣсъ, обличая несомаго праведника и говоря на него хулы, но тотчасъ пораженный невидимой силой бросилъ женщину и убѣжалъ отъ нея. Игуменія Мантинійскаго монастыря имѣла болѣзнь и большую язву въ тайномъ мѣстѣ тѣла; она никакъ не могла отъ нея излѣчиться и сильно страдала. Встрѣтивши мощи святаго, она коснулась честнóй раки, приложилась къ тѣлу святаго и шепотомъ сказала ему, какъ живому, о своемъ недугѣ и тотчасъ получила исцѣленіе. Іосифъ донесъ честныя мощи святаго Евдокима до Царьграда и отдалъ ихъ родителямъ; тѣ невыразимо обрадовались, и не только они, но и весь городъ очень радовался принесенію къ нимъ чудотворныхъ мощей[1]). Родители честную раку своего

---

[1]) На основаніи свидѣтельства греческихъ прологовъ предполагаютъ, что кончина преп. Евдокима была 31 іюля, а пренесеніе мощей 6 іюля. Нашъ русскій паломникъ Антоній, бывшій въ 1200 г. въ Царьградѣ, говоритъ: «У столпа по сторонѣ Богородицына монастыря лежитъ новый Евдокимъ въ сребрянѣ гробѣ, аки живъ». (Житіе преп. Евдокима, съ греческаго подлинника, издано. Лопаревымъ въ 1893 г.)

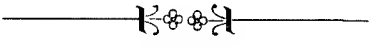
святаго сына вскорѣ оковали серебромъ и положили ее въ построенной ими же церкви Пресвятой Богородицы, славя и благодаря прославляемаго въ Троицѣ Бога—Отца, и Сына, и Святаго Духа, Которому и отъ насъ да будетъ слава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Тропа́рь, гла́съ д҃:

О земли̑ воззва́вый тѧ̀ къ нб҃нымъ селе́нїемъ, соблюда́етъ и̑ по сме́рти невреди́мо тѣ́ло твоѐ, ст҃е є̑ѵдокі́ме: ты́ бо въ цѣломꙋ́дрїи и̑ чи́стомъ жи́тельствѣ бл҃же́нне жи́тельствовалъ є̑сѝ, не ѡ̑скверни́въ пло́ти. тѣ́мже со дерзнове́нїемъ молѝ хр҃та̀ бг҃а, сп҃сти́сѧ на́мъ.

Конда́къ, гла́съ в҃:

Вы́шнихъ жела́ѧ, съ вы́шними совокꙋплѧ́ѧсѧ, и̑ колесни́цꙋ ѻ̑гненнꙋю, бж҃е́ственными восхожде́ньми добродѣ́телей соверши́лъ є̑сѝ дꙋ́шꙋ, пребл҃же́нне є̑ѵдокі́ме: на землѝ пожи́въ ꙗ̑кѡ безпло́тенъ, зижди́телю всѣ́хъ бл҃гоꙋгоди́лъ є̑сѝ.



ПАМЯТЬ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ

ІУЛИТТЫ

Святая Іулитта, насильственно лишенная имѣнія, прося у судіи правосудія, получила отвѣтъ, что можетъ возвратить свое имѣніе только отреченіемъ отъ Христа; неустрашимая исповѣдница Имени Христова предпочла тогда смерть отпаденію отъ вѣры; отказавшись отъ имѣнія и жизни, святая Іулитта безтрепетно вступила въ подвигъ мученичества; страданіе ея совершилось въ 304 или 305 году при императорѣ Діоклетіанѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

День четвертый

ЖИТИЕ

ПРЕПОДОБНОГО

АНДРЕЯ РУБЛЕВА

Более половины тысячелетия миновало с тех пор, когда в городах и монастырях тогдашней Северо-Восточной Руси жил и работал монах-иконописец Андрей Рублев, прославленный теперь по всему міру как один из величайших художников-иконописцев Росии. Источники, сообщающие о святом Андрее Рублеве, очень немногочисленны и представляют собой в основном краткие вставки общего характера или отдельные упоминания. Самостоятельного жития святого нет, хотя признание его святости по этим источникам является вполне очевидным.

Исторические сведения о преподобном Андрее Рублеве крайне скудны. Никто не найдет среди многих тысяч древних рукописей, сберегаемых в больших и малых книгохранилищах России, никаких записей о детстве Рублева, поскольку их никогда не было. Источники молчат о том, что составляет обязательную принадлежность биографии самого заурядного человека нового времени. Навсегда сокрытым останется даже

Преподобный Андрей Рублев причислен к лику святых угодников Освященным Поместным Собором 6-9 июня 1988 г.

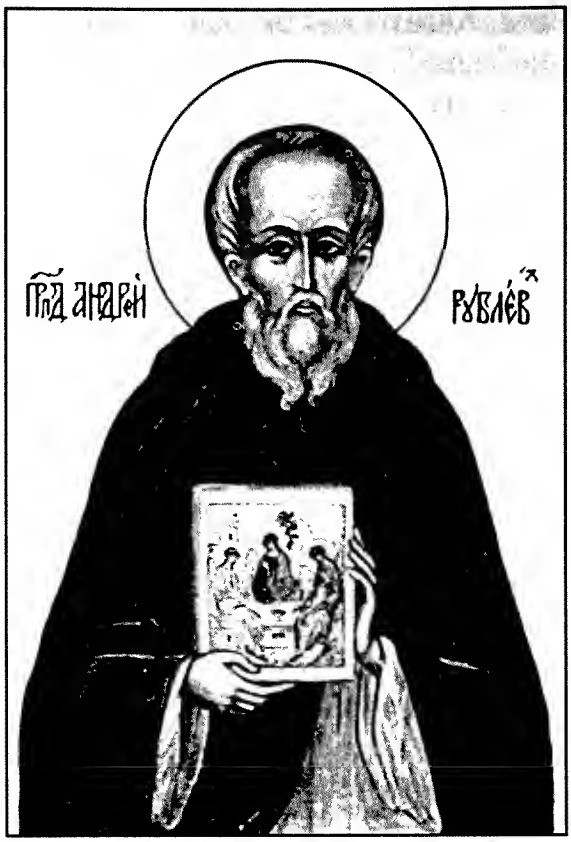
имя, данное будущему преподобному при рождении его, ибо Андрей — его второе, монашеское имя...

Но не все исчезает с лица земли из кажущегося исчезнувшим. Принято считать, что Рублев родился около 1360 года. Этот год является условной датой, официально принятой в современной исторической науке.

Где была "земля рождения его", та земля, которая взрастила на своем лоне будущего святого? Все, что мы сейчас знаем о его личной и творческой судьбе, — свидетельствует: Рублев — уроженец средней полосы России, тех мест, которые мы называем теперь Подмосковьем. Здесь, и только здесь, сохранялись его произведения — и дошедшие до нас, и известные по древним описям. С подмосковными обителями связана его монашеская жизнь. И наконец, в своих творениях Рублев продолжал глубинные и давние традиции именно этого края — Ростово-Суздальской Руси.

Не существует никаких определенных сведений и о том, из какого сословия происходит чернец Андрей. Известный свет на происхождение преподобного проливает само родовое прозвище, бывшее в те времена связанным с занятиями человека, его трудом. Ряд исследователей выводит значение фамилии от "рубеля" — инструмента, употреблявшегося для накатки кож, и считают, что это семейное прозвище может свидетельствовать о происхождении Андрея Рублева из рода ремесленников. Это прозвище сохранилось за ним и в монашестве. Оно имеет характерное для русских фамилий окончание. В XIV—XV вв., т. е. в эпоху преподобного Андрея, а также значительно позже фамилии носили только представители привилегированных слоев общества; это дает возможность предполагать происхождение преподобного из образованных кругов. Кроме того, источники отмечают его необыкновенную мудрость, о чем свидетельствует и его творчество.

Важным дополнением к немногочисленным сведениям о святом Андрее являются его произведения — иконы и росписи. Согласно известному постановлению Седьмого Вселенского Собора, Православная Церковь почитает образ "наряду с Крестом и Евангелием". Поэтому создание иконы является подвигом благочестия, предполагающим благодатную помощь свыше. Подвиг благочестия может перерастать в святость. Отсюда особый чин в православной иерархии святости — чин святых иконописцев во главе со святым Апостолом и Евангелистом Лукою, написавшим, по преданию, образ Божией Матери. В Русской Церкви к лику святых иконописцев причислены святой Алипий Печерский, преподобный Дионисий Глушицкий. Величайшим русским иконописцем был и святой Андрей Рублев.



Преподобный
АНДРЕЙ РУБЛЕВ

Его основные произведения: иконостас и росписи Благовещенского собора в Московском Кремле (1405 г.); росписи и иконостас Успенского собора во Владиміре (1408 г.); икона "Богоматерь Владимірская" для Успенского собора в г. Владиміре; росписи и иконостас Успенского собора в Звенигороде (кон. XIV — нач. XV вв.); Деисусный чин из собора Рождества Богородицы в Саввино-Сторожевском монастыре (нач. XV в.); росписи и иконостас Троицкого собора в Троице-Сергиевом монастыре (20-е гг. XV в.); икона "Святой Троицы" из того же собора; росписи Спасского собора Спасо-Андроникова монастыря в Москве (нач. 20-х гг. XV в.). Большинство из них выполнены совместно с другими мастерами, однако на всех этих произведениях, созданных в духе христианского братского единства и подвижничества, лежит несомненная печать святости, которую мы в первую очередь связываем со святым Андреем согласно тому, что нам известно о нем и его сподвижниках.

Самым знаменитым из его произведений является икона "Святая Троица", по единодушному признанию специалистов созданная им самим. Это — лучшее и самое достоверное из произведений Андрея Рублева. Сергий Радонежский построил в своей обители Троицкий собор, в котором была поставлена затем эта икона Рублева, "дабы воззрением на Святую Троицу побеждался страх ненавистной розни міра сего".

Троичность была для преподобного Андрея не только догматом, не только законом построения вселенной, его диалектики, но и идеальным выражением незамкнутой двойной связью любви, и любви разомкнутой, включающей в себя все міроздание. Три Ангела собраны в треугольник, треугольник вписан в восьмигранник — символ вечности, и все объединено в круге. Законы земного тяготения не властвуют в этой компози-

ции. Ангелы как бы парят в воздухе, на одеждах их, как бы "дымом писанных", ложатся отблески небесной голубизны. В нежных ликах Ангелов ясно ощущается высокая, надмірная нравственная сила. Ангелы парят над землей. Их обнаженные ступни не опираются на землю, их тончайшие посохи — лишь символы странничества, напоминающие человеку, что он только временно здесь и ничего не сможет унести с собой отсюда, кроме своей души и всего того, что наполняет ее — и правды, и лжи; и праведности, и греха.

Отблеск голубого цвета — это опрокинутое в человеческой природе Небо. И этому же вторит и надмірное сияние красок.

Нет никакого сомнения, что святым Андреем создано намного больше икон и росписей, чем выше перечислено, однако свидетельств о других его произведениях не сохранилось.

Имя Андрея Рублева как иконописца впервые упоминается в летописной записи 1405 г., на последнем (третьем) месте, и, следовательно, он был младшим из мастеров. Обучение начинали с раннего детства и профессионализма достигали рано. Исключительно высокое качество творений преподобного Андрея и глубокое проникновение в духовный смысл изображения, что особенно для него характерно, заставляет выдвигать вопрос о том, где мог учиться преподобный Андрей живописному мастерству.

В настоящее время стало возможным считать, что святой Андрей мог в ранний период своей жизни учиться и работать в Византии и Болгарии. В самом деле, многие русские посещали балканские страны, Афон, Константинополь, Святую Землю и нередко оставались там на более или менее продолжительное время. Так, Афанасий Высоцкий, ученик преподобного Сергия и лично, несомненно, известный преподобному Андрею, провел в Константинополе целых 20 лет, трудясь вместе с группой других монахов над переводами и переписыванием творений Отцов Церкви. В Константинополе имелись и иконы русских святых, в частности, была там икона святых Бориса и Глеба. Там писали также иконы специально по заказам Русской Церкви: так, уже упомянутый Афанасий Высоцкий в 1392 г. доставил на Русь знаменитый "Высоцкий чин" — ряд деисусных икон, написанных специально для основанного им Серпуховского Высоцкого монастыря. Все специалисты согласны в том, что святой Андрей должен был знать эти иконы. Известно, что иконописцы иногда сопровождали послов, отправляемых в Царьград.

В наследии святого Андрея имеется изображение греческого морского судна (во фреске "земля и море отдают мертвых", Владимірский Успенский собор, 1408 г.): мачты, реи, корпус корабля, флаг на корме — все написано с таким живым знанием конструкции морского судна,

какое трудно представить в сухопутной Руси. Можно предположить одно из двух: либо святой Андрей видел сам такие корабли, т.е. был на море, либо перенял эти сведения от своего наставника — художника греческого происхождения. Согласно одной из гипотез, святой Андрей — ученик знаменитого Феофана Грека. Эта гипотеза основана на том, что в записи 1405 г. их имена упоминаются совместно, причем первым идет Феофан. То, что Феофан оказал определенное и, может быть, немалое влияние на святого Андрея, можно считать несомненным хотя бы в силу того, что они работали какое-то время вместе, и более молодой Андрей, конечно, внимательно наблюдал, как работает знаменитый грек. Однако никаких указаний на более тесное их сотрудничество нет. Наоборот, то, что в записи 1405 г. между ними упомянут еще один мастер — старец Прохор с Городца, не имеющий отношения к Феофану, — скорее говорит об отсутствии тесных контактов между Феофаном и святым Андреем. Несомненно при этом, что святой Андрей был во всеоружии культуры своего времени. Подвижный образ жизни и сам характер Феофана также говорят скорее против возможности систематических занятий. Такое образование, дающее возможность проникновения в духовную глубь явлений, скорее всего можно было получить в соответствующей среде, в первую очередь в Византии. Таким образом, приведенная гипотеза о греческом образовании преподобного Андрея не лишена основания.

Святой Андрей жил в эпоху крупных исторических событий. Она знаменовала собой грядущее полное освобождение Руси от чужеземной тирании. Преподобный был свидетелем и, возможно, участником этих событий, часто очень тяжелых для Руси. В 1380 г. произошла кровопролитная битва на Куликовом поле, положившая начало освобождению Руси от татарского ига. Через два года Москва была разорена и сожжена Тохтамышем. Вполне вероятно, что эти и другие подобные потрясения повлияли на выбор монашеского пути, сделанный святым Андреем.

В 1395 г. Русь подверглась новому нашествию — на этот раз на нее обрушились полчища Тамерлана. Несмотря на готовность великого князя Василия Димитриевича дать отпор врагу, шансов на победу ввиду колоссального численного превосходства войск противника было очень мало. Оставалась одна надежда — на заступничество Божией Матери. В Москву из Владиміра была принесена чудотворная икона Владимирской Божией Матери. Весь народ во главе с Митрополитом Киприаном вышел встречать святую икону на место, где впоследствии в память этого события был основан Сретенский монастырь.

Церковь призвала всех к молитве, посту и покаянию. Произошло чудо: Матерь Божия явилась Тамерлану (Темир-Аксаку) во сне и грозно запретила ему идти на Москву. Дойдя до Ельца, Тамерлан повернул обратно и исчез так же внезапно, как и появился. Вскоре после этого святой Андрей по благословению Митрополита Киприана написал копию с образа Божией Матери Владимирской.

Место пострижения святого Андрея достоверно неизвестно. Но вся его жизнь связана с двумя монастырями — Троице-Сергиевым и Спасо-Андрониковым в Москве. Предание, восходящее к концу XVI в., видит в святом Андрее духовного сына преподобного Никона Радонежского. Однако современные исследования показывают, что постриг он принял скорее всего в Спасо-Андроникове монастыре. Эти две версии не противоречат по существу друг другу, поскольку оба монастыря были тесно связаны между собой; очевидно, святой Андрей был в послушании у преподобного Никона, когда трудился в Троицком монастыре, и воспоминания об этом, естественно, сохранились. Поскольку же инок Андрей постоянно выполнял заказы Митрополита и Великого Князя, естественно было ему находиться, так сказать, "под рукой", т.е. в одном из московских монастырей, а именно — в Спасо-Андроникове. Возможно, однако, что неизвестные нам более ранние отношения связывали святого Андрея с обителью преподобного Сергия. По духу святой Андрей является несомненным учеником святого Сергия.

Но и пребывая в Спасо-Андрониковом монастыре, инок Андрей жил в духовной среде учеников преподобного Сергия, с которыми он тесно общался во время своих поездок, связанных с выполнением заказов. Кроме преподобного Никона, он, по-видимому, знал святого Савву Сторожевского, поскольку на рубеже XIV—XV вв. работал в Звенигороде и несколько позднее в самом Саввино-Сторожевском монастыре. Он должен был знать и племянника преподобного Сергия, святителя Феодора, архиепископа Ростовского, некоторое время игуменствовавшего в Симонове монастыре, по соседству с Андрониковым монастырем. Другой игумен этого монастыря и собеседник преподобного Сергия святой Кирилл ушел в 1392 г. на Бело-озеро, но как личность и он, несомненно, был известен иноку Андрею. Наконец, непосредственным учеником преподобного Сергия был преподобный Андроник, основатель и первый игумен монастыря. Связи с Троице-Сергиевым монастырем были постоянны и разнообразны. Из Троицкого монастыря в Спасо-Андроников переходили некоторые монахи. Среди них был Ермола-Ефрем, давший средства на постройку каменного храма, и

будущий игумен, с которым инок Андрей также находился в тесных отношениях. Святой Андрей знал, несомненно, и Епифания Премудрого, непосредственного Сергиева ученика, записавшего первоначальные сведения об Андроникове монастыре и оставившего сведения о Феофане Греке. Об иноке Андрее Епифаний ничего не написал, что вполне естественно, поскольку повествовал о прошлом, хотя и недавнем, а не о современниках.

Живя в высокодуховной среде, в атмосфере святости, инок Андрей поучался как историческими примерами святости, так и живым образцом окружавших его подвижников. Он глубоко вникал в учение Церкви и в жития святых, которых он изображал, следовал им, что и позволило его таланту достичь художественного и духовного совершенства.

Кроме Епифания Премудрого, инок Андрей, по-видимому, хорошо знал и других высокообразованных людей своего времени, с которыми тесно общался. Среди них, в первую очередь, следует назвать святителя Киприана, Митрополита Московского. Иноку Андрею был близок духовный мир святителя Киприана, который прошел школу афонского монашества. Общение с ним было достаточно тесным, поскольку в нем был заинтересован не только преподобный Андрей, но и святитель Киприан, привыкший к интеллектуальной атмосфере Византии и выделявший поэтому наиболее духовных и образованных русских в Москве. Через это общение духовная генеалогия преподобного Андрея восходит к обеим главам афонского исихазма, так как Митрополит Киприан был учеником Святого Патриарха Филофея, ученика святителя Григория Паламы, и родственником (как предполагают) святителя Евфимия, Патриарха Тырновского, ученика святителя Феодосия Тырновского, ученика святого Григория Синаита. Возношение "ума и мысли" к "невещественному и божественному свету" от созерцания святых икон ("возведение чувственного ока") — эта совершенно исихастская характеристика была не случайно дана святым Иосифом Волоцким преподобному Андрею и его "сопостнику" Даниилу[1]). Ей, вероятно, найдется не очень много аналогий в русской агиографии.

Несомненно, инок Андрей хорошо знал и святого Митрополита Фотия, заменившего умершего Митрополита Киприана в 1409 г. Это следует со всей очевидностью хотя бы из того, что Андрей и Даниил к приезду Фотия расписывали в 1408 г. кафедральный митрополичий собор во Владиміре. Фотий также принадлежит к числу высокообразованных, духовных и деятельных иерархов, ему принадлежит ряд посланий, которые инок Андрей, несомненно, знал.

---

[1]) Великие Минеи-Четьи, сентябрь 9, стлб. 557-558.

"Всех превосходящий в премудрости зельне", по выражению преподобного Иосифа, инок Андрей хорошо знал творения многих святых Отцов и учителей Церкви. Ему, несомненно, были известны творения святого Дионисия Ареопагита, переведенные на славянский язык в XVI в. афонским монахом Исаией по поручению высшей церковной власти в связи с исихастскими спорами. Ему были близки и творения святого Григория Синаита, доступные русскому читателю. В круг чтения просвещенного человека и, несомненно, святого Андрея входили "Богословие" Иоанна Дамаскина, "Шестоднев" Иоанна Экзарха, "Палея толковая" и другие творения православных писателей и Отцов Церкви.

В 1408 г., как сообщает летопись, преподобный Андрей и Даниил расписывают Успенский собор во Владиміре. Под этим годом летописи указывают: "Того же лета маиа в 25 начата бысть подписывати Великая и соборная церкви Пречистыя Володимірская повелением великого князя, а мастеры Данило иконник да Андрей Рублев"[1]).

В коротком летописном сообщении обращает внимание, что указана дата начала росписи. Это — исключительный случай. Очевидно, росписи придавалось огромное значение, что объясняется ожиданием приезда из Константинополя нового Митрополита, которым, после смерти Киприана в 1406 г., стал Фотий (в 1409 г.). Владимір продолжал считаться городом — резиденцией Митрополита, а городской собор соответственно являлся кафедральным собором. Поэтому митрополичий собор должен был обладать росписями, достойными высокого посланца Константинопольской Церкви, и показать не меньшее достоинство Русской Церкви. Иконописцы, таким образом, осуществляли своего рода "представительскую миссию", причем задача их была очень трудной, если учесть исключительно высокие требования Греческой Церкви того времени к церковному искусству — требования, в первую очередь, духовного свидетельства Истины в искусстве, а отсюда и его качества.

Высокая миссия была доверена Даниилу Черному и преподобному Андрею, который упоминается вторым, как более младший. Иконописцы достойно выполнили возложенное на них послушание.

В 1408 г. инок Андрей впервые упоминается вместе со своим "сопостником" Даниилом Черным, также ведшим высокую духовную жизнь. С этого года мы знаем о тесной духовной связи двух иконописцев-подвижников, продолжавшейся до самой их смерти, около 20 лет. Красноречивые, хотя и краткие свидетельства о духе Христовой любви, соединявшей их, показывают высочайший обра-

[1]) Полное собрание русских летописей, с. 154.

зец этой любви, подобной тому, что мы встречаем в сказаниях о древних подвижниках христианского Востока. Предание о тесных духовных узах святого Андрея и Даниила бережно сохранялось на протяжении XV века и было записано святым Иосифом Волоцким со слов бывшего игумена Троице-Сергиева монастыря Спиридона. Приведем широко известный текст: "Поведаше же нам и се честны́й он старец Спиридон... чюднии они пресловущии иконописци Даниил и ученик его Андрей... толику добродетель имуще, и толико потщение о постьничестве и о иночьском жительстве, оноже им божественныя благодати сподобитися и толико в божественную любовь предуспети, яко никогдаже о земных упражнятися, но всегда ум и мысль возносити к невещественному и божественному свету, чувственое же око всегда възводити ко еже от вещных вапов, написанным образом Владыки Христа и Пречистыя Его Матере и всех святых, оно и на самый праздник Светлого Воскресения на седалищах седяща, и пред собою имуща всечестныя и божественныя иконы, и на тех неуклонно зряща божественныя радости и светлости сполняху (ся); и не то что на той день тако творяху, но и в прочая дни, егда живописательству не прилежаху. Сего ради Владыко Христос тех прослави и в конечный час смертный: прежде убо преставися Андрей, потом же разболеся и спостник его Даниил, и в конечном издхъновении сый, виде своего спостника Андрея в мнозе славе и с радостию призывающа его в вечное о́но и бесконечное блаженство"[1]).

Приведенное краткое сказание святого Иосифа доносит до нас удивительно светлый образ двух подвижников-художников, истинных иноков и аскетов. Они "предуспели" в Божественной любви, которая открылась им и привлекла их себе. Стяжанием великой божественной благодати преподобный Иосиф объясняет их полный уход от всякого земного попечения, "яко никогда же о земных упражнятися". Выше говорилось об их подлинно исихастском опыте. Святой Иосиф кратко излагал их опыт отношения к иконописи, который является подлинно духовным опытом, научающим нас правильному восприятию образа. Созерцание икон для них является праздником, исполняющим сердце "божественной радостью и светлостью", поскольку возводит ум "от вещественных вапов", т.е. от материального, огрубленного, недвижимого подражания, к невещественному, источающему жизнь міра Первообразу. Отсюда и особое значение иконы как свидетельства об истине, отсюда и особо проникновенное отношение к каждому движению кисти.

---

[1]) Великие Минеи-Четьи, сентябрь 9, стлб. 557.

"Сего ради", т.е. ради столь высокого и столь духовного образа жизни "Владыко Христос тех прослави и в конечный час смертный". Уже после кончины святого Андрея его сопостник Даниил, не разлучавшийся с ним в сердце своем и по смерти, умирая, получает откровение о прославлении своего духовного брата в Царствии Небесном: "виде... Андрея во мнозе славе и с радостию призывающа его в вечное о́но и бесконечное блаженство". Это особенно важное свидетельство приводится также в несколько иной редакции в "Житии святого Никона Радонежского", составленном Пахомием Логофетом: "Егда бо хотяше Даниил телесного союза отрешитися, абие видит возлюбленного ему Андреа, в радости призывающа его. Он же, яко виде его, желаше зело радости исполнися; братиям предстоящим поведа им спостника своего пришествие и абие предаси дух..."[1]).

Таким образом, мы имеем два указания о посмертной славе святого Андрея. Младший в земной жизни, он оказывается старшим в духовном міре и как бы принимает душу праведного Даниила при ее разлучении с телом. Местом вечного упокоения обоих подвижников стал Спасо-Андроников монастырь.

На протяжении XVI-XVII вв. память обоих иконописцев, в первую очередь святого Андрея, была окружена глубоким почитанием. В середине XVI в. Стоглавый Собор возвел его во всеобщий образец, предписав писать образ "Святой Троицы" как писал Андрей Рублев и "пресловуще греческие живописцы". Таким образом, святой Андрей поставлен в один уровень с теми "пресловущими", хотя в подавляющем большинстве безвестными, византийскими художниками, которые выработали православный канон иконописи. Можно также думать, что идеальный образ иконописца, начертанный в 43-й главе Стоглава и широко распространившийся через иконописные подлинники, в немалой степени вдохновлен преданием о святом Андрее, хорошо известном Отцам Собора.

Свидетельство о духовном признании святости преподобного Андрея находим в строгановском иконописном подлиннике (кон. XVI в.). Этот подлинник был составлен, по-видимому, в среде придворных иконописцев и пользовался самым широким влиянием и авторитетом. Подлинник сообщает: "Преподобный отец Андрей Радонежский, иконописец, прозванием Рублев, многия святые иконы написал, все чудотворные... а прежде живяше в послушании у преподобного отца Никона Радонежского. Он повеле при себе образ написати пресвятыя Троицы, в похвалу отцу своему, святому Сергию чудотворцу..."[2]) .

---

[1]) Великие Минеи-Четьи, ноябрь, стлб. 2905-2906.

[2]) Буслаев Р. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. II, 1861. С. 379-380.

Здесь святой Андрей именуется преподобным (как, несколько ниже, и Даниил), все его иконы признаются особо благодатными; указывается на его принадлежность к духовной традиции святых Сергия и Никона. Имя святого Андрея (вместе с Даниилом) встречается и в древних месяцесловах.

Место их погребения помнили до конца XVII в. Согласно более позднему источнику, "святые... их мощи погребены и почивают в том Андрониеве монастыре под старою колокольнею, которая в недавнем времени разорена, и место сравнено с землею, яко ходити по ней людям всяким и нечистым, и тем самым предадеся забвению (память) о тех их святых мощах". "Старая колокольня" находилась, как предполагают, к северо-западу от западной стороны Спасского собора.

На миниатюрах рукописей XVI в. святой Андрей изображается с нимбом (Остермановский летописец; лицевое житие святого Сергия кон. XVI в. из б. собр. Троице-Сергиевой Лавры).

Приводимые источники удостоверяют, что в XV-XVII вв. никто не сомневался в святости Андрея Рублева, как и в высокой праведности Даниила.

Согласно традиции, в Троице-Сергиевом монастыре память преподобного Андрея совершалась 4 июля, в день памяти святого Андрея Критского.

XVIII-XIX вв. были временем забвения многих православных традиций и в частности канонического иконописания, поэтому данный период не был благоприятен для почитания памяти святых-иконописцев. Известность святого Андрея стала возвращаться лишь с начала XX в., когда вновь пробудился интерес к традициям православного иконописания. На протяжении этого столетия она чрезвычайно возросла. По явному Промыслу Божию, именно в XX веке "Святая Троица" преподобного Андрея, а также и другие его произведения приобрели значение свидетельства истины Православия перед лицом всего міра.

Чуть более пяти с половиной столетий отделяют нас от того, наверное, морозного и метельного дня — 22 января 1430 года, когда несколько иноков подмосковного монастыря во имя Святого Спаса опустили в могилу долбленную по тогдашнему обычаю дубовую колоду — гроб с телом своего собрата Андрея по прозванию Рублева, а по послушанию (занятию в монастыре) — иконника. Современники высоко чтили чернеца Андрея за редкие личные качества, определяемые исстари живущим в нашем языке словом — праведник. Необы-

чайно ценились его иконы и фрески, а также украшенные им самим или его учениками рукописи.

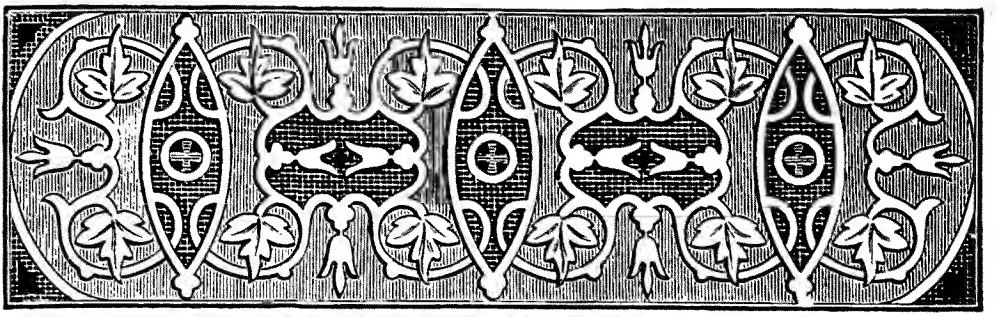
И ныне преподобный Андрей почитается на основании святости его жизни, на основании его подвига иконописания, в котором он, подобно Евангелисту, свидетельствовал и продолжает ныне возвещать людям неложную истину о Боге в Троице славимом, а также на основании свидетельства о его святости преподобного Иосифа Волоцкого.

Тропарь, глас г҃:

Божéственнаго свéта лучáми облистáемый, преподóбне Андрéе, Христá познáл еси́ — Бóжию Премýдрость и Си́лу и икóною Святы́я Трóицы всемý мі́ру проповéдал еси́ Єди́нство во Святéй Трóице, мы́ же со удивлéнием и рáдостию вопиéм ти: имéяй дерзновéние ко Пресвятéй Трóице, моли́ просвети́ти дýши нáша.

Кондак, глас и҃:

От ю́ности к Божéственной красотé устремля́яся, чýдный иконопи́сец в земли́ Росси́йстей был еси́, и, богонóсным твои́м учи́телем поревновáв, сия́нием добродéтелей украси́лся еси́, преподóбне Андрéе, тéмже и яви́ся Цéркве нáшея похвалá и рáдование.



ЖИТИЕ И СТРАДАНИЯ
БЛАГОВЕРНОГО ЦАРЯ
НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА И ЕГО СЕМЬИ

"Ибо душа его была угодна Господу, потому и ускорил он из среды нечестия"
Прем. Соломона 4, 14.

Признаки последних времен выявляются все яснее и яснее. Но до тех пор, пока в Предвечном Совете не будет решено отнять от России, принявшей на себя обязанность блюсти Православие, невидимую Божественную силу, безсильна жестокая буря разбить корабль Православия, носящийся в безбрежном просторе вечности к определенной цели.

Если внимательно вникать в исторические примеры, непосредственное действие Божие обнаруживается с особенной ясностью: царствование Божие простиралось над царством человеческим, ибо "**не изнеможет у Бога всяк глагол**" *(Еванг. от Лук. 1, 37)*.

---

14 августа 2000 года Архиерейский Собор Русской Православной Церкви прославил Императора Николая II и его Августейшую Семью в лике страстотерпцев.

Житие составлено на основе книг: "*Он всех простил...*". Император Николай II. Церковь о Царской Семье. Материалы Синодальной Комиссии по канонизации святых Русской Православной Церкви. «Издательский Дом "Нева"», 2003. *Игумен Серафим.* Православный Царь-Мученик. М., Хризостом, 2000. *В.В. Кузнецов.* Тайна пятой печати. Судьба Царя — судьба России. Изд-во "Сатисъ". СПб., 2002. *Царские дети.* Изд. Сретенского монастыря. 1999.

По Всевышним судьбам Божиим Церкви Христовой с самого начала христианства пришлось терпеть от міра вражду и гонение, дабы доказать, что она зиждется, утверждается и возвышается не человеческою силою, но Божией. Она страдала и страданием победила своих врагов. На крови мучеников созидался самый прочный фундамент, который врата ада не в силах разрушить. Когда же достаточно укрепился этот политый кровью мучеников церковный фундамент, тогда Господь послал видимую справедливость, торжество правды Божией на земле, чтобы, по слову Пророка "**одержала правда покой**" *(Кн. Прор. Ис. 32, 17)*, чтобы Церковь Христова, после стольких царей гонителей, имела царя покровителя в лице Константина — сначала язычника, но чудом Божиим сделавшегося христианином.

Так и ныне, Господь, отняв от Церкви покровителя в лице благочестивого Православного Царя, попустив ему мученическую смерть, — как первому сыну ее, так и многим верным чадам ее, — тем самым скрепил святою мученическою кровью, как самым крепким цементом, расшатанные устои ее.

Мановением Божественной Десницы до тех пор укрепляются государства, пока в них соблюдается в чистоте и святости святая вера, имеется послушание закону Божию, ибо в руке Божией все, и у Которого все пути каждого народа земли *(Кн. Прор. Дан. 5, 23)*.

С каждым годом благочестие народов охлаждается, нравственность падает, как сказано: "**Ибо после больше будет бедствий, нежели сколько ты видел ныне. Сколько будет слабеть век от старости, столько будет умножаться зло для живущих. Еще дальше удалится истина, и приблизится ложь**". Грех — главный виновник внешних и внутренних войн, всех бед и несчастий народных, ибо ясно и определенно об этом сказано Самим Христом: "**И, по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь**" *(Еванг. от Матф. 24, 12)*.

Великий праведник-прозорливец преподобный Серафим Саровский предсказал и о нашем времени, говоря о замыслах врагов России, стремившихся покончить с Помазанником Божиим и Великой Православной Россией: "Будет это непременно: Господь, видя нераскаянную злобу сердец их, попустит их начинаниям на малое время, но болезнь их обратится на главу их, и на верх их снидет неправда пагубных замыслов их. Земля Русская обагрится реками крови, и много дворян побиено будет за великого Государя и целость самодержавия его; но не до конца прогневается Господь и не попустит разрушиться до конца земле русской, потому что в ней одной преимущественно сохраняется еще Православие и остатки благочестия христианского".

Из вышеприведенного Святого Писания и Божественного откровения для нас представляется ясным, что за грехи народа, безнравственную жизнь, оставление отеческих заветов Бог отнимает от народа благочестивых царей, мудрых начальников, храбрых вождей и воинов, попуская господствовать злу, безбожию, жестокому гонению на веру, братоубийственному кровопролитию и всякой неправде.

Бог попускает диаволу действовать тайно для людей, внушая свое злотворное, враждебное Христу и пагубное для человеческого рода учение, направленное к ниспровержению благочестия и благосостояния не отдельных только лиц, но целого царства Христова и всего человеческого рода. Он внушает свои коварно-вероломные козни тайно под личиной добра, пока порочность людей дойдет до глубины падения так, что они будут делать зло открыто, не стыдясь людей, не боясь Бога, нахально и дерзко, с похвальбою и насмешками над добродетелью, осмеивая, гоня, муча и жестоко убивая добродетельных людей. Люди, прельщенные диаволом, будут гнать веру и верующих людей с тонкой змеиной хитростью: ложью, насмешкой, подделками и другими вероломными поступками. Вековая непрестанная борьба между добром и злом, царством Божиим и царством диавола, по попущению Божию, за "отступление" человечества склонится на сторону зла, которое будет господствовать до тех пор, пока народ не придет в сознание. Тогда будет страшный эгоизм, развращение нравов, легкомыслие, разнузданность страстей, отсутствие благоговения к Богу, потеря страха пред законами и властью, извращение всяких здравых отношений подорвут благо народа, расшатают семейные узы, вековые порядки и весь общественный строй, зажгут кровавый огонь внутренних и внешних войн. Появятся многие властители, низвергая друг друга, подвергаясь и сами той же участи; рабы будут вырывать власть у своих властителей, но и сами вскоре сделаются жертвами других честолюбивых людей. Бедствия народа будут увеличиваться и прекратятся только тогда, когда народ придет в сознание и покаяние.

Господь всячески приводит человечество в сознание, "**долго терпит, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию**" *(2 Посл. Петр. 3, 6)*. Св. Иоанн Златоуст писал, что до тех пор царство народа крепко и непобедимо, пока на нем почивает благословение Божие, а признак сего, если еще не оскудело то святое семя, которым скрепляются устои и скрепы народного благосостояния, которым стоят и держатся царства и народы. Это святое семя есть те праведники и молитвенники, ради которых Бог милует целые города и государства: "**Лучше един праведник, нежели тысяща грешник**" *(Кн. Сир. 16, 3)*.

Как по попущению Божию враги распяли Небесного Царя для славы Распятого и вечной погибели распинателей, так Бог попускает нечести-

вым людям убивать земных благочестивых царей для славы убитых и вечной погибели убийц и вдохновителей.

Император Всероссийский Николай II родился 6 (18) мая 1868 года в день святого праведного Иова Многострадального. Он был старшим сыном Императора Александра III и его супруги Императрицы Марии Феодоровны (дочери Датского короля Христиана VII) и от рождения был предназначен для управления одной из величайших империй міра.

О рождении первенца, Наследника престола, жители северной столицы узнали по сигналу трехсот одного пушечного выстрела со стен Петропавловской крепости. Православный народ с радостью принял эту благую весть; но мудрые старцы говорили, что родившийся в день памяти праведного Многострадального Иова Царственный младенец обречен Провидением на многие страдания и муки. Когда впоследствии, спустя сорок девять лет, Всевышний судил Своему Помазаннику, как праведному Иову, вступить в полосу Голгофского страдания, тогда невольно приходится обратить внимание на знаменательное совпадение, указующее во всем волю Всевышнего.

Возрастал Великий Князь бодрым, но серьезным, впечатлительным и задумчивым. Когда он достиг школьного воспитательного возраста, то удивлял своих преподавателей необычайной памятью и отличными способностями. Все ожидали от этого исключительного мальчика будущего Православного Царя с истинно русскими идеями, с благодатной силой, с христианской любовью. Августейшими родителями было обращено тщательное внимание на воспитание и образование своего первенца, они подбирали воспитателей и учителей с истинно русским закалом, дабы мальчик процветал среди задушевной национальной русской атмосферы. Он удивлял своих воспитателей разумными, меткими, практическими суждениями в разных вопросах науки, не любя мечтательных увлечений. Этот юный Царственный отрок от ранних лет проявлял кристально чистую честность своего характера, поразительную искренность, твердость своих убеждений и глубокую религиозность. Августейший отец зорко следил за образованием сына, дабы оно шло в строгом национально-русском православном духе. Его воля выражалась, главным образом, в том, чтобы воспитать не только ученого, но человека добра и чести, верного сына России, способного горячо принимать к сердцу в судьбах ее все, что относится к ее славе, верного хранителя в душе своей святой веры и преданности Церкви как драгоценнейшему залогу блага народного. Все необычные для простого смертного его дарования говорили за то, что Десница Господня изначала отметила его как Своего избранника и вела особыми, таинственными путями к венцу и служению царскому. Юный Великий Князь не любил лжи и лести, которые помрачают ум, усыпля-

ют совесть, ослабляют чувство долга; предохранял себя от разных соблазнов и искушений, чем в целости сберег свои Богом данные душевные сокровища и оградил свое чистое сердце от приражений порока. Преподавание Закона Божия выполнялось искренним и твердым в своих убеждениях духовным отцом, вложившим в добрую детскую душу высокие святые чувства миролюбия, милосердия и любви к ближним. Августейший отрок любил читать книги религиозно-нравственного содержания и научные, в то же время отвергая пустые и безполезные книги, разрушающие чистоту и невинность храма душевного. Опытный духовный отец провидел в этом необычайном Августейшем отроке не рядового человека, но особого избранника Божия.

Воспитание, полученное им под руководством отца, было строгим, почти суровым. "Ни я, ни Великая Княгиня не желаем делать из них оранжерейных цветов. Они должны хорошо молиться Богу, учиться, играть, шалить в меру. Мне нужны нормальные здоровые русские дети",— таковы были инструкции, дававшиеся Императором Александром III А.П. Олленгрэн, первой учительнице своих сыновей. Воспитание Наследника было строго православным: еще маленьким ребенком он проявлял особую любовь к Богу.

Наследник получил также весьма хорошее домашнее образование. Программа его воспитания и образования исполнялась добросовестно — Император знал несколько языков, хорошо разбирался в военном деле и был весьма эрудированным человеком. Для подготовки Цесаревича к государственному поприщу в его школьную программу были введены и занятия по политической истории. Помимо общеобразовательных и государственных наук Цесаревич прошел строевую школу военного образования в рядах войск.

Так пути Провидения от ранней юности готовили Августейшего отрока на великое царственное служение в безпримерно тяжелое время міровых волнений и смут, производимых по наущению того красного адского зверя.

Образование было завершено в 1890 году. В конце того же года Цесаревич отправляется в длинное, почти кругосветное путешествие. Посещает Египет, Индию и Японию с возвращением в Петербург через Сибирь. В Японии в городе Оцу на него было совершено покушение — спас его Греческий королевич Георгий, отклонивший удар фанатика.

После возвращения Александр III постепенно начинает привлекать Наследника к участию в государственном управлении. Мудрый отец поручал своему сыну постепенно дела государственной важности, круг которых время от времени расширялся, подготовляя к предстоящему тяжелому служению. Он состоял председателем Комитета по сооружению

Великого Сибирского пути, возглавлял комитет по борьбе с голодом 1891-92 гг.; заседал в Государственном совете и в Комитете министров.

Первое серьезное испытание силы воли Цесаревичу Николаю Александровичу пришлось выдержать в связи с его женитьбой. Еще в 1884 году он впервые увидел на свадьбе своего дяди Великого Князя Сергея Александровича и Великой Княгини Елизаветы Феодоровны сестру невесты, юную принцессу Алису Гессен-Дармштадтскую.

Императрица Александра Феодоровна (принцесса Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса) родилась 25 мая (7 июня) 1872 года в Дармштадте, столице небольшого германского герцогства, к тому времени уже насильственно включенного в Германскую империю. Отцом Алисы был Великий Герцог Гессен-Дармштадтский Людвиг, а матерью — принцесса Алиса Английская, третья дочь Королевы Виктории. В младенчестве принцесса Алиса была веселым, живым ребенком, получив за это прозвище "Санни" (Солнышко). Дети Гессенской четы (их было семеро) воспитывались в глубоко патриархальных традициях. Жизнь их проходила по строго установленному матерью регламенту, ни одной минуты не должно было проходить без дела. Одежда и еда детей были очень простыми. Девочки сами зажигали камины, убирали свои комнаты. Мать старалась с детства привить им качества, основанные на глубоко христианском подходе к жизни. Родители принцессы Алисы, хоть и имели большие родственные связи, не обладали богатством, были сравнительно их положению бедными людьми, ведя образ жизни простой и трудовой. Дочери их с малых лет работали по домашнему хозяйству и сами шили все нужное для себя. Семья эта по своей простоте и трудолюбию не отличалась от трудолюбивой семьи среднего класса. Вообще финансовое положение было скудно, и дети не знали даже той роскоши и удовольствий, какими пользуются обычные богатые люди.

Первое горе Аликс перенесла в шесть лет — в это время в возрасте всего тридцати пяти лет от дифтерии умерла ее мать. После пережитой трагедии маленькая Аликс стала замкнутой, отчужденной, начала сторониться незнакомых людей; успокаивалась она только в семейном кругу. При воспитании без любящей матери она более и более углублялась в себя и старалась быть от всех подальше, что являлось одной из черт ее характера. После смерти дочери Королева Виктория перенесла свою любовь на ее детей, особенно на младшую — Аликс. Ее воспитание, образование отныне происходило под контролем бабушки. Будущая Императрица по характеру, вкусам и привычкам была скорее англичанкой, чем немкой. Аликс была необычайно прилежной ученицей, уже в 15 лет она основательно разбиралась в истории, географии, английской и немецкой литературе, превосходно играла на фортепиано. Принцесса имела инте-

рес к философии и даже к политическим вопросам — она имела степень доктора философских наук.

С момента встречи Цесаревича Николая Александровича и принцессы Алисы между ними зародилась крепкая дружба, перешедшая затем в глубокую и все возрастающую любовь. Когда в 1889 году, достигнув совершеннолетия, Наследник обратился к родителям с просьбой благословить этот брак, последовал отказ отца, мотивированный молодостью Наследника. Пришлось смириться перед суровой отцовской волей. Но все же мудрый отец после долгого и всестороннего узнавания воли и характера невесты, принимая во внимание, что прежде всего должна она быть истинно преданной, любящей спутницей жизни, облегчающей тяжесть великого служения супруга, и достойной матерью семьи, дал свое отеческое благословение сыну на вступление в законный брак с той, которую он полюбил истинной, чистой любовью. В 1894 году, видя непоколебимую решимость сына, обычно мягкого и робкого с отцом, Александр III дает благословение на брак. Единственным препятствием оставался переход в Православие, требуемый российским законом от невесты Наследника. Протестантка по воспитанию, Алиса была глубоко убеждена в истинности своего исповедания и долго противилась перемене вероисповедания. Переубедить ее стоило Цесаревичу больших трудов, но после долгих уговоров принцесса согласилась: хотя была она с малых лет предана своей лютеранской вере, но любовь ее к человеку Православной веры заставила знакомиться с догматами Православия, и со временем она постепенно начала убежденно сознавать неправоту своей веры и неприкосновенную чистоту Православной Греко-Российской веры. По поводу вопросов веры она вела большую переписку со своим женихом и только после твердого убеждения решила принять Православие, которому была верна до гроба.

Впрочем, скоро эта радость взаимной любви была омрачена резким ухудшением здоровья Отца — Императора Александра III. Поездка в Крым осенью 1894 года не принесла облегчения; тяжелый недуг неумолимо уносил силы Царя. 20 октября в Ливадийском дворце Император скончался, а на следующий день принцесса Алиса была присоединена к Православию через Миропомазание в дворцовой церкви Ливадийского дворца, получив имя Александры Феодоровны. Несмотря на траур по отцу, бракосочетание было решено не откладывать, но оно состоялось в самой скромной обстановке 14 ноября 1894 года. На один день свадебного торжества был снят Двором черный траур. Так в черном трауре пришлось начать будущей Русской Императрице свою жизнь в России. Это как бы предвещало ей в новой жизни скорби, напасти, вероломные коварства, клеветы и траурный конец...

Наступившие затем дни семейного счастья вскоре сменяются для нового Императора необходимостью принятия на себя всего бремени управления Российской Империей.

Через год после свадьбы, 3 ноября 1895 года, рождается первая дочь — Великая Княжна Ольга; за ней последовало появление на свет трех полных здоровья и жизни дочерей, которые составляли радость своих родителей — Великих Княжон Татианы (29 мая 1897 года), Марии (14 июня 1899 года) и Анастасии (5 июня 1901 года).

Но эта радость была не без примеси горечи — заветное желание Царской Четы могло осуществить лишь рождение Наследника. Это произошло 12 августа 1904 года, через год после паломничества Царской Семьи в Саров, на торжества прославления Преподобного Серафима. Казалось, что все горести забыты и начинается новая светлая полоса в семейной жизни. Но уже через несколько недель после рождения Царевича выясняется, что он болен гемофилией. Жизнь ребенка все время висела на волоске — малейшее кровотечение могло стоить ему жизни. Особенно были сильны страдания матери, так как именно она невольно оказалась причиной страшной болезни сына.

Ранняя смерть Александра III не позволила ему завершить подготовку Наследника к исполнению обязанностей монарха. Он еще не был введен в курс высших государственных дел, многое ему пришлось уже после восшествия на Престол узнавать из докладов своих министров.

Впрочем, характер Государя, которому при воцарении было уже двадцать шесть лет, и его міровоззрение к этому времени давно определились. Но они почти не были известны русскому народу и обществу — Цесаревича заслоняла мощная фигура Александра III. Наследник производил впечатление человека мягкого и тактичного в обращении; его скромные манеры, осмотрительность и отсутствие внешней решительности многих приводили к выводу об отсутствии у него сильной воли. Лица, стоявшие близко ко двору, отмечали его живой ум, — он всегда быстро схватывал существо докладываемых ему вопросов, — прекрасную память, особенно на лица, благородство образа мыслей.

Основой взглядов Императора Николая II было политическое завещание Отца: “Я завещаю тебе любить все, что служит ко благу, чести и достоинству России. Охраняй самодержавие, памятуя притом, что ты несешь ответственность за судьбу твоих подданных перед Престолом Всевышнего. Вера в Бога и святость твоего царского долга да будет для тебя основой твоей жизни. Будь тверд и мужествен, не проявляй никогда слабости. Выслушивай всех, в этом нет ничего позорного, но слушайся самого себя и своей совести”.

К. П. Победоносцев, бывший в числе наставников Цесаревича, привил своему царственному ученику отрицательный взгляд на парламентское правление как на "великую ложь нашего времени", пренебрежение к "страшной власти, именующей себя общественным мнением". Государь глубоко верил, что для стомиллионного русского народа Царская власть была и остается священной. В нем всегда жило представление о том, что Царю и Царице следует быть ближе к народу, чаще видеть его и больше доверять ему, потому что он не обманет того, кого почитает почти равным Богу, и всегда скажет настоящую правду, — не то, что министры и чиновники, которым нет никакого дела до народных слез и нужды. Сам Государь высказывался неоднократно в том духе, что не может быть никакого сомнения в великой к нему народной любви. Народ скорбит лишь о том, что недостаточно близко и часто видит его.

Между тем появление на Престоле нового Царя возбудило в обществе совсем иные надежды — на продолжение политики реформ Царя-Освободителя Александра II, почти совершенно свернутых в годы правления его сына. Этому способствовала эпоха внешнего и внутреннего спокойствия, — революционные партии были разбиты в начале 80-х годов и еще не сложились в новую силу. Общество в то время было готово ограничиться самой умеренной программой реформ. По случаю вступления на Престол земские круги обращались к Государю с адресами, в которых нашли место сдержанные, облеченные в самую почтительную форму пожелания скромной конституционной реформы и некоторых мероприятий по улучшению материального и правового положения крестьян. В ответ на эти пожелания, звучавшие во "всеподданнейших адресах" от земств, — а они выступали от лица значительной части русского общества, — 17 января 1895 года Император обещал "охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно", как охранял их Император Александр III. С точки зрения Государя это было, безусловно, актом политической честности, — он действительно считал, что несокрушимость самодержавия — необходимое условие процветания России и ее народа. Однако, общественный резонанс первого выступления Императора был отрицательным. С самого начала царствования наметилось напряжение между Царем и либерально настроенной частью общества.

1896 год был ознаменован пышным коронационным торжеством в Москве. Венчание на Царство — важнейшее событие в жизни монарха, в особенности, когда он проникнут глубокой верой в свое предназначение. Над Царской Четой было вторично совершено Таинство св. Миропомазания — в знак того, что "как нет выше, так и нет труднее на земле Царской власти, нет бремени, тяжелее Царского служения", для чего

необходимо особое благодатное укрепление сил монарха. С этой минуты Государь почувствовал себя подлинным Помазанником Божиим. С детства обрученный России, он в этот день как бы повенчался с ней.

Последующие дни коронационных торжеств были омрачены страшной трагедией на Ходынском поле. В ночь на 18 мая толпа, ожидавшая раздачи царских подарков, внезапно пришла в движение, и произошла давка, где погибло более тысячи человек и ранено несколько сот. На следующий день Царственные Супруги были на панихиде по погибшим и позаботились об оказании помощи пострадавшим; виновники трагедии понесли взыскания.

Став Верховным Правителем огромной Империи, в руках которого практически сосредотачивалась вся полнота законодательной, исполнительной и судебной власти, Николай Александрович взял на себя громадную историческую и моральную ответственность за все происходящее во вверенном ему государстве.

Оценки Николая II как государственного мужа крайне противоречивы. Говоря об этом, никогда не следует забывать, что, осмысляя государственную деятельность с христианской точки зрения, мы должны оценивать не ту или иную форму государственного устройства, не место, которое занимает конкретное лицо в государственном механизме. Оценке подлежит лишь то, насколько то или иное лицо сумело воплотить в своей деятельности христианские идеалы блага. Следует отметить, что Николай II относился к несению обязанностей монарха весьма серьезно, как к священному долгу.

Первые годы царствования Императора Николая II были относительно спокойными, что позволило правительству провести ряд реформ, благотворно сказавшихся на положении в Российской Империи. В 1896 году проведена денежная реформа, давшая России твердую, обезпеченную золотом валюту. Министр финансов граф С.Ю. Витте подчеркивал, что в осуществлении этой реформы, у которой было много противников, решающую роль сыграло положительное мнение Императора. В 1901 году проведена школьная реформа, за 10 лет кредиты на образование возросли в два раза.

Забастовки на заводах и фабриках заставляют правительство обратить внимание на рабочий вопрос. Государь вслух неоднократно высказывал мысль, что вопрос этот близок его сердцу. И это проявлялось в последовательной поддержке им развития социального законодательства в направлении защиты и расширения прав рабочих и ограничения привилегий предпринимателей на всем протяжении его царствования. Своим личным участием в разрешении этого вопроса он желал внести успокоение в рабочую среду.

Тяжелое положение в деревне, постоянная угроза голода, разорение крестьянских хозяйств и упадок помещичьего землевладения делают аграрный вопрос одним из важнейших. Чтобы сдвинуть его с мертвой точки, в губерниях были созданы комитеты по выяснению нужд сельскохозяйственной промышленности. Их работа была достаточно плодотворной, но не смогла предотвратить новые вспышки крестьянских волнений в разных местах. В первые годы XX века снова начинается и революционный террор, подавленный в свое время Императором Александром III. Происходит ряд политических убийств и волнений в городах. Эти факты свидетельствуют о такой степени общественного напряжения, когда государственная власть уже теряет контроль над ситуацией. Вскоре это напряжение разрешилось революционным взрывом 1905 года.

Частная жизнь Царской Четы в эти годы была ровной и счастливой. Император, от природы замкнутый, чувствовал себя спокойно и благодушно, прежде всего, в узком семейном кругу, а по-настоящему знала его только Александра Феодоровна. Семья была главным и для Императрицы. Этому способствовали как природные свойства ее характера, так и постепенно назревавший конфликт с высшим светским обществом. Императрица не любила светского общения, балов. Застенчивость Александры Феодоровны расценивалась как холодность и надменность. Ее строгому воспитанию была чужда моральная распущенность, царившая в придворной среде, религиозность Императрицы называли странностью, даже ханжеством и фанатизмом.

Царская Семья с момента брака продолжала вести образ жизни весьма скромный, выведя из прежнего обычая пышные пиршества и веселые гулянья. Это изменилось главным образом по желанию Царицы, которая не выносила лишней роскоши и безполезной траты денег и времени, чем многих придворных восстановила против себя. Конечно, когда нужно было по положению устраивать в год несколько балов во дворце, Императрица представляла из себя затмевающую всех остальных дам своим величием и красотой даму, умея в эти часы показать себя веселой, но в то же время умело соблюдая свое Царское достоинство.

Мало было известно подлинной правды о Царице благодаря ее скромности, уединенному образу жизни; не понявшие ее внутреннего настроения, считали это недоступностью и гордостью. В наш век ослабления нравственных основ и семейных Августейшая чета давала пример идеала христианской, семейной, супружеской любви, предпочитая проводить минуты отдыха в семейном кругу.

Действительно, глубокая религиозность выделяла Императорскую Чету среди представителей тогдашней аристократии. Конечно, религиозным духом было проникнуто с самого начала воспитание детей Импе-

раторской Фамилии. Все ее члены жили в соответствии с традициями православного благочестия. Обязательные посещения Богослужений в воскресные и праздничные дни, говение во время постов были неотъемлемой частью дворцового быта. Однако личная религиозность Государя и, в особенности, его супруги была безспорно чем-то большим, чем простое следование традициям. Царская Чета не только посещает храмы и монастыри во время своих многочисленных поездок, поклоняется чудотворным иконам и мощам святых, но и совершает настоящие паломничества, как это было в 1903 году во время прославления Преподобного Серафима Саровского. Краткие Богослужения в придворных храмах не удовлетворяют уже Императора и Императрицу. Специально для них совершаются службы в Царскосельском Феодоровском соборе, построенном в стиле XVI века. Здесь в атмосфере Московской Руси времен царя Алексея Михайловича, особенно любимого Императором Николаем, можно было вполне проникнуться духом уставного православного Богослужения, древнерусского благочестия. Императрица Александра молилась здесь перед аналоем с раскрытыми богослужебными книгами, внимательно следя за Богослужением. Специально для нее в алтаре вслух читались все священнические молитвы.

В политике внешней Государь держался завета своего почившего Отца, защищая слабых от насилия сильных по долгу христианского милосердия, а не по своекорыстным побуждениям, не рассчитывая на постороннюю помощь, полагаясь на Господа Бога и на свой верный народ. Он был истинный христианин, ставя религию и добрую нравственность выше философских и ученых теорий. Его чувством вселенского покровительства Православной Церкви руководило не исключительное единственное в міре положение Православного Царя, но глубокая вера и крепкое убеждение в покровительстве Всевышнего, Который в трудную минуту просветит и направит. Его часто видели по ночам прерывавшим свой сон, стоящим на коленях, изливающим свою душу в молитве, как бы стоящим на божественной страже. Государь не забывал своей клятвы при вступлении на Престол, в которой он клялся не только свято соблюдать неприкосновенность основных законов государства, но и блюсти интересы Православной веры, защищать от всяких вражеских посягательств, содействовать ее торжеству и преуспеянию в целом мире. Неразрывный союз между Церковью и Престолом, эта отличительная и существенная черта русского строя, была вполне усвоена молодым Государем, хотя все силы ада в союзе с хитросплетенной европейской дипломатией вели свои козни против сего священного союза.

Внешнюю политику Императора Николая II всегда отличало также стремление привносить в государственную жизнь христианские религи-

озно-нравственные принципы своего мировоззрения. Еще в 1898 году он обратился к правительствам Европы с предложением о созыве конференции для обсуждения наиболее эффективных методов обезпечения и сохранения всеобщего мира и установления пределов в отношении роста вооружений. Вследствие этого обращения состоялись Гаагские мирные конференции 1899 и 1907 годов, решения которых в значительном объеме действительны по сей день. (Мирные предложения Советского правительства во главе с Л. Брежневым лишь повторили политику Императора Николая II.) Но несмотря на искреннее стремление Государя к миру, в его царствование Россия участвует в двух кровопролитных войнах, приведших к внутренним смутам.

28 января 1904 года Япония без объявления войны начала военные действия под Порт-Артуром. Видимо по попущению Божию, эта война повергла Россию в пучину бедствий. Хотя Император придавал большое значение азиатской политике, страна, внезапно втянутая в войну, оказалась к ней не готовой. Общественное мнение не вдохновляла идея величия Империи, к войне оно было равнодушно, а "левые" — активно против. Тем не менее, в первый момент возобладало патриотическое настроение: надо было дать отпор Японии! Война, однако, сразу же приобрела неблагоприятный для России характер. Русская армия начала отступление и терпела одно поражение за другим.

Много скорбей и печали принесла эта нежелательная война миролюбивому Императору и Императрице, взявшей на себя труд оказывать помощь раненым воинам. Императрица обратила залы Зимнего Дворца в рукодельные мастерские, собрав сотни знатных дам и девиц, организовав рабочую общину. Она сама работала неутомимо, а также и юные ее дочери, Великие Княжны. Эти милые девочки так усердно шили и вязали, что нежные их пальцы одеревенели и покрылись мозолями. Этот ревностный дух патриотизма и самопожертвования Царицы с юными Детьми послужил вдохновением многим тысячам дам и девиц не только в Петербурге и Москве, но по всей России. Насколько успешна была эта работа энергичной Императрицы, можно судить по тому, что только одно Харбинское депо получило из Зимнего Дворца до двенадцати миллионов разных вещей. Помимо сего, организовано было семьдесят походных госпиталей, много часовен, библиотек и куплено более чем на миллион хирургических инструментов и других вещей, необходимых для облегчения страданий раненых воинов. Когда Государыня благодарила своих помощниц, то сказала: «Я счастлива слышать, что благодаря старанию работниц в моем депо мое пылкое желание оказать помощь нашим дорогим войскам удовлетворилось». Это говорит о том, что Императрица не гордилась этим и не приписывала труд себе, а смиренно с

воспитанным благородством относила его к работницам, хотя сама была первой усердной работницей и руководительницей.

Государыня организовала исключительную школу для собак, которые отыскивали на поле брани раненых воинов, просмотренных санитарами. Заботилась сердобольная Царица, как любящая мать, обо всех. Когда к ней пришли несколько высокосветских молодых барышень проситься на фронт в качестве сестер милосердия, Императрица дала им следующий мудрый ответ: «Вы еще недостаточно опытны в работе и крепки, чтобы переносить тяжелую жизнь в Манчжурии. Вы можете служить в петербургских госпиталях, освободив таким образом регулярных, хорошо обученных сестер и дать им возможность поехать в передовые ряды армии». Не был оставлен без внимания Царицы и рабочий народ, для которого учреждались вспомоществовательные институты, питомники для грудных детей, дома и приюты для безприютных сирот, дома для безработных, престарелых, родовспомогательные заведения, приюты для душевнобольных, библиотеки, читальни и разные учреждения, в которых получали посильную работу те, которые еще способны были трудиться. Особенно любила Императрица, как любящая мать, заботиться о девочках-сиротах, устраивая для них школы и приюты, что объясняется тем, что сама она с детских лет была сиротой и у самой первые дети были девочки.

Государь весь 1904 год много ездил по России, посещал воинские части, напутствуя уходящих на фронт. Но в целом положение все ухудшалось. 19 декабря после многомесячной героической обороны Порт-Артур был сдан. Окончательным ударом стала гибель 14 мая 1905 года значительной части русского флота в Цусимском проливе. Благодаря успехам русской дипломатии на Портсмутской конференции мир был заключен на сравнительно выгодных для России условиях, но пришлось отдать японцам Порт-Артур и южную половину Сахалина. Государь принял это как Промысл Божий, в который он твердо верил.

По словам графа В.Н. Коковцова, Император "верил в то, что он ведет Россию к светлому будущему, что все ниспосылаемые судьбою испытания и невзгоды мимолетны и, во всяком случае, преходящи, и что даже если лично ему суждено перенести самые большие трудности, то тем ярче и безоблачнее будет царствование его нежно любимого сына... До самой минуты отречения эта вера не оставляла его". Этот оптимизм действительно был в характере Государя, он безспорно скрашивал ему весьма безутешные дни его царствования.

Невозможность для России продолжать войну была вызвана и угрожающим ростом внутренних безпорядков. Причиной их были как чисто внутренние проблемы русской жизни — тяжелое положение простого народа, которым пользовались революционеры, и конфронтация с пра-

вительством значительной части русского образованного общества, — так и тягостные слухи о военных поражениях.

Революция началась в Петрограде, где в рабочей среде особенно преуспели революционные агитаторы. В первые дни 1905 года действовавшее в Петербурге "Собрание русских фабрично-заводских рабочих", во главе которого стоял священник Георгий Гапон, организовало забастовку, скоро охватившую большинство столичных предприятий. Бастующие требовали не только улучшения своего экономического положения. Под влиянием социалистов, входивших в забастовочные комитеты, была составлена программа, включавшая ряд заведомо невыполнимых политических требований (немедленные выборы в Учредительное собрание, демократические свободы и т.д.). Все это было изложено в петиции к Царю, которому предлагалось в ультимативной форме ("поклянись исполнить их") принять все требования рабочих. Было принято решение организовать 9 января массовое шествие рабочих к Зимнему Дворцу, чтобы отдать петицию лично Императору. Российское же законодательство не предусматривало права подачи Императору такого рода петиций кем бы то ни было, кроме представителей дворянского сословия, и даже предполагало привлечение к суду их составителей.

Первоначально событиям в Петербурге власти не придали особого значения и не приняли мер, адекватно реагирующих на забастовку. Государь же был проинформирован о них лишь 5 января. 6 января, при совершении водоосвящения на Неве, во время салюта был произведен выстрел картечью, одна из пуль упала рядом с Царем. Расследование показало, что злого умысла здесь не было, но все говорили о покушении. Вечером того же дня Император отбыл в Царское Село, а власти столицы стали пытаться предотвратить шествие. Переговоры с Гапоном ни к чему не привели, напротив, забастовка стала всеобщей. Здесь был допущен ряд ошибок: Государь, от которого Министр внутренних дел князь П.Д. Святополк-Мирский скрыл истинный размах движения, отменил введенное в столице военное положение; решено было также допустить шествие на рабочих окраинах, лишь воспрепятствовав ему проникнуть в центр города. Это делало практически неизбежным столкновение рабочих с войсками.

Утром 9 января шествие, неся иконы и царские портреты, которые должны были придать ему миролюбивый и пристойный характер, двинулось с городских окраин к центру. Отсутствие слаженности в поведении полиции и войск, а также явно провокационное поведение Гапона и других революционеров, стремившихся направить рабочих по пути жесткого противостояния властям, привело к тому, что войскам во многих местах пришлось стрелять по толпе, — холостые выстрелы не могли остановить шествие. Убито было 150—200 человек, еще больше ранено.

Хотя в Петербурге сопротивление к вечеру было подавлено, события 9 января стали началом революции в России.

Трагический смысл случившегося Император осознал уже вечером того же дня. Нарочито избегавший в своем дневнике пространных и эмоциональных оценок происходящего, он сделал следующую дневниковую запись: "Тяжелый день. В Петербурге произошли серьезные безпорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего Дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело".

В стране между тем усиливается террор. 4 февраля был убит взрывом бомбы дядя Государя, московский генерал-губернатор Великий Князь Сергей Александрович. Активизируется и умеренная оппозиция, мечтавшая о программе реформ. Звучат призывы созвать Земский Собор или Учредительное Собрание. Ввиду серьезности положения Государь 18 февраля издает Манифест, где призывает всех верных сынов Отечества на борьбу с крамолой. На следующий день в рескрипте на имя Министра внутренних дел А.Г. Булыгина Император пишет о своем намерении "привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предложений".

Теоретически Император продолжал считать самодержавную монархию более совершенной формой правления, чем парламентскую, в особенности для России, где не было соответствующих традиций и значительная часть общества стояла в открытой оппозиции правительству. Но он продолжал глубоко верить и в то, что отношение к нему большинства населения — совершенно иное, а смута — чисто наносное, городское явление.

Государь допускал возможность поделиться властью с народными представителями, но видел опасность в том, что основная часть населения увидит в этом насилие интеллигенции над Царем, что приведет к народным волнениям. Кроме того, снятие с себя части ответственности в пользу парламента было для Государя равносильно отказу от своего священного долга, проявлением малодушия и безответственности — ведь еще неизвестно, как поведут себя народные избранники. Впоследствии действительность часто оправдывала самые худшие предположения.

Тяжело было все это видеть и переживать Государю. Какое нужно было иметь мужество и веру, дабы при всем этом не опустить руки и не пасть духом!

Первое время духовными руководителями Царственной Четы были великие столпы Православной Церкви — протопресвитер Иоанн Янышев, он же и духовник, и протоиерей Иоанн Сергиев Кронштадтский. Они в трудные минуты укрепляли дух и поддерживали веру как Госуда-

ря, так и Императрицы, которая особенно нуждалась в духовном совете как еще малоопытная в догматах Православия и в то же время имела ревностную склонность к практической духовно-религиозной жизни. Особенная набожность Государя и Императрицы противной стороной истолковывалась в разных извращенных выводах суеверия и ханжества. Но этого быть не могло под руководством таких светильников Церкви Христовой, свет которых сиял по всему христианскому міру. После смерти протоиерея Янышева духовно руководил Царем и Царицей отец Иоанн Кронштадтский, имевший особый дар от Бога молитвой исцелять болезни и духовно прозревать коварные козни врагов.

Будучи под влиянием таких столпов Церкви, Государь и Императрица оказывали особенное внимание и заботу к делам Православной Церкви не только в России, но и во всем Православном міре. Они все свои сбережения от получаемого по положению содержания тратили не для личных удовольствий, но на устройство церквей, монастырей, приютов, школ, богаделен и других благотворительных учреждений. По примеру своего покойного Отца, Государь любил церкви, образа́ и церковную стенопись в древнерусском стиле. Лично для себя Царская Семья тратила сравнительно по занимаемому положению немного, можно сказать, меньше иных богатых купеческих и сановных семейств. Что же касается содержания вообще Императорского Двора, то это к удовольствиям Семьи не относилось, а была традиционная необходимость государства, тяготившая жизнь Семьи. Августейшая Семья не ограничивалась денежной помощью, но жертвовала и своими личными трудами. Сколько руками Царицы и дочерей было вышито церковных возду́хов, покровов и других вещей, рассылаемых военным, монастырским и бедным церквам. Церковное строительство в России особенно развивалось за это время, благодаря сочувственному вниманию Царской Семьи и непосредственному их участию в этом святом и полезном для блага народного деле. Какой ярый их враг может сказать, что они не были людьми христианского настроения? Они были истинными православными христианами и верными чадами Церкви Христовой, проникнутые истинной религиозностью, кротостью, миролюбием и состраданием, глубоко веря, что центр тяжести жизни не здесь, на земле, а там, в жизни загробной, безконечной. Все, что Они делали, то делали для той вечной будущей жизни, при сознании, что делают дело не свое, а Божие. Они не искали и не радовались власти, а за послушание несли ее как тяжкий крест, возложенный на них Всевышним.

Согласно законодательству Российской Империи Царь был Верховным Хранителем и Защитником господствующей веры, блюстителем Православия и всякого в Церкви Святой благочиния. Как и все Российские Императоры Николай II щедро жертвовал на постройку новых храмов, в

том числе и за пределами России. За годы его царствования число приходских церквей в России увеличилось более чем на 10 тысяч, открыто более 250 новых монастырей. Император лично участвовал в закладке новых храмов и других церковных торжествах.

Личное благочестие Государя проявилось в том, что за годы его царствования было канонизировано святых больше, чем за два предшествующих столетия, когда было прославлено лишь 5 святых угодников. За время последнего царствования к лику святых были причислены святитель Феодосий Черниговский (1896 г.), преподобный Серафим Саровский (1903 г.), св. Княгиня Анна Кашинская (восстановление почитания в 1909 г.), святитель Иоасаф Белгородский (1911 г.), святитель Гермоген Московский (1913 г.), святитель Питирим Тамбовский (1914 г.), святитель Иоанн Тобольский (1916 г.). При этом Император вынужден был проявить особую настойчивость, добиваясь канонизации преподобного Серафима Саровского, святителей Иоасафа Белгородского и Иоанна Тобольского. Ему пришлось тут столкнуться с возражениями некоторых членов Св. Синода. Николай II высоко чтил святого праведного Иоанна Кронштадтского. После его блаженной кончины Царь повелел совершать всенародное молитвенное поминовение почившего в день его преставления.

Летом 1905 года Государь делает ряд шагов навстречу оппозиционному обществу. В газетах появляются первые сведения о проекте представительного собрания, носящего название Государственной Думы. Сам Государь внутренне сомневался в полезности этого шага, но видя, насколько всеобщим становится это стремление, старался обставить свои начинания известными предосторожностями, чтобы не открыть шлюзы перед революцией.

Революционные вспышки тем временем продолжались, достигнув апогея в октябре, когда в результате всеобщей политической забастовки вся жизнь страны была парализована. Правительству в лице С.Ю. Витте был представлен ряд требований: Учредительное собрание, демократические выборы, свобода стачек, союзов, 8-часовой рабочий день. В докладной записке Государю Витте писал: "Лозунг "свобода" должен стать лозунгом правительственной деятельности. Другого исхода для спасения государства нет. Выбора нет: или стать во главе охватившего страну движения, или отдать ее на разграбление стихийных сил".

Записка Витте с широкой программой реформ, в основном соответствующих решениям земских съездов, 10 октября была представлена Императору. "Представлялось избрать, — писал Государь, — один из двух путей: назначить энергичного военного человека и всеми силами постараться раздавить крамолу; затем была бы передышка, и снова пришлось бы через несколько месяцев действовать силой. Но это стоило бы

потоков крови и, в конце концов, привело бы к теперешнему результату, т.е. авторитет власти был бы показан, но результат оставался бы тот же самый... Другой путь — предоставление гражданских прав населению... Кроме того, обязательство проводить всякий законопроект через Государственную Думу — это, в сущности, и есть конституция. Почти все, к кому я обращался с вопросом, отвечали мне так же, как Витте, и находили, что другого выхода нет". Свой шаг Государь называет "страшным решением", которое он, тем не менее, принял совершенно сознательно.

В Манифесте, изданном 17 октября, населению были дарованы все гражданские свободы, значительно расширялся круг людей, наделенных избирательным правом. Ни один закон отныне не мог быть принят без одобрения Государственной Думы. Пойдя, вопреки своим убеждениям, в 1905 году на подписание Манифеста 17 октября, реально ограничившего власть Самодержавного Государя, Император никогда не пытался отменить этот законодательный Акт.

Тем временем разгул насилия в стране вынуждал к энергичным действиям. Подавление очагов революционного насилия в Москве в декабре 1905 года и в других местах потребовало энергичных, подчас жестоких мер. В 1906 году напор революции спадает, но до конца ее было еще далеко. В таких условиях проходит дальнейшая разработка закона о государственном устройстве России и выборы в I Думу (март 1906). Думы первого и второго созывов просуществовали недолго, обнаружив свою крайнюю оппозиционность Самодержцу и правительству и полную неспособность к реалистическому законодательному творчеству.

9 июня 1907 года, в день роспуска II Думы, премьер-министром назначается П.А. Столыпин, ставший главным советником Государя в решении неотложных государственных задач — из них главными были борьба с террором и осуществление назревших реформ, в первую очередь — органов народного представительства. 25 августа была опубликована программа законодательных мер, устанавливающая гражданское равноправие, веротерпимость, неприкосновенность личности, улучшение крестьянского землевладения и быта рабочих, реформы суда и школы.

В то же время неотложной необходимостью становится коренная реформа церковного управления, возрождение соборности и другие реформы в жизни Церкви. Открыто об этом стали говорить в 1905 году.

На Пасху этого года Император издает указ о веротерпимости. По этому указу были расширены права старообрядцев и сектантов, которым вернули их молитвенные дома. Православная Церковь столкнулась в связи с этим с рядом серьезных проблем — в западном крае десятки тысяч крестьян вернулись к униатству, деятельность сектантов и старообряд-

цев сразу же приняла широкие масштабы. В этой ситуации несвобода Церкви, существовавшая с петровской эпохи, стала вызывать все больше нареканий среди духовенства и церковной общественности. Раздаются голоса о необходимости Поместного Собора, восстановления Патриаршества и других церковных реформ.

Начались подготовительные работы по созыву Собора. Государь не желал созыва Собора в смутное время. Для столь важного дела нужно было спокойствие. "Предоставляю себе, — начертал Государь 31 марта 1905 года, — когда наступит благоприятное для сего время, по древним примерам православных Императоров, дать сему великому делу движение и созвать Собор Всероссийской Церкви для канонического обсуждения предметов веры и церковного управления". Подготовительные мероприятия начались с января 1906 года, когда образовано было, по Высочайшему повелению, особое Предсоборное Присутствие. Государь 8 марта 1906 года писал председателю этого Присутствия митрополиту Санкт-Петербургскому Антонию: "С глубоким вниманием слежу я за подготовительными работами к предстоящему Поместному Собору Русской Православной Церкви. Да благословит Господь ваши труды к обновлению нашей церковной жизни". Предсоборное Присутствие выработало ряд важнейших постановлений, которые были представлены на благоусмотрение Государя. По существу предполагался отход от системы государственной церковности в той форме, которая была заимствована Петром I из правовых теорий XVII века, и возвращение к основным началам византийской симфонии.

15 декабря 1906 года состоялось последнее заседание Предсоборного Присутствия. Неблагоприятное состояние общества прервало его работу.

Работа по подготовке Поместного Собора возобновилась в 1912 году, но была прервана начавшейся скоро Первой Міровой войной, так что первый в послепетровскую эпоху Поместный Собор Русской Православной Церкви созван был уже после отречения Императора Николая II. В своих деяниях он плодотворно использовал материалы Предсоборного Присутствия и Предсоборного Совещания 1912—14 годов.

Жизнь Царской Семьи в этот период протекает с внешней стороны почти без изменений. Очень малый круг лиц мог непосредственно общаться с Государем в неофициальной обстановке. Все, знавшие его семейную жизнь не понаслышке, отмечали удивительную простоту, взаимную любовь и согласие всех членов этой тесно сплоченной семьи. Центром ее был Алексей Николаевич, на нем сосредотачивались все привязанности, все надежды. По отношению к матери дети были полны очаровательной предупредительности. С общего согласия дочери устроили очередное дежурство при матери: когда Императрице нездоровилось, та из

них, которая в этот день исполняла эту обязанность, безвыходно оставалась при ней. Отношения детей с Государем были трогательны. Он был для них одновременно царем, отцом и товарищем, — чувства, испытываемые к нему, видоизменялись в зависимости от обстоятельств, переходя от почти религиозного поклонения до полной доверчивости и самой сердечной дружбы.

Единственным обстоятельством, омрачавшим жизнь Императорской Семьи, была неизлечимая болезнь Наследника. Приступы гемофилии, во время которых ребенок испытывал тяжкие страдания, повторялись неоднократно. В сентябре 1912 года вследствие неосторожного движения произошло внутреннее кровотечение, и положение было настолько серьезно, что опасались за жизнь Цесаревича. Пьер Жильяр, воспитатель Наследника, в своих "Воспоминаниях об Императоре Николае II и Его Семье" писал: "Цесаревич, лежа в кроватке, жалобно стонал, прижавшись головой к руке матери, и его тонкое, безкровное личико было неузнаваемо. Изредка он прерывал свои стоны, чтобы прошептать только одно слово "мама", в котором он выражал все свое страдание, все свое отчаяние. И мать целовала его волосы, лоб, глаза, как будто этой лаской она могла облегчить его страдания, вдохнуть ему немного жизни, которая его покидала. Как передать пытку этой матери, безпомощно присутствующей при мучениях своего ребенка в течение долгих часов смертельной тревоги, этой матери, которая знала, что она — причина этих страданий, что она передала ему ужасную болезнь, против которой безсильна человеческая наука!" Во всех храмах России служились молебны о его выздоровлении. Характер болезни являлся государственной тайной, и родители часто должны были скрывать переживаемые ими чувства, участвуя в обычном распорядке дворцовой жизни. Императрица хорошо понимала, что медицина здесь безсильна. Но ведь для Бога нет ничего невозможного! Будучи глубоко религиозной, она всей душой предавалась усердной молитве в чаянии чудесного исцеления. Подчас, когда ребенок был здоров, ей казалось, что ее молитва услышана, но приступы снова повторялись, и это наполняло душу матери безконечной скорбью. Она готова была поверить всякому, кто был способен помочь ее горю, хоть как-то облегчить страдания сына.

Пережив великие скорби, принесенные после Японской войны внутренними безпорядками, покушениями на жизнь Государя, даже на жизнь Цесаревича, болезнь его и тяжкая болезнь любимой дочери Татьяны Николаевны (тиф) сильно расстроили нервы Государыни, которая искала духовной поддержки. Отец Иоанн Кронштадтский заболел и скончался, кроме него опытного руководителя не было. В то время среди ученого монашества выделялся инспектор Петербургской Духовной Академии

архимандрит Феофан. Первой познакомилась с владыкой Феофаном Великая Княгиня Мелица Николаевна, жена Великого Князя Петра Николаевича, на которую он произвел хорошее впечатление; затем Великая Княгиня рекомендовала его как духовного руководителя Государыне Александре Феодоровне. Императрица архимандриту Феофану как человеку, стоящему во главе высшего богословского учебного заведения, во всем верила, оказывая в духовном отношении полное послушание — так же, как она верила и оказывала послушание прежним духовным руководителям. Но, к несчастью Царицы, этот ученый аскет оказался на практике совершенно неопытным в духовной жизни человеком: он не умел познавать подлинное состояние души человека.

Болезнь Цесаревича открывала двери во дворец тем людям, которых рекомендовали Царской Семье как целителей и молитвенников. В их числе появляется во дворце и сибирский крестьянин Григорий Распутин, которому суждено было сыграть значительную, можно сказать, роковую роль в жизни Царской Семьи, да и в судьбе всей страны.

Отношения Царской Семьи к Г. Е. Распутину нельзя рассматривать вне контекста исторической, психологической и религиозной ситуации, сложившейся в российском обществе в начале XX столетия. Феномен Распутина, о котором говорят многие исследователи, едва ли можно понять вне исторического фона тогдашней России.

Как бы отрицательно ни относиться к личности самого Распутина, мы не должны ни на минуту забывать, что его личность в полной мере смогла раскрыться именно в условиях жизни российского общества накануне катастрофы 1917 года.

Действительно, личность Распутина является во многом типологическим выражением духовного состояния у определенной части общества начала XX века: "Не случайно в высшем обществе увлекались Распутиным, — пишет в своих воспоминаниях митрополит Вениамин (Федченков), — там была соответствующая почва для этого. А потому не в нем одном, даже скажу, не столько в нем, сколько в общей атмосфере лежали причины увлечения им. И это характерно для предреволюционного безвременья. Трагедия в самом Распутине была более глубокая, чем простой грех. В нем боролись два начала, и низшее возобладало над высшим. Начавшийся процесс его обращения надломился и кончился трагически. Здесь была большая личная душевная трагедия. А вторая трагедия была в обществе, в разных слоях его, начиная от оскудения силы в духовных кругах до распущенности в богатых".

Как же могло случиться, что столь одиозная фигура как Распутин могла оказывать значительное влияние на Царскую Семью и на российскую государственно-политическую жизнь его времени?

Одним из объяснений распутинского феномена является, так называемое, "старчество" Распутина. Вот что об этом пишет бывший товарищ обер-Прокурора Священного Синода князь Н. Д. Жевахов: "Когда на горизонте Петербурга показался Распутин, которого народная молва назвала "старцем", приехавшим из далекой Сибири, где он, якобы, прославился высокою подвижническою жизнью, то общество дрогнуло и неудержимым потоком устремилось к нему. Им заинтересовались и простолюдин, и верующие представители высшего общества, монахи, міряне, епископы и члены Государственного Совета, государственные и общественные деятели, объединенные между собою столько же общим религиозным настроением, сколько, может быть, и общими нравственными страданиями и невзгодами. Славе Распутина предшествовало много привходящих обстоятельств и, между прочим, тот факт, что известный всему Петербургу высотою духовной жизни архимандрит Феофан, будто бы, несколько раз ездил к Распутину в Сибирь и пользовался его духовными наставлениями. Распутина считали если не святым, то, во всяком случае, великим подвижником. Его называли то "старцем", то "провидцем", то "Божьим человеком", но каждая из этих платформ ставила его на одинаковую высоту и закрепляла в глазах петербургского света позицию "святого".

В самом деле, появившись в Петербурге, Распутин, еще совсем недавно проводивший жизнь в буйстве и пьяных разгулах — об этом, во всяком случае, свидетельствуют его односельчане, — имел уже репутацию "старца" и "провидца". По всей вероятности, в 1903 году происходит его знакомство с ректором Санкт-Петербургской Духовной Академии епископом Сергием (Страгородским), который представляет Распутина инспектору Академии архимандриту Феофану (Быстрову) и епископу Гермогену (Долганову). Особенно благоприятное впечатление Распутин произвел на архимандрита Феофана, духовника Царской Семьи, который испытывал глубокую симпатию к этому сибирскому мужику-проповеднику и видел в "старце Григории" носителя новой и истинной силы веры. При посредничестве Великого Князя Петра Николаевича и его жены Милицы Николаевны 1 ноября 1905 года произошло роковое знакомство с Царской Семьей.

Первые два года после знакомства Распутин не стал для Царской Семьи тем "дорогим Григорием", для которого были открыты их души. Они с радостью встречались и слушали других "Божьих людей". Так, Император записал в своем дневнике 14 января 1906 года: "В 4 часа к нам пришел человек Божий Димитрий из Козельска около Оптиной пустыни. Он принес образ, написанный согласно видению, которое он недавно имел. Разговаривал с ним около полтора часа".

До конца 1907 года встречи императорской Семьи со "старцем Григорием" были случайными и довольно редкими. Между тем, возрастала и молва о "сибирском старце", но по мере роста его известности достоянием гласности становились и вовсе нелицеприятные факты его безнравственного поведения. Поползли слухи о принадлежности Распутина к секте хлыстов. В 1908 году по указу Императора Тобольской Духовной Консисторией было проведено расследование о принадлежности Распутина к хлыстовству. В заключение следствия было отмечено, что "при внимательном рассмотрении следственного дела нельзя не видеть, что перед нами группа лиц, объединившихся в особое общество со своеобразным религиозно-нравственным мировоззрением и строем жизни, отличным от православного... Самый уклад жизни последователей Григория Нового и личность его самого как будто близко подходят... к хлыстовству, но твердых начал, на основании которых можно было бы утверждать, что мы здесь имеем дело с хлыстовством, в рассмотренном следствием делопроизводстве нет", поэтому следствие было отправлено на доследование, которое, по неустановленным причинам, так и не было закончено.

В чем же разгадка тайны Распутина? Как могло в нем соединиться несоединимое — поистине сатанинское буйство и молитва? Очевидно, противоборство этих двух начал происходило в его душе годами, но в итоге темное все же одолело. Вот что писал в своих "Воспоминаниях" митрополит Евлогий (Георгиевский): "Сибирский странник, искавший Бога в подвиге, и вместе с этим человек распущенный и порочный, натура демонической силы, — он сочетал в своей душе и жизни трагедию: ревностные религиозные подвиги и страшные подъемы перемежались у него с падением в бездну греха. До тех пор, пока он ужас этой трагедии сознавал, не все еще было потеряно; но впоследствии дошел до оправдания своих падений, — и это был конец". Еще более резкую оценку противоречивой натуре Распутина дал бывший воспитатель Великого Князя П. Жильяр: "Судьба хотела, чтобы тот, которого видели в ореоле святого, был бы в действительности существом недостойным и развратным, ...нечестивое влияние этого человека было одною из главных причин смерти тех, кто верил, что найдет в нем спасение".

Так почему же все-таки Распутин оказался так близок к Царской Семье, почему так верили ему? Николай II и Александра Феодоровна верили ему как отцу Иоанну Кронштадтскому, верили в его молитвы, и когда у них горе было, когда, например, Наследник был болен, обратились к нему с просьбой помолиться. Вот именно в этом последнем и следует видеть причину "роковой связи", соединившей Распутина с Царской Семьей. Именно в конце 1907 года Распутин оказался рядом с заболевшим Наследником, впервые помог улучшению здоровья Алексея Ни-

колаевича. Вмешательство Распутина неоднократно изменяло в лучшую сторону течение болезни наследника — сохранилось довольно много упоминаний об этом, но конкретных, подлинно документированных данных почти нет.

Именно случай исцеления Царевича явился поворотом в отношении Александры Феодоровны к Распутину, к этому, по ее словам "человеку Божьему". Вот что пишет уже упоминавшийся нами П. Жильяр о влиянии Распутина на Александру Феодоровну через болезнь сына: "Мать ухватилась за надежду, которую ей давали, как утопающий хватается за руку, которую ему протягивают, и она уверовала в него со всей силой своей души. Давно она, впрочем, была убеждена, что спасение России и династии придет из народа, и она вообразила, что этот смиренный мужик был послан Богом... Сила веры сделала остальное, и, благодаря самовнушению, которому способствовали случайные совпадения, Императрица пришла к убеждению, что судьба ее сына зависит от этого человека. Распутин понял состояние души этой отчаявшейся матери, сокрушенной в борьбе и дошедшей, как казалось, до пределов своего страдания. Он вполне усвоил, что мог извлечь из этого, и с диавольским искусством он достиг того, что его жизнь, до некоторой степени, являлась связанной с жизнью Цесаревича".

Попав во дворец, Распутин превращается в тонкого эксплуататора доверия высоких особ его святости. При этом надо заметить, что он свою роль выдерживает с удивительно продуманной последовательностью, как показало обследование переписки по этому поводу, затем, как подтвердили свидетели, Распутин категорически отказался от каких-либо денежных пособий, наград, почестей, несмотря на прямые, обращенные к нему предложения со стороны Их Величеств, как бы тем подчеркивая свою неподкупность, безсребрянность к глубокую преданность Престолу, предупреждая в то же время Царскую Семью, что он единственный предстатель за них перед престолом Всевышнего, что все завидуют его положению, все интригуют против него и что поэтому к таким доносам надо относиться отрицательно. Единственное, что позволял себе Распутин, — это оплата его квартиры из средств Собственной Его Величества канцелярии, а также принимать подарки собственноручной работы Царской Семьи: рубашки, пояски и проч. Это свое влияние Распутин употреблял на то, чтобы хлопотать об интересах частных лиц (за определенную мзду), но не было при обследовании найдено ни одного документа, указывающего на влияние Распутина на внешнюю и внутреннюю политику.

Именно болезнь сына оказалась определяющим моментом в отношении Александры Феодоровны и Распутина — он стал надеждой и опорой ее семьи, более того, она верила, что под защитой этого человека ее

семье и России не угрожает опасность. Поэтому при всей неприглядности разных слухов и сплетен, окружавших Распутина, Александра Феодоровна видела его лишь с одной стороны. И как нам не понять исстрадавшейся матери, сына которой спасает от смерти этот человек?! Она была убеждена, что Распутин — посланец от Бога, его заступничество перед Всевышним дает надежду на будущее.

Распутин превращается во влиятельную фигуру. Будучи умным и сообразительным, он, несомненно, понял, что уклоняться от роли советчика "мамы земли Русской" он не может, иначе потеряет расположение Царской Семьи. Именно в этом драматическом смешении ролей Распутина была трагедия последнего царствования. Императрица предназначила "простецу и молитвеннику" роль, которую он ни при каких обстоятельствах не имел права играть, да и не имел возможности удачно ее исполнить.

Все попытки ближайших родственников, друзей, церковных иерархов предостеречь Александру Феодоровну от влияния заканчивались разрывом, отставкой, полной изоляцией. Хорошо известно, чем кончились выступления против Распутина священномученика Митрополита Владиміра (Богоявленского), епископов Гермогена и Феофана. Полный разрыв произошел у Александры Феодоровны и со своей сестрой — преподобномученицей Великой Княгиней Елисаветой Феодоровной, которая в письме Императору от 26 марта 1910 года писала о пребывании Распутина в духовной прелести.

Отношения самого Императора и Распутина были более сложными — восхищение "старцем" сочеталось у него с осторожностью и даже с сомнениями. Так, после первой встречи с Распутиным в 1907 году он сказал князю Орлову, что нашел в Распутине "человека чистой веры". Председателю Государственной Думы М. Родзянко он так характеризует Распутина: "Он хороший, простой русский человек. В моменты сомнений и душевной тревоги я люблю с ним беседовать, и после такой беседы мне всегда на душе делается легко и спокойно". Но все же Император испытывал безпокойство по поводу Распутина — ведь его не могли не тревожить сообщения доверенных лиц о скандальном его поведении. Император многократно пытался избавиться от него, но всякий раз отступал под давлением Императрицы или из-за необходимости помощи Распутина для излечения Наследника. Вот что об этом пишет П. Жильяр: "Сначала он терпел его, не решаясь нанести удар вере Императрицы, которую Императрица имела в него и в которой Она находила надежду, дававшую ей возможность жить. Император опасался удалить Распутина, потому что если бы Алексей Николаевич умер, то Император в глазах матери, несомненно, являлся бы убийцей своего ребенка".

Подводя итог анализу причин влияния Г.Е. Распутина на Царскую Семью, в заключение хотелось бы отметить, что Император оказался не в состоянии противостоять воле Императрицы, истерзанной отчаянием из-за болезни сына и находившейся в связи с этим под зловещим влиянием Распутина — как дорого пришлось впоследствии заплатить всей семье за это!

В 1913 году вся Россия торжественно праздновала трехсотлетие Дома Романовых. После февральских торжеств в Петербурге и Москве весной Царская Семья совершает поездку по древним среднерусским городам, связанным с событиями начала XVII века. На Государя произвели большое впечатление обычные проявления народной преданности. Казалось, что Россия находится на вершине славы и могущества, а все внутренние проблемы в недалеком будущем благополучно разрешатся. К сожалению, этому не суждено было осуществиться, назревала Первая Міровая война.

После убийства в Сараеве Наследника Австрийского Престола Франца Фердинанда и австрийского ультиматума Сербии Государь не мог остаться равнодушным — ведь Россия традиционно считалась покровительницей всех славянских государств. Здесь на стороне Государя было даже общественное мнение, сочувствовавшее братьям-славянам. Регент — королевич Сербии Александр обращается к Русскому Царю с просьбой о помощи, надеясь, что "этот призыв найдет отклик в его благородном славянском сердце". "Пока есть малейшая надежда избежать кровопролития, — телеграфировал Государь, — все наши усилия должны быть направлены к этой цели. Если вопреки нашим искренним желаниям мы в этом не успеем, Ваше Высочество может быть уверено в том, что ни в коем случае Россия не останется равнодушней к участи Сербии". В день получения телеграммы, 15 июля, Австрия объявляет войну Сербии, а 19 июля (1 августа) 1914 года Германия объявила войну России.

Начало войны ознаменовалось мощным патриотическим подъемом. Когда Государь с балкона Зимнего Дворца объявил о начале войны, толпа, собравшаяся на площади, опустилась на колени и запела Государственный Гимн. Восторг народа придает сил Государю — ужасная пытка неизвестностью, которую он пережил в дни, предшествовавшие объявлению войны, сменяется бодрым одушевлением, — ведь весь народ поддержал войну за правое дело. Государь дает торжественный обет не заключать мира, пока хоть один неприятель останется на русской земле.

Следует заметить, что к двадцатому году правления Императора Николая II, 1914-му, Россия, по отзыву Ольденбурга, достигла невиданного в ней материального преуспеяния.

Происходящую в России перемену отмечали иностранцы. В конце 1913 года редактор "Economiste Europeen" Эдмон Тери произвел по пору-

чению двух французских министров обследование русского хозяйства. Отмечая поразительные успехи во всех областях, Тэри заключал: "Если дела европейских наций будут с 1912 по 1950 год идти так же, как они шли с 1900 по 1912 год, Россия к середине текущего века будет господствовать над Европой как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении".

Морис Беринг, известный английский писатель, проведший несколько лет в России и хорошо ее знавший, писал весной 1914 года в своей книге "Основы России": "Не было, пожалуй, еще никогда такого периода, когда Россия более процветала бы материально, чем в настоящий момент, или когда огромное большинство народа имело, казалось бы, меньше оснований для недовольства". Беринг, наблюдавший оппозиционные настроения в обществе, замечал: "У случайного наблюдателя могло бы явиться искушение воскликнуть: "Да чего же большего еще может желать русский народ?" Добросовестно изложив точку зрения интеллигентных кругов, Беринг отмечает, что недовольство распространено главным образом в высших классах, тогда как "широкая масса, крестьянство, в лучшем экономическом положении, чем когда-либо... То, что верно в отношении крестьян, верно в известной мере в отношении остальных слоев населения. Оно в настоящий момент процветает, и причины его недовольства не настолько остры и сильны, не настолько обильны, чтобы температура этого недовольства поднялась до точки кипения".

Война вскоре становится общеевропейской. В августе 1914 года необходимость помочь своей союзнице Франции заставляет Россию начать слишком поспешное наступление в Восточной Пруссии, что привело к тяжелому поражению. К осени стало ясно, что близкого конца войны не предвидится. С начала войны на волне патриотизма затихли внутренние разногласия. Самые трудные вопросы становятся разрешимыми, — удалось осуществить давно задуманное Государем запрещение продажи спиртных напитков на все время войны. Его убеждение в полезности этой меры было сильнее всех экономических соображений. Государь регулярно выезжает в Ставку, посещает различные секторы своей огромной армии, перевязочные пункты, военные госпитали, тыловые заводы, — одним словом, все, что играло роль в ведении этой грандиозной войны.

Императрица с самого начала посвятила себя раненым. Пройдя курсы сестер милосердия вместе со старшими дочерьми — Великими Княжнами Ольгой и Татьяной — она по нескольку часов в день ухаживала за ранеными в своем Царскосельском лазарете.

Главный хирург Царскосельского лазарета княжна Гедройц в своих мемуарах часто упоминала "трех сестер милосердия". Под этими словами княжна подразумевала Государыню Императрицу и старших Царе-

вен — Ольгу Николаевну и Татьяну Николаевну. Княжна писала: "Мне часто приходилось ездить вместе с ними и при всех осмотрах отмечать серьезное, вдумчивое отношение всех трех к делу милосердия. Оно было именно глубокое, они не играли в сестер, как это мне приходилось неоднократно видеть у многих светских дам, а именно были ими в лучшем значении этого слова".

Чувствуя ответственность за судьбы подданных, Государыня, забыв свои недомогания, организовала около 85 лазаретов в Царском Селе, Павловске, Петергофе, Луге, Соблине и других местах. Обслуживали эти лазареты около 20 санитарных поездов. Государыня с двумя старшими Царевнами и Дети работали в лазаретах. Когда предстояла тяжелая операция, раненые умоляли Государыню побыть рядом: "С Царицей не так страшно". Умирающие просили посидеть рядом. И, несмотря на усталость, Императрица целыми часами успокаивала их, чтобы облегчить беднягам последние минуты жизни. Жизни, которую они отдавали "за Веру, Царя и Отечество".

Искусно и осторожно, своими мягкими и нежными руками Великие Княжны, так же как и их Августейшая Мать, делали перевязки у раненых офицеров и солдат, которых до слез трогала такая заботливость. Под их лучистым взглядом, льющим на усталую измученную душу бальзам утешения, раненые забывали войну со всеми ее ужасами, забывали и о своих тяжелых ранах. И офицеры, и нижние чины, покидая лазарет, навсегда уносили с собою неизгладимые светлые воспоминания о выдающейся деятельности Августейших сестер милосердия, с такою простотой и душевным величием совершающих подвиги любви и самоотречения. Разве это не выдающийся подвиг любви и милосердия не рядовых девиц, а Царственных подвижниц? Много ли девиц купеческого, дворянского и других сословий взяло на себя подобный подвиг? Сравнительно в процентном отношении очень немного.

В новый, 1915 год на шестом месяце войны страна вступила, как казалось, без малейшего утомления. Русское командование готовило новое наступление, которое должно было состояться весной. В начале русским войскам сопутствует успех. В марте-апреле очищается от австрийцев почти вся Галиция, но новое наступление австро-германцев приводит к потере всего достигнутого — фронт стремительно откатывается на восток: сказалось огромное превосходство сил противника, его технической оснащенности. Русская армия ощущает хронический недостаток снарядов, растет деморализация, ползут слухи об измене.

С начала войны Государь, возложив командование армиями на Великого Князя Николая Николаевича, сознательно воздерживался от непосредственного вмешательства в ход военных действий. Виновником воен-

ных неудач стали считать Великого Князя. В вину ему ставили, с одной стороны, нерешительность, а с другой, — такую строгость с начальствующими лицами, что у них пропадала всякая инициатива.

Когда фронт был прорван, Государь приезжает в Ставку и остается там больше недели. "Я не мог уехать, чтобы это не было понято так, что я оставляю армию в серьезные моменты", — писал он Государыне. У него созревает убеждение в необходимости самому стать во главе своих войск. Нужно было обладать недюжинным мужеством, чтобы во время отступления русской армии взять в свои руки Верховное командование. "Хорошо помню, — пишет он в другом письме, — что, когда стоял напротив большого образа Спасителя наверху в большой церкви (в Царском Селе), какой-то внутренний голос, казалось, убеждал меня придти к определенному решению". Это решение одобрялось далеко не всеми, ведь постоянное пребывание Царя в Ставке, вдали от столицы, создавало серьезные трудности в управлении страной, а в случае поражений общество будет винить самого Государя, чем будет поколеблен авторитет государственной власти. Эти возражения Император категорически отвергал, его решение было окончательным. 22 августа 1915 года он выезжает в Могилев, чтобы принять на себя командование всеми вооруженными силами России. Император с самого начала рассматривал пребывание на посту Верховного Главнокомандующего как исполнение своего нравственно-государственного долга перед Богом и народом, впрочем, всегда предоставляя ведущим военным специалистам широкую инициативу в решении всей совокупности военно-стратегических и оперативно-тактических вопросов.

Отныне Император постоянно находился в Ставке, по большей части вместе с ним был и Наследник. Примерно раз в месяц он на несколько дней приезжал в Царское Село. Им принимались все ответственные решения, но в то же время он поручил Императрице поддерживать сношения с министрами и держать его в курсе происходящего в столице. Государыня была самым близким ему человеком, на которого всегда можно положиться. Сама Государыня занялась политикой не из личного честолюбия и жажды власти, как об этом писали. Единственным ее желанием было быть полезной Государю в его тяжелой задаче и помогать ему своими советами. Ежедневно она отправляла в ставку подробные письма-донесения, что хорошо было известно министрам.

В связи с майскими поражениями 1915 года вновь возрастает влияние Распутина, фактически удаленного из дворца с начала войны. В дни катастрофы Императрица особенно остро ощущала необходимость моральной поддержки того человека, который, по ее мнению, был не только спасителем ее сына, но и представителем народа, посланным от Бога, чтобы спасти Россию и ее Царя.

К концу 1915 года военное положение России значительно улучшилось. Армия, благодаря громадным резервам, имевшимся в стране, легко возместила тяжелые потери. В мае 1916 года по воле Государя была привезена из Москвы на фронт чудотворная икона Божией Матери Владимірская. Одновременно Государь приказал Брусилову сделать наступление на юго-западном фронте, которое увенчалось большим успехом. Государь и Брусилов приписывали этот успех помощи Божией Матери, всегда помогавшей России, когда с верой к ней прибегали. Русские войска под командованием генерала А. А. Брусилова прорвали в нескольких местах неприятельский фронт и быстро начали продвигаться вперед.

Однако к осени тяготы войны уже ощущались всей Россией — рост дороговизны, перебои с продовольственным снабжением, разруха на железных дорогах, недостаток рабочих рук в сельском хозяйстве вызывали серьезное недовольство. Этим воспользовались германские агенты, ведшие внутри России свою пропаганду с целью вызвать внутренние волнения и вынудить Россию к заключению сепаратного мира. В этом их союзниками были "революционные силы", призывающие к прекращению "империалистической войны", к поражению своего правительства. Нарушается и появившееся в начале войны единомыслие Государя и Думы. Тогда казалось, что все — Царь, министры и народные представители — имели одну лишь мысль: победить во что бы то ни стало. Однако существовавшая рознь не исчезла. Государю нужна была прежде всего победа, до этого момента все разговоры о реформах он считал неуместными. Думская оппозиция требовала либеральных уступок. Не получая желаемого, она повела открытую кампанию против правительства, острие которой было направлено против Императрицы. Ее обвиняли в германофильстве, все изменения в правительстве прямо приписывались влиянию Распутина. Политическая атмосфера становилась все более тяжелой, чувствовалось приближение грозы. Удаления Распутина требовали многие министры, представители Церкви, но Государыня оставалась непоколебимой, считая все это клеветой тех, кто хочет погубить "старца".

В ночь на 17 декабря 1916 года Распутин был убит заговорщиками, думавшими таким образом спасти авторитет Династии и покарать человека, злоупотребившего доверием Царя. Но этот акт насилия не мог принести умиротворения. Разногласия между Царем и Думой углублялись, и в кругах оппозиции зрела мысль, что единственным выходом из создавшегося положения могло бы быть отстранение Государя от власти.

Подготовка к государственном перевороту усиленно шла и в армии. Начали появляться разные письма Гучкова к генералу М.В. Алексееву и т. п.; письменные документы прокламационного характера, возбуждаю-

щего армию против Государя. В бой посылались более сознательные кадровые офицеры и солдаты, а люди, настроенные против существующего государственного строя, окапывались в тылу в разных учреждениях, земских союзах, промышленных комитетах и т. п.

Январь и февраль 1917 года Государь провел в Царском Селе. Он чувствовал, что политическое положение становится все более и более натянутым, но продолжал надеяться на то, что чувство патриотизма все же возьмет верх, сохранял веру в армию, положение которой значительно улучшилось. Это вселяло надежды на успех большого весеннего наступления, которое нанесет решительный удар Германии. 22 февраля Государь выезжает в Ставку — этот момент послужил сигналом для врагов порядка. На следующий же день в Петрограде начинаются волнения, вызванные перебоями с подвозом хлеба, они скоро перерастают в забастовку под политическими лозунгами — "долой войну", "долой самодержавие". Попытки разогнать манифестантов не увенчались успехом. В Думе тем временем идут дебаты с резкой критикой правительства.

25 февраля Государь в Ставке получил сообщение о безпорядках в столице. Он сразу же понял необходимость самых энергичных мер, но на следующий день в столице отказывают в повиновении и выходят на улицу военные части; к вечеру значительная часть города оказывается в их руках, в том числе и район Таврического дворца, где собралась часть думских депутатов, образовавших "Временный комитет". Дума как таковая перестала существовать, но ее именем с успехом пользуются революционные силы. Ими был создан самочинный "Исполнительный комитет совета рабочих депутатов". К вечеру 27 февраля верные Государю войска сосредоточились в центре города, но затем, во избежание кровопролития, были распущены по казармам.

Узнав о положении дел, Государь посылает войска в Петроград для подавления мятежников, а затем сам отправляется в Царское Село. Его решение было, очевидно, вызвано желанием быть в центре событий для принятия в случае необходимости быстрых решений, а также тревогой за семью. Этот отъезд из Ставки оказался роковым. День 28 февраля Государь провел в дороге. За 150 верст от Петрограда царский поезд был остановлен — следующая станция Любань была в руках мятежников. Пришлось следовать через станцию Дно, но и тут путь оказался закрыт. Вечером 1 марта Государь прибыл в Псков, в ставку командующего Северным фронтом генерала Н. В. Рузского.

В столице наступило полное безвластие. Но Государь и командование армией считали, что Дума контролирует положение; в переговорах по телефону с М. В. Родзянко Государь соглашался на все уступки, если

Дума сможет восстановить порядок в стране. Ответ был: уже поздно. Было ли это так на самом деле? Ведь революцией был охвачен только Петроград и окрестности, а авторитет Царя в народе и в армии был еще велик. Ответ Думы ставил перед Царем выбор: отречение или попытка идти на Петроград с верными ему войсками — последнее означало гражданскую войну в то время, как внешний враг находился в российских пределах.

Все окружающие Государя также убеждают его в том, что отречение — единственный выход. Особенно на этом настаивали командующие фронтами, требования которых поддержал начальник Генерального Штаба М.В. Алексеев. И после долгих и мучительных размышлений Император решается отречься и за себя, и за Наследника, ввиду его неизлечимой болезни, в пользу брата, Великого Князя Михаила Александровича.

"В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, — гласил Манифест, подписанный Государем 2 марта, — Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственною Думою, признали Мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с Себя Верховную власть. Не желая расстаться с любимым Сыном Нашим, Мы передаем наследие Наше Брату Нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем Его на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем Брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед Ним повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь Ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России".

Удивительно проникновенно звучат слова Манифеста о "долге совести". Государь покидал Верховную власть и главнокомандование как Царь,

как воин, как солдат, до последней минуты не забывая о своем высоком долге. Его Манифест — это акт высочайшего благородства и достоинства: "Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и спасения родимой матушки-России". (Несмотря на то существенное, в духовном отношении, значение, которое придавалось на протяжении многих веков власти православного Государя в византийской и русской церковных традициях, церковно-канонический статус православного Государя, миропомазанного на царство, не получил сколько-нибудь конкретного определения в соборных канонических установлениях Православной Церкви. В связи с этим рассмотрение правовой обоснованности Акта об отречении с точки зрения церковных канонов не представляется возможным[1].)

Прежде чем отречься в пользу своего брата Великого Князя Михаила Александровича (который третьего марта также отказался от Престола в пользу Временного правительства), Император назначил Великого Князя Николая Николаевича на пост Верховного Главнокомандующего, подписал назначение князя Г.Е. Львова на пост Председателя Совета Министров. После отречения Государь снова возвращается в Могилев, живет по-прежнему в губернаторском доме, принимая ежедневно генерала М.В. Алексеева. Из Киева к нему приезжает Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна — это было их последнее свидание. 8 марта комиссары Временного правительства, прибыв в Могилев, объявляют через генерала Алексеева об аресте Государя и необходимости проследовать в Царское Село. В последний раз он обращается к своим войскам, призывая их к верности Временному правительству — тому самому, которое подвергло его аресту, к исполнению своего долга перед Родиной до полной победы:

"В последний раз обращаюсь к Вам, горячо любимые Мною войска. После отречения Мною за Себя и за Сына Моего от Престола Российского, власть передана Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия. Да поможет Бог и Вам, доблестные войска, отстоять нашу Родину от злого врага. В продолжение двух с половиной лет Вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сделано усилий и уже близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками одним общим стремлением к победе, сломит последнее усилие противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы.

Кто думает теперь о мире, кто желает его — тот изменник Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте

[1] "*Он всех простил*". Император Николай II. Издательский Дом "Нева", 2003. С. 115.

же ваш долг, защищайте доблестно нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайтесь ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу.

Твердо верю, что не угасла в Ваших сердцах безпредельная любовь к нашей Великой Родине. Да благословит Вас Господь Бог и да ведет Вас к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий".

Этот прощальный приказ войскам, в котором Государь выразил благородство своей души, любовь к армии, веру в нее, был скрыт от народа Временным правительством, запретившим его публикацию. Новые правители боялись, что армия услышит благородную речь своего Императора и Верховного Главнокомандующего.

Рожденный в день памяти святого праведного Иова Многострадального, Государь, жизнь которого была так тяжела и правление так несчастливо, сам обращал внимание на день своего рождения. Он уподоблял свою жизнь испытаниям страдальца Иова, приняв свой крест так же, как библейский праведник перенес все ниспосланные ему несчастья, — твердо, кротко и без тени ропота.

Именно это долготерпение с особенной ясностью открывается в истории последних дней Императора. С момента отречения не столько внешние события, сколько внутреннее, духовное состояние Государя обращает на себя наше внимание.

Государь, приняв, как ему казалось, единственно правильное решение, тем не менее переживал тяжелое душевное мучение. "Если я помеха счастью России и меня все стоящие ныне во главе ее общественные силы просят оставить трон и передать его сыну и брату своему, то я готов это сделать, готов даже не только царство, но и жизнь свою отдать за Родину. Я думаю, в этом никто не сомневается из тех, кто меня знает", — говорил Государь генералу Д.Н. Дубенскому.

В самый день отречения, 2 марта, тот же генерал Дубенский записал слова министра Императорского Двора графа В.Б. Фредерикса: "Государю глубоко грустно, что его считают помехой счастью России, что его нашли нужным просить оставить трон. Его волновала мысль о семье, которая оставалась в Царском Селе одна, дети больны. Государь страшно страдает, но ведь он такой человек, который никогда не покажет на людях свое горе". Сдержан Николай Александрович и в личном дневнике. Только в самом конце своей записи на этот день прорывается внутренняя обида и глубокое огорчение: "Нужно мое отречение. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект Манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал им подписанный и переделанный Мани-

фест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость, и обман!".

7 марта Временное правительство объявило об аресте Императора Николая II и Его Августейшей Супруги и содержании Их в Царском Селе. Это действие Временного правительства невозможно ничем оправдать: арест Императора и Императрицы не имел никакого законного основания или повода.

Когда начавшиеся в Петрограде волнения перекинулись и на Царское Село, часть войск взбунтовалась, и громадная толпа бунтовщиков — более 10 тысяч человек — двинулась к Александровскому дворцу. Императрица в тот день, 28 февраля, почти не выходила из комнаты больных детей. Ей докладывали, что будут приняты все меры для безопасности дворца. Но толпа была уже совсем близко — всего в 500 шагах от ограды дворца был убит часовой. В этот момент Александра Феодоровна проявляет решимость и незаурядное мужество — вместе с Великой Княжной Марией Николаевной она обходит ряды верных ей солдат, занявших оборону вокруг дворца и уже готовых к бою. Она убеждает их договориться с восставшими и не проливать крови. К счастью, в этот момент благоразумие возобладало. Последующие дни Государыня проводит в страшной тревоге за судьбу Императора — до нее доходили лишь слухи об отречении. Только 3 марта она получает от него краткую записку.

Переживания Императрицы в эти дни ярко описаны очевидцем, протоиереем Афанасием Беляевым, служившим во дворце молебен: "Императрица, одетая сестрою милосердия, стояла подле кровати Наследника. Перед иконою зажгли несколько тоненьких восковых свечей. Начался молебен... О, какое страшное, неожиданное горе постигло Царскую Семью! Получилось известие, что Государь, возвращавшийся из Ставки в родную Семью, арестован и даже, возможно, отрекся от Престола... Можно себе представить, в каком положении оказалась безпомощная царица, мать с пятью своими тяжко заболевшими детьми? Подавив в себе немощь женскую и все телесные недуги свои, геройски, самоотверженно посвятив себя уходу за больными, [с] полным упованием на помощь Царицы Небесной, она решила, прежде всего, помолиться пред чудотворною иконою "Знамения" Божией Матери. Горячо, на коленях, со слезами просила земная Царица помощи и заступления у Царицы Небесной. Приложившись к иконе и подойдя под нее, она попросила принести икону и к кроватям больных, чтобы и все больные дети сразу могли приложиться к Чудотворному образу. Когда мы выносили икону из дворца, дворец уже был оцеплен войсками, и все, находящиеся в нем, оказались арестованными".

9 марта, уже будучи арестованным накануне (тогда же была арестована и Александра Феодоровна), Император возвратился в Царское Село, где его с нетерпением ждала вся семья. "Возвращение Императора было, — пишет Пьер Жильяр, — несмотря на грустные события, днем большой семейной радости. Императрица, Мария Николаевна и остальные дети, узнав подробности происшедшего, были вне себя от безпокойства за его участь, и чувство страха, которое они испытывали, не прекращалось до его приезда. Поэтому они почувствовали большое облегчение, оказавшись снова вместе после столь тяжелых испытаний. Им казалось, что их безконечная любовь друг к другу поможет им перенести все страдания.

Несмотря на редкое умение владеть собой, Государь не мог скрыть пережитого потрясения. Но он быстро обрел душевное равновесие в кругу семьи. Семье он отдавал большую часть дня, а остальное время читал или гулял с князем Долгоруковым. Ему было воспрещено заходить в парк, но оставили для прогулок небольшой сад у дворца, теперь уже окруженный цепью часовых. Император относился ко всем строгостям с полным спокойствием и покорностью. Никогда ни одно слово упрека не сошло с его уст. Одно чувство им владело, и оно было могущественнее, чем привязанность к семье: это любовь к своему Отечеству. Он был готов все простить тем, кто причинял ему унижения, если они сумеют спасти Россию".

Поначалу казалось, что Царскосельское заточение не должно было долго длиться. Но начался почти пятимесячный период неопределенного пребывания в Царском Селе. Дни проходили размеренно — в регулярных Богослужениях, совместных трапезах, прогулках, чтении и общении с близкими людьми. Во все дни заточения — от Царского Села вплоть до Екатеринбурга — продолжались занятия с младшими детьми, особенно с Наследником. Закон Божий преподавала Императрица, Историю Государства Российского — Государь, французский и английский языки — воспитатели Наследника, приближенная Императрицы Е.А. Шнейдер — русский язык, доктор Е.С. Боткин — естественные науки, повар И.М. Харитонов давал уроки хлебопечения юным царевнам. Жизнь узников подвергается мелочным стеснениям — Государю было объявлено А.Ф. Керенским, что он должен жить отдельно и видеться с Государыней только за столом, причем разговаривать только по-русски. Караульные солдаты в грубой форме делают ему замечания, доступ во дворец близких Царской Семье лиц воспрещается. Однажды солдаты отняли у Наследника игрушечное ружье под предлогом запрета носить оружие.

О духовной жизни Царскосельских узников свидетельствует отец Афанасий Беляев, регулярно совершавший в этот период Богослужения в Александровском дворце. Вот как проходила во дворце служба Утрени

Великой Пятницы 30 марта 1917 года: "Служба шла благоговейно и умилительно... Их Величества всю службу слушали стоя. Перед ними были поставлены складные аналои, на которых лежали Евангелия, так что по ним можно было следить за чтением. Все простояли до конца службы и ушли через общее зало в свои комнаты. Надо самому видеть и так близко находиться, чтобы понять и убедиться, как бывшая Царственная Семья усердно, по-православному, часто на коленях, молится Богу. С какою покорностью, кротостью, смирением, всецело предав себя в волю Божию, стоят за Богослужением".

На следующий день вся семья исповедовалась.

"Впечатление [от исповеди] получилось такое: дай, Господи, чтобы и все дети нравственно были так высоки, как дети бывшего Царя. Такое незлобие, смирение, покорность родительской воле, преданность безусловная воле Божией, чистота в помышлениях и полное незнание земной грязи — страстной и греховной, — пишет отец Афанасий, — меня привело в изумление, и я решительно недоумевал: нужно ли напоминать мне как духовнику о грехах, может быть, им неведомых, и как расположить к раскаянию в известных мне грехах". Исповедь Их Величеств происходила в особой комнате — молельне. Она была "очень маленькая и сверху донизу увешана и уставлена иконами, пред которыми горят лампады. В углу, в углублении, стоит особенный иконостас с точеными колоннами и местами для известных икон, перед ними поставлен складной налой, на котором положено старинное напрестольное Евангелие и крест и много богослужебных книг... О, как несказанно счастлив я, — пишет отец Афанасий, — что удостоился милости Божией стать посредником между Царем Небесным и земным. Ведь рядом со мной стоял тот, выше которого из всех живущих на земле нет. Это до сего времени был наш Богом данный Помазанник, по закону престолонаследия 23 года царствовавший русский Православный Царь. И вот ныне, смиренный раб Божий Николай, как кроткий агнец, доброжелательный ко всем врагам своим, не помнящий обид, молящийся усердно о благоденствии России, верующий глубоко в ее славное будущее, коленопреклоненно, взирая на крест и Евангелие, в присутствии моего недостоинства высказывает Небесному Отцу сокровенные тайны своей многострадальной жизни и, повергаясь в прах перед величием Царя Небесного, слезно просит прощения в вольных и невольных своих прегрешениях". По окончании исповеди, кроме нескольких слов в успокоение и утешение, отец Афанасий сказал: "Ах, Ваше Величество, какое благо для России Вы бы сделали, давши в свое время полную Конституцию и тем бы исполнили желание народа. Ведь Вас, как Ангела добра, любви и мира, приветствовали бы все". На это с удивлением ответил он: "Неужели это правда! Да, мне

изменили все. Мне объявили, что в Петрограде анархия и бунт, и я решил ехать не в Петроград, а в Царское Село и с Николаевской дороги свернуть на Псков, но дорога туда уже была прерванной... И вот один, без близкого советника, лишенный свободы, как подлинный преступник, я подписал Акт отречения от Престола за себя и за Наследника сына. Я решил, что, если нужно будет для блага Родины, я готов на все. Семью мою жаль!" И капнула горячая слеза из глаз ...страдальца... "Далее разговор продолжался несколько минут о семейной жизни... Между прочим, Государыня сказала: "Меня не поняли, я желала добра".

Действительно, доброта и душевное спокойствие не оставляли Императрицу даже в эти самые трудные после отречения Государя от Престола дни. Вот с какими словами утешения обращается она в письме к корнету С. В. Маркову: "Вы не один, не бойтесь жить. Господь услышит наши молитвы и Вам поможет, утешит и подкрепит. Не теряйте Вашу веру, чистую, детскую, останьтесь таким же маленьким, когда Вы и большим будете. Тяжело и трудно жить, но впереди есть Свет и радость, тишина и награда за все страдания и мучения. Идите прямо вашей дорогой, не глядите направо и налево, и если камня не увидите и упадете, не страшитесь и не падайте духом. Поднимитесь и снова идите вперед. Больно бывает, тяжело на душе, но горе нас очищает. Помните жизнь и страдания Спасителя, и ваша жизнь покажется вам не так черна, как думали. Цель одна у нас, туда мы все стремимся, да поможем мы друг другу дорогу найти. Христос с Вами, не страшитесь".

Наступила Великая Суббота. Не успел отец Афанасий начать проскомидию, "как ровно в 9 часов пришли и встали на свои места Государь с супругою и две дочери — Татьяна и Анастасия... Настало время подходить к Святой Чаше для причастников. Первым подошел Государь. Давая Ему Святые Дары, громко и внятно сказал я: "Честнаго и Святаго Тела и Крове Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа причащается раб Божий благоверный Николай Александрович во оставление грехов и в жизнь вечную". То же было сказано и Александре Феодоровне. После Литургии, не разоблачаясь, пошел со Святой Чашею приобщать Ольгу, Марию и Алексея, которые уже были подготовлены и ждали в своей комнате наверху. Пасхальная утреня, можно сказать, промелькнула... Подходили ко кресту и христосовались: Государь три раза поцеловал говоривших ему "Христос Воскресе!" Затем началась Литургия, от которой никто не ушел...

В день Святой Пасхи Государь стоя принимал поздравления и со всеми христосовался, у меня поцеловал руку, я же поцеловал его руку. Государыня стояла отдельно и каждому подходящему к ней давала фарфоровое яйцо".

В дворцовой церкви или в бывших царских покоях отец Афанасий регулярно совершал Всенощную и Божественную Литургию, за которыми всегда присутствовали все члены Императорской Фамилии. 23 апреля праздновался день тезоименитства Александры Феодоровны. В конце службы на приветствие священника "Императрица высказала благодарность, усиливаясь улыбнуться, но улыбка была страдальческая, болезненная. Все бывшие в храме, целуя крест, делали молчаливый поклон в ту сторону, где, отдельно от всех, около ширмы, стояла Царская Семья. Вот и все отличие от обыденно проводимых в строгом заключении будничных дней. Грустно и тяжело до слез.

...29 апреля, суббота. Обычная Всенощная и те же молящиеся, кроме бывшего Наследника. Та же грусть и то же одиночество; отрада и успокоение в молитве...".

О тяжелых душевных переживаниях членов Царской Семьи свидетельствует следующий эпизод. Когда отец Афанасий служил Литургию, он говорил проповедь на слова Евангелия: "**Бог есть Дух, и иже кланяется Ему, духом и истиною достоит кланятися**" *(Еванг. от Ин. 4, 24)*. При упоминании о душевных страданиях, ставящих человека, оставленного всеми, в невыразимо гнетущее состояние, когда единственное утешение он находит в молитве, "...раздался невольный, неудержимо вырвавшийся из чьей-то наболевшей груди вздох, настолько сильный и громкий, что привел в удивление всех слушателей. И этот отклик душевной муки раздался с того места, где стояла одна только Царская Семья".

Отец Афанасий постоянно пишет о "горячей молитве" Царской Семьи, о регулярном посещении ими Богослужений. 20 мая, на Троицу "за Богослужением были все семь человек, и, насколько было возможно заметить, более спокойные. Княжны даже переглянулись между собой и с улыбкой детства смотрели на подходящих к целованию иконы караульных офицера и солдата, не делающих поклон в сторону, где стоит вся семья бывшего Царя, что делают обыкновенно все другие лица после целования иконы и благословения священника".

После Троицы в дневнике отца Афанасия все чаще и чаще появляются тревожные сообщения — он отмечает растущее раздражение караульных, доходящих порой до грубости по отношению к Царской Семье. Не остается без его внимания и душевное состояние членов Царской Семьи — да, все они страдали, отмечает он, но вместе со страданиями возрастали их терпение и молитва. Так, 23 мая он записывает в своем дневнике: "Мне показалось, что Государь, имеющий бледный и страдальческий вид, очень болен. Что-то волнует его, и он молча, терпеливо переносит свои страдания. Молится усердно и часто на коленях". В этот же день и Императрица находит в себе силы написать утешительное письмо гене-

рал-майору А.В. Сыробоярскому: "Все можно перенести, если Его (Бога) близость и любовь чувствуешь и во всем Ему крепко веришь. Полезны тяжелые испытания, они готовят нас для другой жизни, в далекий путь. Собственные страдания легче нести, чем видеть горе других, не будучи в возможности им помочь. Очень много Евангелие и Библию читаю, так как надо готовиться к урокам с детьми, и это большое утешение с ними потом читать все то, что именно составляет нашу духовную пищу. И каждый раз находишь новое и лучше понимаешь. У меня много таких хороших книг, всегда выписываю их. Там никакой фальши. Вы когда-нибудь читали письма Иоанна Златоуста к диакониссе Олимпиаде? Я их теперь опять начала читать. Такая глубина в них, наверное, Вам понравилось бы. Мои хорошие книги мне очень помогают. Нахожу в них ответы на многое. Они силы дают, утешение для уроков с детьми... Они здоровы все, слава Богу. Надо Бога вечно благодарить за все, что дал, а если и отнял, то, может быть, если без ропота все переносить, будет еще светлее. Всегда надо надеяться. Господь так велик, и надо молиться, неутомимо Его просить спасти дорогую Родину. Стала она быстро, страшно рушиться в такое малое время. Но тогда, когда все кажется так плохо, что хуже не может быть, Он милость Свою покажет и спасет все. Как и что, это только одному Ему известно... Хотя тьма и мрак теперь, но солнце ярко светит в природе и дает надежду на что-то лучшее. Вы видите, мы веру не потеряли, и надеюсь никогда не потерять, она одна силы дает, крепость духа, чтобы все перенести. И за все надо благодарить, что могло бы [быть] гораздо хуже... Не правда ли? Пока живы мы с нашими вместе — маленькая крепко связанная семья. А они что хотели?.. Вот видите, как Господь велик. Мы и в саду бываем (т.е. на свободе). А вспомните тех других, о Боже, как за них мы страдаем, что они переживают, невинные... Венец им будет от Господа. Перед ними хочется на коленях стоять, что за нас страдают, а мы помочь не можем даже словом. Это тяжелее всего. Больно за них, но и для них, я верю крепко, будет еще хорошее (мзда многа на Небесах) и здесь еще".

Даже тяжко больной Наследник находит в себе силы прислуживать за Литургией: "2 июля в воскресенье бывший Наследник Алексей Николаевич пришел к Херувимской песне тихо и незаметно, отдельным ходом прямо в алтарь и стал прислуживать в алтаре: брал от псаломщика кадило, относил его на место и вновь подавал для передачи протодиакону. Это первый раз юный любимец своих родителей обнаружил склонность принять деятельное личное участие в церковном Богослужении".

В жизни царственных узников тем временем приближались серьезные изменения. Как известно, Временное правительство назначило Комиссию по расследованию деятельности Императора, но, несмотря на все старания обнаружить что-нибудь такое, что могло бы опорочить Царя, ничего не

нашли: Царь был невиновен. Когда невиновность его была доказана и стало очевидно, что за ним нет никакого преступления, Временное правительство вместо того, чтобы освободить Государя и Его Августейшую Супругу, приняло решение удалить узников из Царского Села. В ночь на 1 августа они были отправлены в Тобольск — сделано это было якобы ввиду возможных безпорядков, первой жертвой которых могла сделаться Царская Семья. На деле же тем самым Семья обрекалась на крест, ибо в это время дни самого Временного правительства были сочтены.

30 июля, за день до отъезда Царской Семьи в Тобольск, началась последняя Божественная Литургия в бывших царских покоях, и последний раз бывшие хозяева своего родного дома собрались горячо помолиться, прося со слезами, коленопреклоненно, у Господа помощи и заступления от всех бед и напастей. За Литургиею присутствовала вся Царская Семья и вся их уже очень малочисленная прислуга. Давая целовать крест, отец Афанасий сказал последнее слово на прочитанное Евангелие, где, между прочим, указал, что выше нет любви, как любовь родителей к своим детям... "Бывшая Царица плакала, а бывший Царь видимо волновался. Целуя крест, Николай Александрович сказал: "Благодарю вас", все остальные подходили и целовали крест молча. После Литургии был отслужен молебен перед иконой Божией Матери "Знамение". Царская Семья, преклонив колена, усердно молилась.

На следующий день состоялось отбытие в Тобольск. Последняя ночь перед отъездом прошла очень грустно и тяжело. Было сделано распоряжение собраться в дорогу к часу ночи, но утомительно пришлось ждать одетыми по-дорожному до шести часов утра. Только за три дня до отъезда стало известно, что Временное Правительство решило переселить бывшего Царя из Царского Села. Но куда? Неизвестно. Просились на Юг, в Крым, и радовались, особенно дети, получить свободу, избавившись от строгого затвора. Но когда было сказано, чтобы запасались теплыми одеждами, к ужасу стали догадываться, что поедут на Север, а когда стало известно о дорожном запасе провизии на пять суток, то к еще большему ужасу стали предполагать о месте ссылки в Тобольск. Со слезами выехали из родного дома. Последние слова бывшего Государя были: "Мне не жаль себя, а жаль тех людей, которые из-за меня пострадали и пострадают. Жаль Родину и народ!". С Семьей в Тобольск отправились 39 человек — близкие к Семье люди, добровольно последовавшие в ссылку, и слуги,— последних было большинство.

Путешествие совершилось без особых приключений, и 6 августа Царская Семья прибыла в Тобольск. Первые недели пребывания в Тобольске царственных узников были едва ли не самыми спокойными за весь период их заточения. Царская Семья была вверена бывшему коменданту Царскосельского Дворца, а затем и Тобольского губернатор-

ского дома полковнику Е. С. Кобылинскому, человеку независимому и преданному Августейшей Фамилии. "Для жизни Царской Семьи, — пишет об условиях тобольского плена Кобылинский, — лиц свиты и прислуги было отведено два дома: дом, в котором жил губернатор, и дом Корнилова, находящийся вблизи губернаторского. Из обстановки из Царского не было взято ничего. Дом обслуживался губернаторской обстановкой, но часть разных вещей пришлось приобрести и заказать уже в Тобольске. Взяты были из Царского для Царской Семьи лишь их походные кровати...

Тихо и мирно потекла жизнь в Тобольске. Режим был такой же, как и в Царском, пожалуй, даже свободнее... Все лица свиты и вся прислуга свободно выходили из дома когда и куда хотели. Никакого стеснения никому в этом отношении не было. Августейшая Семья, конечно, в этом праве передвижения была, как и в Царском, ограничена. Она выходила лишь в церковь. Богослужения отправлялись так. Всенощная всегда служилась на дому, причем причт был от Благовещенской церкви. Служил священник отец Васильев. К Обедне семья ходила только к ранней. Для того, чтобы пройти в церковь, нужно было пройти садом и через улицу. Вдоль пути следования всегда становился караул. Караул был и около самой церкви, причем в церковь посторонние не допускались".

А вот как выглядели в Тобольске прогулки Царской Семьи. Эту картину описывает в своих воспоминаниях Т.Е. Мельник-Боткина, дочь доктора Е.С. Боткина: "Из окон моей комнаты был виден весь дом, где помещались Их Величества, и площадка, отведенная для прогулок. В это утро, несмотря на дождь, Его Величество и Их Высочества вышли гулять в 11 часов, и я впервые увидела Их здесь после Царского Села. Его Величество, в солдатской шинели и защитной фуражке, своей обычной быстрой походкой ходил взад и вперед от забора до забора. Великие Княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна в серых макинтошах и пуховых шапочках — синей и красной — быстро шагали рядом с отцом, а Анастасия и Мария Николаевны, сидя на внутреннем заборе, отгораживавшем город и кладовые, разговаривали с караульными солдатами". И действительно, ничто, казалось, не омрачало жизни Царственных узников. Но по мере изменения политической ситуации в стране и постепенной утраты власти Временным правительством ухудшалось и их положение.

1 сентября в Тобольск в качестве нового комиссара Временного правительства прибыл В.С. Панкратов. Кобылинский, перешедший теперь в его подчинение, отозвался о нем довольно высоко: "Панкратов был человек умный, развитой, замечательно мягкий". Но сопровождавший его помощник, А.В. Никольский, был грубым и лишенным воспитания человеком.

Об этом периоде жизни Императорской Семьи в Тобольске лучше всего пишет Пьер Жильяр: "В сентябре в Тобольск приехал комиссар Панкратов, присланный Керенским. Его сопровождал в качестве помощника Никольский, бывший политический ссыльный, как и сам Панкратов. Последний был человек довольно образованный, по природе добрый и мягкий — тип сектанта-фанатика. Он произвел хорошее впечатление на Императора, благодаря чему его сразу полюбили и Дети. Но зато Никольский был настоящее грубое животное, и вся деятельность его носила в высшей степени злостный характер. Едва успев прибыть, он потребовал от полковника Кобылинского, чтобы нас всех заставили сняться. На возражение же полковника, что такие фотографические снимки совершенно излишни, так как все солдаты хорошо нас знают еще с Царского Села, Никольский заявил: "Нас заставляли исполнять это прежде, а теперь их очередь проделать то же". Пришлось пройти через эту процедуру, и с тех пор каждого из нас снабдили свидетельством личности с фотографической карточкой и с номером по списку.

Церковные службы справлялись сначала в доме, в большом зале верхнего этажа. Священнику Благовещенской церкви с диаконом и четырьмя монахинями Иоанновского монастыря было разрешено являться в дом для Богослужения. Но за неимением Престола и антиминса нельзя было служить Обедню. Это было огромным лишением для Царской Семьи. Наконец, 8 сентября, в день праздника Рождества Пресвятой Богородицы, узникам позволили в первый раз отправиться в церковь. Впоследствии, к сожалению, и это утешение крайне редко выпадало на их долю. В эти дни вставали очень рано и, собравшись во дворе, выходили через калитку и городской сад, который проходили между двух шпалер солдат. Затем в пустой церкви, едва освещенной несколькими свечами, мы присутствовали за ранней Литургией, на которую строго было запрещено допускать народ. По дороге в церковь или на обратном пути мне часто приходилось видеть, как люди при проходе Императора крестились и падали на колени. Да и вообще, жители Тобольска все время выказывали столь горячую привязанность, столь глубокую преданность Царской Семье, что для того, чтобы воспрепятствовать народу, проходившему мимо дома, снимать шапки и креститься, часто требовалось вмешательство караульных постов".

Удивительным свидетельством о религиозной стороне жизни Царской Семьи является отрывок из воспоминаний Панкратова, человека, которого никак нельзя было заподозрить в церковности. "На воле мне много приходилось слышать о том, что семья Николая II очень религиозна, что этим и объяснялось то влияние, которое имел Григорий Распутин на Царскую Семью... Эта духовно-нравственная потребность царственных пленников сначала удовлетворялась тем, что Богослужение совершалось в зале губернаторского дома... Всю работу по обстановке и

Царская Семья:
Император Николай II, Императрица Александра Феодоровна, Великие Княжны Мария, Ольга, Татиана и Анастасия Николаевны, Наследник Цесаревич Алексей

приготовлению зала к Богослужению брала на себя Александра Феодоровна. В зале она устанавливала икону Спасителя, покрывала аналои, украшала их своим шитьем и пр. В 8 часов вечера приходил священник Благовещенской церкви и четыре монашенки из Иоанновского монастыря. В зал собиралась свита, располагалась по рангам в определенном порядке, сбоку выстраивались служащие, тоже по рангам. Когда бывший Царь с Семьей выходил из боковой двери, то и они располагались всегда в одном и том же порядке: справа Николай II, рядом Александра Феодоровна, затем Алексей и далее княжны. Все присутствующие встречали их поясным поклоном. Священник и монашенки тоже. Вокруг аналоя зажигались свечи. Начиналось Богослужение. Вся Семья набожно крестилась, свита и служащие следовали движениям своих бывших повелителей. Помню, впервые на меня вся эта обстановка произвела сильное впечатление. Священник в ризе, черные монашки, мерцающие свечи, жидкий хор монашенок, видимая религиозность молящихся, образ Спасителя. Вереница мыслей сменяла одна другую...

О чем молится, о чем просит эта бывшая Царственная Семья? Что она чувствует? — спрашивал я себя.

Монахини запели: "Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение"... Вся семья Николая II становится на колени и усердно крестится, за нею падают на колени и все остальные. В то время мне казалось, что вся семья бывшего Царя искренне отдается религиозному чувству и настроению".

Наступала суровая сибирская зима. "Когда дни сделались холоднее, — вспоминает П. Жильяр, — мы стали забираться на крышу оранжереи, чтобы немного погреться на солнце. Позднее мы даже устроили там две скамейки и на них-то в течение всей долгой зимы и ранней весны мы проводили свои лучшие часы.

Император страдал от недостатка физического труда. Полковник Кобылинский, которому он на это пожаловался, приказал привезти березовые стволы, купил пилы и топоры, и мы могли теперь заготовлять дрова, в которых так нуждались на кухне, а также в доме для топки наших печей. Эта работа на открытом воздухе являлась для нас большим развлечением за время нашего пребывания в Тобольске. Великие Княжны в особенности горячо пристрастились к этому новому занятию...

Мы все были приглашены проводить вечера в кругу Царской Семьи, и вскоре это вошло в привычку для большинства из нас. Устраивали игры и всячески старались найти способ рассеять как-нибудь узников в тяжелом однообразии их жизни. Когда настали большие морозы, зал от холода стал нежилым, и мы нашли себе пристанище в соседней комнате, в гостиной Государыни, представлявшей во всем доме единственный уютный уголок. Император часто читал вслух, в то время как Великие Княжны работали над каким-нибудь рукоделием или же играли с нами... И вот в такой-то мирной, чисто семейной обстановке мы проводили долгие зимние вечера, как бы затерянные в необъятных просторах Сибири".

Об этой удивительной, поистине христианской семье игумен Серафим писал так.

Государь обладал даром редкой выдержки и спокойствия духа, что принадлежит к исключительным дарованиям Божиим для подвижников христианского благочестия. Как дворцовая прислуга, так и приближенные к нему не видели Государя в таком виде, в каком бывают люди, не владеющие собой. Какая бы скорбь или неприятность с ним не случались, он умел владеть собой и крепиться духом. Давал ли указания министру, делал ли внушения провинившемуся, он не выходил из себя, а в полном спокойствии делал это. Его спокойное слово оставляло в людях более глубокие следы, чем слово в порыве раздражительности. Он требовал и от своих сотрудников всегда уметь владеть собой, давая понять им, что в момент раздражительности человек теряет трезвый рассудок и наносит вред самому себе, делу и своему подчиненному. Люди, служившие при Государе, все единогласно утверждали, что никто из них за все время своей службы не видал Государя, вышедшим из себя в порыве раздражительности, или чтобы он кого-нибудь оскорбил грубым заносчивым словом. По словам их, это был человек исключительной доброты, всегда готовый всех прощать и миловать. В семейной жизни Государь был горячо любящим мужем и отцом, свято храня брачный закон. Никто из дворцовой прислуги не видал

Августейших супругов в размолвке, а всегда они были удивительно дружны между собою, согласны в убеждениях и духовных воззрениях и ни разу не запятнали изменой своих брачных венцов.

Государь любил простой народ, ибо в нем больше находил искренности. Большинство прислуги у Государя было из крестьянского сословия, которые были ему верны до революции, остались таковыми и в дни узнических страданий, до конца выполнив свой святой долг. Мне известны следующие лица, бывшие при Государе до конца: камердинер Волков, бывший унтер-офицер; камердинер Чемодуров, Софронов и другие, все из крестьян, бывшие нижние чины. Все они с возмущением и негодованием отвергали всю ту ложь и клевету, которую писали про Государя и его Семью в газетах и в разных лубочных книжонках. Как я уже писал, Государь почти совершенно не пил охмеляющих напитков, так свидетельствовала и оставшаяся в живых дворцовая прислуга, что Государь иногда пред обедом выпивал по одной маленькой рюмочке сливицы или портвейна, и то было очень редко. Шампанского он совершенно не пил, а на праздниках брал бокал, пригубит и поставит на стол. Прислуга благоговела пред их семейной, честной, дружеской жизнью, в которой свято хранился брачный союз. Все эти лица из бывшей дворцовой прислуги, уже после переворота, когда не было основания заподозрить их в лести, со слезами на глазах говорили: «Мы до сего времени такого благородного, сострадательного, любящего, можно непогрешимо сказать, праведного семейства не видели и, наверное, больше не увидим».

По словам той же придворной прислуги, Императрица имела характер твердый. Она как детей, так и прислугу держала в полном послушании. Царицу все слушались, боялись чем-либо оскорбить не столько из-за страха, сколько из-за любви к ней, ибо, несмотря на ее строгость, все ее любили и уважали. Она была строга и аккуратна к себе, того же требовала и от других. Всякое свое распоряжение Царица давала обдуманно и сознательно, твердо помня свои слова. Она не любила тех, кто умел много говорить языком, а дела не делал, часто напоминая мудрую поговорку людскую: «молчание — золото, а слово — серебро». Императрица обладала редким для женщин даром не терять бодрости духа в самые трудные минуты испытаний. Она не предавалась отчаянию, проявляла необыкновенное терпение, имея надежду на благое промышление Всевышнего, допускающего тяжелые скорби для того, чтобы увенчать победными светлыми Небесными венцами. Только этим скорбным путем достигали славы Небесной все святые, как сказано: "**многими скорбями подобает нам внити в Царствие Божие**" *(Деян. 14, 22)*; "**в мірє скорбни будєтє**" *(Еванг. от Ин. 16, 33)*; "**хотящий благочестив жити о Христє Иисусє гоними будут**" *(2 Посл. к Тим. 3, 12)*. Государыня не любила роскоши и мотовства, в таком духе воспитывала и детей. Такого же

взгляда был и Государь. Он был бережлив настолько, что у него парадный невоенный костюм хранился с жениховских времен, который он в нужное время и надевал, не заводя нового по сезону.

Придворные дамы, поклонницы моды и излишней роскоши, не любили Императрицу по-видимому за то, что она чуждалась их, не устраивая для них по примеру прошедших лет балов, приемов и журфиксов для праздных разговоров и ходячих сплетен. Либеральные круги общества вели клеветнический поход против Государыни, — по-видимому, за то, что она была сторонница политики твердой власти покойного Царя-Миротворца Александра III. Особенно на нее обрушились эти круги общества с 1912 года, когда по ее усиленному старанию Россия избежала войны, в которую ее втягивали.

Как бы ни поносили Императрицу гнусные клеветники, но правосуден Господь, знающий все дела каждого человека, Который в свое время откроет все — и правое, и неправое. Какая польза человеку, если вся вселенная удивляется ему и восхваляет его, а Господь наш, Непогрешимый Судия, осудит его в тот страшный день. Зная это, Императрица не искала похвалы людской, да и это было не в ее характере. Ее девизом было делать дела добрые здесь, на земле, дабы не быть осужденной там, на Небе, Господом Богом.

День Императрицы проходил в постоянных трудах и заботах, и она дорожила малейшим свободным временем, распределяя его на полезное. После утренней молитвы Государыня занималась по домашнему хозяйству и воспитанию детей; в часы отдыха читала книги, предпочитая более религиозно-духовного содержания, а также занималась с дочерьми рукодельными работами. Вечером вся Царская Семья обменивалась своими дневными впечатлениями. Императрица как сама совершала вечернюю молитву перед сном, того требовала и от своих детей. Говела и приобщалась Св. Христовых Таин несколько раз в течение года, каждый раз готовясь к сему постом и молитвой. Любила она говеть тайно от посторонних глаз, знали об этом только духовник и круг самых близких лиц. Государыня вообще любила посещать церковные Богослужения; в церкви, где она бывала более часто, был сделан в укромном уголке аналой, у которого она стояла, следя за службой по богослужебным книгам. Вообще надо сказать, что жизнь Царской Семьи проходила подобно жизни первых царственных семейств христианских. Много содействовали духовному возвышенному настроению Царской Семьи уже упоминавшиеся все новые и новые прославления Богом святых молитвенников и чудотворцев. В 1911 году Господь прославил святителя Иоасафа Белгородского, жившего на земле в годы народных смут и волнений. Дед св. Иоасафа зверски был изрублен предателями. Затем была прославлена и причтена к лику святых благоверная Великая Княгиня Анна Кашин-

ская, в молодых годах потерявшая своего любимого супруга, жизнь свою положившего за Отчизну в орде татарского хана, ранее Богом прославленного нетлением и чудесами. В 1912 году прославляется Всевышним великий патриот земли Русской, святейший Патриарх Ермоген, бодро и смело давший свое благословение патриотам, в то же время предав проклятию изменников и предателей родной Матери-Отчизны, сказав, что он боится только «Единаго Живущаго на Небе». В 1913 году было совершено открытие честны́х мощей Святейшего Патриарха Ермогена, совпавшее с празднованием трехсотлетия Царствующей Династии. Это религиозно-патриотическое торжество было по своей грандиозности и подъему народного духа еще небывалое в России. Трудно было описать тот религиозно-патриотический дух преданного долгу и верующего народа, какой царил во время юбилейного путешествия по городам и весям, связанным с юбилеем.

"Государыня была более русской, — пишет близкая к Императрице Лили Ден, — чем большинство русских, и в большей степени православной, чем большинство православных. Любовь к Богу и вера в Его милосердие были для Государыни важнее любви к мужу и детям. Она находила наивысшее утешение в религии еще в ту пору, когда ее окружали великолепие и блеск Царской власти. И в горькие годы заточения, на пути к Голгофе, Императрица черпала силы в своем религиозном чувстве. И когда она встретила кончину в том страшном екатеринбургском подвале, то, я уверена, именно все та же горячая вера поддержала ее в смертный час. Ее Величество когда-то призналась мне, что не решалась выйти замуж за Государя до тех пор, пока не почувствовала, что не пойдет против своей совести, если примет его предложение, сказав с полной убежденностью: «Твоя страна будет моей страной, твой народ — моим народом и твой Бог — моим Богом".

Государя она полюбила на всю жизнь. Она сама призналась, что он был первой ее любовью, но чем больше становилась ее любовь, тем сильней становился страх, что она может оказаться недостойной своего возлюбленного. Выйдя замуж, она всецело отдала себя России и сочла, что ее священный долг — заботиться о благе России. Однако Их Величества всегда были в большей степени супругами, чем Императором и Императрицей. Пожалуй, за всю историю Государства Российского не было такой любящей и преданной друг другу Царской Четы. Они жили счастливой семейной жизнью, у них были простые вкусы, они избегали посторонних взглядов, им претила всякая популярность. И вот это стремление к уединенной жизни послужило причиной возникновения многих клеветнических измышлений, объектом которых становилась Царская Семья... Меня иногда удивляло, почему Императрица предпочитает друзей попроще, а не из более привилегированных кругов. Однажды я на-

бралась смелости и задала ей такой вопрос. “Меня не заботит, богата та или иная особа или же бедна. Для меня друг, кем бы он ни был, всегда остается другом”, — ответила Государыня.”

Особенно важно свидетельство товарища прокурора Екатеринославского окружного суда М. Руднева, сделанное в докладе Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. “Нравственный облик Императрицы Александры Феодоровны достаточно ярко выяснился для меня из ее переписки с А. А. Вырубовой и с Государем. Эта переписка, веденная на французском и английском языках, была вся проникнута горячим чувством любви к мужу и детям. Воспитанием и образованием своих детей Императрица заведовала лично сама почти по всем предметам, кроме узко специальных. В упомянутой переписке Императрица неоднократно указывала на то, что детей не надо баловать игрушками и пробуждать в них страсть к роскоши.

Вместе с тем, переписка носила также печать глубокой религиозности. Государыня в письмах к мужу часто описывает свои переживания во время прослушанных ею Богослужений и часто говорит о чувстве полного удовлетворения и нравственного покоя, которые она испытывала после горячей молитвы. Вообще надо заметить, что во всей этой обширной переписке почти нет никаких указаний, ни рассуждений на политическую тему. Переписка эта носит чисто интимный, семейный характер. Во всей этой переписке на протяжении почти десяти лет мне не попалось ни одного письма, написанного на немецком языке, а допросом приближенных ко Двору лиц я установил, что немецкий язык еще задолго до последней Всемірной войны при Дворе не применялся. В связи с упорными слухами об исключительной симпатии Императрицы к немцам и о существовании в Царских покоях прямого провода в Берлин, мною были тщательно произведены осмотры помещений Императорской Фамилии, причем никаких указаний на сношение Императорского Дома с немецким во время войны установлено не было.

При проверке же мною слухов об исключительном благожелательном отношении Императрицы к раненым военнопленным немцам выяснилось, что отношения ее к раненым немцам были такими же одинаково теплыми, как и к раненым русским воинам, причем такое свое отношение к раненым Императрица объясняла лишь выполнением завета Спасителя, говорившего, что кто посетит больного, тот посетит Его Самого.

В силу многих обстоятельств, в том числе и постоянного болезненного состояния Императрицы вследствие ее болезни сердца, Царская Семья вела удивительно замкнутый образ жизни, что естественно способствовало самоуглублению и развитию религиозного чувства, принявшего у Государыни совершенно исключительный преобладающий характер. На почве этой религиозности Императрица Александра Фео-

доровна вводила монастырский устав Богослужения в некоторых придворных церквах, с особым наслаждением, несмотря на болезненное состояние, выстаивала до конца длившиеся долгими часами службы. Это исключительное настроение Императрицы Александры Феодоровны и послужило единственной причиной преклонения ее перед личностью Григория Распутина, который, несомненно, как уже было объявлено, обладал способностью внушения, благотворно действующего в некоторых случаях на состояние здоровья больного Наследника. При этом, вследствие своей религиозности, Императрица не могла объективно оценить источники несомненно поразительного влияния Распутина на состояние здоровья Наследника и искала этот источник не в гипнотической силе, а в тех Высших Небесных силах, которыми он, по ее глубоким убеждениям, был наделен."

О царских же Детях игумен Серафим вспоминал: "Видел я на своем веку много религиозно воспитанных детей всех сословий, но таких, как они, я не видал и вряд ли еще увижу. Это были, по слову народному, "чистые ангелы во плоти".

Великая Княжна Ольга Николаевна любила проводить время за книгами и рукоделием, хозяйством интересовалась мало. Также любила музыку и пение. Писала дневники и стихотворения. Характер ее был мягкой и доброй души, более похож на характер отца; также и наружным своим видом она больше походила на отца, чем на мать. Это была дочь отца.

Но не такова была Великая Княжна Татьяна Николаевна, дочь матери и ее любимица. Она больше всех походила на мать и ближе всех была к ней, унаследовав от нее характер и душевный строй убеждений. Татьяну Николаевну слушались не только прислуга, но сестры и Цесаревич, который больше всех боялся матери, а после матери — Татьяны Николаевны, хотя они и любили его безгранично, но вместе с сим и держали в строгих руках. Татьяна Николаевна была главной помощницей матери по хозяйству и воспитанию младших детей. Она, так же, как и мать, праздности не терпела, стараясь все время быть занятой. Ростом она была выше всех своих сестер, а также отличалась твердостью характера и самостоятельностью. Пред ней все в Семье склонялись и вместе с сим искренно уважали. В обращении с прислугой она была внимательна, ласкова, вежлива, благородна, но очень редко разговаривала, вполне сознавая свое высокое положение дочери Императора. Как в духовно религиозной жизни, так и во всех своих действиях и приемах брала пример с матери, которую безпредельно любила и была ей не только любимой дочерью, но и душевным другом.

В дни заточения Татьяна Николаевна бывала редко среди прислуги и избегала разговоров, была серьезна, более сильно ощущала несправед-

ливую обиду народа, которому она с юных лет отдавала всю себя на служение. Она предпочитала молчание и беседу с Богом через молитву, получая ответы на свои душевные запросы от святых небожителей через написанные ими книги. В чтении житий святых Татьяна Николаевна находила себе утешение в эти трудные дни душевных волнений и телесных страданий.

Великая Княжна Мария Николаевна унаследовала во всех отношениях, как внешних, так и внутренних, все качества своего деда — Императора Александра III. Крепость телосложения была у нее мужественная при совокупности редкой красоты. Она обладала большой силой, так что когда Цесаревич Алексей Николаевич был болен и нуждался в передвижении, то Мария Николаевна носила его как малого ребенка. Характер этой девочки был весьма любвеобильный, сострадательный и миролюбивый. Никого она за все время не оскорбляла, а старалась всегда всех мирить. Это была юная миротворица. Простота ее была необыкновенная, и вела она себя просто, как простая русская девушка, видя в каждом человеке брата и сестру. Своим веселым видом и остроумным шутливым разговором Мария Николаевна всех приводила из мрачного настроения в веселое. Она умела копировать поступки и выходки других и передавать их когда нужно при разговоре, дабы унылого собеседника развеселить. С этой Царственной девочкой не было скучно и своим, и чужим. Она умела развлечь и развеселить скорбящего и унылого, за что все ее любили и уважали. Хозяйством она хотя не увлекалась, но помогала своей сестре Татьяне Николаевне, оказывая ей полное послушание. Дворцовая прислуга больше всех детей любила Марию Николаевну за ее искреннюю простоту и любовь ко всем. Она была неизменной заступницей за провинившихся пред отцом и матерью. Эта юная Царевна была для всех светлым Ангелом любви. Пред ее просьбами было трудно устоять не только любвеобильному Царю, но и Царице с адамантовой силой воли. Невольно припоминается мне один из многих случаев ее дел любви и сострадания. Во время Царского юбилейного путешествия в 1913 году, в одном из посещаемых Государем монастырей Владимирской Епархии, Мария Николаевна заметила больную старицу схимонахиню, сидящую в кресле далеко в стороне; во время молебна она, видимо, попросила отца подойти к этой страдалице и утешить ее. Кончился молебен. Государь пошел из храма, неожиданно для всех сворачивает с дороги в сторону и подходит к больной схимонахине, которая от неожиданной радости заплакала. Государь поговорил с больной, ободрил и просил от нее благословения и молитв. Схимонахиня пришла в полное замешательство и не решалась на такое дерзновенное дело, как благословить Помазанника Божия. Государь успокоил растерявшуюся старицу и вторич-

но просил ее благословения, которая наконец благословила его, как мать благословляет сына, и Государь поцеловал у нее руку. По примеру отца поступили и дети. Старица от духовного восторга умильно плакала слезами радости, виновница сего Мария Николаевна торжествовала, что имела возможность порадовать больную страдалицу скорбей безпросветных. Так эта юная Царевна с жизнерадостным лицом и любвеобильным настроением всюду вносила радость, мир и утешение, являясь для всех Ангелом утешения. Своими делами и поступками она напоминала не только своего дедушку Царя-Миротворца, но и прабабушку Императрицу Марию Александровну, отличавшуюся своей добротой и сострадательностью к страждущим и обремененным судьбой.

Все дети любили свою родную тетушку — Великую Княгиню Елисавету Феодоровну, всегда внимательно слушая ее сладкие духовные беседы, в которых особенно выделялась мысль, что на земле нет ничего прочного, постоянного и не изменчивого. Хотя бы веселье земное плескало волнами, но нет ему услады даже в Царских чертогах. Суетно все счастье земное, оно непрочно, изменчиво, а потому полагаться на него неразумно, лучше следует достигать неизменного и необманчивого Небесного счастья. Юные Царевны все эти слова принимали близко к сердцу и временами старшие даже мечтали временно пожить в числе рядовых сестер в обители у своей любимой тетушки. Когда Великие Княжны посещали детские приюты, то здесь вели себя с детьми-сиротами как с родными — без брезгливости, целуя и лаская их. Приход их в приют столько вносил с собой ласки и привета, что дети в восторге радости кидались обнимать их, целуя руки, толпясь около них. Дети своим чутким сердцем ощущали в них к ним чистую, искреннюю нежную любовь. Детское сердце не обманывает.

Великая Княжна Анастасия Николаевна была еще совершенно юной девочкой, а потому трудно определить ее характер и душевный облик. Она как оранжерейный цветочек только еще распускалась, а неумолимая судьба не дала возможности и расцвести. Она росла полненьким пухленьким ребенком, весело резвясь, не предвидя грядущего испытания. Она росла резвее своих сестер, в то же время имея хорошие способности, временами поленивалась в учении. Это обычное явление у способных детей. Наружным видом она больше походила на своего отца и бабушку — Императрицу Марию Феодоровну. Замечалось, что в ее детской душе таились добрые задатки искренности и откровенности. Анастасия Николаевна своей искренностью утешала своих родителей, которым мало приходилось видеть эти благородные качества среди окружающих людей.

Цесаревич Алексей Николаевич был мальчиком редких дарований. Он более всех детей походил на отца, даже все обычаи и привычки

унаследовал от него. Что же касается характера и силы воли, то таковые были им, видимо, унаследованы от матери. Любимцем своих родителей был этот ребенок, особенно матери, которая любила его безумно. Не было дня, когда бы мать не приласкала сына, не наградив его многими материнскими горячими поцелуями. Императрица сама его воспитывала и даже преподавала науки жизни, внушая правила любви к Богу и ближним. Царица внушила своему сыну, что пред Богом все равны и гордиться своим положением не должно, а надо уметь благородно держать себя, не унижая своего положения. По ее мнению, кто за оказываемое добро бывает неблагодарным, то он делает худо; но нам не до́лжно переставать делать добро, ибо в великом сердце мщение держится недолго, как вода на покатости гор. Свобода заключается прежде всего в том, чтобы иметь силу воли не делать никому зла, всех любить, не поддаваться греховному соблазну, делать правду, не нарушать Богом установленные законы и человеческие законоположения, если таковые не будут расходиться с первыми. Так мать вкладывала в юное сердце сына религиозно-благородное чувство, любовь к Богу и людям, давая ему не только телесную, но и душевную красоту, украшенную добросердечием и человеческим достоинством.

Даже в эти дни перенесения грубых обид Цесаревич не изменил своего сострадания и любви к этим жестоким людям. Однажды, в беседе с Теглевой, горничной Государыни, последняя спросила Алексея Николаевича: «Если вы будете Царем, то что будете делать?» Цесаревич сказал: «Нет, я Царем не буду». — «А если бы пришлось быть вопреки вашей воле, — повторила Теглева, — то как бы вы стали поступать?» Он сказал: «Я говорю, что Царем не буду. Если и пришлось бы быть вопреки моей воле, то я прежде всего устрою большой дом, куда соберу всех безприютных детей, а вас поставлю начальницей этого дома; сам же буду часто к вам приезжать». Вот что думало его любвеобильное детское сердце, — оно не помнило зла своих врагов, а думало о их же жалких сиротах.

На самом деле, разве легко было детям, в неге и ласке воспитанным, переносить все ужасы узнической жизни. Действительно, их избрал в Свои невесты Небесный Жених Христос, и, по примеру древних мучеников, призвал к Себе чрез скорби, страдания и мученическую смерть. Видимо, перст Божий избрал их с раннего возраста, ибо они, вопреки окружающей обстановке, по своему положению стремились к любознательности, изучению богословских и философских наук, удивляя своей скромностью и правильным пониманием цели жизни. Любили эти царские дочери проводить часы ночного времени в духовных размышлениях и молитве при мерцающей лампаде, как древние юные отшельницы, в золотой короне, царском одеянии, прекрасные, непорочные, окруженные сиянием невест Небесного Жениха Христа Жизнодавца, внушивше-

го их юному сердцу истину благую, Его учения высоту и непрочность суеты земной. Только они были утешением скорбящим родителям в заточении, развлекая их в тяжелые скорбные минуты и вместе с ними улетели в чертог светлого Неба, где уже никто их не разлучит. Восхищены они Всевышним, ибо души их были угодны Небесному Жениху, ускорившему взять их к Себе, дабы злоба мірская не изменила их возвышенного духовного настроения *(Прем. Сол. 4,11)*. За грехи людские Бог взял их к Себе, как некогда взял юного царевича Димитрия, нетленно почивающего в Московском кремлевском Архангельском соборе, на обличение тогдашних предателей и убийц.

Эта страдальческая Семья, как показало время испытаний, имела великое любомудрие, железное мужество, цементную духовную связь, святой союз любви. Это свидетельствует о том, что эта Семья не была оставлена Богом заботою в искушении. Это величайший знак Божия о них попечения."

"Одним из самых больших лишений за время жизни в Тобольске, — пишет далее П. Жильяр, — было почти полное отсутствие всяких известий. Письма доходили до нас... с огромным опозданием. Что же касается газет, то нам приходилось довольствоваться дрянным местным листком, печатавшимся на оберточной бумаге и дававшим лишь старые телеграммы с опозданием на несколько дней, да и те чаще всего появлялись здесь в искаженном и урезанном виде. Император с тревогой следил за развертывавшимися в России событиями. Он видел, что страна стремительно идет к своей гибели. Был миг, когда у него промелькнул снова луч надежды, — это в то время, когда генерал Корнилов предложил Керенскому идти на Петроград, чтобы положить конец большевистской агитации, становившейся со дня на день все более угрожающей. Безмерна была печаль Царя, когда Временное правительство отклонило и эту последнюю попытку к спасению Родины. Он прекрасно понимал, что это было единственное еще средство избежать неминуемой катастрофы. Тогда я, — пишет Жильяр, — первый раз услышал от Государя раскаяние в своем отречении. Ведь он принял это решение лишь в надежде, что желавшие его удаления сумеют все же продолжать с честью войну и не погубят дело спасения России. Он боялся тогда, чтобы его отказ подписать отречение не повел к гражданской войне в виду неприятеля. Царь не хотел, чтобы из-за него была пролита хоть капля русской крови. Но вот, спустя самый короткий срок вслед за удалением Царя, появился Ленин и его спутники, несомненные наемные агенты, и их преступная пропаганда развалила армию и вконец растлила страну. Императору мучительно было видеть теперь безплодность своей жертвы и сознавать, что, имея в виду тогда лишь благо Родины, он принес ей вред своим отречением. Эта мысль, все еще приходя в голову Государя, все больше

его угнетала, и впоследствии ей суждено было сделаться причиной его глубокой душевной тоски и нравственного страдания".

А между тем к власти в Петрограде уже пришли большевики. Известие об этом событии дошло до Тобольска 15 ноября. 17—18 ноября спокойный стиль императорского дневника будет нарушен: "Такая же неприятная погода с пронизывающим ветром. Тошно читать описания того, что произошло две недели тому назад в Петрограде и в Москве! Гораздо хуже и позорнее событий Смутного времени. Получилось невероятнейшее известие о том, что какие-то трое парламентеров нашей 5-й армии ездили к германцам впереди Двинска и подписали предварительные с ними условия перемирия! Подобного кошмара я никак не ожидал. Как у этих подлецов большевиков хватило нахальства исполнить их заветную мечту предложить неприятелю заключить мир, не спрашивая мнения народа, и в то время, что противником занята большая полоса страны?".

Несколько иное эмоциональное состояние мы видим в письмах Александры Феодоровны, в них также чувствуется глубокое переживание той трагедии, которая разворачивалась на глазах. Но сколько в этих письмах силы духа, веры и надежды на помощь Божию! К кому бы ни писала Императрица, для всех находила она слова поддержки и утешения. Обратимся же только к некоторым из этих писем, писем-свидетельств христианской веры. "...Могу себе представить, — пишет она А.В. Сыробоярскому 29 ноября 1917 года, — как ужасно все, что там пережили (кровавые октябрьские события в Москве). Тяжело неимоверно, грустно, обидно, стыдно, но не теряйте веру в Божию милость. Он не оставит Родину погибнуть. Надо перенести все эти унижения, гадости, ужасы с покорностью (раз не в наших силах помочь). И Он спасет, долготерпелив и милостив — не прогневается до конца. Знаю, что Вы этому не верите, и это больно, грустно. Без веры невозможно было бы жить...".

"Читаю газеты и телеграммы и ничего не понимаю. Мир, а немцы все продолжают идти вглубь страны, — им на гибель. Но можно ли так жестоко поступать? Боже мой, как тяжело!...". "Как я счастлива, что мы не за границей, а с ней все переживаем. Как хочется с любимым больным человеком все разделить, все пережить и с любовью и волнением за ним следить, так и с Родиной. Я чувствовала себя слишком долго ее матерью, чтобы потерять это чувство — мы одно составляем и делим горе и счастье. Больно нам она сделала, обидела, оклеветала и т.д., но мы ее любим все-таки глубоко и хотим видеть ее выздоровление, как больного ребенка с плохими, но и хорошими качествами, так и Родину родную...".

Императрица твердо верит, что испытания страны скоро кончатся. 18 февраля 1918 года она пишет Великой Княгине Ксении Александровне, сестре Императора: "...Крепко верю, что время страданий проходит,

что солнце опять будет светить над многострадальной Родиной. Ведь Господь милостив — спасет Родину, вразумит туманный ум".

Слова упования на Бога слышим мы и в письме Императора Великой Княгине Ксении Александровне от 24 января 1918 года: "...Я не допускаю мысли, чтобы те ужасы, бедствия и позор, которые окружают нас всех, продолжались долго. Я твердо верю, как и ты, что Господь умилосердится над Россиею и умирит страсти, в конце концов. Да будет Его святая воля. Живем по-прежнему тихо и спокойно и постоянно вспоминаем о дорогой маме и вас милых".

Страдания страны и народа не безсмысленны, уверена Государыня: "Когда все это кончится? Когда Богу угодно. Потерпи, родная страна, и получишь венец славы. Награда за все страдания. Бывает, чувствую близость Бога, непонятная тишина и свет сияет в душе. Солнышко светит и греет и обещает весну. Вот и весна придет и порадует и высушит слезы и кровь, пролитые струями над бедной Родиной".

Подобные же страдания испытывает и Государь. В своей дневниковой записи он, как всегда, немногословен: "...Сколько еще времени будет наша несчастная Родина терзаема и раздираема внешними и внутренними врагами? Кажется иногда, что дольше терпеть нет сил, даже не знаешь, на что надеяться, чего желать? А все-таки никто как Бог! Да будет воля Его святая!".

Страдания и испытания посланы Богом, значит, их надо перенести с бодростью и надеждой на лучшее: "Господь испытывает, — пишет Императрица, — а потом облегчит, полечит все ужасные раны. Немного еще потерпеть, с новым годом будут лучшие дни — хотя много еще тяжелого впереди — больно, столько кровопролитий, больно ужасно! Но правда должна окончательно победить".

"Как же жить, если нет надежды? Надо быть бодрым, и тогда Господь даст душевный мир. Больно, досадно, обидно, стыдно, страдаешь, все болит, исколото, но тишина на душе, спокойная вера и любовь к Богу, Который Своих не оставит и молитвы усердных услышит и помилует и спасет".

Страдания посылаются Богом не случайно, через их перенесение очищаются души человеческие, искупаются совершенные прежде грехи. Государыня отмечает это в своих письмах: "Все должны страдать за все, что сделали, но никто этого не понимает". "...Глубоко верю в Божие милосердие и справедливость — надо страдать за большой грех, искупить вину..." "...Все головы потеряли, царство зла не прошло еще, но страдание невинных убивает... Ведь очень согрешили мы все, что так Отец Небесный наказывает Своих детей".

"Вот и Великий Пост! Очищаемся, умолим себе и всем прощение грехов, и да даст Он нам пропеть на всю Святую Русь "Христос Воскресе!" Да готовим наши сердца Его принимать, откроем двери наших душ...

Отбросим старого Адама, облечемся в ризу света, отряхнем мірскую пыль и приготовимся к встрече Небесного Жениха. Он вечно страдает за нас и с нами и через нас; как Он и нам подает руку помощи, то и мы поделим с Ним, перенося без ропота все страдания, Богом нам ниспосланные. Зачем нам не страдать, раз Он, Невинный, Безгрешный вольно страдал? Искупаем мы все наши столетние грехи, отмываем в крови все пятна, загрязнившие наши души".

Утешение и крепость в перенесении скорбей дает узникам духовное чтение, молитва, Богослужение, причащение Святых Таин. Множество раз в письмах Государыни говорится о духовной жизни ее и других членов семьи: "В молитве утешение: жалею я тех, которые находят не модным, не нужным молиться. Не понимаю даже, чем они живут. Духовный мир далек от них, все суета и суета".

"Господь Бог дал нам неожиданную радость и утешение, допустив нас приобщиться Святых Христовых Таин для очищения грехов и жизни вечной. Светлое ликование и любовь наполняют душу".

"Буду теперь с удовольствием творения Григория Нисского читать, их раньше не имела. Последнее время читала Тихона Задонского. Все-таки привезла из моих любимых книг с собою. Ты Библию читаешь?... — пишет Государыня А.А. Вырубовой. — Там чудные вещи — Иисуса Сираха, Премудрости Соломона и т.д. Я ищу все другие подходящие места — живешь в этом — и Псалмы так утешают".

"Он (Государь) нам читал из жизни св. Николая Чудотворца, пока мы работали".

"Вышиваем мы покрывала, воздухи, на аналои покрывала — сестры Татьяна и Мария особенно искусно вышивают...".

В страданиях и испытаниях умножается духовное ведение, познание себя, своей души. В некоторых из писем Государыня касается и необходимости духовного бодрствования, постоянной борьбы с грехом, с кознями врага: "Все можно у человека отнять, но душу никто не может, хотя диавол [подстерегает] человека на каждом шагу, хитрый он, но мы должны крепко бороться против него: он лучше нас знает наши слабости и пользуется этим. Но наше дело быть настороже, не спать, а воевать. Вся жизнь — борьба, а то не было бы подвига и награды".

Не скрывает Императрица и своих собственных немощей: "Раздражаюсь все-таки еще. Это мой большой грех, невероятная глупость... О! Я тоже слишком тебе знакомая, вспыльчивая... хочу исправиться, стараюсь; и бывает долго хорошо, потом вдруг опять...".

Постоянные духовные усилия приводят Императрицу к всецелому преданию себя воле Божией: "Что впереди, не догадываюсь. Господь знает и по-Своему творит. Ему все предала". "Чем хуже здесь, тем лучше и светлее будет там". "Жизнь — школа тяжелая, тернистая, но зато

там — будет мир, и тишина, и блаженство, туда стремится душа."

Это блаженство души, устремленность к жизни вечной приносит радость в самих страданиях и великое утешение еще здесь, на земле: "Хочу дать тебе эту внутреннюю радость и тишину, которой Бог наполняет мне душу, — пишет Государыня А.А.Вырубовой. — Разве это не чудо! Не ясна ли в этом близость Бога, ведь горе безконечное, — все, что люблю — страдает, счета нет всей грязи и страданиям, а Господь не допускает уныния: Он охраняет от отчаяния, дает силу, уверенность в светлое будущее еще на этом свете".

"Душа моя и дух Богу принадлежат. Я чувствую ту радость, которую ты иногда испытывала после Причастия или у св. икон. Как Тебя, Боже, благодарить? Я недостойна такой милости. О Боже, помоги мне не потерять, что Ты даешь! Душа ликует, чувствует приближение Жениха: грядет Он, скоро будем Его славить и петь "Христос Воскресе!"...

Лишь спустя несколько месяцев — после захвата власти большевиками это стало сказываться на положении узников. Солдаты, охранявшие губернаторский дом, вскоре прониклись расположением к Царской Семье. Но с приходом новой власти здесь образуется "солдатский комитет", который всячески самоутверждается, демонстрируя свою власть над Государем — то приказывает снять погоны, то разрушает ледяную горку, которую построили для царских детей. Вообще красные товарищи только и думали о том, как бы изобрести новое оскорбление страдальцам-узникам. Узнали они, что у детей есть любимые две ангорские козы, и они их убивают на глазах детей, когда они были в саду. Единственное развлечение было у детей: в саду качели, куда они временами выходили. Товарищи и здесь ухитрились придумать свое злобное дело: они на столбах качелей пишут самые безнравственные слова и рисуют порнографические картины. Дети перестали пользоваться качелями.

С 1 марта "Николай Романов и его семейство переводятся на солдатский паек".

В марте приходят известия о заключении Брестского мира.

"Это такой позор для России, и это равносильно самоубийству!" — таково было мнение Государя. Особенно его возмущало соглашение императора Вильгельма с "этими негодяями". Прошел слух, что условием мира немцы требуют выдачи им Царской Семьи. "Если это не предпринято для того, чтобы меня дискредитировать, то это оскорбление для меня", — воскликнул Государь при этом известии. А Государыня добавила: "После того, что они сделали с Государем, предпочитаю умереть в России, нежели быть спасенной немцами". (Ранее Государь не принял предложения выехать в Англию.)

Это был действительный позор!

Противоречия между Германией и Россией не были непреодолимыми. Первую Міровую войну развязали силы, враждебные и Германии, и России. Кто выиграл в результате войны, можно видеть на основании следующих цифр. Два миллиона павших лучших воинов России и пять миллионов раненых и искалеченных. Такова была ее плата за спасение Франции и Англии. В то время как англичане потеряли всего от 60 до 80 тысяч. Потери французов были гораздо значительнее, зато в результате победы над Германией и ее сателлитами бывшие союзники России оказались в выигрыше. Франция вернула себе Эльзас и Лотарингию, получила Саарскую область, богатую углем. К Англии перешли Багдад, Иерусалим, Дамаск, Алеппо, Мосул, Аравия, Персия, весь Египет. Америка потеряла убитыми 60 тысяч и ранеными 150 тысяч, зато выкачала из Европы все золото и покончила с германской, русской и австро-венгерской монархиями.

Россия же, которая понесла самые большие потери и сделала самый большой вклад в дело победы над государствами Центральной Европы, осталась ни с чем. И виной тому отнюдь не Государь Император, как пытаются уверить нас и "февралисты", и "октябристы" (а также их идейные подельники), а те, кто пошли на поводу у антирусских сил и вздумали присвоить себе победу: ведь до нее было подать рукой. Февральская революция послужила отмычкой, а уж ею воспользовались другие преступники, которые произвели очередной, октябрьский, переворот.

А. Тыркова-Вильямс в статье "Подъем и крушение", помещенной в мартовской книжке парижского "Возрождения" (1956), отмечая заявление Родичева в начале войны, что Германия победит Россию, пишет: "Он оказался прав, но только наполовину. Не Германия победила Россию. Мы сами, мы, русские, разнуздали бесов революции, поддались им и сами сокрушили русскую армию, которая на третий год войны не только не ослабела, но, благодаря помощи наших союзников и нашим собственным усилиям, получила наконец обильное боевое снабжение".

"Самым трудным и самым забытым подвигом Императора Николая II было то, что он, при невероятно тяжелых условиях, довел Россию до порога победы. Его противники не дали ей переступить через порог", — пишет Ольденбург.

Всего ярче о том же свидетельствует в своей книге о Міровой войне видный английский деятель Уинстон Черчилль, бывший в момент революции военным министром: "Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была в виду. Она уже претерпела бурю, когда все обрушилось. Все жертвы были уже принесены, вся работа завершена. Отчаяние и измена овладели властью, когда задача была уже выполнена. Долгие отступления окончились; снарядный голод был побежден; вооружение притекало широким потоком: более сильная, более многочисленная, лучше снабженная

армия сторожила огромный фронт; тыловые сборные пункты были переполнены людьми. Алексеев руководил армией и Колчак флотом. Кроме того, никаких трудных действий больше не требовалось: оставаться на посту, тяжелым грузом давить на широко растянувшиеся германские линии, удерживать, не проявляя особой активности, слабеющие силы противника на своем фронте, иными словами, держаться — вот все, что стояло между Россией и плодами общей победы... В марте Царь был на Престоле, Российская империя и русская армия держались, фронт был обезпечен и победа безспорна. Согласно поверхностной моде нашего времени, царский строй принято трактовать как слепую, прогнившую, ни на что не способную тиранию. Но разбор тридцати месяцев войны с Германией и Австрией должен бы исправить эти легкомысленные представления. Силу Российской империи мы можем измерить по ударам, которые она вытерпела, по бедствиям, которые она пережила, по неисчерпаемым силам, которые она развила, и по восстановлению сил, на которое она оказалась способна. В управлении государствами, когда творятся великие события, вождь нации, кто бы он ни был, осуждается за неудачи и прославляется за успехи. Дело не в том, кто проделывал работу, кто начертывал план борьбы; порицание или хвала за исход довлеют тому, на ком авторитет верховной ответственности. Почему отказывают Николаю II в этом суровом испытании?.. Бремя последних решений лежало на нем. На вершине, где события превосходят разумение человека, где все неисповедимо, давать ответы приходилось ему. Стрелкою компаса был он. Воевать или не воевать? Наступать или отступать? Идти вправо или влево? Согласиться на демократизацию или держаться твердо? Уйти или устоять? Вот поля сражений Николая II. Почему не воздать ему за это честь? Самоотверженный порыв русских армий, спасших Париж в 1914 году, преодоление мучительного безснарядного отступления, медленное восстановление сил, брусиловские победы, вступление России в кампанию 1917 года непобедимой, более сильной, чем когда-либо, — разве во всем этом не было его доли? Несмотря на ошибки большие и страшные, тот строй, который в нем воплощался, которым он руководил, которому своими личными свойствами он придавал жизненную искру, к этому моменту выиграл войну для России".

Первый большевистский отряд прибыл в Тобольск во вторник, 22 апреля, чрезвычайный комиссар Яковлев осматривает дом, знакомится с узниками. Этот человек имел при себе неограниченные полномочия, включительно до расстрела, подписанные Я. Свердловым, В. Лениным, Троцким-Бронштейном. С Яковлевым прибыл его штат служащих, в том числе был телеграфист, через которого он сносился по прямому проводу с Москвой, с председателем Центрального Исполнительного Комитета Я. Свердловым. Через несколько дней он сообщает, что должен увезти

Государя, уверяя, что ничего плохого с ним не случится. Предполагая, что его хотят отправить в Москву для подписания сепаратного мира с Германией, Государь, которого ни при каких обстоятельствах не покидало высокое душевное благородство, твердо сказал: "Я лучше дам отрезать себе руку, чем подпишу этот позорный договор".

Наследник в это время был болен, и везти его было невозможно. Несмотря на страх за больного сына, Государыня принимает решение следовать за супругом; с ними отправилась также Мария Николаевна и некоторые из свиты и слуг — князь В.А. Долгоруков, доктор Е.С. Боткин, Т.И. Чемодуров, А.С. Демидова и И.Д. Седнев. Разлука была тяжким ударом для узников, но все скрывали свои мучения. "Чувствовалось, что они готовы всем пожертвовать, в том числе и жизнью, если Господь в неисповедимых путях Своих потребует этого для спасения страны".

Только 7 мая члены семьи, оставшиеся в Тобольске, наконец, получили известие из Екатеринбурга — Государь, Государыня и Мария Николаевна заключены в дом Ипатьева. Когда здоровье Наследника поправилось, остальные члены Царской Семьи, находившиеся в Тобольске, были также доставлены в Екатеринбург и заточены в том же доме, но большинство лиц, приближенных к Семье, не было допущено к ним.

Условия жизни были крайне скверными. Для Государя, Государыни и Цесаревича были даны кровати без постельных принадлежностей, а Великим Княжнам пришлось долгое время спать на голом холодном полу. Так издевались над невинными страдальцами. Но этого мало, было приказано двери комнат держать открытыми день и ночь, а красноармейцы ходили по комнатам, под предлогом проверки, днем и ночью. Так же было приказано не затворять двери в уборную, вблизи которой стоял красноармеец. В ужас и содрогание приходишь от всего этого позорного издевательства над личностью беззащитных людей.

От Екатеринбургского периода осталось гораздо меньше свидетельств о жизни Царской Семьи в заточении. Почти нет писем. В основном этот период известен нам по кратким записям в дневнике Императора и показаниям свидетелей по делу об убийстве Царской Семьи. Тем важнее для нас свидетельство протоиерея Иоанна Сторожева, совершавшего последние Богослужения в Ипатьевском доме.

Первый раз отец Иоанн служил там в воскресенье 20 мая (2 июня) 1918 г. К нему пришел солдат невзрачной наружности и сказал следующее: "Вас требуют служить к Романову". Не поняв о ком речь, отец Иоанн спросил: "К какому Романову?" — "Ну, к бывшему царю", — пояснил пришедший. Из последующих переговоров выяснилось, что Николай Александрович Романов просит совершить последование обедницы. "Я, — вспоминает отец Иоанн, — захватив все потребное для Богослужения, пригласил отца диакона Буймирова, с которым, в сопровож-

дении того же солдата, поехал в дом Ипатьева. С тех пор, как здесь помещена была Семья Романовых, дом этот обнесли двойным дощатым забором... Задержавшись на короткий срок около запертой изнутри калитки.., мы вошли внутрь второго забора, к самым воротам дома Ипатьева. Здесь было много вооруженных ружьями молодых людей, одетых в общегражданское платье, на поясах у них висели ручные бомбы. Эти вооруженные несли, видимо, караул. Провели нас через ворота во двор и отсюда через боковую дверь внутрь нижнего этажа дома Ипатьева. Поднявшись по лестнице, мы вошли наверх к внутренней парадной двери, а затем через прихожую — в кабинет налево, где помещался "комендант". Везде, как на лестницах, так и на площадках, а равно и в передней, были часовые — такие же вооруженные ружьями и ручными бомбами молодые люди в гражданском платье. В самом помещении коменданта мы нашли каких-то двоих людей средних лет, помнится, одетых в гимнастерки. Один из них лежал на постели и, видимо, спал; другой молча курил папиросы. Посреди комнаты стоял стол, на нем самовар, хлеб, масло. На стоявшем в комнате этой рояле лежали ружья, ручные бомбы и еще что-то. Было грязно, неряшливо, безпорядочно.

Вскоре явился какой-то молодой человек, одетый в гимнастерку, брюки защитного цвета, подпоясанный широким кожаным поясом, на котором в кобуре висел большого размера револьвер. Вид этот человек имел среднего "сознательного рабочего"... Я скорее догадался, чем понял, что этот господин и есть комендант "дома особого назначения", как именовался у большевиков дом Ипатьева за время содержания в нем Семьи Романовых. На мой вопрос, какую службу мы должны совершить, комендант ответил: "Они просят Обедницу". Никаких разговоров ни я, ни диакон с комендантом не вели, я лишь спросил, можно ли после Богослужения передать Романовым просфору, которую я показал ему. Комендант осмотрел бегло просфору и после короткого раздумья возвратил ее диакону, сказав: "Передать можете, но только я должен вас предупредить, чтобы никаких разговоров не было". Мы облачились с отцом диаконом в комендантской, причем кадило с горящими углями в комендантскую принес один из слуг Романовых... Итак, взяв с собою все потребное для Богослужения, мы вышли из комендантской в прихожую. Комендант сам открыл дверь, ведущую в зал, пропуская меня вперед... Зал, в который мы вошли, через арку соединялся с меньшим по размеру помещением — гостиной, где ближе к переднему углу я заметил приготовленный для Богослужения стол. Но от наблюдения обстановки зала и гостиной я был отвлечен, так как, едва переступил порог в зал, заметил, что от окон отошли трое: это были Николай Александрович, Татьяна Николаевна и другая старшая дочь, но которая именно, я не успел узнать. В следующей комнате, отделенной от залы, как я уже объяснил, аркой, находилась Александра Феодоровна, две

младшие дочери и Алексей Николаевич. Последний лежал в походной складной постели и поразил меня своим видом: он был бледен до такой степени, что казался прозрачным... В общем, вид он имел до крайности болезненный, и только глаза у него были живые и ясные, с заметным интересом смотревшие на меня — нового человека. Одет он был в белую нижнюю рубашку и покрыт до пояса одеялом. Кровать его стояла у правой от входа стены, тотчас за аркой. Около его кровати стояло кресло, в котором сидела Александра Феодоровна, одетая в свободное платье, помнится, темно-сиреневого цвета. Никаких драгоценных украшений на Александре Феодоровне, а равно и дочерях, я не заметил. Обращал внимание высокий рост Александры Феодоровны, манера держаться, манера, которую нельзя иначе назвать как "величественной". Она сидела в кресле, но вставала бодро и твердо каждый раз, когда мы входили и уходили, а равно и когда я по ходу Богослужения преподавал "мир всем", читал Евангелие или мы пели наиболее важные молитвословия. Рядом с креслом Александры Феодоровны, дальше по правой стене, стали обе ее младшие дочери, а затем сам Николай Александрович. Старшие дочери стояли в арке, а, отступая от них, уже за аркою, в зале стояли: высокий пожилой господин и какая-то дама (мне потом объяснили, что это были доктор Боткин и состоящая при Александре Феодоровне девушка). Еще позади стояли двое служителей: тот, который принес нам кадило, и другой, внешнего вида которого я не рассмотрел и не запомнил. Комендант стоял все время в углу залы около крайнего дальнего окна на весьма, таким образом, порядочном расстоянии от молящихся. Более решительно никого ни в зале, ни в комнате за аркой не было.

Николай Александрович был одет в гимнастерку защитного цвета, в таких же брюках, при высоких сапогах. На груди был у него офицерский Георгиевский крест. Погон не было. Все четыре дочери были, помнится, в темных юбках и простеньких беленьких кофточках. Волосы у всех у них были острижены сзади довольно коротко. Вид они имели бодрый, я бы даже сказал, почти веселый.

Николай Александрович произвел на меня впечатление своей твердой походкой, своим спокойствием и особенно своей манерой пристально и твердо смотреть в глаза. Никакой утомленности или следов душевного угнетения в нем я не приметил. Показалось мне, что у него в бороде едва заметны седые волосы. Что касается Александры Феодоровны, то у нее — из всех — вид был какой-то утомленный, скорее даже болезненный.

Я забыл отметить, что всегда особенно останавливало мое внимание, эта та исключительная — я прямо скажу — почтительность к носимому мною священному сану, с которой отдавали каждый раз поклон все члены семьи Романовых в ответ на мое молчаливое им приветствие при входе в зал и затем по окончании Богослужения.

Богослужение — Обедницу — мы совершали перед поставленным среди комнаты за аркой столом. Стол этот был покрыт шелковой скатертью с разводами в древнерусском стиле. На этом столе в стройном порядке и обычной для церкви симметрии стояло множество икон. Тут были небольшого, среднего и совсем малого размера складни, иконки в ризах — все это редкой красоты по своему выдержанному древнему стилю и по своей выделке. Заметил я еще икону Богоматери, которая при служении 20 мая занимала центральное место. Икона эта, видимо, очень древняя. Боюсь утверждать, но мне думается, что изображение это то, которое именуется "Феодоровской". Икона была в золотой ризе, без камней.

Став на свое место перед столом с иконами, мы начали Богослужение, причем диакон говорил прошения ектений, а я пел. Мне подпевали два женских голоса (думается, Татьяна Николаевна и еще кто-то из них), порой подпевал низким басом и Николай Александрович (так он пел, например, "Отче наш" и др.). Богослужение прошло бодро и хорошо, молились они очень усердно. По окончании Богослужения я сделал обычный отпуст со святым крестом и на минуту остановился в недоумении: подходить ли мне с крестом к молившимся, чтобы они приложились, или этого не полагается, и тогда бы своим неверным шагом я, может быть, создал в дальнейшем затруднения в разрешении Семье Романовых удовлетворять богослужением свои духовные нужды? Я покосился на коменданта, что он делает и как относится к моему намерению подойти с крестом. Показалось мне, что и Николай Александрович бросил быстрый взгляд в сторону коменданта. Последний стоял на своем месте, в дальнем углу и спокойно смотрел на нас. Тогда я сделал шаг вперед, и одновременно твердыми и прямыми шагами, не спуская с меня пристального взгляда, первым подошел ко кресту и поцеловал его Николай Александрович, за ним подошла Александра Феодоровна и все четыре дочери, а к Алексею Николаевичу, лежавшему в кровати, я подошел сам. Он на меня смотрел такими живыми глазами, что я подумал: "Сейчас он непременно что-нибудь да скажет", но Алексей Николаевич молча поцеловал крест. Ему и Александре Феодоровне отец диакон дал по просфоре, затем подошли ко кресту доктор Боткин и названные служащие — девушка и двое слуг".

Условия жизни в "доме особого назначения" были гораздо тяжелее, чем в Тобольске. Стража состояла из 12-ти солдат, которые жили в непосредственной близости от узников, ели с ними за одним столом. Пищу для Царственных узников первое время приносили из советской столовой, находящейся на Главном проспекте; носила пищу женская прислуга столовой, передавая таковую, не входя в дом, красноармейцам, которые уже передавали ее узникам. Пища приносилась или недоваренная, или переваренная и всегда холодная, ибо пока ее несли, да пока передавали

красноармейцы, за это время она остывала. Пища эта приносила только вред для слабых организмов страдальцев. Спустя долгое время, когда узники совершенно не могли принимать эту пищу, с трудом было разрешено готовить для них еду в квартире заключения их повару. Нередко были такие печальные случаи: жестокие охранники половину пищи съедят, добавят холодной водой, насыплют табаку, а иногда наплюют, затем в таком виде передадут страдальцам, предварительно обругав их как могут. При таком отношении часто приходилось страдальцам оставаться без пищи. Комиссар Авдеев, закоренелый пьяница, ежедневно изощрялся вместе со своими подчиненными в измышлении новых унижений для заключенных. Приходилось мириться с лишениями, переносить издевательства и подчиняться требованиям этих грубых и низких людей.

Вместе с Царской Семьей оставались лишь доктор Евгений Боткин, который окружил узников заботой и был посредником между ними и комиссарами, пытаясь защищать их от грубости стражи, и несколько слуг испытанной верности: Анна Демидова, И.М. Харитонов, А.Е. Трупп и мальчик Леня Седнев.

Вера заключенных поддерживала их мужество, давала им силу и ясность в страданиях. Все они понимали возможность скорого конца. Даже у Цесаревича как-то вырвалась фраза: "Если будут убивать, только бы не мучили". Государыня и Великие Княжны часто пели церковные песнопения, которые против воли слушал их караул. В почти полной изоляции от внешнего міра, окруженные грубыми и жестокими охранниками, узники Ипатьевского дома проявляют удивительное благородство и ясность духа. Их мысли и чувства выражены в стихотворении "Молитва", написанных рукой Великой Княжны Ольги Николаевны:

Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.

Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейство ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.

И в дни мятежного волненья,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбленья,
Христос Спаситель, помоги.

Владыка міра, Бог вселенной,
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый страшный час.

И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов.

В одном из писем Ольги Николаевны есть такие строки: "Отец просит передать всем тем, кто ему остался предан, и тем, на кого они могут иметь влияние, чтобы они не мстили за него, так как он всех простил и за всех молится, и чтобы не мстили за себя, и чтобы помнили, что то зло, которое сейчас в міре, будет еще сильней, но что не зло победит зло, а только любовь".

Даже грубые стражи понемногу смягчились в общении с заключенными. Они были удивлены их простотой, их покорила полная достоинства душевная ясность, и они вскоре почувствовали превосходство тех, кого думали держать в своей власти. Смягчился даже сам комиссар Авдеев. Такая перемена не укрылась от глаз большевистских властей. Авдеев был смещен и заменен Янкелем Юровским, стража заменена австро-германскими пленными и выбранными людьми из числа палачей "чрезвычайки" — "дом особого назначения" стал как бы ее отделением. Жизнь его обитателей превратилась и сплошное мученичество.

Государь наружно владел собой, показывая окружающим бодрый вид, стараясь скрыть свои тяжелые душевные переживания. Он страдал не только за свою горячо любимую Семью, но и за Россию, быстро толкаемую ложными благодетелями народа на край пропасти. За это тяжкое время бурь и волнений Государь сильно похудел, постарел, начиная уже седеть. Вид его лица был хотя худой, с морщинами и бледный, но светлый и благообразный, как вид древнего христианского затворника. На Императрицу все пережитое повлияло еще больше, она совершенно похудела и постарела, и седых волос у нее появилось больше, чем у Государя. Она так высохла, что остались, как говорится, кожа да кости. С таким худым и бледным, но вместе с тем благообразным видом лица можно было встретить не Царицу Великой Империи, а в древние времена самоотверженную инокиню-пустынницу. В самом деле, разве легко было ей все прошедшее пережить, перестрадать и еще остаться живой с пороком сердца! Только чудом Божиим она осталась после всего этого живой.

Человеку, с детства привыкшему к грубой обстановке жизни, бывает не так трудно переносить сильные толчки безпощадной судьбы, скорби и

страданий, чем тем, которым суждено годы юности и молодости провести в более нежной жизненной обстановке. Бог определяет Небесную награду не по количеству труда, а по тяжести этого труда и страдания. Трудно себе представить такого человека, как Государь, который, будучи первым человеком не только в России, но во всем міре от рождения, после всего этого сделался самым жалким узником и страдальцем, которого обижали все, кто мог и как желал. Все это пережить и перенести есть чудо из чудес невидимой силы Божией. Если история Церкви говорит как о величайшем примере смирения о добровольном лишении жизненных удобств Сербского Царя Симеона, отца преподобного Саввы Сербского, то насколько величественнее подвиг смирения при жизненных невзгодах Государя и его Семьи. Много мы знаем из церковной истории многострадальных праведных семейств, но все их страдания вряд ли могут равняться по своей тяжести и продолжительности с страданиями наших современных величайших в истории Христианства мучеников.

Жизнь показала Царственным страдальцам, насколько мирские блага скоротечны, подобны исчезающему дыму; они проходят в настоящей жизни. Былые их слава и могущество заменились безславием; довольство благами земными — скудостью и голодом; почести и власть — унижением и поношением. Царский дворец заменил угрюмый дом заключения с печальным мраком полусвета; былые восторги и ликования народа сменили поношения, укоризны и поругания.

В это время тайной офицерской организацией в г. Екатеринбурге была предпринята попытка спасения Царской Семьи. Но Царь отказался, заявив, что не желает повредить охранникам, которые будут сурово наказаны большевиками в случае побега Семьи.

1(14) июля 1918 года отцом Иоанном Сторожевым было совершено последнее Богослужение в Ипатьевском доме. Отец Иоанн пишет: "Наружный часовой, видимо, был предупрежден, так как при нашем приближении сказал через окошко внутрь ограды: "Священник пришел". Я обратил внимание на совершенно необычное для уст красных наименование "священник" и, всмотревшись в говорившего, заметил, что как он, так и вообще постовые на этот раз как-то выглядят интеллигентнее того состава, который я видел 20 мая. По-прежнему внутри за забором, на площадках лестницы и в доме было много вооруженных молодых людей, несших караул.

Едва мы переступили через калитку, как я заметил, что из окна комендантской на нас выглянул Юровский... На этот раз нас провели в дом прямо через парадную дверь, а не через двор. Когда мы вошли в комендантскую комнату, то нашли здесь такой же безпорядок, пыль и запустение, как и раньше. Юровский сидел за столом, пил чай и ел хлеб с маслом. Какой-то другой человек спал, одетый, на кровати. Войдя в

Святые Царственные мученики

комнату, я сказал Юровскому: "Сюда приглашали духовенство, мы явились. Что мы должны делать?" Юровский, не здороваясь и в упор рассматривая меня, сказал: "Обождите здесь, а потом будете служить Обедницу"... Когда мы облачились и было принесено кадило с горящими углями, Юровский пригласил нас в зал для служения. Вперед в зал прошел я, затем диакон и Юровский. Одновременно из двери, ведущей во внутренние комнаты, вышел Николай Александрович с двумя дочерьми, но которыми именно — я не успел рассмотреть. Мне показалось, что Юровский спросил Николая Александровича: "Что, у вас все собрались?" (Поручиться, что именно так он выразился, я не могу.) Николай Александрович ответил твердо: "Да, все".

Впереди, за аркой, уже находились Александра Феодоровна с двумя дочерьми и Алексеем Николаевичем, который сидел в кресле-каталке, одетый в куртку, как мне показалось, с матросским воротником. Он был бледен, но уже не так, как при первом моем служении, вообще выглядел бодрее. Более бодрый вид имела и Александра Феодоровна, одетая в то же платье, как и 20 мая. Что касается Николая Александровича, то на нем был такой же костюм, как и в первый раз. Только я не могу ясно себе представить, был ли на этот раз на груди его Георгиевский крест. Татьяна Николаевна, Ольга Николаевна, Анастасия Николаевна и Мария Николаевна были одеты в черные юбки и белые кофточки. Волосы у них на голове (помнится, у всех одинаково) подросли, и теперь доходили сзади до уровня плеч.

Мне показалось, что как Николай Александрович, так и все его дочери на этот раз были — я не скажу — в угнетении духа, но все производили впечатление как бы утомленных. Члены семьи Романовых и на этот раз разместились во время Богослужения так же, как и 20 мая.

За аркой, в зале, стояли доктор Боткин, девушка и трое слуг: один высокого роста, другой — низенький, полный (мне показалось, что он крестился, складывая руку, как принято в Католической Церкви), и третий — молодой мальчик. В зале, у того же дальнего угольного окна, стоял Юровский. Больше за Богослужением в этих комнатах никого не было.

Стол с иконами, обычно расположенными, стоял на своем месте: в комнате за аркой. Впереди стола, ближе к переднему углу, поставлен был большой цветок, и мне казалось, что среди ветвей его помещена икона, именуемая "Нерукотворный Спас", обычного письма, без ризы.

Став на свое место, мы с диаконом начали последование Обедницы. По чину Обедницы положено в определенном месте прочесть молитвословие "Со святыми упокой". Почему-то на этот раз диакон, вместо прочтения, запел эту молитву, стал петь и я, несколько смущенный таким отступлением от устава. Но, едва мы запели, как я услышал, что стоявшие позади нас члены Семьи Романовых опустились на колени, и здесь

вдруг ясно ощутил я то высокое духовное утешение, которое дает разделенная молитва.

Еще в большей степени дано было пережить это, когда в конце Богослужения я прочел молитву к Богоматери, где в высоко поэтических, трогательных словах выражается мольба страждущего человека поддержать его среди скорбей, дать ему силы достойно нести ниспосланный от Бога крест.

После Богослужения все приложились к св. кресту, причем Николаю Александровичу и Александре Феодоровне отец диакон вручил по просфоре. (Согласие Юровского было заблаговременно дано.) Когда я выходил и шел очень близко от бывших Великих Княжон, мне послышались едва уловимые слова: "Благодарю". Не думаю, чтобы это мне только показалось.

Молча дошли мы с отцом диаконом до здания Художественной школы, и здесь вдруг отец диакон сказал мне: "Знаете, отец протоиерей, — у них там чего-то случилось". Так как в этих словах отца диакона было некоторое подтверждение вынесенного и мною впечатления, то я даже остановился и спросил, почему он так думает? "Да так. Они все какие-то другие точно. Да и не поет никто". А надо сказать, что действительно за Богослужением 1 (14) июля впервые (отец диакон присутствовал при всех пяти служениях, совершенных в доме Ипатьевых) никто из семьи Романовых не пел вместе с нами".

Приближались трагические часы... Приготовления к казни делаются в строжайшей тайне от ничего не подозревающих узников. Из дома удаляют маленького Леонида Седнева.

По-видимому, наиболее ясно предвидит возможность скорой развязки доктор Боткин. Об этом свидетельствует его последнее письмо другу, где он пишет: "Не думаю, чтобы мне суждено было когда-нибудь, откуда-нибудь еще писать. Мое добровольное заточение здесь настолько временем не ограничено, насколько ограничено мое земное существование. В сущности, я умер — умер для своих детей, для друзей, для дела... Я умер, но еще не похоронен, или заживо погребен, — как хочешь: последствия почти тождественны... Меня поддерживает убеждение, что "претерпевший до конца, тот и спасется". Письмо это так и не было дописано...

4-го июля (17-го по новому ст.) в екатеринбургских газетах появилось объявление уральского облсовета рабочих и красноармейских депутатов, гласившее, что "президиум совета постановил: расстрелять бывшего Царя Николая Романова... Семья же Николая Романова в ограждение безопасности вывезена в надежное место". Как "ограждалась безопасность" Семьи, мы узнаем дальше.

Об этом сообщает сам Юровский, фактический палач Царской Семьи, хотя обер-палачи находились в Москве: Ленин, Свердлов, Троцкий-Бронштейн. Именно из Москвы пришел приказ о расправе над Государем, Императрицей, Царскими Детьми и их верными слугами. Ведь палач лишь исполняет приговор судьи.

Самозванные судьи направили приказ палачам поздно вечером, так что екатеринбургская чрезвычайка получила его в половине второго ночи с 3 на 4 июля (16 — 17 по нов. ст.). Юровский рассказывал:

"16.7 была получена телеграмма из Перми на условном языке, содержащая приказ об истреблении Романовых. 16-го в шесть часов вечера Филипп Голощекин предписал привести приказ в исполнение. В 12 часов должна была приехать машина для отвоза трупов.

В шесть часов увезли мальчика (Седнева), что очень обезпокоило Романовых и их людей. Приходил д-р Боткин спросить, чем это вызвано? Было объяснено, что дядя мальчика, который был арестован, потом бежал, теперь опять вернулся и хочет увидеть племянника. Мальчик на следующий день был отправлен на родину (кажется, в Тульскую губернию). Грузовик в 12 часов не пришел, пришел только в $^1/_2$ второго. Это отсрочило приведение приказа в исполнение. Тем временем были сделаны все приготовления, отобрано 12 человек [в т.ч. семь (исправлено на "шесть")] латышей с наганами, которые должны были привести приговор в исполнение. 2 из латышей отказались стрелять в девиц.

Когда приехал автомобиль, все спали. Разбудили Боткина, а он всех остальных. Объяснение было дано такое: "Ввиду того, что в городе неспокойно, необходимо перевести семью Романовых из верхнего этажа в нижний". Одевались $^1/_2$ часа. Внизу была выбрана комната с деревянной оштукатуренной перегородкой (чтобы избежать рикошетов), из нее была вынесена вся мебель. Команда палачей была наготове в соседней комнате. Романовы ни о чем не догадывались. Комендант отправился за ними лично, один, и свел их по лестнице в нижнюю комнату. Николай нес на руках Алексея, остальные несли с собой подушечки и разные мелкие вещи. Войдя в пустую комнату, Александра Феодоровна спросила: "Что же, и стула нет? Разве и сесть нельзя?" Комендант велел внести два стула. Николай посадил на один Алексея, на другой села Александра Феодоровна. Остальным комендант велел встать в ряд. Когда встали, — позвали команду палачей. Когда вошла команда, комендант сказал Романовым, что ввиду того, что их родственники в Европе продолжают наступление на Советскую Россию, Уралисполком постановил их расстрелять. Николай повернулся спиной к команде, лицом к семье, потом, как бы опомнившись, обернулся к коменданту с вопросом: «Что, что?» Комендант наскоро повторил и приказал команде готовиться. Команде заранее было указано, кому в кого стрелять, и приказано целить прямо в сердце, чтоб избежать большо-

го количества крови и покончить скорее. Николай больше ничего не произнес, опять обернувшись к семье, другие произнесли несколько несвязных восклицаний, все длилось несколько секунд. Затем началась стрельба, продолжавшаяся две-три минуты. Николай был убит самим комендантом наповал. Затем сразу же умерли Александра Феодоровна и люди Романовых (всего было расстреляно 12 человек): Николай, Александра Феодоровна, Наследник Алексей, 4 дочери — Татьяна, Ольга, Мария и Анастасия, д-р Боткин, лакей Трупп, повар Тихомиров, имеется в виду Харитонов, еще повар и фрейлина, фамилию которой комендант забыл (имеется в виду Демидова, комнатная девушка царицы.).

Алексей, три его сестры, фрейлина и Боткин были еще живы. Их пришлось пристреливать. Это удивило коменданта, т. к. целили прямо в сердце. Удивительно было и то, что пули от наганов отскакивали от чего-то твердого и, как град, прыгали по комнате. Когда одну из девиц пытались доколоть штыком, то штык не мог пробить корсаж. В силу этого, вся процедура, считая «проверку» (щупанье пульса и т. д.), взяла минут 20.

Все дочери Государя умерли в тяжких мучениях, а не сразу. Цесаревич, страдавший много лет от приступов гемофилии, и умер в муках. Дольше всех мучилась комнатная девушка Императрицы, Анна Демидова. Отбиваясь подушкой от кровавого интернационала, в который входили евреи, русские и мадьяры, бедная женщина взмолилась:

— Не убивайте, миленькие! За что?

Но "миленькие", опьяневшие от крови, нанеся девушке множество ударов штыком, заставили ее умолкнуть.

По приказанию Юровского тела убитых были вынесены из комнаты, положены на грузовой автомобиль на разостланное серое солдатское сукно и покрыты таким же сукном. С убитых все ценное обобрано и передано Юровскому. Пол в комнате, где совершено убийство, приказано красноармейцам ночью же вымыть, а также замыть кровь на парадном крыльце, в ограде и где стоял автомобиль.

Дальше было урочище Четырех братьев в окрестностях Екатеринбурга, расчленение тел, кострища. Незначительные останки Царской Семьи, уцелевшие после "работы адовой", были вывезены и захоронены в болоте. К такому выводу пришел следователь Н. А. Соколов.

Юровский же утверждает, что лишь на третий день, 5(18) июля, трупы Царской Семьи были погружены на автомобиль, чтобы отвезти их к шахтам. Машина застряла в лесу, там труп Наследника и Анны Демидовой, приняв ее за Императрицу, сожгли, для остальных вырыли братскую могилу, облили тела серной кислотой. Засыпав их землей и хворостом, "сверху наложили шпалы и несколько раз проехали — следов ямы и здесь не осталось. Секрет был сохранен вполне — этого места погребения белые, войдя в Екатеринбург, не нашли.

Один из злодеев рассказывал, что Семья была спокойна и никакой опасности не ожидала. Вряд ли последнее верно. А покойны они были духом потому, что крепка была их вера: "**Господь пасет мя, и ничтоже мя лишит. На месте злачне, тамо всели мя, на воде покойне воспита мя. Душу мою обрати, настави мя на стези правды, имене ради Своего. Аще бо и пойду посреде сени смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мной еси...**" И к встрече с Всевышним были давно готовы.

Что покойные духом были мученики, сомнений нет, но чтобы они не знали, что их повели на смерть, этого быть не могло. Они ясно видели, зачем их ночью разбудили и привели в глухую комнату. Почему они были покойны духом? Потому что им был Бог прибежищем и силой, Помощником в эти трагические минуты (*Псал. 45,1—3*). Они имели надежду высшую, которая могущественнее всякой земной силы. Имеющий эту надежду и пред лицом смерти не поддается малодушию, но до последней минуты сохраняет присутствие духа.

"Государь и Государыня верили, что умирают мучениками за свою Родину, — пишет один из свидетелей их жизни в заточении, воспитатель Наследника Пьер Жильяр, — они умерли мучениками за человечество. Их истинное величие проистекало не из их царского сана, а от той удивительной нравственной высоты, до которой они постепенно поднялись. Они сделались идеальной силой. И в самом своем уничижении они были поразительным проявлением той удивительной ясности души, против которой безсильны всякое насилие и всякая ярость и которая торжествует в самой смерти".

Вскоре после того, как было объявлено о расстреле Государя, Св. Патриарх Тихон благословил архипастырей и пастырей совершать о Нем панихиды. Сам Святейший 8 (21) июля 1918 года во время Богослужения в Казанском соборе в Москве сказал: "...На днях свершилось ужасное дело: расстрелян бывший Государь Николай Александрович... Мы должны, повинуясь учению Слова Божия, осудить это дело, иначе кровь расстрелянного падет и на нас, а не только на тех, кто совершил его. ...Мы знаем, что он, отрекшись от Престола, делал это, имея в виду благо России и из любви к ней. Он мог бы после отречения найти себе безопасность и сравнительно спокойную жизнь за границей, но не сделал этого, желая страдать вместе с Россией. Он ничего не предпринимал для улучшения своего положения, безропотно покорился судьбе..."

И все же не без Высшего Промысла произошло убиение Царя и Его Семьи. "Для русского народа... в насильственной, мученической смерти Николая II свершилось чудо <...> как чудо последнего искушения диаволом уже распятого Христа: «Если ты Сын Божий — сойди с Креста».

Если бы Он сошел с Креста, сохранилась бы Божественность идеи Его призвания на земле?.. Если бы Николай II не погиб насильственно, а спасся, бежал бы после отречения за границу, сохранилась ли бы тогда историческая целость идеи... русского народа, олицетворяемой в Государе, Помазаннике Божием?" — вопрошает М. К. Дитерихс. Действительно, как гражданин, Николай Романов не был опасен ни для кого. Но как Помазанник Божий (а Он был олицетворением той России — Святой Руси, являвшейся хранительницей Православия, — против которой они боролись), он был опасен как "февралистам", так и изуверам — "октябристам". Они так боялись имени "Романовы", что уничтожили всех членов дома Романовых, которые попали им в лапы.

Но самым парадоксальным является то , что возможность этой трагедии, впоследствии потрясшей весь мір, сложилась в результате усилий окружения Великого Князя в недрах армии, в широких слоях народа, — а уж об "образованщине" и говорить нечего — возникло неистребимое чувство ненависти к Императрице и Императору. Именно этого-то и добивались враги русского народа.

Напрашивается невольный вывод, что главными убийцами Государя Императора, Императрицы, Царских Детей и слуг были не палачи Юровский и Компания и даже не Ленин со Свердловым, а князья Орловы, о. шавельские, Николаи Николаевичи с их родней и челядью. Такого же мнения придерживается и значительная часть объективно относящихся к себе эмигрантов.

М. Арцыбашев признавал:

"Интеллигенция почти сплошь была проникнута революционными идеями. Бунтарский дух бродил даже по аристократическим салонам, где хорошим тоном считалось быть в оппозиции двору... И в час гибели у несчастного последнего царя не оказалось защитников, но зато в изобилии нашлись тюремщики и палачи. ...Народ остался равнодушен к судьбе империи... Он... грабил, убивал, но все это относилось вовсе не к монархии, а к его собственным счетам и расчетам". Писатель считал себя врагом Императора, тем ценнее его признания. "Много было темного и страшного в истории русских царей. Но все они — и этого никто не посмеет отрицать — чувствовали себя ответственными за судьбы России. Они... могли совершать величайшие ошибки, но ни один из них не мог предать Россию... И последний русский царь, даже уже лишенный Престола, даже уже примирившийся со своею участью,.. не мог даже и помыслить о том, чтобы ценою позора России спастись от... гибели. И когда он узнал о большевистском перевороте, когда понял, что близится его собственный конец, он ничего другого не мог записать в свой дневник, кроме краткой и горячей молитвы: Боже, спаси Россию!"

Царственные мученики, дыша отныне Небесным воздухом любви, скорбят за нас, молят Бога, дабы мы вновь правду полюбили и Бога не забыли. Они теперь за дорогую им Россию крепкие заступники и, верится, не оставят свою Отчизну в несчастии своем.

Они, сняв с себя тленные земные короны, увенчаны Христом нетленными райскими венцами не из злата земного, а из неувядаемых райских цветов.

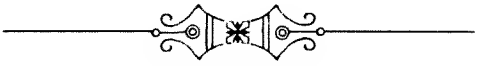
"Вспомни, Господи, поношение рабов Твоих, которое я переносил в груди моей от многих народов, коим поносили враги Твои, Господи, коим поносили перемену с Помазанником Твоим! — Благословен Господь во век! Да будет, да будет" (*Псал. 88, 51—53*).

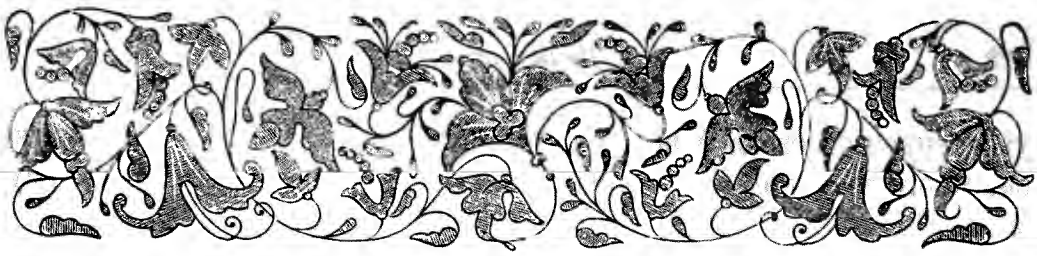
Кондак

Проповедуют концы вселенныя славу твою, во всю землю изыде вещание твое: Несть тоя жертвы, юже не принесл быx за благо Отечества моего, научая тем люди твоя покаянно пети Богу: Аллилуиа.

Кондак

О священное главо, Помазанниче Божий, мучениче святый Царю Николае, призри на царство твое земное и на люди твоя и умолФи Вседержителя, да не внидет в суд с нами, но да подаст нам велие прощение, востание от падения и Царства Православнаго воскресение, вопиющим непрестанно: Аллилуиа.





День пятый

ЖИТИЕ
СВЯТОЙ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦЫ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ
ЕЛИСАВЕТЫ
И ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦЫ
ВАРВАРЫ [1)]

Святая преподобномученица Великая Княгиня Елисавета Феодоровна была вторым ребенком в семье Великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвига IV и принцессы Алисы, дочери королевы Английской Виктории. Еще одна дочь этой четы — Алиса — стала впоследствии Императрицей Российской Александрой Феодоровной.

Дети воспитывались в традициях старой Англии, их жизнь проходила по строгому распорядку, установленному матерью. Одежда и еда детей были самыми простыми. Старшие дочери сами выполняли домашнюю работу: убирали комнаты, постели, топили камин. Впоследствии Елисавета Феодоровна говорила: "В доме меня научили всему". Мать внимательно следила за развитием талантов и наклонностей каждого из семерых детей и старалась воспитать их на твердой основе христианских заповедей, вложить в сердца любовь к ближним[2]), особенно к страждущим. Елисавета с детства любила природу и особенно цветы, которые с

---

[1]) Причислены к лику святых Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в 1992 г. Память празднуется в день их кончины 5 (18) июля.

[2]) Мать принцессы Алисы — королева Виктория, отвечая на вопрос одного американца, в чем заключается главная сила Англии, показала ему Библию, сказав: "В этой небольшой книге".

увлечением рисовала. У нее был художественный дар, и всю свою жизнь она много времени уделяла рисованию. Любила она и классическую музыку.

Родители Елисаветы Феодоровны потратили большую часть своего состояния на благотворительные нужды, и дети постоянно ездили с матерью в госпитали, приюты, дома для инвалидов.

Все, знавшие Елисавету с детства, отмечали ее любовь к ближним. Как говорила впоследствии сама Елисавета Феодоровна, на нее еще в самой ранней юности имели огромное влияние жизнь и подвиги Елисаветы Тюрингенской[1]) — одной из ее предков, в честь которой она и была названа.

В 1873 году на глазах у матери разбился насмерть трехлетний брат Елисаветы Фридрих. В 1876 году в Дармштадте началась эпидемия дифтерита, заболели все дети, кроме Елисаветы. Мать просиживала ночи у постелей заболевших детей. Вскоре умерла четырехлетняя Мария, а вслед за ней заболела и умерла сама Великая Герцогиня в возрасте тридцати пяти лет.

В тот год закончилась для Елисаветы пора детства. В горе она стала еще чаще и усерднее молиться. Она поняла, что жизнь на земле — это крестный путь. Она всеми силами старалась облегчить горе отца, поддержать его, утешить, а младшим своим сестрам и брату в какой-то мере заменить мать.

На двадцатом году жизни принцесса Елисавета стала невестой Великого Князя Сергея Александровича, пятого сына Императора Александра II, брата Императора Александра III. Она познакомилась с будущим супругом в детстве, когда он приезжал в Германию со своей матерью, Императрицей Марией Александровной, также происходившей из Гессенского дома. До этого все претенденты на ее руку получали отказ.

Вся семья сопровождала принцессу Елисавету на ее свадьбу в Россию. Вместе с ней приехала и двенадцатилетняя сестра Алиса, которая встретила здесь своего будущего супруга, цесаревича Николая Александровича.

Венчание состоялось в церкви Зимнего дворца в Санкт-Петербурге.[2]) Великая Княгиня напряженно занималась русским языком, желая глубже изучить культуру и, особенно, веру своей новой родины.

Великая Княгиня Елисавета была ослепительно красива. В те времена говорили, что в Европе есть только две красавицы и обе — Елиса-

---

[1]) Елизавета Тюрингенская, канонизированная католиками, жила в эпоху Крестовых походов. Она отличалась глубокой религиозностью и самоотверженной любовью к людям. Всю свою жизнь она посвятила служению делу милосердия.

[2]) Для принцессы, выходящей замуж за Великого Князя, не обязательным было переходить в Православие.

Преподобномученица
Великая Княгиня ЕЛИСАВЕТА

веты: Елизавета Австрийская, супруга императора Франца-Иосифа, и Елисавета Феодоровна. Великий Князь Константин Константинович Романов посвятил Елисавете Феодоровне стихотворение. Оно написано в 1884 году.

Я на тебя гляжу, любуясь ежечасно:
Ты так невыразимо хороша!
О, верно, под такой наружностью прекрасной
Такая же прекрасная душа!
Какой-то кротости и грусти сокровенной
В твоих очах таится глубина;
Как Ангел, ты тиха, чиста и совершенна,
Как женщина — стыдлива и нежна.
Пусть на земле ничто средь зол и скорби многой
Твою не запятнает чистоту.
И всякий, увидав тебя, прославит Бога,
Создавшего такую красоту!

К.Р.

Большую часть года Великая Княгиня жила с супругом в их имении Ильинское в шестидесяти километрах от Москвы, на берегу Москвы-реки. Она любила Москву с ее старинными храмами, монастырями и патриархальным бытом. Сергей Александрович был глубоко религиозным человеком, жил по Уставам Святой Церкви, строго соблюдал посты, часто посещал Богослужения, ездил в монастыри. Великая Княгиня везде следовала за своим мужем и полностью выстаивала долгие церковные службы.

В православных храмах она испытывала удивительное чувство — таинственное и благодатное, так непохожее на то, что чувствовала она в протестантской кирхе. Она видела радостное состояние Сергея Александровича после принятия им Святых Таин Христовых, и ей самой захотелось подойти к Святой Чаше, чтобы разделить эту радость. Елисавета Феодоровна стала просить мужа достать ей книги духовного содержания, православный катехизис и толкование Писания, чтобы умом и сердцем постичь, какая же вера истинна.

В 1888 году Император Александр III поручил Сергею Александровичу быть его представителем на освящении храма святой Марии Магдалины в Гефсимании, построенного на Святой Земле в память их матери, Императрицы Марии Александровны. Сергей Александрович уже был на Святой Земле в 1881 году, когда участвовал в основании Православного Палестинского Общества и стал председателем его. Это общество собирало средства для паломников в Святую Землю, для помощи Русской Миссии в Палестине, для расширения миссионерской работы,

для приобретения земель и памятников, связанных с жизнью Спасителя. Узнав о возможности посетить Святую Землю, Елисавета Феодоровна восприняла это как указание Божие и молилась о том, чтобы там, у Гроба Господня, Спаситель Сам открыл ей Свою волю.

Великий Князь Сергей Александрович с супругой прибыл в Палестину в октябре 1888 года. Храм святой Марии Магдалины был построен в Гефсиманском саду у подножия Елеонской горы. Этот пятиглавый храм с золотыми куполами — и до сего дня один из красивейших храмов Иерусалима. На вершине Елеонской горы высилась огромная колокольня, прозванная "русской свечой". Увидев эту красоту и почувствовав присутствие на этом месте благодати Божией, Великая Княгиня сказала: "Как я хотела бы быть похороненной здесь". Тогда она не знала, что произнесла пророчество, которому суждено было исполниться. В дар храму святой Марии Магдалины Елисавета Феодоровна привезла драгоценные сосуды, Евангелие и воздухи.

После посещения Святой Земли Великая Княгиня Елисавета Феодоровна твердо решила перейти в Православие. От этого шага ее удерживал страх причинить боль своим родным и, прежде всего, отцу. Наконец, 1 января 1891 года она написала отцу письмо о своем решении принять православную веру. Мы приведем его почти полностью, из него видно, какой путь прошла Елисавета Феодоровна:

"...А теперь, дорогой Папа, я хочу что-то сказать Вам и умоляю Вас дать Ваше благословение.

Вы должны были заметить, какое глубокое благоговение я питаю к здешней религии с тех пор, как Вы были здесь в последний раз, более полутора лет назад. Я все время думала и читала, и молила Бога указать мне правильный путь, и пришла к заключению, что только в этой религии я могу найти всю настоящую и сильную веру в Бога, которую человек должен иметь, чтобы быть хорошим христианином. Это было бы грехом — оставаться так, как я теперь: принадлежать к одной Церкви по форме и для внешнего мира, а внутри себя молиться и верить так, как и мой муж. Вы не можете себе представить, каким он был добрым: никогда не старался принудить меня никакими средствами, предоставляя все это совершенно одной моей совести. Он знает, какой это серьезный шаг, и что надо было быть совершенно уверенной, прежде чем решиться на него. Я бы это сделала даже и прежде, только мучило меня то, что этим я причиняю Вам боль. Но Вы, разве Вы не поймете, мой дорогой Папа?

Вы знаете меня так хорошо, Вы должны видеть, что я решилась на этот шаг только по глубокой вере и что я чувствую, что пред

Богом я должна предстать с чистым и верующим сердцем. Как было бы просто — оставаться так, как теперь, но тогда как лицемерно, как фальшиво это было бы, и как я могу лгать всем — притворяясь, что я протестантка во всех внешних обрядах, когда моя душа принадлежит полностью религии Православной. Я думала и думала глубоко обо всем этом, находясь в этой стране уже более шести лет и зная, что религия найдена. Я так сильно желаю на Пасху причаститься Святых Таин вместе с моим мужем. Возможно, что это покажется внезапным, но я думала об этом уже так долго, и теперь, наконец, я не могу откладывать этого. Моя совесть мне этого не позволяет. Прошу, прошу по получении этих строк простить Вашу дочь, если она Вам доставит боль. Но разве вера в Бога и вероисповедание не являются одним из главных утешений этого міра? Пожалуйста, протелеграфируйте мне только одну строчку, когда Вы получите это письмо. Да благословит Вас Господь. Это будет такое утешение для меня, потому что я знаю, что будет много неприятных моментов, так как никто не поймет этого шага. Прошу только маленькое ласковое письмо".

Отец не послал дочери желаемой телеграммы с благословением, а написал письмо, в котором говорил, что решение ее приносит ему боль и страдания и что он не может дать благословения.

Тогда Елисавета Феодоровна проявила мужество и, несмотря на моральные страдания, не поколебалась в решении перейти в Православие. Вот еще несколько отрывков из ее писем близким:

"...Моя совесть не позволяет мне продолжать в том же духе — это было бы грехом, я лгала все это время, оставаясь для всех в моей старой вере... Это было бы невозможным для меня — продолжать жить так, как я раньше жила... Даже по-славянски я понимаю почти все, хотя никогда не учила этот язык. Ты говоришь..., что внешний блеск церкви очаровал меня. В этом ты ошибаешься. Ничто внешнее не привлекает меня, и не Богослужение — но основа веры. Внешнее только напоминает мне о внутреннем... Я перехожу из чистого убеждения, чувствую, что это самая высокая религия и что я сделаю это с верой, с глубоким убеждением и уверенностью, что на это есть Божие благословение".

12(25) апреля в Лазареву субботу было совершено Таинство Миропомазания Великой Княгини Елисаветы Феодоровны с оставлением ей прежнего имени, но уже в честь святой праведной Елисаветы — матери святого Иоанна Предтечи, память которой Православная Церковь совершает 5(18) сентября. После Миропомазания Император Александр III благословил свою невестку драгоценной иконой Нерукотворного Спаса, с

которой Елисавета Феодоровна не расставалась всю жизнь и с ней на груди приняла мученическую кончину. Теперь она могла сказать своему супругу словами Библии: "Народ твой будет моим народом, и твой Бог — моим Богом"[1]).

В 1891 году Император Александр III назначил Великого Князя Сергея Александровича Московским генерал-губернатором. Супруга генерал-губернатора должна была исполнять множество обязанностей: шли постоянные приемы, концерты, балы. Необходимо было улыбаться гостям, танцевать и вести беседы, независимо от настроения, состояния здоровья и желания.

Жители Москвы скоро оценили милосердие Великой Княгини. Она ходила по больницам для бедных, в богадельни, в приюты для безпризорных детей. И везде старалась облегчить страдания людей: раздавала еду, одежду, деньги, улучшала условия жизни несчастных.

После переезда в Москву Елисавета Феодоровна пережила смерть близких людей — горячо любимой невестки принцессы Александры (жены Павла Александровича) и отца. Это была пора ее духовного роста. После смерти отца она с Сергеем Александровичем проехала по Волге с остановками в Ярославле, Ростове, Угличе. Во всех этих городах супруги молились в местных храмах.

В 1894 году, несмотря на множество возникших препятствий, наконец, состоялось решение о помолвке принцессы Алисы с Наследником Российского престола Николаем Александровичем. Елисавета Феодоровна радовалась тому, что любящие друг друга люди смогут стать супругами и ее сестра будет жить в дорогой сердцу Елисаветы России. Принцессе Алисе было двадцать два года, и Елисавета Феодоровна надеялась, что сестра, живя в России, поймет и полюбит русский народ, овладеет русским языком в совершенстве и сможет подготовиться к высокому служению Императрицы Российской.

Но все случилось по-иному. Невеста Наследника прибыла в Россию, когда Император Александр III лежал в предсмертной болезни. 20 октября 1894 года Император скончался. На следующий день принцесса Алиса перешла в Православие и была наречена именем Александры. Венчание Императора Николая II и Александры Феодоровны состоялось через неделю после похорон, а весной 1896 года состоялось коронование в Москве. Торжества омрачились страшным бедствием: на Ходынском поле, где раздавались подарки, началась давка — несколько тысяч людей были ранены или задавлены. Так началось это трагическое царствование — среди панихид и погребальных песнопений.

---

[1]) Кн. Руфи, гл. 1, ст. 16.

В июле 1903 года состоялось торжественное прославление преподобного Серафима Саровского. В Саров прибыла вся Императорская Семья. Императрица Александра Феодоровна молилась преподобному о даровании ей сына. Когда через год Наследник престола родился, по желанию Императорской четы престол нижней церкви, построенной в Царском Селе, был освящен во имя преподобного Серафима Саровского.

В Саров приехала и Елисавета Феодоровна с супругом. В письме из Сарова она пишет: "...Какую немощь, какие болезни мы видели, но и какую веру! Казалось, мы живем во времена земной жизни Спасителя. И как они молились, как плакали — эти бедные матери с больными детьми, — и, слава Богу, многие исцелялись. Господь сподобил нас видеть, как немая девочка заговорила, но как молилась за нее мать!"

Когда началась Русско-японская война, Елисавета Феодоровна немедленно занялась организацией помощи фронту. Одним из ее замечательных начинаний было устройство мастерских для помощи солдатам — под них были заняты все залы Кремлевского дворца, кроме Тронного. Тысячи женщин трудились за швейными машинками и рабочими столами. Огромные пожертвования поступали со всей Москвы и из провинции. Отсюда шли на фронт тюки с продовольствием, обмундированием, медикаментами и подарками для солдат. Великая Княгиня отправляла на фронт и походные церкви с иконами и со всем необходимым для совершения Богослужения; лично от себя посылала Евангелия, иконки и молитвенники.

На свои средства Великая Княгиня сформировала несколько санитарных поездов. В Москве она устроила госпиталь для раненых, который сама постоянно посещала, создала специальные комитеты по обезпечению вдов и сирот погибших на фронте солдат и офицеров.

Однако русские войска терпели одно поражение за другим. Небывалый размах в стране приобрели террористические акты, митинги, забастовки. Государственный и общественный порядок разваливался, надвигалась революция.

Сергей Александрович считал, что необходимо принять более жесткие меры по отношению к революционерам, и доложил об этом Императору, сказав, что при сложившейся ситуации не может больше занимать должность генерал-губернатора Москвы. Государь принял отставку, и супруги покинули губернаторский дом, переехав временно в Нескучное.

Тем временем боевая организация эсеров приговорила Великого Князя Сергея Александровича к смерти. Ее агенты следили за ним, выжидая удобного случая, чтобы совершить казнь. Елисавета Феодоровна знала, что супругу угрожает смертельная опасность. Она получала анонимные письма, где ее предупреждали, чтобы она не сопровождала своего мужа,

если не хочет разделить его участи. Великая Княгиня тем более старалась не оставлять его одного и, по возможности, повсюду сопровождала супруга.

5(18) февраля 1905 года Сергей Александрович был убит бомбой, брошенной террористом Иваном Каляевым. Когда Елисавета Феодоровна прибыла к месту взрыва, там уже собралась толпа. Кто-то попытался помешать ей подойти к останкам супруга, но она своими руками собрала на носилки разбросанные взрывом куски тела мужа. После первой панихиды в Чудовом монастыре Елисавета Феодоровна возвратилась во дворец, переоделась в черное траурное платье и начала писать телеграммы, и прежде всего — сестре Александре Феодоровне, прося ее не приезжать на похороны, так как террористы могли использовать этот случай для покушения на Императорскую Чету.

Когда Великая Княгиня писала телеграммы, она несколько раз справлялась о состоянии раненого кучера Сергея Александровича. Ей сказали, что положение кучера безнадежно, и он может скоро умереть. Чтобы не огорчать умирающего, Елисавета Феодоровна сняла с себя траурное платье, надела то же самое голубое, в котором была до этого, и поехала в госпиталь. Там, склонившись над постелью умирающего, она уловила его вопрос о Сергее Александровиче и, чтобы успокоить его, Великая Княгиня пересилила себя, улыбнулась ему ласково и сказала: "Он направил меня к вам". И, успокоенный ее словами, думая, что Сергей Александрович жив, преданный кучер Ефим скончался в ту же ночь.

На третий день после смерти мужа Елисавета Феодоровна поехала в тюрьму, где содержался убийца. Каляев сказал: "Я не хотел убивать Вас, я видел его несколько раз в то время, когда имел бомбу наготове, но Вы были с ним, и я не решился его тронуть". — "И Вы не сообразили того, что Вы убили меня вместе с ним?" — ответила она. Далее она сказала, что принесла ему прощение от Сергея Александровича, и просила убийцу покаяться. В руках она держала Евангелие и просила почитать его, но он отказался. Все же Елисавета Феодоровна оставила в камере Евангелие и маленькую иконку, надеясь на чудо. Выходя из тюрьмы, она сказала: "Моя попытка оказалась безрезультатной, хотя, кто знает, возможно, что в последнюю минуту он сознает свой грех и раскается в нем". После этого Великая Княгиня просила Императора Николая II о помиловании Каляева, но это прошение было отклонено.

Из Великих Князей на погребении присутствовали только Константин Константинович и Павел Александрович. Погребли Сергея Александровича в маленькой церкви Чудова монастыря, где ежедневно в течение сорока дней совершались заупокойные панихиды; Великая Княгиня присутствовала на каждой службе и часто приходила сюда

ночью, молясь о новопреставленном. Здесь она почувствовала благодатную помощь от святых мощей святителя Алексия, митрополита Московского, которого с тех пор особо почитала, и носила серебряный крестик с частицей мощей святителя[1]). Она считала, что святитель Алексий вложил в ее сердце желание посвятить Богу всю свою оставшуюся жизнь.

На месте убийства мужа Елизавета Феодоровна воздвигла памятник — крест, сделанный по проекту художника Васнецова. На памятнике были написаны слова Спасителя, сказанные Им на кресте: "Отче, отпусти им, не ведят во что творят"[2]).

С момента кончины супруга Елизавета Феодоровна не снимала траура, стала держать строгий пост, много молилась. Ее спальня в Николаевском дворце стала напоминать монашескую келию. Вся роскошная мебель была вынесена, стены перекрашены в белый цвет, на них находились только иконы и картины духовного содержания. Ни на каких светских приемах она не появлялась. Бывала только в храме на бракосочетаниях или крестинах родственников и друзей и сразу уходила домой или по делам. Теперь ее ничто не связывало со светской жизнью.

Она собрала все свои драгоценности, часть отдала в казну, часть — родственникам, а остальные решила употребить на постройку обители Милосердия. На Большой Ордынке в Москве Елисавета Феодоровна приобрела усадьбу с четырьмя домами и садом. В самом большом, двухэтажном доме расположились трапезная для сестер, кухня, кладовая и другие хозяйственные помещения, во втором — церковь и больница, рядом — аптека и амбулатория для приходящих больных, в четвертом доме находилась квартира для священника — духовника обители, классы школы для девочек приюта и библиотека.

Елисавета Феодоровна долго трудилась над составлением Устава обители. Она хотела возродить в ней древний институт диаконисс, существовавший в первые века христианства. Диакониссами в те времена могли быть вдовы или немолодые девы. Главными их обязанностями

---

[1]) Этот крест вместе с другими личиыми вещами хранится теперь в храме святой Марии Магдалины в Гефсимании в Иерусалиме.

[2]) Еванг. от Луки, гл. 23, ст. 34. Крест был сиесен новой властью весной 1918 года. В начале 1985 г. во время ремоитных работ иа Иваиовской площади Московского Кремля рабочие обнаружили хорошо сохраиившийся склеп с остаиками Великого Князя. Сотрудиики музеев Московского Кремля изъяли из захороиения все предметы из драгоцениых металлов: кольца, цепочки, медальоиы, икоиы, Георгиевский крест и иаправили их "в фондовую комиссию музеев Кремля для определения их художественной ценности и места их дальиейшего хранеиия", как записано в Акте изъятия. На месте захороиеиия Сергея Александровича устроеиа была автостоянка.

В девяностую годовщину убийства, 18 февраля 1995 года, Святейший Патриарх Алексий II отслужил панихиду в Архангельском соборе Кремля и сказал в проповеди: "Мы считаем справедливым переиести останки Великого Князя Сергея Александровича в Романовскую усыпальницу под собором Новоспасского монастыря. Вознесем же молитву, чтобы Господь упокоил его душу в Обителях Небесиых".

были: наблюдение за женщинами, вступающими в Церковь, обучение их основам веры, помощь при совершении Таинства Крещения, а также забота о бедных и больных. Во время гонений на христианство диакониссы служили мученикам и мученицам в темницах.

Архиепископ Анастасий, лично знавший Елисавету Феодоровну, вспоминает: "Одно время она серьезно думала о возрождении древнего института диаконисс, в чем ее поддержал митрополит Московский Владимір (Богоявленский, новомученик Российский † 1918 г.)". Но против этого выступил епископ Саратовский Гермоген (после революции он мученически окончил свою жизнь в Тобольске).

Елисавета Феодоровна отказалась от своей идеи, не пожелала воспользоваться своим высоким положением, чтобы обойти установленные правила и пренебречь мнением церковной власти. Случалось, что Великую Княгиню несправедливо обвиняли в протестантских тенденциях, в чем впоследствии раскаивались.

Елисавета Феодоровна продолжала трудиться над составлением Устава обители. Ездила несколько раз в Зосимову пустынь, где обсуждала проект со старцами; писала в разные монастыри и духовные библиотеки міра, изучала уставы древних монастырей. Счастливый случай, посланный Промыслом Божиим, помог ей в этих трудах.

В 1906 году Великая Княгиня прочитала книгу "Дневник полкового священника, служившего на Дальнем Востоке во весь период минувшей Русско-японской войны", написанную священником Митрофаном Серебрянским. Она пожелала познакомиться с автором и вызвала его в Москву. В результате их встреч и бесед появился проект Устава будущей обители, подготовленный отцом Митрофаном, который Елисавета Феодоровна приняла за основу.

Для совершения Богослужений и духовного окормления сестер в соответствии с проектом Устава нужен был священник женатый, но который жил бы со своей матушкой как брат с сестрой и постоянно находился бы на территории обители. Елисавета Феодоровна в письмах и при личных встречах просила отца Митрофана стать духовником будущей обители, так как он соответствовал всем требованиям Устава. Детей у супругов не было, и они по обоюдному согласию решили хранить целомудрие в браке. Отец Митрофан говорил, что это труднейший подвиг — иметь благословение жить с любимой супругой, но отсекать похоть. Только Божией милостью это возможно.

После беседы с Великой Княгиней отец Митрофан сказал, что согласен переехать в Москву и служить в новой обители. Но, возвращаясь домой, он думал о том, сколько слез ждет его там, сколько прихожан будут опечалены уходом любимого духовного отца. И он решил отка-

заться от переезда в Москву, хотя сам впоследствии говорил, что просьба Великой Княгини — это почти что приказ.

Несколько раз пришлось Великой Княгине переделывать Устав своей обители, чтобы удовлетворить все требования и поправки Святейшего Синода. Император Николай II своим Высочайшим Указом помог преодолеть сопротивление Синода созданию обители.

10 февраля 1909 года Великая Княгиня сняла траурное платье, облачилась в одеяние крестовой сестры любви и милосердия и, собрав семнадцать сестер основанной ею обители, сказала: "Я оставляю блестящий мір, где я занимала блестящее положение, но вместе со всеми вами я восхожу в более великий мір — в мір бедных и страдающих".

В основу Марфо-Мариинской обители Милосердия был положен устав монастырского общежития. 9(22) апреля 1910 года в церкви святых Марфы и Марии епископ Трифон (Туркестанов) посвятил в звание крестовых сестер любви и милосердия семнадцать сестер обители во главе с Великой Княгиней Елисаветой Феодоровной. Во время торжественной службы епископ Трифон, обращаясь к уже облаченной в одеяние крестовой сестры милосердия Великой Княгине, сказал пророческие слова: "Эта одежда скроет Вас от міра, и мір будет скрыт от Вас, но она в то же время будет свидетельницей Вашей благотворной деятельности, которая воссияет пред Господом во славу Его".

Знаменательно посвящение созданной обители святым женам-мироносицам Марфе и Марии. Обитель должна была стать как бы домом святого Лазаря — друга Божия, домом, в котором так часто бывал Спаситель. Сестры обители призывались соединить высокий жребий Марии, внемлющей глаголам вечной жизни, и служение Марфы — служение Господу через ближнего своего.

Первый храм обители (больничный) был освящен епископом Трифоном 9(21) сентября 1909 г. — в день празднования Рождества Пресвятой Богородицы — во имя святых жен-мироносиц Марфы и Марии. Второй храм, в честь Покрова Пресвятой Богородицы, освящен в 1911 году (архитектор А.В. Щусев, росписи М.В. Нестерова). Построенный по образцам новгородско-псковского зодчества, он сохранял теплоту и уют небольших приходских церквей, но, тем не менее, был рассчитан на присутствие более тысячи молящихся.

В 1914 году под храмом была устроена церковь-усыпальница во имя Сил Небесных и Всех святых, которую настоятельница предполагала сделать местом своего упокоения. Роспись усыпальницы сделал П.Д. Корин, ученик М.В. Нестерова.

День в Марфо-Мариинской обители начинался в 6 часов утра. После общего утреннего молитвенного правила в больничном храме

Великая Княгиня давала послушания сестрам на предстоящий день. Свободные от послушания оставались в храме, где начиналась Божественная Литургия. Дневная трапеза проходила с чтением житий святых. В 5 часов вечера в церкви служили Вечерню с Утреней. Под праздники и воскресные дни совершалось Всенощное бдение. В 9 часов вечера в больничном храме читалось вечернее правило, после него все сестры, получив благословение настоятельницы, расходились по келиям. Четыре раза в неделю за Вечерней читались акафисты: в воскресенье — Спасителю, в понедельник — Архангелу Михаилу и всем Безплотным Небесным Силам, в среду — святым женам-мироносицам Марфе и Марии и в пятницу — Божией Матери или Страстям Христовым. В часовне, сооруженной в конце сада обители, читалась Псалтирь по усопшим. Часто ночами молилась там сама настоятельница.

Внутренней жизнью сестер руководил замечательный священник и пастырь, духовник обители протоиерей Митрофан Серебрянский. Дважды в неделю он проводил беседы с сестрами. Кроме того, сестры могли ежедневно в определенные часы приходить за советом или наставлением к духовнику или к настоятельнице. Великая Княгиня вместе с отцом Митрофаном учила сестер, что их задача — не только медицинская помощь, но и духовное наставление опустившихся, заблудших и отчаявшихся людей. Каждое воскресенье после вечерней службы в соборе Покрова Божией Матери устраивались беседы для народа с общим пением молитв.

"На всей внешней обстановке обители и на самом ее внутреннем быте, и на всех вообще созданиях Великой Княгини лежал отпечаток изящества и культурности не потому, чтобы она придавала этому какое-либо самодовлеющее значение, но потому, что таково было непроизвольное действие ее творческого духа", — пишет в своих воспоминаниях митрополит Анастасий.

Богослужение в обители отличалось особой красотой и благоговейностью, в этом была заслуга исключительного по своим пастырским достоинствам духовника, избранного настоятельницей. Здесь совершали Богослужения и проповедовали Слово Божие лучшие пастыри и проповедники не только Москвы, но и многих отдаленных мест России. Как пчела, собирала настоятельница нектар со всех цветов, чтобы люди ощутили особый аромат духовности. Обитель, ее храмы и Богослужение вызывали восхищение современников. Этому способствовала не только красота храмов, но и прекрасный парк с оранжереями — в лучших традициях садового искусства XVIII—XIX веков. Это был единый ансамбль, соединявший гармонично внешнюю и внутреннюю красоту.

В Марфо-Мариинской обители Великая Княгиня вела жизнь подвижницы. Спала на деревянных досках без матраса, тайно носила власяницу и вериги. Об этом рассказала в своих воспоминаниях насельница Марфо-Мариинской обители монахиня Любовь (в миру Евфросиния). Однажды она, еще не обученная минашеским правилам, вошла в покои настоятельницы без молитвы и не спросив благословения. В келии она увидела Великую Княгиню во власянице и веригах. Та, нисколько не смутившись, сказала только: "Душенька, когда входишь, надо стучаться".

Монахиня Любовь вспоминает также замечательный случай, приведший ее в монастырь. Было это в 1912 году. В 16 лет она уснула летаргическим сном, во время которого душа ее была встречена преподобным Онуфрием Великим. Он подвел ее к трем святым — в одном из них Евфросиния узнала преподобного Сергия Радонежского, двое других были ей незнакомы.

Преподобный Онуфрий сказал Евфросинии, что она нужна в Марфо-Мариинской обители, и, очнувшись от сна, Евфросиния стала выяснять, где в России есть монастырь в честь Марфы и Марии. Одна из ее знакомых оказалась послушницей этой обители и рассказала Евфросинии о ней и ее основательнице. Евфросиния написала настоятельнице письмо с вопросом, смогут ли ее принять в обитель, и получила утвердительный ответ. Когда по прибытии в монастырь Евфросиния вошла в келию настоятельницы, то узнала в ней ту святую, которая стояла в райской обители вместе с преподобным Сергием. Когда же она пошла получить благословение духовника монастыря отца Митрофана, то в нем узнала второго из тех, кто стоял рядом с преподобным Сергием. Ровно через шесть лет после этого видения Великая Княгиня претерпела мученическую кончину в день обре́тения мощей преподобного Сергия Радонежского, а отец Митрофан впоследствии принял постриг с именем Сергий в честь преподобного Сергия.

Привыкшая с детства к труду, Великая Княгиня все делала сама и лично для себя не требовала никаких услуг от сестер. Она участвовала во всех делах обители как рядовая сестра, всегда подавая пример остальным. Как-то к настоятельнице подошла одна из послушниц с просьбой послать кого-нибудь из сестер перебирать картошку, так как никто не хочет помочь. Великая Княгиня, не сказав никому ни слова, пошла сама. Увидев настоятельницу, перебирающую картошку, устыженные сестры прибежали и принялись за дело.

Великая Княгиня строго соблюдала посты, вкушая только растительную пищу. Утром вставала на молитву, после чего распределяла послушания сестрам, работала в клинике, принимала посетителей, разбирала прошения и письма.

Вечером был обход больных, заканчивавшийся далеко за полночь. Ночью настоятельница молилась в молельне или церкви, ее сон редко продолжался более трех часов. Когда больной метался в жару и нуждался в помощи, она просиживала у его постели до рассвета. В больнице Елисавета Феодоровна брала на себя самую ответственную работу: ассистировала при операциях, делала перевязки, утешала больных и всеми силами стремилась облегчить их страдания. Они говорили, что от Великой Княгини исходит целебная сила, которая помогает им переносить боль и соглашаться на тяжелые операции.

В качестве главного средства от недугов настоятельница всегда предлагала исповедь и причастие. Еще она говорила: "Безнравственно утешать умирающих ложной надеждой на выздоровление, лучше помочь им по-христиански перейти в вечность".

Сестер обители обучали основам медицины. Главной их задачей было посещение больных и бедных, забота о брошенных детях, оказание им медицинской, моральной и материальной помощи.

В больнице обители работали лучшие специалисты Москвы. Все операции проводились безплатно. Здесь исцелялись те, от кого отказывались другие врачи. Исцеленные пациенты плакали, уходя из Марфо-Мариинской больницы, расставаясь с Великой Матушкой, как они называли настоятельницу. При обители работала воскресная школа для работниц фабрики. Любой желающий мог пользоваться фондами прекрасной библиотеки. Действовала безплатная столовая для бедных. В обители был создан приют для девочек-сирот. К Рождеству устраивали большую елку для бедных детей, дарили им игрушки, сладости, теплую одежду, которую шили сами сестры.

Настоятельница обители считала, что главное дело сестер не работа в больнице, а помощь бедным и нуждающимся. Обитель получала до двенадцати тысяч прошений в год. О чем только ни просили: устроить на лечение, найти работу, присмотреть за детьми, ухаживать за лежачими больными, отправить на учебу за границу.

Великая Княгиня находила возможности помочь духовенству, давала средства на нужды бедных сельских приходов, которые не могли отремонтировать храм или построить новый. Она помогала материально священникам-миссионерам, трудившимся среди язычников Крайнего Севера или инородцев окраин России, ободряла и укрепляла их.

Одним из главных мест бедности, которому Великая Княгиня уделяла особое внимание, был Хитров рынок. Елисавета Феодоровна в сопровождении своей келейницы Варвары Яковлевой или сестры обители княжны Марии Оболенской, неутомимо переходя от одного притона к другому, собирала сирот и уговаривала родителей отдать ей на воспита-

ние детей. Все население Хитрова уважало ее, называя сестрой Елисаветой или Матушкой. Полиция постоянно предупреждала ее, что не в состоянии гарантировать ей безопасность. В ответ на это Великая Княгиня всегда благодарила полицию за заботу и говорила, что ее жизнь не в их руках, а в руках Божиих. Она старалась спасать детей Хитровки. Ее не пугали нечистота, брань, вид людей, потерявших человеческий облик. Она говорила: "Подобие Божие может быть иногда затемнено, но оно никогда не может быть уничтожено".

Елисавета Феодоровна создавала дома призрения для сирот, инвалидов, тяжелобольных, находила время для посещения их, постоянно поддерживала материально, привозила подарки. Рассказывают такой случай. Однажды Великая Княгиня должна была приехать в приют для маленьких девочек-сирот. Все готовились достойно встретить свою благодетельницу. Девочкам сказали, что приедет Великая Княгиня: нужно будет поздороваться с ней и поцеловать ручки. Когда Елисавета Феодоровна приехала, ее встретили малютки в белых платьицах. Они дружно поздоровались и все протянули свои ручки Великой Княгине со словами: "Целуйте ручки". Воспитательницы ужаснулись: что же будет! Но Великая Княгиня, прослезившись, подошла к каждой из девочек и всем поцеловала ручки. Плакали при этом все — такое умиление и благоговение было на лицах и в сердцах.

Еще об одном из безчисленных свидетельств ее любви к страждущим вспоминают современники. Одна из сестер пришла из бедного квартала и рассказала о безнадежно больной чахоткой женщине с двумя маленькими детьми, живущей в холодном подвале. Матушка сразу заволновалась, немедленно позвала старшую сестру и приказала устроить мать в больницу для чахоточных, а детей взять в приют; если не найдется кровати, устроить больную на раскладушке. После этого сама взяла для детей одежду, одеяльца и пошла за ними. Великая Княгиня постоянно посещала больную мать до самой ее кончины, успокаивала, обещая, что позаботится о детях.

Великая матушка надеялась, что созданная ею Марфо-Мариинская обитель милосердия расцветет и станет большим плодоносным древом. Со временем она собиралась устроить отделения обители и в других городах России.

Великой Княгине была присуща исконно русская любовь к паломничеству. Не раз ездила она в Саров и там с радостью спешила в храм, чтобы помолиться у раки преподобного Серафима. Ездила во Псков, в Киев, в Оптину пустынь, в Зосимову пустынь, была в Соловецком монастыре. Посещала и самые маленькие монастыри в захолустных и отдаленных местах России. Присутствовала на всех духовных торжествах,

связанных с открытием или перенесением мощей угодников Божиих. Больным паломникам, ожидавшим исцеления от новопрославляемых святых, Великая Княгиня тайно помогала, ухаживала за ними. В 1914 году Великая Княгиня посетила монастырь в Алапаевске — городе, которому суждено было стать местом ее заточения и мученической смерти.

Она помогала русским паломникам, отправлявшимся в Иерусалим. Через общества, организованные ею, покрывалась стоимость билетов паломников, плывущих из Одессы в Яффу. Она построила также большую гостиницу в Иерусалиме. Еще одно славное деяние Великой Княгини — постройка русского православного храма в Италии, в городе Бари, где покоятся мощи святителя Николая Мирликийского. В 1914 году был освящен нижний храм в честь святителя Николая и страннноприимный дом.

Драгоценно воспоминание о Великой Княгине митрополита Анастасия, лично ее знавшего: "Она способна была не только плакать с плачущими, но и радоваться с радующимися, что обыкновенно труднее первого. Не будучи монахинею в собственном смысле этого слова, она лучше многих инокинь соблюдала великий завет святого Нила Синайского: "Блажен инок, который всякого человека почитает как бы богом после Бога". Найти хорошее в каждом человеке и "милость к падшим призывать" было всегдашним стремлением ее сердца. Кротость нрава не препятствовала ей, однако, пылать священным гневом при виде несправедливости. Еще более строго она осуждала саму себя, если впадала в ту или другую, даже невольную ошибку... Однажды, в бытность мою еще викарным епископом в Москве, она предложила мне председательство в чисто светском по своему составу обществе, не имевшем при том по своим задачам непосредственного отношения к Церкви. Я невольно смутился, не зная, что ответить на ее слова. Она сейчас же поняла мое положение: "Извините, — решительно произнесла она, — я сказала глупость", — и тем вывела меня из затруднения".

Современники вспоминали, что Елисавета Феодоровна вносила с собою чистое благоухание лилии, быть может, поэтому она так любила белый цвет. Встречаясь со множеством людей, она сразу могла понять человека; раболепство, ложь и хитрость были ей противны. Она говорила: "Ныне трудно найти правду на земле, затопляемой все сильнее греховными волнами; чтобы не разочароваться в жизни, надо правду искать на Небе, куда она ушла от нас".

С самого начала своей жизни в Православии и до последних дней Великая Княгиня находилась в полном послушании у своих духовных отцов. Без благословения священника Марфо-Мариинской обители протоиерея Митрофана Серебрянского и без советов старцев Оптиной пусты-

ни, Зосимовой пустыни и других монастырей она сама ничего не предпринимала. Ее смирение и послушание были удивительны.

Господь наградил ее даром духовного рассуждения и пророчества. Отец Митрофан Серебрянский рассказывал, что незадолго до революции ему приснился сон, яркий и явно пророческий, но он не знал, как его истолковать. Сон был цветным: четыре картины, сменяющие друг друга. Первая: стоит прекрасная церковь. Вдруг со всех сторон появляются огненные языки, и вот весь храм пылает — зрелище величественное и страшное. Вторая: изображение Императрицы Александры Феодоровны в черной рамке; вдруг из краев этой рамки начинают вырастать побеги, на которых раскрываются белые лилии, цветы все увеличиваются в размере и закрывают изображение. Третья: Архангел Михаил с огненным мечом в руке. Четвертая картина: преподобный Серафим Саровский стоит коленопреклоненный на камне с молитвенно воздетыми руками.

Взволнованный этим сном, отец Митрофан рассказал о нем Великой Княгине рано утром, еще до начала Литургии. Елисавета Феодоровна сказала, что ей понятен этот сон. Первая картина означает, что в России скоро будет революция, начнется гонение на Церковь Русскую, и за грехи наши, за неверие страна наша встанет на грань погибели. Вторая картина означает, что сестра Елисаветы Феодоровны и вся Царская Семья примут мученическую кончину. Третья картина означает, что и после того ожидают Россию большие бедствия. Четвертая картина означает, что по молитвам преподобного Серафима и других святых и праведников земли Российской и заступничеством Божией Матери страна и народ наш будут помилованы.

Дар духовного рассуждения особенно проявился в ее отношении к Распутину. Она много раз умоляла свою сестру — Императрицу не доверяться ему и не ставить себя в зависимое положение от него. Говорила Великая Княгиня об этом и самому Императору, но ее совет был отвергнут. По просьбе своих друзей и с благословения старцев она в 1916 году сделала последнюю попытку и поехала в Царское Село, чтобы лично поговорить с Государем о положении в стране. Император не принял ее. Разговор о Распутине произошел между Императрицей и Великой Княгиней и закончился печально. Императрица не захотела слушать сестру: "Мы знаем, что святых злословили и раньше". На это Великая Княгиня сказала: "Помни судьбу Людовика XVI"[1]) . Расстались они холодно.

В годы Первой мировой войны трудов у Великой Княгини прибавилось: необходимо было ухаживать за ранеными в лазаретах. Часть сестер обители была отпущена для работы в полевом госпитале. Первое время

---

[1]) Французский король Людовик XVI (1754—1793 гг.), при котором произошло крушение монархии. Конвент осудил его на смерть, и 21 января 1793 г. Людовик XVI взошел на эшафот.

Елизавета Феодоровна, побуждаемая христианским чувством, навещала и пленных немцев, но клевета о тайной поддержке противника заставила ее отказаться от этого.

В 1916 году к воротам обители подошла разъяренная толпа. Они потребовали выдать германского шпиона — брата Елисаветы Феодоровны, якобы скрывавшегося в обители. Настоятельница вышла к толпе одна и предложила осмотреть все помещения больницы. Господь не попустил погибнуть ей в этот день. Конный отряд полиции разогнал толпу. Вскоре после февральской революции к обители снова подошла толпа с винтовками, красными флагами и бантами. Сама настоятельница открыла ворота — ей объявили, что приехали, чтобы арестовать ее и предать суду как немецкую шпионку, к тому же хранящую в монастыре оружие.

На требование пришедших немедленно ехать с ними Великая Княгиня сказала, что должна сделать распоряжения и проститься с сестрами. Настоятельница собрала всех сестер обители и попросила отца Митрофана отслужить молебен. Потом, обратясь к революционерам, пригласила их войти в церковь, но оставить оружие у входа. Они нехотя сняли винтовки и последовали в храм. Весь молебен Елисавета Феодоровна простояла на коленях. После окончания службы она сказала, что отец Митрофан покажет им все постройки обители, и они могут искать то, что хотят найти. Конечно, они ничего не нашли, кроме келий сестер и госпиталя с больными. После их ухода Елисавета Феодоровна сказала сестрам: "Очевидно, мы недостойны еще мученического венца". В одном из писем того времени она пишет: "То, что мы живем, является неизменным чудом". Никакого озлобления или осуждения против безумств толпы у нее не было. Она говорила: "Народ — дитя, он неповинен в происходящем... он введен в заблуждение врагами России". Об аресте и страданиях Царской Семьи она говорила: "Это послужит их нравственному очищению и приблизит их к Богу".

Весной 1917 года к ней приехал шведский министр по поручению кайзера Вильгельма и предложил ей помощь в выезде за границу. Елисавета Феодоровна ответила, что решила разделить судьбу страны, которую считает своей новой родиной, и не может оставить сестер обители в это трудное время.

Никогда не было на Богослужении в обители столько народа, как перед октябрьским переворотом. Шли не столько за тарелкой супа или медицинской помощью, сколько за утешением и советом Великой матушки. Елисавета Феодоровна всех принимала, выслушивала, укрепляла. Люди уходили от нее умиротворенными и ободренными.

Первое время после октябрьского переворота Марфо-Мариинскую обитель не трогали. Напротив, сестрам оказывали уважение, два раза в неделю к обители подъезжал грузовик с продовольствием, привозили черный хлеб, вяленую рыбу, овощи... Из медикаментов выдавали в ограниченном количестве перевязочный материал и лекарства первой необходимости.

Все вокруг были испуганы, покровители и состоятельные дарители теперь боялись оказывать помощь обители. Великая Княгиня во избежание провокаций почти не выходила за ворота обители, сестрам также было запрещено выходить на улицу. Однако установленный распорядок дня обители не менялся, только длиннее стали службы, усерднее молитвы сестер. Отец Митрофан каждый день служил в переполненной церкви Божественную Литургию, было много причастников. Некоторое время в обители находилась чудотворная икона Божией Матери Державная, обретенная в подмосковном селе Коломенском в день отречения Императора Николая II от престола. Перед иконой совершались соборные моления.

После заключения Брест-Литовского мира германское правительство добилось согласия советской власти на выезд Великой Княгини Елисаветы Феодоровны за границу. Посол Германии граф Мирбах дважды пытался увидеться с Великой Княгиней, но она не приняла его и категорически отказалась уехать из России. Она говорила: "Я никому ничего дурного не сделала. Буди воля Господня!"

Приведем отрывки из писем Великой Княгини близким людям:

"Господь опять Своей великой милостью помог нам пережить дни внутренней войны, и сегодня я имела безграничное утешение молиться... и присутствовать на Божественной службе, когда наш Патриарх давал благословение. Святой Кремль, с заметными следами этих печальных дней, был мне дороже, чем когда бы то ни было, и я почувствовала, до какой степени Православная Церковь является настоящей Церковью Господней. Я испытывала такую глубокую жалость к России и ее детям, которые в настоящее время не ведают, что творят. Разве это не больной ребенок, которого мы любим во сто крат больше во время его болезни, чем когда он весел и здоров? Хотелось бы понести его страдания, научить его терпению, помочь ему. Вот что я чувствую каждый день. Святая Россия не может погибнуть. Но Великой России, увы, больше нет. Но Бог в Библии показывает, как Он прощал Свой раскаявшийся народ и снова даровал ему благословенную силу.

Будем надеяться, что молитвы, усиливающиеся с каждым днем, и увеличивающееся раскаяние умилостивят Приснодеву, и Она бу-

дет молить за нас Своего Божественного Сына, и что Господь нас простит".

"...Полностью разрушена Великая Россия, но Святая Россия и Православная Церковь, которую "врата ада не одолеют", существует и существует более, чем когда бы то ни было. И те, кто верует и не сомневается ни на мгновение, увидят "внутреннее солнце", которое освещает тьму во время грохочущей бури... Я только уверена, что Господь, Который наказывает, есть тот же Господь, Который и любит. Я много читала Евангелие, и, если осознать ту великую жертву Бога Отца, Который послал Своего Сына умереть и воскреснуть за нас, то тогда мы ощутим присутствие Святаго Духа, Который озаряет наш путь. И тогда радость становится вечной, даже если наши бедные человеческие сердца и наши маленькие земные умы будут переживать моменты, которые кажутся очень страшными... Мы работаем, молимся, надеемся и каждый день чувствуем милость Божию. Каждый день мы испытываем постоянное чудо. И другие начинают это чувствовать и приходят в нашу церковь, чтобы отдохнуть душой".

Спокойствие обители было затишьем перед бурей. Сначала в обитель прислали анкеты — опросные листы для всех, кто проживал и находился на лечении: имя, фамилия, возраст, социальное происхождение и т.д. После этого были арестованы несколько человек из больницы. Затем объявили, что сирот переведут в детский дом.

В апреле 1918 года на третий день Пасхи, в день празднования Иверской иконы Божией Матери, Елисавету Феодоровну арестовали и немедленно вывезли из Москвы. Это произошло в тот день, когда Святейший Патриарх Тихон посетил Марфо-Мариинскую обитель, где служил Божественную Литургию и молебен. После службы Патриарх до четырех часов дня находился в обители и беседовал с настоятельницей и сестрами. То было последнее благословение и напутствие главы Русской Православной Церкви Елисавете Феодоровне перед ее крестным путем на Голгофу.

Почти сразу после отъезда Патриарха Тихона к обители подъехала машина с комиссаром и красноармейцами-латышами. Елисавете Феодоровне приказали ехать с ними. На сборы дали полчаса. Настоятельница успела лишь собрать сестер в церкви святых Марфы и Марии и дать им последнее благословение. Плакали все присутствующие, зная, что видят свою мать и настоятельницу в последний раз. Елизавета Феодоровна благодарила сестер за самоотверженность и верность и просила отца Митрофана не оставлять обители и служить в ней до тех пор, пока это будет возможным.

С Великой Княгиней поехали две сестры — Варвара Яковлева и Екатерина Янышева. Перед тем, как сесть в машину, настоятельница осенила всех крестным знамением.

Одна из сестер обители, Зинаида (в монашестве Надежда) вспоминает: "...И повезли ее. Сестры бежали за ней, сколько могли. Кто падал прямо на дороге... Когда я пришла к обедне, то услышала, что диакон читает ектенью и не может — плачет... И повезли ее в Екатеринбург с каким-то провожатым, и Варвара с ней. Не разлучились... Потом письмо нам прислала, батюшке и каждой сестре. Сто пять записочек[1]) было вложено, и каждой по ее характеру. Из Евангелия, из Библии изречения, а кому от себя. Она всех сестер, всех своих детей знала...".

Узнав о случившемся, Патриарх Тихон пытался через различные организации, с которыми считалась новая власть, добиться освобождения Великой Княгини. Но старания его оказались тщетными. Все члены Императорского Дома были обречены.

Елисавету Феодоровну и ее спутниц направили по железной дороге в Пермь. По пути в ссылку она написала письмо сестрам своей обители. Вот выдержки из него:

> "Господи, благослови, да утешит и укрепит всех вас Воскресение Христово... Да сохранит нас всех с вами, мои дорогие, преподобный Сергий, святитель Димитрий и святая Евфросиния Полоцкая... Не могу забыть вчерашний день, все дорогие милые лица. Господи, какое страдание в них, о, как сердце болело. Вы мне становитесь каждую минуту дороже. Как я вас оставлю, мои деточки, как вас утешить, как укрепить? Помните, мои родные, все, что я вам говорила. Всегда будьте не только мои дети, но послушные ученицы. Сплотитесь и будьте, как одна душа, все для Бога, и скажите, как Иоанн Златоуст: "Слава Богу за все!" Старшие сестры, объединяйте сестер ваших. Ради Бога, не падайте духом. Божия Матерь знает, отчего Ее Небесный Сын послал нам это испытание в день Ее праздника... только не падайте духом и не ослабевайте в ваших светлых намерениях, и Господь, Который нас временно разлучил, духовно укрепит. Молитесь за меня, грешную, чтобы я была достойна вернуться к моим деткам и усовершенствовалась для вас, чтобы мы все думали, как приготовиться к вечной жизни.
>
> Вы помните, как я боялась, что вы слишком в моей поддержке находите крепость для жизни, и я вам говорила: "Надо побольше прилепиться к Богу. Господь говорит: "Сын Мой, отдай сердце Твое Мне, и глаза Твои да наблюдают пути Мои". Тогда будь уверен, что все отдашь Богу, если отдашь Ему свое сердце, т.е. самого себя".

---

[1]) К 1918 году в обители было сто пять сестер.

Теперь мы переживаем одно и то же и невольно только у Него находим утешение нести наш общий крест разлуки. Господь нашел, что нам пора нести Его крест. Постараемся быть достойными этой радости. Я думала, что мы будем так слабы, не доросли нести большой крест. "Господь дал, Господь и взял". Как угодно было Богу, так и сделалось. Да будет Имя Господне благословенно навеки.

Какой пример дает нам святой Иов своей покорностью и терпением в скорбях. За это Господь потом дал ему радость. Сколько примеров такой скорби у Святых Отцов во святых обителях, но потом была радость. Приготовьтесь к радости опять быть вместе. Будем терпеливы и смиренны. Не ропщем и благодарим за все.

Ваша постоянная богомолица и любящая мать во Христе.

Матушка".

Последние месяцы своей жизни Великая Княгиня провела в заключении в школе на окраине города Алапаевска вместе с Великим Князем Сергеем Михайловичем (младшим сыном Великого Князя Михаила Николаевича, брата Императора Александра II), его секретарем — Феодором Михайловичем Ремезом, тремя братьями — Иоанном, Константином и Игорем (сыновьями Великого Князя Константина Константиновича) и князем Владимиром Палеем (сыном Великого Князя Павла Александровича). Конец был близок. Матушка-настоятельница готовилась к этому исходу, посвящая все время молитве.

Сестер, сопровождавших свою настоятельницу, привезли в областной совет и предложили им идти на свободу. Обе умоляли вернуть их к Великой Княгине. Тогда чекисты стали пугать их пытками и мучениями, которые предстоят всем, кто останется с ней. Варвара Яковлева сказала, что готова дать подписку даже своей кровью, что желает разделить судьбу Великой Княгини. Так крестовая сестра Марфо-Мариинской обители Варвара Яковлева сделала свой выбор и присоединилась к узникам, ожидавшим решения своей участи.

Глубокой ночью 5(18) июля, в день обретения мощей преподобного Сергия Радонежского, Великую Княгиню Елисавету Феодоровну вместе с другими членами Императорского Дома бросили в шахту старого рудника. Когда озверевшие палачи сталкивали Великую Княгиню в черную яму, она повторяла молитву, произнесенную распятым на Кресте Спасителем міра: "Господи, прости им, ибо не ведают, что творят"[1]). Затем чекисты начали бросать в шахту ручные гранаты. Один из крестьян, бывший свидетелем убийства, говорил, что из глубины шахты слышались звуки Херувимской, которую пели страдальцы перед переходом в вечность.

---

[1]) Еванг. от Луки, гл. 23, ст. 34.

Елисавета Феодоровна упала не на дно шахты, а на выступ, который находился на глубине 15 метров. Рядом с ней нашли тело Иоанна Константиновича с перевязанной головой. С тяжелейшими переломами и ушибами она и здесь стремилась облегчить страдания ближнего. Пальцы правой руки Великой Княгини и инокини Варвары оказались сложенными для крестного знамения. Скончались они в страшных мучениях от жажды, голода и ран.

Останки настоятельницы Марфо-Мариинской обители и ее верной келейницы Варвары в 1921 году были перевезены в Иерусалим и положены в усыпальнице храма святой равноапостольной Марии Магдалины в Гефсимании.

Долгим и тяжелым был этот путь. 18(31) октября 1918 г. тела страдальцев положили в деревянные гробы и поставили в кладбищенской церкви Алапаевска, где совершалось постоянное чтение Псалтири и служились панихиды. На следующий день гробы перенесли в Свято-Троицкий собор, отслужили заупокойную Литургию, а вслед за ней — отпевание. Гробы были поставлены в склепе собора, с правой стороны от алтаря.

Но недолго покоились здесь тела. Красная Армия наступала, и необходимо было перевезти их в более безопасное место. Занялся этим отец Серафим, игумен Алексеевского скита Пермской епархии, друг и духовник Великой Княгини.

Сразу после октябрьской революции отец Серафим был в Москве, имел беседу с Великой Княгиней и приглашал ее поехать с ним в Алапаевск, где, по его словам, были надежные люди в скитах, которые сумеют укрыть и сохранить Великую Княгиню. Елисавета Феодоровна отказалась скрываться, но добавила в конце беседы: “Если меня убьют, то, прошу вас, похороните меня по-христиански”. Слова эти оказались пророческими.

Игумен Серафим получил разрешение от адмирала Колчака перевезти тела. Атаман Семенов выделил для этого вагон и дал пропуск. И 1(14) июля 1919 г. восемь алапаевских гробов направили к Чите. В помощники себе отец Серафим взял двух послушников — Максима Канунникова и Серафима Гневашева.

В Чите гробы привезли в Покровский женский монастырь, где монахини обмыли страстотерпцев и облачили Великую Княгиню и инокиню Варвару в монашеское одеяние. Отец Серафим с послушниками сняли доски пола в одной из келий, выкопали там могилу и поставили все восемь гробов, засыпав их небольшим слоем земли. В этой келии остался жить и охранять тела страдальцев сам отец Серафим.

В Чите гробы страдальцев пробыли шесть месяцев. Но Красная Армия снова наступала, и останки новомучеников необходимо было увозить

уже за пределы России. 26 февраля (11 марта) начался этот путь, при полном расстройстве железнодорожного транспорта. Вагон передвигался вместе с фронтом: пройдет вперед верст 25, а потом откатится верст на 15. Благодаря пропуску вагон постоянно отцепляли и прицепляли к разным поездам, направляя к китайской границе. Наступило лето, из щелей гробов постоянно сочилась жидкость, распространяя ужасный смрад. Когда поезд останавливался, сопровождавшие собирали траву и вытирали ею гробы. Жидкость, вытекавшая из гроба Великой Княгини, как вспоминает отец Серафим, благоухала, и они бережно собирали ее как святыню в бутылочку.

У самой границы Китая на состав напал отряд красных партизан, которые пытались выбросить из вагона гробы с телами. Подоспевшие китайские солдаты отогнали нападавших и сохранили тела страдальцев от уничтожения.

Когда состав прибыл в Харбин, тела всех алапаевских страдальцев были в состоянии полного разложения, кроме тел Великой Княгини и инокини Варвары. Князь Н.А. Кудашев, вызванный в Харбин для опознания убитых и составления протокола, вспоминает: "Великая Княгиня лежала, как живая, и совсем не изменилась с того дня, как я перед отъездом в Пекин прощался с нею в Москве, только на одной стороне лица был большой кровоподтек от удара при падении в шахту.

Я заказал для них настоящие гробы и присутствовал на похоронах. Зная, что Великая Княгиня всегда выражала желание быть погребенной в Гефсимании в Иерусалиме, я решил исполнить ее волю — послал прах ее и ее верной послушницы в Святую Землю, попросив монаха проводить их до места последнего упокоения и тем самым закончить начатый подвиг".

В апреле 1920 г. гробы страдальцев прибыли в Пекин, где их встретил начальник Русской Духовной Миссии архиепископ Иннокентий. После заупокойной службы они были временно помещены в одном из склепов на кладбище Миссии, и сразу же началось устройство нового склепа при Свято-Серафимовском храме.

Гробы с телами Великой Княгини и инокини Варвары, сопровождаемые игуменом Серафимом[1]) и обоими послушниками, снова отправились в путь, на этот раз из Пекина в Тянцзин, затем пароходом в Шанхай. Из Шанхая — в Порт-Саид, куда прибыли в январе 1921 года. Из Порт-

---

[1]) На склонах Елеонской горы есть место, называемое Малая Галилея, где расположена резиденция Патриарха Иерусалимского. В саду резиденции находятся две святыни: основание дома, в котором Господь явился ученикам после Своего Воскресения, и часовня, построенная на том месте, где Архангел Гавриил явился Божией Матери и предсказал скорое Ее успение. По соседству с этой часовней, по благословению Патриарха Дамиана, игумен Серафим построил себе хибарку и жил в ней до самой своей кончины, последовавшей на 85 году жизни. Погребен он около своей келии.

Саида гробы в специальном вагоне отправили в Иерусалим, где их встретило русское и греческое духовенство, многочисленные паломники, которых революция 1917 года застала в Иерусалиме.

Погребение тел новомучениц совершил Патриарх Дамиан в сослужении многочисленного духовенства. Их гробы были помещены в усыпальнице под нижними сводами храма святой равноапостольной Марии Магдалины в Гефсимании.

Когда открыли гроб с телом Великой Княгини, то помещение наполнилось благоуханием. По словам архимандрита Антония (Граббе), чувствовался "сильный запах как бы меда и жасмина". Мощи новомучениц оказались частично нетленными.

Патриарх Иерусалимский Диодор благословил совершить торжественное перенесение мощей новомучениц из усыпальницы, где они до этого находились, в самый храм святой Марии Магдалины.

2 мая 1982 года — в праздник святых жен-мироносиц за Богослужением употреблялись святой потир, Евангелие и воздухи, преподнесенные храму Великой Княгиней Елисаветой Феодоровной, когда она была здесь в 1886 году.

Народный голос не случайно еще при жизни нарек Великую Княгиню святой, ибо она была живой свидетельницей вечности в нашем міре, в нашей земной Отчизне. Она перешла в Православие в Лазареву субботу — и это пророчески указывало на ее последующий путь.

Все мы помним, что вслед за Лазаревой субботой следует Вход Господа в Иерусалим и начинается Страстная неделя. Так и в жизни Елисаветы Феодоровны вместе со скорбями и утратами была и великая радость — создание обители Милосердия, дома Лазаря, была всеобщая любовь народа, которому она служила. Но вслед за тем последовали Страстная неделя и Голгофа. Она приняла Голгофу с молитвой о своих распинателях, до последнего мгновения исполняя то, что заповедал Сам Господь.

Вспомним, что в последнем своем письме сестрам Марфо-Мариинской обители настоятельница молится о своих "детках" преподобной Евфросинии Полоцкой, мощи которой некогда находились в Иерусалиме. Не случайно обращается настоятельница к первой "русской матушке", ибо она стала достойной продолжательницей подвига духовного материнства, завещанного преподобной. Мощи преподобной Евфросинии Полоцкой почивали в Иерусалиме и были увезены в Россию, а через семь с половиной столетий останки преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы, вывезенные из России, упокоились на Святой Земле. Ныне почивают они в храме святой мироносицы Марии Магдалины, стоящем на склоне горы Елеонской, откуда воскресший Христос вознесся во славе,

чтобы воссесть одесную Бога Отца. Храм этот и мощи святых Елисаветы и Варвары духовно соединяют Святую Землю с Русской землей.

И, может, когда-нибудь свободная Православная Россия — Держава Божией Матери святые мощи великой настоятельницы обители в честь святых жен-мироносиц Марфы и Марии перенесет (как некогда мощи преподобной Евфросинии Полоцкой) в страну, за которую преподобномученица отдала свою жизнь. Тогда усыпальница, приготовленная Великой Княгиней для себя в Марфо-Мариинской обители, примет уже прославленную во святых настоятельницу под покров Самой Пречистой Матери Господа. И, может быть, мы доживем до того момента, когда в основанной ею обители будет стоять храм во имя святой преподобномученицы Елисаветы.

В духовном подвиге ее мы видим соединение путей святости. Она — и благоверная княгиня, и праведница, и преподобная, и мученица. Она следовала словам Пророка Исайи, который на вопрос Бога: "Кого мне послать, и кто пойдет для Нас?"[1]), ответил: "Вот я, пошли меня". Жизнь Великой Княгини Елисаветы Феодоровны — дивное соединение путей святых праведных Марфы и Марии в новое время. Первая из святых жен Руси — святая равноапостольная Великая Княгиня Ольга до обращения своего к вере Христовой не прощала врагов своих и жестоко отомстила за смерть своего мужа. Спустя 1000 лет святая Великая Княгиня Елизавета не только простит убийц мужа, но перед мученической кончиной помолится Богу о прощении своих убийц.

И перейдя в Православие, и в иночестве Великая Княгиня не изменила своего имени. Тем самым она подтвердила, что основание духовного подвига, подъятого ею, оставалось единым всю ее жизнь. "Елисавета" в переводе с древнееврейского означает "почитающая Бога". Благоговейное почитание Бога и любовь ко всему Божиему — вот главные качества Великой Княгини, помогавшие ей при всех переменах жизни. Покрывать все любовью — это ее завет нам.

Крестовая сестра Марфо-Мариинской обители Милосердия Варвара Яковлева одной из первых пошла по стопам Великой Княгини и стала служить ближним в основанной Елисаветой Феодоровной обители. Она была келейницей настоятельницы и одной из самых близких ей сестер. Но она не гордилась этим, оставаясь ласковой и доступной для всех. Близкие Елисаветы Феодоровны хорошо знали ее и называли Варей.

Откуда и из какой среды пришла в обитель сестра Варвара, — нам неизвестно. За своей матушкой-настоятельницей она добровольно пошла на страдание и смерть, исполнив завет Господа: "Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих"[2]). Преподоб-

---

[1]) Кн. Прор. Исайи, гл. 6, ст.8.

[2]) Еванг. от Иоан., гл. 15, ст. 13.

номученица инокиня Варвара совершила свой подвиг в возрасте тридцати пяти лет.

Все алапаевские узники знали, что ожидает их в недалеком будущем. Они сознательно готовились к смерти и молили Господа укрепить их в исповедническом подвиге.

Тропарь

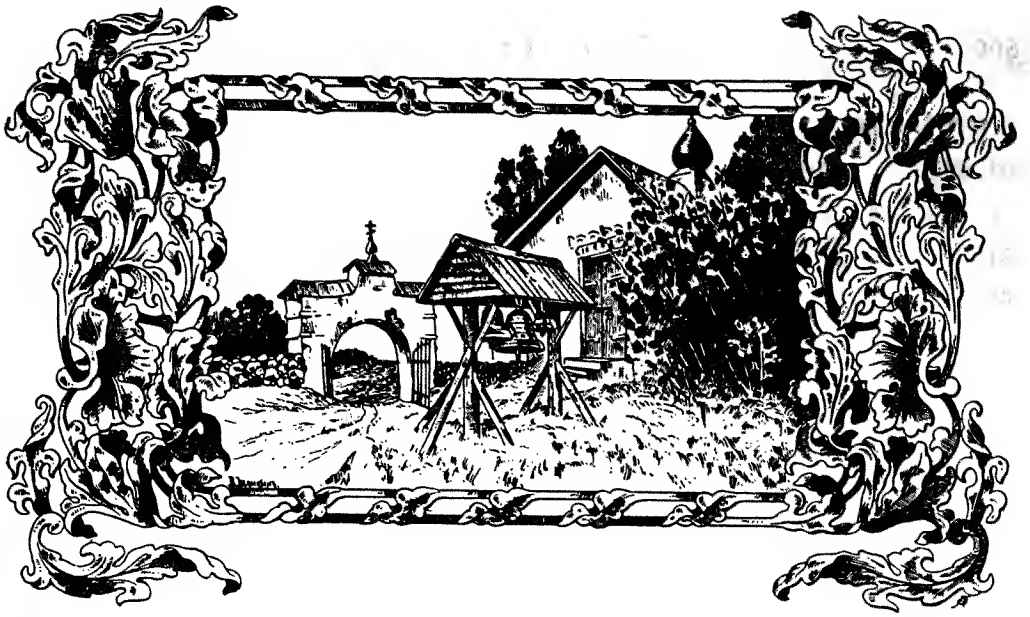
Смирением достоинство княжеское сокрывши, богомудрая Елисавето, сугубым служением Марфы и Марии Христа почтила еси. Милосердием, терпением и любовию себе предочистивши, яко жертва праведная Богу принеслася еси. Мы же, чтуще добродетельное житие и страдания твоя, яко истинную наставницу усердно просим тя: святая мученица Великая Княгиня Елисавето, моли Христа Бога спасти и просветити души наша.

Кондак

Спасительнаго подвига ищущи, святая Елисавето, с радостию благодарила еси Бога, яко сподоби тя понести крест Его. Темже просия победою вера твоя, егда к Голгофе своей восходящи, непрестанно возглашала еси: Слава Богу за все! Умоли, о мати наша, да дарует нам Господь стяжати мудрость и силу за веру правую даже до смерти стояти и воспевати Ему единеми усты и единем сердцем: Аллилуия.

Кондак

От славы царственныя, вземши Крест Христов, пришла еси к славе небесней, молящи за врагов, и обрела еси радость вечную, святая мученице княгине Елисавето, с Варварою мученицею. Темже молим вас, молите о душах наших.



День двадцатый

ЖИТІЕ

СВЯТАГО ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА

АѲАНАСІЯ БРЕСТСКАГО[1]

Святый Аѳанасій подвизался въ Юго-Западной Церкви вскорѣ послѣ объявленія уніи и мученически пострадалъ отъ латинянъ, защищая православную истину и Церковь. Положеніе Православія въ Польшѣ и Литвѣ было тогда очень тяжело. На Соборѣ въ Брестѣ[2]) въ 1596 году было объявлено единеніе (унія) Православной Юго-Западно-Русской Церкви съ Церковью Римско-Католической, или латинской. По-видимому, это событіе не только вполнѣ отвѣчало любви и миру—главнѣйшимъ опорамъ христіанства, но и проводило въ жизнь величайшій изъ завѣтовъ Спасителя, содержащійся въ Его молитвѣ къ Богу Отцу: **ѻ҆́ч҃е ст҃ы́й, и҆́хже да́лъ є҆сѝ мнѣ̀, да бꙋ́дꙋтъ є҆ди́но, ꙗ҆́коже и҆ мы̀**[3]). Но на самомъ дѣлѣ унія

---

[1]) Свѣдѣнія о жизни св. Аѳанасія почерпаются изъ его записокъ, называемыхъ «Діаріушъ», о кончинѣ его — изъ особой повѣсти, составленной учениками святаго, послушниками Брестскаго монастыря, а также изъ краткаго житія, составленнаго на польскомъ языкѣ въ 1666 г. Память его празднуется также мѣсяца сентября въ 5-й день.

[2]) *Брестъ-Литовскій*—теперь уѣздный городъ Гродненской губерніи.

[3]) Еванг. отъ Іоан., гл. 17, ст. 11.

подготовлялась недостойными людьми, вызывалась низменными разсчетами и клонилась къ попранію Православной вѣры и русской народности въ Юго-Западной Руси, которая въ XVI вѣкѣ входила въ составъ Польско-Литовскаго государства. Уже самое заключеніе уніи не обѣщало ничего добраго: оно сопровождалось обстоятельствами, которыя были противны не только духу Евангелія, церковнымъ обычаямъ и канонамъ, но и простымъ требованіямъ разсудка. Унія была объявлена дѣйствительной, хотя принявшіе ее не пожелали даже выслушать православныхъ; на троекратный позывъ православныхъ никто изъ уніатовъ не явился для совѣщаній о вѣрѣ и, въ концѣ концовъ, представители восточнаго исповѣданія, не желавшіе насильственнаго единенія, были преданы анаѳемѣ со всѣми ихъ единомышленниками окружной соборной грамотой латинской партіи. На это проклятіе Православный Соборъ отвѣтилъ осужденіемъ митрополита и владыкъ, принявшихъ унію, и двумя слѣдующими постановленіями: 1) «Мы даемъ обѣтъ вѣры, совѣсти и чести, за себя и за нашихъ потомковъ, не слушать этихъ осужденныхъ соборнымъ приговоромъ митрополита и владыкъ, не повиноваться имъ, не допускать ихъ власти надъ нами; напротивъ, сколько возможно противиться ихъ опредѣленіямъ, дѣйствіямъ и распоряженіямъ, стоять твердо въ нашей Святой вѣрѣ и при истинныхъ пастыряхъ нашей Святой Церкви, особенно при нашихъ патріархахъ[1]), не оставляя стараго календаря[2]), тщательно сохраняя огражденное законами общее спокойствіе и сопротивляясь всѣмъ притѣсненіямъ, насиліямъ и новизнамъ, которыми бы стали препятствовать цѣлости и свободѣ нашего Богослуженія, совершаемаго по древнему обычаю. Объявляемъ объ этомъ торжественно, прежде всего предъ Господомъ Богомъ, потомъ и всему свѣту и, въ особенности, всѣмъ обитателямъ Короны, Великаго княжества Литовскаго и областей, къ Коронѣ принадлежащихъ»; 2) «Мы, сенаторы, сановники, урядники и рыцарство, а также и духовныя лица греческой вѣры, сыны Восточной Церкви, собравшіеся сюда, въ Брестъ на Соборъ, достовѣрно узнали нынѣ отъ

---

[1]) Здѣсь разумѣются Восточные патріархи, въ тѣсномъ союзѣ съ которыми пребывала Юго-Западная Церковь того времени. Представители двухъ патріарховъ—Константинопольскаго и Александрійскаго присутствовали на Брестскомъ Соборѣ.

[2]) Вмѣстѣ съ уніей на Юго-Западѣ Руси вводился и новый, Грегоріанскій календарь, получившій свое названіе отъ папы Григорія XIII, который особой грамотой въ 1582 году ввелъ его на Западѣ; Восточная Церковь пользуется старымъ, Юліанскимъ календаремъ, который теперь разнится (отстаетъ) отъ грегоріанскаго на 13 дней.

самихъ вельможныхъ пановъ, присланныхъ на Соборъ Его Королевскою милостью, что они съ митрополитами и нѣсколькими владыками, отступниками отъ Греческой Церкви, составили и обнародовали, безъ нашего вѣдома и противъ нашей свободы и всякой справедливости, какую-то унію между Церквами Восточной и Западной. Мы протестуемъ противъ всѣхъ этихъ лицъ и ихъ несправедливаго дѣянія и обѣщаемся не только не подчиняться, но, съ Божіей помощью, всѣми силами сопротивляться имъ, а наше постановленіе, сдѣланное противъ нихъ, будемъ подкрѣплять и утверждать всѣми возможными средствами и особенно нашими просьбами предъ Его Королевскою милостью».

Ст҃ый прп҃бномч҃нкъ
Аѳанасій

Эти завѣты, которые отъ лица Церкви возложили на ея вѣрныхъ чадъ представители Восточнаго Православія на Брестскомъ Соборѣ, стали призваніемъ святаго Аѳанасія, и ихъ осуществленію была отдана вся его жизнь: борьба съ дѣйствіями и распоряженіями уніатовъ была для него обѣтомъ совѣсти и чести, а въ твердомъ стояніи за Святую вѣру, въ защитѣ общаго спокойствія, огражденного Законами, въ противленіи всѣмъ притѣсненіямъ, насиліямъ и новизнамъ латинянъ и состояли его подвиги, труды и страданія. О своемъ протестѣ противъ злоупотребленія латинской партіи властью и силой, на точномъ основаніи Брестскихъ постановленій, святый торжественно объявлялъ передъ обитателями Короны и Великаго княжества Литовскаго, неотступно обращался съ просьбами объ охранѣ Православія и къ королевской милости.

Святый Аѳанасій родился около времени заключенія церковной уніи и, можетъ быть, въ Брестѣ, въ томъ самомъ городѣ[1]), гдѣ она была провозглашена, гдѣ особенно больно чувствовались обиды, наносимыя Православной Церкви и гдѣ были болѣе живы любовь къ отечественной вѣрѣ и отвращеніе къ латинству. Неизвѣстно, изъ какого сословія вышелъ святый Аѳанасій, но, судя по его пламенной ревности о святой вѣрѣ, можно думать, что онъ унаслѣдовалъ ее отъ людей простыхъ[2]), въ то время отличавшихся особенно сильной преданностью Восточной Церкви и даже составлявшихъ братскіе союзы для ея защиты отъ насилія латинянъ. «Я, недостойный Аѳанасій Филипповичъ,—свидѣтельствуетъ преподобный о себѣ[3]),—милостію Божіею и молитвами Пречистой Богородицы въ вѣрѣ Православной и Церкви истинной, Восточной, какъ слѣдуетъ, утвержденъ съ самаго дѣтства и возникновенія во мнѣ разума». Первоначальныя познанія въ «наукахъ церковно-русскихъ» онъ получилъ, надо думать, въ одной изъ братскихъ школъ, можетъ быть, въ школѣ родного города Берестья[4]). Гдѣ святый Аѳанасій получилъ дальнѣйшее развитіе, не имѣется свѣдѣній, но, несомнѣнно, онъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени: зналъ творенія святыхъ Отцевъ, житія святыхъ, а также и сочиненія западноевропейскихъ историковъ; свободно писалъ по-польски, по-латински и хорошо былъ знакомъ съ греческимъ языкомъ.

Въ своей молодости святый Аѳанасій «служилъ въ разныхъ мѣстахъ», т. е., вѣроятно, какъ человѣкъ, выдающійся по своему развитію, занимался преподаваніемъ въ богатыхъ домахъ польско-русскаго дворянства. Когда канцлеръ Литовскій Левъ Сапѣга съ вѣдома Польскаго короля Сигизмунда III[5]) былъ назначенъ опекуномъ надъ Яномъ Фавстиномъ Лубой, которому поляки съ дѣтства внушили мысль, что онъ законный наслѣдникъ Московскаго престола (сынъ Марины Мнишекъ, жены перваго Лжедимитрія),—

1) Въ надгробномъ стихотвореніи святому Аѳанасію, который скончался въ Брестѣ, сказано, что онъ «забитъ на своей отчизнѣ»; это свидѣтельство (средины XVII вѣка) можно понимать въ смыслѣ указанія на рожденіе преподобнаго въ Брестѣ или его окрестностяхъ (см. слѣд. прим.).

2) *Филипповичи* (фамилія св. Аѳанасія)—мѣщане, упоминаются въ актахъ г. Берестья (Бреста) подъ 1637 г. и могли быть родственниками преподобнаго.

3) Въ сохранившихся до насъ запискахъ, или «Діаріушѣ»; во вносныхъ значкахъ приводятся отрывки изъ записокъ св. Аѳанасія.

4) Берестейская школа была заведена по благословенной грамотѣ епископа Владимірскаго и Брестскаго Мелетія Хрептовича 6 іюля 1590 г. Отнята уніатами въ 1597 г.

5) *Сигизмундъ III* царствовалъ въ Польшѣ съ 1587 по 1632 г.

Аѳанасій Филипповичъ какъ извѣстный по своему образованію человѣкъ былъ приглашенъ къ нему инспекторомъ[1]) и въ этой должности прослужилъ семъ лѣтъ при дворѣ Сапѣги[2]). Вѣроятно, суетная, безпечная и не въ мѣру разгульная жизнь, которую пришлось наблюдать святому Аѳанасію при дворѣ богатаго польскаго вельможи, произвела въ немъ нравственный переворотъ, и онъ сталъ часто задумываться «надъ грѣховностью вѣка сего». Размышленія привели его къ тому, что онъ рѣшилъ порвать связи съ міромъ, отошелъ отъ Сапѣги и въ 1627 году принялъ монашеское постриженіе въ Виленскомъ Свято-Духовомъ монастырѣ. Отсюда святый посланъ былъ на послушаніе сперва въ монастырь Кутеинскій подъ Оршею (Могилевской губ.), а затѣмъ Межигорскій около Кіева, гдѣ «немалое время учился волѣ Божіей и жизни по Закону»[3]).

Изъ Межигорья святый Аѳанасій былъ снова позванъ въ Вильну. При прощаньи Межигорскій игуменъ сказалъ преподобному:

— Братъ Аѳанасій, сохрани въ глубинѣ сердца по крайней мѣрѣ три вещи: будь въ послушаніи у своихъ старшихъ, ревнуй о церковномъ правилѣ и стерегись бесѣдъ съ женщинами; когда, при помощи Божіей, сохранишь это, спасешься и будешь потребенъ на службу Церкви Христовой. Иди съ миромъ!

На пути въ Вильну преподобный встрѣтилъ весьма больного человѣка, «взялъ его на себя и несъ немало»; этотъ человѣкъ открылъ подвижнику многое изъ таинъ Божіихъ, «вложилъ ему въ сердце сладчайшее Имя Іисуса и научилъ, какъ сохранить его: 1) имѣть въ обращеніи съ людьми разумную умѣренность; 2) хранить послушаніе, чистоту и пребывать въ бѣдности; 3) постоянно памятовать о двоякой смерти (духовной и тѣлесной); 4) рѣшительно во всемъ полагаться на волю Божію и 5) если бы по немощи тѣла приключилось что противное воли Божіей, очищать себя исповѣдью и полнымъ раскаяніемъ». Въ Вильнѣ преподобный получилъ посвященіе въ санъ іеромонаха и «волею Божіею и стар-

---

[1]) *Инспекторъ*—слово латинское—(inspector); значитъ—*надзиратель*.

[2]) По другому извѣстію, Луба жилъ семь лѣтъ въ монастырѣ у св. Аѳанасія и тамъ училея у него грамотѣ.

[3]) *Виленскій Свято-Духовъ* братскій монастырь основанъ въ 1609 г. Имѣлъ большое значеніе въ борьбѣ Православія съ уніей.—*Кутеинскій-Богоявленскій* основанъ въ 1623 г.—*Межигорскій-Спасо-Преображенскій* возникъ въ XIII стол., находится въ 20 верстахъ къ сѣверу отъ Кіева, на правомъ берегу Днѣпра, въ долинѣ между возвышенностями. Всѣ три монастыря существуютъ въ настоящее время.

шихъ» былъ назначенъ намѣстникомъ въ Дубойскій монастырь подъ Пинскомъ[1]), гдѣ въ теченіе трехъ лѣтъ «сильно боролся, то съ своими дурными помыслами, то съ врагами Православія іезуитами»[2]). Канцлеръ Литовскій Князь Станиславъ Радзивилъ въ 1636 году отобралъ Дубойскій монастырь для поселившихся въ Пинскѣ іезуитовъ. Благочестивая душа святаго Аѳанасія была глубоко потрясена этой неправдой, и онъ видѣлъ наяву необыкновенно страшныя знаменія на небѣ и на землѣ: на небѣ—грозныя облака съ войсками, выстроенными для битвы и готовыми къ отмщенію; на землѣ—семь адскихъ огней, назначенныхъ для семи смертныхъ грѣховъ; въ одномъ изъ нихъ (въ огнѣ пламеннаго гнѣва) ясно замѣтилъ трехъ людей: папскаго нунція въ папской коронѣ, короля Сигизмунда и гетмана Сапѣгу, сидящихъ въ страшной печали за преслѣдованіе Восточной Церкви. Въ горячей ревности по святой вѣрѣ православной преподобный написалъ жалобный листъ о притѣсненіяхъ православныхъ латино-уніатами и, закрѣпивъ его подписями многихъ почтенныхъ людей, вручилъ его «Пречистой Богородицѣ Купятицкой», т. е. положилъ у Ея иконы, моля Ее вступиться и защитить православныхъ отъ обиды.

По отобраніи отъ православныхъ Дубойской обители Аѳанасій Филипповичъ былъ оставленъ *на послушаніи* въ Купятицкомъ монастырѣ[3]) и пребывалъ здѣсь въ трудахъ и терпѣніи. Въ это время (въ 1636 г.) въ Купятицкій монастырь пришли листы Петра Могилы, Кіевскаго митрополита[4]), съ просьбой собрать милостыню на обновленіе каѳедральной митрополичьей церкви Кіево-Софійскаго собора. Просьба была исполнена, и въ маѣ 1637 года собранныя деньги были отправлены митрополиту. Узнавъ отъ посланнаго, что и въ Купятицахъ церковь весьма стара, Петръ Могила далъ «универсальный листъ»[5]) для сбора подаяній на

[1]) *Дубойскій* монастырь близъ города Пинска Минской губерніи. Когда основанъ,—неизвѣстно. Въ 1636 году монастырь захваченъ уніатами. Въ настоящее время не существуетъ.

[2]) *Орденъ іезуитовъ* основанъ испанцемъ Игнатіемъ Лойолой и въ 1540 г. утвержденъ папою Павломъ III. Его задача—борьба съ протестантами и другими врагами Католической Церкви.

[3]) *Купятицкій* монастырь, теперь не существующій, находился въ Пинскомъ уѣздѣ Минской губ. Монастырь основанъ на мѣстѣ, гдѣ 15 ноября 1182 г. явилась икона Божіей Матери, по имени ближайшаго села называемая Купятицкою. (Объ этой иконѣ Богоматери см. ниже).

[4]) *Петръ Могила* управлялъ Кіевской митрополіей съ 1633 по 1647 г.

[5]) Общій листъ, по которому можно было собирать подаянія на всемъ Юго-Западѣ Руси, а не въ одной опредѣленной мѣстности или повѣтѣ.

обновленіе этого храма, а игуменъ Иларіонъ Денисовичъ, послѣ совѣта съ братіею, возложилъ это послушаніе на святаго Аѳанасія и на послушника Онисима Волковицкаго. Преподобный отнесся къ труду на благо церкви, въ которой помѣщалась Купятицкая чудотворная икона Богоматери, съ необыкновеннымъ усердіемъ и ревностью. Послѣ совѣщанія, которое происходило въ монастырской трапезѣ,—разсказываетъ святый Аѳанасій, — «вдругъ страхъ весьма великій напалъ на меня, и я сидѣлъ у стола точно одеревенѣлый; уйдши въ свою келлію, я затворился и сталъ предъ Всемогущимъ Богомъ молиться о своемъ послушаніи. Спустя немного, когда я стоялъ на молитвѣ, на меня напалъ такой страхъ, что я порывался бѣжать изъ келліи, но, удержанный какой-то невѣдомой силой, остался и долго горько плакалъ и, хотя въ келліи никого не было, я услышалъ сладкій голосъ: «Царь Московскій устроитъ мнѣ церковь: иди къ нему».

При этомъ меня точно облило варомъ, и я снова началъ горько плакать, думая: что то будетъ.»

Въ ноябрѣ 1637 г., когда приближалось время отъѣзда на сборъ, идя отъ заутрени изъ церкви, преподобный объявилъ игумену о своемъ видѣніи, на что тотъ отвѣтилъ:

— Брате милый, куда тебя Всемогущій Богъ и Пречистая Богородица поведутъ, туда и иди, а я тутъ съ братіей буду молиться, чтобы ты во здравіи вернулся къ намъ; а о чемъ ты говоришь, не знаю, какъ это сбудется, когда у тебя нѣтъ и листа, который выдается отъ короля, нашего господина.

Простившись съ братіей, преподобный Аѳанасій вошелъ въ притворъ церковный и, поручая себя во всемъ попеченію Божію, сталъ молиться съ колѣнопреклоненіемъ; потомъ черезъ окно взглянулъ на чудотворный образъ Пречистой Богородицы, и ему послышался изъ церкви шумъ, очень страшный. Поверженный въ трепетъ, онъ хотѣлъ бѣжать, но потомъ, собравшись съ духомъ, снова поглядѣлъ черезъ оконце, говоря:

— О Пречистая Богородице, будь со мною.

И въ ту минуту отъ чудотворнаго образа Пречистой Богородицы послышался ясный голосъ:

— Иду и Я съ тобою.

А діаконъ Неемія, стоя на лѣвомъ клиросѣ наподобіе иконы (этотъ діаконъ за нѣсколько лѣтъ передъ симъ послѣ богоугодныхъ подвиговъ иноческихъ преставился въ молодыхъ лѣтахъ) и какъ бы заикаясь, вымолвилъ:

— Иду, иду и я съ Госпожею моей.

Когда святый Аѳанасій съ Онисимомъ Волковицкимъ пріѣхали въ Слуцкъ [1]), архимандритъ Шицикъ отобралъ у нихъ листы и всѣ святки продержалъ ихъ въ большой тревогѣ, разобидѣвшись на Купятицкаго игумена за то, что онъ отправилъ сборщиковъ въ Бѣлоруссію безъ доклада ему, намѣстнику митрополита; но, устрашенный во снѣ видѣніемъ, вернулъ листы путникамъ и сказалъ:

— Дѣлаю это для Пречистой Богородицы, а не для вашего игумена: идите съ Богомъ, куда хотите.

Оттуда сборщики прибыли въ Кутеинскій монастырь близъ города Орши. Въ монастырѣ удивлялись ихъ смѣлому плану идти въ Москву за сборомъ подаяній, но предостерегали.

— Господине отче Аѳанасіе!—говорилъ намѣстникъ монастыря.—Трудно безъ пашпорта короля, нашего повелителя, идти вамъ черезъ Смоленскъ и Дорогобужъ за границу до Москвы; виленскіе чернецы и пашпортъ имѣли для милостыни, а много набѣдствовались.

Святый Аѳанасій былъ напуганъ этими словами, но не оставилъ своего плана; добывъ отъ Кутеинскаго игумена рекомендательныя письма къ разнымъ протопопамъ и православнымъ братствамъ, преподобный посѣтилъ Копысь [2]), Шкловъ [3]), Могилевъ, Головчинъ [4]), но нигдѣ не получилъ милостыни, потому что передъ ними прошли другіе сборщики. Вернувшись въ Кутеинскій монастырь и уже рѣшивъ ѣхать назадъ въ Купятицы, преподобный услышалъ такой совѣтъ отъ намѣстника:

— Отче Аѳанасій, брате милый! Жаль мнѣ тебя, что ты, сдѣлавъ такъ мало для своего послушанія, отъѣзжаешь домой. Совѣтую тебѣ: иди черезъ Трубецкъ до Брянска; хоть и тамъ будетъ не безъ труда, однако, волею Божіею, попадешь въ столицу Московскую.

Запали эти слова въ сердце святому Аѳанасію; передалъ онъ ихъ и настоятелю Кутеинской обители, который благословилъ его на путь и далъ рекомендательное письмо къ князю Петру Трубецкому. Съ разными скорбями и непріятностями путники

---

1) *Слуцкъ*—уѣздный городъ Минской губерніи.

2) Заштатный городъ Могилевской губ.

3) Мѣстечко той же губерніи и уѣзда.

4) Мѣстечко той же губерніи и уѣзда.

черезъ Пропойскъ[1]) и Стародубъ[2]) дошли до Трубецка[3]). Но здѣшній воевода князь Петръ, несмотря на письмо Кутеинскаго игумена, отнесся къ сборщикамъ крайне подозрительно, такъ какъ тогда было казацкое возстаніе подъ начальствомъ Павлюка[4]) и граница оберегалась особенно строго. Трубецкой, подъ угрозой великаго наказанія, велѣлъ путникамъ возвратиться назадъ, и они уже хотѣли было ѣхать домой, но рѣшили побывать еще въ Челнскомъ монастырѣ[5]). «Когда я,—говоритъ святый Аѳанасій,—шелъ пѣшій вдали передъ конемъ и молился Господу Богу и Пречистой Богородицѣ, страхъ великій напалъ на меня, такъ что я восклицалъ громкимъ голосомъ:

— О Боже мой и Пречистая Богородице! Смилуйтесь надо мною! Что это дѣлается?

Въ это время мнѣ показалось, будто послушникъ говоритъ:

— На что требуешь людской помощи? Иди въ Москву, я съ тобою!

Приблизившись къ послушнику, я спросилъ его, что онъ говорилъ, а онъ отвѣтилъ:

— Ничего я не говорилъ тебѣ, я только сержусь на васъ, что мы даромъ бродимъ.

Прибывши въ Челнскій монастырь, преподобный повѣдалъ братіи, что, при помощи Божьей, намѣренъ добраться до Москвы; на это одинъ изъ старцевъ отвѣтилъ:

— Не дойдешь, господине, такъ какъ время тревожное по случаю казацкаго погрома, но если съ тобою (какъ говоришь) помощь Божія, то можно дойти. Направляйся въ Новгородъ-Сѣверскій къ воеводѣ Петру Песечинскому; счастье твое, если прикажетъ тебя пропустить, а тутъ теперь вездѣ великая охрана.

Святый Аѳанасій послушался этого совѣта. На пути къ Новгородъ-Сѣверску[6]) на ночлегѣ въ постояломъ домѣ въ глухую полночь на преподобнаго напалъ великій страхъ, и ему почудилось, «будто кто-то ѣдетъ съ немалой свитой», слышался голосъ: «есть,

1) Мѣстечко Могилевской губерніи, Старобыховскаго уѣзда.

2) Уѣздный городъ Черниговской губерніи.

3) Уѣздный городъ Орловской губерніи, по современному произношенію Трубчевскъ.

4) *Павлюкъ Карпъ Павловичъ Гудзанъ*—казацкій предводитель, крещеный турокъ. Возстаніе его началось въ 1637 г. 6 декабря этого года—разбитъ поляками, въ февралѣ 1638 г.—казненъ.

5) *Челнская Спасо-Преображенская обитель* въ 8 верстахъ къ юго-западу отъ Трубчевска; въ XVII в. была приписана къ Кіево-Печерской Лаврѣ. Существуетъ донынѣ.

6) Уѣздный городъ Черниговской губерніи.

есть, онъ тутъ», а когда все утихло, Аѳанасій разбудилъ хозяина и, ничего не сказавъ ему, просилъ сію жъ минуту проводить на Новгородскую дорогу. Въ пути ночной порой, навѣрно не зная куда ѣхать, преподобный, чтобы разогнать тревогу, началъ возглашать акаѳистъ Богородицѣ: «Взбранной Воеводѣ побѣдительная» съ припѣвами: «аллилуіа, аллилуіа», а затѣмъ подъ утро вздремнулъ. «Отряхнувши сонъ съ очей,—пишетъ святый Аѳанасій,—я увидалъ юношу въ мантіи, сидящаго на нашемъ конѣ, поглядывающаго взадъ на насъ и указывающаго дорогу. Юноша сказалъ:

— Я—Неемія, діаконъ, сожитель вашъ Купятицкій.

Затѣмъ исчезъ, а когда взошло солнце, вмѣстѣ съ нимъ я увидѣлъ на небѣ крестъ, а въ немъ—образъ Пречистой Богородицы съ Младенцемъ въ родѣ Купятицкаго[1]), пронизанный и окруженный лучами солнечными. И послѣ того, какъ я въ раздумьи немало смотрѣлъ на него, хотѣлъ указать на это чудо послушнику Онисиму, а онъ, встрепенувшись отъ сна, началъ бить коня; и въ тотъ мигъ образъ сталъ невидимъ на небѣ, и я ужъ больше не упоминалъ ему тогда о видѣніи. Приблизившись къ пограничному селу передъ полуднемъ, мы чудесно миновали стражу воеводы Новгородскаго: одинъ поселянинъ того села стоялъ около дороги, снявши шапку, а когда я поздоровался съ нимъ, сказалъ мнѣ:

—Что это за госпожа, отче, и куда ѣдетъ съ такой немалой свитой?

Я, не зная, что отвѣчать ему, только сказалъ «но, но» и отошелъ къ санямъ[2]).

Изъ селенія проводила иноковъ большая толпа народа, и около церкви во имя святаго Аѳанасія, стоящей за селомъ въ полѣ, путники «волей Божіей» перешли границу и пріѣхали въ первое село Московской Руси Шепелево.

---

[1]) Чудотворная икона Божіей Матери Купятицкой, теперь находящаяся въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, дѣйствительно помѣщается на скрѣпѣ равнобедреннаго съ закругленными концами мѣднаго литого креста. Эта икона тѣснѣйшимъ образомъ связана съ судьбою св. Аѳанасія, и онъ постоянно изображается молящимся передъ ней. Она признается явившейся въ 1182 г.; послѣ разгрома Татарами Юго-Западной Руси въ 1240 г. и сожженія церкви въ Купятицахъ, она пролежала въ пепелищѣ около 250 лѣтъ; по явленіи ея благочестивому страннику Іоакиму, въ концѣ XV в. или началѣ XVI, она была отыскана и помѣщена въ построенномъ на пожарищѣ храмѣ Купятицкомъ. Перенесена изъ Купятицъ въ Кіевъ въ 1655 г. по случаю захвата уніатами Купятицкаго монастыря.

[2]) Какъ ясно изъ разсказа св. Аѳанасія, поселянинъ (по имени Ѳеодоръ Драгоміръ) видѣлъ Небесную Спутницу преподобнаго—Пресвятую Богородицу.

Здѣсь они были приняты ласково. Всѣ изумлялись—какъ это имъ удалось пробраться около стражи, видѣли въ этомъ явную помощь Божію инокамъ-путникамъ, а одна женщина прямо сказала:

— Воистину съ ними ѣдетъ Богородица, если они миновали охрану.

10 февраля 1638 года святый Аѳанасій съ Онисимомъ прибыли въ Сѣвскъ[1]), гдѣ голова съ другимъ чиновнымъ людомъ допытывались, для какой нужды явились путники; узнавъ, что у нихъ нѣтъ пропуска къ царю, они сказали, что невозможно имъ добраться до столицы. Преподобный на это отвѣтилъ:

— Иду по волѣ Бога и той иконы, которую даю вамъ въ отпечаткѣ на бумагѣ.

Тогда они повѣрили ему и отошли, не принявъ никакого рѣшенія. Когда преподобный при закатѣ солнца былъ въ одномъ лѣсу, неподалеку отъ Сѣвска, явственно услышалъ слѣдующій голосъ:

— Аѳанасій! Иди къ царю Михаилу и скажи ему: побѣждай нашихъ непріятелей, ибо уже пришелъ часъ; имѣй на военныхъ хоругвяхъ образъ Пречистой Богородицы Купятицкой для помощи и въ битвахъ храбро защищай каждаго человѣка, именующагося православнымъ.

Поздно ночью, сбившись съ дороги, странники попали въ деревню Кривцово въ 5 верстахъ отъ Сѣвска и выпросились на ночлегъ у одного христіанина, у котораго былъ сильно боленъ сынъ. Сѣвши около страдальца, святый Аѳанасій обратился къ Всевышнему съ молитвой объ его исцѣленіи. На слѣдующій день пришелъ къ преподобному хозяинъ и говоритъ:

— Старче великій, если ты священникъ, помолись Богу о сынѣ, чтобы онъ былъ здоровъ.

Святый Аѳанасій, отправивши съ послушникомъ молебенъ, знаменалъ больного бумажнымъ образомъ Пречистой Богородицы Купятицкой. О дивныя дѣла Божіи! Точно какъ пробужденный отъ сна, больной поднялся и вскричалъ:

— Откуда это пришла Надежда моя Богородица исцѣлить меня?

И тотчасъ всталъ, возблагодарилъ Бога и прислуживалъ путникамъ за столомъ, а люди, бывшіе при этомъ, сильно изумлялись

---

[1]) Уѣздный городъ Орловской губ.

въ радости и страхѣ. Отецъ исцѣленнаго проводилъ дорогихъ гостей на Брянскую дорогу и совѣтовалъ непремѣнно ѣхать въ Москву.

По отъѣздѣ изъ Кривцова послушникъ Онисимъ доставилъ много безпокойства святому Аѳанасію и даже порывался бѣжать отъ него, говоря:

— Вернемся въ Литву, ибо здѣсь погибнемъ. Для чего мы терпимъ такую бѣду и добровольно отдаемъ себя еще бо̀льшимъ опасностямъ? Настойчиво стремишься ты быть въ столицѣ Московской, — не будешь, не будешь!

Преподобный, обратившись про себя съ молитвой къ Господу и Пречистой Богородицѣ, тихо сказалъ своему спутнику:

— Милый братъ, побойся Бога! Ты вѣдь самъ слышалъ и видѣлъ немало Божіихъ чудесъ надъ нами; зачѣмъ же неразсудительно поступаешь?—и, обстоятельнѣй раскрывъ передъ нимъ Божественное попеченіе о нихъ обоихъ, наконецъ сказалъ.—Намъ спутешествуютъ Пресвятая Богородица по обѣщанію Своему и Ангелъ-Хранитель нашъ, котораго я ясно видѣлъ въ лицѣ Нееміи, діакона Купятицкаго.

Выслушавши это, Онисимъ попросилъ у святаго прощенія, и съ того времени спутники ѣхали въ полномъ согласіи.

Когда спутники прибыли въ Карачевскій Воскресенскій монастырь[1]), его игуменъ принялъ ихъ съ любовію и посовѣтовалъ взять пропускъ къ царю отъ мѣстнаго воеводы. Выслушавъ разсказъ путниковъ, воевода произнесъ:

— Дивны дѣла Божіи! Я объ нихъ вывѣдывать много не хочу, а каждому дѣянію Божію простымъ сердцемъ вѣрую.

И далъ имъ листъ и проводника до самой столицы. «Чудеснымъ образомъ,—говоритъ преподобный,—доѣхавши до Московской столицы, будучи за рѣкою Москвою, на Ординской улицѣ, въ гостинницѣ и по всей правдѣ написавши исторію того, что происходило въ дорогѣ по указанію Божію (какъ тому вѣрую по простотѣ сердца), подалъ ее царю Московскому на укрѣпленіе, охрану и распространеніе православной вѣры». Вѣроятно, исторія чудеснаго странствованія святаго Аѳанасія, поданная Михаилу Ѳеодо-

---

1) Монастырь основанъ неизвѣстно когда, не позднѣе XVI в. Въ 1680 г. приписанъ къ Воскресенскому, Новый Іерусалимъ, монастырю. Въ 1764 г. упраздненъ. Въ настоящее время на его мѣстѣ церковь въ честь Обновленія св. Храма Господня при городѣ Карачевѣ Орловской губерніи.

ровичу, пришлась вполнѣ по душѣ благочестивому царю, и ея составитель—святый Аѳанасій былъ отпущенъ домой съ богатой милостыней на сооруженіе церкви во имя Пресвятой Богородицы Купятицкой. Изъ Москвы преподобный и его спутникъ выѣхали въ Недѣлю Вербную (1638 г.) черезъ Можайскъ[1]) и Вязьму[2]) до Дорогобужа[3]), а отсюда Днѣпромъ на челнокѣ черезъ Смоленскъ и Оршу[4]) до Могилева, изъ Могилева 16 іюня «возомъ» черезъ Минскъ на Вильну и прибыли въ Купятицы 16 іюля 1638 г.

Скоро послѣ того, въ 1640 году, монашествующіе Брестскаго Симеонова монастыря[5]) просили настоятеля Купятицкаго прислать имъ на игуменство одного изъ двухъ лицъ: Аѳанасія Филипповича или Макарія Токаревскаго[6]). Иларіонъ Денисовичъ, не желая пускать отъ себя ни одного изъ дорогихъ ему трудниковъ, отправилъ третье лицо, но брестскіе иноки не приняли его. Тогда рѣшено было кинуть жребій, кому ѣхать въ Брестъ—Макарію или Аѳанасію, и, по волѣ Божіей, жребій палъ на святаго Аѳанасія. Разставаясь съ нимъ, Иларіонъ Денисовичъ написалъ брестскимъ инокамъ, что «съ великою скорбью» отпускаетъ къ нимъ «половину себя самого», и при этомъ прибавилъ: «спостраждите во всемъ ему, да со Христомъ воцаритеся».

По прибытіи въ Брестъ на игуменство преподобный прежде всего занялся разысканіемъ старинныхъ грамотъ—епископскихъ и королевскихъ, которыми утверждались разныя права и преимущества за ввѣреннымъ ему монастыремъ. Усмотрѣвъ изъ сихъ грамотъ, что «унія со старымъ Римомъ, принятая вопреки законамъ Церкви Восточной, проклята навѣки, я,—говоритъ Аѳанасій,—открыто въ церкви и въ разныхъ мѣстахъ объявлялъ объ этомъ». Открытое заявленіе произвело столь сильное дѣйствіе, что, по словамъ преподобнаго, «въ мѣстѣ томъ Берестейскомъ и во всемъ округѣ того воеводства уніаты начали испытывать величайшую тревогу». Въ слѣдующемъ (1641) году въ сентябрѣ святый Аѳанасій от-

---

1) Уѣзд. городъ Московской губ.

2)—3) Уѣздные города Смоленской губ.

4) Уѣзд. городъ Могилевской губ.

5) *Брестскій Симеоновъ* монастырь существовалъ съ XIII столѣтія. Въ 1828 г. монастырскія постройки были сломаны, и мѣсто монастыря пошло подъ укрѣпленія Брестъ-Литовской крѣпости.

6) Это—Макарій Каневскій (по мѣсту настоятельства) или Овручскій (по мѣсту рожденія и постриженія), причисленный Церковью къ лику святыхъ; онъ замученъ Татарами въ 1678 г. (память его—7 сентября).

правился на Сеймъ, т.е. на собраніе государственныхъ чиновъ, въ Варшаву и выхлопоталъ у короля Владислава IV[1]) за его собственноручною подписью грамоту (привилегій), которой подтверждались всѣ старыя преимущества православнаго братства въ Брестѣ и обезпечивалась на вѣчное время полная свобода Богослуженія и обрядовъ по Уставу Восточной Церкви. Но, по законамъ царства Польскаго, королевскій привилегій не могъ имѣть силы безъ утвержденія его печатью короннаго канцлера или подканцлера. Святый Аѳанасій молилъ объ этомъ и даже предлагалъ деньги, но напрасно.

— Будете всѣ уніатами,—говорили хранители печатей просителю,—такъ мы и даромъ запечатаемъ; знайте, что намъ отъ святаго отца, папы Римскаго, подъ клятвою запрещено умножать здѣсь греческую вѣру.

Тогда преподобный обратился за совѣтомъ и помощью къ православнымъ, сначала къ вліятельнымъ духовнымъ особамъ, прибывшимъ на Сеймъ. Но и здѣсь не нашелъ онъ поддержки, такъ какъ каждый изъ нихъ былъ занятъ исключительно своими частными дѣлами и выгодами. «Остальные отцы и монахи,—замѣчаетъ преподобный,—всѣ пріѣхали по своимъ личнымъ побужденіямъ и говорятъ одно: у меня довольно церквей, какъ себѣ кто хочетъ, такъ пусть и хлопочетъ, это не мое дѣло. О полномъ и общемъ успокоеніи вѣры православной даже нѣтъ и помину». Проникнутый мыслію «о полномъ и общемъ успокоеніи», святый Аѳанасій чутко прислушивался къ жалобамъ на униженіе Православной Церкви, которыя раздавались отовсюду и были принесены въ Варшаву пріѣхавшими на Сеймъ по разнымъ дѣламъ горожанами. Трогательными чертами со словъ православныхъ мірянъ описываетъ преподобный бѣдствія Православной Церкви въ Польско-Литовскомъ государствѣ: «Даже и за деньги нельзя имѣть свободы въ отеческомъ благочестіи и поступать, какъ требуетъ совѣсть православныхъ людей. О горе! Живутъ дѣти безъ крещенія, взрослые безъ вѣнчанія, а умершихъ хоронятъ, крадучись, ночью—въ поляхъ, огородахъ и погребахъ. Здѣсь, въ христіанскомъ государствѣ православные люди терпятъ больше стѣсненій, чѣмъ въ турецкой неволѣ. Бѣдные оршане[2]) потому только, что въ своемъ братствѣ

---

[1]) *Король Владиславъ IV*, сынъ Сигизмунда III, царствовалъ съ 1632 по 1648 г.

[2]) Жители г. Орши Могилевской губ.

устроили новую церковь, должны были дать за печать двѣсти червонцевъ». Пораженный грустью при мысли объ этихъ притѣсненіяхъ православныхъ, святый Аѳанасій однажды говорилъ самъ въ себѣ:

— О Боже правый! Вѣсы беззаконія упали до самаго края; уже и отцы наши старшіе не пекутся о вѣрѣ Православной, объ утвержденіи славы Божіей; всѣ какъ будто стыдятся ея, а что хуже всего—нѣкоторые, обольщенные латиной и высокоуміемъ, изъ-за почестей и свободы свѣта сего, безразсудно перекидываются отъ истинной вѣры къ другой вѣркѣ и, какъ бы хромая, возглашаютъ: «о, и та и эта вѣра добра», а этого быть не можетъ, чтобы существовало много вѣръ добрыхъ, ибо написано: **ѐдинъ гдь, ѐдина вѣра, ѐдино крщеніе**[1]).

Въ одномъ видѣніи притѣсняемая Церковь Православная представилась преподобному Аѳанасію въ видѣ дѣвы, ограбленной, плачущей и жалующейся на враговъ своихъ. Потомъ на постояломъ дворѣ, когда святый Аѳанасій совершалъ акаѳистъ Пречистой Богородицѣ и произносилъ слова «отъ всякихъ насъ бѣдъ свободи», то услышалъ отъ образа Богоматери явственный голосъ:

— Аѳанасій! Жалуйся теперь на Сеймѣ при помощи иконы Моей Купятицкой, въ крестѣ изображенной, передъ королемъ Польскимъ и государствомъ, грозя праведнымъ гнѣвомъ и Страшнымъ Судомъ Божіимъ, который вотъ-вотъ поистинѣ наступитъ, если не образумятся; пусть прежде всего навѣки осудятъ проклятую унію—въ этомъ самая насущная нужда—и имъ еще можетъ быть хорошо.

Исполняя это повелѣніе, преподобный въ 1643 году, какъ святый Пророкъ Илія, ревнующій объ истинной вѣрѣ, отправился на Генеральный Сеймъ въ Варшавѣ. Онъ взялъ съ собою по семи экземпляровъ образковъ Купятицкой Богоматери, написанныхъ на полотнѣ, исторію своего путешествія въ Москву и «надписаніе», заключающее предостереженія о гнѣвѣ и Страшномъ Судѣ Божіемъ за преслѣдованіе Православія и покровительство уніи. Вмѣсто прошенія отъ Церкви Восточной, преподобный роздалъ знатнѣйшимъ членамъ Сейма изъ дворянскихъ родовъ иконы Богоматери съ приложеніемъ и, въ присутствіи всѣхъ членовъ Сейма, обратился къ королю съ слѣдующей рѣчью:

---

[1]) Посл. къ Ефес., гл. **4**, ст. 5.

— Наияснѣйшій король Польскій, господинъ мой милостивый! мы терпимъ несносную кривду; не хотятъ намъ, людямъ православнымъ, въ дѣлахъ церковнаго благочестія утверждать печатями привилегіи, не хотятъ насъ защищать на основаніи правъ, скрѣпленныхъ присягой вашей королевской милости, и вотъ ужъ около 50 лѣтъ вѣра православная и Церковь Греческая Восточная подъ вами, христіанскими панами, въ королевствѣ Польскомъ въ угоду проклятой уніи терпитъ чрезмѣрныя притѣсненія, и это при содѣйствіи и помощи ненавистныхъ римскихъ церковниковъ, въ особенности же іезуитовъ, чрезвычайно хитрыхъ. Эти іезуиты, съ помощью точеныхъ рѣчей, лукавыхъ наукъ и высокихъ титуловъ овладѣвая душами молодыхъ людей, устрояя въ школахъ комедіи, проповѣдуя въ костелахъ и издавая превратныя книжки, измышленныя по внушенію сатаны,—безбожно соблазняютъ простыхъ людей, своихъ потатчиковъ, а православныхъ христіанъ, сами будучи не-православными, предаютъ позору и преслѣдуютъ.

Ревнитель Православія передалъ королю снимокъ съ Купятицкой иконы Богоматери и приложилъ къ нему особое писаніе. Этимъ писаніемъ преподобный просилъ короля успокоить правдивую вѣру греческую, а унію уничтожить. Онъ писалъ Владиславу:

«Если унію проклятую искорените, а Восточную Истинную Церковь успокоите, то поживете лѣта ваши въ счастіи; а если не умирите истинной греческой вѣры и не сметете съ лица земли уніи проклятой, то воистину познаете гнѣвъ Божій. Образъ Пресвятыя Богородицы да будетъ вамъ трубою и знаменіемъ, предваряющими Страшный Судъ Божій, который имѣетъ наступить, когда благословенные унаслѣдуютъ Царство Небесное, а проклятые будутъ низринуты въ адъ на вѣчныя муки».

Грозныя рѣчи и писанія Аѳанасія, конечно, должны были поразить сердца короля и сенаторовъ и, вѣроятно, правительство по этому поводу выразило свое неудовольствіе представителямъ православной партіи на Сеймѣ, и «свои отцы старшіе» взяли Аѳанасія, объявили помѣшаннымъ и посадили подъ стражу. «Я,—пишетъ преподобный,—остался поруганнымъ, осмѣяннымъ и оплеваннымъ за то, что (прости имъ Боже!) не докладывался имъ, защищая мольбы (какъ будто нужно докладываться въ такихъ тайнахъ Божіихъ)» и «сдѣлалъ это по собственному хотѣнію, а не по волѣ Божіей. О горе! До чего дошло у мудрыхъ на латинскій образецъ. Уже нисколько не заботятся о вѣрѣ и не слушаютъ

воли Божьей, но, всецѣло надѣясь на себя и на свой разумъ, творять свою волю и своихъ же угнетаютъ». Снѣдаемый скорбію, что не только король съ польской шляхтой, но и своя братія духовная не хочетъ поддержать великое дѣло успокоенія вѣры православной, Аѳанасій, подражая Христа ради юродивымъ, притворился какъ бы безумнымъ, вышелъ изъ темницы нагимъ, имѣя на себѣ только клобукъ да парамандъ[1]) для показанія своего званія, вымазался весь въ болотѣ и, поражая себя посохомъ, бѣгалъ по улицамъ Варшавы и восклицалъ громкимъ голосомъ: «Горе проклятымъ и невѣрамъ!» Преподобный имѣлъ намѣреніе вбѣгать въ костелы и возглашать тѣ же слова, но его догнали слуги владыкъ, съѣхавшихся на Сеймъ, и, втолкнувши въ болото, глубиной выше колѣнъ, продержали до прихода съ постоялаго двора воза. Произошло это въ мартѣ мѣсяцѣ: страдалецъ терпѣлъ великую стужу, еле живой на возу былъ доставленъ во владычную гостинницу и снова кинутъ въ заключеніе. По жалобѣ нѣкоего Даниловича, архіерейскаго писаря, «старшіе отцы судятъ» преподобнаго и, «не имѣя на это никакого права[2]), постановляютъ рѣшеніе: лишаютъ его игуменства и пресвитерства», затѣмъ препровождаютъ его, какъ зачумленнаго, отъ одной духовной особы къ другой и, по окончаніи Сейма, отправляютъ на судъ къ Кіевскому митрополиту, которымъ былъ тогда знаменитый Петръ Могила. Консисторія митрополита оправдала Аѳанасія, и варшавское опредѣленіе было уничтожено. «Когда я на судѣ,—замѣчаетъ Аѳанасій,—припомнилъ, какъ меня въ Варшавѣ водили отъ гостинницы къ гостинницѣ, отецъ Гизель[3]) сказалъ: «Какъ отъ Анны къ Каіафѣ», т. е., сравнилъ варшавскій судъ надъ Аѳанасіемъ съ судомъ первосвященниковъ іудейскихъ надъ Іисусомъ Христомъ. Возстановленный въ пресвитерскомъ санѣ, преподобный неоднократно совершалъ святыя Литургіи въ Кіевѣ—какъ въ пещерахъ, такъ и въ церкви Успенія Богоматери, а когда Православное Брестское братство вошло къ митрополиту съ просьбой вновь

---

1) *Парамандъ*, или *аналавъ*,—четыреугольный платъ съ изображеніями креста; его носятъ монашествующіе на груди подъ одеждою при помощи шнурковъ, которые прикрѣпляются къ верхнимъ угламъ и перебрасываются на рамена. Въ древнѣйшее время аналавъ состоялъ изъ двухъ, надѣваемыхъ крестообразно, ремней.

2) По церковнымъ канонамъ, пресвитера можетъ судить только его епископъ, а послѣдняго на Сеймѣ не было.

3) *Иннокентій Гизель* († 1684 г.)—извѣстный проповѣдникъ и писатель южно-русскій, авторъ перваго учебнаго руководства по русской исторіи.

прислать на игуменство святаго Аѳанасія, Петръ Могила исполнилъ это ходатайство братчиковъ. Въ грамотѣ братству, по поводу возвращенія игумена, митрополитъ ставилъ на видъ, что преподобный посылается на игуменство «послѣ надлежащаго вразумленія духовнаго за поступокъ, который всей Церкви Россійской причинилъ скорбь и трудности», и что Брестскій игуменъ впередъ «будетъ осторожнѣй поступать въ дѣлахъ церковныхъ, особенно же передъ королемъ, его милостью, господиномъ нашимъ милостивымъ и всѣмъ пресвѣтлымъ его Сенатомъ».

Вернувшись въ Брестъ, святый Аѳанасій всей душой отдался монашескимъ подвигамъ съ братіей ввѣреннаго ему Симеонова монастыря. Но обстоятельства въ Западной Руси слагались въ то время такъ, что тихая и уединенная жизнь иноковъ постоянно прерывалась. Православные—какъ духовенство и монахи, такъ и міряне—терпѣли много притѣсненій за свою вѣру: не разъ испытывали отъ своевольныхъ школьниковъ іезуитскихъ и отъ уніатскихъ поповъ ругательства, позорныя насмѣшки и битье, нападенія на монастырь, помѣху въ хожденіяхъ со святыней черезъ площадь и всякаго рода бѣдствія. Одинъ уніатскій архимандритъ, насильно захвативши на большой дорогѣ монаховъ, посланныхъ къ святому Аѳанасію изъ Купятицкаго монастыря, священноиноку отрѣзалъ бороду, діакона раздѣлъ донага и обоихъ прогналъ, а двухъ монастырскихъ коней со всѣми вещами грабительски присвоилъ себѣ. Дошло до того, что никому изъ монастыря нельзя было показаться на улицу, не подвергаясь ругательствамъ.

— На каждомъ мѣстѣ,—разсказываетъ святый Аѳанасій,—во дворахъ и судахъ, ругаются надъ нами и кричатъ на насъ: «гу-гу, русинъ, волкъ, схизматикъ[1]), турко-гречинъ, отщепенецъ».

Такъ какъ канцлеръ Сапѣга считался покровителемъ (патрономъ) Брестскаго монастыря (обитель имѣла землю, имъ данную), то преподобный въ 1644 г. ѣздилъ къ Сапѣгѣ въ Краковъ и просилъ своего прежняго хозяина, чтобы онъ выхлопоталъ у короля охранный листъ для православныхъ жителей Бреста, которые не находятъ въ судахъ защиты отъ притѣсненій со стороны уніатовъ. Но гордый вельможа далъ такой отвѣтъ преподобному:

— Попъ съ попомъ подрался, а мнѣ какое дѣло? Сдѣлайтесь уніатами—и будете жить въ покоѣ.

---

[1]) То есть: раскольникъ, или—еретикъ.

Обиды и притѣсненія, которыя отовсюду сыпались на православныхъ, разумѣется, не могли не волновать преподобнаго. Въ сильномъ возбужденіи онъ становится на молитву передъ Купятицкой иконой Богоматери и опять явственно слышитъ голосъ, исходящій отъ святой иконы:

— Аѳанасій! Проси еще съ помощью Моего образа на будущемъ Сеймѣ передъ королемъ Польскимъ и Польскимъ государствомъ о полномъ уничтоженіи проклятой уніи. Хорошо будетъ, если послушаютъ и уничтожатъ ее: поживутъ еще счастливо въ будущихъ лѣтахъ.

Устрашенный видѣніемъ, святый Аѳанасій пять дней былъ чрезвычайно слабъ, не пилъ, не ѣлъ и все раздумывалъ о томъ, какъ ему поступить. Онъ зналъ, что смѣлыя рѣчи на Сеймѣ снова вызовутъ судъ надъ нимъ и осужденіе, и въ то же время боялся нарушить волю Божію. Смущался великостью дѣла, которое на него, смиреннаго, возлагалъ Господь, и успокаивалъ себя тѣмъ, что даже ослица Валаама говорила нѣкогда по волѣ Божіей. Подобно другимъ инокамъ хотѣлъ бы преподобный сидѣть въ обители своей, молясь Творцу своему за себя и за всѣхъ властей, духовныхъ и свѣтскихъ, а особливо—за своихъ благодѣтелей, но, вынуждаемый волею Божіею, онъ началъ готовиться къ Генеральному Сейму 1645 года. Преподобный Аѳанасій имѣлъ намѣреніе, какъ въ предшествующій Сеймъ, поднести королю и сановникамъ въ нѣсколькихъ тетрадяхъ снимокъ съ Купятицкой иконы Пречистой Богородицы вмѣстѣ съ описаніемъ чудесъ отъ нея во время путешествія преподобнаго въ Москву, а затѣмъ сдѣлать предложеніе объ отмѣнѣ уніи и успокоеніи православной вѣры. Но преподобному не суждено было осуществить свои намѣренія: въ ноябрѣ 1644 года онъ былъ арестованъ въ Брестѣ, отвезенъ въ Варшаву и брошенъ въ оковы, въ которыхъ содержался болѣе года [1]). И въ тюрьмѣ, какъ на свободѣ, преподобный болѣе всего

---

[1]) Арестъ Аѳанасія вызывался не столько его борьбой съ уніей, сколько политическими причинами. Около этого времени русское правительство освѣдомилось о существованіи въ Польшѣ самозванца, названнаго выше Лубы; въ 1644 году о Лубѣ говорилъ съ преподобнымъ Московскій посолъ, желая узнать, именуетъ ли себя царевичемъ его бывшій воспитанникъ. Въ письмѣ Лубы, переданномъ Аѳанасіемъ послу, нашлись указанія, что онъ зоветъ себя царевичемъ, и Московское правительство потребовало выдачи самозванца, король и сенаторы защищали его, но, наконецъ, вынуждены были отправить его въ Москву для допроса. Боясь, что Московское правительство не отступитъ отъ своихъ требованій о выдачѣ Лубы, польскія власти арестовали святаго Аѳанасія въ

отдавался скорби о тяжеломъ положеніи Православной Церкви въ Польско-Литовскомъ государствѣ и мысли о «полномъ и общемъ успокоеніи» истинной вѣры. Лучшимъ выраженіемъ его тогдашняго настроенія служитъ стихотвореніе, которое онъ составилъ, сидя въ тюрьмѣ и, положивъ на голосъ, распѣвалъ для утоленія душевной боли: «пошли покой Церкви Своей, Христе Боже! Не знаю, можетъ ли кто изъ насъ терпѣть дальше! Дай намъ помощь въ печали, чтобы мы всецѣло отдались вѣрѣ святой, непорочной».

Когда надзоръ за преподобнымъ былъ ослабленъ, онъ, сидя въ тюрьмѣ, усердно занялся составленіемъ памятной записки (меморіала), которая и подана была отъ его имени королю Владиславу 29 іюня 1645 года во время засѣданія Генеральнаго Сейма. Въ запискѣ своей преподобный доказываетъ: Русь съ самаго принятія христіанства стояла въ церковной зависимости отъ Константинопольскаго Патріарха[1]), а уніаты, «отбѣгшіе пастыря своего законнаго» и отдавшіеся другому, не настоящему (папѣ), подлежатъ анаѳемѣ какъ отступники отъ вѣры; самая унія принята была духовными по корыстнымъ побужденіямъ: напримѣръ, епископъ Ипатій Поцѣй, одинъ изъ ея защитниковъ, добивался сенаторскаго кресла; митрополитъ Рагоза и епископъ Кириллъ Терлецкій склонились къ уніи, привлекаемые вольностями, которыя имъ обѣщаны отъ лица папы. «Отъ того часу,—говоритъ святый Аѳанасій,—какъ Каинъ Авеля и Измаилъ Исаака, такъ проклятый уніатъ билъ и преслѣдовалъ православнаго, брата своего, и по сіе время, съ помощью прислужниковъ и враговъ правды святой, при попущеніи Божіемъ, какъ хочетъ, такъ и злодѣйствуетъ: бѣдныхъ людей всякаго сословія, какъ въ братствахъ церковныхъ, такъ и во всякихъ совѣтахъ, судебныхъ и ремесленныхъ, клевеща, безбожно грабитъ и деретъ со всего, что имѣютъ православные христіане,—съ вѣры святой, съ совѣсти чистой, съ славы доброй, съ имущества, всячески поноситъ ихъ и бьетъ; кромѣ того,—и это хуже всего—печатаетъ, отбираетъ, повергаетъ въ нищенство и уничтожаетъ церкви, мѣшаетъ свободѣ благочестивой совѣсти.

надеждѣ, не тронетъ ли участь игумена царя и бояръ и не отнесутся ли они поэтому мягче къ судьбѣ Лубы. На арестъ могло имѣть вліяніе и то, что польское правительство подозрѣвало, не Аѳанасій ли указалъ Московскому послу на забытаго въ это время самозванца.

[1]) Развитіе и доказательства этой мысли вызваны тѣмъ, что іезуиты утверждали, будто Русь приняла Святое Крещеніе отъ латинскихъ проповѣдниковъ и въ древнѣйшія времена стояла въ зависимости отъ Римскаго папы.

Во многихъ и разныхъ мѣстахъ въ королевствѣ христіанскомъ ради той проклятой уніи и по сіе время совершаются ненужныя кровопролитія. Въ концѣ концовъ и съ казаками изъ-за той же уніи была внутренняя безполезная война; изъ-за нея милость исчезла чуть не во всѣхъ; изъ-за нея ласкательство, подхалимство, зависть, предательства, злодѣйства и—хуже всего—размножается проклятая вражда; изъ-за нея погибъ порядокъ духовный и свѣтскій». Святый Аѳанасій обращается къ королю съ мольбою «отмѣнить унію, введенную королевской же властью: духовные отцы (епископы) уже не могутъ улучшить положенія, такъ какъ сами нуждаются въ исправленіи. При вступленіи на престолъ король присягою скрѣпилъ обѣщаніе умирить Православную Церковь, а между тѣмъ этого не сдѣлано и доселѣ. Не нужно насилія ни надъ чьей совѣстью: пусть уніаты остаются, если хотятъ, при своихъ заблужденіяхъ, но пусть и православные будутъ свободны въ своей вѣрѣ».

Неизвѣстно, какъ эта горячая мольба узника была принята королемъ. Думая, что бумага не дошла до него, преподобный изъ темницы пишетъ второе прошеніе, въ которомъ обращается къ королю съ трогательнымъ воззваніемъ: «смилуйся, наияснѣйшій король Польскій, господинъ мой благосклонный, надъ гонимою Восточною Церковью, которая находится въ твоемъ королевствѣ». Это прошеніе, оправленное въ зеленый атласъ, во время проѣзда короля по Варшавѣ было брошено кѣмъ-то въ его карету и прочитано Владиславомъ IV, но распоряженія по нему не было сдѣлано. Еще одна бумага, назначавшаяся королю, не была имъ принята:

— Не нужно, не нужно больше ничего,—сказалъ онъ,—я уже приказалъ выпустить его.

Дѣйствительно, 19 октября 1645 года, по приказу Владислава, было написано Кіевскому митрополиту, чтобы онъ прислалъ взять къ себѣ Аѳанасія, который «заслужилъ наказаніе, но его королевская милость оставляетъ это безъ вниманія»; вмѣстѣ съ тѣмъ отъ митрополита требовалось послать безпокойнаго для польской власти игумена въ такое мѣсто, гдѣ бы онъ не могъ уже «чинить никакихъ тревогъ». Тѣмъ временемъ съ преподобнаго сняли оковы и ослабили надзоръ, такъ что онъ могъ свободно получать письма отъ близкихъ ему людей. Одно изъ присланныхъ въ тюрьму писемъ, утѣшая узника, называетъ его «исповѣдникомъ». Преподобный

сравнивается здѣсь съ святымъ Апостоломъ Павломъ и говорится далѣе, что «среди запустѣнія онъ процвѣлъ какъ благоуханный цвѣтъ, сіяющій не только Россійскому народу, но и всему соборному вселенскому благочестію». Хотя святый Аѳанасій могъ легко бѣжать изъ тюрьмы, но онъ не соблазнялся свободой и требовалъ суда надъ собой или, по крайней мѣрѣ, пріема у короля. Онъ разсылалъ письма и прошенія къ лицамъ, вліятельнымъ при дворѣ, чтобы они испросили ему у короля пріемъ. И король, было, согласился выслушать игумена, но католическое духовенство отговорило Владислава, и 3 ноября 1645 года преподобный былъ отправленъ съ двумя драгунами въ Кіевъ. Явившись къ митрополиту Петру Могилѣ, святый Аѳанасій представилъ ему подробный отчетъ о своихъ дѣяніяхъ въ Варшавѣ съ приложеніемъ въ копіяхъ документовъ, которые имъ были поданы королю. Вѣроятно, преподобный надѣялся, что митрополитъ и на этотъ разъ оправдаетъ его, какъ оправдалъ раньше, и отошлетъ опять на игуменство въ Брестъ, но королевское повелѣніе возымѣло свою силу: подвижникъ былъ оставленъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ какъ бы подъ началомъ. Заключеніе преподобнаго въ Кіевѣ сильно волновало многочисленныхъ его почитателей, и одинъ изъ нихъ, по имени Михаилъ, писалъ по этому поводу намѣстнику и братіи Брестскаго монастыря въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Извѣщаетъ ваше благочестіе меня, что пречестный отецъ Аѳанасій разрѣшенъ отъ узилища иновѣрныхъ и посланъ въ Кіевъ на заключеніе къ единовѣрнымъ. Это не дивно для меня, ибо и Христосъ, Господь нашъ, пострадалъ не отъ невѣрныхъ, но отъ вѣрныхъ и своихъ преданъ былъ въ руки человѣкъ грѣшныхъ. Пророчествуетъ господинъ отецъ Аѳанасій, что унія погибнетъ. Я бы вѣровалъ этому, если бы видѣлъ наши заслуги, но я не вижу ихъ и не смѣю вѣровать въ конецъ (уніи). А почему? спросите.—Потому, что наша Русь этого не хочетъ, особенно же старѣйшины. Кто не желаетъ ратовать противъ уніи, тотъ стремится къ ней; поэтому наши старѣйшины хотятъ уніи,—если не словомъ, то дѣломъ, что еще хуже». Вѣроятно, подъ вліяніемъ этого ясно обнаружившагося расположенія православныхъ къ святому преподобный получилъ свободу и вновь вступилъ на свое игуменство.

Но недолго святый Аѳанасій наслаждался покоемъ въ тихой обители Брестской. Весною 1648 года въ Малороссіи вспыхнуло

казацкое возстаніе подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго, началась несчастная для Поляковъ война. Православное населеніе Литвы и Польши во время войны страдало еще больше, было на постоянномъ подозрѣніи въ измѣнѣ Польскому королю, въ соучастіи съ возставшими казаками. И святый Аѳанасій принялъ тогда мученическую кончину, несправедливо обвиненный въ измѣнѣ.

О судѣ надъ преподобнымъ и его казни обстоятельно разсказываетъ особая повѣсть, составленная подъ сильнымъ впечатлѣніемъ скорбныхъ событій послушниками Брестской обители святаго Симеона, почитателями святаго Аѳанасія[1]). «Что мы видѣли своими глазами, что могли узнать отъ другихъ людей о мукахъ и отшествіи изъ міра сего покойнаго отца Аѳанасія, нашего игумена, о томъ пишемъ и свидѣтельствуемъ. Кто-то недобрый въ то время поднялъ войну съ казаками: и встали великое преслѣдованіе и неосновательное подозрѣніе отъ иновѣрныхъ на бѣдную Русь во всей коронѣ Польской и великомъ княжествѣ Литовскомъ. Покойный отецъ игуменъ уже не говорилъ ничего, противнаго уніатамъ, сидѣлъ себѣ тихо въ монастырѣ въ то тревожное время. Вдругъ паны изъ каптуровыхъ судовъ[2]) воеводства Брестскаго, по навѣту пана Шумскаго—въ то время капитана королевской гвардіи, прислали нѣсколько человѣкъ шляхты въ нашъ монастырь, чтобы взять игумена въ за́мокъ. А былъ тогда день субботній, именно первое іюля, и покойный самъ служилъ Литургію въ храмѣ Рождества Пречистой Дѣвы Богородицы въ другомъ своемъ монастырѣ[3]). Когда онъ, находясь у Престола, замѣтилъ въ церкви, какъ разъ во время пѣнія «Иже Херувимы», шляхту, за нимъ пришедшую,—сильно встревожился, какъ бы впалъ въ забытье и стоялъ долго, ничего не совершая, такъ что можно было пропѣть Херувимскую пѣснь въ другой разъ. Потомъ оправился, опять началъ служить и всю Литургію окончилъ чинно. А по окончаніи обѣдни выслушалъ отъ шляхты, что она пришла за нимъ, и немедленно, никуда не заходя изъ церкви, взявши съ собой другого брата, пошелъ въ

---

[1]) Повѣсть эта за свою краткость, теплоту и силу помѣщается здѣсь почти цѣликомъ, въ переводѣ на великорусское нарѣчіе.

[2]) Въ маѣ 1648 г. умеръ Владиславъ IV и было объявлено безкоролье, на время котораго обычно учреждались по воеводствамъ каптуровые суды, или временныя судилища, вѣдавшія уголовныя дѣла, касающіяся шляхетскаго (дворянскаго) сословія.

[3]) *Рождественскій Брестскій* монастырь существовалъ уже въ концѣ XV столѣтія. Въ концѣ XVI в., во время смуты послѣ введенія уніи, имъ овладѣли уніаты. Указомъ короля Владислава IV монастырь былъ снова возвращенъ православнымъ. Теперь не существуетъ.

за́мокъ. Тамъ, ставъ передъ панами судьями, началъ сперва громко говорить имъ и съ почетомъ къ судьямъ привелъ то, что святый Апостолъ Павелъ былъ передъ царемъ Агриппою и считалъ себя счастливымъ, такъ какъ зналъ, какъ ему защищаться[1]). Но паны-судьи отнеслись съ презрѣніемъ къ рѣчи покойнаго игумена и, не слушая больше, приказали доносчику, названному пану Шумскому, начать и докладывать дѣло противъ него о посылкѣ какихъ-то листовъ и пороху къ казакамъ. А отецъ игуменъ отвѣчаетъ на это:

— Милостивые паны! Это клевета и ложный вымыселъ, будто я посылалъ листы или порохъ къ казакамъ. Вѣдь вы имѣете немало дозорщиковъ, пошлите за ними и пусть они покажутъ, если я когда-нибудь и куда-нибудь отправлялъ порохъ. Что касается листовъ,—то пусть ябедникъ приведетъ какое-нибудь доказательство, что я посылалъ ихъ, какъ онъ клевещетъ.

Тогда немедленно послали доносчика Шумскаго и другихъ при немъ, чтобы перерыли нашъ монастырь и отыскали порохъ и листы. А когда ничего не нашли тамъ и уже уходили назадъ, доносчикъ отрыгнулъ злобу свою и сказалъ гайдукамъ[2]):

— Что же вы не подкинули какого-нибудь мѣшочка съ порохомъ и не донесли, что нашли тутъ у монаховъ?

Увидали затѣмъ и сами паны-судьи, что не было никакихъ доказательствъ вины игумена, а одна только пустая молва, вѣрнѣе—клевета, и успокоились. Но стали допрашивать о другомъ предметѣ и сказали:

— Но вѣдь ты унію святую безчестилъ и проклиналъ?

Положивши на себя знаменіе креста Господня, покойный отецъ игуменъ въ отвѣтъ на это произнесъ:

— Ужели, милостивые паны, вы за то велѣли мнѣ явиться къ вамъ, что я безчестилъ и проклиналъ вашу унію? Что̀ я говорилъ на Сеймѣ въ Варшавѣ передъ Его милостью королемъ Владиславомъ IV, господиномъ своимъ яснѣйшимъ, и передъ пресвѣтлымъ его Сенатомъ, что̀ всюду провозглашалъ по волѣ Божіей,—то утверждаю и теперь предъ вами: проклята ваша теперешняя унія, и вѣдайте по сущей правдѣ, что если ея не истребите въ своемъ государствѣ и Православной Восточной Церкви не умирите,—навлечете на себя гнѣвъ Божій.

---

[1]) См. Дѣян. св. Апост., гл. 26, ст. 1—2.

[2]) *Гайдукъ*—легковооруженный воинъ, пѣхотинецъ.

А сказалъ это громкимъ голосомъ, чтобы и тѣ, кто былъ поодаль, могли хорошо слышать. Сейчасъ же на эти слова нѣкоторые крикнули:

— Казнить, четвертовать, посадить на колъ такого схизматика!

И уже начали было его толкать отъ одного къ другому и рвать во всѣ стороны. Но паны-судьи велѣли всѣмъ на время изъ избы выйти и, потолковавъ между собою, говорятъ отцу игумену:

— Ты заслужилъ, чтобы тебя сейчасъ же предать позорной смерти (и она не минетъ тебя). А теперь мы приказываемъ взять тебя въ темницу, пока не получимъ какого-либо указанія изъ Варшавы.

Тогда отпустили брата, съ нимъ бывшаго, а его отдали въ тюрьму при арсеналѣ въ замкѣ Брестскомъ отъ рождества Іисуса Христова въ годъ 1648 іюля перваго. Нѣсколько дней спустя приказали наложить оковы на ноги его, и такъ онъ просидѣлъ въ темницѣ до 5 сентября того же года. Въ это время покойный (то есть святый Аѳанасій) нѣсколько разъ посылалъ изъ тюрьмы нѣкоего брата къ панамъ судьямъ, прося, чтобы сдѣлали для него одно изъ двухъ: или приказали снять кандалы, или выпустили изъ арсенала, а въ оковахъ онъ обѣщалъ ходить сколько имъ угодно. Онъ задумалъ это, какъ самъ объяснилъ намъ, чтобы свидѣтельствовать предъ ними и вразумлять, не отступятъ ли отъ своей давней и упорной привязанности къ уніи.

— Ибо,—говорилъ онъ,—если поступятъ со мною столь мягко, что освободятъ или изъ оковъ, или изъ тюрьмы, то снесутъ и мои рѣчи противъ уніи; если же не захотятъ позволить этой малѣйшей вещи, очевидно не допустятъ бо́льшей и будутъ крѣпко стоять за унію. А затѣмъ,—пояснилъ онъ,—мы никакъ ужъ не можемъ надѣяться на покой, который, какъ извѣстно, отнятъ у насъ въ этомъ государствѣ во имя уніи и съ цѣлью лишить Восточную Церковь, мать нашу, ея правъ.

Поэтому онъ, когда увидалъ, что не желаютъ позволить ему ни того, ни другого, смѣло началъ возглашать:

— Не покинетъ государства этого мечъ и война, пока не сокрушатъ выю уніи; благочестіе, дастъ Богъ, опять скоро зацвѣтетъ, ей, ей, зацвѣтетъ, а унія быстро погибнетъ.

И часто бывало такъ, что онъ, когда замѣтитъ изъ арсенала шляхтичей, говоритъ имъ черезъ окно такія рѣчи. Однажды при-

шелъ къ отцу игумену тотъ братъ, который ходилъ съ нимъ къ панамъ на судъ, и говоритъ ему:

— Не хотѣли васъ паны избавить ни отъ оковъ, ни отъ тюрьмы, а вѣдь война съ казаками улегается.

За тѣмъ братомъ пришла и шляхта слушать, что̀ отецъ игуменъ отвѣтитъ на его слова, а онъ тотчасъ при всѣхъ произнесъ:

— Не уляжется война, ибо не хотятъ изъ государства изгнать уніи.

Шляхта, услышавши это, закричала—«ахъ, какой схизматикъ!»

Разъ, въ присутствіи князя и епископа, которыхъ здѣсь не называемъ, приказали паны-судьи привести къ себѣ покойнаго въ оковахъ, и спросилъ его епископъ, дѣйствительно ли онъ проклинаетъ унію. Покойный сознался передъ нимъ, говоря:

— Дѣйствительно, она проклятая.

А тотъ, не желая его больше слушать, отвѣтилъ:

— Скоро ты увидишь языкъ свой передъ собою въ рукахъ палача.

И приказалъ его отвести и опять посадить въ тюрьму.

Когда миновалъ четвертый день сентября 1648 года и наступила ночь пятаго числа, взяли покойнаго отца игумена изъ темницы и, расковавъ кандалы, проводили въ обозъ[1]). Говорятъ, что, передъ отправленіемъ его въ обозъ, іезуиты, знавшіе объ осужденіи его на смерть, ночью приходили къ нему въ темницу и, какъ привыкли поступать всегда, сперва словами и обѣщаніями старались отвратить его отъ православной вѣры, а потомъ стращали огненными муками. Но, по милости Божіей, ничего не успѣвъ, сами ушли вспять, а одного ученика своего послали къ нему, побуждая, чтобы передумалъ и не губилъ себя. На это онъ велѣлъ отвѣтить такъ:

— Пусть іезуиты знаютъ, что какъ имъ пріятно пребывать въ прелестяхъ міра сего, такъ мнѣ пріятно пойти теперь на смерть.

Что̀ потомъ въ обозѣ творили съ нимъ, объ этомъ ходятъ между многими людьми такіе разсказы. Когда его ночью препроводили въ обозъ и хотѣли отдать бывшему тамъ воеводѣ Берестейскому, панъ воевода не желалъ его брать къ себѣ и сказалъ:

— Для чего вы привели его ко мнѣ? Онъ уже въ вашихъ рукахъ; дѣлайте жъ съ нимъ, что хотите.

[1]) *Обозъ*—подвижной укрѣпленный лагерь.

Когда, такимъ образомъ, начальникъ выдалъ его, его взяли къ себѣ тѣ, которые давно жаждали его крови[1]), и отвели въ лѣсокъ, бывшій недалеко не отъ обоза, а отъ мѣста[2]) въ четверти мили, въ лѣвой сторонѣ по направленію къ селу Гершеновичъ. Тамъ его сперва припекали огнемъ, а одинъ гайдукъ стоялъ тогда поодаль и слышалъ голосъ покойнаго отца игумена, какъ онъ имъ что-то грозно отвѣчалъ во время мученій. Потомъ вдругъ закричали на того гайдука и велѣли ему зарядить ружье двумя пулями и въ то же время приказали передъ нимъ приготовить яму. Сначала требовали отъ покойнаго, чтобы онъ отрекся отъ своихъ словъ объ уніи, но онъ отвѣтилъ:

— Что̀ сказалъ,— сказалъ, и съ тѣмъ умру.

Тогда велѣли гайдуку выстрѣлить ему въ лобъ изъ ружья. Гайдукъ, видя, что онъ духовный и знакомый ему, не торопился, но сперва испросилъ у него прощеніе и благословеніе, а потомъ выстрѣлилъ и убилъ[3]). Покойный, уже простреленный двумя пулями въ лобъ навылетъ, еще стоялъ нѣкоторое время, опершись о сосну какъ бы своей силой, такъ что его велѣли сбросить въ приготовленную яму. Но и тамъ онъ самъ обернулся лицомъ къ небу, сложилъ крестомъ руки на персяхъ и протянулъ ноги; потомъ и нашли его такъ лежащимъ въ названномъ мѣстѣ. Въ ту ночь, когда замучили покойнаго, великій трепетъ напалъ на насъ и на всѣхъ мѣщанъ отъ этихъ дѣлъ, и, хотя ночь была ясная и не видѣлось облака даже въ аршинъ величиной, молнія была ужасная и разливалась по всему небу. И такъ лежалъ покойный, невѣдомо для насъ, безъ погребенія отъ 5 сентября до перваго мая, въ теченіе осьми мѣсяцевъ. Мы знали, что его уже нѣтъ на свѣтѣ, но не вѣдали, гдѣ его тѣло, пока одинъ мальчикъ, лѣтъ семи или восьми, не указалъ намъ мѣсто, гдѣ оно было зарыто. Мы сперва желали увѣриться, подлинно ли это онъ, или кто другой, потому что его могли оттуда тайно перевезти въ другое мѣсто (земля, на которой лежало тѣло его, принадлежала іезуитамъ). Поэтому, дождавшись ночи, откопали его и, узнавши, что это подлинно онъ, немедленно перенесли его въ другое мѣсто. При тѣлѣ его не нашли ничего изъ вещей, кромѣ одной рубашки—и

[1]) Разумѣются іезуиты и ихъ помощники уніаты.

[2]) Т. е. отъ гор. Бреста.

[3]) По сказанію древняго краткаго житія, святый Аѳанасій былъ усѣченъ мечомъ во главу, и, когда его вели на казнь, онъ обратился къ православнымъ съ увѣщаніемъ стоять за истинную вѣру свою и предсказывалъ торжество Православія въ Западномъ краѣ.

то изорванной, и одного сапога. На другой день, съ позволенія полковника брестскаго, перевезли игумена въ монастырь Рождества Пречистой Богородицы, а нѣсколько дней спустя (8 мая), совершивъ отпѣваніе по чину церковному, похоронили его въ склепикѣ на правомъ клиросѣ въ храмѣ преподобнаго отца Симеона Столпника. Тамъ и до сихъ поръ тѣло его находится безъ истлѣнія[1]). Знаки мукъ и смерти на тѣлѣ его слѣдующія: подъ пахами съ обѣихъ сторонъ кости голыя, впрочемъ тѣла по мѣстамъ немного осталось, но и то отъ огня очень почернѣло; во главѣ три отверстія—два близъ уха съ лѣвой стороны, въ величину ружейной пули, а третье—съ правой стороны за ухомъ, гораздо больше, нежели первыя два, лицо все у него почернѣло отъ пороху и крови, языкъ изъ рта нѣсколько вышелъ и усохъ промежъ зубовъ: думаемъ, что его похоронили еще живаго, и это сдѣлалось съ нимъ отъ великой тяготы смертной.—Богъ благодатію Своею да утвердитъ и насъ въ благочестіи и да пошлетъ терпѣніе ради имени его святаго».

Преподобный Аѳанасій былъ мѣстно признанъ святымъ весьма скоро послѣ своей кончины: въ 1658 году 5 января Иннокентій Гизель, архимандритъ Кіево-Печерскій, съ Іосифомъ Нелюбовичъ-Тукальскимъ (съ 1664 г. митрополитъ Кіевскій) въ письмѣ къ царю Алексѣю Михайловичу говорятъ, что тѣло Аѳанасія «откровенно бывши, и доселѣ, дивну Богу во святыхъ Своихъ, въ Брестѣ пребываетъ нетлѣнно». Въ 1666 году въ Брестѣ было составлено на польскомъ языкѣ житіе, въ которомъ Аѳанасій называется «святымъ и преподобномученикомъ»[2]). Мощи его покоились сначала въ мѣдной ракѣ, но въ 1816 году 8 ноября сгорѣли вмѣстѣ съ деревянною церковью святаго Симеона Столпника; остались лишь обожженныя частицы, которыя, въ присутствіи молящихся, были уложены на оловянномъ блюдѣ и помѣщены въ Благовѣщенской церкви монастыря. Въ 1823 году для частицъ мощей была устроена рака, и они поставлены открыто для всенароднаго чествованія. Въ 1824 году монастырь былъ упраздненъ, его церковь обращена въ приходскую, и святыя мощи помѣщались въ крѣпостномъ Николаевскомъ соборѣ; по сооруженіи же въ городѣ

---

[1]) Такъ разсказывается въ «повѣсти» о кончинѣ святаго. Гдѣ нынѣ обрѣтаются честныя мощи св. Аѳанасія, о семъ сказано ниже.

[2]) Это житіе въ 1805 году переведено на русскій языкъ студентами Кіевской Духовной Академіи и отправлено въ Брестъ, гдѣ введено въ мѣстную лѣтопись.

Симеоновскаго каменнаго собора въ 1865 г. сюда были перенесены останки преподобнаго и здѣсь пребываютъ донынѣ.

Память святаго Аѳанасія какъ мученика за вѣру на Юго-Западѣ Руси была настолько живуча и сильна, что не нуждалась ни въ какихъ внѣшнихъ увѣреніяхъ и свидѣтельствахъ. Поэтому до насъ не сохранилось записей его чудесъ вплоть до средины XIX вѣка. Подъ 14 ноября 1856 г. въ мѣстныхъ записяхъ отмѣчается слѣдующее знаменіе Божіе отъ мощей святаго Аѳанасія. Помѣщикъ Владимірской губ., Николай Александровичъ Поливановъ, возвращаясь изъ заграницы, долженъ былъ задержаться въ Брестѣ вслѣдствіе тяжелой болѣзни 10-лѣтняго сына Александра. Болѣзнь развивалась быстро, и не оставалось никакихъ надеждъ на выздоровленіе отрока. Пригласивъ мѣстнаго священника для напутствованія сына Святыми Таинами, отецъ сталъ горько скорбѣть, что здѣсь нѣтъ святыни, какъ въ центрѣ Россіи, чтобы можно было бы прибѣгнуть къ ней съ горячей мольбой объ исцѣленіи ребенка. Священникъ ему сказалъ, что въ Брестѣ имѣется святыня—мощи преподобнаго Аѳанасія, и г. Поливановъ сталъ просить привезти ковчегъ съ мощами, отправить при больномъ молебствіе и приложить его къ нимъ. Благочестивое желаніе отца было исполнено, и какъ только ковчегъ съ частицами святыхъ мощей прикоснулся къ Александру, страданія болящаго тотчасъ же прекратились, и онъ, вопреки ожиданіямъ врачей, вскорѣ совершенно выздоровѣлъ. 15 августа 1857 г. благодарный отецъ прислалъ въ Брестъ серебряную съ позолотой раку вѣсомъ въ 13½ фунтовъ, въ которую и были торжественно переложены мощи святаго Аѳанасія.

Подъ 14 мая 1860 года записано слѣдующее чудо отъ святыхъ останковъ преподобнаго. Мѣстный протоіерей Василій Соловьевичъ страдалъ грыжей, такъ что у него стали выходить наружу внутренности; доктора совѣтовали больному сдѣлать довольно тяжелую операцію, но онъ не согласился и сталъ готовиться къ смерти; исповѣдавшись, онъ пожелалъ передъ пріобщеніемъ Святыхъ Таинъ отслужить молебенъ святому Аѳанасію, котораго онъ весьма почиталъ; во время молебна внутренности его вошли на свое мѣсто; больной, къ полному удивленію врачей, совершенно оправился и не испытывалъ больше приступовъ боли.

Такъ прославилъ Господь угодника Своего, преподобномученика Аѳанасія Брестскаго.

День двадцать третий

ПРАЗДНЕСТВО

в честь

ПОЧАЕВСКОЙ иконы БОЖИЕЙ МАТЕРИ

В середине XVI века на Волыни, близ Почаева, в поместье Орле, в настоящее время именуемом Урлею, проживала благочестивая православная помещица Анна Ерофеевна из Козинских, по фамилии Гойская, оставшаяся вдовою по кончине своего мужа Василия Богдановича Гойского, бывшего судии земства Луцкого[1]). В то время путешествовал по Волыни на пути из Москвы греческий митрополит именем Неофит и в 1559 году, проезжая чрез имения Гойской, по усиленной просьбе ее, остановился в ее доме и здесь пробыл несколько времени, отдыхая от путных трудов своих.

Богобоязненная Гойская с радостью приняла у себя дорогого гостя, оказывая ему самое глубокое уважение и всякое угодие. Вследствие этого, отъезжая в дальнейший путь и не имея чем бы лучшим возблагодарить такой благодетельнице, Неофит благословил ее собственной иконою Божией Матери и подарил ее Гойской на память о своем пребывании у нее.

---

[1]) Урля, ныне деревушка в 9-ти верстах от Почаева. Она разорена татарами в XVI веке, и теперь на месте бывшего замка Гойской находятся одни жалкие развалины, в которых нельзя узнать ни одной даже комнаты.

Впрочем, оставленная таким образом у Гойской святая икона Неофитова не сразу начала являть свою благодатную силу на Волыни. Долгое время икона была в храме блаженной памяти дворянки Гойской, и только спустя около 30 лет домашние Гойской начали замечать возле нее необычайный свет, приводивший всех в изумление. Случилось это около 1597 г., следовательно в самый разгар церковной унии, в то время как раз утвержденной на Брестском соборе 1596 года.

Без сомнения, надо быть слишком невнимательным к путям Божиим, чтобы в этом замечательном совпадении времен не видеть особого действия десницы Божией, которая, вместе с горьким искушением со стороны унии, в то же время уготовляла нашим предкам и благодатное утешение в чудотворной иконе Пресвятой Девы, от лет древних избравшей гору Почаевскую в место селения своего на защиту народа православного, для его ободрения, спасения и утешения. Известили Гойскую слуги ее о благодатной светлости, виденной возле иконы Неофитовой; но она долго не хотела верить их рассказам, пока сама святая икона не явилась в сонном видении, "в великом свете, самой ея милости". Впрочем, не веруя снам, Гойская первоначально не обратила внимания и на это видение. Наконец, она сама увидела ту же светлость, но уже не в сонном видении, а наяву и вследствие этого начала относиться к чудной иконе с особым благоговением, поставила ее на более приличном месте, велела возжечь пред нею неугасимую лампаду.

Между тем, спустя немного времени, как бы от живого источника, начали истекать чудеса от иконы, каковые видя благочестивая Гойская убедила родного своего брата Филиппа Козинского, страдавшего врожденной слепотой, обратиться с молитвою к Пресвятой Богородице, "дабы многомощным своим прошением у Бога она испросила ему у Господа зрение". И действительно, лишь только помолился он пред благодатной иконой, как тотчас отверзлись очи его, "как бы древле от Христа слепорожденному", и он стал видеть совершенно, как бы никогда слепым не родился. После этого Гойская уже не решилась долее держать святую икону у себя, но немедленно (1597 г.) созвавши иноков и священников и собравши множество народа православного, с Крестным ходом и "пением богодухновенным" перенесла ее на гору Почаевскую и "там в пещере обитающим инокам отдала оную на вечное хранение". В то же время Гойская сделала богатые пожертвования в Почаевскую готовую, бывшую при тамошних пещерах деревянную церковь Успения Божией Матери, в которой первоначально была поставлена икона Божией Матери на горе Почаевской, и записала ей разные угодия, как то: земли, сенокосы, шесть оседлых семейств крестьян и десятину вся-

кого хлеба, собираемого с принадлежащего ей, в числе прочих, имения Почаевского.

С этим вместе "для большей славы Богоматери" Анна Гойская, вместо бывшей доселе на горах Почаевских простой пустынной обители в пещерах, особою фундушевою записью от 1-го февраля 1597 года положила основание в Почаеве монастыря общежительного "для жительства в нем восьми чернцев, людей добрых, побожной жизни, не иного исповедания, как только греческого, подчиненных Восточной Церкви, и двух дьячков (т.е. послушников)". В 1617 году она скончалась, оставив свое имущество, вместе с Почаевом, племяннику своему Андрею Фирлею, каштеляну Белъзскому, впоследствии воеводе Сандомирскому.

Между тем еще в 1607 году, когда, по свидетельству "Горы Почаевской", в монастыре Почаевском "по произволению фундаторки умножилось большое число иноков, бед полны настали часы". Бедствия эти особенно проистекали от нападений татарских, в то время постигших землю Волынскую. Татары ходили всюду огромными отрядами, предавая огню и мечу все, что ни попадало им в руки. В 1607 г. один из таковых отрядов подступил под обитель Почаевскую; в то время, говорит предание, некий монах проходил по горе, "молитвы совершая". Вдруг один татарин напал на него и, увидя, что он стар и потому не годится в невольники, ударил его мечом и обезглавил. Но в то же время обезглавленный инок взял в руки свою голову и, пронесши ее до монастыря, положил пред чудотворною иконою Богоматери, и только после этого предал дух свой Господу к общему изумлению всех и "в похвалу Пресвятой Девы, избравшей свою икону Почаевскую в явление власти могущества своего". Тогда игуменом Почаевским был уже знаменитый в свое время угодник Божий преподобный Иов, коего святые мощи и доселе почивают нетленные на горе Почаевской.

Однажды, когда преподобный Иов молился в своей пещере на горе Почаевской пред благодатною иконою, вдруг необыкновенный свет озарил эту пещеру, и в течение свыше двух часов отражался из глубины ее на противолежащей церкви, к величайшему удивлению ученика его блаженного Досифея, удостоившегося быть свидетелем этого необычайного явления. Это было около 1623 года, в то самое время, когда наследник Гойской Андрей Фирлей поднял гонение на обитель Почаевскую. Будучи сам протестантом "ереси Лютерския" и вообще, по преданию, отличаясь характером дерзким, своекорыстным, Фирлей не мог примириться с богатыми вкладами, пожертвованными Гойскою для обители Почаевской. Вследствие этого в июне

ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ ПОЧАЕВСКОЙ

месяце (10 дня) 1623 года он наслал на гору Почаевскую слугу своего Григория Козинского с прочими дворовыми служками, "такожде лютрами", которые, разграбив монастырское имущество, в том числе захватили и икону чудотворную и ее вместе с другими вещами пограбленными отвезли в Козинский замок Фирлея на заключение. Около двадцати лет находилась святая икона у безбожного Фирлея в совершенном забвении от него и небрежении. Но не забывали о ней иноки Почаевские, и в особенности преподобный Иов — игумен Почаевский. В течение этого времени он вел огромный процесс с Фирлеем за пограбленные сокровища, и в том числе в особенности за чудотворную икону Пресвятой Девы, и для этой цели несколько раз лично сам отправлялся то в г. Луцк, бывший тогда главным городом воеводства Волынского, то в Кременец, служивший в то время ближайшею судебною истанциею для Почаева и доселе числящегося в районе Кременецком Тернопольской области.

Наконец, в 1641 году, Матерь Божия сама порадела о своей славе к утешению обители и всего народа православного. Однажды Фирлей, довольный своими кощунственными успехами, собрал у себя множество гостей и "от безумной радости не зная, что более делать, выставил святую икону на позорище пред всеми"; в это время ему пришло в голову одеть в церковные облачения жену свою, и, "на большее поругание веры православной", она взяла в руки Чашу церковную и в таком виде явилась среди пирующих, изрекая хулы "на Пресвятую Деву, в чудотворном ее образе до Козина пренесенную". Но лишь только в неразумии своем злая жена дерзнула на такое богохульство, как на нее внезапно напал злой дух, которым она "дручима была" до тех пор, пока св. икона не была снова возвращена на место свое (того же 1641 г.).

Спустя шесть лет после этого — в 1647 году — судебный процесс против Фирлея от обители Почаевской за святую икону был кончен, и с тех пор она никогда не оставляла горы Почаевской, сияя чудесами и "знамениями многими" во славу обители и спасение всех, с верою к ней притекающих.

Нечего и говорить, конечно, что во все время нахождения чудотворной иконы в замке Фирлея, если и были какие-либо чудеса на горе Почаевской, то, вследствие тяжелых обстоятельств, они не были записаны, а потому, к сожалению, и не дошли до нашего времени. Кроме сего, к тому же времени подоспела известная "война на Польшу от Хмельницкого и татаров" (1648 — 1651 гг.), когда, по свидетельству "Горы Почаевской", в самом Почаеве немного было иноков и от людей мало кто приходил на гору Почаевскую. А при таком положении дела, конечно, не могло быть там и такого обилия чудес, которое

бы заставляло иноков почаевских обратить на них особенное внимание, чтобы записывать их в монастырские памятники во свидетельство родам грядущим.

Зато с окончанием войны икона Почаевская снова сделалась предметом всеобщего уважения и поклонения, а с тем вместе от нее начали истекать новые неисчетные знамения, из коих многие не только записаны в летописях обители, но и нередко одокументованы судебным порядком в разных актах, и доселе сохранившихся в Лавре Почаевской. В 1661 году некто урожденный помещик Иван Лобос засвидетельствовал в Кременце, в апробации своего завещания от 2 ноября того же года, "что он, будучи посещен от Господа с немалого времени тяжкою болезнью и потом, по обету, побывав на Богослужении в монастыре Почаевском, здесь, при чудотворной иконе и Стопе Пресвятыя Девы и при мощах блаженного отца Иова..., за молитвами их святыми, удостоился особой милости и доброго здоровья" и т. д.

О том же образе, как и Стопе Пресвятой Девы, летописец монастырский 1662 года говорит следующее: "В повете Кременецком Воеводства Волынского на дороге между Кременцем, Вишневцем и Бродами от нескольких сотен лет находится монастырь и каменная Успенская церковь на горе в скале, с чудотворным образом Пресвятой Девы; испокон веков этот монастырь именуется Почаевом".

В 1672 г. чудодейственная сила Почаевской чудотворной иконы признана была в судебном процессе между монастырем Почаевским и неким Вацлавом Искрою "за оскорбление места святаго". В приговоре на этого Искру, учиненном 15 февраля 1672 года и записанном в градских Кременецких книгах 13 июля 1673 года, между прочим, читаем следующее: "должен будет он (Искра) для умилостивления величия Божия за оскорбление места Пресвятой Девы лежать крыжом (т. е. на полу с крестообразно распростертыми руками) пред чудотворною Ея иконою, в церкви, Литургий 10" и т. д.

Наконец в 1699 году, ноября 9 дня, о чудотворности иконы Почаевской засвидетельствовали в дарственной своей записи Почаевскому монастырю почаевские помещики, супруги Иван Тарнавский, староста Сынницкий, и Тереза-Анна из Мирова, маркграфиня Мышковская, в которой они признают Пресвятую Деву в церкви монастыря Почаевского, "прославленною разными дарованиями и безчисленными благодеяниями, подаваемыми людям" и т. д. Кроме того, в сказаниях Почаевской Лавры находим разные свидетельства о следующих знамениях и чудесах, совершившихся от иконы Пресвятой Богородицы на горе Почаевской в первый период ее истории (до 1720 года).

19 октября 1664 г. получил исцеление слуга православной помещицы почаевской г. Хойнацкой, Чесниковой-Бельзской. Слуга этот, по названию Давид Гайдук, в течение многих лет страдал тяжким "телесным недугом" с необычной головной болью, "от которой глаза у него повылезали наверх, так что он не мог ничего видеть". Сострадая над таковым положением несчастного, благочестивая помещица послала в монастырь Почаевский слугу своего Симеона с покорнейшей просьбою к игумену тогдашнему Ефрему Шацкому, дабы он помолился за страждущего пред благодатной иконой Богоматери и дал ему святой воды от цельбоносной Стопы для помазания очей его. И лишь только все это было исполнено, как болезнь несчастного немедленно прекратилась, глаза возвратились на свое место, и он стал видеть по-прежнему совершенно, как бы больным никогда не был.

В том же 1664 г. заступлением Божией Матери от горы Почаевской последовало дивное воскрешение сына помещика Ивана Жабокрицкого из Переверeдова. Еще за несколько времени до этого, в том же 1664 году, сын этот, по имени Симеон, получил исцеление в монастыре Почаевском от огромного бельма на левом глазу чрез омовение святою водой от Стопы Богоматери. Затем, спустя немного времени, он снова заболел и, не могши снести тяжкой болезни, скончался. Родители с горестью оплакивали невозвратную потерю и, опрятав его тело по чину, приготовляли его к погребению. Между тем благочестивая бабка новопреставленного обратилась со слезами к Пресвятой Богородице на горе Почаевской: "Пречистая Дева в образе Почаевском, — взывала она, — сего внука моего посвящаю Тебе, только яви благодать Свою на нем; призри на слезы родителей его и соделай его живым и здоровым". После этого умерший пролежал от ночи до полудня; в полдень он протянул руку и начал говорить к своей матери, прося у нее есть и пить, и с тех пор остался жив и здоров во славу Божию и в утешение родителей.

Не менее замечательное чудо совершилось в декабре 1664 года, когда заступлением Божией Матери от горы Почаевской получил исцеление некто Василий из Ялович от тяжкого недуга, превратившего все тело его в столб, так что он ничего не видел и не мог двинуть ни одним членом.

В 1665 году силою Божией Матери снова совершено было другое замечательное воскрешение от внезапной смерти мужа умершего, по названию Василия Шкарпитки, из села Пельчи, из-под Дубно. Он заснул под вечер в Субботу мясопустную и к ужину оказался мертвым. Несчастная жена его с горестью оплакивала тяжелую потерю, ибо они были люди бедные, как замечает "Гора Почаевская". На

горький плач ее собрались соседи и, утешая бедную, указывали ей на великие милости Божией Матери, являемые на горе Почаевской, что она не оставит и ее, притекающую к ее заступлению. Тогда несчастная с плачем возопила: "Пречистая Дево, чудотворная в образе Почаевском, призри на мое сиротство, в котором печальную оставил меня муж мой с детьми моими". После этого умерший был омыт, наряжен, и на другой день уже пригласили, было, священника для его погребения, как вдруг он внезапно поднялся и начал просить, чтобы ему дали пить и есть. Затем он рассказывал, что когда он уснул, то его взяли какие-то два юноши и повели на гору высокую, до палат, сияющих неизмерною светлостию. "И я, — говорил он, — уже с радостью готов был войти в оные, как вдруг из них вышли два старца и велели мне воротиться назад. Тогда же юноши привели меня ко рву смердящему и, показавши мне на горе величественную церковь, чтобы я пошел в нее и помолился, толкнули меня в этот ров, — и вот я и встал, как меня видите". Затем из Лаврских записей 1665 г. мы узнаем об исцелениях на горе Почаевской: 1) некоего Кондрата из села Бубнова от тяжких смертельных струпьев на теле; 2) Екатерины Брудбеловской из села Романова, из-под Олыки, от необыкновенной болезни, в которой, как ей казалось, будто все кости крушились от нее, и 3) ковельского слесаря Никиты Наумовича от тяжкой слепоты, постигшей его, вследствие сильной головной боли, продолжавшейся десять седмиц.

В 1666 году некто Шаповал из Ковеля Чагорко засвидетельствовал с клятвою на горе Почаевской, что, будучи болен в 1665 году, он неожиданно получил исцеление, давши обет поклониться чудотворной иконе в праздник Успения Божией Матери того же года. Но прошел праздник, и он забыл о своем обете. Тогда в другой раз он заболел еще опаснее и только, когда поклялся снова исполнить обет свой, получил выздоровление и затем немедленно прибыл на гору Почаевскую засвидетельствовать о своем исцелении. Подобно этому, в том же 1666 году, получили исцеление молитвами к чудотворной иконе Почаевской: Зиновий Иващук — от необычайного течения крови, и другой некий господин Стефан Ледуховский — от страшного вереда, образовавшегося на левом его глазу, так что многие, вследствие этого, осудили, было, его на совершенную потерю этого глаза.

В 1674 году, незадолго пред нападением татар на обитель Почаевскую, чудотворная икона, по преданию лаврскому, плакала в продолжение четырех седмиц, и тогда, как говорит "Гора Почаевская", множество болящих, слепых, хромых и от бесов стужаемых принимали исцеление молитвами Пресвятой Богородицы. В том же году последо-

вало замечательное избавление одного инока почаевского от татарской неволи по заступлению Божией Матери, чудотворной в иконе Ее Почаевской. Будучи пленен татарами, инок этот часто в неволе своей приводил себе на ум Богослужение и песнопения церковные на горе Почаевской. И вот однажды, в праздник Успения Пресвятой Богородицы 1674 года, он начал размышлять в сердце своем: "Ныне в монастыре Почаевском люди с разных сторон воздают честь Деве Богородице, и никто не лишается благодати Ея; один только я, одержимый узами, хотя и сын Почаевской обители, однако, далек и чужд сего святого праздника. Горе мне, грех моих ради! Тягота железная опутывает мои ноги; но сердцем прибегаю к Тебе, Мати Божия, разреши мои узы, да и я предстану образу Твоему и вместе с правоверными воздам Тебе славу на горе Почаевской". И вдруг, в тот же день, он внезапно оказался в монастыре Почаевском и даже принес на себе вериги, в которые был заключен.

Но особенно замечательное чудо случилось на горе Почаевской в следующем, 1657 году, во время так называемой войны Збаражской, о которой, как говорит "Гора Почаевская", знает не только вся Россия и Край Польский, но даже самые агаряне, то есть турки". Это было в царствование Польского короля Яна Собесского, летом 1675 г., когда полчища татар, посланных на Польшу султаном Магометом IV за нарушение Буждакского мира и поражение турецких войск при Хотине, оставив Збаражский лагерь под начальством визиря Кара-Мустафы, под предводительством хана Нурредина чрез Вишневец подступили к обители Почаевской. Обложив ее с трех сторон, татары осаждали ее в течение трех суток (с 20 по 23 июля), грозя ей совершенным разорением. Уже они сожгли окрестные монастырские строения и убили одного священника и одного иеродиакона из монастырской братии. Наконец, в ночь на 23 июля предводители татарские составили общий совет: поднять наутро многочисленнейшую силу и, овладев монастырем, истребить всех христиан, в нем находящихся. К довершению несчастия, слабая монастырская ограда представляла ненадежную защиту для осажденных, ибо келии в то время в Почаеве были деревянные и монастырь, как говорит "Гора Почаевская", имел только несколько каменных зданий, будучи с некоторых сторон огражден деревянною палисадою (т. е. частоколом). В таком положении тогдашний почаевский игумен Иосиф Добромирский решился оставить всякую надежду на земную помощь и убедил всех, заключенных в обители, обратиться к единственной Заступнице рода человеческого — Божией Матери и блаженному Ея угоднику преподобному Иову, игумену почаевскому, мощи которого уже с 1659 года открыто почивали на горе Почаевской, исто-

чая благодатные знамения всем, с верою к нему притекающим. "Помилуй нас, Мати Божия, — взывал он от лица всех пред чудотворною иконою и ракою блаженного Иова, — покажи на нас, худых и недостойных рабах Твоих, древние Твои милости. Мы знаем Тебя яко скорую Заступницу рода христианского; не дай же видеть погибель служащих Тебе и кланяющихся чудотворной иконе Твоей; но помози и избави нас, зде находящихся, от рук агарянских, и как некогда всесильным воеводством своим Ты спасла царствующий град (Константинополь) от скифского воеводы и потопила его воинов, нападающих на град Твой, так и нас сохрани ныне в обители сей". Наконец, "мало утолившись от слез", игумен велел к утру служить Акафист пред чудотворною иконою, и лишь только заключенные начали петь кондак: "Взбранной Воеводе...", вдруг Святая Дева внезапно явилась над Троицкою монастырскою церковью в необычайном сиянии, с небесными Ангелами, держащими обнаженные мечи на защиту народа православного, и, "омофор белоблестящийся распуская", она внимала молитвам близ Ея стоящего на облаках небесных преподобного Иова, игумена почаевского, "дабы не предала в неволю татарам монастыря, в котором он был игуменом". Сначала татары приняли это за привидение и начали пускать стрелы в Пресвятую Богородицу и "черноризца, который был Иов Железо, — как замечает "Книга чудес", — но стрелы стали внезапно обращаться назад и ранить тех, которые пускали их. Тогда в ужасе татары обратились к пленным христианам и спрашивали их: "Откуда эта пани и с нею множество вооруженных воинов, предстоящих и служащих ей? Ведь мы знаем, что в монастыре скудость во всех отношениях?" В ответ на это христиане отвечали, что здесь, в монастыре, есть икона Пресвятой Девы Богородицы, и эти чудеса деются от нея. Тогда от страха неприятели пришли в необычное замешательство. Иные думая, что это небесные воины гнались за ними, стремились убивать их и, таким образом, устремлялись друг на друга и убивали один другого. Другие в то же время были попраны лошадьми и, таким образом, оставляя оружие свое, побежали от горы Почаевской".

Чудо это было прославлено в обители Почаевской устроением особого храма во имя Победы Божией Матери. Впоследствии, около 1730 года, этот храм был уничтожен униатами при перестройке Лавры; но в 1875 году (ровно чрез 200 лет) он снова восстановлен, и теперь находится на хорах теплой лаврской Свято-Троицкой церкви, с левой стороны.

Последнее чудо, записанное в Почаеве до унии 1720 года, случилось, как значится в сказаниях лаврских, в праздник 15 августа 1710 года. В этот праздник муж с женою из Жолквы понесли с собою на гору Почаев-

скую больное дитя в надежде, по заступлению Божией Матери, возвратить оное домой здоровым. Но в самом Почаеве оно скончалось. Тогда некоторые посоветовали родителям понести умершего в церковь и положить его пред чудотворною иконою Божией Матери. "Сие же бысть, — как говорит "Гора Почаевская", — да большею славою Пресвятая Дева Богородица почтена будет, неже о простом выздоровлении детища". Ибо лишь только несчастные родители положили мертвое дитя пред святою иконою и начали молиться, как вдруг оно очнулось и начало плакать и говорить: "мамо"!... и затем оказалось не только живым, но и совершенно здоровым. "Сие чудо видяще, — заключает "Гора Почаевская", — людие стекошася и дивляхуся, како мертвое отроча оживе, и благодаряху Бога и Его Пречистую Матерь".

О времени господства униатов на горе Почаевской (1720 — 1831 гг.) скажем кратко.

Долго боролась Почаевская обитель с западным иноверием, охраняя и защищая как себя, так и другие маломощные обители западного края России от вторжения его. Еще в начале XVIII века монастырь Почаевский огражден был грамотами королей польских от неприязненных покушений на него не только латинян, но и униатов, несмотря на самые благоприятные отношения тогдашнего польского правительства к унии. Но прошло несколько десятков лет, и с 1721 года обитель Почаевская оказывается уже окончательно в руках униатов.

А с тем вместе в их ведение перешла и св. чудотворная икона Почаевская как исконное, неотъемлемое достояние обители Почаевской и ее обитателей. Замечательно, впрочем, что ни в "Горе Почаевской", ни в "Преславной горе Почаевской", а равно также и в рукописной "Книге чудес" иконы Почаевской, нет нигде ни малейшего указания на переход Почаевского монастыря из Православия в униатское иноверие. Во всех них, напротив, запись разных чудес и другие сказания идут своим чередом, последовательно и без всяких перерывов, как будто в обители Почаевской в то время никаких особых переворотов не было, и только впоследствии непрерывное нарочитое наименование почаевских монахов иноками ордена (zakonu) св. Василия Великого, или прямо базилианами, упоминание о Римском юбилее 1770 года и т. п. и, в особенности, исключительное преобладание польского языка в "Книге чудес" с 1750 года дают понять, что с сего времени в монастыре Почаевском случилось что-то особенное, чего прежде не было и с чем Православие никаким образом не могло примириться. Видно, униаты на первых порах сами стыдились своего незаконного преобладания на горе Почаевской и с иезуитскими целями нарочито скрывали оное от глаз міра, дабы с течением времени еще более утвердиться здесь и

затем уже явиться полноправными господами монастыря Почаевского и его святыни вопреки всем правам историческим, политическим и религиозным.

Другую выдающуюся особенность в изложении исторических сказаний, относящихся к чудотворной иконе Почаевской во времена унии, в упомянутых книгах составляет соединение вместе с указанием различных чудес и знамений, истекавших от этой иконы, подробного сказания об основании новой церкви Успения Пресвятой Богородицы на горе Почаевской (1771 года), и в особенности — о торжественном короновании чудотворной иконы римскими диадимами 1773 года, со всеми предшествующими и последующими обстоятельствами.

Что касается коронации чудотворной иконы Почаевской, то мысль об этом, главным образом, принадлежит фундатору Почаевской Лавры графу Николаю Потоцкому, который, питая особенное уважение к этой иконе, "умыслил в житии своем сицево достопамятное совершити дело, Матери Божией в почесть и прислугу, якового дела, яковой прислуги, никтоже ин чрез столь долгое время на горе Почаевской исполнити помыслил бяше". Поводом к этому, как говорит предание, между прочим, послужило следующее чудесное событие в жизни Потоцкого. В молодости вообще он вел жизнь разгульную и своевольную. Предаваясь самым уродливым причудам, Потоцкий по одной прихоти умерщвлял своих крестьян и находил приятнейшее удовольствие в преследовании евреев, которых стрелял, как дичь. Однажды, в разгаре неистовства, он ехал в коляске по ровной дороге и вдруг был опрокинут на поле, в виду Почаевской обители. Лошади с коляской умчались, а упавший с козел кучер остался на месте со своим паном. Взбешенный оплошностью кучера, Потоцкий выхватил из-за пояса пистолет и со словом: умри злодей, опустил курок к груди его.

Но, с первым движением руки Потоцкого, кучер понял его намерение и при виде неизбежной смерти, обратившись к Почаевской обители, воскликнул: "Мати Божия, сияющая чудесами в Почаевской иконе, спаси мя...",— и пистолет осекся. Трижды потом неумолимый деспот взводил пистолет на кучера, трижды кучер взывал о спасении к Божией Матери, и трижды смертоносное оружие оказывалось недействительным в руках Потоцкого, несмотря на то, что, владея всегда самым исправным оружием, он никогда в жизни не испытывал ничего подобного. Невозможно было не видеть явной милости свыше в спасении несчастного кучера от неминуемой смерти. Пораженный столь явным заступлением Пресвятой Девы, Потоцкий простил кучера, велел ему ехать в обитель Почаевскую и здесь, излив свою душу в молитве к Царице Небесной, с тех пор переменил

свою жизнь и, тогда же поселившись в обители, не оставлял ее до самой кончины.

8 сентября 1773 г. произошла торжественная коронация Почаевской иконы, через год после этого, 8 сентября 1774 г., подобное торжество повторено было на горе Почаевской в память годовщины коронации чудотворной иконы, хотя и не с прежним великолепием. 8 сентября 1791 г. базилиане Почаевские перенесли торжественно св. икону из братской трапезной церкви в новосооруженную величественную церковь Успения Божией Матери, воздвигнутую Потоцким, и здесь поставили в нарочито для нее уготовленном великолепном киоте на Горнем месте, с богатым Престолом для служения Литургии, в каковом виде затем она возвращена была на лоно Православия с упразднением унии в обители Почаевской, по воссоединении ее с Православною Церковью в 1831 г.

По поводу чудес, коими святая икона Почаевская ознаменовала себя в период латино-униатского преобладания в обители Почаевской, то прежде о самих этих чудесах.

Да не смущается православное чувство тем, что Матерь Божия не перестает являть свою благодатную силу на горе Почаевской и под владычеством униатов. Во-первых, из истории положительно известно, что из числа исцеленных тогда и удостоившихся других знамений от св. иконы Почаевской не все исключительно были униатами или латинянами. Народ, особенно простой, и доселе во многих местах Волыни, Подолии и Украины положительно не помнил унии, считая себя такими же искони православными, как и в настоящее время. Только униатские священники были настоящими униатами. Этим-то и объясняется то легкое воссоединение униатов с Православною Церковью, какое последовало по уничтожении польского владычества, с подчинением их Российской Империи. Так же точно многие смотрели в то время и на икону Почаевскую. Народу мало дела было до того, в чьих руках она находилась. Он обращался к ней только с простою, искреннею верою — как исконной своей родовой святыне, и не мог не получать просимого. Кроме сего, в истории благодатных знамений, записанных униатами во время их преобладания на горе Почаевской, нельзя даже прямо не указать нескольких чудес, совершившихся над лицами, несомненно православными. Таковы: 1) Исцеление от трехлетней слепоты "москаля" Саввы Петрова, "из великороссийского града Путимля", т. е. Путивля, в 1764 году; 2) Спасение от неминуемой смерти вахмистра кирасирского Его высочества Государя Наследника полка Никифора сына Петрова Антоновича, в отчаянии прострелившего, было, себе горло пистолетною пулею, в 1774 году; 3) Уврачевание от особой

болезни, именуемой "понялицею, сиесть слезены болением", соборного старца Киево-Печерской Лавры и игумена Богуславского монастыря, урожденца городка Казани, Рафаила Орлова, в 1782 году; 4) Восстановление потерянной чести и доверия между сослуживцами поручика Якутского пехотного полка Егора Ярцова, в 1822 г. и т. п. Все эти благодатные явления мы тем более относим к лицам православного исповедания, что они совершены были над людьми несомненно великороссийского происхождения, как известно, никогда не знавшими никакой унии. На эту же самую мысль наводит нас далее и то выдающееся обстоятельство, что все эти знамения в "Книге чудес", служившей прототипом для "Горы Почаевской" и в особенности "Преславной горы Почаевской", записаны по-русски, тогда как остальные пред ними и за ними, относящиеся к лицам, числившимся в унии или к ней принадлежащими, записаны по-польски, в каком виде впоследствии и перешли в "Преславную гору Почаевскую". Не говорим уже о наименовании инока Рафаила игуменом и соборным старцем, чего униаты в то время положительно не знали, называя своих настоятелей монастырей опатами, супериорами и т. п. Затем, конечно, всему міру известно, что и в недрах Православия Матерь Божия никогда не отказывает в своей благодатной помощи ни латинянам, ни протестантам, ни даже евреям и татарам, когда только они обращаются к Ней с несомненною верою и глубоким упованием. Последнее известие о чудесах Божией Матери Почаевской во время унии достигает 1827 года. В этом году, июня 3-го дня, некто Иосиф Крассовский, "бывший маршалок, т. е. предводитель дворянства уездов Литинского и Могилевского" (Подольской губернии), собственноручно засвидетельствовал, что в 1824 году, страдая страшной, по свидетельству лучших врачей, неизлечимою фистулою на ноге, он в несчастии своем обратился к Божией Матери Почаевской и благодатным ея заступлением не только получил облегчение душевное, но и совершенно, в течение одного дня, исцелился от своей болезни без всякой медицинской помощи. Как и предыдущее, это чудо подтвердили своими свидетельствами врачи, лечившие Крассовского, и его соседи, признававшие его неизлечимым.

Это чудо записано в конце "Книги чудес иконы Почаевской Пресвятой Марии Девы и Стопки", и затем уже униаты о благодатных знамениях Божией Матери Почаевской не говорят ни слова. Вероятно, занятые участием в Польском восстании 1830-го года, они не имели ни времени, ни охоты следить за проявлениями благодати Пресвятой Девы на горе Почаевской, а потому и не обращали на них своего внимания. А может быть, и сама Пресвятая Владычица, приуготовляя падение латино-униатского владычества в своей обители, нарочито прекратила

на время свои благодатные явления на горе Почаевской, дабы паки воссиять новыми, еще большими чудесными знамениями по возвращении Почаевской обители в лоно Православия — по усмирении польского восстания 1831 года.

9-го октября 1831 года, накануне памяти святых мучеников Евлампия и Евлампии, воссияла новая благодатная заря в Лавре Почаевской. В этот день православные служили первое водоосвящение с Вечернею в большой Лаврской Успенской церкви по возвращении Лавры в лоно Православия и потом первый торжественный православный молебен пред чудотворным ликом Почаевской иконы Божией Матери. На другой день, в том же храме, совершена была первая, по воссоединении, православная Обедня в Лавре, а с тем вместе и св. икона ее и все имущество обители возвратились в недра Церкви Православной — как ее исконная и неотъемлемая собственность и достояние.

Как значится в описи, составленной православными приемщиками лавры (в числе которых был и кременецкий протоиерей Григорий Рафальский, впоследствии Антоний, митрополит Новгородский и С.-Петербургский), св. икона Почаевская была принята православными в углублении того же запрестольного униатского киота, в котором она была поставлена униатами в 1791 году, в медной посеребренной, узорчатой доске и в ризе из крупного и мелкого жемчуга, с двумя золотыми венцами — на Спасителе и Богоматери, украшенными рубинами и алмазами (должно быть, теми самыми, которыми св. икона была коронована в 1773 году).

В то же время Св. Синод в числе первых своих распоряжений 1831 года торжественно признал св. икону Божией Матери Почаевской воистину *чудотворною*— как древнюю, несомненную святыню нашей Церкви Православной.

Так св. икона Почаевская снова возвратилась на то место, которое еще за 200 лет указал ей и на котором сам в 1649 году поставил ее преподобный Иов, игумен почаевский, в новосооруженной во время его щедротами благочестивых бояр Домашевских церкви пр. Троицы, на горе Почаевской. В 1866 году преосвященнейший Антоний совершил украшение чудотворной иконы, для каковой цели, по его старанию, заказана была в том же году санкт-петербургскому почетному гражданину, золотых дел мастеру Ф. А. Верховцеву золотая риза на св. икону, из чистого 82 пробы золота, которого употреблено на сооружение оной 2 фунта и 20 золотников. Кроме сего, на украшение этой ризы употреблено драгоценных камней на 1896 рублей серебра; да ювелиру за работу по выстилке камней уплачено 315 р. Если к сему присоединим стоимость золота (по 6 р. 77½к. за золотник) — 1435 р. 40 к., то

получим, что вся риза обошлась Лавре в 3 646 р. 90 к. И действительно, по богатству материала и по изяществу работы она, как нельзя более, соответствует красоте и богатству звездообразного царственного киота, в котором св. икона помещается, и составляет одно из лучших достояний Лавры Почаевской. Само собою разумеется, что судить о количестве чудес, совершенных от святой иконы Почаевской, по количеству записей их в летописях Лавры Почаевской было бы слишком поспешно и неосновательно. В "Книге Чудес" Почаевской Лавры, заведенной, как мы сказали, по предложению преосвящ. Никанора в 1841 году, всех таковых, полагая в том числе и чудеса, последовавшие от мощей пр. Иова, значится на 1893 год 26. Между тем, еще при преосвящ. Арсении, около 1856 года, на св. иконе считалось одних серебряных привесок, пожертвованных разновременно различными лицами, испытавшими исцеления от болезней при молитвенном уповании на милосердие Божией Матери и благодатную силу от чудотворной ее иконы, в период от присоединения Почаевской Лавры в Православие до 1856 года, "числом 133". А сколько других благодатных знамений и многообразных исцелений последовало от святой иконы Почаевской, о коих ведает только одно благочестивое чувство удостоившихся оных, не пожелавших, чтобы они сделались доступными для всеобщего сведения! Потому вообще о чудесах, совершившихся заступлением и помощью Царицы Небесной на горе и от горы Почаевской, со времени присоединения Лавры к лону Православия, можно сказать только то, что их было безчисленное множество, как и вообще о всех чудесах, последовавших от св. иконы во все время ее прославления до наших времен.

И как прежде, так и доныне, нет ни одной немощи, ни одной тяжкой нужды, в которых бы Матерь Божия Почаевская не подавала своей благодатной помощи, нередко по одному вздоху верующих, начиная от пределов самого отдаленного Севера, Сибири и Соловков — до благодатных берегов Крыма, Кавказа и Грузии, и даже нередко за пределами нашего отечества: в Болгарии, Боснии, Сербии и пр. и пр. Этого мало: как и в былые времена — в период первого явления чудотворной иконы и во времена латино-униатского преобладания на горе Почаевской, — и теперь Матерь Божия не отказывает в своей благодатной помощи от святой иконы своей всем, без различия веры и происхождения; и ныне Она, Всемилосердая и Благая Заступница наша, без всякого различия равно помогает и православным, и римским католикам, и униатам, и протестантам, всем подавая, яже на потребу, дары благовременные и полезные, чему самым лучшим доказательством служит и доселе безчисленное множество униатов и латинян, и других иноверцев, ежегодно

посещающих гору Почаевскую, даже из-за границы, наравне с православными.

Молитвы же наши от святой иконы Почаевской возносятся к Пречистой Божией Матери, Заступнице рода христианского, Ей же подобает всякая слава, и честь, и поклонение всегда, ныне и во веки веков.

Аминь

Кондак

О всепетая Мати Христа Бога, вся роды христианския любовию Себе всыновившая достойныя похвалы воспет Тебе недоумеем мы, грешнии, обаче любовию Твоею побеждаемии и к Твоему чудотворному образу очи своя возносяще, молим Тя: в борении и нуждах наших не остави чад Твоих, заступлению Твоему тепле верующих и Сыну Твоему вопиющих: Аллилуия.

АЛФАВИТЪ СВЯТЫХЪ,

коихъ житія и памяти помѣщены въ сей книгѣ

Имена святыхъ	дни	стр.
Аввакумъ * [1]) мученикъ	6	121
Авдифаксъ * мученикъ	6	121
Аврамій Галицкій	20	445
Авудимъ мученикъ	15	363
Акакій мученикъ	28	644
Акила * апостолъ	14	350
Алевтина мученица	16	375
Александръ мученикъ	9	192
Александръ * преподобный	3	48
Александра * императр. страст.	4 прил.	701
Алексій * Царевич страстотерп.	4 прил.	701
Анастасія * Вел. Кн. страстотер.	4 прил.	701
Анатолій патріархъ (въ текстѣ ошибочно: Антоній)	3	67
Анатолій Печерскій	3	67
Андрей князь	4	86
Андрей * Критскій	4	69
Андрей * **Рублевъ** преподобный	4 прил.	689
Анна праведная	25	605
Антіохъ мученикъ	16	374
Антоній * Печерскій	10	265
Аноиса преподобная	27	637
Аполлинарій * священномуч.	23	540
Аполлоній мученикъ	10	285
Арсеній Новгородскій	12	334
Асклипіодотъ мученикъ	3	67
Астерій * мученикъ	6	121
Астіонъ * преподобномученикъ	7	140
Аѳанасій * Аѳонскій	5	87
Аѳанасій Брестскій	20 прил.	805
Аѳиногенъ * священномуч.	16	365
Борисъ князь	24	564
Валентинъ * пресвитеръ	6	121
Валентинъ священномуч.	30	667
Варвара преподобномученица	5 прил.	777
Василій князь	3	68
Василій мученикъ	6	137
Віаноръ мученикъ	10	285
Владиміръ князь	15	363
Германъ мученикъ	7	160
Глѣбъ князь	24	564
Голиндуха мученица	3	67
Голиндуха * мученица	12	328
Даміанъ * мученикъ	1	5
Дій * преподобный	19	417
Діомидъ мученикъ	3	67
Евдокимъ * праведный	31	682
Евлампій мученикъ	3	67
Евпраксія * преподобная	25	571
Евстаѳій мученикъ	28	643
Евфросинія преподобная	7	161
Евѳимій Суздальскій	4	84
Елисавета преподобномуч.	5 прил.	777
Еллій * преподобный	14	354
Емиліанъ * мученикъ	18	387
Епиктетъ * преподобномуч.	7	140
Ермій мученикъ	6	137
Ермолай * священномученикъ	26	615
Иларій * мученикъ	12	321
Илія * пророкъ	20	424
Иннокентій мученикъ	6	137
Иринархъ преподобный	17	386
Исавръ мученикъ	6	137
Исихій мученикъ	7	160
Іакинѳъ * мученикъ	3	41
Іакинѳъ мученикъ	18	404
Іезекіиль * пророкъ	21	447
Іоаннъ * воинъ	30	680

[1]) Звѣздочка, поставленная около имени святаго, означаетъ, что въ книгѣ помѣщено его изображеніе.

Имена святыхъ	дни	стр.
Іоаннъ * многострадальный	18	399
Іоаннъ Московскій	3	68
Іоаннъ мученикъ	12	334
Іоаннъ * преподобный	21	459
Іоаннъ Яренгскій	3	68
Іуліанія Ольшанская	6	137
Іуліанъ * мученикъ	28	645
Іуліанъ * святый	13	339
Іулитта * мученица	15	359
Іулитта мученица	31	687
Іулія * мученица	16	369
Іустъ мученикъ	14	358
Каллиникъ * мученикъ	29	657
Киндей мученикъ	11	301
Кириллъ священномученикъ	9	209
Киринъ * мученикъ	6	121
Коинтъ мученикъ	6	136
Константинъ князь	3	68
Копрій * преподобномученикъ	9	192
Киріакія мученица	7	158
Копрій * преподобный	9	206
Косма * мученикъ	1	5
Крискентъ * апостолъ	30	662
Лазарь преподобный	17	386
Лампадъ преподобный	5	115
Лонгинъ Яренгскій	3	68
Лукіанъ мученикъ	7	160
Лукія мученица	6	135
Макарій Желтоводскій	25	605
Макрина * преподобная	19	405
Марина * великомученица	17	376
Маринъ * мученикъ	6	121
Марія * Магдалина	22	501
Марія * Вел. Кн. страстотерп.	4 прил.	701
Маркіанъ мученикъ	13	349
Маркъ мученикъ	3	67
Мареа * мученица	6	121
Мареа * праведная	4	72
Михаилъ * Маленнъ	12	326
Моисей * Угринъ	26	606
Мокій мученикъ	3	67
Никаноръ * апостолъ	28	638
Никодимъ Кожеозерскій	3	68
Николай Кочановъ	27	637
Николай II * благоверный Царь. страстотерпец	4 прил.	701
Олимпіада * святая	25	598
Ольга * княгиня	11	302
Онисимъ преподобномученикъ	14	358
Онуфрій Печерскій	21	458
Павелъ мученикъ	16	375
Памва * преподобный	18	392
Панкратій * священномуч.	9	188
Пантелеимонъ * великомуч.	27	618
Папій мученикъ	7	160
Параскева преподобномуч.	26	616
Парменъ * апостолъ	28	638
Патермуѳій * преподобномуч.	9	192
Патермуѳій преподобный	9	201
Перегринъ мученикъ	6	137
Перегринъ мученикъ	7	160
Петръ преподобный	1	11
Поликарпъ * Печерскій	24	565
Полихроній * мученикъ	30	673
Помпей мученикъ	7	160
Потитъ * мученикъ	1	12
Проклъ * мученикъ	12	321
Прокопій * великомученикъ	8	162
Прокопій Устьянскій	8	187
Прокопій Устюжскій	8	187
Прохоръ * апостолъ	28	638
Риксъ мученикъ	6	135
Романъ князь	19	423
Руфинъ мученикъ	6	137
Руфъ мученикъ	6	137
Саторнинъ мученикъ	7	160
Серапіонъ мученикъ	13	338
Серафима * мученица	29	650
Сергій Радонежскій	5	115
Сила * апостолъ	30	662
Силуанъ * апостолъ	30	662
Силуанъ мученикъ	10	285
Симеонъ * преподобный	21	459
Симонъ Воломскій	12	334
Сисой * преподобный	6	117
Стефанъ Махрищскій	14	358
Стефанъ * преподобный	13	338
Татіана * Вел. Кн. страстотерп.	4 прил.	701
Тимонъ * апостолъ	28	638
Трофимъ * мученикъ	23	557
Филиксъ мученикъ	6	137
Филиппъ митрополитъ	3	68
Фока священномученикъ	22	539
Фотій митрополитъ	2	40
Хіонія мученица	16	375
Христина * мученица	24	558
Ѳеодоръ * Едесскій	9	210
Ѳеодоръ мученикъ	12	334
Ѳеодоръ священномученикъ	4	82
Ѳеодотія мученица	4	84
Ѳеодотъ мученикъ	4	84
Ѳеофилъ * мученикъ	23	557
Ѳома * Маленнъ	7	138
Ювеналій * Іерусалимскій	2	35

ПРАЗДНИКИ и ПАМЯТИ

	ДНИ	стр.
Воспоминаніе о чудѣ свитой великомуч. **Евфиміи**	11	287
Празднество въ честь иконы **Божией Матери Казанской** *	8	184
Празднество въ честь **Почаевской** иконы **Божией Матери**	прнл.	834
Сказаніе о перенесеніи ризы Господней	10	260
Сказаніе о положеніи ризы Богородицы *	2	28
Соборъ св. архангела Гавріила	13	335
Страданіе 45 мучениковъ	10	250

Редактирование, корректура
и составление дополнений
к новому изданию "Житій святыхъ" —
В. Осьмак

Подп. в печ. 04.12.03. Формат 70×108 1/16. Печать офс. Бум. офс. Усл. печ. л. 74,9. Усл. кр.-отт. 74,9. Уч.-изд. л. 53,5.
Дополнительный тираж — 5000 экз. Изд. № 23-562.

Издательство УАННП «Феникс». 03067, Киев-67, ул. Шутова, 13-б. Тел. 235-50-55.
Свидетельство ДК №271 от 07.12.2000 г.